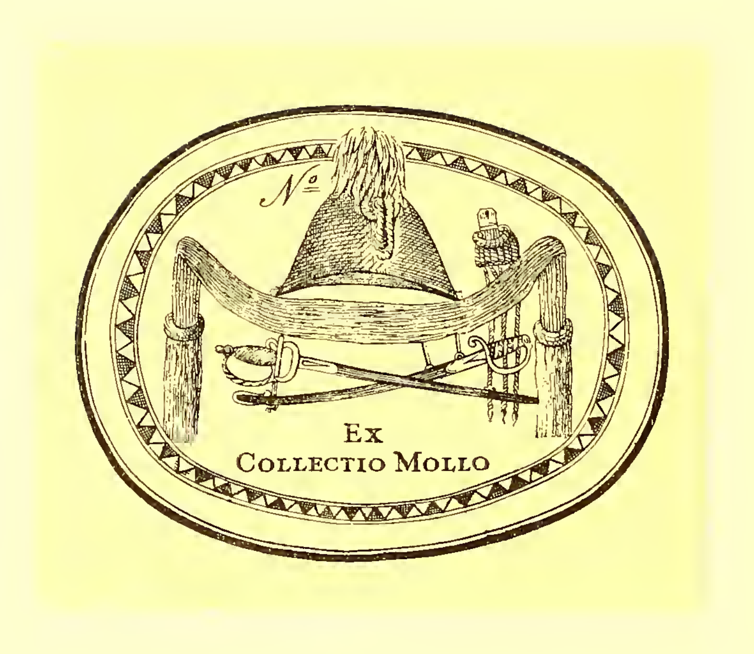


No
Ex
Collectio Mollo

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

№ 9

Май 1957 год

СОДЕРЖАНИЕ

Настоящий номер вышел под редакцией **М. В. Голубева.**

неточности так и тут орел на знаменах не в круге, а в овале, лилии же размером гораздо меньше и на штандартах они не в треугольниках, а скорее в квадратах.

На штандартах имелись такие же кисти, как при знаменах.

Наш почетный член виконт Р. Грувель в своем труде: «Корпус Принца Конде на службе России. 1799-1800» дает много подробностей о этих знаменах и штандартах.

Будучи в Петербурге зимой 1797 года принц Конде был осведомлен самим Императором Павлом Петровичем, что Он решил присоединить на даруемые знамена золотые лилии, как эмблемы французской короны. Все знамена были торжественно переданы Принцу, лично, Императором 15-го Января 1798 г. на дворцовой площади, на параде, после чего они были перевезены, на украшенных тройках, в Таврический дворец, где имел пребывание Принц Конде. Весною 1798 года он отправился на Волынь к своей армии и 16 Мая т. г. на параде в Владимире-Волынском, после освящения, Принц передал знамена своему полку, тоже самое произошло 12-го Мая в Луцке в Гренадерском пр. Бурбона и в Ковеле 15-го Мая в Немецком полках. Конные полки получили свои штандарты в своих штаб-квартирах.

С началом Швейцарского похода, корпус принца принял в нем участие, поступив в командование генерала Римского-Корсакова. Выступил 21-го Іюня 1799 года из своих штаб-квартир, полки шли четырмя эшелонами, через Прагу и Баварию, и в Августе месяце вступили в Швейцарию. К сентябрю корпус сосредоточился около город Констанца, на Боденском озере и принял большое участие в сражении 7-го Октября н. с. у сего города. Не входя в подробности этого сражения надо указать, что полк Принца Бурбонского взял знамя 1-го баталиона 53-й полубригады республиканской армии. Правда и он потерял одно из своих, при следующих обстоятельствах: один портупей-прапорщик окруженный неприятелем, пожертвовал жизнью для спасения своего знамени, сорвав с древка полотнище, он обернулся в него и кинулся в Боденское озеро, где и утонул. Республиканцы все-же выловили полотнище и присоединили как трофей. В этом сражении эмигранты потеряли убитыми около 300 человек раненные взятые в плен, как носящие русские кокарды, были признаны военно-пленными, а не изменниками Франции. Взятое знамя было послано Принцем Конде Императору Павлу со взявшим его унтер-офицером Вольфер, который и был произведен в подпоручики и щедро награжден Царем. Бурбонскому же полку было пожаловано 17-го Марта 1800 года пять новых знамен «За отличие», пять потому что только, один баталион принимал участие в сражении.

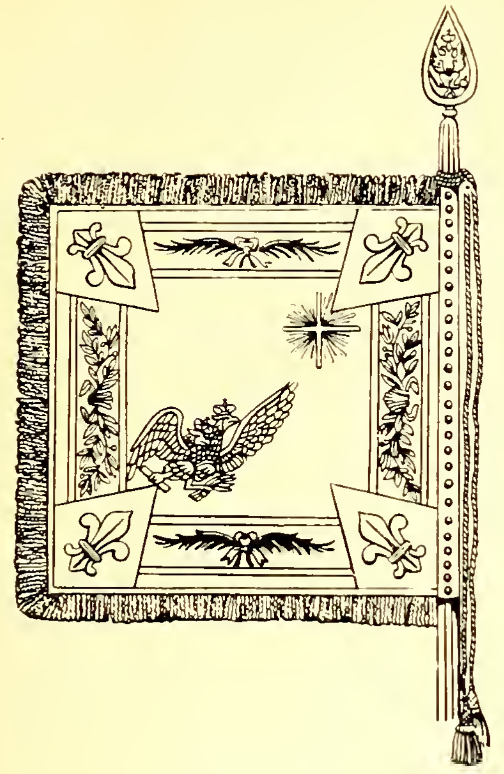
Эти знамена были образца 1800 года, схожие с пожалованными Государем Архангелогородскому и Смоленскому пехотным полкам «За взятие французских знамен на горах Альпийских».

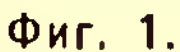
Как видно из прилагаемых изображений (фир. 3 и 4) одно знамя, шефское с белым крестом, а четыре других с черными крестами, углы у всех пунцовые (красные), на углах вместо французских лилий — вензель Императора Павла I-го. Полотнище знамен такое же, как на образце 1797 года. В середине черный двуглавый орел с одним поднятым и одним опущенным крылом, без щита на груди. Над орлом голубая лента с надписью, на лицевой стороне «С Нами Бог», а на обратной «Благодать». Над среднем кругом большая золотая корона. Под орлом, на голубой ленте, надпись отличия: «За взятие знамени у французов при Констанце в 1799 г.». Эти знамена были препровождены полку при Императорском рескрипте от 10-го Февраля 1800 года в котором значится: «В воздаяние заслуг вами Нам данными в сражении при городе Констанце, где храбростью и бесстрашием вами было взято у неприятеля одно знамя, и в знак Нашего благоволения, для сохранения памяти вашей доблести даруем вам новые знамена с надписью за отличие вами оказанные».

Все знамена и штандарты оставались в корпусе Принца Конде до тех пор, пока он был на Российской службе, но после того как он, по окончании кампании, когда Принц Конде, переехал на жительство в Англию и эмигранты перешли на иждивение англичан, все они остались в замке Принца в Шантильи. Повидимому одно время возник вопрос о возвращении знамен и штандартов в Россию, ибо в музее Шантильи имется письмо Императора Павла Петровича от 7-го Апреля 1800 года следующего содержания: «С удивлением узнал Я из рапорта генерал князя Горчакова, что он самовольно обратился к Вам с просьбой о возвращении знамен. Мною никогда не было дано такого повеления и у Меня не было мысли лишать корпус Вашей Светлости данных Мною знамен. Чувства же Мои, наоборот, должны Вам доказать противное, ибо в том момент когда Вы покидаете Мою службу, Я даровал гренадерскому Бурбонскому полку новыя знамена как заслуженный знак его храбрости в сражении при Констанце».

Принц на это ответил 29-го апреля т. г. «Раз Ваше Императорское Величество находит нужным, мы сохраним почетные знамена с должной заботой им свойственными и я надеюсь, как я имел честь докладовать Вашему Величеству, до времени как заступничеством Вашего Величества будет нашему Королю возвращена корона».

И так, знамена и штандарты остались в замке Принца в Шантильи, где бережно хранятся в музее.





Фиг. 1.

Фиг. 2.

Фиг. 3.

Фиг. 4.

Между прочим, на штандартах полка Принца Ангьенского, при возникновении возможности отправки их в Англию, вышитые русские орлы были спороты, но след их ясно остался на полотнищах, а наверня с вензелем Государя были заменены другими, древки тоже были переделаны.

Что стало с штандартами полка Принца Бери неизвестно. Их в Шантьи нет.

Вот, этими данными я и хотел поделиться с читателями «Военно-Исторического Вестника».

Кн. Н. Трубецкой.

Кн. А. ИСКАНДЕР

Небесный поход

От редакции:

Очерк «Небесный поход» принадлежит перу недавно скончавшегося кн. А. Н. Искандера, сына великого князя Николая Константиновича и правнука императора Николая I. Автор ведет рассказ от имени вымышленного лица, штабс-ротмистра М. М. Зернона, чтобы спасти свою семью от преследований советской власти. Редакция считает полезным предпослать очерку кн. А. Н. Искандера несколько дополнительных сведений как о самом авторе, так и «Небесвом походе», который принадлежит к числу малоизвестных эпизодов Белой борьбы в Средней Азии. Между тем, поход этот, организатором и участником которого был почивший князь, вписал в историю белого движения одну из славнейших и наиболее драматических страниц. Он был совершен в разгар суровой зимы по еле доступным тропинкам Туркестанского хребта, составляющего западную часть Памиро-Алтайской горной системы. Название свое он получил вследствие того, что часть пути смельчаков пролегала на заоблачной высоте среди пропастей и ледников.

После развала российской армии в 1917 году, ротмистр Л.-Гв. Кирасирского *Ее Величества* полка кн. А. Н. Искандер, еле оправившийся от ранений, полученных на фронте, с невероятным трудом пробирается в Ташкент, где проживали его родители, жена и двое детей. Но уже в самом начале 1919 года он принимает участие в борьбе с советской властью и в составе «Ташкентского офицерского партизанского отряда» уходит в горы. Так начался легендарный «Небесный поход». Пройдя Туркестанский хребет и долину Зеравшана, отряд попадает в Бухару, а оттуда через Персию, Каспийское море и Кавказ—в Крым на соединение с Добровольческой армией ген. Врангеля.

Редакция

Приехал я в Ташкент к родителям второго Апреля 1918 года, в канун Пасхи, пробравшись из Крыма, где в Евпатории, в госпитале Кр. Кр., заканчивал, на грязях, лечение тяжелой контузии с переломом обоих костей на правой ноге, и, где был застигнут нашествием большевиков (Севастопольская расправа с офицерами).

С четырмя офицерами, себе подобными полукалеками, перешедшими только что с костылей на палки, пересекли мы Крым, частью пешком, частью на подводе, вышли к Днепру напротив г. Николаева, чудом переехали в лодке реку широкую, и, затем через Николаев по жел. дороге попали в Киев. Нас в ожидании движения поездов, приютили родители одного из спутников под Киевом.

Наконец, чуть не через месяц, Поручику Мышецкому и мне удалось сесть в поезд и добраться до Москвы. Оттуда уже один ехал до Петербурга. Раздобыв денег в взяв вещи со своей квартиры, двинулся на Туркестан. Проскочил за три дня до «Оренбургской пробки», когда всякое сообщение с Азией прекратилось.

Отец не дождался моего приезда и скончался 18 февраля, этого года. Ожидая меня, он приготовил для меня левый отдельный флигель (в котором я родился и жил до девяти лет), но его по «Мандату» захватил и занял Архирей, приехав из г. Верного, где я его звавал.

Поселился я в доме покойного дворецкого отца, где на пенсии жила его семья (правый флигель от дворца). — Устроила меня вскоре Мама на службу в Суд (помог диплом императорского Александровского Лицея). Меня прикомандировали к Судье четырнадцатого участка Н. Н. Ясколовскому помощником. Замечательная личность была и нашего толка. Не служба, а сплошной праздник начался было в его общении, и, мы быстро стали друзьями. Время и шло незаметно.

Но, вот, седьмого Января 1919 года, вспыхнуло восстание в г. Ташкенте. Оно было, к удивлению подготовлено действительно в строжайшей тайне. Узнал я о нем утром *седьмого* Января, разбуженный пушечным выстрелом. Затем вскоре прибежал сын Генерала Б. и сообщил мне, что в городе восстание против большевиков. Указал и адрес штаба восставших. Пушечный выстрел с крепости был при ея взятии. Мой отец про эту крепость сказал однажды пророческия слова: «Эту крепость, имея на то власть, я бы срыл так как уверен, что она когда нибудь послужет врагу против города». Эта крепость была когда то за городом на подступах к Ташкенту, но, когда город неимоверно разрося, то крепость очутилась уже не далеко и от «центра», а слова моего Отца оказались пророческими.

Мне нужно было быстро решить: спрятаться ли в старом Сартовском городе (где у меня было много друзей среди влиятельных и богатых сартов) и там переждать пока все уляжется или идти примыкать к восставшим? Выбрал последнее. — И хорошо сделал — несмотря на все трудности и ужасы похода, я все

же был в движении, напряженно и неуклонно двигался вперед. Если бы спрятался, то сидел бы несколько месяцев, спрятанный в подземельи, без воздуха и света, ожидая каждую секунду ареста и расстрела. Трое так спрятавшихся и выжидавших, позже присоединились к нам в Бухаре. Сели они в подземелье молодыми людьми, а к нам прибыли поседевшими, полунормальными, с тиками стариками.

И так иду и являюсь в штаб повстанцев. Меня любезно встречает Осипов, Гагенский и К. Меня покоробило, что они были пьяны. Но, может быть, выпить пришлось для успокоения нервов и для храбрости. Получаю винтовку и в командование роту мадьяр, с которыми и беру с налета кладбище, с засевшими там большевиками. Затем мне дают человек шестьдесят детей: гимназистов, кадетиков и штатских «добровольцев-охотников». Половина, если не больше из них и ружья никогда не держала в руках. Пришлось, наскорость, учить их хоть обращаться с ружьем и -показать, что нужно делать, — чтобы не выпалить случайно в спину своему же товарищу. С этой *«Ротой»,* мне дано было приказание, охранять указанный район. Но, у детей воодушевления и старания оказалось много и все обошлось без «несчастных случаев». В первой же стычке с взрослыми большевиками, они так подбодрились, что обезоружили их и взяли в плен человек тридцать пять.

В это время уже были захвачены крепость, казармы с киргизами солдатами, которые не колеблясь перешли на нашу сторону, почта, банк, вокзал и другия учреждения.

Зима в этом году была снежная, но первые дни не было мороза. Днем светило солнышко и пригревало, но к вечеру поднимался холодный ветер и становилось очень даже прохладно. Вышел я из дому, одев все новенькое. Френч с значками учебными и полковым, элегантные, тонкие бриджи и мягкие высокие сапоги. В общем так я являлся вдовствующей Императрице — Шефу нашего полка. Сверху надел, за неимением другого, легкое, летнее, серое, штатское (от «Жокей-Клуба» — в Петербурге), а на голову легкую защитную офицерскую фуражку. Конечно, в таком наряде я быстро стал страдать от холода — но, пришлось привыкать к длительному терпению.

Наша «детская игра» длилась всего сутки. До нас иногда доходили слухи о том, что делается в городе. За это время, нас раза два покормили и напоили горячим чаем, жители занятого нами квартала. Но, вот, прибегает, под вечер второго дня, гимназистик и шепчет мне, что «отряд повстанцев покинул город, восстание сорвано рабочими бывшими на нашей стороне. Спровоцированные большевиками главарями (по нашему, конечно, упущению), они были приглашены явится якобы за оружием и патронами в мастерския завода. Их впустили и затем заперли там, угрожая оружием. Восстание лишилось главных сил.

Решил проверить «донесение» и с четырьмя «телохранителями» пошел на главную почту, которая была не далеко. Прихожу и вижу полную растерянность и отчаяние среди там присутствующих повстанцев. Узнаю, что «отряд» действительно вышел из города, будто по Чимкенской дороге. Задумался, что делать. Решил, что надо сперва спасать «детскую роту». Приказал им немедленно засунуть куда либо оружие и бежать домой к их родителям (верно уже потерявшим голову от беспокойства — за некоторыми матери уже приходили и за руку уводили воинов горько плачущих), ложиться спать, а на утро никому ни слова о том, где они были и что делали накануне. Будто это все они во сне видели. Всю речь к детям держал насколько мог убедительно. Обещали все исполнить в точности ....

Вижу недалеко от почты стоит очень, славная лошадка, запряженная в легкий двухколесный шарабанчик, весь набитый старым оружием. Тут же вертелся пленный австриец. Спрашиваю его, по немецки, чья лошадь. Оказывается ему приказали взять ее в кооперативе, и привести оружие. Выбрав из оружия себе большой, пятизарядный «Смит-Вессон», остальное оружие приказал австрийцу выкинуть из экипажа. Сел и не заезжая домой, поехал к своему знакомому, вспомнив, что он служит агрономом как раз на участке Чимкенской дороги. К счастью, застал его дома, собирающимся ехать к себе на участок. Он мне дал шляпу, которую я и надел, а фуражку спрятал на груди. Закусив, мы двинулись в путь.

На выезде из города, думал буду арестован, собравшейся толпой рабочих, но все прошло благополучно, т. к. моего знакомого многие рабочие знали хорошо. Удалось узнать, что отряд большой, даже с пушками, прошел действительно по чимкенской дороге. Мы ночью добрались до участка; хорошо пообедал, послушал хорошую музыку (знакомый великолепно играл на виолончели), выспался.

На утро, поблагодарив за гостеприимство и простившись со знакомым, сел в шарабанчик и, по снегу, уже на четверть (это его за ночь сколько напало, он начал идти еще, когда мы ехали), покатил догонять отряд, ушедший из Ташкента, предварительно выбрав себе псевдоним и записал его на бумажку).

и началось........

Отряд нагнал в семи верстах, всего значит от Ташкента верстах в пятнадцати. Являюсь начальнику отряда, которым временно командовал Генерал Ж., показываю ему бумажку без свидетелей и прошу тайны. Он понял, сжег бумажку и говорит громко: И так Штабс-Ротмистр Михаил Михайлович Зернов, Вы являетеся очень во-время. Я организую конницу. Будь-

те любезны мне в этом помочь как старший в чине из моих немногочисленных кавалеристов. А лошадку с шарабанчиком я у Вас конфискую. Мне старику эта упряжка очень подходит. Вам же будут выданы деньги и Вы купите себе хорошего коня и все необходимое для похода.

Купил себе сразу же очень выносливого казачьего конька с седлом, папаху, полушубок, а вот валенок так и не достал, оставшись в своих сапожках, быстро отзнобил пальцы. Я же позже в горах купил и надел сверху сапог меховые мокасины.

С отрядом из Ташкента вышли человек сорокпятьдесят конных, среди которых было и, несколько кавалеристов. Принялся при содействии новых друзей, организовывать конный отряд-сотню. Как мы это быстро не проделывали, но драгоценное время уходило. Сперва было решено весь отряд рассадить по дровням, пользуясь чудным, редким в этом крае, снежным путем, и быстро налететь на Чимкент и его занять. Но, генерал и его правые и левые руки, воспротивились, говоря, что без конницы воевать нельзя. Это решение и погубило все дело.

Когда мы через трое суток (кажется), имея сотню или эскадрон, двинулись на Чимкент и пустили конницу в атаку, то потерпели сразу неудачу. Г. Чимкент был уже вместо окопов обложен хлопковыми тюками, благо их там было не мало, в город введен крупный отряд красных и наша «кавалерия» была встречена картечью из орудий. К счастью, нас атакующих, прикрыла складка местности и картечь пронеслах над нашими головами. Пришлось отряду повернуть и идти обратно к Ташкенту, чтобы на полпути свернуть на дорогу ведущую на селение Фогелевку.

Нам вслед вышел отряд большевиков из Чимкента и хоть и медленно и осторожно, но, пошел нас преследовать. Не доходя до нужного нам поворота, узнаем, от хорошо к нам расположенных, мусульман, что из Ташкента выдвинулся крупный отряд, посланный за нами. Дорога в сторону селения Фогелевка оказалась отрезанной. а мы очутились между двух сходящихся вражеских отрядов, как «между молтом и наковальней».

Устроили «маслахат» (совет) и решили уходить в горы, благо они были близко расположены, влево от нас. Предложили киргизам солдатам и вообще мусульманам, или идти с нами, или поскорее рассыпаться по хорошо им знакомым кишлакам. Мусульман воинов было, если память не обманывает, больше тысячи. Им всем было выдано по сто рублей царскими деньгами и мы с ними распростились. Тут уместно сказать, что отряд при уходе из Ташкента, изъял под расписку, выданную директору (он был позже все равно расстрелян, обвиненный в соучастии с нами), из банка золотых монет на три миллиона и бумажных денег на пять миллионов. Эти деньги предполагалось сдать первому же белому командованию.

Когда мы отделались от киргизов, то нас, кроме нескольких не пожелавших уходить с нами, в том числе генерал Ж., который был пойман большевиками и замучен, — оказалось *сто один всадник.*

Испортив орудия, а замки бросив в глубокий колодец, мы рассчитывали с двумя пулеметами, вооруженные винтовками с большим количеством патронов двинуться в горы. Но, тут произошел печальный инцидент. Никто не обратил внимания на старшего пулеметчика Поручика Михайлова. Последний, будучи ранен в Великую войну в голову, уже был полунормальный, а тут при сильном шоке, окончательно. сошел с ума, разобрал пулеметы и забросил тоже в колодец...... Он оставил таким образом нас с одними винтовками. А как бы в будущем, при боях в горах пулеметы нам пригодились — благо они были вьючные и на хорошо тренированных лошадях.

Надо было все равно двигаться и мы, перегрузив золото и деньги с саней на вьюки, двинулись. Один мешок с золотыми монетами был злоумышленно вскрыт (позже мы узнали кем — это был казак-татарин и его шесть собратьев) и золото часть похищена:

Начался подъем. Меня догоняет Поручик Иванов на великолепном вороном в яблоках скакуне, жеребце текинце, с прозвищем «Шайтан» (дьявол) и умоляет поменяться с ним конями. «Вы кавалерист и Вам-все равно на какой лошади ехать, а меня «Шайтан» убьет. Дайте мне Вашего конька и берите себе «Шайтана». Я быстро соглашаюсь», так как уже был влюблен в чудного скакуна. Но, о нем позже. Оказывается конек Поручика Иванова сбежал и последнему ничего не оставалось делать, как взгромоздиться на «Шайтана», да еще без седла, забытого в суматохе при поспешном уходе в горы.

Только начали подниматься в горы, как на наше счастье, встретили спускающегося в долину, таджика. Узнав, что ему будет выдана крупная сумма «Николевскими деньгами, так высоко тогда ценившимися, он быстро согласился быть нашим проводником и вести нас горами. И повел. — Поднялись по тропинке на некоторое расстояние, а затем свернули вправо. Нам была хорошо видна, покинутая недавно, долина, вся белая от снега. И представилась нашим глазам замечательная, редкая картина. Два отряда-красных сошлись, один из Ташкента, другой от Чимкента. Приняв друг друга за нас они с остервенением начали бой. Потери с той и другой стороны были солидные. Затем видно выяснили ошибку, т. к. бой прекратили. Этот эпизод нам доставил большое удовольствие и приподнял нашу мораль.

На рассвете мы увидели, глубоко внизу расположившийся, поселок и имение Великого Князя Николая Константиновича — «Искандер». Позже узнали, что все жители поселка высыпали на улицы и с крыш наблюдали наш проход высоко в горах. Мы долго были видны, т. к. тропа, по которой мы карабкались, все время шла спиралями параллельно поселку.

В первом же горном кишлаке, мы поели и поспали но, от жителей узнали, что все дороги на перевалы, в это время года не проходимы, а ближайший «Александрийский перевал, проходим вообще только два месяца в году: июнь и июль, чем и пользуются пастухи, перегоняя через него скот.

Но, именно, на этот то «Александрийский перевал» судьба и вынудила нас идти. Пока что мы решили уйти еще глубже в горы и там выждать лучших времен. Но, и тут нашим планам не удалось сбытся, т. к. вскоре нас нагнал очень сильный отряд красных и нам пришлось, защищаясь, уходить все глубже и глубже в горы. Выдерживать постоянный бой на месте мы, конечно, не могли. Нас осталось уже девяносто два человека. Девять, считая татарина-казака, накрав золота, решило от нас отстать и куда либо спрятаться. Но большевики их нашли, под пытками узнали куда они спрятали золотые монеты, затем ликвидировали.

И так девяносто два партизана, вооруженных только винтовками, начали борьбу с наступающим врагом, зачастую в двадцать раз нас более многочисленным, а подчас и еще более сильным. Правда, защищаться, в горах куда проще. Наступать часто приходилось на нас по горной тропе. Несколько человек могли остановить батальон, но, человеческие силы имеют предел и с этим надо было считаться. Конечно, повторяю, будь у нас хоть один пулемет — было бы дело другое. Мы бы могли выдержать гораздо дольше атаки. Но. его, увы, небыло! Но, нас окрыляло, что в этих боях мы были всегда победителями — враг неизменно отступал, подчас даже бежал, а мы пользуясь этим отходили и занимали и подготовляли новую позицию для боя. Горныя обитатели нам в этом помогали, охотно давая проводников или указывая места удобныя для защиты.

Мы гнали перед собой, всякого рода скотину купленную, для еды и везли на вьючных лошадях (тоже приобретенных в горах у жителей), фураж и нам рис и хлеб. Питались мы это время очень хорошо, хотя из за боев не очень часто.

Помню, как теперь, кишлак «Кара-Булак» расположенный на плато шедшее к противнику. Кишлак богатый и большой. Мы решили здесь побыть подольше. Нам жители (которым за это платили) сообщают, что большевики в версте от нас вышли из за скал и направляются к нашему расположению. Нам их еще не было видно т. к. они спустились, и накапливались в глубоком и очень широком рве — русле старой реки. Мы засели за домами, с обоих сторон дороги, проходившей по кишлаку, и затихли. Расстояние между кишлаком и рвом было нами заранее вымерено. Ставь только прицел. До рва было полторы тысячи шагов. Мы решили открыть огонь только тогда, когда, неприятель будет в шестистах шагах. Там и была постановленна веха — елочка. С дороги в сторону свернуть было мудрено, т. к. снег был около аршина глубиной, местами и больше — тут не погуляеш.

Первые кто появились — это двенадцать конных разведчиков. От жителей они не могли добиться, где мы, поэтому так спокойно и въехали в кишлак, предполагая, что мы много дальше. Мы их пропустили за наших, хорошо укрытых, стрелков, а затем не трогая лошадей (они нам пригодятся) дали залп по разведчикам. Все было конечно в несколько минут. Патроны были сняты с убитых и оружие тоже, а трупы, выброшены в овражек и засыпаны снегом. Лошадей завели в сарай. Только одна из них была ранена.

Красный пеший отряд, не получая вестей от разведчиков, решил, что дорога свободна и двинулся вперед. На шестистах шагах он попал под такой огонь, что хоть и залег, понес большие потери, и затем, стал спешно отступать — вернее в панике бежать. Жители потом, нам рассказали, что из отряда в тысяча восемьсот человек с вьючными пулеметами и даже горными орудиями (ни то ни другое не удалось использовать), на месте осталось убитыми и раненными (которых они потом все же подобрали), около четырехсот человек. Возможно, что это было преувеличено. Это случается не только с европейцами, но с азиатами и даже особенно с ними.

Большевики, после такого удара, бежали без оглядки, благо дорога шла вниз, до тех пор, пока не наткнулись на другой отряд красных, шедших им на подмогу, но, нам дана была передышка.

Самое печальное было то, что нас травили как зверя, и не только красное воинство, но и...... мужики поселка «Искандер»!

Они прослышали, что мы увозим золото. Вот их сердца и распылались жадностью. Это все были хорошие охотники. знающие горы как свои пять пальцев, и великолепные стрелки. Они часто сверху, с непроходимых высоких скал, открывали по нас огонь. Но, нам было где укрыться и было чем ответить. Мы были к ним беспощадны и живых их не брали. Часто они. как мешки с овсом сваливались со скал к нам на тропу, подкошенные нашими пулями. А стрелки у нас тоже были не плохие. Чего стоил один Капитан Грамолин, выбивший первый приз офицерский в дивизии. Или старший Стайновский, расстреливающий из винтовки в лет подброшенную старую Узбекскую галошу. Это быстро отвадило охотиться на нас, переселенцев. И слава об нас покатилась. Нас начали

уважать и бояться большевики — не просто им было нас преследовать, т. к. что ни бой, то у них большие потери. И прозвали нас: «белыми дьяволами».

Вот еще случай — выпавший уже па мою долю. Мне было поручено разведка через жителей и выданы деньги для этого. Когда мне сообщалось, конечно, во время, что враг наступает, я этим горным осведомителям давал известную сумму. Жители и так охотно нам все сообщали сейчас же, а тут еще деньги попадали беднякам в руки. Старались все.

Оторвались мы как то от красных и заняли удобный кишлак для защиты. Он стоял па ровном месте, а вниз, к оврагу, шел крутой скат, переходивший затем в ровно идущую тропинку. Справа утесы, слева глубокий обрыв, а на нем шумливо несущая свои воды горная речка, приток «Заравшана». На другом берегу, на некотором расстоянии от гор, площадка, а на ней тоже кишлак. Уговорился с жителями этого кишлака, которые, далеко назад выслали разведчиков, что как, только они узнают о наступлении красных, то на берег выйдет девушка и три раза крикнет: «Ата! Ата! Ата!» (ата — отец) — будто она ищет и зовет отца. — Вне всякого подозрения.

Покойно проходит у нас некоторое время, и вот слышим доносится с того берега грудной, музыкальный голос: «Ата! Ата! Ата!».

Раздается команда «в ружье», и все партизаны разбегаются, по заранее намеченным местам, па сооруженной нами из камней крепости. Нам видно, а нас не видно. Капитана Чечелева с четырнадцатью копьями, посылают на ту сторону. Вижу как его разъезд спешивается, привязывает лошадей, укрыто среди деревьев, и идет к кишлаку.

Ту сторону нам было далеко хорошо видно, но на нашей стороне внизу, где тропка шла уже по ровному месту, нам мешали груда камней, при повороте тропинки, слегка вправо. Я предложил начальству, пойти к этим глыбам камней и оттуда наблюдать. Охотно па это согласились. Забрав десяток кадет, отправился. Со мной пошел Капитан Грамолин. (Мы с ним очень дружили и редко расставались). Пока я отдавал приказания, Грамолин подошел к глыбам и засел за камнями. Мне думается ему был виден тот берег, но, не тропинка за глыбами впереди него. Когда мы подошли к нему шагов на пятнадцать, он стрелял по ту сторону, мы видим, что на той стороне, хоть и далековато еще, но идет осторожное накапливание врага. Видим перебежки от камня к камню. Враг медленно, но, верно, приближался к кишлаку.

В это время происходит нечто таинственное. Сперва мы видим, что Чечелев со своими партизанами постреливает по наступающим на кишлак большевикам, и очень даже удачно, так как есть фигуры лежащие плашмя и не двигающиеся среди врага. Но вот, Чечелев, находящийся, как раз напротив нас, бежит назад к лошадям со своими воинами и усиленно машет своей папахой в том же направлении. Не иначе, как нам сигнализирует, чтобы, мы в свою очередь тоже бежали обратно. Вижу как они не садясь на лошадей, бросаются в воду. Брр! Даже за них стало холодно (от этого купания Чечелев простудился очень сильно и позже заболел, чем нам доставил не мало хлопот, т. к. его пришлось тащить).

Меня это так заинтриговало, что решил зайти за камни и посмотреть, что там такое творится. Делаю три шага вперед. Но, в это время слышу Грамолин тихо вскрикивает, а пульки с той стороны реки просвистали над нами. Он встает, опираясь на винтовку, и идет прихрамывая ко мне: «Я ранен в ногу!» Я улыбнулся. Грамолину ужасно невезло. Это пятый раз, что он ранен за горный поход, а я его и до этого в шутку уже называл «пулесобирателем». Он мрачно продолжает: «Знаешь, бери-ка мою винтовку, с которой я никогда не расстаюсь. Она хоть по крайней мере пристрелена, я из нея призы брал, а дай мне твое полено, оно мне подойдет, т. к. буду на него опираться, как на палку!». Радостно, с благоговением, беру призовую винтовку, у Грамолина, и, не посмотрев с радости, сколькими патронами она заряжена (Грамолин, стрелял перед этим), собираюсь идти к камням...... Это, конечно, долго рассказывать — но, произошло все мгновенно... и вдруг уж можно сказать совсем неожиданно и для меня и для засевших правее меня за камнями кадет...... из за глыбы камней выходит в затылок друг другу, с десяток, а то и больше красных воинов... в малиновых шароварах, с красными звездами на папахах. В левых руках держат они, винтовки, а в правых, поднятых к верху — гранаты... Увидав нас они завопили ура...

Еще до этого стрельба с этой стороны по нас прекратилась по неизвестной нам причине. Теперь было ясно почему? У меня мелькнула мысль: «Их много, они искалечат нас, заберут и замучают». От страха, вернее, даже ужаса, я озверел... Я было при виде большевиков присел за камень, но, тут я вскочил, расставил ноги, и как на охоте по зверю, вскинул винтовку и в десяти шагах, выпалил прямо в грудь первому из наступающих...... Эффект превзошел все мои ожидания... Красные стали валиться как пешки. Три уже лежали не шевелясь, а четвертый на карачках, уползал за удирающими остальными. Еще раз выстрелил. Остался неподвижен и — — раненный. Вскидываю винтовку и стреляю по остальным. *Чик!*...... а выстрела нет. Открываю затвор — пусто...... Патронов нет...... Быстро вкладываю обойму, выскакиваю за камни, одушевленный таким удачным оборотом дела, и вижу человек больше тридцати, в малиновых же шароварах, удирающих во все лопатки. Ну, и дал же я им жару.

Но, в это время, вокруг меня снова зажужжал рой пуль с другой стороны и мне пришлось бросить охоту и скрыться за камнями. Решил быстро отходить к окопам. Моя миссия была закончена более чем удачно. Забрав кадетиков, которые как загипнотизированные распластались среди камней. Перебежками от камня к дереву, двинулись. Посылаю одного кадетика вперед с донесением устным, о происшедшем.

Только спрятался я за дерево, к этому же дереву бросается кадет, вскрикивает. Пуля пробила мякоть ляжки, очень близко от низа моего живота...... Кисмет! Веду, то есть тащу его, а сам думаю, какое счастье, что в винтовке Грамолина оказалось все же два патрона!... А еслибы их не оказалось!?!?!?... Даже неприятно об этом думать! Долго потом меня во сне мучил кошмар, если ложился поевши. Вскакиваю во сне, вскидываю винтовку — чик! — а она не стреляет. Хоть кому угодно простительно проснуться в холодном поту... Но, вот и окопы.

Нас партизаны, уже осведомленные, встречают оглушительным ура и аплодисментами. Но пульки свистят с той стороны.

Обрываю комплименты и командую: «внимание, прицел пятнадцать, залпами пальба»... И пошло! Через пол часа, а то и меньше, на той стороне, красных уже не было, кроме десятка с два трупов оставленных на месте.

Дав урок большевикам мы несколько дней отдыхали на месте по двум причинам. Во первых «крепость» уже очень была хороша, с трудными подступами к ней. Во вторрх, нам нужно было отправить побольше провизии вперед, т. к. там начинались дикие места, с очень редкими кишлаками.

Все было выполнено, когда большевики, навалились на нас массой, о чем нас, конечно, заблаговременно предупредили жители, довольные полученным щедрым денежным подарком. Бились мы, бились причиняя урон врагу, но вконце концов истомленные дневными и ночными боями могли и не выдержать. Большевики без перерыва и передышки лезли на нас, посылая вперед мобилизованных киргиз, подталкивая их сзади пулеметом. Большевики могли сменяться в атаках, а мы должны были защищаться все (кроме штаба), и только уж очень ослабевшим да раненным, давали возможность поспать и поесть. Сами же дремали в промежутках между атаками и тут же и ели в траншеи.

Но, вот, на наше счастье, пошел снег, да какой! Мы под его прикрытием сели на коней и ушли еще глубже в горы. Но, большевики нас теснят и теснят и все глубже загоняют в горы.

Но, вот, нас ждет сюрприз. Узнаем в одном кишлаке, что теперь очень не скоро будет еще кишлак и что...... дальше (в конном строю) на лошадях двигаться уже больше нельзя...... Это была настоящая драма!!!...... Что делать!?!...... Но события решили за нас. Нас настиг крупный отряд большевиков, теперь уже не из туземцев, а из руссаков. Обозленные тяжелыми потерями и неудачами, они бросились на нас как волки.

Дав им хороший отпор и отбросив их назад, двинулись дальше и стали сразу набирать высоту, по крутым, идущим в скалах тропам, где и козам было трудно идти...... но, главное *бросить лошадей* на произвол судьбы.

Просили мы правда жителей, поднебесного кишлака, куда либо их угнать и спрятать от большевиков, и денег даже дали. Нам обещали — но выполнили ли обещание — не знаю??!

Многие из нас плакали, не скрывая своих слез, прощаясь с дорогими друзьями — скакунами...... Многие тащили свои седла и уздечки на плечах не желая с ними расстаться. Впереди себя гнали табунок горных коз, для еды, охотно нам проданных жителями.

Теперь мы шли пешком. Хорошо хоть, что еще давно, обзавелись мокасинами — мехом внутрь и наружу — и тепло и не скользит.

Много мы муки перетерпели до этого, но, сколько ее нас ждало еще впереди!!! У нас, правда, убитых еще не было, только раненные да и то не тяжело, и они успели уже окрепнуть. Хорошо, что хоть у нас еще были медикаменты и перевязочный материал. Но, конечно, когда пошли пешком, то он сразу уменьшился, т. к. его нес каждый понемногу, в своем вещевом мешке. В нем же были лепешки (местный хлеб) и сахар, случайно захваченный с собой при уходе из Ташкента.

Подъемы делались все круче и опаснее. Мы шли уже часто так: — с одной стороны, узкой тропы, отвесные скалы, а с другой — бездонные пропасти с глубочайшим снегом, наметанным ветрами. На тропе не шелохнись, а вниз лучше не смотри......

В одном месте я поскользнулся и сорвался...... но меня подхватили, т. к. нас соединяла веревка. Повисев несколько секунд над пропастью — я заболел болезнию высоты. Тоже было и с другими.

Начались стужи, а мы забрались в места, где и деревца нет, следовательно огня развести нельзя. Коз поели и до кишлака шли долго с пустыми желудками. Шагали как автоматы, иногда без отдыха, делая большие переходы, боясь присесть. Сядеш, а потом и не встанеш. Что и случилось с некоторыми из нас.

Наконец, доплелись до кишлака. Жители дали нам сперва только горячего козьего молока, когда узнали, что мы несколько суток не ели, а только после того как мы выспались, уж разрешили поесть. Ох и хоро-

шо же мы отдохнули! Но, надо было идти вперед, пользуясь хорошей погодой.

Двинулись. Днем еще было ничего, но, ночью кошмар. По такой страшной дороге ночью не пойдешь, а как спать без костра на снегу?! Уж мы всяко пробовали. Лучший способ оказался такой: рыли «могилы» в снегу в рост человека в глубину и в ширину. Вниз клали палки наши, затем винтовки, закутывались в полушубки, ложились в ров-ав «могилу» на этот ряд, ложился другой ряд — так и грелись. Первыми замерзали ноги. Когда делалось невтерпеж, то выскакивали и начинали танцевать на месте. В длинных полушубках было хорошо сидеть на коне, на снегу тоже, но, ходить в них было мучительно тяжело.

А холод все возрастал, у нас уже были случаи, что выставленные часовые замерзали, хоть их и часто сменяли. А идти теперь нужно было уже до самого перевала *Александрийского*. Чего на этом пути мы не натерпелись!!!!!

Идем мы, однажды, друг другу в затылок, по тропе, и видим справа спускаются два громадных кабана. Один останавливается и смотрит, а другой, спустившись на нашу тропу, не пожелал дать нам дорогу, а опустив вниз морду, с громадными клыками, ринулся на нас в атаку. Не знаю, что бы из этого вышло, думаю, что он, сбросил бы не одного из нас в пропасть, если бы шедший в голове партизан, не растерявшись приложился и уложил кабана на месте. Позже он мне признался, что наделал разрывных пуль...... вот и пригодилось.

По другому кабану мы могли открыть огонь уже сообща, т. к. он стоял выше нас. Конечно, его сразу же и ухлопали. Потащили свиней диких за собой. Тропинка стала спускатся и мы вышли в долину, не длинную, но хорошо укрытую от ветров и внизу у полузамершей горной речки... Ура! ... несколько корявыхъ деревьев. Принялись разводить огонь из поломанных и отрезанных ножами веток. В это время любители принялись свежевать кабанов, торопясь это проделать, пока, они не замерзли и не окаменели. Затем мясо совсем парное, нарезали кусками, посадили на шомпола и принялись жарить. Вкусно, но неугрызимо! Из осторожности почти не ел, решив захватить с собой несколько кусков, думая их поджарить и съесть позже, но, это проделать не удалось, по той простой причине, что дальше топлива не было.

Наконец подошли к перевалу. Переночевав кое как, рано двинулись и начали подниматься. Вот и перевал, между двух скал уже виден. Но мы опоздали...... перевал возможно *еще перейти* до девяти часов утра, но позже...... начался сразу буран, заревел ветер, пошел снег и начались обвалы...... Оставалось только нам поворачивать и бежать *обратно*. Просто сказать «обратно»..... но это значит снова тащиться до кишлака!!!..... в нескольких днях пути......

Тут уж ослабевшими морально, партизанами овладела паника...... т. к. несколько человек сорвалось и исчезли в бездонном снегу пропасти... были такие, которые в изнеможении легли и отказывались двигаться Несколько человек лежало в столбняке, не будучи в состоянии двинуться даже при желании и при нашей помощи...... глядя на все это один сошел с ума......

А мы дали друг другу клятву, в таких случаях пристреливать друг друга...... но, пока, этого еще не совершали — это было уже позже......

Стащили всех несчастных ниже и, устроив между скал, сами быстрым шагом пошли к покинутому нами недавно кишлаку, благо дорога спускалась. Шли мы очень быстро, но все же времени потратили много, пока не стал виден кишлак. Наступала ночь. К нам подходят, неожиданно, несколько каких то теней — вышедших из за скал. Смотрим таджики из кишлака «Гаудан-Сай» пришли, увидев нас, предупредить, что в их кишлаке, отряд большевиков, поев, лег спать. Указали где стоят часовые. Большевики, конечно, нас не ждали, т. к. предполагали, что мы уже перевалили «перевал» и ушли в Фергану.

Часовые, после сытного ужина дремали. Мы им и пикнуть не дали. Затем бросились в кишлак. Часть большевиков проснулась — начался ночной рукопашный бой. Действовали и приклады.

Мы быстро совладали с полусонными людьми, наскочив на них, как черти, и...... к нашему великому стыду....., не оставили ни одного живого..... Да простит нам Аллах!!!

В этом бою был убит Поручик Иванов.

Спокойно отдохнув, поели, выждали пока погода уляжется, т. к. часто шел снег. Снегу в горах навалило ужасно много.

С обновленными силами и энергией двинулись на перевал. На пути у ручья, где растут деревья, и где мы жарили кабанье мясо (между прочим многие наевшись этого «шашлыку», серьезно заболели), решили отдохнуть хорошенько.

Сидим у костра, докуриваем остатки табака, поджариваем хлеб, и подогреваем жаренное мясо, захваченное из кишлака...... Смотрим к нам от перевала идут пять человек мусульман...... мы обомлели, и глазам своим не верим. Впереди шагает мусульманин прямо геркулес, красавец мужчина с широкими плечами и грудью — просто Самсон...... Подошли к нам, подсели к костру, закурили нашего табаку и повели разговор полный азиатской дипломатии.

Их интересовало, куда мы идем? Кто мы такие, и зачем идем? Но это не сразу спросили, а сперва раз-

говор был просто, как говорит мудрая мусульманская поговорка: «Язык человеку дан для того, чтобы скрывать его мысли». Но, когда, в конце концов они узнали, что мы не большевики, а «Николай-Адам», что в переводе означает «Царские люди», то переглянулись и богатырь (имя которого записано на скрижалях партизан), было Нурмаш, заявил: «А нас «Медамин Бег» прислал Вам навстречу, чтобы провести через перевал!?! Он услышал, что Вы в горах бьетесь с большевиками, вот и послал нас. Медамин-Бек Вас ждет с нетерпением в Фергане».

Как громом пораженные остались мы сидеть, не веря своим ушам. Вот откуда, Матерь Божия, прислала нам избавление.

А все потому, что заняв в Ташкенте тюрьму, младшему Стайновскому выпало на счастье, выпустить среди других осужденных и Медамин-Бека. Он ушел в Фергану, поднял там снова восстание и стал национальным героем! И вот теперь нас ждет.

Новая энергия окрылила наши исстрадавшиеся души. Ко всем несчастьям, мы поспав в тепле на кошмах в кишлаках, набрались насекомых и они нас буквально поедали. От зуда хоть до гола раздевайся, что мы и проделывали на солнце. Так вот Чечелев, не оправившийся еще от своей простуды после купания в студеной реке, еще сильнее простудился и стал терять, временами, сознание. Ну и намучились же мы с ним. Но, при такой удачной вести, не хотели его бросать и волокли на арканах по снегу за собой, устроив род салазок. Подойдя к месту, где оставили больных...... нашли их замерзшими...... Да это было пожалуй лучше. Покрайней мере не нужно их пристреливать, или оставлять на расправу большевикам.

Еще раньше началась у многих цинга, т. к. воды не было, ели снег и плохо питались......

Снег, теперь, был местами глубокий — чуть не пол аршина, а ближе к перевалу стал доходить до колена. Продвигаться было безумно трудно. Приходилось по очереди протаптывать тропинку. Идти было куда труднее, что в первый раз нашей попытки перейти перевал. Стояла чудная погода, без малейшего ветерка, но с ослепительным солнцем. Белизна снега на солнце слепила.

У меня была, случайно приобретенная, в одном из кишлаков, синяго бархата шапка, отороченная по борту черным с белым налетом, китайской лисицы, мехом. Это меня и спасло. Опустиш на глаза шапку, мех тебя и спасает от лучей солнечных. А вот другим досталось, кто просто в папахах шли. Ослепли многие. Кто на неделю, кто на две, кто и на месяц. Нурмаш, наш проводник, три месяца ходил с поводырем.

Сперва протаптывали снег Нурмаш и его помощники, т. к. надо было просто иметь особое чутье, чтобы находить под снегом тропу. Затем стали мы протаптывать по очереди, под указанием Нурмаша. Это была мука подниматься все время в гору, да еще протаптывать снег. Все выбились из сил.

Настала снова моя очередь идти первому. Брел я, брел, барахтаясь в снегу, наконец изнемог и повалился на снег. Чувствую, что дальше не могу идти. Нет сил да и только. Было уже собрался стреляться. Кричу назад по цепи: «Ложитесь и отдыхайте. Все охотно ложатся. Нурмаш тревожно поглядывает на перевал — верно думает, успеем ли мы до метели и обвалов проскочить. Лежу я и в отчаянии начинаю молиться: «Матерь Божия не оставь, дай мне силы подняться и дальше идти!». Поднимаю глаза на перевал, который уже хорошо виден (нам Нурмаш объяснил, где две скалы стоят — слева высокая а справа пониже). И...... вижу мираж: на высокой скале, весь в солнечных лучах, стоит *ангел с мечем в руке, с венком терновым на голове.* Меч *его* блестит на солнце и им *он* меня манит......

У меня вдруг возвращаются силы и энергия, я встаю и другим командую «встать» и иду дальше. Меня сменяют и, вот, мы добрались до двух скал. Видение, конечно, давно уже, исчезло, но прилив сил во мне сохранился. Площадка. Но где перевал?! Делаем еще сотню шагов и...... из наших грудей вырываются стон, а затем ура...... Какой восторг нами овладевает...... Перед нами начинается пологий спуск...... и ведет он в Фергану, т. е. вернее мы уже в Фергане. Многие, даже сильные духом, зарыдали от волнения, и слез этих было не стыдно.

Тут же дал слово себе, если вернусь в Туркестан и буду иметь возможность, то непременно поставлю статую Ангела с мечем на той скале, где его видел.

Мы прямо скатились вниз, а не сошли, и, оказалось очень быстро дошли до первого кишлака. Нурмаш и его спутники ослепли и им было не до нас. Теперь мы их вели. У одной из юрт остановились и заказали барана. Хитрый хозяин Ферганец привел нам огромного барана, — сразу видно очень старого, и заломил с нас цену, кажется, пятнадцать рублей, тогда как и молодой то баран стоил на Царския деньги, два рубля, или три. Согласились. Он уже хотел резать барана, чтобы приготовить плов...... в это время прискакал молодой Ферганец на взмыленной лошади, соскочил и что то забормотал быстро.Хозяин его внимательно слушал. Грамолин мне тихо переводит: «Это его Медамин-Бек прислал, приказывает нам оказывать всякое гостеприимство и с нас ничего не брать, а давать все лучшее. Он сам за все рассчитается позже»...

Хозяин сразу изменился...... Позеленел от страху, он внимательно слушал гонца, затем согнулся в двое прижав руки к животу, принялся отвешивать нам почтительные поклоны, бормоча извинения и сбивчивые

объяснения. Так полусогнутый он и потом ходил в нашем присутствии. Мы еле удерживались от смеха и улыбки свои прятали в рукава полушубков.

Хозяин что то буркнул своему сыну и махнул рукой, после чего старый, огромный баран исчез, и был заменен чудным молодым барашком. Жены хозяина, принялись за стряпню, мы же легли отдохнуть. При нашем пробуждении был подан чудесный, жирный, сильно подперченный плов, с прямо тающими во рту кусочками «Курдючного» барашка, столь знаменитого своим мясом.

Затем мы двинулись, уже, по Фергане и началась...... «сказка из тысячи и одной ночи». Что нас поразило, это то что все фруктовые деревья были в цвету внизу — а мы только что вышли из снега выше колен!!!... Какой контраст! Солнышко еще сильнее грело и светило, но иначе, чем в ледяных поднебесных горах и от него люди не слепли...... И вдруг вспоминаем, что уже март наступает, а вышли мы из Ташкента седьмого января......

Это мы два месяца блуждали по горам!?! Боже мой! Два месяца!...... Вспоминаем с грустью, что многих из нас уже нет...... Поредели наши ряды...... Вышло нас сто один, а теперь и шестидесяти, не досчитаешься!

Но вот прискакал конный гонец и предупредил, что Медамин-Бек идет нам навстречу. Встреча была трогательная.

Медамин-Бек окруженный сотней своих телохранителей, слезает с великолепного, белого коня «Рубина» и первым долгом спрашивает у нас, здесь ли Стайновский.

Мы выпихиваем вперед сконфуженного, всегда такого сдержанного, младшего Стайновского, а Медамин-Бек его обнимает и еще раз благодарит за освобождение из тюрьмы. Затем обратившись к нам, говорит, что очень рад, что нам удалось к нему присоединиться. Наговорив нам много приятного, посоветовал в кишлаке хорошенько отдохнуть прежде, чем идти дальше.

Приказав нам всем привести поседланных лошадей, простившись ускакал «работать»......

Выспавшись, поев еще раз давно невиданной горячей пищи, отдохнув двинулись уже в конном строю в глубь Ферганы. Когда пришлось проходить один кишлак поздно вечером, уже по темноте, то все жители-Ферганцы, вышли на улицу с зажженными факелами, а старики, убеленные сединой, спешили взять повод наших коней и поддержать стремя, когда мы слезали или садились. Другие старики, низко кланяясь предлагали нам разные угощения на подносах.

Проходя днем большой кишлак, жители устилали дорогу коврами, выносили горячую пищу и чуть не силой стаскивали нас с лошадей и принимались радушно угощать: — пловом, жаренными барашками, жаренной дичью и грудами фруктов и сластями.

В одном из кишлаков у меня резко захромал мой конек. Старый Ферганец сейчас же подошел и держал лошадь до тех пор, пока я не осмотрел копыта и не извлек запавшего камешка в стрелке. Другой старик исчез, и вернувшись привел в поводу красавца огненно-светло-рыжего жеребца, и обращаясь ко мне сказал: «Бери моего питомца, ему четыре с половиной года. Это хорошая лошадь. Зовут его «Алгиджидран». Я стар для него, а моего единственного сына зарезали большевики. Садись на «Алгиджидрана» и бей побольше большевиков — отомсти за мого сына»!

Вот положенице — отказаться, значит обидеть. Купить — он его не продаст. Молодые Ферганцы мигом положили свежий потник на «Алгиджидрана» и взяв принесенное стариком седло, поседлали им его. Одно удовольствие было ехать на таком красавце жеребце, если бы не угрызения совести, что смалодушничал и принял коня. Успокоил себя тем, что решил вернуть принял коня. Успокоил себя тем, что решил позже спросить Медамин-Бека, как мне быть, и как вернуть жеребца рыжего его владельцу?!?

Медамин-Бека будет чем вспомнить, т. к. с ним нашему партизанскому отряду пришлось действовать довольно долго. Всего пребывания в Фергане описывать не буду, а расскажу только некоторые эпизоды, сильнее всего укрепившиеся в памяти, видно благодаря переживаниям. Их я излагаю в виде отдельных рассказов. Сюда же войдут, как приложение, уход наш в Бухару, действия там, а затем, как финал, уход мой в Персию, уже отдельно от отряда, с двумя моими «адъютантами»: «Димитрием-Баем», «Иваничем Пулей», англичанином полковником Белли и его спутниками.

Кн. А. Искандер

(Продолжение следует)

Г. МЕСНЯЕВ

На Кавказ!

(Отрывок из одной семейной хроники)

1.

В 1782 году, семнадцатилетний Иван Петрович М. явился на службу в Таганрогский драгунский полк, в который шесть лет назад был записан полковым кадетом. Практика записи молодых дворян в полки, особенно в гвардейские, была широко распространена в те времена. Записанные в ранних годах, естественно, оставались дома, и, только по достижению более или менее зрелых лет, являлись для отбывания службы в свои полки. При этом часто бывало так, что находясь дома, они даже продвигались по службе, получая соответствующие чины. О зачислении малолетних в армейские полки — известно меньше. Однако такое зачисление, бесспорно, практиковалось, но едва ли приносило зачисленным те служебные выгоды, которые имелись в гвардии.

Таганрогский драгунский полк (*) в то время квартировал, кажется, где-то в Малороссии (точного места стоянки полка в 1792 году, установить не удалось).

Как и другие драгунские полки того времени, Таганрогский, по всей вероятности, нес военно-полицейскую службу, содействуя гражданским властям в борьбе с разбойничьими шайками, в поимках преступников, в конвоировании арестантов, в взимании податных недоимок и проч.

Однако, к этому времени, произошел переворот во взглядах на отдельные виды русской конницы. До тех пор, со времен семилетней войны, под влиянием немецких военных идей, почти вся русская конница была обращена в тяжелую, одетую в кирасы и вооруженную палашами. Сила такой кавалерии заключалась в возможности подавления противника тяжелой массой, однако, она была мало подвижна и эластична. В результате черезмерного увлечения тяжелой конницей, драгуны были в некотором забросе, употребляясь, как сказано выше, преимущественно для полицейской службы.

Однако, опыт турецких войн заставил изменить взгляд на драгун, обученных конному и пешему строю, вооруженных и саблей и огнестрельным оружием, и могущих действовать, по обстоятельствам, и в конном и в пешем строю. Так было, например, под Туртукаем, когда Суворов вооружил Астраханский карабинерный полк пехотными ружьями и использовал карабинеров и как пехоту и как кавалерию.

Поэтому то, светлейший князь Потемкин, осуществляя широкие военные реформы, основанные на отказе от прусских образцов, обратил особое внимание на драгун и категорически признал последних «оружием полезнейшим и самонужнейшим».

Он позаботился освободить драгунские полки от несвойственной им роли военно-полицейских команд, усилил их состав за счет легкой кавалерии, и решил использовать драгун на тогдашнем боевом поприще — на Кавказе. Поэтому то, в 1783 году, туда были направлены: Таганрогский и Астраханский драгунские полки, а вслед за ними и Нижегородский и Владимирский.

Были произведены и изменения в обмундировании драгун. Длиннополые кафтаны были сменены короткими камзолами; под камзолами жилетки без рукавов (у офицеров, обшитые золотым галуном), широкие шаровары из красного сукна с желтыми зубчатами лампасами и кожаные краги. Треугольные шляпы были сменены красивыми и легкими касками. Косы, пудра — отошли в предание: солдаты стали носить волосы по народному, в скобку.

Однако, все эти нововведения начались с 1781 года, т. е. на третий год службы Ивана Петровича в полку. Тогда же, когда он прибыл в полк для явки командиру полка бригадиру Николаю Степановичу Ш е м я к и н у — он видел у коновязей, у ворот

---

*) Сформирован в 1701 году под имнем драгунского Дениса Девгрина. В 1708 году назван Вятским. Был под Полтавой, брал Ригу, действовал в Финляндии. В 1735-39 г.г. участвовал в Крымских походах и в усмирении башкирского бунта. В 1763 году переименован в карабинерный и соединенный с Пермским карабинерным — назван Таганрогским. Под этим именем участвовал сначала в польской, а затем в турецкой войнах (1768-1775). В 1783 году переведен на Кавказ, где принял в 1791 г. участие в овладении Анапой. С 1798 г. назывался по именам шефов. В 1801 г. возвращено название — Таганрогский драгунский. В 1808 г. покинул Кавказ и принял участие в войнах с Наполеоном. В 1812 г. переименован в уланский, а в 1826 г. назван Белгородским, под каким именем и существовал до конца своей истории.

Сведения, касающиеся драгунских полков екатерининских времен и их службы на Кавказе, взяты, преимущественно, из книги В. Потто «История 44-го Нижегородского драгунского Е. И. В. Наследника Цесаревича полка» СПБ. 1892.

конюшен и у полковой канцелярии усатых драгун, одетых в длиннополые синие кафтаны, в треугольных шляпах, в косах и пудре, а в штабе полка, гремящего саблей в лакированных ножнах, в крагах с громадными зубчатыми шпорами, адъютанта, в пудренных буклях, который и провел оробелого дворянского недоросля в командирский кабинет.

Бригадир Н. С. Шемякин (*) в ту пору, был еще совсем свежий человек сорока с небольшим лет. Он был храбрым, энергичным офицером, успешно и уверенно продвигавшимся по служебной лестнице. Успешно проводя в жизнь ту новизну, которую вносил в войска реформаторский дух Светлейшего, он был на хорошем счету у начальства.

Однако, перемены в характере драгунской службы, а главное, намечающийся переход полка из России на неведомый и враждебный Кавказ, создавали для него, как для командира полка, немало новых трудностей, связанных и с подготовкой полка к тяжелому и длительному походу и с тем, что многие офицеры всячески стремились избежать перевода в кавказскую глушь.

Особенно же докучали командиру, человеку более боевому, нежели письменному, все увеличивающаяся переписка с военной коллегией, требовавшей множество всяких сведений, отчетов донесений, рапортов и проч. При тогдашнем состоянии образования, в полку не могло быть достаточного числа удовлетворительно грамотных офицеров, которые могли бы быть полезны в полковой канцелярии. Поэтому то, надо думать, явка в полк хорошо образованного, прекрасно владеющего пером, трудолюбивого, исправного и исполнительного человека, каким был Иван Петрович — была для бригадира Шемякина истинной находкой. Иван Петрович, видимо, в строй не попал, или, во всяком случае, находился в нем недолго, а остался для письменных занятий в штабе полка. Так можно думать потому, что, по прибытии в полк, Иван Петрович, как гласил его послужной список, был назначен полковым берейтором, т. е. лицом на обязанности которого лежала выездка молодых лошадей. Трудно предположить, что семнадцатилетний юноша, коим был тогда Иван Петрович, едвали имевший до прибытия в полк дело с лошадьми, действительно мог бы взять на себя столь нелегкое дело, требовавшее и большой выучки и опыта и уменья. Можно предположить, что тогда в полку была незамещенная вакансия берейтора, на каковую фиктивно и был назначен Иван Петрович, фактически использованный для письменных занятий в полковом штабе.

Полковая жизнь тех времен, о бытовой стороне которых у нас нет достаточно ясного представления, — очень красочно и живо описана в известных записках Андрея Тимофеевича Болотова (изданы в виде приложения к журналу «Русская Старина» в 1870 году). Эти записки являются ценнейшим и, пожалуй, почти единственным источником для истории русскаго быта второй половины XVIII века, как раз совпадающей с молодыми годами Ивана Петровича.

Подобно последнему, А. Т. Болотов был зачислен в армейский полк, только не в кавалерийский, а в пехотный, «как простой и молоденький сержантик... и ничем не лучше сержантов прочих, которые почти все около сего времени были такие же дворяне, как и я, ничем меня не хуже». Так же как и Иван Петрович, Болотов не попал в строй, а, имея руку в полку, в лице своего зятя, был причислен к квартирмейстерской части, благодаря чему, как писал он, «избежал несения сержантской своей и многотрудной должности, не принужден (был) ехать в роту, стоять в какой-нибудь латышской рею (полк, где служил Болотов стоял в прибалтийском крае), жить с солдатами и угождать своенравию своего капитана».

Из тех же записок Болотова мы узнаем о том, что молодые дворяне, прибывавшие в полки, должны были держать какой-то экзамен, верно на офицерский чин, где-то при штабе. Об этом Болотов писал так: «опасались мы, чтоб не велено было от командующего генералитета, к которому тотчас о прибытии моем рапортовано, меня в науках экзаменовать и чтоб не потребовали меня для сего в Ригу, где тогда командующий нами генералитет находился».

Надо думать, что такой же экзамен, вероятно обязательный для всех, прикомандированных к полкам молодых дворян, должен был держать и Иван Петрович. Но, видимо, такого экзамена он не держал и не держал потому, что Таганрогский полк, вскоре после зачисления в его списки Ивана Петровича, был передвинут на такую далекую и глухую окраину, где шла непрестанная война, и где, едвали имелись необходимые экзаменационные инстанции. Может быть именно потому, что Иван Петрович не подвергся свое-

(*) Шемякин Николай Степанович, генерал-майор, — происходил из дворян московской губернии; род. в 1740 г., воспитывался в кадетском корпусе и выпущен в армейскую кавалерию в 1760 г. Произведенный уже в 1762 г. в ротмистры, он с 1769 по 1774 г.г. принимал участие в походах против Турции; был в 1769 г. при блокаде города Хотина; в 1771 г. в сражении под Букарестом, в 1772 г. в сражении при Туртукае, в том же году и в 1774 при бомбардировке города Силистрии, в 1768 г. произведен в секунд-майоры, в 1770 г. премьер-майоры, в 1771 в подполковники, в 1777 г. в полковники, в 1782 г. в бригадиры и в 1784 в генерал-майоры; командир Таганрогского драгунского полка, а в 1785 г. состоял при сформировании драгунского полка в Оренбурге. Уволен от службы в 1786 г. Время его смерти неизвестно.

«Русск. биографический словарь». СПБ. 1900.

временно испытанию в установленном порядке, он не был произведен в первый офицерский чин и дальнейшее прохождение им службы получило несколько необычный характер.

2.

Особенности прохождения Иваном Петровичем военной службы в Таганрогском драгунском полку можно объяснить его близостью к полковому штабу. Видимо пользуясь штабными связями, ему как-то, удалось получить из военной коллегии так называемый офицерской патент по должности полкового берейтора, хотя должность эта не была офицерская, да и патенты выдавались не по должностям, а по офицерским чинам.

Как бы то не было такой патент, которым Иван Петрович утверждался в офицерском звании, им был получен. В этом патенте, по установленной форме, от Высочайшего имени, доводилось до всеобщего сведения о том, что Иван М., который служил «полковым кадетом», за его, как говорилось в патенте, «к Нашей службе усердие и ревность», производится в «полковые берейторы», в каковом звании повелевается всем его «признавать и почитать», а его, Ивана М., обязывает поступать», как доброму и честному офицеру надлежит».

Таким образом, хотя занимавшаяся Иваном Петровичем берейторская должность не была офицерской а унтер-офицерской, и, несмотря на то, что он не имел офицерского чина, — названным выше патентом он был признан офицером, что, каким то образом, помогло ему позже получить при отставке чин поручика, т. е. третий офицерский чин, не имея двух первых.

По Кучук-Кайнарджийскому миру, окончившему первую турецкую войну (1768-1774) — Россия получила весь приазовский край и установила свою южную границу по правому берегу Кубани. В 1783 году, т. е. как раз тогда, когда таганрогские драгуны двинулись походным порядком на неведомый и таинственный Кавказ (*), — произошло присоединение Крыма, а грузинский царь Ираклий перешел в российкое подданство. Все эти события, в их совокупности, понуждали Россию более решительно двинуться на Кавказ и утвердить там свое владычество.

Одним из таких шагов явилось очищение всего Северного Кавказа от привольно кочевавших там ногайцев, осуществленное Суворовым, который с казаками, драгунам и двумя батальонами егерей, 1-го октября 1783 года, близь урочища Керменчик, наголову разбил ногайские орды, принудив их к повиновению, и заставил их переселиться на Волгу. В опустевшие степи между Доном и Кубанью стали селиться остатки запорожской сечи под именем черноморского казачьего войска, которое, вместе с переселенными на Кубань донскими казаками, и регулярными войсками, образовали так называемую Кавказскую линию.

Таганрогский полк в операциях по очищению Приазовья от ногайцев, кажется, участия не принимал. Но продвижение его к месту назначения на один из пунктов Кавказской линии (крепость Александровская) — происходило не только в трудностях далекого и тяжелого пути, но и в безпокойной обстановке покоряемого края, в котором, с одной стороны, бушевали подстрекаемые турками из Анапы, ногайцы, а с другой, постоянными набегами из за Кубани, угрожали воинственные и непокорные горцы, доходившие иногда в своих набегах, до самой донской столицы — Черкасска.

Уже к югу от Воронежа начинались необозримые, безлюдные степи, делавшиеся, по мере продвижения полка на юг, все пустыннее и глуше. Лишь по Дону и его притокам, кое-где, редкими точками, ютились казачьи станицы и хутора, окруженные земляными валами и вышками часовых, и защищенные медными пушками.

«Небольшие фортеции, редуты, да казачьи городки, были так малы и бедны, что не могли давать убежища людям» — писал В. Потто, описывая движение на Кавказ, в том же 1783 году, но несколько позже движения таганрожцев, Нижегородского драгунского полка. «Короткие холодные епанчи (щеголеватые из белого сукна, но малопрактичные, плащи. Г. М.) — не могли защищать солдат от стужи». Ночевали в открытом поле. Костров, в этих безлесных местах, разводить было почти не из чего, согревались, главным образом, усиленными порциями водки.

В те времена, Новочеркасска, через который позже проезжал Пушкин, направляясь в Арзерум, — еще не было. Столицей донского войска был тогда старинный Черкасск. Его массивные соборы, чуть виднелись в голубой дали, когда таганрожцы, после короткой остановки в крепости св. Дмитрия Ростовского (будущий город Ростов-на-Дону) — переправлялись по понтонному мосту через широкий Дон.

Эта крепость, построенная в 1761 году для охраны от набегов горских и ногайских племен, имевшейся у устья притока Дона, реки Темерник, таможни, — бы-

(*) Насколько тогда Кавказ был для русских чужой, дикой и неизследованной страной, — свидетельствует следующий исторический факт. Имп. Екатерина Великая потребовала, как то, от коллегии иностранных дел точнейшую справку: где Тифлис? На картах, представленных Императрице, он был обозначен то на Каспийском море, то на Черном море, то на середине грузинской земли.

ла расположена на высоком, глинистом берегу Дона, размытом оврагами и разрезанном балками. Земляной вал, в виде замкнутого многоугольника, построенный с соблюдением всех требований тогдашней фортификации, — замыкал внутренность крепости. Там находился военный поселок с несколькими пыльными немощенными улицами, вдоль которых распологались казармы, цейхгаузы, лазареты и«штаб и обер офицеров и разных чинов квартиры». На площади против крепостного «собора» — довольно убогой деревянной церкви, находился каменный комендантский дом, в коем, как раз в то время, размещался со своим штабом Суворов: стояли гауптвахта и гарнизонная канцелярия, у дверей которых виднелись часовые в треуголках, синих мундирах и стояли, привязанные к коновязям, оседланные казачьи лошади.

В крепости были и «питейные дома», которые, верно, усердно посещались истомившимися в долгом походе, драгунами, пока они недолгое время стояли бивуаком возле крепостных верков.

На старинном плане крепости св. Дмитрия Ростовского (*) возле нее значится «форштат и поселение купцов и разного звания людей», в котором драгуны, вероятно, могли найти и некоторое отдохновение и некоторые утехи и рассеяние, коих они были лишены так долго.

И крепость и форштат, несмотря на всю невзрачность и убогость их строений — жалких, крытых камышом хижин и неказистость «купецких амбаров для поклажи привезенных из Царя Града товаров», — казались, в то время, чем то вроде форпоста цивилизации, ибо, дальше, только через 250 верст на юг — было населенное место: слобода Донская. До ней же и дальше, по пути не было ни одного селения и лишь через каждые 10-15 верст, находились редуты, в коих несколько казаков или пехотинцев, изнывая от совершенного одиночества, охраняли путь для почты, курьеров и проезжих.

Эти одинокие, затерянные в необозримой степи редуты; их крайне малочисленные, но мужественные, сроднившиеся с постоянной опасностью, гарнизоны; рассказы о, то и дело, прорывающихся через кордон «хищниках», налетевших на какой-нибудь беспечный казачий хутор и захватывавших пленных, — без слов свидетельствовали о том, что полк уже вступил в совершенно особый край, в тот таинственный Кавказ, где ни на минуту не прекращалась упорная и беспощадная война. Здесь было все по иному, нежели в коренной России. Другие были даже те солдаты, которые варили в закопченных котелках кашу или похлебку у своих землянок и попыхивали короткими трубками, набитыми местным табаком. Они не были затянуты в мундиры, не были подтянуты и вымуштрованы. Что то свободное, неказарменное, а независимое и боевое, чувствовалось в этих людях, день и ночь, стоящих на страже российских границ.

Со вступлением в пределы Кавказа, были приняты меры предосторожности и охранения. Людям было строго запрещено отъезжать от полка в сторону. Каждая балка, каждый куст, курган и холм — таил в себе опасность. Каждому неосторожному угрожал плен и даже смерть. Впереди и по сторонам маячили, высланные в охранение разъезды.

Надо думать, что все это было и любопытно и волнующе для юного Ивана Петровича, впервые покинувшего российские пределы. Однако, и здесь уже была Россия, непобедимая и могущественная. Мощные крылья российского двуглавого орла уже простирались над этими безлюдными зелеными пустынями.

Воды быстрые Дуная
Уж в руках теперь у нас!
Храбрых россов почитая,
Тавр под нами и Кавказ-

Слова этого победного гимна, раздовавшегося по всей тогдашней России, возможно, приходили на ум Ивана Петровича и наполняли его сердце гордостью, когда он, покачиваясь на седле, озирал бескрайные, покрытые буйной травой, степи, по которым лениво текли тихие степные речки, по берегам коих, тут и там, изредка, лепились затерянные казачьи хутора.

«Переход из Европы в Азию делается час от часу чувствительнее: холмы сглаживаются, леса исчезают, трава густеет и являет большую силу растительности; показываются птицы, неведомые в наших лесах; орлы сидят на кочках, означающих большую дорогу, как будто на страже, и гордо смотрят на путешественника; по тучным пастбищам

Кобылиц неукротимых
Гордо ходят табуны.

Калмыки располагаются около станционных хат».

Так описывал свои впечатления, проезжавший в тех же местах, Пушкин по дороге в Арзерум, только шестьюдесятью годами позже. В его время путевые опасности сошли на нет: по пути стояли станционные хаты, в которых усталый путник мог получить самовар и растянуться на твердом станционном диване. При Пушкине дорога на Кавказ была уже хорошо проторена и наезжена. Совсем иначе было во времена похода таганрогских драгун на Кавказ.

(*) См. план крепости, приложенный к книге советского издания «Ростов на Дону» М. 1950.

Все глуше, все девственнее и диче становилась степь, гуще делались травянные заросли, непроходимее, заросшие камышем речные плавни, полные всевозможной дичи, гудящие от камаринных туч и пропитанные малярийной сыростью.

Стали чаще заболевания солдат лихорадкой. Полковой лекарь озабоченно хмурил брови: число больных все увеличивалось. Вообще, долгий поход, длившийся уже не один месяц, стал сказываться на общем состоянии полка. Люди явно устали. Обветренные и загорелые до черна солдатские лица запали и вытянулись. Кони сдали в теле. Обмундирование изрядно поизносилось и обычная драгунская щеголеватость несколько потускнела. Выцвело сукно камзолов и шаровар, выгорели желтые лампасы вальтрапов и желтые же вензеля Императрицы на них

Однако, ничто не колебало ни дисциплину ни установленные воинским регламентом порядки и формы. И в походе они соблюдались без всяких уклонений. И, когда, по вечерам, полк устраивался на бивуак где-нибудь на берегу шумящей предгорной речки, драгуны вели коней на водопой, в походной кузнице пылал горн и звенел молот, а кругом горели костры и дымились котелки, казалось, что полк находится не в диких дебрях неведомой земли, а где-нибудь на лагерной стоянке в родных русских местах.

В тишине совершенно безлюдной и молчаливой степи, нежно и печально пела кавалерийская труба, мощно звучали солдатские голоса, певшие вечернюю молитву, и постепенно громадный бивуак погружался в крепкий сон. Только, время от времени, протяжно перекликались часовые, тревожно вглядывавшиеся в темные речные заросли и вслушивающиеся в таинственые звуки чужой ночи. Лишь в командирской палатке еще долго горел свет. Являлся с рапортом дежурный по полку офицер; приходили с докладами и за приказаниями эскадронные командиры, а состоящий в адъютантах, скромный и учтивый Иван Петрович, стараясь не пропустить ничего из того, что сказал ему за день командир, — тщательно писал приказ по полку на следующий день.

Когда же он выходил из командирской палатки, возле которой у денежного ящика, маячил часовой, и глядел на далекие звезды ночного неба, — его охватывало ощущение величия и торжественности, дышащего полной грудью, величавого Божьего мира, и тогда сердце его сжималось от какой-то неясной и сладкой, юношеской грусти.

3.

Наконец, полк достиг реки Кубани, по правому берегу которого на многие десятки верст тянулась знаменитая Кавказская укрепленная линия, защищавшая новую южную границу России.

Вдали синели передовые отроги Кавказских гор, покрытые непроходимыми лесными чащами.

Кавказская линия была возведена Суворовым (помимо старой степной кубанской линии) в 1778 году, от устьев Кубани до Ставрополя для того, чтобы обеспечить кубанские земли от набегов закубанских народов.

Участок, в который входила крепость Александровская (назначенная для стоянки Таганрогскому полку), примыкавший к ставропольским степям, состоял из восьми крепостей и девятнадцати фельдшанцев. На карте кавказской линии, относящейся к 1783 году, в соседстве от Александровской, па северо-восток по реке Кубани, значатся форты: Михайловский и Западный, а вниз по Лабе: крепость Царицинская, форт Священный и другие.

Пройдя еще не один десяток верст по довольно людным дорогам, соединявшим русские укрепления по Кубани, таганрожцы достигли, наконец, цели своего долгого похода. На невысоких холмах, у подошвы коих лениво текли неглубокие речушки, притоки р. Лабы) Малая и Большая Талузловки, возвышалось внушительное земляное укрепление, окруженное широким и глубоким рвом. Через бойницы высокого бруствера, укрепленного плетенными турами и мешками с песком, — смотрели жерла медных пушек. Широкий ров вился перед крепостными воротами, загражденными рогатками. Это то и была Александровская крепость.

По команде дежурного офицера часовой привел в движение блоки подъемного моста, и по его настилу звонко застучали копыта лошадей передового эскадрона. Долгий поход был закончен!

За стенами крепости грудились немногие примитивные хижины-мазанки под камышевыми крышами, стояла бедная деревянная церковь и находились немудренные гарнизонные службы: конюшни, цейхгауз, кузница, лазарет. Может быть, была там и какая-нибудь незатейливая маркитанская лавченка или даже убогий трактир, содержавшийся каким-нибудь бесстрашным предпринимателем.

Едва ли Александровская крепость, наверно уже имевшая какой-то пехотный гарнизон, могла вместить в себя целый драгунский полк с его сложным хозяйством. Надо думать, что в крепости разместился лишь полковой штаб, да, может быть, один, много два, эскадрона. Остальные же эскадроны, вернее всего, были разбросаны по линии в фортах, для несения сторожевой службы, а, может быть, и за линией в тех селениях, которые стали там понемногу возникать.

В то время на кавказской линии царило относительное спокойствие, ибо горцы, в памяти которых еще были свежи недавние походы в горы ген. Якоби, — еще не решались нападать крупными силами на русские укрепления. Это неустойчивое и мнимое спокойствие способствовало тому, что вызванные кавказской администрацией из России, однодворцы и государственные крестьяне, вместе с отставными кавказскими солдатами, — стали смело селиться за линией, сооружая незатейливые шалаши и землянки и образуя, мало-помалу деревни и села.

Полная тревог, боевая жизнь на кавказской линии, с постоянными набегами небольших партий горцев на посты, на фуражиров и на селения, с их преследованием и поисками на вражеской территории — придавали всей жизни в крепости совершенно своеобразный характер. И, вообще, весь стиль кавказской службы был иной, нежели внутри России. Служба эта требовала от офицеров и солдат совсем других качеств, нежели те, которые были необходимы в обычных, мирных условиях.

«Против страстных, пылких, стремительно- бешенных натисков горцев, нужны были не затянутые талии, не напудренные головы, не равнение и строевая маршировка с вытягиванием носка, а индивидуальное развитие бойца, уменье постоять за себя в одиночку, личная инициатива, не выходящая из пределов самой необходимой дисциплины, быстрота сообразительность, смелость мысли, находчивость и безрассудная самоотверженность». Вот какие свойства, по словам историка кавказской войны, В. Потто, требовала служба на Кавказе от офицеров и солдат.

Естественно, поэтому, предположить, что и в Александровской крепости того времени, меньше всего обращали внимание на показной лоск, парадную выучку и на строевые экзерциcы. В боевой обстановке всякого рода «формалистика», верно, была сведена к самому необходимому минимуму и отношения офицеров между собой и между ними и солдатами, наверно, были много проще и душевнее, нежели в мирной обстановке.

В своей дальнейшей жизни, Иван Петрович проявил достаточно инициативы, решительности, умения постоять за себя и большой требовательности и к себе и другим. Можно предположить, что свойства эти были развиты в нем особенностями кавказской боевой жизни. Вероятно, за годы своей службы на Кавказе, выезжая для выполнения приказаний командира на линию из крепости, в коей он постоянно обитал, как адъютант, или направляясь верхом, в одиночном порядке, в соседнюю крепость или форт, а то и в ближайшее селение по своей личной надобности. — Иван Петрович сумел развить в себе и хладнокровие, и выдержку, и находчивость, необходимые для того, чтобы не попасть под пулю или под аркан притаившегося, где-нибудь в засаде, горца.

В 1785 году, чеченец Шах-Мансур объявил священную войну неверным, так называемый «газават». Горцы толпами стекались к нему. Посланный против него отряд полковника Пиеры, был окружен в чеченских лесах и почти совершенно истреблен. Весною 1786 года, сильная партия войск Мансура прорвалась до самого Александровского города (так, к тому времени, стала называться крепость), сожгла село Новосильцево, увела в плен до 200 жителей и угнала до девяти тысяч голов скота. Конечно, в отражении и преследовании вторгнувшихся чеченцев, принимали деятельное участие и таганрогские драгуны.

Об участии Ивана Петровича в этих и других военных действиях — сведений не сохранилось. Кажется, не имел он и боевых отличий, которые, впрочем, в те времена давались очень туго и редко.

Видимо он, находясь в полковом штабе, не нес строевой и боевой службы, хотя, конечно, годы, проведенные им на Кавказе, на тогдашней боевой передовой линии — были чреваты и всевозможными опасностями, и разными выдающимися событиями, и происшествиями.

В будничное же время, когда на линии было тихо, стиль крепостной жизни по своему однообразию и упрощенности, вероятно, мало чем отличался от жизни Белогорской крепости, затерянной в оренбургской степи, описанной Пушкиным в «Капитанской дочке». Пересуды и ссоры, карточная игра и незатейливые кутежи в трактире или у какой-нибудь солдатки в ближайшей слободке, прибытие «с оказией» почты, приезд фельдъегеря или случайного офицера, — были целыми событиями, обсуждаемые на все лады, а случайно завезенная книжка петербургского издания или старый номер «Ведомостей» — зачитывались до дыр, изнывающими от тоски обитателями забытой Богом и людьми, крепости.

Кругом, насколько хватало глаз, простиралась безграничная зеленая пустыня, замкнутая на юге грандиозной грядой кавказского горного хребта, над которой, в ясные дни, возвышалась двуглавая серебряная вершина царственного Эльборуса. Зимой дули неистовые азиатские ветры и бушевали мятели, а летом стоял зной, степь выгорала, донимали комары и мухи. Только ранней весной, когда нежно и изумрудно зеленели травы, цвели абрикосы и вишни, и лепестки их залетали в открытые окна незатейливых крепостных домиков, да, в дни сухой, золотой осени — жизнь в этих диких местах была сносной и не казалась безнадежно тоскливой и безотрадной.

В 1785 году, Иван Петрович был официально. с получением соответствующего патента из военной коллегии, назначен «адъютантом в штаб генерала-майора Шемякина, в корпусе Кавказском». В том же году прекратилось командование ген. Шемякиным Таганрогским драгунским полком и он отбыл к новому месту службы в Оренбург. Может быть. именно в связи с этим, Шемякин счел своим долгом ходатайствовать об официальном подтверждении адъютантства Ивана Петровича, коего он, верно, за три года совместной работы, сумел должным образом оценить.

В 1788 году покинул Кавказ и Иван Петрович. Он вышел в отставку, будучи произведен в поручики.

Г. Месняев.

Д. ХОДНЕВ

Еще про легенду о "ФЕДОРЕ КУЗЬМИЧЕ"

(из архива Л.-Гв. Финляндского полка).

От редакции

Ни коим образом не претендуя на правильность своих суждений по раскрытию тайны о «Федоре Кузьмиче», автор этой заметки хочет лишь поделиться с читателями рядом фактов о том, что ему известно о легенде (из архива и от особ, заслуживающих полного доверия).

В исторических исследованиях не редко, кажущаяся, на первый взгляд, совершенно незначущей. мелочь, — может впоследствии оказаться нужной и даже важной. Об этом неоднократно указывал мне известный военный историк, ген. шт. генерал-лейтенант П. Н. Симанский, побуждая не обращать внимания, что не всегда эти мелочи кажутся интересными, и что бывают оне весьма спорны. «Чем больше исторических подробностей — тем ближе подходим мы к цели», — говорил он. И вот, памятуя эти его слова, я позволяю себе предложить вниманию читателя свой небольшой очерк-заметку:

«*Еще про легенду о «Федоре Кузьмиче»*, — тайну до сих пор продолжающую интересовать и волновать многих из нас. Но считаю своим долгом начать мое повествование откровенным признанием, что я лично не верю в то, что старец Федор Кузьмич — это Император Александр I. Я верю в то, что Император Александр Павлович действительно умер в Таганроге; что был похоронен он не в Петро-Павловском крепостном соборе в С.-Петербурге, а в ином месте; точность которого еще до сих пор не установлена.

Л.-Гв. Финляндского полка полковник Андрей Павлович Офросимов II, служивший в полку при Императоре Александре I, с 1811 по 1817 год, переведенный затем Л.-Гв. в Волынский полк, — при его формировании в Варшаве, — был в дружеских отношениях с полковником Гродненского гусарского полка, Луниным, будущим «декабристом». В записках полковника Павла Яковлевича Купреянова (офицер Л.-Гв. Финляндского полка с 1806 по 1826 г.), имеется указание, что А. П. Офросимов, после ссылка Лунина в Сибирь, вскоре потерял с ним всякую связь, ибо он (Лунин) совершенно отошел от общения с людьми его знавшими; уединился; и о нем стало очень мало что известно... Он как-бы пропал... Рассказывали, что Лунин скрылся и, впоследствии, был известен в Сибири под имепем таинственного «старца Федора Кузьмича», которого некоторые принимали и за Императора Александра I.

Кроме Лунина, в «Федоре Кузьмиче» — подозревали еще и Кавалергардского полка полковника Уварова, «бесследно пропавшего» в 1824 году, — за год до «декабрьского восстания».

Нужно отметить. что черты лица старца Федора Кузьмича были мало сходны с таковыми — Александра I. У Императора был почти голый череп, лишь обрамленный редкими волосами, которые он зачесывал назад и вверх от висков; у Федора Кузьмича были длинные шелковистые волосы. Рост Императора — не совпадал точно с ростом Ф. К., — Император был несколько выше его.

Как это ни странно, — некоторые исследователи, которые стараются убедить, что таинственный старец Федор Кузьмич — в действительности Император Александр I, — приводят явно неверные о нем

сведения. Так. К. Велаткур, в № 60 журнала: «Miroir de l'Histoire», указывает: «... рост Кузьмича, цвет волос, слегка курчавившихся, были совершенно такими-же. как и у Александра I...» (а истекшие годы — то?...). Старец Ф. К., почти до последних дней сохранив бодрость и крепость, умер 20 января 1864 года. Если это был Император Александр I. то он, стало-быть, скончался на 87 году своей жизни. Трудно даже предположить, что столь много переживший — и физически и духовно. — не отличавшийся. к тому-же. крепким здоровьем. мог дожить Александр до такого преклонного возраста. Добавлю, что Ф. К., согласно метрическим записям, скончался 80 лет от роду, т. е. будучи почти на семь лет моложе Императора Александра. Уж это одно наводит на размышления.

Один из исследователей. И. Л. (Иван Лукаш), в своем очерке: «Тайны Александра I». утверждает, что в заговоре о мнимой смерти Государя, «...Несомненно участвовали князь Волконский и сама Императрица...». Участие именно этих лиц — по моему мнению — совершенно невозможно. Это указывает лишь на недостаточное знание И. Л. о всем происшедшем, и малое историческое знакомство его с личностью тех, о ком он так уверенно говорит...

Если бы Император Александр I не умер тогда и скрывался в Сибири, — мог-ли Николай I служить о нем, живом, панихиды? Его религиозность, горячая вера и богобоязненность, — а этим он, ведь, так выделялся, — не допустили бы эту ложь. Не в его характере это было!

— Легенда о мнимой смерти Императора Александра Павловича в Таганроге. 19 ноября 1825 года, и о его, будто-бы, уходе «в странствование по Земле Российской» хорошо известна всем, и здесь повторять ее я, конечно, не буду. Хочу лишь указать на следующее: по словам многих современников, Император Александр очень глубоко переживал свое, т. ск., косвенное «участие » в убиении отца, Императора Павла Петровича. Он, как известно, знал, по слухам, о заговоре, но... не принял никаких мер. Душа его не находила успокоения со времени страшной мартовской ночи 1801 года. В двадцатых годах, его нравственные муки дошли до предела... И, вот, рассказывают будто он тогда поведал своему другу Аракчееву о неподоримом страхе быть погребенным в усыпальнице Петропавловского собора, в крепости, и лежать вечно, бок о бок, со своим убиенным отцем, перед которым он всегда чувствовал и свой грех...

Не исключена возможность, что Император Александр, с ведома Аракчеева и по его совету, соблюдая полнейшую тайну, завещал (повелел) похоронить себя в аракчеевском селе Грузино. А другой гроб (пустой, или с положенным в него другим покойником) поставить в Петропавловском соборе. Если все это так, то вполне объяснимо нахождение, при вскрытии гробницы большевиками, 18 июля 1926 года (комиссия под председательством Луначарского) пустого гроба: «неизвестный солдат» был, конечно, в скором времени после погребения, изъят (о чем и имеются сведения: до вскрытия гроба большевиками, он был уже вскрыт дважды: в царствование Императора Александра II, при министре Двора графе Адлерберге, в 1865 году: и в царствование Императора Александра III, при министре Двора графе Воронцове-Дашкове, в 1889 году), и с того времени, гроб был пуст.

По другим версиям, — похороненный сперва в Петропавловском соборе, почивший Император, согласно его воли, был вскоре же, тайным образом, оттуда изъят и погребен в другом месте.

К. Велаткур, в «*Miroir de l'Histoire*», сообщает, что гроб Императора, по прибытии из Таганрога, через Москву, в Царское Село, — задерживается там около двух недель, до перевезения в Петербург, в Петропавловский собор. И высказывает мнение, что этот двухнедельный срок понадобился для того, чтобы извлечь из гроба труп «изображавший Императора», и в Петербург отправить, для отпевания, пустой гроб.

Но, ведь, возможен вполне и тот факт, что тело почившего Императора было тогда извлечено из гроба для погребения не в Петропавловском соборе а в каком-либо ином месте, согласно воле почившего, — хотя бы, например, в селе Грузино?

Ввиду наличия полнейшей и строжайшей тайны о месте погребения Императора Александра Павловича и всевозможных слухов о его душевных переживаниях в последние годы, — и появилась в народе известная *легенда*.

Многие историки и исследователи этого вопроса, — например, Н. К. Шильдер — не имели, однако, возможности выяснить его, ибо не все государственные архивы были им доступны. Мы знаем, что известный историк, и много «прорабатывавший» в этом направлении, Великий Князь Николай Михайлович сразу-же после февральской революции 1917 года, хотел, было, заняться разрешением этого, сугубо важного и весьма, с исторической точки зрения, интересного вопроса, — все архивы были тогда открыты и доступны: «...ну, — теперь-же я уже выясню точно, *где похоронен* Александр I...», — были его слова, сказанные полковнику В. В. Жерве, б. хранителю исторического музея Л.-Гв. Финляндского полка. Если бы Великий Князь Николай Михайлович верил, что Федор Кузьмич — это Император Александр I, то и место погребения его он не искал-бы вблизи Петербурга. Но пока он добивался доступа к этим тайным архивам, — был большевиками арестовн и расстрелян...

Не исключена возможность, что бумага, указывавшая действительное место погребения Императора Александра, была, в минуту опасности, или просто по необходимости сохранения тайны, согласно Высочайшего повеления, — когда то уничтожена.

Позволю себе привести следующий рассказ бывшего моего ротного и батальонного командира, флигель-адъютанта *В. И. Сухих,* — рассказ, который я слышал от него, лично. На одном из его дежурств при Государе Императоре Николае II, в Царском Селе, когда, кроме Вл. Ив. Сухих, никого у Государя не было, зашел разговор о восстании «декабристов» и о службе караулов нашего полка в тот день. При упоминании о кончине Александра I, Вл. Ив. Сухих (— Государь любил его и доверял ему —) позволил себе спросить: «Ваше Величество. — действительно-ли *умер* тогда, в Таганроге, Император Александра I, и не стал-ли он потом «Федором Кузьмичем»?». Государь некоторое время молчал. Но потом, с приветливой и ясной улыбкой, открыто и доверчиво глядя на Сухих, промолвил: *нет, Сухих, все это не так»*... На этом разговор окончился. Конечно, Вл. Ив., несмотря на свое желание, не мог его продолжить, задав Государю еще и другие, на эту-же тему, вопросы. Но, — по одной лишь фразе Государя, — как он ее произнес, как взглянул, — для Сухих сразу стало ясно (— так рассказывал он мне—), что «Федор Кузьмич» *не был* Императором Александром I; что под этим именем скрывался кто-то другой; что Государь действительно скончался тогда в Таганроге.

Известно, что воспитатель Императора Александра I, Лагарп (1783-1896 г.г.), который пользовался исключительным доверием Царя и до 1816 года был особенно ему близок, — никогда не высказывал сомнений по поводу смерти Государя 17-го ноября 1825 года в Таганроге, и до самой своей смерти (1838 г.) пребывал в глубоком горе, *оплакивая* почившего Императора.

Прошло много лет после революции 1917 года. В эмиграции образовалось «Объединение Л.-Гв. Финляндского полка», с центром его — Париж. Там хранилось полковое Георгиевское знамя и все, что дорого было полку, — *что* удалось спасти и вывести; что случайно находили и приобретали.

Таким-образом, было положено начало, «эмигрантского» исторического музея и архива полка: стал регулярно выходить журнал «Финляндец».

В 1936 году, княгиня Мария Владимировна Барятинская, проживавшая на юге Франции, в г. Канн, передала в дар полковому объединению — реликвию: *прядь волос Императора Александра I,* Державного Основателя и Однополчанина Лейб Гвардии Финляндского Полка (см. журнал «Финляндец», ном.: 21 и 26). По просьбе племянницы Министра Императорского Двора, князя П. М. Волконского, княгини Елисаветы Николаевны Чернышевой, находившейся в дни болезни и смерти Императора в Таганроге и присутствовавшей на всех панихидах, — ее дядей, кн. Петром Михайловичем, была собственноручно срезана прядь волос с почившего Императора и послана ей, — так его почитавшую, при его, собственноручной-же, записке об этом. Подлинная записка эта также хранится в «полковом объединении». Эта прядь волос благоговейно и бережно хранилась княгиней Е. Н. Чернышевой; а после ее смерти реликвия перешла к ея дочери, княгине Е. А. Барятинской; а после ея смерти — к ее дочери, кн. М. В. Барятинской, которая продолжала бережно хранить эту реликвию, как святыню, и после революции 1917 года вывезла ее заграницу.

Передавая этот дар в «объединение» нашего полка, княгиня Мария Владимировна Барятинская, которой тогда было 85 лет, сказала: Возглавлявшему наше объединение, б. командиру Л.-Гв. Финляндского полка, генералу барону П. А. Клодт фон Юргенсбург: «я очень рада, что эта реликвия попадает в надлежащие и верные руки...». Нужно ли говорить, что кн. М. В. Барятинская была убеждена, что Император Александр действительно умер в Таганроге и никаких сомнений об этом у ней не было.

2-го июля 1937-го года, на 87-м году жизни, кн. М. В. Барятинская скончалась.

А прядь волос Императора Александра Благословенного, через сто одиннадцать лет, волею Божией, благоговейно принятая «полковым объединением» Л.-Гв. Финляндского полка, — продолжает свято храниться, и является для нас подтверждением *кончины* Императора Александра I в Таганроге, 19-го ноября 1825 года.

— Я хочу закончить свой очерк примечательными словами г. З. Авьерино, из его статьи:

«Умер-ли Александр I в Таганроге?» (см. журн. «Перезвоны», ок. 1956 г., № 50): «...легко понять, что слухи... ...породили те легенды, которые связываются со смертью Александра I и с которыми до сих пор не расстаются, — не могут расстаться!... Почему? Кажется потому, что легенда всегда выше, прекраснее печальной действительности, и человеку свойственно мечтать и стремиться к прекрасному. И легенда полна внутренней правды, — той правды, которая должна была быть, но, к несчастью, не была в действительности. Это и думал Лев Толстой, когда писал Великому Князю Николаю Михайловичу: «допустим: исторические доказательства говорят о невозможности тождества личности Александра и Федора Кузьмича. Но, все-же, легенда остается во всей своей красоте и правде...».

Д. Ходнев.

Н. ЧИРИКОВ

Генерал-Адмирал Русского Императорского Флота

Великий князь КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ

(Продолжение)

По УТВЕРЖДЕНИИ Государем Императором Александром II-м — 25-го октября 1865 года —основных положений преобразования военно-судебной части, был выработан к началу 1866 года представителями морского и военного ведомств подробный проект уставов военно-уголовного судоустройства и судопроизводства. Великий князь генерал-адмирал руководил этим делом в полном согласии с военным министром Д. А. Милютиным, неуклонно держась основных принципов «Судебных уставов» 1864 года. В 1866 году, 4-го июля, был учрежден для обсуждения проекта военно-судебного устава особый комитет под председательством великого князя. После подробного обсуждения этого проекта в комитете, он был исправлен и утвержден Государем 15-го мая 1867 года.

Кроме крестьянской и судебной реформ имя великого князя Константина Николаевича также тесно связано и с третьей крупной реформой царствования Александра II-го, — отменой телесных наказаний.

Энергичный противник жестоких телесных наказаний вообще, великий князь Константин Николаевич не находил возможным делать в этом вопросе исключение для военно-морской службы и его не останавливал пример передовой Англии, сохранявшей телесные наказания во флоте. При посредстве органа своего ведомства, «Морского Сборника», великий князь первый начал подготовлять почву для уничтожения шпицрутенов, кошек и розог. Он не только стремился к отмене жестоких наказаний, но шел гораздо дальше, безусловно воспретив, в 1860 году, морским офицерам собственноручные расправы с матросами.

Вопрос об отмене телесных наказаний был возбужден князем Н. А. Орловым во время его пребывания в Брюсселе в должности посланника. В марте 1861 года он представил Государю записку о необходимости этой реформы; в составлении записки князю Орлову помогал генерал-аудитор П. Н. Глебов.

Великий князь тотчас же горячо приветствовал и поддержал гуманное начинание князя Орлова. «Телесные наказания, писал великий князь в своем официальном заключении по этому вопросу, составляют для государства такое зло, которое оставляет в народе самые вредные последствия, действуя разрушительно на народную нравственность и возбуждая массу населения против установленных властей». Великий князь находил, что применение телесных наказаний в войсках, не достигает цели: «ни жестокость телесных казней и наказаний, ни частое употребление их не ведут к поддержанию дисциплины, а, напротив, жестокость наказаний и неумеренное употребление их, без крайней в том необходимости и без достаточного зрелого обсуждения проступка виновного, могут ослаблять силу военной дисциплины, подрывая живую связь между офицерами и нижними чинами, поселяя в них чувства взаимного неуважения и нерасположения».

Великий князь энергично настаивал на неотложности отмены наказаний плетьми и шпицрутенами, которые, в сущности, как указывал князь Орлов, были не только жестокой пыткой, но и мучительной смертной казнью, потому что наказание шпицрутенами весьма часто оканчивалось смертью преступника; великий князь предлагал узаконить отмену этих наказаний по военному и морскому ведомствам немедленно и не ожидая соответствующего распоряжения по гражданскому ведомству.

Решительный голос великого князя Константина Николаевича особенно повлиял на издание гуманного закона 17-го апреля 1863 года, потому что он восставал против жестоких наказаний, хотя и являлся представителем морского ведомства, в котором необходимость железной дисциплины, казалось, оправдывала строгость наказаний более, чем где либо.

Освобождение печатного слова от предварительной цензуры совершилось также в значительной степени благодаря влиянию великого князя Константина Николаевича. Действуя более самостоятельно в своей специальной области морского управления, он первый допустил в конце 50-х годов гласное обсуждение проектов преобразований, задуманных морским ведом-

ством, и не только по военно-морской специальности, но даже иногда и по вопросам, имевшим общегосударственное значение. На страницах органа морского министерства, «Морского Сборника», впервые началось гласное обсуждение новых начал воспитания и судоустройства. ,

Обсуждение постановленного морским министерством вопроса о реформе морского воспитания, естественно, вызывало обсуждение вопроса о наилучшей системе воспитания вообще. Известные статьи Н. И. Пирогова «Вопросы жизни» и «Школа и жизнь», напечатанная в «Морском Сборнике» в 1856 и 1860 годах, явились крупной новостью в нашей литературе по той свободе, с которой трактовались в них новые гуманные начала воспитания. В статьях Глебова и Яневича-Яневского в 1857 году впервые было допущено гласное обсуждение новых начал судоустройства и судопроизводства.

«Морской Сборник», издававшийся под ближайшим наблюдением великого князя, превратился в живой орган, в котором разрабатывались самые существеные и жгучие общественные вопросы. В мемуарах современника, Валуева, замечено об этом времени, что «газеты наши живут только перепечатками из «Морского Сборника». Этот журнал, естественно, получил широкую популярность в русском обществе: число его частных подписчиков возросло в 1857 году до 1680. Несколько позднее он печатался в количестве 5000 экземпляров. Великий князь видел в гласном обсуждении реформ лучшее средство для их успеха. Он считал необходимым снять покров тайны, скрывавший от общества деятельность администрации. По его распоряжению, явившемуся смелым для того времени нововведением, в «Морском Сборнике» начали с 1858 года оповещаться во всеобщее сведение правительственные распоряжения по морскому ведомству, донесения о плаваниях, извлечения из годовых отчетов и ревизий.

В своем всеподданнейшем отчете в 1880 году великий князь писал, что «такого рода гласность, придаваемая действиям всех служащих в морском ведомстве, приносила несомненную пользу влиянием страха общественного порицания». В этом-же отчете он, упоминая о том, что сметы до 1858 года составляли государственную тайну, отмечал: «Морское министерство было первое, которое уничтожило у себя эту вредную для пользы дела таинственность, ввело печатание смет и сделало их таким образом предметом гласного обсуждения».

Великий князь имел косвенное влияние и на некоторые из тех великих реформ 60-х годов, в которых он не принимал непосредственного участия, поддерживая деятелей, посвящавших им свои силы и во многих случаях выдвинутых им самим. Сочувствие и поддержка Константина Николаевича были обеспечены министру народного просвещения А. В. Головнину в его мероприятиях по отношению к печати и в проведении университетского устава 1863 года. Великий князь высоко ценил знаменитого деятеля эпохи реформ Н. А. Милютина и всегда был готов ему содействовать. Когда в феврале 1861 года Н. А. Милютин подал просьбу об отпуске, видя, что он не пользуется полным доверием императора Александра II-го, А. В. Головнин 1-го марта сообщил ему о следующем своем разговоре с великим князем Константином Николаевичем: «Я видел утром великого князя, но мне не удалось убедить Его Высочество стать на вашу точку зрения. Великий князь настаивал на своем мнении, что вы должны быть утверждены в вашей должности товарища министра».

Вслед затем, 3-го марта, Головнин писал Милютину о новом разговоре с великим князем: «Его Высочество долго беседовал со мной. Он находил, что вы более, чем кто-либо другой, необходимы для великого дела и что вы должны заместить Ланского. Он хочет сам переговорить об этом с Государем». Великий князь относился, как сообщает Головнин, «с искренней симпатией и уважением к Милютину»; он живо интересовался его планом земской реформы. Через день после подписания манифеста 19-го февраля великий князь просил Милютина сообщить его мысли по этому вопросу и получил от него 22-го февраля записку о введении в России земского самоуправления.

Предполагавшееся великим князем назначение Н. А. Милютина на должность министра внутренних дел не состоялось. Однако, при назначении новых министров в конце 1861 года и начале 1862 года император Александр II-ой выбрал себе несколько новых сотрудников из кружка государственных деятелей, группировавшихся вокруг великого князя Константина Николаевича и одинаково с ним убежденных в необходимости коренных преобразований по всем отраслям управления. Министром народного просвещения был назначен А. В. Головнин, состоявший несколько лет, с 1850 года, секретарем при Константине Николаевиче; военное министерство было вверено Д. А. Милютину, министерство финансов — А. Х. Рейтерну, преобразовавшему систему счетоводства в морском ведомстве.

Горячая пора преобразований начала 60-х годов ознаменовалась революционным движением в Царстве Польском. В самом начале этого движения император Александр II-ой пытался прекратить его политикой примирения, избегая насилия. Глубоко проникнутый гуманными идеями эпохи великий князь Кон-

стантин Николаевич вполне сочувствовал этой системе успокоения Польши и принял должность наместника Императора в Царстве Польском в наиболее критическое время, когда в царстве грозил разразиться со дня на день открытый вооруженный мятеж. 27-го мая 1862 года был подписан высочайший указ о назначении великого князя на должность наместника, с подчинением ему на правах главнокомандующего всех войск, расположенных в Царстве Польском. Другим указом того же числа Император Александр Второй облекал наместника, как своего представителя, полной властью, за исключением власти законодательной и дел чрезвычайной важности, подлежавших решению самого Императора.

Поддерживая в царстве порядок, безопасность и спокойствие, великий князь в пределах административной власти был уполномочен действовать через посредство подчиненных ему начальника гражданского управления, маркиза Велепольского, и командующего войсками. 15-го июня на жизнь предместника великого князя, генерала Людерса, было произведено покушение в Варшаве: выстрелом из пистолета неизвестный тяжело ранил его в лицо. Тогда великий князь Константин Николаевич поспешил в столицу Царства Польского на свой опасный пост. 20-го июня он прибыл в Варшаву вместе с супругой великой княгиней Александрой Иосифовной. На другой же день, 21-го июня, при выходе великого князя из театра, сделан был в него выстрел из пистолета в упор. Пуля, пройдя через эполету, легко ранила его в плечо.

На приеме в замке великий князь сказал чиновникам и почетным лицам из поляков, явившимся поздравить его с чудесным спасением: «Вот уже второе преступление в одну неделю. Провидение охранило меня и я считаю этот случай счастливым, потому что он указывает краю на то, как далеко зашла зараза. Я глубоко убежден, что благородная и великодушная польская нация отвергает всякое соучастие в покушениях такого рода, но слов недостаточно: нужно дело. Брат мой желает вашего счастья, вот почему он прислал меня сюда. Рассчитываю на вашу помощь, чтобы я мог исполнить мою миссию. Дайте мне возможность трудиться вам на благо и будьте уверены, что я совершу все, что только в моих силах».

Обратясь к графу Замойскому, великий князь спросил: «Вы, граф, одобряете меня? Так дайте же руку» и, взяв также за руку маркиза Велепольского, прибавил: «Прошу, господа, вашего содействия. Поддержите меня вашим нравственным влиянием, так как всякое правительство, лишенное поддержки нации, остается бессильным».

В полном согласии с великим князем — наместником — маркиз Велепольский энергично принялся за исполнение своей программы примирения путем уступок политическим притязаниям поляков. Некоторые отрасли управления, почта и пути сообщения, были изъяты от подчиненности подлежащим ведомствам империи; все должности местной администрации от высших (главных директоров правительственных комиссий и губернаторов) и до низших были замещены природными поляками; польский язык введен в официальную переписку властей. Военное положение постепенно было отменено в пяти губерниях царства.

Великий князь наместник широко пользовался предоставленным ему правом помилования. К концу сентября 1862 года из общего числа 499 осужденных им были прощены 289 человек.

Но политика примирения не остановила мятежного движения: революционные демонстрации не прекращались. В начале следующего 1863 года великий князь наместник увидел себя вынужденным прибегнуть к мерам строгости. Военное положение, отмененное в нескольких губерниях, было снова введено по всему пространству Царства Польского. Объявлено высочайшее повеление о применении порядка сокращенного военно-полевого суда к мятежникам, взятым в плен с оружием в руках. Прибывшие из империи войска начали преследование отрядов повстанцев.

Кровавая борьба с мятежными поляками продолжалась уже полгода, но восстание не прекращало развиваться. Великий князь все-таки не желал принять те крайние меры строгости, при помощи коих было успешно подавлено восстание в других местностях и оставил должность наместника в Царстве Польском.

В рескрипте, тогда же данном великому князю, Император Александр II-ой следующим образом определил высокую цель, преследовавшуюся им при управлении Польшей: «Призвав ваше императорское высочество в прошедшем году к управлению Царством Польским в качестве моего наместника, я желал выразить мою твердую волю дать постепенное развитие новым учреждениям, мною Царству дарованным. Самое назначение любезного мне брата было ручательством моего искреннего желания следовать путем умиротворения к восстановлению нарушенного порядка в Польше и водворению в ней прочного управления на основаниях, согласных с нуждами и пользой края. Вполне постигнув мои благосклонные к народу польскому намерения, душевно им сочувствуя и воодушевленные высокой мыслию примирения, ваше императорское высочество с достойным самоотвержением пожертвовали всем положением вашим в империи, что бы на новом поприще, неограниченным моим дове-

рием вам указанном, усугубить ваше рвение на пользу службы и отечества...

Народ польский не хотел понять и оценить мысль назначения вашего императорского высочества моим наместником и вероломным восстанием и преступными заговорами оказался недостойным данного ему в лице любезного мне брата залога благосклонных намерений моих...».

В конце октября 1863 года великий князь вместе с супругой выехал через Крым в продолжительное заграничное путешествие. Первую половину ноября он провел в Вене, затем несколько месяцев — в германских княжествах Бадене, Дармштадте и Альтенбурге, у родственного ему герцога.

1-го января 1865 года великий князь Константин Николаевич был назначен председателем Государственного Совета; но прежде чем приступить к описанию деятельности великого князя в Совете, перейдем к изложению его многолетнего управления морским министерством.

(Продолжение следует)

Н. ПАШЕННЫЙ

Восточный вопрос (1856 - 1879)

(Продолжение)

К ЭТОМУ вопросу мы теперь и обратимся. Со времени Парижского мира до 1875 г. Балканы оставались относительно спокойными. Однако, это спокойствие оказалось обманчивым. Объединение Италии в национальное государство и поражения, понесенные Австро-Венгрией, дали новый толчок развитию самосознания южных славян. С помощью России болгары добились автокефалии своей церкви. Была создана Румыния. В 1867 г. турки принуждены были вывести свои гарнизоны из Сербии, что являлось весьма существенным послаблением вассальной зависимости княжества от Порты. Страна ликовала и уже видела себя накануне полного осуществления заветов Карагеоргия: окончательного овобождения от власти Султана и объединения с своими задунайскими братьями*). Между тѣм суровая действительность показала преждевременность этих надежд. Потеряв свои позиции в Германии и Италии, Габсбургская монархия более чем когда-либо стремилась укрепить свое положение на юго-востоке, где справедливо видела в маленьком Сербском княжестве опасного политического противника. Потому австро-венгерский министр иностранных дел гр. Михаил Андраши не замедлил оказать давление на кн. Михаила Обреновича, дабы добиться от него формального отказа от всяких замыслов, противных интересам двуединой империи. Неудача этой попытки таинственным образом совпала с убийством князя Михаила. Ему наследовал его несовершеннолетний сын Милан при весьма австрофильски настроенных регентах. Последнее обстоятельство, а позже и отсутствие такта, проявленное молодым князем, особенно во время посещения им Ливадии*), привели к охлаждению русских официальных кругов к Сербии, что вполне отвечало видам венской дипломатии.

Такова была обстановка, когда летом 1875 г. неожиданно разразилась гроза, так называемого «Невесинского устанка» (восстания) в Герцеговине, одним из главных вождей которого, под фамилией Мрконича, был внук легендарного Георгия Черного — князь Петр Карагеоргиевич, будущий король Сербии, а затем Югославии. Вследствие малочисленности в крае турецких войск, и благодаря несомненному содействию Сербии и Черногории, восстание быстро приняло грозные для Турции размеры. Обращенные повстанцами к России призывы о помощи встретили в русском обществе живейший отклик.

Лично кн. Горчаков весьма скептически относился к увлечению нашей общественности «славянскими братьями». Однако, в силу завещанных прошлым тра-

*) Эти надежды основывались на развитии национального движения среди славянского населения южных провинций Австро-Венгрии. Виднейшим вдохновителем и руководителем этого движения был епископ Юрий Штросмайер. Разделяя некоторые взгляды наших славянофилов, Штросмайер, однако, был прежде всего католическим прелатом и верноподданным Габсбургов, стремившихся, в конечном итоге, к объединению южных славян, включая Сербию и Болгарию, под скипетром этой династии, а вовсе не под главенством Сербского княжества на развалинах Австро-Венгрии, как мечтали в Белграде. Практически его деятельность свелась к легальной борьбе за автономию Хорватии.

*) Лично князь ненавидел австрийцев. Он настойчиво домогался согласия Русского Двора на принятие им королевского титула и на присоединение к Сербии Боснии и Герцеговины. К этому присоединялись и некоторые матримональные его проекты, потерпевшие полное фиаско.

диций и перед опасностью распространения герцеговинской бури, он, естественно, должен был взять инициативу посредничества между враждовавшими сторонами, предварительно пригласив Берлин и Вену принять в этом смысле общую, и согласную с русской точкой зрения, линию поведения.

Германия и Австро-Венгрия немедленно присоединяются к России, но вожди восстания отказываются от переговоров, обусловливая их принципиальным согласием Порты на введение в Боснии и Герцеговине широких реформ*) под международной гарантией. При этом Сербия и Черногория выражают свою солидарность с повстанцами. Такой поворот дела противоречит интересам Австро-Венгрии. Заранее отбрасывая притязания Сербского княжества на Боснию и Герцеговину, Венский кабинет, опираясь на местное католическое духовенство, стремится доказать, что, вопреки сербским утверждениям, эти области «турецкой Хорватии», и этнически, и географически, составляют естественное продолжение «Хорватии венгерской». Посему, как для спокойствия Европы, так и в собственных их интересах, Андраши считает наиболее целесообразным включить Боснию и Герцеговину в состав двуединой Империи, что, впрочем, неоднократно и предусматривалось при австро-русских переговорах в XVIII-ом и начале XIX-го веков. На сделанное им в этом смысле представление Русскому кабинету, Горчаков ответил нотой 26 августа 1875 г., которой заверил Вену, что Императорское Российское Правительство вполне отдает себе отчет в обоснованности опасения Австро-Венгрии, чтобы увеличенная территориально Сербия не стала на ее границах очагом постоянных волнений...

У Певческого моста еще считались с Екатерининскими заветами о необходимости соблюдать на Балканах принцип разграничения сфер влияния обеих соседних Империй, принцип, который русскому общественному мнению был совершенно непонятен.

Конец 1875 и начало 1876 г.г. ознаменовались интенсивной дипломатической деятельностью великих держав**), с целью убедить Порту дать согласие, как на введение реформ в Боснии и Герцеговине, так и на облегчение участи всех вообще христианских подданных султана. Последний, в конце концов, принял это посредничество во внимание, но обусловил конкретное рассмотрение вопроса предварительным прекращением восстания. В виду отказа повстанцев сложить оружие, военные действия продолжались с новой силой.

При таком положении вещей, Горчаков, предлагает перейти к более решительным мерам. Это предложение, в форме так называемого «Берлинского меморандума», обсуждалось собравшейся в германской столице 1-го мая 1876 г. конференцией держав. Бисмарк предоставил Горчакову на ней председательствовать, усыпив своей лестью бдительность маститого российского канцлера, не подозревавшего о происшедшем за истекший год сближении того-же Бисмарка с Андраши и о тайном их соглашении в нужный момент спутать русские карты. Но если Горчаков не сознавал закулисной игры того, кого он считал своим вернейшим союзником, для него не могла не стать очевидной невозможность рассчитывать на Англию: ее делегаты проявили полное несочувствие к меморандуму и отказались его подписать. Более того, Дизраэли поторопился «на всякий случай отправить в турецкие воды британскую эскадру. Потому, когда, в начале июня 1876 г., Сербия и Черногория объявили Турции войну, возникло вполне обоснованное опасение возможного повторения тягостных осложнений времен Восточной войны. Рассчитывая на содействие Германии, Горчакову казалось лучшим способом от них застраховаться непосредственным сговором с Австро-Венгрией. Отсюда личное свидание Императора Александра II с Франц-Иосифом в Рейхштадте (26 июня 1876 г.). Происшедшая здесь словесная дуэль между Горчаковым и Андраши, не предвещала успеха переговорам, которые вызвали раздражение Императора Александра II, усугубив натянутость его отношений с австрийским монархом, особенно по поводу ясно выраженного Андраши намерения сохранить полную свободу действий в случае расширения конфликта. В конечном итоге свидание все-же привело к секретному принципиальному соглашению, по которому обе стороны, признав желательность сохранения на Балканах статус кво, взаимно обязались не вмешиваться в войну Турции с Сербией и Черногорией. Если же, при дальнейшем ходе событий, Россия все-таки сочла бы себя вынужденной взяться за оружие, Австро-Венгрия ставила соблюдение благожелательного к ней нейтралитета в зависимость от исполнения Русским правительством двух условий: 1) согласия на аннексию Боснии и Герцеговины; 2) обязательства не объединять освобожденных на Балканах областей в одно крупное славянское государство, а образовать из них отдельные небольшие княжества.

Этот пункт дополнялся, с австро-венгерской стороны, обещанием не возражать против желания России вернуть себе отторгнутую от нея в 1856 г. часть Бессарабии, равно как и против превращения, в слу-

*) Веротерпимость, гражданское равноправие христиан с мусульманами, изменение системы сбора налогов (отмена откупов), аграрная реформа.

**) Франция, Англия и Италия на этот раз присоединились к России и ее союзникам.

чае полного разгрома Турции, Константинополя с прилегающей к нему местностью в вольный город*). В заключение, оба монарха условились действовать во всех случаях, не иначе как по предварительному взаимному уговору. В общем, на чаше весов несомненно перевешивали выгоды в пользу Австро-Венгрии. К этому надо добавить, что никакого протокола прений не велось, что привело впоследствие к весьма досадным осложнениям.

Между тем политическая обстановка продолжала осложняться. «Берлинский меморандум» снова вынес «Восточный вопрос» на обсуждение всей Европы и, как в Австро-Венгрии, так и в Англии, несмотря на все заверения Горчакова в миролюбии России, воскресал вековой страх перед пресловутыми «завоевательными» ее планами, каковых вовсе не существовало. Существовало другое, а именно глубоко вкоренившаяся в народное сознание историческая традиция, неразрывно связанная с великодержавностью России: пренебрегать этой традицией Императорскому правительству было, очевидно, невозможно. Оставалось, следовательно, не уклоняться от налагаемой судьбой роли, а взвешивать, по мере человеческого разумения, наиболее отвечающие национальным интересам, условия ее выполнения. Перед лицом стихийно разворачивающихся событий эта задача оказалась Горчакову непосильной.

В самом деле, его новая попытка умиротворить Балканы, заставив Порту принять требования держав о введении необходимых радикальных реформ в ее славянских областях, потерпела полную неудачу. Хотя султан Абдул-Гамид, восшедший на престол после кровавого переворота, и объявил о своей готовности провести широкие государственные преобразования на конституционных началах, однако, его правительство было черезчур слабо, чтобы приступить к исполнению этого намерения, поскольку последнее вообще было искренним: более того, оно не могло даже поддержать в стране порядка. Так, в Болгарии, недоразумения, между местным населением и переселившимися туда после покорения Кавказа черкесами, вылились в зверское избиение более 12.000 беззащитных жителей. Вся Европа содрогается при этом известии. Гладстон выпускает свою знаменитую брошюру: «Болгарская резня и Восточный вопрос», в которой требует, во имя цивилизации, изъятия Болгарии, Боснии и Герцеговины из под турецкого управления. Его политический противник Биконсфильд выступает в парламенте в том же смысле. Россия, естественно, отзывается на балканские события с еще большей силой.

Мы уже напоминали о различных проектах разрешения «Восточного вопроса» с целью обеспечения России первенствующего положения в славянском мире. Теперь следует остановиться на деятельности идеологов славянофильского движения, определяемого заграницей, как «панславизм», в эпоху ныне нами рассматриваемую.

Укажем, прежде всего, что после запрещения в конце царствования Императора Николая I Киевского Братства Свв. Кирилла и Мефодия, ставившего своей главной задачей «улучшение судьбы восточных христиан» и носившего ярко православную окраску, вся идеологическая и практическая работа в этом смысле была перенесена в Москву. Здесь она сосредоточилась в возникшем в 1857 г. «Славянском Комитете», в котором мы видим крупнейшие фигуры А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, К. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина, к которым примыкают другие известные деятели: Михаил Погодин, Катков, б. министр народного просвещения гр. Уваров и много других. Официально Комитет преследовал чисто культурно-филантропические цели, сводившиеся, главным образом, к оказанию поддержки учащейся в России славянской молодежи, но вскоре задачи его расширились и уже в 1867 году ему удалось организовать в первопрестольной «Всеславянский Съезд», приурочив его к Всероссийской Этнографической Выставке с отделом, посвященным зарубежным славянским народам. Мы не будем вдаваться в подробности работ Съезда, по случаю которого Тютчев написал свое нашумевшее тогда стихотворение «Славянам». Достаточно упомянуть, что присутствие на нем делегатов австрийских славян, особенно чехов — Палацкого и Ригера, не могло не возбудить недовольства венского правительства, несмотря на заверения Петербурга о полной его непричастности к инициативе Комитета. При существовавшем тогда режиме, подобные заверения вряд ли могли звучать очень убедительно*).

Поляки на съезде не участвовали, о чем сокрушались чешские делегаты, в своих речах пространно настаивавших на русско-польском примирении. После только что отгремевшего польского мятежа и по-

*) Последний проект возбудил чрезвычайное волнение Королевы Виктории, которая, в случае его осуществления, намеревалась добиваться возглавления «нового свободного государства» своим сыном Альфредом, Герцогом Эдинбургским (женатым на Вел. Кн. Марии Александровне).

*) Венские газеты приравнивали Московский Славянский Съезд к заговору против существования Австро-Венгрии.

Берлинская «Берзенцейтунг», с своей стороны, рассматривала Съезд, как весьма знаменательное проявление принципа национальных государств. — «Есть много данных предвидеть, что этот принцип, привлекающий все больше сторонников, определит развитие европейской политики в течение ближайших десятилетий, а если так, заканчивала газета, то мы неминуемо придем к схватке между германизмом и славянством, причем, конечно, самое существование Австро-Венгрии будет тогда поставлено на карту».

пыток поляков вызвать бунты в коренной России, в частности, в Поволжье, в расчете на сохранившиеся там предания о пугачевщине, такие советы казались довольно неуместными.

Кроме того, некоторое расхождение с делегатами западных славян, большими реалистами и католиками, обозначилось также из-за тенденции москвичей окутывать славянскую проблему туманом своих сантиментально- расплывчатых теорий о главенстве православной самодержавной России в славянском мире и о мессианско-освободительной ее роли. Не приведя ни к каким конкретным результатам, Съезд, все же, имел большое значение в том смысле, что возбудил интерес русского общества к поставленным вопросам и способствовал дальнейшей их разработке. Так, нельзя не напомнить о появившемся в 1869 г. труде Данилевского «Россия и Европа», ставшем для тогдашнего поколения своего рода библией.

Конечной целью славянского движения автор ставил создание всеславянского царства или федерации, под водительством России и с центром в Константинополе. Будучи по образованию естественником, он обосновывал свои тезисы «всеславянства» биологической и культурной молодостью народов славянской расы, призванных, по его мнению, в силу своих свойств, занять место дряхлеющих наций западноевропейской цивилизации. Этот научно-натуралистический подход он, однако, сочетал со взглядами, тождественными славянофилам старшего поколения, считавшими православие и русский язык главными объединяющими факторами славянских народов. Противопоставляя Россию и славянство, как особый мир, Европе, Данилевский восставал против проникновения в него европейского влияния, наиболее яркий пример пагубности которого он видел в Польше. Последнюю он не считал возможным включать в будущий «Всеславянский Союз» в качестве равноправного члена и высказывался за ее сохранения в составе Российской Империи, на одинаковых основаниях с Восточной Галицией, Буковиной, Прикарпатской Русью и Бессарабией, в чем, кстати сказать, вполне сходился с Катковым.

Германская и Габсбургская империи так же, как и Турция, естественно, представлялись Данилевскому главнейшими противниками на пути к осуществлению этого грандиозного плана. Считая столкновение с двумя последними неминуемым и близким, он тем не менее, по соображениям политической целесообразности, был сторонником сохранения союзных отношений с Германией.

Достоевский, с своей стороны, провозглашал, что Россия во главе славянства скажет миру новое слово. При этом Россия, по его мысли, могла быть только покровительницей славян, их предводительницей, но не владычицей, матерью их, но не госпожей. Такое ее положение должно было привлечь к ней всех славян, включая и не православных.

Наконец, Катков писал, что России в славянском мире принадлежит та же роль, что Франции в латинском, а Пруссии в германском; «панславизм, добавлял он, не есть программа какой-либо партии, а политическая исповедь русского народа».

Неудивительно, что проповедь таких взглядов, вызывала живейшие отклики в обществе, особенно в кругах молодежи. Уже в начале герцеговинского восстания во всех крупных городах были образованы комитеты для сбора пожертвований. В одном Петербурге было собрано 800.000 рублей, а в Москве 700.000, что по тому времени представляло суммы весьма значительные. Чины всех ведомств отчисляли на славян известную часть своего содержания*), а в цервах в их пользу производился тарелочный сбор. Все эти средства стекались в «Общество Попечения о больных и раненых воинах». Состоявшееся под покровительством Императрицы Общество Российского Красного Креста снаряжало и отправляло на Балканы медикаменты и санитарные отряды. Когда же к восставшим герцеговинцам присоединились (2-го июня 1876 года) Сербия и Черногория, тысячи русских добровольцев вступили в ряды сербской армии, командование которой принял на себя герой Туркестана ген. Черняев. Добровольцы эти принадлежали ко всем слоям общества; много было среди них военной и университетской молодежи, причем офицерам и нижним чинам предоставлялись в таких случаях бессрочные отпуска.

Однако, при всех своих способностях выдающегося военачальника, Черняев располагал несоразмерно малыми силами, чтобы вырвать победу у Турок, имевших огромный перевес не только по своей численности, но и по превосходству своего вооружения. При таких условиях князья Милан Сербский и Николай Черногорский принуждены были просить о перемирии, на что Порта и согласилась, ограничив его срок всего десятью днями. При явно обозначавшемся успехе турок и грозившем славянам, с возобновлением военных действий, разгроме, русское правительство, не медля, взяло на себя инициативу предложить великим державам сообща настоять в Константинополе на заключении мира, одновременно потребовав у Порты выполнения, ранее данного ею и оставшегося неисполненным, обещания провести реформы в славян-

*) Земствам, желавшим делать отчисления на нужды славян из своих сметных сумм, таковые были запрещены распоряжением М-ра В. Д.

ских ее областях. Во избежание новых уклонений турок от выполнения этого требования, Горчаков считал необходимым произвести морскую демонстрацию перед столицей султана, предоставив главную роль в этом отношении Великобритании и попутно оккупировав Боснию и Герцеговину австро-венгерскими, а Болгарию русскими, войсками. Это мудрое предложение, к сожалению, не вызвало ни малейшего сочувствия. В Вене, особенно, его приняли, как выражается историк Рахфаль, «с почти дьявольской иронией». Между тем, Императору Францу-Иосифу оно было сообщено в форме собственноручного дружеского письма Государя, по свидетельству Императрицы Марии Александровны, решившего сделать «последнее усилие», чтобы таким путем восстановить былое искреннее сотрудничество с Габсбургской монархией. Холодный отрицательный ответ, написанный Францем-Иосифом, по настоянию Андраши, был принят Александром II, как доказательство окончательного морального разрыва между главами обеих династий, разрыва, который с тех пор не переставал роковым образом усугубляться к величайшему несчастью их империй.

Этот разрыв внушал серьезнейшие опасения брату Императрицы Марии Александровны, принцу Александру Гессенскому (Баттенбергскому), неустанно старавшемуся убедить Франца-Иосифа не повторять злополучных ошибок эпохи Восточной войны. В этом он встречал полное сочувствие эрцгерцога Альбрехта, однако, Андраши оказался сильнее. Вспоминая впоследствии в кругу своей семьи о приведенном выше эпизоде, министр объяснил, что «не хотел принимать Боснию-Герцеговину из рук России, дабы не быть ей снова обязанным, как в 1849 г.».

Тем временем срок перемирия истек, и турки, собравшись с силами, успешно возобновили свое наступление. Русское общество волновалось, единодушно высказываясь за вмешательство в войну. При этом консервативные круги, возглавляемые Аничковым Дворцом, вдохновлялись историческими великодержавными нашими традициями и оптимистическими донесениями Российского посла в Константинополе, ген. Н. П. Игнатьева, рисовавшего положение Турции в весьма мрачных красках*). Наоборот, прогрессивная часть общества, ратуя за славян, в значительной мере руководствовалась надеждой, что победоносная война за их освобождение приведет к завершению либеральных реформ в России дарованием ей представительного строя*).

«Вся Россия, пишет С. С. Татищев, соединилась в одном великодушном порыве: притечь на помощь славянским братьям... Немногие противоречивые голоса раздавались втуне никем не услышанные». А между тем некоторые тщетные тогда предостережения, к несчастью, оказались пророческими (см. прилож.).

Лично Государь Александр II войны не хотел и надеялся ее избежать, но Комитет Министров, созванный на экстренное заседание под его председательством (3 октября 1876 г.), пришел к убеждению, что, в случае дальнейшего упорства Порты, иного выхода не останется.

Вскоре турки повели решительное наступление и нанесли сербской армии жестокое поражение под Алексинацем, открыв себе дорогу на Белград. Только энергичное заступничество России могло еще спасти княжество от полного разгрома, а посему Государь повелел предъявить Султану ультиматум о немедленной приостановке военных действий и заключении в трехдневный срок двухмесячного перемирия, как с Сербией, так и с Черногорией; неисполнение ультиматума должно было автоматически повлечь разрыв дипломатических сношений между Россией и Турцией.

Текст этого акта, с соответствующей его мотивировкой, был одновременно сообщен заинтересованным кабинетом. В Лондоне, однако, этим не удовлетворились, и Великобританский посол лорд Лофтус получил предписание срочно испросить аудиенцию у Императора Александра II, дабы точно выяснить его намерения: она состоялась в Ливадии 21-го октября 1876 г., через три дня после вручения Порте ультиматума, ответ на который ожидался с минуты на минуту.

---

*) В письме своему брату принцу Александру Гессенскому (Кн. Баттенбергскому) Императрица Мария Александровна писала (5 авг. 1876):

«Турция идет к полному разложению... Войска плохо оплачены и еще хуже накормлены... Австрия, кажется, хочет аннексировать часть Боснии. Остальную часть надо будет организовать так, чтобы создать возможно более сносные условия существования для славянских элементов, которых Австрия боится, а еще более ненавидит. Бисмарк для меня сфинкс; он, наверно, думает, как бы половить рыбу в мутной воде».

*) Характерным отзвуком этих чаяний явился Всеподданнейший адрес Тверского Земства 1880 г. Ссылаясь на дарованные Болгарии, милостью Русского Монарха, представительный строй и политические свободы, Тверское земство «всеподданнейше дерзало высказать надежду, что Государь сочтет справедливым даровать те же благодеяния русскому народу, с самоотвержением и любовью отозвавшемуся на Его призыв освободить славянских братьев от турецкого ига».

ПРИЛОЖЕНИЕ. — Маститый ветеран русской мысли и слова Кн. П. А. Вяземский занес в письмо, адресованное одному из своих свойственников, следующие слова:

«Все, что делается по Восточному Вопросу — настоящий и головоломный кошмар... Все плотины прорваны и поток бушует и разливается во все стороны; многое затопит он. Правительства не должны увлекаться сантиментальными упоения-

ми: они должны держаться принципов. Без принципов правительство играет в жмурки. да я и не верю в глубину и сознательность нынешнего народного движения. Народ не может желать войны, а по неосмотрительности своей ведет к войне. Война теперь может быть для нас не только вред, но и гибель... Правительство, молча потакая этой политической неурядице, может горько за нее поплатиться. Хороши и сербы! Россия стряхнула с себя татарское иго, а после наполеоновское, своими руками, а не хныкала и не попрошайничала о помощи. Неужели мы своими боками, кровью своей должны жертвовать, чтобы сербы здравствовали? Сербы сербами, а русские русскими! В том то и главная погрешность, главное недоразумение наше, что мы считаем себя более славянами, чем русскими... Единоверчество тут ничего не значит. Французы тоже единоверцы с поляками, а что говорили мы, когда французы вступились за мятежных поляков? Религиозная война хуже всякой иной и есть аномалия, анахронизм в наше время. Турки не виноваты, что Бог создал их магометанами, а от них требуют христианских, евангельских добродетелей. Это нелепо! Высылайте их из Европы, если можете, или окрестите их, если умеете; если нет, то оставьте их Восточный вопрос в покое, до поры до времени. Восточный вопрос очень легок на подъем, и мы очень любим его подымать, но не умеем поставить на ноги и давать ему правильный ход. Когда Наполеон III поднял итальянский вопрос, он вместе с ним поднял и двухсот-тысячную армию и в три недели разгромил австрийцев. А мы дразним и раздражаем, и совершенно бессовестно, Турцию, хотя бы отправлением санитарных отрядов, при барабанном бое, шампанском и разных криках, чуть ли не в присядку, с бубнами и ложками... И из чего поднимают всю эту тревогу, весь этот гвалт?.. И из чего, того и смотри, загорится вся Европа и распространится всеобщая война? Ужели думают, что Россия окрепяет силою восстановленных славянских племен? Нисколько, а напротив! Мы этим только обеспечим и утвердим недоброжелательство и неблагодарность соседа, которого воскресили и поставили на ноги... Лучше иметь для нас сбоку слабую Турцию, старую, дряхлую, нежели молодую, сильную, демократическую Славянию, которая будет нас опасаться, но любить нас не будет. И когда были нам в пользу славяне? Россия для них дойная корова и только. А все сочувствия их уклоняются к западу. А мы даем доить себя и до крови... Сохраните это письмо. Хочу, чтоб потомство удостоверилось, что в пьяной России раздавались кое-какие трезвые голоса».

Н. Пашенный

(Продолжение следует)

Библиография

Род князей Шуйских

Род Князей Шуйских вошел в нашу историю, через Царя Василия Шуйского.

В Париже издана П. М. Раевским интересная справка о этом знаменитом роде. Автор этой брошюры утверждает, что род Шуйских старше рода Московских удельных князей и мы узнаем еще, что род Шуйских ополячился после Смутного Времени и переехал на жительство в Польшу, где и по сей день существуют его представители.

Кроме того П. М. Раевский в своем исследовании перечисляет всех Шуйских до последнего времени...

М. Г.

Контра

(Роман Юзефа Мицкевича изд. «Института Литерацкого» в Мюнхене).

Самое замечательное в этом романе-хронике — это симпатии автора к России и всему русскому. Из этих симпатий логически вытекает объективность и историческая правда.

Действие завязывается в период русской гражданской войны. Сдача Одессы, гибель Одесского кадетского корпуса на Днестре. Герой романа, маленький кадетик, возвращается в заженный красными город и живет долгие, бесконечные, и беспросветные советские годы.

Герой для автора всего лишь связывающее звено, между далеким уже прошлым и второй мировой войной. Главная же тема романа — история корпуса генерала Павлица. И, конечно, его трагическая гибель в Льенце. И не даром автор начинает с Днепровской границы, где румыны, выдают на расправу отряд генерала Васильева, партизан Струка и даже маленьких кадет. Четверть века спустя, в Льенце, англичанами повторяется то же действие.

И в январьском номере парижского польского литературного журнала «Культура», автор предупреждает американцев, «обхаживающих поляка Гомулку, «Вы протягиваете руку польским коммунистам для борьбы против «русских», а не лучше ли было протянуть эту руку русским для общей борьбы с коммунизмом?».

М. Г.

I. C. E., 18, Fg du Temple. Obe 14-55

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

N° 10

НОЯБРЬ 1957 год

СОДЕРЖАНИЕ

Настоящий номер вышел под редакцией **М. В. Голубева.**

ОТ ПРАВЛЕНИЯ

НАСТОЯЩИЙ НОМЕР "В. И. ВЕСТНИКА" МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВНЕ ФРАНЦИИ ПО НИЖЕСЛЕДУЮЩИМ АДРЕСАМ:

В АНГЛИИ: — В книжном магазине В. Барачевского — 26, Tottenham Street, London, W.1.

В БЕЛЬГИИ: — В книжном магазине « Slave », 18, rue de Roumanie, Bruxelles.

В ГРЕЦИИ: — У члена Об-ва В. В. Дейтрих — 90, rue Dramas, Sépolia, Athènes.

В С. А. ШТАТАХ: — У представителя нашего Об-ва на Западные Штаты, члена Об-ва А. Р. Долгополова, A. Doll, 5954 Barton Ave., Los Angeles 38.

у члена Об-ва Г. В. Месняева — 1348, Sheridan Ave., apt. F.F. Bronx 56, New York.

В ВЕНЕЦУЭЛЕ: — У К. Келлнера, 5 arria N 24, Quinta Coromto, Caracas.

В АРГЕНТИНЕ: — У Б. Н. Ряснянского — Zarrazabel 2870, Buenos-Aires.

ИЗДАНИЯ ОБЩЕСТВА

На складе Общества имеется еще небольшое количество нижеследующих изданий:

1. — Сборник *"Русская Военная Старина"* — первое издание Об-ва (1947 г.). Цена — 400 фр. фр. или 1 ам. доллар (с пересылкой).

2. — *"Записка о службе А. В. Суворова"* (1947 год). Цена — 100 фр. фр. или 25 ам. центов (с пересылкой).

3. — Номера 6, 7, 8, 9 и 10 *"В. И. Вестника"*. Цена — 200 фр. фр или 80 ам. центов (с пересылкой).

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ МЕДАЛЬ

Памятная медаль столетия героической оборон Севастополя, выпущенная О.Л.Р.В.С. в 1955 году, ра зошлась без остатка. Ныне, ввиду все поступающи заказов на нее, Правление решило отчеканить на Па рижском монетном дворе дополнительно 20 экземпля ров. Заказы (с приложением стоимости медали) на правлять на имя Казначея О-ва или же — для За падных Штатов Сев. Америки на имя представител Об-ва А. Ф. Долгополова (адрес см. выше). Цена – прежняя: 800 фр. (для Европы) или 2,5 доллара (пересылкой).

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ФОНД

Отчет сумм, поступивших в счет Издательског Фонда (после выхода № 9 "В. И. Вестника", во фра ках: — В. И. Д. — 50, И. С. Булацель — 500, В. Бессель — 250, Н. Г. С. — 300, Л. П. Иванов – 300, Л. С. Тер-Азарьев — 2.000, Г. А. Бороздин – 100, Н. В. Пятницкий — 1.000, Э. Н. Фригеро – 100, Б. Л. Бразоль — 332, И. В. Борисов — 35 В. Н. Загоровский — 1.000.

Правление приносит свою искреннюю благода ность всем вышеупомянутым лицам, а также все членам и друзьям Общества, которые сочли возмо ным уплатить членский взнос или плату за "Вес ник" в увеличенном, в сравнении с установленны размере.

Переписку по делам Общества просят направлять по адресу Генерального Секретаря О-ва Льва Николаевича Немирова:

L. Nemiroff, 26 bis, rue de l'Ingénieur Robert Keller, Paris (15e).

Переписку редакционного характера просят направлять по адресу Редактора "Вестника" Михаила Васильевича Голубева:

M. Goloubeff, 208, rue de Vaugirard, Paris (15e).

Заказы на "Вестник" и другие издания О-ва, а также все денежные переводы просят направлять по адресу Казначея О-ва Александра Васильевича Щиткова (для Франции и ее колоний — на почтовый текущий сче С.С.Р. Paris № 13.694.00 а для других стран — чекам или банкнотами):

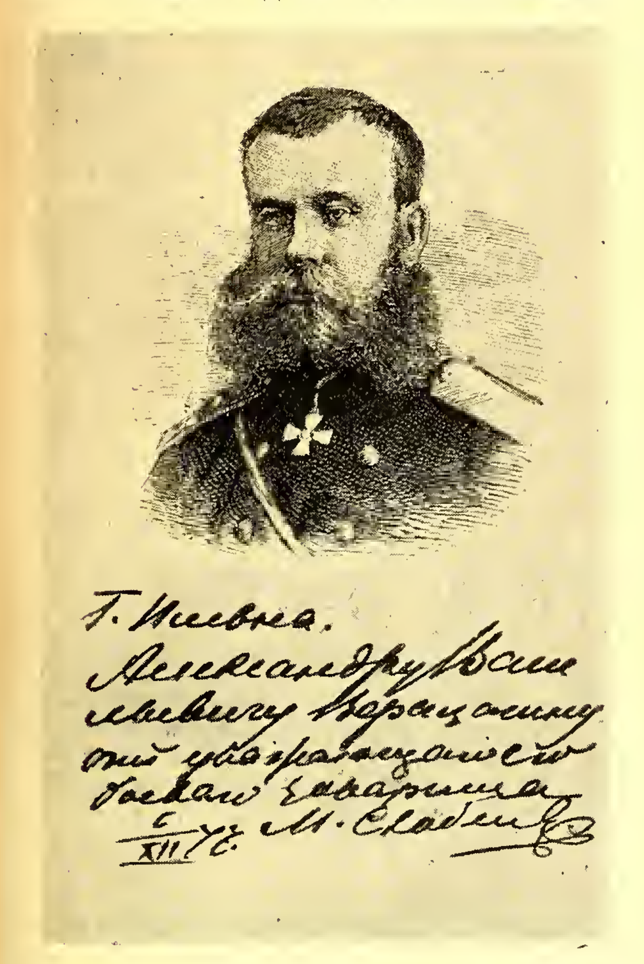
A. Stchitkoff, 15, rue de Médéah, Paris (14e).

"Военно-Исторический Вестник" выходит два раза год: в мае и ноябре месяце. Цена номера в Европе французских колониях — 200 франков, а в других стра нах — 0.80 центов. Для членов Общества Л. Р. В. стоимость номера остается прежней. Выписывающие "Вес ник" непосредственно от Казначея, за пересылку н платят.

М. ГОЛУБЕВ

К 75-ю смерти генерала Скобелева

Об этом исключительном явлении русской жизни, иногда высказывается мнение, умаляющее полководческий потенциал М. Д. Скобелева и как крайность,



Настоящий портрет М. Д. Скобелева, из семейного архива члена нашего Общества В. А. Верещагина, отец которого А. В. Верещагин был (бессменным) личным ординарцем генерала

даже непризнание его талантливейшим полководцем.

Для разрешения этого вопроса, может быть принят, только научный метод, а следовательно и беспристрастный, ибо как всякий вопрос, так и вопрос определения значения полководца в военной истории, требует классификации всех элементов, которыми обладало изучаемое нами лицо. Естественно, что в основание выше указанного изучения, необходимо поставить практическую полководческую деятельность на полях сражений, полководцем данных.

В случае М. Д. Скобелева, как ограниченное количество его практической деятельности, так и военный потенциал его противников, сбивает с правильного разрешения, вопроса удельного веса полководчества генерала Скобелева и приводит некоторых лиц к мнению, отрицающему наличие таланта у “Белого генерала”.

Мы имели случай в нашей военной истории с нашим непревзойденным полководцем А. В. Суворовым, у которого также противником были, в большинстве, случаях, армии, которые считались в те времена не полноценным противником. Но это не помешало, нашему знаменитому полководцу в кратчайший срок совершенно разгромить лучшие армии той эпохи и к тому же всегда победоносные, а следовательно и уверенные в своей непобедимости.

Итак, случай неполноценного противника, не может являться мерилом таланта и значения полководца. Мерилом таланта полководца должно являться в первую голову знание и умелое практическое применение его, затем учет полководцем военно-психологического элемента и, наконец, счастье, на которое так любят ссылаться неучи и завистники, желающие умалить славу великих людей.

Оценка же полководческого таланта М. Д. Скобелева, возможна лишь, главным образом, по образцам его боевых действий. То обстоятельство, что случаи, в которых наш знаменитый полководец имел возможность выявить свой талант, при самостоятельном управлении вверенных ему войск, редки, часто тоже вводит в заблуждение лиц, его критикующих.

А ведь, дело не в количестве произведенной работы только, но в качестве исполнения и в военном деле это главное.

Но раньше, несколько слов о характере М. Д. Скобелева.

М. Д. Скобелеву часто ставят в упрек — вспыльчивость, несдержанность, запальчивость и даже заносчивость, но забывают отметить аттестации начальников генерала, даже таких начальников его, которые не особенно его долюбливали. В тоже время, все начальники генерала Скобелева в аттестациях о поведении и в оценке его боевой работы, признают и подчеркивают исполнительность, мужество, храбрость, волевой и сильный характер и всегда в донесениях о боевой работе генерала подчеркивается блестящее выполнение им всех возложенных на него боевых задач и оказание войскам неоценимых услуг.

Вот те главнейшие черты его существа, которые присущи обычно людям, стоящим высоко над своими современниками.

Пристально всматриваясь в боевые действия генерала Скобелева и детально их разбирая, мы должны признать, что наш талантливый полководец, таковые всегда тщательно подготавливал во всех подробностях, а следовательно заранее продумывал во всю их глубину.

При оценке действий генерала Скобелева, мы постоянно будем убеждаться, что при подготовке всех своих операций, генерал не только учитывал и выполнял малейшие детали в подготовке, но она, т. е. подготовка операции в целом, безусловно носит всегда следы тончайшей, ювелирной почти отделки ее.

Эта подготовка операций требовала исключительных знаний военного дела и не только глубочайшего его понимания, но и интуитивного ощущения всего механизма боя, что тоже присуще только талантливейшим полководцам.

Обучение и подготовка войск всегда образцовы. Инструкции всем родам войск о ведени боя, а также о ведении боя в особых условиях, граничат с предельным предвидением всех возможных боевых случаев, которые войска могут встретить в боевой работе. В дальнейшем мы видим, что генерал Скобелев, подготовив войска, вышеуказанными способами и создав из них исключительную боевую машину, использует эту "машину" с предельным успехом.

Белый генерал, первым оценил значение самоокапывания и постоянно помнил о значении огня. Об искусстном умении маневрировать, не приходится и говорить — он был один из величайших мастеров маневра.

Но это не все, как все великие мастера военного дела, так и наш "Белый генерал", придавал особое значение военно-психологическому элементу в бою.

Генераль Скобелев именно водил войска в бой, ибо он был прирожденный Вождь.

Вот почему в народной памяти, он рисуется титаном, а народ не мог ошибаться в оценке одного из своих вождей-героев.

И еще... генерал Скобелев принадлежит к народным героям всех слоев, как низов, так и верхов.

В день его похорон, высший военный авторитет страны, в лице Высшей военной школы ее, начертал на венке, возложенном на гроб "Белого генерала" — "Суворову равный".

М. Голубев

М. ЛИТВИЗИН

Еще о генерале М. Д. Скобелеве

Не все знают, что герой Туркестана и Турецкой войны М. Д. Скобелев был природным казаком ст. Червленной, Терского Казачьего Войска. Сын его, Дмитрий Иванович, впоследствии ген.-лейт., служил в Кавказском Линейном войске.

Присмотревшись к Терским казакам, он приписался к ст. Червленной, входившей тогда в состав Гребенского полка. Дмитр. Ив. Скобелев всею душой привязался к Гребенскому полку, гордился званием казака, всегда носил черкеску и оказывал всяческое внимание своей станице. В посемейных списках ст. Червленной он значился со всей своей семьей. Таким образом, сын его, Михаил Дмитриевич, был уже природным гребенским казаком. Сам Михаил Дмитревич твердо помнил об этом и при случае наведывался в родную станицу. В молодые годы М. Д. Скобелев, некоторое время также служил на Кавказе и часто посещал свою станицу. Когда прославленный герой Хивы и Коканды, ген. М. Д. Скобелев по дороге на Турецкую войну прибыл в ст. Червленную — ему была оказана достойная встреча, обратившаяся в сплошной праздник. Три дня подряд продолжались песни, танцы и хороводы с участием М. Д. Скобелева. За время пребывания в станице М. Д. успел запросто обойти дома станичников, будучи везде желанным гостем. До последнего времени у Червленских старожилов оставалась память об этом пребывании генерала-героя в станице. Вещественным доказательством любовного отношения ген. М. Д. Скобелева к Терскому войску, является особый Скобелевский капитал, пожертвованный Михаилом Дмитриевичем Войску. К началу революции он составлял около 4.00 рублей. Была и гравюра — "Родословное дерево героев Скобелевых", изданная в Москве в 1878 г. "Трех генералов" — деда, отца и сына Скобелевых; портреты эти окружены изображением отдельных героических эпизодов из их жизни. На этой гравюре отец М. Д. Скобелева, Дмитрий Иванович, изображен был в казачьей форме, в чине ген.-лейт.. В отношении наград, за боевые отличия Мих. Дмитр. перегнал отца и деда; он имел 4-й, 3-й и 2-й степени Св. Георгия Победоносца. Мих. Дмитр. Скобелев, скоропостижно скончался в г. Москве в ночь на 25-е июня 1882 г.; его боевая шашка, с которой он совершал свои походы, которая сослужила ему последнюю службу, сопровождала погребальную колесницу во время похоронной процессии, — эта шашка была отдана в Скобелевскую дивизию, в 64-й пех. Казанский Его Имп. Высоч. Вел. Князя Михаила Николаевича полк, одним из близких родственников покойного. Бог создал его полководцем, в нем были все качества военного гения; смерть, правда, рано, на 39 г. пресекла его дни, но и совершенного уже им на пользу России, во славу русского оружия, вполне достаточно для чести его имени, которое останется блестящим вспоминанием в нашей военной истории.

М. Литвизин

Кн. А. ИСКАНДЕР

Небесный поход

(Продолжение)

АТАКА ЮРТЫ

Нас партизан человек семь, да сотня всадников Медамин-Бека, возвращались из удачного "набега". Ночь нас застала у кишлака — "Алты". Но, нам, партизанам, не понравились некоторые субъекты, бродившие по кишлаку. Поев в чай-хане, мы воспользовались радушием богатого Ферганца и устроились на ночь, недалеко от кишлака, в специально для нас расставленной, совершенно новой юрте. К этой юрте вплотную, сзади, была приставлена вторая юрта, где на другой день утром, нам должны были приготовить обед, люди этого милого Ферганца, нашего хозяина.

Мне не спалось и проснулся я очень рано. Как всегда в этих случаях в походе, оружие было у меня наготове. Через плечо на ремешке висел вставленный в приклад Маузеровский пистолет — это лучше винтовки, легче и затем все же автомат. Патрон был вложен в ствол, предохранитель открыт, — нажимай спуск и стреляй. На плечи я накинул верблюжьей шерсти, непромокаемый, коричневый, широкий халат. И не видно поддетого на мне оружия.

Остановившись в дверях юрты, я с наслаждением курил трубку. Вспомнил, что, вот тут спящий, Капитан Грамолин, не пожелал менять на автомат свою точно пристрелянную, винтовку. Задумался. Слышу конский топот. Вижу десятка полтора, всадников, выскочивших из - за деревьев сада, напротив юрты, довольно далеко еще, на поляну, и резвым галопом несутся к нам. Сразу понял, что это не наши партизаны, т. к. все одеты в русскую солдатскую форму, только без погон и в папахах с красными звездами. Наши же партизаны все носили туркменскую одежду.

Подскочив еще ближе, увидев меня, они выдернули шашки из ножен и завопили: "Сдавайтесь — руки вверх!" Я повернулся и крикнул спящим в юрте: "В ружье", затем, поднимая руки, поднял и маузер, выцелил всадника и открыл огонь...

Один за другим два всадника повалились с коней. В это время около меня грянули выстрелы, слегка оглушившие меня. Это партизаны, мои компаньоны, кто лежа, кто с колена, а кто и стоя, палили уже по атакующим.

Не прошло и нескольких минут, как на поляне носились одни лошади, только у некоторых, за ногу, оставшуюся в стремени, волочился убитый или раненый большевик...

Мы принялись ловить лошадей, так как некоторые были очень хороши, и собирать оружие: шашки, винтовки и патроны. Даже несколько биноклей нам досталось — а нам их так недоставало!

Прискакавшие на выстрелы, воины Медамин-Бека, помогли нам закончить ловлю лошадей. Как позже выяснилось, это из кишлака было дано знать большевицкому отряду, стоявшему в пятнадцати верстах, от которого и были посланы специально для уничтожения нас, партизан, кавалеристы.

Мы было хотели расправиться сгоряча, с кишлаком, но его жители очень во-время привели нам несколько связанных субъектов, нам показавшимся подозрительными накануне. Мы их привезли к Медамин-Беку. Последний, допросив большевиков, приказал их прирезать в степи, как баранов.

И подумалось мне — не проснись я рано, нас бы зарезали сонных...

"ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ"

Когда часть нашего Партизанского отряда уходила в новый рейд, Медамин-Бек посоветовал особенно быть осторожными, так как в той местности, куда мы шли, были замечены случаи перехода мусульман на сторону большевиков. И следовательно везде можно было ожидать получить "ничак" (нож) в спину.

Третий день мы нащупывали слабое место противника и искали случай выкинуть какой-нибудь фортель.

Перед началом операции, решили сделать дневку, чтобы дать отдохнуть замученным лошадям, а людям возможность хорошо выспаться. С вечера расположились бивуаком около большого фруктового сада, с постройками, принадлежавшими нашему знакомому богатому купцу, Ферганцу. Он нам предложил расположиться у себя в доме, но, мы отказались по известным нам причинам. Но мы не отказались от чудного плова с бараниной, любезно нам сервированного хозяином.

Мы отлично выспались и теперь с "Димитрий-Баем" несли наблюдательную службу — была наша очередь. Было чудное, раннее утро. Мы сидели на седлах под громадным, могучим карагачем, окруженным массой тутовых деревьев. Партизаны кружком около нас, безмятежно спали. Лошади, привязанные арканами за переднюю ногу к вбитому колышку, паслись, с аппетитом в данное время, жуя сочный клевер, по снопу положенному у ног каждого жеребца.

Над нашими головами, две горлинки нежно ворковали в листве тута. С окружающих "карагачей" и "тутовых" деревьев, тоже доносилось воркование. В общем получался концерт и очень приятный. Делалось уютно на душе.

Но временами и у меня и у "Димитрий-Бая", все же, кошки скреблись на душе, т. к. нам много не нравилось и было подозрительно. Хоть бы вчера перехваченный взгляд мусульман на базаре, в кишлаке. Мы оба видели, как два субъекта переглянулись. Да и многое другое. Мы только, что шопотом, обменялись мыслями с "Димитрий-Баем". Он, как и ка-

питан Грамолин, который проходил курс восточных языков, хорошо понимали местное наречие. Первый с детства жил в Туркестане и много путешествовал и бродил по краю со своим отцом. "Дим" мне сказал, то, что ему удалось случайно услышать в толпе на базаре. Мы невольно сжимали пистолеты-маузеры, лежавшие, совсем готовые к стрельбе, у нас на коленях.

Но, вот, мы оба невольно насторожились. Что это?.. Две горлинки, мирно и любовно, до этого ворковавшие над нами, замолкли, встрепенулись и быстро улетели, а остальные горлинки тоже замолкли... Наступила томящая тишина... Я, невольно, взглянул на своего любимца, красавца, рыжого жеребца, стоящего недалеко от меня. Он перестал есть, поднял свою точеную голову, навострив уши, пошевелясь прислушивался.

Мы с "Дим-Баем" переглянулись. Кто мог спугнуть горлинок? К чему прислушивался "Алгиджидран"? В это время в отдалении послышался крик ястреба. На небо и смотреть не стоило. Ястреб пролетая, никогда так не кричит, только сидя на дереве... Слышим, крик ястреба повторился, но уже правее. Да это сигнал какой-то!.. Осторожно осматриваемся во все стороны и... видим, как из травы, за большим камнем, показывается сперва бритая голова в маленькой тюбетейке, а затем и бородка клинышком. Туловища не было видно из-за камня. Вот над камнем начинает продвигаться ствол длинного ружья. Толкнув "Димитрий-Бая", поднял маузер и выпалил. В воздухе резко стукнули три или четыре выстрела. Голова склонилась и исчезла за камнем.

Партизаны, как один, вскочили, подхватили, рядом с ними лежавшие, винтовки рассыпались по саду. Скоро раздались несколько выстрелов. Мы с Баем подошли к камню и за ним увидели лежащего мертвого мусульманина.

Вернулись партизаны, ведя двух связанных мусульман. Пленники были бледны и стояли с опущенными глазами. Оказалось, что партизаны, рассыпавшись среди деревьев, обнаружили шесть вооруженных типов, которые бросились бежать... Четырех убили, двух удалось поймать.

Пленных сейчас же посадили на запасных лошадей, прикрутив к седлам и повезли к Медамин-Беку на допрос и суд... А суд будет прост... Отведут предателей в сторону, прикажут им раздеться до белья... Затем выкопают ямку в песке, разложат казнимого так, чтобы горло приходилось над ямкой и одним взмахом, острого как бритва, ножа — от уха до уха по горлу... Я до тошноты насмотрелся на эти казни...

От пленных, благодаря капитану Грамолину и Димитрий-Баю, узнали, что большевики посылают по железной дороге подкрепление в городишко О. Это нам и надо было знать. Проверив слух через лазутчиков Ферганцев, мы устроили засаду. Часть рельс и шпал были сняты и на верблюдах оттащены в степь и там зарыты в песок — потом пригодятся. Были на пути заложены под рельсами динамитные шашки. Протянув Бикфордов шнур, партизаны залегли в выкопанных в песке окопах, так шагах в трехстах от полотна железной дороги. Только "поджигатели" засели поближе к их работе...

Скоро нам дали знать конные лазутчики, что поезд подходит. Шашки хорошо и во-время взорвались. Локомотив взлетел на воздух и первый вагон тоже, а остальные полезли друг на друга. Многие вагоны попадали с насыпи. Началась форменная паника, у скученных в вагонах и теплушках большевиков.

Партизаны пользуются замешательством и открывают огонь. Бой завязывается, но скоро, большевики сдаются, так как бросаемые гранаты, засевшими в пятидесяти шагах, несколькими смельчаками-партизанами, наносят сильный урон. Да и Медамин-Бек прискакал с сильным отрядом своих воинов.

Пленных отправили в Штаб-Квартиру под конвоем конных Ферганцев. Только вряд ли их доведут целыми по назначению. Верно прикончат по дороге. Беспощадная война велась тогда — друг друга не щадили.

"ШАЙТАН"

В моей заметке — "Конная атака на местечко Большая каховка" — упомянул о "Шайтане", вороном в яблоках жеребце Текинце и невольно вспомнил его бывшего владельца легендарно-знаменитого разбойника Иргаша.

Несколько раз, мне довелось с ним встретиться, когда был в партизанском отряде, а потому отчетливо помню его внешность. Это был красавец Ферганец, брюнет с правильными чертами лица, орлиным носом, пронзительными серыми глазами, с черной бородкой клинышком и с бритой, по мусульманскому обычаю, наголо головой. Высокого роста, с массивными, широкими плечами и тонкой талией. Одет он был всегда в коричневый, верблюжьей шерсти халат, сшитый на подобие черкески. На голове носил небольшую папаху, коричневого каракуля, по краю отороченную соболем. Талия была затянута ремнем в два пальца шириной с серебряным набором. Накрест через плечи шли тонкие ремешки, на которых справа висел маузеровский пистолет в деревянной ложе — чехле и богато разукрашенная нагайка, а с левой стороны дивная сабля, с чудным дамасковым кривым клинком, с эфесом из слоновой кости. Ножны из коричневой кожи были сплошь унизаны золотыми и серебряными кольцами ажурно-тонкой работы. На каждом кольце по три бирюзы. На ногах мягкой коричневой кожи высокие сапоги.

Лошади и седлу из чудной кожи, с луками из слоновой кости, богато разукрашенной серебром и бирюзой, сам Эмир Бухарский бы позавидовал.

Только левая рука у него, в это время, не сгибалась в локте вследствии ранения.

Спокойный, молчаливый, говорил он очень мало, когда говорил, то приятно было слушать его веский, низкий, музыкальный голос и плавную речь. Отлично объяснялся по-русски и был гостеприимен. Храбрости дерзкой и отваги он был полон и никогда не терялся, в какой бы обстанове он ни находился. Но не был жесток и не любил зря проливать кровь.

Еще до великой войны четырнадцатого года, обиженный несправедливо губернатором, ушел в Фергану разбойничать. Грабил караваны и богатых людей, но никогда не трогал бедноты, а, наоборот, всегда делился с ней своей богатой добычей. Местное население его боготворило и всегда скрывало. Поймать его было, положительно невозможно, как за ним ни гонялись. Лошадей он умел выбирать и они были всегда великолепными.

— Большевиков Иргаш крепко не любил и доставлял им немало неприятностей и хлопот. Медамин-Бек, национальный герой повстанец в Фергане много мне рассказывал про Иргаша. Вот два случая, которые стоит рассказать:

Первый: — Красные всячески старались переманить Иргаша на свою сторону. У Иргаша была небольшая шайка головорезов, отлично вымуштрованных и хорошо вооруженных, сидящих на первоклассных скакунах. Управлял Иргаш этой шайкой твердой рукой. Но вот решает увеличить свой отряд, но надо где-то раздобыть оружие и коней. Вот что он надумал.

Узнав, что не так далеко остановился красный отряд из двух эскадронов конницы, посылает своего верного человека к начальнику отряда с известием о том, что решил, наконец, перейти на их сторону, и что он под вечер придет со своими людьми, без оружия и привезет с собой вино и баранов, чтобы устроить пир по случаю сговора. Иргаш приезжает на великолепном коне и приводит с собой двести человек пеших, без оружия, пригнав достаточное количество баранов и привез в бурдюках вино и водку.

Начался пир. Вскоре все красное воинство перепилось и заснуло мертвым сном. Без труда связав полусонных часовых, Иргаш ночью сажает людей на коней отряда, забирает оружие и... был таковй.

Второй случай.

Красные стали гоняться за Иргашем. Однажды им удалось окружить и прижать к горе отряд Иргаша. Гора была высокая и наверх шла среди леса одна только, извилистая дорога, с одной стороны. С трех других сторон были пропасти, довольно основательные. Иргаш с отрядом был вынужден подняться на гору, на вершине которой была большая площадь, окуженная лесом.

Красные, закрыв собой дорогу, расположились внизу бивуаком, решив взять разбойника измором. А наверху на площадке расположился Иргаш со своими спутниками. Горят костры, ржут лошади, блеют барашки, чувствуя, что скоро попадут на вертело... Проходит трое суток. Красные посылают мусульманина для переговоров на верх с предложением сдаться. Отказ.

Проходят еще сутки. И вот красным показалось, как то подозрительно тихо, хотя костры и горят. Посылают осторожно разведку, которая беспрепятственно поднявшись на площадку, обомлела. Действительно горят ярко костры, но... ни души... Иргаш с отрядом испарился...

Вот что произошло наверху. На пятые сутки, на рассвете, Иргаш на арканах (прочная веревка из верблюжьей шерсти) спускает как лошадей, так и людей и горами уходит. Опять околпачил Иргаш своих врагов.

— В восемнадцатом году нашелся подлец мусульманин, который за горсточку золотых червонцев, предал Иргаша.

Иргаш, за которым стала еще усиленнее охотиться хорошо к тому времени сорганизованная красная конница, никогда не оставался в одном и том же кишлаке более суток.

Вот, однажды, он расположился на ночь в одном из кишлаков оставив свой отряд у гор. Предатель сообщил о месте нахождения Иргаша. Кишлак был окружен. Хозяин дома, или кто-то из жителей, увидев опасности вбежал в дом, где на коврах спал Иргаш; и разбудил его. Иргаш выбегает во двор, ему подводят верного Шайтана и он, в сопровождении своего телохранителя, рыжего гиганта, на таком же жеребце, быстрее ветра поскакал по направлению другого кишлака.

Поднялась стрельба. Шальная пуля догоняет Иргаша и ранит в локоть левой руки. Почти потеряв сознание от невыносимой боли, поддерживаемый телохранителем, он все же доскакал до домов кишлака. Всадники спешиваются, бросают лошадей, подходят к стене. В этой стене открывается проход. Иргаша вводят во внутрь и проход снова, наглухо закрывается.

Красные обшарили весь кишлак — но Иргаша и его телохранителя так и не нашли. Только двух жеребцов поймали — вороного и рыжего. Иргаша, тем временем, подземным ходом, который издавна, оказывается, существовал под кишлаком, вывели на свободу. Иргаша увезли в горы, где он долго залечивал раненую руку. Так и остался Иргаш с согнутой в локте рукой.

"Шайтан" мне достался случайно. В партизанском отряде, когда мы уходили в Фергану, опытных кавалеристов было всего несколько человек, но они уже сидели на своих отличных лошадях, для других "Шайтан" был слишком ретив.

Действительно "Шайтан" был чудный жеребец. Красавец, вороной в яблоках, но отливающий в темное золото, с шелковой гривой и хвостом, красивой головй с умными глазами, широкой грудью и тонкими мускулистыми ногами.

"НА СЫРЬ-ДАРЬЕ"

Медамин-Бек благосклонно посмотрел на замысел нашего Партизанского отряда, совершить набег на городишко Н. с целью освободить томящихся в местной тюрьме захваченных "не большевиков", приговоренных к смертной казни — большевиками. Да еще придал в помощь отборных пятьдесят всадников из своего "войска". Операция удалась на славу и прошла так:

...По заранее составленному нами плану, к воротам тюрьмы подошли шесть рабочих Ферганцев с пи-

лами и топорами и принялись пилить и рубить, стоящий против главным ворот тюрьмы тополь.

На вопрос тюремных сторожей, вышедших из калитки тюрьмы из любопытства: "что вы тут делаете?", получили лаконический ответ: "приказано".

Дерево скоро повалилось и будто по оплошности, пряо на ворота и на калитку, так что калитку закрыть было уже нельзя.

Раздался свисток. Даже трудно было сказать, откуда появились человек двадцать, вооруженных винтовками и гранатами, партизан и Ферганцев, ринувшихся в открытую калитку тюрьмы. Обалдевшие сторожа мигом были обезоружены и скручены. Отобранными, у главного сторожа, ключами были открыты камеры узников, их вывели и рассадили на уже ждавших у ворот лошадей, и "айда" уходить, оставив на всякий случай скрытый заслон. По дороге в аптеке купили нужные медикаменты для отряда. Пока маленький гарнизон городка всполошился, нас и след простыл. Будто нас там никогда и небыло.

Когда должны были совершить второй набег в этом же роде, на другой городок, то он завершился менее удачно. Нас во время предупредили, что в город вошел сильный отряд красных. Стали уходить. Разведка выяснила, что большевикам удалось нас окружить и прижать к реке "Сырь-Дарье".

Был конец весны, а река в это время года разливается и становится вдвое, если не более, широкой. Мы призадумались. Трудно переплыть, даже с лошадьми, такую махину.

Но вот появляется несколько всадников, с барашками поперек седел, дровами и мешком риса и... от Медамин-Бека лаконической запиской: "Иди к Дарье, много костров разводи, плов ашай (ешь), — жди". И все! Но вера в Медамина-Бека у нас была большая, потому выполнили в точности его инструкции. А пока нам Ферганцы готовили плов, залегли на берегу у камышей и выспались.

Вот и плов готов и жаренные барашки на вертеле тоже уже готовы. Садимся группами ужинать. Темнеет. Пока вкусно закусили и совсем темнота наступила.

И вот слышим странный звук — шелестят камыши, но как-то особенно. Все партизаны насторожились и оружие приготовили. Кто-то шепотом высказывает предположение, что это табун кабанов идет. Нет не то! Кабаны так не шумят. Вот звук все ближе, ближе, и наконец из камышей выходит бесконечное шествие...

Сперва в темноте и не поняли, что это такое, но отблеск от костров дал все же возможность различить силуэты многочисленных лошадей, идущих одна за другой. Встаем. И подходим вплотную к призракам... картина такова: На первой лошади сидит киргиз, к ее хвосту за поводья привязана другая лошадь и так далее. На последней тоже сидит киргиз. На всех лошадях с боков привязаны, как выяснилось потом, по надутому из бараньей кожи мешку с обоих сторон седел. Киргиз, приехавший сообщает: "Медамин-Бек пароход прислал, будешь через Дарью переправляться". Мы радостно расхохотались.

Пригласили киргизов поесть плова. Утолив голод проводники говорят: "Надо ехать! Медамин-Бек ждет на другой стороне Дарья — надо дров в костры класть".

Рассадили нас, рабов Божиих, на лошадей с пузырями, взяли мы повод своих жеребцов с левой стороны, перекрестились, да так цугом и вошли в воду.

Лошадям с пузырями плыть легко, да и порожним заводным тоже. Долго все же в темноте мы плыли и нас заметно сносило течением.

Когда благополучно выбрались па другой берег то оказалось, что нас с пол версты снесло вниз. Нас встретили всадники. Мы пересели на своих жеребцов и двинулись в ставку Медамин-Бека, который улыбаясь, пожал нам всем руки.

Большевики, окружавшие нас и прижавшие к Сырь Дарье, были так уверены в том, что на рассвете возьмут нас без хлопот (верно упуская одно из виду что партизаны так просто не сдаются), что начальнику в штаб была послана эстафета: "Завтра белобандиты в наших руках!"

Каково же было их разочарование, когда на рассвете, кроме догорающих костров и хорошо обглоданных бараньих косточек, ничего другого на берегу реки "Сырь-Дарьи" не нашли.

Говорили, что не одна голова за это полетела с плеч.

Это нам Медамин-Бек рассказал на устроенной пирушке.

"ВОЛЯ АЛЛАХА"

Проезжая как-то большой кишлак, чудным, ранним весенним утром, полным света, солнца и приятной свежести. Выезжаем в крытый базар. Лавки тянутся без конца в перемежку с чай-ханами. Вот в одной из лавок вижу несколько подвешанных, в камышевых сетках, больших, длинных, точно мраморных, дынь. Лавочник, поняв мой взгляд, сейчас же снял одну из дынь и, подойдя, к моему жеребцу, протянул мне ее понюхать. Нюхнул — прямо мед и ананас! Ну, как не соблазниться и не купить. Купил, и на первой же остановке, с большим аппетитом, в компании моих друзей, с лепешками и прикончили этот замечательный вкусный плод.

Но дыню съесть в Фергане в апреле месяце, это значит заполучить верную лихорадку — вроде тифа. Недаром старый Ферганец, видя, как мы едим дыню качал головой.

Проходит некоторое время — будто ничего, все благополучно. Но вдруг... Медамин-Бек дает мне сотню отборных своих воинов-всадников и просит помочь ему окружить кишлак "Бапанги", занятый рано утром, неичим отрядом большевиков-армян. Кишлак мы окружили и так, что из него никто из армян не ушел. Медамин-Бек, узнав, что армяне-большевики уже успели порезать немало жителей, приказал всех пленных большевиков зарезать тоже... их завели

большой сарай и как баранов перерезали. Ужасная картина кончилась..

Еду со своими всадниками обратно и чувствую, что голова делается тяжелой, временами кружится, нападает слабость и все тянет прилечь. Дальше — больше. Приехал в распоряжение партизанского отряда уже совсем больным с большой температурой и ознобом.

Принял хины, напился горячего чаю, и поскорее устроился в большой комнате, на соломе, постлав часть своего большого полушубка под себя, а другой его частью накрывшись. — Не то заснул, не то потерял сознание. Как потом рассказывали, временами поднимался, садился, бредил и снова ложился, теряя сознание. Есть отказывался, а только пил. Со мной рядом, тоже в беспамятстве и бреду, лежал кадет последнего класса Бот. Кроме нас, больных, в комнате находилось человек десять партизан, с которыми мы обычно жили всегда вместе. В соседней комнате находился наш штаб с Прапорщиком Осиповым во главе.

Вот, наконец, очнулся я как-то утром, уже видимо, придя в себя и будто проснулся от жуткой, мертвой тишины, прерываемой ржанием лошади, доносившимся со двора. И, вдруг, начинаю сознавать, что это мой жеребец "Алгиджидран" ржет... Оглядываюсь — лежим мы с Ботом, и больше ни души, ни в комнате нашей, ни в соседней. Вещей тоже нет...

У меня сердце заколотилось от давящего предчувствия... Хотел встать — но куда там — слабость страшная. Тогда волоча за собой полушубок и оружие на ремне — пополз к выходу. Маузер в деревянном кобуре, наган и патроны к ним, кажутся такими тяжелыми.

Выглянул в дверь, и на дворе ни души... Только у самой террасы, с небольшим заборчиком, стоит мой верный конь, привязанный ремнем от недоуздка к дереву. Увидев меня "Алгиджидран" радостно заржал, продолжая нервно рыть землю передним копытом. Жеребец заседлан и даже "курджюмы" (переметные суммы), переброшены через седло...

Когда заболел, то нашел молодого Ферганца и обещал его хорошо отблагодарить, если, он будет внимательно обходиться с моим рыжим любимцем.

Картина ясна, нас как обузу, бросил отряд, а сам ушел— ясно, что по приказанию начальника партизанского отряда. Но, как не похоже на моих друзей!? Столько пережили вместе, в скольких опасностях друг друга выручали. Спасибо, что хоть конюх Ферганец моего жеребца не увел!..

Бот, видя, что я уползаю, взмолился: "Не бросай меня, Михаил Михайлович", и пополз за мной. Собрав все силы, выполз я на террасу, приподнялся до перил, находящихся в уровень с седлом и начал медленно влезать на лошаь. К счастью перила были низкие, а терраса стояла на пять ступеней от земли. Этот момент никогда не забуду. Обычно, такой нетерпеливый "Алгиджидран" стоял как барашек. Умное животное поняло, что не время дурачиться.

Как я вскарабкался на седло, уже и сказать не могу. Так как временами голова кружилась от слабости, то сейчас же и привязал себя к седлу, впсящим на передней луке арканом.

Устроившись и передохнув, говорю Боту:

— Ну, теперь пытайся сесть сзади меня на круп.

Бот полез. Долго лез, но влез таки.

— Теперь, — говорю, — держись крепко за меня, а чтобы не упасть, вот тебе конец аркана, привязывай им себя ко мне.

Отвязав, не без труда, ремень от недоуздка, привязанный к дереву, мы двинулись шагом, конечно. "Алгиджидран" нас вез — зная куда ушли другие лошади.

Выехав из кишлака, мы поехали по засаженной тополями аллее, среди полей. Вот что-то свиснуло и щелкнуло по дереву, еще, и еще... Смотрю вправо и вижу — далеко людей, идущих цепью. Да это по нас стреляют! Перекрестился и прошептал: "Матерь Божия, пресвятая Богородица, спаси нас!" Мы же можем ехать только шагом!.. А пульки все щелкают и свистят. о вот противник, удивленный нашей беспеч ностью, или по другой какой причине, неожиданно прекращает стрельбу.

Впереди показался кишлак, а когда мы подъехали, то увидели сидящих верхом наших партизан. При нащем появлении, вид у них был сконфуженный, а узнав, что мы брошены на произвол судьбы, т. е. на расстрел, так как наше логово было почти окружено большевиками — страшно возмутились.

Находившийся тут же Медамин-Бек, когда услышал наш рассказ, так вскипел, что его с трудом удержали, чтобы он не выпалил из "Парабелума" в прапорщика Осипова. И не надо было его удерживать. Подлость всегда должна быть наказана. Положим, позже так это и случилось. Но зато и избил же Медамин-Бек палкой арбакоша, который должен был нас, больных, вывезти на арбе, но сбежал не захватив нас.

Бота сейчас же уложили на арбу, я же остался на лошади, хотя и был слаб. Мы двинулись в горы и чем выше мы поднимались, тем лучше мне становилось и силы быстро возвращались, а аппетит появился бешеный — только бы и ел.

По дороге выяснилось, что кишлак, в котором был расположен Партизанский отряд и люди Медамин-Бека, была попытка у большевиков окружить. Начальник, выслав людей отряда отбиваться, смертельно боясь попасть в руки большевиков, которым он изменил, перейдя на нашу сторону, уехал, бросив нас с Ботом. Правда он приказал Ферганцу взять нас на арбу, но последний, оставшись один, перепугавшись, сбежал.

Пролежал я без памяти, оказывается, двенадцать дней и только на тринадцатый очнулся — и так вовремя.

Так мы и ушли из Ферганы в Бухару.

"ЗАРАВШАН"

Когда большевикам удалось отрезать, нашему Партизанскому отряду, дорогу на Бухару, то мы, круто свернули вправо, выбрали и пошли не самой кратчайшей, но зато и самой трудной дорогой над Заравшаном.

Красива и величественна была эта в пятьдесят четыре версты дорога, но и полна ужасов. Начиная с того, что козья тропа вилась над пропастью в четыре этажа высотой, в которой с шумом, ревом, несся бурный Заравшан (золотые воды). От быстрого течения вода в реке, действительно, была темно-золотистой. А слева мы прижимались к отвесной скале, тоже, такой же вышины, если не больше.

То, что ехать приходилось все время по узкой тропе над пропастью — еще полбеды, но вот переезжать "балконы", т. е. висячие мосты без перил, шириною всего в полтора аршина и сильно качающихся под вами — это уж, извините, кошмар... А таких "балконов" много. Но хорошо хоть, что они были не долгие, кроме одного "Чертова моста". Эти "балкны" были подвешены над щелями, т. к. тропа вдруг обрывалась такой щелью и чтобы попасть на нее снова, и нужно было переезжать по такому мосту.

Меня все интересовало, — что слева, за скалами. Спросил проводника и он мне пояснил, что там очень хорошие долины, с громадными садами, и что там главным образом растет "урюк" — абрикосы, замечательные своей величиной и вкусом.

Воспользовавшись тем, что дорожка в одном месте отлого поднималась в верх, поехал с несколькими друзьями посмотреть. Поднявшись, мы были поражены контрастом. Целые плантации абрикосовых деревьев и среди них жилища горцев. К нам сейчас же подошли несколько человек. Прямо красавцы. Высокие, стройные брюнеты, с серыми глазами и орлиными носами. Женщины, не закрытые чадрой, с любопытством на нас глазели, а мы могли ими полюбоваться — одна красивее другой. Нас сейчас же угостили великолепным, крупным, душистым, хоть и сушеным урюком и фисташками. Дали и с собой мешочек основательный, из которого мы и угостили остальных партизан.

Но вот страшная дорога кончилась и мы через естественные ворота въехали в узкое ущелье, тянувшееся с полверсты, среди высоченных, отвесных стен-скал. Это ущелье памятно тем, что здесь наш Русский отряд (забыл, в каком году) — погиб целиком.

Этот отряд шел усмирять восставших. Ему жители — горцы, дали втянуться в ущелье, а затем с верху, со скал, забросали камнями и расстреляли. Но многим счастливцам удалось избегнуть избиения.

Но вот и ущелье пройдено и открылся перевал на Бухару. Здесь было разветление нескольких дорог. Мы остановились и решили поесть. Плов был уже почти готов, когда нас жители предупредили, что крупный отряд большевиков, спешит закрыть нам снова дорогу на перевал в Бухару. Пришлось спешно уходить. Рассовав рис с бараниной по кожанным мешкам — двинулись.

Обернувшись, сзади себя увидели вдали, остановившийся большевицкий отряд, смотревший нам в след. Пульки просвистели над нашими головами. По нас открыли огонь...

Но вот и перевал, с довольно отлогим подъемом на него. Наш путь пройден и мы вошли в Бухарские владения...

"БУХАРА"

Но вот мы и в Бухарских владениях. Конечно, Бухарцы уже прослышали, что к ним перевалил какой-то вооруженный отряд. Знали, конечно, и кто мы. Нас встретили радушно, но временно просили сдать оружие. Не помню, сдали мы его или нет, если и сдали, то на очень короткий срок, т. к. очень быстро пришло согласие от Эмира Бухарского, на наше предложение помочь ему в борьбе с большевиками.

Нас сперва разместили в пограничном городке, где был завод, на котором бухарцы изготовляли пушки и оружие для армии Эмира. Затем, с почестями, повели в столицу Бухарского ханства — Бухару.

Здесь мы, с облегченным сердцем, сдали везомый золотой запас Эмиру, с тем, чтобы он передал его Асхабатскому правительству. Дали нам хорошо отдохнуть после всего пережитого и залечить на солнышке раны, и только уже после этого попросили ехать в Бурдалыкское Ханство Гнеближе, к крепости Керки, "действовать".

Из Бухары, по нашему настоянию, прапорщику Осипову было предложение проследовать на Асхабадский фронт. Осипов отправился в сопровождении офицера по пескам, в дальний путь, но по дороге был убит своим компаньоном. "Пропущен через песок", как последний выразился в своем докладе. Убил его офицер, якобы, с целью грабежа, т. к. пожелал воспользоваться крупной суммой денег, имеющейся при Осипове и его кольцом-талисманом. По преданию, это кольцо приносило несчастье тем, кто его похитил.

Кольцо было очень хорошей работы, золотое, с двумя переплетенными нагими женщинами, из платины, на нем, и с очень ценным рубином или сапфиром посредине.

Что было раньше — не знаю, но Осипов его похитил — погиб. Офицер похитил его у Осипова — погиб. Так сбылось предсказание.

В Бухаре, когда осматривали город, меня больше всего поразил громаднейший крытый базар. Чего, чего только там не было из товара. Какие шелка, какая кожа, какие ковры со всего бесконечного песчаного пространства. Просто глаза разбегались. Было что выбрать. А главное, что лавки, в отсутствие купцов-хозяев не запирались, а только задергивались ситцевой или шелковой занавеской. Краж там нет и их не знают. Почему, спрашиваю. Очень просто, объяснили мне. Пойманному вору отсекут руку по локоть, ту, которой он крал. Вечный позор для вора и

для его семьи. Его все сторонятся. Таков мудрый закон Бухары.

Бухарцы народ рослый и очень красивый. В Бухаре есть место, где живут только Бухарские евреи. Последние, перемешавшись кровью с Бухарцами (хотя это и запрещено), еще красивее местных жителей. А женщины такой красоты, что просто глаз не оторвать, и их можно видеть очень часто, чего нельзя сказать про Бухарских женщин, т. к. они в гаремах и ходят по городу с закрытыми лицами.

"ЧЕРНЫЙ ВОРОН ПУСТЫНИ"

Наш сильно поредевший, партизанский отряд, шел в конном строю, по песчаной пустыне, без дорог, пробираясь от Бухары в Бурдалыкское Ханство, для "работы". Шли от колодца к колодцу.

Впереди нас ехали два проводника Туркмена и несколько бухарских чиновников, нас сопровождавших.

Мой рыжий красавец жеребец, шел бодрым шагом, а я от нечего делать, вглядывался в даль. Что и говорить, грустная картина — песчаная степь. Пески, курганы, и снова пески. Куда ни взглянешь — одни пески. Ни тебе кустика или деревца с правой стороны, от нашего пути, далеко, черную точку на одном из курганов. Сперва подумал, не орел ли сидит. Достал Цейсовский бинокль и в него различил всадника в темной одежде, на вороном коне. Всадник не долго стоял неподвижно. Он спустился с кургана и широким галопом поскакал нам наперерез.

Подскакав к нам, он что-то спросил у проводников и у бухарских чиновников. Хотя я и ехал в голове отряда, но не расслышал вопроса. Но зато ясно слышал, как главный чиновник, важно ответил: "Это "Николай адам" (царские люди), едут с "Хатом" (бумагой) от Эмира Бухарского в Бурдалык. Черный всадник почтительно с нами поздоровался, приложив руку к животу, повернул коня и исчез в песках за курганами.

Так, через полчаса, верно, к нам подъехало пять всадников, на вороных, больших, кровных жеребцах-туркменах.

Поздоровавшись они передали приглашение своего начальника, заехать "к ним" поесть плова и отдохнуть в "их жилище". Отказаться было нельзя, хотя эти люди и показались нам, более, чем подозрительными. Повели нас. За одним из курганов, мы увидели, на небольшом, ровном, песчаном пространстве, род крепости. Это был "четыреугольник, обложенный хлопковыми тюками и местами мешками с песком. Стены были довольно высоки — в рост человека и видны были бойницы. Внутри "крепости" стояли глинобитные постройки, а в правом углу колодец.

Мы въехали в эту импровизированную "крепость". Нам навстречу вышли еще несколько человек и помогли устроить наших лошадей и задать им корм, которого у них под навесом было немало. Проходя мимо одного из домов, мне послышался женский смех, но может быть я и ошибся... Нас встретил, на пороге дома, громадного роста, прямо геркулес, разбойник "Черный ворон пустыни", как мне успел шепнуть бухарский чиновник.

Позже узнал, что это был самый отчаянный головорез, грабитель караванов, угоняющий баранов и лошадей гуртами, для продажи на границах.

Их было шесть братьев, так похожих друг на друга, что при коротком знакомстве и не различить, а затем еще семь джигитов.

Всего в шайке было тринадцать человек, все одинаково одетых, на одинаковых вороных Туркменах. Вооружены они были пистолетами Маузера и трехлинейными казачьими винтовками. Приклады винтовок сплошь были украшены вделанными в дерево серебряными русскими рублями и золотыми бухарскими монетами. Кроме того, были золотые насечки — это сколько вражеских голов удалось привезти.

Нас приняли очень радушно и сейчас же подали "дастрахань" — поднос с сушеным урюком и виноградом. Пока мы прожевывали сухое угощение, послышался топот конских копыт. Скосив глаза, я в широко распахнутую дверь увидел двух всадников, а между ними лошадь без седла, с несколько раз сложенной кошмой на спине, а сверху, вдоль туловища, лежал длинный тюк — что-то, завернутое в кошму и привязанное широкими ремнями. Мне подумалось, вот так выглядел бы человек, закутанный в кошму и привязанный к лошади, как сосиска.

Заметил я так же, как бухарские чиновники, сидевшие с бесстрастными лицами, осторожно переглянулись. "Хозяин" посмотрел на своих братьев и повел взглядом по направлению двери. Тотчас, двое из них встали и вышли, но минут через десять вернулись.

Принесли чудесный плов с барашком (благо в них недостатка не было — во дворе я их заметил штук пятьдесят), и нас принялись усиленно угощать, кладя лучшие куски барашка, руками, на на деревянные плошки. Подали и кумыс, и айран (род жидкой простокваши). Вообще видно было, что "Черному Ворону пустыни" и его компаньонам жилось в песках не плохо.

Потом сидели, курили "кальян", разговаривая о том, о сем, но больше молчали. Не очень-то были людимы разбойники и в разговоре осторожны.

Глава банды все посматривал на мое оружие: на Маузер в деревянном кобуре, на наган, а может быть и на патроны, которых у меня было много, на-крест на груди, и вокруг талии, на кушаке. Наконец, он вынул чудный кинжал из богато отделанной ножны, рукоятка которого была сплошь усыпана разноцветными камнями (может быть и настоящими) и бирюзой, продолжая смотреть, то на кинжал, то на мое оружие.

Я делал вид, будто не понимаю его взгляда. Он верно меняться хотел. Но, когда мы собрались уезжать, я счел за лучшее, подарить две обоймы с патронами для маузера "Хозяину". Он был в восторге,

и все совал мне кинжал, но я от него твердо отказался.

Нас торжественно проводили и два всадника поехали с нами. В десяти верстах от "крепости", наши проводники-разбойники, сняв бараньи шапки, принялись ими махать. Скоро появилось несколько всадников на великолепных, но уже разношерстных скакунах-туркменах и переговорив с проводниками, очень почтительно поехали дальше с нами, а два наших друга разбойника, простившись, умчались обратно во свояси. Это была сдача "новой зоне" разбойничьей. Новые проводники, проводив нас довольно далеко, уверив, что теперь с нами ничего не может случиться, нас покинули.

В этих местах могло быть и хуже. Вас гостеприимно примут, угостят до отвалу, а когда вы отъедете от новых друзей, так с версту, то можете и пулю получить в затылок — это от того, кто так недавно вас радушно угощал у себя. Закон пустыни. Дома — гость, гостеприимно принятый, отъехал от дома — враг.

Как только проводники уехали, я сейчас же подъехал к бухарским чиновникам, и спросил их, что они думают о тюке, привезенном разбойниками в "крепость". Обычно, всегда такие важные и сдержанные, они нервно заговорили, перебивая друг друга. Видимо страх на них действовал.

"Это человек был завернут в копму, чтобы за ним было легче наблюдать и возни меньше! Взяли они его заложником, верно это богатый купец, для того, чтобы получить хороший выкуп. Верно теперь же пошлют кого-нибудь к семье захваченного, с требованием выкупа золотом, только золотом, так как все другое они и сами легко раздобудут.

Но, если семья не может дать требуемого, то пленника прирежут. Так проще и безопаснее.

МИРАЖ ПУСТЫНИ

Мираж мне долго не приводилось видеть. Когда его видели мои соратники, то я его не видел по той простой причине, что жажды у меня не было. А все благодаря урокам, данным мне моей нянькой-телохранителем, верным арабом Саидом, приставленным ко мне в моем детстве. Вспоминая его советы, я в жару никогда не пил воды, а когда уж очень хотелось пить, то только полоскал рот и не глотая выплевывал. Моего "турсука" — мешка кожанного с водой, мне и моему жеребцу, хватало вполне, и мы были всегда бодры и не страдали так, как все другие всадники и лошади.

Но все же, однажды, когда придя на колодец, при переходе из Бухары в Бурдалыкское Ханство, мы не могли достать, достаточного количества воды для коней, нам пришлось двигаться дальше, до другого колодца, без отдыха почти, то и меня разобрало, и мне безумно хотелось пить.

И вот мы все увидели мираж, т. е. очень далеко впереди воду. Мне даже показалось, что вижу массу деревьев, вобщем настоящий оазис. Но я скорее других понял, что это обман зрения и больная галюцинация, и вот почему. Наши жеребцы продолжали итти так же спокойно и вяло, как до видения. А обычно, почуяв воду, они становились бодрее, пряли ушами, прибавляли шагу, а некоторые так даже ржали от нетерпения. Когда колодец был уже близко, то коней обычно было трудно сдержать, чтобы они не перешли в галоп. У самого же колодца с животными просто трудно было совладать. Они вырывались, начинали драться между собой, а когда вода появлялась в желобах, набрасывались на нее, дрожа всем телом... Ужасная вещь жажда в пустыне!

На этом же самом переходе двух колодцев — это значит верст шестьдесят, видели мы и другие явления пустыни. Мы перегнали двух, плетущихся, понурых, шатающихся, до нельзя изможденных, верно по болезни оставленных, проходящим караваном, верблюдов.

На ближайших курганах уже сидели громадные орлы — беркуты, кондоры и масса черных воронов. В воздухе тоже летали тучи воронов и парили в выси орлы, оглашая тишину пустыни цоканьем и зловещим карканьем. Сильным чутьем должны обладать эти хищные птицы, чтобы издали почуять будущую жертву.

Пока верблюды шли, хищники нетерпеливо держались на расстоянии, но вот стоило верблюду в изнеможении лечь и только коснуться песка, как сразу скрывался под массой налетавших на него воронов и орлов. Живому еще верблюду выклевывались глаза, рвались из туши куски мяса и все это пожиралось. Птицы и хищники дрались между собой, оспаривая лучшие куски мяса и при этом неистово вопили, покрывая и рев несчастного животного. Ужас!

Я всегда требовал, чтобы такого заболевшего и отставшего верблюда пристреливали. Но случается, что такому верблюду удавалось чудом доплестись до колодца, напиться, отлежаться и поправиться. Вот почему их и оставляли на пути живыми.

Мы как-то натолкнулись в пути, на скелеты белых костей очень хорошо очищенных, точно отшлифованных — видимо остатков целого каравана верблюдов. Нам даже не показалось странным, что все верблюды в караване, и даже впереди шедших осликов проводников, так как шли цепочкой, так и легли костьми.

У колодца ,когда сидели, пили чай и закусывали, то бухарский чиновник шопотом нам сказал, что с караваном приключилось несчастье — разбойники его уничтожили, уведя людей и увезя все самое ценное с собой.

— А как же разбойники не боятся оставить на дороге такое доказательство своего преступления? — спрашиваю я.

— Кого они здесь будут бояться. Орлы и вороны уже съели то, чтобыло мясо на костях верблюдов, а сами, через неделю, другую, так занесет песком, что будто здесь никогда и не проходил караван".

Поведал мне это старший чиновник Бухарский.

(Окончание следует)

В. АБДАНК-КОССОВСКИЙ

Среди параболических зеркал и минных полей

Войну 1914—1917 г. я начал младшим офицером прожекторной роты 21-го Саперного батальона. Рота эта, во время мобилизации развернутая из электро-осветительной станции батальона, имела в своем составе шесть прожекторов "Шуккерта", конной тяги и один прожектор автомобильной итальянской фирмы "Фиат".

Каждая прожекторная станция системы Шуккерта имела несколько повозок: вышечную (фонарь и вышка), генераторную (динамо и двигатель внутреннего сгорания), кабельную (питательный кабель и манипулятор) и бидонную с запасом бензина.

Прожекторы снабжены были параболическими зеркалами, что позволяло устранить сферическую аберрацию, т. е. отклонение лучей света от фокуса зеркала. Диаметр этих зеркал был размером 45 см. (четыре малых прожектора), 60, 75 и 90 см. ("Фиат"). Источником света служила вольтова дуга большой мощности (до 80 миллионов свечей). Вольтова дуга, помещаясь в главном фокусе параболического зеркала, отражала от зеркала параллельные лучи света. При приближении источника света к зеркалу пучек лучей становился рассеянным и, наоборот, он делался сосредоточенным при перемещении вольтовой дуги в сторону предохранительного стекла. В темные, безлунные ночи и при благоприятных атмосферных условиях дальность действия больших прожекторов достигала 20-25 верст, малых — 4-5 верст.

В целях маскировки прожекторы были окрашены в черный цвет, такого же цвета было обмундирование чинов роты. Ах, эти черные фуражки! Всякий раз, как наша рота приближалась к галицийской деревне, все население ее в панике бежало в лес или горы, принимая нас за "страшных" горцев. "Чарны чапки" их, т. е. папахи, всегда были источником всевозможных страхов галичан.

Прожекторные станции выполняли различные задания, из коих важнейшими были: освещение впереди лежащей местности на известном секторе, разведка и освещение неприятельского расположения, нащупывание и слепление противника, устройство световых завес при продвижении наших боевых частей, борьба с неприятельскими прожекторами, с целью парализовать действие их световых лучей, сигнализация, посылка гелиограмм в облачное небо, пользуясь азбукой Морзе, и т. д.

Однако, прожекторы, будучи "деликатным родом оружия" и неся огромный урон в бою на близких дистанциях от противника, не всегда могли выполнять свое назначение. Они бездействовали не только днем, но и в светлые, лунные ночи, во время проливного дождя, сильного снегопада, при неблагоприятных атмосферных явлениях и т. д. Прожекторы, привлекая ураганный огонь противника, были для некоторых боевых операций "палкой о двух концах", а потому вынуждены были прекращать свою работу и покидать позицию. Во время наступательных боев, при передвижениях и отступлении, работа их сводилась к нулю.

В эти периоды вынужденного бездействия прожекторов я, обычно, выполнял боевые задачи, связанные с минированием и подрыванием мостов, виадуков, железнодорожных путей, станционных сооружений, или же руководил работами по установке фугасных заграждений и минных полей. Не специалисту трудно представить себе тот огромный и ответственный труд, который затрачивается при подобной работе. Здесь недостаточно минировать железнодорожный мост или установить минное поле, здесь требуется постоянный контроль, испытание сети электрическими приборами, поверка сопротивления запалов омметров, чтобы быть уверенным в том, что в нужный момент последует взрыв. А сколько нужно со стороны подрывника ловкости и опыта, чтобы подвешивать заряды на фермах железнодорожного моста или выходить на минное поле в ночное время, в непосредственной близости от противника.

Для производства подобных работ в моем распоряжении имелись двуколки с подрывным имуществом. В них помещались электрическая машинка Сименса, индуктор, омметр, ключ для замыкания тока, электрические провода, шнуры Бикфордов и детонирующий, запалы Дрейера, капсюли гремучей ртути, шашки пироксилина и тола, а также взрывчатые вещества иностранного производства, подобранные на полях сражений: динамит, мелинит, экразит и пр.

13-го июля 1914 года, другими словами, за несколько дней до объявления мобилизации, наш саперный батальон спешно погрузили в вагоны на станции Киев II, для следования к австро-венгерской границы 1/14 августа наш 11-й армейский корпус, входивший в 3-ю армию, выбил противника из гор. Броды и стал продвигаться на запад в направлении на Львов. Австрийцы избегали боя и отходили при нашем приближении.

Днень 18-го августа на совершенно открытой местности произошел необычайно кровопролитный и упорный бой, в результате которого наш корпус взял сильно укрепленные позиции у Глинян. В это время мы находились прямо против Львова, в непосредственной близости от его укреплений.

Об этом заслоне существовало в штабах корпуса и армии, весьма преувеличенное мнение, как о двойной линии фортов, усиленных несколькими рядами искусственных препятствий и заграждений, из фугасов и камнеметов. Командующий 3-й армии ген. Рузский, предполагал даже пригласить профессора Николаевской инженерной академии, ген. Величко для руководства инженерными работами при атаке крепости. Частям корпуса рекомендовались особые меры

осторожности, а мне, как подрывнику, строго вменялось наблюдение за теми подступами к львовским укреплениям, где могли оказаться минные заграждения.

Неожиданно наш корпус получил приказ переменить фронт и спешно итти на северо-запад, в направлении на Раву-Русскую, для обхода австрийских армий, теснивших 5-ю армию. В виду перемены направления наступления, место нашего корпуса должен был занять 9-й корпус, которому и предстояло атаковать укрепления Львова и войти победителями в древнюю столицу Галицкой Руси. Между тем, с первого же дня войны Львов был заветною целью нашего наступления, помимо того, мы надеялись там передохнуть, почиститься, побывать в ресторанах, себя показать. Было от чего приуныть и пожаловаться на свою судьбу!

20-го августа, после полудня, наш саперный батальон стал вытягиваться в походную колонну. Уже прожекторные станции, грузно увязая на сжатом поле, стали на рысях пристраиваться за саперными ротами, когда меня неожиданно вызвали к командиру батальона.

— Возьмите несколько верховых сапер и упряжных лошадей и постарайтесь добраться до львовских укреплений, — встретил меня полковник. — Возможно, что они уже очищены противником. Ваша задача — найти и доставить брошенные австрийские прожекторы. Если это окажется вам не под силу, подорвите их и возвращайтесь.

Спустя полчаса небольшой отряд сапер, во главе со мною, шел на рысях по направлению к Львову. Задача наша осложнялась тем, что после ухода 11-го армейского корпуса, на левом фланге его образовался разрыв, еще не ликвидированный частями 9-го корпуса, но который в любой момент мог использовать противник. О местонахождении австрийцев мы ничего не знали толком. Приходилось положиться на "счастливую планиду", что мы и сделали.

Уже смеркалось, когда мы, минуя поля недавних сражений со следами поспешного отступления противника, добрались, наконец, до прославленных львовских укреплений, не встретив ни одной живой души. Все было безлюдно и молчаливо. При ближайшем ознакомлении с укреплениями, они оказались постройками полевого типа с жидкими блиндажами и слабою сетью искусственных препятствий. Прожекторы, помещавшиеся в специальных гнездах, имели столь тяжелую установку, что пришлось отказаться от мысли забрать их с собою. Отделив от них наиболее ценные части, как зеркала, динамо, распределительные доски с ампер и вольта-метрами, я остальное взорвал. В ответ послышалось несколько ружейных выстрелов с нашей стороны.

Приторочить военные трофеи к седлам наших лошадей оказалось невозможным. Обозные, высланные найти какую-либо повозку, вернулись с докладом, что австрийцы, уходя, забрали с собою все перевозочные средства. Правда, в одном сарае господской усадьбы стоит новенькая карета, но обозные не рискнули захватить ее. Но время не терпело, надо было уходить, а потому я послал за каретой.

Было совсем темно, когда послышалось фырканье лошадей и из окутавшего нас мрака вынырнула двухместная карета, покачиваясь на рессорах. Новенькая, ярко блестевшая, с голубой атласной отделкой внутри и гербами снаружи, на дверцах, она была столь очаровательна и хрупка, что я лишь, скрепя сердце, распорядился погрузить в нее перепачканные в масле части австрийских прожекторов.

Выбравшись на львовское шоссе и проехав несколько верст в сторону города, мы решили заночевать в покинутой жителями деревушке и обсудить вопрос о нашем дальнейшем следовании на соединение с батальоном. Догонять его по пахоте и изрытой воронками местности было неразумно, тем более, что батальон шел по неизвестным нам дорогам. Решено было добраться до Львова, а оттуда свернуть вправо на север, держась дороги на Раву Русскую. Но для выполнения этого плана, надо было, чтобы противник покинул Львов и не попадался на нашем пути к Раве-Русской.

Не скрою, что у меня на душе было очень скверно, и я не сомкнул глаз, прислушиваясь к подозрительным звукам. Со стороны Львова доносился какой-то неясный гул, слышались паровозные гудки, временами начиналась ружейная перестрелка. Потом все внезапно стихло. Вдруг, до нашего слуха донеслась ружейная и пулеметная трескотня со стороны пройденных нами укреплений. — "Что за чертовщина, — недоумевали мы. — неужели приближаются к нам отступающие австрийские части?"

В эти предрассветные часы с 20 на 21 августа 9-й корпус получил приказ по армии перейти в наступление на Львов, с оговоркой быть очень осторожным при форсировании тех самых укреплений, которые благополучно миновала моя команда несколько часов назад. Сейчас наши цепи, стреляя по воображаемому противнику, продвигались к городу. Об этом стало нам известно много времени спустя, а в то злополучное утром, мы с тревогой в душе, прислушивались к выстрелам в тылу у нас.

В первых лучах восходящего солнца все наши ночные страхи бесследно рассеялись, а когда перехваченный нами русин поклялся, что во Львове "нема никого, бо вси утикли", — мы окончательно воспрянули духом и тронулись в путь, выслав вперед двух дозорных.

Без сомнения, наш кортеж представлял собою несуразное зрелище. Новенькая карета с завешанными стеклами, катившаяся по пустынному шоссе и эскортируемая вооруженными, дотоле невиданными москалями.Редкие пешеходы-галичане, поровнявшись с каретой, отвешивали земные поклоны, не сомневаясь, что перед ними в карете находится сам грозный победитель австрийцев.

По мере приближения ко Львову наши дозорные все чаще придерживали лошадей, в нерешительности поглядывая по сторонам. Вдруг, за одним поворотом шоссе, сразу осадив лошадей.они притаились

за забором. Стала и карета. Выехав вперед, я увидел вдали всадников, которые, перепрыгивая через ров, исчезали в воротах огромного фабричного здания. Вскоре выяснилось, что это казачья разведка, высланная в сторону Львова и набредшая на сигарную фабрику, брошенную ее хозяином. Мои "черни чапки" не могли отказать себе в удовольствии также поживиться сигарами, и продолжали путь во Львов, дымя "гаванами" местного производства.

Вот и Львов, город Льва Даниловича, который в пору даже самых лютых гонений на православие, оставался оплотом русской культуры. Под его стенами бились ляхи, татары, валахи, казаки Богдана Хмельницкого, турки, шведы и, наконец, русские, заявившие свои права на этот древний удел киевских великих князей. Сейчас огромный город с населением в 250 тысяч человек, не подавал признаков жизни, притаившись в тревожном ожидании чего-то нового. Лихорадочная, напряженная жизнь последних дней внезапно оборвалась и над городом повисла пугающая тишина. Но биение жизни чувствовалось повсюду, — за ставнями, воротами, заборами. Мы ощущали на себе пытливые взоры, сверлившие нас и нашу карету, из каждой щели, из-за спущенных штор, с крыш зданий.

Миновав длиннейшую Клепаровскую улицу, мы выехали на Скарбковскую, имя которой тесно связано с историей моего рода. На этой улице находится старинный театр, построенный львовскими патрициями графами Абданк-Скарбек. На фронтоне его красовалось лепное изображение нашего родового герба. От Скарбковской улицы шла одна из главных артерий города — бульвар Кароля-Людовика. Здесь мы спешились и решили передохнуть. Кругом все было тихо и безлюдно.

Дойдя пешком до конца бульвара, я собирался выйти на "пляц Марьяцки", когда пронзительный женский крик заставил меня вздрогнуть и остановиться в испуге. В нескольких шагах от меня, на пороге дома, стояла пожилая дама в трауре, судорожно прижимая к себе крохотную белокурую девочку. Обе расширенными от ужаса глазами, смотрели на "страшного москаля" и начинали исступленно кричать при моей попытке продолжать путь. Я стоял в большом смущении, не зная, что предпринять. Постепенно стали открываться ставни в соседних домах и слышались негодующие возгласы по моему адресу, — по адресу русского офицера, который "напал на беззащитную женщину и ребенка". Вдруг меня осенила счастливая мысль, — я вынул из походной сумки плитку шоколада и осторожно, еле дыша, протянул ее девочке. Та, поглядев на сопровождавшую ее даму, взяла шоколад, улыбнулась, а я получил возможность продолжать свой путь.

Приблизительно, в то же время, части 42-й пехотной дивизии подошли ко Львову, а командир 9-го корпуса телеграфировал в штаб армии о взятии города. А позже русские газеты, со слов военных корреспондентов, сообщили миру, что "доблестные войска ген. Рузского овладели сильно укрепленным Львовом, причем победители продвигались по улицам по колена в крови"...

Но "не так страшен черт, как его малюют, а потому, на какой-то небольшой отрезок времени я опередил победителей Львова. Свой триумфальный въезд в столицу Галичины, я совершил не в "безумстве молодом", а по той простой причине, что я находился в полном неведении о боевой обстановке. Выручило же меня неизменное, спасительное русское "авось"!

Временно, до получения интендантской повозки, карета была зачислена в штатное имущество прожекторной роты, где заняла место в хвосте станций. На тот случай, если зоркое око высшего начальства замечало ее, возница обязан был невозмутимо отвечать, что в карете находятся "параболические зеркала, для перевозки которых требуются мягкие подушки и рессоры". Подобный ответ, как мы убедились, обескураживал даже самое строго начальство, которое ограничивалось лишь замечанием, что "эти саперы всегда что-нибудь придумают".

Как бы то ни было, карета доставляла нам много хлопот и неприятностей, а потому решено было отделаться от нее при первой же возможности. Случай представился, когда возле нашего расположения оказался питательный пункт Государственной Думы. Сильно потрепанная карета была передана в распоряжение заведующей пунктом, графине М. А. Бобринской, а я, наконец, мог свободно вздохнуть, — как виновник появления кареты в роте, я был первым ответчиком за нее.

Мне суждено было в последний раз узреть старую знакомку при отходе с Карпат. Закончив минировать мост, я сидел на обочине шоссе, по которому спешно отходили артиллерийские парки, обозы, лазареты. Вдруг мое внимание было привлечено молодой барышней в наряде сестры милосердия, которая хмуро шагала по лужам во главе повозок красного креста. Это была гр. Н. А. Бобринская, племянница заведующей питательным пунктом гр. М. А. Бобринской. Подавленное настроение в связи с нашим отступлением, не располагало меня подойти и заговорить. В хвосте обоза тащилась помятая карета, свидетельница моего славного вступления во Львов.

---

24 августа наш корпус развернулся для атаки Равы-Русской с востока. В шестидневном кровопролитном бою по атаке, заблаговременно и хорошо укрепленной позиции, приняли участие и прожекторные станции, причем я командовал 75-сантиметровым прожектором Шуккерта, как наиболее мощным после "Фиата". Последним же управлял командир роты, кап. Г. Э. Жибер. Стоя возле фонаря, на вышке, высотою четыре метра, я представлял собою превосходную мишень для неприятельского огня. Здесь особенно мучительно чувствовалась оторванность от земли, где в бою инстинктивно ищут укрытие от смертельной опасности.

Зарываясь в землю, ищут спасения и "парша

полей сражения" — пехота, и артиллерия, и спешенная кавалерия. Исключение представляет один лишь прожектор, источник света которого высоко возвышается над землею и хорошо виден на далекое расстояние. Естественно, что прожекторы, попадая в сферу ружейного и артиллерийского огня, несут страшный урон, даже после выключения вольтовой дуги. Неприятельский прожектор без всякого труда обнаруживает темную вышку, а артиллерия в несколько мгновений уничтожает ее. Переменить позицию, как это делает артиллерия, или укрыться в безопасное место, наши полевые прожекторы не были в состоянии за отсутствием тренированных в боевой обстановке прислуги и лошадей. Удавалось спасти лишь команду и генераторную повозку, соединенную с питательным кабелем с фонарем.

Когда ураганный огонь противника, вспахивавший соседние окопы и разбивавший в щепы блиндажи, переносился на мою прожекторную станцию, мне ничего не оставалось, как спешно спускаться в блиндаж. В блиндаже имелся манипулятор, с помощью которого я старался наладить работу фонаря. Но это не всегда удавалось, а потому, при первой возможности, я снова подымался на вышку, предпочитая управлять фонарем вручную. Когда же на смену нам приходила заря, я, продрогший, измученный бессонницей и ночными страхами, с посеревшим лицом, шел в убежище и засыпал тяжелым сном.

Следующая боевая страда "среди параболических зеркал" совпала с обложением и штурмом Перемышля в северном секторе, наш корпус продолжал двигаться на запад вдоль железнодорожной магистрали Ярослав — Тарнов — Краков. Что же касается меня лично, то я с четырьмя 15-сантиметровыми прожекторными станциями прикомандирован был к 78-й пехотной дивизии для освещения фортов Перемышля.

Как известно, обложение Перемышля было возложено на нового командующего нашей 3-й армией, ген. Радко-Дмитриева. Когда же решено было для этой цели сформировать специальную 11-ю армию, то руководить осадой Перемышля был временно назначен командир 9-го корпуса, ген. Щербачев. После этого 78-я дивизия вошла в состав осадной армии. Таким образом, моим полевым прожекторам предстояла не легкая, хотя и почетная задача, принять участие в борьбе с мощными прожекторами первоклассной крепости, и быть под обстрелом 6-ти орудийных тяжелых батарей фортов Перемышля. Приходилось опять положиться на "счастливую планиду" и неизменное русское "авось". О большом риске, связанном с подобной работой моих небольших прожекторов, я докладывал начальнику дивизии, ген. Альфтану, но последний сослался на штаб армии и я ретировался посрамленным.

Когда непроглядная темень спускалась на землю, мертвенно-бледные лучи крепостных прожекторов начинали скользить по равнине, нащупывая наше расположение. Эти лучи то бежали вперед, оставляя за собою еще более непроницаемую тьму, то задерживались на мгновение, точно настораживались. Временами они вздрагивали, сходились вместе, шарили по облакам, а затем вновь неслись далее.

Все попытки состязаться с неприятельскими прожекторами и парализовать их действие лучами моих "Шуккертов", не достигали успеха и только привлекали убийственный огонь артиллерии на фортах. Мои лучи бесследно тонули в потоках света противника. Когда же крепостные прожекторы сосредоточивали свое внимание исключительно на моих станциях, то оказывались под действием нестерпимо ослепительного каскада лучей. Чтобы не не привлекать внимания противника, мы застывали на своих позициях черными изваяниями, повернувшись спиною к противнику, а вольтова дуга в наших фонарях превращалась в небольшую красноватую точку, неспособную отразить даже слабый луч.

Вслед за подобной "игрой кошки с мышкой" следовало самое страшное: батареи на фортах открывали убийственный перекрестный огонь по нашим прожекторам. Мы погружались в какой-то воющий ад, где глухой рев тяжелых снарядов смешивался с грохотом разрывов и визгом осколков. Бушевавшая огненная стихия вынуждала меня свертывать станции и, если это удавалось, переходить на другую позицию.

Как известно, штурм Перемышля открытою силою при слабой поддержке полевой артиллерии закончился неудачей, несмотря на то, что два форта на нашем секторе взяты были почти голыми руками. Затем противник напряг все свои силы, перешел в решительное наступление и вынудил нашу армию отойти за Сан. В ночь снятия блокады, мои прожектора до рассвета оставались на старой позиции, что дало возможность отвлечь внимание гарнизона крепости от передвижения наших частей. При первых лучах восходящего солнца мои прожектора снялись с позиции и стали спешно нагонять свои части, переходившие Сан.

О дальнейших этапах боевой страды прожекторной роты отмечу, что часть наших станций была выведена из строя в боях, а другая требовала серьезного и длительного ремонта, причем некоторые изношенные части фонарей не могли быть заменены новыми за отсутствием их в России. В ту пору я "гастролировал" в роли специалиста-подрывника и минера, выполняя задания различных "коринженов" и "начинармов", т. е. корпусного инженера и начальника инженеров армии. Подобныя работы, обычно, чередовались с постройкой мостов ,сооружением искусственных препятствий, исправление дорог в районе расположения своего корпуса.

Весною 1915 года, после кровопролитных боев в разгар суровой зимы, наши части стали отходить с Карпат. В ту пору я находился в Лютовиско, небольшом городке на венгерской территории. Здесь я получил приказание отходить через горный перевал Устржики-Горны на Хиров и Самбор, и далее вдоль Днестра, уничтожая на своем пути все, что можно

эта, во время мобилизации равезрнутая из электроне покидал меня: за это время я уничтожил несколь- великое множество входных и выходных стрелок на самовзрывные фугасы. Остальные фугасы были "об- железнодорожных путях, опрокинул несколько составов под откос, устроил несколько обвалов в горных проходах, привел в негодность некоторые туннели, и т. д. Подрывники отходили в арьергарде, а минировав какой-либо мост, часами ожидали отставших, рискуя попасть в плен или быть изрубленными саблями венгерских гусар.

Случалось, что все подготовительные работы к взрыву моста закончены, получен приказ отходить, магистрали от электрической сети на мосту уже присоединены к замыкателю и индуктору, оставалось лишь привести во вращательное движение рукоять его, и вдруг, с противоположного берега из темноты, доносится топот и голоса. Вслед за этим на мосту появляются отставшие, груженные всяким добром "земляки" или всадники на взмыленных конях. Наконец, все затихает, рукоятка индуктора приводится в движение, нажимается кнопка замыкателя, воздух содрагается от оглушительного взрыва зарядов и пролет моста стремглав летит в реку или пропасть...

Пройдя Днестр, я расположился с командой в большом цветущем лесу между рекою и гор. Комарно. На этом участке новой позиции нашей армии образовался многоверстный разрыв между корпусами, который был ликвидирован значительно позже. На первых же порах сюда направили несолько сотен оренбургских казаков, которые несли дозорную службу вдоль берега реки. Попутно было решено поставить минное заграждение на противоположном берегу Днестра. Здесь находилась огромная болотистая, изрезанная осушительными каналами низменность, носившая название !Великого днестровского болота". Здесь мне предстояло установить более сотни фугасов для "острастки" противника, буде он пожелает форсировать реку против Комарно.

Фугасы заготовлялись в лесу. Здесь мы варили смолу, кроили и шили картонные картузы, смолили их, заряжали черным дымным порохом, внутрь помещали электрические запалы, с выведенными наружу концами, которые в момент установки минного заграждения сращивались "в переплет" с проводами, идущими к минной станции. Затем ночью перевозили их в утлых челнах на противоположный берег и временно прятали в кустарнике. Болото представляло собою то, что англичане называют "но-мен-ланд", — полное безлюдие и безмолвие, если не считать пения бесчисленных птиц, писка мириада комаров и кваканья лягушек.

С течением времени мы совершенно "обнаглели": не соблюдали никаких мер предосторожности, дневали, ночевали и устанавливали фугасы на болоте, не думая о противнике. Лишь казаки, на противоположном берегу, выведенные из терпения нашим беспечным видом, постреливали в нашу сторону "ради забавы".

На тех участках минного поля, за которыми нельзя было взорвать. В течение месяца демон разрушения зя было наблюдать с минной станции, я установил сервационные", т. е. взрывались наблюдателем-минером на станции. Однажды на замыкатель самовзрывного фугаса набрела бездомная корова и немедленно взлетела в воздух. Как ни жалко было ее, мои кашевары тотчас же овладели останками бедного животного. Но с этого времени пришел конец нашей привольной жизни в "Великом днестровском болоте": противник нас обнаружил и жестоко обстреливал ружейным и артиллерийским огнем, даже одиночных подрывников. Тем не менее, мы благополучно закончили нашу "комарненскую операцию", после чего были переведены на другую работу в расположении одного из корпусов.

В начале 1916 года 5-й кавалерийский корпус занимал позицию в Полесье, на правом берегу реки Стыри. На противоположном берегу находилось местечко Чарторыйск, некогда древнее поселение и городище. После того, как 284-й пех. Венгеровский полк овладел Чарторыйском, он был превращен в предмостное укрепление. Все усилия противника были направлены к тому, чтобы выбить отсюда венгровцев и вновь захватить в свои руки Чарторыйск. А потому корпусный инженер, подполковник Дебагорий-Мокриевич, в распоряжение которого я поступил со своими подрывниками, предписал мне усилить оборону чарторыйского тет-де-пон'а фугасным заграждением.

Задача моя сильно усложнялась тем, что местами наши и неприятельские окопы сближались до нескольких шагов, а проволочное заграждение между ними представляло собою сплошную полосу. После тщательной инженерной рекогносцировки позиции я приступил к установке заграждения впереди нашей колючей проволоки и рогаток. Отрывка ям для фугасов и канавок для электрического провода, погружение туда картузов и сети, сращивание, изолировка, поверка омметром, — все это производилось в полной темноте, поспешно, а потому требовало огромного опыта, выдержки и согласованности, не говоря уже о мужестве подрывников. Работали лежа, в крайне неудобных позах, избегая малейшего шума, на совершенно открытой местности.

Когда же безжалостные лучи неприятельского прожектора или ракеты обнаруживали нас и открывался ружейный и пулеметный огонь, мы ложились плашмя на землю, прикрывая свою голову, чем могли: лопатой булыжником, трупом. Луч бежал дальше, стрельба затихала и мы снова принимались за работу. И так всю ночь, до рассвета.

На вторую ночь я был ранен разрывной пулей, но после перевязки врачем Венгровского полка не мог оставить места работ за убылью больше половины моих подрывников. Уже находясь в полевом госпитале я получил уведомление, что мои фугасы сыграли большую роль при отражении противника на чарторыйское предмостное укрепление. Подрывники, находившиеся на минной станции и взорвавшие заграж-

дение в несколько приемов, были награждены георгиевскими крестами 2-й степени.

В войну 1914—1917 года в последний раз я был использован по своей специальности подрывника на румынском фронте. В ту пору я был офицером 11-го Инженерного Императора Николая I полка, незадолго до того переформированного из 11-го Саперного Императора Николая I батальона. Несмотря на разгар революции и начавшееся разложение российской армии, IV армия, куда вошел наш 8-й корпус, оказывала стойкое сопротивление наступавшей германской армии фельдмаршала Маккензена. 24 июля 1917 года немцы энергично атаковали нас превосходными силами, после чего завязался горячий бой на Фокшанском шоссе у города Марешесчи. В связи с неустойчивым положением наших сил на этом участке я получил приказание подготовить к уничтожению бетонные мосты на шоссе. Их было несколько, а потому я волей судеб оказался в центре той операции, которую военные историки сравнивают с Верденскими боями, как по своему упорству и ожесточению, так и потерям.

Опасность минирования мостов усугублялась тем, что часть моих пироксилиновых зарядов, снабженных капсюлями гремучей ртути, взрывались специально от детонации. Между тем вокруг ложились неприятельские снаряды, могущие вызвать детонацию моих капсюлей. Опасность возрастала до крайнего предела, когда заградительный огонь — наш или противника — переносился на мост. Слыша нараставшее бульканье рвущихся снарядов, мы были в нерешительности: бежать ли в сторону от моста или же оставаться под ним, рискуя взлететь на воздух от собственных зарядов. Проносился стальной смерч, который ревел и вспахивал землю, и мы снова принимались за свое невеселое ремесло.

Смертоносная завеса из огня, дыма и взметенной земли уже впереди. Под прикрытием ее неудержимо надвигаются цепи. Это атака славных полков 8-го корпуса. Навстречу нашим цепям бешенно ревет огонь противника, вырывающий целые шеренги. Но на смену им стремительно проносятся все новые и новые цепи, исчезая в темной пелене. Затем громкие крики "ура", короткий штыковой удар, и наши богатыри в неприятельских окопах...

Германцы проиграли операцию под Марешесчи, и с 6-го августа бой затих. Старые, боевые, покрытые славою полки 8-го корпуса в последний раз исполнили свой долг перед Россией, одержав решительную победу над грозным врагом...

Вл. Абданк-Коссовский

Приморские Альпы

Е. ЯНКОВСКИЙ

История Шефства л. Гв. Кексольмского полка и о полковых юбилейных Шефских медалях

Наполеон сказал, что успех победы зависит на 3/4 от морального и на 1/4 от материального состояния армии.

Это преобладание духа над материей, красной нитью проходит через всю историю наших русских вооруженных сил: Ледовое побоище, Куликовская битва, Полтава, Итальянский поход Суворова, Отечественная война, Оборона Севастополя, и, наконец, 1-я Мировая война 1915 года, когда русская армия, грудью защищала каждую пядь своей родной земли, отражая удары мощного, до зубов вооруженного противника.

Эта неподражаемая духовная мощь нашего русского воина, создавалась веками, благодаря нашему русскому способу воспитания, жизни и быта нашего славного христолюбивого воинства — положить душу свою, за други своя.

Не личные заслуги, не награды, не почести толкали русского воина на совершение подвига и чудес храбрости, а Вера в Бога, защита нашей Православной веры христианской, за Царя, за Русь Святую, за безграничную любовь к своей родной части войск — за други своя, поднимало дух русского воина на недосягаемую высоту.

Гордостью каждого воина служили те отличия, которые получал его полк, его часть, в борьбе за Родину, за верную и честную службу Царям и России.

Не одна армия в мире не имела столько коллективных наград, сколько их было в нашей русской Императорской армии: Георгиевские знамена и Штандарты, Андреевские, Александровские и Георгиевские ленты к ним, скобы на Знамена и Штандарты, Георгиевские и Серебряные трубы и рожки, знаменные Галерные флаги (полки Л. Гв. Преображенский, Семеновский и Кексгольмский), знаки на шапки, Военный поход, Гренадерский бой, нагрудные знаки, двойные, шитые и георгиевские петлицы на воротники мундиров, красные отвороты на сапоги, право прохождения церемониальным маршем с винтовками на руку (Л. Гв. Павловский полк), Аксельбанты (Л. Гв. Гренадерский полк), Серебряные литавры, особые отличия в форме одежды, Гренадерское, и Гвардейское звания, Шефство и Шефские медали, как принадлежность формы одежды части.

Получение всех этих, выше перечисленных наград, способствовало, в частях войск, здоровому соревнованию, поднимало дух бойца, заставляя его идти на верную смерть не ради личного блага, а во имя родного полка, бригады, батальона и корабля.

"В доброй славе полка. — бессмертие наших имен", гласит девиз Л. Гв. Кексгольмского полка.

В результате Наполеоновских войн, 26/9 1815 г. был создан "Священный Союз", 3-х Монархов: Императора Российского Александра I Благословенного. Австро-Венгерского — Франца I. и Короля Прусского — Фридриха Вильгельма III.

В память этого Союза, в каждой из выше названных Держав, два полка получили Шефство Союзных Монархов. Таковыми, в Российской Императорской Армии были полки: Л. Гв. Кексгольмский и Л. Гв. С.-Петербургский.

Собственноручное письмо Императора Александра I к Императору Австрийскому Францу I, о пожаловании его Шефом Кексгольмского полка, гласило:

« Monsieur mon Frère.

J'accepte avec autant d'empressement que de plaisir l'honneur que votre Majesté aujourd'hui vient de m'adresser. Elle me trouvera constamment prêt à saisir tout moyen qui puisse servir à constater toujours d'avantage l'intimité des relations qui subsnstent si heureusement entre nous. C'est dans la conviction combien votre Majesté partage ces sentiments que je lui propose également de permettre que le régiment des grenadiers de Ke cholm l'un des plus braves de mon armée porte son nom.

Elle ne saurait me donner un témoignage qui me fût plus agréable de son amitié ni à l'armée russe une preuve plus flatteuse de son estime.

Recevez l'assurance renouvelée du plus sincère attachement et de la haute considération avec lesquels je suis.

Monsieur mon Frère
de votre Majesté Impériale
Le bon frère
Alexandre

Vienne, le 18 Octobrer 1814.

Русский перевод.

"Государь брат мой",

Я принимаю с такою же готовностью, как и удовольствием, честь, которую Ваше Величество оказало мне сегодня.

Ваше Величество всегда найдет меня склонным использовать все средства, могущие послужить к вящему утверждению сердечности отношений, так счастливо существующих между нами.

Убежденный, насколько Ваше Величество разделяет эти мои чувства, Я, со своей стороны, прошу Вашего разрешения, дабы полк Кексгольмских Гренадер, один из храбрейших полков моей армии, носил бы Его Имя. Этим, Ваше Величество, дало бы мне самое приятное доказательство Своей дружбы, а Русской армии самый лестный знак Своего уважения.

Еще раз примите уверение самого искреннего к Вам расположения и высокого уважени, в каковом пребываю.

Вашего Императорского Величества
Государь брат мой
Верный Брат
"Александр"

Вена, 18 октября, 1814 г.

Дабы навсегда запечатлеть память о Священном Союзе 3-х Монархов, Император Николай I, в согласии с союзными Монархами, постановил считать это Шефство Историческим, сохранив его на вечные времена.

С этого момента, Шефом каждого из этих полков, становилась соответствующая Династия Союзных Монархов, почему и наименование полков изменилось. Так, Л. Гв. Кексгольмский полк, получивший Шефство Дома Габсбургов, стал именоваться: Лейб-Гвардии Кексгольмским Императора Австрийского полком, с оставлением на погонах вензеля первого Шефа полка Императора Франца I.

Последним Шефом Л. Гв. Кексгольмского Императора Австрийского полка был: Его Императорское, Королевское, Апостолическое Величество, Император Австрийский, Король Венгерский Франц Иосиф I. с момента своего воцарения в 1848 г., был пожалован Шефом Л. Гв. Кексгольмского Императора Австрийского полка.

Первая рота полка носила наименование роты Его Величества Императора Австрийского.

Наследник Австрийского Престола числился в списках роты Его Величества.

Сын Императора Франца Иосифа I — Престолонаследник Рудольф, был последним Наследником Австрийского Престола, удостоившимся чести состоять в списках Л. Гв. Кексгольмского полка. С его смертью, Наследник Престола Эрцгерцог Франц Фердинанд, до конца дней своих, не был удостоен Государем Императором, занесением в списки роты Его Величества.

Император Франц Иосиф I очень любил свой Кексгольмский полк и щедро одарял его своими милостями. В 1860 г., по случаю 150-летнего юбилея полка, Франц Иосиф пожаловал полку полный комплект инструментов для хора полковой музыки.

В 1888 г., в день своего 40-летнего юбилея, Он пожаловал полку два свои огромные портрета масляными красками. Один в офицерское собрание, а другой в роту Его Величества.

Не раз Император Франц Иосиф, при всяком удобном случае присылал офицерам полка подарки: перстни и портсигары со своим вензелем, осыпанным бриллиантами, жалуя во всех торжественных случаях Австрийские награды, каждому, старшему в чине офицеру. Он всегда осыпал наградами всех чинов Депутации полка, посылаемых в Вену, в дни торжества, при представлении Командира полка, являвшихся ему лично, при вступлении в командование полком, награждал, в первый приезд: Орденом Франца Иосифа 1-й степени, на красной ленте, во второй раз Орденом

Железной Короны на желтой ленте с голубыми полосками по бокам (цвета полка), а при третьем представлении, Орденом Леопольда первой степени, на синей, если не ошибаюсь ленте, дававшего право на титул в Австро-Венгерской Империи.

В 1898 г. Император Франц Иосиф праздновал 50-летний юбилей своего Царствования и Шефства полка. В ознаменование этого торжественного дня, все полки Австрийской армии получили бронзовые медали, тогда, как Л. Гв. Кексгольмскому полку были пожалованы всему офицерскому составу — серебряные медали (на степень выше), а нижним чинам — бронзовые.

По своему размеру, медали были немного больше рубля. На лицевой стороне было рельефное изображение поясного портрета Императора Франца Иосифа I, а на оборотной стороне медали надпись русскими буквами, гласившая: "Л. Гв. Кексгольмскому Императора Австрийского полку от Шефа 1848—1898 г." Медали этой была присвоена черно-желтая лента. На желтом фоне, по середине была более широкая, а по бокам узкие черные полоски.

Помимо этого, дабы запечатлеть означенный юбилей на вечные времена, полк получил 100 офицерских серебряных и 40 солдатских бронзовых медалей, каковые, как принадлежность формы одежды, предназначались для ношения будущему составу полка, за время ношения им формы полка. Эти медали получал каждый, вновь произведенный молодой офицер, а также и офицеры армии, переведенные в полк после годичного прикомандирования.

Офицерские медали находились в ведении Хранителя Полкового Музея, а солдатские в ротах, по 2 на роту и команду. При снятии формы полка, медали возвращали Хранителю Музея.

Солдатские медали выдавались для ношения фельдфебелям и старшим взводным в ротах, знаменщику и старшим в командах. Шефские юбилейные медали были специально отчеканены Л. Гв. для Кексгольмского полка и отличались особой тонкостью работы. Впоследствии, когда некоторые из них были утеряны, копии их были воспроизведены местным ювелиром, которые отличались от подлинников в смысле тонкости работы.

В день 50-летнего юбилея Шефства, помимо прочих наград, с соизволения Государя Императора, были возложены Шефские юбилейные ленты на полковые Георгиевские Знамена.

Школе солдатских детей Л. Гв. Кексгольмского полка, ко дню юбилея, Шеф пожаловал 5.000 рублей (школы солдатских детей, согласно штатов, имелись при всех гвардейских полках).

Одновременно, Император Австрийский Франц Иосиф, подарил офицерскому собранию грандиозный, тончайшей работы, массивный серебряный Сюртуде Табль, с надписью: "Моему Лейб Гвардейскому Кексгольмскому полку(вместо моему Л.-гв. Кексгольмскому полку), весом около 3-х пудов. Размеры этого Сюрту-де-Табль были: 1 метр длины, 1,20 метра высоты и 60 сант. ширины.

Каждый раз, при посещении Императором Францем Иосифом России, Государь Император вызывал полк в полном составе, для представления своему Августейшему Шефу.

Так в 1881 г., в Скерневицах, во время свидания 3-х Императоров: Александра 3-го, Вильгельма 1-го и Франца Иосифа 1-го, полк имел счастье, одновременно представиться своему возлюбленному Монарху и Августейшему Шефу полка.

В 1888 г. по случаю 40-летнего юбилея Шефства Императора Франца Иосифа, для поднесения подарка Шефу, была послана депутация полка во главе с Командиром полка генералом Гребенщиковым.

В 1897 г. при посещении Императором Францем Иосифом России, с ответным визитом, вступившему на Престол Императору Николаю II, Л. Гв. Кексгольмский полк был вновь вызван в Св.-Петербург.

В 1908 г., по случаю 60-летнего юбилея царствования и шефства полка, весь офицерский состав получил от Франца Иосифа, серебряные юбилейные медали, но вид их был совершенно тождествен с медалями, пожалованными Австрийской армии. На лицевой стороне медали было рельефное, головное изображение Франца Иосифа, с лавровым венком на голове. Этим медалям, тоже была присвоена черно-желтая лента, но иного рисунка. На желтой, более широкой ленте, по бокам, были узкие черные полосы. Выделка этой медали была довольно грубой. Время не благоприятствовало юбилею. Чувствовалась напряженность политического положения, после аннексии Боснии и Герцеговины.

Эти медали за 60-летний юбилей, были вручены каждому офицеру, Представителем Императора Австрийского, Графом Спаноки, состоявшим при нашем Дворе в качестве Австрийского Военного Агента.

Вскоре, после 60-летнего юбилея, примерно в 1909 году, по настоянию русского Двора, Граф Спаноки был отозван ввиду причастности его в похищении нашего мобилизационного плана по 19-му восстановленному расписанию, которое, конечно, было тотчас же заменено 20-м.

В делах военного шпионажа, не отставала и наша заграничная разведка. Так, в 1910 году, в ноябре месяце, я, как заведующий мобилизационной частью полка, получил, уже переведенное на русский язык, новое австрийское Наставление для Мобилизации, вступавшее в силу лишь с 1-го января следующего года.

Офицерский состав Л. Гв. Кексгольмского полка, не оставался в долгу у своего Державного Шефа, преподнося ему, при каждом удобном случае, ценные подарки. Эти подарки, Императору Францу Иосифу, были, повидимому, особенно дороги, так как не редко, после представления депутации полка в своем личном кабинете. Он, приоткрывая дверь в соседнюю комнату — свой любимый уголок, показывал офицерам полка, наш подарок, хранившийся у него в особой витрине, рядом со столиком, на котором лежал дневник трагически погибшей Императрицы Елизаветы.

Ко дню 50-летнего юбилея Шефства, офицерский состав полка поднес своему Шефу художественной работы серебряную группу "Клянусь", возвышавшуюся на пьедестале, сделанном из особого камня. В серебряном ларце этой группы, помещалась большая золотая медаль с портретом Франца Иосифа в мундире полка, чеканки русского Монетного Двора.

С началом 1-й мировой войны в 1914 г., полку было приказано снять шефские вензеля. Шефство упразднялось. Точно также, снял свои вензеля и Австрийский полк Императора Александра 1-го. Только один германский полк, во время войны носил вензеля своего Шефа Императора Александра 1-го, не расставшись со своим историческим шефством, что мне лично пришлось наблюдать в 1-ю мировую войну.

Е. Янковский

Н. ЧИРИКОВ

Генерал-адмирал Русского Императорского Флота Великий Князь Константин Николаевич

Великий Князь Константин Николаевич состоял во главе управления Морским ведомством 28 лет, с 1853 по 1881 год.

Это время было одним из наиболее тяжелых переходных периодов в истории флотов вообще, а русского в особенности. В кораблестроении совершался коренной переворот; крупные технические открытия и усовершенствования следовали одно за другим. Положение нашего морского ведомства, в сравнении с такими ведомствами других держав было особенно затруднительным, потому что знания русских судостроителей и техников оказались далеко не на высоте новых требований кораблестроения. Едва мы успели с большими трудами создать в замену отживавших свои дни парусных судов несколько военных колесных пароходов, как введение в военное кораблестроение винтовых двигателей уничтожило значение этих судов.

В Крымскую войну Англия и Франция, противопоставив нам вместе с парусными судами и колесными пароходами, несколько вновь построенных винтовых кораблей, совершенно парализовали действия нашего флота. Едва удалось нам вслед затем, по примеру этих держав, построить деревянные суда с винтовыми двигателями, как после 1863 года, на смену деревянным явились железные суда, обшитые бронею, и мы должны были прилагать новые чрезвычайные усилия, чтобы организовать дело постройки броненосцев.

Явившиеся в 1854 году в Черное и Балтийское моря британские и французские суда с винтовыми двигателями, не были для нас совершенной новостью. Винтовые корабли нового типа начали сооружаться заграницей задолго до того и наше морское министерство еще в 1846 году приступило к постройке первого русского винтового фрегата "Архимед". Это судно было спущено на воду в Петербурге в 1848 году; оно, однако, окончило свою службу в самом же начале, потерпев кораблекрушение во время пасмурной погоды 6-го октября 1850 года у острова Борнгольма.

Учрежденный при морском министерстве особый пароходный комитет внимательно следил за ходом усовершенствований по части применения пара к военному судостроению ,но, по замечанию великого князя, во всеподданейшем отчете 1880 года, "тяжелой машине тогдашней нашей морской администрации требовалось очень много времени, чтобы при посредстве бесчисленных письменных и других формальностей довести каждое предположение до исполнения"; при том считали нужным ждать "дальнейших усовершенствований, последнего слова в теории и практике, и не решались рисковать затратою денег".

Только через три года после постройки "Архимеда" нашли нужным приступить к сооружению двух винтовых фрегатов и к переделке, по примеру Англии, трех парусных кораблей в винтовые. Корпуса строились в России, но машины для всех пяти судов были заказаны в Англии. Вследствие полной неподготовленности наших казенных адмиралтейств и заводов к новой, сложной работе постройки винтовых механизмом, морское ведомство не решалось приступить к постройке машин в России и не принимало мер для подготовки наших техников и заводов к этим работам. Ближайший опыт показал настоятельную необходимость строить военные суда собственными средствами; из числа заказанных в Англии машин мы успели получить до Крымской войны только две, а остальные три были конфискованы британским правительством.

В таком положении находилось дело сооружения новых винтовых кораблей при вступлении великого князя Константина Николаевича в управление морским ведомством. Великому князю предстояла трудная задача создать винтовой новый флот: Крымская война заставила спешить с этим делом.

В декабре 1854 года Император Николай Павлович повелел экстренно построить к навигации 1855 года шхерную паровую флотилию из 38-ми винтовых канонерских лодок. В следующем году было велено изготовить немедленно еще 35 винтовых лодок того же типа и приступить к постройке больших винтовых судов: 8-ми кораблей, 3-х фрегатов и 6-ти клиперов.

Неудачный опыт изготовления в Англии паровых механизмов, окончившийся их конфискацией, принудил морское ведомство приступить к изготовлению машин в России, несмотря на полную неподготовленность казенных верфей и заводов. В трудные годы тяжелой войны, в виду неприятеля, великий князь

генерал-адмирал должен был положить начало нашей независимости от иностранных заводов. Казенные верфи и заводы были наскоро приспособлены к новым работам и деятельность их доведена до крайнего напряжения; одновременно было поручено частным заводам изготовление винтовых механизмов при содействии со стороны морского ведомства.

Благодаря чрезвычайной энергии, проявленной в этом деле морским министерством, менее чем в два года была создана целая флотилия из 75-ти винтовых канонерских лодок, построено 14 корветов с артиллерией, вооруженных 11-ю пушками каждый, и все эти суда были снабжены механизмами русской работы. Кроме того, к концу войны находились в постройке 8 кораблей, 3 фрегата и 6 клиперов с винтовыми двигателями; достроены они были уже по окончании войны.

Неопытность в деле постройки судов нового типа и вынужденная обстоятельствами чрезмерная спешность работ имели неизбежным следствием то, что эти первые русские винтовые суда оказались с большими недостатками; употребленный на их постройку материал, лес и железо, далеко не удовлетворяли требованиям. Так, например, корабль "Ретвизан", спущенный на воду в 1855 году, через три года во время плавания в Средиземном море, получил значительный перелом корпуса. Фрегат "Аскольд", несмотря на обнаруженные им во время кругосветного плавания прекрасные мореходные качества, также не обладал достаточной крепостью корпуса и в 1858 году шторм в Китайском море расшатал его во всех частях.

Несмотря на это, постройка указанных судов принесла существенную пользу, как первая попытка нашего освобождения от иностранной зависимости в деле судостроения. С этого времени основою судостроительной деятельности морского министерства стало: сооружение флота в России из русских материалов силами русских судостроителей, техников и мастеров. С этой целью морское ведомство решило капитально перестроить адмиралтейства, углубить гавани, расширить и построить новые доки, соорудить новые заводы, мастерские и склады, снабдив их соответствующими машинами и механизмами.

Был принят целый ряд мер, чтобы дать возможность русским инженерам и техникам приобрести заграницей необходимые знания и опытность, и через несколько лет все иностранные техники и инженеры были заменены в наших адмиралтействах русскими людьми. Частным заводам давались заказы на постройку судов и механизмов, несмотря на то, что они строились здесь медленнее, обходились в первое время дороже и требовали переделок, — морское ведомство не останавливалось перед пожертвованиями для поддержания частной судостроительной и механической промышленности, сознавая, что излишним расходом мы оплачивали в этом случае нашу самостоятельность в деле, связанном с вопросом безопасности государства.

Затруднения и неудачи, сопутствовавшие неуклонному преследованию этих целей, доставили главному руководителю дела, великому князю, по его собственному признанию, "много тяжких минут испытания и разочарования", но со стороны Государя он встречал постоянно поддержку и полное сочувствие.

После экстренных работ во время Крымской войны морское ведомство, по заключении Парижского мира, приступило к систематической постройке судов нового типа с винтовыми двигателями. Парусные суда и колесные пароходо-фрегаты отжили свое время.

В 1857 году, во время заграничной поездки, великий князь ознакомился с морскими силами Англии и Франции и, по возвращении в Россию, так охарактеризовал свое положение, как главы морского ведомства, в письме к князю Барятинскому: "Я теперь ничто иное, как генерал-адмирал без флота и который только что видел своими глазами гигантские флоты и морские способы вчерашних врагов наших. Мне предоставлено доверием Государя создать России флот, ибо нет у нас флота".

В основу одобренного затем Государем плана создания флота великий князь положил мысль, которая была раньше поставлена целью для деятельности морского ведомства Императором Николаем Павловичем: "Россия должна быть первоклассною морскою державою, занимать в Европе третье место по силе флота после Англии и Франции, и должна быть сильнее союза второстепенных морских держав".

От программы, начертанной великим князем, пришлось, однако, тотчас же отступить, вследствие финансовых затруднений. Постройку судов по этой программе было предположено начать с 1858 года; но смета морского министерства на этот год была сокращена почти на 3.000.000 руб. и кроме того, министерство должно было передать в государственное казначейство свои капиталы на сумму более 2.000.000 рублей. В последующее время, до 1862 года, кредиты морского министерства также урезывались, так, что размеры судостроения пришлось согласовать не столько с предначертанною программой, сколько с затруднительным положением государственного казначейства

В период времени с 1856 по1863 год было построено 26 винтовых судов: 3 трехдечных корабля, 7 фрегатов, 6 корветов, 7 клиперов и 3 морские канонерские лодки. Из числа этих судов только пять было построено заграницей; а механизмов, несмотря на все усилия морского ведомства, только девять удалось изготовить в России — остальные пришлось заказать заграницей.

Создание этих судов было в общем произведено весьма успешно; при постройке их удалось избежать ошибок, сделанных при работах во время Крымской войны; большая часть новых судов по своим мореходным и боевым качествам не уступали судам тех же типов сильнейших иностранных флотов. 70-пушечный фрегат "Генерал-Адмирал" стяжал славу лучшего парового и парусного судна не только у нас, но и заграницей.

Тревожная политическая обстановка в 1862 и 1863 годах дала возможность проверить результаты дея-

тельности морского ведомства по части судостроения под управлением великого князя и проверка оказалась всецело в его пользу: в 1852 и1853 г.г. морское ведомство с трудом могло выбрать из многочисленного судового состава балтийского флота для отправки в Тихий океан только три парусных суда, дошедших туда после многочисленных починок в различных портах, — теперь, в 1862 году оказалось возможным отправить в Северную Америку, по первому требованию, две эскадры из 6-ти винтовых судов каждая, вполне отвечавших современным требованиям, причем одна из эскадр, снаряженная экстренно в две недели, совершила переход из Кронштадта в Нью-Йорк, не заходя по пути ни в один порт.

Причины, создавшие тревожную политическую обстановку в 1862 и 1863 г.г. и вызвавшие необходимость срочной посылки этих 2-х эскадр, были следующие:

Британские правящие круги не были удовлетворены итогами Парижского конгресса 1856 года. Добившись временного запрещения России держать боевой флот на Черном море, они, однако, не были в состоянии осуществить другой половины своих вожделений. После явного провала бесплодных операций британского флота против России в Балтийском и Белом морях и в Тихом океане, Англия была принуждена отложить попытки немедленно парализовать возрождение неприятного ей русского флота в Балтийском море. Но втайне она продолжала замышлять новое вторжение британского флота в Балтийское море. Англия искала удобного случая, чтобы добиться своих затаенных целей — упразднить Кронштадт, как главную базу Балтийского флота, прикрывающую подступы с моря к столице, и положить предел дальнейшему росту русской морской силы. Первый подходящий случай для такой попытки ей представился по окончании Крымской войны в связи с затруднениями русского Императорского правительства при подавлении польского восстания 1863 года.

Борьба поляков против русского владычества встречала широкое сочувствие в среде так называемых "прогрессивных" элементов во всей Европе. Британское правительство, прикрываясь стремлением помочь "угнетенной" Польше, готовилось вмешаться в решение польского вопроса, чтобы использовать благоприятную обстановку в своих тайных стремлениях.

Англия предприняла шаги к восстановлению наступательного союза с Францией и начала мобилизацию флота для вторжения в Балтийское море. Одновременно она поддерживала в междоусобной американской войне восстание южных рабовладельцев против северных демократических штатов. Дальнейшее направление событий всецело зависело от готовности России к войне на море с Англией.

В этот опасный момент Россия ответила на британское бряцание оружием двумя решительными мероприятиями, убедительно для британских политиков продемонстрировавшими готовность России дать отпор британским домогательствам и произведшими отрезвляющее действие на парламентских лидеров в Англии.

Зная страх Англии перед угрозой крейсерской войны на океанах, способной подорвать ее морскую торговлю, примером чего служила война с Францией в XVIII веке и с США в начале XIX века, русское Императорское правительство предприняло весьма смелый шаг.

В полной тайне были высланы две сильные крейсерские эскадры к берегам Северной Америки в Атлантическом и Тихом океанах. В середине июля 1863 года из Кронштадта вышел в море фрегат "Александр Невский" под флагом контр-адмирала С. С. Лесовского. Далее в океане к нему присоединились еще 2 фрегата, 2 корвета и 1 клиппер. Суда эскадры, не заходя в порты, прошли незамеченными через проливы, пересекли Немецкое море и Северо-Атлантический океан вне обычных торговых путей и 24-го сентября внезапно прибыли на нью-йоркский рейд, где и стали на якорь. Американцы с энтузиазмом приветствовали приход русской эскадры, усматривая в этом угрозу Англии, помогавшей рабовладельческим южным штатам.

Столь же неожиданно на противоположном берегу Северной Америки, в Сан-Франциско, появилась вторая крейсерская русская эскадра — свиты Е.И.В. контр-адмирала А. А. Попова, прибывшая через Тихий океан из дальневосточных азиатских портов этого океана. *(Продолжение в след. номере)*

Н. ПАШЕННЫЙ

Восточный вопрос (1857-1879)

Спокойно и ясно изложил Государь свой взгляд на создавшееся на Ближнем Востоке положение, дав свое монаршее слово, что не имеет ни малейшего намерения включать Константинополь в состав своей империи. Государь указал, что такое решение вопроса неминуемо явилось бы источником неисчислимых осложнений, чего хотел избежать его Державный отец, Император Николай I, воздержавшийся от занятия Царьграда в 1829 г., когда русские войска уже стояли на пороге турецкой столицы. Недавнее предложение канцлера Горчакова о совместной демонстрации держав явилось лучшим доказательством бескорыстных намерений России. Если бы силой обстоятельств Россия была принуждена занять Болгарию, то сделала бы это исключительно по побуждениям гуманитарного порядка, ради обеспечения безопасности ее населения. "России всегда приписывают, — сказал Государь, — намерение завоевать в будущем и Индию, и Константинополь. Что может быть менее обоснованным? Первое вообще неосуществимо. Второе не отвечает вовсе ни моим желаниям, ни намерениям, что я вам торжественно и подтверждаю".

В заключение Александр II выразил уверенность в исполнении Портою русского ультиматума, добавив, что державам следовало бы, в таком случае, сообща перед ней настоять на даровании славянским провинциям широкой автономии, обеспечивающей права их христианского населения; следовало бы также обсудить, какие гарантии исполнения такого требования могут быть признаны достаточными.

Комментируя приведенные высочайшие заявления, в письме к гр. Шувалову, нашему послу при Сен-Джемском Дворе, канцлер Горчаков выражал свое удивление легковерию британского кабинета, продолжавшего принимать всерьез столь несуразные выдумки, как пресловутое завещание Петра Великого, никогда в действительности не существовавшее, а потому относящееся к области "чистейшей политической мифологии".

Как бы то ни было, Порта действительно подчинилась нашим требованиям о перемирии с Сербией и Черногорией. Оставалось принудить ее заключить с ними мир и незамедлительно приступить к столь долго откладывавшимся реформам.

Хотя в Петербурге и получены были заверения в принципиальном согласии британского правительства с русской точкой зрения по этому вопросу, однако, обстановка резко осложнилась из-за вызывающей речи Биконсфильда на официальном банкете в Лондоне, в которой он ясно грозил нам войной (28-го октября 1876 г.*). Через два дня после этого выступления, Император Александр II, принимая в первопрестольной представителей московского дворянства и городского общества, выразил надежду, что державы все же придут к соглашению и сумеют общими силами достичь поставленной цели. "Если же этого не случится, — сказал Государь, — то я имею твердое намерение действовать самостоятельно и уверен, что, в таком случае, вся Россия отзовется на мой зов, а первая сделает это Москва"...

В заседании Славянского Комитета Аксаков по этому поводу произнес следующую речь:

"В Кремле, среди святынь и древности московской, Русский Царь вступил в общение с своим народом, в общение духа с прошлыми и грядущими судьбами отечества и держал ему речь, навеки врезавшуюся в народную память.

Самодержавный Царь явил себя причастным сердцем к тому великому движению, которым ознаменовала минувший год Россия, выслав своих сынов на борьбу с врагами славянства и веры православной.

Нет мгновений возвышеннее тех, когда внезапным подъемом всенародного духа вся многовековая история страны вдруг затрепещет живою силою, и весь народ послышет себя единым, цельным в веках и пространстве, живым историческим организмом.

Такую именно минуту пережили мы в тот день, когда вся Русь, в лице Москвы, принимала от Царя его мысль и слово, и устами Москвы же в ответном адресе выражала свою веру и страстное желание — да прийдет слава Царя-Освободителя далеко за русский рубеж во благо всем страждующим братьям, во благо человечеству, во славу Истины Божьей. Вторя Москве, возликовала и заговорила вся Русская Земля.

Слова Государя не были делом случайно личного державного произволения. Это было наитие исторического духа. Он говорил, как преемник Царей, как преемник Иоанна III, принявшего от Палеологов герб Византии и сочетавший его с гербом Московским. Он говорил, как венчанный блюститель древних преданий и непрерывности исторического завета".

Всей Россией овладело необычайное воодушевление, достигшее высшей точки, когда стало известно высочайшее повеление о постепенном приведении войск ряда военных округов в боевую готовность. К январю 1877 г. на юго-западной границе было сосредоточено 286 батальонов, 360 эскадронов и сотен при 1.154 орудиях, всего в числе 460.000 человек.

Сообщая об этой мере нашим дипломатическим представителям заграницей, канцлер Горчаков писал: "Императорское правительство сделало все от него зависящее, дабы достичь единодушия держав. Пробил час, когда чисто политические интересы должны стереться перед интересами высшего порядка, касающимися всего человечества и от которых зависит спокойствие Европы".

Государь все же еще надеялся избежать войны. К этому стремился и канцлер Горчаков, но считаясь с мнением славянофильски настроенных высших петербургских кругов, в частности Наследника Цесаревича Александра Александровича и Великого Князя Константина Николаевича, старый царедворец невольно впадал в противоречие с самим собой.

В конце концов, хоть и нехотя, державы согласились на предложенную им конференцию. Она состоялась в Константинополе (декабрь 1876 г.), под председательством ген. Н. П. Игнатьева, как старшины местного дипломатического корпуса, но кончилась для нас двойной неудачей.

Во-первых, снова обнаружилась полная невозможность убедить Европу, что в своем стремлении обуздать турецкий фанатизм и в своей готовности исполнить эту задачу, в согласии с остальными великими державами, русское правительство бескорыстно преследовало цели чисто идеологического, гуманитарного

---

*) Из недавно опубликованных данных явствует, что Биконсфильд настоял на обследовании вопроса о возможности нанести России молниеносный удар в средней Азии силами индийской армии.

Лорд Литтон, вице-король Индии, ответил в положительном смысле, при условии, чтоб ему разрешили дать некоторые обещания подвластным России мусульманским народностям в недавно присоединенных к ней областях. Однако, при более подробном обсуждении, проект оказался неосуществимым, главным образом, из-за недостатка вьючных мулов и обуви, необходимых войскам для 500-мильного похода к границам России по трудно проходимой гористой местности.

порядка. Особенно это недоверие проявлялось со стороны Англии и союзной нам Австро-Венгрии. Андраши всячески ставил нам палки в колеса, за кулисами разжигая страх англичан перед опасностью "славянского наполеонизма и высказывая убеждение, что русские войска пойдут в Константинополь через Вену*).

Воистину, как сказал историограф этой эпохи С. С. Татищев, "Восточный вопрос сводился к вечному антагонизму между Россией и Европой".

Во-вторых, турки, подписавшие тем временем мир с Сербией (1-го марта 1877 г.), всемерно затягивали переговоры, с очевидным рассчетом успеть расправиться с черногорцами и повстанцами в Боснии и Герцеговине. Наконец, когда конференция предъявила им выработанную ею программу, предусматривавшую, в частности, территориальное увеличение Черногории, автономию Болгарии и реформы в Боснии и Герцеговине, Порта ограничилась ссылкой на существование своей пресловутой конституции, что фактически оставляло проблему на мертвой точке. При таких условиях конференция оказалась безрезультатной, и державы предоставили России распутывать затянувшийся узел по своему усмотрению. Становилось очевидным, что, иначе как мечом, сделать этого она не сможет. "Европа получила пощечину", констатировал Горчаков в своей очередной циркулярной депеше. Государь же в письме к Вильгельму I писал: "Раз Европа не желает выполнить то, что сама признает справедливым, гуманным и необходимым, я решил это сделать самолично. Я имею право надеяться, что, если со мной не желают сотрудничать, то, по крайней мере, мне не будут мешать".

Прежде всего, конечно, мешать могла Англия, что с полной очевидностью выяснилось на недавней конференции. Знаменательно, что еще до созыва последней, наш посол в Вене Новиков*) был уполномочен вступить с Андраши в переговоры о заключении формального соглашения по ближневосточным делам, на основе положений, которые были в принципе намечены при свидании Императоров в Рейхштадте. При этом сразу подтвердилось стремление Андраши обусловить такое соглашение возможно большими с нашей стороны уступками. Принципиальное соглашение Австро-Венгрии соблюдать доброжелательный нейтралитет, в случае русско-турецкой войны, подчеркивал он, являлось услугой тем более значительной, что Габсбургская монархия «ipso facto» отступала от связывавшего ее с Англией и Францией обязательства (по договору 3-го апреля 1866 г.), совместно с ними, отстаивать целость и независимость Турции. Обнаружилась и существенная разница в определении требуемых Австро-Венгрией за такое отступление компенсаций. В частности, по русской версии, в Рейхштадте шел вопрос о присоединении к ней, в случае территориальных изменений на Балканах, "турецкой Хорватии", под которой мы подразумевали лишь часть Боснии, прилегающей к Хорватии венгерской, в то время, как Андраши уверял, что имел в виду всю Боснию вместе с Герцеговиной. Только ценой этой существенной уступки и формальным принятием всех других "Рейхштадтских условий", обеспечивающих двуединой монархии "деятельное ее соучастие" в установлении нового политического порядка на Балканах, русские уполномоченные смогли добиться соглашения о ее доброжелательном нейтралитете и обязательства не препятствовать возвращению России потерянной нами в 1856 г. части Бессарабии.

Это соглашение было оформлено в двух секретных конвенциях, парафированных в Будапеште 17-го января 1877 г., без означения сроков окончательной их ратификации.

Конвенции были немедленно сообщены третьему члену союза трех Императоров, т. е. Германии. По старым русским источникам*) Бисмарк, опасавшийся, что соглашение может умалить его значение, как арбитра между Петербургом и Веной, поспешил обострить их взаимное недоверие путем ложного доноса. "По долгу союзнической лояльности", он, будто бы, указал Андраши на "двуличие" русской политики, сославшись на вопрос, якобы поставленный Императором Александром II германскому послу в Петербурге ген. Вердеру: "Может ли Россия рассчитывать на Германию, в случае разрыва с Веной?" Почти одновременно германский канцлер "дружески" предостерегал российского посла о "скрытом за пазухой австрийском кинжале", уверяя его, что Россия может полагаться единственно на дружбу Германии.

Из современных авторов К. К. Грюнвальд, не упоминая об "ложном доносе", подтверждает, что Государь спросил германского фельдмаршала Мантейфеля: "В случае войны с Австрией будет ли ваш Император действовать в отношении меня, как я это сделал в 1870 г.?" Такой же вопрос он задал несколько спустя германскому послу Вердеру. По тому же источнику, Бисмарк, уклонившись от каких-либо обещаний, все же дал понять, что окончательный ответ Германии на эти вопросы будет зависеть от согласия России гарантировать ей обладание Эльзасом и Лотарингией*).

---

*) Кроме того Андраши прилагал все свои усилия, чтобы не допустить, в той или иной форме, соединения Боснии и Герцеговины с соседними славянскими княжествами — Сербией и Черногорией. Не соглашался он и на автономию этих провинций, стремясь обеспечить Австро-Венгрии полный над ними контроль "по мандату Европу".

*) Искренний сторонник сотрудничества с Австро-Венгрией и противник "славянских затей" ген. Игнатьева.

*) С. С. Татищев. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Автор ссылается на документы, опубликованные в 1889 г.

*) Осенью 1877, принц Александр Гессенский, кн. Баттенбергский прибыл в С. Петербург на свидание с своей сестрой Императрицей Марией Александровной.

Его сын, кн. Александр Баттенбергский, находившийся в действующей армии сперва в отряде ген. Гурко, а затем при Ставке, воспользовался этим обстоятельством, чтобы отправить отцу письмо с отвозившим царскую почту фельдъегерем. Приводим это письмо, датированное 3-м ноябрем 1877 г.

Во всяком случае, при существовавшем между Российским и Австрийским дворами, со времен Восточной войны, взаимном недоверии и при постоянно чинимых нам австрийской дипломатией затруднениях, упомянутый выше вопрос Императора Александра II представляется вполне естественным, особенно приняв во внимание его непоколебимую веру в искренность традиционной русско-германской дружбы. Между тем, если престарелый Император Вильгельм лично оправдывал чувства своего державного племянника, то его канцлер всячески старался их использовать в целях узко германских интересов.

Так, хотя у Певческого моста и были разочарованы отказом Бисмарка "дать, по его выражению, батальоны", т. е. выступить на стороне России, в случае расширения конфликта, однако, принимали за чистую монету и его обещания полной дипломатической поддержки, и его советы не останавливаться на полпути. "Победа, — твердил Бисмарк, — не подлежит сомнению и она настоятельно необходима России, как по соображениям ее престижа извне, так и как лучшее средство укрепить авторитет правительства внутри. Россия должна открыть пальбу".

Бисмарк был убежден, что война с Турцией вовсе не окажется столь легкой, как склонны были думать не только в широких кругах русского общества, но и в высших сферах. Под личиной союзника и друга он преследовал свою цель ослабления России и, тайно от нее, сближался с Веной.

Что же касается Андраши, то недоверие и неприязнь его к России были так сильны, что все увеличивая цену своего будущего нейтралитета, он упорно откладывал окончательную ратификацию Будапештских конвенций, каковая последовала только перед самой войной, когда Россия уже не могла отказаться от навязанных ей дополнительных невыгодных условий. Этот маневр являлся крупнейшим успехом Андраши, успехом, который превзошел его собственные ожидания. До последнего часа он вполне допускал возможность разрыва и, втайне опираясь на Германию и Англию, играл ва-банк. Подписав конвенции, Россия, уже ранее обязавшаяся не занимать Константинополя, еще более ограничила свою свободу действий.

Всю невыгодность положения сознавал и Горчаков, но, слепо полагаясь на Бисмарка, он рассчитывал в дальнейшем принудить австрийцев к большей сговорчивости; в непосредственном же будущем, нейтралитет Австро-Венгрии представлялся ему фактором первостепенной важности, как бы дорого он ни стоил.

Характерно, что ген. Н. П. Игнатьев, наш посол в Турции, игравший в то время крупную и весьма активную роль, в тайну переговоров с Андраши вообще не был посвящен и узнал о принятых нами обязательствах от ген. Обручева "случайно" и много позднее. Как констатируют некоторые историки эпохи, канцлер Горчаков зачастую действовал так, что его правая рука не ведала, что творила левая, невольно руководствуясь при этом гораздо больше соображениями "придворной дипломатии", нежели государственной. Дабы создать себе по этому вопросу собственное мнение, возможно точнее отвечающее исторической правде, представляется необходимым привести здесь тезисы, поданной ген. Игнатьевым докладной записки от 12-го февраля 1877 г.

Вот эти тезисы:

I. — Программа. — Необходимо выработать определенную программу нашей международной деятельности; в этой программе должны быть в должной мере соображаемы все наши интересы: политические, нравственно-религиозные, торговые и проч.

II. — Определенность целей в каждом периоде проявления воли.

1) Мы должны сознавать в каждом данном периоде, куда мы идем и чего мы хотим: войны или мира. Не следует внезапно решаться на войну или на сохранение мира, а надо иметь по сему вопросу заранее установленные намерения.

2) Не следует ставить себе за цель идти рука об руку с враждебным нам государством; этой вражды и вреда нам наносимого не прикроют никакие условные фразы; тем более нельзя подчинять нашу политику указке и желаниям такого государства.

3) Особенно опасен переход от твердости тона к бездействию и безволию, что роняет престиж, особенно на Востоке, где никакие красивые фразы не могут маскировать бессилия.

4) По свойственной Востоку психологии, следует помнить, что прикрываемое миролюбием бессилие и безволие вызывают со стороны Турции опасную агрессивность.

5) Вообще необходимо соблюдать последовательность в действиях, непременно доводя начатое до конца.

III. — Экономия средств к достижению международных целей.

1) Средства государства стоят в зависимости от меняющегося политического горизонта. Нет незыблемых средств: то, что было выгодно сегодня — не годится завтра, смотря по обстоятельствам.

2) Санкция — необходимая принадлежность всякого заявления или требования. Заниматься созывом конференций для словоизвержения дипломатов, но без намерения применить твердой рукой надлежащую санкцию — бесполезная и вредная затея.

3) Начиная какое-либо предприятие, надо прежде все определить отношение к нам каждой державы, затронутой вопросом; определить это необходимо на основании реальных сведений и критического их разбора, не ограничиваясь простыми словесными заверениями или перепиской.

4) Всякое сближение с каким-либо государством для целей союза или согласия должно привести к точно обусловленным элементам обязательства, не оставаясь на почве одних только платонических заверений или личных увлечений.

5) Договариваясь с Австрией, необходимо обеспе-

чить себя гарантией Берлина, что обязательства будут исполнены.

6) Крайне вредно в разгаре событий подавать помощь врагам воплями о нашей "неподготовленности" и т. д.

7) Мир — дело прекрасное, но раз народ поднят на войну, надо доводить дело до разрешения поставленных задач, ибо без этого нравственные и финансовые последствия гибельны, особенно если остается ядро неурядицы.

Как бы то ни было Император Александр II, желая in extremis, еще раз проявить свою готовность найти способ для мирного разрешения кризиса, Лондонский протокол, подписанный 31 марта 1877 г. между гр. Шуваловым и лордом Дэрби, являлся последней попыткой исполнить высочайшие в этом смысле предначертания. Этот акт имел, однако, чисто платонический характер: обе стороны подтверждали принципиальную тождественность своих взглядов на ближне-восточные события вообще. а в частности на проблему улучшения правового положения христианского населения Турции путем реформ. намеченных на константинопольской конференции. Когда же, в приложенном к протоколу заявлении, гр. Шувалов выразил согласие Императорского правительства вступить с Турцией в переговоры, при условии, чтобы Порта предварительно и немедленно заключила мир с Черногорией, приступила к указанным выше реформам и демобилизовала свою армию, англичане, с своей стороны, поспешили обусловить действительность протокола одновременной демобилизацией и русской армии, что, очевидно, являлось для России неприемлемым. Впрочем, Порта вообще отказалась (10-го апреля 1877 г.) принять протокол во внимание, почему 24-го апреля 1877 года русские войска перешли Прут. Одновременно Румыния объявила свою независимость. Заранее заключенная с ней конвенция обеспечивала нам свободный проход через ее территорию, равно как и активное ее участие в войне.

Высочайший манифест призывал русский народ силою оружия принести освобождение единоверным братьям, раз державы не смогли добиться мирным путем справедливого обеспечения их судьбы. Россия предоставляла суду истории свое решение за них заступиться.

Разбор ведения войны, с чисто военной точки зрения, не входит в задачу настоящего очерка. Как известно, русская армия снова покрыла себя неувядаемой славой, но, увы, снова обнаружились и крупные недочеты*).

Быстрое победоносное наступление наших войск в первый период войны вызвал в Европе, а особенно в Англии, величайшее беспокойство. Королева Виктория требует от своих министров самых энергичных мер, чтобы не допустить русских к Константинополю, и, в июле 1877 г., лорд Дэрби предупреждает нашего посла гр. Шувалова, что правительство Ее Величества оставляет за собой полную свободу действий, в случае даже временного занятия нами Царьграда.

В связи с этим заявлением Император Александр II поручил британскому военному агенту полк. Веслей подтвердить в Лондоне заверения, данные им Лорду Лофтусу перед войной. При этом Государь снова указал, что далек от мысли угрожать интересам Англии, будь то в Константинополе, будь то в Египте, на Суэцком канале или в Индии; что ведет он войну с Турцией исключительно ради обеспечения судьбы ее христианских подданных. Сделав все от него зависящее, чтобы достич этой цели мирным путем в сотрудничестве с другими державами, он, теперь, когда его победоносные войска ценой стольких усилий близки к осуществлению поставленной цели, вовсе не намерен допускать чьего-либо посредничества в пользу неприятеля.

Царские слова возымели свое действие и, когда, после падения Плевны, Турция обратилась к державам с просьбой о посредничестве, все они от этой роли отказались. Таким образом, при все яснее обозначивавшемся полном своем поражении, Порта принуждена была искать милости путем непосредственных переговоров с победителями. 27-го декабря 1877 года. Августейший Главнокомандующий Вел. Князь Николай Николаевич получил в Ловче запрос турецкого командования — куда следует прислать парламентеров? Согласно уже ранее полученным от Государя повелениям, Великий Князь на этот запрос ответил: "Переговоры непосредственно со мной, но о перемирии не может быть речи без принятия предварительных оснований мира".

"Отправка этого письма с фельдъегерем дает мне уверенность, что оно не будет перлюстрировано. До сих пор было черезчур рискозанным писать откровенно. Я ежедневно бывал свидетелем таких, подымающих волосы дыбом вещей, что если бы я ограничился только перечислением фактов, всякий непосвященный счел бы это за тенденциозные преувеличения некоего туркофила. Ты не имеешь представления о:

1) легкомыслии, с которым поступает Верховное Командование,
2) беспордке, царящем в армии и тылу,
3) грабеже в интендантстве.

Письмо вышло бы чрезмерно длинным, но, если хочешь, я тебе приведу неопровержимые доказательства по каждому пункту. Надо считать милостью Божией, что мы воюем с турками. Имели бы мы дело с другим врагом, давно все бы было потеряно.

Войска, солдаты и офицеры до чина майора — великолепны. Дальше, чем выше, тем хуже...

Вместо того, чтоб предавать виновных полевым судам, видишь всюду георгиевские кресты и золотое оружие! И кто же жертва всего этого Император, этот идеальный монарх, чья лучшая особенность является и его самым большим недостатком. Русские недостойны его несказанной доброты!...

Все это имеет одну хорошую сторону — что русским станет ясно, что они не смогут начать войны против Германии, о которой они так открыто говорят, раньше ста лет... Но довольно на эту ужасную тему. Как бы я хотел, в противоположность прессе, писать о русских одно хорошее. К несчастью это невозможно и никто от этого не страдает больше, чем твой Сандро".

Приведенные отзывы юного племянника Императрицы стали известны Вел. Кн. Наследнику Цесаревичу Александру Александровичу и послужили основанием его неприязни к князю.

Каковы же были эти предварительные основания?

Волнения, связанные с войной, не могли не отразиться на здоровьи маститого российского канцлера. Кн. Горчаков старел, и в высших военных кругах все больше прислушивались к голосу энергичного ген. Игнатьева. Число его единомышленников росло, а их мнение сводилось к необходимости занять наиболее выгодные стратегические позиции, принудив Турцию к полной капитуляции и поставив Европу перед совершившимся фактом. Ген. Обручев, в частности, доказывал в всеподданнейшей докладной записке настоятельную потребность, предварительно открытию мирных переговоров, оккупировать Константинополь и взять под свой контроль Дарданеллы.

При таком настроении высшего генералитета неудивительно, что созванное в Императорской Главной Квартире 27-го ноября 1877 г. совещание высказалось за принятие проекта будущего мира, разработанного сотрудником ген. Игнатьева А. И. Нелидовым*). Проект этот, тогда же получивший высочайшее утверждение, обнимал совокупность политических вопросов, выдвинутых войной; его 13 статей предусматривали следующие главные положения:

— полная политическая независимость Сербии, Черногории и Румынии,

— территориальное расширение этих стран за счет Турции: Сербии — присоединением к ней Вардарской долины (т. наз. "Старой Сербии"), Черногории — портом на Адриатическом море, Румынии — Добруджей, в компенсацию за часть Бессарабии, подлежащей возвращению России,

— Создание Болгарского автономного княжества, включающего все земли, населенные болгарами, в пределах никак не меньших против тех, что были нами намечены на Константинопольской конференции.

— Автономное устройство Боснии и Герцеговины, согласно принципам, предложенным на той же конференции и с достаточными гарантиями Порты. Австро-Венгрии предоставляется право ближайшего участия в определении этих гарантий.

— Карс, Ардаган и Батум отходят к России.

— Разрешение вопроса о проливах, согласно справедливым интересам России, путем непосредственного соглашения между российским Монархом и турецким Султаном*).

Этот проект был тотчас сообщен Императорам Германскому и Австрийскому при собственноручных письмах Александра II.

Вильгельм I не медля ответил Государю, что не возражает против проекта, не находя в нем ничего противоречащего интересам Германии. Однако, предвидя возможные возражения со стороны Австро-Венгрии, Император сразу же предложил свое посредничество, дабы избежать осложнений, могущих поколебать союз трех империй.

*) Будущим послом в Константинополе и Париже.

*) Имелось в виду восстановить право свободного прохода через проливы, согласно условиям прежнего Ункиар-Скелесского договора 1833 г.

Действительно, Венский кабинет занял в этом вопросе совершенно отрицательную позицию. В составленном Андраши меморандуме указывалось, что проект создания "Великой Болгарии" противоречил австро-русским конвенциям, согласно которым Россия обязалась не способствовать образованию на Балканах нового крупного славянского государства; напоминалось также о принятом Россией обязательстве предоставить Австро-Венгрии права участия в обсуждении условий мира. Посему, наш отказ туркам в перемирии, иначе как после принятия ими односторонне продиктованных нам условий будущего мира, являлся, с точки зрения австро-венгерского правительства, полным нарушением договорных отношений, против чего оно и протестовало.

Этот меморандум был приложен к письму Франца-Иосифа Государю (8-го января 1878 г.). Подтверждая изложенные в нем соображения, австрийский монарх позволил себе возражать против намерения Александра II присоединить Бессарабию, иронически напомнив ему, что такое намерение противно заявлениям о полном бескорыстии России.

Одновременно, Андраши уведомил британское и турецкое правительства о принятом Австро-Венгрией решении санкционировать лишь такие условия мира, которые будут отвечать ее интересам, а поскольку они затронут обще-европейские вопросы, лишь по их утверждении всеми державами, подписавшими Парижский трактат 1856 г.

Англия не замедлила присоединиться к этой точке зрения.

Государь счел себя глубоко оскорбленным ответом Франца-Иосифа. При обсуждении создавшегося положения на новом совещании решено было подтвердить державам, что, имеющие быть поставленными Турции, условия мира будут лишь "предварительными". Об этом Государь снова лично написал союзным монархам, причем, отвечая Францу-Иосифу на его замечание о Бессарабии, Александр II напомнил, что вопрос шел не о приобретении новой территории, а о воссоединении области насильно отторгнутой.

Что же касается Болгарии, Государ указывал, что объединение всех болгар в одном княжестве является единственно разумным способом обеспечить их будущее. Наконец он подтверждал свое согласие на присоединение Боснии и Герцеговины к Габсбургской империи.

В то же время кн. Горчаков оповещал циркулярной телеграммой наших полномочных представителей заграницей, что "Россия отнюдь не намерена самовластно разрешать сопряженные с миром европейские вопросы".

Между тем прибывшие в ставку Великого Князя Главнокомандующего в Казанлыке турецкие парламентеры (8 января 1878 г. по ст. ст.) заявили, что требование, касательно создания самостоятельной Болгарии, одно по себе, знаменует гибель Турции и не может быть ими принято. "Как быть? — запросил Великий Князь Государя. — Войска следуют за бегущими и по возможности тушат горящее и помо-

гают бедствующим. Мы скоро можем быть невольно под стенами Царьграда. Пока с Богом иду вперед".

17-го января наши войска действительно уже достигли Моле-Бургаса и Чорлы. От Константинополя их разделял всего трех-дневный переход. Турки же не возобновляли прерванных переговоров. "Если суждено, пусть водружают крест на Св. Софии", — говорил Государь. — "Надо взять Константинополь и там созвать конференцию держав, ничего не требуя для себя", — советовал Великий Князь Константин Николаевич.

Наконец Порта капитулировала. 19-го февраля 1878 г. турецкие уполномоченные приняли в предместьи Константинополя Сан-Стефано "предварительные условия мира". Военные действия немедленно прекратились.

"Хвала Всевышнему, слава тебе, слава твоему чудному войску", — телеграфировал Государю Императорую Августейший Главнокомандующий. — "Великое и святое дело, тобою предпринятое, ныне закончено. Порта безусловно приняла тобою ей предложенные основы мира"...*).

Однако оптимизм Великого Князя и его сотрудников и соратников не вполне соответствовал суровой действительности.

Сразу после объявления перемирия английская эскадра, с начала войны, стоявшая в Бесикийском заливе, вошла в Дарданеллы, вопреки отказу турок дать ей свободный пропуск. Кроме того британское правительство уведомило Петербург, что занятие русскими войсками галлиполийского полуострова будет им рассматриваться, как casus belli. Австро-Венгрия, с своей стороны, снова протестовала, настаивая на срочном созыве в Вене европейской конференции.

В Петербурге эти события обсуждаются в комитете министров под личным председательством Государя Императора, который считает, что действия правительства Королевы Виктории освобождают его от ранее принятых обязательств. Потому, принимая на себя ответственность перед Богом и народом, он решает повелеть Великому Князю Николаю Николаевичу быть готовым к занятию Царьграда, даже силою оружия. Впрочем ,уступая доводам канцлера кн. Горчакова, составленная уже в этом смысле телеграмма Августейшему Главнокомандующему Государем отменяется. Вместо нее нашему послу в Лондоне гр. Шувалову предписывается довести до сведения британского кабинета, усвоенную Императорским правительством следующую точку зрения. —

Раз, вопреки лично данным Его Императорским Величеством Государем Императором заверениям, что его войска не будут занимать Константинополь, правительство Королевы Виктории все же сочло нужным, под предлогом защиты жизни и интересов британских подданных в турецкой столице, ввести в проливы свои военные суда, Императорское Российское правительство, с своей стороны, видит себя принужденным согласовать свои действия с действиями англичан. Посему, буде британксая эскадра подойдет непосредственно к Константинополю, русские войска также будут введены в город, с той же мирной целью обеспечения безопасности христианского его населения.

О таком своем решении Государь уведомил Султана, который обратился к Королеве Виктории с просьбой не осложнять его положения и отозвать свои суда. Получив заверения, что мы не займем Галлиполи, англичане уступили.

После первой фазы кризиса, наступила вторая, еще более острая.

Ратификация Султаном принятых в Сан-Стефано "предварительных условий мира", отныне ставших "Сан-Стефанским договором", вызвала новую вспышку воинственного настроения, как в Англии, так и в Австро-Венгрии, за которой стояла та же Англия. Андраши требует теперь оккупацию австро-венгерскими войсками не только Боснии и Герцеговины, но и Ново-Базарского Санджака, возражая против всякого территориального расширения Черногории за счет последнего: кроме того он противится предоставлению Черногории выхода к морю. Как Сербии, так и Черногории, Австро-Венгрия старается навязать торговые договоры с явной целью подчинить их своему экономическому господству. Наконец, Андраши решительно восстает против создания "Великой Болгарии"*).

По его настоянию Парламент вотирует чрезвычай-

---

*) "Велика общая радость", — писал племянник Императрицы кн. Александр Баттенбергский своему отцу. — "Армия устала от войны, вероятно, самой ужасной из всех бывших с начала этого века. Помимо борьбы враждующих армий, шла борьба между ненавидящими друг друга расами (турками и славянскими подданными), в которой каждая из сторон старалась превзойти другую в жестокости".

Вскоре после перемирия кн. Александр Баттенбергский поехал навестить своего брата Людвига (будущего командующего британским флотом в 1914 г.), служившего офицером на британском корабле "Султан", на котором служил и супруг Вел. Кн. Марии Александровны, герцог Эдинбургский. Здесь он был представлен командующему британской эскадрой адм. Хорнби. Встреченный чрезвычайно радушно, принц посетил затем ряд других кораблей.

Королева Виктория была вне себя, узнав об оказанном принцу приеме, усмотрев в нем "антинациональный жест"; герцог Эдинбургский и принц Людвиг получили от нее суровые выговоры. Императрица Мария Александровна с своей стороны чрезвычайно едко раскритиковала действия "сумасшедшей старой ведьмы".

*) По этому поводу следует пояснить, что по тексту Сан-Стефанского договора, новое болгарское автономное княжество должно было охватить всю территорию, окаймленную на севере Дунаем, а на юге Эгейским морем и включающую, кроме чисто болгарских областей, части Фракии и Македонии. Константинополь терял, таким образом, сухопутную связь с Салониками, границы Сербии и Черногории сближались, а Босния и Герцеговина, получая автономию, открывались влиянию соприкасающихся с ними славянских государств.

Само собой разумеется, что такое решение должно было обеспечить России первенствующее положение на Балканах.

ные военные кредиты в размере 60 миллионов гульденов*). В венгерской палате магнатов гр. Тисса (ставший в 1911 г. премьер-министром Венгрии) настаивает на недопустимости общей между Сербией и Черногорией границы и призывает правительство раздавить "славянскую гидру".

Почти одновременно австро-венгерский кабинет обращается ко всем державам, подписавшим акты, установившие существовавший в Европе международный порядок, приглашая их к совместному пересмотру Сан-Стефанского договора, как грозящего, по его мнению, нарушить этот порядок единственно в пользу России. Новый британский министр иностранных дел, лорд Сольсбери, одобряет инициативу Андраши, заявив, что Великобритания ни в коем случае не может допустить никаких территориальных изменений иначе ,как с общего согласия держав, подписавших Парижский трактат и договор 1871 г. Биконсфильд поддерживает это заявление, пригласив парламент предоставить правительству военные кредиты на сумму в 6 миллионов фунтов. Начинается переброска на Мальту войсковых частей из Индии.

Миссия ген. Игнатьева, прибывшего в Вену с письмом Государя к Францу-Иосифу, остается безуспешной**), и Австро-Венгрия приступает к мобилизации своей армии, тем самым подтверждая полное согласование своей политики с британской. Имеются серьезные основания предвидеть возможность сближения Австро-Венгрии и с Францией, чего особенно опасается Бисмарк. Его "дружеские советы" кн. Горчакову — довериться его услугам "честного маклера" и передать спор на решение европейского конгресса, становятся потому все более настойчивыми....

Такой ход событий, естественно, вызывает в наших правительственных кругах крайнее раздражение и немалое замешательство. Помимо явного стремления умалить престиж России, претензии Австро-Венгрии оккупировать, кроме Боснии и Герцеговины, весь Ново-Базарскй Санджак (лежащий между Сербией и Черногорией), сводятся к установлению, в ущерб России, исключительного влияния Габсбургской монархии в западной части Балканского полуострова. "Если мы, говорил по этому поводу кн. Горчаков, можем, в крайности, помириться с временным замедлением процесса эмансипации славян, то Россия не вправе делать уступок, грозящих скомпрометировать не только нормальное развитие этого процесса, но и само существование местного населения, как самобытной этнической группы*).

Как видно, у Певческого моста, окончательно выкристаллизировалось сознание освободительной миссии России в славянском мире...

При все возростающей угрозе новой войны, стратегическое положение нашей победоносной, но изнуренной боями и болезнями армии, стало крайне опасным.

Прибывший из Лондона гр. Шувалов всеподданнейше докладывает Государю о драматичности создавшейся обстановки. Мнение посла подтверждают, также приехавшие в столицу Главнокомандующие на обоих театрах войны**) — Великие Князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич. Военный Министр ген. Милютин, с своей стороны, решительно высказывается за скорейшее заключение мира.

При таких условиях Император Александр II, лично познавший все тяготы боевой страды, которые он отечески самоотверженно разделял с войсками в минувшую кампанию, решил избавить свой народ от новых еще горших испытаний. Посему, доверяя дружескому содействию Германии, Государь изъявил свое согласие на ее посредничество для ликвидации войны, путем созыва конгресса заинтересованных держав. Но, встав на этот путь, Императорское правительство, разумеется, не могло допустить, чтоб конгресс этот имел характер международного трибунала, что, несомненно, входило в намерения Англии и Австро-Венгрии. Посему, вновь подчеркивая миролюбие России, оно само взяло почин внесения в Сан-Стефанский договор тех изменений, которые отныне представлялись неизбежными.

Так, по подписанному в Лондоне 30-го мая 1878 г. соглашению, британское правительство приняло наше предложение сократить территорию будущего Болгарского княжества выделением из него Восточной Румелии. Кроме того Россия отказалась от Баязет и некоторых других завоеванных нами пунктов на азиатском театре войны; отказались мы и от исключительного права покровительства над Арменией.

Оставалось достичь непосредственного сговора с Венским кабинетом по вопросу Боснии и Герцеговины, но это опять оказалось невозможным: Андраши, совершенно теперь уверенный в получении этих провинций по решению предстоящего конгресса, снова уклонился от принятия их из рук ненавистной ему России.

*) Воинственная политика Андраши вызвала в некоторых кругах венского общества большое беспокойство. Кн. Вильгельм Шаумбург-Липпе по этому поводу имел секретное свидание с принцем Александром Гессенским (Баттенбергским), братом Русской Императрицы. Утверждая, что австрийский генералитет не желает войны с Россией, князь просил принца переговорить в этом смысле с Императором Францем-Иосифом. Последний принял принца 17 и 24 марта 1878 г. Император при этом заявил, что, хотя Сан-Стефанский договор для Австро-Венгрии неприемлем, он лично отнюдь не сторонник разрешения спора силой оружия.

**) "Единственный результат миссии Игнатьева", — писала Императрица Мария Александровна своему брату принцу Александру, — "состоит в том, что она осветила положение вещей, а главное показала, что Андраши сбросил свою маску. Человек, в свое время приговоренный к повешению (за участие в венгерском восстании; прим. переводчика), проявил себя во всем своем цинизме. Он, очевидно, внушает страх своему монарху, который бы его, конечно, удалил, если бы у него хватило смелости". (31.III.1878 г.).

*) Кроме того, канцлер считал ссылки Андраши на соглашение в Рейхштадте и на Будапештские конвенции юридически необоснованными, ибо сама Австро-Венгрия не выполнила, по его мнению, некоторых своих обязательств, предусмотренных этими соглашениями.

**) Европейском и азиатском.

Конгресс собрался в Берлине (13-го июня 1878г.) под председательством кн. Бисмарка. С самого начала на нем выявилось полное дипломатическое одиночество России. Хотя недавнее Лондонское соглашение поставило собрание перед совершившимся фактом ее добровольного отказа от вызывавших возражения держав главных пунктов Сан-Стефанского договора, и хотя канцлер Горчаков подчеркнуто пренебрежительно заявил, что судьба Боснии и Герцеговины ему безразлична, все же оставалось немало других спорных вопросов. Между тем Бисмарк, ссылаясь на свою роль беспристрастного арбитра, предоставлял русским делегатам отстаивать свои позиции без всякой с его стороны поддержки. Эта задача легла почти исключительно на гр. Шувалова, ибо канцлер Горчаков, возглавлявший нашу делегацию главным образом из тщеславного желания закончить свою долгую государственную карьеру, как "заходящее солнце, а не как догорающая свеча", своими старческими интервенциями в прения скорее осложнял, нежели облегчал миссию Шувалова*). Все же, благодаря своим блестящим дарованиям и достоинству, обеспечившим ему уважение даже самых ярых его оппонентов, Шувалов сумел в конечном итоге достичь сравнительно благоприятной ликвидации войны в отношении вопросов, непосредственно касавшихся России. Так, помимо уплаты нам Турцией денежной контрибуции, конгресс санкционировал возвращение России части Бессарабии, отторгнутой по парижскому миру, равно как и приобретение части Армении с Карсом и черноморского побережья с Батумом**).

Что же касается нового порядка вещей на Балканах, конгресс утвердил создание Болгарского княжества, без Восточной Румелии, которую оставил Турции, но под управлением губернатора христианского вероисповедания ,назначенного с согласия держав. Кроме того, Турции оставлена была Македония, что, вопреки всякой логике, позволяло ей сохранить важный оплат в самом центре балканского полуострова. Румыния, Сербия и Черногория получили полную политическую независимость. Однако, в отношении двух последних княжеств, как и в отношении Боснии и Герцеговины, всецело восторжествовала политика Андраши, подтвердив тайное его предварительное соглашение с Англией и Бисмарком.

Оставлением Македонии в руках Турции, Сербия, в частности, лишалась заветного своего желания вернуть себе долину Вардура, которую считала колыбелью своей национальной культуры*). Оставлен был под турецким управлением и Ново-Базарский Санджак, в который вводились австро-венгерские гарнизоны, якобы с целью обеспечения безопасности путей сообщения, в действительности же, дабы отделить Сербию от ерногории и создать между ними важный для Габсбургской монархии плацдарм. Что же касается Черногории ,конгресс фактически лишил ее плодов ее побед и, хотя и предоставил маленькому княжеству порт Антивари, но под условием не заводить военных судов и предоставить австро-венгерскому правительству все функции портовой полиции.

Разыгран был, как по нотам, и вопрос о Боснии и Герцеговине. Лорд Сольсбери, указав на необходимость исключить возможност повторения в этих провинциях событий, недавно приведших к общему балканскому пожару, высказал убеждение, что Турция не в состоянии обеспечить в них порядок и спокойствие. Посему он предложил конгрессу уполномочить Австро-Венгрию их оккупировать, оставив, в правовом отношении, под суверенитетом Султана.

Бисмарк всецело поддержа лбританского министра, постаравшись представить предложенную лордом Сольсбери оккупацию, как меру чисто полицейского характера. Кн. Горчаков, уже ранее заявивший о незаинтересованности России, высокомерно отстранился от участия в прениях. Представитель Франции присоединился к предшествующим ораторам. Только итальянский делегат, гр. Конти, высказал некоторые сомнения в правильности намечавшегося решения. Ему резко возразил Андраши, с нескрываемым удовлетворением, изъявивший полную готовность Австро-Венгрии выполнить предлагаемую ей миссию. В итоге Бисмарк поторопился объявить вопрос исчерпанным и сразу же продиктовал соответствующее постановление (§ 25 берлинского тркатата), умышленно умолчав о сроке предоставляемого Австро-Венгрии мандата на занятие и управление Боснией и Герцеговиной.

(Продолжение следует)

---

*)Вп исьме к Императрице Марии Александровне ее брат принц Александр Гессенский писатл: (15 июля 1878 года):

"Грустно смотреть на бедного Шувалова, который должен выкручиваться при невероятной недоброжелательности Англии, злой воле Австро-Венгрии, весьма умеренной поддержке Бисмарка и полном отсутствии таковой со стороны Вадингтона и Корти (Министры иностр. Дел Франции и Италии). А рядом с ним светлейшая руина Горчакова и неспособный Убриль"...

**) Объявленным свободным портом.

*) Эта область "Южной Сербии" была ею отвоевана в 1912 г.

Библиография

Редакции "Военно-Исторического Вестника" доставлен, изданный Союзом Кадет в Париже, журнал "Досуг Псковича".

Это новое доказательство беспредельной любви, бывших воспитанников Кадетских корпусов, к своему прошлому и к истории той школы, где прошли их отроческие и юношеские годы.

Прекрасное издание этого труда под редакцией Г. А. Бороздина, одного из псковичей, изобилует интереснейшим материалом, как из истории самого города Пскова, так и Псковского Кадетского Корпуса.

Но этого мало, в "Досуге Псковича" имеются и идеологические статьи. В этих статьях много любви к русскому человеку и к своей Родине; много тепла и душевной ласки ко всему тому, что окружало кадет Псковского Корпуса.

Невольно, когда прочтешь "Досуг Псковича", то пожелаешь, чтобы эта прекрасная книга-журнал была прочитана наибольшим числом русских людей вообще, а бывшими военными особенно.

М. Г.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Вопрос: — Каким образом стало известно, что Архип Осипов взорвал пороховой погреб Михайловского укрепления 22 марта 1840 года.

Ответ: — Стало это известно, от нескольких раненных солдат, бежавших из плена.

Вот как повествует официальная история Тенгинского полка ("Тенгинский полк на Кавказе — 1819-1846 г. г.", составил поручик Ракович, Тифлис, 1900 год).

Сравнительно легкий успех, которым сопровождалось взятие форта Лазарева (на Черноморском побережьи) произвело сильное впечатление на умы горцев: оно возбудило всеобщий энтузиазм и решимость продолжить хорошо начатое наступление, но потерпев у форта Головинского неудачу, горцы всей массой обрушились тогда на укрепление Михайловское, которое находилось в самом худшем состоянии из всех прибрежных фортов. Гарнизон, обессиленный болезнями, не мог исправлять даже главнейших повреждений. Смертность среди нижних чинов была необычайная, случалось, что в день умирало по 7 человек.

Гарнизон состоял: 9-й мушкетерской роты Тенгинского полка под командой подпоручика Краумзгольа при 2-х младших офицерах, прап. Гневском и Корецком; 6-й роты Новочинского полка, 2-й и 3-й рот Черноморского линейного № 5-го батальона. Тенгинцы прибыли в форт лишь за несколько дней до штурма. Начальником здесь состоял Черноморского линейного № 5-го батальона штабс-капитан Лико 2-й. Он был грек и служил в Кавказских войсках в чине прапорщика. Энергичный с непреклонною волею и пользовался всеобщей любовью. Когда распространилась весть о гибели форма Лазарева, Лико собрал военный совет, на который пригласил помимо офицеров всех нижних чинов, прослуживших свыше 20 лет. Напомнив им о причине, он им объявил о принятом решении: не сдаваться, биться до последней капли крови, в случае же неустойки взорвать пороховой погреб и погибнуть всем вместе с неприятелем. Единодушное "ура" было ему ответом. Тогда принялись укреплять елико возможно форт.

15-го марта один лазутчик дал знать, что около 11-ти тысяч черкесов намереваются обрушиться на укрепление, и обещал заранее предупредить о дне нападения. Люко ежедневно, по вечерам, производил расчет гарнизону и объяснял порядок обороны, на валах выставлялись только часовые, остальные спали в боевой амуниции, но редко кто мог сомкнуть глаза; каждый прислушивался к малейшему шороху. Более всех был задумчив рядовой Тенгинец — Архип Осипов; это был бравый солдат, уже не молодой. Родом он был Киевской губернии, Липецкого уезда, села Каменки, из крестьян помещика графа Стратонского. В военную службу вступил в 1820 году рекрутом в Крымский пехотный полк. На втором году службы он совершил побег, за что был наказан штурутенами через 1.000 человек один раз.

Однако, Осипов успел загладить проступок молодых лет и в 30-х годах имел уже нашивку на рукаве и медаль за персидскую и турецкую войны; в 1834 году с 1-м батальоном Крымского полка переведен в Тенгинский. По прибытии в укрепление Михайловское, под влиянием переживаемых всеми тяжелых минут, Архип Осипов был всегда сосредоточен. В день же 15 марта, когда стало известно. о намерении горцев напасть на укрепление, он по показаниям очевидцев, долго шагал по казарме, видимо, что-то обдумывая. Вдруг остановившись, он произнес: "я хочу сделать память России и в минуту неустойки подожгу пороховой погреб".

Все были поражены этими словами, и никто не сомневался, что он сдержит слово. Это было доложено штабс-капитану Лико, который с радостью принял это решение. Прошло несколько дней и вот в ночь на 22 марта, в четверг на четвертой неделе Великого поста, часовые на валах заметили сигнальные огни. Это был условный знак о нападении.

Молча, осеняя себя крестом, солдаты выходили из казарм и занимали назначенные им места.

(Продолжение в след. номере)

Imprimerie S.N.I.E., 32, rue de Ménilmontant, Paris-20e

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

N° 11

МАЙ 1958 год

СОДЕРЖАНИЕ

Настоящий номер вышел под редакцией **М. В. Голубева.**

ОТ ПРАВЛЕНИЯ

НАСТОЯЩИЙ НОМЕР "В. И. ВЕСТНИКА" МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВНЕ ФРАНЦИИ ПО НИЖЕСЛЕДУЮЩИМ АДРЕСАМ:

В АНГЛИИ: — В книжном магазине В. Барачевского — 26, Tottenham Street, London, W.1.

В БЕЛЬГИИ: — В книжном магазине « Slave », 18, rue de Roumanie, Bruxelles.

В ГРЕЦИИ: — У члена Об-ва В. В. Дейтрих — 90a, rue Dramas, Sépolia, Athènes.

В С. А. ШТАТАХ: — У представителя нашего Об-ва на Западные Штаты, члена Об-ва А. Ф. Долгополова, A. Doll, 5954 Barton Ave., Los Angeles 38.

у члена Об-ва Г. В. Месняева — 1348, Sheridan Ave., apt. F.F. Bronx 56, New York.

В ВЕНЕЦУЭЛЕ : — У К. А. Келлнера: Sarria N 24, Quinta Coromoto, Caracas.

В АРГЕНТИНЕ: — У Б. Н. Рясиянского — Larrazabel 2870, Buenos-Aires.

Переписку по делам Общества просят направлять по адресу Генерального Секретаря О-ва Льва Николаевича Немирова:

L. Nemiroff, 26 bis, rue de l'Ingénieur Robert Keller, Paris (15e).

Переписку редакционного характера просят направлять по адресу Редактора "Вестника" Михаила Васильевича Голубева:

M. Goloubeff, 208, rue de Vaugirard, Paris (15e).

Заказы на "Вестник" и другие издания О-ва, а также все денежные переводы просят направлять по адресу Казначея О-ва Александра Васильевича Щиткова (для Франции и ее колоний — на почтовый текущий счет, С.С.Р. Paris № 13.694.00 а для других стран — чеками или банкнотами):

A. Stchitkoff, 15, rue de Médéah, Paris (14e).

ИЗДАНИЯ ОБЩЕСТВА

На складе Общества имеется еще небольшое количество нижеследующих изданий:

1. — Сборник *"Русская Военная Старина"* — первое издание Об-ва (1947 г.). Цена — 400 фр. фр. или 1 ам. доллар (с пересылкой).

2. — *"Записка о службе А. В. Суворова"* (1947 год). Цена — 100 фр. фр. или 25 ам. центов (с пересылкой).

3. — Номера 6, 7, 8, 9, 10 и 11 *"В.-И. Вестника"*. Цена — 200 фр. фр или 80 ам. центов (с пересылкой).

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ФОНД

Суммы, поступившие в счет Издательского Фонда (после выхода № 10 "В.-И. Вестника") во франках:

И. И. Палеолог — 350, И. В. Траскин — 500, Н. Г. С. — 300, В. С. Шевченко — 300, В. Н. Загоровский — 6.000, Ф. И. Бокач — 1.000, Д Г. Лучанинов — 1.000, В. В. Марков — 500, М. А. Колосовский — 250, И. И. Беляев — 400, А. В. Кавыршин — 700, кн. Н. Н. Оболенский — 1.000.

Правление приносит свою искреннюю благодарность всем вышеупомянутым лицам, а также всем членам и друзьям Общества, которые сочли возможным уплатить членский взнос или плату за "Вестник" в увеличенном, в сравнении с установленным, размере.

"Военно Исторический Вестник" выходит два раза в год: в мае и ноябре месяце. Цена номера в Европе и французских колониях — 200 франков, а в других странах — 0.80 центов. Для членов Общества Л. Р. В. С. стоимость номера остается прежней. Выписывающие "Вестник" непосредственно от Казначея, за пересылку не платят.

ИСПРАВЛЕНИЯ: В СТАТЬЕ "ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС".

Автор покорнейше просит читателей исправить вкравшиеся в текст следующие главнейшие оплошности:

№ 8

Стр. 23, 2-ой столбец: следует зачеркнуть: "Подобно которому... после Прута". Читать: "Переживал унижение... причем питал едкую" и т. д.

Стр. 23, сноска 2-ая, строка 5-ая: следует читать: "Главный залог европейского мира".

Стр. 27. В обоих сносках следует читать "Гессенскому", а не "Баттенбергскому"; там же, в стихотворении Тютчева — "не двинув пушки, ни рубля".

№ 9.

Стр. 27, 2-ой столбец, 6-я строка. Следует читать — "племянник" ,а не "сын".

Стр. 31. В сноске — зачеркнуть стоящие в скобках слова "кн. Баттенбергскому".

№ 10.

Стр. 25, 1-й столбец: "прежде всего мешать могла "Австрия" (а не Англия).

Стр. 25, 2-й столбец. Ни фине после "Эльзасом и Лотарингией" уничтожить ошибочно стоящий знак — *).

Там же, во второй сноске следует зачеркнуть: "кн. Баттенбергский"; сноска эта относится к стр. 27-й, на которой напечатано ее продолжение (2-й столбец).

Стр. 27. 1-й столбец, после пункта 7 пропущены слова: "Самый факт подачи послом такой записки по долгу службы, настолько знаменителен, что комментировать его представляется излишним".

Стр. 29, 1 столбец, 1 сноска. Следует читать: "турками и славянскими подданными султана".

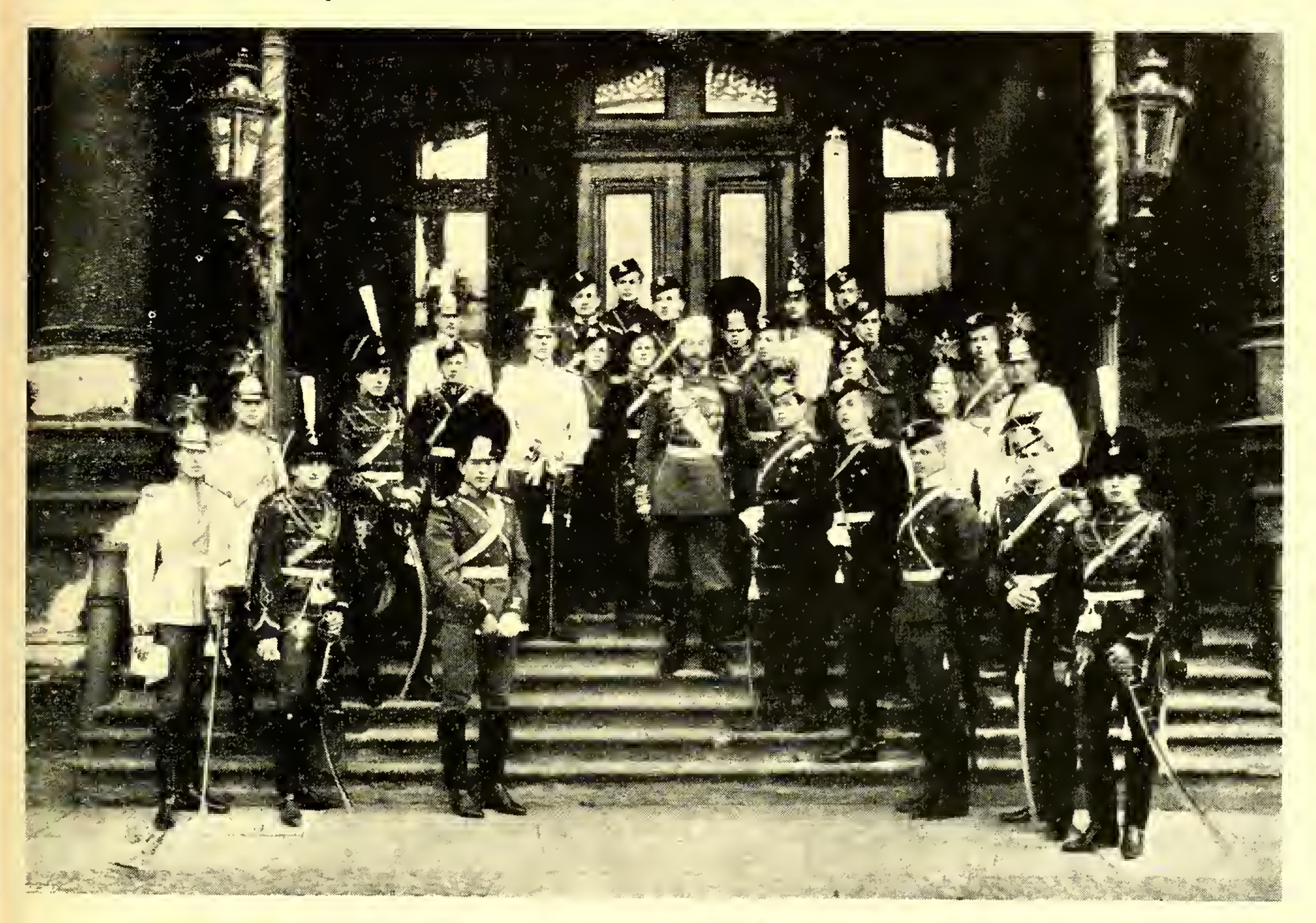
Стр. 30, 1-й столбец, 1-я сноска. Вычеркнуть "Баттенбергский".

Г. МЕСНЯЕВ.

Царственный Поэт-Воспитатель

(К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА).

Внук Императора Николая I и сын Великого Князя Константина Николаевича, человека высокой культуры и широких горизонтов, крупного государственного деятеля, сыгравшего выдающуюся роль в великих реформах шестидесятых годов прошлого века, — Великий орденом Св. Георгия 4-й степени), и строевым начальником (Л.-Гв. Измайловский полк), и академиком, и обожаемым военной молодежью Главным Начальником (позже Главным Инспектором) военно-учебных заведений, а главное — он был *поэтом*.



Е. И. В. Главный Начальник Военно-Учебных Заведений ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ с произведенными 22 апреля 1905 г. в офицеры Пажами.
(Из музея Союза Пажей).

Князь Константин Константинович (родился 28 августа 1858 года), широко и богато использовав щедрые внешние и внутренние дары, данные ему рождением, — прожил исключительно богатую, многогранную, содержательную и благородную жизнь.

Он был и моряком (17 октября 1877 года за морское дело у острова Гонно, на Дунае, был награжден

Для него поэзия не была чем-то стоящим вне жизни, чем-то, хотя и прекрасным, но далеким от жизненной суеты и не всегда нужным. Наоборот, она освещала ему весь его жизненный путь, отбрасывая пленительный отблеск на все жизненные явления, помогая ему везде находить красоту и этой красотой воздействовать на окружающее. С особой и исключитель-

ной силой поэтическая одаренность Великого Князя и его поэтическое мироощущение оказались в его деятельности в качестве Главного Начальника военно-учебных заведений. Здесь его мягкое, согретое любовью и проникнутое тонкой поэзией сердце нашло для себя богатейшую почву. Деятельность отвечала, с редкой полнотой, основным душевным свойствам Великого Князя. 10 мая 1899 года, т. е. тогда, когда только возникли слухи о его назначении на эту должность, он писал своей сестре Королеве Эллинов Ольге Константиновне, женщине, очень близкой ему по духу и очень тонко его понимавшей: "...Ты угадала: должность начальника военно-учебных заведений как нельзя более мне по душе, и я с радостью ее займу". Вскоре после вступления в должность он 1 апреля 1900 года писал ей: "Дело мое мне все милее и дороже; я не понимаю, как бы я существовал без него". Позднее (9 ноября 1900 г.) он писал так: "Все про меня говорят, что я добр и приветлив и снисходителен, но не знают или не понимают того счастья, которое доставляет мне возможность проявлять и доброту, и ласку. Дело не в том, что я давал, — а что я получал". В этом же письме он прямо утверждает, что он "счастлив, как редко бывал в жизни", и говорит о том, что "надо любить и быть ласковым, без чего невозможно воспитание".

22 апреля 1900 года он писал: "Я наслаждаюсь, посещая корпуса и училища, я всегда любил учебные заведения. А эти, облагороженные военным мундиром, приподнятые духом воинской доблести, мне особенно милы. Готовлю себе большое удовольствие от поездок, чем более в глуши, тем отраднее доставлять удовольствие этим юношам и детям, сближаясь с ними, расспрашивая их шутя, смеясь и полунежно, полусердито браня, когда нужно".

Все это было ново и совершенно необычно. Едва ли кому-нибудь до этого приходила в голову мысль о том, что воспитание юношества должно, в первую очередь, зиждиться на любви; едва ли кто-либо из высоких лиц допускал возможность шутить, смеяться и говорить с кадетами и юнкерами полунежно и полусердито.

Мысли и чувства Великого Князя должны были казаться старым службистам, воспитанными на принципах голой дисциплины и формалистики, чем-то еретическим. Это прекрасно понимал Великий Князь, вступая в новую должность и поворачивая круто и решительно руль вовсе не туда, куда это требовалось с устоявшейся рутиной. В письме от 9 ноября 1900 года, в коем Великий Князь развил свои очень интересные и свежие мысли по поводу воспитания кадет и юнкеров, — он писал: "...Эти новые мысли, еретические для педагогической рутины, как только бывали высказаны, немедленно приводили в заметное движение сонные собрания педагогических комитетов, которые я собирал в своем присутствии, во всех корпусах".

Познакомившись с постановкой воспитательного дела в тогдашних военно-учебных заведениях, Великий Князь своей чуткой и отзывчивой душой очень скоро понял, в чем состояли основные недостатки этого дела. Он убедился в том, что между воспитуемыми и воспитателями нет никакой духовной связи, нет взаимного чувства доверия, нет не только любви, но и уважения со стороны кадет к своим начальникам. Положение было, как очень тонко отметил Великий Князь, таково:

Ребенок, поступая в 1 класс, нас боится для того, чтобы заставить бояться себя, когда дорастает до 7-го класса". Другими словами, в тогдашних корпусах и училищах, в результате формального и бездушного воспитания, сложившегося еще во времена военных гимназий, существовало два враждебных лагеря: начальников и кадет.

Великий Князь задался целью в корне изменить такое положение. Он решил укрепить военное воспитание на началах уважения к личности подростка и юноши, на началах взаимной приязни как между самими кадетами, так и между ними и корпусным начальством.

В своем приказе от 24 февраля 1901 года он четко, ясно и определенно формулировал свои педагогические взгляды:

"Поддерживая все свои требования со строгостью и устраивая над вновь поступающими самый бдительный надзор, закрытое заведение обязано, по мере нравственного роста своих воспитанников, постепенно поднимать в них сознание человеческого достоинства и бережно устранять все то, что может оскорбить или унизить это достоинство. Только при этом условии воспитанники старших классов могут стать тем, чем они должны быть, — цветом и гордостью своих заведений, друзьями своих воспитателей и разумными направителями общественного мнения всей массы воспитанников в добрую сторону".

Несмотря на скептицизм и даже некоторое противодействие, которое встретил Великий Князь на путях к достижению поставленной им цели, со стороны многих лиц, опасавшихся, что изменение воспитательной системы и резкий переход от системы недоверия к системе доверия к кадетам могут быть вредными, Великий Князь смело пошел по избранному им пути. "Вероятно, — писал он своей сестре, — опять будут стараться выставлять меня в глазах Государя увлекающимся, либералом, опасным человеком и т. д., словом, пустят в ход все те поклепы, на которые бывали щедры по отношению к покойному Папа (В. К. Константин Николаевич)".

Личные посещения Великим Князем корпусов и военных училищ, в которых он чаровал всех своей доступностью, величавой простотой и сердечностью, очень способствовали тому, что очень скоро лед был разбит и были устранены те преграды, которые существовали между кадетами и их начальниками. С большой радостью отмечает Великий Князь в своих письмах к сестре те успехи, которые принесла его новая воспитательная тактика. 23 марта 1903 года он писал об Ярославском корпусе: "Корпус молодой; осенью он дал первый выпуск в военные училища. Там директор молодой (на два года моложе меня), добрый, очень

толковый и деятельный, работающий *в моем духе* (курсив мой. *Г. М.*), почему я его очень ценю". 12-го марта того же года он писал: "...В Нижегородском корпусе очень уютно и укромно, дело теперь идет хорошо, начальство отзывается о кадетах лестно, а кадеты любят начальство". 20 декабря того же года он писал, что в Псковском корпусе "дело поставлено прочно, начальство и кадеты живут весело и дружно. Умилялся на исправляющихся неудачников".

В 1909 году, когда уже можно было подвести итоги испытания новых воспитательных путей, Великий Князь так писал своей сестре (27 октября): "И там (в Пскове, в Симбирске. *Г. М.*), и в Москве самое лучшее, это — доброе настроение и простые, хорошие отношения между воспитывающими и кадетами. Никакой вражды и недружелюбия. То ли дело бывало лет 8-10 назад, когда часто начальство отзывалось о кадетах с раздражением, а кадеты смотрели на начальство волками. Теперь одна идиллия".

Но не только начала дружелюбия и доверия принес Великий Князь в кадетские корпуса. Остро и чутко чувствуя романтику военной службы, он, вглядываясь в кадетскую жизнь, сложившуюся ко дню вступления его в управление военно-учебными заведениями, не мог не ощутить того, что в корпусах военная романтика, если и не исчезла вовсе, то в значительной степени заглохла и увяла.

Хотя кадетские корпуса к тому времени во многом и освободились от штатского, унылого и серого наследства военных гимназий, все же наследство это еще чувствовалось во многом. Великий Князь своей поэтически настроенной душой живо почувствовал необходимость возрождения старой кадетской романтики. Внести в кадетские сердца животворящие начала воинской чести и славы, разбудить в них влечение ко всему воинскому, героическому и благородному, воскресить старый кадетский дух, — стало настоятельной задачей Великого Князя. Он сразу взялся за это дело. 13 декабря 1900 года он писал: "Мечтаю теперь о том, чтобы корпусам, у которых были в старые кадетские времена свои знамена, разрешили брать их в строй, вместо того, чтобы держать эти святыни в церкви, как отжившие реликвии. То-то будет восторг. А теперь мечтаю, чтобы и новейшим корпусам, возникшим по преобразованию старых, то есть после 63-го года, по примеру прежних, были тоже пожалованы знамена, которых они не имеют".

"...Сегодня, — писал Великий Князь сестре (6-го февраля 1901 года), по получении Высочайшего разрешения, вновь, по-старому, вынесят в строй кадетских корпусов знамена, забытые с 1863 года...

...Ты поймешь чутким сердцем, что это будет за минута, когда перед фронтом кадет, выстроенных в большом зале, вынесут знамя. У меня уже теперь, при одной мысли об этом, сердце замирает и дух захватывает".

17 февраля 1901 года в Первом кадетском корпусе состоялся церковный парад со знаменем. Великий Князь писал: "У многих навернулись слезы, когда при громе музыки и барабанов, снова, после 37 лет, появилось старое корпусное знамя".

А вот как он описал в письме к своей сестре, от 21 февраля 1906 года, событие вручения нового знамени Псковскому корпусу: "...Вчера вечером весь Псковский корпус и приглашенные собрались на прибивку знамени, которое лежало на крытом красным сукном столе. Вице-фельдфебель Ушаков..., придерживал знамя за древко; начиная с меня, все служащие и до последнего кадетика вбили по гвоздю. Через час в манеже Иркутского полка состоится парад с передачей знамени".

Заботами и усилиями Великого Князя свойственное каждому человеку, и особенно юношам, эстетическое чувство было полностью удовлетворено. Знамена, старая кадетская эмблема: двуглавый орел в лучах просвещения; царские вензеля на погонах Первого корпуса; участие юнкеров в полковых парадах, и многое другое, — все это в своей совокупности способствовало возрождению благородных чувств в юношеских сердцах.

Великий Князь достиг своей цели: он принес в корпуса животворящее дуновение истинной поэзии; ею он осветил и согрел сердца тогдашних русских кадет. Они, конечно, не сознавали того великого значения, которое имела личность прекрасного Великого Князя в формировании их юных душ. Но они инстинктивно чувствовали в нем то высокое и прекрасное, что делает нашу жизнь достойной и благородной, и живо ощущали исходившие от него могучие токи высокой поэзии, добра и красоты.

В Высочайшем манифесте по поводу смерти Великого Князя было сказано, что он "положил много труда и забот по высшему руководству делом военного образования юношества, давшего столь доблестный состав офицеров, геройские подвиги коих в настоящую войну навсегда запечатлены в истории русской Армии".

Навсегда будет запечатлен в русской истории и прекрасный облик царственного поэта, взявшего на себя нелегкое бремя воспитания военного юношества и выполнившего свой долг перед Отечеством с необыкновенным блеском и успехом. Этот облик, возвышенный и полный истинного величия и благородства, грядущая свободная и очищенная Россия, конечно, не забудет никогда!

Кн. А. ИСКАНДЕР.

Небесный поход

(Окончание)

"НА АМУ — ДАРЬЕ

У Крепости "Керки"

Наш Партизанский отряд и несколько тысяч Туркмен, великолепно тоже вооруженных, сидящих на первокласных, кровных Туркменских жеребцах, так же как и отряд Бухарцев, охранял подступы к крепости "Керки", пытаясь последнюю взять измором.

Отряд наш партизанский, в то время состоял из двух маленьких взводов. Во втором взводе была, главным образом, молодежь — больше всего кадет и гимназистов. Квартировали мы тогда в глинобитной постройке, в фруктовом саду. Около нашего жилища протекал арык, ширпной аршина три и глубокий настолько, что даже купаться было возможно. Арык этот вечно, уютно журчал, навевая прохладу даже в жаркие дни.

Жили мы дружно, неся разведку и сторожевую-наблюдательную службу. Лучшими разведчиками были не мы, а местные жители. О всем, что происходило в песках нам сразу делалось известно.

Однажды нам доносят, что из Бухары вышел караван хорошо оборудованный с большой группой богатых купцов с семьями, идущий в Асхабад, подальше от большевистского соседства. В караване было очень много верблюдов груженных имуществом купцов. На некоторых ехали женщины с детьми. Мужчины отправились в путешествие верхом на конях.

Жители-разведчики время от времени доносили, что караван медленно, но верно, продвигается вперед. Вот он на большом расстоянии миновал нас — значит уже ближе к цели. А затем вдруг донесения о караване прекратились. Мы решили, что караван благополучно дошел до Асхабада, и на этом успокоились и о нем забыли...

Проходит некоторое время и те же разведчики сообщают нам, что от Асхабада к нам идет крупный отряд человек в шестьдесят. Мы насторожились. Вскоре действительно к нам прибывает отряд Армян в шестьдесят человек под командой Арапетова. Мы обрадовались, будет с кем поговорить, хоть и Армяне, но не Русские, лопочут бойко. Но вновь прибывшие оказались не очень то общительными — замкнутыми и глядящими из под лобья. Настоящие разбойники. Как мы их не расспрашивали — узнали мало, т. к. они обычно отвечали уклончиво. Говорили хотя, что пришли из Асхабада в Бухарские владения, чтобы действовать против большевиков.

— Тут уместно сказать. Штабс-Капитан Рожновский уже к нам присоединился, под Бурдалыком его не было. Он оставался в Бухаре с больными и "воевал— с "Представителями Асхабатского фронта".

Кто сразу невзлюбил Армян — это кадеты. Мне даже показалось, что кадеты за Армянами следили. Ну, думаю, дети в индейцев играют !

Армяне хорошо изъяснялись на местном наречьи и нам стало казаться, что Туркмены, да и Бухарцы, после бесед с вновь прибывшими, стали как то и иначе относиться к нам. Ревнуют, думаем, что мы больше держимся Армян.

Сколько времени прошло с момента прихода Армянского отряда, теперь не помню. Но вот однажды сижу в помещении, и так вышло, что один, и читаю. В дверьях появляются два кадета : "Можно к Вам, Михаил Михалыч ?". "Прошу" — отвечаю. Входит один кадет, а другой остается и поворачивается к двери спиной, как бы наблюдая, что творится наруже. Кадетик шепчет, оглядываясь таинственно : "Михаил Михалыч, нам нужно с Вами поговорить, только не теперь, а ночью. Мы к Вам придем когда все заснут — в "столовой" и поговорим". "Хорошо, буду Вас ждать" — отвечаю. Кадетики как тени исчезают. Невольно улыбнулся. Майн-Рид действует — думаю !

Наступает ночь. Когда все заснули, иду в помещение служившего партизанам столовой и жду. Являются как призраки кадеты и шепчут : "Михаил Михалыч об этом еще никто не знает. Мы Вам говорим первому, как бывшему нашему "взводному командиру". Мы давно следим за Армяшками, в особенности с того момента, как кадет наш, Павлик, хорошо говорящий и понимающий по армянски, случайно подслушал разговор о каком то караване. Затем разговаривая с Туркменами — нашими осведомителями (у нас многие говорили по Сартовски и Киргизски), вытянули у них еще новость — караван купцов, вышедший из Бухары до Асхабада, не дошел, а исчез в песках, будто испарился. Больше мы ничего не могли добиться, но вот вчера, я и Николай, вели наблюдение за арыком и садом из кустов, где мы будто спали.

Видим как один из Армяшек, выйдя из своего помещения, через сад, пошел к арыку. Сел на берегу и долго вертел головой Х прислушиваясь и присматриваясь. Видимо решив, что за ним никто не наблюдает, достал что-то из кармана и бросил в арык, в самом глубоком его месте. Затем, посидев еще немного, покурив, пошел, посвистывая восвояси. Николай остался наблюдать, а я пошел к арыку "купаться". Раздевшись, поплавал сперва, а затем нырнул и достал то, что Армяшка бросил в воду. Вышел на берег, спрятал временно находку под корень дерева, обсушился, оделся, забрал найденное, с Николаем забрались в самый дальний угол фруктового сада.

То что я достал со дна арыка, был — мешечек кожанный, с привязанным к нему камнем. В мешечке... обрывки фотографий. Мы их собрали и наклеили самодельным клеем на лист бумаги. Здесь темно, потому Вы ничего не разберете — возьмите и завтра

рассмотрите на едине". Беру и кладу лист сложенный в четверо за назуху халата. "Что же изображают фотографии ? — Спрашиваю. Кадет на ухо мне шепчет : "Дети, женщины на верблюдах, мужчины на лошадях и другие". Мне просто жарко стало. Кадет попросил пока молчать. Пожал им руки и сказал, что они большие молодцы.

До утра терпеть было не вмоготу. Пошел за свечкой и когда она загорелась — быстро взглянул на фотографии и сейчас же затушил свечку. Да ! что и говорить : "Вещественные доказательства" — "улики !".

Плохо я спал эту ночь, больше обдумывал как дальше действовать.

На утро объявил всем, что едем на прогулку, чтобы промять лошадей. Кто то заартачился. Но я на него так молча посмотрел, что тот понял, что что-то случилось. Без всяких подозрений отъехали мы порядочно от жилья и заехав за курган, остановились, спешились, выставили наблюдение из двух кадет вчерашних. Рассказал и показал фотографии партизанам, которые пошли по рукам.

Сперва было решили Армян судить и при содействии Туркмен обезоружить, а затем ликвидировать, но решили поступать иначе. Арапетов уже объявил, оказывается вчера, что уходит с отрядом на днях в Персию. Чудно ! Теперь надо как то дать знать в Персию Англичанам, ее оккупировавшим, что бы туда большевики Русские не залезли.

Выручил всех Гагенский. Он заявил, что с небольшой группой наших решил ехать в Персию через некоторое время. Теперь он поедет с Арапетовым и Ко. и уж будте покойны, сумеет доложить дело Англичанам, только ему надо еще "доказательств". Начал расспрашивать кадет. Тут выяснилось, что они настолько хорошо вели "наблюдение", что даже знают, что везут с собой Армяне. А везут они, оказывается, много золота Русского и Бухарского, драгоценных камней, колец, серег и много Николаевских бумажных денег и... очень много золотых и платиновых пломб из зубов ? ! Понятно ? !...

Покинул нас Арапетов с Армянским отрядом, а с ним Гагенский и еще несколько наших партизан — пошли песками на Персию.

Позже узнали следующее : Караван действительно был аттакован и уничтожен "целиком". Дети, женщины, мужчины, проводники (могли быть свидетелями), верблюды, все легло под пулями Армян, или были прирезаны.

Ограбив караван, похоронили в песках все, что могло компрометировать Армянский пиртизанский отряд.

Туркмены пронюхали об кладбище каравана только потому, что шакалы, волки и прочая хищность, раскопали бренные остатки и ими закусили. От жителей пустыни ничего не скроешь.

Затем, когда уже были в Персии узнали, что Арапетов и Ко. по прибытии в Менхед, вскоре были арестованы, судимы и выведены в расход.

Оказалось, что Арапетов составил себе отряд из ста Армян на Асхабатском фронте, с ним не воевал, а занимался вымогательством и грабежом, как Русских богатых, так Туркмен и других. Затем, боясь, что его в конце концов выведут на чистую воду, с остатками отряда ушел в Бухару продолжать свою полезную патриотическую деятельность. Но... тут ему не повезло — узнает, что кроме него здесь есть еще отряд, который действует совместно с несколькими тысячами Туркмен и Бухарцев. Тут не пограбиш. Выждав для приличия, некоторое время, уходит, решив пробраться на Кавказский фронт. Туда он случайно не попал, благодаря зорким шпионам. Хвала им и честь.

Мы вероятно бы прозевали и Арапетов ушел бы и мог еще много вреда принести беззащитным жертвам.

Арапетов оказался уголовным преступником, надевшим форму партизана, чтобы лучше скрыть свое прошлое.

Так как операция с Керками, в общем не удалась, наш Партизанский отряд решил идти в Бухару, чтобы оттуда, отдохнув в лучшей обстановке уже двинуться дальше. Такова была тенденция у многих. У крепости наше пребывание казалось нам нудным и безполезным.

"БУХАРСКАЯ ЗВЕЗДА"

Эмир Бухарский предложил нашему Партизанскому Отряду из Бухары перейти в Бурдалыкское Ханство, находящееся в четырехстах верстах от столицы и всего в нескольких десятков верст от крепости Керки, занятой Русскими большевиками — "для наблюдения".

Двадцать два всадника из Партизанского Отряда, несколько Бухарских чиновников, сопровождавших нас, несколько проводников с заводными лошадьми, везшими палатки, провизию и воду (так как вода во многих колодцах по пути была отвратительной), двинулись в один из летних вечеров в поход. Приходилось делать переходы от колодца к колодцу, из за жары по ночам, днем же обливаясь потом спать в расставленных палатках.

В палатке растилалась кошма (войлок из верблюжьей шерсти), а спали на бараньих полушубках. Вокруг палатки клали "аркан" (веревка прочная из верблюжьей шерсти). Все эти предосторожности принимались в виде большого количества тарантулов, скорпионов, громадных мохнатых фаланг и маленьких серебряных, со смертельным укусом змеек.

Ни одно это животное не может переползти шершавого, колючего аркана, не любит кошмы и не в состоянии двигаться в бараньем меху полушубка.

У каждого всадника на передной луке полагалось висеть : свернутому аркану, не большому "турсуку— (как бы кожанная бутыль разной величины, для перевозки жидкости — воды, кумыса или айрана) и кожанного мешечка для провизии. За седлом находились "курджумы" (переметные кожанные суммы) с запасным бельем и одеждой..

Мой "горбоносый", рыжий жеребец имел удиви-

тельно бодрый ,приятный шаг и потому путешествовать было легко.

При покупке "горбоносого", месяца за три до этого, произошел забавный случай. По распоряжению Эмира Бухарского, на конский базар было приведено окрестными жителями, для продажи в определенный день, порядочное количество очень приличных лошадей, дабы мы могли купить себе свежих, взамен уже переутомленным, большими переходами коней.

Захватив с собой главного кучера-тренера, большого знатока лошадей, с маленького любительского конского завода и еще нескольких кавалеристов-соратников, отправился на базар. Очень быстро, предварительно внимательно осмотрев, отобрали и сторговали нужное нам количество лошадей.

Базар уже заканчивался, когда на большую площадь для лошадей въехал мальчик мусульманин, без седла, на одном войлочном потнике. Мне эта лошадь сразу понравилась. Рыжий, пяти лет, широкая грудь, тонкие, мускулистые ноги, сильный, немного покатый круп и гордая горбоносая голова — напоминавшая мне наших степных "донпаков". Мы долго осматривали жеребца, но придраться ни к чему не могли. Мальчик лет двенадцати, во время нашего осмотра лошади, так с нея и не слезал. Он же показал нам скакуна на ногу, рыси и галопе. Столько достоинства было в этом спокойном жеребце, что решил его взять для себя. Цена была спрошена не большая, а когда мы поторговались "из приличия", то сейчас же было уступлено. Мальчик получив деньги, исчез, даже потника с собой не захватив.

Вижу кучер внимательно продолжает наблюдать, за моим уже теперь, рыжим жеребцом. Слышу он вполголоса говорит: — "В чем тут дело понять не могу!" — "Что такое ?" — спрашиваю. — "Жеребец "целый", но не иначе как у него имеется какой либо порок !" — "Да отчего же ?" — "Да уж очень что то таинственно ! — такую ладную лошадь за такие гроши отдать ! ?"

Когда привели лошадей к нам на конюшню, их начал осматривать ветеринар из пленных кавалеристов — Мадьяр (ища главным образом паршу и другие заразные болезни). Очередь дошла и до моего жеребца. Когда сняли со спины потник... то все отпрянули в ужасе... Спина в том месте, где накладывается седло, была так сбита, что представляла с двух сторон сплошные, ужасные раны, едва затянутые зеленоватой пленкой.

Ветеринар свиснул. Достав ланцет он надрезал раны... из которых брызнул гной, а в самих ранах закопошились черви. Зловоние от ран распространилось ужасное. Сперва подумал, не придется ли застрелить бедное животное. Позже узнал, что того же боялся и ветеринар. Но эскулап оказался опытным. Он вычистил раны, промыл и продезенфицировал их, и затем наложил повязки с какой то мазью. Что меня поразило, это то, что во время длительной, и наверное болезненной операции, жеребец только весь дрожал, но ни разу не попытался укусить или ударить ногами. Стоял как вкопаный, гордо подняв свою горбатую голову. Пришлось же с "Горбоносым" повозиться. Прошло почти два месяца, пока раны закрылись и спина приняла нормальный вид, только на больных местах шерсть стала не рыжей а седой.

Начал садиться и проезжать "Горбоносого" — он мне нравился все больше и больше. Мы с ним сразу подружились. За время своей болезни, на хорошем корму он отъелся и, стал богатырь-богатырем. Он был величественно красив в своей рыжей, лоснящейся рубашке и гордо поднятой породистой головой с горбиной.

Кучер мне как то говорит : "Жеребца то мы купили великолепного, но как то мы с Вами так внимательно, а я даже подозрительно осматривали лошадь и не догадались садить мальчишку и взглянуть почему жеребец не поседлан ? ! ?" А я так даже был рад, что так все произошло — иначе у меня "Горбоносого" бы не было, а он бы погиб у старого владельца Бухарца...

Вот на этом то рыжем, могучем, горбоносом жеребце и двинулся я в первый для него поход. Прошли благополучно это скучное песчанное разстояние. Несколько раз происходили эпизоды, о которых стоит упомянуть.

Обычно за ночь мы раза три останавливались минут на пятнадцать-двадцать для отдыха. При таких остановках, все всадники слезли с коней и ложились в мягкий, мелкий песок, кроме очередных часовых. Песок был настолько тонок и легок, что при малейшем движении воздуха, сразу вас лежащего, покрывал тонким слоем.

Вот как то при третьем привале, когда начинало уже слегка светать, лежа на спине с закрытыми глазами, почувствовал, что по мне кто то легонько переступая, идет от ног к талии. Открываю глаза и не знаю... во сне или на яву вижу на себе к р о к о д и л а, аршина в полтора длиной... От моего легкого движения, громадная ящерица с невероятной ловкостью и быстротой исчезла за ближайшими песчаными курганами. Что за чудеса ?...

Соседи мои справа и слева тоже видели по мне прогуливавшее чудовище. Проводники после объяснили, что это сухопутный крокодил, которого в здешних песчанных степях называют "Ички-Мер", т. е. коза-дой.

Оказывается эта безобидная ящерица живет всегда поблизости жилых мест, или колодцев, где обычно бывает большое количество баранов и коз. Их и зовут Коза-дой потому, что они доят коз и баранов, будучи большими любителями молока.

Они являются бичем населения, т. к. если пастухи не досмотрят или проспят, то выдоят все стадо и оставят жителей-кишлаков без молока. А молоко у степняка главная пища, — его и так пьют, делают сыр и айран (род простокваши, хорошо утоляющий голод и жажду).

У ящерицы голова горбатая — по сему, после этого случая своего рыжего, горбоносого жеребца прозвал "Ички-Мер".

Но вот мы в Бурдалыкском ханстве, радушно встре-

ченные Беком, в его резиденции — усадьбе, недалеко от реки Аму-Дарьи.

Жилые помещения и громадная площадь-двор, обнесены высокой, толстой глинобитной стеной, с башеньками для защиты. Тип построек уже Хивинский — представляя из себя как бы кепость, с зубцами на стенах.

Нам отвели несколько помещений и мы зажили тихой, скучно-однообразной жизнью песков.

Время и шло ! Скоро и фрукты поспели. Новое развлечение ездить за ними на базар. На базар, жители окрестных кишлаков, пригоняли массу осликов, груженных хорошими фруктами или висящими в сетках дынями, подвешенными на поперечных палках. Покупали помногу, т. к. базар бывал только два раза в неделю. Ослики же и отвозили к нам купленое на своих спинах.

Покупали цыплят, чтобы разнообразить пищу. Главное дыни были замечательные. Знамениты на весь Туркестан Бурдалыкские дыни, но к сожалению плохо переносят долгую перевозку. Ароматны замечательно, а вкус ананаса, перпка и меда. Одно наслаждение — ими просто объедались. Особенно вкусны с лепешками мучными " хлеб вроде чурека.

Достопримечательнось Бурдалыка — ковры. Какая красота скромных тонов и дивная тонкая работа. Еще достоинство — они много легче и прочнее кричащих красками Сартовских и Киргизских.

Любили мы наблюдать как жарят целиком барашков в печах для хлебов. Печь стоит посреди двора. Она круглая с двумя отверстиями — одно для топки, — другое дымоход. Слепленна из глины в виде улья. В нее кладут сноп хвороста .когда он прогорит, то внутрь печки ставится медный таз, на крючек на цепи с поперечной палкой, вешается барашек через верхнее отверстие над тазом, куда стекает, при жарке жир и сок и оба отверстия закрываются заслонками и замазываются, заранее приготовленной глиной. Через тридцать пять минут заслонки открываются и достается барашек. Он готов для еды. Очень вкусно с подливкой.

Но вот однажды, когда я купал и чистил "Ички-Мера", прискакал Туркмен и сообщил новость: По Аму-Дарье, от Чаджуя, еще очень далеко от нас, идет пароход и тянет баржу с красными воинами и оружием для крепости "Керки". Нужно было во что бы то не стало воспрепятствовать высадке. Был выработан план. Первым долгом узнали от местных жителей, что в пяти верстах по течению, наш берег очень высок, скалист и что форватер проходит всего в восьмидесяти шагах от берега. Все что нужно ! Поехали на место и осмотрели. Из камней на берегу построили прикрытие с бойницами.

Начальником отряда Полковником Рудневым, мне было поручено командование операцией. Все было проверено и взвешено. Оставалось только ждать подхода парохода.

Вот нам сообщают разведчики, что пароход и баржа уже недалеко. Раздаю по три гранаты на человека — собираемся отправиться на выбранное место. Уже шел к поседланному жеребцу, чтобы садиться, как ко мне подбегает "секретарь" Бека и с низкими поклонами передает желание Бека со мной поговорить перед отъездом.

Вхожу в "канцелярию". Мне навстречу идет, с протянутыми руками для приветствия, сам "Бек". Он был великолепен в своем шелковом, фисташкового цвета, зашитым серебром халате, при богатейшей сабле, отделанной золотом, серебром и бирюзой.

Бек говорит : "Узнал, что Вы будете командовать Вашими доблестными партизанами, вот решил с сотней отборных воинов присоединиться к Вам".

Мне чуть дурно не стабо : Уж и не помню как мог скрыть ужас на лице при таком известии. Хорошо знал по опыту, что значит иметь в бою рядом с собой этих "отборных" воинов. То и гляди, что в лучшем случае, от страху, тебе пулю в затылок пустят ! Или в паническом бегстве тебя затопчат.

Но был в Азии, потому сразу взял себя в руки и пустил дипломатию, т. е. выразил и лицом и словами удовольствие за честь, выпавшую на мою долю — иметь с собой самого Бека и его доблестных воинов. Через несколько минут мы уже ехали рядом с Беком во главе Паритизан, а за нами сто воинов. На Беке, кроме сабли, был надет еще маузер в деревянной ложе-чехле и пояс с патронами.

Всю дорогу размышлял, как бы мне отделаться от Бека и его воинов. Уже будучи в пятистах шагах от места засады, меня вдруг осенило.

Остановив "Ички-Мера" обращаюсь к Беку со словами : "Позволю себе думать, что для пользы дела, Вам, Бек и воинам лучше всего было бы остаться здесь на месте. Отсюда Вам было бы гораздо легче, в нужный момент атаковать врага вправо или влево". Прошу Капитана Грамолина перевести возможно более цветисто Беку, который быстро соглашается, по моему не без радости — возможности не двигаться дальше. Когда маленький отряд партизан, спешившись двинулся вперед — пожелал нам полного успеха.

Туркменам уводящим наших лошадей, приказал отойти в сторону от расположения Бека. Так будет покойнее.

Мы — двадцать два партизана быстро разошлись по своим "Казематам" и наступила мертвая тишина.

Не так много времени прошло, как прискакал разведчик Туркмен и сообщил, что пароход уже не далеко за изгибом реки влево. Скоро стал слышен шум работающих в воде "колес" и наконец показался, медленно идущий, против течения, большой "Колесный" пароход, а за ним на кабеле, длиннющая, преогромная крытая баржа.

Сердце невольно екнуло. Пароход все подходил ближе, ближе, ближе и придерживаясь фарватера все приближался к нашему берегу. Когда поровнялся с правым флангом нашего укрепления (где был мой

пост), то казался сверху (высота берега была сто аршин), будто вот совсем рядом с берегом идет.

По данному мне свистку, партизаны выскочили из убежищ и принялись бросать гранаты, как по пароходу, так и по барже. Затем, снова засели за камни, и взялись за винтовки. По второму свистку был открыт беглый огонь. На носу баржи стоял бомбомет. Вижу как из отверстия трюма выскочил, повидимому бомбометчик, и подбежав к бомбомету, успел выпустить последние в своей жизни, две бомбы. Эти бомбы пролетев через наши головы разорвались далеко от нас, гораздо ближе к Беку и его воинству. Несмотря на трагичность момента, невольно улыбнулся т. к. через секунду и Бек и его воины исчезли, ускакав в степь и скрывшись за песчаными курганами.

Винтовочные выстрелы гремели, а пароход продолжал двигаться медленно вперед. Воображаю что делалось внутри парохода и баржи (если верить тому, что там находилось много людей), когда винтовочные пули пробивали борта на восемьдесят шагов.

Но вот с парохода из "вентиляторов" и видно из других еще мест и с баржи тоже, в ответ, на нас был открыт огонь. А вот и пулемет заработал и пули защелкали по камням у наших убежищ. Наши винтовки еще быстрее принялись стрелять и выстрелы противника завяли, скоро и пулемет смолк.

Вскоре пароход уже прошедший некоторое расстояние вправо, но все еще преследуемый выстрелами, дал тройной гудок и выкинул белый флаг. Или сдается или просит пощады ! ? ! Даю свисток и винтовочные выстрелы прекращаются. Но вот пароход начал медленно заворачивать влево, назад и повернувшись вместе с баржей стал быстро, по течению от нас уходить. Бой з а к о н ч е н ! ? !... Но в ушах все еще стоит шум от винтовочной трескотни, и тишина стала какой то зловещей !...

Оглядываюсь назад и вижу как осторожно выезжает Бек и часть его воинов на свое прежнее место, а затем видимо узнав, что пароход и баржа уходят восвояси, ринулись в догонку парохода и скача по берегу принялись палить по нем. Но вот выстрелы прекратились и Бек подъехал к нам, поздравляя "с блестящей победой" ? ! ?...

Подождав немного, выслав разведку в сторону ушедшего парохода, двинулись в обратный путь.

Но откуда не возьмись, громадные толпы и конных и пеших Туркмен и Бухарцев появились, чтобы приветствовать "героев дня". Прибежали и прискакали, кто на чем, повидимому все жители ближайших кишлаков. Многие воины поехали собирать в мешки, для раздачи жителям "на память о бое", пустые гильзы, во множестве валявшиеся у нас нами возведенных убежищ.

В этот же вечер Бек написал доклад Эмиру Бухарскому о "бое" и ночью его отправил в Бухару "под конвоем" нескольких всадников на лучших лошадях.

Молниеносно быстро, как нам показалось, из Бухары приехал со свитой очень важный чиновник. Нас партизан попросили выстроиться во дворе Бека у самого его помещения. Чиновник прочел бумагу, в которой Эмир Бухарский благодарил нас "За геройской храбрости дело и за недопущение подвезти подкрепление и оружие для крепости "Керки" и истребление неприятеля".

Каждому из нас была повешена на грудь малая золотая звезда и выдан "хат" (бумага на право ношения звезды и за что она получена — на мусульманском языке. У меня имеется перевод этого "хата", засвидетельствованный представителями Штаба Закаспийского Корпуса".

Затем нам было вручено от Эмира по роскошному шелковому халату и по тончайшей индийской "Чалме" (головной убор).

Мне была вручена бумага на предмет получения кольца с бриллиантом — но этого "кольца с бриллиантом" я так и не получил, даже когда вернулся в Бухару. Видимо кольцо приглянулось чиновнику, везшему его...

Беку была выдана высшей степени военная медаль "за храбрость", и тоже халат. Воинам Бека тоже было выдано по какой то медали и по халату, но только более скромному.

Бек был счастлив как ребенок, всем показывал медаль и все жал мне руку и даже звезду мою поцеловал.

Воображаю как был расписан "доклад", раз мы удостоилось такой "Высочайшей милости". Забыл я уже, а возможно, что нам и по столбику золотых Бухарских монет было вручено ! ? !

Все были так довольны, что никто и внимания не обратил (кому это надлежало) — а из каждой щелки смотрели красивые женские глазки, на редкое зрелище, еще небывалое в их жизни. Глазки эти принадлежали хорошеньким женам Бека из его гарема...

Три дня пировали мы "победу". На это были отпущены Эмиром особые суммы. Сколько бедных барашков было съедено и сколько было выпито кумыса — а трех-дневный кумыс крепче вина.

Бек положительно не знал куда меня усадить и за трапезой рвал руками жаренного барашка и лучшие куски клал мне прямо в рот. Знак высшего расположения или благодарности в Азии.

В конце первого дня "пира" — Бек сообщил таинственно Полковнику Рудневу и мне, через Капитана Грамолина, что приехали люди и сообщили, будто на пароходе и барже много оказалось раненных и убитых, причем была названа такая цифра, которая заставила нас недоверчиво покачать головами. Думаю, такая цифра получилась пока слух дошел до нас. Говорили, что баржа выбросилась на берег, не доходя Чаджуя.

Но раз сложившаяся легенда, будь она даже и не правдоподобной, осталась твердо жить в сердцах местного населения.

Нам просто стало неловко выезжать из ограды владений Бека, т. к. и стар и млад не пропускали случая изогнуться до земли с почтительным приветствием : "Салям Малекум", при виде гордо украшавшей нашу грудь звезды Эмира Бухарского. (10-го июня 1919 года).

ВОЗВРАщЕНИЕ В БУХАРУ

По прибытии снова в Бухару, отряду было отведено помещение богатого Бухарского купца. Состояло оно из огромного фруктового сада, а в его левом углу большого дома, в котором мы и разместились. Не далеко от дома был большой, глубокий бассейн, обложенный камнями, обработанными глыбами. Этот бассейн при желании наполнялся водой, стоило только открыть кран. В нем мы с наслаждением не раз купались. Когда закрыв кран, вода выпускалась из бассейна, он служил водопоем. Каждый подходил и поил из ведра своего коня.

Вокруг бассейна росли тополя и карагачи, дававшие тень. В нескольких местах росли карагачи, образуя четырехугольник. Их шапки-верхушки касались друг друга и получалась беседка — хорошее место для отдыха. Кормили нас хорошо и жилось нам не плохо.

Однажды видим входит в сад через калитку, высокий, широкоплечий молодой, красивый бухарец, в зеленоватом халате в полоску с длинной палкой — в сажень. Он очень спокойно, как у себя дома, закинув голову, вглядывался в верхушки деревьев. Вот он поднимает палку, кладет один конец в рот, другой наводит на середину высокого дерева. Бухарец дует в палку, раздается тихий свист и с дерева камышком валится воробей, трепеща крылышками. Охотник подходит, поднимает воробья, раскрывает кожаный мешок — висящий у него на поясе с левого бока, и прячет туда птицу. Затем из маленького мешочка, подвешеного справа, достает шарик (из чего сделан не могу сказать — верно из теста), наклонив палку, кладет шарик в отверстие и продолжает охоту с воздушным ружьем своим. Стрелял он великолепно. Мы ни разу не видели чтобы он промахнулся из своего "духового ружья". Застрелив всех воробьев, находящихся в данное время в нашем саду, он так же спокойно удалился.

Чиновник-Бухарец объяснил нам, что это человек Эмира Бухарского — его "Ловчий". Он стреляет воробьев для соколов охоты двора Эмира. От Эмира у него "Хат" (бумага) на право входить в любой сад и стрелять из своего "духового ружья".

Позже удалось видеть многочисленных и разнообразных соколов Эмира. Выезд на охоту тоже довелось видеть. Это очень красивое зрелище. Эмир и его приближенные, очень нарядно одетые в своих шелковых разноцветных халатах, расшитых золотом, серебром и разными шелками, на красивых, раскормленных, статных жеребцах в богатейшей седловке выезжают на соколиную охоту. Каждый из охотников держит на правой руке в толстой кожаной перчатке сокола в колпачке на голове и многих серебряных бубенчиках на ногах. За каждым из охотников едет сокольничий, а за Эмиром так и несколько и тоже с соколами.

Видел маленьких соколов, но видел и больших, великолепных красавцев серо-серебристых кречетов. С последними охотятся на крупную дичь. Эти бьют лебедя, гуся, дрофу и цаплю. Эти сокола часто гибнут от королевских цапель. Цапля заметив, что сверху падает кречет чтобы ее ударить, мигом переворачивается и подставляет свой клюв, как штык. Кречет напарывается на клюв и готов — погиб. Одним хорошим соколом стало меньше. А хороших соколов-кречетов не так и много.

В том же саду наблюдал другую картину, закончившуюся так трагически-печально. Помню как к пустому бассейну Полковник Руднев, подводит своего красавца гнедого-жеребца. Наполнив ведро водой он предложил своему любимцу напиться. Жеребец помочив губы в воде, балуя мотнув головой задел ею ведро. Полковник получив толчек, потерял равновесие и навзничь упал на каменные плиты, ударившись о них затылком. Он не сразу поднялся. Ему пришлось помочь. Спрашиваем не очень ли ушибся. Он улыбаясь какой то совсем детской, уже странной улыбкой, ответил : "Нет". Инцидент был забыт. Верно больше месяца прошло. Мы уже в другом месте жили — на большой даче директора Русско-Азиатского Банка, милейшего З. Полковник Руднев стал жаловаться на головную боль, затем слег с большой температурой и в три дня "сгорел", угас от менингита видимо.

Хоронить его пришлось за Бухарской городской стеной, как не правоверного.

Могилу его засыпали камнями, чтобы собаки и шакалы не разрыли. Сами и хоронили, сами и отпевали.

Жаль было оставлять хорошего, милого, ко всем внимательного, скромного героя в чужой земле. МИР ПРАХУ ТВОЕМУ !

Не забывай нас и помолись перед Создателем за нас. Ты нашел успокоение, а нам еще много впереди предстоит мытарств...

НА ГРАНИЦЕ ПЕРСИИ

В уютной гостиной великолепной небольшой виллы около Ниццы, с садом из апельсинных и лимонных деревьев, в удобных креслах сидело небольшое общество, после тонкого и вкусного обеда и пило кофе с ликерами.

Хозяйка гостеприимного дома, моя кузина Мери, графиня К., четыре молодых дамы, два господина и я состовляли общество. Для уюта был зажжен камин.

Кузина, обращаясь ко мне, говорит: "Ты обещал рассказать эпизод из твоей партизанской жизни, происшедший у самой границы Персии. Ты еще жалел, что эпизод этот не мог быть зафильмован, так как годился бы для синема. Так?" — "Да, приблизительно так", отвечаю. — "Тогда расскажи нам".

Хорошенькая брюнетка, сидевшая напротив меня, патетически заявила: "Я так люблю авантюрные рассказы!" — "Соглашаюсь и начинаю. Должен предупредить, что рассказ мой будет довольно длинный, так как если рассказать только одну сценку из пережитого у границы Персии на реке Теджен, то бу-

дет непонятно. Вынужден отступить к моменту моего решения покинуть Бухару.

Мой партизанский отряд имени полковника Руднева, так как его деятельность в Бухарских владениях кончилась, решил уходить в Персию. Я же, предполагая пробиться к Колчаку, остался в Бухаре. Остались и два моих друга — "мои адъютанты", не пожелавшие покинуть меня. "Мои адъютанты", как их прозвали, были: "Димитрий Бай" и "Иваныч Пуля". Мною первому была дана приставка "Бай" за то, что он любил одевать очень яркие халаты, а второму — "Пуля", за его просто какую-то особенную медлительность. Оба были мне трогательно преданы.

Жили мы тогда в великолепном городском доме, с чудным громадным фруктовым садом, в семье директора Азиатско-Европейского банка. Семейство было милое, радушное и относилось к нам как к родным.

Но вот доходит слух, что адмирал Колчак закончил свое существование. Затем этот слух подтвердился. У меня стало неважно на душе. Не очень-то мне хотелось ехать на Асхабадский фронт.. Не верил я в него, и на то у меня были свои причины. В свежей памяти стоял еще "Партизанский отряд армянина Арапетова", да и "представители фронта" не очень внушали доверия. Но от предложения сопровождать караван богатых бухарских купцов-евреев, желавших пробраться в Асхабад, подальше от большевиков (Новая Бухара была всего в десяти верстах от Старой Бухары и была занята большевиками) не отказался.

Я должен был набрать небольшой отряд из лучших туркмен, долженствовавший служить каравану эскортом. Но в последний момент отъезжающие побоялись пуститься в такой дальний, тяжелый и опасный путь.

Мы совсем загрустили и "остались между двух стульев"...

Но вот как-то под вечер директор банка отзывает меня, уводит в дальнюю аллею сада и сообщает таинственно следующее: "Вам, видно, все же судьба ехать в Персию, если вы, конечно, согласитесь. Видите ли, я вошел в контакт с одним Англичанином ,недавно сравнительно приехавшим из Ташкента. Ему необходмо выбраться во что бы то ни стало из Бухары в Персию, где находится в Мешхеде Английский Штаб. Не хотите ли Вы с Вашими друзьями оказать ему услугу и помочь уехать. Если Вы в принципе согласны, то тогда я расскажу Вам более подробно его эпопею. История довольно интересная. Если Вы не согласны, то на этом и остановимся".

Говорю, что согласен ехать в Персию и взять с собой Англичанина. Уверен, что и мои "адъютанты" согласятся.

"Отлично, тогда я Вас с ним завтра же познакомлю. Я ему уже про вас говорил и ему Вас рекомендовал. Пришлось приподнять Вашу маску, милый Михал Михалыч, так как эти люди очень подозрительны и осторожны. Уже не сердитесь на меня. Я его связал словом, чтобы он и вида не показал, что знает, кто Вы на самом деле. Итак, это — английской службы полковник Белли (конечно, уверен, — псевдоним), посланный английским правительством в Туркестан, в Ташкент, наблюдать, как там развернутся события.

Большевики очень быстро выявили его личность и поручили одному из своих агентов, Чеху Мандичу, следить за Белли и при удобном случае арестовать и втихомолку ликвидировать. Но Мандичь был в контакте с Белли, потому и предупредил последнего, что время ему скрыться.

Белли отпускает бороду, надевает темные очки и прячется в старом Мусульманском городе. Наконец, Мандичу удается сплавить Белли в Бухару. Затем Мандичь предлагает большевикам поехать разыскивать полковника Т. К. .он знает, где последний находится — Этого пока достаточно.

На другой день меня ведут с всевозможными предосторожностями к полковнику Белли. Убедившись, что за мной никто не следит, оставив моих друзей-"адъютантов" в саду для "наблюдения", вхожу в дом, где мне было назначено свидание. Меня встречает с протянутой рукой высокий, красивый, средних лет Англичанин, очень сдержанный, но симпатичный. Познакомились и на французском языке быстро сговорились.

Я ему прямо сказал, что в курсе событий и готов ему помочь. Англичанин дал мне понять, что для путешествия у него нет средств, что он послал уже давно в Персию своих двух преданных индусов в Штаб, но что они до сих пор не вернулись, и он не знает, что с ними приключилось. Возможно, их по дороге "перехватили". Спрашивает, могу я его экипировать для дальнего путешествия (тысячу верст песками), то есть купить ему лошадь, седло, туркменский костюм, оружие и пр. Вообще организовать поездку. "Прибыв в Штаб в Мешхед, я с Вами расплачусь", закончил Англичанин. Я дал на все свое согласие. Мы составили план и маршрут по карте. На этом и расстались.

С моими друзьями начал готовиться к путешествию и запасаться всем необходимым. К этому времени выяснилось, что "представители" Асхабадского фронта и их телохранители пожелали к нам присоединиться, да еще несколько Бухарцев и два офицера русских, недавно пробравшихся в Бухару

Тогда мы организовали уже целый караван. Берем несколько верблюдов, под продовольствие, и запасную воду, с погонщиками и удвоенное количество проводников.

Полковник Белли очень таинственно попросил меня, его не расспрашивая, приобрести двух лишних хороших, спокойных верховых лошадей.

Наконец все готово. Очень хорошие лошади куплены, верблюды наняты — караван готов. Спутников моих заинтересовало, зачем я беру двух заводных же-

ребцов. Отвечаю — мало ли что может случиться с одним из коней — вот эти заводные и выручат.

Назначен день отъезда. Сборный пункт всех отъезжающих — ночью на даче одного богатого Бухарца.

Прощаемся с милым семейством директора банка, с друзьями и с наступлением темноты отправляемся с двумя своими "адъютантами" к месту свидания, где уже ждали караван и наши попутчики.

Когда я вошел в дом, то меня встретил Англичанин и повел к окну, где стояла очень красивая женщина в мужском костюме (черкеске и папахе) и господин не русского типа.

На Востоке не полагалось показывать, что ты удивлен присутствием незнакомой пары. Полковник подводит меня к даме и представляет: "Мандичь с супругой". Тогда мне стало все ясно и даже в душе смешно, Мандичь поехал разыскивать Белли, а найдя его, с ним и уезжает. Хорошо все стрюковано! Спрашиваю, как величать госпожу Мандичь. "Называйте меня пани Ядвига". Она оказалась Полькой из Варшавы, говорящей отлично по-русски. Но оказалось, что и Мандичь тоже говорит великолепно по-русски!

В комнате большой стол накрыт множеством всякой пищи. Мы закусываем, выкуриваем по трубке, садимся по коням благословясь, в полном мраке покидаем Бухару.

Путешествие началось: нас вышло всего, считая погонщиков и проводников, двадцать восемь человек.

Сперва мы пошли будто на Хиву, а затем, отпустив вперед пять верблюдов и двух проводников (для этой цели специально нанятых), сами, чтобы скрыть следы, по руслу реки свернули влево и пошли на Персию. Шли мы пустыней. Был февраль месяц — значит, зима, и идти было не жарко, а по ночам так даже основательно прохладно. Погода все время стояла чудесная. Шли от колодца к колодцу по двадцать пять-тридцать верст друг от друга Путешествие заняло тридцать один день. Всего натерпелись в пути. Ко всем нашим невзгодам присоединилось еще одно обстоятельство, сильно нас обескуражившее. Мандичь на третий же день проявил себя. Ездить не умел, оказался рыхлым, страдал на лошади, да и терпеть не умел. Стонал, охал. частенько сползал с коня и, корчась на песке, заявлял, что он не может дальше ехать, вынуждая весь караван терпеливо ждать, пока он соблаговолит сесть снова на коня и продолжать путешествие.

Зато пани Ядвига показала класс. Ни разу не пожаловалась и красиво совершила нудное, трудное и утомительное путешествие на своем светло-гнедом с белыми носочками на передних ногах и белой лысиной, статном и красивом жеребце. (Из-за верблюдов нам приходилось идти только шагом, что и утомляло).

Только любила красивая полька интригнуть и чуть нас всех не перессорила. Но мы скоро раскусили ее и стали держаться в стороне и обходиться с ней довольно холодно, на что красавица очень обижалась и старалась все же жаловаться каждому из нас на других, хотя мы и отмалчивались.

Хоть и был у каждого из нас аркан (прочная веревка из верблюжьей шерсти) подвязан к седлу, и мы их связывали, чтобы достать из глубоких колодцев (отлично сохранившихся с давних времен, обложенных кафелем, а ближе к Персии, даже прикрытых от непогоды и сыпучих песков особой, очень оригинальной, сложной постройкой — каменный, круглый свод над колодцем с несколькими входами-узкими арками), воду, но одним небольшим парусиновым ведром было положительно невозможно напоить всех лошадей и верблюдов. Понадобились бы сутки.

В этой местности паслись стада баранов курдючных, до пяти тысяч голов. При стадах были пастухи на лошадях, осликах и верблюдах. В колодец опускалась громадная бадья, сшитая из лошадиной кожи, на крепких толстых арканах. Манипулировали так: одну веревку привязывали к сбруе одного верблюда, другую к другому. Верблюды, отходя от колодца, тянут наполненную водою бадью, а затем, возвращаясь к колодцу, опускают пустую бадью в колодец. Вытаскивая бадью с водой из колдца, ее выливают в очень длинные желоба, установленные на ножках и идущих далеко от колодца. К ним и пригоняют баранов пить. Желоба были настолько длинны, что баранов могло подходить сразу очень много.

Но вот когда баранов, съевших траву в окрестностях колодца, перегоняли к другому колодцу, то можно было остаться и без воды, что нам и случалось испытать. Но, повторяю, была бухарская зима; так что дни были не жаркие, а ночи очень прохладные, потому животные не так страдали от жажды, но все же не могли обходиться без воды хоть раз в сутки. С верблюдами было проще. Те могли несколько суток быть без воды, если их предварительно хорошо напоить.

Встречали мы и "крепости" разбойников. Большие дворы с постройками, обложенными, вместо изгороди, мешками с песком. Но они нас не трогали. Мы были не большевики, а "Николай адам" (Императорские люди). Наоборот, нас гостеприимно принимали и сытно угощали ничего им не стоющими, похищенными из громадных стад баранами. Но надо было быть все время все же на-чеку, чтобы не остаться без лошади или оружия.

Добрались мы таким черепашьим шагом, со всевозможными приключениями, но все же благополучно, до курганов, за которыми была видна река Теджен, а за ней селение "Наруз-Абад".

Вот тут-то и начинается трагедия. Вернее — трагикомедия. Песчаная местность сразу изменилась. Вместо пустыни был лесок, хотя и редкий, даже травка зеленая росла. Было много канавок и рытвин — в общем до реки местность была неудобная для верховых лошадей.

Оставив караван, простившись с погонщиками и проводниками (верблюдов обратно уводили в Буха-

ру), я попросил всех осмотреть подпруги. Когда подошел к пани Ядвиге, чтобы подтянуть подпруги ее белоногого скакуна, то Мандичь — супруг, будучи в этот день не в духе, огрызнулся и прошипел: "Я сам могу это сделать!" Подтянул он подпруги или нет, я не знаю, но думаю, что нет, так как тогда бы не произошло катастрофы.

Я предупредил всех, что(возможно, придется быстро пройти расстояние до реки, если нас заметят большевицкие пограничные посты. Двинулись. Полковник Белли, с оставшимся с нами одним из проводников - переводчиков, находящимися в распоряжении наших спутников "представителей", поехал вперед, чтобы найти брод через реку. Вот он уже на другой стороне реки (значит, уже в Персии) и машет нам меховой шапкой: "У!.." Затем снимает винтовку, ложится, кладет шапку на кочку, на нее винтовку и начинает стрелять...

Невольно посмотрел вправо и влево, и что же я вижу?.. С обоих сторон, правда, еще на большом расстоянии, на нас скакало, пожалуй, по пятидесяти всадников. Те-те-те! Да это большевики-пограничники! Удачно, хоть и случайно, мы вышли между кордонами. Хотя позже проводник уверял, что он нарочно нас вывел к этому месту... Пусть будет так — спорить не буду.

Советую нашей группе прибавить аллюра. Достаю свой маузеровский автоматический пистолет и приставляю к нему приклад, только что служивший ему кобурой. Просматриваю его, не попало ли под тряпки (в которые был завернут пистолет) песку, и беру на изготовку. Но вот мы у самой воды, сравнительно не очень широкой реки. Около меня мои два друга, тоже взявшиеся за оружие. Мы должны были въехать в воду, сперва пропустив всех остальных, так как оставались на берегу в виде прикрытия. Все проскочили реку, только лысый жеребец пани Ядвиги заупрямился и круто повернул вбок. Седло свернулось со спины лошади и... пани Ядвига очутилась на земле...

Никогда не забуду этой картины. Интересна всегда была Полька, но тут совсем стала красавицей. С распустившимися роскошными волосами она сидела, упершись в землю руками. Ее красивые темные глаза были громадны от переживаемого ужаса. Мои "адъютанты" принялись палить по приближавшимся всадникам, заставив их этим приостановиться. Говорю "Иваныч-Пуле" взять лошадь полячки и перевести ее на ту сторону. Сделал это нарочно, так как "Иваныч" был не из храбрых и мог стать только обузой. Он был бледен как бумага и как во сне выполнил мой совет. "Дмитрий-Бай" продолжал спокойно отстреливаться.

В это время пули начали свистеть вокруг. Всадники спешились и открыли огонь по нас.

Я поднял своего рыжего жеребца на дыбы, сделал несколько лансад и выпустил обойму по залегшим большевикам. Они замолкли, ища укрытия. Пользуясь этим, подъезжаю к пани Ядвиге и прошу ее встать. Но она продолжает сидеть точно в трансе и только твердит: "Мой курджум, мой курджум (переметные сумы)!" Тут только я заметил, что около нее на земле действительно лежит курджум, свалившийся с лошади. Нагибаюсь и стараюсь поднять их, но они так тяжелы, что мне это не удается, да и жеребец, разволновавшийся от свиста пуль, не стоит на месте. Тогда решаю бросить курджумы и взяться за пани Ядвигу. Говорю ей еще раз встать, но она продолжает сидеть, точно меня не слыша, и твердит: "Мой курджум, мой курджум!".

Что такое находилось в этих курджумах, что женщина почти сошла с ума, боясь его потерять? Потому и были положены на ее седло, что были так тяжелы. Говорю "Димитрию-Баю" попытаться поднять сумы ,а сам без церемонии беру Польку за длинные, шелковистые волосы, поднимаю с земли и двигаюсь к берегу. Въезжаю в воду и попадаю сразу в глубину, достающую мои стремена. Строго приказываю пани Ядвиге сесть сзади меня на круп. Безропотно садится. Говорю ей: "Обнимите меня". Спрашивает, в полном обалдении: "Как?" "Конечно, руками, и держитесь за меня — за мой пояс". Въезжаем еще больше в реку. Пани Ядвига стонет: "Нас сейчас убьют обоих". И верно: пули так и щелкали по воде.

"Димитрий-Бай" ,все пытавшийся поднять курджумы, по моему знаку въезжает за мной в реку. Но вот слышим — с персидского берега началась тоже стрельба. Это персы, видя наше затруднительное положение, пришли нам на помощь и стреляют с крыш своих домов по большевикам. Большевики замолкли. А под нами река делается еще глубже. Впопыхах я, верно, не попал на брод. Но крутой берег близко. Жеребец птицей взлетает на гребень.

Поднимается с земли полковник Белли, ставит винтовку между ног и начинает аплодировать. Пускаю своего рыжего жеребца галопом. Вдали слышатся тоже аплодисменты. Аплодируют наши, аплодируют Персы. Точно на конкуре.

Полька крепко держится за меня, дрожит и молчит. Подъезжаем к нашим спутникам. Соскакиваю с коня и помогаю слезть пани Ядвиге. Мандичь, побагровевший от злости, набрасывается на меня и шипит: "Вот из-за Вас курджум потерян!" В тиктак ему возражаю: "А Вы подтянули подпруги, как я Вам советовал? А кроме того, если бы я знал, что курджум Вам дороже жены, то, конечно бы, привез Вам курджум, а жену оставил бы большевикам".

Окружающие фыркнули, а Мандичь мрачно смолк.

Случайно взглянул на "Иваныча-Пулю" и вижу, что он смотрит за реку. А там пограничники-большевики окружили курджум и его потрошат.

Невольно смотрю на Мандичей. По побледневшему лицу пани Ядвиги катятся крупные слезы из грустно опущенных глаз. Самого Мандича передергивало. Подумалось — вряд ли комиссар большевицкий, удирая, забыл то есть не прихватил с собою бриллиантов, золота и валюты. Позже пани Ядвига, в минуту

откровения, подтвердила мое предположение. Я с Мандичами расстался в Мешхеде и с тех пор потерял их из виду.

Несмотря на драму Мандичей, на душе было хорошо. Мы в Персии, далеко от большевицких изуверств, и нас ждет что-то новое, но что — остается только гадать.

На этом я и закончу свое повествование, вскользь упомянув о том, что в Персии нас очень хорошо приняли. Полковник Белли в Мешхеде помог нам, через своих людей, хорошо ликвидировать лошадей и через английское командование одел нас в щегольскую английскую форму.

В Мешхеде же мы снова присоединились и влились в партизанский отряд и дружно, совместно, сперва отдохнув от тяжелого месячного пути, проследовали в Энзели, а оттуда в порт Петровск на наливном судне, не без приключений, конечно. Здесь еще отдохнули и "погуляли". Тут благодаря моим знакомствам удалось устроить отъезд нам пятерым ("Димитрий-Баю", "Иванычу-Пуле", Чечелеву, Рожновскому и мне), и мы двинулись по железной дороге дальше. Затем по Грузинской дороге проехали в Поти, где и были интернированы со всеми отступавшими отрядами.

Но нам пятерым удалось на французском судне все же выехать в Крым, где был уже генерал Врангель.

В Феодосии я присоединился к своему полку Царицыных Кирасир и потерял навсегда из виду своих друзей партизан.

Судьба, меня выбросив из Крыма в феврале месяце 1918 года, снова туда забросила в марте, но уже 1920 года.

Если посмотреть на карту, чтобы иметь представление, какое путешествие я совершил, то невольно удивляешься человеческой выносливости.

КОНЕЦ

С. КАЛУГИН

Персидская Казачья Его Величества Шаха Персии Дивизия

Редакция считает необходимым предпослать два очерка посвященные Персидской Казачьей Его Величества Шаха Персии Дивизии, которые оба принадлежат перу двух русских офицеров - инструкторов этой дивизии, ибо с уходом в лучший мир всех свидетелей происшедших событий в дивизии, эти события могут быть представлены неправдоподобно.

РЕДАКЦИЯ

Наср-Эд-Дин Шах в 1879 году посетил Петербург. Шах заинтересовался Конвоем Государя и выразил желание иметь подобный же у себя в Персии. По его просьбе, для организации этой воинской части и ее обучения, были командированы в Тегеран русские офицеры-инструкторы, по назначению русского Генерального Штаба, но с предварительным согласием Шаха.

Шахский конвой в дальнейшем был развернут в бригаду, а затем в дивизию.

Персидская Казачья Его Величества Шаха Бригада была создана на основании соглашения между русским и персидским Правительствами в 1882 году при Наср-эд-Дине Шахе. Был издан особый фирман (указ) об ее учреждении.

Первым начальником бригады был назначен генерал Коссоговский. Начальник бригады официально был подчинен Шаху и являлся его советником, фактически получая указания от Генерального Штаба, который, в свою очередь, действовал в согласии с Министерством иностранных дел и Наместником Кавказа.

Бригада была расположена в Тегеране, и Отдел бригады был учрежден в Тавризе. Отдельные соединения бригады были расположены в некоторых городах Северной Персии. Кроме того, Генерал-губернатор и Губернатор имели при себе конвой из Казачьей бригады.

Численность бригады доходила до 2.000 человек. Расходы по бригаде покрывались Персидским правительством из таможенных поступлений. Донесения и денежный отчет направлялись Начальником бригады в Генеральный Штаб.

Персидское правительство было недовольно подобным положением вещей и добивалось подчинения бригады персидскому военному министру.На этом подчинении Персидское правительство особенно настаивало.

В 1909 году, во время персидской революции, бригада, по приказу Магомет Али Шаха, обстреляла меджилис (парламент). Анархия в Персии носила затяжной характер. Никаких вооруженных сил защищать порядок в стране Персия создать не могла.

Персидская Казачья бригада являлась единственной воинской силой, которая поддерживала и охраня-

ла шахский трон и порядок — это была личная гвардия Шаха.

С начала 1-ой мировой войны Казачьей бригаде пришлось играть значительную роль по охране дорог от разбойников и вести борьбу с мятежниками и непокорными правительству полудикими кочевниками, не признававшими центральной власти и не платившими податей. Кроме того, на бригаду легла охрана русских учреждений в Северной Персии (концессии, торговые сношения, переселенческие хутора и т. д.).

Как это обстоятельство, так и стратегические соображения, побудили Русское правительство приступить к переговорам с Персидским правительством об увеличении бригады и расширении ее в дивизию. Переговоры России, Англии и Персии привели к обмену нотами 23 июня 1916 года между Персидским премьером и обоими миссиями, которые закончились заключением соглашения. По этому соглашению, охрана порядка в Северной Персии поручалась Персидской Казачьей дивизии, начальником коей был назначен генерал барон Майдель, а в Южной Персии, на подобных же условиях, под руководством английского генерала Сайкса, формировалась южная бригада (эспиар). Это соглашение было подписано премьером Персии г-ном Салехсальяром, и требовались только ратификация меджилиса и утверждение Шаха. Но в этот же день пришло известие о занятии турками Хамадана. Персидский кабинет пал, а новый отказался признать соглашение.

В январе 1917 года, в связи со слухами о тревожном положении в России, Персидское правительство официально аннулировало соглашение, но все же Казачья дивизия на севере успела развернуться и занять намеченные пункты и начала выполнять все возложенные на нее задачи.

По соглашению, как северное, так и южное формирвания должны были иметь до 12.000 человек каждое в отдельности. Россия и Англия соглашались авансировать Персии соответствующие средства. Между зонами русского влияния и английского была проведена нейтральная полоса.

Численность северной дивизии была доведена до 8.000 человек и состояла из 2-х особых больших отрядов: Тегеранского и Тавризского, 2-х больших и четырех малых. Кроме этих отрядов, был сформирован из Сарбазских полков Арагский стрелковый батальон, дивизионная учебная пехотная команда и пулеметная команда. Штаб дивизии находился в Тегеране. На вооружении дивизии состояло около 9.000 ружей (трехлинейные винтовки, карабины Арисака и др.) и пулеметы Максима и Кольта. Кроме того, имелись полевые и горные орудия Шнейдера и Крезо, а также Обуховского завода.

В Тегеране был открыт Кадетский корпус, из коего выходили молодые персидские офицеры, хорошо говорящие по-русски *).

Комплектовалась дивизия добровольцами. Русские инструкторы делились на две категории — на старших (офицеры) и младших (подпрапорщики и урядники). Уставы дисциплинарный и строевой был русские. Начальниками отрядов являлись русские офицеры-инструкторы, а ротами, батальонами и полками командовали персидские офицеры, находясь в прямом подчинении у Начальника отряда.

Престиж дивизии стоял в Персии высоко, имя казака пользовалось уважением настолько, что богатые помещики и сыновья ханов поступали в дивизию простыми казаками, считая за честь служить в ней, и за боевую и отличную службу многие из простых казаков достигли генеральских чинов.

Пехота в дивизии носила пластунскую форму, кавалерия — форму Кубанского войска, а русские инструкторы — форму Терского войска.

Русские офицеры имели огромное влияние не только у своих подчиненных, но и у населения страны, которое видело в них своих защитников. Офицеры-инструкторы принимали участие не только в военных, но также и в политических делах; проводили русское влияние в стране и охраняли русские интересы.

За время войны с Германией и Турцией, в Гилянской провинции (Решт) образовалась революционная организация, которую возглавлял Мирза Кучик хан. Лозунгом этой организации была борьба с правительством, отдавшим страну в чужие руки. Главари этой банды поклялись не брить бороды и не стричь волос, до полного изгнания иностранцев — главным образом, англичан.

Организация эта была хорошо вооружена, и в ней находились немецкие и турецкие офицеры, которые ввели строгую дисциплину.

В 1918 году Кучик-Хан берет Решт, обезоружив небольшой персидский отряд дивизии, занимает дорогу и приносит немало беспокойства русским войскам корпуса ген. Баратова.

Персидское правительство, для ликвидации Кучик-Хана, назначает начальника дивизии, полковника Старосельского, главнокомандующим гилянскими вооруженными силами.

4 марта 1919 года полковник Старосельский с частями дивизии, при участии небольшого английского отряд, выступил в поход и 16 марта освободил Решт, взял много пленных и рассеял всю банду Кучик-Хана.

С уходом Добровольческой армии в Крым англичане проникли в Северную Персию и устроили укрепленную позицию в районе Энзели — Газиан, что вдоль Каспийского моря.

В это время в Энзели находился флот Добрармии. Англичане, сняв с орудий замки, разрешили офицерам носить оружие. 5 мая 1920 года, рано утром, вблизи Энзели показался большевицкий флот и начал обстрел порта и позиции. Офицеры-добровольцы, желая вступить в бой с большевиками, просили англичан выдать им замки от орудий, но получили отказ.

---

*) *Автор в 1918 году, вр. исполнял должность Директора Кадетского Корпуса.*

Англичане же вступили с большевиками в переговоры, которые закончились сдачей англичанами позиции ,богатых складов имущества и около 10 тысяч пудов бензина, а сами отошли в Решт, где находился отряд Казачьей Персидской дивизии.

Тогда Персидское правительство отдало распоряжение гарнизону Решта и всем учреждениям оставаться на местах. К этому времени Кучик-Хан сформировал новую банду. Большевики, заняв Энзели, вошли в сношения с Кучик-Ханом и начали доставлять ему оружие и проникать в лес, таким образом окружая Решт.

22 мая большевицкий отряд, состоявший из матросов Балтийского флота и других частей Красной армии, вошел в Решт с Кучик-Ханом и его партизанами. На площади Сабз-майдан состоялся митинг, на котором было объявлено отделение Гиляна во главе с президентом Гилянской республики Кучик-Ханом. Через несколько дней большевики потребовали, чтобы Персидский казачий отряд признал Кучик-Хана, но несмотря на все уговоры и угрозы,казачий отряд остался верен Шаху и категорически отказался перейти на сторону Кучик-Хана. Тогда большевики решили уничтожить отряд и около 5 час. утра 2 июня, арестовав всех русских и персидских офицеров на их квартирах, открыли огонь по казармам. Бой продолжался более 3-х часов, и когда казармы были разрушены артиллерийским огнем, казаки вынуждены были сдаться и вскоре бежали по-одиночке в Тегеран, где и сообщили о событиях.

После того как отряд был окружен, русских офицеров-инструкторов большевики повели в революционный комитет, который приговорил 4-х офицеров к смертной казни, но выполнить приговор немедленно не решились, а послали его на утверждение Кучик-Хану, который отказался подписать, сказав: "Русские офицеры — наши гости, а Коран не разрешает убивать гостей".

Всех инструкторов с семьями и всех служащих в отряде Кучик-Хан отправил с конной охраной в лес, где все пользовались свободой.

Большевики, заняв Гилянскую провинцию, начали насаждать советский строй начались аресты, конфискация имущества, оскорбление национальных чувств и т. д. Видя все это, Кучик-Хан отказался сотрудничать с большевиками.

Все арестованные русские, находившиеся в лесу, были отпущены на свободу, получив на дорогу деньги.

Большевики из Решта повели наступление на Казвин, сбив по дороге англичан, и уже передовые части их были в 35 верстах от Казвина. Чтобы остановить продвижение большевиков и выгнать их из Персии ,Шах и Правительство назначили полковника Старосельского Главнокомандующим всех вооруженных сил Персии, и он между 10 и 12 августа выступил против красных и 3 колоннами повел наступление на Решт. 22 августа Решт был взят. Население в белых одеждах, с цветами встретило полк. Старосельского, как своего освободителя. Во время наступления было захвачено до 1.000 пленных, 14 орудий, 50 пулеметов и склады в Реште. Шах благодарил Казачью дивизию и пожаловал полк. Старосельскому титул что значит "Князь из князей".

Тем временем большевики высадили крупные силы в Энзели и в свою очередь повели наступление на Решт и вынудили казаков отойти за Решт. Старосельскому удалось вскоре снова взять город.

Пока продолжались военные действия, англичане воспользовались отсутствием дивизии в Тегеране, где оставалась небольшая команда, и явились к Шаху. Английский посланник Норман и генерал Айронсайд потребовали, чтобы Шах подписал приказ об удалении полк. Старосельского и всех русских инструкторов из пределов Персии: в противном случае они грозили увести свои войска из Персии и прекратить кредиты и вообще всякого рода помощь стране. После некоторых колебаний Шах дал свое согласие.

Полк. Старосельский и инструкторы пользовались большой популярностью среди народа, и удаление их из Персии вызвало неодобрение и гнев среди лидеров демократической партии и духовенства, которые предлагали полк. Старосельскому полную поддержку, если он открыто выступит против такого решения и останется в Тегеране; духовенство предложило ему даже бест (защита в мечети). Старосельский же в это время был в Казвине арестован ген. Айронсайдом и получил разрешение выехать в Тегеран только на 24 часа. Будучи отделен от своей казачьей дивизии, он не решился на сопротивление.

18 октября вся дивизия была собрана у деревни Ага-баба и по приказу Шаха командование отрядами было передано персидским офицерам. При последнем свидании с полк. Старосельским Шах сказал ему: "Я подписываю свое отречение". Вскоре Шах уехал из Персии и больше не вернулся в страну Льва и Солнца, а на шахский престол вступила новая династия Пэхлеви, родоначальником которой был бывший генерал Персидской Казачьей дивизии Риза Пэхлеви.

Персидская Казачья дивизия до конца была верна династии Каджаров.

В боях против большевиков было убито 1 офицера-инструктора. С момента же удаления полк. Старосельского и русских офицеров, естественно, русское влияние в Персии было окончено.

С. БУЛАЦЕЛЬ

Воспоминания о службе в Персидской Казачьей Его Величества Шаха Дивизии

В начале 1916 года мне была предложена командировка в Персидскую Казачью Его Величества Шаха дивизию.

Я хотел воспользоваться этим предложением, так как в нашем "штаб-ротмистерском" полку, в смысле продвижения положения, было совершенно безнадежно.

Когда наш Уланский полк выступил на войну 14-го года, в полку было 22 штаб-ротмистра, и я, прослуживший в полку уже 11 лет, был 11-ым по старшинству.

Штаб-ротмистры ценза войны не имели и только по выслуге своих законных 4-х лет надевали ротмистерские погоны.

Командиры эскадронов по цензу производились в подполковники ,но большею частью они продолжали командовать своими эскадронами.

В то же время наши сверстники и моложе нас по службе в полках дивизии командовали эскадронами, и многие щеголяли в штаб-офицерских погонах.

Но жаль было расставаться с родным полком, и я от назначения меня в П. К. Е. В. Ш. дивизию отказался.

Продвижение в полку немного зашевелилось, когда началось формирование Стрелковых полков при дивизии, и 9 января 1917 года я был назначен командиром 7-го Стрелкового эскадрона.

Имея цензы за временные командования эскадронами, а тут получив Стрелковый эскадрон, я уже твердо шел на штаб-офицера, да еще по пехотному цензу.

Но тут случилось то, вследствие чего мы уже сорок лет находимся в эмиграции, потеряли свою Родину, и Великая Императорская Россия называется С. С .С. Р.

Революция приказом No 1 превратила славную русскую армию в сборище разнузданной банды, — нечего было и думать о продолжении войны. Императорская Великая Россия катилась в пропасть...

Вот тут-то я вспомнил о предложенной мне командировке в 16-ом году, где я мог бы еще нести службу Родине, и я о себе напомнил....

В результате, 25 сентября 1917 года я прибыл в Тегеран и явился начальнику П. К. Е. В. Шаха дивизии генерал-майору барону Майделю.

8 октября я был назначен офицером-инструктором в Хамаданский отряд, квартировавший в это время в Тегеране, которым командовал подполковник Ф., а у него в отряде командовал Стрелковым батальоном серенг Риза-Хан.

В Хамаданском отряде я прослужил два месяца и был командирован в Исфаганский отряд, куда и прибыл 20 декабря и явился начальнику отряда подполковнику Хабарову.

Персидская Казачья Его Величества Шаха дивизия была русской организацией в Персии. Началась она при Императоре Александре II и Насреддин Шахе.

Насреддин Шах, будучи в гостях у Императора Александра II, видел конвой Его Величества во всей красоте и захотел иметь у себя в Персии такое же войско. И вот поэтому была сформирована в Персии Персидская Казачья Его Величества Шаха бригада, состоявшая из Тегеранского и Тавризского отрядов.

Начальник бригады, начальники отрядов и инструкторы были русские офицеры. Их помощниками были сверхсрочные казаки Кубанского и Терского Войска.

У русских чинов была форма Терского Войска. У персидских — парадная форма точь в точь Конвоя Его Величества. Погоны у офицеров, генералов и казаков — русского образца, но как у русских, так и у персидских чинов был накладной бронзовый знак: у казаков — Лев с Короной, у обер-офицеров — Лев с Короной в лавровом полувенке. У штаб-офицеров этот венок был в три четверти. У генералов — полный венок вокруг Льва с Короной. У сардара — большой Лев с Короной без венка.

На службу в бригаду принимались персы-добровольцы. Поступающие в конницу должны были иметь своего коня. Оружие, обмундирование, седла — все казенное.

Определенного срока службы не было, и каждый казак служил сколько хотел.

Выдающихся казаков по службе повышали в званиях, которые были следующие: серджюге — ефрейтор; векиль чап — младший унт.-офицер; векиль раст — ст. унтер-офицер; векиль-баши — вахмистр, фельдфебель; муин наиб — подпрапорщик.

Достигшие звания муин наиба, выдающиеся, производились в офицерские чины: наиб сейюм — прапорщик, наиб дейюм — подпоручик, наиб аваль — поручик; султан капитан — ротмистр; явер — майор; наиб сергенг — подполковник; сергенг — полковник; сартип 1-го ранга — генерал с одной звездой; сартип 2-го ранга — генерал-майор; мир пендж — генерал-лейтенант; амир туман — полный геренал; сардар маршал — маршал ;амир найон — главнокомандующий.

В Тегеране был нашей организации кадетский корпус, окончившие который принимались на службу в чине наиба сейюма.

Среди персидских офицеров были окончившие в России кадетские корпуса и военные училища, и такие принимались на службу в чине султана.

Мы же, русские офицеры-инструктора, после награждения орденом Льва и Солнца 2-й степени и лентой сартипа 2-го ранга были генерал-майорами, а пос-

ле награждения орденом Льва и Солнца 1-й степени с лентой мир пенджа, были генерал-лейтенантами.

Начальник дивизии имел чин сардара — маршала.

Во время войны 1911 года Персидская бригада развернулась в дивизию и состояла из отрядов: Тегеранского, Тавризского, Хамаданского, Исфаганского. Ардебильского. Гилянского, Урмийского, Буруджирского, Хорасанского и Арагского батальона.

Теперь я вернусь к Исфагану, куда я прибыл 20-го декабря 17-го года. Но так как моя тема, это — Его Величество Шах Риза Пехлеви, с которым впоследствии мне довелось быть в одном отряде и я был его начальником, то я буду упоминать только о переменах моей службы.

В конце декабря 1918 года было получено приказание от начальника дивизии о формировании Буруджирдского отряда. В этот отряд назначались части от Исфаганского и других отрядов. Начальником Буруджирдского отряда назначался начальник Исфаганского отряда подполковник Хабаров. Я же назначался начальником уменьшенного Исфаганского отряда, в командование которым вступил 29 января 1919 года.

Приказом же по дивизии от 10 мая 19-го года № 13 я назначался начальником Урмийского отряда, но до вступления в эту должность мне было приказано продолжать командовать Исфаганским отрядом.

В начале июля я получил приказание Исфаганский отряд и все имущество отправить в Буруджирд, а мне прибыть в Тегеран для получения инструкций, и 17-го июля я отбыл в Тегеран.

Мой Урмийский отряд, собственно надо было формировать заново, потому что он подвергся нападению озверевшей солдатской массы, квартировавшей после войны в районе Урмии и был разбит и разграблен.

Начальник отряда и вся его семья были убиты. Штаб-ротмистр Макаров выпустил в бунтующих шесть пуль из нагана, — седьмую себе в висок.

Благодаря доблестному подхорунжему Терского войска Дашкову, остался в живых единственно поручик Гловачевский.

Дашков, увидя, что творится, схватил солдатскую шинель и винтовку и побежал к живущему поблизости его поручику Гловачевскому.

Надел на него шинель, дал винтовку и сказал: "Изображайте собой часового у склада фуража".

25 июля 1919 года я прибыл в Тегеран и явился сардару Старосельскому, от которого получил приказание ждать его распоряжения.

Жду две недели, месяц. Время от времени являюсь сардару, говорит: "ждите". Кончились июль, август, наступил сентябрь. Являюсь — "ждите".

Вдруг, — а это было именно вдруг, потому что ночью 2 октября, — мне приносят в гостиницу приказ по дивизии № 57. Читаю: "Подполковнику Ф. сдать, а ротмистру Булацелю 3-у принять Тегеранский отряд".

На следующий день я явился к сардару по случаю назначения и наметил комиссию для приема отряда

Тегеранский отряд состоял из: Гвардейского Стрелкового полка (8 рот), пулеметной команды (8 пулеметов Максима), полевой батареи (8 орудий), конной (6 орудий), конно-горной (4 орудия). Все орудия — наши, русские 3-дюймовые. Гвардейский Конный полк — 6 эскадронов. У стрелков и кавалерии наши трехлинейные винтовки.

Гвардейским Стрелковым полком командовал сартип 2-го ранга Риза Хан, которого я знал по моей службе еще в Хамаданском отряде.

Когда же подполк. Ф. получил Тегеранский отряд, то и Риза Хан был переведен туда и назначен командиром Гв. Стрелкового полка. За это время сергенг Риза Хан был произведен в сартипа 2-го ранга, то есть в генерал-майоры.

В Персидской Казачьей Его Величества Шаха дивизии не было производства за выслугу лет в чине, а производили за доблестную, выдающуюся службу, так что бывали пожилые офицеры в небольших чинах; выдающиеся же доблестные офицеры производились быстро.

Вот таким доблестным и выдающимся был и сартип 2-го ранга Риза Хан (будущий Шах).

Начал он службу рядовым казаком и дослужился до чина сартипа 2-го ранга, генерала-майора, командира полка.

Кроме того, что он был блестящим строевым офицером, он пользовался большим авторитетом и в полном смысле слова был настоящим начальником.

Когда я принял Тегеранский отряд, то часть его находилась, главным образом пехота, в экспедиции, и возвратилась через несколько дней с сартипом Риза Ханом.

Явившись ко мне, сартип Риза Хан вдруг подает мне рапорт об уходе в отставку.

Зная Риза Хана еще по моей службе в Хамаданском отряде, — да и потом, а мы хорошо знали старших офицеров, — я его рапорта не принял. Риза Хан совершенно свободно говорил по-русски, мы с ним дружески побеседовали, и я сказал, что в отставку его не пущу и что мы отлично будем служить вместе.

Прошло несколько дней; опять приходит ко мне сартип Риза Хан и второй раз подает мне рапорт об уходе в отставку. Я его опять уговорил, и он остался служить.

Какая же причина побудила сартипа Риза Хана уйти в отставку? Его начальник, подполковник Ф., был уволен из дивизии, как говорили — да оно и ясно, — за непорядки в отряде во время экспедиции.

Отсюда вывод, что непорядки были в Стрелковом полку у сартипа Риза Хана, и, быть может, у него были угрызения совести, что он был в некоторой степени причиной увольнения своего начальника.

Экспедиция в Буруджирде закончилась, и подполковник Хабаров, как старший, должен был принять Тегеранский отряд, а я назначался начальником Хамаданского, но я поменялся отрядом и принял Гилянский, квартировавший в Персидской Астаре, в двух верстах от Астары русской.

30 января 1920 года я сдал командование Тегеранским отрядом и отбыл к месту своей новой службы.

В 20-м году большевицкие полчища вторглись в Персию в районе Энзели и повели наступление на юг. Против них была экспедиция, то есть настоящая война почти всей дивизией. Первый период войны был победоносным. Красные потеряли все орудия, сотни пулеметов, все обозы и сотни пленных.

Взятых в плен главарей уничтожили, а банду пленных отпустили.

Второй период войны для нас был неудачен. Большевики имели неисчерпаемые резервы, мы же — только потери, и среди наших казаков начала появляться красная зараза, так что я даже приказал в моем отряде пристрочить погоны к рубашкам на машине, а то они их снимали.

У большевиков снарядов и патронов было сколько угодно, а у нас все это уже кончалось. Силы неравные, и после боев в районе южнее Энзели мы с большими потерями отошли...

Англичане, которые были якобы нашими союзниками, — но без войск, — заключили с большевиками договор, по которому они прекращали военные действия. В то же время англичане тайно заключили договор с Его Величеством Султаном Ахмед Шахом об увольнении из дивизии всех русских. Английские инструкторы становились на наши места.

Во время перехода я получил приказание передать отряд старшему персидскому офицеру, а он получил приказание вести отряд в район Казвина.

Вскоре все русские чины получили приказание прибыть в Тегеран для сдачи хозяйственной части отрядов... и получить расчет, и 27 октября я прибыл в Тегеран.

В моем послужном списке значится: "По ликвидации Дивизии оставил в ней службу 9 ноября 1920 г.".

По договору, мы все должны были быть эвакуированы на английский счет и куда кто хотел.

Сборным пунктом была назначен г. Казвин. Все, конечно, ехали через Персию на Багдад, Индию... и только один офицер из всей дивизии, поручик Самойлов (Ив. Дмитр.) поехал в С. С. С. Р.

Эвакуируемых, считая семьи, было более двухсот, а перевозочных средств — мало, и в Казвине надо было ждать очереди.

Во время нашего прибывания в Казвине мы встречали своих сослуживцев персидских офицеров, и все они насмешливо и иронически отзывались о своих новых начальниках-англичанах.

Сардара Старосельского и начальника штаба дивизии полковника (амир тумана) Генерального штаба Филиппова эвакуировали немедленно, чтобы, так сказать, нас поскорее обезглавить. Я тоже скоро был отправлен, и не сомневаюсь, что причина была та, что ко мне в гостиницу часто приходили бывшие сослуживцы, персидские офицеры.

Когда мы прибыли в Керманшах, то узнали новость: сартип Ри а Хан, не считаясь и пренебрегши свое новое начальство — англичан, собрал все отряды, находившиеся в Казвине и его районе и двинулся на Тегеран.

В подступах к Тегерану у него произошел бой с персидскими жандармами и сарбазами.

С обеих сторон были убитые и раненые. Сартип Риза Хан триумфально вступил в Тегеран.

Затем он сделался военным губернатором, потом диктатором и, наконец, Его Величеством Шахом Риза Пехлеви.

В заключение могу сказать, что когда я командовал Тегеранским отрядом и сартип Риза Хан мне два раза подавал рапорт об уходе в отставку, прими я его рапорт, дай ему ход, я совершенно уверен, что его желание было бы исполнено.

Никакого отношения он к Дивизии не имел бы и Его Величеством Шахом никогда бы не был.

А. ЗАБЕЛИН

Воспоминания об Императоре Александре III

Редакция продолжает воспоминания бывшего Начальника Военно-Учебных Заведений

ГЕН.-ОТ.-ИНФ. ЗАБЕЛИНА

Мои воспоминания об Императоре Александре III восходят к моему детству, к тому времени, когда он был еще Наследником Престола.

Я жил мальчиком в Закавказьи. В 1866 г. пришла к нам весть о кончине Наследника Цесаревича Николая Александровича. Наследник был объявлен следующий сын Императора, вел. князь Александр Александрович. Вскоре в наш отдаленный край стали доходить рассказы о новом Наследнике. Говорили, об его молчаливости, суровости о богатырской силе и в особенности распространялись слухи о нерасположении молодого Наследника к немцам и о том, что с воцарением его немедленно разразится война с Германией.

В Петербурге, куда я приехал в 1873 г., уже открыто говорили о неприязни Наследника к Германии и ко всему немецкому. И наши российские немцы платили ему тем же. У моего отца, например, был знакомый полковник из немцев, который не мог равнодуш-

но видеть фотографии Цесаревича. Обыкновенно рассматривая у нас альбом с особами Царственного Дома, и доходя до портрета Наследника, он быстро закрывал альбом и ворчал себе под нос что то по немецки.

В первый раз близко я видел Александра III в бытность его Наследником в 1875 г. осенью, когда по выходе из Военного Училища в Гвардейский полк, представлялся ему как командиру Гвардейского корпуса. Представлялось несколько человек. Наследник вышел в генерал-адъютантском сюртуке и обошел всех нас. Меня поразила его мощная, богатырская фигура и его добродушные, улыбающиеся голубые глаза, ласково смотревшие из под высокого нависшого лба.

Упомяну об одном характерном обстоятельстве. Наслушавшись о германофобстве Великого Князя я был изумлен увидев в Александровском дворце бритые и как мне показалось, немецкие физиономии придворных лакеев. Невольно и довольно громко я поделился своим впечатлением с соседом офицером. Услышав мое замечание, стоявший вблизи лакей заявил с некоторой обидой: "Никак нет, мы не немцы, мы все русские, здесь немецкого духа нет".

В 1875 г. Наследник, по случаю отсутствия Государя из Петербурга должен был принимать парад в день нашего полкового праздника. Его Высочество заявил, что останется после парада на завтраке только в том случае, если завтрак и встреча его будут просты и не обременительны для офицеров.

В это время приходилось слышать много анекдотов про Государя Наследника Александра Александровича. Между прочим мне пришлось слышать такой рассказ. Будучи молодым поручиком и еще только Великим князем, он командовал ротой в Образцовом пех. полку, командиром которого состоял ген. Нотбек, человек очень твердой воли, здравого ума, большой службист, знаток и любитель строевой службы. Полк находился в лагерях в Красном Селе. Доходят до ген. Нотбека слухи, что вел. князь выходит по утрам на учение с опаздыванием и его рота по получасу и более ожидает выстроенная на линейке. Нотбек, удостоверившись лично в справедливости дошедших до него сведений, приглашает опаздывающего ротного командира к себе "по делам службы". Облачившись в мундир, вел. князь является в барак ген. Нотбека. Ординарец доложил генералу о прибытии вел. князя. Нотбек сразу не вышел, а заставил вел. князя ждать несколько минут, а затем выйдя сказал: "Я просил Ваше Императорское Высочество только для того, чтобы показать Вам, как неприятно подчиненным ожидать выхода начальства".

С тех пор вел. князь был точен, аккуратен и исправен по службе. И надо отдать справедливость характеру вел. князя: он не только не мстил Нотбеку за этот жестокий урок, но впоследствии, когда стал Царем, был особенно милостив к этому смелому и умному генералу.

Наследник увлекался музыкой, образовал оркестр из любителей в котором и сам участвовал. В этом оркестре состоял один из моих однополчан, шт. кап. Паскин. Оркестр собирался еженедельно, один раз в Аничковом дворце, другой — в Адмиралтействе. В Аничковом дворце участники оркестра в лице Наследника радушного хозяина, приветливого и чрезвычайно гостеприимного. В Адмиралтействе собирались и после игры угощались на равных условиях. По инициативе Наследника, каждый участник вносил на чай и закуску по одному рублю. Вносил и Наследник Цесаревич.

Во время русско-турецкой войны 1877-78 гг. Наследник стоял во главе Рущукского отряда. Задача Рущукского отряда была оборонительная. Он служил заслоном к стороне знаменитого исторического 4-хугольника турецких крепостей: Рущук-Варна-Шумла-Силистрия. От стойкости Рущукского отряда зависел успех всей кампании. И благодаря твердому несокрушимому характеру Августейшего начальника, Рущукский отряд блистательно выполнил свое назначение. Рущукский отряд представлял гранитную скалу, о которую разбивались все атаки турок. Это громадная историческая заслуга Александра III.

Перейду к вступлению на престол. Говоря об этом нельзя не сказать хотя бы в кратких словах о предшествовавшем времени, ибо только тогда станет ясною кошмарная обстановка того времени и вся тяжесть бремени, ложившаяся на царственные плечи Александра III, правда на могучие, богатырские плечи.

После позорного (для нас) Берлинского конгресса, Россия переживала первые годы постыдного мира, по окончании победоносной войны. Случай едва ли бывалый в истории человечества. Русское общество находилось в состоянии апатии, что и благоприятствовало развитию подпольной деятельности революционных сил, направивших в лице террористов всю свою злобу на Верховного вождя русского народа. Покушения на жизнь Александра II следовали одно за другими, начиная с выстрела Соловьева в 1879 г. В 1880 г. произошел ужасный взрыв в Зимнем Дворце. В обществе наступила паника. Верили всякому вздору: в столице ходили слухи, что будут взорваны все высшие правительственные учреждения: Гос. Совет, Сенат и др.; что мины подложены под здания Имп. театров — многие перестали посещать театры. Я отлично помню наше тревожное настроение 19 февраля 1880 г. в день 25-летия царствования Александра II, когда перед Зимним Дворцом собрались все офицеры петербургского гарнизона, все полковые оркестры и громадная толпа народа для чествования Высокого Юбиляра. Когда Государь вышел на балкон и его приветствовали офицеры и народ, среди офицеров шли разговоры о том: — "А что если в следующее мгновение этот балкон, на котором стоит обожаемый нами Царь, вдруг взлетит на воздух"...

Наконец 1 марта 1881 г. террористы добились своего. Были брошены бомбы при проезде Императо-

ра по набережной Екатерининского канала. Государь смертельно ранен — Ему оторвало ноги, через несколько часов Он скончался.

Услышав оглушительные взрывы, один за другим последовавшие, я выбежал в тревоге из дома и на извощике машинально направился к Зимнему Дворцу. Вся Дворцовая площадь уже сплошь занята была народом, в глубоком безмолвии ожидавшем сведений о положении Императора. Тяжелый вздох вырвался из груди стотысячной толпы, когда в 3 1/2 ч. пополудни Штандарт над Зимним Дворцом был приспущен в знак кончины Императора.

Через 15-20 мин. из ворот Дворца, окруженные конвоем из казаков, выехали в санях новый Государь Александр III и его августейшая супруга Мария Феодоровна. Раздалось могучее, громовое ура. Все бросились за санями Императора, и несмолкаемые клики народа сопровождали царя и царицу до Казанского собора, куда они заезжали поклониться иконе Божией Матери и откуда продолжали путь до Аничковского Дворца.

2 Марта был Высочайший выход в Зимнем Дворце. Собрались имеющие право приезда ко двору в таком громадном числе, что обширные залы едва могли вместить всех, желающих засвидетельствовать свою преданность новому Монарху. В Николаевском зале, переполненном чинами гвардии, армии и флота, Александр III остановился и прерывающимся от рыданий голосом произнес: "Мой отец завещал мне передать вам его благодарность за вашу Ему верную службу. Мне тяжко принимать на себя бремя правления при таких потрясающих условиях. Верю, что вы мне будете служить также преданно, как служили моему отцу, а если меня не станет, то моему сыну наследнику".

Слезы оропали взволнованное лицо Государя. Нескончаемое ура было ответом на слова Государя. Так началось новое царствование.

Немедленно после похорон отца, Алексанр III с Августейшей семьей переехал на жительство в Гатчину, где находился прекрасный дворец со времени Павла. В Петербурге Александр III не любил жить. Проживали здесь обыкновенно в Аничковом дворце, и только несколько зимних месяцев. Александр III любил простоту — большие парадные комнаты с высокими потолками ему не нравились. Его жилые комнаты в Гатчинском дворце — были на антресолях, а в Аничковом дворце — в самом верхнем этаже: небольшие покои с относительно низкими потолками.

23 Апреля 1881 г. по случаю окончания Академии, вместе с моими товарищами, я представлялся Александру III в Гатчинском дворце. Когда нас провели через анфиладу богатейших и роскошно обставленных парадных зал в приемную Государя, находившуюся при жилых комнатах, мы обратили внимание на то, что нам пришлось из чудной японско-китайской галереи, помещавшейся в бель-этаже, подниматься по внутренней лестнице вверх чтобы попасть затем в приемную. Оказалось, что мы подымались на антресоль. Приемная, для обыкновенного двора довольно большая, в 4 окна комната, пол — заурядный паркет, мебель — крыта темнозеленым рипсом, на окнах и дверях из рипса же простенькие портьеры.

Александр III ввел в сухопутных войсках новую форму одежды русского покроя, разрешил носить бороды и сам отпустил настоящую русскую бороду — лопатою.

Александр III, вопреки всеобщим ожиданиям, оказался Государем в высшей степени миролюбивым, но вместе с тем твердым и независимым. Он хорошо сознавал свою мощь, опиравшуюся на преданность великого русского народа. Вскоре по его воцарении и представился случай показать свою независимость. Надо вспомнить, что после Берлинского конгресса, международное положение России пошатнулось: иностранные правительства, в особенности английское, держали себя крайне нагло, позволяли себе вмешиваться в русские дела. При Александре II все это сходило с рук.

В 1882 г. по стратегическим соображениям одна из кавалерийских дивизий расположенных внутри, была передвинута к западной границе. По этому поводу был сделан запрос в английском парламенте. Британское правительство обратилось через своего петербургского посла за разъяснением к нашему министру иностранных дел Гирсу. Гирс был напуган и доложил Государю. Замечателен ответ Александра III. Усмотрев в этом запросе вмешательство в наши внутренние дела, Государь сказал Гирсу: — Передайте английскому послу для сообщения Лондонскому кабинету, что подобной дерзости вы не осмелились докладывать мне". Тем дело и кончилось.

В 1885 г. дипломатическое столкновение с Англией чуть было не повлекло за собою полного разрыва и войны. Наше постепенное продвижение в Средней Азии, к границам Индии, всегда сильно волновало англичан. Присоединение Мерва переполнило чашу их терпения. Дабы подорвать престиж России среди азиатских народов, Англия избрала своим орудием Авганского эмира, который, науськиваемый англичанами, под видом маневров по случаю праздника дурбара, собрал на нашей границе к Кушки до 20 тысяч войск с явным намерением вторгнуться в наши пределы. Ген. Комаров — начальник Закаспийской области, предупредил эмира и с небольшим отрядом сам внезапно атаковал афганцев в день дурбара и разбил их армию. Английское правительство требовало смещения и наказания Комарова. Государь в ответ на это требование послал Комарову золотую, бриллиантами украшенную саблю. Англия угрожала разрывом. У нас предстояла частичная мобилизация, к которой уже делались секретные распоряжения. Как бывший в то время заведующим передвижением войск по Козловско-Ростовской жел. дор., по которой должны были следовать войска, я знал об этом и готовился к мобилизации. Твердость, непоколебимость Императора при

переговорах привели к тому, что возбуждение в Англии понемногу улеглось и мир не был нарушен, а престиж России и ее монарха сильно поднялся. Европа почувствовала грозную силу, требующую к себе должного уважения.

В 1883 г. произошел замечательный инцидент с Болгарским князем в его неравной распре с Императором Всероссийским. Болгария, освобожденная нами от 500-летнего турецкого ига, управлялась князем Александром Баттенбергским, ставленником России, состоявшем в родстве по женской линии с нашим царствующим домом. Первые годы княжения Александр Болгарский вел дружественную России политику, а затем, по интригам Австрийского Двора, нам враждебную. В Болгарии составился военный заговор и Баттенберга в карете доставили в наш пограничный город Галац в распоряжение Александра III. Думали, что Император круто расправится с зазнавшимся князем. И действительно дерзость Баттенберга дошла до такой смелости, что когда Александр III лишил Баттенберга шефства одного из русских полков, то Баттенберг ответил тем же, т. е. отменил шефство Александра III в полках болгарской армии. И так, все ожидали суровой расправы. Каково же было всеобщее удивление, когда получилось Высочайшее повеление предоставить Баттенбергу экстренный поезд для проезда из Галаца за границу России. Я служил тогда в Киеве и случайно зайдя к Витте, управляющему Юго-Западными жел. дор. как раз застал его делающим распоражение о наряде экстренного поезда для Баттенберга. Витте выразил мне свое удивление, что Государь был прозорливее всех критиков. Баттенберг направился в Австрию. Там, пошептавшись с Императором Францем Иосифом, он дерзнул возвратиться в Софию, где имел достаточно сторонников и надумал разжалобить Александра III. Батенберг обратился к нашему Государю с открытой телеграммой, в которой притворно каялся в своих прегрешениях уверял в искренности своих чувств преданности, что он желает всякого блага Болгарии и высказывал убеждение, что счастье Болгарии находится в прямой зависимости от благоволения к ней Александра III, каковое благоволение он и просил вернуть этой стране.

Государь сразил Баттенберга своим ответом. В ответной телеграмме говорилось: Верю, что вы желаете счастья Болгарии, которое вы объединяете с моим к этой стране благоволением. Объявляю, что пока вы остаетесь в Болгарии, моего благоволения к ней не будет. Надеюсь, что вы теперь поймете как вам надо поступить". Баттенберг немедленно и навсегда покинул Болгарию.

В 1888 г. Император с семьей предпринял путешествие на Кавказ. Это было настоящее триумфальное шествие. Император положительно восхитил сердца всех своих азиатских подданых. У меня сохранился в памяти следующий трогательно смешной эпизод, рассказанный мне очевидцами.

К приезду Государя во Владикавказ сформировался вольный отряд из молодых людей, знатных и богатых туземцев для сопровождения Государя при разъездах. Начальником этого отряда состоял офицер местной милиции. Когда император и императрица поехали на артиллерийский полигон, находившийся в нескольких верстах от города, г. г. миллионеры спрятались по пути в одной балке, и, при приближении к ним царского кортежа, внезапно выскочили из своей засады, окружили экипаж и на скаку джигитуя, стали показывать свою молодецкую удаль Государь много смеялся и любовался джигитовкой. Государыня же в первый момент сильно встревожилась. Когда Главноначальствующий, князь Дондуков-Корсаков, стал распекать начальника отряда, и между прочим спросил: — "Что смотрели вы? Где вы были?" — Тот смело, бойко и с увлечением ответил: "Впереди всех был, скакал вверх ногами, Ваше Сиятельство".

На возвратном пути с Кавказа, недалеко от Харькова, у ст. Борки, 17 Октября произошло крушение императорского поезда. В момент крушения Государь и вся царская семья и приближенные находились в вагоне-столовой. Столовую разбило вдребезги, крышею вагона прикрыло всех находившихся в нем. Царская семья осталась жива. Император своими плечами поддержал крышу вагона и тем не дал ей придавить остальных людей. Чудо совершилось — царская семья избегла смерти. Государь пожелал тут же поблагодарить Господа и послал в окресности отыскать священника чтобы отслужить молебен. Нашли в поле сельского священника, который в трепетном волнении перед могучим русским царем и дрожащим голосом служил молебен. И каково же было умиление деревенского батюшки, когда Всероссийский Император смиренно поцеловал руку этого скромного служителя алтаря.

По прибытии на Харьковский вокзал в зале III класса был устроен завтрак, где за общим столом сидели Царь, его семья и все пассажиры Императорского поезда, включая прислугу и кондукторов.

В Харькове на пожертвование граждан был отлит серебряный колокол и повешен на Соборной колокольне. В этот колокол ежедневно, в тот час и минуты, в которые явлено Милосердие Божие к царской семье, ударяли 17 раз и каждый верноподданый харьковец мог перекреститься о здравии Государя. Я слышал этот звучный колокольный звон в 1893 г., живя в Харькове в течение 2-х месяцев.

В 1890 г. в августе месяце происходили в окрестностях Нарвы маневры в Высочайшем присутствии. На эти маневры должен был прибыть император Германский Вильгельм II. Прибытие его ожидалось морем, через Ревель. Ревельские немцы заволновались; сделаны были большие затраты на украшение города для приема Вильгельма. Словом, у русских немцев пробудился германский патриотизм. Александр III прибыл в Нарву где и поджидал Вильгельма, а для встречи его в Ревель послал брата своего ген. адмирала Алексея Александровича.

Однако ревельских немцев постигло полное и горькое разочарование: им не пришлось не только чествовать, но даже и видеть Вильгельма. По Высочайшему повелению императорский поезд был подан в Ревель на портовую жел. дор. ветвь, к самой пристани, и Вильгельм, минуя Ревель, был перевезен в Нарву.

В течении маневров не раз можно было видеть обоих Императоров вместе и всем нам — я тогда командовал баталионом Л. Гв. в Московском полку — ясно было видно заискивающее поведение Вильгельма и явно покровительственно-пренебрежительное отношение Александра III, уже одною своею величественно могучей внешностью подавлявшего сухопарого, сравнительно с нашим Царем тщедушного и суетливого кайзера. Всем было видно, как Вильгельм ухаживал за Александром III, заискивал и даже пресмыкался. Был случай когда Вильгельм взял из коляски шинель Александра III и собственоручно накинул ее на плечи Царя.

В 1891 г. в некоторых губерниях оказался недород хлеба, предстоял голод населения неурожайных местностей. По повелению Императора, вопреки многих псевдо-экономистов из жидовствующих, был воспрещен вывоз хлеба заграницу, организован сбор пожертвований, при чем Государь первый подписал 200 тыс. руб. — стоимость придворных балов, которые в тот бедственный год были отменены и открыт неограниченный кредит из казны для закупки зерна на Кавказе и перевозки его в губернии, постигние неурожай и наконец организованы общественные работы. Таким образом затрачено казною несколько сот миллионов рублей, и несчастье предотвращено.

Интересно отметить след. факт, выявляющий характер Государя. Руководство перевозкой зерна в неурожайную местность по Высочайшему повелению было возложено на известного жел. дор. деятеля военного инженера полк. Вендриха. Однажды, когда Вендрих докладывал о своих распоряжениях на ст. Ростов н/Д. и пояснял неустройство этого жел. дор. узла, Государь долго не понимал Вендриха что и высказал ему. Вендрих до того разгорячился, что забыв что говорит с Императором, выхватил у Государя из рук цветной карандаш и стал пояснять чертежем свои слова. Александр III сам рассказывал об этой выходке Вендриха без тени упрека, и напротив с удовольствием, отмечая удивительную ценность натуры Вендриха и его похвальное увлечение порученным ему делом.

В том же 1891 г. в Кронштадт должна была прибыть французская эскадра адмирала Жервэ. Назревало наше соглашение с Францией. Русское общество относилось очень сочувственно к этому сближению. Шли разговоры о том, как быть с Марсельезой — ведь это революционная музыкальная пьеса запрещена в России, — но она — народный гимн. Александр III неожиданно для всех разрешил всеобщия сомнения. Незадолго до прибытия французской эскадры за завтраком у Государя по случаю полкового праздника одного из гвардейских полков, Александр III обратился к капельмейстеру полкового оркестра с вопросом: разучил ли он Марсельезу. Капельмейстер, хотя и втихомолку ее и разучил, доложил Государю: "Никак нет, Ваше Величество, не разучил". Государь тогда сказал: "Разучите".

Французы были в восторге, когда Александр III, посетив их эскадру, приказал после русского гимна сыграть Марсельезу и во время игры ее стоял с непокрытой головой.

По дальнейшем сближении с Францией Государь стал настолько популярным в среде французского народа, что по словам одного моего знакомого почтенного француза, портреты Александра III широко там распространились и их можно было видеть даже в каждой крестьянской избе на почетном месте, при чем французы называли его "Наш царь". В Париже через Сену выстроен очень изящный и по моему, самый красивый из всех Парижских мостов — мост Александра III .

Александр III отлично понимал, что у России нет друзей в западной Европе, ибо все народы Запада с завистью взирали на возраставшее благоденствие и могущество нашей родины. Свое отношение к европейским государствам Александр III выразил в одном тосте в честь князя черногорского Николая: "Пью за здоровье князя Черногорского Николая, единственного искреннего друга России". Слова эти произвели сильное впечатление повсюду и особенно в Германии. Нерасположение Александра III к Европе выразилось внешним образом даже в его изображении на медалях и золотых деньгах: профиль Александра III на этих знаках вопреки установившемуся обычаю, обращен не на Запад, а на Восток.

Не припомню в каком именно году, Александр III посетил Берлин, в котором оставался всего лишь один день. Еще до приезда Государя, многие из высокопоставленных немцев записались в нашем посольстве, где останавливался Император — желающими представиться Его Величеству. В числе записавшихся был знаменитый германский канцлер князь Бисмарк. Государь принял Бисмарка. Аудиенция продолжалась целый час. Что говорили Государь и Бисмарк — неизвестно, — свидетелей не было. В соседней комнате находился наш посол из записок которого известно, что во время этой аудиенции был слышен в соседней комнате громкий, возбужденный голос Императора и тихий говор Бисмарка. По окончании аудиенции Бисмарк вышел взволнованным, совершенно красным. Находившаяся на столе в той комнате, где происходил разговор, серебрянная пепельница, оказалась смятою в трубку. Очевидно Государь, сам не замечая при возбужденном разговоре своею мощною рукою смял эту пепельницу.

Император Александр III производил на всех обоятельное впечатление. Такого сильного характера государственный человек как Витте, и тот говорил, что когда ему приходилось бывать у Государя с до-

кладами, он всегда переступал порог кабинета Царя с благоговейным трепетом.

Главное свое внимание Александр III обратил на поддержание мира, так необходимого для накопления народных сил духовных и материальных. Отвернувшись от Запада, Он оглядывался на Восток. По его мысли и повелению приступлено было к постройке величайшей в мире жел. дор. магистрали — сооружению Великого Сибирского пути, закладка которого была совершена Наследником Престола Николаем Александровичем.

Александр III любил флот и заботился об его увеличении. Его мысли стремились к открытому Тихому океану, ибо он сознавал, что такое обширное государство, населенное многомиллионным и даровитым русским народом, не может жить и мощно развиваться без свободного выхода на широкий вольный простор океанов и морей. Государь говаривал: "Россия не государство, Россия часть света". И он вел всесветкую политику и возводил Россию на подобающее ей высокое и почетное место в сонме других народов мира.

Остается сказать хотя бы в нескольких словах о красоте семейной жизни Императора Александра III. Он вступил в брак на 22 году жизни с юною датскою принцессою Дагмарой, что в переводе на русский язык означает "Утренняя заря". Государыня Мария Феодоровна сразу приобрела всеобщую любовь своею необыкновенною привлекательностью. Семейная жизнь Государя была необычайно проста. Он сам возился с детьми, катал их по саду, рубил дрова, любил охоту и особенно увлекался рыбной ловлей. В чистых зеркально прозрачных прудах Гатчинского парка водилось много крупной форели. Государь охотился на нее с острогою по вечерам, с электрическим фонарем.

Живя летом в 1894 г. в Гатчине на даче и катаясь на лодке по этим озерам, я разговорился с гребцом-матросом о рыбной ловле Государя и между прочем спросил его — "много ли рыбы зараз ловит Император". Матрос ответил: "Пуд, а то и больше". "Куда же Государь ее девает?" — допытывал матроса я. — "Себе отберет несколько лучших рыб и сам несет во дворец, а остальную рыбу отдасть нам, матросам, гребцам значит" — был ответ матроса.

Ежегодно, обыкновенно в августе месяце, царская семья проживала около 3-х недель в финляндских шхерах на императорской яхте "Полярная Звезда" или "Штандарт". Здесь, свободный от докучливых приемов и придворного этикета, Александр III отдыхал в кругу членов своего семейства, ловил рыбу и гулял по живописным островам. Конечно, и сюда приезжали курьеры с государственными бумагами, требующими безотлагательного царского рассмотрения и утверждения. Но Царь не любил, чтобы его на отдыхе беспокоили делами, не спешными, которые без вреда могут обождать своего решения. При этом он не церемонился даже с правительствами иностранных великих держав. Так был случай, когда в шхеры приехал министр иностранных дел по очень важному международному делу и просил указаний Его Величества. Государь, усмотрев, что дело вовсе не спешное и требует вдумчивого и спокойного рассмотрения, ответил: "Когда Русский Император отдыхает, Европа может подождат". И Европа подождала.

В 1894 г. Александр III заболел. Сначала, в виду богатырского сложения Императора, особого значения заболеванию не придавали — но когда болезнь стала усиливаться — наступила в обществе тревога. Были приняты все возможные меры к излечению больного, привлечены знаменитые врачи наши и из за границы. Болезнь продолжалась, общая тревога возрастала. Осенью 1894 г. Император со всей своей семью переехал в Крым в Ливадию.

Тревожные бюллетени о состоянии здоровья Его Величества появлялись в Петербурге ежедневно, иногда по несколько раз в день, и быстро расхватывались из рук городовых. Во всех церквах столицы и по всей России совершались моления о выздоровлении больного, повышалось нервное настроение не только в России, но и за границей. Когда стало ясно, что надежды на выздоровление нет — в больших влиятельных органах печати наших и заграничных, стали подводить итоги царствования.

Все поняли, что в угасающем российском Императоре теряют могущественного защитника мира среди народов. Европейское общественное мнение первое громко произнесло: угасает Царь миротворец. И Александр III имел нравственное удовлетворение знать, что его великая заслуга перед Россией и человечеством достойно оценена современниками.

20 октября Александр III скончался истинным христианином. Он умер в полном сознании, сидя в кресле, окруженный всей семьей. За его креслом стоял известный всему русскому народу протоиерей Иоанн Кронштадский и держал, по желанию Государя, свои руки на голове умирающего. За несколько минут до кончины Император сказав Государыне: "Не волнуйся ,будь спокойна, я спокоен".

Весть о смерти Александра III произвела потрясающее впечатление — словами его не выразить. Русские люди почувствовали себя осиротевшими. Похороны Александра III это был его триумф. Города, дворянства, общества, крестьяне буквально завалили венками, в большинстве серебряными, весь обширный Петропавловский собор — усыпальницу русских Императоров. Роскошные, художественной работы венки были присланы и из дружественной Франции. Народ тысячами ночевал на сырой земле Александровского парка и ждал очереди попасть в Собор, чтобы отдать последний земной поклон и поцелуй праху Царя-отца.

Император Александр III в свое краткое 13-ти летнее царствование поднял международное положение России на необычайную высоту. На него с уважением взирали народы и правительства всего света. Он, со свойственной только ему твердостью и спокой-

ствием, поддерживал мир всего мира. В его царствование мир нигде не нарушился, хотя попытки к нарушению и были. Но достаточно было мановенья руки нашего Государя, и дерзнувший было нарушить мир останавливался. За то Александра III и назвали Миротворцем. Господь же в Своей Нагорной Проповеди сказал: "Блаженны Миротворцы, яко Сынами Божьими нарекутся".

Вот мои, наскоро набросанные, отрывочные и, может быть, мало искусно изложенные воспоминания о светлой памяти Царя Миротворца.

С глубоким волнением я переживал и пересказывал Вам, Господа, свои воспоминания, и я счастлив тем, что жил при Александре III, видел Его и служил Ему.

Каир, 20 Октября 1921 г.

Н. ЧИРИКОВ.

Генерал-адмирал Русского Императорского Флота Великий Князь Константин Николаевич

(Продолжение)

Эскадра контр-адмирала С. С. Лесовского состояла из фрегатов "Александр Невский", "Пересвет", "Ослябя", корветов "Витязь", "Варяг" и клипера "Алмаз"; а эскадра свиты Е. И. В. контр-адмирала А. А. Попова — из корветов "Богатырь", "Калевала", "Рында", "Новик" и клиперов "Абрек и "Гайдамак".

Внезапное появление 11-ти вполне боеспособных русских крейсеров в портах США, у исходных пунктов мировых торговых путей, произвело эффект разорвавшейся бомбы. Англия оказалась совершенно неподготовленной к такому ходу событий.

Биржи Лондона и Парижа весьма нервно реагировали на смелую операцию русского флота, франко-британский союз расстроился, и британская печать резко сбавила тон. Эскадры адмиралов Лесовского и Попова, занимаясь мелким ремонтом, оставались в портах США, пока не рассеялся окончательно политический кризис, возникший из-за Польши.

Этот эпизод с посылкой двух крейсерских эскадр в океаны, оказал огромное влияние на дальнейшее развитие русских морских сил и в течение последующих 35-ти лет определил главное направление их роста в сторону развития крейсерского флота, явившегося действительным оружием активной защиты национальных интересов на внешних морях и океанах.

Все суда русских эскадр произведших эту демонстративную операцию морских сил у западных и восточных берегов северной Америки принадлежали к составу только что построенного деревянного винтового флота. Между тем дни этого, с большими усилиями созданного, деревянного винтового флота были уже сочтены. Едва морское ведомство успело прочно организовать постройку новых судов, приспособив к тому адмиралтейства и заводы и усвоив все улучшенные приемы, как появление на Западе железных броненосных судов на смену деревянных, лишь обшитых броней, заставило его снова перестраивать весь флот.

Первые броненосные суда, батареи, обшитые железными плитами в четыре дюйма толщиною, были сооружены во Франции и были впервые испытаны в 1855 году при взятии нашей черноморской крепости Кинбурна; по примеру Франции приступила к постройке броненосных судов и Англия, в 1859 году. Морское ведомство зорко следило за первыми шагами этих держав в деле пересоздания флота.

Великий князь генерал-адмирал, начиная с 1858 года, неоднократно докладывал Императору Александру II-му о начинающемся новом радикальном перевороте в морском судостроении и указывал на необходимость приступить к постройке броненосцев; каждый год, при обсуждении сметы морского министерства, он обращал на это внимание Государственного Совета. В ожидании отпуска необходимых средств на сооружение броненосцев морское министерство до 1861 года должно было ограничиваться только предварительными опытами над железными плитами и листами для обшивки судов. Но в 1861 году британский и французский флоты, вследствие постройки броненосцев, получили такой перевес над русским деревянным флотом, что медлить долее было невозможно. Броненосные суда нанесли такой же удар существованию деревянных, как за десять лет перед тем винтовые суда парусному флоту.

Великий князь решил, не ожидая особых ассигнований, обратить на броненосное судостроение все средства ограниченной сметы своего ведомства, оставив лишь самые настоятельные потребности флота, как например практические плавания.

В 1861 году было заказано в Англии первое русское броненосное судно — батарея "Первенец", и был приглашен в Петербург британский заводчик Митчель и британские мастера, для постройки на Галерном острове другой броненосной батареи того же

типа "Не тронь меня", а на стапеле верфи Семянникова третьей броненосной батареи "Кремль".

Знаменитая победа 8-го марта 1862 года броненосца "Мерримак" над пятью деревянными, винтовыми, парусными судами послужила блестящим подтверждением настоятельности начатой великим князем постройки броненосных судов. Но победитель деревянных судов "Мерримак", фрегат старого типа лишь обшитый броней, в свою очередь оказался побежден, на другой же день после упомянутого боя, небольшим судном "Монитор"; это был только что созданный американцами северных штатов башенный, железный броненосец; имя этого судна, "Монитор", стало нарицательным. Генерал-адмирал великий князь получив сведения об этом бое, тотчас же командировал в Америку двух морских офицеров, капитана 1-го ранга С. С. Лесовского и корабельного инженера Арцеулова, для ознакомления с броненосцем нового типа.

Возникшие у России с Великобританией в 1863 году политические несогласия (о которых было сказано ранее) по польскому вопросу, грозившие возможностью разрыва с этой державой, дали сильный толчок, принудив постройку русского броненосного флота. Учрежденный для обсуждения мер по обороне Кронштадта и столицы Петербурга, особый комитет под председательством генерал-адъютанта Крыжановского признал, что Кронштадт невозможно отстоять против покушений британского флота без помощи броненосных судов. В этих условиях угрозы со стороны Великобритании на морское ведомство было возложено задание приложить все возможные усилия и немедленно создать броненосную флотилию для обороны Кронштадта и столицы. Это срочное задание не застало морское ведомство неподготовленным. Три броненосных батареи уже строились, одна в Англии, две других в Петербурге.

Техника железного, броненосного судостроения заключала в себе много нового; но русские судостроители, корабельные инженеры и техники не были уже в это время столь беспомощны, как десять лет назад. Морское министерство действовало с чрезвычайной энергией, соответствовавшей обстоятельствам. Немедленно были построены новые эллинги и мастерские, отчасти приспособлены старые. Не прошло года, как на воду были спущены и появились на Кронштадтском рейде 10 мониторов американской системы Эриксон типа "Стрелец" и одна двухбашенная броненосная лодка типа "Смерч", построенная на русских казенных и частных верфях; команды были заблаговременно обучены в выстроенных на берегу моделях башен. Кроме того в 1864-1865 годах были достроены приведенная из Англии в неоконченном виде батарея "Первенец" и две батареи, строившиеся в России, а кроме того были переделаны в броненосные суда два деревянных фрегата по 6 000 тонн каждый — "Севастополь" и "Петропавловск".

Эти 16 судов, построенные в два-три года, послужили началом русского нового броненосного флота в Балтийском море. На постройке первых броненосных кораблей за один год сформировалась молодая русская судостроительная промышленность. Она послужила основой для дальнейшего роста броненосного флота.

В своем отчете за 1863 год Морское министерство констатировало: "1863 год должен занять весьма почетное место в истории русского военного судостроения как по необыкновенной деятельности наших казенных и частных верфей, так и по созданию мощного тыла в виде реорганизации адмиралтейств, возведения новых эллингов, мастерских, создания новых металлургических, броневых, пушечных и механических заводов, снабженных новыми машинами, механизмами и станками".

Русские мониторы явились значительно более удачными кораблями, чем первый американский монитор, послуживший для них прототипом. В боевом отношении они оказались вполне удовлетворительными, несмотря на крайнюю спешность постройки. Для плавания в Балтийском море они оказались вполне подходящими. Мониторы не раз следовали целым отрядом к берегам Швеции, причем удовлетворительно выдерживали штормовую погоду. В 1865 году великий князь ходил в Швецию с девятью мониторами и двумя батареями для их испытания в плавании. Это плавание, между прочим, показало, что русские мониторы, хотя и построенные с целью обороны берегов, не были лишены до известной степени качеств мореходных судов, они хорошо выдерживали свежую погоду и отлично слушались руля. Вслед за Россией тип монитора был принят для береговой обороны Швецией, Данией и Германией.

Полный переворот в судостроении, заменивший деревянные корпуса судов железными и покрывший их тяжелой броней, заставил во второй раз совершенно заново перестроить адмиралтейства в Петербурге, Кронштадте и на Ижоре и создать новые казенные заводы. В то же время, несмотря на огромные затруднения, морскому министерству удалось вызвать к жизни несколько новых частных, железоделательных, механических и судостроительных заводов. При посредстве постоянных морских агентов и инженеров, в большом числе командированных заграницу, министерство следило шаг за шагом за иностранными изобретениями и усовершенствованиями в деле судостроительной техники. Все новые броненосные суда, за исключением одной, упомянутой выше батареи "Первенец", были построены в 1861-1864 г. г. в России; только время от времени морское ведомство еще обращалось к заграничным заводам с заказами механизмов и брони и то по большей части единственно для того, чтобы иметь образцы для подражания и дать доступ русским инженерам и мастерам на иностранные заводы для изучения производства.

Морское министерство, руководимое великим князем, шло в деле упразднения русской технической и

промышленной зависимости от иностранцев, как и во многих других случаях, впереди других ведомств. Деятельность его в этом направлении Император Александр II-й ставил в пример всем другим министрам, повелев 6-го октября 1866 года: "Прекратить на будущее время правительственные заказы заграницей, подобно тому, как это уже приведено в исполнение по морскому ведомству и затем все заказы как военного министерства, так и других ведомств исполнять внутри государства, несмотря ни на какие затруднения или неудобства, которые это могло бы представить на первых порах".

Русский посол в Лондоне, барон Брунов, как с удовлетворением вспоминал великий князь Константин Николаевич, весьма сочувственно отзывался об его стремлении обеспечить независимость России от Великобритании в деле судостроения.

«Je n'hésite point, писал барон Брунов князю А. М. Горчакову в 1865 году, à rendre le plus juste hommage à la prévoyance, avec laquelle le ministère Impérial de la marine a reconnu la nécessité de créer chez nous des établissements maritimes, propres à faire face aux besoins de nos constructions navales. Cette disposition, prise à temps, aura pour résultat de rendre la Russie indépendante du bon vouloir de l'Angleterre, sur lequel il n'est jamais sûr de compter avec trop de confiance».

При постройке первых броненосных судов имелась в виду единственно оборона Кронштадта; они должны были быть противопоставлены иностранному флоту в случае попытки этого флота форсировать проход к столице Петербургу. Поэтому броненосцы строились с малым углублением, обладая недостаточной скоростью хода и малой поворотливостью, не годились для дальних плаваний в океане. Такое же оборонительное назначение имела следующая серия броненосных судов, построенных в период времени с 1864 по 1867 года, а именно: два двухбашенных фрегата "Адмирал Спиридов" и "Адмирал Чичагов", два трехбашенных фрегата "Адмирал Грейг" и "Адмирал Лазарев" и две двухбашенных лодки: "Чародейка" и "Русалка". Эти суда по своим мореходным качествам стояли выше своих предшественников и кроме своего главного назначения, защиты прибрежий, годились также для плаваний по Финскому заливу и вдоль берегов Балтийского моря.

К концу 1869 года у России на Балтийском море был броненосный флот из 23-х судов, покрытых броней от $4\frac{1}{2}$ до $6\frac{1}{2}$ дюймов, составлявших 61390 тонн водоизмещения, 7110 номинальных сил машин, 162 орудия крупного калибра, способные выбрасывать с одного борта (а башенные суда из всех орудий) залп весом 24 256 фунтов. После завершения этих работ, великий князь считал возложенное на него дело постройки оборонительного флота для защиты Кронштадта, выполненным.

Назначенная по его просьбе в 1870 году Императором Александром II-м особая комиссия, под председательством генерал-адъютанта Тотлебена, нашла, что новый флот вполне удовлетворяет своему назначению и признала нужным, для лучшей обороны Кронштадта, построить еще лишь несколько мелкосидящих канонерских лодок. Таких лодок типа "Ерш", с машинами в 30 индикаторных сил, каждая с одним нарезным орудием крупного калибра, было с 1873 по 1880 год построено пять.

Осуществляя программу постройки оборонительного броненосного флота, великий князь, вместе с тем, совершенно не оставлял мысли о будущем соперничестве с иностранными флотами в открытом море, и, как только представилось возможным, поспешил положить начало постройки броненосных судов для дальних плаваний. В 1864 году на Галерном острове был заложен первый русский броненосный фрегат "Князь Пожарский", по системе, только что созданной британским судостроителем Ридом. Но это судно оказалось весьма неудачным. После пробных плаваний 1869-1870 годов, фрегат был переделан по указаниям генерал-адъютанта адмирала А. А. Попова; в 1873 году он был отправлен для стационерной службы в Средиземное море и явился первым русским броненосным фрегатом в дальних водах, вне Балтийского моря. По возвращении фрегата в Кронштадт оказалось необходимым сделать на нем новые, значительные исправления по корпусу и механизмам, но и после переделок, продолжавшихся два года, не удалось сообщить ему скорость хода большую, чем в 11,7 узлов.

Броненосный фрегат "Князь Пожарский" с такой малою скоростью хода, водоизмещением в 4 505 тонн, с броневыми плитами в 4 и $4\frac{1}{2}$ дюйма, стоимостью до $1\frac{1}{2}$ миллиона рублей, оказался слабым судном в сравнении с строившимися в это время на западе новыми броненосными судами для дальнего плавания, огромными, небывалых дотоле размеров.

Иностранные броненосные суда уже успешно совершали кругосветные плавания; водоизмещение некоторых из них превышало 10 000 тонн, толщина брони доходила до 12-ти, а на башнях до 14-ти дюймов; 9-ти, 10-ти и 11-ти дюймовая артиллерия входила в обычное вооружение; судовые механизмы доводились до 8 500 индикаторных сил. Полуторамиллионная затрата на постройку одного судна, еще так недавно поражавшего своими размерами, стала ничтожною в сравнении со стоимостью новых иностранных броненосных судов.

Несмотря на крайнюю тягость таких затрат, морское ведомство должно было немедленно приступить к постройке мореходных броненосных судов нового типа. При необыкновенно быстром ходе развития кораблестроения и артиллерии, в деле создания этих судов нельзя было только ограничиваться заимствованием. Для того, чтобы идти по возможности в уровень с другими державами, необходима была самостроятельная работа, следовало самим производить дорогие и рискованные опыты, потому, что при постоянном движении вперед техники судостроения, решаясь строить суд-

но по испытанному уже на западе образцу, рисковали создать судно устаревшего типа.

Теперь в России было уже достаточно знаний и опытности для того, чтобы идя по следам западных судостроителей, до известной степени действовать самостоятельно. В 1867 году морское министерство приступило к самостоятельной разработке чертежей башенного мореходного броненосца и затем одобрило проэкт двухбашенного броненосца, разработанный контр-адмиралом А. А. Поповым, в основных чертах совпадавший с британскими брустверными мониторами Рида. В 1869 году была начата постройка судна по этому проэкту: сначала оно было названо "Крейсером", а затем 30-го мая 1872 года, в день празднования двухсотлетия со дня рождения Петра Великого, получило славное имя основателя русского флота.

Броненосец "Петр Великий" был спущен на воду 22-го августа 1872 года и зачислен в судовой список в ранге кораблей. Он принадлежал по своему типу к "брустверным мониторам", как и его британские современники — корабли "Девастэшен" и "Дредноут". Его водоизмещение было 9 665 тонн, бортовый пояс возвышался на 3 фута 6 дюймов над ватерлинией при толщине брони в 14 дюймов. Броневая палуба, накрывающая пояс, была толщиной 3 дюйма. Посредине корабля над палубой возвышалась "цитадель" длиной 120 фут, на которой установили две закрытые броневые башни с 2-мя орудиями калибром 12 дюймов каждое. Через цитадель была выведена дымовая труба и шахты из-под броневой палубы. Башни и цитадель также закрывала броня толщиной 14 дюймов. Броненосец имел по сравнению с его британскими конкурентами огромную метацентрическую высоту (свыше $6\frac{1}{2}$ фут) и хорошо обеспеченную мореходность. В подводной части он был обшит деревом, как и мореходные крейсера-фрегаты того времени. Первый эскадренный броненосец долгое время оставался в русском флоте единственным, исполняя роль флагмана береговой обороны Балтийского моря. Изготовление механизмов, броневых плит толщиной до 14-и дюймов и окончательная отделка корпуса продолжались еще более четырех лет, почему только в 1877 году корабль мог начать кампанию в полной боевой готовности. Медленность постройки этого судна не может быть, однако, поставлена в упрек русским судостроителям. Однотипный с ним британский броненосец «Thunderer» строился еще более продолжительное время. "Петр Великий" оправдал возлагавшиеся на него надежды; в изданном британцами справочнике ему отведено было первое место как сильнейшему броненосцу во всех иностранных флотах 1876 года. Крупным его недостатком была незначительная скорость хода машины, изготовленные на заводе Берда, при испытании их не развили обусловленной по контракту индикаторной силы; вместо предполагавшейся по проэкту скорости хода в 14 узлов, наибольшая средняя скорость оказалась в 12,35 узла. Кроме того, броненосец не был снабжен рангоутом и, таким образом, не мог возместить парусами недостаток силы машин.

Хотя постройка броненосца "Петр Великий" и доказала успешное развитие русского судостроения, но после вступления его в строй морское ведомство на 10 лет прекратило создание больших броненосцев, сосредоточив свои силы на реализации крейсерской программы.

Причиной, побудившей воздержаться от постройки больших броненосцев, было сомнение в их боевой ценности в связи с развитием нового оружия: мины заграждения, шестовой мины и, наконец, самодвижущейся торпеды. В то же время русские военно-морские тактики пришли к выводу, что для обеспечения действительности крейсерских операций, необходимо создавать достаточно мощные крейсера, способные выдерживать столкновения с бронепалубными крейсерами противника, которые в большом количестве стала строить Великобритания.

Руское морское ведомство первое создало новый тип океанских крейсеров с поясной броневой защитой по всей ватерлинии. Это предохраняло их от наиболее опасных повреждений, трудно исправимых без ввода в док. Впоследствии, с отказом от рангоута и вспомогательного парусного вооружения, этот тип боевых фрегатов-крейсеров развился превратившись в броненосные крейсера, включенные в состав всех значительных флотов.

Уже с конца 60-х годов иностранцы, сначала американцы, а по примеру их и британцы, направили главные усилия на сооружение быстроходных броненосных судов нового типа, способных удовлетворять всем требованиям океанской, крейсерской службы. Эти новые броненосные суда, обладая крупными размерами и неся грозную артиллерию, вместе с тем достигали большой скорости хода, благодаря сильным машинам и большой площади парусности.

В начале 1869 года великий князь возбудил вопрос о постройке судов этого типа для русского флота, поручив контр-адмиралу А. А. Попову составить чертежи быстроходного океанского крейсера из железа, с броневым поясом по ватерлинии и с полным рангоутом. В 1870 году с разрешения Императора Александра II-го была начата постройка по одинаковым чертежам двух судов этого типа, фрегатов: "Генерал Адмирал" и "Герцог Эдинбургский" (сначала получивший название "Александр Невский"). Вследствие недостатка средств, постройка этих судов была рассрочена на несколько лет; она значительно затянулась также вследствие неуспешности работ на строивших их частных заводах Невском, Балтийском и заводе Берда (изготовлявщем машину для второго фрегата); эти крейсера были приведены в полную боевую готовность, первый только через девять, а второй через десять лет.

(Продолжение следует)

Н. ПАШЕННЫЙ.

Восточный Вопрос

В опубликованном в 1919 г. секретном отчете Каратеодори-паши, возглавлявшего на конгрессе турецкую делегацию, описан, связанный с этим вопросом любопытный инцидент. Оказывается, что, встревоженный маневром Бисмарка, Паша немедленно запросил инструкций у великого визиря. Ответ на его телеграмму, однако, запоздал и был получен лишь накануне последнего заседания конгресса, когда текст трактата был уже напечатан и переплетен. Ответ этот был гневный и категоричный: паше предписывалось опротестовать текст постановления и потребовать его замену новой редакцией ясно указывающей на временный характер предполагаемой оккупации, самые условия которой Порта желала определить в сепаратном договоре, непосредственно и предварительно заключенном ей с Австро-Венгрией. Каратеодори паша должен был непременно добиться включения этой оговорки в трактат; в противном случае ему надлежало отказаться от его подписания.

Можно себе представить волнение, охватившее несчастного пашу (впрочем в своем отчете он и сам этого не скрывает) по получении подобных предписаний, буквально за час до открытия последнего заседания. Учитывая полную безнадежность взывать к содействию Бисмарка, Каратеодори паша помчался в гостиницу, где жил Андраши и здесь между ними произошло драматическое объяснение, о котором венгерский министр до конца своих дней вспоминал с величайшем раздражением...

Тем временем отсутствие австро-венгерской и турецкой делегаций вызвало немалую сенсацию среди собравшихся членов конгресса. Когда они, наконец, появились, Андраши заявил, что подписал с турками отдельный договор, в котором подтвердил сохранение суверенитета Порты над Боснией и Герцеговиной и временный характер предстоящей их оккупации. Это заявление бвыло дополнительно включено в трактат.

На этом конгресс и кончился (19-го июля 1878 г.). Со свойственной ему проницательностью, гр. Шувалов предрек, что принятое Европой в отношении Боснии-Герцеговины решение неминуемо вызовет в будущем еще худшие осложнения...

Остается напомнить, чтона конгрессе Бисмарк неоднократно настаивал ,как на своей роли "честного маклера", так и на полном безразличии Германии к ближне-восточным делам. По его словам они для нея "не стоили костей даже одного померанского гренадера".

Между тем, действительность доказала обратное. Тот же Каратеодори паша в своем упомянутом выше докладе приводит, кроме случая Боснии и Герцеговины, другие яркие примеры безапелляционности, с которой германский канцлер вел заседания, на полслове обрывая ораторов, чтоб сразу продиктовать на свой лад тексты проводимой им "европейской комбинации". Эта "комбинация" состояла в подготовке пресловутого "Дранг нах Остен", путем обеспечения Австро-Венгрии, в качестве авангарда германизма, господствующего положения в западной части Балканского полуострова. Первым шагом в этом направлении являлся торговый договор 8-го июня 1878 г., который Андраши навязал Сербии, надолго подчинив ее народное хозяйство австро-венгерскому контролю *).

Не довольствуясь этим, Австро-Венгрия, совместно с Германией, вскоре попытается создать России препятствия и в Болгарии.

Наконец, Бисмарк сумел внушить туркам, пожалуй, больший страх перед Германией, чем перед победившей их Россией. Этим он облегчил Германии покорное исполнение им будущх ее требований: согласия на реорганизацию турецкой армии германской военной миссией, получение концессии на постройку Багдадской железной дороги, не говоря уже о всех других видах мирного проникновения.

Однако, прямым результатом Берлинского конгресса была изоляция России и закрепление австро-германской солидарности.

"Германия, Австрия и Франция, — говорил Бисмарк, — мирные державы; Англия — воинственная за океанами; Россия — задорная и завоевательная; Италия — беспокойная и готовая к приключениям. Боевой медведь припрятал свои когти, видя сторожевых псов в полном сборе, но горе нам, если он увидит нас разъединенными".

Так судила о нас Европа, и при таких настроениях был подписан 25-го сентября 1879 года направленный против России австрогерманский союз. И в то же время Император Вильгельм I писал своему венценосному племяннику: "Я нашел в одной московской газете статью, открыто говорящую о всеславянской войне против Германии, как о деле решенном, а генерал-губернатор не счел нужным ее конфисковать. Я боюсь партии нигилистов, которая, заодно с панславистами, держит речи, враждебные соседним государствам. Угрожающие речи, в связи с поразительным усилением твоей армии, возбуждают тревогу во всей Европе. Необходимо солидарное противодействие революционным планам"...

Стоит ли упоминать, какое горькое разочарование вызвали постановления Берлинского Конгресса во всех слоях русского общества, как посвященных, так и не посвященных в тайну дипломатической подоплеки событий и тех несомненных, увы, ошибок, которые снова совершила наша дипломатия?

В своей циркулярной депеше от 2-го февраля 1879 года уходящий на покой кн. Горчаков мог только констатировать, что "соглашение трех Императоров рас-

торгнуто фактическим поведением наших союзников по отношению к нам. Наша главная задача теперь закончить ликвидацию прошлого и впредь искать опоры лишь в самих себе. Европа втравила нас в войну, сплотившись затем, чтоб отнять у нас ее результаты".

Официальное сообщение о постановлениях конгресса последовало лишь 27-го июля 1879 г., притом не Высочайшим манифестом, а в форме "Акта, увенчавшего войну", опубликованного в "Правительственном Вестнике". В нем говорилось, что Россия, с одной стороны, проникнута чувством солидарности с Европой, а с другой, считает освобождение христиан на Востоке исторической своей миссией. Посему русский народ оповещал, что Берлинский Конгресс давал России, на пути к полному осуществлению этой задачи, лишь временный роздых. *(Конец)*

Библиография

Последний номер журнала "Военная Быль" (№29, март), издаваемого А. А. Герингом, обращает на себя внимание весьма интересным содержанием помещенных в нем статей. Отметим из них, во-первых, продолжение воспоминаний участника боевых операций отряда генерала Ляхова на Трапезундском направлении в начале 1916 года. Подробное описание этих операций автором, находившимся в рядах 5-го Кавказского Пешего Пограничного полка, насыщено многочисленными интересными эпизодами и дает живую картину происходившего. Эти воспоминания Г. Аустрина — ценный вклад в исторические материалы для всестороннего изучения войны на Кавказском фронте в 1916 году.

К эпохе гражданской войны относятся две статьи (тоже интересный материал для понимания этой "жестокой", многими из нас пережитой, эпохи) — "С Назаровым под Вознесенском" И. Сагацкого и "Конец Оренбургского Неплюевского корпуса в 1920 году" А. Еленевского.

В противоположность им, две статьи посвящены милому, далекому, красивому прошлому, так называемому "мирному времени", — "День на крейсере" Д. А. и "Юбилейный бал" А. В. Борщова, знаменщика Первого Корпуса.

Особый интерес представляет обстоятельная статья почетного члена нашего Общества В. Г. фон Рихтера, "Картинки Восточной войны 1853-56 г. г.". В специальной литературе, посвященной русской иконографии (возглавляемой и по сие время трудами известного Д. И. Ровинского) нет упоминаний о существовании серии лубочных военных картинок, описываемых автором, и именно поэтому опубликованная им статья является исключительно ценным и интересным вкладом в литературу по русской военной иконографии. Три репродукции этих редких лубков, сопровождающие статью, наглядно поясняют описание их, умело сделанное неутомимым исследователем русской военной старины, каким является автор статьи. Любителям и собирателям русской военной гравюры, литографии и лубка (а их много в рядах нашего Общества) настоятельно рекомендуем ознакомиться с первой частью этой статьи, продолжение которой обещано в следующем номере "Военной Были".

"Дочь Кексгольмского полка" В. Адамовича нам еще раз напоминает "сказку-быль" (как называет свою статью автор) из жизни старой русской армии. Подчеркиваем слово "еще раз", так как на страницах "Русского Военно-Исторического Вестника" (№ 10) за подписью А. Л. Маркова была опубликована статья "Дети полка". В ней были описаны случаи усыновления воинскими частями детей-сирот, оставшихся из-за войны без родных и крова (Мария Ширванская, Мария Нижегородская, Мария Кексгольмская). Невольно бросается в глаза почти дословное сходство описания судьбы ребенка Анне-Мари, ставшей дочерью Кексгольмского полка. В этом нет ничего предосудительного, т. к., очевидно, оба автора пользовались одним и тем же литературным источником. Хочется лишь высказать пожелание, дабы оба журнала, столь близкие друг другу по духу и направлению, избегали бы почти дословных повторений, тем более, что читателями "Военной Были" являются в большинстве случаев и читатели "Военно-Исторического Вестника". Добавим, что "Дочь Кексгольмского полка" была издана не только на венгерском языке, но и на сербском: издал ее полковник Кексгольмского полка М. Голеевский в 1938 г. в Белграде.

Краткая заметка Д. Де-Витта в его "Миниатюрах прошлого", где говорится о Михаиле Лубенцове, "сыне" Лубенского гусарского полка, дополняет интересный цикл сирот-детей, усыновленных полками.

В отделе "Памятные воинские даты на 1958 год", к сожалению (вероятно случайно), не упомянут 250-

летний юбилей славного 21-го пехотного Муромского полка, имевшего за боевые отличия Георгиевское знамя, знаки на головных уборах и такую редкую награду, как серебряные трубы с надписью: "В знак победы города Берлина 28 сентября 1760 года".

Ю. Т.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

(Окончание. См. № 10)

Ночь выдалась особенно темная, ни зги не было видно вокруг; море бушевало, ветер доносил лай собак, выгнанных за укрепления; не было сомнения, что горцы близко. Скоро начался штурм.

Пропуская описание сего штурма, скажу лишь, что все офицеры были перебиты, их было 5, и доктор Лико, Краумзгольд уже были ранены. Три часа длилось сражение За убылью офицеров, начальство перешло в руки юнкеров и унтер-офицеров; всюду шла неравная борьба. Укрепление пылало, больница раньше всех была подожжена, и в пламени пожара погибло до 100 человек тяжело больных.

Толпы горцев бросились к пороховому погребу, около которого очутился Архип Осипов. Горцы начали разбивать двери, разрывали крышу.

Видя, что настал момент выполнить данную клятву, со словами: "Пойду, сделаю память", с пылающим фитилем он устремился между казармой и цейхгаузом; за ним бросилось около 40 тенгинцев, во главе с рядовым Иосифом Мирославским. Едва они достигли цейхгауза, потеряв по дороге убитыми около 20 человек, Архип Осипов крикнул им: "Пора братцы, кто останется жив, помни мое дело", и с этими словами, побежал к пороховому погребу.

Вслед затем раздался страшный треск, все содрогнулось, и целый столб дыма с пламенем и человеческими трупами, с камнями взвился на воздух. Все сгорело и солнце, не дойдя еще до полудня, осветило только кровавую картину смерти и разрушения.

В первый момент все застыли на своих местах. Очнувшись, горцы в ужасе торопливо стали убегать, и только через некоторое время, видя, что удар не повторяется, пришли в себя и стали возвращаться обратно, тогда они взяли в плен двух офицеров, в том числе Лико и до 80 израненных нижних чинов. Неприятеля погибло до 3-х тысяч человек.

Горцы прозвали это место "проклятым" и говорили впоследствии, что никогда не ожидали столь упорного сопротивления. Они, впрочем, с неохотою рассказывали об этом событии, но всегда с большим уважением отзывались о самом Лико и о храбрости всего гарнизона.

Когда Государь Император Николай Павлович получил известие о гибели Михайловского укрепления, он приказал самым строгим образом произвести расследование о сем.

Для удостоверения справедливости показаний нижних чинов, оставшихся в живых, поручено через лазутчика узнать от находившегося в плену шт.-кап. Лико — действительно ли пороховой погреб взорван рядовым Тенгинского полка Осиповым. Лазутчик застал уже Лико в предсмертной агонии и он умер на его глазах от гангрены обоих ног.

Казалось, не было никакой надежды на полное раскрытие истины, но тут помогли неожиданные обстоятельства. Прошло несколько месяцев, и за это время вышло от горцев около 50-ти нижних чинов, избегших участи своих несчастных товарищей, с них, под присягой, были сняты показания, которые в подлиннике были представлены военному министру, для доклада Государю.

Тогда последовал Высочайший приказ о зачислении *Архипа Осипова* "Навсегда" в 1ю роту Тенгинского полка, считая его "первым рядовым и на всех перекличках, при спросе его имени, следующему за ним рядовому отвечать: "погиб во славу русского оружия в Михайловском укреплении", это исполнялось до 1917 года, и на него, как живого, отпускали все причитающееся довольствие, которое и выдавалось беднейшему солдату 1-й роты. Вдовам, матерям или детям славно погибших, содержание умерших мужей, сыновей или отцов, обращено в пенсию, детей же их принять на казенное содержание в учебные заведения.

Выкупленные или убежавшие из плена нижние чины были произведены в унтер-офицеры, награждены Георгиевскими крестами, а рядовой Александр Фролов, на которого с дальних аулов приезжали смотреть горцы, как на необыкновенно храброго человека, Государь пожаловал ему фельдфебельский оклад жалования и перевел в Свою роту Л.-Гв. Измайловского полка, а Иосиф Мирославский произведен в прапорщики.

Вот мой посильный ответ на вопрос.

Кн. Н. С. Трубецкой

Imprimerie S.N.I.E., 32, rue de Ménilmontant, Paris-20e

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

N° 12

НОЯБРЬ 1958 год

СОДЕРЖАНИЕ

Настоящий номер вышел под редакцией **М. В. Голубева.**

ОТ ПРАВЛЕНИЯ

НАСТОЯЩИЙ НОМЕР "В. И. ВЕСТНИКА" МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВНЕ ФРАНЦИИ ПО НИЖЕСЛЕДУЮЩИМ АДРЕСАМ:

В АНГЛИИ: — У В. В. Барачевского — 23, Alder Grove, London, N. W. 2.

В БЕЛЬГИИ: — В книжном магазине « Slave », 18, rue de Roumanie, Bruxelles.

В ГРЕЦИИ: — У члена Об-ва В. В. Дейтрих — 90a, rue Dramas, Sépolia, Athènes.

В С. А. ШТАТАХ: — У представителя нашего Об-ва на Западные Штаты, члена Об-ва А. Ф. Долгополова, A. Doll, 5954 Barton Ave., Los Angeles 38.

у члена Об-ва Г. В. Месняева — 1348, Sheridan Ave., apt. F.F. Bronx 56, New York.

В ВЕНЕЦУЭЛЕ : — У К. А. Келлнера: Sarria N 24, Quinta Coromoto, Caracas.

В АРГЕНТИНЕ: — У Б. Н. Ряснянского — Larrazabel 2870, Buenos-Aires.

В АВСТРАЛИИ: — У Н. М. Перекрест — Flat 6. 88 Wallis Street Woolhara, Sidney. Australia, N. S. W.

Переписку по делам Общества просят направлять по адресу Генерального Секретаря О-ва Льва Николаевича Немирова:

L. Nemiroff, 26 bis, rue de l'Ingénieur Robert Keller, Paris (15e).

Переписку редакционного характера просят направлять по адресу Редактора "Вестника" Михаила Васильевича Голубева:

M. Goloubeff, 208, rue de Vaugirard, Paris (15e).

Заказы на "Вестник" и другие издания О-ва, а также все денежные переводы просят направлять по адресу Казначея О-ва Александра Васильевича Щиткова (для Франции и ее колоний — на почтовый текущий счет, C.C.P. Paris № 13.694.00 а для других стран — чеками или банкнотами):

A. Stchitkoff, 15, rue de Médéah, Paris (14e).

ИЗДАНИЯ ОБЩЕСТВА

На складе Общества имеется еще небольшое количество нижеследующих изданий:

1. — Сборник *"Русская Военная Старина"* — первое издание Об-ва (1947 г.). Цена — 400 фр. фр. или 1 ам. доллар (с пересылкой).

2. — *"Записка о службе А. В. Суворова"* (1947 год). Цена — 100 фр. фр. или 25 ам. центов (с пересылкой). Сборник и записка — при одновременном заказе — 450 фр.

3. — Номера 6, 7, 8, 9, 10, 11, и 12 *"В.-И. Вестника"*. Цена — 200 фр. фр. или 80 ам. центов (с пересылкой).

ИСПРАВЛЕНИЯ: В СТАТЬЕ ПЕРСИДСКАЯ КАЗ. ДИВИЗИЯ. С. КАЛУГИНА.

Автор покорнейше просит читателей исправить в тексте статьи: Стр. 15, 2-ой столбец, 19-я строка: следует зачеркнуть: "На этом подчинении... обстреляла меджилис (парламент). Читать: "Особенно правительство было недовольно той ролью, которую сыграла бригада — в 1909 году, во время персидской революции, когда Магомет Али Шах назначил Н-ка бригады генерал-губернатором Тегерана и приказал обстрелять меджилис".

Стр. 16, 1-ый столбец, 29-я строка: следует после слова "новый", добавить "Восуг-эд-Даулэ".

Стр. 16, 2-ой столбец, 1-я строка: следует читать не "добровольцами", а "вольнонаемными".

Стр. 17, 2-ой столбец, 12-я строка в пропущенном месте следует добавить "Емир Пупан".

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ФОНД

Суммы, поступившие в счет Издательского Фонда (после выхода № 11 "В. И. Вестника" во франках: И. Г. С. — 300, леди Л. И. Детердинг — 10.000, Л. Н. Немиров — 500, А. В. Щитков — 500, Н. С. С. — 200, Г. П. Раевский — 1.000, Ф. А. К. — 100, П. В. Левашов — 250.

Правление приносит свою искреннюю благодарность всем вышеупомянутым лицам, а также всем членам и друзьям Общества, которые сочли возможным уплатить членский взнос или плату за "Вестник" в увеличенном, в сравнении с установленным размере.

"Военно-Исторический Вестник" выходит два раза в год: в мае и ноябре месяце. Цена номера в Европе и французских колониях — 200 франков, а в других странах — 0.80 центов. Для членов Общества Л. Р. В. С. стоимость номера остается прежней. Выписывающие "Вестник" непосредственно от Казначея, за пересылку не платят.

---

27 июня 1959 года исполнится 250 лет со дня Полтавской битвы.

Правление Об-ва собирается отметить достойным образом эту дату и, между прочим, в настоящий момент выявляет возможность выпуска соответствующей юбилейной медали.

Все три медали, выпущенные ОЛРВС, разошлись без остатка (1-я — 250 летия Гвардии и Нарвы, 2-я — 250 летия С.-Петербурга и 3-я — 100 летия обороны Севастополя). Ввиду продолжающих поступать требований на них, Правление вновь (и вероятно в последний раз) закажет нужное количество экземпляров. Цена каждой медали — 800 фр. или для заокеанских стран — 2.5 доллара (с пересылкой). Заказы, с приложением соответствующей суммы, следует направлять до 15 января (последний срок) на имя казначея Общества (суммы во франках — на его почтовый счет, а суммы в долларах — чеками на его имя).

А. ЩИТКОВ.

К 200-летию Семилетне

Семилетняя война — Россия, Австрия, Саксония, Швеция, Франция и Испания против Пруссии, Англии и Португалии — началась в 1756 году.

Напомним нашим читателям, в самой сжатой форме, главные события и памятные даты этой главы русской военной истории.

Для России эта война была войной с Пруссией. В манифесте об объявлении войны перечислены причины, потребовавшие нашего выступления: захват Пруссией польских земель, ее нападение на Австрию, необходимость для нас соблюдать союзнические договоры и забота о нашей собственной безопасности.

Действительно, еще в 1741 году, после битвы у Мольвица, Пруссия захватила Силезию. В августе 1756 года она захватила и Саксонию, войска которой окруженные под Пирной, капитулировали. После этого прусская армия перешла в октябре границу Богемии, но, потерпев поражение от австрийцев у Колина, (в июне 1757 года) отошла назад в Саксонию.

Австрия имела право потребовать помощи русской армии, ибо еще в 1746 году Россия подписала с ней оборонительный договор, а в 1756 году присоединилась к франко-австрийскому договору.

Усиление Пруссии угрожало, конечно, не только Австрии и Саксонии, но и России, целью которой являлось, "ослабя короля прусского, сделать его для здешней стороны нестрашным и незаботным. Венский двор, возвращением ему Шлезия усиля сделать союз его противу турок более важным и действительным' одолжа Польшу доставлением ей королевской Пруссии, во взаимство получить не только Курляндию, но и такое с польской стороны границ окружение, которыми бы не только нынешние непрестанные от них хлопоты и беспокойства пресеклись, но может быть и способ достался бы коммерцию Балтийского моря с Черным соединить, и через то почти всю левантскую коммерцию в здешних руках иметь".

В январе 1757 года Россия подписала военное соглашение с Австрией, по которому мы должны были выставить 80-тысячную армию.

Командующим русской армией был назначен генерал-фельдмаршал С. Ф. Апраксин (1702-58), а ее формирование было приблизительно закончено к июню 1757 года. Главная армия (около 19.000) была сосредоточена в Ковно, а отдельный корпус Фермора (около 16.000) — восточнее Мемеля. Этот корпус совместно с флотом и начал военные действия осадой Мемеля, который сдался 24 июня. Без боя были заняты Тильзит, Инстербург и Гумбинен и русские двумя колоннами — от Ковно и Мемеля — начали наступление на Кенигсберг.

36-тысячная армия фельдмаршала Л. встретила русскую армию у селения Гросс-Егерсд. где 19 августа произошло сражение, закончившееся нашей победой. Все атаки пруссаков были отбиты за исключением одной, когда создавшаяся угроза прорыва фронта между первой (Фермор) и второй (Лопухин) дивизией была ликвидирована и превращена в крупный успех внезапной атакой четырех полков бригады П. А. Румянцева во фланг наступавшаго неприятеля. Войска Левальдта отошли в безпорядке по направлению к Кенигсбергу. Мы потеряли около 1.400 убитыми и 5.000 ранеными, а пруссаки — около 2.500 убитыми и 5.000 ранеными. К сожалению, наша победа не была использована. Наши войска были отведены сначала к Тильзиту, затем к Мемелю, а затем — на зимние квартиры — в Курляндию и Лифляндию.

В это время военная слава Фридриха II достигла своего апогея: в ноябре его войска разбили на голову французов у Росбаха, а в декабре — австрийцев у Лейтена.

Русская армия, под командованием В. В. Фермора (1707-71), назначенного на место отстраненного Апраксина, начала 31 декабря новую компанию и уже в ~~декабре~~ января 1758 года овладела Кенигсбергом и всей востойной Пруссией. В апреле наши войска переправились через Вислу и двинулись через Торн и Познань в сторону крепости Кюстрин.

Для удачных действий в Германии необходимо было иметь морскую базу для снабжения армии. Таковой мог бы стать Данциг, но от его захвата пришлось отказаться по политическим соображениям. Решено было поэтому постараться взять другой порт Балтийского моря — Кольберг. Против него был выделен корпус под командой Румянцева, а главные наши силы осадили Кюстрин.

12 августа 33-тысячная прусская армия, во главе с Фридрихом, переправилась через Одер севернее Кюстрина. Наши войска (42.000) тоже отошли к северу от Кюстрина, к Цорндорфу, где утром 14 августа и началось большое сражение. Все атаки неприятеля были отбиты русскими войсками, а штыковая атака нашего левого фланга нанесла крупные потери правому флангу противника. Десятичасовый бой не принес решающей победы ни одной из сторон, понесших очень крупные потери — 12.000 только убитыми. На следующий день шла артиллерийская перестрелка, но сражение не возобновилось.

В сентябре Фермор отошел к Ландсбергу. В октябре была сделана, не увенчавшаяся успехом, попытка взять Кольберг (отрядом Пальменшаха) и вскоре русские войска отошли на зимние квартиры, на Вислу.

Первой задачей нашей армии в компании 1759 года должно было бы явиться обладание морской базой для снабжения, т. е. завоевание Кольберга. Но, вместо этого, по требованию австрийцев, наши войска отправились в сторону Одера, откуда, соединившись с австрийской армией Дауна, должны были двинуться на Берлин. Новым главнокомандующим, вместо отстраненного Фермора, был назначен П. С. Салтыков (1698-1772).

11 июля 1759 года русская армия (40.000) подошла к Пальцигу, где на следующий день, была атакована прусскими войсками Веделя. Атаки неприятеля были отбиты, а контратака нашей кавалерии обратила его в бегство. Потери сторон были: наши — около 900 убитыми (и 3.600 ранеными), пруссаков — около 4.200 убитыми (и 600 пленными).

20 июля нами был занят Франкфурт, где к русским войскам присоединился 21 июля австрийский корпус Лаудона. Салтыков предполагал сначала сразу же двинуть союзную армия (58.000 человек при 269 орудиях) на Берлин, но потом решил отойти предварительно к Кроссену, чтобы соединиться с армией Дауна. Появление прусских войск 30 июля на берегу Одера изменило все планы и Салтыков был вынужден принять бой у Франкфурта.

Наша позиция была выбрана на высотах между Франкфуртом и Кунерсдорфом. На левом фланге — на горе Мюльберг — был корпус Голицына, в центре — на горе Большой Шпиц — части Румянцева и на правом фланге — на горе Юденберг — части Фермора. Австрийский корпус, составлявший общий резерв, был расположен за центром и правым флангом русской армии.

1 августа армия Фридриха II (48.000 человек при 240 орудиях) начала бой атакой нашего левого фланга. После упорного боя, позиция на горе Мюльберг была занята противником. Салтыков контратаковал, но ему не удалось вернуть ее обратно.

Сосредоточив свои войска на только что занятой высоте, Фридрих атаковал затем нашу позицию на горе Б. Шпиц, но прусская пехота, которой удалось перейти через овраг Кугрунд между Мюльбергом и Б. Шпицом, была отброшена, войска Румянцева отбили атаку прусской конницы, а огонь артиллерии остановил конницу Зейдлица. Отбив все атаки противника, наша пехота под командованием Румянцева перешла в наступление и выбила прусские войска с Мюльбергской высоты. Бой был окончен, армия неприятеля обратилась в бегство. Фридрих сделал еще одну безнадежную попытку спасти положение, отправив в атаку конницу Зейдлица, но она была отбита ударом во фланг русской резервной кавалерией. Армия Фридриха Великого потерпела полное поражение. Противник потерял около 18.000 убитыми и ранеными и 172 орудия, а наши войска — 2.614 убитыми и 10.863 ранеными.

После этого поражения Фридрих считал все потерянным и даже приказал начать эвакуацию Берлина. Но Салтыков, принимая во внимание большие потери русской армии, не мог сразу же двинуться на Берлин, а затем, потребовав для этого дела помощи австрийцев, получил отказ. В конце концов, выполняя приказ Петербурга, он пошел на соединение с армией Дауна, но, дойдя до крепости Глогау, русская армия не нашла там, обещанных австрийцами, осадную артиллерию и продовольствие и Салтыков повел нашу армию на зимние квартиры.

План Салтыкова на 1760 год — овладеть Кольбергом, а затем двинуться на Берлин — не был принят, ибо было подписано соглашение о совместных действиях русской и австрийской армии в Силезии. 31 марта был принят новый план, по которому русская армия должна была выйти к Кроссену на Одере, чтобы затем соединиться с австрийцами в районе Франкфурта или Глогау. Вскоре, однако, и этот план был отставлен и заменен другим, по которому наши войска должны были идти на соединение с австрийцами к Бреславлю. 13 июля русская армия начала поход, но, подойдя к Бреславлю, не нашла там австрийцев. Вновь начались переговоры о месте встречи союзных армий, не приведшие ни к каким положительным результатам. Салтыков, убедившись в бесполезности дальнейших переговоров, объявил себя больным, сдал командование Фермору и уехал в Петербург.

Вновь был поднят вопрос об овладении Кольбергом и одновременно было решено сделать набег на Берлин.

Первая задача была возложена на эскадру Мишукова, которая 15 августа подошла к Кольбергу. На следующий день к ней присоединился небльшой шведский отряд. Был высажен 3-тысячный десант, но неприятель, подтянув к крепости крупные силы, заставил Мишукова снять осаду.

Для решения второй задачи, — набега на Берлин, — были отправлены два отряда Тотлебена и З. Г. Чернышева. Первым — с юга — подошел к Берлину отряд Тотлебена, а 24 сентября — с востока и севера — отряд Чернышева, принявшего общее командование. После занятия предместий, в ночь на 28 сентября, был назначен штурм города, но противник, узнав об этом, покинул Берлин. В 4 часа утра были подписаны условия капитуляции. Русской коннице все же удалось нагнать и разгромить у Шпандау арьергард неприятеля (3.300 человек). 28 сентября наши войска вступили в Берлин, где были захвачены крупные трофеи и пленные. Взятие прусской столицы произвело огромное впечатление на Европу и явилось нашим большим моральным и политическим успехом.

1 октября стало известным, что армия Фридриха идет на выручку Берлина. Наши войска оставили город и пошли на соединение с главными силами, к

Пресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій Король и Курфирстъ,
Дружебно любезный Гос. Братъ и Другъ.

Со многимъ сожалѣніемъ уведомились Мы изъ дружебно-братской Вашего Королевскаго Величества Грамоты отъ 13го Іюня сего года, о кончинѣ Брата Вашего, Его Любви Принца Прусскаго Августа Вильгелма. Мы соболѣзнуя о сей Вашего Королевскаго Величества чувствительной утратѣ пріемлемъ въ томъ истинное участіе, и желаемъ, дабы впредь отвращены были отъ васъ таковыя печальныя случаи. Впрочемъ пребываемъ Мы съ совершеннѣйшимъ почтеніемъ;

Вашего Королевскаго Величества
Дружебно Охотная Сестра и Пріятелница.

Елисаветъ

въ Санктпетербургѣ
Октября 9 дня
1758

Королю Прусскому.

Графъ Михаила Воронцовъ

Текст, сопутствующий представленному выше клише, находится в конце статьи на стр. 6.

Ред.

торые затем отошли 13 октября к Франкфурту, а потом отправились на зимние квартиры.

План компании на 1761 год заключался в осаде Кольберга и в движении на Берлин, но Австрия потребовала помощи в Силезии и наши главные силы, под командованием фельдмаршала А. Б. Бутурлина (1694-1767), назначенного главнокомандующим 17 сентября 1760 года вместо Салтыкова, были отправлены туда, а особый корпус под командованием генерал-поручика П. А. Румянцева (1725-1796) — для осады Кольберга.

Из совместных действий с австрийскими войсками опять ничего невышло. В сентябре Бутурлин отошел к Познани, а затем на зимние квартиры, на Вислу.

Что касается Кольберга, корпус Румянцева (11.000 человек) обложил его с суши, а эскадра Полянского блокировала его с моря. В первый раз, для взятия этой сильно укрепленной крепости, были действительно применены совместные действия армии и флота.

С начала августа Полянский непрерывно бомбардировал крепостные укрепления, а затем высадил к западу от Кольберга, в помощь армии, 2-тысячный десант. В упорной борьбе русские выбили неприятеля из многих укреплений. 3-тысячный отряд Вернера, вышедший из крепости на разведку, был совершенно разбит у Трептова нашим отрядом Бибикова. В сентябре Румянцев сделал попытку овладеть высотами над Кольбергским лагерем, но она не увенчалась успехом.

Вскоре были получены неприятные вести: через Познань и Ландсберг, на выручку Кольберга шел прусский отряд (12.000 человек) Платена. Бутурлин отправил в помощь Румянцеву отряд кавалерии под командой Берга, а затем дивизию Долгорукова. Бергу удалось удачно атаковать арьергард Платена, а затем, нагнав его у Ландсберга, даже вступить с ним в бой (в котором отличился между прочим кавалерийский отряд подполковника А. В. Суворова), но ни ему, ни Долгорукову не удалось опередить Платена и помешать ему войти в Кольберг. Гарнизон крепости почти удвоился таким образом, а Румянцев кроме того лишился помочи флота, ушедшего из-за начавшейся скверной погоды на свою базу. Был даже поднят вопрос о снятии осады, но Румянцев решил продолжать ее.

Вскоре осажденные стали испытывать затруднения с продовольствием и, в конце концов, решили прорваться, что им и удалось сделать. Превосходство в силах было теперь на нашей стороне и Румянцев начал готовиться к штурму, но, после поставленного им ультиматума, остатки гарнизона Кольберга сдались 5 декабря. В плен было взято 2.903 солдата и 88 офицеров и захвачено 146 орудий.

Взятие крепости имело огромное стратегическое значение. И Пруссия и Фридрих были на краю гибели, от которой их спасла смерть императрицы Елисаветы Петровны.

Семилетняя война закончилась для нас, как известно, миром, заключенным в 1762 году. Россия отказалась от всех своих завоеваний. Вслед за ней из войны вышли Швеция, Австрия и Франция. В феврале 1763 года было заключено два мира: Парижский, по которому Англия за счет Франции и Испании получила крупные колонии, и Губертсбергский между Пруссией, Австрией и Саксонией, по которому Пруссия закрепила за собой Силезию.

К настоящему номеру В. И. Вестника приложено воспроизведение редкого документа эпохи Семилетней войны — письма на русском языке Императрицы Елисаветы Петровны, с ее собственноручной подписью, адресованного прусскому королю Фридриху II Великому. Написанное в очень дружеском тоне, с выражением соболезнования по случаю смерти брата Фридриха, принца Августа-Вельгельма, — это письмо скреплено подписью вице-канцлера графа М. И. Воронцова, датировано 9 октября 1758 года (по ст. ст.) и имеет входящую памятку на немецком языке, с датой 25 ноября 1758 года (по нов. ст.).

Трудно себе представить возможность отправки подобного письма в нашу эпоху, в разгаре войны, из Петербурга в Берлин. Или наш век, действительно, ушел далеко от рыцарских традиций 18-го века, или же... письмо Елисаветы имеет иронический характер, ибо Императрица наверное знала об исключительно скверном отношении Фридриха к своему брату*).

*) *Первые сведения об этом письме были помещены в № 16 "Информ. листка" нашего Общества.*

А. Арсеньев

Кавказская Туземная Конная Дивизия

Начавшаяся в июле 1914 г. Первая Мировая Война вызвала появление в составе Императорской Российской Конницы новой боевой единицы, и при том — территориального характера: Кавказской Конной Туземной Дивизии, именовавшейся в военном обиходе — "Дикой"; она вскоре же прославилась своими боевыми действиями в такой степени, что некоторые полки ее, в том числе — родной полк, пишущего эти страницы — Кабардинский Конный (второй полк первой бригады) — имели получить Георгиевские штандарты, чем были бы сравнены в своем достоинстве со славнейшими и старейшими полками. Помешала этому — "Великая и Безкровная".

Территориальные формирования не были незнакомы Российской Армии. Во времена Императоров Александра I и Николая I т. наз. "Царство Польское", входившее в состав Росийской Империи и управлявшееся Наместником (братом Императора — Константином Павловичем, Вел. Князем) имело свою армию; но участие ее в мятеже 1831 года привело к ее расформированию, что, впрочем не повлияло никак на положение поляков, офицеров других частей Российской Армии; они продолжали пользоваться полным доверием Власти. Царство Польское имело тогда и свои знаки отличия, и свою монету. Вторичный мятеж — 1863 года — несколько поколебал это доверие: нелойальное поведение отдельных офицеров — католиков, иначе — поляков, в большинстве своем находившихся под воздействием католического мира, привело Правительство к решению не допускать в состав Генерального Штаба католиков — мера, вызванная печальной необходимостью государственного самосохранения. Забылось, и мало кому теперь известно, благородное и полное уважение к человеческой личности отношение Власти к полякам-офицерам: в то время, когда русские полки были двинуты в Польшу на подавление этого кровавого мятежа, всем полякам, в них служившими, было предоставлено право (без всякого ущерба для их службы, переводиться в части, не участвовавшие в этой, собственно говоря — войне против братьев по крови. — Пусть справедливо-требовательный карандаш редактора не торопится досадливо исправлять это отклонение автора от основной темы: она имеет свою цель.

Великое Княжество Финляндское в конце XIX-го века тоже имело свои полки; впоследствии, по освобождении Финляндии от воинской повинности, замененной внесением дополнительного налога, полки эти, с русским уже составом, сохранились в Армии под наименованиями "Финляндский" — Л. гв. Финляндский стрелковой и 2?-й драгунский. Следует отметить : по свидетельству наших эмигрантских газет — в нынешней независимой и демократической Финляндии памятник Российскому Императору Александру Первому — сохранен и к подножию его приносят цветы.

Целый ряд народов и народностей в Империи Российской были свободны от воинской повинности, которая ложилась бременем на плечи, главным образом, коренного Российского населения; это позволяло им сохранить свою молодежь для производительного труда под защитой молодежи Русской. В то же время представители этих народов, желавшие вступить в военную службу, пользовались полными правами к этому и достигали даже высоких постов: примерами — генер. Маннергейм — финн, ген. Мехмандаров — Кавказский татарин, ген. Хагандоков — кабардинец и безконечное число других, преданно и доблестно служивших России и отдавших за Нее свои жизни.

И — странное дело ! Поставленные судьбой в необходимость покориться России и узнать Ее — люди и народы, дотоле бывшие Ее врагами — переставали быть ими !

Последний Имам Чечни и Дагестана — Шамиль — вел в продолжении десятилетий ожесточенную войну с Россией. Взятый в 1859 году в плен (в знак уважения к его доблести ему было оставлено его оружие) — он был отвезен в г. Калугу, где содержался со всей своей семьей, окруженный почетом. Он говорил : — "Если б я знал — какой человек Император Александер — я никогда не поднял бы против него оружия !" — Жизнь свою он окончил в Мекке, куда ему — полувековому вождю кровавой борьбы — было разрешено ехать на поклонение, а его сын был назначен флигельадъютантом к Императору Александру II-му. Последний владетельный князь Карачан-Шахматов вел упорную борьбу с Россией еще в 70-80-х годах: я видел ущелье, где происходило последнее сражение. Его сын, с которым пришлось мне познакомиться в 1914 году — князь Мурзакул Крым-Шамхалов — был в Русско-Японской войне командиром полка и кавалером ордена св. Георгия.

Большинство туземцев славной "Дикой Дивизии" были — или внуками, или — даже — сыновьями бывших врагов России. На войну они пошли за Нее, по своей доброй воле, будучи никем, и ничем не принуждаемы; в истории Дикой Дивизии — нет *ни единого* случая, даже единоличного — дезертирства !

Как, какими чарами, привораживала к себе наша Россия сердца даже побежденных врагов, а детей их — делала своими патронами ? ! — Косвенно отвечают на это слова человека, не тяготеющего к старой, Императорской России и потому — безпристрастного : в журнале "Об'единенный Кавказ", № 3-4, март-апрель 1953 года —Verlag « Vereinigtes Kaukasien » — München, 8, Steinstrasse 40/I,

в статье "Оскверненные святыни" автор, А. Гирий, пишет : ..."В этой роще (в Ставрополе Кавказском) русские офицеры устроили торжественную встречу пленному Шамилю. Ему оказывались воинские почести и до поздней ночи не умолкала музыка и не гасли плошки..."

А вот свидетельство человека, еще более беспристрастного, воспитанного в Англии, т. е. против России — даже предубежденного. Это — принц Люис де Орлеанс е Браганца, совершивший в 1902 году путешествие по Индии, переваливший Гиндукуш и через Русский Туркестан вернувшийся в Европу. В 1951 году, в Рио де Жанейро, вышла его книга об этом путешествии — « D. L. de Orleans e Braganza — On de Quatro Imperios se encontram ». Ознакомившись с английской Индией и Русским Туркестаном, он задает себе вопрос : кто же является настоящим специалистом в искусстве управления покоренными инородцами — русские, или англичане ? Он говорит : — "Административная сеть русских, конечно, не так безупречно организована, как английская, но за то — более гибка". Он отмечает, что всюду в этой азиатской стране царствует спокойствие, благополучие и довольство. Это — заслуга царской администрации, которая в 30 летний срок привела в порядок и мирное состояние страны, где испокон веков шли междоусобные войны, царили анархия, постоянная вражда между многочисленными племенами. Принц пишет :

— Методы цивилизации здесь менее радикальны и сильно отстают от модерных английских: но житель Русского Туркестана никак не может жаловаться на судьбу : он не потерял ни свою старую свободу, ни язык, ни религию, ни обычаи. Он ни перед кем не должен гнуть голову, в противоположность индусу, находящемуся в полном унижении под английским давлением. Даже мусульманский фанатизм примирился с властью неверных, а народы уже совершенно искренно признают власть Белого Царя — наследника, как утверждают легенды, и законного последователя Чингиз Хана. Европеец может совершенно безопасно бродить по всем городам и местечкам — в любой час суток, без всякой охраны и без оружия. А вот в Пешавере и в Багоре, или у афганской границы, неосторожные англичане уничтожаются — систематически и безпощадно".

(Из статьи Н. Покровского : "Бразильский принц о России — "Наша Страна", № 418, 23.-I.-959 г.).

Пусть наши современники-иностранцы, именующие Императорскую Россию "Тюрьмою народов" — ответят честно : бывали ли явления, подобные Дикой Дивизии, в истории их государств ? И могут ли они похвалиться такими отзывами иностранца об их колониальном устроении ? !

На Кавказе у нас существовали две территориальные военные единицы: Дагестанский Конный и Осетинский Конный Дивизионы: оба считались иррегулярными и пополнялись исключительно добровольцами: оба по своей военной подготовке были на одинаковой высоте с остальными частями нашей конницы. Но офицерство частей регулярных любило добродушно подшучивать над территориальным составом их, изображая придуманную сценку на параде : — "Дивизион ! Шашки — видергай ! !" И, после некоторого промедления — ответ из рядов : — "Не видергаются : джарунсавел ! !" (заржавел ! !).

Еще в Русско-Японской войне из народностей Кавказа, бывших свободными от воинской повинности, за исключением грузин и армян, явилось много желающих итти на фронт: из них был составлен особый конный полк, заслуживший себе славу, но с окончанием войны расформированный. Патриотический под'ем, охвативший всю Россию с об'явлением Германией войны, подал мысль о сформировании из Кавказцев уже целой Конной Дивизии. Начальником ее был назначен Великий Княз: Михаил Александрович — "Велики Кенезь Михалка — бират (брат) Царя!" — как с гордостью произносили туземцы; нач. штаба был ген. штаба, полковник Юзефович. В Дивизии было 6 полков, шестисотенного состава каждый : Дагестанский, Кабардинский, Черкесский, Ингушский, Чеченский и Татарский. Впоследствии число сотен в полках сведено па 4(что привело к известной их громоздкости; так, напр. в сотне, в которой находился я, во время нашего похода на Петроград, было около 250 шашек при "собственной" пулеметной команды, из пулемеметов, взятых сотней у австрийцев: пулеметчиками были балкарцы. Штандартов у полков не было — их заменяли полковые значки. Полки делились на сотни, по примеру Казачьих, но офицерские чины были — по регулярной кавалерии — корнеты, шт. ротмистры, ротмистры; унтер-офицеры именовались урядниками, рядовые — всадниками. Состав полков был племенной — по месту комплоктования: это делало его иногда пестрый: напр., в Дагестанском полку были люди приблизительно — около 20-ти разных наречий, в Кабардинском были и их соседи — балкарцы, горские татары, говорившие по татарски. Поступающий всадник получал коня и все снаряжение, но обычно он являлся со своим конем и холодным оружием, стоимость чего, по казенной расценке, ему выплачивалась. Жалованье было высокое — 20 рублей в месяц: за каждый георгиевский крест добавлялось 3 рубля. Характерно, что в обоз итти из них никто не соглашался, считая обозную службу — унизительной. Обозные команды пришлось составить из русских солдат. Во время революции этот обозный состав оказался горючим материалом, причинявшим командованию много хлопот. Офицерский и унтерофицерский состав подбирался из желающих в среде регулярных и казачьих полков; предпочитались люди, знакомые с нравами кавказцев. Позже офицерский состав пополнялся и молодежью из юнкерских училищ, охотно выходившей в Дикую Дивизию.

При Дивизии была сформирована пулеметная команда из матросов Балтийского Флота, явившаяся в

1917 г. главным очагом пропаганды; был сформирован также и собственный Дивизионный Лазарет.

Чтобы правильно понять природу Дикой Дивизии, нужно иметь представление об общем характере Кавказцев, ее составлявших.

Говорят, что постоянное ношение оружия — облагораживает человека. Горец — с детства был при оружии : он не расставался с кинжалом и шашкой, а многие — и с револьвером, или старинн'м пистолетом. Отличительной чертой его характера было чувство собственного достоинства и полное отсутствие подхалимства. Выше всего ценилась ими храбрость и верность; это был прирожденный воин, представлявший собой великолепный боевой материал, правда — в те времена, при его незнакомстве с военной службой — сырой и требовавший терпеливой и внимательной обработки. Надо отдать должное офицерам и урядникам, на долю которых она выпала : с задачей обучения и воспитания всадников в короткий срок — они справились блестяще, вложив в это дело всю душу.

Вся трудность этого обнаружилась с первых же дней. Относительно легче было со внедрением дисциплин' : всякий мусульманин воспитан в чувстве почтения к старшим — это поддерживалось "адатами" — горскими обычаями; не трудно было обучить и приемам владения холодным оружием — привычка к нему у кавказца в крови.

Но обращение с 3-х линейной винтовкой, строй и хотя бы поверхностное знакомство с уставами требовали упорного и длительного труда; дело осложнялось еще и тем, что очень многие едва-едва об'яснялись по русски, а были и совсем русского языка не знавшие; как такому человеку растолковать значение прицельной рамки, или — обязанности и права часового ? ! Слова команд — можно было заставить заучить наизусть, но все же и офицерам, и урядникам приходилось постоянно иметь при себе переводчика, т. к. людей, владевших столькими кавказскими наречиями найти было трудно. Все трудности эти были преодолены. Мне вспоминается мое первое дежурство по полку : проходя мимо денежного ящика и стоявшего около него часового, взявшего "на-караул", я остановился — мне показалось, что висящая печать сломана; совершенно машинально я протянул руку, чтобы ее осмотреть; в то же мгновение часовой, с каким то гортанным возгласом, угрожающе поднял шашку. Он не говорил по русски, но устав знал !

В полках несколько отставала постановка стрелкового дела, но некоторым пренебрежением к огню страдало тогда не мало полков нашей кавалерии. Как ни странно — много муки приняли г. г. офицеры с обучением езде, хотя все кавказцы — с детства на коне. У них привычка сидеть в седле несколько боком — то правым, то левым, в результате чего, при больших переходах, в полках появлялась масса лошадей со сбитыми спинами. Отучить всадников от этой привычки было трудно. С прибытием на фронт обнаружилась еще одна трудность — переработка психологии. Как я сказал — у всякого кавказца — безграничное почитание храбрости : нельзя более сильно оскорбить его, как хотя бы только намекнуть на его в нем недостаток. В первое время в сторожевом охранении были не редки случаи, когда всадник разстилал бурку и спокойно укладывался спать, а на требование офицера — бодрствовать — отвечал с глубоким убеждением в своей правоте : — "Тебе боится — не спи. Моя — мужчина. Моя — не боится. Спать будет".

Особенностью туземцев была их боевая личная инициатива. Опять таки вспоминается случай : после боя наш полк отошел и к вечеру я был послан с раз'ездом разведать — занято ли уже австрийцами оставленное нами село. В 2-3 клм. перед ним и немного вправо был большой, обнесенный каменной оградой, фольварк — место для охранения — превосходное; трудно было предположить, чтоб' неприятель им не воспользовался. Остановившись за укрытием я стал вглядываться в бинокль; стоявший за мной всадник, с медалью за Русско-Японскую войну и двумя крестами — за эту, вдруг щелкнул нагайкой и карьером помчался к фольварку; проскочил в приотворенные ворота и, через несколько минут, возвратился тем же аллюром и доложил, что фольварк пуст. Нужно упомянуть еще об одном качестве туземцев : на поле боя они никогда не оставляли своих — не только — раненых, но даже и убитых, и выносили их, несмотря на огонь.

Боевые награды всадниками очень ценились, но, принимая крест, они настойчиво требовали, чтобы он был — не с птицами, а — с джигитом" : кресты для иноверцев Импер. Армии чеканились с двуглавым орлом, а не с Георгием Победоносцем.

Вскоре после первых боев начали определяться и некоторые характерные особенности полков : так — ингуши — отличались замечательной способностью к ночным переходам и боям, но были впечатлительны к артилерийскому огню: дагестанцы — к действия в конном строю склонностью не отличались, но проявили себя в пешем бою, как несравненная пехота : старые боевые офицер' говорили, что никакой огонь не в состоянии вынудить к отходу окопавшихся дагестанцов.

Отношения между офицерами и всадниками носили характер совершенно отличный от отношений в полках регулярной конницы, о чем молодые офицеры наставлялись старыми. Например — вестовой, едущий за офицером, иногда начинал петь молитвы, или заводил с ним разговоры. В общем укдад был патриархально-семейный, основанный на взаимном уважении, что отнюдь не мешало дисциплине; брани — вообще не было места. Если можно серьезно говорить о "сознательной дисциплине", введенной "главноуговаривающим" Керенским, то, конечно, она была бы возможна лишь при существовавших в Дикой Дивизии нравах.

Офицер, не относящийся с уважением к обычаям и религиозным верованиям всадников — терял в их глазах всякий авторитет. Таковых, впрочем, в Дивизии и не было.

Племенной состав офицеров в полках был смешанный: напр. в Ингушском, кроме русских и ингушей, было много грузин: в Кабардинском — были и кабардинцы, и осетины, и балкарцы, и грузины. В полковой офицерской среде все были равны, и никому в голову не могло притти считаться каким либо образом с национальностью другого — все были членами единой полковой семьи — Русскими офицерами!

Бои выдвинули многих всадников в прапорщики, что открывало им дальнейшее продвижение в чинах; образование тут уступало место храбрости и военным способностям. Так, в нашем полку был поручик-балкарец, весь израненный и все же оставшийся в строю; он имел орден св. Владимира с мечами — награда, выделявшая офицера не менее Георгиевского Оружия и дававшая права потомственного дворянина. Будучи не в состоянии, по малограмотности, писать, он всегда держал при себе вольноопределяющегося, составлявшего под его диктовку донесения. Таких офицеров из простых всадников, произведенных за отличия, в Дивизии было много; все они равнялись по кадровым офицерам и офицерам из юнкерских училищ, число которых в полках преобладало, и старались перенимать их манеры держаться и вести себя: таким образом в полках сохранялась атмосфера офицерских традиций, столь характерная для Императорской Конницы. Создавались также и полковые обычаи. Напр. в нашем полку на обязанности адъютанта было подсчитывание — сколько за столом офицерского собрания находится магометан, и сколько христиан: если было больше магометан — все оставались в папахах, — по мусульманскому обычаю; если больше христиан — все их снимали — по обычаю христиан. Это проявление уважения одних к другим вело к большей сплоченности. Слагались также в полках и свои песни. Так, в Кабардинском была песня, написанная вольноопределяющимся — трубачем первой сотни, о бое под Ласковицей, взятой стремительной атакой в конном строю — полк забрал тогда в плен целый австрийский батальон. В моей памяти сохранились лишь отрывки этой песни:

"Не гром гремел, не буря пела
Под Ласковицей по полям:
В атаку "первая" летела —
Отдав поводья лошадям.

Граф Воронцов нас вел отважный —
С ним не страшна австрийцев рать:
За ним пойдем мы смело каждый
Куда угодно — умирать! !"

и конец ее:

"Франц-Иосиф, царь австрийцев,
Будет помнить удальцев!
Он не забудет Кабардинцев —
Кавказа дикого сынов! !"

В Татарском полку сложена была песня об "удальцах-татарах" под Черткувом; в Ингушском — распевали после взятия австрийской батареи:

"Пушки мы забрали —
Рады от души!
Ай-да-ли-ли-да-ли —
Наши Ингуши! !"

Распевали, если и не совсем складно, то — с чувством! Так, исподволь, Дикая Дивизия, сохраняя свою своеобразность, все более приближалась к слиянию с регулярными, в число которых она, по окончании войны, должна была вступить.

Пришел злосчастный февраль 1917 год. Отречение Государя от престола потрясло всех; того "энтузиазма", с которым, все население, по утверждению творцов революции, встретило ее" не было: была общая растерянность, вскоре сменившаяся каким то опьянением от сознания, что теперь — "все позволено". Всюду развевались красные флаги, пестрели красные банты. В Дикой Дивизии их не надели, кроме обозников и матросов-пулеметчиков. Всадники ко всем "достижениям революции" отнеслись с угрюмым недоверием. Один из пожилых балкарцев говорил мне:

— Не знаю, синок, не знаю. От этого Керенского-Меренского (острота, от слова "мерин" — существо бесполое) ничего хорошего не будет!" Смущало также и требование правительством новой присяги — к ней мусульмане относятся бережно. Выход был найден Командованием: вместо присяги Дивизии предложили дать письменное обещание исполнять приказания Временного Правительства, что возражений не встретило.

После приказа № 1 армия начала быстро разлагаться. Комитеты были введены и у нас, но они находились под влиянием офицеров и т. наз. "стариков". В одной из сотен нашего полка имела место наивная и трогательная просьба всадников к командиру сотни:

—"Русские прогнали Царя. Напиши Ему, чтобы ехал к нам в Кабарду: мы его и прокормим, и защитим!"

Отношения между всадниками и офицерами оставались в Дивизии прежними, и попрежнему сохранялась дисциплина и уважение к старшим. Высшей оценкой царившаго в Дивизии духа являются слова самого генерала Корнилова, произведшего нам смотр перед общим наступлением — в г. Заблотове, 12. II. 1917 г. и сказавшего нашему начдиву, ген. кн. Багратиону:

— "Я наконец дышал военным воздухом!"

После июньского наступления, когда Командование, растерявшееся от выявившейся неспособности революционированных войск, бросало нас то сюда, то туда, для затыкания прорывов, мы были отведены на отдых в глубокий тыл.

Чтобы пояснить обстановку этого наступления приведу вкратце лишь один эпизод — бой нашей 1-й бригады под г. Калушем — 29. II. 1917 г. — Предыдущий день и ночь наш полк провел под дневным и ночным артиллерийским обстрелом в ожидании приказания атаковать противника, потеряв при этом несколько лошадей убитыми — людских потерь не было. Утром — получили приказ отойти за 25 верст на отдых; а, придя на место, получили новое приказание — спешно двигаться еще за 25 верст к г. Калушу, где замитинговавшая пехотаная бригада покинула фронт. Наступала гемранская пехота, т. е. противник более серьезный, чем австрийцы. Придя в Калуш, наша бригада, ход комадованием командира нашего полка — полк. Абелова, разсыпавшись жидкими цепями, без поддержки артиллерии и подвергаясь фронтальному и фланговому артиллерийскому обстрелу германцев, остановила их наступление. Наши полки, при усиленном смешивании, могли дать едва 1500 стрелков.

Во время нашего движения с фронта в тыл, на отдых, нам был произведен смотр генералом, фамилии которого я теперь не могу вспомнить, благодарившим нас от лица Корпуса за самоотверженную боевую работу. По окончании короткой речи перед фронтом всей Дивизии, построенной "покоем", генерал — то ли в подражание Скобелеву, то ли — из желания итти в ногу с революционным Правительством — снял фуражку и принялся раскланиваться на все стороны; это производило тягостное впечатление !

После продолжительного отдыха Дивизия была двинута в Петроград : первое выступление большевиков заставило Временное Правительство подумать о необходимости держать в столице не распущенную солдатню запасных батальонов, а надежные, дисциплинированные части.

Переброска нашей Дивизии в Петроград для роли его гарнизона, была решена еше в декабре 1916 года, но преступно задерживалась скрытыми револющионно настроенными другами Командования.

После недолгой остановки в районе ст. Дно, Дивизия эшелонами двинулась по жел. дороге дальше. К этому времени она была уже развернута в Корпус —командовал им наш прежний Начдив — кн. Багратион. Атмосфера была напряженная — все чувствовали, что столкновение с силами, защищающими завоевания революции" — была неизбежна. Эшелон сотни, в которой находился я, следовал, имея на паровозе пулеметную команду с офицером. На станциях уже всюду виднелись обращения Керенского ко — "всем, всем, всем...". Остановил движение корпуса приказ кн. Багратиона. Перевернулась страничка Истории. Немного спустя мы были отправлены на Кавказ, для "укомплектования". Прибыв туда, мы не только не получили этого "укомплектования", но даже перестали получать и жалованье, и довольствие. Это был конец Дивизии. Врем. Правительство предпочло иметь части небоеспособные, но настроенные революционно !

Наш Кабардинский полк просуществовал еще до конца марта 1918 г.; г. г. офицеры и около 120 всадников продолжали еще держаться вместе, живя на собственные средства; большинство всадников, с разрешения к-ра полка, уже раз‘ехалось по домам.

Движение Дивизии на Петроград привлекло к ней особое внимание большевистской огранизации и на разложение ее были направлены все силы; однако, несмотря на напряжение агитации, ни единого выступления всадников против офицеров, как таковых — не было; тогда была применена другая тактика : постарались в душах кавказцев разжечь давно уже изжитую под управлением России племенную вражду. Это имело успех. В Ингушском полку X восстановили ингушей против грузин, в нашем — кабардинцев против осетин" и те, и другие вынуждены были покинуть полки, в рядах которых так дружно жили дотоле, и доблестно служили. Нужно отметить, что против офицеров русского происхождения ни в одном полку выступлений не было.

Заканчивая статью о Дикой Дивизии, я сделал бы непростительную ошибку, не указав на главную причину самой возможности ее появления и кратковременного, но славного ее существования : *мудрую и человечную колониальную политику Императорской России;* политику, проникнутую чувством уважения к чужим верованиям, нравам и обычаям. Позволю себе задержать еще внимание читателя и привести разсказ, слышанный мною от стариков-кабардинцев : он может служить иллюстрацией.

В начале этого столетия Кавказ управлялся Наместником Его Величества, по объему власти бывшим там после Императора — первым лицом. Кабардинскйи народ владел по реке Малке пастбищами — альпийским лугами, куда летом со всей Кабарды перегонялся скот. Возникли какие то недоразумения с казной о границах этих лугов и Кабардинский народ послал к Наместнику в Тифлисе делегацию своих стариков с жалобой. Они были приняты во дворце в особой комнате, называвшейся по кавказски — кунацкой. Поздоровавшись с ними, бывший тогда Наместником старый граф Воронцов-Дашков, строго державшийся "адатов" — обычаев горцев, усадил их, оставшись сам стоять у двери, как того требовал горский этикет гостеприимства. Обстановка и атмосфера приема были так естественны и в духе кавказцев, что старший из стариков обратился к Наместнику с приглашением :

— "Тысс, Воронцов !" (Садись, Воронцов !) И величественно указал ему место рядом с собой !

Как далеко это отношение к "побежденным и

угнетенным народам" — от высокомерия "европейцев"!

Нет сомнения, что жизнь заставляла иногда Русскую Власть прибегать и к суровым мерам воздействия, имевшим целью внедрение порядка и законности; но это были короткие и исключительные случаи.

Пусть поколения, приходящие на смену нашего, видевшего и знавшего нравственное величие и красоту Императорской России, отнесутся к Ней с должным вниманием и почтением, и явятся достойными продолжителями Ее славных традиций!

Младший сын Шамиля, в 1861 году был назначен в Конвой Государя Александра II, где и служил до 1876 года, когда был произведен в чин полковника, а в 1885 году был произведен в чин генерал-майора, с зачислением в запас по Гвардейской кавалерии.

Е. Милоданович

В Николаевской Академии Генерального Штаба (1890 – 1893)

Уезжая из Петербурга, после производства в офицеры, я имел твердое намерение поступить в Академию (Высшую Военную Школу).

По бывшему в то время закону офицеры, готовящиеся к поступлению в Академию, освобождались от служебных занятий за 4 месяца до экзаменов. К сожалению я не мог воспользоваться этим правом полностью, так как в батарее в то время, кроме зав. хозяйством капитана Журавского и подпоручика Вишнякова никого бы не оставалось. Поэтому мне пришлось нести службу до ухода батареи на полигон, а ушла она туда во вторую очередь, только в конце июня! Между тем уже с 15-го июля были назначены предварительные экзамены при штабе округа в Киеве, так что времени в моем распоряжении было совсем мало.

Неудивительно поэтому, что уже по дороге в Киев, я имел с собой в вагоне геометрию, которую не успел повторить до отъезда и потому просматривал теперь.

В вагоне пришлось встретиться с несколькими офицерами, которые ехали в Киев на экзамен уже во второй раз, потерпев неудачу в минувшем году. Полученные от них сведения о характере экзаменов были неутешительны: экзаменаторы очень строгие (какие то звери!), придираются к каждому слову, "срезать" экзаменующегося для них удовольствие и т. д. Запугать этим нас со Смирновым им всетаки не удалось.

По прибытии в Киев мы явились начальнику штаба округа и его помощникам и получили расписание экзаменов. На подготовку к каждому, за исключением языков, предоставлялось 1—3 дня. Председателем экзаменационной комиссии был генерал-квартирмейстер округа.

Замечу здесь, что предварительные экзамены при округах были установлены с целью уменьшить число экзаменующихся в академиях, отбросив слабо подготовленных офицеров, а тем и сократить расход казны на выдачу им прогонных денег до Петербурга и обратно, в свои же части.

Мы поселились на Б. Владимирской улице, вблизи Михайловского монастыря. Жара стояла невообразимая. Сидеть в комнате одетым было невозможно. Мы занимались в одном белье, да и то обливались потом. Только по вечерам, закончив дневую работу, мы выходили подышать более или менее свежим воздухом на Михайловскую площадь и Владимирскую горку и наслаждались запахом цветов.

На экзаменах мы убедились, что "не так страшен черт, как его малюют". Никакой придирчивости со стороеы экзаменаторов мы не заметили, оба прекрасно выдержали экзамены и получили предписания об отправлении в Петербург с указанием времени явки, а также прогонные деньги на дорогу.

У нас оказалось еще несколько свободных дней, и мы из Киева разъехались по домам. Мы оба были настолько уверены, что экзамены в Академии выдержим и в бригаду не возвратимся, что распродали все свои ненужные более вещи, до седел включительно.

Экзамены в окружном штабе были полезны нам потому, что указали в чем и какие были у нас недочеты и на что нужно еще обратить особое внимание. Мы увидели, напр., что главные реки с их притоками, как и горные проходы в Карпатах, нужно уметь показывать на немых картах. Заметили, что

попутно обращается внимание на общее развитие офицера (даже — следит ли он по газетам за событиями и положением дел во всех странах мира) и.т.д. Обратили внимание, как иногда трудно артиллеристу "пешей" артиллерии, экзаменуемому по уставу "конной" артиллерии, ответить правильно на некоторые вопросы, необратив внимания на несущественную разницу между этими уставами и т. п.

Ликвидировав свои дела и сделав прощальные визиты, мы к назначенному сроку выехали в Петербург.

По приезде в Петербург мы прямо с вокзала отправились на Васильевский остров и нашли себе комнату у какой-то вдовы, с 5-ой линии, близ Академического переулка. Наняли ее со столом, чтобы не терять времени на хождение на обед. Это было очень близко от нашей Академии, которая находилась в то время на Английской набережной, почти у Николаевского моста. Там, в назначенный день, мы представились начальнику академии генерал-лейтенанту Лееру, а также получили расписание экзаменов.

Офицеров прибыло свыше 300 — на 70 вакансий ! Сейчас же началась серьезная работа: временем надо было дорожить, и мы по целым дням сидели за книгами, выходя из дому только в сумерки на какой-нибудь час, чтобы купить чего-нибудь к чаю.

Большинство экзенующихся имели страх перед экзаменами по математическим предметам, так как экзаменаторы были очень строгие профессора-геодезисты, генералы Штубендорф, Цингер и Шарнгорст (такая тройца в русской-то академии !)

У меня эти экзамены прошли гладко, если не считать случая, когда, выводя какую то формулу (не-то по механике, не-то — по алгебре) и подойдя почти к концу, я увидел — или мне только показалось — что я ошибся. Это меня взволновало, но я убедил себя, что знаю отлично вывод этой формулы. Успокоившись, я стер все написанное на доске, начал все с самого начала и благополучно довел до конца.

По фортификации нас экзаменовал профессор, инж. ген.-лейт. Цезарь Кюи, знакомый мне по Ж.А.У. Мне достался какой-то крепостной фронт. Я его начертил, пересек профилями, начертил их и везде проставил цифры. Профессор подошел к доске, просмотрел чертежи и сказав : "Довольно, садитесь !" поставил мне 12 баллов.

По артиллерии экзаменовал тоже знакомый по М.А.У. профессор, генерал-майор Потоцкий. По моему билету нужно было сделать много чертежей, что требовало и немало времени, и я спешил чертить. Окончив, я повернулся к профессору. Он подошел ко мне, долго смотрел на доску, задал несколько вопросов и сказал : "Михайловцу следовало бы начертить лучше !" В результате — 12 баллов тоже.

По географии экзаменовали ген.-майор Щербов-Нефедович и полковник Золотарев. Какие баллы я получил — не помню, но — не менее, как по 10-ти. (Первый экзаменовал по географии Европы, второй — по географии России).

По русскому языку экзаменовали два профессора : известный в Росси старик Галахов и Цветковский. Нужно было написать сочинение на одну из данных тем. Темы же были литературные, исторические и на русские поговорки : "На одной шее двум головам тесно" и "Пуганая ворона и куста боится".

Мне нравились более темы последней категории, т. к. здесь был свободный, ничем нестесняемый выбор материала. Я написал на первую из этих двух пословиц, в применении к военному делу, и мое сочинение было впоследствии прочитано в аудитории, как образцовое.

По немецкому языку экзаменовал некий Шмидт. Отказавшись от пользования при переводах словарем, я получил 10 баллов, что освободило меня от дополнительных занятий этим языком в Академии в послеобеденные часы.

И Смирнов, и я выдержали все экзамены очень хорошо : он был в конце первого десятка принятых в Академию, я — в начабе второго. В этом году с разрешения Военного министра было принято не 70 офицеров, а 71, вследствие того, что 70-й и 71-й имели одинаковые баллы. Среди них оказался сын Военного министра, преображенец Сергей Ванновский.

По окончании экзаменов в аудитории к нам пришел начальник академии и среди прочего сказал, что лекции начнутся 1-го сентября, так как профессора заняты переходными экзаменами на старший курс, а некоторые из них еще не вернулись из отпуска. Время до начала лекции должно быть посвящено ситуационному черчению, которое необходимо нам в предстоящей службе, а также полезно, ибо содействует выработке характера, а затем — ежедневной верховой езде, имея в виду, что офицер Генерального Штаба должен отлично ездить верхом, а между тем, некоторые офицеры из принятых, возможно, никогда еще на лошади не сидели. К этому он добавил, что в прежние время офицеры уезжали на этот срок в отпуск, но "в этом году, прошу вас на это не рассчитывать, так как никаких отпусков я разрешать не буду, а потому с такими просьбами ко мне и не обращайтесь !"

Последней фразой я был прямо, что называется, убит, т. к. у меня уже созрел план поехать на несколько дней в Ровно, и в конце-концов я решил пойти все же к Начальнику Академии, объяснить ему причины моего желания и отпуска добиться. На следующий день я так и сделал и, придя утром в академию, обратился к правителю дел — полковнику Плеве с просьбой доложить ген. Лееру, что прошу его принять меня по личному делу.

Генерал принял меня в своем кабинете и выслушав меня сказал : "Разве вы не слыхали вчера, что никаких отпусков до начала лекций я давать не буду ?" Я ответил, что слышал, но, что у меня есть особые причины — у меня в Ровно осталась невеста и мне необходимо устроить свои дела. Что касается ситуационного черчения, то оно для меня никаких затруднений не представляет, так как я черчу и ри-

сую недурно. Практиковаться же в верховой езде мне тоже особой надобности нет, так как я прошел отличную школу в Михайловском Артиллерийском Училище и три года служил в строю в артиллерийской бригаде.

Генерал сказал на это : "Что вы решили вступить в брак, во время пребывания в академии, я одобряю. Я сам был женат в академии и по моим наблюдениям женатые офицеры успешнее идут и лучше оканчивают Академию, так как больше сидят дома и усердно занимаются, тогда как холостые посвящают много времени приятелям, обществу и всяким развлечениям".

Подумав затем немного, он сказал : "Хорошо, поезжайте в отпуск. Но имейте в виду, что вы первый из принятых в Академию офицеров, который ко мне обращается и которого я узнаю, и я буду следить за вами".

Я поблагодарил, получил в канцелярии отпускной билет и обрадованный отправился в тот же день вечером в Ровно. Мой приезд был совершенно неожиданным, и вся семья Белоусовых была очень рада и видеть меня, и узнать, что я принят в Академию. Эти несколько дней пролетели очень быстро, и меня опять проводили на вокзал. О свадьбе было решено, что она состоится 7-го января 1891 года.

По моем возвращении в Петербург, мы со Смирновым решили уйти с Васильевского острова и стали просматривать объявления в "Новом Времени". Одно из них нам понравилось : сдавалось две меблированных комнаты во дворе на 3-м этаже "в тихом семействе" на углу Малой Морской (впоследствии : улица Гоголя) и Гороховой улице, можно иметь и домашний стол. Мы пошли по указанному адресу и одобрили.

В действительности здесь днем была одна хозяйка, довольно еще молодая женщина, и только по вечерам появлялся какой-то господин, но вел себя он тихо. Таким образом квартира была действительно "в тихом семействе".

В первой комнате мы устроили наш кабинет и столовую, во второй — общую спальню. В квартире была и ванна. Местоположение квартир было центральное и недалеко от Академии. Столом мы также были довольны. Смирнов обратил мое внимание на то, что эта квартира будет вполне удобной и для меня с женой, когда мы после свадьбы приедем в Петербург.

Начались лекции... Подбор профессоров был прекрасный. Стратегию читал начальник академии проф. ген.-лейт. Леер, историю военного искусства (Наполеоновские войны) — ген. лейт. Сухотин, историю русского военного искусства — полковник (вскоре ген.-майор) Масловский, элементарную тактику — ген. Гудим-Левкович, общую тактику — ген.-лейт. Кублицкий, военную историю (франко-прусскую войну 1870—1871 г. г.) — ген.-майор Михневич, русско-польскую войну 1830 года — полк. Орлов; военную географию и статистику России — полк. Золотарев, то же европейских государств — ген. Щербов-Нефедович; русскую военную администрацию — ген.-майор Редигер, то же главных европейских государств — ген.-лейт. Газенкампф, новейшие сведения по артиллерии — ген.-майор Потоцкий, новейшие сведения по фортификации — ген.-лет. Цезарь Кюи, геологию — проф. С.-Петербургского университета Иностранцев, новейшую политическую историю и международное право — проф. Григорович, славяноведение — проф. Ламанский, русский язык — проф. Цветковский, ситуационное черчение преподавали генералы Шевелев и Зейфарт.

Лекции европейски известного ученого стратега Леера были прекрасны. Слабостью профессора было желание чтобы слушатели все время смотрели на него, а недостатком — затягивал лекции не только на перемену, но иногда захватывал и часть следующей лекции, пользуясь властью Начальника Академии.

Великолепные были лекции ген. Кублицкого. Это был профессор Божиею милостью ! Вполне обладали даром слова генералы Михневич и Орлов. Как не странно, мы с удовольствием слушали и генерала Кюи, хотя, казалось бы, его предмет — фортификация — не такого свойства. Проф. Григорович — отличался красноречием. Очень интересны были лекции проф. Иностранцева.

Одновременно с нами держал экзамен в Артиллерийскую академию наш товарищ по бригаде, Михайловец следующего за нами выпуска А. В. Кружилин, и в то же время в консерватории училась сестра Смирнова, обладавшая приятным голосом. Она жила у своей тетки. Мы часто виделись с ними и вместе посещали театры. Кружилин начал ухаживать за сестрой Смирнова, сделал ей предложение и вскоре они обвенчались.

Академии он не окончил, но, разочаровавшись в военной службе, решил изучать медицину. Он отчислился от Академии, устроил себе перевод в Киев и 33-й летучий парк, и с разрешения Командующего войсками округа ген. ад. Драгомирова поступил вольнослушателем на медицинский факультет Киевского Университета, оставаясь на службе в парке. (Парк не был строевой частью в полном смысле слова, но это был возимый запас огнестрельных припасов).

С началом занятий в Академии у нас установилась строго определенная жизнь. Лекции начинались с 8 часов утра, с 10-ти минутными переменами. В 12 часов была перемена более продолжительная — в 20—30 минут —, чтобы дать возможность офицерам позавтракать тем, что принесли с собой, или воспользоваться находившимся в нижнем этаже буфетом.

В Академии были две прекрасные светлые аудитории и два запасных класса. По приходе офицеры должны были расписываться в швейцарской на особом листе бумаги, так как посещение лекций было обязательным. Нам напоминали при случае, что, хотя Академия и высшее учебное заведение, но это не Университет, где каждый может приходить и не приходить, что лекции в нашей Академии единствен-

ная служба офицера, за которую он получает от казны жалованье, и даже — в полуторном размере. Лекции оканчивались в 3 (или 3 с половиной) часа дня.

Были у нас и письменные работы : тактические задачи, задачи по администрации, чертежи и пр., которые выполнялись на дому. Так протекала наша размеренная жизнь. Бывали мы и в театрах, и на концертах: знакомых — кроме тетки Смирнова — у нас не было. Своей квартирой и хозяйскими обедами мы были вполне довольны.

На Рождественские праздники лекции прерывались на 2 с половиной недели, и желающие могли уезжать в отпуск. По случаю предстоящей моей свадьбы Аачальник Академии удлинил мне отпуск до 10-го января.

Ввиду того, что мне было тогда только около 25 лет, я должен был по тогдашнему закону, для получения разрешения на вступление в брак, внести в Академию "реверс" в размере 5.000 рублей — деньгами, процентными бумагами, или докуменом на недвижимое имущество, примерно такой же ценности. Это обстоятельство представляло для меня большое затруднение, ибо ни денег, ни процентных бумаг я не имел, а наш хутор принадлежал моей матери. Мой друг Смирнов пошел мне на встречу : дал мне свои (вернее — своего отца) процентные бумаги, которые я и представил в канцелярию Академии.

Запасшись разрешением Начальника Академии на вступление в брак и отпускным билетом, я уехал сперва на хутор к матери, а перед Новым годом приехал в Ровно.

После свадьбы, к вечеру 8-го января 1891 г. мы приехали в Петербург. На Варш. вокзале нас встретил Смирнов и вместе с ним мы приехали на нашу квартиру. Смирнов накануне из нее выселился, но продолжал еще некоторое время столоваться у нашей хозяйки и потому ежедневно бывал у нас. В то время он сошелся со своим двоюродным братом, студентом Военно-Медицинской академии. Мы с женой начали бывать у его тетки: других знакомых у нас не было.

Но в Петербурге жил брат моей тещи Николай Павлович Саваровский, крестный отец моей жены, которого она никогда не видела. Когда в Петербург приехал другой, знакомый ей ее дядя, он ввел нас в дом Николая Павловича. Н. П. был управляющим домами и поместьями князя Юсупова, после своей долголетней службы по ведомству Императрицы Марии, где достиг чина тайного советника. В молодости, еще студентом, он был репетитором молодого графа Сумарокова-Эльстона. Впоследствии граф женился на единственной дочери известного вельможи, князя Юсупова, род которого таким образом должен был прекратиться за неимением сыновей. Тогда графу был пожалован титул князя и фамилия тестя. Он не забыл своего репетитора и таким образом Н. П. стал его управляющим. Н. П. был женат и имел дочь, которая была в то время на французских курсах. С ними жена и мать его жены.

Семья Саваровских приняла нас по родственному, и мы обыкновенно обедали у них по воскресеньям и оставались до вечера. Жили они на Мойке в доме кн. Юсупова, примыкавшим к дворцу последнего. Их квартира была на втором этаже: комнаты были большие и хорошо обставленные. Кроме того были еще две комнаты в первом этаже. В этих комнатах помещались и мы, когда впоследствии приезжали в Петербург. У С. был постоянный абонемент в оперном театре (который был совсем близко от них), и мы там нередко вместе с ними бывали.

Ранней весной в Академии начались переходные экзамены на 2-ой курс, а затем должен был быть перерыв на летние месяцы, когда мы уезжали из Петербурга на съемки. Экзамены по части предметов производились уже осенью, по возвращении со съемок. К сожалению, как раз во время весенних экзаменов нам почему-то пришлось уйти с нашей уютной квартиры. Это было тем более неприятно, что нам нужно было прожить в Петербурге до съемок всего только один месяц !

В то время наступили уже знаменитые белые ночи, и я помню случай, когда однажды дядя жены пригласил нас поехать с ними в "Аквариум". Принять это предложение я лично, конечно, не мог, уехала с ним лишь моя жена и вернулась, когда сияло солнце. А я всю ночь до ее возвращения просидел, кажется, за геодезией, в нанятой нами меблированной комнате на Малой Конюшенной улице, слушая иногда пение соловьев.

Весенние экзамены закончились к концу мая, и 31-го числа все слушатели младшего класса разъехались по своим участкам. Участки были размером в 4 квадратные версты, и на каждом съемку производили два офицера сообща. Эта работа должна была закончиться к концу июня. Мы со Смирновым попали в чухонскую деревню Хабони, близ Ропши. Со мной была и моя жена. Денщик был общий со Смирновым.

1-го июня утром мы отправились в м. Гостилицу за получением инструментов и прочих принадлежностей для съемки, а жене предстояла нелегкая задача приготовить к нашему возвращению обед.

При съемке все пути, местные предметы и горизонтали наносились на ватманскую бумагу, натянутую и наклеенную на планшет, карандашом, а затем все вытягивались тушью, а рельеф местности вычерчивался штрихами. Затем, когда все это было готово, планшет с планом обильно поливался водой из ведра. Эта операция, производимая впервые, вызывала тревогу при мысли, что все начерченное расплывается и вместо плана получится грязная бумага. Но эта тревога была неосновательна : план по осушке был совершенно чист и хорошо натянут па доске, с которой и был потом срезан перочинным ножем. В самом конце июня приезжал для поверки съемки полк. ген. штаба Сухомлинов.

В июле мы получили участок для полуинструментальной съемки размером в 8 кв. верст и переехали

в деревню Рюдемюле, не столь глухую, как Хабони: она находилась на шоссе, в расстоянии 2—3 верст от Ропши. В конце июля, после поверки этой 2-ой нашей съемки проф. Кублицким, мы отправились по жел. дороге на станцию Волосово, Балтийской жел. дороги, где нам был дан участок в 15-2? кв. верст для глазомерной съемки.

Здесь было много дач для небогатых петербуржцев. На одной из них была отведена квартира мне с женой. Наша работа продолжалась здесь 15 дней, и мы с удовольствием уехали отсюда в Петербург.

По возвращении в Петербург мы прожили несколько дней у Саваровских, а затем переехали в квартиру в 3 небольшие комнаты с кухней на Конногвардейском бульваре, во дворе, выходившем и на Галерную улицу. Квартира находилась над прачешной и вероятно поэтому была очень теплой. Дядя Саваровский снабдил нас своей мебелью.

Квартира была в пяти минутах хода от Академии. Это было хорошо, но это же обстоятельство пердставляло для меня и известную опасность, так как очень легко было опоздать на лекции на 1-2 минуты и не успеть расписаться на листе бумаги, который уносился из швейцарской в канцелярию ровно в 8 часов утра.

По прибытии со съемок мы нашли в Академии вывешенное уже расписание осенних экзаменов. В последнюю очередь была поставлена история военного искусства ген.-майора Н. Н. Сухотина — 5 дней подряд, без указания чисел (дней). Генерал был в отпуску в Крыму, или на Кавказе, и ожидали его возвращения. Для того экзамена слушатели были разделены на 5 групп.

Сухотин был гроза, перед которой все трепетали. Никто не имел желания, чтобы его группа экзаменовалась в первую очередь: хотелось посмотреть раньше, как пройдут другие. Поэтому было решено порядок групп для экзамена установить жребием. Я попал в 3-ю группу.

Между тем все прочие экзамены закончились, а Сухотина все нет и нет ! Через 2.3 дня начались лекции старшего курса, и мы заняли там места в аудитории. Прошло дней десять, и Сухотин, наконец, приехал. Утром увидели объявление, что наши лекции временно прекращаются, и указаны дни экзаменов всех групп по истории военного искусства. Группа 1-ой очереди была в панике ! И паника оправдалась: их этой группы мыбыло сразу, кажется, 5 офицеров (вот и послушали лекции старшего класса, да и уехали в свои части !).

Во время экзамена 1-ой группы в аудитории присутствовало много офицеров остальных групп, которые хотели послушать, как идет экзамен, на что обращается особое внимание и какое настроение у экзаменатора. Сухотин вообще не любил в ответах разглагольствования, а требовал ответов кратких, ясных и вполне точных. В противном случае терял настроение, признаком чего было его подношение руки к голове и взъерошение волос.

Наша группа, где были Смирнов и я, прошла благополучно: мы оба получили, кажется, по 10 баллов и приобрели законное право сидеть в аудитории старшего класса. В этом классе, кроме лекций по курсу, были еще добавочные лекции кандидатов в профессора. Таковыми были доклады полковника ген. штаба Гейсмана и подполковника ген. шт. Баскакова.

На Рождественские праздники я с женой уехали на хутор к моей матери. Я захватил с собой 2-ую часть "Стратегии" ген. Леера, чтобы подчитать ее дома, а жена взяла свою золотую медаль, полученную при окончании гимназии и еще некоторые золотые вещи. Все это было в чемодане, а чемодан над нашими головами.

От узловой станции Ново-Вилейка мы ехали по Либаво-Роменской жел. дороге. Против меня сидел молодой человек в студенческой фуражке, интересный собеседник, и я с ним проговорил далеко за полночь. Утром, когда я проснулся, подъезжая к Бобруйску, в вагоне не оказалось ни "студента", ни нашего чемодана ! Я подал заявление начальнику жандармского управления, но только через год получил уведомление, что предместник нового начальника никакого розыска по моему заявлению не производил, а попытка нового не дала никаких результатов. Таким образом жена лишилась золотых вещей, а я не только не мог заниматься дома стратегией, но еще должен был уплатить Академии стоимость украденной книги !

После Рождества Смирнов стал часто пропускать лекции в Академии "по болезни". В действительности же он начал увлекаться лекциями в Военно-Медицинской Академии, куда ходил со своим двоюродным братом. Очевидно последний и повлиял на него, но еще и его зять, Кружилин, подал ему пример своим переходом из Михайловской артиллерийско Академии в Киевский Университет. В конце-концов, до начала переходных экзаменов, Смирнов отчислился от нашей Академии и уехал в Батум, переведенный туда в крепостную артиллерию.

По окончании переходных экзаменов на дополнительный курс, мы были два месяца на съемках (полуинструментальной и глазомерной) в районе станции Плюсса и Белая С. Петербурго-Варшавской жел. дороги. На этот раз я работал с моим же товарищем по Михайловскому училищу, конно-артиллеристом Ф. В. Рубцом. Жена моя в это лето со мной не ездила, а уехала к своим родителям в Ровно.

На месте работы мы вскоре познакомились с местной жительницей — вдовой, имевшей взрослую дочь — девушку и сына, юного гимназиста. Дочь Зоя недурно писала стихи, которые довольно часто появлялись в весьма распространенном тогда журнале "Нива". И мать, и дочь были очень симпатичны и весьма гостеприимны (фамилии их не помню). Мы часто обедали у них по воскресеньям, заходили к ним в будние дни на чашку чая, при возвращении с

участка домой. Если мы некоторое время не приходили, к нам командировался с приглашением сын. — В этом районе были и дачники из Петербурга: с некоторыми из них мы также познакомились.

После поверки этих съемок все офицеры старшего класса были собраны в Луге, в районе которой была произведена учебная полевая поездка. Для этого слушатели были разбиты на группы по 4 человека. Руководителями групп были штаб-офицеры генерального штаба из числа профессоров, служащих в академии и особо приглашенных лиц. Я с Рубцом попал в группу полковника Вольского, служившего в Академии в должности "штаб-офицера, заведывающего обучающимися" в ней офицерами (нечто вроде "классной дамы" в женских институтах и гимназиях). Лошади с конными вестовыми были назначены для этой поездки из кавалерийских полков.

Каждая группа решала на местности общую задачу на все виды деятельности войск : расположение биваком, походное движение, охранение на походе, атака и оборона позиции, с приложением кроки и письменных распоряжений. Задача давалась вечером. Первый день был для ее решения с приготовлением кроки и письменных распоряжений, второй — для поверки ее на местности руководителем. В этот день, при объезде и осмотре бивака, позиций и путей наступления отряда, приходилось проехать верхом много верст, а потому некоторые из пехотных офицеров, невтянутых в верховую езду, сильно страдали и некоторые из них, особенно на трясучих лошадях, разбивались до крови. Через 4 дня назначалась дневка для отдыха.

Первая дневка пришлась на 5-е (18-о) августа 1892 года. Моя жена уже вернулась из Ровно Квартиры мы еще не имели, и она поселилась временно у своей родственницы, в квартире начальника С. Петербургского юнкерского училища, полковника Вишнякова, на Петербургской стороне. В данное время, однако, она, ожидая рождения ребенка, находилась уже в клинике, на той же Петербургской стороне.

С разрешения руководителя партии, я по окончании проверки работы, приехал вечером 4-го августа на квартиру полк. Вишнякова и моментально заснул как убитый. А утром родственница разбудала меня и поздравила с рождением сына. Я мог потом пробыть у жены целый день, а вечером уехал обратно в Лугу.

Полевая поездка закончилась для меня очень удачно. А она имела большое значение, так как бал за нее шел уже на дополнительный курс и был одним из четырех, средний балл из которых определял судьбу офицера при окончании академии.

За время полевой поездки у нас установились добрые отношения с руководителем, полковником Вольским, который потом, зимой, приглашал нас всех к себе в дом. Злые языки говорили, что причиной того были две взрослые дочери его, а двое из нашей группы были холостые. Но из этого ничего не вышло.

Когда я вернулся, надо было решить наш квартирный вопрос. Он оказался значительно проще, чем я предполагал. Дядя Саваровский предложил нам квартиру в одном из многочисленных домов кн. Юсупова — на Офицерской улице, рядом с Литовским рынком и против тюрьмы. Квартира была на втором этаже и состояла из 5-ти комнат и кухни. Саварский омеблировал своею мебелью и поставил в ней свой рояль. Квартира была сдана нам с уступкой, за 40 рублей в месяц. Это было мне совсем по средствам, но она была так хороша и удобна, что трудно было от нее отказаться, тем более, что это была уже последняя для меня зима в Петербурге. Большим удобством ее было и то, что она была недалеко от академии и совсем близко к Мариинскому театру, и легко было поэтому приобретать удешевленные входные билеты по офицерскому свидетельству.

На дополнительном курсе Академии лекций не было. Курс предназначался для самостоятельной разработки слушателем трех тем. Первая из них была военно-историческая, вторая — по теории военного искусства и третья представляла собой стратегическо-тактическо-административную задачу на действия армейского корпуса на указанном театре с географическим и статистическим описанием этого театра. На каждую тему предоставлялось по два месяца. С окончанием срока работы каждой из первых двух тем, слушатель представлял в канцелярию Академии подробный конспект своей работы. Для каждой темы должны были быть изготовлены подробные планы в крупном масштабе и схемы, которые в день доклада темы прикреплялись к доскам в аудитории.

Профессора, назначенные для слушания доклада, очерчивали на конспекте те пункты, которые требовались доложить на другой день в аудитории, и затем конспект передавался офицеру. На доклад давалось 45 минут времени, и докладчик должен был включить в него все требуемые профессорами пункты конспекта. Если докладчик не успевал доложить о всем указанном ему в конспекте, или, наоборот, у него еще оставалось время по окончании доклада, это ставилось ему в вину : в первом случае — что он не сумел справиться с временем, во-втором — что он мог сделать доклад более основательный, если бы использовал остаток времени.

Работа по третьей теме представлялась в канцелярию академии полностью, со всеми письменными приложениями и чертежами, и на докладе в назначенный день, в присутствии трех профессоров, нужно было в течении 45 минут доложить все ее содержание.

Первой моей темой был Хивинский поход 1873 г. Кто был моими оппонентами, теперь не помню" знаю только, что за эту работу я получил 11 баллов.

Со второй темой мне очень повезло : я получил тему "Степная война". Мне очень теперь помогла моя первая тема, которая была хорошо разработана : часть нужного мне материала заключалась уже в ней, а кроме того пригодилось и несколько планов и схем степного похода. — Затем много примеров было мной

взято из других степных походов вплоть до похода ген. Скобелева к Геок-Тепе в 1880 году. Выведенная мною отсюда теория степной войны обосновывалась таким образом на многих примерах, которые иллюстрировались схемами.

Оппонентами для моей этой темы были назначены генералы Сухомлинов и Кублицкий. Кроме того на докладе присутствовал начальник Академии, генерал Леер. Первым сделал разбор ген. Сухомлинов и отнесся к моему докладу весьма одобрительно. Затем слово принадлежало ген. Кублицкому. Его оценка превзошла мои ожидания. В заключение ее он сказал буквально следующее : "Сказать так много, и так много интересного, в такой короткий срок времени — это удел не каждого !" Генерал Леер в нескольких словах похвалил мой доклад, подошел к доске, у которой я стоял, и, поблагодарив меня за "прекрасный доклад", пожал мне руку. Это был случай небывалый !

Как третья тема мне была дана задача на действия амрейского корпуса на Финляндском театре. Работа должна была представлять доклад Начальника штаба командиру корпуса. В докладе должен был быть сделан обзор театра действий в отношении характера местности с военной точки зрения, путей сообщения, средств края, намеченных позиций и пр., а равно способов снабжения корпуса всеми видами довольствия. Затем предлагался план действий, начиная из данного исходного положения. В зависимости от принятого командиром корпуса решения, отдавался приказ корпусу о наступлении по избранным путям, об охранении, разведке и т. д., и, наконец, о боевом столкновении.

Обозначение на месте обозначалось на плане условными знаками. Походное движение с мерами охранения и разведки, а также боевое столкновение, показывалось на восковой бумаге, накладываемой на карту.

На всю эту работу давалось 2 месяца, а для рассмотрения ее назначались три профессора.

Работа по выполнению этой темы требовала много времени, усидчивости и умения распределить время так, чтобы закончить работу в назначенный срок. Я лично, перед ее подачей просидел целую ночь напролет за дополнительной работой : брошюровкой, нумерацией страниц и приложений, подклейкой карт и т. п.

Бывали случаи, что офицер не успевал довести работу до конца, и результатом этого было отчисление его от Академии. Он, правда, не лишался права вновь держать вступительный экзамен, но должен был начать со старшего класса, т. е. — при успехе — потерять два года ! Я помню случаи, когда офицер, поступив вторично, опять не справился с временем, и был отчислен вновь. Держать экзамен в третий (последний) раз — у него уже не хватило настойчивости и энергии.

По сдаче 3-ей темы наступила полная свобода и заслуженный отдых. Это было странно и первое время я чувствовал тебя каким то потерянным. Правда, меня интересовали некоторые доклады, или сами докладчики, и ятогда шел в Академию: но это уже не имело характера обязательности.

Когда все доклады закончились, мы еще оставались некоторое время в Петербурге в ожидании представления Государю, который находился в это время в Крыму. Возвращение Его однако задержалось, и представившись Военному Министру, мы разъехались по военным округам. Я взял ваканцию в свой. Киевский, округ, куда вышло 5 офицеров, в том числе и сын Командующего войсками округа, Абрам Драгомиров.

А. Забелин.

Воспоминания об Императоре Николае II

В 1898 году, в октябре месяце, я представлялся Императору Николаю Александровичу в Царскосельском дворце, по случаю назначения меня и. д. начальника канцелярии военного министерства.

Накануне я справился у генерала Редигера, начальника канцелярии Военного министерства, о порядке Высочайшего приема, и естественно волновался по поводу предстоящей первой моей личной встречи с Императором.

Генерал Редигер успокоил меня, сказав, что дело просто и быстро — всех представляющихся выстроят в зале, Государь выйдет, обойдет представляющихся, скажет каждому две-три фразы и отпустит.

Когда на другой день, к 10 ч. утра, я прибыл по Царской ветке, в нескобькими лицами в Царское Село, на вокзале нас ожидали придворные экипажи с ливрейными лакеями на козлах и конюшенный офицер, с помощью которого мы разместились в кареты и поехали в Александровский малый дворец, в котором проживал Государь с Своим Августейшим Семейством.

Здесь нас встретил дежурный флигель-адъютант, князь Оболенский и через целую анфиладу комнат, мы были приведены в Царскую библиотеку. Через несколько минут вновь появившийся кн. Оболенский заявил нам, что "Его Величество будет принимать

Вас каждого в отдельности в своем кабинете" и предложил перейти в приемную комнату, расположенную рядом с кабинетом Государя. Мы все заволновались. Представляющих в этот день было мало, 15 человек, этим, вероятно, и обяснилось желание Государя принять нас каждого в отдельности.

Приемная оказалась комнатой небольших размеров, в 2 окна. По середине она была покрыта великолепным текинским ковром, на котором стоял стол, покрытый бархатной салфеткой — на столе книги и альбомы.

Вдоль стен мебель, обитая темной кожей с металическими гвоздиками звездочкой. Одна из стен украшена превосходной художественности портретом Императрицы Александры Феодоровны. Дверь в кабинет — плотно закрыта, у двери камердинер в черной фрачной паре. Старшим из представлявшихся, был Иркутский генерал-губернатор, и командующий этим округом Генерал от инфантерии Горемыкин. Он стоял ближе всех к дверям Государева кабинета.

Ровно в 10 часов, минута в минуту, вошел в кабинет Императора, дежурный флигель-адъютант и тотчас же выйдя, пригласил войти Горемыкина. Ауденція Генералу была продолжительная — он оставался в кабинете не менее 15 минут. Вышел весь сияющий, радостный. Затем входили в кабинет по старшинству. Я был в то время полковником и стоял одним из последних. Когда, наконец, заветная дверь открылась перед мною и я вошел в кабинет, я увидел ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО на другом конце довольно обширной комнаты, склоненным над письменным столом. Государь тотчас же пошел мне навстречу. Он был одет в малиновую шелковую рубашку с полковничьими погонами, в коротких рейтузах и высоких сапогах. Рубашка же опоясана малиновым же шелковым шнуром. Поройдя ко мне с приветливой улыбкой, смотря прямо в мои глаза своими умными ясными голубовато-серыми глазами и протягивая мне руку, Государь произнес :

"Вы до сих пор служили в железнодорожном отделе Главного штаба, под начальством генерала Головина".

"Так точно Ваше Императорское Величество".

"Только что вчера я назначил генерала Головина членом Военного Совета, таким образом, Отдел потерял двух крупных работников".

Увидя у меня на груди орден Св. Станислава 3 ст. с мечами, Государь спросил :

"Вы участвовали в Турецкой войне ?"

"Так точно, Ваше Императорское Величество, в рядах Л.-Гв. Московского полка".

"И что же Господь Вас хранил".

"Так точно, именно хранил".

"Что Вы этим хотите сказать ?"

"Ваше Императорское Величество, под Горным Дубняком у был тяжко ранен в грудь на вылет, доктора не надеялись на мое выздоровление, затем все говорили, что я живу вопреки законам Божфим и человеческим — затем, как то машинально добавил, хотя я причислен к Александровскому комитету о раненных. Государь засмеялся и сказал :

"Ну, это на всякий случай" — "У нас на новой должности ведь очень много работы".

"Так точно, Ваше Императорское Величество, слава Богу, недостатка в работе нет".

Протягивая мне вторично руку, Государь проговорил :

"Желаю Вам полного успеха на Вашем новом трудном служебном поприще".

Покорно благодарю, Ваше Императорское Величество. Таким образом закончилась моя аудиенция, затем всех нас, представлявшихся, в придворных каретах, отвезли в запасную половину большого Царскосельского дворца и там угостили от Царского имени отличным завтраком, во время которого мы все наперерыв друг с другом обменивались впечатлениями от приема у Государя и все одинаково восторгались простотой, привлекающей приветливостью и чарующей лаской Нашего Царя.

Через год (в 1899 году) я был произведен в генерал-маиоры и по этому случаю должен был представляться Императору. На этот раз прием был назначен в Зимном дворце и на прием собралось одновременно более ста человек. Нас выстроили в концертном зале.

Дежурный флигель-адъютант указал, что при приближении Государя, называть ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ свою фамилию. Когда Государь остановился против меня, я произнес : "Генерал-маор Забелин. Государь весело улыбнулся и сказал :

"Знаю, это Вы подписываетесь с таким росчерком", и Государь нарисовал пальцем в воздухе, мой росчерк и добавил :

"Крючком". Затем приветливо кивнув, отошел к следующему.

Эти слова Государя требуют пояснения. Дело в том, что помощник канцелярии, каковым в то время был я, скреплял своею подписью все журналы заседаний частного присутствия Военного Совета. Некоторые утверждения представлялись в подлиннике Императору. При этом для облегчения Государя, к журналам прилагались так наз. меморни, т. е. краткое изложение того, на что именно испрашивалось Высочайшее разрешение. Государь налагал, по заведенному изстари обычаю, свои резолюции на мемориях и потому мог ограничиваться чтением только мемории, не читая самих журналов, в коих все обстоятельства каждого дела излагались очень подробно с полной точностью.

Видимо, однако, Николай II, не ограничивался чтением только мемории, а читал и просматривал самые журналы, на последних страницах коих он усматривал подписи членов Военного Совета и мог видеть мой росчерк, который почему-то остался у Него в памяти.

Что Император читал внимательно, самые журналы Военного Совета, интересуясь деталями дел, тому доказательств можно вспомнить очень много.

Были, например, такие случаи по ошибке писаря, журнал заседания Военного Совета, происходившего в 1902 году, был помечен 1901 год. Никто, ни члены Совета, ни начальник канцелярии, не заметили этой ошибки, а когда Государь вернул журналы, утвердив постановления Военного Совета, мы заметили собственноручное ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА синим карандашом исправление даты журнала.

Иногда случалось, что в тексте журнала, какое либо слово, случайно написано неграмотно или заменено переписчиком не соответствующим выражением и оная ошибка нами не усмотрена — смотришь, получая назад от Императора журнал и диву даешься — как это я, такой аккуратный, подписывая журнал и внимательно его прочитавший, не увидел ошибки, а ЦАРЬ ее заметил и лишь подчеркнув красным или синим карандашом или поставил вопросительный знак.

В 1900 году Лейб-Гвардии Московский полк праздновал 50-летие шефства Великого Князя Алексея Александровича, который был шефом полка со дня своего рождения и ему исполнилось 1-го января пятьдесят лет.

Государь и вся ИМПЕРАТОРСКАЯ фамилия (мужчины и дамы) были в этот день в Полку и приняли завтрак в Офицерском собрании, после молебна и парада в Высочайшем присутствии, в полковом манеже.

В числе приглашенных был и я, как бывший офицер Л.-Гв. Московского полка. Во время завтрака Его ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ было поднесено шампанское в золотом бокале, сделанном специально для этого случая. Государь немного отпив вина, передал бокал соседу, тот также отведав вина, передал следующему и т. д. Таким образом бокал с шампанским обошел всех участников завтрака, более 200 человек и возвратился к ИМПЕРАТОРУ, который допил до дна последния капли.

Это был молчаливый, но чрезвычайно красивый жест. По отъезде Государя, этот бокал хранился в собрании в особой витрине, под стеклянным колпаком.

В 1904 году, когда возникла Русско-Японская война, в марте мес., я был назначен Начальником Военных сообщений Манджурской армии. По случаю этого назначения и отъезда на театр войны, я представлялся Государю Императору — на этот раз в Зимнем дворце. Я был введен в небольшую, в одно окно комнату, обитую малиновым штофом и с такой же штофной мягкой мебелью. Следующая комната в три окна была биллиардная — посреди ее стоял биллиард. В следующую затем комнату двери были закрыты. В приемной, кроме меня, не было никого. Лакей, впустивший в приемную, скрылся. Я стоял в недоумении. Из биллиардной вышел очень пожилой господин во фраке и с большим числом орденов, кои я по близорукости сразу не распознал (это были все медали) и издали принял сего солидного господина за сановника. Когда он приблизился, я хотел было ему представиться, полагая, что он подобно мне, ждет Государева приема. Не успел я привести в исполнение свое намерение, как почтенный господин, почтительно поклонившись мне, проговорил :

"Пожалуйте Ваше Превосходительство, в биллиардную, поближе к кабинету. Его Величество сегодня очень торопится, я Вас впущу без доклада, как только выйдет генерал бар. Штакебьберг.

Тогда я понял, что со мной говорит камердинер Государя. Как все верные личные слуги, этот камердинер оказался очень словоохотливым и в течении нескольких минут моего ожидания, поведал мне кое что из характеристики и жизни Государя Николая II. Камердинер объявил мне, что он служит уже третьему ИМПЕРАТОРУ, что начал службу личным камердинером АЛЕКСАНДРА II и продолжал ее при АЛЕКСАНДРЕ III и НИКОЛАЕ II. Он сказал — самый скрытный из Этих Государей — НИКОЛАЙ II. Он никогда не обнаруживает своих внутренних волнений. Но я, пояснял старик, отлично изучил Его натуру и как не старается Государь скрыть переживаемое разтражение, принимал на себя еще более ласковую приветливую личину, я по некоторым складкам Его лица знаю, что Он чем нибудь недоволен, раздражен или возмущен. Удивительно, при этом, чем больше Государь разстроен, тем ласковее Он бывает с окружающими. Далее камердинер мне разсказал, как хорошо живет Государь с своей Супругой. Ведь они почти всегда дома, кой когда поедут в театр.

Вернувшись скоренько, выпьют чайку и "Он" бежит в кабинет и засиживается за бумагами и долго работает. Действительно я могу со своей стороны засвидетельствовать, что Государь поражал нас своей работоспособностью. Когда я был впоследствии Начальником Канцелярии Военного министерства я посылал Государю ежедневно всеподданнейшие доклады по всем Гл. Управлениям военного министерства, таких докладов посылалось от 3 до 2?, иногда и более, и не было случая, чтобы доклад задерживался у Государя. Обыкновенно они возвращались с Царскими резолюциями на другой же день и в исключительных случаях, через 2 дня. Позже никогда, а ведь посылало доклады не одно Воен. министерство, но и другия.

После выхода Штакельберга, вошел в кабинет я. Это была громадная, чрезвычайно светлая, прекрасно обставленная комната, с окнами, обращенными на две стороны. Государь встретил меня почти у самых дверей и спросив, когда я уезжаю, напутствовал меня ласковыми словами.

8-го июля 1905 года, находясь на должности Начальника воен. сообщений Манджурской Армии, я был неожиданно назначен на новую должность начальника канцелярии Военного министерства, вместо Ген. Редигера, призванного Государем на должность Военного министра.

Прибыв в конце Июля в Петербург и отдохнув в течениее недели в кругу своей семьи на даче, я вступил в исполнение своей многосложной и ответственной должности. Дней через 8-10, я получил от воен-

ного министра записку, в которой Ген. Редигер извещал, что "сегодня после моего доклада, Государь спросил прпехал ли Генерал Забелин". Видимо Император ожидает Вашего Ему представления". Задержался же я из за костюма, заказанное мною новое форменное платье еще не было готово. После этого, я конечно принял все меры и поспешил записаться желающим представиться Его Величеству.

Прием состоялся на Царской даче в Александрии, близ Петергофа. По обыкновению, Государь был чрезвычайно приветлив. Видя меня в цветущем здоровии, шутливо проговорил, что не спрашивает меня о здоровии, ибо сам мой внешний вид говорит, чт оно прекрасно и высказав, что очень хоршо знает, как тяжела моя должность, пожелал мне с успехом ее исполнять, в чем Я и не сомневаюсь, — заключил Государь, пожимая мне руку и отпуская меня.

Осенью 1909 года, после одного из моих докладов военному Министру, Генерал Сухомлинов мне сказал : Предположено увольнение Великово Князя Константина Константиновича от должности Гл. Начальника Воен. учебных заведений и кандидатом на эту должность Государь намечает Вас".

Я возразил, что к этой должности я не подговлен.

"Тем лучше, — ответил Сухомлинов, — туда надо совершенно свежего человека. Вы подумайте. Я ответил : "Чего думать, я совершенно удовлетворен и доволен своим положением Начальника канцелярии Воен. министерства, ничего не желаю, тем более, что по рангу предлагаемая мне Вами новая должность одинакова с ныне мною занимаемой.

"А все таки подумайте" — ответил Сухомлинов.

Разговор происходил в начале ноября. Прошел ноябрь, декабрь 1909 и январь 1910 — больше разговора по этому поводу не возникало. Я успокоился, решил, что вопрос об увольнениии Великго Князя и моем его замещении совершенно отпал, как вдруг в первых числах февраля Сухомлинов объявил мне в один приемный день, что сей вопрос, наконец, разрешился и что ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО окончательно остановил свой выбор на мне и что приказано заготовить Высочайший Приказ к Указу Сенату о моем новом назначении. Когда я стал было протестовать, Сухомлинов перебил меня словами : "Таково личное желание Государя". Тогда я смолк, сказавши — "Желание Государя для меня закон".

16-го марта 1910 г., я назначил прием должности Начальника Гл. Упр. воен. учебн. заведений и приказал для сего собраться к 10-ти ч. утра в приемном зале Гл. Упр. в. у. з. всем чинам, служащим в нем, а также и начальникам Петроградских воен. учебных зав. Утром 16-го марта, когда я собирался ехать на прием, мой помощник, ген.-лейтенант Яковлев, сообщил мне по телефону, что Государь прибыл в Павловское военное училище, при этом ген. Яковлов спрашивал меня — буду ли я принимать, как назначил чинов в. у. з. или же поеду в Павловское воен. училище. Я ответил, что буду принимать должность и приеду к 1? час. в Гл. управление, а его, Яковлева, прошу немедля поехать в Павловское воен. уч.

Через день, 18-го марта, я представлялся ИМПЕРАТОРУ в Александровском Царскосельском дворце.

Произошел следующий разговор :

Государь — "Третьего дну в 10 час. утра, Я был в Павловском в. у. В подъезде Я столкнулся с начальником училища — Ген. Хабаловым, одетым в парадную форму. Когда Я его спросил — куда это он в таком параде, он доложил, что собирается ехать в Главное Упр. представляться новому Начальнику. Ну, конечно, он остался, а Вы почему не приехали в училище, когда Я был там". Не давши мне еще ответить, Государь добавил : "Вероятно потому, что еще не представлялись Мне".

"Я — так точно Ваше Императорское Величество и кроме того я не вступил еще в должность. Государь, как бы извиняяс — "Но Я не мог принять Вас раньше".

Затем Государь в течении более получаса развивал передо мною свои мысли и свой взгляд на воспитание детей и юношей, подготавливавшихся к военной службе и несколько раз повторял : "Готовьте настоящих офицеров, а не институток".

За время моего пребывания во главе Ведомства воен. учебных завед. мне приходилось часто видеть и говорить с Государем. Передам наиболее характерные случаи :

В 1910 году летом в Красном Селе был назначен войскам сметр сокольской гимнастике в Высочайшем присутствии.

К смотру были привлечены и военные училища, отбывавшие лагерный сбор под Красным селом. Я должен был присутствовать па смотру, участвовало более 15 тысяч человек. Картина была поразительно красивая, с высоты Царского валика, куда Государь пригласил меня, где Государь Сам смотрел гимнастику, окруженный свитой и иностранными в. агентами.

Единовременные ритмические движения многотысячной массы молчаливых людей, под звуки мощного оркестра — производили сильное впечатление.

Внизу Царского валика стояли на конях четыре литаврщика, которые после каждого упражнения, передавали сигналами на серебрянных литаврах, благодарственные слова Императора исполнявшим упражнение войскам, которые после сигнала одновременно, стройно и громогласно отвечали : "Рады стараться Ваше Императорское Величество". Эти ответы, казалось, исходили из одной мощной колоссальной груди преданного Царю Гигантского Существа. Впечатление, в особенности на иностранцев было ошеломляющее. После смотра, вместе с многими другими высокопоставленными лицами и иностранными военными агентами, я был приглашен к Высочайшему завтраку в Красносельскую Царскую палатку.

По окончании завтрака, под звуки чудного придворного оркестра, Государь обходил присутствующих, подойдя ко мне, Государь проговорил :

"А Вы заметили с каким интересом и изумлением посматривали иностранные агенты на гимнастику ?"

"Так точно, Ваше Величество, смотр по моему ни иностранцев произвел сильное впечатление и отчетливостью упражнений и поразительной дисциплиной в наших войсках".

Государь улыбнулся и сказал :

"А все таки Скугаревский завтра же напишет, и будет нас критиковать. — Ну, мы не будем обращать внимания на его писание и будем продолжать начатое дело, от которого я предвижу только пользу. Кстати, в каком положении дело у Вас в Военно-учебн. заведениях ? — Введена ли сокольская гимнастика ?"

"Никак нет, Ваше Величество, еще не введена. Я не могу воспользоваться уставом, какой введен в войсках, мои подчиненные еще дети и юноши, организм их еще хрупкий. у меня особая комиссия с участием врачей, которая вырабатывает специальное наставление для сокольской гимнастики, но с сентября, я надеюсь ввести ее во всех учебных заведениях.

Государь : "Ну, конечно, конечно. Вам нужно особое наставление, в виду возраста Ваших питомцев. Очень хорошо".

В 1911 году я испросил особым докладом разрешение представить Государю кадет на смотру гимнастики. При этом, чтобы не нарушать хода учебных заведений, время для смотра было назначено по окончании переходных экзаменов — 7-го июня.

К указанному времени можно было вызвать на смотр команды от 12—15 кадетских корпусов, по 40 человек от каждого, т. е. до 600 кадет. В конце апреля, Сухомлинов объявил мне, что Император изменил день смотра, назначив вместо 7-го — 3-го июня, вследствие этого сокращалось число корпусов и я был очень огорчен.

4-го мая того же года, по случаю производства в Ген. от инфантерии, я представлялся Императору в Царскосельском дворце. Государь, между прочим, проговорил : "В Июне Вы мне покажете гимнастику Ваших кадет, и заметив на моем лице как бы тень, Государь тотчас же спросил :

"Но Вы как будто не довольны".

Я — "так точно Ваше Величество, я разстроен переменой дня смотра".

Государь :"От чего ?"

"Ваше Величество, я первоначально разсчитывал представить команды от 15-ти корпусов, а теперь едва соберу 7—8 корпусов".

Государь : "А Вам хотелось побольше".

Я — "Ваше Величество, уж если представлять Царю, так было бы что, а то что же выводить на показ 200 человек.

Тогда. Государь взял со стола записную книжку и перелистав ее, сказал :

"Ну, хорошо, я могу Вам дать еще два дня, смотр произведу 5-го июня — это Вас устраивает ?"

"Так точно Ваше Величество, к 5-му я могу собрать 1 команд. Затем, каюсь, я позволил себе безтактность. Я осмелился спросить : Это Ваше Величество, окончательно, больше перемен не будет.

Государь рассмеялся и дважды повторил : "Окончательно, окончательно".

(Продолжение в следующем номере)

В. Каменский.

Воспоминания Курьера Генерала Врангеля 1921—1924

Служба дипломатического курьера считалась одной из самых спокойных и хорошо оплачиваемых служб.

Я поступил на эту службу, уже в эмиграции, когда жизнь Европейских Держав, перекроенных Версальским договором, еще не вошла в свое новое русло, когда смена Правительств сопровождалась всевозможными волнениями, когда валютная проблема была совершенно не уравновешена и жизнь всюду дорожала, вызывая этим неудовольствия, забастовки и проч.

Русскому беженцу путешествовать из одной страны в другую было особенно трудно, т. к. получение визы было крайне затруднительно и сопровождалось всегда с потерей масса времени и хлопот.

Первое время я не получал дипломатических виз, но ставились они безплатно как курьез, но уже на второй год службы я завел себе дипломатический паспорт, т. е. собственноручно начертал эти слова на своем паспорте, который был переплетен в изящный переплет с золотыми буквами. После этого, почти все страны, за очень малым исключением ставили дипломатические визы и мои путешествия через границы проходили без всяких затруднений.

Лишь гемранские власти не ставили мне никогда никакой визы. К этому времени Германия одна из первых признала большевиков, но в тоже время ее правительство очень сочувственно относилось к нашему белому движению.

Мин. Иностр. Дел по просьбе нашей Военной Делегации выдавало мне перед каждой поездкой особый лист «laissez passer», в котором указывалось, что я курьер Русской Делегации. Этот лист при моем обратном возвращении на немецкой границе отбирался

— я был освобожден от таможенных осмотров и приравнивался к дипломатическим курьерам.

Такое положение существовало все время в течении моей курьерской службы и ни разу не вызывало на немецкой границе никаких недоразумений или затруднений.

Переносясь мыслями в то далекое время, я вспоминаю эту эпоху и службу дипломатического курьера генерала Врангеля, как самую интересную за всю мою жизнь.

Еще до получения этой интересной должности, я в 1920 году был дважды командирован от Русской Военной Делегации в Берлине, в которой я служил, в Белград.

Посланный с какими то бумагами в Белград Кирасир Ее Величества В. К. Розенберг имел какие-то неприятности в Вене и Начальник Делегации, Ген. Штаба, Полк. Брандт предложил мне срочно выехать в Вену и уничтожить все, что вез Розенберг. Пользуясь этой командировкой я испросил разрешение проехать дальше до Белграда, где собирался повидать своего одноклассника по Пажескому Корпусу, Королевича Александра Сербского.

Получив это разрешение, я на следующий день выехал в Вену, причем председатель Делегации Русского Красного Креста в Берлине, барон Врангель, снабдил меня письмом, в котором значилось, что "может быть Вам, при посещении дружеских нам Государств, удастся создать настроение для оказания посильной помощи Русскому Красному Кресту".

Догнав Розенберга в Вене, мы сожгли всю его почту, а затем вместе отправились дальше. Наше путешествие было крайне трудно : угля было мало, поезда ходили редко, всегда очень переполненные, редко соблюдая расписание.

С продуктами тоже было очень трудно. Но переехав сербскую границу, у мест. Spiel, картина резко менялась — на вокзале изобилие всего и белый хлеб, и сыры и колбасы.

А когда на этой же станции я подошел к кассе, чтобы взять билет до Белграда, то кассир, узнав, что я русский, отказался принять деньги за проезд, выдавая мне особое разрешение на право проезда в Белград во 2-ом классе.

В это время волна беженцев еще не докатилась до этих мест, чем и объясняется такой жест со стороны кассира.

По приезде в Белград, где в то время нанять комнату было крайне трудно, я остановился в Земуне, — городке на другом берегу Савы, связанным с Белградом сообщением.

На следующий день, облачившись в военную форму, я явился нашему Военному Агенту генералу Артамонову и от него отправился во дворец, где маршал двора принял меня очень любезно и узнав о цели моего визита, просил зайти на следующий день, чтобы узнать, когда мне назначена аудиенция у Королевича Александра. Но уже вечером того же дня, на квартиру, где я остановился пришел жандарм и передал мне записку, что аудиенция назначена на следующий день в таком-то часу.

Королевич Александр принял меня как старого приятеля, говорил со мною на ты, расспрашивал про судьбу наших одноклассников, про мою семью, которую он знал, т. к. бывал у нас в доме в СПБ. и когда я ему сказал о цели моей поездки и показал ему бумагу барона Врангеля, то он попросил оставить ее на 2 дня, когда мне следовало зайти за ответом. Через 2 дня я снова был принят Королевичем, который предложил мне кофе и сообщил, что просьбу Красного Креста повидимому удастся удовлетворить, но у него в данное время нет правительства, которое снова соберется на днях и тогда вопрос и будет улажен. Деньги будут переведены в Париж нашему послу, и оттуда уже в Берлин, причем помощь должна идти для стариков, детей и больных.

К концу нашей беседы подошел бывший сербский посланник в России, Спайкалович, который с исключительной любовью вспомнил Россию и искренно горевал о гибели Царской семьи.

Королевич Александр заявил мне, что я могу считать мою миссию выполненной и могу спокойно возвращаться в Берлин. На прощанье он подарил мне фотографию с надписью, которая и висит у меня в комнате. Деньги, если не ошибаюсь, 200.000 динар, были действительно ассигнованы Скупщиной, но в это время в Сербию хлынула первая волна русских беженцев из Константинополя и ассигнованная сумма не дошла до нашего посла в Париже, и целиком ушла на удовлетворение нужд этих первых беженцев и послужила началом той громадной помощи, которую так щедро оказывало правительство Югославии в течении многих лет русским, которые осели в этой гостеприимной стране.

Регулярная курьерская служба началась лишь в 1921 году и продолжалась до 1924 года.

Кроме меня был еще другой курьер Штаба Главнокомандующего Н. Б. Мандровский, который начал эту службу еще до меня, но не успевал один быстро проделывать этот сложный по тем временам маршрут. Мы почти никогда друг друга не видели, т. к. он выезжал с севера, а я с юга или наоборот и наши поезда скрещивались па маленькой станции в Венгрии, где мы махали друг другу шляпами.

В начале мой маршрут был Берлин — Прага, Вена, Будапешт, Белград, София, Константинополь и обратно, затем с упразднением В. Агента в Праге, я миновал Чехословакию, а с переходом Штаба Генерала Врангеля в Сремски Карловцы, доезжал лишь до Белграда и уже в 1924 году совершал рейсы Париж—Белград.

Первая моя поездка была очень трудная. После больших хлопот, дошли необходимые визы, а их было много и самых разнообразных (т. н., чтобы попасть в самый Константинополь или выехать из него, необходима была, кроме турецкой визы, еще виза французская или английская или итальянская, чтобы про-

ехать территорию Греции нужно было заручиться испанской визой и т. д.) — я благополучно прибыл в Прагу, сдал почту в Управл. В. Агента и пересел с другого вокзала на Будапештский поезд, и доехав до мал. пограничной станции Parkan Nana (австро-венгерская граница), попал в железнодорожную забастовку.

В этой дыре я просидел в ужасных условиях 3 дня, не зная венгерского языка и опасаясь за свою дипломатическую почту, которую вез в первый раз. Я вздохнул свободно, когда влез в первый отходивший поезд на Будапешт, который крайне медленно доставил меня в эту венгерскую столицу.

В Будапеште я обыкновенно в начале моей службы останавливался на сутки, по впоследствии помощник Военного Агента, мой тезка Владимир Алексеевич Иловайский, приходил на вокзал и пользуясь тем, что поезд там стоял окол 1 часу, принимал и передавал мне почту.

Военным Агентом был Ген. Шт. Полк. фон Лампе, а нашим представителем Светлейший Кн. Волконский. У них с Венграми наладились хорошие отношения и благодаря их связям я впоследствии получил французскую диплом. визу на год, а швейцарскую постоянную.

Вечера я проводил в семье Иловайских, иногда ходили слушать цыганские оркестры, напоминавшие нам наш милый Петербург. Все были вежливы и услужливы, а в смысле языка, я следовал мудрому совету А. А. Лампе, который советовал просто говорить по русски, т. к. половина Венгрии была в плену в России и там научилась нашему языку. Берега Дуная очень красивы, особенно красивы другой берег, наверху которого стоит памятник с крестом, напоминающий немного Киев, а напротив — самая лучшая гостиница Dunapalato. Уже в Венгрии, сказывалось улучшение продовольственного положения и, как мне помнится, никаких карточек на продовольственные продукты не было.

Путь от Будапешта до сербской границы не представляет ничего интересного. Куда не глянешь, всюду безграничные, ровные поля и изредка попадаются селения. Как-то раз летом я позволил себе проделать этот путь до Белграда на параходе и любовался на пейзажи, напоминающие наши русские степи.

С переездом Штаба Генерала Врангеля в Сремски Карловцы, я останавливался там на 4—5 дней. Сремски Карловцы маленький городок, лежащий на жел. дороге линии Белград—Субботица (Венгерская граница), примерно на половине пути. Эта местность до войны 1914—1917 годов входила в состав Австро-Венгрии и после Версальского договора отошла к Югославии.

В то время, когда туда переехал Штаб генерала Врангеля (1922 г.). Этот городок был центром Сербского Патриархата — там жил патриарх и на улицах встречалось много духовенства.

Штаб помещался в большом доме, носившем название "Стара Школа", занимая несколько комнат под различные канцелярии. Там же была большая столовая, в которой по Субботам и Воскресениям совершались богослужения. Семейные чины Штаба жили по частным квартирам, да и холостые также нанимали комнаты у местного населения, столуясь в собрании. Сам генерал Врангель жил со своими родителями, с женой и детьми отдельно. В одну из моих поездок я доставил ему дочь Елену и сына Петра, которые ехали из Бельгии.

Жизнь в Сремских Карловцах напоминала жизнь тылового Штаба : утром и днем — занятия в канцелярии, в 12 час. дня в Собрании завтрак под председательством старого Генерала Экка. По вечерам хождение в гости; холостые собирались в кофейной у Тарановича или у Носики и пили раки или сливовицу и слушали заводную шарманку. По субботам устраивали любительские концерты и летом пикники или на берег Дуная или в горы Старожилово.

Начальником Штаба у Ген. Врангеля был в то время Генерал Абрамов, Генерал-Квартирмейстер — Ген. Кусонский, Дежурный Генерал — Генерал Архангельский, Генерал Климович ведал полицейской частью, Н-к Информационного Отдела Г. Шт. Полк. Архангельский (мое ближайшее начальство) и его 2 помощника Г. Шт. Полк. Станиславский и Ротм. Асмолов. Кроме этих лиц в Штабе состояли Ген. Экк, Ген. Кн. Туманов, Ген. Трухачев и др.

Старшим Адъютантом Штаба был бывш. Семеновец Г. Шт. Полк. Подчертков.

Население хорошо относилось к русским, т. к. имело от них кое какой доход. Когда я приезжал в Ср. Карловцы из Берлина, Ген. Врангель часто приходил меня встречать на вокзал, живо интересуясь привезенной почтой и газетами. Всю запечатанную почту я вез на следующий день в Белград и сдавал в наше посольство, где почта вскрывалась и затем пакеты на имя Штаба (а их было подавляющее число) отдавались мне и я их отвозил обратно в Ср. Карловцы.

Останавливался я всегда у милых братьев Асмоловых, а после их переезда в Париж — у братьев Подчертковых.

На следующий день, после моего приезда, традиционный обед у Станиславских, затем у Ген. Архангельского и у супруги Ген. Миллера. Генерал Врангель обычно приглашал на чашку чая.

Я смею думать, что все немногие, оставшиеся в живых, вспоминают тепло и с удовольствием время проведенное в этом тихом городке, особенно после всех ужасов гражданской войны и эвакуации. Кто же хотел немного развлечься, мог проехать в Новый Сад — 20 минут езды — где были и синема и хорошие кафэ.

Следующим этапом был Белград.

Белград в ту пору находился в начале своего расцвета : он, правда, еще не успел залечить свои раны после тяжелой войны и окупации (напр. мост через

Саву, соединяющий Белград с Будапештом был сильно надорван и поезда по нем ходили крайне медленно), но все же чувствовалось во всем стремление поднять вид столицы до уровня других европейских городов. По городу уже бегали новые, чистые трамваи, наряду с одноэтажными и невзрачными домами начали строиться многоэтажные дома со всеми удобствами.

Самая лучшая и большая гостинница, носившая название "Москва—, находилась в самом центре города. Новый дворец еще не был готов и Королевич Александр Сербский жил в одноэтажном особняке около русского Посольства.

После первой войны русских беженцев, хлынувших в Югославию из Константинополя, въезд в нее был сильно ограничен и чтобы получить сербскую въездную визу надо было долго и упорно хлопотать.

Улицы Белграда были наполнены русскими, которых легко можно было узнать среди местного населения : военные ходили или еще в своих формах или перешитых френчах, но уже без погон, женщины — обычно в том же, в чем им удалось бежать из Крыма.

Привлекало русских в Югославию не только хорошее тогда отношение со стороны Правительства и жителей и возможность получить работу, но еще также так называемый "размен", на который имели право все русские беженцы, проживающие на территории Королевства. Один раз в месяц беженцы получали 400 динар — сумма на которую было нельзя жить, но что было большой помощью, особенно в первое время, до нахождения подходящей квартиры и работы.

В городе открылись русские рестораны, лавочки, кафе, появились модные дома, в театрах подвизалась русская труппа, репертуар был часто также русский. Русские специалисты, особенно инженеры и врачи и проч. сразу пошли в гору, т. к. на них был большой спрос.

Русским Посланником в то время был В. Н. Штрандман, оставшийся в нашем прежнем Посольстве, а Военным агентом после ген. Артамонова — Ген. Шт. Полк. Базаревич.

Хотя службу русским и было легко найти, квартирный вопрос разрешался крайне трудно, т. к. квартиры в новых домах были чрезвычайно дороги.

Что очень хромало в Югославии в то время — это железнодорожный график. Поезда хронически опаздывали, причем это опаздывание выражалось не в минутах, а в часах. Как-то раз я попал на поезд, который опоздал ровно на сутки, придя действительно по расписанию, но на другой день. Я возвращался из Константинополя и будучи атакован клопами в классном вагоне, решил перейти на вторую ночь в спальный вагон, в котором ехал в Белград Профессор И. П. Алексинский. На станции Ниш поезд стоял довольно долго и мы поболтав с профессором, разошлись каждый в свое купэ.

На сдеующее утро, заспанный профессор вышел в корридор и спросил меня :

"Что, подъезжаем к Белграду ?"

"Какое там — ответил я " все еще стоим в Нише".

Ночью поезд проделывал какие то маневры, что и создало впечатление, что мы находились всю ночь в пути.

Путь от Белграда до Ниша проходит по живописной долине реки Моравы. После Ниша, который с поезда производит вид нашего маленького уездного города, проезжали знаменитое Косово поле, памятное битвой в 1938 году с турками. День этот в Сербии до сего времени чтился и назывался Видав дан.

На последней станции перед болгарской границей Цариброд был устроен русский этап. При станции была устроена чайная, где все русские беженцы имели возможность выпить чай с бутербродами и даже захватить таковые с собой в дорогу. Заведовали этим гостеприимным домом Полк. Долгов со своей женой. Кругом была совершенно дикая природа, большие лесистые горы, внизу шумела горная речка.

Как-то раз я был предупрежден Полк. Долговым, что в виду политических перемен в Болгарии я должен вернуться в Белград, о чем его предупредили Ген. Шатилов, находящийся в Софии. Я промел в ожидании обратного поезда, тихий спокойный вечер в обществе милой четы Долговых.

Переехав границу и попав в Болгарию, вы чувствовали, что Европа осталась позади и вы находитесь на Балканах.

Из всех столиц, которые мне суждено было проезжать, София оставляла самое неотрадное впечатление. Уже самый вокзал, грязный, наполненный солдатней и селяками — около него жалкая площадь с одинокими провинциальными извозчиками и рядом трамвай, тоже общипанного вида.

Сам город расположен на высоте 550 метров над уровнями моря у поднжья гор Витошь. Климат довольно суровый, летом колеблется между + 35 град. Р. до —20 зимой.

София в то время еще не оправилась от войны 1914—1917 г.: оккупация союзников и революционные выступления, которые заставили Царя Фердинанда отречься от престола и спешно уехать в Австрию. На престол вступил его сын Царь Борис, крестник нашего Государя, который искуссно справился с народным положением и сумел завоевать любовь и доверие своего народа.

В центре города, около Дворца и русской церкви, город имел характер хорошего русского губернского города. Дома здесь были выше и лучше, публика более нарядная. Главная улица этой части города — Бульвар Царь Освободитель — представляет широкий бульвар, упирающийся в громадный парк "Борисова Градина". В знак благодарной памяти России за освобождение Болгарии от турецкого рабства в 1877—1878 г. многие улицы получили названия или в честь прославившихся в ту войну русских генера-

лов (Бульвар Скобелев, Бульвар Дондуков, Бульвар Граф Игнатьев) или в память особенно упорных боев (ул. Шипка), а также наименования русских городов (напр. Московская улица).

В различных частях города были поставлены памятники : Царю Освободителю — благодарная Болгария; медицинскому персоналу погибшему во время войны (докторский памятник) и вообще русским, павшими за освобождение Болгарии (Русский памятник).

На шоссе, идущем в Софию из Этрополя при въезде в город, стояли памятники Н-ку 3 гвар. пех. див. Генералу Каталей, павшему на этом месте при занятии Софии.

Хорошие гостинницы, которых было немного, стоили очень дорого, а гостинницы средней руки и многие дома кишели клопами (дервеница).

Все местные жители безусловно понимали по русски, многие из них окончили средние учебные заведения и корпуса в России. Почти все говорили на "ты", причем при отрицании качали утвердительно головой и наоборот, что часто бывало причиной комических недоразумений.

Из достопримечательностей города в первую очередь следует поставить построенный по проэктам русских архитекторов, с чудной живописью внутри русских (Васнецов), чешских и болгарских художников, прекрасным, художественно-исполненным иконостасом и великолепным троном для Царя — Собора памятник св. Александра Невского. Затем большой парк "Борисова Градина", русская церковь, построенная и расписанная в русском стиле и отличные бани, действительно прекрасное заведение, построенное с большим восточным комфортом и с горячей минеральной водой, бившем тут же из под земли и обладавшей целебными свойствами.

Продовольствия было вдоволь и сравнительно недорого, но жизнь была тяжелая и жирная, рестораны и пивные были по вечерам полны публикой, ужинавшей под звуки румынской музыки и подхватывающей хором куплеты любимых песен, среди которых большим успехом пользовалась песня "Шуми Марица". Жители были гостеприимны и относились к русским, за исключением "германофилов", в общем хорошо.

Русским посланником был в то время Петряев, Военным Агентом — Генерал Ронжин.

Дальше путь от Софии до Адрианополя опять очень живописен, особенно около Пловдива (Филиппополя). Он лежит вдоль долины Шумной Марицы, пересекая ее много раз. Природа дикая, много туннелей. Но после Адрианополя и вся часть почти до Константинополя проходит по почти безлюдной и совершенно открытой местности.

Вот появляются знакомые названия : Гаталджа — где проходила турецкая позиция в войне 1914—1917 г. и далее столь знакомое нам Сан Стефано. Пейзажи меняются, у Гаталджи появляются горы и далее уже видно Мраморное Море. Хочется представить себе биваки наших Гвардейских частей в 1878 году перед их отправкой морем через Константинополь в Одессу после подписания Сан Стефановского мира.

Меня предупредили еще раньше, что на вокзале в Константинополе надо быть особенно оосторожным со своим багажем, и это предупреждение было не лишнее. Еще не успел поезд подойти к платформе, как в вагон врываются несколько носильщиков, ругаясь и отпихивая один другого — они буквально вырывают багаж из ваших рук, даже не спрашивая вашего согласия. После недолгой борьбы я сохранил свои вещи и предпочитал нести их сам, чем вызвал у этих бандитов большое возмущение и разочарование.

Как результат Версальского мира Константинополь был оккупирован англичанами, французами, итальянцами и даже греками.

Вокзал в Стамбуле (часть города, где жили, главным образом, турки), являлся тупиком железнодорожной сети, связывающей Европу с Константинополем. Чтобы попасть в другие части города, — торговую Галату и нагорную Пера (где, главн. образом жили греки), надо было перейти мост, перекинутый через Золотой Рог (залив Босфора). По правую сторону моста находились пристани пароходов, совершавших рейсы между городом и Скутари (азиатский берег — где было большое кладбище), и Принцевыми островами и далее. От этих пароходов шел дым, который преследовал всех шедших по мосту. Чтобы перейти мост, надо было платить особую таксу (грош), для чего на тротуарах при входе на мост с обоих сторон стояли особые сборщики с кружками, и сзади них особый контролер, задачей которого было следить, чтобы эта монета попадала-бы в кружки, а не в карманы сборщиков, а также ловля уклоняющихся от этой повинности.

Можно было подняться в город на грязном, но довольно вместительном фуникулере или же пешком по Галатской лестнице, которая начиналась внизу в Галате и кончалась наверху около ул. Пера. На этой лестнице шла очень оживленная торговля всем, чем попало: немало русских продавали здесь и свои вещи и свои изделия.

Отношение иностранцев-союзников к русским в общем было благожелательное, но русские все же ожидали большаго. Что же касается до местного населения, то можно с уверенностью сказать, что турки относились очень хорошо и русские военные в форме могли появляться во всех частях города, даже в Азиатской части (Скутари), чего не могли себе позволить другие иностранцы, т. к. на них часто нападали, преимущественно по ночам.

Часто входя во двор мечетей, где почти всегда помещались кофейни, можно было видеть приветственные жесты турок и возгласы : "Урус карош !"

Нашим посланником был Нератов, секретари — Извольский и Кн. Гагарин, Военным Агентом — Ген. Чертков, которому Ген. Врангель поручил организовать вывоз беженцев на Балканы. Ген. бар. Нолькен

был превлечен к работе по агентуре, но его работа главным образом выражалась в наборе переводчиков для сопровождения полицейских патрулей и улаживания всяких недоразумений между русскими и иностранцами.

В смысле продовольствия в Константинополе было полное изобилие плодов земных, главным образом было много всяких сладостей в виде жирных сладких пирожков. Но цены на все были очень высокие по сравнению с ценами в Европе. Турецкий фунт котировался очепь дорого и за обед в среднем ресторане платили около пол. турецкого фунта.

Деньги были бумажные, кроме мелких монет, причем как и всюду на Балканах, чрезвычайно грязные и рваные, особенно такие ходкие, как 2 с пол. пиастра (юс пара).

Торговля шла и днем и вечером и парикмахерские были открыты даже 24 часа в сутки. Турки очень любили бродить по ночам и питаться пирожками и бараньими головами, которые разнощики разносили всюду, особенно в районе Золотого Рога. Население было чрезвычайно смешанное и теперь к нему прибавилось еще большое количество русских беженцев из Крыма и из Новороссийска, которых было также как в Белграде, очень легко узнать среди этой разношерстной толпы. Особенно много русских толпилось во дворе русского Посольства на ул. Пера.

С приездом русских в городе появилось много русских ресторанов с русскими названиями, русский театр (оперетка) под открытым небом, ночные кабарэ и проч.

Вообще же изобретательность и находчивость русских была поразительна. В Стамбуле, где жили почти одни турки, наши предприимчевые сородичи открыли бега тараканов с тотализатором, который приносил не мало дохода владельцам этих бегов.

(Продолжение в следующем номере).

Л. Пеньков

На передовом опорном пункте

(Из воспоминаний старого пластуна)

Лето и осень 1915 года, воинские части, расположенные в Зачорхском крае Приморского фронта, стояли на "мертвой" позиции. 1-ый Кубанский пластунский Генерал-Фельдмаршала и Великого Князя Михаила Николаевича баталион держал фронт по русско-турецкой границе, от 15-го турецкого пограничного столба до реки Чороха. Фронт был отделен от противника глубоким, заросшим кустарником, обрывистым ущельем, ширина которого в среднем была около 1000 шагов. Три сотни баталиона стояли на позиции, а две — в резерве. Никакой деятельности ни с нашей, ни с турецкой стороны не замечалось. Происходила лишь редкая, ленивая перестрелка скучающих часовых. Только ночью иногда какой-нибудь задремавший часовой, стреляя по воображаемой тени, вызывал взаимную стрельбу на 5—10 минут и затем снова наступало затишье.

Иное положение было на правом фланге у 15-го турецкого пограничного столба, где впереди расположения сотни, через все ущелье, отделяющее нас от турок, шел своего рода естественный мост в виде узкого, сплошь покрытого хвойным лесом, невысокого поперечного хребта, длиной около 1-й версты и упиравшегося в подножие громадного массива горы Дамбла-Курун. Подножие горы было турками сильно укреплено окопами с блиндажами и могло служить базой для наступления. С целью противодействия нами был устроен передовой опорный пункт в конце указанного поперечного хребта, приблизительно в 200 шагах от первых окопов противника. Опорный пункт занимал небольшой голый холм, соединенный седловино с турецкой линией фронта, но обрывистый на другие стороны, что делало его очень удобным для защиты. Здесь был устроен полукольцевой окоп с пулеметными гнездами, выемками для гранат и патронных ящиков, с солидными блиндажами и двумя рядами проволочных заграждений. На опорном пункте находилась всегда застава из одного взвода под командой офицероа. Взводы менялись по-недельно. Близость противника естественно создавала здесь впечатление настоящего фронта: перестрелки были чаще, особенно ночами и, конечно, были потери в людях.

В то лето, по окончании Тифлисского военного училища я, хотя и не был казаком, но распоряжением Коменданта Михайловской крепости в Батуме *) был назначен в 1-й Кубанский Пластунский баталион, где в то время не хватало офицеров. Пробыв некоторое время в резервной сотне, я затем был переведен в 3-ю сотню подъесаула Головинского на позицию у 15-го турецкого пограничного столба. Здесь главная служба состояла в дежурствах на передовом опорном пункте. Я любил ходить на эти дежурства. Опорный пункт мне представлялся крепостью, устраняв-

*) Генерал Ляхов, который был в тоже время и Командующим Приморским фронтом.

шой всякую опасность. К перестрелке я быстро привык, и чувство самостоятельности и ответственности вызывало в моем сознании молодого офицера известную военную годость. Мой взвод состоял из казаков-Черноморцев, почти исключительно станицы Елисаветинской, среди которых было много первоочередных и с боевыми наградами. Мое знание украинского языка очень помогало мне сближению с казаками, особенно в томительные для них дни дежурства на заставе. В те дни часто стояла прекрасная солнечная погода. С опорного пункта открывался великолепный вид и на ущелье вправо — в сторону моря, и на ущелье влево — к реке Чороху. Ущелья и горы сверху донизу были покрыты густым хвойным лесом, на зелени которого выделялись уже начинавшие желтеть кроны дубов, кленов и еще каких-то деревьев. Там, где не было леса, растилались заросли рододендрона. Этот кустарник был, между прочим, при наступлении хуже проволочных заграждений. На нем пластуны нашего баталиона затупили свои кинжалы и оставили полы своих черкесок еще в первых боях с турками в Аджарии и принуждены были одеться в солдатские гимнастерки.

Так как на опорном пункте, что называется, негде было повернуться, то я сидел большею частью у входа в офицерскую землянку с тыльной стороны. Я мог часами глядеть в каком-то грустном раздумье на растилающуюся передо мной, — я бы сказал, — не вяжующуюся с боевой обстановкой пункта, красоту этого дикого края, омусульманенной древней Грузии, о чем напоминали еще названия редких, бедных сел, как, напр., Црия, Натадзреви, Ардживани и др.

Из казачьего барака неслись негромко песни скучающих казаков. Пели главным образом старые украинские песни. Из русских — запомнились две : о Ермаке ("Ревела буря, дождь шумел") и другая, к моему великому удивлению, гусарская Дениса Давыдова :

"Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед
Собутыльники седые".

В последней строчке вместо "собутыльники" пластуны пели "собутылочки седые". Несмотря на мои уверения, что они поют чушь, что надо петь не "собутылочки", а собутыльники, я результата не добился. Вероятно где-либо на маневрах пластуны стояли рядом с кавказскими драгунами, от которых они и переняли эту песню, так прельстившую их в особенности этими "собутылочками".

Часто под вечер постепенно с моря надвигались густые волны тумана. Они поднимались к опорному пункту, окружали его со всех сторон и плыли дальше по ущелью. Если не было ветра, то наш пункт долго еще стоял под солнцем, как бы остров посреди молочно-белого моря. Тогда нависшая над нами громада Дамбла-Курун казалась еще грознее, еще величественнее. Все это вместе оставляло неизгладимое по красоте впечатление. Но обычно с туманом появлялся и ветер, который подымал туман к верху, окутывая им всю местность. Становилось сыро и свежо. Сделав вечернюю поверку службы в заставе, я забирался в свою землянку. Вестовой затапливал печурку, а я принимался за чтение приключений Монте Кристо или за огромный том Кернера "Жизнь растений" и так на всю ночь в перемежку с чаепитием и многократными поверками. Лишь на рассвете можно было заснуть по настоящему.

Если ночь была ясна и тепла, то я, как и днем садился у землянки помечтать. Ночной пейзаж лесных ущелий и горных далей при лунном освещении имеет также свою прелесть. Забываешь, что ты на фронте, и только одиночные выстрелы там и тут возвращают тебя к действительности.

Вот слышу взводный урядник Радун звонит по телефону в сотню : "Пьятнацятый турецкий ? Пьятнацятый" ?... Та ты щож, бисова душа, пьятнацятый дэ ты там блукаешь (бродишь) ? Я тоби цилый час звоню. Попросы пидхорунжого — ....А цэ вы, господын пидхорунжий, здравия желаю !... Та всэ благополучно : турки сплять, а козаки балачками займаютця (разговорами занимаются). А що нового ?.. Так, так, добрэ. А вы ж чого не спыте ? А... а... а... задачки на хрестыки рышаете *). Значить будете скоро вашим благородием. Ну щож не буду вам мишать. Бувайте здоровы !"

Как то раз, во время моего дежурства, по утру я неожиданно проснулся не от выстрелов, как всегда а от криков. Слышно было, что кто-то в окопе орет. Я вышел наружу. Взводный Радун подошел с рапортом. Спрашиваю, что за крики на передовом.

"А цэ, ваше благородие, урядник Чухрай станишныка найшов миж турками". Взводный при этом лукаво усмехнулся. Не понимая в чем дело, я пошел в окоп. Увидя меня, помощник взводного, младший урядник Чухрий, поспешил с объяснениями. Оказывается на рассвете из своего окопа высунулся один турок и стал кричать по-русски : "Иван, Иван, здравствуй, не стреляй, давай поговорим".

Урядник Чухрай вступил с ним в переговоры и выяснил, что турок по имени Ахмед 10 лет прожил на Кубани в г. Анапе, работая булочником. Перед войной поехал повидать родных в Турции, да там и застрял из-за войны. Ахмед говорил, что в России ему было очень хорошо, и что он ждет окончания войны, чтобы опять вернуться к нам.

"Дуже гарный турок !" (очень хороший) — закончил рассказ ур. Чухрай. "Чуето (слышите), с самаго ранку турки не стриляють, як тилько з нами заговорив Ахмед. Не стрелямо и мы".

Действительно, в это утро я не слышал обычной стрельбы. Едва я напился чаю, как прибегает ко мне ур. Чухрай.

---

*) Задачки на иксы решаете. Подхорунжий Бражниченко готовился в школу прапорщиков.

"Ваше благородие, идить послухайте, що каже (говорит) Ахмед !"

Поднимаюсь опять в окоп.

"Слушай, Иван ! — кричал турок, — "спускайся вниз без ружья, я тоже сойду без ружья, и мы с тобой поговорим. Наши стрелять не будут, пускай и ваше не стреляют".

"Разрешите, ваше благородие !" — завертелся Чухрай, большой любитель приключений. — "Це же Ахмед все нащот замирения допытуетця !" Я подумал. "Хорошо" — говорю, — "отпускаю тебя на 10 минут, но смотри, не подходи близко к турку, а то он, как бы тебя не потащил к себе". — Чухрай был маленького роста. — "Та я ж не хлопчик", — обиделся казак и быстро по тыльной тропе стал спускаться вниз. Как только он показался впереди наших проволочных заграждений, Ахмед сейчас же выскочил из окопа и побежал навстречу. Это был высокий детина, широкий в плечах. Мое предупреждение Чухраю не мешало. Когда переговорщики сблизились шагов на 6, Чухрай откозырнул и остановился: Ахмед сделал то же самое. Начались переговоры. Казаки вдруг загалдели : "Ваше благородие, подывиться (посмотрите) на турков, та цэ ж справжне (настоящее) замирэнье !" Я повел биноклем по всему фронту перед нами и увидел, что турки повылазили из окопов всюду, чуть не до верху Дамбла-Курун и уселись на блиндажах рядами, словно ласточки на телеграфной проволоке. Чтобы лучше разглядеть турецкую позицию, я поднялся на верхушку опорного пункта, а казаки расселись по скбону.

Перед нами было не менее двух рот противника. Часы показывали уже время, и я дал свисток, приказав всем спуститься в окоп и быть порежнему настороже. Чухрай с Ахмедом раскланялись и разошлись.

"Ну, о чем же ты с ним беседовал ? — спрашиваю Чухрая по возвращении.

"Та вин мэнэ пытав (спрашивал) про довольствие, жалованье, и бильше всвого интересувався про замиренье, бо им вжэ дужэ обрыдло (уже очень опротивело) сыдить по горах. А я його пытав, чи есть у них пушки ? — каже (говорит), що нэма: чи есть нимецьки охвицэры ? — каже, що тут нэма, а есть два у штабу, в Мело". — Умный казак, — заметил я про себя. В заключение Чухрай сказал, что Ахмед от имени своего командира предлагает мне установить с ним мир на время моего дежурства, по-просту говоря — не стрелять. Ну что же, думаю : не стрелять, так не стрелять. По крайней мере у нас не будет жертв, а толку от стрельбы никакой.

Через некоторое время Ахмед опять кричит :

"Ну, как, Иван, ваш командир согласен насчет мира ?" — "Согласен", — отвечает Чухрай. — "можешь докладывать". Только закончили казаки поседнячать, как меня снова зовут в окоп.

"Подывиться", — ворорит Чухрай, — "що робыться (делается) у турок". Я увидел Ахмеда, который с усилием тащил на блиндаж за веревку козу, подгоняемую двумя турками. Это необыкновенное зрелище вызвало снова появление на всех блиндажах турецких солдат.

"Иван !" — орал Ахмед — "спускайся вниз и бери козу. Наш командир дает ее вашему по случаю замирения".

"Щож, ваше благородие, от подарунка не можно отказуваться" — советует хитрый Чухрай. В самом деле, размышляю, будет не по-кавказски отказаться, хотя я и не ожидал, что "замирение" кончится таким сюрпризом.

"Ладно", — говорю Чухраю, — "иди, бери козу и благодари".

Чухрай окликнул Ахмеда и прежним манером отправился на седловину. Ахмед опустился с козой и не доходя до Чухрая остановился, привязал козу к кусту, отошел назад и сделал пригласительный жест рукой, прикладывая другую к сердцу. Чухрай, видимо, произнес в благодарность соответствующие фразы, отвязал козу и торжественно повел ее к нам. Это была необычайная картина, наблюдаемая с двух сторон. Слышно было как турки неистовтствовали от восторга ,да и мои казаки галдели во всю.

Перемирие закончилось "праздником". У турок вдруг заиграла музыка : зурна и барабан и, как по команде, на всех блиндажах турди пустились в бешенный пляс. От изумления я хватился за голову. Чорт возьми ! Что если бы об этом узнал Командующий фронтом генерал Ляхов ? Но казаки уже пристали ко мне с просьбой поддержать "праздник". Я разрешил гармонисту подняться на верхушку опорного пункта, а казаки рассевшись вокруг, запели веселую хоровую.

Не помню сколько времени тянулся наш импровизированный "праздник", помню лишь, что появившийся с моря туман постепенно стал окутывать наш пункт, заслоняя от нас турецкую позицию.

Но музыка со стороны турок была слышна до конца дня. Ночью я приказал людям быть возможно бдительнее, и сам чаще прежнего проверял посты. Однако все прошло благополучно.

На другой день я приготовил пакет, положив в него сахад, плитку шеколада и коробку консервов — это мой ответный подарок турецкому командиру. Вскоре Чухрай вызвал Ахмеда передал ему пакет с моими извинениями за бедность. Эта передача также наблюдалась с большим сочувствием обоих сторон.

Под вечер меня вызвали из сотни к телефону. Я уже знал, что командир сотни уехал в отпуск и его временно заменял прикомандированный к баталиону саперный офицер штабс-капитан Ц. из породы "гастролеров", приезжавших на фронт за получением боевого ордена.

"Что это у вас на заставе уже второй день не слышно стрельбы ? — спрашивает меня шт.-кап. Ц. Отвечаю ему : "Турки перестали стрелять и я тоже не стреляю".

"Странно все это, странно !" — замечает Ц. — "по смене я поговорю с вами серьезно".

Я понял, что казаки, приносившие нам продовольствие из сотни, уже разболтали о нашем перемирии и слухи об этом, конечно, дошли и до временно-командующего сотней.

Следующий день прошел в тумане, а ночью меня сменили. Когда я привел взвод в сотню, вышел шт.-кап. Ц. и поздоровавшись с казаками завел нудную речь о дисциплине, подбирая понятные казакам слова и прерывая фразы длительными междуметиями : э... э... э... В это время проклятая коза, которую кто-то держал позади взвода, неожиданно в тон оратору заблеяла свое : мэ... мэ... мэ... Какой то казак из молодых прыснул, и шт.-кап. Ц. не закончив речи, распустил взвод и ушел в офицерский барак. Когда я пришел тоже туда, то он принялся меня распекать за легкомысленное отношение к службе и о, ужас ! за недопустимое сношение с противником. Я оправдывался тем, что инициатива о перемирии исходила от турецкого командира, а я предложение принял, т. к. считал, что это избавляло моих людей от излишних потерь. Ц. однако грозил подать рапорт командиру баталиона. Я понимал его возмущение. Он приехал "заработать" боевой орден, а здесь какой то прапорщик устраивает перемирие. Впрочем за свою службу на 15-м турецком посту он был вскоре представлен к мечам на имевшийся у него орден Св. Анны 3-й степени. Узнав о представлении шт.-кап. Ц. сейчас-же покинул ряды баталиона. Впоследствии баталионный адъютант мне сообщил, что Ц. на меня жаловался в неофициальном порядке командиру баталиона, войсковому старшине Ткачеву, но тот в моем поступке преступления не увидел.

Надо сказать, что 1-й Кубанский пластунский баталион воевал в тех местах, где стоял в мирное время. Из штаба баталиона (Артвин) часто высылались посты на границу, где казаки встречались с турецкими солдатами. Поэтому отношение здесь к врагу было терпимое, да и вообще на Кавказе враг иначе рассматривался чем на других фронтах. Войсковой старшина Ткачев уже знал подробно всю историю с перемирием и козой, не мало смеялся и рассказывал ее другим командирам. Это событие было своего рода "притчей во языцех" в Зачохорском отряде.

Через две недели мне пришлось снова со своим взводом идти на передовой пункт. Наступала осень сырая и туманная. По смене взвода я приказал не открывать огня без видимой причины. Замечу, что после истории с перемирием, другие взводы дежурившие на передовом пункте все время вели перестрелку с турками по приказанию шт.-кап. Ц. и, конечно, имели потери.

Первые два дня моего дежурства прошли без единого выстрела ни с нашей, ни с турецкой стороны, хотя погода позволяла, несмотря на ползучий туман, взаимно различать позиции. На третью ночь ур. Чухрай пошел в разведку под турецкие окопы и там был обстрелян часовым. На следующий день утро было ясное и вскоре раздался знакомый голос Ахмеда :

"Иван, здравствуй !" — Чухрай ему в ответ :

"А ты откуда знаешь, что я здесь ?"

"Ваши два дня не стреляли, мы и говорим, что это пришли те, с которыми мы заключили мир".

"А зачем ваши стреляли ночью ?" — спрашивает Чухрай.

"Видишь, Иван, это стоял на часах новый солдат из Галиполи, он наши порядки не знал. Ему показалась, что кто то ходит перед окопом. Он три раза стрелял, его офицер три раза бил палкой".

Казаки долго смеялись этому случаю. После обеда пошел с моря густой обволакивающий туман с пронизывающей сыростью и холодом. Такая погода стояла и последующие дни до окнчания моего дежурства. Я был рад этому : с одной стороны соблюдалось перемирие, а с другой — не приходилось объясняться с неприятным шт.-кап. Ц.

Это было мое последнее дежурство на передовом опорном пункте. Наша сотня уходила на отдых, а меня перевели в другую сотню на постройку дороги.

А. Поливанов

Эпизод из 1-ой Мировой Войны

После второй мировой войны очень часто было слышно о тех зверствах, о том нечеловеческом отношении, которое проявляли отдельные армии. Невольно мне вспомнилось одно небольшое дело, в котором я был личным участником и, думаю, поступил так, как поступил бы всякий офицер Российской Императорской Армии.

Произошло это в первых числах июня 1916 года. Л. Гв. Уланск. Ее В. полк, в котором я имел счастье служить, находился в составе дивизии на Огинском канале. Это не было сплошным занятием окопов, — скорее усиленным сторожевым охранением. Местность это позволяла, так как по тому времени еще не было танков и всего, что дала последняя война, когда даже большие реки не служили препятствием. Однажды рано утром в полк пришли 2 роты пехотного полка, если не ошибаюсь, 101 Пермского, и начальник нашей дивизии предписал совместно с ними перейти канал, захватить переправу у местечка Горталь и пленных. Мы знали, что против нас Гвардей-

ский Уланский германский полк. Два эскадрона были назначены для действия с пехотой, и командир полка разрешил мне, хотя я был полковым адъютантом, итти вместе со старшим пехотным начальником, поручиком. Бой продолжался недолго, и германцы бежали, впопыхах даже оставили офицерский завтрак. Пробегая по полю, всматриваясь в лежащих убитых и раненых, я заметил германского офицера. Наклонясь, вижу, что он очень тяжело ранен нашими пулеметами. Я подозвал проходившего невдалеке нашего полкового врача, прекрасного хирурга, говоря: "Посмотри его, что он". — "До вечера не дотянет", был ответ. Но мы все же подозвали линейку, а я его спросил по-французски, что могу для него сделать. Он спросил, какого мы полка и, получив ответ, сразу успокоился и попросил меня снять его железный крест, ладонку с зашитыми волосами и бумажник и все это переправить его матери. "Мое имя известно в Германии, фон Нассау, 9, Дернбургштрассе, Шарлоттенбург". Вечером в Лупиице он скончался. Сделав план его могилы и приложив все его вещи, я переслал это в Петроград, и моя мать, через американское посольство, переправила все это по указанному адресу. В ответ было получено письмо матери молодого улана этого гвардейского полка, где она благодарит за рыцарское отношение к ее покойному сыну и пишет: "Наши сыновья исполняли свой долг перед Родиной, и если вашего сына Бог сохранит и он будет иметь случай быть в Германии, я его приму, как настоящего друга моего сына, сделавшего все для него в последнюю минуту".

Не знаю, мог ли быть подобный случай в последнюю войну, но кажется мне, что это все из давно минувшего, когда еще враги были как бы рыцарями.

Обращение Попечительного Совета Музея Русской конницы в С.Ш.А. (U.S.A.)

Попечительный Совет Музея Русской Конницы в США., работа которого сводится по трем Отделам: 1) Музейный, 2) Библиотечный имени Генерала Дениса Давыдова и 3) Исторический, сообщает, что сбор музейного матерьала продолжается и просит всех сочувствующихъ нашему музейному начинанию всемерно содействовать присылкой всего матерьала, который относится к Истории Русской Конницы и других родов оружия до революции 1917 г., а также за период Гражданской войны в России, 1917—1920 г.

О получении музейного матерьала на постоянное хранение будут выдаваться особые музейные квитанции.

С каждым годом уменьшается число участников Первой Великой и Гражданской войны, каждый новый период времени стирает в памяти оставшихся подробности прошлого.

Безследно исчезают ценные данные о боевой деятельности, бытье и жизни частей всех родов оружия Русской Импораторской и Белой Армии. После смерти многих участников и свидетелей нашего славного прошлого в современных условиях эмигрантской жизни теряются и уничтожаются ценности.

А поэтому каждому из нас необходимо еще при жизни позаботиться о передаче их в Музейное хранилище, на долю которого, во исполнение священного долга и для увековечения для грядущих поколений достойной памяти о славном прошлом, выпала обязанность свято сохранить Регалии и другие музейные экспонаты, а с ними честь, славу и достоинство нашей РОДИНЫ. Эта идея сохранения от гибели наших национально-культурных ценностей должна быть дорога каждому Русскому воину и истинному патриоту.

Одновременно П. С. обращается с просьбой принять жертвенное участие в работе "Фонда помощи М.Р.К." путем присылки посильной лепты, а также просим вступать в число действительных членов, пополняя ряды Попечительного Совета. Всякое жертвенное содействие будет принято с глубокой благодарностью.

По всем указанным вопросам П. С. просит непосредственно обращаться по адресу Представителя и Уполномоченного по делам М.Р.К. в США., В. П. Дробашевского.

Чеки и денежные переводы просим также направлять по тому-же адресу.

ПОПЕЧИТЕЛЬНЫЙ СОВЕТ

V. DROBASHEVSKI
252 Brooks Street, Bridgeport 8. Conn., U.S.A.

Библиография

ГВАРДЕЙСКИЙ ВЕСТНИК

В целях поддержания связи между Объединениями Частей Гвардии и отдельными членами, находящимися в местах где нет групп Объединений, Гвардейское Объединение издает время от времени особый осведомительный орган носящий название — Гвардейский Вестник. В настоящее время приготовляется к печати № 4 этого журнала, рассылаемого во все страны мира, согласно получаемых требований.

В этом сборнике собираются не только материалы, касающиеся воспоминаний о прошлом величии Гвардии как в военное так и мирное время, но также и некрологи уходящих от нас лиц, стихотворения, описание различных событий текущей жизни Гвардейского Объединения.

Неизвестно сколько времени мы еще будем существовать, но факт тот, что с каждым годом нас становится все меньше и меньше и все труднее делается собирать материалы, которые, для будущего историка, конечно, послужат ценнейшим источником для составления правдивой истории Русской Гвардии. Вот поэтому-то и очень важно всякое, даже маленькое воспоминание или описание того или другого события, казалось бы даже и неинтересного или малозначительного, в настоящее время, важно все же собирать и помещать в этом Вестнике, пока еще есть живые участники этой уходящей от нас эпохи, которая уходя в небытие, вряд-ли когда нибудь вернется опять в том виде, в котором мы ее знали, но к сожалению мало ценили и любили.

Можно лишь приветствовать такое издание, на страницах которого так всесторонне и правдиво воскрешается жизнь и подвиги русской Императорской Гвардии в течении более двух веков беззаветно и свято служившей Державе Российской и ее Венценосным Вождям.

Л. Н.

Imprimerie S.N.I.E., 32, rue de Ménilmontant, Paris-20

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

N° 13

МАЙ 1959 год

СОДЕРЖАНИЕ

«Военно-Исторический Вестник» выходит два раза в год — в мае и в ноябре.

Издается на правах рукописи.

Настоящий номер вышел под редакцией **Ю. А. Топоркова.**

ОТ ПРАВЛЕНИЯ

"В. И. ВЕСТНИК" МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ВНЕ ФРАНЦИИ ПО НИЖЕСЛЕДУЮЩИМ АДРЕСАМ:

АВСТРАЛИЯ. — Представитель Об-ва П. М. Перекрист — 88, Wallis str., flat 6, Woollahra, Sidney (N.S.W.).

АНГЛИЯ. — В. В. Барачевский — 23, Alder Grove, London, N.W.2.

АРГЕНТИНА. — Б. Н. Ряснянский — Larrazabel 2870, Buenos-Aires.

БЕЛЬГИЯ. — Книжный магазин «Slave» — 13, rue de Roumanie. Bruxelles.

ВЕНЕЦУЭЛА. — К. А. Келлнер — Sarria № 24, Quinta Coromoto, Caracas.

ГРЕЦИЯ. — Член О-ва В. В. Дейтрих, — 90-а, rue Dramas, Sépolia, Athènes.

С. А. ШТАТЫ. — Представитель Об-ва на Западные Штаты А. Ф. Долгополов — A. Doll, 5954, Barton Ave. Los Angeles 38 (Calif.),

— член Об-ва Г. В. Месняев — 1348, Sheridan Ave., apt.F. F., Bronx 56 (N.Y.).

Переписку по делам Общества просят направлять по адресу Генерального Секретаря О-ва Льва Николаевича Немирова:

L. Nemiroff, 26 bis, rue de l'Ingénieur Robert Keller, Paris (15).

Переписку редакционного характера просят направлять по адресу Редактора "В. И. Вестника" Юрия Александровича Топоркова:

G. Toporkoff, 25, rue Rennequin, Paris (17).

Заказы на все издания и медали Общества, а также все денежные переводы просят направлять по адресу Казначея Об-ва Александра Васильевича Щиткова (или на его почтовый текущий счет Paris № 13.694.00 или чеками на его имя):

A. Stchitkoff, 15, rue de Médéah, Paris (14).

ИЗДАНИЯ ОБЩЕСТВА.

На складе Общества имеется еще небольшое количество нижеследующих изданий Об-ва:

1. — Сборник "Русская Военная Старина" — первое издание Об-ва (1947 г.). Цена — 400 фр. фр. или 1 ам. дол., или 470 фр. фр.

2. — "Записка о службе А. В. Суворова" (изд. 1947 г.). Цена — 100 фр. или 0,25 дол., или 115 фр. Сборник и Записка — при одновременном заказе — 450 фр. или 1.10 дол., или 520 фр.

3. — Номера 6, 8, 9, 10, 11, 12 и 13 "*В. И. Вестника*". Цена — 200 фр. или 0,80 дол., или 235 фр.

Примечание. Первая указанная цена относится к Франции и зоне франка, вторая — ко всем заокеанским странам и третья ко всем остальным странам. В указанные цены входит стоимость пересылки.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ФОНД

Суммы, поступившие в счет издательского фонда после выхода № 12 "В. И. Вестника" во франках: Л. С. Тер-Азарьев — 3.000, кн. Н. С. Трубецкой — 500, Д. Л. Яворский — 300, И. А. Ллойд — 400, К. В. Ковалевский (памяти отца) — 1.000, Д. Н. Зюзин — 250, В. Н. Загаровский — 9.000, Э. Н. Фричеро — 350, В. А. Рагимов — 500, Г. П. Раевский — 1.000, А. Б. Серебряков — 200, И. В. Борисов — 600, Ф. А. Конашевич — 300, М. А. Колосовский — 550, И. И. Палеолог — 350, Е. С. Молло — 1.500, В. С. Шевченко — 300, Н. Г. Стортенбекер — 2.500.

Правление приносит свою искреннюю благодарность всем вышеупомянутым лицам, а также всем членам и друзьям Общества, которые сочли возможным уплатить членский взнос или плату за "Вестник" в увеличенном, в сравнении с установленным, размере.

МЕДАЛИ ОБЩЕСТВА.

1. — Объявленный в № 12 "В. И. Вестника" прием заказов на медали Гвардии-Нарвы (1700-1950), Петербурга (1703-1953) и Севастополя (1855-1955) был закрыт 20 февраля. Заказанные медали, полученные из Париж. Монет. Двора 7 апреля, были немедленно розданы или разосланы всем заказавшим их.

Ввиду продолжающих поступать требований на эти медали, снова будет заказано — вероятно в июле — нужное количество экземпляров.

2. — В ознаменование 250-летия Полтавской победы Об-во Л.Р.В.С. заказало на Париж. Монет. Дворе соответствующую юбилейную медаль, фотография которой — с гипсовой модели — помещена на следующей странице. Можно надеяться, что первые экземпляры этой медали будут готовы к 21 июню. Рассылка медалей будет происходить в строгом порядке получения заказов на нее.

3. — Заказы на медали, с обязательным приложением соответствующей суммы, следует направлять на имя Казначея Об-ва — суммы во франках на его почтовый счет, а суммы в долларах — исключительно чеками на его имя.

Стоимость Севастопольской или Полтавской медали — 800 фр. для зоны франка, 2.50 доллара для заокеанских стран и 940 фр. для всех других стран (с пересылкой). Стоимость медали Гвардии-Нарвы или Петербургской соответственно — 1.000 фр., 2.50 доллара и 1.175 фр.

Желающие иметь эти медали в серебре, — благоволят запросить об условиях казначея Об-ва.

Член Об-ва А. А. Обручев, предполагая этой осенью сделать доклад на тему: "Наше наступление в Восточную Пруссию в 1914 году. Почему погибла армия генерала Самсонова?", — обращается с просьбой к лицам, имеющим какие либо материалы по этому вопросу, войти с ним в общение, направляя корреспонденцию на имя Секретаря О-ва Л. Н. Немирова для Александра Александровича Обручева.

К 250-летию Полтавской битвы 27 июня 1709 года

Фотография гипсовой модели, по которой будет выбита на Монетном Дворе в Париже медаль, выпускаемая Обществом Любителей Русской Военной Старины, в память 250-летия Полтавской битвы.

Приказ Императора Петра Великого

"Ведало бы российское воинство, что оной час пришел, который всего отечества состояние положил на руках их: или пропасть весма, или в лучший вид отродится России. И не помышляли бы вооруженных и поставленных себя быти за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за народ всероссийский, который доселе их же оружием стоял, а ныне крайнего уже фортуны определения от оных же ожидает. Не же бы их смущала слава неприятеля, яко непободимого, которую ложну быти неоднократно сами же они показали уже. Едино бы сие имели в оной акции пред очима, что сам Бог и правда воюет с нами, о чем уже на многих военных действиях засвидетельствовал им помощию своею сильный в бранех Господь, на Того Единого смотрели бы. А о Петре ведали бы известно, что ему житие свое недорого, только бы жила Россия и российское благочестие, слава и благостояние".

(Существует несколько вариантов этого приказа. Существование их объясняется тем, что Петр Великий обращался устно к войскам в дни предшествующие битве. Письменные же тексты приказа были составлены позднее на основании этих устных обращений, в которых Петр Великий излагал свою основную мысль не всегда в одинаковых выражениях. Приведенный выше текст извлечен из известного печатного памятника: "Письма и бумаги Императора Петра Великого". Т. IX, выпуск 1-й, стр. 226).

ДРУГИЕ ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ В 1959-м ГОДУ

250-летие учреждения II-го драгунского Рижского и 13-го драгунского Военного Ордена полков (27 янв. 1709 г.).

225-летие взятия гр. Минихом Данцига (8 июля 1734 года).

200-летие победы русских над пруссаками у Кунерсдорфа 1 августа 1759 г.

175-летие учреждения Таврических дивизионов конного войска 1 марта 1784 г. (впоследствии Крымский конный Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полк).

150-летие перехода по льду русскими войсками Ботнического залива в марте 1809 г. и заключения мира со Швецией (5 сентября 1809 г.). Победа кн. Багратиона над турками при Расевате 4 сентября 1809 г. Учреждение пехотных полков: 35-го Брянского (старш. 13 окт. 1809 г.), 51-го Литовского и 127-го Путивльского (старш. 22 окт. 1908 г.).

125-летие основания Нижегородского гр. Аракчеева кадетского корпуса (15 марта 1834 г.).

100-летие похода ген. Евдокимова в Чечню и взятие им Ведена 1 апреля 1859 г. и похода кн. Барятинского в Дагестан, взятия им Гуниба и пленения Шамиля. (25 августа 1859 г.).

Ю. Т.

Тегеран **Май 1914 -- апрель 1916**

Военно-историческая литература, посвященная нашему походу в Персию в 1915-18 г.г. не обширна. В известном труде Е. Масловского: Мировая война на Кавказском фронте 1914-18 г. Париж, 1935, этому походу посвящена одна глава.

В 1923 г. в Берлине была издана книга А. Г. Емельянова: "Персидский фронт". Некоторые места этой книги дают интересный материал для исследователя событий Первой мировой войны. Некоторые сообщения были опубликованы в периодической печати, так в 1930 году в газете "Возрождение" была напечатана статья генерала Ю. Н. Данилова о наших военных действиях в Персии. Тогда ж в газете "Русский Инвалид" (№ 11. 1930 г.) появилось начало очерка: "К 15-летней годовщине нашего похода в Персию", написанного генералом Баратовым, стоявшим во время этого похода во главе нашего экспедиционного корпуса. К сожалению, печатание этого интересного очерка не было продолжено, несмотря на пометку в конце первой статьи "продолжение следует". Можно лишь пожалеть, что до сих пор продолжение этого очерка (если оно существует) не опубликовано и остается в рукописи. Генерал Баратов, между прочим, говорит, что все военно-исторические материалы за время похода в Персию, после развала фронта, были им сданы в российскую миссию в Тегеране и судьба их неизвестна. Поэтому всякое новое свидетельство, могущее дополнить существующие материалы по походу в Персию в 1915-1918 г.г. являются ценным вкладом в источники по исследованию этой эпохи.

В распоряжении редакции имеется очень интересный (неопубликованный до сего времени) документ — это последний приказ генерала Баратова (от 10 июня 1918 г.) войскам отдельного Кавказского кавалерийского корпуса, с кратким очерком боевой жизни этого корпуса в Персии в 1915-18 г. г. В свое время этот документ будет нами опубликован. Ниже же печатаются выдержки из весьма интересных воспоминаний первого секретаря нашей миссии в Тегеране Генриха Генриховича Баха. Он хорошо знал и, уже с молодых лет, полюбил Кавказ и Закавказье, когда, по окончании в 1902 г. Императорского Александровского лицея, он отбывал воинскую повинность в Тверском драгунском полку, был затем в 1904-5 г. г. в нашей миссии в Персии и снова был туда назначен в 1914 году.

Воспоминания его рисуют нам подробно политическую обстановку, создавшуюся в Персии в 1915 году, когда русское правительство сочло необходимым ввести свои войска в Персию, дабы помешать этой последней открыто стать на сторону Турции и Германии.

(Ред.)

I.

Прибыл я в Тегеран в первых числах мая 1914 г. Это была временная командировка. Я должен был заменить первого секретаря (советника) нашей миссии в Персии Е. В. Саблина, переведенного в Лондон. Во второй половине июля предстояли торжества коронования молодого Шаха Султан-Ахмета, на которых Императорская миссия должна была представиться в полном составе. Я вез с собою царские подарки Шаху и разные знаки отличия высшим персидским сановникам. В то время я предназначался на пост первого секретаря миссии в Белграде, но мое назначение было отложено до осени ввиду некоторой заминки в осуществлении очередного перемещения чинов нашей дипломатической службы.

Министр Иностранных Дел С. Д. Сазонов, командируя меня в Тегеран, мне лично передал некоторыя поручения для нашего посланника в Персии И. Я. Коростовца. Должен сказат, эта командировка меня обрадовала и очень заинтересовала. К тому же, перспектива, хотя и не продолжительной, службы под начальством такого опытного, умного и деятельного блюстителя русских интересов, каким по справедливости считался И. Я. Коростовец, мне представлялась во всех отношениях привлекательной. Я с ним был уже давно знаком и рад был предстоящей встрече и совместной работе в Тегеране.

Когда я прибыл в Тегеран, наша миссия уже находилась на летнем положении, т. е. переехала из города в свою прелестную усадьбу-парк "Зергендэ", в возвышенной местности, в 12-ти километрах над знойным и пыльным Тегераном. Под вековыми деревьями Зергендэ и в самые жаркие дни обитала приятная прохлада. Усадьба эта была дар одного из предшествующих Шахов российскому правительству. В ней были расположены: обширный дом посланника, отдельные дачи секретарей и драгоманов, церковка, канцелярия и русский телеграф. Также — помещения для конвоя миссии из 20 - 30 казаков и конюшни лошадей. Среди цветника, перед террасой дома посланника стоял бронзовый памятник Грибоедову, напоминающий чере-

дующимся поколениям русских дипломатов в Персии о доблестной кончине автора "Горе от ума" при исполнении своего служебного долга российского посланника, во время базарных волнений и нападения фанатической толпы на миссию.

В Зергендэ наше представительство пребывало обыкновенно от начала мая до конца октября. Зиму наша миссия проводила в своем старом обширном и представительном доме с домовой церковью. Находился он в центре торговой части старого города среди базаров, от которых его отделяли высокия стены, окружавшие и защищавшие этот клочек русской территории. Недалеко от нашей летней резиденции в Зергендэ была усадьба - собственность английской миссии "Гуляхек", тоже просторная и тенистая. Французская, германская, австрийская и некоторые другие еще миссии также на лето перебирались в эту дачную окрестность Тегерана, нанимая необходимые помещения.

И. Я. Коростовец, наш посланник, принял меня весьма радушно и я, не теряя времени, поселился на даче "первого секретаря" наиболее удобной и представительной, вблизи дома посланника.

Приняв от меня поручения С. Д. Сазонова и букет петербургских новостей, И. Я. Коростовец сразу перешел к персидским делам и стал подробно знакомить меня с политическим и экономическим состоянем страны в связи с русскими интересами, ему вверенными.

В продолжительной беседе он раскрыл передо мной наглядную картину тогдашнего положения России и Персии в международном аспекте ея договорных прав и дальнейших возможностей укрепления добрососедских отношений и умножения экономических связей для обоюдной пользы. Он сообщил мне о некоторых шагах, которые он уже успел сделать в этом направлении и о своих дальнейших конкретных намерениях. Слова и пояснения его свидетельствовали о вдумчивом, но и деятельном отношении к реальным условиям обстановки. В таком его обзоре, наши взаимостношения с английской миссией, естественно, занимали ответственное место. Английским посланником в то время был сэр Уолтер Таунлей. И. Я. Коростовец всемерно поровил поддерживать с ним, если не близкие, то всегда вполне корректные отношения, на базе русско - английского соглашения по персидским делам 1907 года. Оно должно было покончить с постоянными трениями и взаимными подозрениями. Обе державы, в понимании насущных интересов их мировой политики, этим соглашением стремились создать более дружественную между собой атмосферу. С этой целью они установили зоны их преимущественного влияния. Русская зона обнимала всю северную Персию вдоль Каспийского моря, распространяясь на юг до Исфагани включительно. Весь юг страны вплоть до Персидского залива, был английской зоной, а между ними, разделяя их, был сравнительно не широкий нейтральный пояс. Город Тегеран, столица Персии, географически находился в русской зоне, но будучи резиденцией Его Величества Шаха и местопахождением персидского правительства, а также дипломатического корпуса — он силою вещей был вне условий зоны нашего преимущественного влияния. Здесь были сосредоточены и свободно проявлялись усилия разных держав, здесь шла борьба их интересов и имели место их очередные давления на персидское правительство. Такое положение вещей являлось, по необходимости, скорее отрицательным фактором при оценке нашего влияния в Персии. Надо сказать, что представители Англии, особенно когда они по прежней своей службе бывали связаны с Британской Индией, часто по старой привычке, выказывали нам свое недружелюбие и относились с опасением и предвзятым недоверием ко всякому проявлению активной русской политики, даже когда она отнюдь не выходила из рамок соглашения.

Германия, заняв доминирующее положение на Босфоре, преследуя свою экспансивную политику на Ближнем Востоке, в связи с планом постройки Багдадской железной дороги, за последнее время проявляла в Тегеране заметную активность. Такую деятельную политику должен был проводить ее представитель, принц Генрих Рейсс, дородный, хлебосольный барин, весьма ценивший комфорт и материальные приятности жизни.

В те годы, когда не было еще воздушного с Персией сообщения, ни железнодорожнаго пути в Тегеран ; доступ к столице Персии обслуживался главным образом русской шоссейной дорогой длиной в 150 километров, ведущей от порта Энзели (ныне Пехлеви) на Каспийском море, построенной русскими инженерами. Шла она через Решт и Казвин. В этом последнем городе, в 140 килом. от Тегерана, находилось главное управление дороги, эксплуатирующее ее и заботящееся о ея благосостоянии. В связи с этим в Казвине создалась небольшая русская колония с церковью, библиотекой и клубом. От Казвина отделялась шоссейная дорога на запад, в сторону Турции, к Евфратской долине, через Хамадан и Керманшах. По русскому шоссе шло все торговое движение, тянулись безчисленные караваны верблюдов и осликов. Путешественники ехали на перекладных. Почтовые станции, где меняли лошадей, чередовались на разстоянии 25 - 35 килом. одна от другой. Вдоль русской дороги следовали столбы персидского телеграфа. Доступ к Тегерану с юга, со стороны Персидского залива, или с юго-запада, со стороны Турции, был гораздо менее удобен ввиду плохого состояния дорог, значительно более длинного пути и отсутствия элементарных удобств при необходимых остановках. К тому же эти дороги были не безопасны. В пустынных просторах южной Персии в то время то и дело хозяйничали организованные разбойничьи банды, часто из полу-независимых воинственных местных племен. Они нередко даже нарушали порядок движения персидской государственной почты, и шахскому правительству постоянно приходилось с ними договариваться или открыто бороться. Его военные карательные экспедиции, если иногда и приводили к захвату некоторых виновников, все же не имели длительного успеха. Ввиду сего, для поддерживания авторитета правительства во всей стране, за последние годы, была создана, так называемая, персидская жандармерия.

под командой временно взятых на персидскую службу шведских офицеров инструкторов.

Ввиду этих условий, в Тегеран прибывали с северной стороны, через русскую зону, европейские дипломаты и огромное большинство путешественников. Все ездили через гор. Баку, а дальше следовали Каспийским морем до персидского Энзели. Оттуда, как было уже сказано, по русской дороге, через Решт и Казвин в Тегеран. Мне приходится подробно остановиться на вопросе о дорожных сообщениях со столицей Персии. Он будет иметь не малое значение в дальнейшем моем рассказе.

В мае 1911 г., когда я прибыл в Персию, на русской дороге уже стали появляться первые автомобили, принадлежавшие частным лицам или конторам русских концессий в северной Персии. Мне был любезно предоставлен автомобиль русской рыболовной концессии на Каспийском побережье, который меня и доставил в Тегеран.

Другим проводником нашего влияния в северной Персии был Русско-Персидский Учетно-Ссудный банк, органически связанный с нашим Государственным банком, имевший свое главное управление в Тегеране и отделения в главнейших городах русской зоны. Он финансировал русские и русско-персидские предприятия и новые начинания с северной Персией.

Англичане же в лице "Шахиншахского" банка, государственного банка Персии, но в сущности — отделения государственного банка Англии, имели могучее средство влияния на все вообще персидские дела. Центральное управление этого банка находилось в Тегеране, а филиальные его отделения во всех частях Персии включительно русской зоны. Шахиншахский банк имел эмиссионные права, т. е. права печатания персидских бумажных денег и выпуска их в обращение. Он же должен был заботиться о наличии в Тегеране, и в его распоряжении, необходимого количества серебра для чеканки разменной монеты, "кранов", в потребном количестве, обезпечивающем порядок деловой жизни страны.

Регулярные доходы персидской казны поступали в нее почти исключительно из двух источников. Это были: поземельный налог (малиат) и таможенный сбор. Персидским таможенным ведомством уже в течение многих лет, и с большим успехом, управляли бельгийцы, состоявшие на персидской службе. Эти бельгийцы добросовестно и за хорошее вознаграждение, навели порядок в таможнях, соблюдая интересы персидской казны. Главное управление таможен находилось в Тегеране.

Военныя силы Перси в то время состояли из существовавшей уже более 30 лет Персидской казачьей Его Величества Шаха бригады-кавалерийской части приблизительно в 1200 шашек, под командою русского генерала с русскими офицерами инструкторами 1) и из недавно сформированной персидской жандармерии со шведскими инструкторами. Это была пехота, вооруженная современными винтовками. Она пока еще не имела артиллерии, если не считать несколько допотопных медных пушек. Шведы успели дать ей дисциплинированный вид. Жандармерия была отлично обута и одета в новые мундиры нового покроя, не похожие на традиционные персидских солдат "сарбаз".

К июлю 1911 года персидское правительство, при помощи шведов, уже успело создать 11 полков жандармерии. В каждом полку было около 1000 человек. Эти части были расположены по всей территории Персии. Они должны были везде, где это было необходимо, поддерживать и восстанавливать авторитет шахского правительства, которое имело в виду в дальнейшем создать из жандармерии, снабженную всем необходимым, настоящую персидскую государственную армию. Главные силы жандармерии были размещены на юге Персии, где оне должны были, как было сказано, охранять дороги и держать в повиновении, а при необходимости и усмирять, строптивые племена юга.

Столичная полиция города Тегерана была тоже в опытных руках шведов. Шведские специалисты полицейского дела сумели создать надежные кадры. Кражи и грабежи прекратились и уличный порядок редко нарушался.

Персидская казачья Его Величества Шаха бригада состояла из нижних чинов персов и персидских же обер и штаб-офицеров, до генералов включительно. Они носили форму подобную нашим казачьим полкам. По существу бригада была шахской гвардией, усиленным конвоем Его Величества. Она имела свой кадетский корпус для воспитания будущих офицеров, свой отлично оборудованный лазарет, обслуживаемый русскими врачами. Ее казармы и конюшни находились в самом Тегеране. За 30-летнее уже существование бригады, все чины ее получали свое содержание из персидской казны всегда полностью и го время. Дисциплина в бригаде была примерной. Она воспитывалась русскими инструкторами в духе исполнения воинского долга, преданности шахскому престолу, в доверии и добрососедских чувствах к России. Отделение бригады, силою приблизительно в дивизион, имело своей стоянкой г. Тавриз, где находилась традиционная резиденция Валиагда, наследника шахскаго престола. Командовал бригадой генерал-майор князь Вадбольский, а помошником его был старший по чину из русских инструкторов, полковник Б. С. Прозоркевич. При бригаде имелась батарея из шести скорострельных орудий системы Шнейдер-Крезо со значительным к ним комплектом снарядов. Этому обстоятельству суждено было сыграть немалую роль в тревожные дни, о которых речь будет впереди. При благоустроенной и представительной штаб-квартире командира бригады имелся манеж и теннисные площадки.

Дом князя Вадбольскаго, а потом полковника Прозоркевича, был центром культурного общения и сближения между русскими и персидским офицерами. В свободное от службы время они сходились в обширных

---

1) *Некоторые, интересные подробности об этой бригаде см. "В. И. В." 1956 г. № 11, в сообщ. С. Кочугина и С. Буланцеля.* (Ред.)

помещениях штаб-квартиры или рядом в саду. Говорили по-русски и по-персидски. Сговаривались о разных спортивных состязаниях, играли в теннис. На очередные приемы у командующего бригадой приходили и представители и персидского оффициального мира, а также дипломатического корпуса. Чины российской миссии были всегда желанными гостями, и я с удовольствием вспоминаю о многих часах, проведенных в этой живительной обстановке русско-персидской дружбы.

Первые недели моего пребывания в Тегеране были заняты визитами и знакомствами в дипломатическом корпусе и в персидских правительственных сферах. Персидским министром председателем в то время был старик, достойный и маститый князь Ала. Его сын Моин-эль-Безарэ был главным секретарем министерства иностранных дел, его рабочей спицей. Образованный, культурный, отлично владевший иностранными языками, горячий и деятельный патриот своей страны, он, как будто бы за всех персов вообще, норовил быть в постоянном деловом контакте с иностранными миссиями, и раньше всего с великобританской и русской. Его ожидала заслуженная карьера. Он продолжал свою патриотическую работу и при новой династии, представляя Иран (новое название Персии) в Вашингтоне и Лондоне, а затем, уже в недавние дни, был министром иностранных дел и министром двора нынешнего Шаха Риза Пехлеви.

Посланником союзной нам Франции был г. Леконт, а бельгийским г. де Борхграв. Австро-Венгрия была представлена довольно бесцветным гр. Логотетти, а турецким послом был хорошо мне знакомый Асим-Бей, во всех отношениях достойный уважения. Турция, как мусульманская держава, имела в Персии посольство, тогда как все остальныя страны, были представлены лишь миссиями.

С Асим-Беем у меня сложились личные дружеские отношения в Софии, где он был турецким посланником. Это было накануне Балканской войны и не смотря на то, что русская политика неизменно поддерживала интересы славянских и православных государств Балкан, это не влияло на наши личные отношения. В свободное время я продолжал изучение персидского языка, начатое еще в 1904 г., кстати сказать, очень мелодичного. Персидские слова и их фонетика мне всегда казались какой то давно слышанной песней. Они запоминались легко, имея общие корни со всеми индо — европейскими языками.

Так проходили дни быстро, безмятежно и для меня занимательно. Казалось, что страсти в международном мире после Балканской войны успокоились и что даль просветлела. В связи с этим дипломатический корпус в Тегеране, как будто бы, зажил опять дружно: ездили верхом, играли в теннис, устраивали пикники, давали обеды и готовились к предстоящим в конце июля коронационным торжествам. А после коронации меня ожидало возвращение в Россию и позже, осенью, назначение в Белград.

Эта идиллическая картина была внезапно расстроена. Как ударом грома, 28 июня всех ошарашило известие об убийстве в Сараеве наследника австро-венгерского престола, Эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги.

В эти столь тревожные июльские дни С. Д. Сазонов держал нас в курсе всех настойчивых усилий императорскаго правительства к недопущению мировой катастрофы. Помню, одна из его телеграмм предписывала нам самое тщательное воздержание от каких-либо, даже самых незначительных текущих пререканий с английской миссией, когда российское правительство, единодушно с Францией и Англией, прилагало все посильные старания к нахождению мирного выхода из столь опасной обстановки. В момент, когда для двойственного союза привлечение к нему Великобритании стало важнейшей задачей-всякое англо-русское соревнование, все вообще споры в персидских делах теряли какое-либо значение. Думаю, что сэр Уолтер Таунлей из Лондона получал аналогичные инструкции.

В такой уже в высшей степени напряженной атмосфере состоялись с большим великолепием торжества коронования молодого Шаха Ахмета. Завершением их был парадный обед дипломатическому корпусу в летнем дворце. Несмотря на большую жару, все были в мундирах. На следующий день мне стало известно, что германский посланник, принц Рейсс, как только кончился этот обед, не дав себе даже времени переменить тяжелый мундир на дорожное платье, в нанятом на базаре автомобиле, поспешил в отпуск в Германию, путем через Энзели, оттуда на русском пароходе в Баку и через территорию России к австро-венгерской границе у Волочиска. Для меня этот эпизод является доказательством того, что принц Рейсс был уже осведомлен о предстоящем в ближайшем будущем объявлении нам Германией войны. Он хотел еще успеть пробраться через русские пределы. При его тучности и привычном комфорте, это доказательство становится еще более убедительным.

II.

Скоро ход войны стал отражаться на жизни и влиять на события и в нашей отдаленной Персии. Шахское правительство объявило о своем нейтралитете и насторожилось. Быть может, ему мерещилась возможность более благоприятной для Персии общеполитической обстановки, когда великие державы обессилят себя в продолжительной войне. Оно решило ждать.

Командир казачьей Его Величества Шаха бригады, князь Вадбольский, в первые же дни войны покинул Персию, получив в командование кавалерийскую дивизию на нашем западном фронте. Вслед за ним отправилось на войну большинство русских инструкторов. Командование бригадой принял полковник Б. С. Прозоркевич и в Тегеране с ним осталось незначительное число русских офицеров. Если стремление русских инструкторов спешить в Россию для исполнения своего

долга защиты родины было естественным и понятным, то поведение шведских офицеров-инструкторов персидской жандармерии выявило открыто все их германофильство. Они почти все в скором времени покинули Персию, не считаясь со своим обязательством по отношению к ее правительству и немедленно же были приняты на германскую военную службу. Были, однако, некоторые исключения, несколько шведов остались на своих местах, продолжая исполнять свои инструкторские обязанности в рядах жандармерии.

Германия, заняв доминирующее положение на Босфоре и торопя военный союз с Турцией, решила использовать свою близость к этой мусульманской державе, чтобы привлечь и шахское правительство на свою сторону. Она поставила себе задачей добиться объединения этих стран ислама в священной войне против гнета империалистических держав-России и Англии.

Во исполнение этого плана в Персию через турецкую границу хлынули потоки германских и турецких агентов самых различных сортов. Германия стала посылать в Персию всех немцев, кто раньше в ней бывал и хоть немного был знаком с местными условиями, будь то прежние чины ее дипломатической или консульской службы, журналисты, ученые, археологи, торговцы и т. д. Все они должны были влиять на общественное мнение страны, возбуждая ее против России и Англии при помощи шовинистической печати и посредством германофильской пропаганды на базарах. Турецкие агенты должны были им при этом посильно секундировать. В результате такой агитации в некоторых газетах стали появляться враждебные нам статьи, призывавшие шахское правительство на более энергичную политику мусульманского мира, на стороне "могущественной германской империи". Происходили и забавные курьезы. Так, на базарах столицы распространился слух, что император Вильгельм II стал мусульманином и что германцы в сущности дети Ирана, ибо их имя одно уже доказывает, что они выходцы из юго-восточной персидской провинции Керман. Нельзя же после стольких столетий от них ожидать, чтобы они правильно произносили персидские слова. Как правило, все германские агенты были снабжены значительными денежными средствами. Обычно золотом, притом, по возможности, английской, русской или французской чеканки. Это-дабы на базарах и в толпе произвести впечатление, что немцы все это золото уже завоевали и этим увеличить свой престиж.

Мы, конечна, тоже имели сошх многочисленных друзей. Влиятельные принцы Каджарской династии, дяди молодого Шаха, имевшие свои землевладения, главным образом в русской зоне, были определенно на нашей стороне. Вообще говоря, новое явление военного союза между Россией и Англией, в глазах персов, привыкших к традиционному соперничеству этих держав, казалось непреодолимой силой, с которой одной лишь пропагандой, Германии и Турции безнадежно было бороться. Но скоро наши враги взялись за более смелые приемы, применяя силу.

Здесь мне приходиться сказать несколько слов об армянском элементе, осевшем уже с давних времен в значительном количестве в разных городах Персии. В Тегеране жила многочисленная армянская колония. Это были, главным образом, деятельные и часто успешные торговцы, имевшие в персидской среде надежные связи. Армяне были всегда отлично осведомлены обо всем, что происходило в стране, а их глубокая ненависть к туркам делала их нашими верными союзниками и ценнейшими осведомителями. В виду сего, я оказался постепенно в постоянном контакте с некоторыми выдающимися представителями армянской колонии, о чем мне никогда не приходилось жалеть.

Вступление Турции в войну сразу же придвинуло ее из далеких, казалось, мест к самым границам Персии. Все зашевелилось. Немцы сосредоточили главную свою пропаганду и усиленную агитацию в так называемой нейтральной зоне, в пограничных с турецкой Месопотамией областях и на юге Персии, среди курдских племен, а также среди бахтиар и кашкайцев. Они стремились перетянуть и некоторые жандармские части на свою сторону, при помощи оставшихся еще на персидской службе шведских инструкторов. Из всех этих разношерстных элементов, присоединяя к ним и разбойничьи банды и многочисленных турецких пришельцев, немцы создавали сплоченную, послушную вооруженную силу, под командой опытных германских офицеров, знакомых с местной обстановкой. С расчетом в дальнейшем ее еще развернуть и сообразно с обстоятельствами тогда уже действовать силой. Рейсс вернулся через Турцию к своему посту и общее руководство при осуществлении германских стратегических планов было сосредоточено в германской миссии.

Турция же двинулась всей мощью своих войск к пределам Кавказа. В начале декабря 1914 года турки перешли русскую границу и стали наступать на Александрополь. Вел их Энвер-Паша по глубокому снегу кавказских горных просторов. Стратегической целью турок было занятие Тифлиса.

Нам в Тегеран наш русский телеграф в эти дни передавал жуткие вести, а турки затрубили о своих первоначальных и будущих успехах. Не имея сведений о количестве войск, коими мог располагать наместник на Кавказе, принимая во внимание потребности главных западных фронтов, наши опасения становились все серьезнее, особенно когда наш телеграф нам сообщил, что мы Тифлис собираемся эвакуировать и что первые шаги в этом смысле уже делались. Эти сведения конечно сейчас же стали распространяться по всей Персии и враги наши ликовали.

Но тут на самое Рождество пришло радостное известие о великой русской победе под Сарыкамышем. Доблестью наших войск и умелым обходным маневром вся турецкая армия была разгромлена, частью уничтожена, а частью взята в плен. Остатки ее бежали обратно через границу. Эта сарыкамышская победа поставила конец всяким турецким наступательным

возможностям в сторону Кавказа. С глубокой благодарностью в сердцах в церкви миссии был отслужен торжественный молебен, на котором присутствовали представители союзных миссий, а престиж наших врагов, и конечно особенно Турции, потерпел значительный урон, тем более, что после случившагося, персы переставали верить распространяемым турками и немцами сведениям.

Мы провели счастливые рождественские дни, а казаки конвоя миссии и нашего генерального консульства, и в казачьей бригаде, запели долетевшую до нас с высот Кавказа новую солдатскую песенку, на старый мотив "пой, ласточка, пой":

"Плачь, Энверка мой,
Сарыкамыш не твой
И Тифлиса тебе не видать,
Брось воевать".

Начался 1915 год. И мы жили телеграфными сведениями с главных театров войны. Имея своих друзей в газетном мире, мы боролись с германской пропагандой и иногда с успехом. К сожалению, союзные миссии располагали лишь ничтожными денежными средствами в сравнении с нашими врагами, которые, казалось, имели в своем распоряжении неограниченные суммы и ими широко пользовались. Это непонятное недомыслие доставило нам не мало забот и во многом тормозило наши начинания.

В лагере немцев неудача турецкого наступления вызвала еще большую энергию и решимость. Скоро они приступили к действиям в большом масштабе, возмущая народ, вызывая базарные волнения. Начались покушения на русских и английских представителей. Так, в г. Исфагани был убит наш вице-консул Кавер и тяжело ранен английский генеральный консул. Этот важный город, бывшая столица Персии в дни ея могущества и славы, на южной границе нашей зоны оказался под властью вожаков распропагандированной немцами толпы. Такие события привели раннею весною 1915 года к переменам в русском и английском представительствах в целях более близкого и успешного между ними сотрудничества. Оба посланника были отозваны. Сэра Уолтера Таунлея должен был заменить сэр Чарльс Меррэй Марлинг, а на место И. Я. Коростовца был назначен Н. С. фон Эттер, советник нашего посольства в Лондоне. До его приезда управление миссией было возложено на меня, в качестве российского поверенного в делах.

Новый английский посланник Марлинг прибыл уже в начале апреля и я готовился ему, как старшему, первым сделать визит на следующее же утро после его приезда. Но Марлинг меня опередил. В 9 часов утра уже его экипаж с конвоем сипаев въехал во двор нашей миссии. Марлинг меня встретил, протянув обе руки со словами: "Этот жалкий сброд (он еще крепче выразился) нас не запугает, не правда-ли?". Он мне сказал, что его инструкции предписывают ему самое дружное, тесное и доверчивое сотрудничество с русской миссией, как в отношении к персидскому правительству, так и в целях успешной борьбы с нашими общими врагами. Со своей стороны я мог его уверить, что и мне предписано в том же смысле и в этих же целях, действовать заодно с великобританской миссией всегда и везде, где это по местным условиям нужно будет.

Такой случай уже представился чуть ли не на следующий день, когда английский посланник, по телефону, рано утром просил меня его навестить по важному и чрезвычайно спешному делу. Прибыв незамедлительно в английскую миссию, я там застал взволнованного Марлинга и заметно растерянного английскаго директора Шахиншахского государственного банка Персии. Г-н Вуд, уже пожилой человек, был одним из столпов английской колонии в Тегеране, где пробыл не мало лет. Он считался одним из лучших знатоков персидских дел. Одновременно со мной в английскую миссию прибыл и французский посланник. Директор персидского государственного банка нам с тревогой открыл, что по его верным сведениям, наши враги, проведав, что в банке временно иссяк запас серебряной монеты, служащей в Персии обеспечением ее бумажных денег, подняли и распространяют на базарах тревогу, готовя массовый приступ на кассы банка в ближайшем будущем, с расчетом раздуть, предусмотренный отказ в обмене бумажных денег на серебро, в большое народное возмущение с уличными безпорядками и громким протестом против Англии, которая, как всем известно, должна была заботиться о постоянном необходимом наличии в банке серебряного покрытия бумажных денег. Затруднения в доставке серебра в военное время помешали заблаговременно пополнить его запасы в банке, а немцы, при помощи своих персидских осведомителей, это пронюхали. Мы все сразу же согласились, что необходимо принять срочныя меры, дабы предупредить или обезвредить планы наших врагов. По всестороннем обсуждении, мы решили действовать немедленно и настоять перед персидским правительством, чтобы оно, во избежание крупных безпорядков в столице и в стране, сейчас же издало и повсюду опубликовало срочное распоряжение по министерству финансов, обязывающее государственный банк менять бумажные деньги на серебро лишь в количестве не более одного тумана (в то время около 1 рубля 70 коп.), каждому отдельному лицу, на каждые сутки, дабы не лишить население необходимой разменной монеты. И это в течение двух месяцев. В случае, более чем вероятном, отказа правительства принять в столь краткий срок предлагаемую нами исключительную меру — добиться сегодня же аудиенции у Шаха и буде это, по обстоятельном ознакомлении Его Величества с создавшейся опасностью, окажется необходимым, уговорить Шаха сменить правительство, с тем, чтобы новый кабинет немедленно издал по финансовому ведомству то временное распоряжение, на котором мы настаивали. Очень скоро выяснилось, что наш план не мог осуществиться без принятия его предварительно

Шахом. В виду сего мы сейчас же обратились к министру двора, чтобы он доложил Его Величеству просьбу великобританского и русского представителей принять их еще сегодня в совместной аудиенции по весьма серьезному делу. Шах был вероятно уже уведомлен, о чем должна была быть речь на этой аудиенции. Он видимо хотел выиграть время, чтоб посоветоваться с своими министрами и приближенными и дал нам знать, что он проводит эти первые весенние дни за городом в палатках, но что он через день или два нас совместно примет в тегеранском дворце. Этим ответом Марлинг и я не могли удовлетвориться, и мы вновь через министра двора стали настаивать на неотложности и важности дела. В результате нашего повторного к нему обращения Шах согласился дать нам совместную аудиенцию за городом в тот же день и в три часа по полудни.

И вот удивленное тегеранское население стало свидетелем неслыханного, небывалого в Персии до сей поры события: представители России и Великобритании, сидя рядом в открытой коляске, в данном случае, в экипаже российской миссии, при охране соединенного из казаков и сипаев конвоя, проследовали через базары и многие улицы столицы, отправляясь на аудиенцию к Его Величеству Шаху. В другой коляске ехали переводчики, старшие драгоманы наших миссий Джорж Черчиль и В. А. Евреинов. Был яркий, приветливый весенний день. Шах принял нас в обширной нарядной палатке на зеленом лугу за стенами города. Оттуда открывался широкий вид на Эльбурские горы с величавым Демавендом.

Семнадцатилетний Шах был один в палатке, когда мы с драгоманом были введены в нее. Его Величество оставался с глазу на глаз с нами во все время аудиенции, которая продолжалась более двух часов. Он все время стоял, что обязывало к тому же и нас. Шах владел русским языком, чем он был обязан своему бывшему воспитателю капитану Смирнову. Английский язык ему был менее доступен. Он изъявил желание, чтобы наши к нему обращения и его ответы на персидском языке переводились драгоманами, чем и объясняется продолжительность аудиенции.

Марлинг и я по очереди, он по-английски, а я по-русски сообщили Шаху о готовящемся нашими врагами массовом наступлении на разменные кассы государственного банка, с одной лишь целью вызвать народное опасение за свои деньги и в связи с этим, крупные безпорядки по всей стране. Мы ему перечислили целый ряд случаев, когда немцы своей агитацией и часто самым грубым образом, не стесняясь, нарушали нейтралитет Персии и указывали Шаху на всю, растущую от этого, опасность для его страны и для него самого. Шах, выслушав все наши доводы, стал постепенно убеждаться в серьезности вопроса и необходимости срочных мер для предотвращения грозящих крупных неприятностей. Он, после некоторого колебания, согласился, что предлагаемый нами закон о временном сокращении обмена бумажных денег являлся лучшим практическим выходом из положения. После еще некоторых колебаний и новых наших настояний на крайней спешности дела, Шах принял решение переменить свое правительство с тем, чтобы новый министр финансов немедленно же издал и опубликовал правительственное распоряжение о новых временных правилах обмена государственным банком бумажных денег на серебро. Соответствующий указ Его Величества был быстро изготовлен и Шах его подписал в нашем присутствии, заверив нас в всегдашней своей дружбе к России и Англии и личной его преданности царствующим главам наших держав. На этом кончилась эта необыкновенная аудиенция. На обратном пути через город уличные толпы нас дружелюбно приветствовали, а новый закон о размене на серебро бумажных денег был уже на следующее утро широко опубликован в столице и по всей стране. Население поняло разумность временной меры. Оно не напугалось и не возмутилось. Так кончилась для нас успешно первая стычка с нашими врагами. Во всем этом происшествии у меня не было времени заранее запросить и получить из С. Петербурга указание, как поступать в данном случае и я решил следовать моим общим инструкциям о совместных с английской миссией действиях. Такое мое решение и самостоятельное поведение было затем министерством иностранных дел полностью одобрено.

III.

Наш новый посланник Николай Севастьянович фон Эттер приехал в конце апреля. Согласно давнишнего (после убийства в Тегеране посланника Грибоедова) установленного во всех подробностях ритуала, каждый новый посланник России весьма торжественно встречался сразу же по вступлении на персидскую землю в порту Энзели и в г. Реште местными властями, русским консульством и русской колонией. Для большего еще почета из Тегерана ему навстречу посылался важный чиновник министерства иностранных дел, а из российской миссии всегда выезжал первый драгоман для содействия ему во время пути и при встречах с персами.

В сопровождении этих лиц посланник следовал в столицу, где вблизи Казвинских ворот, в соседнем саду, его ожидала вторая встреча. Сюда к его приезду собирались персидские министры двора и иностранных дел, для приветствия его от имени Шаха и правительства, а также все чины миссии и генерального консульства и представители русской колонии. Ожидали посланника в парадных мундирах, а посланник надевал для встречи дорожную форму при орденах.

Опять гимны и приветственные речи. После чего посланник уже в коляске миссии, в сопровождении казачьего конвоя и всех встречавших его лиц, торжественной процессией следовал в российскую миссию. При въезде его, над воротами спускали флаг по-

веренного в делах и поднимался флаг посланника. Теперь посланник прощался со встречавшими его персами, затем проходил в церковь миссии, где был отслужен молебен, и этим кончался весьма для него утомительный долгий путь к месту служения. Личная прислуга Н. С. фон Эттера успела уже прибыть до него, так что все необходимое на первых порах для его устройства и удобств было приготовлено. В этот день мы обедали с ним вдвоем и я мог ознакомить его с общей обстановкой, которая его ожидала, и с поведением наших врагов. Посланник решил, как можно скорее, из тесных базарных улиц, окружавших нашу миссию, переехать в летнюю резиденцию Зергендэ, что к 1-му мая и было выполнено.

В это время мы могли убедиться в том, что новый элемент стал появляться в Персии и пополнять вражеские ряды. Это были австрийские солдаты и офицеры, которым удавалось бежать из русского плена и через наш Туркестан, либо Афганистан, пробраться в Персию. Мы удивлялись количеству таких прибывавщих в Персию военно-пленных. Они нередко попадались нам на глаза в самом Тегеране. Поступали они сразу под немецкую команду. Посланник имел свою вступительную аудиенцию у Шаха и знакомился с союзными коллегами и персидскими сановниками. Он уже был знаком с Марлингом и у нас сразу же установились дружеские отношения и постоянное общение с английской миссией.

Летние месяцы 1915 года проходили в постоянной борьбе со все усиливающейся германской пропагандой и со все растущей агитационной деятельностью, которую немцы заметно стали придвигать из провинции к Тегерану. Они, конечно, при этом пользовались своими, иногда крупными военными успехами, уверяя персов в скорой окончательной победе Германии. Наши персидские и армянские осведомители сообщали нам подробно о настроениях на базарах и среди населения вообще. Мы же старались влиять на персидское правительство, продолжая постоянно ему указывать на разницу нашего корректного отношения к персидскому нейтралитету и безтактного хозяйничания наших врагов, отнюдь с нейтралитетом страны не считавшихся. В августе сведения к нам поступающия стали еще много серьезнее. Нам сообщили из надежного источника, что некоторое количество жандармов уже присоединилось к германской вооруженной силе, которая будто бы достигла более пяти тысяч человек, что в дальнейшем немцы расчитывают на пассивное, если и не активное содействие им персидской жандармерии. Стратегический план наших врагов должен был будто бы осуществиться по следующей программе: приложить все старания и не жалеть золота к внесению пропаганды и в ряды Персидской казачьей Его Величества Шаха бригады и когда созреет общая обстановка и настанет момент решительного действия — вызвать крупное народное волнение и одновременно, внезапным, лучше всего ночью, налетом, ворваться значительной вооруженной силой в Тегеран, занять союзные миссии и захватить всех нас, союзных представителей. Разграбить Шахиншахский и Русско-Персидский Учетно-Ссудный банки и заставить шахское правительство открыто перейти на их сторону, а нас отвести в плен в Турцию, в Басру.

И действительно, вскоре же некоторые события заставили нас всерьез насторожиться. Так, в двух различных местах города взорвались бомбы, вероятно при неосторожном перенесении их неизвестными лицами, а также были обнаружены скрытые на некоторых крышах города пулеметы. Столичная полиция занялась безуспешно разследованием этих случаев.

С командовавшим Персидской казачьей Его Величества Шаха бригадой полковником Б. С. Прозоркевичем мы, конечно, были в постоянном общении, при чем выяснилось, что немцы больше всего были заинтересованы саботажными планами по отношению к имевшейся при бригаде батарее скорострельных орудий. Неизвестными лицами вносились в казачьи казармы листки с обещаниями крупного вознаграждения за каждый украденный снаряд и еще гораздо большаго за порчу орудия. Персидские казаки, находя эти листочки, сейчас же несли их к своему начальству, и я должен сказать, к чести Персидской казачьей Его Величества Шаха бригады, что за все время не было ни одного случая, чтобы какой-либо чин ее соблазнился немецким золотом и обещаниями. У меня был в руках, и я его еще долго сохранял, документ, подписанный военным агентом при германской миссии, графом Ш., в котором были обещаны разные денежные суммы за кражу снарядов батареи, за порчу снарядов, за порчу орудий. При этом обещались и пожизненные пенсии семьям, если бы при саботажных действиях чин бригады лишился жизни. В ответ на это полковник Прозоркевич произвел учебную стрельбу батареи на полигоне бригады.

Решение болгарского правительства стать на сторону врагов России произвело, как можно было ожидать, глубокое впечатление на персов, а шахское правительство было ошеломлено этим событием, конечно оно не могло это себе объяснить иначе, как несомненными и весьма крупными военными успехами Германии. О них трубила немецкая пропаганда и ей вторила часть персидской печати. Мои армянские осведомители стали опасаться за стойкость правительства на своей нейтральной позиции.

При таких обстоятельствах дальнейшее пребывание нашего представительства в зимние месяцы в старом городском доме, среди базаров, становилось опасным и посланник решил переселиться к началу ноября всеми службами миссии на новое, более подходящее и менее опасное место на окраине города, в непосредственном соседстве с английской миссией, а именно, в обширное поместье-парк Атабек Азама. Эта роскошная усадьба называлась так по имени ее бывшего владельца, известного в свое время, персидского государственного деятеля. Впоследствии она перешла в собственность нашего министерства финансов, а последнее, в виду тревожного положения в Тегеране, уступило ее министерству иностранных дел, которое и

предложило посланнику, по его благоусмотрению, переселиться в парк Атабека Азама со всеми службами миссии. Церковь оставалась на старом месте в городском доме.

Теперь нам с каждым днем становилось все яснее, что на германскую политику применения силы-нам необходимо ответить силой же.

Дальнейшее колебание и попустительство с нашей стороны в Персии неминуемо стали бы доказательством нашей слабости и могли побудить правительство Шаха отказаться от нейтралитета в пользу наших врагов. В чисто военном отношении им, конечно, от этого прибыли было бы весьма мало, но факт объединения Персии и Турции в священной войне ислама против России и Англии увеличили бы в значительной мере престиж Германии. Кроме того она смогла бы использовать персидскую территорию для серьезной стратегической диверсии в обход Кавказа. Это вызвало бы с нашей стороны необходимые военные усилия в гораздо большем масштабе, чем была бы присылка теперь в Персию сравнительно незначительной военной силы для острастки наших врагов и удержания Персии от сближения с ними. Соображения эти вполне разделялись английским и французским посланниками, которые в этом смысле сносились со своими правительствами. И ясно также, что в данном случае лишь соседняя Россия могла подать необходимую военную силу, тем более, что Кавказу со стороны Турции теперь перестала грозить опасность. Помимо всего этого, Россия являлась при данных обстоятельствах фактически ответственной за неприкосновенность союзных миссий и за жизнь и имущество их колоний в Персии, а также за судьбу армян, которым со стороны турок грозила смертельная опасность.

Все эти доводы посланник уже неоднократно, подробно, настойчиво и с большой убедительностью в своих донесениях и телеграммах докладывал С. Д. Сазонову — но на наши настояния мы все не получали из С. Петербурга ответа по вопросу о посылке войск. Видимо, шум и голоса с важных военных театров заглушали и обезсиливали наш голос из далекой Персии, казавшейся сравнительно столь мало важной.

Так проходили сентябрьские дни в постоянном напряженном ожидании.

Тревожныя мысли и заботы мне не давали покоя и я стал убеждать посланника, что мы не можем и не должны довольствоваться красноречивыми тревожными донесениями и телеграммами, а что ему надлежит сделать обстоятельный личный доклад, кому следует, об опасностях настоящего положения в Персии. Только сделав это, российская миссия исполнила бы свой долг перед родиной и сняла бы с себя ответственность за все то, чем могло быт чревато близкое будущее. Н.С. фон Эттер с этим всецело соглашался, но при этом говорил, что он считает правильнее, чтобы личный доклад был сделан мною, а не им, в виду того, что мысль об его необходимости первоначально исходила от меня и что я, благодаря уже более длительному пребыванию в Персии, был лучше его осведомлен в местных делах.

В этом виде посланник и сделал С. Д. Сазонову представление о личном докладе по спешному вопросу о присылке руских военных сил в Персию. Ответ министра иностранных дел пришел сравнительно скоро. Предложение моего доклада было им одобрено, а также Верховной Ставкой, причем Государь повелел, чтобы доклад был сделан Наместнику на Кавказе. Все дальнейшия распоряжения в связи с посылкой наших войск в Персию, должны были уже исходить от него. Войска наши на территории Персии должны будут себя вести, как в дружественной стране, не нарушая прав, связанных с ее нейтралитетом. Они не высылаются для наступательных военных действий, а скорее в помощ Шаху и его правительству в их стремлении осуществления на деле нейтралитета Персии. О всем вышесказанном Наместник на Кавказе был уведомлен.

Итак, мне оставалось лишь собрать исчерпывающия данныя о состоянии дорог, о телеграфных проводах, о разстоянии между отдельными стратегическими пунктами. А также о вероятном распределении и численности жандармских отрядов и об условиях Энзелинского порта. Забрать с собой карточный надежный материал и отправиться в путь. Посланник счел предпочтительным не скрывать от персидкого правительства моей командировки в Тифлис, с расчетом, что ни наши враги, ни персы со своей стороны не решатся на крайния меры, а будут ожидать результатов моей поездки. Командующий Персидской Казачьей Его Величества Шаха бригадой мне предоставил автомобиль, что ускорило мое путешествие. Для большей острастки и действительного предостережения, полковник Прозоркевич вывел батерю своих скорострельных орудий из города на доминирующую над ним и над шахским дворцом возвышенность с широким оттуда обстрелом.

Г. Бах.

(Продолжение следует)

Граф Д. А. Милютин, П. С. Ванновский и Н. Н. Обручев

на службе у четырех Императоров

Царствования Императоров Александра II и Александра III были очень трудными. После освобождения крестьян в 1861 году необходимо было производить всюду реформы, в частности, в организации вооруженных сил России. Работы было очень много, а образованных, способных государственных людей было очень мало, и нужно сказать, что Императоры Александр II и Александр III справились с текущим трудным моментом, призвав къ деятельности в Военном министерстве таких талантливых генералов, как Милютин, Ванновский и Обручев. Эти генералы оставались на своих должностях в течение 16 - 20 лет. Работали дружно и энергично. Их знала вся Россия, и Императоры в воздаяние их заслуг щедро осыпали их высокими наградами. Напомним вкратце биографию каждого из них.

Дмитрий Алексеевич Милютин (1816 — 1912), впоследствии граф, после окончания курса в Московском университете, вступил в военную службу юнкером в гвардейскую артиллерию. По производстве в офицеры поступил в Императорскую Военную академию, которую в 1837 г. блистательно окончил с серебряной медалью: его имя было занесено на мраморную доску. Боевая его деятельность началась на Кавказе, где он участвовал в походе 1839 года (был ранен), а также в военных действиях 1843-44 г.г. В 1845 г. Милютин был назначен профессором Военной академии по курсу военной географии. Эту кафедру он занимал одиннадцать лет. Он создал новую науку "военную статистику". Лекции его в академии были замечательны. Им было написано несколько трудов, среди которых следует отметить: "Опыт военной статистики", "Военная статистика Прусского государства", "История войны России с Францией в царствование Императора Павла I", "Описание военных действий в 1839 году в Дагестане". Много написано им было других исследований, записок-проэктов и статей, напечатанных в различных журналах или изданных отдельно.

Назначенный в 1856 г. на пост начальника главного штаба войск на Кавказе, он вскоре сделался правою рукою князя Барятинского (впоследствии фельдмаршала и наместника на Кавказе) и много способствовал покорению Кавказа. При нем был взят в плен Шамиль.

В 1860 г. Милютин назначается военным министром, и на этой должности остается двадцать лет. Он произвел в русской армии много коренных реформ, которые коснулись, можно сказать, всех отраслей ее управления.

Срок службы нижних чинов в строю был сокращен с 22 — 25 лет до 6 лет. В 1864 г. началась организация юнкерских училищ. В 1867 г. были учреждены учебные команды для подготовления солдат к производству в унтер-офицеры. Кадетские корпуса преобразованы в военные училища и военные гимназии. Учреждены фельдшерские школы.

В 1874 г. (1 января) была введена всесословная воинская повинность. Было выработано положение о государственном ополчении. Было обращено внимание на необходимость умственного образования в войсках. Были учреждены педагогические курсы для подготовки учителей в военные училища и гимназии. Преобразования коснулись военных управлений интендантской и военно-медицинской частей. Упрощено обмундирование войск и улучшено довольствие солдат. Введено положение о военных госпиталях, лазаретах и врачебных заведениях в военное время. Медико-Хирургическая академия получила огромные средства.

Преобразована военно-судная часть. В 1863 г. отменено наказание шпицрутенами и вообще система телесных наказаний очень была ограничена. В 1868 году введен в действие "Воинский устав о наказаниях" и "Военно-судный устав". Учреждена Военно-Юридическая академия. Преобразованы военные тюрьмы и улучшена жизнь арестантов.

Всюду было увеличено жалование офицеров, были устроены офицерские собрания, столовые и проч.

Благодаря всем этим блестящим реформам армия была поставлена на большую высоту. Заслуги Милютина, как одного из наиболее талантливых деятелей, были по достоинству оценены Императорами Александром II и Александром III. Он был кавалером ордена св. Георгия II степени и получил бриллиантовые знаки ордена св. Андрея Первозванного, возведен в графское достоинство и был пожалован знаком, осыпанным алмазами, с двойным портретом этих Императоров.

В 1881 г. Милютин оставил управление Военным министерством и был назначен членом Государственного Совета.

На место Милютина военным министром был назначен генерал Ванновский. Личность тоже незаурядная. Семен Васильевич Ванновский (1822 — 1904) получил образование в Московском кадетском корпусе, откуда был выпущен прапорщиком в Л. - Гв. Финляндский полк. Участвовал в Венгерском походе 1849 года, в кампании 1853 г. на Дунае. В 1857 г. был начальником Офицерской Стрелковой школы, с 1863

по 1868 г. начальником Павловского военного училища. После этого командовал последовательно 12-й и 33-й пехотными дивизиями, а затем был командиром 12-го армейского корпуса. В русско- турецкую войну 1877 - 78 г.г. был начальником штаба Рущукского отряда, которым командовал Наследникъ (будущий Император Александр III). В 1881 г., как сказано было выше, был назначен военным министром. Перед уходом Милютина от управления Военным министерством Император Александр III спросил его мнения о Ванновском, как кандидате на пост военного министра, и Милютин отозвался о Ванновском, как о дельном и умном генерале (Дневник Милютина. Запись 12 мая 1881 г.).

Военным министром Ванновский оставался в течение шестнадцати лет (до 1897 г.), продолжая выполнять тот огромный и сложный труд по проведению реформ в военном ведомстве, который был начат Милютиным. При Ванновском, между прочим, русская армия была перевооружена превосходной "трехлинейной винтовкой образца 1891 года", изобретенной капитаном русской артиллерии С. И. Мосиным.

За свою плодотворную работу Ванновский был пожалован многими наградами, включая орден св. Андрея Первозванного.

Одновременно с занятием поста военного министра Ванновским на должность начальника Главного штаба был назначен многолетний сотрудник Милютина, генерал Обручев. Уже по уходе от управления Военным министерством Милютин занес в свой дневник следующее (запись 9 мая 1881 г.): "В последние годы Обручев был для меня одним из самых полезных и даровитых сотрудников. Если с выходом моим устранят и его, если не воспользуются таким человеком, каких у нас очень немного, то будет жалко для России и постыдно для нового правительства..." Опасение Милютина было напрасно, и Обручев, ставший начальником Главного штаба, оставался в этой важной и ответственной должности шестнадцать лет, заменяя очень часто военного министра.

По окончании I Кадетского корпуса Николай Николаевич Обручев (1830 — 1904) был выпущен офицером в Л. - Гв. Измайловский полк. В 1851 г. блестяще окончил Военную академию с большой серебряной медалью. Затем в течение 12 лет находился в гвардейском генеральном штабе, где был замечен Милютиным, и в 1867 г. назначен управляющим делами Военно-Ученого комитета. Этот комитет ведал всеми вопросами государственной обороны, и с этого времени Обручев становится самым близким помощником Милютина по преобразованию вооруженных сил России. Их совместная работа так переплетается между собою, что иногда трудно определить, кому из них принадлежит та или иная идея реформы. Одновременно с этим он состоял профессором Академии Генерального штаба, занимая кафедру военной статистики иностранных государств.

В 1871 г. Обручевым был выработан план на случай войны с Германией и Австро-Венгрией; план этот на особом совещании в 1873 г. был принят в основание мер по стратегической подготовке нашей западной границы.

В 1876 г. Обручев вырабатывает план войны с Турцией 1877 - 78 г.г. По его плану был совершен ночной штурм Карса, в заслугу чего он награждается орденом св. Георгия 3 степени. В 1879 г. Обручев командирован во Францию для присутствования на маневрах, а в 1880 г. руководит комиссией по укреплению наших западных крепостей, а также комиссиями по переустройству нашей кавалерии и инженерных войск. Из его военно - научных трудов следует отметить, напечатанный в 1853 году, "Обзор рукописных и печатных памятников, относящихся к истории военного искусства в России по 1725 год". Под его редакцией издавались "Военно - Статистические Сборники" и им основан "Военный Сборник".

Но самый значительный памятник, который оставил Обручев — это та исключительная роль, какую он сыграл, как начальник Главного штаба, в деле установления дружеских отношений между Россией и Францией, в результате которых явился франко-русский союз.

Чтобы понять политическую обстановку того времени, нужно знать, в каком положении очутилась Франция после войны 1870 - 71 г.г. После тяжелого франкфуртского мирного договора Германия получила Эльзас и восточную Лотарингию. Франция должна была уплатить контрибуцию в 5 миллиардов франков. До окончательной уплаты Германия оккупировала, в виде залога, многие департаменты и крепость Бельфор. В продолжении двадцати лет Бисмарк и Мольтке старались совершенно обезсилить Францию. Положение французов было ужасное. Казалось это было лишь перемирие и можно было ожидать нового нападения. В 1871 - 77 годах только серьезные противодействия русской дипломатии спасли Францию от нового разгрома. Ее отношения с Италией были скверные. Англия, во всем поддерживая Германию, заняла враждебную Франции позицию и объявила нейтралитет. В России стали ясно сознавать, что Англия ведет политику нарушения спокойствия в Европе. В. Н. Ламсдорф в своем дневнике (1886 — 1890) пишет: "Надо не забыт записать переданный мне Влангели любопытный разговор с Обручевым. Встретив товарища министра, генерал развил ему новый план политики, который он рекомендует со всем присущим ему пылом. Ему хотелось бы, чтобы было признано, что спокойствие в Европе нарушается Англией, что она разоряет все правительства, вынуждая их постоянно оставаться вооруженными. Поэтому он желал бы соглашения с Германией для внезапного нападения на Англию, которую он считает, в настоящий момент, настолько ослабленной и дезорганизованной, что ее можно было бы низвести на роль второстепенной державы. Он готов, если бы его уполномочили, ехать вести переговоры о союзе с Бисмарком".

Франция начала искать добрых отношений с Россией. В течение двадцати лет идеи в пользу дружественных отношений между этим странами развивались и увеличивались. Милютин в своих "Воспоминаниях" писал: "В то время, как Государь радовался блестящим успехом своего дяди и друга (Вильгельма I), в русском обществе большинство людей мыслящих сознавало опасность грозившую нам в будущем. Насколько Государь твердо полагался на традиционный союз России с Пруссией, как на самую верную опору мира в Европе, настолько же общественное мнение не доверяло долговечности этого союза, основанного более на личных симпатиях между монархами, чем на интересах обоих государств". Бисмарк и Мольтке никогда не хотели видеть Россию сильной, а, напротив, изолированной и ослабленной. В России образовалась антигерманская партия, которую возглавлял Наследник Престола, будущий Император Александр III, и самый приближенный к нему генерал Обручев. Русская дипломатия прекрасно понимала, что Пруссия, после ее победы над Францией и образования Германской империи, сделалась очень опасной для России. В Петербурге начало созревать сознание, что существование сильной Франции необходимо. Поэтому вполне естественно, что в этот момент Россия оказалась единственной страной, которая протянула руку помощи Франции.

Артур Мейер в своей книге "Что я могу сказать" (Arthur Meyer. «Ce que je peux dire» — 1912) пишет (перевод с французского): "В 1879 году подполковник де Буадеффр (de Boisdeffre) был командирован в качестве военного атташе в Петербург. Император Александр II оказал ему особое свое благоволение, но Царь не старался скрывать свои чисто немецкие тенденции («...ne cherchait pas à dissimuler ses tendances tout à fait allemandes...»).

Будущий Император Александр III и Цесаревна Мария Федоровна выражали Буадеффру свои симпатии, и именно с этого времени сердечная дружба генерала Обручева — тогда еще помощника начальника Главного штаба — помогала Буадеффру распространять идея («...repondre un courant d'idées...») благоприятные для Франции... Но надо сказать и повторить, что лишь эти три лица: Царь, Царица и их верный генерал Обручев были единственными, может быть, в России, склонявшимися к союзу с французами, так как почти все Великие Князья и с ними весь Двор были, если не определенно враждебными, но во всяком случае стоявшими против подобного проекта. Позже Буадеффру было поручено вести переговоры с Обручевым, который уже в это время занимал пост начальника Главного штаба, договориться о военной конвенции и подписать ее. Эта конвенция должна была служить базой для будущего союза, причем было условлено соблюдать во всем этом самую строгую тайну. Конвенция 17-го августа 1892 года была долгое время единственным актом, который определял русско-французское соглашение. Акт этот, хранившийся в несгораемом шкафу министерства Иностранных Дел, содержал в себе соглашение чисто оборонительного характера. Оно было создано по мысли Императора, чтобы сохранить мир..."

В 1890 году молодой император Германии Вильгельм II уволил Бисмарка и не возобновил соглашения с Россией. Хотя добрососедские отношения с Германией продолжали существовать, но политическая обстановка совершенно изменилась — Россия оказалась изолированной, поэтому политика союза с Францией сделалась реальной.

Президент Карно, начальник французского Главного штаба генерал Мирибель и его помощник генерал Буадеффр хорошо знали Императора Александра III и русских военных начальников: военного министра Ванновского и, в особенности, начальника Главного штаба Обручева, женатого на француженке, проводившего свои отпуски во Франции и бывшего более десяти лет интимным другом Буадеффра. В одном из своих писем Обручев написал ему следующее: «C'est par votre noble coeur que je me suis attaché à toute l'armée française, comme c'est pour l'amour de ma femme que je suis devenu ami de toute la France».

В 1894 году Император Александр III заболел и со всей семьей переехал в Крым в Ливадию, где вскоре умер. Это было страшное общее русское горе. Император Александр III поднял Россию на небывалую высоту и за все его царствование мир не был нарушен. Царя — Миротворца любила Россия.

20 октября 1894 года вступил на престол Император Николай Александрович, а 31 декабря 1897 г. военный министр Ванновский и начальник Главного штаба Обручев вышли в отставку. По этому поводу Обручев писал своему другу генералу Буадеффру (письмо от 8/20 января 1898 г.): "Во время моего последнего путешествия во Францию я вас предупредил совершенно конфиденциально о том, что ввиду моего возраста я думаю оставить Главный штаб и воспользоваться своим положением, как члена Государственного Совета. Отставка генерала Ванновского послужила для этого мне поводом. Для нашего молодого Императора нужны люди молодые, которые могли бы ему служить не один или два года, но пятнадцать — двадцать лет. Конечно, мне очень грустно оставить пост, который я занимал более шестнадцати лет, но, с другой стороны, я радуюсь своей свободе и в особенности той милости, какой Государь осчастливил меня в этом случае. Я вознагражден гораздо выше моих заслуг и, что мне очень лестно, я продолжаю всецело пользоваться доверием Императора, который мне позволил видеть его всякий раз, когда я этого захочу, в любое время дня и ночи. При таких условиях я смогу быть всегда полезным моей стране, равно как и нашему союзу".

За свою службу Обручев был награжден многими наградами, включительно до ордена св. Андрея Первозванного. Именем Обручева был назван один из лучших фортов в Кронштадте.

После ухода Ванновского (а вместе с ним и Обручева) военным министром был назначен генерал Куропаткин. К великому сожалению, выбор оказался не совсем удачным и даже, до некоторой степени, губительным. Бывший генерал-адъютант Брусилов в своих воспоминаниях пишет: "Александр III был человек твердый и простой, не имел склонности к военному делу, но требовал невозможно большого усиления военной мощи России. Военный министр, при помощи даровитого своего помощника, начальника Главного штаба Обручева, за время этого тринадцатилетнего царствования, сделал очень много и значительно упорядочил, развил наши военные силы и обратил внимание на оборону нашего западного фронта против Германии и Австро-Венгрии. Эта часть нашей границы им подготовлялась усердно и успешно. Была произведена новая дислокация наших войск, было приступлено к постройке крепостей и нового их устройства, были созданы резервные войска. Все это немедленно поставило вооруженные силы России на должную высоту". К сожалению, с удалением, уже в царствование Императора Николая II, Ванновского и Обручева картина резко изменилась. Военный министр Куропаткин не был достаточно настойчив и энергичен. Можно сказать, что война 1904 - 5 г.г. с Японией сильно расстроила наши силы и разбила всю работу Ванновского и Обручева, чему рада была прежде всего Германия, для которой иметь сильного соседа на востоке было невыгодно и нежелательно.

Неожиданная смерть Императора Александра III произвела на Францию ужасное впечатление. Память о Царе — Миротворце, подавшем руку помощи в трудный момент Франции, навсегда останется в памяти французов. В воспоминание этого в Париже через Сену был построен красивый мост, торжественно заложенный 7 октября 1896 года Императором Николаем II, Императрицей Александрой Федеровной и Президентом Французской республики Феликсом Фором.

А. ОБРУЧЕВ

Адмирал Колчак *ЕГО РОДЪ И СЕМЬЯ*

(Из семейной хроники)

Верховный Правитель России, адмирал Александр Васильевич Колчак погиб, почти что, сорок лет тому назад. Гражданская война еще продолжалась после его смерти, но никто уже не взял на себя ни его должность, ни его звание. Он оказался последним Главой того государства, которое называло себя Россией.

Конечно, Россия, как нация, не погибла и живет под инициалами С.С.С.Р., но Россия дореволюционная принадлежит уже одной истории. Так же и личность адмирала уже вне политики и принадлежит только истории.

Гражданская война — безусловно, самое страшное испытание, которое может выпасть на долю государства. Национальное начало — тот дух, который дает единую жизнь всему комплексу этнических, сословных, социальных и культурных начал, раскалывается на ряд взаимно исключающих себя сил. У каждой из этих сил есть своя правда и каждая из них имеет свое право на жизнь. Но совместная, согласованая, объединенная высшим одним началом жизнь становится невозможной. В порядке борьбы какiе-то из них побеждают и уничтожают тех, которые не хотят или не могут подчиниться.

Я не собираюсь писать здесь о России, ни даже о личности адмирала, а только о его семье, история которой еще менее известна чем сам адмирал. Как ни странно сказать, о нем самом, вне круга личных сослуживцев и друзей, широко известно очень мало. Не потому что о нем не говорили и не писали — библиография о нем довольно обширна.

Последнее, что о нем было опубликовано, насколько мне известно, это статья Давида Футмана "Последние дни Колчака" (Indiana Slavic Studies, vol. II. Публикации университета Индианы, 1958). Советские власти издали в 1957 г. книгу "Разгром армии Колчака", где конечно события в Сибири изложены с определенной точки зрения. Почти все книги написанные об адмирале составлены участниками, русскими или иностранными, Гражданской войны. Цель их всегда оправдать действия автора и, так как эти действия не увенчались успехом, то все обыкновенно сводится к выставлению самого себя в лучшем виде и в обвинении тех, кои, находясь в могиле, ответить не могут. Если читать эти мемуары, то вообще становится непонятным, почему человек, может быть, и "хороший адмирал", но "плохой политик", человек без "обаяния" и без "влияния на народ", человек "нервный" и "плохо себя сдерживающий" мог стать Верховным Правителем и быть признанным таковым начальниками белых армий, находившихся вне Сибири.

Как будто все было не совсем так, как сказано упомянутыми мемуаристами.

Адмирал имел влияние на толпу и был оратором. Его личным влиянием объясняется то, что в Черноморском флоте не было беспорядков при падении Империи. Было, повидимому, и личное обаяние.

В 1946 году я встретился в Париже с французским полковником, бывшим — еще молодым офицером — во французской военной миссии в Сибири в 1919 г. Он долго и пристально на меня смотрел и сказал мне: "Да, вы очень похожи на вашего отца... Та же походка, та же манера сидеть, держать папиросу... Вы похожи и лицом, но выражение лица у вашего отца было другое. Я имел честь, как начальник французской части, назначенной для его охраны, быть неделю в поезде Верховного Правителя и видеть его вблизи. И эта близость одной недели наложила печать на всю мою жизнь..."

Я посмотрел на него вопросительно. "Вы не можете понять", добавил он: "что было для меня, ничтожного лейтенантика, жить в присутствии главы правительства. А главой правительства тогда он был. Если бы вы видели, при его объезде фронта, эти толпы народа на коленях... Я видел, как для них, ваш отец был последней надеждой, последним заступником, от которого они ждали спасения".

Через несколько недель я снова встретился с полковником. Мы шли вместе по бульвару Инвалидов. Он остановил меня, показал одно окно в безконечном здании военной администрации и сказал:

"За этим окном был кабинет маршала Фоша. В 20 году маршал вызвал меня для доклада, и я два часа рассказывал ему то, что я видел в Сибири. Могу вас уверить, что мнение маршала о том, что произошло в Иркутске было то же, что мое и ваше..." Как я сказал, я не собираюсь писать об отце — хочу только упомянуть несколько черт мало известных.

На мой взгляд, лучшая и наиболее объективная книга об адмирале (помимо его собственных показаний перед следственной комиссией — "Допрос Колчака" Центроархив, ГИЗ, 1925) — это труд проф. С. П. Мельгунова "Трагедия адмирала Колчака", изданная в 1930 году. Мельгунов первый попытался быть только историком и это ему почти удалось. Это тем более замечательно, что Мельгунов не был политическим единомышленником адмирала.

Но у адмирала не было, и в сущности не могло быть, политических единомышленников. Адмирал не был и никогда не хотел быть политическим деятелем. К политике и к общественной жизни призвания у него не было и политика ему всегда была чужда. В этом была и его сила, которая вынесла его на вершину власти и слабость, так как политические, а не национальные принципы оказались решающими для исхода гражданской войны. Адмрал считал себя военным и только военным. Он руководился только теми принципами, которые обязательны в военной среде. На допросе перед революционным трибуналом в Иркутске адмирал на вопрос, касающийся его политических убеждений, в частности, на вопрос, был ли он монархистом или нет, ответил, что в его среде этот вопрос и не ставился. Была служба России, верность данной присяге, понятие долга, чувство чести. Служа по призванию в русском императорском флоте, он и после падения империи продолжал служить России и остался верен ей, верен памяти своего Государя, верен тому, что он считал своим долгом. Это отметил и председатель комиссии, большевик Попов. "Он (адмирал Р. К.) был как пленный командующий побежденной армии, и с этой точки зрения он держал себя с полным достоинством" (перевожу с английск. Д. Футман, указан. статья. Р. К.).

Для истории прав только победитель. Побежденный всегда осужден, хотя то, чему он служил, может быть и не погибнет и когда-нибудь победит в свою очередь. Такова жизнь... Теперь прошло сорок лет со времени гибели адмирала. Давно в могиле его бывшие начальники, его сослуживцы, товарищи по выпуску. Для новых поколений, живущих в Советском Союзе, гражданская война уже далекое прошлое, рассказы отцов и даже дедов. Личность убитого Верховного Правителя уходит в прошлое, уходит в историю и он становится постепенно «tel qu'en lui-même enfin l'éternité le change». Интересно, что в Советском Союзе он остался для власть придержащих символом и образом непримиримого "врага народа". О других белых вождях упоминается мало, но память адмирала Советы своеобразно почтили, издав к сороковой годовщине революции книгу Смирнва упомянутую выше — "Разгром армии Колчака". Гораздо раньше, в 1928 году, была издана любопытная книжка поэта Асеева — "Семен Проскаков" — (ГИЗ, Москва 1928) со странным подзаголовком "Стихотворные примечания к материалам по истории гражданской войны". При книге портрет адмирала. Критика того времени нашла опубликование этого портрета "несвоевременным", вероятно, из-за орлов на погонах и креста св Георгия на шее... В стихах Асеева своеобразно отразился образ Белого Адмирала — мечтателя, полярного исследователя. Что-то верное все же поэтом угадано.

Конечно, адмирал был "мечтателем". Настоящий человек дела и творчества всегда "мечтатель". Надо сначала иметь способность "вообразить", чтобы потом претворить в жизнь. Мечтой адмирала в молодости было найти южный полюс. Но это ему не было дано — он участвовал в полярных экспедициях в Арктическом океане (Великий Северный Морской путь) и за последнюю свою полярную экспедицию, снаряженную Академией Наук для поисков, погибшей на острове Беннета, экспедиции барона Толля, получил редкую награду — Константиновскую золотую медаль (кажется, он был третьим ее получивший, как научный исследователь). В особом и замкнутом мире полярных ученых и исследователей адмирал известен, как "лейтенант Колчак". Его научные статьи, переведенные в частности на английский язык, можно

найти в "полярных" библиографиях. В 1910 году Академия Наук издала его большой труд "Льды Карского и Сибирского морей". Среди фотографий при этой книге имеется и фотография острова Колчака — одинокая, безлюдная скала,закованная в полярные льды.

Адмирал Александр Васильевич произошел из того мелкопоместного, служилого дворянства, из которого в течение веков создавались кадры Российской империи, военные и гражданские. В сущности говоря, оно же и создало то, что можно назвать русской культурой. В свое время эти обязанности выполняли "дети боярские" и эти же обязанности были предписаны Петром Великим "шляхетству", когда государь этот преобразовывал свою империю. Петр Великий хотел создать определенный класс служилого дворянства для государственных целей, которые он себе поставил. Эти начинания, если он сам не успел провести в жизнь, были впоследствии осуществлены его последователями — государынями XVIII века: Анной Иоанновной, Елизаветой Петровной и Екатериной Великой.

Род КОЛЧАК внесен во вторую часть родословной книги дворян Херсонской губернии. Вторая книга, как известно, включает роды, получившие потомственное дворянство чинами военными. При ревизиях 40-х годов, Колчаки были утверждены в потомственном дворянстве указом Герольдии Правительствующего Сената от 1 мая 1843 г. за № 7054.

По семейным преданиям, семья получила и русское подданство, и русское дворянство, и русский герб в начале царствования Императрицы Елизаветы Петровны, около 1745 года; но это, может быть, не совсем так, как будет видно дальше.

Что, во всяком случае верно, это то, что семьи и отца и матери адмирала были из казаков — семья отца из Бугского казачьяго войска, а матери — из Донского.

По преданиям, которое проверить исторически я не могу (семейные архивы погибли в России), Колчаки происхождения половецкого. Это возможно. Теснимые татарами, половцы частью слились с ними, частью ушли в Венгрию. Происходил ли адмирал Колчак от хана Кончака "треклятого и окоянного", или нет, — не берусь сказать, да и тюркские корни двух кличек не те же. "Кончак" значит "штаны", а "колчак" — боевая руковица" (от "кол" — рука). Это стальной панцырь, покрывающий правую руку до локтя, кончающийся руковицей из материи (левая рука прикрывалась щитом). Но на Урале есть вершина, название которой "Кончаков" или "Колчаков Камень".

Во всяком случае первый Колчак, о котором имеются исторические записи в связи с русской историей появляется в Боснии в XVII столетии и встречается с русской армией Петра Великого во время Прутского злосчастного похода 1711 года.

По хронике Ивана Никулчи, молдавского гетмана, этот Колчак был серб, родом из Боснии, принявший мусульманство. Он при Пруте был "булюбаш", то есть "полковник" катанов — маленький племенной вождь. Возможно, что его семья должна была уйти в горы Боснии от турок и, как это было обычно у боснийского дворянства, он принужден был перейти в мусульманство для сохранения своего рода, когда турецкое иго ложилось все тяжелее на Боснию в XVII веке.

Я расскажу о нем довольно подробно, потому что его личность связана со сравнительно мало изученной эпохой военной истории России времен Анны Иоанновны и фельдмаршала Миниха.

⁂

Из памяти изгрызли годы,
За что и кто в Хотине пал,
Но первый звук хотинской оды
Нам первым криком жизни стал.
В тот день на холмы снеговые
Камена русская взошла...

Так отразилась в наше время — в стихах Владислава Ходасевича — ода первая Ломоносова. Эта ода действительно может считаться началом русской поэзии. Она посвящена "Блаженные памяти Государыне Императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина — 1739 года".

Мало кто теперь читает оды Ломоносова и мало кто теперь знает, что в первой его оде, в первый раз в русской печати упоминается фамилия Колчак.

Как в клуб змия себя крутит,
Шипит, под камень жало кроет,
Орел когда шумя летит
И там парит, где ветр не веет
....
Пред Россой так дрожит орлицей,
Стесняет внутрь Хотин своих
Но что? В стенах ли можешь сих
Пред сильной устоять царицей?
Кто скоро толь тебе Калчак,
Учит Российской вдаться власти,
Ключи вручить в подданства знак
И большей избежать напасти?...
(Ломоносов. Ода первая).

Это переносит нас в царствование Императрицы Анны Иоанновны и именно в 1739-й год.

Ни это время, ни сама Государыния не пользуются доброй славой. Владычество верховников из "немцев", Бирон, Миних, "слово и дело", тайная канцелярия, придворные шуты, "Ледяной дом"... Положительные стороны этого царствования забыты. Так повелось с переворота Елизаветы Петровны. Оно и естественно, надо было всячески оправдать переворот и очернить, как можно больше, предидущее царствование и предидущий режим. Так всегда полагается. Но если Анна Іоанновна и мало доверяла русским, то она сама уж русской была несомненно.

Дочь Царя Иоанна Алексеевича, выросла она в Москве при маленьком дворе ее отца и матери, где сохранились старые уклады. Царевны росли в девичьей и в тереме. Духовенства вокруг было много ,а учили их мало чему. Когда Анна Иоанновна стала

герцогиней Курляндской, она научилась говорить по-немецки, но и то плохо. По природе своей она была грубовата, но если и мало образована, то обладала большим здрвым смыслом и дело своего дяди, Петра Великого, она продолжала. Если почитать бумаги ее кабинет-министров, то видно, что государственными делами она занималась здраво и довольно милостиво. Худо ли, хорошо, но она продолжала дело Петра Великого — расширение границ России для свободных морей и подготовила то, что было завершено при Екатерине Великой.

При начале царствования Петра Великого Россия граничила с тремя мощными государствами — Швецией, Польшей и Турцией — отделявших ее от морей и вообще от Европы. Через сто лет, к началу XIX века, все три препятствия были уничтожены. Три линии сил, направленных Петром против трех соседей, были поддержаны очень последовательно его преемниками. Военная сила Швеции была уничтожена еще самим Петром. Анна Иоанновна разрушала Польшу (война за польское наследство 1734 г. — взятие Данцига Минихом) и нанесла через того же Миниха первый удар, тогда еще грозной, Турции (война 1735 — 1739 г.г. — взятие Очакова, Ставучанская победа, взятие Хотина). В то время Черное море было еще "турецким озером". Степи будущей Херсонской губернии были только кочевьем Едисанской орды, будущая Таврическая губерния была мало населена запорожцами и татарами Крымского ханства, Подольская была частью Речи Посполитой, как и почти вся правобережная Украина. Только Киев был уже снова русским.

Ханы Крымские были вассалами Порты и, при не повиновении, сменялись из Константинополя. Турция начала XVIII-го столетия, конечно, была уже не та, что при великих воевых султанах Солимане и Баязиде. Если Евгений Савойский и Ян Собесский заставили турок несколько отступить из своих владениях в Европе, все же силы Турции были еще велики.

Прутский поход Петра I в 1711 году закончился неудачно; вся русская армия, с Государем во главе, чуть не попала в плен туркам в Молдавии и пришлось поступиться первыми достижениями Петра на Азовском море, чтобы выбраться из этого положения.

Первая треть XVIII столетия называется турками "лале деврэ", что значит "эпоха тюльпанов". Царствование султана Ахмета III (1702 — 1730) и начало царствования Махмуда I — время очень блестящей и утонченной культуры. В Турции тогда в моде Персия, персидский язык, искусство, литература,а во Франции в моде Турция, несколько выдуманная, конечно, но все же Турция: турецкие мотивы на фарфоре, в живописи, в музыке. Султан Ахмет строит киоски и фонтаны, разводит тюльпаны. Султан Махмуд коллекционирует фарфор и любит заниматься ювелирной работой. Весь их двор в красочных одеяниях, да вообще типы оттоманской империи эпохи "тюльпанов" можно видеть на великолепных гравюрах, изданных в Париже в 1715 году, по зарисовкам сделанным по заказу французского посла Боннака и в собрании миниатюр, поднесенных турецким послом Людвику XIV, которые хранятся в Cabinet des Estampes в Париже.

Все это очень красиво, очень элегантно, очень остроумно и полно той утонченности и забавности, которые обыкновенно в моде перед большими катастрофами...

Дунайские княжества — Молдавия и Валахия под турецким протекторатом. Порта назначает их господарей из Константинополя, выбирая их из греков фанариотов, которые вообще поставлют драгоманов Порты и фактически которым поручены иностранные дела, дипломатические сношения и внешняя торговля. Кантемиры, Мурузи — православные подданные султана — становятся или скоро станут русскими волею и часто не совсем по доброй воле. Но турецкая армия все еще грозная сила и по Черному морю ходят только турецкие корабли.

Кто знает Пушкина, знает и его перевод из воспоминаний бригадира Моро - де - Бразе, который участвовал в Прутском походе Петра I. Вот как Пушкин перевел на русский язык заметки очевидца о турецких войсках 1711 года.

"Признаюсь, из всех армий, которые мне удалось только видеть, никогда не видывал я ни одной прекраснее, величественнее и великолепнее армии турецкой. Эти разноцветные одежды, ярко освещенные солнцем, блеск оружия, сверкающего на подобие бесчисленных алмазов, величавое однообразие головного убора, эти легкие, но завидные кони — все это на гладкой степи, окружая нас полумесецем, составляло картину невыразимую, о которой, не смотря на все мое желание, я могу вам дать только слабое понятие".

Вообще то, что пишет Моро о турках довольно занимательно. Дальше он рассказывает о своем разговоре с тремя пашами, говорящими по-немецки и по-латыни, приехавшими в русский лагерь после заключения перемирия.

"Я всегда воображал себе турков людьми необыкновенными: но мое доброе о них мнение усилилось с тех пор, как я на них насмотрелся. Они большею частью красивы, носят бороду, не столь длинную, как у капуцинов, но снизу четыреугольную, и холят ее, как мы холим лошадей (sic!) (Пушкин плохо прочел: во французском тексте «cheveux» — волосы, а не «chevaux» — лошади. Р. К.). Эти паши, хотя все трое разного цвета, имели красивейшие лица. Тот, с которым я разговаривал, признался мне, что ему было шестьдесят три года, а на взгляд нельзя было ему дать и сорока пяти".

В армии, описанной Моро-де-Бразе, был и Илиас паша Колчак — он был еще молодым офицером. Родился он около 1675 года, и при Прутском походе ему было лет тридцать пять.

Моро де Бразе не называет тех трех пашей, которых он описывает, но вот что еще он о них говорит:

"Только что мы кончили наш обед, фельдмаршал (Шереметьев) на нас наехал и попросил нас угостить трех пашей, приглашенных от Великого Визиря к Его Царскому Величеству, покаместь Государь не даст

ответа (на условия перемирия). Мы к ним отправились. Один из них говорил хорошо по-немецки и еще лучше по-латыни. Он достался на мою долю; друзья мои довольствовались оба одним из остальных, говорившем только по-немецки. В минуты первых приветствий слуги фельдмаршальские разбили шатер, постали на земь ковер турецкий, на который усадили мы наших трех пашей. Они сели, сложив ноги крестом и велели принести себе трубки, коих чубуки столь были длинны, что головки их лежали на земле.

Сначала разговор наш был общий.

Наконец, паша, говоривший по-латыни, коль скоро узнал, что я француз, подозвал меня к себе и громко объявил, что французы были приятели туркам. Тогда, вступив в частные рассуждения, я спросил у него, по какой причине и на каких условиях заключили они мир. Он отвечал, что твердость наша их изумила, что они не думали найти в нас столь ужасных противников; что, судя по положению,в котором мы находились и по отступлению, нами совершенному, они видели, что жизнь наша дорого будет им стоить и решились, не упуская времени, принять наше предложение о перемирии, дабы нас удалить. Он объявил, что в первые три дня артиллерия наша истребила и изувечила множество из их единоземцев, что у них было 8.000 убитых и 8.000 раненых, и что они поступили благоразумно, заключив мир на условиях, почетных для султана и выгодных для его народа".

Я привожу эту обширную цитату, потому что она объясняет Прутский трактат и почему вся русская армия, с Государем во главе, не попала в плен туркам, а смогла, правда, потерявши половину людей, уйти беспрепятственно обратно за Днестр в Подолию. Кроме того она дает понятие и о турецких генералах того времени.

После заключения перемирия эти три паши с отрядом провожали до Ясс уходящую русскую армию.

"Здесь расстались мы с тремя пашами и с их отрядом", продолжает Моро де Бразе. "Дорогой имел я честь несколько раз с ним разговаривать, а однажды и обедать вместе у генерал-лейтенанта барона Остена. Они попросили рису вареного на молоке и наелись его, насыпав кучу сахара. Мы никак не могли заставить их пить венгерского вина, как ни просили; они предпочитали кофе, свареного по их обычаю и который пили они целый день".

Почти наверное можно сказать, что паша помоложе, говоривший по-немецки, был Колчак.

Как известно, он был из Боснии, прилегающей к австрийским провинциям, и мог знать немецкий язык. Кроме того он был при штабе великого визиря, как видно из хроники Ивана Никулчи. В этой хронике Колчак, насколько мне известно, упомянут в первый раз. В ночь 7-го июля 1711 г. турки переправились на правый берег Прута и услышали шум русских повозок и лошадей. Это была кавалерийская дивизия генерала Януса, бывшая в авангарде, и отходящая обратно к армии Шереметьева по приказу Петра.

Вот что пишет Никулча:

"Враг, услышав шум повозок, сначала испугался и даже начал переправляться обратно через реку, но один паша заметил Великому Визирю, что шум удалялся, а не приближался. Колчак булюбаш, ренегат, серб родом из Боснии был послан на рекогносцировку. Он доложил, что русский корпус обратился в бегство. Лишь удостоверившись в этом ,турки успокоились и продолжали переправу на правый берег Прута в течение всей ночи. Колчак, за это хорошее известiе, стал впоследствии пашей трехбунчужным и губернатором Хотина".

Конечно, Никулча, молдованин, стоящий на стороне русских, отзывается недоброжелательно о противнике, из христианского рода, перешедшего в мусульманство и слово ренегат нас шокирует. Но явление это было очень распространено в Боснии.

Турки не обращали христиан в мусульманство насильно, но старались опираться на то местное дворянство, которое принимало ислам, давая ему за это известные привилегии ,нежелающих обкладывали непосильными данями, лишая их, таким образом, и имущества и власти.

Реакции христианских народов подвластных туркам были различны. Албанцы сравнительно быстро все перешли в ислам и потому пользовались особым расположением турок.

Сербы сопротивлялись дольше: часть сербского дворянства эмигрировала в королевскую Венгрию и в Боснию, но хотя сербское население и осталось в массе православным, все же переходы в мусульманство были нередки.

В Боснии же наблюдалось очень любопытное явление. Масса населения оставалась христианской, но отдельные члены владетельных семей принимали мусульманство, часто возвращаясь в православие перед смертью. Таким образом происходило известное разделение прав. Например, один из братьев, переходя в мусульманство, сохранял своей семье и местную власть и имущество и, сделавшись турецким беем или булюбашом, позволял своему племени жить по его обычаям и вере.

Из заметки Никульчи видно, что так было и с Колчаком.

В 1711 году он со званием булюбаша приходит в Молдавию в числе лиц штаба великого визиря Мохамед Бостанджи паши. Отличается при переправе через Прут и, вероятно, присутствует при переговорах о перемирии с Петром Великим, как упомянуто у Моро де Бразе.

Остается в Молдавии при Абды паше, который вскоре назначается сераскиром анатолийским и румелийским. Затем Абды паше, человеку пользующемуся большим почетом (возможно, что Абды паша и был тот паша 73-х лет, говоривший по-латыни и по-немецки, о котором рассказывает Моро), поручается укрепление Хотинской крепости. Крепость эта по своему положению приобретает в это время большое значение. Расширение ее и постройка новых укреплений по системе Вобана и по планам французских военных инженеров, закончены в 1713 году, а в 1717

году начальник ее, Абды паша умирает, и Илиас паша Колчак назначается на его место.

Колчак будет пашей хотинским двадцать два года, сначала в должности "сол кол агассы", что значит начальник левой руки, т. е. левого крыла бессарабской армии, а затем начальником хотинской крепости и генерал-губернатором хотинской раиц.

За свое более чем двадцатилетнее пребывание в Хотине Колчак занят военно-дипломатической работой, весьма любопытной и дающей живые примеры того, как переживалась и проводилась в жизнь турецкая политика по отношению к России в первой половине XVIII столетия и также политика Франции в отношении той же России через ее союзников Швеции, Польши и Турции.

(Продолжение следует)

Р. КОЛЧАК

Бой 2-го эскадрона на высоте «1547» 22-го июля 1916 года

(Из боевой истории Приморского драгунского полка)

Действие приводимого ниже эпизода происходит в Карпатах в районе Кирлибаба, т. е. на границе Буковины и Галиции. Да не посетуют дорогие однополчане, что описание боя 22-го июля вышло не полным и, может быть, несколько односторонним, но я хотел дать им образец того, каковой представляется мне живая история полка, написанная не только на основании сухих официальных реляций, но и на свидетельствах живых участников. Пусть этот мой скромный очеркъ будет моею благорадностью родному полку за то, что я лучшие годы своей жизни провел въ его рядах. П. Б.

Из шатаба пришло приказание отправить на завтра офицеров для ознакомления с расположением нового сторожевого охранения. Трехдневная передышка в Шипот Камерале окончилась. По слухам полк должен был сменить Нерчинцев на их отвратительной позиции. Слава Богу, предположение не оправдалось.

На рассвете 15 июля корнеты собрались у штаба полка. От 4-го эскадрона был наряжен корнет Шипин, хрупкий, высокий юноша, с безусым ребяческим лицом. Группу повел дородный капитан Шуваев, старший адъютант дивизии. Шли путем, по которому недавно возвращались с р. Чибо, т. е. через ур. Вишницки Ляс к конному заводу "Бобейка". Отсюда, перейдя р. Чибо, разъезды веером разошлись по впереди лежащим высотам. Иначе говоря, полк стал почти на прежних позициях, но выдвинулся верст на 3-5 более к западу.

4-му эскадрону достался почти центральный участок — высота 1547. Шипин осмотрелся, снял кроки и решил: гора, как гора, лесистая, дикая, как Карпаты вообще, но несколько выдвинута вперед к неприятелю. Стоявшие здесь казаки утверждали, что стоянка хорошая, покойная. Корнет стал поджидать полк.

Утро, обещавшее быть светлым, к 10 часам затуманилось, а в полдень, когда полк вытянулся вдоль шоссе, посеял мелкий, надоедливый дождь. Накинули дождевики и хмуро подались в горы. Итти по шоссе было еще хорошо, но на грунтовой дороге сказалась сырость последних дней. Узкое полотно, проложенное австрийцами руками русских военнопленных, было лишь сверху присыпано гравием. Все это размякло и кони часто проваливались в жидкую слякоть подпочвы. Ход колонны замедлился. У поворота от р. Изворулуй был отдан приказ спешиться, а коноводам возвращаться в Шипот. Офицеры и драгуны, недовольные пешим хождением вообще, а в намокших дождевиках тем более, мрачно зашлепали по грязи.

К подъему на "Бобейку" подошли к закату солнца. Шедший во главе штаб полка с трудом находил путь по бревнам настила гати. Омытые потоками воды, разъезжанные нами и артиллерией бревна были гладки, скользки и, казалось, плавали в грязи. Сумерки и туман затрудняли видимость. Люди прыгали с бревна на бревно, подскальзывались и нога по колено уходила в жижу. Зачастую сапог оставался защемленным и вытянуть ногу зажатую между настилом было не легко. Наконец, исчез и настил. Затоптала ли его артиллерия, сбился ли с пути штаб — неизвестно, но пошли канавою, в которую обратился наш путь. Отойти в сторону нельзя — вместо обочин овраг или лес. Люди месили грязь ногами, теряли сапоги; полы длинных кавалерийских шинелей облипли грязью, намокли, отяжелели. Амуниция больно врезалась в плечи. Старый батюшка, отец Белоусов, всегда сопровождавший полк, не знал, куда подоткнуть полы рясы и страшно измучился. Младший врач, доктор Пильков, носивший для удобства сапоги с широкими голенищами, все время терял их. Это ему, наконец, надоело. Он снял их, перебросил за спину и босиком

отправился дальше. Некоторые драгуны последовали его примеру.

Когда, после долгих усилий, полк добрался до вершины, то все сели там, где остановились. Отдохнули полчаса, набираясь сил. К полуночи стали на позиции, а казаки немедленно ушли.

На другой день погода вновь прояснилась. Зашевелились австрийцы. Их разведчики подходили к нашим постам.

Командир полка, полковник Гатовский изменил дислокацию: приказал обменяться позициями 2-му и 4-му эскадронам. Новое расположение 4-го эскадрона стало, хотя длиннее по фронту, но, находясь на одной линии с другими эскадронами, казалось безопаснее. Штаб полка обосновался на р. Чибо в старой мельнице, покинутой владельцем гуцулом. Каждому эскадрону досталось по высоте, на расстоянии 3-5 верст друг от друга. Связь держали заставами и караулами. 2-й эскадрон стал теперь на высоте 1547 — Деалу Ормулуй, выдвинутой вперед. Командир эскадрона, штабс-ротмистр Маньковский, зная, что смена произойдет не ранее, чем через неделю, решил обосноваться с комфортом. Хвойные шалаши были увеличены. Из оставленных здесь австрийцами ящиков от снарядов устроили стол и скамейки. Офицеры преуютно проводили часы послеобеденного чаепития. Разведчики австрийцев далее нащупывания не шли. Казалось, в подобной спокойной обстановке можно будет хорошо отдохнуть.

Состав офицеров 2-го эскадрона был следующий: командир, шт.-ротм. Александр Иванович Маньковский, добродушный, склонный к полноте блондин. Очень мягкого, деликатного характера, постоянно жизнерадостный. Старший офицер, корнет Никол. Иван. Бирвар, отсутствовал. Его заменял корнет Пав. Петр. Квятковский. Маленького роста, в пенснэ, живой и ловкий. Как у многих лиц малорослых, желающих прикрыть этот недостаток значительностью, лицо его носило следы некоторого высокомерия. На деле это было не так — очень симпатичный, храбрый офицер, отличный товарищ и несмотря на свои 20 лет прекрасно знал, что делал. Другие два корнета, одного с ним выпуска, были младше по положению, хотя старше годами. Корнет Ив. Мих. Авакимов, бывший студент, 22-х лет, почти окончивший Коммерческий институт. Высокий, стройный, очень тонкий. Смуглое лицо кавказца. Черные волосы разделены прямым пробором. Строгий, твердый взгляд. Старше своих однокашников, образованнее, он чувствовал себя развитее их и несколько чуждался их. Но мы любили и ценили "ученого" корнета. Командир 3-го взвода, корнет Ипполит Чирский, был тихим, застенчивым офицером. Рыжеватый блондин, среднего роста, с приятным юношеским лицом.

Окружающая обстановка расположения 2-го эскадрона была такова. Высота 1547 — это совершенно голое плато. Слева и сзади примыкал густой лес. Впереди видимость огромная, верст на 5-6. По флангам же лес переходил к неприятелю. Фронт занимаемый эскадроном был по кривой версты полторы. До резерва с полверсты. Взводы по 16 человек. Обычно дежурил один взвод, остальные с командиром в резерве. Для патрулирования были назначены особые дежурные дозоры. Неприятель изредка стрелял. Вообще же было спокойно. 20-го июля корнета Чирского сменил 2-й взвод (корн. Авакимов) и часть 1-го под командой унт.-оф. Коваленко.

Наступило 21 июля. Утром, часов в 8, начался неприятельский обстрел артиллерией по всей высоте. Офицеры проснулись недовольные этим обстоятельством. Шт.-ротм. Маньковский приказал дежурному корнету Авакимову немедленно отправиться на посты. Корнет бегом направился к окопам. Снаряды рвались по всем направлениям. Очевидно противник знал наше расположение, т. к. особенно жарко стало в резерве, где два драгуна были ранены.

Едва корн. Авакимов успел добежать до окопа, как с поста № 4 ему донесли, что там в лесу замечено движение. Вероятно готовился удар во фланг, т. к. впереди ничего еще не было видно. Отправил донесение командиру. Пришел ответ — держаться взводу елико возможно, но в случае необходимости — отходить на резерв. Учтя фланговый удар, Аваакимов неперешел со всем взводом в тот окоп, где до того сидело отделение унт.-оф. Коваленко. Он во-время поддержал — австрийцы засели внизу, против этого окопа, горячо обстреливая драгун. Неприятель остановился. Теперь раздавались выстрелы справа и сзади. Бой шел по всей горе. Непосредственной атаки на окоп пока не было. Корн. Авакимов отправил второе донесение. Драгун вернулся бегом и доложил, что резерва на прежнем месте нет, а стрельба всюду в полном разгаре. Посоветовавшись со взводным, решили отступать. Перебежками отошли к месту резерва — там было пусто. Авакимов пересчитал своих людей — из 16 осталось 10. Тут только он вспомнил, что позабыл предупредить об отходе унт.-оф. Коваленко, что сидел в отдельном окопе. Корнета охватило жаром. Но возвращаться было поздно: весь лес кишел австрийцами. Обходом послал туда драгуна Бизяева и тот спустя полчаса добрался до окопа. Коваленко оставался на посту, ожидая приказания. Уже умолкли выстрелы справа, никого из своих не видно, но он ждал, удерживая перед собою австрийцев. В момент, когда неприятель поднялся, чтобы перейти в штыки, прибежал Бизяев. Тут только Коваленко отошел. С ним 4 драгуна. Два поляка — унт.-оф. Бздах и вольноопределяющийся Галичевский — попались в плен. Коваленко за этот подвиг впоследствии был награжден Георгиевским крестом.

Тем временем шт.-ротм. Маньковский, видя бесцельность борьбы на широком фронте, решил с резервом закрепиться на выступе горы, чтобы с тремя взводами стать на меньшей, но сплошной позиции. Это был совершенно голый выступ, лежавший за перелеском. Совсем небольшой; хорошая рота с трудом могла бы там поместиться. Предупредив Авакимова об этом, шт.-ротм. Маньковский рассыпал эскадрон в

цепь и залпами отстреливался от наседавших австрийцев.

Было часов 9-10 утра. Авакимов, через небольшую лощину пересек лес резерва и явственно увидел свой эскадрон. Выскочил из леса цепью и сразу же был покрыт очень метким пулеметным огнем. К сожалению, своим же. Подполковник Крупский, занимавший с 1-м эскадроном высоту 1604, решил поддержать Маньковского и, приняв драгунов Авакимова за австрийцев, открыл фланговый огонь. Слава Богу, потерь не было и корнет с людьми благополучно достиг выступа.

Неприятель силою около двух батальонов занял высоту 1547, окопался и продолжал перестерлку с эскадроном. В лес австрийцы не углублялись. Шт.-ротм. Маньковский взвесил обстановку. Теперь он держал весь эскадрон в кулаке. Удержать высоту 1547 ему было с 60-ю драгунами не под силу. Выступ он мог бы оборонять долго и успешно, но лесным обходом его эскадрон легко мог быть окружен и отрезан. Видя, что австрийцы задержались на высоте, он осторожно отвел своих людей к штабу полка, оставив у подножья горы тыловую заставу с корнетом Чирским. Весь бой, отступление, перевязка раненых и отправка их в тыл заняли целый день. Лишь к вечеру измученный, усталый эскадрон очутился на р. Чибо и ждал "суда" полкового командира.

Полковник Гатовский пришел в бешенство. Никаких доводов не признавал. Холеное лицо его побагравело. Сорвал с головы фуражку, бросил оземь, затоптал ногами и закричал, обращаясь к шт.-ротм. Маньковскому: "Вы мне позорите полк, ротмистр. Отступаете перед каким-то батальоном, не понеся еще значительных потерь... А вы, драгуны, бежите от австрийцев, как старые бабы, забыв о славе полка. Стыд... Позор... Срам вам и мне...". Полковник перевел дух и, грозно глядя на шт.-ротм. Маньковского, решительно произнес: "Потрудитесь вернуться обратно и восстановить положение, даже если вы все там ляжете на месте..." — Слушаюсь, ответил штабс-ротмистр хмуро.

Полковник уже успокоился. Вновь надел фуражку, поправил ремни амуниции. "Ребята, искупите ваш позор... Верните то, что потеряли и...", он протянул руку по направлению к австрийцам: "приведите мне этих усатых моржей..."

Эскадрон возвращался в тяжелом, подавленном настроении и остановился на ночевку у заставы корнета Чирского. Вскоре подошел подполковник Трушковский, на которого было возложено общее руководство контр-атакой, т. к. в помощь 2-му эскадрону придавался один взвод 1-го эскадрона с корнетом Мамулайшвили. Обсудив положение, решили в тылу оставить заставу, а штурмовать высоту только четырьмя взводами (60-70 человек). Корнету Чирскому приказали ночью отправиться в разведку высоты, а по возвращении стать и оставаться на месте. Едва ушел Чирский, явился со взводом Мамулайшвили. Все люди расположились на голой земле и пытались заснуть, не ожидая ничего хорошего от завтрашнего дня.

***

Злополучный день 2-го эскадрона, день 21-го июля, был также днем тяжких испытаний и для других эскадронов, особенно для 5-го и 6-го. К полудню был ранен командир 6-го эскадрона неустрашимый ротмистр Семенов. В командование эскадроном вступил корнет Гурьев. Личным примером, воодушевляя эскадрон, он не допустил австрийцев к своим окопам. За этот бой Гурьев был награжден орденом св. Владимира.

5-й эскадрон, во главе с хладнокровным шт.-ротм. Чеботкевичем, также успешно оборонялся от повторных атак. Австрийцы не в силах были сломить стойкость наиболее потерпевшего в течение войны эскадрона. Среди боя смертельно был ранен корнет Михайловский Константин. Он страдал несколько часов и скончался в страшных мучениях. Его смерть оплакивал весь полк. Не было офицера и драгуна, кто бы не любил этого спокойного, всегда приветливого офицера.

1-й, 3-й и 4-й эскадроны непосредственно перед собою неприятеля не видели, и задача их заключалась в ведении фланкирующего огня. Если учесть, что полк с честью выполнил возложенную на него задачу, то становится понятным раздражение полковника Гатовского, который не хотел видеть в отступлении 2-го эскадрона невозможность целесообразной обороны, а рассматривал его, как недостаток выдержки. Штабу полка в тот день тоже пришлось жарко. Он помещался на мельнице, на р. Чибо под высотой 1062. Кони рядом, в двух ветхих сараях. Австрийская артиллерия очень точно и горячо обстреливала штаб, укрывшийся в глубокой и, казалось, незаметной лощине. Попадания стали настолько угрожающими, что Гатовский решил на время перевести штаб в лес. Случилось так, что корнету Ландсбергу пришлось, собирая полковые бумаги (он был помощником адъютанта), последним уходить из халупы. Снаряды ложились кругом и рядом. У дверей ожидал вестовой Головняк, держа в поводу двух лошадей. Вдруг снаряд разрывается как раз между ними. Бедняга Головняк летит в сторону обезноженный с развороченными внутренностями. Кобыла Ландсберга, сильно пораненная, и конь вестового, чудом оставшийся невредимым, в ужасе волоча повода, мчится в лес, где их после ловят. Ландсберг благодаря случайной задержке остался цел и невредим.

Словом, всем пришлось не легко, но пока пять эскадронов с удовлетворением подводили итоги дня — 2-й эскадрон чувствовал себя обреченным. Он расположился на ночлег в лесу около заставы. Драгуны в большинстве спали. Офицеры бодрствовали вокруг тлеющего костра. Наступила темная, беззвездная ночь. Пахло сыростью, хвоей и гниющей древесиной.

Подполковник Трушковский занимал разговорами. Штаб-офицер, недавно переведенный в полк, он както сразу "пришелся ко двору". Лет под 45, солидный, с начинающимся брюшком, открытым лицом, укра-

шенным курчавой "дворянской" бородкой, блондин — он был барином с головы до ног. Находясь до войны в запасе, он несколько лет занимал видное положение в одном из больших банков. Его легко можно было представить себе в директорском кресле... Речь его лилась плавно. Он нарочно останавливался на посторонних темах, словно подчеркивая этим, что завтрашний день его мало интересует и, во всяком случае, не безпокоит. Пухлый Маньковский, лежа на животе, порою внимательно прислушивался — не слышно ли выстрелов оттуда, куда пошел с разъездом Чирский. Тонконогий Авакимов, надвинув на глаза фуражку, спал или казался спящим. Квятковский внимательно, Мамулайшвили небрежно слушали подполковника.

"Ну так вот, в этом самом Волжско-Камском банке, где я имел честь занимать высокий пост (Трушковский любил слегка иронизировать над самим собою), служил и некий барчук Н. Типичный недоросль: глуп, туп, молод и неразвит. Вел журнал входящим и исходящим или что-то подобное. Путал, ошибался, а директор только и ждал дня, чтобы отказать ему от места. И вот случилось следующее. Приходит в банк некто в котелке, ничем от порядочных людей не отличающийся. Передает швейцару карточку и просит доложить о себе. Швейцар читает: "Макаров". Решает — не велика птица — и, не спеша, направляется в кабинет директора. Только взглянул на карточку, вскочил.

— Сам? — спрашивает швейцара.

— Кто сам? — недоумевает тот.

— Да министр, чучело ты этакое! — бросает директор и бежит навстречу высокому гостю.

Министр был очень прост и обаятелен. Случайно я присутствовал при всем разговоре. Поговорили о том, о сем, а под конец министр спрашивает:

— Скажите, пожалуйста, не служит ли у вас молодой Н.?

— Служит, — неопределенным тоном отвечает директор.

— Это мой родственник. Так мне бы хотелось знать ваше мнение о нем, о его работоспособности.

Лицо директора преобразилось, голос задрожал от едва сдерживаемого восторга:

— Ваше высокопревосходительство, я давно слежу за полезной деятельностью этого чрезвычайно даровитого молодого человека и только жду случая, чтобы дать ему вполне заслуженное продвижение.

Трушковский хлопнул себя по колену.

— А? Только что хотел его выкинуть, а теперь: "я внимательно слежу за полезной деятельностью. Ха-ха-ха". — Сочный барский хохот потряс тишину. Квятковский хихикнул. Маньковский улыбнулся. Мамулайшвили, не дрогнув бровью, кратко резюмировал:

— Подлиза!..

— Что? не понял Трушковский.

— Я говорю, что директор ваш подхалима, господин полковник! — невозмутимо отвечал корнет.

Офицеры переглянулись. Наступило неловкое молчание. Сообразив, что он брякнул лишнее, Мамулайшвили медленно встал, слегка потянулся. Вспышка костра озарила его красивое кавказское лицо с черными вьющимися волосами, темными глазами и белым оскалом зубов. Он был высок и строен. Несмотря что в прошлом он был одесским кадетом, а потом елисаветградским юнкером, Мамулайшвили держался несколько "расхлябанно", небрежно, точно хотел подчеркнуть свою полную независимость. Мы сознавали, что он "распущен", но тем не менее: "Все у нас в полку любили милого Мамулайшвили...", как певалось в корнетском "Журавле".

Повернувшись, он медленно пошел в темноту, откуда донесся напев кавказской песни:

Много я любил женщин молодых,
А потом решил сразу бросить их...

Песня удалялась, а затем полилася звучным, во весь голос, речетативом:

У Каз-бека нам раздолье, о гей!
У Каз-бе-ка нам..."

— Тише, вы там, — несколько раздраженно крикнул ему шт.-ротм. Маньковский. Песня оборвалась. Стало снова совсем тихо. Все молчали.

— Как-то Чирский? — задумчиво наконец проговорил Маньковский и, повернув голову к вынырнувшему из темноти Мамулайшвили, он строго сказал:

— Что вы там шумели?

Тот удивленно на него посмотрел, снова лег на землю и, глядя штабс-котмистру в глаза беззастенчивым "долоховским" взглядом, холодно произнес:

— А я никого не боюсь.

Маньковский готов был вспыхнуть, но спокойный Трушковский вмешался. Дружелюбно и насмешливо глядя на Мамулайшвили, он спросил его:

— Никого не боитесь? Даже Царя?

— Даже Царя!

— Ой-ли? А если б привелось его увидеть?

— Да я Государя видел, как вас, господин полковник.

— И что?

— Ничего.

— Не верю. Расскажите лучше, как это было.

— Очень просто. Государь приехал в Одессу. Осматривал наш корпус. А я играл в оркестре на корнете. Ну Государь идет вдоль фронта, а я стою впереди, играю гимн. Государь прошел шагах в трех от меня, а я смотрю ему в глаза и знай дую себе в инструмент. Во и все. Ничего особенного.

— Н-нда, протянул Трушковский, — вы храбрый. Вероятно, как говорится, ни в чет, ни в чох не верите.

—В себя верю, господин полковник, — отвечал Мамулайшвили и небольшой сломанной веткой стал разгребать горячую золу костра. Дальнейший разговор был прерван топотом шагов и шумом раздвигаемой листвы. Из темноты вынырнул силуэт Чирского. Его окружили офицеры и корнет доложил о следующем.

Выйдя около полуночи, он пошел прямо по тропинке вверх к голому выступу. Оттуда дальше на высоту 1547. Неожиданно для самого себя он пробрался

в расположение противника, был лично в лагере и установил, что на горе находится до двух батальонов австрийцев. Все они были очевидно черзвычайно утомлены, крепко спали и не выставили надлежащего охранения. Сведения были очень благоприятны. Выработали детали контр-атаки. Артиллерия подготовит наступление. Четыре взвода, как можно ближе, подходят к противнику по ложу ручья и отсюда широким полукругом охватывают неприятеля и штурмуют его. Чирский со взводом остается в заставе. На правый фланг атакующим намечается шт.-ротм. Маньковский. Левее его становится корн. Авакимов. Возвышенность находящуюся еще левее, штурмует корн. Квятковский. Между ним и левым флангом становится подполк. Трушковский, имеющий в руках, формально, общее руководство. Корн. Мамулайшвили достается наиболее длинный путь: он огибает высоту и оттуда атакует австрийский окоп. В действительности так и вышло.

22 июля. Ведя за собою телефонную проволоку, отряд выступил в 3 часа ночи. Шли вдоль р. Чимброслава Мала, затем свернули вдоль ручья налево. Продвигались в темноте, соблюдая возможную тишину. Дошли до истока и по оврагу стали круто подыматься в гору. В густом лесу эскадрон шел редкой цепью, интервалами в 10 шагов. Соседей не видно. Подъем такой крутой, что драгуны зачастую были безоружны, ибо для того, чтобы взять очередное препятствие, нужно было сначала уложить винтовку, а потом уже, совершать сложное акробатическое упражнение: то влезть на громадный пласт камня, то карабкаться по крутому подъему, то перелезать через поваленный ствол дерева, лежавший поперек пути, то пробираться сквозь заросли папоротника — и все время не терять из виду соседа и равняться по нему. Несмотря на все это, всеми взводами было взято верное направление. В 5 часов заговорила наша батарея. Выпустила несколько очередей. Наполнила овраги шумом и грохотом, потом замолкла. Звук разрывов позволил ориентироваться — итти оставалось не особенно далеко.

Было часов 6. Уже рассвело. После долгих попыток, Авакимову, наконец, удалось безшумно взобраться на верх очередного ствола. Втащил к себе двух драгун — и тут, неожиданно, в непосредственной близости грянул выстрел. Это драгун Бизяев наткнулся на часового и сразу ранил его. Немедленно весь лес застрекотал сотнями выстрелов. Корн. Авакимов подскочил к Бизяеву. Сбежалось еще шесть драгун. Прямо перед собой, шагах в 10, они увидали австрийскую заставу в 15 человек. Корнет закричал "ура" и с места повел драгун в штыки. Австрийцы немедленно бросили винтовки. Винтовки сгребли в кучу, а австрийцам приказали оставаться на месте. Корнет кинулся дальше. Он находился теперь приблизительно на месте бывшего эскадронного резерва. Австрийцы думали очевидно вырыть на опушке окопчики, но теперь оставили их и кучами бежали назад.

Одновременно с Авакимовым выскочил слева из чащи Квятковский. Прямо перед собою они увидали бегущего Маньковского, преследовавшего австрийцев. За ним — винтовки на перевес — драгуны. Австрийцы очистили почти всю гору, заняв наши прежние окопчики, повернувшись тылом к брустверу. Маньковский остановил эскадрон. Цепь залегла шагах в 300 от противника. Шла отчаянная стрельба. Офицеры, упоенные первым успехом, закурили; стали искать пенснэ Квятковского, которое тот уронил, когда бежал из леса. Так прошло около часа. Цепь наша была вся на виду. Австрийцы, сосчитав нас по пальцам, успокоились, взбодрились, навели пулемет. Если до сих пор не было тяжело раненых, то теперь от пулеметного огня не стало житья. Маньковский поднялся, скомандовал атаку, но "ура" скоро выдохлось — огонь был убийственный.

В это время Авакимов заметил обход слева. Доложил командиру эскадрона. Тот приказал ему со взводом отойти к выступу и прикрывать общее отступлением. Уже спеша к выступу горы, Авакимов увидел, как упал шт.-ротм. Маньковский на руки стоявшего рядом Квятковского, как быстро таяла оставшаяся горсть драгун. Из раненых, кто мог, брел в тыл. Тяжело раненых уносили. Вынесли Маньковского. Обход слева намечался все явственнее: австрийцы готовились к контр-атаке.

Теперь австрийцы отстояли от восьми драгун Авакимова всего на 15 шагов, но пойти в штыки не решались. Уже наш пулеметчик из ручного "Люиса", прислонясь к скале, дострелвал последний круг пулемета. Авакимов отошел. Чаща его скрыла. Наступила тишина. Австрийцы не преследовали. Инстинктивно взвод вышел на тропинку, по которой шел ночью Чирский. Спускались быстро. На середине горы соединились с драгунами Квятковского, продвигавшегося с ранеными очень медленно. Справа снова заметили австрийцев. Положение стало серьезным. У Авакимова было всего пять здоровых драгун, а у Квятковского: шесть несли шт.-ротм. Маньковского, четыре — тяжело раненного унт.-оф. Коваленко, а осталные несли их винтовки. По счастью тут оказались пленные, взятые Мамулайшвили. Их немедленно приспособили в носильщики. Куда девались пленные Авакимова, он не знал. Возможно, что они же стреляли в них отступавших.

Через час добрались до заставы Чирского. Отсюда эскадрон отправился в штаб полка и корнет Квятковский доложил командиру полка о ходе боя. В результате атаки на вдесятеро сильнейшего противника эскадрон увенчал себя славой, но реальной пользы не достиг. Из 62 человек потеряли убитыми и ранеными 23. Шт.-ротм. Маньковский навсегда лишился руки, и в полку его мы больше не видели. Он был награжден Георгиевским оружием за то, что "...во главе 2-го эскадрона и взвода 1-го эскадрона бросился в штыки на, занимавшего высоту, противника, выбил его и захватил в плен 2-х офицеров, 40 нижних чинов 29-го гонведного полка и 1 пулемет..."

Пленные были захвачены лично корнетом Мамулайшвили. Когда 2-й эскадрон, выйдя на высоту 1547, рассыпался в цепь, Мамулайшвили, с 15-ю драгуна-

ми, находился на левом фланге. Обогнув выступ горы, он повернул на 90 градусов и пошел прямо наверх. Пройдя некоторое расстояние, он увидел длинный окопчик плотно набитый неприятелем. Взвод шел широкой цепью. Когда лес поредел, корнет выбежал вперед и повел людей круто на окоп. Подъем был тяжелый. Драгуны начали уставать. Австрийцы сидели много выше наступающей цепи. Им легко было сосчитать жалкое количество атакующих. Они взбодрились, им стало даже весело. Их командир, толстый, пожилой офицер, встал во весь рост и насмешливо захохотал. Мамулайшвили обиделся. Он выхватил винтовку у находящегося рядом драгуна, прицелился и выстрелел. Взмахнув руками, тот опрокинулся. До окопов оставалось шагов 50. Драгуны на ходу открыли огонь. Австрийцы ответили тем же. Грянуло русское ура, и взвод бешено ринулся в штыки. Неприятель ошалел. Он не ожидал такой смелости от горсти запыхавшихся людей. Часть австрийцев бросилась врассыпную, другие, побросав винтовки, подняли руки, третьи, упав ничком в глубь окопа, представились мертвыми. Австрийцев согнали в кучу. Мнимых покойников оживили. Всех обезоружили и построили; их оказалось 40 человек и 2 офицера. У последних был весьма удрученный вид. Мамулайшвили заметил у обоих на глазах слезы — то были совершенные юнцы. «Was? Was?» — мобилизовал корнет все свои немецкие познания. Фендрики словами и жестами объяснили, что больше всего их угнетает то обстоятельство, что их взяли в плен солдаты-рядовые. На Мамулайшвили был такой же, как у драгун, брезентовый плащ и офицеры сочли его за солдата. Корнет отвернул плечо дождевика, показал свой золотой с двумя звездочками погон и успокоительно похлопал фендриков по спине:

— Зи — официр. Их — официр, драгун — корнет. Корнет, лейтенант... Ферштеен зи? Их — лейтенант, официр...”

— Ah, Sie sind Dragonerleutnant? Gott, sei Dank — радостно воскликнули австрийцы и тотчас успокоились. Возможно, они решили что быть плененным офицером не позорно, а если офицер, притом драгунский лейтенант, то это даже честь.

Пленные рядами двинулись вниз по тропинке. Их сопровождали драгуны. Путь шел через лес. Людская колбаса растягивалась. Охранение становилось затруднительно. Австрийцы почувствовали, что стража слаба. Наш взводный заметил, что пленные стали подозрительно перешептоваться. Австрийский фельдфебель, здоровенный, повидимому, энергичный парень, норовил подойти то к одному, то к другому своему товарищу и что-то им шептал. Наш взводный унтер-офицер инстинктом понял, что пленные сознают свою силу и готовятся броситься на свою стражу. Природная сметка подсказала старому драгуну, как надо поступить: он решительно подошел к фельдфебелю и, не говоря ни слова, ударил его по зубам. Австриец оторопел, понял, почему его ударили, втянул голову в плечи и смиренно пошел дальше. Вскоре встретились с отступающим 2-м эскадроном и пленных обратили в носильщиков.

Корнет Мамулайшвили получил Георгиевское оружие. Приказ о награждении гласил: “22 июля 1916 г. во время контр-атаки 2-го эскадрона Приморского драгунского полка на высоту 1547, один взвод 1-го эскадрона с корнетом Ильей Мамулайшвили, в количестве 15 стрелков, наступая на левом фланге 2-го эскадрона, выбил австрийцев из двух окопов и взял в плен 2-х офицеров и 40 нижних чинов”.

После боя, продолжавшегося около 12 часов, эскадрон, усталый, обескровленный, но упоенный победой отвели в резерв. В тот и в следующий день неприятель пытался еще наступать, но всюду был с уроном отбит. Приморцы оправдали свою боевую славу.

24-го июля, корнет Иевлев (3-го э-на) был отправлен на разведку той же высотв 1547. Возвращаяс. вдоль р. Чибо, он вдруг заметил в кустах шевеление. Бросился туда и обнаружил скрывавшегося в листве раненого драгуна. Бледный, измученный он производил впечатление полумертвого. Лохмотья окровавленных рейтуз покрывали распухшую посиневшую ногу. После ранения, дабы избежать плена, он заполз в лес. Целые сутки он осторожно скатывался вниз к своим. Раздробленная кость причиняла неимоверные страдания. Кровь ему удалось остановить индивидуальным пакетом. Он терпеливо ждал смерти. Когда на третий день услышал шаги, то испугался. Боясь плена, глубже залез в кусты. Но это движение его выдало. Выдало и спасло. Естественно, что разведчики Иевлева доставили его в полк. К сожалению фамилия героя, ни дальнейшая его судьба мне неизвестна. Но этот факт является лучшей иллюстрацией тому, как Приморские драгуны умели соблюдать присягу.

30 января 1931 г. **П. БИРК**

Генерал-Адмирал русского Императорского флота
Великий князь Константин Николаевич

(Продолжение)

Приступая к постройке судов для дальнего плавания, Великий Князь имел в виду образовать четыре отряда, каждый в составе трех крейсеров. По плану им начертанному в 1869 году, четыре отряда необходимы для того, чтобы русский Андреевский флаг постоянно развевался в водах далекого Тихого океана. В то время, как один из отрядов находится в Тихом океане, другой идет туда ему на смену, третий возвращается в Россию, четвертый же отряд стоит в Кронштадте, готовясь к трехгодичной службе в океане. Броненосные крейсера-фрегаты "Генерал Адмирал", "Герцог Эдинбургский", "Минин" и слабейший из них "Князь Пожарский" должны были стоять во главе этих четырех отрядов, в состав коих входили бы еще по два крейсера, не обшитых броней.

К сооружению таких вспомогательных судов меньшей силы морское министерство приступило в 1873 году. Эти суда было предложено строить из железа, без брони, с усовершенствованными машинами, дающими большую скорость хода при значительной экономии в расходе топлива, и с нарезной артиллерией. Первым был построен в 1875 году клипер "Крейсер", затем совершенно такого же типа и тех же размеров еще три клипера: "Джигит", "Разбойник" и "Стрелок" в течение 1876-1879 г.г. По другой, смешанной системе (железный набор с деревянной обшивкой) были построены к 1881 году четыре клипера для крейсерской службы: "Наездник", "Пластун", "Вестник" и "Опричник".

Кроме того, вследствие натянутых отношений России с Великобританией, весною 1878 года было куплено в С. Ш. Америки три торговых парохода, перестроенные в военные крейсера на американских верфях при участии экстренно посланных в С. Ш. Америки в марте 1878 года русских морских офицеров, техников и команды (всего 672 человека). Эта командировка личного состава для перестраивавшихся в С. Ш. Америки торговых судов сохранилась в истории русского Императорского флота под названием "Цимбрийской экспедиции", потому что один из торговых пароходов назывался "Цимбрия".

После перестройки эти крейсера были названы: "Европа", "Африка" "Азия". К ним присоединился четвертый крейсер "Забияка", одновременно построенный в С. Ш. Америки. Те же политические причины вызвали в январе 1878 года экстренную постройку 100 миноносок. Из этого числа только десять были заказаны в Германии, остальные были быстро сооружены на русских казенных и частных заводах, к концу навигации 1878 года.

В последний год управления Великого Князя морским ведомством Россия, таким образом, обладала одним крупным броненосцем "Петр Великий", четырьмя броненосными крейсерами и 14-ю крейсерами без брони, из коих 8 было построено на отечественных верфях и 4 за границей.

Этот новый русский военный флот по качествам судов был в общем ниже лучших иностранных, потому что русские казенные и особенно частные заводы не вполне удовлетворяли строгим требованиям кораблестроения.

Тем не менее броненосные крейсера, наиболее сильные и дорогие суда нового флота, были прекрасно задуманы. Британцы тотчас же заимствовали характерные их особенности. В британском парламенте официально была заявлено, что "русским первым удалось осуществить идею броненосных крейсеров с броневым поясом по ватерлинии". Но исполнение постройки этих новых тогда судов было вообще ниже проэктов.

Выше было указано о том, как долго строились и затем перестраивались и чинились не только первые суда этой серии "Князь Пожарский" и "Минин", но и сооруженные позднее, лучшие — фрегаты "Генерал-Адмирал" и "Герцог Эдинбургский". И после всех исправлений навигация 1880 года, несчастная вообще для русского Императорского флота, обнаружила в них крупные недостатки.

В ноябре 1880 года, во время жестокого шторма в Бискайском заливе, на фрегате "Генерал-Адмирал" расшатались палубы и упала за борт дымовая труба, потому что, как объяснял командир судна, она была сделана непомерно высокой, чтобы усилить тягу и развить контрактное число индикаторных сил на официальной пробе машины. Фрегат "Герцог Эдинбургский" при выходе из Кронштадта в первое заграничное плавание имел чрезмерную суточную прибыль воды: в носовом трюме 27 дюймов, а в кормовом 29. Из неброненосных клиперов некоторые вышли удачными и обнаружили хорошие морские качества. Машина на клипере "Разбойник", построенная в России, развила большее число индикаторных сил, чем было условлено в контракте, и дала скорость хода более 12 с половиною узлов. Хорошую скорость хода имел также клипер смешанной системы "Наездник", благодаря машине, построенной в Англии, (более 13-ти узлов). За то весьма неудачная машина была построена для первого из этой серии клиперов "Крейсера", она не дала скорости судну более 8-ми узлов. После ее безуспешных исправлений, решено было по-

ставить совершенно новую машину. Клипер "Опричник" был послан в Средиземное море в октябре 1880 года невполне готовым: пробивая лед около Кронштадта, он не только ободрал обшивку, но расшатал свой легкий корпус. На переходе до Кале он все время давал большую течь и явился в Гавр совершенным инвалидом. При осмотре клипера в доке оказалось, что у него сильно поврежден корпус (переломился продольный стрингер и бимсов жилой палубы и один из шпангоутов дал трещину) и что у него не проконопачены палубы.

Таковы были в общих чертах успехи и недостатки русского судостроения на Балтийском море. В то время, как здесь сооружался новый флот для дальнего плавания, на Черном море пришлось ограничиться на первое время лишь постройкой судов, специального назначения, приспособленных для защиты побережья.

Вопрос о постройке Черноморской оборонительной флотилии броненосцев, впервые возбужденный в 1863 году, был окончательно разрешен в январе 1870 года. Главные основания этого дела были установлены особым совещанием из представителей министерств военного, морского и финансов, под председательством Великого Князя. Вслед затем было решено произвести на Черном море опыт постройки проэктированного контр-адмиралом А. А. Поповым круглого броненосного судна.

Смелая мысль контр-адмирала А. А. Попова была осуществлена по энергичным настояниям Великого Князя. Новые броненосцы, известные "поповки", возбудили всеобщий интерес и резко осуждались большинством. Но для правильной оценки этих судов необходимо принимать во внимание те специальные цели, которым они должны были служить.

При выборе типа судов для Черного моря имелось в виду единственно "дополнение пловучей обороной береговых укреплений Керченского пролива и Днепровско-Бугского лимана". Именно эта задача была поставлена морскому ведомству Государем Императором Александром II-м, согласно заключению особого совещания, при чем было приказано "все подробности при разработке чертежей строго подчинить требованиям военно-сухопутного инженерного ведомства".

Проэкт адмирала А. А. Попова был ответом на требования, предъявленные военные ведомством. Круглая форма судна давала ему возможность при весьма малом углублении (около 13-ти фут.) нести самую толстую броню и артиллерию из орудий крупнейшего калибра, удовлетворяя цели обороны побережья.

Первая "поповка", броненосец "Новгород" (водоизмещением в 2450 тонн, машинами в 450 сил и броней в 12 дюймов) был спущен на воду в 1873 году. Вторая, боле крупных размеров, "Вице Адмирал Попов", — в 1876 году (водоизмещение 3550 тонн, броня — 14 и 16 дюймов, машина в 480 сил). Эти суда несомненно удовлетворяли своему назначению — служить пловучими фортами в помощь сухопутным крепостям.

Вместе с тем они оказались не лишенными и известных мореходных качеств, что касается поворотливости, плавности качки, незначительности размахов, устойчивости орудийной платформы. Недостаточная скорость хода — в 7 с половиною и 8 с половиною узлов — обусловливалась не столько формой судна, сколько слабостью машины. Великий Князь, живо интересовался судьбой идеи круглого судна и совершил летом 1879 года плавание на поповке "Вице-Адмирал Попов" из Ялты в Батум и обратно и вынес вполне благоприятное впечатление. Он полагал, что при дальнейшей разработке вопроса, круглым судам может быть сообщена большая скорость хода и что они окажутся пригодными для дальних плаваний в открытом море. Но эти ожидания не сбылись. Когда была оставлена защищаемая Великим Князем мысль о сооружении на Черном море судов с исключительно оборонительною целью, оставлена была и разработка типа круглых броненосцев.

Во время управления Великого Князя морским ведомством было положено основание так называемому Добровольному флоту, пароходы которого в военное время должны были служить вспомогательными крейсерами и транспортами.

За время управления Великого Князя морским ведомством, наравне с преобразованием военно-морского судостроения, подверглась коренному преобразованию и морская артиллерия. Неудовлетворительное состояние русской морской артиллерии 10-х годов не замедлило обратить на себя внимание генерал-адмирала Великого Князя. На судах и в арсеналах находилось до 15 000 орудий, но около половины их было отлито еще в прошлом столетии. Суда вооружались без всякой системы, орудиями самых разнообразных систем и калибров. Пользуясь имевшимися орудиями, Великий Князь усилил вооружение судов посредством частных усовершенствований и различных новых приспособлений. Вооружение было улучшено, насколько возможно, подбором соответствующих орудий из имевшихся запасов. Станки были исправлены и приспособлены для дальнейшей и скорой стрельбы. Были введены новые прицелы и новые дальномеры, проэктированные лично Великим Князем и т. д. Производству артиллерийских опытов была придана правильная организация. Для этой цели была учреждена особая комиссия сначала временная в Кронштадте, затем с 1855 года — постоянная в Петербурге. Для подготовки специалистов артиллерийского дела, по мысли Великого Князя, изложенной в докладе Императору Николаю Павловичу, в июне 1850 года учреждено образцовое артиллерийское судно, которое должно было готовить комендоров на весь Балтийский флот. Впоследствии, с развитием артиллерии, это судно было заменено целым артиллерийским отрядом.

После Крымской войны, в декабре 1857 года, окончательно были выработаны основания перевооружения флота. Новые пушки 60-ти и 36-ти фунтового калиб-

ра были вскоре изготовлены на отечественных Олонецких заводах и в навигацию 1861 года боевые суда Балтийского флота были уже вооружены 1608 орудиями, не уступавшими заграничным и достаточно сильными для действия по деревянным судам того времени. Это перевооружение флота было закончено как раз накануне коренного переворота в морской артиллерии, вызванного появлением броненосцев. Сильнейшие пушки старых систем разом оказались бессильными для борьбы против новых судов, окованных броней. Артиллерия бросилась искать совершенно новых путей. Началась упорная борьба между броней и пушкой, продолжавшаяся и далее до наших времен.

Очень скоро изменились не только калибр орудий, но и самый их материал, конструкция, все принадлежности: станки, снаряды, взрывчатые вещества. Чугун был заменен сталью, гладкие стволы нарезными, скрепленными рядом колец, заряжение с дула — заряжанием с казанной части. Морские державы, встревоженные тем беззащитным положением, в которое их вдруг поставило появление броненосных судов, не щадили ни трудов, ни расходов, чтобы восстановить свою безопасность, создав артиллерию, способную быть грозной для брони.

Положение нашего отечества было несравненно хуже, чем других великих держав, потому что русские заводы были не в силах не только соперничать с иностранными, но даже слепо им подражать. Морское ведомство внимательно следило за артиллерийскими новинками заграницей, добытые сведения проверяли опытами, но это еще не давало русскому флоту пушек. В августе 1861 года, когда перевооружение флота только что было закончено, Великий Князь представил Государю Императору Александру II-му свои соображения о необходимости положить начало выделке большекалиберных орудий нового образца и просил учредить для рассмотрения этого вопроса комитет из представителей трех заинтересованных ведомств — морского, военного и горного. Незадолго перед тем русскому горному инженеру Павлу Матвеевичу Обухову удалось выработать хорошую литую сталь и изготовить 12-ти фунтовую пушку, которая в начале 1861 года выдержала испытание так же удовлетворительно, как и пушка завода Круппа того же калибра. Успех работ П. М. Обухова дал основание комитету, учрежденному под председательством адмирала графа Е. В. Путятина, признать возможным изготовление новой стальной артиллерии в России, без помощи иностранных заводов, пользуясь способом литья стали, найденным П. М. Обуховым.

Комитет признал необходимым приступить к созданию сталепушечного завода около Петербурга, как места, близкого к средоточию флота. Однако министерство финансов не решалось отпустить крупного кредита на постройку казенного завода для изготовления новых орудий. Тогда морскому министерству удалось образовать частное товарищество из трех лиц: П. М. Обухова, Н. И. Путилова и Кудрявцева, которые, получив в задаток от морского ведомства до 930 000 рублей, немедленно, в 1863 году приступили к постройке сталелитейного завода, получившего затем название Обуховского. Устройство завода пошло на первых порах успешно. Но через год дела завода оказались в весьма критическом состоянии и товарищество в октябре 1864 года потребовало новой субсидии в 460 000 рублей.

Великий Князь решил не отступать перед затратами и довести до конца дело создания русского сталепушечного завода, чтобы не оставлять снабжение флота пушками в зависимости от иностранцев. Заводу была выдана новая ссуда в 460 000 рублей. Долг товарищества морскому министерству достиг 1 300 000 рублей и вследствие этого министерство признало необходимым взять под свой непосредственный надзор все операции завода. Вслед затем успехи артиллерийской техники привели к необходимости расширить средства завода, построить новые мастерские, приобрести новые машины и механизмы для отделки орудий, заряжающихся с казенной части.

Вследствие этого заводу в июле 1865 года была выдана новая ссуда в размере 1 300 000 рублей, но и эта ссуда была не последней — долг завода казне достиг громадной суммы в 4 682 797 руб., прежде чем изделия его начали хотя сколько-нибудь погашать выданные ссуды.

В 1871 году завод успешно выполнил заказ сухопутного артиллерийского ведомства и с следующего года поставка орудий как морскому, так и военному ведомствам пошла уже без всяких остановок. К 1877 году завод исполнил казенных заказов на 5 318 000 рублей и начал быстро погашать свой долг.

Что касается достоинства выделывавшихся орудий Обуховский завод сравнялся с лучшими из иностранных пушечных заводов и приобрел все средства для самостоятельного совершенствования конструкции и выделки орудий, не отставая от успехов иностранной техники. Производство артиллерийских орудий было прочно водворено в России. К 1880 году все боевые суда русского Императорского флота были вооружены стальными нарезными орудиями, из коих большая часть была отлита и сделана в России. (498 орудий было Обуховских и 198 Крупповских). Энергия Великого Князя и его деятельного сотрудника адмирала Н. К. Краббе в этом деле увенчалась полным успехом.

“История Обуховского завода”, — говорил Великий Князь в своем отчете в 1880 году: — “есть почти вся история морской артиллерии за прошлое двадцати пятилетие. На него мы возлагали все наши надежды, черные дни его неудач были тяжелы для лиц, принявших на себя водворение в России сталепушечного производства своею нравственной ответственностью, но они кроме того требовали много твердости характера и веры, чтобы не отступить перед неудачами. Успехи и беспримерное развитие, которого достиг потом завод, служит теперь утешением и гордостью морского ведомства”.

К числу видных преобразований, совершившихся в области военно-морского дела — за время управления Великого Князя морским ведомством — отно-

сится также вооружение судов военного флота минным оружием. По примеру северо-американских Соединенных Штатов, наше морское ведомство в 60-х годах самостоятельно занялось разработкой минного дела. В 1868 году клипер "Гайдамак", отправленный в Тихий океан, был вооружен минами на откидных шестах. В 1874 году управление минной частью было сосредоточено в одном лице, затем в Кронштадте был создан минный офицерский класс, с школою для нижних чинов, для подготовления матросов минеров.

Морское ведомство внимательно следило за иностранными новинками в этой области, вводя у нас сначала цилиндрические шестовые мины, которые были использованы в боевом деле лейтенантами Ф. В. Дубасовым и А. П. Шестаковым в русско-турецкую войну 1877-1878 г.г., затем буксирные мины Гарвея, ручные пироксилиновые мины и др. Наконец, у британца Уайтхеда в 1876 году был куплен секрет изобретенных им самодвижущихся торпед. Несколько офицеров и матросов было послано на завод изобретателя и новые торпеды начали успешно изготовляться в России.

Рядом с созданием нового флота, по мере быстрых успехов западно-европейской кораблестроительной техники, Великому Князю генерал-адмиралу предстояла другая, не менее трудная, задача обновления личного состава флота, образования моряков, стоящих на высоте новых требований военно-морской службы.

Длинным рядом крупных мероприятий, коснувшихся разнообразнейших сторон жизни морских офицеров и матросов, положение личного состава флота было преобразовано до основания. Уничтожение русского Черноморского флота в Крымскую войну произвело избыток в личном составе офицеров. Вместе с тем реформа кораблестроения, с необычайно возроставшею дороговизной постройки судов, вела к уменьшению числа судов в русском военном флоте, также как в иностранных, и к соответственному сокращению личного состава офицеров и команд. Поэтому вскоре по заключении Парижского мира морское ведомство приняло меры к уменьшению излишнего числа офицеров, расширив увольнение их на торговые суда, на выгодных условиях, и ограничив прием в морские учебные заведения.

Вслед за тем с Высочайшего разрешения в 1859 и 1860 г.г. последовало усиленное увольнение в резерв старослужащих моряков, при чем было уволено адмиралов и генералов 21 и 640 штаб и обер-офицеров. В то же время были приняты меры к сильному сокращению числа нижних чинов во флоте. В 1855 году флотских нижних чинов было более 125 000. В 1859 году число их сократилось до 51 663, а с 1868 по 1879 год равнялось в среднем 25 000 (от 20 986 до 28 920). Столь значительное сокращение числа нижних чинов было вызвано отчасти уменьшением числа военных судов, а главным образом постоянною заботой Великого Князя возможном сокращении береговых команд, так называемых "не строевых" нижних чинов. Великий Князь при этом стремился к тому, чтобы рекрутской повинностью не отвлекать от плуга и от свободного промышленного труда ни одного лишнего человека, за исключением людей, необходимых для действительной службы во флоте.

Начиная с 1859 года были упразднены все береговые команды, вовсе не несшие морской боевой службы: портовые роты, ластовые экипажи, употреблявшиеся для валовых работ и несения караулов. В результате численность береговой команды, превышавшая в 1855 году 63 000, пала к концу 1879 года до 822 человек. Казенный рекрутский труд матроса на берегу был заменен, где только было возможно, вольнонаемным. Убежденный сторонник вольного труда, Великий Князь не остановился перед возражениями большинства современных в ту пору деятелей, сжившихся со старыми порядками и утверждавших, что дело создания и поддержания флота в России немыслимо вести без помощи казенного, подневольного труда.

Предсказания этих лиц не оправдались, — замечает Великий Князь в своем отчете в 1880 году, с чувством удовлетворения успешностью проведенной реформы. В 1857 году, одновременно с началом упразднения береговых команд, Великий Князь возбудил вопрос об уничтожении в морском ведомстве худшего вида береговой службы — звания деньщиков, всего менее соответствующего назначению военного матроса. Но в этом случае ему не удалось немедленно достигнуть поставленной цели. Задуманная Великим Князем мера была встречена столь энергичными возражениями, что он был принужден уступить на время своим противникам.

Тем не менее, начав в 1860 году с отмены, в виде опыта, назначения деньщиков к офицерам, служившим на берегу, Великий Князь постепенно сокращая число деньщиков, достиг к 1879 году полного упразднения этого звания во флоте. Казенная прислуга во флоте осталась лишь в виде ограниченного числа вестовых на судах во время плавания. В результате этих мероприятий в 1880 году из общего числа нижних чинов во флоте — 93,5 несли действительную военно-морскую службу, тогда как в 1855 году число строевых матросов равнялось лишь 54,4 общего числа нижних чинов.

Для улучшения личного состава флота морское ведомство приняло меры к тому, чтобы рекруты набирались во флот в приморских или приречных местностях из населения, свыкшегося с морскими или речными промыслами. Еще в 1853 году последовало Высочайшее повеление о том, чтобы из губерний Архангельской и Астраханской, как прилегающих к морю, все рекруты поступали на укомплектование флота. Вследствие немногочисленности приморских жителей в России, морское ведомство обратило особенное внимание на приречное население и командировало несколько молодых писателей для сбора сведений о тех местностях, где особенно развито речное судоходство и промыслы.

В то же время морское министерство при преобразовании морских учебных заведений в 1862 году

установило новые правила приема учеников в морское училище с таким расчетом, чтобы флотскими офицерами становились люди, имеющие особенную склонность к мореплаванию и морской службе. В это училище было положено принимать юношей в возрасте от 15-ти до 18-ти лет, при чем поступающим в училище было дозволено, еще до приемного экзамена, участвовать в пробных плаваниях на учебных судах, чтобы испытать свои способности к морской службе. Эти правила, однако, не достигли цели. В 1873 году прием молодых людей на пробные плавания был отменен, а затем при морском училище были открыты приготовительные классы для малолетних воспитанников от 12-ти лет.

Более действительным средством для возвышения личного состава флотских офицеров было улучшение их материального положения, которое должно было привлечь в морскую службу лучшие силы. Великий Князь возбудил вопрос об увеличении денежного содержания в первые же годы своего управления морским ведомством, придавая этому вопросу большое значение. Оклады жалования флотских офицеров до 1856 года были крайне недостаточны. Рядом узаконений, начиная с 1859 года, они были увеличены в крупных размерах. Постоянные офицерские оклады были повышены, смотря по должности, более чем в 3, 2 с половиною, полтора раза (для лейтенанта на 68 процентов). Оклады заграничного плавания увеличены от 11 до 42 процентов, морского внутреннего плавания — от 30 до 74 процентов. Для лиц прослуживших долгое время во флоте, определены пособия на воспитание детей. Учреждение эмеритальной пенсионной кассы на капитал в полтора миллиона рублей из остатков по морскому ведомству в скором времени дало возможность прекрасно обеспечивать выходящих в отставку флотских офицеров, почти утроив размеры их пенсий.

Особенное внимание Великий Князь обратил на реформу морских учебных заведений. Вопрос об этом был возбужден Великим Князем в 1855 году, когда по его просьбе была назначена для их ревизии особая комиссия из представителей министерства народного просвещения и ведомства военно-учебных заведений. При этом Великий Князь просил членов комиссии тщательно обозревать морские училища, "в особенное личное ему одолжение и сообщить ему замечания с полной откровенностью, не стесняясь никакими соображениями".

На основании работ этой ревизионной комиссии, адмирал граф Е. В. Путятин в августе 1860 года выработал проэкты уставов Морского кадетского корпуса, Морской академии и Морского Технического училища. Затем был учрежден особый комитет для переработки этих проэктов и для руководства постепенным преобразованием морских учебных заведений. В основу преобразования было положено начало отделения общего образования от специального и проведена гуманная система воспитания путем убеждения, а не страхом наказания. Новая организация Морского училища, заменившего прежний Морской кадетский корпус, была осуществлена в 1862 году, а Морского Технического училища в 1873 году. Офицерский класс при Морском кадетском корпусе был преобразован в 1862 году в Морской академический курс. 28-го января 1877 года этот курс был переименован в Николаевскую Морскую академию и Великий Князь был назначен почетным президентом академии. При этом Государь Император Александр II в рескрипте на имя Великого Князя выразил ему "искреннюю и душевную признательность за неусыпные труды, направленные к возвышению и распространению морского образования во флоте".

Не ограничиваясь преобразованием морских учебных заведений, Великий Князь и другими различными способами старался о распространении среди моряков общеобразовательных и специальных морских знаний. Во исполнение выраженного им желания, с 1857 года в Кронштадте начали ежегодно, в зимние месяцы, читаться лекции для морских офицеров, как по прямой их специальности, так и по другим научным предметам; впоследствии такие же чтения были организованы в Николаеве и в некоторых других портах. Для предоставления флотским офицерам возможности следить за морской наукой, морской ученый комитет издавал на средства морского министерства в большом количестве сочинения, как оригинальные, так и переводные и при устройстве в портах морских собраний было обращено особое внимание на создание в них библиотек и читален. Сочувствуя развитию кронштадтской морской библиотеки, Великий Князь в 1874 году уступил под библиотеку свои комнаты в морском собрании Кронштадта. Постоянным вниманием Великого Князя пользовались занятия моряков по разработке истории русского флота; он придал этим работам известную систему и испросил ежегодное ассигнование сумм на издание трудов по русской морской истории.

Наиболее действительное средство в деле распространения морских знаний среди офицеров Великий Князь нашел в периодическом органе печати морского министерства "Морской Сборник". Этот журнал до 1855 года не имел большого распространения, отчасти потому, что он плохо редактировался, а главным образом потому, что по условиям цензуры того времени не касался деятельности русского флота. Великий Князь обновил редакцию журнала и дал ему возможность стать живым органом современного положения морского дела в России. В нем обсуждались реформы морской администрации и разрабатывались специальные вопросы морской науки. Журнал привлек к себе интерес моряков также как и всего образованного общества и явился проводником морских знаний в их среду. В течение горячего периода преобразований журнал, как указано выше, касался вопросов, имевших широкий общественный интерес, впоследствии же, с 1862 года, он сосредоточился исключительно на своей специальности и на его страницах деятельно велась серьезная, научная разработка первостепен-

ных современных в ту эпоху вопросов морского дела.

Великий Князь прилагал старания к улучшению материального и нравственного положения и состояния не только морских офицеров, но и нижних чинов. С течением времени были существенно улучшены все стороны быта матросов, их служебные работы, помещения, одежда и умственное развитие. Чрезвычайная смертность среди флотских нижних чинов в до-реформенное время указывала на необходимость совершенного изменения условий их жизни. Расследование, произведенное в 1855 году по приказанию Великого Князя, представило безотрадную картину казарменного быта матросов, в особенности семейных. Большею частью сырые, холодные, плохо освещаемые и худо отопляемые тесные матросские казармы были крайне неудобны для житья и весьма вредны для здоровья. Не имея средств на постройку новых казарм, морское ведомство капитальным ремонтом улучшило старые здания и целым рядом частных мероприятий и приспособлений сделало их более гигиеничными; уменьшение же числа матросов и наем частных помещений дали возможность более просторно разместить матросов и обособить холостых от семейных. Вместе с тем были существенно улучшены береговые госпитали и обращено внимание на судовую гигиену.

Крайне изнурительные в прежнее время валовые работы матросов на судах и в портах были облегчены и ограничены пределами крайней необходимости. Благодетельное влияние всех этих мероприятий наглядно выразилось в том факте, что смертность нижних чинов во флоте к 1880 году понизилась почти вдвое; тиф и цынга, тяжкие недуги флота, утратили свою распространенность. Нравственное состояние матросов также улучшилось. Прежние отношения начальников к подчиненным, отличавшиеся патриархальностью и привычкой к кулачной расправе времен крепостного права, заменились отношениями, основанными на строгом соблюдении требований дисциплины.

(Продолжение следует)

Н. ЧИРИКОВ

Справочный отдел

Вопрос. Когда в русской армии существовала отдельная воинская часть, носившая название Сенатский полк?

Ответ. Делаем дословную выписку из книги: "Хроника Российской Императорской Армии, составленная по Высочайшему повелению. Часть IV — я. СПБ, 1852, стр. 431", "31 января 1764 года, при Правительствующем Сенате, учрежден, в составе двух рот и в числе 317 челов., Сенатский баталион; 14 февраля 1797 года баталион сей приведен в четыре, а 12-го апреля того же года — в пять рот, к которым, 20-го марта 1799 года прибавлена еще гренадерская. 27-го января 1800 г. батальон сей разделен на два и назван Сенатским полком переименованным в том же году: 28-го января, по шефу, мушкетерским генерал-майора Мертенса; 2-го апреля — мушкетерским генерал-майора Ушакова, а 29-го марта 1801 — Литовским мушкетерским. 30-го апреля 1802 — полк сей приведен в состав трех баталионов 19-го октября 1810 — переименован в 33-й Егерский а 28-го января 1833 года назначен на усиление Екатеринбургского и Тобольского пехотных полков".

Библиографические заметки

В. В. Звегинцов. Формы русской армии 1914 года. Описание, рисунки, схемы. Париж. 1959 г. 132 страницы текста и 100 листов рисунков и схем.

Отсутствие полного, систематического, доступного всем, справочника по описанию форм русской армии за время последнего царствования (формы 1914 года) было всегда пробелом в нашей военно-исторической литературе. Ныне это неудобство, по счастливой мысли и блестящему исполнению В. В. Звегинцова, будет устранено. Нам удалось бегло просмотреть экземпляр его кропотливейшего труда, напечатанный на ротаторе. Составленный на основании письменных официальных источников, а также по собственным зарисовкам деталей предметов военной одежды случайно находящейся за рубежом, — труд этот явится не только наглядным пособием и самым полным, удобным для пользования, справочником, но и, поистине, достойным письменным и графическим памятником, посвященным последней эпохе русской Императорской армии.

От души желаем автору, как можно скорее издать свой труд, дабы возможно было им пользоваться, как исключительно ценным по содержанию справочником.

Ю. Т.

В скором времени выйдет труд известного военного писателя К. С. Попова: "Эриванцы в Великую войну".

Т.

ОТ РЕДАКЦИИ: Продолжение "Воспоминаний генерала А. Забелина" будет напечатано в следующем номере.

Imprimerie S.N.I.E., 32, rue de Ménilmontant, Paris-20e

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

N° 14

НОЯБРЬ 1959 год

СОДЕРЖАНИЕ

«Военно-Исторический Вестник» выходит два раза в год — в мае и в ноябре.

Издается на правах рукописи.

Настоящий номер вышел под редакцией **Ю. А. Топоркова.**

От правления Общества Любителей Русской Военной Старины

Правление с глубокой скорбью сообщает о кончине одного из основателей Общества Александра Александровича Стаховича, последовавшей 24 октября с. г.

"В. И. ВЕСТНИК" МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ВНЕ ФРАНЦИИ ПО НИЖЕСЛЕДУЮЩИМ АДРЕСАМ:

АВСТРАЛИЯ.—Представитель Об-ва П. М. Перекрист — 31, Roberts Avenue. Randwick-Sidney (N.S.W.).

АНГЛИЯ. — В. В. Барачевский — 23, Alder Grove, London, N.W.2.

ВЕНЕЦУЭЛА. — К. А. Келлнер — Sarria N° 24, Quinta Coromoto, Caracas.

ГРЕЦИЯ. — Член О-ва В. В. Дейтрих, — 17, rue Kouzi, Athènes (9).

С. А. ШТАТЫ. — Представитель Об-ва на Западные Штаты А. Ф. Долгополов — A. Doll, 5954, Barton Ave. Los Angeles 38 (Calif.).

— член Об-ва Г. В. Месняев — 1348, Sheridan Ave., apt. F. F., Bronx 56 (N.Y.).

Переписку по делам Общества просят направлять по адресу Генерального Секретаря О-ва Льва Николаевича Немирова:

L. Nemiroff, 26-bis, rue de l'Ingénieur Robert-Keller, Paris (15e).

Переписку редакционного характера просят направлять по адресу Редактора « В. И. Вестника » Юрия Александровича Топоркова:

G. Toporkoff, 25, rue Rennequin, Paris (17e).

Заказы на все издания и медали Общества, а также все денежные переводы просят направлять по адресу Казначея Об-ва Александра Васильевича Щиткова (или на его почтовый текущий счет Paris **№ 13.694.00 или чеками на его имя):**

A. Stchitkoff, 15, rue de Médéah, Paris (14e).

ИЗДАНИЯ ОБЩЕСТВА

На складе Общества имеется еще небольшое количество нижеследующих изданий Об-ва:

1. — Сборник *"Русская Военная Старина"* — первое издание Об-ва (1947 г.). Цена — 400 фр. фр. или 1 ам. дол., или 470 фр. фр.

2. — *"Записка о службе А. В. Суворова"* (изд. 1947 г.). Цена — 100 фр. или 0,25 дол., или 115 фр. Сборник и Записка — при одновременном заказе — 450 фр. или 1.10 дол., или 520 фр.

3. — Номера 8, 9, 10, 11, 12, 13 и 14 *" В. И. Вестника"*. Цена — 200 фр. или 0,80 дол.,или 235 фр.

МЕДАЛИ ОБЩЕСТВА

1. — В настоящее время бронзовая Полтавская медаль (1709 - 1959) — высылается немедленно всем заказавшим ее. Что же касается медалей Гвардии-Нарвы (1700 - 1950), Петербурга (1703 - 1953), Севастополя (1855 - 1955) и Полтавской в серебре, то с момента получения заказа и до отправки медали может пройти иногда значительный промежуток времени.

2. " Заказы на медали, с обязательным приложением соответствующей суммы, следует направлять на имя Казначея Общества.

Стоимость Севастопольской или Полтавской медали — 800 фр. или 2.50 доллара или 940 фр.. Стоимость медали Гвардии-Нарвы или Петербургской соответственно — 1.170 фр., 3.00 доллара и 1.335 фр.

Примечание. Во всех вышеуказанных ценах, первая цена относится к Франции и зоне франка, вторая — ко всем заокеанским странам и третья — ко всем остальным странам. В указанные цены входит стоимость пересылки.

НОВЫЕ КНИГИ

ЛЕЙБ-ЭРИВАНЦЫ В ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ. Материалы для истории полка в обработде полковой комиссии под редакцией К. Попова. Париж, 1959. 246 страниц, с портретами, репродукциями фотографий сцен полковой жизни, картами и схемами. Более подробний отчет о ней будет дан в следующем номере.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ В № 13 В. И. ВЕСТНИКА

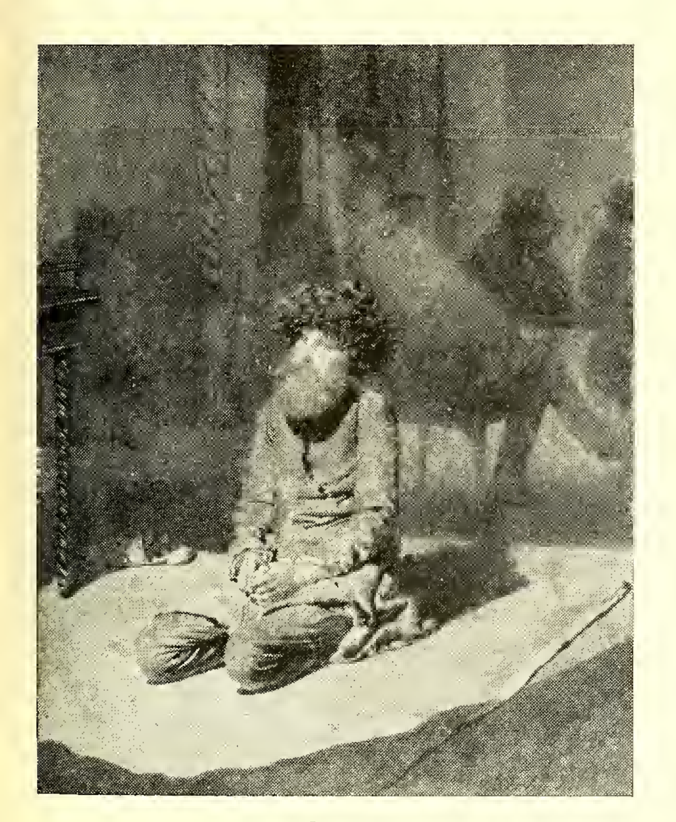
Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
3	7 снизу	1908 г.	1809 г.
13	6 снизу	Семен Васильевич	Петр Семенович
15	17 снизу	идея (...répondre	идеи (...répandre
19	20 сверху	бригарида	бригадира
31	10 снизу	граф Е. В. Путятин	князь Е. В. Путятин

К столетию взятия Гуниба и пленения Шамиля

25 августа 1859 года

М. Литвизин

Восточная война 1853-56 гг. окончилась. Император Александр II, несмотря на затруднительное финансовое положение государства, считал необходимым возможно скорее закончить многолетнюю с непокорными горцами войну. Как известно, в Дагестане еще в 20-х годах прошлого века широко распространилось учение мюридизма, призывавшего к объединению всех мусульман на священную войну против России. Двигателем этого движения является в 1830 г. человек редкого ума и военных способностей Кази - Мулла, который назвал себя имамом Дагестана и именем пророка начал проповедовать борьбу против неверных. Свободолюбивые дагестанцы охотно приняли учение мюридизма, и скоро Кази - Мулла уже имел тысячи поклонников, готовых пролить за него кровь и распространять его учение. В числе последних являются люди с замечательными талантами, занявшие впоследствии его место. Таковы были Гамзат-бек и Шамиль. Длительное упорство проявленное Шамилем в борьбе с русскими объяснялось не только условиями трудной горной войны, но и поддержкой мюридизму со стороны Турции и Англии.



Известие о мире с Турцией произвело тягостное впечатление на Шамиля. Народ мало-помалу начал отделяться от имама, и уже летом 1859 года из Малой Чечни к начальникам наших войск стали появляться депутации горцев с предложениями покорности. 18-го июля в крепость Грозную явился главный инженер Шамиля, Хаджи - Юсуф, воспитанник Константинопольской военной школы, строитель главных крепостей: Салты, Гергебиля, Чоха, Ахульго, Веденя и других. С ним прибыло его семейство и несколько родственников; все они были водворены на жительство в мирных аулах Малой Чечни. 28 июля перешел на сторону русских в ауле Тилитль верный до того помощник Шамиля Кибит - Магома; желая подчеркнуть свою покорность, он задержал у себя тестя и наставника Шамиля Джемал - Эддина и знаменитого проповедника мюридизма Аслан - Кадия Цудахаринского.

Видя полную измену недавно еще преданных жителей и своих сподвижников и встречая недоброжелательность народа, Шамиль сознавал, что наступает конец его владычеству. Все же имам решил защищаться до последней возможности.

Стесненный успешным продвижением русских отрядов Шамиль предал огню все аулы по левому берегу р. Койсу, насильно гнал жителей на другой берег этой реки и уничтожил все переправы. Несмотря на это нашим войскам удалось устроить переправу через бурные водовороты Койсу, текущей среди отвесных скал. Охотники Дагестанского пехотного полка несколько раз пытались перебраться вплавь на другой берег, но всякий раз неудачно — некоторые из этих смельчаков погибли в клокочущих волнах Койсу. Наконец, юнкеру Шпейеру и рядовому Сергею Кочеткову удалось достичь другого берега и закрепить там веревку. С помощью этой веревки закрепили канат, на который подвесили деревянную корзину и, лежа в этой корзине, охотники поодиночке перебрались на другой берег над бездной горного потока. Затем был пере-

ПЛЕННЫЙ ШАМИЛЬ НА МОЛИТВЕ

Акварель М. А. Зичи (1829 - 1906), сделанная в Москве 5 февраля 1860 г. Размер оригинала 35 Х 26 сант. Из собрания князя Н. С. Трубецкого Публикуется впервые.

брошен плетенный веревочный мост, по которому уже за ночь перешло до восьми рот пехоты.

Эта переправа ошеломляюще подействовала на горцев и окончательно нанесла удар влиянию Шамиля.

Поставленный этими неудачами в трудное и почти безвыходное положение, Шамиль решил прибегнуть к последному средству: запереться на Гуниб-Даге и, пользуясь неприступностью этого места, защищаться до зимы, когда русские, по его расчету, сами должны будут уйти из Нагорного Дагестана.

Селение Гуниб расположено на возвышенном плато, площадь которого окаймлена скалистым обрывом. Подобное положение аула, дающее возможность иметь в нем полное обеспечение небольшому отряду с населением в течение круглого года, вполне удовлетворяло желанию Шамиля. Имея в виду удобства Гуниба, Шамиль свез в него свое семейство и имущество, и с горстью преданнейших ему мюридов (600 человек при 4-х орудиях) начал его оборону. Он взорвал тропинки, ведущие к Гунибу, а в наиболее доступных местах устроил сложенные из камня завалы и даже стены.

8 августа войска нашего, так называемого, Дагестанского отряда сосредоточились у урочища Гуниб-меер. На другой день ген. - ад. барон Врангель, начальник этого отряда, произвел рекогносцировку впереди лежащей местности, а затем батальоны двинулись к подножию Гуниба и заняли указанные им для блокады места.

18 августа прибыл в отряд главнокомандующий, князь Барятинский, и принял непосредственное начальство над войсками. Шамиль вступил в переговоры, но князь Барятинский, видя, что они в течение четырех дней оставались бесплодными, приказал прекратить их и приступить к предварительным работам для овладения Гунибом.

23 августа начальником передовых войск был назначен ген. - м. Кеслер, а войска были расположены следующим образом: два батальона Ширванского полка, под начальством командира полка, полковн. Кононовича, должны были действовать по восточному скату горы,Два батальона того же полка, батальон Грузинского гренадерского и два батальона Самурского полков, Дагестанский конно-иррегулярный и две сотни Даргинской конной милиции расположились по северному фасу Гуниба под начальством князя Тархан-Моуравова. На южном склоне горы находились батальоны: два Апшеронского, два Самурского полков и 21-й стрелковый впоследствии 4-й кавказский стрелковый полк, под начальством командира Апшеронского полка полковника Тергукасова и, наконец, на западном фасе стояли два батальона Дагестанского пехотного полка с их полковым командиром, полковником Радецким.

Предварительный осмотр окрестностей Гуниб-Дага показал, что более доступным к штурму был северо-восточный скат горы в том месте, где протекает речка, впадающая в р. Кара-Койсу. Но место это было сильно укреплено Шамилем, поэтому Ширванцам и Грузинским гренадерам было приказано подвигаться вперед к завалам постепенно при посредстве осадных работ.

В ночь на 24-е стрелки Ширванского полка выдвинулись вперед под огнем неприятеля, а рота Грузинских гренадер, под командою подпоручика кн. Микеладзе, выступила осмотреть тропинку и подступы на гору. Движение это вскоре было обнаружено горцами и на роту посыпался поток камней, которые благодаря скрытному положению роты не нанесли ей никакого вреда.

Главный же удар русских готовился на южном склоне горы. В ночь на 25 августа Тергукасов приказал подполковнику Егорову с батальоном Апшеронцев двинуться к высотам Гуниба, и, если будет возможно, подняться на самую вершину. До этого охотники Апшеронского полка, с капитаном Скворцовым во главе, осмотрели всходы на Гуниб с этой стороны. Оказалось, что единственная возможность взобраться на Гуниб была со стороны трещины горы.

Воспользовавшись моментом, когда густой туман окутал всю гору, подполковник Егоров повел батальон на вершину Гуниб-Дага. Перед штурмующими, как стены, возвышались один над другим три скалистые крутые обрыва, лишь в одном месте рассеченные узкою поперечною трещиною.

Из колонны выделились сто тридцать живых существ и быстро стали подвигаться к скалистому обрыву: то были саперы и охотники Апшеронского полка, предводимые капитаном Скворцовым и прапорщиками Кушнеревым, Ассеевым и Вышинским. Без сапогов, обутые в лапти, в толстые онучи, в поршни, они, как тени, скользили по земле. Взобравшись к щели, саперы закрепили там ряд веревочных лестниц. Принесли и укрепили затем и длинные деревянные лестницы. Во время этого подъема сорвалось и разбилось 39 человек...

В четверть часа первый уступ скалы был завоеван и охотники сгруппировались под вторым. Этот, как предыдущий, был высотою 18 — 20 метров... За охотниками карабкался первый батальон Апшеронского полка, правее поднимались, при помощи лестниц, охотники же 21-го стрелкового батальона под командою поручика Терпева.

С противуположной стороны горы, километрах в 14 от описываемого пункта, то же самое происходило и в колонне князя Тархан-Моуравова, где действовали Грузинские гренадеры, Ширванцы и Самурцы.

Лишь только на южном фасе охотники столпились на первой террасе, сверху раздался залп из винтовок и несколько храбрецов свалилось на землю. Но Шамиль, вероятно, уверенный в неприступности этого места, охранял его лишь небольшим числом мюридов: большинство их находилось на восточном склоне горы, обманутое действиями Ширванцев полковника Кононовича.

Охотники заняли вторую террасу. Уже совсем рассвело: туман стал реже; гора задымилась, загрохотала на всех фасах. Теперь при свете дня, уже не тени, а живые существа быстро взбирались на всех пунктах горы. Вскоре был охвачен цепью весь карниз третьего уступа. Взобравшиеся сюда стали лицом к лицу с неприятелем, засевшим в завалах. Мюриды не бежали, как делали часто, видя неизбежную смерть; выпустив последнюю пулю, они бросали винтовки и выхватывали шашки, кинжалы...

Теперь полковник Тергукасов двинулся к самому аулу Гуниб, находившемуся еще километрах в 8. По дороге соединился с 21-м стрелковым б-ном, завладевшим завалами. Одновременно поднялись на Гуниб и войска северного склона горы. Когда Апшеронцы, взобравшись на плато, пошли на подмогу на выстрелы и увидали гренадер Грузинского полка, энтузиазм был неописуемый..

Озадаченные появлением наших войск с разных сторон, горцы в беспорядке бросились бежать. Большая часть мюридов, в том числе и Шамиль, с сыновьями, бежали в аул Гуниб и засели по саклям. Партия мюридов человек во 100, отрезанная от аула, собралась на лесистом холме и там, засев за камнями, открыла частую пальбу. Две роты Ширванского полка были направлены туда, чтобы выбить мюридов из-за камней. Не видя спасения, они выхватили шашки и кинжалы и бросились на встречу Ширванцам. После короткой, но жаркой схватки они были истреблены поголовно.

Каждый солдат мечтал схватить самого Шамиля ; жертвою подобного увлечения сделался подпоручик Грузинского гренадерского полка Каджаев, убитый при штурме одной сакли. При общем наступлении Шамиль не минул бы смерти, если бы ген. - майор Кесслер не распорядился употребить все усилия к захвату Шамиля живым, как того желал князь Барятинский.

Вскоре на Гуниб приехал ген. - ад. барон Врангель, а вслед за ним и сам главнокоманкующий, князь Барятинский, который приказал прекратить перестрелку с засевшими в Гунибе мюридами и через посланного им полковника Лазарева предложил мюридам сдаться. Шамиль просил объявить ему условия сдачи. Ему ответили: условий никаких, а безусловная сдача.

Спустя некоторое время снова появляется посланный от Шамиля, беглец, Юнус и, низко сгибаясь перед князем Барятинским, от имени Шамиля вновь просит условий сдачи. Последовал тот же сухой и короткий ответ, лишь с прибавлением, что безопасность Шамиля, его семейства и приверженцев обеспечены.

Спустя минут двадцать, раздается голос из аула: — "Имам просит допустить к нему его зятя Исмаила". Разрешили Исмаилу отправиться в аул. Затем Исмаил возвращается с новой просьбой Шамиля — он желает оставить нам в залог родного сына...

— Нельзя ! ответили в аул.

Вновь появляется Юнус — имам просит удалить от места сдачи нашу мусульманскую милицию... Эту просьбу исполнили.

Вслед затем в ауле обнаружилось движение : густая небольшая толпа, двигаясь медленно и нерешительно, выступила вперед из сакль аула.

"Ура " потрясло воздух.

Толпа сжалась и остановилась. Среди нее, верхом на лошади, находился во всеоружии Шамиль. Видно было, что "ура" оглушило его. Бледный и растерянный он прошел через батальоны и направился к князю Барятинскому, который ожидал его в березовой роще. Шагах в двадцати Шамиль слез с коня и подошел к главнокомандующему.

Видно было, что Шамиль приготовился что-то сказать, но слова замерли на его губах. В особенности он растерялся и вздрогнул, когда князь Барятинский, ступив шаг вперед, громко произнес :

"— Шамиль!".

Имам врос в землю... Главнокомандующий ему сказал, что в свое время он звал его к себе добром, предлагал выгодные условия и все было отвергнуто. Тогда он явился сам и взял оружием то, что не сдалось ему добровольно. Условий теперь быть не может: он и его семейство вне всякой опасности, но он будет отправлен в Россию, и его дальнейшая судьба зависит от Государя...

Шамиль произнес несколько слов, но главнокомандующий его не слушал, а отправился с Гуниба в свою ставку. За ним поехал Шамиль под наблюдением конвоя.

Все это совершилось в три часа дня.

Князь Баратинский отдал приказ по армии: "Шамиль взят. Поздравляю кавказскую армию".

Вечером князь Барятинский прислал в подарок Шамилю свою походную шубу. Пленник попросил позволения вызвать с Гуниба свое семейство. Ему разрешили, и оно в полном составе явилось в лагерь к нему на следующий день.

Перевезенный в Калугу, затем в Киевв, Шамиль получил разрешение совершить паломничество в Медину, где скончался в 1871 году на 74-м году жизни.

Так кончился последний акт кровавой драмы, тянувшейся шестьдесят лет и стоившей России громадных жертв и издержек. С пленением Шамиля и со взятием Гуниба мюридизму был нанесен смертельный удар, и весь Восточный Кавказ от Каспийского моря до Военно-Грузинской дороги был замирен и успокоен.

Тегеран

Май 1914 -- Апрель 1916

(Продолжение)

Г. Бах

Прибыл я в Тифлис 30 октября и остановился в хорошо мне знакомой гостинице "Ориант" на Головинском проспекте. Мой доклад Наместнику, Великому Князю Николаю Николаевичу, состоялся на следующее утро в присутствии его начальника штаба, генерала Болховитинова, который делал записи по ходу доклада. Великий Князь знал, что я был прислан от имени посланника в Персии и с одобрения Верховной Ставки.

Я изложил Наместнику, насколько мог подробно, условия, создавшиеся в Персии, опасное положение со все растущим давлением наших врагов на персидское правительство и сказал, что посланник убежден, что мы приближаемся быстро к моменту, когда они будут в состоянии применить вооруженную силу для достижения своих целей. В настоящее время шахское правительство может лишь расчитывать на верность ему Персидской казачьей Е. Вел. Шаха бригады, причем находящаяся при ней, под командою русских инструкторов, батарея скорострельных орудий является серьезной острасткой организованным бунтарям и ценнейшим козырем в наших руках. Насколько нам известно, при полках персидской жандармерии и у многочисленных вооруженных банд под командою германских офицеров покуда еще не имеется артиллерии, но в будущем пушки несомненно им будут доставлены через турецкую границу, вместе со снарядами и все новыми людскими пополнениями. На пропаганду среди жандармерии немцы уже истратили много денег и на серьезное сопротивление с ея стороны им не приходится опасаться. Напротив, персидские жандармы, патрулирующие вдоль дорог, в любой момент смогут перерезать телеграфные и телефонные линии, соединяющие Тегеран с Россией. Тогда все союзные представительства, да и сам Шах и его правительство, окажутся в ловушке. В виду сего посланник считает, что настал момент, когда нам повелительно следует на германскую организованную силу ответить силой же. По условиям данного времени и ввиду ее соседства с Персией, одна Россия в состоянии подать необходимую силу. Я не мог не обратить внимания Великого Князя также и на то обстоятельство, что Россия фактически является ответственной за неприкосновенность всех союзных представительств в Персии, за жизнь и имущество наших союзников, а также за сохранность преданного нам армянского элемента, коему со стороны турок грозила бы смертельная опасность. Наличие русской военной силы в недалеком расстоянии от столицы помогло бы Шаху удержаться в своей политике нейтралитета и пресекло бы вооруженным бандам наших врагов возможность успешного применения силы.

Выслушав мой доклад, Великий Князь сказал, что он, по сношении с Верховной Ставкой, принял решение послать войска в Персию и что уже собран отряд из отличнейших воинских частей, снабженный всем необходимым. Ему будет по плечу всякая могущая представиться задача. Этим экспедиционным корпусом будет командовать генерал, недавно отличившийся на турецком фронте, хорошо знакомый с восточными народностями, умеющий с ними обходиться. Имени этого генерала Наместник мне не назвал. Войска немедленно начнут грузиться в Бакинском порту. Из Энзели они будут двинуты в Казвин, в 140 километрах от Тегерана, где и будет находиться ставка командира экспедиционного корпуса. "Возвращайтесь в Тегеран", сказал Наместник: "и передайте это от меня посланнику".

Слова Наместника исполнили меня большой радости. Я попросил его разрешить мне повторить все им сказанное, дабы быть уверенным, что я его понял в точности. Когда я сказал, что по просьбе посланника, в силу необходимости, потребная русская военная помощь будет подана из Казвина в Тегеран — Великий Князь вспылил и с раздражением в голосе меня прервал:

"Нет, моими войсками командую я, а не посланник в Тегеране, так и знайте"!

Тогда я повторно нарисовал Наместнику картину грозящих событий в Персии, опасность которых и являлась причиной посылки экспедиционного корпуса. Жандармы пресекают телеграфное и телефонное сообщение с Казвином и с Россией. Одновременно немцы совершают свой внезапный вооруженный рейд на Тегеран. Необходимость немедленной военной помощи очевидна. И вот у посланника не будет возможности снестись с Вашим Высочеством и даже с командиром экспедиционного корпуса, в расстоянии лишь 140 километров от Тегерана! Даже, если бы телеграфные провода и уцелели, телеграмма посланника Вашему Высочеству и Ваш последующий приказ генералу в Казвин привели бы к неизбежной потере весьма драгоценного времени. При таких обстоятельствах может случиться, что наши войска, когда достигнут Тегерана, там найдут обгорелые стены союзных миссий, разграбленные банки и много армянских трупов, а также узнают, что шахское правительство, покорясь германской силе, нам объявило священную войну, обвиняя Россию в нарушении персидского нейтралитета. Тут

меня Великий Князь остановил, сказав: "Ну, ну, возвращайтесь в Тегеран. Скажите посланнику, что войска идут и что ставка командира экспедиционного корпуса будет в городе Казвине". Этим кончилась моя аудиенция. Я сейчас же поспешил в дипломатическую канцелярию Наместника и оттуда послал краткую шифрованную телеграмму посланнику со столь желанной вестью о присылке экспедиционного корпуса и что войска выступают.

Вернувшись в гостиницу, я там застал моего давнишнего друга Л. В. Голубева, в то время главноуполномоченного нашего Красного Креста на турецком фронте. Мы с ним уже успели сговориться, что будем завтракать вместе. Когда я ему сообщил о результатах моей аудиенции, он меня обрадовал вестью, что, по его приглашению, сейчас с нами будет завтракать как раз тот самый генерал, которого Великий Князь назначил командиром экспедиционного корпуса, а именно генерал-лейтенант Н. Н. Баратов, начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии. Голубев его хорошо знал и находил выбор Наместника во всех отношениях удачным.

Скоро прибыл генерал Баратов, и мы сели завтракать в отдельном кабинете. Командир экспедиционного корпуса, от которого так много должно было зависеть в нашей Персии, произвел на меня отличное впечатление — еще сравнительно молодой, живой, с внимательными умными глазами. Он стал меня подробно расспрашивать о деятельности наших врагов, о персидских расстояниях, о качестве дорог, об условиях выгрузки войск в Энзели и о предположительном размещении жандармских отрядов. Ко всему этому я был подготовлен. Я передал ему привезенные мною карты с отмеченными на них телеграфными линиями и профилями подъемов Русской дороги в Тегеран, с обозначением стратегически важного на ней Менжильского моста, удобнейших мест для остановок и т. д. Генерал Баратов мне поведал, что в состав экспедиционного корпуса входит и наша столь прекрасная Кавказская кавалерийская дивизия, в которой в 1902 году, по окончании Императорского Александровского лицея, я имел честь отбывать воинскую повинность в славном Тверском драгунском полку. Этот год остался для меня незабвенным, дорогим воспоминанием и я всей душой полюбил Кавказ, его величественные красоты, свой полк, радушие и гостеприимство грузинского общества. Кроме Кавказской кавалерийской дивизии в экспедиционный корпус входило несколько казачьих полков, два пеших пограничных полка и ряд новейших броневиков. Это были отменные войска. Начальником штаба к генералу Баратову был назначен полковник Н. Ф. Эрн, которого я отлично знал еще корнетом Тверского полка. Итак, все сложилось свыше моего ожидания благоприятно, и мне легко было установить уже на первых порах с командиром корпуса ценные личные отношения, необходимые при близком, в скором будущем, его сотрудничестве с российской миссией в Тегеране. Я не скрыл от ген. Баратова категорического заявления мне Наместника, что войсками своими при всех обстоятельствах будет командовать он, а не посланник в Тегеране и что я не мог не обратить повторно внимания Великого Князя на то обстоятельство, что пресечение телеграфных и телефонных сообщений отрежет нас в Тегеране не только от Тифлиса, но даже и от Казвина, предположенной штаб-квартиры командира экспедиционного корпуса, который, в расстоянии 140 километров от столицы, не сможет во-время подать необходимую помощь. Мы тут же с ген. Баратовым установили способ скорейшего, непосредственного сообщения между ним и посланником.

На следующий день с легким сердцем я отправился в обратный путь. Тифлис меня приятно поразил своим нормальным видом и добрым порядком в нем, несмотря на военное время.

Миссия была еще в Зергендэ, когда я вернулся с подробным рапортом посланнику о моем докладе Великому Князю и моей уже встрече с командиром экспедиционного корпуса и установлении с ним деловой связи.

Я узнал, что за мое отсутствие миссия провела несколько суток в значительной тревоге, получив серьезные предостережения, что крупные вражеские вооруженные отряды приблизились к столице и что немцы могли бы решиться на внезапный ночной рейд до прихода наших войск. Второй секретарь миссии, барон К. К. Таубе, и состоящий при миссии Д. А. Батурин сказали мне, что последние три ночи они не спали, что казаки конвоя караулили подступы к миссии и что ими даже раз было произведено несколько выстрелов в темноту ночи.

По базарам и городу молниеносно пронеслось известие, что русские войска высаживаются. Агенты наших врагов начали с того, что стали распространять слухи, будто они взбунтовались в Каспийском море, что при этом много офицеров убито и много оружия побросано за борт. Одними палками, говорили они, вы будете в состоянии прогнать их с персидской земли. Персы же метались и утверждали, что это вранье, что русские идут огромной армией: в 150.000 человек!...

Скоро нам стало известно, что наши враги, в связи с фактом присылки русских войск, остановились на новом плане действий. Они решили применить открытый дипломатический нажим на персидское правительство и на самого Шаха. Германский и австрийский посланники и турецкий посол стали всемерно убеждать Шаха и его правительство, что самовольное присутствие русских войск на территории Персии само по себе уже является грубым нарушением ее нейтралитета, несовместимым с достоинством страны и честью ее монарха. Кроме того, они несомненно в скором будущем займут Тегеран, и Шах окажется в русском плену, чего, очевидно, допустить нельзя. Ответ

на русское вторжение, достойный страны, лишь один: Персия должна, не теряя времени, присоединиться к их державам, объявив России войну. Шах и правительство должны заблаговременно покинуть Тегеран, перенеся столицу на юг страны, пока недоступной русским войскам. В печати появилось несколько зажигательных статей в этом смысле.

Со своей стороны, наша и союзные миссии, естественно, тоже были в эти дни в постоянном общении с шахским правительством. Наш посланник неоднократно уверял его, что ввод русских войск в Тегеран не имеется в виду, что войска эти находятся в Персии с единственной целью помочь Его Величеству Шаху осуществить свою политику нейтралитета. Родственники Шаха, принцы Каджарской династии, были все на нашей стороне и советовали ему не соглашаться на опрометчивые решения, подсказываемые нашими врагами.

Было ясно, что они расчитывали на двойной успех своей политики — во-первых, объявление нам Персией войны, а во-вторых, ослабление более важных для России военных фронтов из-за необходимости формировать особый экспедиционный корпус.

Однако, Шах и его министры не поддавались так легко настойчивым предсказаниям и устрашениям наших врагов. Стать открыто против России и Англии им представлялось делом непривычным и уж очень рискованным, а бегство из своей столицы навстречу неизвестным приключениям, в объятиях новых германских и турецких друзей, казалось Шаху мало привлекательным и опасным. К тому же правительство от властей Гилянской провинции получало повторные сведения о безупречном, весьма дисциплинированном и вполне дружественном поведении русских войск, которые за все платили персидскими деньгами и против которых со стороны населения никаких жалоб не высказывалось. В печати тоже заговорили примирительным тоном. При таких условиях немцы заторопились и решили ускорить развязку создавшагося положения, а наши персидские и армянские друзья из самых различных слоев населения осведомляли нас постоянно и добросовестно о планах и действиях наших врагов.

К этому времени наша миссия уже переехала на зиму на свое новое место в обширный парк Атабек Азама, где посланник поселился в богатом дворце персидского стиля, а я в отдельном павильоне с прекрасными старинными изразцами, с колоннами вокруг фонтана. Передовые части экспедиционного корпуса и сам ген. Баратов уже прибыли в Казвин. Он уже успел побывать в Тегеране у посланника, на которого он тоже произвел самое благоприятное впечатление. По ходу продолжительной беседы, на которой присутствовал и я, между ними быстро создались доверчиво-дружеские отношения, необходимые для успеха нашего общего русского дела. Генерал Баратов остался к обеду, и мы смогли его еще подробно осведомить о последних новостях и переменах в тегеранской обстановке.

Появление русских войск в близком Казвине вселило в наших врагов великий страх за себя и за имущество и архивы миссий. Посланники неприятельских стран и турецкий посол решили, пока не поздно, эвакуироваться из Тегерана на юг в сторону Кума и Кашана. Торопясь, они упаковывали ценности, сжигали документы, заколачивали архивы в ящики и вывозили все это через южные ворота города. Это делалось открыто, на глазах у всех, чтобы сеять панику и боязнь среди населения. Нам стало известно, что недавно прибывший новый северо-американский посланник, мр. Колдуэлл, дал нашим врагам формальное обещание обеспечить неприкосновенность их миссий поднятием над ними флага Сев. Шт. Америки, в то время еще нейтральной державы. Все это нам было передано в точности, да и сам мр. Колдуэлл из своего обещания не делал секрета.

Однако, решившись на бегство из Тегерана, наши враги отнюдь не отказались от своего основного плана побудить Шаха покинуть столицу вместе с ними, при одновременном объявлении нам войны. Они считали, что для этого им лишь надо будет создать такие условия, при которых Шаху нельзя будет дальше оставаться в своей столице. Все лишь в умелой организации дела. Они решились на следующю программу : учинить беспорядки в городе и этим вызвать посылку русских войск в Тегеран. До появления их в столице победить последние колебания молодого Шаха, уговорив его, ввиду предстоящей военной оккупации, покинуть Тегеран вместе с ними в южном направлении. Персидское правительство последует его примеру. Одновременно германский и турецкий драгоманы готовили текст объявления нам "священной войны", которую шахское правительство должно было провозгласить по оставлении Шахом Тегерана. Этот черновик у меня впоследствии был в руках.

О расписании действий наших врагов мы были осведомлены во всех подробностях. Мы узнали, что неприятельские посланники, принц Рейсс и граф Логотетти, а также мой друг, турецкий посол Асим Бей решили для большей безопасности, уже одним днем раньше, выбраться из Тегерана, а Шаха у городских ворот должны были встретить германский и турецкий военные агенты и дальше его провожать уже под их призором.

Несколько последующих дней мы провели в приподнятом настроении и в напряженном ожидании предстоящих событий. Они наступили и развернулись с быстрой последовательностью. Нашим врагам удалось вызвать панику на базарах и среди населения. Опять лопались бомбы в разных местах города, не причинив никому вреда. По ночам были слышны выстрелы. Посланник нашел, что настал момент решительных действий с нашей стороны; он остановился на следующем плане в соответствии с известными нам намерениями

врагов: начать с движения отряда войск из Казвина в сторону Тегерана. Это немедленно же побудит неприятельских посланников и турецкого посла покинуть столицу, а посланника Северо-Американских Соединенных Штатов поднять американский флаг над их представительствами, что, в свою очередь, означало бы для всех, что дипломатические представители центральных держав вместе с турецким послом оставили Тегеран надолго. Дальнейшее должно будет осуществиться незамедлительно, но уже без них и вне их влияния, личным дружеским совместным воздействием на Шаха русского и великобританского посланников, с целью убедить его не покидать своей столицы. Этот план действий был одобрен английским и французским посланниками.

13-го ноября вечером посланник снесся с генералом Баратовым, который обещал двинуть на Тегеран отряд войск для охраны нашей и союзных миссий, что, очевидно, сейчас же стало известным в Тегеране. На следующий день мы узнали, что посланники неприятельских держав с большой поспешностью покинули город, а из шахского дворца поступали сведения, что вся семья Шаха осаждает его просьбами, и даже со слезами на глазах, чтобы он не оставлял столицу. То же самое ему советовала и часть министров. С другой стороны, шведы столичной полиции торопили Шаха к отъезду, рисуя ему картину его пленения русскими казаками. В эти часы наши драгоманы были неотлучно у телефона, а сэр Чарльс Марлинг находился постоянно в нашей миссии.

Так наступило 15 ноября. Мы все с величайшим нетерпением ждали по телефону, или с нарочным, известия о появлении американского флага над вражескими представительствами. А на дворе миссии был все время наготове экипаж с конвоем казаков, дабы по получении этого известия сейчас же отвезти посланников в шахский дворец. И вот, наконец, около 11 часов утра, пришли желанные вести : американский флаг над германской и австро-венгерской миссиями и над турецким посольством !

Не теряя ни минуты времени, Н. С. фон Эттер и сэр Чарльс Марлинг помчались к шахскому дворцу, причем конвойным казакам пришлось весьма энергично раздвигать толпу, собравшуюся у ворот дворца, видимо, ожидавшую Шаха.

Посланники прибыли во-время. Они увидели, как взволнованный Шах, в дорожном платье, собирался сесть в экипаж, который должен был его увезти из столицы. Его семья и дворцовое окружение прощались с ним с громким плачем, а шведский маіор полиции, с часами в руках, его торопил.

Тут к Шаху подошли русский и английский посланники, и Н. С. фон Эттер обратился к нему от имени обоих. В простых, прямых словах он его уверил, что со стороны России и Англии ему и его державе нечего бояться, но, что если он, послушный коварному наущению наших и его же врагов, покинет свою столицу, связав свою дальнейшую судьбу с ними, он никогда больше не вернется на трон своих предков. С другой стороны, если Его Величество примет мудрое и единственно достойное его решение и спокойно останется в своей столице, — он не увидит в Тегеране теперь и в будущем ни одного русского солдата без его на то согласия и выявленного им пожелания. И этому порука — честное слово Императорского Российского посланника. Эти слова произвели на Шаха сильное впечатление. Он видимо растерялся и попросил посланника повторить им сказанное, что он и сделал. Это дало Шаху время обдумать предложенную ему альтернативу ; по его лицу прошла улыбка облегчения и он сказал : " Я верю вашему слову и остаюсь в Тегеране ". На это все окружение Шаха стало прочувствованно высказывать свою радость и благодарность за принятое им решение, а оба посланника, простившись с ним, после обмена еще дружескими пожеланиями, поспешили к себе домой.

Н. С. фон Эттер немедленно соединился с командиром экспедиционного корпуса в Казвине и сообщил ему все, что в Тегеране только что произошло. Рассказал о нашем большом успехе, прося его остановить движение войск на Тегеран, согласно данного им Шаху, своим посланническим словом, обещания. Генерал Баратов сразу же поняв и оценив положение, распорядился, чтобы двинутый отряд остановился в пути, а именно, дойдя до селения Кередж, в 30 километрах от Тегерана, что и было исполнено. Затем посланник известил С. Д. Сазонова о всем случившемся.

Тем временем германский и турецкий военные агенты, в полной парадной форме, ожидали у южных ворот города обещанного прибытия Шаха. Был жаркий день, несмотря на ноябрь месяц, и они провели много часов, стоя на солнцепеке, пока не проехал молодой перс на ослике. Он их увидал и им крикнул :

« Le Shah, il ne vient pas ! »

Так кончился черный для наших врагов день 2 (15) *ноября 1915 года*.

Нам этот день дал полную победу, но серьезные затруднения, оказалось были еще впереди. Вернувшись в миссию, посланник сейчас же послал Великому Князю в Тифлис срочную телеграмму, извещая его о полном нашем дипломатическом успехе, а также о данном им обещании касательно наших войск, чем столь благоприятное решение Шаха и было обусловлено. На это мы расшифровали следующий ответ Наместника : " Ордр, контр-ордр фе дезордр. Войска раз двинутые должны дойти до их назначения. Николай ".

Это, естественно, повергло посланника в отчаяние. Он был связан своим честным словом, данным Шаху в присутствии представителя Великобритании и многолюдной толпы. Ему лишь оставалось подать в отставку. В это время мы находились в английской миссии и обсуждали созданное телеграммой Наместника положение. Я советовал посланнику послать Великому Князю еще одну телеграмму с подробным указа-

нием на всю важность и окончательность нашего успеха, который является максимальным, и что было бы непростительной ошибкой с нашей стороны самим развенчать нашу дипломатическую победу в Персии. Эта телеграмма сообщалась и министру иностранных дел. Составлял ее я, сидя за письменным столом английского посланника. Текст был одобрен и она была отправлена. К нашему большому удовлетворению и радости от Наместника пришел ответ, что он соглашается с доводами посланника, и что войска наши будут остановлены на пути в Тегеран. Генерал Баратов тоже вздохнул облегченно, и отряд наш остался в Кередже на постоянной стоянке. Вскоре он был заменен 3-м Сводным казачьим полком под командой полковника гр. В. В. Адлерберга, хорошо мне знакомого. Впоследствии, когда, по желанию Шаха, наши офицеры и нижние чины уже свободно бывали в столице, Шах охотно слушал наших полковых песенников или с большим интересом рассматривал русские броневики. Казачий полк в Кередже остался как бы нашим тегеранским полком.

В эти дни ожидалось прибытие Кавказской кавалерийской дивизии, и я поспешил навстречу ей в Казвин, где остановился у ген. Баратова. Мне предстояла радость увидеть по прошествии 12-ти лет моего бывшего начальника учебной команды, теперь уже полковника и георгиевского кавалера, князя Н. М. Чавчавадзе, князя Нико, как его звали друзья, да и все в полку. Вместе с ним прибыли Нижегородского полка подполковники князь Д. З. Чавчавадзе и князь Н. С. Трубецкой. Они опередили свои полки и примчались, чтобы доложить командиру экспедиционного корпуса, что Кавказская кавалерийская дивизия благополучно высадилась в Энзели и теперь следует в Казвин. Увиделся я также после многих лет с полковником генерального штаба Н. Ф. Эрном, теперь начальником штаба ген. Баратова, и мы все провели вечер в оживленной беседе, вспоминая общих друзей и воскрешая в памяти дорогие мне полковые воспоминания.

События 15 ноября произвели в Тегеране и во всей стране, куда доносились слухи, сильнейшее впечатление. Нашим врагам в Персии был нанесен сокрушительный удар. Принц Рейсс и гр. Логотетти добрались до Исфагана, куда прибыли также и военные агенты и прочие руководители вражьего лагеря. Они теперь совещались о том, что им надлежало предпринять при столь резко изменившейся обстановке. Выяснилось, что турецкий посол Асим Бей остался в Тегеране в своем посольстве, отказавшись в последнюю минуту от бегства из столицы. Над посольством опять появился турецкий флаг.

Вскоре Шах пожелал оформить положение наших войск в Персии. Он дал генералу Баратову совместно с посланником весьма милостивую аудиенцию. Затем он изъявил пожелание увидеть наши броневики, которые ему и были продемонстрированы в Тегеране. Он их рассматривал с большим интересом. За сим последовало его разрешение всем русским военным чинам бывать в столице, что освободило посланника от данного им Шаху честного слова. Шах с явным удовольствием слушал полковых песенников, и он понимал слова песен. И вот я в Тегеране опять услышал старые песни Тверского полка :

" То не ворон, что крылатый, чует солнечный восход,Царя Белого драгуны собираются в поход ", или " Под зеленою горою турок голову склонил, турок голову склонил — драгун шашкой отрубил... " и многие другие.

Разъезды наши теперь уже охраняли и южные подступы к Тегерану, чем исключалась возможность неприятельским посланникам вернуться в столицу.

До нас в это время начали доходить с юга страны повторные сведения, что враги наши, по обсуждении создавшагося для них проигрышного положения, опять остановились на предпочтительности наступательной тактики. А именно : собрать возможно большую вооруженную силу, быстро сосредоточить ее в южном, юго-восточном, либо юго-западном направлении от Тегерана и внезапным рейдом всей этой силы ворваться в столицу, захватить Шаха и союзных дипломатов и увести их с собой на юг, причем, пленных дипломатов затем отправить в Турцию, как нам сообщили, в Басру.

Это было весьма правдоподобным и ставило перед нами задачу во-время найти, разбить и окончательно сокрушить организованную силу врагов. Для этого необходимо было узнать в точности место, где она будет собрана для вторжения в Тегеран. Русскому отряду, двинутому к месту сосредоточения вражьей силы, по всей вероятности, пришлось бы пройти из Казвина, обходя Тегеран, не менее двухсот километров по очень скверным дорогам, а местами и по бездорожью. Нас осведомляли из самых различных источников, и в степени достоверности этих сведений нам трудно было разобраться. К тому же мы знали, что наши враги приложат все старание, дабы вовлечь нас в роковую ошибку, а именно, что наши войска будут направлены впустую, не к тому месту, где немцы сосредоточили свои полчища, после чего им беспрепятственно удалось бы совершить вторжение в Тегеран. Промах мог получиться в размере нескольких сот километров. Мы, конечно, были в постоянной связи с ген. Баратовым и денно и нощно проверяли и обсуждали поступающие сведения. Так проходили дни, когда в начале декабря посланник получил извещение от одного из дядей Шаха, весьма дружественного к нам, выдающегося по уму и качествам характера, принца Ферма Ферма, что у него есть для нас весьма спешное и конфиденциальное сообщение. Я сейчас же в сопровождении первого драгомана отправился в его дом. Нас с заметными предосторожностями провели в особенный павильон в глубине сада за домом. Там мы нашли дородную фигуру старого принца на полу, склонившуюся над обширной картой Персии, на которой горо-

да и все прочее отмечены были персидским шрифтом. Он поднял на нас глаза и затем пальцем указал место на карте. " Здесь они соберутся в самом близком будущем ", сказал он убежденным тоном. Драгоман наш прочел название маленького селения Рабат Керим, приблизительно в 50-ти километрах от Тегерана в юго-западном направлении. Мы спросили принца Ферма Ферма, действительно ли он не сомневается, что именно здесь соберется неприятельский отряд. На это принц поклялся кораном в точности этих сведений, упомянув о своей всегдашней хорошо нам известной дружбе к Российской империи и о том убедительном соображении, что почти все земли его семьи находятся в северной Персии. Он отлично понимал, сколь многое в данном случае зависело от точности его осведомления. У меня, за мое пребывание в Персии, с этим уже пожилым, умным и образованным каджарским принцем, а также с его сыном, принцем Фируз, сложились дружеския отношения и я не сомневался в достоверности его осведомления.

Поблагодарив принца от имени посланника, мы поспешили домой с отчетом о нашем посещении Ферма Ферма. Обсудив столь важные для нас сведения, посланник их тут же передал по телефону ген. Баратову, указав на исключительную надежность источника. Командир экспедиционного корпуса решил действовать быстро, дабы, при удаче, застать наших врагов врасплох. Он отправил два казачьих полка при трех орудиях к Рабат Кериму, с рассчетом, чтобы они последним ночным переходом подошли к расположению врагов и, чуть свет, его стремительно атаковали.

Это было исполнено с полным успехом. Сведения принца Ферма Ферма оказались точными и наш отряд, 9-го декабря, на рассвете увидел под Рабат Керимом лагерь и все сборище врагов. Их было там собрано свыше пяти тысяч под командою немецких и некоторых персидских, из жандармерии, офицеров. Эта масса состояла из немцев, турок, курдов, австро-венгерских бежавших военнопленных, некоторых распропагандированных жандармских элементов, разбойничьих банд и персидского сброда. Они видимо чувствовали себя в безопасности и отнюдь не ожидали появления наших войск. Наши пушки сейчас же открыли по ним меткий огонь, причинив им значительные потери, после чего казаки понеслись на врага лавой, разгромили весь его стан и изрубили очень многих. Уцелевшие разбежались.

В Тегеране в это утро до нас доносился ветром едва слышный звук далеких орудийных выстрелов, а после полудня стали прибывать многочисленные беглецы из-под Рабат Керима и много раненых с перевязками и без оных. Их было много на улицах и на базарах ; они с ужасом рассказывали, как их внезапно разбили и уничтожили русские войска и в своей беде винили немцев и турок.

С этого памятного дня Тегерану больше не угрожала опасность вторжения наших врагов. Мы успешно предупредили их попытку действовать силой. Их военные агенты и прочие руководители спаслись в южном направлении. Дело под Рабат Керимом окончательно похоронило их надежды вовлечь Персию в войну. Русская " победа " стала сразу повсюду в стране известна ; южные племена, да и курды вдоль турецкой границы, очень скоро повернулись против наших врагов и даже стали истреблять их, когда им пришлось в расброску мытарствовать и спасаться в турецкую сторону. Они спешно выбрались из Исфагана, куда ген. Баратов отправил казачий полк на стоянку. Его трубачи играли наш и английский гимны, когда были опять подняты флаги над обоими консульствами, покинутыми после убийства русского и ранения английского консулов, когда город был во власти распропагандированных банд и черни.

Шах не скрывал своего удовольствия, что он остался в столице и выражал свое возмущенное недоумение, как так наши враги посмели его обманывать ложными и коварными представлениями, стараясь вовлечь его в опасные и недостойные скитания и приключения. Такое отношение Шаха к событиям 2 (15) ноября нашло свое отражение и в печати, а наши друзья это усердно распространяли по базарам. В общем, для нас создалась благоприятная атмосфера. Командира экспедиционного корпуса и его офицеров чествовали в союзных миссиях и при Дворе, а Шах их наградил орденами.

Из глав неприятельских представительств один лишь турецкий посол остался в столице, и быть может он тяготился этим одиночеством. Он стал часто выезжать на охоту в окрестности Тегерана. В один прекрасный день он настолько приблизился к расположению нашего казачьего полка в Кередже, что был арестован его охранными постами. Асим Бей заявил, что он посол Турции, громко протестовал против пленения и требовал своего немедленного освобождения, в чем ему было отказано. С нашей стороны было решено, что командир полка в Кередже иначе поступить не мог и что турецкий посол в случившемся был виноват сам, ибо не мог не предвидеть опасности его столь неосторожного поступка. Посланник запросил министерство, как ему следует поступить в дальнейшем и откомандировал в Кередж второго секретаря миссии барона К. К. Таубе для расследования всех подробностей ареста посла. Вместе с командиром полка они окружили пленника всеми, по местным условиям возможными, удобствами в смысле помещения и стола.

Наше министерство иностранных дел нашло пленение проникшего в расположение русских войск неприятельского посла, правильным и приказало его препроводить в С. Петербург под надежной охраной для дальнейшей его отправки на границу Швеции. Так и поступили, причем популярному и симпатичному посланнику в Тегеране нейтральной Испании, г-ну Ромеро Дюсмет, было разрешено отвезти Асим Бея в своем

автомобиле с испанским флагом к порту Энзели. Так кончился этот дипломатический инцидент.

Очень скоро, уже по приходе наших войск, в разных местах северной Персии имели место неприятные недоразумения между местными российскими консулами и командирами отдельных русских воинских частей на почве местничества и личного престижа. С обоих сторон при этом высказывалась крайняя обидчивость. Обыкновенно в таких случаях я бывал уполномачиваем, как посланником, так и командиром экспедиционного корпуса, разбираться по существу в этих происшествиях и, по возможности, мирить обиженных. Это было для меня мало привлекательным делом, и мне приходилось колесить по персидской земле во всякую погоду.

IV

В начале 1916 года обозначились военные действия англичан против турок в Месопотамии в долине Евфрата. В связи с этим главные силы нашего экспедиционного корпуса были стянуты к Хамадану, в районе границы с Турцией. Там же находился и генерал Баратов со своим штабом. Имелась в виду возможность в будущем соединиться с английскими войсками в Мосул-Багдадском направлении. Одному нашему разъезду впоследствии действительно удалось добраться до английских передовых частей. Кавказской кавалерийской дивизией теперь командовал генерал князь С. Э. Белосельский-Белозерский, мой хороший знакомый по Петербургу.

Выяснилось, что турецкие пехотные части приблизились к персидской границе около Керманшаха с вероятной целью занять этот стратегический пункт.

В эти дни на мою долю выпало деликатное поручение мирить нашего консула в Хамадане, барона Черкасова, с казачьим полковником. Между ними, как это случалось и в других местах, произошло острое столкновение. Оба серьезно обиделись и ген. Баратов просил посланника прислать меня в Хамадан, чтобы их помирить. Он меня, шутя, называл " начальником штаба посланника ". Расстояние между Тегераном и Хамаданом было около 400 километров, и мне был предоставлен военный открытый автомобиль.

После Казвина дорога подымалась в гору. На перевале вся местность была занесена глубоким снегом. Для надобностей наших войск дорога была расчищена местным населением ; проходила она между высокими стенами снежных масс. Стоял сильный ночной мороз, а полная луна белым светом озаряла величественные горные пейзажи. Я был околдован этим видом, хотя прозяб до костей. Во время ночного проезда между снежными стенами мой шофер, пластун, стал удачно охотиться на зайцев. Их, видимо, здесь было очень много. Ослепленные фонарями автомобиля, они не могли выбраться из снежных теснин ; метаясь то туда, то сюда, бедняги попадали под передние колеса машины. Так нами было подобрано десять зайцев. Я их привез ген. Баратову в подарок. Наконец мы добрались до Хамадана, лежащего в живописной местности в горах. У ворот города, древней столицы мидян, нас ожидали лошади, и я после многих лет опять сел на рыжего коня Тверского полка. По обледенелым, скользким старым камням крутых узких улиц я доехал до дома, в котором устроился генерал Баратов. Рядом с его комнатой была телеграфная и телефонная службы. Тут же постоянно находился дежурный офицер. Для меня ген. Баратов велел поставить походную кровать в свою комнату. Он меня встретил с открытыми объятиями, как старого друга и напоил горячим чаем, после чего я быстро согрелся. Потом мы заговорили о цели моего приезда. Ген. Баратов мне только мог сказать : " Мирите их ". Это была обычная история местничества. И полковник и консул одинаково считали что они являются представителями Государя Императора в Персии и сугубо обижались, когда им казалось, что им не был оказан подобающий почет. Консула наши считали, что войска находятся в Персии, в дружеской нейтральной стране, вроде гостей, а что они, консула, здесь занимают официальное привилегированное и, в глазах персов, весьма почетное положение. Со своей стороны — командиры полков находили, что военные имеют преимущественное положение над гражданскими.

Я решил сперва отправиться к консулу барону Черкасову и с ним переговорить, а генерала Баратова я просил устроить мне свидание с казачьим полковником, фамилия которого у меня теперь уже выпала из памяти. Я уже не помню, в чем заключалась обида, но это было, как я и предполагал, опять случай невоздержанных слов на почве местничества. Полагаю, что это так везде бывает, где военные должны хозяйничать в чужой стране при мирной обстановке.

Выслушав с примерным терпением все объяснения обиженного консула, я ему сказал, что совершил длинное и утомительное путешествие по поручению Императорского Посланника, который вполне понимает горечь ощущений, связанных с мнимым уроном личного или служебного престижа. Но мы все одинаково являемся перьями в широких крыльях Русского Орла и служение общему нам всем русскому делу в Персии должно руководить нашими помыслами и действиями. Между российскими военными и гражданскими чинами не должно быть места служебной обиде. Престиж для всех один — престиж России русского дела. Посланник уверен, что эти соображения разделяются консулом в Хамадане и что он сочтет для себя возможным помириться с казачьим полковником, которого я еще не видел, но который, я убежден, не мог иметь предвзятого намерения его обидеть. Я надеюсь, что полковник не откажется это ему в моем присутствии засвидетельствовать.

От консула я отправился к казачьему полковнику, командиру полка, которого ген. Баратов предупредил

о моем посещении согласно его просьбе и по поручению посланника. Выслушав терпеливо и его историю обиды, при которой он считал, что поступил правильно и справедливо по долгу службы я и ему высказал все доводы и рассуждения моей недавней беседы с консулом. Я сказал, что ни посланник, ни генерал Баратов не допускают мысли, что он, полковник, командир русского полка, хотел обидеть российского консула. От него не ожидают извинения, а лишь определенного в моем присутствии заявления консулу, что помыслы об обиде ему были чужды. После этого, я надеюсь, они подадут друг другу руку и охотно предадут все дело забвению.

Так и случилось к удовлетворению и удовольствию всех. В тот же день они в моем присутствии помирились, в свидетельство чего поцеловали крест. Потом они дружески обнялись. Этот мир был отпразднован обильным веселым ужином с речами и песенниками.

Позднее в этот же вечер, ген. Баратов получил сведение, что турецкий отряд, перешедший персидскую границу, занял город Керманшах, имевший значительное стратегическое значение. Генерал князь Белосельский-Белозерский с двумя полками дивизии уже был направлен на пути к Керманшаху. Мост был нами взят после короткой перестрелки с турками. Здесь, если мне не изменяет память, был убит корнет Северского полка князь Абашидзе. После этого ген. Баратов приказал князю Белосельскому-Белозерскому занять Керманшах.

На следующее утро стало еще холоднее при ледяном режущем ветре. Несмотря на неблагоприятные условия погоды, Керманшах был занят нашими войсками с боя с весьма незначительными потерями. Во время этого дела генерал Белосельский жестоко отморозил нос и уши. В Керманшахе было взято в плен несколько сот турецких солдат резервных полков, довольно много всякого оружия, в том числе десяток устарелых пушек. Послав Наместнику в Тифлис реляцию об этом первом и успешном столкновении в Персии с турецкими регулярными войсками, ген. Баратов решил вернуться в Казвин, и мы вместе совершили обратный путь из Хамадана. На перевале дорога оказалась занесенной снежной бурей. Нам пришлось оставить машину и несколько километров прогуляться пешком по сугробам, пока мы не встретили высланный нам навстречу из Казвина автомобиль.

Теперь в миссию стали прибывать во все большем количестве захваченные на разных телеграфных станциях южной и юго-западной Персии тексты шифрованных телеграмм, отправленных немецкими агентами в течение последних месяцев. Видимо их часто отправляли при крайней спешке, впопыхах. В таких случаях они были лишь частично зашифрованы, чего никогда не следует делать, желая сохранить секрет шифра. Зная немецкий язык в совершенстве и сопоставляя даты отправления телеграмм с важными событиями, имевшими место, мне не трудно было восстановить весь точный текст телеграмм, разгадав и установив все буквы германского шифра. Он не оказался особенно сложным. Таким образом мы получили из авторитетнейших германских источников всю картину неприятельских планов и действий в Персии и увидели, что мы все время правильно осведомляемы нашими друзьями.

В марте месяце я узнал о предстоящем моем назначении первым секретарем посольства в Лондоне, что означало скорое мое отбытие из Тегерана. Я складывал свои вещи и прощался со всеми персидскими и союзными друзьями. Шах меня принял в прощальной аудиенции и много расспрашивал об условиях жизни в разных европейских столицах, которые он после войны собирался посетить. Он сказал, что он вполне осведомлен о моем деятельном участии при решении посылки в Персию дружеских русских войск. В память о себе и о Персии он мне пожаловал особую большую звезду ордена Льва и Солнца, окруженную крупными алмазами — "за спасение его родины", как он выразился.

Меня чествовали обедами английский, французский бельгийский и испанский посланники, а также командующий Шахской казачьей бригады полковник Прозоркевич со своими офицерами.

13 апреля состоялся мой прощальный обед у посланника, в кругу всех членов миссии с их женами. На этот обед приехал и ген. Баратов из Казвина. Я выслушивал дружеские приветственные речи и добрые пожелания, которые меня глубоко тронули.

14 апреля 1916 г. утром я простился в последний раз с посланником и с ближайшими моими сотрудниками по миссии. Мы сердечно обнялись. Трубачи казачьей бригады заиграли наш гимн, и я, стоя в автомобиле, выехал из ворот миссии, сердечно сожалея, что пришлось расстаться со многими людьми, которые мне стали дорогими и с которыми, я знал, меня будут связывать незабываемые воспоминания. Но жизнь, захватывающая жизнь годов молодости, шла дальше, и я с нетерпеливым волнением размышлял о предстоящем, столь интересном в военное время, путешествии через Швецию и Норвегию в Англию к новому моему месту служения. Захватывала меня мысль, что скоро я буду опять в России и в С. Петербурге, и радовало сознание, что положению в Персии не грозит больше опасность со стороны наших врагов.

Проездом я мог убедиться, что весь юг России был под впечатлением успехов Брусиловского наступления, ощущалось приподнятое настроение.

Прибыв в Петроград, как в то время уже называли С. Петербург, я по старой памяти остановился в гостинице "Франция" на Большой Морской. На следующее утро я явился по начальству к министру иностранных дел. С. Д. Сазонов меня принял со словами: "У вас государственные заслуги". Тут я всерьез сконфузился этим его неожиданным для меня приветствием но я должен признаться, что слова его

меня наполнили благодарной радостью. Расспросив меня о настоящем положении дел в Персии и о серьезности возможного в будущем турецкого наступления со стороны Месопотамии, как последствия непредвиденной сдачи туркам английского генерала Тоунсэнда, С. Д. Сазонов мне сообщил, что в моем назначении в Лондон произошла некоторая заминка и что он, в виду сего, мне теперь предлагает выбор между тремя решениями. А именно, либо ожидать вероятно скорого освобождения лондонского поста, считаясь в отпуску, либо, занимаясь в любом департаменте министерства иностранных дел, временно остаться в Петрограде, либо, тоже временно, принять должность первого секретаря миссии в Гааге, пока не освободится предназначенный для меня пост при лондонском посольстве с тем, чтобы, когда наступит этот момент, уже автоматически перекочевать из Гааги в Лондон. Он меня просил это обдумать, а за сим ему дать ответ.

Поблагодарив С. Д. Сазонова за предоставленый мне выбор и обсудив создавшееся положение, я решил принять временное назначение в Гаагу. Действительно, моя Курляндская губерния была занята неприятелем. Моя мать и ближайшие родственники спаслись в соседнюю Лифляндскую. Пробыв две недел у моей матери в г. Юрьеве, я покинул столь любивый мною Петроград. Это произошло в середине июня 1916 года и в этот день, не зная того, я покинул на долго дорогую родную русскую землю.

Мой путь шел через Финляндию, Швецию, Норвегию до Бергена. Оттуда морем в Ньюкастль и дальше в Лондон, где я пробыл десять дней и где наш посол гр. Бенкендорф мне сказал, что он ожидает моего возвращения в Лондон из Гааги, когда пост первого секретаря, занимаемый моим другом Е. В. Саблиным, освободится, что, вероятно, произойдет в недалеком будущем.

В Гаагу я прибыл 13 июля 1916 г. вечером. Там я застал нашим посланником А. Н. Свечина, с которым я, не мало лет тому назад, встретился в Константинополе, где он был советником посольства. Вторым секретарем был П. К. Пустошкин с которым в будущем меня связали крепкие узы долголетней, искренней дружбы, на основании вместе пережитых тяжких событий русской революции. В миссии меня ожидало письмо из министерства иностранных дел, при котором С. Д. Сазонов при лестных выражениях препроводил мне копию письма генерала Баратова, в котором он от лица высшего командования русскими войсками в Персии выражал посланнику в Тегеране сожаление о моем отбытии на новый пост. Он пожелал мне доброго здравия и дальнейших служебных успехов и свидетельствовал посланнику, что мое имя и полезное сотрудничество навсегда будут связаны с историей формирования, посылки в Персию и действиями экспедиционного корпуса. Н. С. Эттер не преминул переслать это письмо ген. Баратова министру иностранных дел при официальной переписке, оставив себе копию. Должен сказать, что это свидетельство командира экспедиционного корпуса мне доставило чувство искреннего удовлетворения, и я бережно сохранил этот документ.

Лейб-Компанцы

Владимир фон Рихтер

В " записках " князя Я. П. Шаховского, ценнейшем документе нашей истории XVIII в., картинно повествуется эпопея возведения на престол Цесаревны Елисаветы Петровны ; этот " переворот был делом солдат, без участия офицеров ". Через несколько дней эти солдаты стали Лейб-Компанцами... Была темная морозная ночь ; улицы Петербурга были заполнены народом ; вокруг дворца стояли полки гвардии под ружьем. Придворная знать протискивалась пешком к Зимнему дворцу, куда, на простой линейке, окруженной гренадерами, медленно продвигалась Цесаревна. Состоялась присяга. Следующие два дня те же гренадеры безвыходно занимали дворец с заряженными ружьями. Указом 31-го декабря 1741 г. штаб и обер-офицерам полков лейб-гвардии, Ингерманландского и Астраханского было выдано, не в зачет, треть годового жалования, солдатам этих же полков роздано 42.000 рублей. Гренадерская рота лейб-гвардии Преображенского полка стала личной охраной Императрицы под названием " Лейб-Компании ", капитаном коей назначила себя Императрица ; принц Гессен-Гомбургский назначен капитан-поручиком, с чином " полного генерала ", гр. А. Разумовский и гр. М. И. Воронцов поручиками с чином генерал-лейтенанта, гр. П. И. Шувалов — тоже поручиком, и какой-то П. Ф. Гринштейн назначен прапорщиком с чином полковника... Вскоре он стал адъютантом Лейб-Компании с чином бригадира. Сержанты пользовались рангом полковника, капралы — капитана. А рядовые те гренадеры стали потомственными дворянами ; Герольдия должна была вписать их в дворянские книги и сочинить гербы с мотто : " За верность и ревность ". Не многие гренадеры дворяне присоединили новые гербы к своим старым. Все пропорционально чину получили землю в имениях " разжалованных " в свое время гр. Головкина и кн. Меншикова; автор заключает: "Солдаты чувствовали свою силу, понимали, что в их руках корона Империи, что они — " все " ; в Зимнем дворце они окружили государственного канцлера и стали " просить " денег ; подошедший офицер сказал, что они, вероятно, не знают, с каким знатным лицом говорят ? Солдаты ответили :

" Теперь нет лиц знатнее нас, а другие знатны до тех пор, пока мы этого хотим "...

Дипломат Пецольд сообщал своему министру Брюлю: " Гвардия, и особенно гренадеры, доходят до крайности; под предлогом вступления на престол Цесаревны Елисаветы они ходят по домам с поздравлением и требуют денег; им не отказывают... "

В наше время существовало мнение, что гвардия XVIII века комплектовалась дворянством, и не только ее офицеры, но и солдаты; следовательно и гренадеры, ставшие Лейб-Компанцами, были дворянами? В первом томе " Сборника биографий кавалергардов ", напечатанном в Петербурге в 1901 г., под редакцией С. Панчулидзева, показаны биографии 109 Лейб-Компанцев; некоторые из этих жизнеописаний весьма подробны. На основании этих данных легко придти к некоторым любопытным заключениям.

Прежде всего надо остановиться на определении сословного состава тех 109 Лейб-Компанцев, которые вошли в " биографии ", собранные Панчулидзевым. Оказывается, что потомственных дворян среди них было только 33 процента, а крестьян, казаков, солдатских сыновей и посадских около 41 процента; остальные 26 процентов состояли из лиц купеческого и духовного сословий и из однодворцев. Следовательно Лейб-Компания — в некотором роде " сливки " гвардии — " дворянской " частью не была. Если грамотными можно считать тех из дворян, кои могли только подписывать свои фамилии, эта треть Лейб-Компании почти вся была " грамотной ". Каково было материальное положение этих дворян? До 15 душ имели 18 человек, от 16 до 30 душ — 2 человека, от 31 души и больше — 9 человек (минимумом владения была 1 душа, максимумом — 136 душ), остальные дворяне никакими душами не обладали. Эти цифры доказывают, что огромное большинство дворян Лейб-Компанцев принадлежало к числу самых бедных. Каков был их моральный облик? Как было указано выше, современники не раз отмечали разного рода "безчинства" большинства Лейб-Компанцев; не менее одной трети дворян оказалась и под судом, а двое были закоренелыми преступниками... Каков был возраст Лейб-Компанцев? 60 процентов имели от 26 до 40 лет, 29 процентов — до 25 лет, 2 — от 41 до 61 года. Только четвертая часть Лейб-Компанцев побывала в боях и походах до вступления в эту часть. Наиболее характерна ниже приводимая биография самого старого из них, но и самого боевого.

Лейб-Компанец гренадер Гаврила Мартынович Наумов, из крестьян Курского уезда, родился в 1680 году в вотчине " соборных попов ". Начал службу 27 лет в Тверском полку. В 1709 г. был в Полтавской, в 1711-12 г. г. на турецкой баталиях; в 1712 г. переведен солдатом в Бутырский пехотный полк, с которым проделал кампании и Померании, под Штетином, в Польше, и Курляндии, под Ригой, Ревелем и Выборгом, а потом и под Копенгагеном; в Преображенский полк переведен гренадером в 1728 г. и участвовал и войне с Турцией 1737-39 г. г. Со своей гренадерской ротой возвел на престол Цесаревну Елисавету Петровну, за что был назначен в Лейб-Компанию и пожалован 29 душами в Пошехонском уезде; ушел в отставку в 1758 году (т. е. 78 лет от роду!), но жил еще в 1764 году. Он был женат и неграмотен. (Лефортовск. Архив и Моск. Арх. М-ва — на Юстиции).

**
*

Как известно, переворот в пользу Цесаревны Елисаветы Петровны подготовлялся давно; главную в нем роль играли вопросы внешней политики, проводимые в жизнь иностранцами Шетарди, Лестоком и др. при содействии крупных иноземных капиталов. Но сама Царевна Елисавета проявила большую деятельность, настойчивость, мужество и проницательность в достижении намеченной цели; она запаслась симпатией широких кругов петербургского населения и гарнизона; так, она часто выступала в роли крестной у детей преображенцев и т. д. Если же мы вникним в рассказы солдат, участников переворота (как, например, в нижеиапечатанной биографии), то неминуемо приходим к заключению, что приемы вербовочной пропаганды в солдатских кругах были чрезвычайно примитивны.

Лейб-компанец гренадер Степан Яковлевич Карцов, из офицерских детей, родился в Москве и начал службу в гвардии в 1718 году. При возведении на престол Цесаревны Елисаветы Петровны, он был музыкантом-гобоистом Семеновского полка. В Лефортовском Архиве сохранился рассказ Карцова об его участии в перевороте. " В десятом часу утра 24 ноября 1741 г. в караульню Зимнего дворца пришел преображенский гренадер Петр Сурин и спросил его, Карцова, кто при карауле капитан и офицеры? Он ему назвал капитана Ртищева и прочих обер-офицеров; затем, с глазу на глаз, Сурин обратился к Карцову со следующими словами: желает ли он, как Богу, так и всемилостивейшей Государыне Цесаревне Елисавете Петровне верно служит? Карцов, очевидно, в чем-то усумнился, ибо ответил, что верно служить готов, " но только не с фальшью ли он объявляет " На это Сурин сказал: " В сию нощь будет во дворец Государыня Цесаревна " и наказал, чтобы он " секрет хранил тайно и смотрел, не имеют ли приходить в караульню какие шпионы для присмотру разговоров, и что будут говорить — выслушивать и о том сказывать ". Через часа три в караульню явился другой преображенский гренадер М. О. Попов и тоже начал секретно втягивать в заговор Карцова, но заметивший это Сурин сказал Попову, что Карцов уже завербован... Ночью Цесаревна явилась в караульню в сопровождении преображенских гренадер. Ее встретил Карцов со свечею в руках и на вопрос, кто в карауле капитан, он назвал Ртищева... За " верную и ревностную услугу " Карцов был пожалован в Лейб-Компанцы но уже в следующем, 1742 году, он был обвинен в вымогательстве денег, как участник преступ-

ных действий шайки, возглавляемой сержантом Скворцовым. Сравнительно со своими товарищами Карцов был приговорен к легкому наказанию, а именно : " через целый полк гонять шпицрутен по шести раз " с переводом в гарнизонный полк солдатом. Но, в конце концов, им " вины были отпущены " и они были " переведены в дальние полки с понижением одного чина ". В частности, Карцов, в 1748-49 г.г., служил поручиком в Тенгинском пехотном полку. (Выписка : Лефортов. Архив и Москов. Арх. М-ва Юстиции).

Остановимся теперь на жизнеописании одного из главных деятелей переворота, в руках коего Лейб-Компания фактически начала охранную службу при особе Императрицы Елисаветы. Если бы не ряд исторических документов, создающих истинную картину этой эпопеи, она показалась бы плодом фантазии. Чрезвычайно характерной для Лейб-Компанцев является биография Петра (Юрия) Федоровича Гринштейна, родившагося в 1700 году в Дрездене ; отец его, крещенный еврей, был то ли купцом, то ли военным " лютеранского закона". Жизнеописание Петра Гринштейна, составленное на основании многочисленных документов поручиком кн. А. Долгоруковым, занимает 16 столбцов на 8 листах, поэтому мы вынуждены его значительно, к сожалению, сократить. Мальчиком сиротой Гринштейн был вывезен в Россию иностранцем, состоявшим на русской военной службе. Молодость прожил он в Москве, в Немецкой Слободе, будучи в разных службах. Скопив деньги, он в течение 11 лет вел торговые дела на Ближнем Востоке ; возвращаясь в Россию — он был ограблен около Астрахани в 1732 г. : судебное дело ему не помогло, и в 1739 г. он добровольно поступил в солдаты в Преображенский полк. Заслужив доверие лиц, руководивших возведением на престол Цесаревны Елисаветы, он " трудился в пользу Цесаревны, раздавая гвардейцам деньги и привлекая их на ее сторону ". За особые заслуги во время переворота Гринштейн, не будучи даже " гренадером ", прямо из " солдат " назначается 17 декабря 1741... прапорщиком Лейб-Кампании с чином... полковника... В январе 1742 г. он переходит в православие, в марте — во время коронации Елисаветы Петровны — он, в числе " кавалергардских офицеров ", стоит на часах около трона, в июне — он назначается адъютантом Лейб-Компании с рангом... бригадира. Иначе говоря, он фактически становится начальником этой охраны Императрицы, ибо принц Гессен-Гомбургский, капитан-поручик Лейб-Компании," посвящал время фейерверкам и комендантам". Точно нам неизвестные заслуги Гринштейна во время переворота вероятно были действительно выдающимися, ибо он стал пользоваться "особенным доверием и расположением благодарной ему Императрицы": он женился на дочери придворного лекаря, бракосочетание состоялось "при дворе Ея Величества" и Государыня присутствовала на его свадьбе. В годовщину переворота Гринштейну был пожалован ряд сел в Пензенской губернии, с винокуренными заводами и мельницами, отнятых правительством от сосланного вице-канцлера гр. М. Г. Головкина. Хотя Гринштейн считал там 927 душ, документы вотчинной коллегии показывают 1625 душ " мужеска пола ". Эта милость Императрицы его не удовлетворила, и через месяц он просит Императрицу отдать ему еще два другие села гр. Головкина, находившиеся " посмежности ". Еще на его свадьбу ему было пожаловано серебра и драгоценностей на 20.000 рублей, а кроме того, московский " двор " гр. Головкина — целая усадьба с роскошным домом, оранжереями, прудами... На документах он стал подписываться — " фон Гринштейн "...

" Авантюрист темного происхождения ", пишет биограф, " сделался заносчив, высокомерен и кичлив. При своей " замерзелой запальчивости " Гринштейн сталкивался с людьми, положению которых завидовал. Пользуясь особым доверием Императрицы, не только он, но и его супруга начали Императрицу шантажировать, внушая ей мысль, что ей что-то угрожает, например, со стороны Шетарди ; он сделался злейшим врагом генерал-прокурора кн. Н. Ю. Трубецкого и т. д.

Однако, " управление " Лейб-Компанией доставляло Гринштейну не мало хлопот. Эта " компания " злоупотребляла монаршими милостями и позволяла себе всевозможные бесчинства, а возглавлялась она столь отвратительной личностью, как Гринштейн. И насколько было быстро его возвышение, настолько же стремительно было его падение. Он возмечтал конкурировать в силе с гр. Алексеем Разумовским... Дело заключалось в следующем.

Вслед за Императрицей, предпринявшей путешествие в Киев в конце июня 1744 г., туда же двинулась Лейб-Компания в числе 133 человек, под предводительством " бригадира " Гринштейна. По словам биографа, путешествие " компании " " сопровождалось всякими бесчинствами " : дрались между собою и со встречными, воровали, пьянствовали, и за это Гринштейн приговаривал их к палочной расправе... Однако, при въезде Императрицы в Киев за ее каретой следевал Гринштейн, 6 сержантов и капралов, 40 гренадер Лейб-Компании, все в кавалергардских уборах. 17 сентября Лейб-Компания пустилась в обратный путь, и в Нежине произошло грандиозное побоище между зятем гр. А. Разумовского, бунчуковым товарищем Власом Климовичем, и Гринштейном и сопровождавшими обоих лицами. Не останавливаясь на подробностях этой безобразной сцены, скажем только, что через три дня после нежинского происшествия Гринштейн и прочие драчуны были арестованы и доставлены в Тайную канцелярию для допросов, производившихся самим А. И. Шуваловым и А. И. Ушаковым, причем вспомнили некоторые прошлые грехи нашего " героя ". В марте 1745 г. Императрице было доложено дело Гринштейна ; он подлежал смертной казни... Но " вместо того " — было решено — " послать его и с женою в ссылку... "

16 лет прожили Гринштейны в Великом Устюге, где у них родилась дочь. Доставлен был он туда, как "некоторый арестант в некоторый город" под конвоем унтер-офицера и шести солдат. В 1746 г. последовал указ об "отписке всех пожитков и деревень Гринштейна на Е. И. Величество и о передаче всего имущества в ведение Канцелярии Конфискации", а московский его дом был пожалован в 1748 году камер-юнкеру П. Сиверсу. Но с воцарением Петра III Гринштейны были помилованы, и им вернули даже две деревни в Пензенском уезде. Возвращаясь "домой", Гринштейн умудрился "сильно отнять у сопровождавшого его прапорщика 40 рублей кормовых денег..." Дочь свою он выдал за ротмистра С. Е. Мартынова, она вскоре умерла, а тестя Гринштейн "выслал из дому без всякого награждения и из обещанной части ничего не дал". После смерти жены Гринштейн письменно подтвердил, что "свои имения, по слабости здоровья своего, при жизни отдал тайному советнику А. В. Олсуфьеву". В 1769 г. умер Гринштейн и был погребен в церкви, принадлежавшего ему, села Усть-Вазерки.

Тут же следует упомянуть, что в богатом собрании русской военной старины члена нашего Общества, Е. С. Молло, имеется "парсуна" (ценный медальон с миниатюрой и с дужкой для ношения) Императрицы Елисаветы Петровны, на оборотной, металлической, стороне которой, выгравирован "андреевский" крест, сходный с тем, который впоследствии был употреблен для рисунка нагрудного знака Л.-Гв. Преображенского полка. Интересно отметить, что "парсуна" увенчана не императорской короной, а царской. Имеются основания на предположение, что эта "парсуна" есть тот "Знак Лейб-Компанцев", о существовании которого в нашей литературе были намеки.

В настоящее время предприняты шаги к верному расшифрованию "парсуны", находящейся в собрании Е. С. Молло. Фотография ее послана для экспертизы в один из исторических музеев, занявшийся ныне интенсивным изучением нумизматических памятников императорского периода истории России.

Воспоминания об Императоре Николае II-м

(Из архива Объединения Л.-Гв. Московского полка)

А. Забелин

(Продолжение)

Дня за три до смотра прибыли в С. Петербург команды кадет и здесь же, все собранные вместе, должны были сделать несколько репетиций. Смотр назначен был в Петергофе, где тогда жил Государь, на, так называемом, Кадетском плацу. Репетиции мною были назначены — одна в Петербурге на плацу Первого кадетского корпуса и две в Петергофе, на месте, где назначен был Высочайший смотр.

3 июня (1911 г.), неожиданно для меня, я был вызван к телефону дворцовым комендантом ген. Дедюлиным, который мне сообщил, что только что из Харькова прибыл попечитель Харьковского учебного округа с 175 гимназистами и студентами, упражнения которых желает смотреть Государь, и что попечитель просит моего разрешения представить студентов на Кадетском плацу в Петергофе. Пришлось, конечно, согласиться и приурочить свою репетицию к концу смотра студентов.

На другой день, 4 июня, к трем часам дня, т. е. ко времени Высочайшего смотра гимнастики студентов, я вместе с директорами корпусов отправился в Петергоф, чтобы посмотреть на гимнастику прибывших из Харькова студентов. Когда прибыл на смотр Государь, мы, т. е. я и директора корпусов, стояли в отдалении в стороне. Государь поздоровался со студентами, которые ответили ему по военному и, идя вдоль их строя, заметил нашу группу, подошел к нам, приветствовал и сказал: "Хотите посмотреть на гимнастику?"

Прибывшие на царский смотр молодые люди производили впечатление опытных спортсменов. Гимнастику и упражнения с металлическими дисками и копьями они проделывали изумительно ловко и красиво, обнаруживая сильно развитые мускулы и большую тренировку. Окружив меня, директора кадетских корпусов забеспокоились. Говорили мне, что завтра на нашем смотру кадеты никоим образом не могут не только превзойти, но даже приблизиться к сегодняшним спортсменам специалистам. Я и сам побаивался, но молчал.

В то время, когда смотр подходил к концу, со стороны Императорского вокзала, по дороге к Кадетскому плацу, показалась колонна кадет, прибывших на репетицию завтрашнего смотра. Кадеты, увидя, что смотр студентов еще продолжается, своевременно свернули в боковую аллею. Но, как увидим, Государь их уже заметил. По окончании смотра Император опять подошел ко мне и спросил, каково мое впечатление? Я ответил, что, по моему, студенты исполняли превосходно все упражнения. Государь выразил с этим согласие и затем проговорил: "А ваши кадеты пришли вероятно на репетицию"? — Так точно, Ваше

Императорское Величество. — А сколько всего репетиций вы проделали? — Три, из них две в Петербурге и здесь сегодня третью, ответил я. Протянув мне руку и простившись со студентами и попечителем округа, Государь уехал.

Во время репетиции с пажами и кадетами я указал молодым людям на то, что они должны завтра порадовать Царя не только отчетливостью и стройностью исполнения гимнастических упражнений, но и дисциплинированностью, чего не хватало на смотру у студентов, которые упражнения делали великолепно, но совершенной дисциплины в строю не достигли что особенно было заметно при перестроениях.

Наконец, настало время и нашего кадетского смотра. Кадеты были построены в глубокую колонну. Сзади колонны — оркестр. Показатель-офицер воспитатель поставлен на особой вышке перед колонной и рядом с царским шатром на высокой платформе. На правом фланге колонны выстроились директора одиннадцати корпусов; на том же фланге стоял я, а еще правее военный министр.

В назначенное время прибыл в автомобиле Государь с Наследником и дочерьми Ольгой и Татьяной. Дочери прошли прямо в шатер на возвышение, а Государь за руку с Наследником, поздоровавшись с военным министром, со мною и директорами корпусов (всем протягивая руку) прошел вдоль фронта колонны и приветствовал молодежь громко и приветливо словами: "Здравствуйте, пажи и кадеты"!

— Здравія желаем, Ваше Императорское Величество, был дружный и радостный ответ.

Когда Государь отправился к шатру, я поднес Его Величеству изящно нарисованную и напечатанную программу смотра. Затем, такой же другой экземпляр я вручил Наследнику. Государь обернулся и ласково посмотрел на меня. По дороге к шатру стал рассматривать программу. Семилетний Наследник последовал примеру отца и также с серьезным видом всматривался в поданный ему печатный и раскрашенный лист. Когда Государь вошел в шатер, я поднялся туда же вслед и поднес программы Великим Княжнам.

Начался смотр. Все упражнения производились без подачи команд по знаку флагом в руках офицера-показателя. По окончании сокольской гимнастики кадеты перешли строем и бегом к машинам, поставленным на плацу по другую сторону царского шатра. Здесь производились упражнения на гимнастических машинах при глубокой тишине. Когда все упражнения были закончены и кадеты незаметно, каждый поодиночке, построились в колонну для церемониального марша, я доложил Государю, что смотр кончился. "Как, уже конец"? — с удивлением сказал Государь. Эти слова были мне чрезвычайно отрадны — значит Царю все понравилось и он не заметил, как прошел уже целый час.

После прохождения церемониальным маршем Государь обратился ко мне со словами: "Благодарю вас за прекрасный смотр. Я очень доволен, но, тем не менее, должен признать, что вчера студенты делали гимнастику лучше..."

— Ваше Императорское Величество, вчера вам имели счастье представляться вполне возмужалые люди, которые тренировались в течение пяти-семи лет. — Ну, положим, не все. Были и такие, что занимались гимнастикой два-три года, возразил Государь. — А мои, Ваше Величество, сокольской гимнастикой занимаются лишь с сентября прошлого года, т. е. менее одного года, сказал я.

— Я очень доволен успехами кадет и уверен, что на будущий год результаты будут еще успешнее и вы покажите еще более блестящий смотр, сказал Государь.

Государь был видимо очень доволен, ибо несколько раз выражал свое одобрение и при этом каждый раз пожимал мне руку. Наконец, подойдя к кадетам, он громко произнес: "Спасибо вам, пажи и кадеты, за сегодняшний блестящий смотр". После этого, сопровождаемый радостным "ура" пажей и кадет, а также собравшагося народа, Государь отбыл со смотрового плаца.

Во время смотра произошел такой случай. Наследник уронил с помоста на землю программу; кто-то из свиты поднял ему ее. Затем уронила программу Великая Княжна Ольга Николаевна по близости от меня. Программа упала в лужицу (в день смотра был небольшой дождь), и я хотел преподнести чистый экземпляр, но Государь сказал: "Не давайте — они небрежно относятся..." Бедная девушка покраснела, как маков цвет. Я на этот раз позволил себе не исполнить царского приказа и подал ей чистенький экземпляр и был награжден чарующей улыбкой Великой Княжны и самого Царя. По окончании всех упражнений Государь сложил вдвое программу и вложил ее в карман своего пальто. Семилетний Наследник, следивший за действиями отца, тотчас же сложил вдвое свою программу и старался всунуть ее в карман своей матросской суконной курточки, но программа, сложенная вдое, оказалась больше кармана и в него не входила. Тогда Наследник, не долго думая, стал складывать ее вчетверо, но так как перегнуть довольно толстый картон ручонками ему было не под силу, то он перегнул ее зубами и с победоносным видом вложил в свой карман.

Однажды зимой Государь приехал в Пажеский корпус. Мне дали знать об этом по телефону, и я немедленно поехал туда. Когда я прибыл, Государь находился в одном из классов, а около, в зале, стояли дежурства и военный министр. Выйдя из класса и увидя меня, Государь подошел ко мне и, протягивая руку, проговорил особенно приветливо: "Вот я и начал вас беспокоить". Я, принимая эту фразу, как обращенную не лично ко мне, а к военно-учебным заведениям вообще, ответил, что мы всегда счастливы видеть Его Величество и чем это чаще происходит, тем больше

для нас радости. Обращаясь к директору корпуса, Государь спросил : " Ну, какие у вас новости, чем можете похвалиться " ?

— Ваше Императорское Величество, я могу представить новые легкие ружья, из которых с текущего года производится стрельба в комнатные мишени пажами 4-го и 5-го классов, доложил директор.

— Покажите, покажите, — сказал Государь.

По обзоре ружей, выслушав подробный доклад о производстве курса стрельбы, Государь одобрил это нововведение. Затем директор доложил, что другой новостью является обучение в течение учебного времени плаванию, и что для этого выстроен специальный большой бассейн, наполняемой подогретой водой, и что в данное время происходит урок плавания. Государь тотчас же направился в здание, где находился бассейн, вмещавший в себя 20.000 ведер. Когда Государь увидел этот громадный бассейн, в котором одновременно плавало и ныряло до 20 пажей, он очень заинтересовался этим уроком, происходившем под руководством отличного учителя, и невольно как бы про себя, заметил : " А в Морском корпусе бассейна нет, надо пристыдить Григоровича... " Государь был в пальто, а температура воды и воздуха доходила до 22-23-х градусов, на дворе же стоял мороз. Я осмелился посоветовать Государю снять пальто. Государь отказался сначала. Я не унимался и, видя, что Государь предрасположен остаться на продолжительное время, вновь сказал :

" Простите меня, Ваше Величество, но я не могу успокоиться. Снимите пальто, иначе вы, выйдя отсюда, простудитесь ". Государь приветливо улыбнулся и позволил стоявшему вблизи вахтеру снять с него палто.

Через месяца полтора-два после этого, по какому-то торжественному случаю, я, в числе других, был в Зимнем дворце. Проходя мимо меня, Государь остановился и сказал мне : "А я устроил у себя бассейн для плавания, здесь в Зимнем, конечно не такой большой, какой я видел у вас но для одного вполне достаточный ".

8 ноября 1911 года, в день полкового праздника л.-гв. Московского полка, в Царском Селе в манеже, в Высочайшем присутствии, был отслужен протопресвитером о. Шабельским торжественный молебен, а затем Государем принят парад. Как всегда, на молебне и параде присутствовали и прежде служившие в полку офицеры. В этот день в числе последних был и я.

После парада все офицеры были приглашены на завтрак во дворец. После завтрака, в присутствии Императора и Императрицы, по установившемуся обычаю, Государь обходил присутствующих и особенно любил подолгу говорить с молодыми офицерами. В силу этого обычая было принято во время такого обхода представлять Государю лично тех молодых офицеров, которые в данном году (6 августа) были произведены из юнкеров в офицеры по окончании военных училищ. В 1911 году был произведен в офицеры нашего полка мой младший сын (4-й сын) и, следовательно, в этот день он должен был быть представлен Государю.

Государь начал обход с младших, с левого фланга, где находился мой младший сын ; я же, как старослуживший и полный генерал, стоял на правом фланге в другом конце обширного зала. Мои соседи подтолкнул именя и говорили: " Смотрите, Государь разговаривает с вашим сыном ". Проходит несколько минут, а Государь все не отпускает моего сына, все с ним говорит. Отпустив, наконец, моего юнца, Государь продолжает обход, неоднократно останавливаясь и удостаивая разговора то одного, то другого из офицеров, доходит и до нашего правого фланга, по крайней мере, через 40-50 минут. Увидев меня издали еще, протягивает руку и, улыбаясь, говорит :

" А я сейчас видел вашего молодца ".

— У меня их здесь двое, В. И. В., отвечаю я.

— Знаю, знаю. Номера третий и четвертый, произносит приветливо Государь и проходит дальше.

Сопровождавший Государя, вместе с Великим Князем Николаем Николаевичем, помощник последнего, генерал Газенкампф, обращается ко мне со словами : " Ну, Александр Федорович, и экзаменовал же Его Величество вашего сына ; мы знаем теперь всю вашу семейную и интимную жизнь ".

По рассказам моего сына оказалось, что Государь вел с ним следующий разговор. Когда была названа фамилия сына, Государь спросил : " Ваш отец — генерал Забелин ? " На утвердительный ответ моего сына Государь задал вопрос : " Есть и еще дети у вашего отца ? "

— Четверо сыновей, В. И. В. !

— А где они воспитывались ?

— В Александровском кадетском корпусе.

— А где они теперь ?

— Старший мой брат служит в кабинете Его... : сын запнулся и поправился : — Вашего Императорского Величества. Государь заметив обмолвку, улыбнулся. Затем, на дальнейшие вопросы Государя сын сказал, что его старший брат не мог поступить на военную службу вследствие порока сердца и в настоящее время он инженер путей сообщения. Следующий же брат, мало отличаясь по возрасту от старшего и будучи очень с ним дружен, по его примеру, пошел тоже в Институт Путей Сообщения. " Это значит по правилу товарищества. Похвально. Ну а третий где?", спросил Государь. " Третий мой брат имеет честь состоять, как и я в лейб-гвардии Московском полку, В. И. В. ", ответил мой сын и на этом разговор был окончен.

В один из первых годов царствования Государя Николая II, когда мои старшие сыновья были еще кадетами Александровского корпуса, в корпусе, постом, ожидали посещения Государя. Прошло три недели поста, а Государь, однако, не приезжал. Наступила четвертая неделя, на которой кадеты говели. Решили, что Царь не приедет вовсе. Однако, случилось иначе. В

пятницу около 2-х часов дня Государь с Государыней подъехали к подъезду корпуса, на Садовой улице. Подъезд в это время обыкновенно запирался.

Государь позвонил. Открыв дверь и впустив в вестибюль приехавших, старый швейцар, не узнав Императора, спросил : " Что вам угодно, ваше высокоблагородие " ? На это Государь ответил : " Сними шубу с Императрицы ". Сообразив, кто перед ним, швейцар до того растерялся, что сняв с Их Величеств верхнее платье, вместо того, чтобы дать условные сигналы звонками директору и дежурным по ротам, бросил в вестибюле прибывших, а сам побежал на квартиру директора. Государь и Государыня очутились одни в вестибюле, стали подниматься по парадной лестнице и, по пути, пытались проникнуть в кадетские помещения, но тщетно, так как входные двери в эти помещения в первых двух этажах оказались запертыми. Поднявшись в третий этаж, они, наконец, смогли войти в рекреационный зал младшей роты.

В одном из классов дверь была открыта и в нем находилось около десяти человек маленьких кадет, в том числе мой старший 12-летний сын. Вот его рассказ. Мы только что пришли от исповеди. Воспитатель находился еще в церкви, и мы шалили. В соседнем классе кадеты занимались с воспитателем. Видим входят в зал какой-то офицер и дама. Оглядываются и как будто приостанавливаются, как бы не зная, куда идти. Наконец, увидя в раскрытую дверь в одном из классов мальчиков, направились к нам. По мере приближения, мы узнали Государя и Государыню, волнуемся. Государь входит и здоровается. Один из мальчиков успел выскочить в зал и бежит в соседний класс, в котором находился со своими воспитанниками дежурный воспитатель. Кадет докладывает ему, что рядом Государь... Воспитатель, совершенно ошеломленный, спрашивает : " Какой Государь " ? — Наш, отвечает кадет. Воспитатель, как безумный, выбегает, держа под рукой классный журнал, и забывает в классе головной убор... В таком виде подходит к Императору и рапортует, приложив руку к обнаженной голове. Государь смеется... Он доволен, он видит, что его не ждали и что он застал всех врасплох. Появляется, наконец, директор, в сопровождении которого продолжается осмотр корпуса ".

В 1913 году летом приехал в Петербург французский генерал Жоффр в сопровождении многих других французских генералов и офицеров и посещал лагерные занятия войск в Красном Селе в течение целого месяца.

Однажды, в присутствии Государя и приехавших французов происходили в окрестностях Красного Села маневры, на которых присутствовал и я, так как в маневрах участвовали военные училища. Около 11 ч. утра на площадку, на которой находился Император с окружающими его лицами и с которой мы наблюдали за ходом маневров, выехали две придворные коляски, нагруженные большими корзинами с пирожками, бутербродами и вином. Лакеи быстро сняли корзины и поставили на траву. Государь пригласил присутствующих закусить и сам взял пирожок. Я, по своему обычаю, подошел к корзине уже после того, как большинство приглашенных поели и попили. Нагнувшись и опустив руку в большую, глубокую корзину, я стал доставать пирожок и увидел, что одновременно со мною чья-то рука также шарила в карзине. Когда я выпрямился, то увидел по другую сторону корзины Государя, который также выпрямился с пирожком в руке... Глаза наши встретились. Государь, улыбаясь, обошел корзину и подавая мне руку, произнес : " Много ли нужно человеку, чтобы быть сытым ". Я ответил : " Совсем немного, Ваше Величество ".

Государь сделал жест, приглашающий следовать за ним, и мы стали ходить взад и вперед среди окружающих нас русских и французских генералов и офицеров. Император спросил меня : " Сколько в этом году из училищ вы дадите мне молодых офицеров " ?

— Я могу доложить только о числе выпускаемых из пехотных, кавалерийских и казачьих училищ. Относительно же артиллерийских и инженерного, мне не подчиненных, доложить не могу, ответил я. На это Государь быстро сказал : " Об артиллерийских и инженерном я вам доложу ", и тотчас же привел число выпускаемых из названных училищ. После чего я доложил Государю о своих 3.000 молодых офицерах. Государь продолжал : " Значит всего я получу около 3.500 — это ведь сила... " — Так точно, Ваше Величество, отвечал я. Затем Государь отошел к генералу Жоффру.

В 1914 году, когда началась война, я был избран Государем на должность главного начальника снабжений армий фронта, причем Государь предоставил мне избрать один из образовавшихся тогда двух фронтов : Северо-западный и Юго-западный. Я выбрал Юго-западный.

Безмерно тяжелая работа (с 8 ч. утра до 3 ч. ночи) быстро надломила мое крепкое до того здоровье, и в январе 1915 г. со мной стали приключаться сердечные припадки от переутомления. Доктора предписали мне такой режим, при котором у меня не хватало бы времени для добросовестного и успешного исполнения многочисленных, многосложных и ответственных моих обязанностей на театре войны. Я решил покинуть должность военного времени, тем более, что нуждался в лечении углекислыми ваннами. Я изложил в письме к генералу Янушкевичу, начальнику штаба верховного главнокомандующего, свое положение и просьбу посодействовать моему увольнению. Янушкевич, бывший ранее моим младшим сотрудником в канцелярии военного министерства, в бытность мою ее начальником, и мой большой друг, горячо отнесся к моей просьбе и дал прочитать мое письмо Великому Князю Николаю Николаевичу. Его Высочество отнесся чрезвычайно сердечно к моему положению телеграфировал военному министру и лично Государю. В течение нес-

ких дней мое ходатайство было удовлетворено. Я получил 2-х месячный отпуск в Кисловодск и возвращен на прежнюю должность начальника главного управления военно-учебных заведений. Когда по окончании лечения, я возвратился в Петроград и на Пасху поехал в Царское Село для принесения поздравлений Их Величествам, Государь, облобызавшись трижды со мною, задержал меня и спросил: "Как ваше здоровье теперь"?

— Покорно благодарю, теперь после пребывания в Кисловодске, слава Богу, вполне хорошо.

— "А вы были в Кисловодске"?

— Так точно, Ваше Величество.

Кивнув приветливо головой, Государь отпустил меня Это в последний раз я видел Императора Николая II.

Адмирал Колчак

ЕГО РОД И СЕМЬЯ

Р. КОЛЧАК

(Из семейной хроники)

(Продолжение)

В период времени, идущий от смерти Петра Великого (1725 г.) до воцарения Елизаветы Петровны (1741 г.), т. е. за шестнадцать лет, на российском престоле сменяются две Государыни и два Государя-мальчика. Сменяются также, часто в драматических обстановках, приближенные и доверенные люди монархов — верховники и министры. Меншиков умирает в ссылке в Березове, гибнет семья Долгоруких, Миних проживет 20 лет в Пелыме, заменив Бирона, которого он же в Пелым сослал...

Но внезапные и трагические перемены внутренней истории России, как будто, не отражаются на ее иностранной политике. Последователи Петра Великого идут по путям указанным великим Императором к свободным морям и на Запад. Цели Петра Великого, отвечающие геополитическим необходимостям России, будут достигнуты при Екатерине Великой. Первое препятствие — Швеция — фактически разрушено еще Петром после Полтавы; шведская военная мощь настолько сломлена, что ни Карл XII, завязший в Бендерах, ни его сестра Ульрика Элеонора и ее правительства восстановить силы государства не могут, и Швеция погружается в свои внутренние затруднения. Второе препятствие — Польша — ослабляется своими внутренними противоречиями, вытекающими из ее своеобразного и анархического правительственного строя. Влияние России в Польше совершается через королей саксонцев, Августа II-го и Августа III-го.

Петр Великий пытается устранить и третье препятствие — Турцию, но ему приходится отступить после неудачного Прутского похода.

Анна Иоанновна (1730 — 1740) снова вернется к вопросам, которые Петр Великий не успел разрешить окончательно. Это вызовет войну с Турцией, начавшуюся в 1735 году и закончившуюся в 1739-м.

Последовательные действия России, ведущие к ослаблению Швеции, Польши и Турции, вызывают большую тревогу во Франции, так как все эти три государства входят в систему союзов Франции против Австрийского дома; естественно, что в этот период Россия со своей стороны действует в союзе с Австрией и вступает в войну с Турцией в союзе с имперцами, вековыми врагами турок.

Польша в это время принуждена остаться нейтральной. В Варшаве царствует Август III, поддерживаемый Австрией и Россией, и русские войска или стоят в Польше, или свободно проходят через нее.

Попытка Франции в пользу Станислава Лещинского не удалась и кончилась занятием Данцига Минихом еще в 1734 году и бегством Станислава Лещинского из Польши. Турция как и Франция, поддерживала Станислава Лещинского и его сторонников.

Находясь в Хотине с 1713 года, Колчак паша является исполнителем на месте польской политики Стамбула и поддерживает постоянные сношения с великокоронным гетманом Иосифом Потоцким, который, в частности, владеет пограничными с Бессарабией областями Подолией и Галицией. Сохранилась и часть переписки между ними.

Вот пример стиля Колчака паши из его письма к Потоцкому от 2-го декабря 1736 г. из Хотина. В этом письме характеризуется кратко и турецкая политика того времени по отношению к Польше и России. Письмо написано, когда война уже началась.

"Посылаю чрезвычайного моего посланника Мустафу — агу, дабы сперва узнать о вашем добром здравии, а затем передать пожелания вам впредь всякого благополучия. Также объявляю вашему сиятельству, как то ведомо всему свету и всей самой Речи Посполитой нам доброжелательной, что Пресветлая Порта Оттоманская от давних времен всегда весьма в мыслях своих сохраняла и сохраняет, дабы вольность польская в целости быть могла. И если Пресветлая Порта Оттоманская с Государством Российским когда-товначале договор заключили, то это, дабы доброжелательная нам Речь Посполитая в своей вольности пребывала и от войск (чужих). Р. К. в границах своих дабы

всегда свободна была, пакты бы заключала и утверждала, а наипаче, в нынешних коньюнктюрах Пресветлая Порта Оттоманская (желала бы) иметь (по отношению к себе, Р. К.) постоянную и доброжелательную Речь Посполитую Польскую... "

Дальше Колчак пишет, что ему известно, что вопреки " пактам ", русские войска зимуют в Польше и что, если ему придется атаковать русских на польской территории, он надеется, что Польша не увидит в этом враждебного ей акта.

***

В 1713 году по приказу султана Ахмета III-го турки сконцентрировали все свои силы в Бессарабии. Все ждали, что Лещинский, Карл XII и Орлик войдут в Польшу с 300.000 турецкой армией. Воевода киевский, Иосиф Потоцкий, впоследствии Гетман Великокоронный, выступил бы тогда со всей южной Польшей, Подолией и Галицией за Станислава Лещинского. Но Петр Великий приступил уже к исполнению условий Прутского договора — уничтожить укрепления Азова и флот Черного моря —, и мир был подтвержден.

Все же Турки окончательно захватили Хотинскую кре́пость и окружающие ее области между Днестром и Прутом и начали строить, как было указано выше, обширное укрепление в Хотине.

Таким образом граница по Днестру держалась уже двумя кре́постями — Хотиным и Бендерами, а Буковина и Бессарабия были превращены в турецкую пограничную военную окраину которую турки стали населять татарами из Литвы — липканами.

Молдавский хронист Авксентий пишет об этом следующее: " Каждый день мы видим многих людей, рожденных от знатных родителей, воспитанных в роскоши и неге, которые ныне попадают в рабство, заставляющее их переносить все горести и страдания нищеты. Та же участь постигла и многие свободные города страны, попавшие во власть чужих ; подавленные неволею они испытали все горести и все тяжести, какие захотели на них возложить их новые господа". Из рассказа хрониста видно, что Молдавия " более чем какая-либо другая страна была подвержена этим страданиям и этим несчастьям ". — " Самая страшная рана ", продолжает хронист : " отнятие Хотина — должна была завершить все бедствия, жертвой которых она была за последнее время. Как рана, которую не лечат, ослабляет все тело и приносит в конце смерть, так потеря Хотина для Молдавии — незарубцованная рана, ведущая к большой слабости и к печальному упадку, как покажет будущее ".

Все же, сам Хотин и округа его при турках, как будто, не бедствовали. Сохранилось описание Хотина написанное неким турецким чиновником и поэтом того времени, которого цитирует Кочубинский, и сочинение которого было переведено на немецкий язык и опубликовано в сборниках Венского университета.

Богатый и изящный Хотин стал даже центром турецкой культуры на границе Польши. Турецкий автор восторженно описывает сады, бани, казармы янычар, дворец командующего, мечети и ворота с надписями в стихах, которые он же сочинял, " сарай " Колчака паши, кладбища, " где спит много храбрых мужей ". Он говорит и о ценной библиотеке, и о дешевизне яблок, и о малине, которую вывозили в Константинополь... Все это конечно особенно было дорого турецкому поэту, когда он писал о Хотине уже после того, как Хотин был взят Минихом, разграблен и разорен русскими в 1739 году.

Хотя русские источники об этом не упоминают, но турки говорят, что после сдачи города в нем была резня. Когда в 1741 году русские, воюя со Швецией, взяли Вильманстранд, то резня вероятно была, и турецкий посол в Петербурге заметил своему французскому коллеге, что " резать жителей " по взятии города — " русский обычай " и что так же они поступили в Хотине два года раньше. Но ни у Манштейна ни у Марковича, свидетелей сдачи Хотина, об этом нигде не говорится.

***

В 1730 году дворцовый переворот низложил султана Ахмета III-го и возвел на престол Махмуда I-го. В 1732 г. Колчак получает чин мир-и-мирана и назначается санджак-беем Янины в Албании, но остается губернатором хотинским.

В 1735 году началась война Турции с Австрией и Россией. Ее прямая причина — усиливающееся влияние России в Персии, на Кавказе и в частности в Кабарде. Турки ведут наступательную войну в Сербии и Венгрии, а русские силы под начальством Миниха и Ласси входят в Крым и разоряют Бахчисарай. В октябре 1736 года Колчак и господарь Молдавский вызываются в Константинополь для разработки планов следующей компании и Колчак получает звание визиря. Кроме посылки незначительных отрядов татар и арнаутов в экспедиции на левый берег Днестра турки держатся только оборонительно на русской границе, нанося главные удары австрийцам.

В 1737 году Миних идет на Очаков и берет его приступом. Сераскир Очакова Ягия паша взят в плен с остатком гарнизона. Великий визирь впадает в немилость. Колчак назначается временно главнокомандующим — сераскиром турецкой армии на русском фронте до прибытия Вели паши, назначенного на эту должность.

В декабре 1737 г. Колчак принимает в Хотине Нащокина, посланного для переговоров, но Нащокина он задержал и не пустил в Константинополь.

Только в 1739 году Миних идет на Хотин. Он переходит Днестр выше Хотина, занимает Черновцы, проходит со стычками с неприятелем Переконские узины и встречает турецкую армию у деревни Ставучаны.

***

Ставучанское сражение произошло 17 августа 1739 года. Оно интересно тем, что предоставляет нам дан-

ные для оценки того уровня, на котором находилась русская армия и военное искусство ее командующих в период времени после смерти Петра Великого и до елизаветинских и екатерининских полководцев. Уроки и опыт петровских войск не были забыты, и русские войска времени Императрицы Анны Иоанновны были уже настоящими европейскими войсками, владеющими современной военной техникой, в частности артиллерийской.

В известной степени Ставучанское сражение представляет из себя очень хорошо скомпанованную и элегантно начерченную батальную картину XVIII века.

Манштейн с некоторым европейским презрением относящийся к " азиатчине " пишет, что этот бой был победой военной науки и дисциплины над варварством. Но это не совсем так. Ставучаны это, конечно, победа военной техники своего времени, которую имела одна сторона — в данном случае русская — и которой еще не достигла другая сторона — турецкая армия, хотя обе стороны проявили примеры личного мужества и жертвенности. Короче говоря, это была победа артилерии, и именно полевой артиллерии, над пехотой и конницей слабо поддержанными и прикрытыми артиллерийским огнем.

Турецкая конница совсем не была беспорядочным сбродом. В Венгрии, Сербии и Трансильвании, действуя в ту же пору против австрийских войск, она одержала ряд блестящих побед : Ниш, Оршова, Белград и, наконец, при Гродске в июле 1739 года. Потери австрийцев были так велики и казна так истощена войной, что Вена принуждена была подписать мир с Турцией на условиях настоящей капитуляции, и это несмотря на то, что имперские генералы были учениками и сотрудниками знаменитого принца Евгения.

Русская армия под командованием Миниха направилась, как было сказано выше, к Хотину из Черновцов 6-го августа и прошла через, так называемые, Перекопские узины между Днестром и Прутом в три дня. Турки намеренно не препятствовали проходу русских войск через легко обороняемое ущелье, т. к. по плану главнокомандующего, Вели паши, турки намеревались вовлечь русскую армию в западню и, окружив ее и отрезав от путей снабжения, повторить то, что ими было так удачно проведено в 1711 году с армией Петра Великого при Пруте.

15-го августа русские войска подошли к речке Шуланец и развернулись на небольших высотах по ее правому берегу. Современные гравюры дают очень ясное представление об окружающей местности. У подножья невысокого плоскогорья, на котором выстроились русские, течет речка с прудами и болотцами. Эта речка составляла как бы первый ров, прикрывающий турецкие позиции на противоположном берегу. На левом фланге находились последние отроги Хотинских высот, покрытые густым лесом, и деревня Недобаевцы. Справа глубокие овраги и крутой холм. В отдалении, на северо-восток, деревня Ставучаны. Непосредственно на восток, справа, деревня Долины.

Турецкий лагерь и полевые укрепления были на возвышении и преграждали долину, по которой шла дорога на Хотин. Этот лагерь былъ расположен так, что с правого берега Шуланца русская артиллерия его не достигала. Турки поставили свою пехоту и артиллерию в центре, а по флангам конницу, чтобы взять в клещи русских в случае их переправы через реку.

На опушке леса, покрывающего Хотинские высоты, на турецком правом фланге стояли катаны (тяжелая конница) Колчака паши, у подножия холма, на левом фланге, сипаги (легкая конница) молодого Генж-Али паши. В тыл русским стягивалась полурегулярная татарская конница (ногайцы) под командованием аккерманского султана Ислам-Гирея ; она должна была отрезать русским отступление. Ружейный огонь русских арьергардов держал ее на некотором расстоянии.

Окруженная, таким образом, тревожимая и днем и ночью противником, русская армия простояла так двое суток и начала уже чувствовать недостаток в сене и дровах.

17-го августа утром Миних приказал атаковать. Русское командование, давая время войскам отдохнуть два дня до боя, имело одновременно возможность изучить расположение неприятеля и заметить, что слабое место его позиции было на левом фланге, между главным лагерем главнокомандующего Вели паши и легкой кавалерией Генж-Али паши. Повидимому турки не сочли нужным особенно укреплять это пространство, считая, что оно достаточно заграждено болотистыми берегами Шуланца. К тому же Вели паша растянул свой фронт почти что на 18 верст.

Соотношение же войск было следующее : на позиции Недобаевцы — Ставучаны Вели паша стянул 70 — 80 тысяч человек, включая хотинский гарнизон почти целиком. С русской стороны приняло участие в сражении 33.823 человека регулярных войск и 8 тысяч нерегулярных. Турки располагали 70-ю орудиями, русские же имели 250 полковых и полевых орудий.

Миних, решивши атаковать неприятельский лагерь через его левый фланг, употребил сначала " воинскую стратегему" и сделал вид, что русские войска " якобы неприятельский ретраншамент атаковать хотели ". Чтобы скрыть от неприятеля направление главного удара, Миних двинул со своего центра, через Шуланец, отряд подполковника Густава Бирона — 9 тысяч человек при 2 полковых орудиях и бригаду полевой артиллерии. Турки, приняв это движение за фронтовое наступление всей русской армии, начали стягивать свои силы перед своим лагерем и укреплят его новыми окопами. Отряд Густава Бирона медленно продвигался по направлению к турецкому лагерю под прикрытием полевой артиллерии, перешедшей с ним Шуланец. Тот же Шуланец, изгибающийся слева от

него к северо-западу, прикрывал его от возможной атаки конницы Колчака паши.

В час дня Густав Бирон начал отступать и переправляться обратно за реку. Вели паша решил, что Миних убедился в невозможности атаки и что победа уже намечается для турок. Колчак паша дал об этом знать в Хотин. Но, как пишет Галем в своей книге " Жизнь графа Миниха ", после этой радостной вести Колчаку самому скоро пришлось принести в Хотин другую — " весьма фатальную ".

Одновременно с отступлением Густава Бирона правое каре русской армии под командою Карла Бирона двинулось на восток по направлению к дер. Долины. Артиллерия развернулась на высоте ближе к Долинам для поддержки наступавшим. Одновременно саперные части исполнили блестящее действие: фашинами, шанц коробами, досками, ветками они смогли укрепить переход через болотца у реки и навести 27 мостов через реку. Вся армия начала быстро переправляться и развертываться на левом берегу Шуленца: авангард Карла Бирона, гвардия Густава Бирона, " кордебаталия " А. И. Румянцева, левое каре Левендаля.

Быстро перетащив артиллерию, русские начали покрывать своим огнем турецкую пехоту и самый лагерь главнокомандующего, сбивая одновременно батареи, которые турки пытались поставить для защиты своего левого фланга. Несмотря на непрерывные нападения турок, русская пехота прорвалась к лагерю Вели паши. В 5 часов дня 13 тысяч пеших янычаров двумя колоннами пошли в контр-атаку.

В записках Семена Порошина, гувернера Павла 1. упомянуто, что 17 декабря 1764 г. у Павла Петровича, тогда еще Наследника, обедал дежурный гвардии майор Любим Артемьевич Челищев, участник Ставучанского боя, случившагося 25 лет до того. Порошин пишет: " Еще сказывал тут Любим Артемьевич о порядке, каким образом они маршировали во время турецких оных походов, и как атакуют турки. Янычары их, как известно, во время боя весьма легко одеты: туфли на босу ногу и в одних комзольцах, наступают бегом колонною, которая спереди фрунту малова, а что далее взад, то шире, имеет фигуру трапеции ".

Все современники пишут, что первый натиск турок выдержать очень трудно, и что их атаки холодным оружием были страшны: янычары бросались на противника с дикими криками и в состоянии исступления, доходящего до безумия. Но если такую атаку удавалось остановить, нанося атакующим сильные потери, то деморализация наступала очень быстро и уцелевших было очень трудно и даже невозможно снова собрать и повести в новую атаку.

Так оно и случилось при Ставучанах с пешими янычарами: русский артиллерийский огонь быстро выдвинутых на новые позиции батерей косил их ряды. Замешательство начало превращаться в отступление.

Тогда Колчак паша двинул свою тяжелую конницу в атаку на арьергард Левендаля и на левый фланг "кордебаталии" А. И. Румянцева. Манштейн и граф Эрнст Миних (сын фельдмаршала) описали и эту последнюю фазу боя. Колчак повел сам 10.000 отборных всадников " серденгечетов ". Барон Тотт говорит, что так называли турки волонтеров, намеренных или победить, или умереть. (Скептический барон однако добавляет, что ни того, ни другого никогда с ними не случается...).

Победить турецкой коннице под Ставучанами не пришлось, но погибло людей довольно много. Скача широким фронтом на русских, янычары наткнулись на особые рогатки против конной атаки, которыми успели оборониться русские. Надо было шесть солдат, чтобы переносить каждую рогатку. Они требовали колосального обоза, чтобы следовать за армией во время похода, и Миних вез с собой множество этих рогаток на многочисленных подводах. Но именно эти рогатки и оказали гибельное препятствие для турецкой конницы. Натыкаясь на них, лошади падали, всадники, которым удавалось сдержать коня, вносили расстройство в ряди идущих за ними товарищей. Под ружейным огнем, под ядрами русских пушек, теряя коней и людей, турки не смогли врезаться в русские ряды, и уже было видно, как на высотах защищающих Хотин, отступление главных пехотных сил превращалось в бегство.

Вели паша, бросив свой лагерь, отступал тоже, но не на Хотин, а влево к Днестру и Бендерам. За ним последовали и оставшиеся янычары, а так же и те войска, которые были выделены из хотинского гарнизона и участвовали в сражении.

Колчак не смог собрать своих янычар и с маленьким числом всадников, его не бросивших, поскакал в Хотин. Было семь часов вечера, когда он оставил поле битвы и была уже ночь, когда он прискакал до крепости, в которой командовал в его отсутствие его сын Мехмет Бей, и где оставалось только 700 человек гарнизона, вместо 10.000, которыми он располагал до сражения.

Извещая о победе, Миних писал Государыне: " Всемогущий Господь, который милостию Своею нам предводителем был, всевышнейшею Своею десницею защитил, что мы чрез неприятельский безпрерывный огонь и в такой сильной баталии убитых и раненых менее 100 чековек имеем: все рядовые полученной виктории до полуночи радовались и кричали: " Виват Великая Государыня! " и означенная виктория дает нам надежду к великому сукцессу, понеже армия совсем в добром состоянии и имеет чрезвычайный кураж ".

Дорога на Хотин была открыта для русских.

Миних обложил крепость войсками и потребовал немедленной сдачи. Для переговоров были посланы князь Дмитрий Кантемир и В. П. Капнист полковник Миргородский (впоследствии бригадир, погибший геройски при Гросс-Егерсдорфе в Семилетнюю войну, командуя Слободскими полками).

" В два часа пополудни паша и гарнизон сдались. Командир крепости и ага янычаров передал маршалу ключи города. Часовые заняли выходы и тогда паша, с большой свитой, пришел навстречу маршалу находившемуся в одном из домов пригорода, и передал ему свою саблю. 31-го турецкой гарнизон, состоящий из 763 человек, вышел из крепости и сдал оружие и знамена". ("Мемуары" Манштейна).

"На другой день", пишет Эрист Миних: "по завоевании города, утром рано армия выступя из лагеря, расположилась в строй, и по отпетии благодарственного молебствия выпалено изо 101 пушки с Хотинской крепости, при троекратном беглом огне от всей армии. Потом отец мой в провожании паши, янычарского аги и других знатнейших турецких чиновников, поехал, все верхами, от одного крыла на другое. При сем случае означенный паша отозвался, что хотя турецкая армия обще с татарами и составляла слишком сто тысяч человек, однако признаться ему надобно, что невозможно было противустоять такому войску, какое он теперь видит, где толь хорошая дисциплина и послушание введены, присовокупя к тому, что "огонь российской армии несравненно превосходнее турецкого".

"В оный же день сей паша, Калчак, обще с некоторыми другими турецкими пленниками, угощены от отца моего обеденным столом..."

Манштейн же пишет следующее. "Колчак паша говорил, что все несчастья, которые они испытали за эту кампанию произошли из-за плохих мер принятых их начальником сераскиром Вели пашей. Он ему ставил в вину то, что он остался слишком долго под Бендерами с большой частью армии и что он не захотел последовать его совету препятствовать русским переход через Перекопские узины. Вели паша захотел дать им пройти, в убеждении, что он уничтожит их армию без боя, отнявши у них возможность снабжения провиантом и только постоянно их беспокоя. Этот план был бы не плох, если бы у него под начальством были другие войска — не турки и татары —, и противником не такой генерал, как граф Миних. Паша еще прибавил, что он был удивлен скоростью русского огня, особенно артиллерийского, который всюду наносил очень большие потери их войскам".

Эти детали любопытны. Они объясняют преимущество русской армии того времени над турецкой: артиллерия, дисциплина, правильная концепция Миниха.

Несколько пренебрижетельные слова Колчака по отношению к "туркам и татарам" выдают в нем босняка (хотя Вели паша был тоже балканец из Албании). Балканцы в 17 и 18 столетиях считали себя лучшими турками; они считали турок из Малой Азии ниже себя и называли их "туркачами".

Комплимент по адресу Миниха — очень в стиле 18 века, как и обед данный Минихом пленным турецким офицерам, на котором "подносили им за здравие Императрицы, которое запивали они, в противность заповедания от Магомета, венгерским вином из больших бокалов". Вероятно Миних вспомнил Петра Великого после Полтавы и его "заздравный кубок" с пленными шведскими офицерами...

***

Большинство жителей Хотина успело бежать с имуществом в соседнюю Польшу, в воеводство старого приятеля Колчака, гетмана Потоцкого.

Семья Колчака, его жены и наложницы и малолетний сын Селим Бей, которому было 11 лет, получила разрешение уехать в Турцию, по настоянию самого Колчака. Он объяснял это тем, что отъезд его семьи в Турцию послужит ему в защиту перед султаном, когда ему придется дать отчет за сдачу крепости, которую защищать он не мог, не имея в ней гарнизона.

Старший сын Колчака, Мехмет Бей был увезен в Россию. Ему было лет 35 и он был в чине не ниже майора. В конце реляции Миниха о взятии Хотина имеется "Реестр тем знатным персонам, которые при взятии Хотина военными пленными сдались".

I. Командующий Калчак, паша трехбунчужный.

II. Его сын, который в отсутствии отца каймаканом служил.

III. Эмир мулла или духовный.

IV. Янычарский ага Солиман.

V. Комендант Ахмат ага ерлы Азаза..."

Потом топчи баша — командующий артиллерией, тефтердар ефенди или обер-кригс-комиссар, янычарский судья, городской судья, обер-вагенмейстер, плац — майор, 6 янычарских майоров, 5 адъютантов, 7 офицеров из арсенала и 2 инженерных офицера. Привожу этот список, потому что он дает некоторое представление об организации командного состава турецкой крепости того времени.

***

После сдачи Хотина комендантом города Миних назначил генерал-майора Хрущева, а генералу Густаву Бирону было приказано возвращаться на Украину с тремя батальонами гвардии и несколькими драгунскими полками. С ними было уведено 2121 человек мужчин, женщин и детей захваченных в Хотине. Младший сын Колчака паши Селим бей, увезенный в Турцию, был впоследствии офицером у султана. Он умер в 1808 году в чине "хасса силахсар" и похоронен на кладбище Хайдар Паша в Стамбуле.

Колчак паша ехал в карете Бирона через Каменец-Подольск, Киев на Петербург. Маркович "подскарбий малороссийский" отметил это в своих записках так: "26-го августа 1739 г. Скоро свет дивизия наша рушила в путь. Пленники по середине, паша ехал в генеральской карете; а при генерале и мы".

По странному совпадению, через 180 лет, в 1919 году, из Каменца-Подольска, через Хотин, Ставучаны, Черновицы был вывезен из России его прямой потомок, 9-летний мальчик, сын Верховного Правителя, пишущий эти строки.

Отец был тогда в Сибири, мать моя смогла выйти из Севастополя на английском военном корабле и поселилась в Бухаресте. Во времена большевиков и немецкой оккупации она скрывалась с фальшивым паспортом у разных знакомых и в семьях нескольких матросов, которые помогли жене своего бывшего Командующего Флотом. Моя мать отправила меня в 1918 году к своим друзьям детства, польским дамам, в Каменец-Подольск.

Из Бухареста и при содействии начальника английской военной миссии была организована маленькая экспедиция в Хотин. Молодой человек, сын адмирала Феодосьева, переправился через Днестр до Каменца, который был в это время во власти "зеленых" и вывез меня на извозчике до Днестра — это было верст двадцать...

Я очень ясно помню переправу через Днестр на маленькой лодке. Солнце только что зашло. Днестр был стального цвета и его быстрое течение относило лодку влево, где чернели остатки взорванного моста железной дороги. На другом берегу, справа на скале, стояли развалины замка, генуэзская башня и турецкие стены Хотина, те самые, что мой далекий пращур сдал Миниху в 1739-м году...

***

После взятия Хотина Миних с армией пошел на Яссы и перешел тот самый Прут, который не принес удачи войскам Петра Великого. Эрнст Миних по этому поводу замечает следующее : "Когда отец мой через сию проклятую реку без всяких затруднений переправился, то сие подало ему повод написать в посланной ко Двору реляции, что он поносный Прут сделал опять честным..."

Победа Миниха пришла все же слишком поздно. В это же самое время разгромленные турками австрийцы подписали прелиминарии к Белградскому миру. Миниха в Яссах встретил митрополит и местные оставшиеся власти. Митрополит произнес проповедь — было замечено, что она была на странный текст из Св. Писания : "Господь да благословит вхождение и исхождение свое..."

Приказ из Петербурга, где решили прекратить войну, повелевал войскам возвращаться в Россию. Это привело Миниха в бешенство и он послал резкое письмо австрийскому канцлеру кн. Лобковичу. С Минихом должен был покинуть Молдавию и каймакан кн. Кантакузин ; так же как за Петром в Россию ушел кн. Дмитрий Кантемир.

Через два года будет переворот царевны Елизаветы Петровны, свергнувший Правительницу Анну Леопольдовну и ее сына маленького Императора Иоанна Антоновича. Погибнет в Шлюссельбурге и в Холмогорах вся Брауншвейгская династия. Фельдмаршал Миних будет приговорен к четвертованию, но по милости Императрицы сослан в Пелым, где проживет все ее царствование — 20 лет! Генералы Бироны пострадают вместе со своим братом — Регентом. "Мемуары" гр. Эрнста Миниха сына, из которых я привел несколько цитат, написаны им в Вологде, за время его ссылки, в "назидание детям..."

По странному стечению обстоятельств, полтораста лет после Хотина, в XX столетии, Колчаки и Минихи породнились ; одна из прапрабабушек жены адмирала и моей матери была Елеонора Доротея Миних, племянница фельдмаршала.

***

К взятым в плен турецким офицерам русские отнеслись очень благородно. Колчак паша, как было сказано выше, ехал в Петербург в общей карете с генералом Бироном.

В бумагах кабинет-министров Императрицы Анны Иоанновны (в то время кабинет-министрами были Остерман, кн. Черкасский и Волынский), опубликованных в Сборниках Императорского Русского Исторического Общества, и в архивах Сената имеются два указа, касающиеся Колчака. Вот выдержка из одного из них, датированного 25-м декабря 1739 года.

" Из кабинета Ее Императорского Величества в главную полицмейстерскую канцелярию. По Ее Императорского Величества указу велено взятых в Хотине в плен турского сераскера Калчак пашу и с ним нескольких турок офицеров привезть сюда, которые уже в пути и будут сюда вскоре, и оным для житья потребно отвесть от полиции квартиру на С. Петербургском острову, подле той, где прежние турки поставлены, Очаковский сераскер Ягья паша с прочими, а именно двор лейб-гвардии Измайловского полка майора Шипова, а буде б одного того двора было мало, то после его и другой двор или несколько покоев для них отвесть ; а при том сераскере турок офицеров, да служителей будет до 70 человек..."

Прочие распоряжения даются С. Петербургскому обер-коменданту Игнатьеву.

" Начало 1740 года было примечательно великолепнейшим торжеством, каковаго никогда в России не бывало, по поводу заключенного между сею империей и турками мира ", пишет гр. Эрнст Миних.

Императрица Анна Иоанновна любила пышность и приказала отпраздновать заключение Белградского мира большими торжествами. Миних и все участники войны были щедро вознаграждены.

" На другой день (15 февраля, Р. К.) пополудни", продолжает гр. Эрнст Миних ; " было опять собрание при дворе. Как скоро Императрица из своих внутренних покоев выйти изволила, жаловала она собственноручно золотые медали, на случай заключенного мира чеканенные ; самые большие медали содержали весом 50, а меньшие 30 червонных. Все, как присутствующие, так и отсутствующие знатные особы, считая от генерал-фельдмаршала до генерал-майора, равно как и чужестранные министры получили по одной из упомянутых медалей ".

" После сего Императрица подошед к окну, обра-

щенному к площади пред дворцом, приказала бросать собравшемуся многочисленному народу золотые и серебреные жетоны ; а потом изволила смотреть на предивное и обычайное в России зрелище, а именно : что народ по данному сигналу бросился на выставленного на площади жареного быка и другие съестные припасы, равно как и на вино и водку, которые фонтаном били в нарочно сделанные большие бассейны ".

" В вечеру был бал, на котором содержавшийся по днесь в плену сераскир Агия-паша, купно с пашею Хотинским имели честь быть представлены Императрице ; причем первый приносил монархине за все ощущенные высокие милости, с текущими из глаз слезами, благодарение краткою на турецком языке, но преисправно сложенною речью ".

" Императрица явила и сим двум мужам знаки своих щедрот ; а именно сераскиру пожаловала соболью шубу ценою в несколько тысяч рублей, а паше Хотинскому драгоценную шубу из куниц в подарок ".

Волошский хронист Дапонтес приводит и эту речь " преисправно сложенную ". Он пишет, что турецкие генералы благодарили Императрицу за то, что со дня плена они пользовались императорским благоволением. Они свободно были допущены ко Двору и солдаты, которые их охраняли всегда относились к ним с почетом. Они заверяли перед Богом, что никогда не перестанут восхвалять имя Императрицы и молиться за счастье и благополучие Ее Величества. Они кончили краткой молитвой, в которой призывали Небесное Благословение на обе империи и на Ее Величество Царицу.

На аудиенции Императрица даровала свободу обоим. Это произошло в феврале 1740 года ; но в августе паши все еще были в Петербурге.

Что же случилось ? Очень любопытные детали дают депеши французского поверенного в делах маркиза Ла Шетарди своему министру Амелоту в Париж и маркизу Вилленеву послу Франции в Константинополе.

27 августа 1740 г. Шетарди пишет в Париж : " Здешний Двор все еще глубоко огорчен тем, что Порта использовала русских гребцами на галерах и, думая принудить турок к лучшему исполнению условий мира, хочет применить репрессии : очаковский сераскер, паша хотинский и другие важные военнопленные, которые еще здесь, не скоро получат свободу уехать ".

Обмен военнопленными происходил медленно. Анна Иоанновна справедливо возмущалась, что турки не торопились возвращать русских взятых ими в плен и велела приостановить отправки пленных турок.

Вилленев же пишет, что султан в большом затруднении, так как часть пленных была продана в рабство во время войны, и он не может их освободить иначе, как выкупая их от частных лиц из собственной казны.

Из этого видно, что частная собственность в Турции уважалась и сам султан был бессилен в подобных случаях, а цены на невольников конечно возросли после заключения мира.

Все же наши уехали в Киев. Сопровождал их генерал Н. И. Румянцев, брат посла, который несколько раньше выехал в Константинополь с огромной свитой и обозом. Навстречу же ехал, тоже с грандиозным обозом, турецкий посол Эмин Мехмет паша. Эмин паша встретил Н. И. Румянцева и сераскиров в Мценске в ноябре 1740 года.

В Русском Биографическом словаре (статья Румянцев Н. И.) сказано следующее. " Кабинет еще раньше удивлялся, что Румянцев ничего не пишет о поведении и склонности посла, об изъяснениях его о делах и состояниях здешних, о том, какие он получает указы из Порты, о чем он пишет от себя, о чем говорил с встретившимся в Мценске сераскиром и Колчак пашою, ехавшими из Петербурга ".

Как это не покажется странным, но восстановить то, о чем посол говорил с Колчаком, можно. В эти времена издавался в Амстердаме, по-французски, ежемесячник " Исторический Меркурий ". Редакция получала каждый месяц сообщения своих корреспондентов из всех столиц Европы, а также из Константинополя. Приходится признать, что журнализм был уже хорошо поставлен в первой половине XVIII-го века. Сводки событий издавались лишь с двухмесячным опозданием ! Но тогда и никто не торопился...

Так в мае 1740 г. из Константинополя пишут. " Здесь ходит слух, что Али паша, который командовал частью войск в Ставучанском бою около Хотина и который был взят в плен, умерщвлен на дороге при возвращении его сюда из России, но что он дорого продал свою жизнь, убивши своей рукой восемь человек из тех, которые должны были его умертвить ".

В июне 1740 г. дано другое сообщение.

" Бывший Хотинский паша, взятый в плен русскими и увезенный в Петербург, был обезглавлен по приказу султана по возвращении паши из Петербурга в Константинополь и его голова послана в эту Оттоманскую столицу, где она выставлена на пике ".

Но это известие о смерти Колчака было ложно, так как в июне он был еще в России, как видно это из депеш Шетарди ; турецкий посол переправился через Буг лишь 28 октября и встретился с Колчаком в Мценске лишь в ноябре.

Товарищ же Колчака, по плену, Ягия паша, сераскир Очаковский, вернулся в Константинополь с Румянцевым-послом лишь в марте 1741 года. Гаммер в своей истории Османской империи упоминает о возвращении сераскира Очаковского и ничего не пишет о Колчаке, потому что тот не вернулся, а решил он не возвращаться, потому что турецкий посол при встрече рассказал ему, что случилось с Али пашой, и что его ожидает, если он вступит на территорию Оттоманской империи.

Султан Махмут, относившийся к Элиасу паше очень благосклонно, не простил бы ему сдачу Хотина ;

друзья при дворе у него были и среди них, повидимому, и Эмин паша, которого он встретил в Мненске. О дальнейшем можно узнать и догадываться из " Хроники Дакийской " упомянутого выше Константина Дапонтеса.

Этот Дапонтес был при дворе господаря Константина Маврокордато в Бухаресте. Ему было поручено господарем вести записи с начала русско-турецкой войны 1734 года.

Дапонтес, фанариот, лояльный по отношению к султану, много раз упоминает о Колчаке паше ; в частности он рассказывает о похвальном письме полученном Колчаком за несколько дней до Ставучанского боя из Константинополя от Каймакана паши, заместителя великого визиря, который тогда командовал в Сербии против имперцев. Это письмо, выражающее благоговение султана, интересно тем, что оно передает заботу султана о гражданском населении Молдавии и, в частности, его строгий приказ смотреть за тем, чтобы население как можно меньше страдало бы от военных действий...

Но сдача Хотина имела слишком большое значение для Турции и повидимому и султан, и великий визирь были в великом гневе, хотя очевидно, что защищать Хотин против всей русской армии, имея лишь 700 человек гарнизона, было невозможно. Предупрежденный, несомненно, турецким послом, что вернувшись в Турцию, ему своей головы не снасти, Колчак паша не вступил больше на турецкую территорию и, повидимому, из Киева отправился в Галицию в Станиславов, владения и крепость гетмана Иосифа Потоцкого. Хотя документальных данных я еще для этого пока не нашел, но вот как я восстанавливаю историческую вероятность дальнейшего.

Константин Дапонтес рассказывает, что еще до своего плена Колчак успел вывезти и государственную, и личную казну из Хотина в Станиславов, которого Потоцкий был воеводою. Князь Дмитрий Кантемир (сын того кн. Дмитрия Кантемира, который ушел из Молдавии с Петром Великим) снарядил целую экспедицию, чтобы захватить Станиславов и казну. Для Дапонтеса Кантемир, которого он величает " Димитрашкою ", разбойник и изменник, и его набег на Станиславов — город нейтральный — просто попытка грабежа. Но гарнизон Станиславова не сдался, и Кантемир удалился с угрозами и проклятиями, разграбив Городенку.

Совершенно естественно, что из Киева освобожденный Колчак паша обратился за помощью к старому другу и союзнику Потоцкому, тем более, что его казна охранялась людьми Потоцкого. Потоцкий же, будучи гетманом при короле Августе III-м, все же оставался верен Станиславу Лещинскому. Его постоянной мыслью было поднять конфедерацию для восстановления Лещинского при помощи Турции и Франции. Ставучанская победа Миниха разбила окончательно эти планы, но старого своего союзника-турка, повидимому, Потоцкий не оставил, ибо, по отзыву современников, Потоцкий был человек благородный и для " рыцарских дел рожденный ".

Повидимому Колчак паше не очень долго осталось жить во владениях Потоцкого, так как около 1743 года, некий Бенуа, поверенный в делах Лещинского, Потоцкого и Тарло, главы Дзиковской конфедерации, в Константинополе просил султана, чтобы тот назначил в Хотин (возвращенный русскими Турции) и в Бендеры таких же " честных пашей, как покойный Колчак ".

Потомки Колчака паши получили в Галиции польский "индигенат" и были причислены к гербу "Боньча " (белый единорог на лазурном поле).

При Екатерине Великой и после третьего раздела Польши правнук паши окажется в Бугском казачьем войске, при атаманах князе Радукане Кантакузене и Краснове.

Это уже эпоха основания Одессы и колонизации Новороссии.

(Продолжение следует)

Воспоминания морского врача

Я. Кефели

Ниже печатаются отрывки из личных воспоминаний действительного статского советника, доктора медицины Якова Иосифовича Кефели, бывшего Санитарного инспектора Русского флота, повествующие о его службе во флоте в начале этого столетия на Дальнем Востоке. Некоторые части этих весьма интересных воспоминаний были опубликованы в книге « Порт-Артур. Воспоминания участников », вышедшей в 1955 году в издательстве имени Чехова в Нью-Йорке. « Военно-Исторический Вестник » будет печатать отрывки, которые не вошли в названную книгу. (Ред.)

В Порт-Артур я прибыл 2-го мая 1902 года.

В то время еще не была закончена постройкой Великая сибирская железная дорога и не было смычки ее частей, строившихся с запада и востока одновременно. Не было также соединения ее с Манджурской (Восточно-Китайской) железной дорогой, сооруженной также русскими, на основании особой конвенции с Китаем.

На Дальний Восток я пришел морем из Одессы на пароходе Добровольного флота "Екатеринослав". Обогнув всю Азию с юга в 40 дней и 40 ночей почти беспрерывного плавания, сначала мы прибыли в Нагасаки. Правильного сообщения с Артуром не было в те дни, и мне пришлось прожить в милом Нагасакском порту около двух недель в ожидании русского паро-

хода, идущего в Артур. Это дало мне возможность ознакомиться немного с японцами, нашими будущими противниками, как тогда говорили уже все.

Меня удивило, что в то время Нагасаки скорее походил на русской порт в инородческой окраине России, чем на вражескую землю. Всюду можно было встретить русских морских офицеров в военной форме. Русские матросы, также в форме, попадались на глаза чаще, чем японские полицейские.

При входе в бухту, уже с парохода, мы заметили справа на пригорке православную русскую церковь и около нее довольно обширные постройки русского морского лазарета Тихоокеанской эскадры. Он обслуживался русскими военными моряками. Там лежало и лечилось около сотни русских матросов и офицеров со всех судов нашего дальневосточного флота.

Как известно, в течение нескольких десятков лет русский флот Дальнего Востока всю зиму простаивал в Нагасаки. В слободке же, именуемой Инаса, где жили обычно русские офицеры и матросы, в дни моего приезда почти все жители еще свободно объяснялись по-русски.

На рейде мы застали военные суда некоторых великих европейских держав того времени. Однако, японских военных судов в Нагасаки мы не видели. Почти не встречали и военных японцев.

На " Екатеринославе " в первом классе было всего четыре пассажира, причем двое, я и молодой зоолог (ныне известный профессор зоологии) Давыдов, впервые направлялись на Дальний Восток, а два других пассажира были старые аборигены этого края : один чиновник особых поручений Приамурского генерал-губернатора, а другой — бухгалтер известного на всем Востоке торгового дома Чурин и Компания. Если добавить, что из шести офицеров " Екатеринослава " пять были флотские офицеры в возрасте около 40 лет, то на длинных переходах и долгих общих обедах и завтраках все разговоры в кают-компании упирались в вопросы о надвигающейся страде для нашего флота, для Порт-Артура, города Дальнего и оккупированной в период Боксерского восстания Манджурии, которую, вопреки обещанию, Россия, видимо, не собиралась эвакуировать. Постепенно у нас рождались вопросы о международном будущем и складывалось представление о том, кто из великих держав могут быть с нами, кто против нас и кто останется в стороне.

К этим пароходным политическим осведомителям надо прибавить еще моего " чичероне " в Нагасаки, лейтенанта " на окладе " (значит пожилого) Михаила Михайловича Веселкина, впоследствии Свиты контр-адмирала и коменданта Севастопольской крепости. М. М. Веселкин лечился в Нагасаки на минеральных водах, от скуки занялся мною-новичком и показывал мне быт и нравы Японии. Тогда лейтенант Веселкин числился старшим флаг-офицером начальника эскадры вице-адмирала Скрыдлова и, естественно, более других офицеров был осведомлен о политической ситуации.

Ясно, что уже до прибытия в Порт-Артур я был немного политически ориентирован в обстановке русского Дальнего Востока. Суммирую мои впечатления.

Первым противником русского размаха вообще, и на Дальнем Востоке особенно, тогда была Великобритания, которая прочно присосалась к различным пунктам Китая, ревниво следила за действиями России на берегах Великого океана и мешала ей всеми мерами. Благоприятным было отношение Франции. Объяснение — важный для нее франко-русской союз против Германии. Поощрительными были акты Германии, которая хотела отвлечь Россию от вопросов юго-востока Европы и направить ее могучюю акцию на Дальний Восток. Соединенные Штаты Северной Америки тоже начинали настраиваться против России, но очень скрытно и пока в малой степени. Остальные державы особой роли играть не могли по своей относительной слабости.

***

Когда в Артуре я явился начальнику морского штаба контр-адмиралу Витгефту, эскадра была во Владивостоке. Адмирал, очень любезный человек, сказал мне : " Отдохните с дороги и ознакомьтесь с новым краем ".

Я был поражен кипучей жизнью в Артуре. Русских, кроме военнослужащих, почти не было видно, но военных было очень много. Тысячи же китайцев суетливо трудились над сооружением нового города. Улицы были разбиты, шоссированы, домов же еще не было. Однако, огромными штабелями всюду лежал кирпич, и многие десятки домов уже имели фундаменты и вырастали из земного уровня ввысь.

Вся же торговля и административная жизнь была сосредоточена в старом китайском городе и около внутреннего бассейна, прекрасно оборудованного английскими инженерами еще до занятия Порт-Артура русскими. На рейде и в гавани стояло с десяток, другой пароходов и сотни китайских парусных джонок. Видно было, что жизнь в Порт-Артуре била ключом.

***

Через три дня после моего приезда в Порт-Артур на " Этажерке " (бульвар перед домом, где жил Главный Начальник Края, вице-адмирал Е. И. Алексеев), я встретил контр-адмирала Витгефта. Он шел с портфелем из " дворца ", остановил меня, повел рядом с собой и сказал :

— От градоначальника города Инкоо, капитана 2 ранга Эбергардта, получена телеграмма, что там обнаружены случаи холеры. Сегодня вечером идет поезд по направлению Мукдена (дорога еще не была закончена постройкой). Зайдите в штаб, получите предписание и прогоны, сегодня же выезжайте в Инкоо и явитесь градоначальнику.

Вечером я выехал и к утру прибыл в Инкоо, иначе

Нью-Чванг. Меня удивило, что все станции железной дороги, построенные русскими инженерами, очень напоминали российские железнодорожные сооружения с той лишь разницей, что рядом с русскими надписями стояли китайские иероглифы. На перроне — те же начальники станций в красных фуражках.

Вокзал и город были переполнены оживленными, подвижными и деятельными китайцами. Все без исключения были одеты в свои национальные костюмы и все с предлинными косами. Китай тогда сохранял еще свой старый бытовой лик. Весь город казался одноэтажным. Дома в китайском стиле — черепичные крыши с задранными вверх углами. Черепица и кирпичи землистого цвета.

Улицы города были залиты жидкой грязью. С гиком и щелканьем длинных бичей медленно продвигались своеобразные узкие на двуколесном ходу телеги с огромными грузами, запряженные цугом тремя-четырьмя парами, вперемежку, мулов, голов и лошадей. Замечательно, что в этих телегах вертелись не колеса на осях, а оси с неподвижно связанными с ними колесами — щитами без спиц. Улицы были настолько узки, что во многих местах не могли пропустить встречные подводы. Тротуаров не было. По сторонам улиц тянулись длинные заборы. Дома же были внутри дворов.

В городе на перекрестках стояли китайцы, не то солдаты, не то полицейские, в соломенных конусообразных шляпах с красными ленточками на верхушке конуса, развевавшимися по ветру и обозначившими военного. В руках у них были русские винтовки. При проходе русских "капитана" они становились смирно и брали ружье на караул. Это была русская полиция из китайцев, организованная и руководимая русским офицером, командиром роты одного из восточносибирских стрелковых полков, считавшимся полицмейстером города.

В Инкоо в то время считалось около 150.000 жителей — манджур. Довольно много русских, по преимущественно военных. Не мало было и других иностранцев, так как Инкоо крупный коммерческий порт Манджурии, стоящий на большой судоходной реке Ляо Хе, в 10-20 верстах от моря. Ляо-Хе река широкая с пол-версты шириною, с водою коричневого цвета. По ней двигались тысячи парусных китайских судов с рогожными парусами. На каждом судне, с семьями и детьми, плавает и живет их экипаж. Ляо-Хе поражала русских, вновь приехавших в Инкоо, своей редкой особенностью: она течет в обе стороны с одинаковой быстротой. Пять часов она мчится в море с такою поспешностью, точно боится опоздать к сроку. Затем река как-то приостанавливается на пол-часа и потом с такой же скоростью начинает бежать обратно. То она несется с суши в море, то обратно из моря на сушу. В воде реки вы всегда увидите бревна, мусор, трупы животных, а иногда и людей. Все это было в пользу быстрого развития холерной эпидемии в случае ее появления.

Расспросив прохожих русских солдат, как пройти к градоначальнику, я явился к капитану 2 ранга Эбергардту, одновременно бывшему командиром канонерской лодки "Манджур", стоявшей тут же у города на обширном речном рейде Ляо-Хе на якоре в среде целой эскадры военных стационеров всех великих держав: японского, английского, американского, французского, австро-венгерского, итальянского и германского.

Градоначальник, Андрей Августович Эбергардт (впоследствии командующий Черноморским флотом), человек лет 40 - 45, блондин, с серыми глазами и редкой бородкой, породистый, воспитанный и деликатный рассказал мне следующее о положении вещей.

Два дня тому назад английский пароход — "купец" — привез из южного Китая, где в то время была холера и где она эндемична, несколько тысяч китайских кули (чернорабочих) для нужд строящейся в Манджурии русской железной дороги. Пароход этот был переполнен китайской беднотой.

После недельного пути, при подходе к устью реки Ляо-Хе, на пароходе вдруг обнаружилось несколько случаев холероподобных заболеваний. Заболевшие очень скоро умерли. Английский капитан у входа в бар реки выбросил все трупы умерших в камыши, быстро вошел в реку, проскочил город и международную эскадру стационеров, не остановился перед мачтой английского карантинного поста для врачебного визита, пришвартовался к береговой стенке у вокзала и быстро высадил всех своих пассажиров на берег без разрешения портовых властей.

Толпа китайских кули в две-три тысячи человек двинулась от вокзала в город Инкоо, отстоявший на версту от причальной стенки вокзала. По дороге некоторые рабочие-китайцы стали падать в корчах, проявляя все признаки холерного заболевания. Полиция заметила двигающуюся толпу, обнаружила валявшихся на земле больных и подняла тревогу. Извещенный об этом градоначальник распорядился тотчас же окружить толпу войсками, чтобы помешать ей проникнуть в город и приказал принять в отношении прибывших необходимые карантинные меры.

В городе кроме китайских властей был карантинный врач-англичанин, состоявший на китайской службе. Он держал себя, как и другие англичане на Востоке в те времена, очень важно и мало считался с требованиями русских оккупационных властей. Созванное экстренно градоначальником совещание всех местных и военных врачей вынесло заключение, что ввиду инкубационного периода холеры, только через неделю можно будет признать, удалось ли полиции окружить всю двигавшуюся толпу для изоляции заболевших и находящихся в инкубационном периоде.

На шестой день этого странного происшествия, на совещании у градоначальника, доктор Троицкий, старший врач открытого за городом холерного госпиталя, доложил, что первый доставленный к нему из города

больной вне всякого сомнения холерный и находится в безнадежном состоянии.

Тотчас же все намеченные санитарные меры были приведены в действие.

Я был назначен санитарным врачом одной четверти города. Моей обязанностью было осматривать подозрительных больных в их домах и отправлять в госпиталь, а умерших, в гробах, на особое кладбище. Это был мой первый медицинский и служебный дебют по окончании Императорской Военно-Медицинской академии. Могу ли забыть его ?, С ужасом вспоминаю мрачную процессию, которую пришлось мне возглавлять ежедневно.

Впереди на коне — я. Позади — казак с винтовкой за спиной, тоже на коне. Справа от меня, шлепая по грязи, полубежит "шпион"-переводчик, задравши полы выцвевшего синего китайского халата. В руках у него сложенный веер ; длинная черная коса с головы спускается ниже пояса. Китаец худой, тощий, что-то запскивающе лопочет, держа в руках бумажку с иероглифами, где записаны адреса больных, за ночь собранные полицией через "шпионов". Переводчик знал пять слов по-русски, а я — три по-китайски. Я не понимал китайца, он не понимал меня.

Далее гуськом движется ряд носилок, несомых каждая четырьмя бравыми манджурами с косами, обернутыми венцом вокруг головы и с засученными до локтей руками. За линией носилок — телега, загруженная дезинфекциями и, наконец, подвода с горою гробов. Шествие замыкалось ветеринарным фельдшером с ранцем-помпою за плечами.

Эта мрачная процессия с утра до вечера двигалась по узким улицам Инкоо, внушая ужас и населению и нам самим.

В условиях жизни того времени и при отсутствии общего языка с населением борьба с холерой была почти безнадежна и безрезультатна. Тогда еще не было вакцинации для предохранения здоровых. Не знали и о существовании микро-микробов и среди них бактериофагов, жадно пожирающих холерные "запятые". Конечно не знали и того, что естественное (в те времена необъяснимое) прекращение эпидемии объясняется именно этими незримыми гурманами лакомого для них блюда — холерной бактерии...

Теперь, после долголетнего житейского опыта, должен сказат, что русские власти, застигнутые неожиданной бедой, накликанной им англичанином, не случайной, а — как говорили тогда в Артуре — предумышленной, действовали правильно, быстро и самоотверженно. Градоначальник города Инкоо, капитан 2 ранга Эбергардт, и его помощник, старший санитарный врач города, были на высоте.

Холера распространялась с невероятной быстротой: с каждым днем число случаев увеличивалось почти в геометрической прогрессии. Уже через несколько дней я не успевал в один прием обойти больных по всем адресам. Число смертных случаев все увеличивалось. Для гробов пришлось потребовать большую телегу. Дело принимало настолько мрачный оборот, по крайней мере в моем поле зрения, что я уже терял надежду благополучно выйти из этой нежданной катастрофы.

Кончилась вторая неделя эпидемии. В обед звонит ко мне сам градоначальник и говорит :

— Приезжайте сегодня ко мне обедать.

— Андрей Августович, разве вы меня не боитесь ? спрашиваю я.

— Ничего, ничего. Приезжайте буду вас ждать.

Вечером я был у Эбергардта его единственным гостем. Любезный хозяин прекрасно меня накормил и распрашивал о ходе дела. Я нарисовал ему трагическую сущность положения. К столу подавали два матроса, вестовых с "Манджура". К концу обеда градоначальник что-то шепнул одному из них. На столе появились два бокала и бутылка шампанского.

— У вас сегодня праздник, спросил я хозяина.

— Праздник у вас, ответил мне Эбергардт, я получил телеграмму из штаба Морского Управления, что вы назначены судовым врачом на крейсер 2 ранга "Забияку" (яхта наместника). Завтра же можете ехать.

На утро, с первым же поездом, я выехал в Артур.

***

Эпидемия, единственным виновником которой был англичанин-" купец ", унесла много высяч жертв китайцев и русских и продолжалась больше года. Она перебросилась чуть не во все города Манджурии, занесена была в Порт-Артур, в Приамурский край, Хабаровск и нарушила всю жизнь Дальнего Востока. Всюду были установлены карантины для едущих в поездах. Холера попала и во Владивосток. Среди многих жертв вспоминаю морского врача, старшего врача портового лазарета Москвина.

Летом следующего 1903 года эпидемия, стихшая зимой, вновь усилилась в восточной части вновь образованного наместничества и сама собой исчезла только осенью 1903 года, незадолго до начала русско-японской войны.

Русские власти хотели судить недостойного англичанина, но в дело вмешалось Великобританское правительство. Хотя преступление было совершено в зоне оккупированной русскими, капитан парохода был предан английскому суду, который ограничился самым незначительным наказанием, кажется, выговором.

Не потому ли, что у Инкоо, занятого русскими, стояла международная эскадра стационеров, в числе которых был английский военный корабль ?

Оттуда с удивлением и завистью смотрели на размах активности Российской империи, перекинувшей железную дорогу на тысячи верст по Китаю до просторов Великого океана, вблизи которой выростали "по-американски " на пустырях новые города, теперь населенные многими сотнями тысяч жителей.

Ничто не ново под луной — ни холодная война, ни бактерийное оружие...

Документы

Письмо Императора Николая I-го графу М. С. Воронцову с извещением о рождении Великого Князя Михаила Николаевича.

Графъ Михаилъ Семеновичъ ! Вчерашняго числа, въ 9-ть часовъ по полудни, Ея Императорское Величество Любезнѣйшая Супруга Моя, благополучно разрѣшилась отъ бремени Великимъ Княземъ, нарѣченнымъ Михаиломъ. Поспѣшая сообщитъ вамъ о сей моей милости, Всевышнимъ Дому Моему и Россіи оказанной, для объявленія объ оной жителямъ ввѣреннымъ управленію вашему Губерній и Бессарабской области, Я увѣренъ, что они раздѣлятъ радость Мою и общую всѣхъ вѣрноподданныхъ и соединятъ усердныя мольбы свои съ Моими о благоденствіи и преуспѣяніи новорожденнаго.

Пребываю вамъ на всегда благосклоннымъ

НИКОЛАЙ

С. Петербургъ
14-го Октября 1832 года

Любопытно отметить, что граф (впоследствии князь) Мих. Сем. Воронцов (1782 - 1856) будет с 1844 по 1854 г. наместником Кавказа, а через восемь лет после оставления им этой должности, т. е. в 1862 году Кавказским наместником будет назначен Великий Князь Михаил Николаевич, о рождении которого Император Николай Павлович извещает Воронцова, бывшего в ту пору Новороссийским генерал-губернатором и наместником Бессарабской области. Военная деятельность обоих будет впоследствии тесно связана с Кавказом и за эту деятельность оба будут в свое время возведены в звание генерал-фельдмаршалов: князь Воронцов в 1856, а Великий Князь Михаил Николаевич в 1878 году.

Подлинник настоящего письма находится в моем собрании автографов.

Сообщил *Ю. ТОПОРКОВ*

К 50-летию со дня кончины Великого Князя Михаила Николаевича (1832 - 1909)

Если в этом году мы отмечали и отмечаем важный этап в истории долголетних Кавказских войн — столетнюю годовщину взятия русскими войсками неприступного Гуниба, пленения имама Шамиля, а вместе с тем и замирения всего Восточного Кавказа, то не забудем, что в нынешнем же году исполняется 50 лет со дня кончины Великого Князя Михаила Николаевича деятельность которого неразрывно связана с другим важным событием — с замирением всего Кавказа и концем долголетней кровавой борьбы русских с горцами. Четвертый сын Императора Николая I, он родился 13 октября 1832 г. С 1852 г. — генерал-фельдцейхмейстер, в 1855 г. — член Государственного Совета. С 6 декабря 1862 г. — Наместник Кавказский и командующий, а затем главнокомандующий, Кавказской армии. По его указанию весною 1864 г. было приступлено к покорению юго-западной стороны Кавказского хребта. Для этой цели им были двинуты отряды: из Кубанской области через главный хребет по р. р. Мзымта и Бзыби и навстречу им из Кутаисского генерал-губернаторства. В апреле месяце эти пять отрядов начали продвижение навстречу друг с другом, не встречая особых препятствий, за исключением Пскувского отряда, которому пришлось одолевать сильное сопротивление горцев. 20 мая произошло, в урочище Кбаада, соединение этих отрядов, и на другой день был отслужен благодарственный молебен по случаю окончания Кавказской войны.

После турецкой войны 1877-78 гг. Великий Князь Михаил Николаевич был пожалован генерал-фельдмаршалом, а в 1881 г. назначен председателем Государственного Совета. Скончался он 5 декабря 1909 г. в г. Канны на юге Франции. Тело почившего было перевезено в Россию на крейсере "Богатырь" и погребено в Петропавловской крепости.

Для увековечения его памяти в российской армии его имя было присвоено: 1-й бат. Л. Гв. 2-й арт. бригады, 2-й бат. Л. Гв. Конной артиллерии, 6-му гренадерскому Таврическому полку, 1-му Кавказскому стрелковому полку, Кавказской гренадерской артиллерийской бригаде, 9-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригаде, 1-му Кубанскому казачьему полку, 1-му Кубанскому пластунскому батальону, 1-й Кубанской казачьей батарее, Тифлисскому пехотному военному училищу и Тифлисскому кадетскому корпусу.

Кн. П. Т-й

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

N° 15

МАЙ 1960 год

СОДЕРЖАНИЕ

К этому номеру приложена иллюстрация «Золотое оружие» из собрания **Е. С. Молло.**

«Военно-Исторический Вестник» выходит два раза в год — в мае и ноябре.

Издается на правах рукописи.

Настоящий номер вышел под редакцией **Ю. А. Топоркова.**

От правления Общества Любителей Русской Военной Старины

"В. И. ВЕСТНИК" МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ВНЕ ФРАНЦИИ ПО НИЖЕСЛЕДУЮЩИМ АДРЕСАМ:

АВСТРАЛИЯ.—Представитель Об-ва И. М. Перекрист — 31, Roberts Avenue. Randwick-Sidney (N.S.W.).

АНГЛИЯ. — В. В. Барачевский — 23, Alder Grove, London, N.W.2.

ВЕНЕЦУЭЛА. — К. А. Келлнер — Sarria N° 24, Quinta Coromoto, Caracas.

ГРЕЦИЯ. — Член О-ва В. В. Дейтрих, — 17, rue Kouzi, Athènes

С. А. ШТАТЫ. — Представитель Об-ва на Западные Штаты А. Ф. Долгополов — A. Doll, 5954, Barton Ave. Los Angeles 38 (Calif.).

— член Об-ва Г. В. Месняев — 1348, Sheridan Ave., apt. F. F., Bronx 56 (N.Y.).

Переписку по делам Общества просят направлять по адресу Льва Николаевича Немирова:

L. Nemiroff, 26-bis, rue de l'Ingénieur Robert-Keller, Paris (15e).

Переписку редакционного характера просят направлять по адресу Юрия Александровича Топоркова:

G. Toporkoff, 25, rue Rennequin, Paris (17e).

Заказы на все издания и медали Общества, а также все денежные переводы просят направлять по адресу Александра Васильевича Щиткова (на его почтовый текущий счет Paris№ 13.694.00 или чеками на его имя):

A. Stchitkoff, 15, rue de Médéah, Paris (14e).

ИЗДАНИЯ ОБЩЕСТВА

На складе Общества имеется еще небольшое количество нижеследующих изданий Об-ва:

1. — Сборник *"Русская Военная Старина"* — первое издание Об-ва (1947 г.). Цена — 4,00 фр. фр. или 1 ам. дол., или 4,70 фр. фр.

2. — *"Записка о службе А. В. Суворова"* (изд. 1947 г.). Цена — 1,00 фр. или 0,25 дол., или 1,15 фр. Сборник и Записка — при одновременном заказе — 4,50 фр. или 1,10 дол., или 5,20 фр.

3. — Номера 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14 и 15 *"В. И. Вестника"*. Цена — 2,00 фр. или 0,80 дол., или 2,35 фр.

МЕДАЛИ ОБЩЕСТВА

1. — В настоящее время бронзовая Полтавская медаль (1709 - 1959) — высылается немедленно всем заказавшим ее. Что же касается медалей Гвардии-Нарвы (1700 - 1950), Петербурга (1703 - 1953), Севастополя (1885 - 1955) и всех четырех медалей в серебре, то с момента получения заказа и до отправки медали может пройти иногда значительный промежуток времени.

2. — Стоимость Севастопольской или Полтавской медали — 8,00 фр. или 2,50 доллара или 9,40 фр. Стоимость медали Гвардии-Нарвы или Петербургской соответственно — 11,70 фр., 3,00 долл. и 13,35 фр. Стоимость любой серебряной медали — 42,00 фр., 10,00 долл. и 45,00 фр.

Примечание. Во всех вышеуказанных ценах, первая цена относится к Франции и зоне франка, вторая — ко всем заокеанским странам и третья — ко всем остальным странам. В указанные цены входит стоимость пересылки.

Уже много лет тому назад член нашего Об-ва Георгий Владимирович Иванов начал создавать коллекцию оловянных солдатиков, представляющих Росс. Имп. Армию в парадных формах 1914 года. В настоящее время к нему присоединился для продолжения этого дела И. В. Эльфельдт тоже член нашего Об-ва.

Любители и коллекционеры русск. воен. старины могут приобретать у Г. В. Иванова уже готовые фигурки: Собств. Е. И. В. Конвой, I-ая Гвард. кавалер. дивизия, Л. г. Гусарский, Конно-Гренадер., Казачий и Атаманский полки, Рота Дворц. гренадер и Гвард. пехота (кроме полков Павловского и 4 Стрел. Имп. Фамилии). Продажа этих фигурок послужит средством для расширения коллекции, конечною целью которой является представление всех частей Росс. Армии. За справками обращаться к: **G. Ivanow, Wästmannagatan 80, Stockholm.**

Библиография

В дополнение к заметке в № 13 "В. И. Вестника" относительно труда В. В. Звегинцова "Формы Русской Армии 1914 года" даем описание этой книги. Она состоит из двух частей: первой, тетради текста в 132 страницы (формат 25 на 32 см.), дающего подробное описание форм всех частей войск, а также общих предметов обмундирования и принадлежностей, указания на масти лошадей конных частей и конспективное изложение развернутых и походных строев, и второй части — 120 таблиц (не раскрашенных, того же формата) рисунков и схем, из которых около 20 посвящены фигурам (в рост), около 45 — содержат схематические изображения всех частей войск и около 50 — детали отдельных предметов обмундирования. Цена этой книги (две части) — 110 нов. франков.

В конце 1959 г. вышел и второй труд того же автора "Русская Армия 1914 года". Того же формата, что и вышеописанная книга, эта тетрадь в 132 стр. содержит подробную дислокацию армии, старшинство и праздник каждой части, список формирований военного времени (1914—1917) и перечень регалий и отличий всех частей. Цена этой книги — 20 нов. франков.

С заказами надлежит обращаться к Владимиру Владимировичу Звегинцову — **W. Zweguintzow, 17, rue St-Saëns, PARIS 15e.**

Персидский фронт 1915-18 гг.

В дополнение к интереснейшим воспоминаниям секретаря русской миссии в Тегеране, Г. Г. Баха, опубликованным в №№ 13 и 14 "Военно-Исторического Вестника" и являющимися ценным вкладом в материалы по исследованию истории 1-й Мировой войны, в этом номере публикуется другой интересный документ, относящийся к тому же Персидскому фронту. Документ этот — "прощальный" приказ по кавалерийскому корпусу командира его, генерала Баратова, по случаю ликвидации фронта в 1918 году. Приказ этот интересен и ценен тем, что автор его, стоявший во главе наших военных сил в Персии с 1915 по 1918 г., делает "резюме" всех событий, случившихся в Персии за время его командования Персидским фронтом и сообщает некоторые малоизвестные подробности этих событий. Этот приказ публикуется впервые. (Ю. Т.).

ПРИКАЗ
ВОЙСКАМ ОТДЕЛЬНОГО КАВКАЗСКОГО КАВАЛЕРИЙСКОГО КОРПУСА

С кратким очерком его боевой жизни и работы на Персидском фронте во время Великой войны в 1915—18 г. г.

ГЕНЕРАЛА ОТ КАВАЛЕРИИ БАРАТОВА

№ 85

Персидский фронт. 10 июня 1918 г.

Самый тяжкий долг в человеческой жизни — это закрывать глаза любимому, родному человеку... Вот такое именно чувство наполняет мою душу, когда я должен исполнить этот долг в отношении к моему родному и любимому доблестному Корпусу...

Два с половиной года тому назад пришел я, во главе Кавказского Экспедиционного Корпуса, в Персию. А между тем, так живо встают предо мною картина за картиной из этого трудного и ответственного, но зато славного, дорогого прошлого, начиная с первого дня прибытия моего со своим штабом и головными частями в Энзели — 30 октября 1915 года.

К этому самому времени нашим врагам-немцам, при посредстве обильно, целыми горами, рассыпанного золота по всей Персии и, благодаря их настойчивой систематической и планомерной работе, удалось создать для нашей родины и армии новый, уже третий, после Кавказского турецкого фронта — фронт *Персидский.*

Ко времени моего прибытия со штабом и головными частями войск в Энзели, германо-турки уже стали истинными господами положения в Персии. Они уже приготовили все к увозу из Тегерана Шаха с его семьей, Двора, Правительства и депутатов Меджелиса в священный город Кум, к югу от Тегерана. Они хотели поднять против России и Англии не только Персию, но и Афганистан и Индию, повлиять таким образом на ход военных операций и на наших первостепенных, главных фронтах.... И счастье желанное казалось нашим врагам таким близким и возможным, как вдруг в Персию явилась, по усиленному ходатайству нашей Российской миссии и воле нашего бывшего Главнокомандующего, Великого Князя Николая Николаевича, маленькая горсть Кавказской армии, и все мечты наших врагов были разбиты в прах...

Я никогда не забуду, с каким замиранием сердца и радостной надеждой распропагандированная нашими врагами часть персидских властей и населения следила за нашим сначала вступлением в Персию, за нашей подготовкой затем к боевым операциям, окрыленная успешным к тому времени изгнанием наших и английских консулов, банков и колоний из таких пунктов, как Исфагань, Кум, Султанабад, Керманшах и особенно изгнанием их силою оружия, — перешедшей на сторону немцев шведско-персидской жандармерией, — из Кенговера и Хамадана.

Казвин, куда я прибыл со штабом своего Экспедиционного Корпуса 1-го ноября 1915 г. и где затем я встречал приходившие одну за другой из России наши войсковые части, был полон многочисленными беженцами, русскими и англичанами, со всех обширных концов взбаломученного немцами, дотоле всегда миролюбивого и застывшего, казалось, в своем восточном спокойствии, древнего Ирана.

К 20-му ноября наши войска окончили свое сосредоточение, заняли исходные пункты, и сформированный мною Хамаданский конный отряд, под начальством полковника Фисенко, двинулся к Султан-Булагскому перевалу, занятому вооруженными силами наших врагов, а конный отряд полковника Колесникова направился вскоре затем по Кумскому направлению.

По персидским слухам, как всегда преувеличенным, наши враги заняли на вышеупомянутом перевале "сильно укрепленную позицию" и сосредоточили "громадные силы, до 10.000 человек" и потому русские войска ожидала неминуемая неудача, а за нею отход к Казвину и далее на Энзели...

У с. Аве произошла первая стычка наших и неприятельских передовых конных частей, а затем, в два дня — 25 и 26 ноября — участь грозного Султан-Булагского перевала и укрепленных на нем позиций была решена лихим стремительным ударом нашего конного отряда. Последний действовал тремя колоннами: с фронта — главная, средняя колонна — по шоссе, и с обоих флангов — обходные колонны полковника Яковлева и войскового старшины Лещенко. Обходным

колоннам пришлось совершить свой путь по чрезвычайно скалистым, трудно проходимым, вьючным тропам.

За Султан-Булагом последовали бои, столь же успешные для нас и неудачные для врагов: у Хамадана — конного отряда полковника Фисенко, с одной стороны, у Лалекена, Саве, Кума и Исфагани конного отряда полковника Колесникова, с другой, и с третьей — у Султанабада и Буруджирда — конного отряда полковника Стопчанского. А затем, на главном операционном направлении — серьезные и удачные бои у Кянговера (подполк. бар. Медем), Бидесурского перевала, Сахне, Бисутуна и Керманшаха (конный отряд генерала Исарлова). .

Вся Персия пришла в изумление. И было отчего. В самом деле: незначительная горсть Кавказской армии в течение самого короткого времени, всего в два месяца, своими лихими и стремительными наступательными действиями, одновременно по трем операционным направлениям: Казвин — Хамадан — Керманшах, Казвин — Саве — Исфагань, Казвин — Кум — Буруджирд, после целого ряда коротких, но решительных ударов, очистила Персию от германо-турецких вооруженных сил и заняла огромную территорию шириною 800 верст по фронту и 800 верст в глубину, то есть своим дерзанием, силою своего кавказского духа, с малыми силами и кровью, достигла великих сравнительно результатов, не только материальных, но и моральных и политических. Все племена и их вожди стали усиленно искать русского покровительства и выражали дружественное расположение и даже готовились помогать нам.

Все вышеупомянутые беженцы из русских и английских консульств и банков, собравшиеся в Казвине, снова, под защитою наших войск, были возвращены на свои прежние места. Всюду были подняты, спущенные под напором германо-турок, наши и английские консульские флаги.

Мирная жизнь персидского населения, нарушенная боевыми действиями, вошла в свою колею. Великодержавное имя России и нашей союзницы Англии были силою нашего оружия и успехов снова восстановлено и поднято на подобающую высоту.

Движение же наших войск до Керманшаха, с выдвижением передовых частей до самого Керинда не могло не отозваться благоприятным образом на положении дел у наших союзников под Кут-эль-Амара.

После закрепления за нами обладания Керманшахского района у нашего бывшего Главнокомандующего, Великого Князя Николая Николаевича, явилась мысль и о дальнейшем наступлении наших войск по Багдадскому направлению с целью оказать помощь и выручку нашим союзникам, которые, под начальством доблестного генерала Таунсенд, были окружены превосходными силами турок под Кутом.

Я получил приказание приступить к этой новой стратегической операции наступления по Багдадскому направлению для занятия Ханекина и отвлечения на себя возможно больших турецких сил от Кут-эль-Амара. Эта серьезная операция требовала для вполне успешного достижения цели много времени и, главное, соответствующих сил и средств, в особенности транспортных, так как Ханекин отстоял от нашей базы в Энзели почти на 1.000 верст. На мое донесение о необходимом, для производства всех необходимых операций, времени, живых силы и средств я получил указание, что никаких новых сил и средств мне дать не могут, так как их не имеется в распоряжении Главнокомандующего, а время не терпит, так как положение союзников под Кутом становится критическим и потому предоставляется мне исполнить задачу с имевшимися в моем распоряжении силами и средствами.

Ответив на это, что раз вопрос ставится о выручке и об оказании помощи союзникам в критическом положении во что бы то ни стало, то тут приходится идти, заранее примирившись с неизбежными лишениями и трудностями для войск.

И вот, тогда, в половине апреля 1916 года, наш Керманшахский отряд (ген.-л. кн. Белосельского) выступил с вышеуказанной целью из Керманшаха и после целого ряда боев занял Керинд, Сермиль-Керинд, Миантаг, Таки-Гирей, Серпуль, Карси-Ширин и докатился до самого Ханекина, всего в пяти переходах от Багдада. Это было 25 апреля 1916 года.

Между тем, в это время обстановка на нашем Месопотамско-Персидском фронте резко изменилась и притом в очень неблагоприятную сторону — сначала для наших союзников-англичан, которые, вследствие несчастно сложившихся для них военных обстоятельств и климатических условий, наводнения и др., главное, численного превосходства турок, потеряли под Кутом высокодоблестного и мужественного генерала Таунсенда, вынужденного сдаться со своим отрядом. Это обстоятельство, в связи с невозможностью ведения англичанами дальнейших боевых действий в Месопотамии, вследствие наступившего знойного летнего времени, дало нашим врагам возможность, оставив против англичан лиш, незначительный заслон, сосредоточить, почти целый корпус против наших сравнительно слабых сил Керманшахского отряда под Ханекином.

Наш же Керманшахский отряд, после своего стремительного с успешными боями наступления, понес значительные потери, как в боях, так и особенно стал таять в рядах от всевозможных болезней, вследствие неимоверно тяжелых и совершенно непривычных для русского солдата и казака условий страшной жары с солнечными и тепловыми ударами, малярийными и холероподобными заболеваниями. В батальонах пограничников, выступивших из Керманшаха в составе 1.000 штыков, к этому времени число штыков уменьшилось до 500—600 в каждом. Очень таяли также ряды и нашей конницы, как в Кавказской кавалерийской дивизии, так и в подкрепивших ее двух полках 1-й Кавказской казачьей дивизии.

При такой обстановке мне нужно было позаботиться о сбережении нашей живой силы путем отвода

ее назад, к востоку, ближе к возвышенному, горному и потому более здоровому Кериндскому району.

Чтобы отход наших войск не имел характера боязни перед турками, что неминуемо могло отразиться весьма неблагоприятно для нас в политическом смысле, на отношениях к нам многочисленных персидских племен, на флангах и в тылу нашей этапной линии, я решил начать этот отход после решительного, но короткого удара по группе турецких войск, сосредоточившихся у Ханекина. Удар этот и был произведен 21 мая, причем весь успех Ханекинской операции был построен мною на своевременном, скрытном и внезапном выходе левой колонны генерала Исарлова, в обход правого фланга и тыла турок, в то время, как средняя колонна генерала Юденича, должна была своими действиями с конно-горной артиллерией сковать внимание и силы противника с фронта, а правая колонна полковника Амашукели, с их левого фланга.

Левой колонне удалось после успешно и скрытно исполненного двухдневного марша-маневра отрезать турок от Багдада, причем доблестные Северские драгуны и Хоперские казаки, частью сил заняв Багдадскую дорогу, перерезали телеграфную линию и захватили громадный верблюжий транспорт, а остальными эскадронами и сотнями произвели лихую конную атаку на нерасстроенную турецкую пехоту в окопах, изрубив целый батальон. Лихие командиры: полковники Гревс и Успенский и подполковники Краморенко и Дзевульский показали себя героями. Только счастливая случайность (отказ в действии одной из наших конно-горных батарей) спасла турок, начавших уже отход из Ханекина через Диалу, от полного разгрома.

Этот совершенно неожиданный и ошеломивший турок удар, почти накануне задуманного ими перехода в наступление против нас, привел к задержке последнего на целых две с половиной недели, которыми я и воспользовался для спокойного, беспрепятственного отвода войск в горный Кериндский район и отдыха там с главными силами, оставив только часть конницы перед Ханекином для поддержания соприкосновения с противником.

С сильным нетерпением продолжали мы в расстоянии почти 800 верст от Энзели, ожидать прибытия просимых мною, столь необходимых, пополнений наших боевых рядов с Кавказа, но они все не приходили...

Между тем, в начале июня, турки, оправившись от нашего удара под Ханекином, с превосходными во много крат силами в своей пехоте и артиллерии над малочисленным нашим отрядом, перешли в энергичное наступление.

Отход нашей горсти Кавказских войск при таком превосходстве противника в силах, в гористой местности, столь благоприятной для обходов, которыми турки стремились все время окружать нас или, по крайней мере, отрезать от Керманшах-Хамаданской дороги, пути нашего отхода, в особенно знойные (июнь и июль) месяцы, являлся делом чрезвычайно трудным.

Для характеристики тех неимоверно тяжелых условий боевой обстановки, в которой приходилось действовать при этом отходе частям нашего корпуса, достаточно привести пример боев 26—28 июля, которые пришлось вести кавалерийскому корпусу на небывалом фронте, около 200 верст протяжением, в чрезвычайно гористой и пересеченной местности. Фронт этот начинался от Кергабада, что против Сенне (правый фланг — Курдистанский отряд ген. гр. Нирода), продолжался далее на Ассад-Абадских высотах (центр — главные силы ген.-л. кн. Белосельского) и оканчивался у Перисне, Нехавенда и Буруджирда (левый фланг — конные отряды ген. Раддаца и полк. Стопчанского и партизаны Бичерахова).

Это пример, небывалый в военной истории.

Для выхода с честью и успехом из создавшегося таким образом крайне тягостного положения для наших войск, нужны были неимоверные труды, усилия и героический дух.

Считаю своим высоко отрадным долгом это вспомнить и засвидетельствовать, что все мои родные сотрудники, когда я в этой обстановке потребовал от них героической работы, они мне дали ее. Великая им честь и слава за то, что своими сверхдоблестными действиями, трудами, подвигами и кровью, вдали от родины, не получая пополнений, предоставленные только самим себе, они разбили все козни вражьи, цепляясь при своем отходе за каждый местный рубеж. Упорно обороняясь, шаг за шагом, наносили противнику своим ружейным, пулеметным и в особенности артиллерийским огнем наших доблестных батарей громадные потери, на протяжении от Ханекина до Хамадана и заставили противника пройти этот путь в течение почти двух месяцев.

За все четыре месяца — с конца апреля, когда мы подошли к Ханекину, за 1.000 верст от нашей базы в Энзели, и до самого конца августа, когда мы твердо уже стояли за Хамаданом на всех путях противника к Казвину и Тегерану, — *мы не получили ни одного человека пополнения.*

Этот поход по Багдадскому направлению до Ханекина, а в особенности геройский отход, при вышеуказанных тяжких условиях, составляют *несомненный подвиг*, который будет, по справедливости, внесен золотыми буквами, вместе с именами всех участников и именами родных их частей, в летопись нашей Кавказской армии и в историю всех наших частей. Недаром же наш бывший Главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич, неоднократно благодаря меня и все войска за совершенные подвиги, называл нас *"Сверхдоблестными"*.

Все величие этого подвига, этих трудов и лишений наших русских солдат и казаков вообще, а Кавказских в частности, совершенных не только в интересах нашего Кавказского фронта, но и во имя взаимной поддержки и выручки наших союзников —

английских войск Месопотамской армии, особенно стало мне ясно теперь, когда при возвращении из Багдада, пришлось увидеть, в каких удобных условиях производятся в английской армии походные движения войсковыми частями и снабжение их всем необходимым на походе и в бою жизненными и боевыми припасами. У наших союзников, прекрасно в техническом смысле оборудованных, и пехота движется и все везется на автомобилях, а у нас все походные движения в пехоте совершались древним способом, т. е. "на своих на двоих", а снабжение на всех видах ветхозаветных перевозочных средств — на верблюдах, катерах и осликах... Причем одна пара сапог у солдат снашивалась до Казвина, другая хватала до Хамадана, а далее до Керманшаха нужна была третья, и до Ханекина четвертая пара...

Все это было в 1916 году, а в половине февраля 1917 года, пополнивши свои ряды и отдохнувши в течение нескольких месяцев, как только турки, при неблагоприятно сложившейся для них обстановке, после победы наших доблестных союзников-англичан под командой генерала Мода под Кутом, начали свой отход, все части нашего корпуса с жадностью устремились для преследования турок по трем направлениям: Хамаданскому, Курдистанскому (Биджар-Сенне) и Довлетабадскому, т. е. как с фронта, так и с обоих флангов.

Мои дорогие, доблестные *Кубанцы* и *Терцы*, конники и пушкари родной мне славной 1-й Кавказской казачьей дивизии, совместно с присоединившимися к ним доблестными боевыми нашими новыми кунаками, молодыми конными *Грузинами* и закаленными *Сибирцами*, своими энергией, трудами и кровью, при преследовании противника, отступавшего по историческому Багдадскому направлению, показали себя вполне достойными потомками своих славных дедов и отцов.

Вот почему преследование, веденное сначала до Керманшаха под начальством полковник Перепеловского, далее — генерала Раддаца, в общем на 400 верст, при неимоверно трудных условиях местности и времени года, когда боковые горные пути, заваленные снегом, стали совершенно непроходимыми и, при полном опустошении противником всего обширного района преследования, создало чрезвычайно трудные условия для довольствия людей и полную бескормицу для лошадей, — составит *новую и блестящую страницу в летописи нашей конницы*. Честь и слава всем вам, от генералов начиная, командирам и офицерам, всем казакам и удалым молодым грузинам.

Я до конца моих дней буду гордиться выпавшей мне честью командовать такими сверхдоблестными Кавказскими орлами, так честно и свято поддержавшими седую, боевую славу нашей Кавказской армии и славу знаменитых наших предков...

При тяжкой разлуке с родным корпусом и широким Персидским фронтом 24 марта прошлого года по случаю моего назначения главным начальником снабжения Кавказского фронта и главным начальником Кавказского военного округа, единственным моим утешением, за которое горячо благодарю Всевышнего, явилось то, что я уходил из Персии после того, как Господь помог мне: 1) воедино со всеми своими войсками победить всех трех врагов на нашем фронте: *живую силу* противника, персидский *климат* с многочисленными болезнями и *громадные расстояния*, отделяющие, как один отряд от другого, так и наш фронт от базы (тогда это было почти до 1.000 верст); 2) исполнить от сердца и на совесть поставленную нам здесь задачу — полное изгнание наших врагов германо-турок из Персии и поднятие в ней великодержавного имени нашей великой Родины на подобающую высоту и 3) соединить наши войска и наш фронт с нашими славными союзниками-англичанами в Месопотамии.

Расставаясь с войсками корпуса я земно кланялся всем дорогим моим сотрудникам, от самых старших до самых младших, и от всей любящей души горячо благодарил за их великую, честную и единодушную работу, колоссальную по своему значению для будущего нашей великой Родины, совершенную ими вдали от нее на самом крайнем фронте нашей армии.

Особенно же благодарил я всех за правильное понимание того, что, ведя войну "в гостях" в Персии, войска в течение полутора лет относились с подобающим доброжелательством к хозяевам страны, причем то уважение, с которым относились к персидским святыням, духовным и административным властям и доброжелательные отношения к миролюбивому персидскому населению, к которым я всегда призывал всех, и лично и в своих приказах, навсегда останутся в благодарной памяти персидского народа, его духовенства и правительственных властей.

Те задушевные, трогательные встречи и проводы, которые были всегда оказываемы мне персидским населением, а в особенности в таких крупных центрах, как Хамадан и Керманшах, после того как население и власть испытали на себе всю разницу в отношениях к ним с нашей стороны и со стороны турок, их единоверцев, я отношу не к своим личным заслугам и трудам, а всецело к достойным и доблестным генералам, командирам, офицерам, солдатам и казакам моего родного корпуса.

Через три месяца после своего отъезда из Персии я, по воле Временного Правительства, был возвращен в Персию и вступил снова в командование Отдельным Кавказским кавалерийским корпусом, на правах командующего армией. Перед своим возвращением в Персию я командовал Кавказской армией, но тем не менее я искренно был рад вернуться к родному моему корпусу и в страну, которую я полюбил за постоянное солнце, которое греет, как своих коренных жителей, так и гостей, званных и даже незванных. Это было то самое время, когда шло внутреннее переустройство нашей армии на новых революционных началах, и когда успешное исполнение своего боевого назначения каждой частью находилось в прямой зависимости от степени взаимного еди-

нения, уважения, доверия и нравственной спайки между начальником части и всеми ее чинами. Со всеми же начальниками, офицерами, казаками и солдатами корпуса я за время полуторагодичной боевой страды вполне сроднился и потому переживать все тяжкие испытания, выпавшие на долю нашей родины и армии, мне было несравненно легче с теми людьми и войсками, с которыми у меня уже была боевая связь, запечатленная изгнанием германо-турок и общей боевой страдой. Но, кроме того, случились еще и другие обстоятельства.

Особый Закавказский комитет, опираясь на единодушное желание моего возвращения в Персию со стороны российской и союзных миссий, персидских властей и населения, и всех делегатов корпуса на 1-м съезде Кавказской армии, возбудил ходатайство перед Временным Правительством о необходимости, в интересах государственной пользы, возвращения меня к вам, доблестные войска родного мне корпуса.

Ни на минуту не будем забывать горячего призыва нашего военного министра: "Отечество в опасности. Свободе и революции грозит гибель. Во имя светлого будущего родины и во имя прочного и честного мира, вперед. Да благословит вас Господь на новые труды и подвиги".

Объехав вместе с военным комиссаром Временного Правительства при корпусе А. Г. Емельяновым все войска корпуса, я вынес весьма отрадное впечатление, что настроение в частях всюду сознательное и государственное.

К великому сожалению, события, последовавшие на Западном нашем фронте, приведшие к заключению сначала перемирия, а затем и Брест-литовского мира, привели к оставлению нашими армиями всего русского фронта на западе, но Кавказский фронт еще держался, имея целью не допустить наступления турок.

Однако, всеобщая эпидемия массового, психического заболевания перебросилась и на кавказско-турецкий фронт. И наша доблестная Кавказская армия, удивившая мир своими подвигами под Сарыкамышем в 1914 году, в долине Евфрата в 1915 году, под Эрзерумом, Эрзинджаном и Трапезундом в 1916 году, заколебалась, пошатнулась и... тоже разложилась.

К счастью для нашего фронта, вследствие ли значительной удаленности его от родины, вследствие ли невольной большей сознательности всей казачьей массы, а за ней и солдатской, но наш фронт крепился дольше всех и не был покинут до получения мной приказания Главнокомандующего об отводе корпуса в Россию. Партизанский же отряд доблестного войскового старшины Бичерахова ни за что не хотел верить в самую возможность заключения перемирия и мира, и не хотел уходить из Месопотамии после полученного от меня первого приказания, почему я вынужден был сделать повторное и уже категорическое приказание бичераховскому отряду отойти к Керманшаху.

Этому отряду, как я уже объявил в приказе № 77, принадлежит честь последнего русского наступления, атаки и боевого успеха вместе с английскими войсками в Месопотамии, со взятием у неприятеля пушек, пулеметов, пленных и других трофеев. Особенно велика была заслуга этого отряда потому, что он сражался за свободу и счастье своей Родины тогда, когда уже на всех остальных фронтах наши армии ушли домой...

После полученного свыше приказания об отводе корпуса в Россию, штабом корпуса, с участием комиссаров от корпусного комитета, был разработан маршрут следования всех частей войск по эшелонам, по справедливости — какая часть раньше пришла и больше поработала на фронте, та раньше и уходила. Выход корпуса производился в течение целых четырех месяцев, а вывоз имущества корпуса, до последнего пуда, до последнего патрона и снаряда, не закончен начальником арьергарда корпуса, в. ст. Бичераховым, до сих пор и кончится только не раньше конца июня месяца.

При выполнении этой арьергардной задачи, отряд выходил последовательно из таких значительных пунктов, как Керманшах, Хамадан и Казвин, но не ранее того, чем вывозился оттуда последний боевой патрон или снаряд или последний пуд имущества.

Благодаря этому вверенный мне корпус исполнил и свою последнюю задачу — выход из Персии с честью и полным успехом, не оставив ни врагам, ни на произвол судьбы ни одного патрона, ни одного снаряда и ни одного пуда из богатого народного достояния, бывшего в его распоряжении.

Велика заслуга нашего корпуса и перед нашей верной союзницей Англией — мы остались верными обязательствам русского народа и армии перед Англией: 1) корпус вернул на свои места и защитил, начиная с зимы 1915 г. и дальше, все английские банки и консульства в Исфагане, Куме, Султанабаде, Казвине, Хамадане и Керманшахе; 2) преградил все доступы германо-туркам к Афганистану и Индии через Персию; 3) весною 1916 г. большая часть корпуса, во имя принципа взаимной выручки и поддержки, произвела наступление с целым рядом боев от Хамадана до Ханекина и отвлекла на себя от англичан значительно превосходные силы противника; 4) весной 1917 г. для поддержания успеха английского наступления на Багдад и обеспечения его с правого фланга и тыла, со стороны турок из Моссула через Персию перешел также в энергичное наступление и преследовал турок до р. Диалы на протяжении более 400 верст; 5) осенью 1917 г. партизанский отряд Бичерахова участвует в боевой операции английской армии против Кара-Тепэ, причем командующий этой армии генерал Маршалл отозвался с высокой похвалой о действиях наших партизан и, наконец, 6) в настоящем году, когда вслед за уходом нашего корпуса, английские войска двинулись для занятия Персии на смену нам и навстречу нашим врагам германо-туркам, мной был организован отход бичераховского арьер-

гарда таким образом, что он в то же время служил авангардом для английских войск. Благодаря этому занятие Персии не стоило нашей верной союзнице Англии ни одной капли крови английского народа.

Так честно и до конца исполнил наш корпус свой долг не только перед своей родиной, но и перед нашей союзницей Англией.

Глубоко скорблю я о том, что в последние шесть месяцев пребывания корпуса в Персии взаимные отношения наших войск с персидским населением, которые я всегда стремился поддерживать наиболее дружественными, испортились. Причина тому оказалась вне моей воли и совершенно неустранимой, ибо, не получая из России после октябрьского переворота, ни одного рубля на содержание корпуса в Персии, и продовольственных продуктов, необходимых для довольствия людей и лошадей, а получаемой от англичан ежемесячной субсидии хватало только на четвертую часть всех расходов по содержанию корпуса, я вынужден был разрешить производство реквизиций у населения продовольственных продуктов с выдачей реквизиционных квитанций. А реквизиция, являющаяся и при нормальных условиях насилием по существу своему, при пошатнувшейся дисциплине, естественно сопровождалась неизбежными обидами населению. Однако все эти обиды, к нашему благополучию, были забыты населением под влиянием совершенного ухода наших войск из Персии.

Наш долг населению с осени прошлого года за произведенные у него реквизиции, за транспорт и за квартирные помещения, занимавшиеся войсками, достиг восьми с половиной миллионов кран. Долг этот остался непогашенным, вследствие внезапного прекращения, по распоряжению из Лондона, выдачи следуемой нам по соглашению субсидии за последние март и апрель месяцы, Хамаданской англо-русской финансовой комиссией.

Чиста моя совесть перед Богом, перед родиной и перед нашей союзницей Англией, и перед Персией. — я со своей стороны сделал все, что мог и должен был сделать по моему разумению и по тому критическому положению, в котором я оказался вдали от родины, и вследствие небывалых исключительных политических условий момента отсутствия центральной государственной власти, доверием всего народа облеченной и признанной, как всем народом, так и нашими союзными государствами.

Итак корпус мне вверенный честно исполнил свой долг перед родиной и перед союзниками до самого конца и, умирая, оставил еще наследника — славный партизанский отряд Бичерахова, который пошел на родину в бушующий океан партийных страстей, братоубийственной, гражданской войны и навстречу нашествию германо-турок в наш родной Кавказский край и помог войти в Баку вместе с ним и английским войскам.

Дай Бог ему послужить здоровым зерном для создания новой армии, требуемой условиями переживаемого момента — спасения родины и свободы во что бы то ни стало.

Не могу не вспомнить также весьма отрадных фактов, которые имели место 6 июля в окрестностях Керманшаха и 10 августа 1916 г. в окрестностях Сенне в Курдистане, когда и где состоялись небывалые съезды представителей многочисленных племен Курдистана во главе с их вождями. При самой торжественной и оригинальной обстановке были заключены, так называемые *Русско-Курдские* соглашения, с целью установления самых дружественных взаимных отношений между нашими войсками с одной стороны и курдским населением с другой. Воинственные, гордые и свободолюбивые курдские вожди выразили искреннее желание в будущем жить в мире с сынами великой свободной России. Причем каждый курд мог свободно жить и передвигаться повсюду в районе расположения войск корпуса, а русские казаки и солдаты могли, в свою очередь, безопасно идти всюду, куда бы их не привели военные обстоятельства, уверенные в том, что будут встречаться курдами, как друзья.

Эти соглашения имели самые благодетельные последствия, так как сберегли много жизней наших солдат и казаков. В Керманшахском районе не было ни одного нарушения этого соглашения, а в Курдистанском районе эти случаи были очень немногочисленными. А главная польза заключалась в том, что командир корпуса получал возможность направлять почти все силы и внимание для борьбы с германо-турками на фронте, имея, таким дипломатическим путем, обеспеченные фланги и тыл.

Мне остается отметить также целый ряд вспомогательных боевых действий на фронтах и в тылу турецких войск, как на Курдистанском направлении Биджар—Сенне, так и особенно на Султанабадско—Малаирском. Начальниками Курдистанского отряда были: генералы — Золотарев, граф Нирод, Гартман и Фисенко, части — 3 Кубанская казачья дивизия, пограничники и туркестанские стрелки. Такие усиленные разведки в центре на Хамаданском направлении в период расположения наших главных сил на Маньянских позициях. Действия частей Кавказской кавалерийской дивизии (ген. кн. Белосельский-Белозерский), 1-я Кавказская казачья дивизия, (ген. Раддац). Особенной доблестью, инициативой, решительностью и успехом отличались действия партизанского отряда в. ст. Бичерахова. Исключительно благодаря последнему удалось не допустить турок до осуществления их плана набега на Тегеран через Султанабад. С выдающимся успехом и пользой работал на крайнем правом фланге полк барона Медема со своими пограничниками и в особенности лихой Кубанский партизанский конный отряд войск. старшины Шкуро, который, как и войск. старш. Бичерахов восполнял недостаточную численность своего отряда своей доблестью и отвагой. Отряд в две сотни заменял целый шестисотенный полк.

Время от времени происходили боевые действия и в тылу нашего фронта — в Исфаганском районе.

Здесь нашему небольшому конному отряду, оторванному на громадные расстояния от фронта, силою своего духа, быстротой и решительностью действий приходилось обеспечивать тыл и левый фланг корпуса с этой стороны, разыскивая и разбивая разбойничьи шайки из местных племен, как только они серьезно нарушали покой и безопасность жителей и пытались прерывать сообщения между Кумом — Кашаном и Исфаганом. В этом отношении больше всех поработал, после Запорожцев, которым принадлежит честь занятия с боем Исфагана (6 марта 1916 г.), Ставропольский казачий полк со взводом Туркестанской полубатареи, под командой в. старш. Беломестнова. Последнему также принадлежит честь спасения Тегерана от набега и разгрома его многочисленной шайкой известного во всей Персии разбойничьего предводителя Наиб Гусейна, которого Беломестнов со своим полком разбил наголову под Рабат-Керимом 10 декабря 1915 года. Этому же лихому командиру, есаулу Венкову и казакам удалось захватить в плен под Кереджом бывшего турецкого посла в Тегеране Ассим Бея и австрийского полковника военного агента.

С великой радостью и гордостью я считаю долгом отметить в заключительном приказе героический подвиг нашего славного Уманца сотника Гамалия с его доблестной сотней, ставшей затем георгиевской сотней 1-го Уманского полка после поголовного ее награждения бывшим Главнокомандующим Вел. Кн. Николаем Николаевичем георгиевскими крестами. Гамалию с его доблестными офицерами и казаками принадлежит честь установления живой связи между нашим корпусом и войсками соседней великобританской Месопотамской армии. Эта сотня пошла на опасное предприятие, в котором она могла погибнуть вся до последнего человека, как я об этом ее лично предупредил в сел. Майдешт, — с удивительной по единодушию и отваге решимостью. Объяснение этому, кроме личной доблести всех офицеров и казаков, их беззаветная вера в своего сверхдоблестного командира сотника Гамалия.. Честь и слава этим героям во главе с Гамалием, прославившим своим лихим кавалерийским рейдом и себя и наш корпус, и стяжавшим себе всемирную славу.

По чувству справедливости считаю долгом отметить также доблестное участие в боевых действиях корпуса офицеров и казаков Персидской казачьей Его Величества Шаха дивизии во главе с войсковым старшиной Мамоновым, как в Курдистане, так и при операции против Мосула. Эти персидские казаки под начальством своих офицеров и руководством наших русских инструкторов, показали, что они могут и доблестно сражаться и героически безропотно переносить все тяжести и лишения походной жизни, как например, пришлось им при действиях зимою в горах и в глубоких снегах при отсутствии надлежащей теплой обуви и одежды. Такое доблестное поведение персидских казаков делает честь, как им самим и их славным офицерам, так и их учителям и воспитателям в военном деле — русским офицерам инструкторам названной дивизии.

С чувством великой благодарности вспоминаю я всех своих боевых сотрудников от самого старшего — генерала Раддаца, и остальных генералов, командиров, офицеров, врачей, священников, чиновников, до самых младших, казака и солдата-пограничника, драгуна, пушкаря, броневика, дружинника, авторотника и этапника. Особенно благодарен я своим ближайшим помощникам — начальникам штаба корпуса — полковнику Эрну (когда корпус именовался "Экспедиционным"), генералам: Линицкому, Фисенко и Ласточкину, а также часто заменявшему в период боевых действий начальника штаба полковнику Каргалетели и всем начальникам корпусных управлений во главе с начальником снабжений полковником Даниельсоном. (Фамилии всех моих старших сотрудников см. в "Приложении").

Постоянное и самое живое содействие мне лично и войскам мне вверенным, в общем нашем деле в Персии оказывала российская миссия в Тегеране во главе с посланником нашим, благороднейшим Н. С. Эттером. Сердечно рад, что от первого дня моего пребывания в ней мы работали с Н. С. Эттером душа в душу, на основе взаимного уважения, доверия и поддержки. Ближайшими его помощниками были первый секретарь миссии Г. Г. Бах и В. Ф. Минорский.

Повсюду же на местах таким же дружным образом совместно работали наши российские консулы: барон А. А. Черкасов с В. Ф. Кирсановым в Хамадане и Керманшахе, лично очень много проявивший энергии перед приходом наших войск Г. Г. Гильднебрандт в Исфагане, при штабе корпуса и в Казвине, С. П. Голубинов в Исфагане, покойный генеральный консул Авсеенко и затем Б. Э. Блум и Н. Н. Григорьев в Реште, В. М. Кадлубовский в Казвине. Всех их, во главе с глубокочтимым Николаем Севастьяновичем, прошу принять от лица корпуса и лично от меня сердечное русское спасибо за все и в особенности за то, что за эти два с половиной года все наши радости и горести были общими и дружное взаимное единение были нашим общим руководящим принципом.

Кроме российских дипломатических представителей много труда выпало и на долю финансовых агентов — управляющих местными отделениями нашего Учетно-Ссудного банка в Персии. От лица войск корпуса благодарю всех за проявленную отзывчивость к нуждам всех чинов и частей войск: М. С. Моддель (в Тегеране), А. Л. Граффат (в Хамадане), А. Н. Петровой-Якобсон (в Казвине), Г. Тидемана (в Реште) и г. Годар (в Керманшахе). Больше всего пришлось поработать А. Л. Граффат, вследстве нахождение в одном районе со всеми управлениями начальников снабжений войск.

Считаю своим приятным долгом отметить также и то живейшее и доброе участие во всех наших переживаниях, которые проявляли все представители нашей могущественной союзницы Англии в Персии во главе с ее чрезвычайным и полномочным посланни-

ком в Тегеране. Достойнейший сэр Чарльз Марлинг всегда следил за всеми боевыми нашими действиями с неослабным вниманием и сердечным участием. Я с особенным удовольствием вспоминаю, как после каждого боевого успеха наших войск на всех направлениях нашего Ближнего Персидского фронта, сэр Марлинг поздравлял меня и доблестные войска, мне вверенные, своими сердечными телеграммами, которые я получал большей частью одновременно с поздравлениями от нашего посланника.

Примеру своего высшего представителя в добрых отношениях следовали и все остальные представители Англии, как консулы, так и директора банков, стараясь при этом оказывать возможные услуги всем усталым частям наших войск, находившимся в районе каждого из них. Назову их всех по именам: г. г. Гудвин, Мак-Моррей, Мадуаль и Дюри, Маклерен Окшот и полковник Кеннен.

Но с особенно приятным чувством я вспоминаю первого английского, для связи со штабом английских войск в Месопотамии, военного атташе при моем штабе — это великобританской гвардии подполковник сэр Виллиамс, который своею доблестью, проявленной в рядах наших войск в период боевых операций в 1915—16 гг. и своими сердечными товарищескими отношениями и жизнерадостным общительным характером заслужил всеобщее уважение и любовь. С удовольствием вспоминаю также и его преемника, подполковника генерального штаба Колландсона, который оставался при войсках почти до самого конца и тоже участвовал в боевых операциях наших в 1916—1917 годах. Наконец, последним был подполковник Клятерберк, почти сроднившийся с нашими войсками в партизанском отряде Бичерахова.

Одновременно с корпусом работал на нашем фронте и с нами заодно, не покладая рук, и другой тоже самоотверженный корпус всероссийских общественных организаций Земского Союза — гр. С. А. Бобринская, А. Г. Емельянов, Е. В. Дунаевский; Красного Креста — П. М. Сниткин и Н. Е. Кулик; Союза Городов С. М. Боголюбский и Г. Т. Робакидзе. Всегда они шли навстречу всем моим требованиям, желаниям и нуждам войск корпуса в святом деле помощи нашим раненым и больным воинам. Достойно особого внимания, что все эти общественные организации умудрялись протягивать сети своих учреждений и питательных пунктов во всю ширину и глубину расположения и движения войск корпуса, превосходящие все установленные и известные до сего времени в истории нормы. В особенности могучим в этом отношении показал себя 25-й санитарный отряд Всероссийского Земского Союза. Своевременно, при закрытии всех учреждений этих почтенных организаций, протянувшихся от Энзели до самого Касриширина, я сделал обзор их работы и выражал всем их сотрудникам: уполномоченным, их помощникам, врачам, сестрам милосердия, лицам административного персонала, фельдшерам и санитарам благодарность от войск корпуса и свою. Всегда и всюду буду вспоминать и встречать их, кого придется, в будущем самым признательным образом. С искренним удовольствием вспоминаю я, как перед началом каждой боевой операции, никто из врачей, сестер и санитаров не хотел оставаться для работы в тылу, а все стремились попасть в летучки, как можно ближе к бою и опасностям, как можно ближе к нашим передовым бойцам.

Чрезвычайно важное значение имело, как для боевых операций корпуса, так и для жизни войск, для беспрерывного подвоза всех необходимых продовольственных запасов и вывоза всего нужного, — вполне исправное состояние дороги Энзели-Казвин и Энзели-Хамадан во все времена года, не взирая на стихийные явления. А для этого требовались постоянное напряженное внимание и работа всего личного состава во главе с Управлением дороги. Считаю своим отрадным долгом засвидетельствовать, что весь личный состав дороги относился чисто по родственному к войскам корпуса, видя в них своих верных защитников на чужбине и в благодарность не жалел себя, когда это требовалось или для очистки дороги от снежных заносов, или для исправления пострадавших во время снежных мятелей телеграфно-телефонных линий и т. п. Многие из чинов дороги принимали даже доблестное участие в боевых действиях наших войск в роли проводников и переводчиков. Начало такому отношению к делу и к корпусу положил бывший управляющий дорогой инженер Н. Н. Ярош, которого вспоминаю с благодарностью. Особенно благодарю его заместителя и преемника инженера К. М. Нагаткина, правителя канцелярии А. Н. Недумова и начальника телефонной сети А. С. Кузьмина и всех техников. Последние, вместе с Кузьминым и во главе с самим инженером Нагаткиным, проявляли выдающуюся энергичную, самоотверженную работу на дороге во время снежных мятелей, заносов и бурь.

Все начальники застав своим постоянным сердечным участием, радушием и хлебосольством в отношении ко всем проезжающим чинам корпуса через заставы, которые они оказывали решительно всем, независимо от чина и положения, стяжали себе всеобщую благодарность всего личного состава корпуса со мной во главе.

Громадный труд выпал на долю всех чинов Энзелийского порта во главе с инженером П. П. Смеловым, как при движении войск корпуса в Персию и во время двух с половиной-летнего их пребывания там, так и особенно при возвращении корпуса в Россию. Всем им приношу особую сердечную благодарность.

С чувством высокого нравственного удовлетворения вспоминаю деятельность Энзелийского, как военно-промышленного, так и исполнительного комитетов, стоявших всегда в этом прибрежном и пограничном пункте на страже русских интересов в самом широком смысле слова.

Стремился никого не забыть, но если кого пропустил, то да будет мне это прощено — сделал это невольно. Заканчивая настоящий последний заключи-

тельный приказ, мысленно прошу всех моих боевых сотрудников, от старших до младших, простить меня, если когда-нибудь и чем-нибудь кого из них обидел. Мог сделать это только невольно или под горячую руку, в тяжелые минуты трудных боевых операций и испытаний, ниспосланных мне судьбою. Ведь на мне одном, как главном начальнике всей русской рати на нашем фронте лежала великая ответственность перед Родиной за успех возложенного на меня БОЛЬШОГО ДЕЛА, при самых МАЛЫХ для этого СИЛАХ И СРЕДСТВАХ и, наконец, ведь не ошибается только тот, кто ровно ничего не делает.

Мысленно прошу у всех моих боевых сотрудников по родному и славному нашему корпусу простить от сердца своего бывшего командира корпуса, который любил вас всех всем сердцем и душой, который гордился вами, как сверхдоблестными кавказскими воинами во время боевых действий и нестерпимо страдал и болел душою в самые последние месяцы, когда волна эпидемии всероссийского массового психоза стала докатываться по волнам Каспийского моря до нашего энзелийского берега и расплескиваться в Реште и Казвине. Горячо убежден, что совместно пережитая боевая страда на Персидском фронте, вдали от Родины, останется на всю жизнь для каждого из нас источником самых дорогих и светлых, и приятных, воспоминаний. И чем дальше будет идти время, тем воспоминания эти будут становиться дороже и милее.

До конца моей жизни, в глубине моей души и сердца, будут жить дорогие и светлые образы всех вас, как людей, с которыми волею Божественного Промысла было предопределено мне пройти с честью, успехом и славой и принести великодержавное имя нашей великой России по историческому пути Александра Македонского.

Генерал-от-кавалерии БАРАТОВ

Приложение

Список старших начальствующих лиц бывшего сначала Экспедиционного корпуса, а затем I-го Кавказского и Отдельного Кавказского кавалерийского корпуса.

Начальники штаба корпуса: полк Эрн, Н. Доманевский, генералы Фисенко, Линицкий и Ласточкин.

Кавказская кавалерийская дивизия — нач. див. ген.-лейт. князь Белосельский-Белозерский. Нач. штаба полк. Корганов. Ком. бригад: ген. Копачев и ген.-м. Исарлов.

I-я Кавказская казачья дивизия — г.-м. Раддац.

Командиры бригад: генералы Рафалович, Перепеловский и полк. Федюшкин. Нач. штаба полк. Эрн, Разгонов и Инютин.

3-я Кубанская казачья дивизия — генералы: Логвинов, граф Нирод, Рафалович и Фисенко.

Командиры бригад: г.-м. Мистулов, полк. Блазнов и полк. Кравченко. Нач. штаба: есаул Закладной, г.-м. Фисенко, полк. Кочержевский.

Кубанская казачья отдельная бригада — полк. Яковлев, Успенский и г.-м. Мистулов.

Кавказская Пограничная дивизия — ген.-л. Загэ. Командир бригады г.-м. Юденич. Нач. штаба подполк. Фомичев.

9-я Туркестанская стрелковая бригада — ген. Выгарницкий, г.-м. Юденич, П. М. Гартман.

4-я Кавказская этапная бригада — г.-м. Подгурский. Инспектор артилерии — полк. Бородин, г.-м. Бородаевский. Корпусный инженер — шт.-кап. Бекаревич и подполк. Шамшев. Корпусный интендант — полк. Раздорский и кап. Павленко. Корпусный контролер — Немцан и Овсянников. Корпусный казначей — Островский и Цицоха. Корпусный врач — Скалозубов и Саратовский. Корпусный ветеринар — Гиммельрейх. Начальник снабжений — г.-м. Фисенко и полк. Даниельсон. Начальник тыла Экспедиционного корпуса — г.-м. Шахназаров.

НЕОБХОДИМОЕ УТОЧНЕНИЕ ПО ПОВОДУ ОДНОЙ «ОШИБКИ» ПУШКИНА В ЕГО ПЕРЕВОДЕ «ЗАПИСОК БРИГАДИРА МОРО ДЕ БРАЗЕ»

В моей статье (см. "Военно-Исторический Вестник" № 13) была упомянута курьезная "ошибка" Пушкина в его переводе записок бригадира Моро де Бразе "cheveux" — волосы, переведенные как "chevaux" — лошади.

Я сверил несколько изданий Пушкина — во всех стоит "лошади".

Изданий по-французски записок Моро было два: в 1716 и 1735 году — « Mémoires politiques, amusants et satiriques de Messire J.N.D.B.C. de L. Colonel du régiment de dragons de Casanski et brigadier des armées de Sa Majesté Czarienne. A Veritopolis chez Jean Disant-Vrai».

В каталоге Национальной библиотеки в Париже местом издания этих записок (издание 1716 г. и издание 1735 г.) показан Амстердам — см. Bibl. Nationale, Z - 20.292 и Z - 20.295.

В обоих изданиях стоит — "cheveux" — волосы.

Судя по тому, что Пушкин пишет: "В 1735 году Моро издал свои записки..." (А. С. Пушкин. Издание Академии Наук С.С.С.Р., Москва, 1958. Т. VIII, стр. 401) можно заключить, что Пушкин пользовался для перевода изданием 1735 года.

Р. КОЛЧАК.

***

Продолжение статьи Р. А. Колчака "Адмирал Колчак. Его род и семья" будет напечатано в следующем номере.

Из истории 153-го пехотного Бакинского полка

Е. МАСЛОВСКИЙ

Полковая история частей Российской Императорской армии есть сказание о славе части, славе, на которой воспитывались новые поколения вновь поступающих в часть офицеров и нижних чинов.

В рядах полков совершалось большое дело военного воспитания; чины полков, знакомясь из полковой истории с примерами жертвенности, проникались идеей долга перед Родиной и это подвигало их на совершение высочайших подвигов, как бы в соревновании с лучшими делами былого.

В многообразной повести о боевой жизни полков можно прочесть бесконечное количество блестящих боевых эпизодов; в них встречается интереснейшая повторность событий и удивительные совпадения в ходе их.

Вот об одном таком замечательном совпадении в двух боевых эпизодах полка, происшедших на протяжении двух войн, разделенных 38-летним промежутком, хочу сейчас рассказать. Эти два боевых эпизода принадлежат боевой истории 153-го пехотного Бакинского Его Императорского Высочества Великого Князя Сергия Михайловича полка, которым я имел честь командовать вскоре после описываемого здесь эпизода.

Во время Русско-Турецкой войны 1877—78 гг. части Кавказской армии, подойдя к знаменитой позиции Деве-Бойну, прикрывавшей крепость Эрзерум, атаковали ее с целью овладеть Эрзерумом. В числе войск, принимавших участие в сражении, была и 39-я пехотная дивизия, как и в 1-ю Мировую войну, и в ее составе 153-й пехотный Бакинский полк..

Войска, хотя и несли большие потери, решительно атаковали турок на позиции Деве-Бойну, и после горячего боя овладели ею, но не были тотчас же брошены далее для атаки фортов, непосредственно прикрывавших крепость Эрзерум, а были приостановлены.

Когда же части Кавказской армии были направлены для штурма фортов, то они встретили сильнейшее сопротивление оправившихся турок. Благодаря малоискусному ведению боя, части не могли добиться успеха и принуждены были отступить в свое исходное положение. Лишь один 153-й пехотный Бакинский полк, наступавший в центре по главнейшему направлению вдоль дороги на Эрзерум, решительно атакуя господствовавший над дорогой форт Азизие, несмотря на крупные потери, ворвался в форт.

При штурме форта Азизие первою в форт ворвалась 10-я рота полка, при этом командир ее, капитан Тамаев, во главе роты вскочивший во внутренность форта, был убит.

Этот успех стоил полку тяжких потерь, но еще более полк потерял, когда вследствие отступления всех остальных войск, оказался изолированным и окруженным в форту и затем принужден был пробиваться к отступившей армии, чтобы спасти остатки полка и его знамя.

Прошли годы.

Осенью 1914 года вновь началась война с турками и в начале 1916 года части Кавказской армии снова оказались перед знаменитой позицией Деве-Бойну, надежно прикрывавшей Эрзерум. Но уже теперь эта природно-сильнейшая позиция была усилена двумя линиями новых фортов, построенных английскими инженерами после войны 1878 года. .

Командующий Кавказской армией, генерал Юденич, решил штурмовать укрепления Эрзерума. Часть армии атаковала позицию Деве-Бойну со стороны Пассинской долины и в числе войск, принимавших участие в атаке твердынь Эрзерума, была, как и в 1877 году, 39-я пехотная дивизия, а в ее составе и 153-й пехотный Бакинский полк. Эта дивизия была назначена для атаки тактического ключа всей позиции Деве-Бойну и прикрывавшего этот форт — форта первой линии Далангез. Без взятия последнего нельзя было думать об атаке форта второй линии.

Атака форта Далангез была поручена 153-му пехотному Бакинскому полку и для непосредственного штурма его было направлено полтора батальона полка.

В ночь на 30 января 1916 г. начался штурм укреплений Эрзерума, и в ту же ночь 153-й пехотный Бакинский полк, штурмуя правый, северный, фас форта Далангез, чрезвычайно смелым и энергичным штыковым ударом овладел фортом, понеся значительные потери.

При этом первой в форт ворвалась 10-я рота полка и командующий ротой, прапорщик Навлянский, во главе роты, первый спрыгнувший во внутренность форта, был убит.

Необходимо отметить, что 153-й пехотный Бакинский полк, только за три недели перед этим в решительном Азапкейском сражении, атакуя на труднейшем направлении вдоль кратчайшего пути на Эрзерум по открытому плато, в течение суток потерял более 30 офицеров и более 2.000 нижних чинов, почему при штурме Эрзерума некоторыми ротами, и в том числе 10-й, командовали прапорщики на законном основании.

Убитый прапорщик Навлянский был посмертно награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, который и был препровожден его матери-вдове, у которой он был единственным сыном.

Форт Далангез был первым фортом, взятым в течение пятидневного штурма Эрзерума, и описанный боевой подвиг Бакинцев положил блестящее начало овладению этой первоклассной крепостью.

В обоих описанных выше боевых эпизодах, происшедших в 1877 и 1916 годах при штурме Эрзерума, участвовала 39-я пехотная дивизия и в ее со-

ставе 153-й пехотный Бакинский полк; в обоих случаях с началом штурма он единственный решительным штыковым ударом овладел фортом; в обоих штурмах первою в форт ворвалась 10-я рота 153-го пехотного Бакинского полка и в обоих случаях командиры этих рот были убиты.

В этих боевых эпизодах выявляется блестящее выполнение долга, как результат соответствующего воспитания части, чины которой проникнуты лучшими заветами. И в полном соответствии с таким исполнением долга перед Родиной является песнь 153-го пехотного Бакинского полка, которую здесь и привожу. В той песне проведена мысль об исполнении долга перед Родиной бессменного часового, стоящего на страже безопасности государства, часового, которого может сменить в этой его службе лишь приказ, победа или смерть.

ПЕСНЯ 153-ГО ПЕХОТНОГО БАКИНСКОГО ПОЛКА
— "БАКИНЕЦ НА ЧАСАХ" —

На диких утесах, над пропастью горной,
На гребнях и снежных скалах
Защитник отечества, службе покорный,
БАКИНЕЦ стоит на часах.

Он верен заветам героев великих,
Он чуткий и зоркий у нас, —
Не сменит никто его в пропастях диких,
БАКИНЦА лишь сменит приказ.

В морозы, в метели, при вьюгах холодных,
При знойных палящих лучах,
Как рыцарь победный в доспехах походных,
БАКИНЕЦ стоит на часах.

Он бодро стоит, и на жертву готовый,
Не сдаст боевые места.
Не сменит никто его в стуже суровой, —
Победа лишь сменит с поста.

В кровавых боях за отчизну родную,
Отбросив и ужас и страх,
Забывши кровавую рану больную,
БАКИНЕЦ стоит на часах.

Он грозен, отважен, он страшен средь боя,
Чрез труп лишь пропустит врагов...
И только тогда уж БАКИНЦА — героя —
Смерть славная сменит с часов.

Из боевой хроники Бакинского пехотного полка

Кн. Н. ТРУБЕЦКОЙ

Во время беспримерного штурма Эрзерума в ночь на 30-е января 1916 г. 3-му батальону и двум ротам 4-го батальона 153-го пехотного Бакинского полка под командою храброго и решительного полковника Даниель-бека Пирумова, приказано было взять форт Далангез. Обойдя его в полной тишине с северной стороны, Бакинцы бросились на боковой фас, смяли передовые части турок, заметивших наступление и оказавших упорное сопротивление. Смело и безостановочно шли они вперед и, подойдя к форту, с криком "ура", бросились на штурм. Полковник Пирумов был один из первых. Турки отчаянно сопротивлялись, но к утру форт был взят.

Полковник Пирумов, по занятии форта, привел в порядок своих Бакинцев и приспособил горжу для обороны. Генерал Юденич, получив донесение о взятии Далангеза и учитывая все значение этого, приказал удерживать форт во что бы то ни стало. Когда это было передано на форт и объявлено нижним чинам, то они просили донести Шефу полка, Великому Князю Сергею Михайловичу, что они умрут, но форта не отдадут. Свою клятву Бакинцы сдержали.

С наступлением рассвета 30-го января турки сосредоточили по форту и прилегающему району более сотни орудий, которые громили указанный объект и отрезали форт от остальных частей 39-й пехотной дивизии.

Бакинцы были предоставлены самим себе. Подвезти подкрепления, подать патроны и снаряды — кончились неудачей. С 14-ти часов турки, при поддержке сильного огня с соседних фортов, перешли в стремительное наступление. Наша артиллерия делала все усилия их задержать. Бакинцы подпустили турок на близкое расстояние и, встретив их ружейным и пулеметным огнем, отбили нападавших. За этой атакой последовал ряд других. Храбрые Бакинцы, отрезанные от своих, несли большие потери. Запас патронов иссякал. Все податчики патронов и их ослики гибли при попытках приблизиться к осажденным. Положение стало катастрофическим... Но полковник Пирумов обходил таявшие ряды, говоря: "Что смущаетесь, разве мы не РУССКИЕ? У нас есть еще штыки и ручные гранаты. Я буду с вами..."

В строй стали все раненые, кто мог идти. Турок подпустили ближе, а затем по знаку Пирумова Бакинцы одновременно с ним выскочили из форта, и с криком "ура", бросились в штыки на турок, чего те не выдержали. Через несколько времени турки опять пошли в атаку — восьмую по счету. К вечеру Бакинцы были в безвыходном положении, но никто не помышлял об оставлении форта. Снова отбить атаку лишь штыками уже трудно было рассчитывать.

В эту критическую минуту к защитникам, в снежную бурю, при 20-градусном морозе, пробрался один рядовой с осликом и доставил патроны. Это подняло дух. Патроны живо разобрали. В цепь залегли все раненые, могущие держать винтовку, а тем, кто этого не мог, по их просьбе, перед ними положили уже за-

ряженные винтовки. Когда турки вновь приблизились, Бакинцы встретили их ураганным огнем и решительно отбили атаку. Это была последняя атака турок. Дalangез остался в наших руках.

⁂

Полковник Даниель-бек Пирумов происходил из Закавказских уроженцев. В 1916 год он был старшим полковником Бакинского пехотного полка. По свидетельству генерала Е. В. Масловского, бывшего командира этого доблестного полка, Пирумов был "действительно чрезвычайно ценным, полезным и верным помощником и много способствовал удачному моему командованию". В то время Пирумову было за 50 лет. Был он крепкого телосложения, высокий, подвижной. Со дня производства в офицеры состоял в полку, всей душой был привязан к нему и сумел поставить себя так, что все офицеры относились к нему с большим уважением. Постоянно обращались к нему за разрешением многих вопросов и никто не допускал в отношении его никакой фамильярности. Он был носителем традиций полка, он их оберегал, был заступником и ходатаем офицеров перед командиром, когда считал это справедливым.

В бою он был положительно незаменимым, никогда и ни при каких обстоятельствах он не терял самообладания. В самые тяжелые минуты боя бывал таким же хладнокровным, как в самые спокойные дни мирного времени. В бою шел не с шашкой, а с тросточкой, имея лишь сбоку на поясе револьвер. При наступлении, идя за цепями, не допускал, чтобы кто-либо отставал и если замечал солдата, стремящегося отстать, что, правда, было редко, то пускал в дело свою тросточку, громко пристыживая отставшего.

За удачный смелый штурм, взятие форта Дalangез и удержание его, полковник Пирумов был награжден георгиевским оружием. Впоследствии он командовал одним из Кавказских стрелковых полков. По разложении армии он получил какое-то назначение в армянской армии. Там он погиб, но не в честном бою, от пули противника...

(Источники: Мировая война на Кавказском фронте. Ген. Масловского. "Эрзерумская операция". Полк. Корсуна. Письмо ген. Е. В. Мааcловского).

Золотое оружие

Е. МОЛЛО

У всех народов, с древнейших времен, существует обычай награждать воинские подвиги почетным оружием. Достаточно вспомнить всевозможные легендарные "мечи-кладенцы", которые добывались подвигами и которые переходили от героя к герою. Но если почетное оружие и является древнейшей воинской наградой, то ни в одной стране эта форма награждения не получила такого широкого развития, как в России.

До конца 18-го века награждение почетным оружием совершалось в России приблизительно на тех же началах, что и на Западе. Обычно им награждались военачальники. Оружие состояло из золотых, украшенных драгоценными камнями шпаг, на которых иногда делались надписи, повествующие, за какую победу она жаловалась. Так, например, Екатерина Великая пожаловала золотые, украшенные алмазами шпаги Румянцеву, Потемкину и Суворову, причем на шпаге Румянцева имелась надпись *"За храбрые предприятия"*.

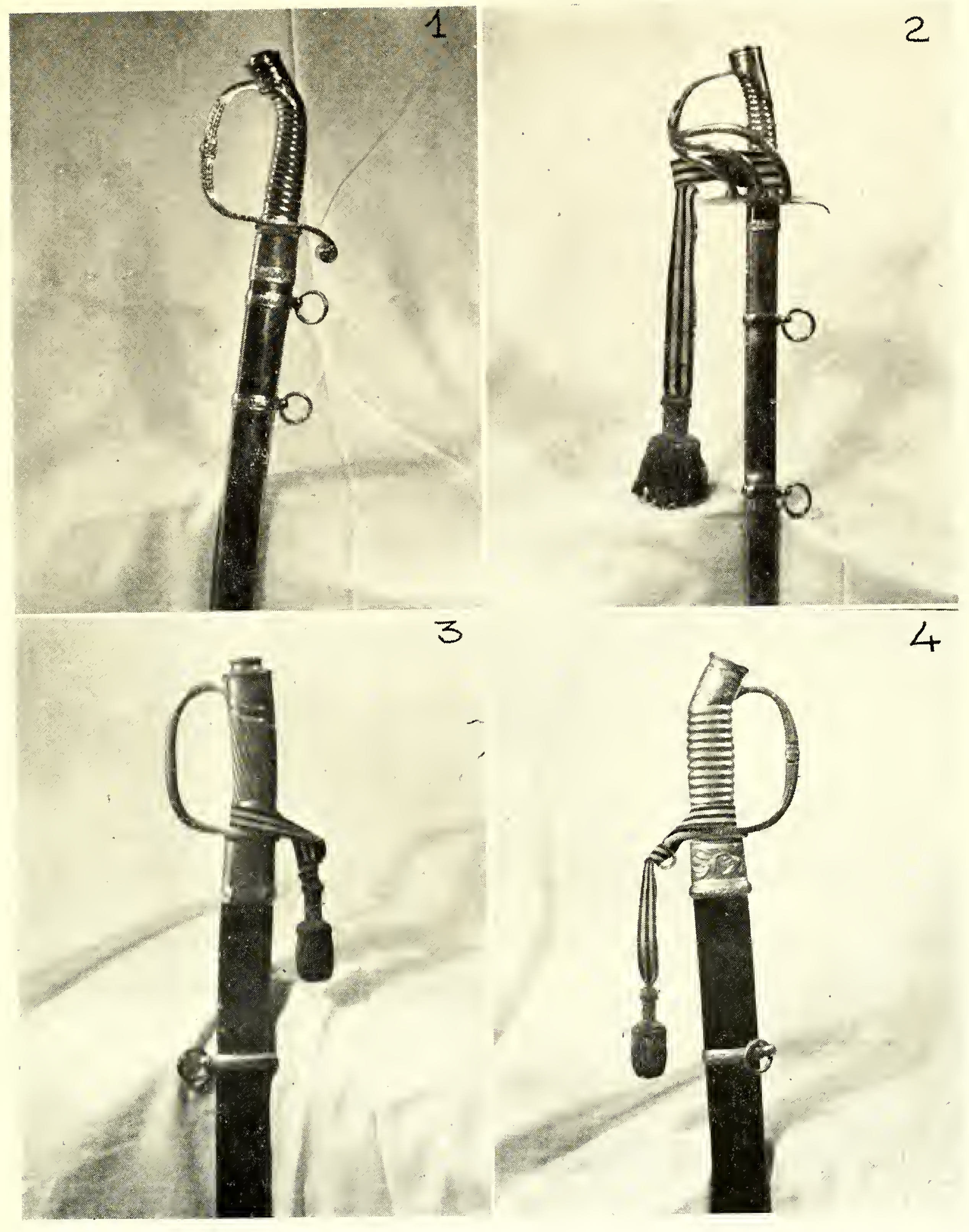
К концу 18-го века в России начинается более широкое применение этой формы награждения. Почетным оружием награждаются уже не только генералы, но и штаб, и даже обер-офицеры. Жаловались уж не только золотые, но и "золотые", т. е. золоченные шпаги, на которых иногда помещалась и столь характерная впоследствии надпись *"За храбрость"*. Есть мнение, что происхождение надписи *"За храбрость"* обязано случайности. Капитан л.-гв. Преображенского полка Д. С. Дохтуров, получивший золотую шпагу в 1789 году, в 1790 г. неожиданно ее лишился в сражении при Роченсальме, где она была разбита ядром. Императрица Екатерина II приказала ему выдать из Кабинета новую золотую шпагу, но уже с надписью *"За храбрость"*.

К началу 19-го века пожалование "золотым" оружием настолько распространилось, что Император Александр I почел за благо сопричислить его к прочим знакам отличия Рескрипт 28 сентября 1807 г. гласит: "Жалованные Нами и предками Нашими за воинские подвиги генералитету и штаб- и обер-офицерам *золотые* и с надписью *шпаги* с алмазными украшениями и без оных, яко памятник Нашего к тем подвигам уважения, причисляются к прочим знакам отличия для чего и повелеваем всех тех, коим такие шпаги доныне пожалованы и пожалованы будут, внести и вносить впоследствии в общий с кавалерами Российских Орденов список".

Рескрипт этот является первым официальным установлением о "золотом оружии". В первом списке награжденных им числится 117 кавалеров, причем первым помечен генерал-фельдмаршал князь А. А. Прозоровский, получивший золотую, украшенную алмазами шпагу еще в 1775 году.

За кампании 1806—11 гг. "золотым оружием" были награждены 478 кавалеров. За 1812—1815 гг. его получили 1.034 кавалера.

"Золотое оружие" эпохи Отечественной войны можно видеть в брюссельском Военном музее. Это сабли со сплошь металлическим вызолоченным эфесом и с надписью *"За храбрость"*. Они исключительны по красоте и по какой-то необъяснимой военной романтике. Сабли эти были переданы в брюссельский музей Лейб-Казаками.



ЗОЛОТОЕ ОРУЖИЕ

1. Пехотная сабля времени царствования Императора Александра II. 2. Палаш того же времени. 3. Шашка времени царствования Императора Александра III. 4. Шашка — георгиевское оружие — времени царствования Императора Николая II.

Из собрания Е. С. Молло

Одновременно продолжалось и пожалование полководцев золотыми с алмазными украшениями шпагами. Известны: золотая с лавровым из изумрудов венком шпага Кутузова, золотая алмазами и лаврами украшенная шпага Барклая де Толли, с надписью *"За 20 января 1814 года"* и золотая алмазами и лаврами украшенная с надписью *"За храбрость"* шпага Витгенштейна.

С 1812 года права награждения "золотым оружием" было дано главнокомандующему армией.

При Императоре Николае I "золотым оружием" было пожаловано: за Турецкую и Персидскую войны — 349 кавалеров, за подавление Польского восстания — 341, за Венгерский поход — 121 и за военные действия на Кавказе — 249 кавалеров.

Император Николай I также пожаловал золотую алмазом украшенную шпагу с надписью *"За поражение персиан при Елисаветполе"* генерал-фельдмаршалу графу Паскевичу.

Император Александр II, 19 марта 1855 г., установил ношение при "золотом оружии" темляка на Георгиевской ленте, что, как бы, сблизило его с Военным Орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия.

За Восточную войну "золотым оружием" было награждено 456 кавалеров.

"Золотые" сабли, полусабли, палаши, шпаги и шашки выдавались пожалованным ими из Капитула Орденов; украшенные же бриллиантами отпускались из Кабинета Его Императорского Величества.

В собрании автора имеется "золотой палаш" и "золотая сабля" этой эпохи.

За Русско-Турецкую войну 1877—78 гг. "золотым оружием" было пожаловано 500 лиц и "бриллиантовым оружием" — 22. За Русско-Японскую войну — соответственно — 600 и 7.

"Золотое оружие" должно было всегда соответствовать образцу оружия присвоенного полагаемой форме обмундирования. На нем не полагалось иметь креста ордена Св. Георгия.

"Золотое оружие", украшенное бриллиантами, носилось без темляка. Если оружие это не соответствовало образцу оружия присвоенного полагаемой форме обмундирования, оно заменялось "золотым оружием", но с крестом ордена Св. Георгия и с Георгиевским темляком, причем сие последнее должно было соответствовать образцу оружия присвоенного полагаемой форме обмундирования.

При нахождении на внутренних парадах во Дворце золотое оружие, украшенное бриллиантами, надевалось во всех случаях, хотя оно и не соответствовало образцу оружия, присвоенного полагаемой форме обмундирования.

Крест ордена Св. Георгия помещался: у сабли и шашки — на голове эфеса, у палаша — на наконечнике грифа, у шпаги — на наружной чашке.

Статутом Военного Ордена Св. Великомуч. и Победоносца Георгия от 10 августа 1913 года "золотое оружие" было переименовано в Георгиевское Оружие и сопричислено этому ордену. Вот что говорится в Статуте о Георгиевском Оружии:

"Ст. 105. Георгиевское Оружие установлено для пожалования оным генералов, адмиралов, штаб- и обер-офицеров за выдающиеся подвиги, поименованные в сем статуте, требующие несомненного самопожертвования

Ст. 106. Под Георгиевским Оружием разумеются: шпаги, сабли, палаши, шашки и кортики существующих образцов, но с эфесами, сплошь позолоченными, с лавровыми украшениями на кольцах и наконечнике ножен; на эфесе изображена надпись *"За храбрость"* и помещается крест ордена Св. Георгия уменьшенного размера из финифти; темляк к Оружию — на Георгиевской ленте.

Ст. 107. Независимо Георгиевского Оружия, упомянутого в ст. 106, жалуется генералам и адмиралам Георгиевское Оружие, украшенное бриллиантами, причем надпись *"За храбрость"* заменяется указанием на подвиг, за который Оружие пожаловано; на эфесе крест ордена Св. Георгия из финифти, также украшенный бриллиантами; темляк к Оружию — на Георгиевской ленте".

Далее Статут указывает: "Георгиевским Оружием с бриллиантами награждаются блистательные воинские подвиги по Собственному Императорского Величества изволению; удостоение к Георгиевскому Оружию без бриллиантовых украшений возлагается на особые Думы, составленные из награжденных сим оружием; офицеры, имеющие орден Св. Анны 4-й степени, сохраняют таковой на эфесе Георгиевского Оружия".

Генералам и адмиралам, пожалованным Георгиевским Оружием с бриллиантовыми украшениями, предоставлялось право носить, взамен подлинного, таковое Оружие без украшений, помещая в последнем случае на эфесе лишь орденский знак, украшенный бриллиантами.

Офицерские чины, перешедшие на гражданскую службу, сохраняли на присвоенном гражданским чинам оружии орденские знаки Св. Георгия и темляк на Георгиевской ленте, сохраняя за сим Оружием наименование Георгиевского.

Таким образом, всего за четыре года до революции, завершился творческий процесс, сделавший наградное оружие в России, орденским оружием, со своей Думой, с точно установленным Статутом порядком награждения и даже с двумя степенями. В таком виде наградное оружие было только в России.

Во время Первой Мировой войны, к ноябрю 1916 года было уже более 5.000 пожалований Георгиевским Оружием и 8 пожалований Георгиевским Оружием с бриллиантовыми украшениями, а 12 апреля 1915 г. Верховному Главнокомандующему Великому Князю Николаю Николаевичу была пожалована Георгиевская сабля с бриллиантовыми украшениями и с надписью *"За освобождение Червонной Руси"*.

Этим и заканчиваются наши сведения о наградном оружии в России.

Памятники русской военной старины в Шантии

С. АНДОЛЕНКО

Князь Н. С. Трубецкой просил меня осмотреть музей в замке Шантии "с русской точки зрения". Воспользовавшись любезностью виконта Грувеля, его исключительной эрудицией, и радушным приемом заведующего музеем князя де Броей, потомка российского фельдмаршала "дюка Брольо де Ревель" (1718—1804), я по возможности исполнил это поручение.

Замок Шантии принадлежал принцам Конде, и последним из них он был завещан герою покорения Алжира, историку и автору труда "История принцев Конде", герцогу Омальскому, сыну короля Людовика Филиппа. Герцог Омальский (1822—1897), в свою очередь, завещал замок Шантии Институту Франции (учреждение, объединяющее пять французских академий).

Предметом этой заметки не является описание замка и хранящихся в нем сокровищ — мебель, картины, библиотека, реликвии, исторический архив и т. д. Думаю, что для русских читателей небезынтересно будет узнать, что среди богатств замка, кроме хранящихся там русских знамен корпуса Конде (см. сообщение кн. Н. С. Трубецкого в № 9 "Воен.-Ист. Вестн."), в нем находится не мало других памятников русской военной старины.

Упомянутым выше знаменам сейчас уже более 160 лет, но ткань их и краски удивительно хорошо сохранились. Не скрою, что эти величавые символы павловской России производят большое впечатление...

В архивном отделе замка есть несколько папок, содержащих бумаги большого исторического интереса, почти неизвестные широкой публике. Что же касается русских бумаг, то хранители музея утверждают, то их еще никто не исследовал.

Среди бумаг на французском языке, тщательно переплетенных, находятся собственноручные письма принцу Конде от российских венценосцев — Императрицы Екатерины, Императора Павла и Александра I.

Среди же русских бумаг здесь хранится вся переписка корпуса за время нахождения его на русской службе — высочайшие рескрипты и приказы, рапорт Суворова о расположении русских войск после Альпийского похода, рапорты "принцу Кондею" от шефов двух русских полков — Глуховского кирасирского и Павлоградского гусарского.

В том же архиве находятся письма Императора Александра I вдове генерала Моро, перешедшего на русскую службу и убитого в 1813 году в сражении под Дрезденом

Все эти "русские документы" чрезвычайно интересны и требуют подробного и тщательного исследования.

В одном из коридоров замка Шантии целая витрина занята предметами обмундирования и вооружения туземцев Собственного Его Величества Конвоя времени Императора Александра II. Предметы вооружения поражают зрителя тонкостью и художественностью кавказских мастеров. Собрание это было было прислано герцогу Омальскому от Великого Князя Константина Константиновича "в воспоминание о приятной встрече". Собственноручное письмо Великого Князя хранится в архиве.

Среди картин обращает на себя внимание картина, изображающая посещение Шантии Великим Князем Цесаревичем Павлом Петровичем, присланная в дар музею Великим Князем Владимиром Александровичем.

Переданные мною редакции "Военно-Исторического Вестника" фотографии позволяют наглядно познакомиться с малой частью того, что хранится в музея, осмотр которого мы рекомендуем.

Заметки по поводу фотографий знамен и документов, переданных С. П. Андоленко редакции „Военно-Исторического Вестника"

Кроме нескольких прекрасных фотографий русских знамен корпуса принца Конде (знамена Дворянского полка и гренадерского принца Бурбона, пожалованные 15 января 1799 г. и пожалованные за отличие 16 февраля 1800 г.), С. П. Андоленко любезно предоставил редакции фотографии некоторых документов, хранящихся в музее Шантии.

1. Грамота Императора Павла I на пожалование гренадерскому принца Бурбона полку пяти наградных знамен с надписью: "*За взятіе знаменъ у французовъ при Констанцѣ 1799 году*".

До сих пор текст этой грамоты нам был известен лишь в переводе на французский язык, или в переводе с французского на русский, а не в оригинале, написанном по-русски Вот содержание этой грамоты.

Божіею милостію Мы Павелъ Первый Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и прочая и прочая и прочая.

Нашему Гренадерскому Бурбона полку.

Оказанныя Намъ услуги на сраженіи съ французами при Констанцѣ, гдѣ преоборяя всѣ опасности своею храбростію и неустрашимымъ мужествомъ, от-

няли у непріятеля знамя; за таковую отличность въ знакъ Нашей признательности, и дабы оставить въ памяти подвиги ваши жалуемъ вамъ новыя знамена, съ означеніемъ имянно дѣяній заслуживающихъ таковое отличіе. Пребывая вамъ Императорскою Нашею милостію благосклонны. Данъ въ Санктпетербургѣ. Февраля 16-го дня 1800 года.

Павелъ

Кроме того, фотография надписи на самом знамени разрушает неверную, встречающуюся в некоторых французских исторических сочинениях, легенду о том, что на этих, пожалованных за отличие знаменах, была надпись: "За взятие знамен у *неверных* (infidèles) французов" (См. Muret. Histoire de l'Armée Condé. Paris, 1844, p. 172-173 et L. Pingaud. Les Français en Russie et les Russes en France. Paris, 1886, p. 218).

2. Второй документ (на французском языке) — письмо Императора Павла I принцу Конде от 7 апреля 1800 г. — подтверждающий волю русского Государя оставить русские знамена корпусу Конде, несмотря на требование ген.-м. кн. Горчакова возвратить их русским (текст этого письма в русском переводе сообщен кн. Н. С. Трубецким в № 9 "Воен.-Истор. Вестн.", стр. 4) — дополняется другим, известным нам документом, напечатанном в "Русском Архиве" (1888, июль, стр. 288). Это рескрипт — выговор князю Горчакову.

Господинъ генералъ-маіоръ князь Горчаковъ 3-й!

Я съ удивленіемъ усмотрѣлъ изъ донесенія вашего отъ 18 марта, что безъ позволенія моего осмѣлились вы требовать отъ его свѣтлости принца Конде знамена, данныя мною его корпусу. То за таковой вашъ неосновательный поступокъ дѣлаю вамъ выговоръ и повелѣваю отнестись къ принцу Конде съ объясненіемъ, что вы сдѣлали сіе безъ вѣдома моего.

7 апрѣля 1800 г. *Павелъ*

3. Фотография письма Императора Александра I принцу Конде от 30 ноября 1813 г.

Это — любезный ответ русского Государя принцу Конде на его письмо, содержание которого нам неизвестно. В ответном письме Император Александр I подтверждает получение письма через графа де Буйе и говорит, что это письмо "содержит свидетельства, которые он горячо ценит". Он пишет, что самые заветные стремления его сердца будут тогда удовлетворены, когда он увидит Европу, возвращенную к спокойствию, счастью и независимости; что тех же самых принципов держатся его союзники и что они воодушевлены тем же духом; что не было еще никогда такого единства их в стремлении для торжества справедливости дела... "Не сомневайтесь в том удовольствии—, заканчивает Государь: "с каким я отрываю себя на несколько мгновений от занятий, поглощающих все мое время, чтобы побеседовать с вами и чтобы еще раз выразить вам уверение в неизменности моих чувств".

Читая это письмо, полное лишь общими любезными фразами и не содержащее в себе каких-либо конкретных данных, невольно припоминается известная записка князю В. Н. Горчакову от Ф. В. Ростопчина, опубликованная в "Русском Архиве", (1888, июль, стр. 291).

"3 ноября 1798 г. С. Петербургъ.

Государь Императоръ соизволилъ указать мнѣ написать къ вашему сіятельству, чтобы вы сдѣлали внушеніе его свѣтлости принцу Конде ограничить себя въ его перепискѣ съ Государемъ единственно въ дѣлахъ до инспекціи его касающихся и распространяться, какъ можно меньше объ усердіи, о службѣ, о благодарности, о преданности и прочее — вещи, кои доказываются на дѣлѣ, а не на словахъ. Изъ всего сего вы сдѣлаете употребленіе таковое, чтобы его свѣтлость, не обидясь, унялся бы отъ пространнаго писанія".

Хотя Император Александр I в своем письме-ответе принцу Конде и пишет об "удовольствии" беседовать с ним, но тут же говорит, что это обстоятельство отрывает его, Государя, "от занятий делами, поглощающих все его время". Не является ли письмо принца Конде тем родом "писаний", от которых еще в свое время хотел оградить себя Император Павел I?

4. Из четвертого документа — рапорт командира Кирасирского Михельсона I полка (Глуховский кирасирский полк) полковника Шредера, мы заключаем, что кроме Гусарского Боура полка (Павлоградский гусарский) в "инспекции" принца Конде одно время (рапорт помечен 26 марта 1799 г.) состоял Глуховский кирасирский полк. По "Хронике" кн. Долгорукова Кирасирский Глуховский полк был расквартирован в 1797 г. в Новомиргороде, т. е. в районе, смежном с расположением корпуса Конде в 1799 году.

Вот краткие замечания на документы, фотографические копии которых любезно предоставил редакции "Военно-Исторического Вестника" С. П. Андоленко и за которые редакция приносит ему глубокую признательность.

Хочется лишь добавить, что было бы желательно иметь более подробные сведения о том "рапорте Суворова о расположении русских войск после Альпийского похода", о котором упоминает С. П. Андоленко в своем сообщении. Не есть ли это то письмо Суворова от 9 октября из Фельдкирха, о котором есть упоминания в исторической литературе?

Что же касается письма Императора Александра I вдове генерала Моро, то оно было уже опубликовано Павлом Свиньиным в его книге: «Quelques détails sur le Général Moreau», изданной в Лондоне в 1814 году. Благодаря же сообщению С. П. Андо-

ленко мы знаем теперь, что оригинал этого письма хранится в архиве музея в Шантии.

***

В связи с сообщением С. П. Андоленко о замке Шантии, мне хочется отметить один неизвестный эпизод из жизни Цесаревича Павла Петровича, когда он, под именем графа Северного, в 1782 году посетил этот замок, будучи в гостях у принца Конде.

В моем собрании автографов находится неопубликованное письмо известного литератора и библиофила., друга поэта Пушкина — С. А. Соболевского (1803—1870) к французскому литератору и автору книги «L'empire des Tsars au point actuel de la science». Paris, 1862 - J.-H. Schnitzler'y.

Не касаясь интересного содержания всего этого письма, сообщаю лишь часть его. Соболевский пишет (делаю перевод с французского):

"Вот рассказ о Павле Петровиче, который я слышал от лица, сопровождавшего его во Франции.

Между празднествами, которые были устроены для него, принц Конде в его честь устроил в Шантии ночную охоту при свете факелов. Подобного рода увеселение он делал обыкновенно только для короля Франции. Павел Петрович был очень польщен этим знаком внимания. Каким-то образом ему стало известно, что король в подобных случаях жаловал людям Конде 1.000 луидоров.

Чтобы не становиться в один ранг с королем, а с другой стороны, чтобы не дать повода к подозрению в скаредности, наследник русского престола велел раздать людям принца Конде 999 луидоров....

,,Das war ganz fein gehandelt"! — заканчивает немецкой фразой этот рассказ Соболевский. Письмо Соболевского из Москвы датировано 10-22 декабря 1868 года.

Сообщил *Ю. Топорков*

Воспоминания морского врача

Я. КЕФЕЛИ

(Продолжение)

Высочайшее повеление о назначении командующего войсками Квантунской области и морскими силами в Тихом океане, генерал-адъютанта, вице-адмирала Евгения Ивановича Алексеева Наместником Его Императорского Величества на Дальнем Востоке состоялось, если я не ошибаюсь, в середине лета 1903 года. Тогда же были определены и приблизительные границы обширнейшего "доминиона".

Первым заметным шагом "вице-короля" был объезд Квантунского полуострова и других ближайших районов оккупированной Манджурии.

Наместник двигался по железной дороге, а мы — "Забияка" (его яхта) — шли параллельно, на тот случай, если бы адмирал вздумал обратно возвратиться морем. Однако, Наместник не воспользовался "Забиякой". Благодаря этому мы, кают-кампания, получили возможность ознакомиться с постройкой целого нового города. Строитель и градоначальник Дальнего, создававшегося на пустыне, инженер путей сообщения Сахаров, пригласил нас к себе на "файф-о-клок". Я также был в числе представителей "Забияки".

Много интересного о своих планах на будущее рассказал нам тогда Сахаров, человек очень любезный, общительный и толковый. Он говорил не только о городе, но и о будущем громадном русском порте для всей Сибири и всего Северного Китая, с выходом к необъятным просторам Великого океана.

Потом мы усердно осматривали и порт, и самый город. Вот, что интересного об этом осталось в моей памяти.

После кипучего русского Артура гавань нового города и самый город Дальний показались нам пустынными. Правда, китайцев было много. Но все это были рабочие, которые трудились над устройством гранитных набережных нового порта и его мола и по прокладке улиц и их шоссирования. Русские же, кроме десятников и подрядчиков, были только случайными встречными.

Порт, по крайней мере набережная, были уже почти готовы. Однако, никакого особого портового оборудования мы не заметили и никакого, обычного для коммерческого порта, оживления там не было заметно. Кроме нас, "Забияки", и китайских джонок, других судов не было на рейде.

Обширный план города был виден воочию по шоссированным улицам. Домов же почти не было. Разве, два-три десятка одноэтажных особняков для инженеров и русских служащих, окруженных красивыми садиками. Но был уже ресторан и даже русский театр.

В противоположность Дальнему, стоявший от него в нескольких верстах китайский городок Талиенвен, кипел, как все прочие китайские старые города. Там, вероятно, жили китайцы, строившие Дальний.

Офицеры "Забияки", осматривавшие Дальний, тогда, в дни его рождения, дали этому новому городу свое название и окрестили его именем "Лишний".

Как мы ошибались тогда!

Теперь в Дальнем (по-японски — Дайрен) около миллиона жителей! Дальний оказался далеко не лишним, как в шутку его называли морские офицеры в то время, и русский министр финансов С. Ю. Витте оказался прозорливее русских моряков.

***

Осенью на "Забияке" мы повезли к устьям реки Ялу, прогремевшего в свое время на всю Россию, полковника генерального штаба Мадритова. Все тогда говорили, что он едет туда в связи с громадными лес-

ными концессиями, полученными какой-то финансовой группой, в которую входили и крупные лица в государстве. Роль Мадритова заключалась в организации охраны этих концессий. Мы довезли его до устья Ялу, но в эту реку не входили. За ним пришел какой-то катер.

Конечно, раз на такую роль ехал в форме офицер генерального штаба, то эти концессии очень интересовали самое правительство, тем паче, что Мадритову для поездки адмирал предоставил свою яхту. Мадритов остался на Ялу, а мы возвратились в Порт-Артур.

Другой подобного же рода случай, также полуполитического характера, заслуживает быть отмеченным. Вскоре яхта Наместника отвезла из Порт-Артура в Шанхай-Гуань вновь прибывшего из России в Артур русского пекинского архиепископа с целым причтом и хором русских же певчих.

По морскому уставу духовному лицу (православному, инославному и даже иноверному — в равной степени), если оно состоит, по табели о рангах Петра Великого, в сане, равном адмиралу, на военных кораблях оказываются военные почести, какие положены для адмирала: "караул, офицеры и команда во фронт". Все это было выполнено.

Одновременно с архиепископом шел на "Забияке" офицер генерального штаба Довбор-Мусницкий (впоследствии, в период революции, возглавлявший польские войска, формировавшиеся в России). С ним была его жена, очень живая и обшительная дама. Благодаря этому "елейное" настроение, бывшее на корабле из-за присутствия духовной особы большого ранга, несколько оживилось и обед на юте, убранном флагами, затянулся чуть не до полуночи, когда мы пересекали Печилийский залив. Певчие, ехавшие с командой, немного подвыпили, что озабочивало нашего старшего офицера...

***

В конце лета 1903 года Наместник устроил в своем "дворце" бал для всех чиновных кругов нового наместничества. От нашей кают-кампании (я тогда плавал на "Пересвете"), как и от всех других судов эскадры, стоявших на внешнем рейде, было послано на бал по три молодых офицера. В числе этой тройки был и я.

Погода была очень плохая. В море — большое волнение. Мы едва сели в поданный нам катер. Несмотря на накидки, тогда только введенные во флоте, наши белые воротники, манжеты и манишки, и наши бальные туфли пострадали.

Наместник жил в большом доме крупного китайского начальника, помещавшемся среди большого двора. Но "дворец" этот, построенный в европейском стиле, скорее напоминал казарму.

Мы немного запоздали. Прекрасно освещенные залы были полны. Играла музыка. Всюду были накрыты закусочные столы. Большое разнообразное общество медленно передвигалось в разных направлениях. Вскоре начались танцы.

Когда мы толпились в одной из комнат, где стояли столы со сладостями, проходил Наместник, ласково улыбаясь, и здоровался с некоторыми из гостей. Он был довольно высокого роста, его волосы и борода — в виде небольших бак — были с сединой, а в его глазах, несколько навыкате, светился легкий масляный блеск. Как говорили, он чуть-чуть был похож на Императора Александра II, но имел в лице, как бы, отпечаток армянского происхождения.

В толпе офицеров Наместник заметил меня, подошел, как к своему старому "придворному" (раз в неделю в течение полугода, плавая на "Забияке", я делал медицинский осмотр команды "дворца") и сам повел меня к столу со сладостями.

На балу было очень много новых для Порт-Артура лиц. Кроме офицеров армии и флота, местной гражданской администрации и их семей, было много разных чиновников, приехавших по службе в "столицу вице-короля" обширнейшего нового государства — от Северного Ледовитого океана до Желтого моря, и от Байкала до Порт-Артура и Владивостока. Были на балу и промышленники, торговцы и среди них иностранцы. Но я не видел среди публики ни одного китайца. А мы, все же, были пока в Китае.

Как-то, плавая на "Пересвете" и будучи отпущен на берег, я прибыл к пристани во внутреннем рейде, где останавливаются обычно офицерские шлюпки с эскадры, и был удивлен невиданным до того зрелищем. От здания, где находилось управление порта, до сухого дока стояли в несколько рядов человек полтораста — двести китайцев, одетых по праздничному в национальные костюмы. Все они были высокого роста, с косами, по-своему красивы, поэтому я полагаю, что это были манджуры. У каждого из них в руках на длинном древке был большой, в метр—полтора, флаг треугольной формы, расшитый разными цветами и расписанный китайскими иероглифами.

Мне пояснили, что это манифестация местного населения в честь Наместника — великого русского богдыхана — и что сам адмирал Алексеев ожидается с минуты на минуту на это торжество.

Следовательно, Наместник в той или иной мере считался с местным населением и его представителями. Однако, на балу во "дворце" ни одного китайца я не видел. Пятьдесят лет тому назад все без исключения китайцы ходили только в своей национальной одежде и носили косы. Поэтому я не мог на балу проглядеть китайцев. Я думаю, что такое невнимание к местным аборигенам объясняется только тем, что в Артуре не было образованных китайцев, а были только рабочие, крестьяне и мелкие торговцы.

Темп активности "вице-короля Дальнего Востока", как часто называли адмирала Алексеева, был солидный, размах широкий. Величие, с каким шествовал на балу по залам "дворца" Наместник, окруженный своими пока немногочисленными и скромными сотрудниками, соответствовало масштабу порученного ему дела.

За короткое время один за другим были созваны Наместником съезды, сначала русских посланников в Китае, Японии и Корее, отныне подчиненных непосредственно Наместнику. Затем состоялся съезд по народному просвещению. Потом — по вопросам торговли и промышленности и т. д.

При редких выездах в город адмирал Алексеев не брезгал некоторой наружной помпой, чему я был сам свидетель, так как моя квартира была недалеко от "дворца". Далеко впереди на пролетке мчался большого роста полицмейстер Тауц, латыш, гроза китайцев. Перед экипажем Наместника шел на конях в две шеренги взвод желто-лампасных казаков с винтовками за плечами. На заднем сидении пароконного экипажа адмирал сидел один. Впереди на маленькой скамейке, лицом к адмиралу и спиною к кучеру скромно примащивался адъютант, капитан 2-го ранга Ульянов. Процессию замыкал второй взвод казаков на конях. Среди казаков встречались чисто монгольские лица.

**
*

Жизнь в порту заметно оживлялась. Ежедневно в Порт-Артур приходило в среднем десять кораблей с грузами и пассажирами, главным образом китайцами, подвозимыми из Южного Китая.

Флагманский доктор назначал меня несколько раз на брандвахтенное судно для кратковременного несения обязанностей карантинного врача. Поэтому я точно знаю, что в порт приходило такое количество коммерческих судов.

Если вспомнить, что в это время из земли вырастал новый город, что уже был не только разбит по русскому плану новый Порт-Артур, шоссированы и освещены его улицы и сотнями создавались новые в несколько этажей дома, где много тысяч китайцев производили земляные работы и складывали из кирпича не только здания для жилья, но строили гимназии, народные школы и госпитали, — то станет ясным, что по-"американски" создавалась не только резиденция "вице-короля" русского наместничества, но и новая столица Русского Дальнего Востока. Ожидалось, что самое позднее через год-два половина задуманного нового города будет закончена и станет обитаемой.

Офицерам и чиновникам местного управления бесплатно раздавались участки земли на дачных местах. Но многие, в их числе и я, купили себе участки земли в центре нового города с торгов от городского управления, и цены стояли высокие.

В городе издавалась ежедневная газета "Новый Край". Выпускал ее подполковник-юрист Артемьев.

Так как территория нового города была не очень обширна, говорили о необходимости расширить ее за счет берегов большого рейда, обрамив эти берега гранитной набережной, что удвоило бы территорию города вдоль плоского берега залива; этот берег затоплялся приливами, доходящими в Артуре до 3—4 метров. Намечены были новые пригороды и устроены питомники для декоративных деревьев.

Землечерпалки углубляли выходы в море из гавани, которая во время отлива была мелка для больших судов. Они углубляли и большой рейд против нового города для судов эскадры и "купцов".

Усиленно говорили тогда, что предполагается искусственно прорыть второй выход из гавани. Для этого намечалось два решения: плоское место в сторону Ляотешаня и Голубиная бухта. Очень озабочивало власти отсутствие сухого дока для больших судов.

Городской голова новой столицы, подполковник Вершинин (сухопутной артиллерии), был на высоте своей миссии устроителя-созидателя столицы нового края, который он называл "Желтороссией". Разумный, деликатный, обходительный, он был уважаем и русскими, и иностранцами, и китайцами. Выбор Наместника был очень удачен.

**
*

После рождественских праздников в январе 1903 года два эскадренных броненосца, "Петропавловск", под флагом вице-адмирала Старка, и "Пересвет", под флагом контр-адмирала князя Ухтомского, снялись с порт-артурского рейда и после двухдневного перехода подошли к Нагасаки.

Целью похода был визит начальника эскадры и его штаба японскому императору, микадо Мутсу-Хито, как говорили, от имени Главного Начальника Квантунской области и будущего Наместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке, адмирала Алексеева.

Отсалютовав крепости, мы вошли в Нагасакскую бухту, застали там несколько военных судов европейских держав, но ни одного японского корабля там не оказалось. Нас встретил на катере только портовый офицер.

Простояв в прекрасном Нагасакском заливе несколько дней, мы вышли в море. Обогнув остров Киу-Сиу с юга, вошли в Тихий океан и сразу попали в жестокий шторм. На третьи сутки, идя друг другу в кильватер, оба броненосца подошли к Иокогаме. Погода стала вдруг прекрасной — море тихое, небо ясное...

Мы сразу были очарованы чудом света — вулканом Фузи-яма. Далеко, далеко в синеве горизонта стоял белый шатер. Верхушка его срезана. Из этой дыры клубился густой темно-коричневый дым. Но странно — дым этот был неподвижен, как бы нарисован на утреннем небе и украшал небосвод. Долго мы не могли оторваться от этой величественной картины природы и не покидали верхней палубы.

На рейде Иокогамы было большое оживление. Кроме многих коммерческих судов, стоявших и двигавшихся, мы застали и несколько европейских военных судов. Но опять, ни одного японского военного судна не было на рейде.

Так как нашей целью был визит вежливости, адмиралы Старк и князь Ухтомский, командиры обоих броненосцев, и штаб — до десятка офицеров — вы-

ехали в Токио. Кают-кампании же "Петропавловска" и "Пересвета" со своей стороны, образовав по две тройки молодых офицеров, также отправили их в Токио с визитом к посланнику нашему, барону Розену, генеральному консулу и двум нашим агентам — морскому и военному. Я был в той тройке с "Пересвета", которая направилась к агентам. Конечно, нас интересовало, как оценивают военную мощь Страны Восходящего Солнца представители России, специалисты по этой части.

Полковник генерального штаба Г. М. Ванновский, еще с 1900 года наш военный агент в Японии, сравнительно молодой человек по наружности, в нескольких иронических выражениях описывал "потуги японцев-макак" сравняться с европейцами в военном отношении. Бывшие со мною флотские офицеры, удивленные таким мнением, спрашивали у Ванновского об основаниях к такому суждению, идущему против мирового мнения о мощи Японии. Наш военный агент любезно и с охотой посвящал их в технические детали этого вопроса и, между прочим, описал им какие-то маневры, за ходом которых он наблюдал. Он высмеивал японскую армию...

От Ванновского мы тотчас же на рикшах отправились с визитом к морскому агенту. Совершенно обратное мнение о военном могуществе Японии, реформированной японским императором Мутсу-Хито, дал нам капитан 2 ранга А. И. Русин, человек много старше Ванновского, вдумчивый и серьезный. Он был очень высокого мнения о производимых в Японии военных реформах, о народной доблести японцев, о технических успехах, достигнутых их промышленностью, их армией и их флотом. Он предупреждал нас о необходимости сугубой осторожности в виду возможного военного столкновения. Мы откровенно изложили Русину обратное мнение полковника Ванновского. Деликатно обходя своего коллегу, морской агент еще более настаивал на своем мнении.

Через несколько дней капитан 2 ранга Русин был с ответным визитом в нашей кают-кампании на "Пересвете". Естественно, вся кают-кампания, которой мы передали о разногласии обоих специалистов о мощи нашего возможного противника, была охвачена тревогой и заставила Русина еще раз подкрепить свои суждения.

Через 40 лет, уже здесь в Париже, я был как-то у Русина, уже полного адмирала, и напомнил ему, что в этом разногласии двух наших агентов правым оказался он, а не полковник Ванновский.

"Когда мнения расходятся, кто-нибудь всегда бывает прав", ответил мне скромно глубокий старик.

**
*

В те годы в Японии царствовал император-реформатор, микадо Мутсу-Хито, которого японцы по справедливости считали великим. Мы все знали это и естественно визит нашего адмирала и его свиты к Сыну Солнца нас очень интересовал.

Член и гость нашей кают-кампании на "Пересвете", милейший А. А. Бунге, флагманский доктор эскадры, бывший в свите адмирала, рассказал нам все. Церемония совершилась по-европейски и по шаблону: речи посланника и адмирала, ответы микадо Мутсу-Хито, переводы этих речей драгоманами и прочее. Замечательным и исключительным было только одно, тогда нам казавшееся странным.

Когда представления и речи кончились и надо было уходить, микадо остался на месте, а наши адмиралы и их свита, согласно церемониалу двора Страны Восходящего Солнца, не смели показывать Императору своей спины и своих пяток. Поэтому оба адмирала, командиры судов (капитаны I ранга Яковлев и Бойсман) и штабные специалисты, в большинстве люди от 40 и за 50, пятились медленно назад, опустив головы в сторону Императора, пока не скрылись за дверью.

**
*

Через несколько месяцев, это было летом, два японских броненосца пришли на рейд Порт-Артура с ответным визитом и, обменявшись салютами, стали на внешнем рейде около нашей эскадры.

В морском собрании был устроен для них прием. Помнится — чай на открытом воздухе за рядом маленьких столиков. Я был на этом приеме. Мне тогда казалось, что прием этот был суховатым. Виною этому были скорее сами японцы. Их офицеры были неразговорчивы, сдержаны и, до самоунижения, низко кланялись и шипели (правда, таков их обычай). Я помню, мы спрашивали, сколько у них офицеров на их броненосцах. Оказалось, по 35 человек, а у нас было по 25.

Японцы простояли дня два и ушли.

**
*

Как бы в продолжение визита к микадо Мутсу-Хито со стороны Наместника Государя Императора, в середине 1903 года с подобной же целью, уже со стороны всей Российской Империи, отправился в Японию и очень влиятельный в то время русский военный министр генерал-адъютант А. Н. Куропаткин. Знаки уважения к возможному будущему противнику со стороны России были доведены до возможной высоты дипломатического такта.

Возвращаясь из Японии, Куропаткин заехал в Порт-Артур. Со стороны Наместника ему был оказан торжественный прием. Помню, говорили о важных заседаниях у Наместника. Передавали в разговорах, что генерал Куропаткин много говорил о своих впечатлениях из поездки в страну наших будущих противников. Но мнения эти ясно не сообщались.

В среде офицеров "Пересвета", которые сами были так недавно в Токио, был особый интерес к тому, какое мнение о мощи Японии было у спутников генерала Куропаткина. Помню, три-четыре офицера с "Пересвета", в том числе и я, специально для этого отправились на вокзал, в поезд военного министра. К

сожалению, в это время в поезде не было ни одного видного офицера из свиты министра. Оставались одни прапорщики-туркмены, люди мало культурные, плохо говорившие по-русски (я был переводчиком), которые не имели никаких мнений ни об Японии, ни об ее военной силе.

Когда военный министр уехал, стали говорить, что мнения Куропаткина не сходятся с мнением Наместника, но, во всяком случае, войны-де ожидать нет оснований.

Теперь, из воспоминаний бывшего адъютанта Наместника, капитана 1 ранга Б. Н. Бока, мы знаем (см. Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк. 1955. "Завтрак у Наместника", стр. 23—27. Ю. Т.), что мнение Куропаткина соответствовало мнению его агента в Токио, полковника Ванновского, конечно, внушенное им министру.

На "Пересвете" в среде офицеров верили мнению капитана 2 ранга Русина, нашего морского агента, и в кают-кампании в шутку говорили, что японцы "втирали очки" полковнику Ванновскому, нарочито инсценируя перед ним плохие маневры.

(Продолжение следует)

Памяти А. А. Стаховича

ВЛАДИМИР фон РИХТЕР

Безвременно отошедший от нас А. А. Стахович, один из основателей нашего Общества, был человеком своеобразным, незаурядным и одаренным. Последние годы своей жизни он посвятил собиранию и изучению родной медалистики, поставив во главе серию петровских медалей. Его стремительность и упорство в этой области увенчались созданием непревзойденной за рубежом коллекции нумизматических памятников великого преобразователя нашего отечества и чрезвычайно кропотливого, всесторонне обдуманного труда, озаглавленного: Комментарии к "Медалям на деяния Императора Петра Великого" Юлия Богдановича Иверсена. Эта книжка Иверсена — чрезвычайной редкости еще до революции; во всем зарубежьи, на всех континентах, ныне существует не более 5 экземпляров; даже в Британском Музее ее нет: она была уничтожена пожаром после бомбардировки в начале последней войны, в числе многих других редчайших русских изданий.

Да будет позволено и нам всецело присоединиться к высокоодобрительным отзывам об этой работе А. А. Стаховича, высказанным наиболее компетентными современными знатоками данного вопроса: своевременность, необходимость и большая польза этого труда, как это будет видно ниже, несомненна. Так, известный всем нумизматам по своим многочисленным трудам, маститый археолог Н. Г. Спасский, писал покойному: "...Искренне желаю вам успеха в опубликовании вашего труда. В условиях недоступности первоисточников вы проделали очень большую и интересную работу, и интуиция в ряде случаев подсказала вам очень тонкие и верные решения..." Ближайшая, выдающаяся помощница Н. Г. Спасского, Е. С. Щукина, высказалась более подробно: "...Н. Г. Спасский и я с интересом прочли вашу рукопись, тема которой для меня так близка... В процессе работы над избранной мною диссертационной темой, меня интересовали те же вопросы... Труд Ю. Б. Иверсена до сих пор остается для нас одним из наиболее ценных и фундаментальных пособий по русской медалистике, хотя, конечно, в нем есть ряд серьезных недостатков и неточностей. Работа по их устранению принесет неоценимую, большую пользу. При знакомстве с вашей рукописью наибольшее внимание я уделила первой части, имеющей общий характер. Основная часть работы, касающаяся конкретных медалей, уточнение описаний и дополнения вариантов — для меня также интересна, но подробное ее прочтение потребовало бы неизмеримо большего времени, чем то, которым в настоящее время располагаю..."

А ведь еще в 1914 году, наиболее тогда выдающийся русский нумизмат А. В. Орешников, скончавшийся в 1933 году, хранитель Исторического музея в Москве (он отдал этому музею 50 лет жизни), высказывался против собирателей, подбирающих и описывающих медали и монеты "по особому типу хвоста" или "пропущенной запятой". Нам кажется, что А. В. Орешников, работавший в несравненно более широком масштабе, чем А. А. Стахович, орудовавший тысячами монет не только древней Руси, но и всех окружающих ее племен и народов, в итоге тоже согласился бы признать пользу работы А. А. Стаховича, касающейся не сполна 400 экземпляров петровской эпохи.

Не считаем возможным входить во все подробности работы А. А. Стаховича на страницах этого издания, ибо она может быть вполне оценена только небольшим кругом специалистов-нумизматов. Имя автора этого труда навсегда останется памятным нумизматам и работа эта (если она будет издана в соответственном количестве экземпляров), найдет достойное место в библиотеке нумизматического отдела любого крупного музея и серьезных частных собирателей.

"Комментарии" А. А. Стаховича напечатаны машинописью на 99 страницах и включают: 1. Введение (стр. 1—28). 2. Описание медалей (стр. 29—78). 3. Приложение 1-е — собрание "петровских" медалей А. А. Стаховича (стр. 79—92). 4. Приложение 2-е — описание медалей А. А. С., вычеканеных после 1908 года. 5. Приложение 3-е, посвященное одному из сотрудников А. А. С. (стр. 93—98) и 6. Объяснение сокращений (стр. 99). Согласно "Приложения" 1-го — собрание "петровских" медалей на 20-е октября 1958 г. состояло из 362 экземпляров, из коих: 1) основная коллекция медалей "на события" Петра I

включала 275 экземпляров; 2) серия медалей в честь соратников Петра I — 13 экземпляров; 3) шведские медали в память событий Северной войны — 24 экземпляра; и 4) медали, выбитые в воспоминание Петра I и событий его царствования и их юбилеев, или же имеющие на себе изображения Петра I — 50 экземпляров.

Согласно "Введения" (стр. 8) А. А. Стахович обнаружил "до 46 разновидностей — Иверсеном в его труде неупомянутых, т. е. очевидно ему неизвестных". Это, конечно, большая заслуга А. А. Стаховича (и других русских коллекционеров, уступивших ему необходимые медали). Надо надеяться, что наши преемники внесут, в будущем, и свою лепту; Иверсен издал свой труд на 86 лет раньше, чем А. А. Стахович — время сделало свое... Сошлемся на один из многих примеров. Большой польский медалист Рачинский в 1845 г. описал 30 медалей эпохи короля Владислава IV, а через 84 года Гумовский мог описать 130 медалей (в 1939 году) эпохи того же короля.

Коллекция А. А. Стаховича ныне находится в руках его достойного сына, который, чтя память отца, продолжает ее пополнять и, вероятно, в свое время, вернет России это единственное в своем роде собрание.

Генерал-адмирал Русского Императорского флота Великий Князь Константин Константинович

Н. ЧИРИКОВ

(Продолжение, см. № 13)

Заботясь об улучшении личного состава русского флота, Великий Князь обращал особенное внимание на дальние плавания в воды Тихого океана, считая эти плавания лучшей школой для моряков. Из числа трех руководящих начал своей деятельности по морскому управлению он ставил на первое место: "возможно большее плавание военных судов в дальних морях и океанах, необходимое как для создания истинных моряков, так и для поддержания международного значения России". До царствования Императора Александра II на дальние плавания русских судов обращали мало внимания; так, за 18 лет, с 1834 по 1852 год, было отправлено в Тихий океан только пять судов, и то по крайней необходимости. За время же управления Великого Князя морским ведомством, русские военные суда безостановочно отправлялись в продолжительные дальние плавания, насколько позволяли средства, отпускавшиеся флоту. За исключением четырех лет (1867—1869 и 1875) число русских военных судов в Тихом океане не падало ниже 10-ти, а повышалось до 24-х. В то же время в водах, омывающих берега западно-европейских государств, находилось ежегодно от 7-ми до 18-ти русских военных судов (в 1865 — 29 судов). Эти дальние плавания часто были не вполне благополучными вследствие недостатков вновь построенных судов; русские суда, нередко, особенно в первые годы после Крымской войны, едва выйдя из Балтийского моря, должны были заходить в иностранные порты для исправления обнаружившихся недостатков постройки или полученных в море повреждений и после дальнейшего перехода снова укрываться в гавань на продолжительное время для починок — но тем не менее эти плавания имели огромное и благодетельное значение для русского военного флота.

Русский Андреевский военный флаг развевался в иностранных морях гораздо чаще, чем в предшествовавшее время, но все же не так часто и не всегда там именно, где следовало бы. Так, например, русские моряки избегали полярных вод, редко посещали воды, омывающие северную часть русского Тихоокеанского побережья и мало сделали для охраны их от эксплуатации иностранцев и для исследования и описания русских берегов. Широкому развитию дальних плаваний препятствовал недостаток средств. Так, в 1867—1869 гг. смета морского министерства была сокращена на несколько миллионов рублей и в эти годы океанские плавания были ограничены до крайней степени.

Великий Князь старался возместить этот недостаток обучением команд во внутренних плаваниях. В 1858 году впервые была создана особая эскадра для практического плавания в водах Балтийского моря. Эта школа русских моряков получила широкое развитие в 60-х годах прошлого столетия. В 1867 г. установлено во внутренних водах очередное плавание всех судов флота и во главе Балтийской практической эскадры был поставлен знаток морской тактики вице-адмирал Г. И. Бутаков 1-й, постепенно выработавший широкую систему морского обучения команд во время практических плаваний. Иностранные офицеры часто посещали Балтийскую броненосную эскадру и иностранная печать указывала на применявшиеся здесь приемы обучения команды, как на образец, достойный подражания.

Воссоздание русского военного флота, организация трудного дела сооружения собственными русскими силами новых военных судов и новой морской артиллерии, обновление и образование личного состава флота — таковы были главнейшие задачи деятельности Великого Князя по его ответственной должности генерал-адмирала. В связи с ними были существенно преобразованы все стороны военно-морского дела в России. Особенные старания были приложены Вели-

ким Князем к преобразованию на новых началах морского управления, центрального и местного, берегового. После первого же ознакомления с морской администрацией Великий Князь убедился в необходимости коренной ее реформы с целью устранения сложных обрядностей и порядков, отживших свое время, управления и оживления механизма управления.

Рядом последовательных частичных мероприятий он начал немедленно подготовлять общую реформу. Для лучшего успеха дела Великий Князь в этом случае, как и в других, прибегнул к содействию гласности; в "Морском Сборнике" был отведен особый отдел для обсуждения предположенных реформ. Первоначальный проект преобразования морского министерства и управления портами, составленный в 1856 году, несколько раз рассылался разным сведующим лицам и перерабатывался по их указаниям. Проект нового положения об управлении морским ведомством был утвержден 27 января 1860 года. Основные начала положения удостоились полного одобрения Императора Александра II, собственноручно написавшего на журнале Государственного Совета, что он ставит их "в пример всем господам министрам и главноуправляющим, надеясь и возлагая на их попечение достигнуть того же и по вверенным им ведомствам". Основой реформы была возможно большая децентрализация управления, местным властям были даны обширные права, обеспечена значительная самостоятельность в решении дел и личная инициатива; на центральное же учреждение, на морское министерство, возлагалось лишь общее направление и наблюдение за действиями местных властей. Командиры главных портов и портов второго разряда подчинены непосредственно управляющему министерством и генерал-адмиралу. Все хозяйственные заготовки, сосредоточившиеся ранее в департаментах министерства, переданы командирам портов; им предоставлено составлять проекты работ и сметы на предстоящий год и вносить свои предположения на утверждение министерства.

Новое положение было введено в действие для испытания на пять лет. По прошествии этого срока, в 1867 году в нем были сделаны изменения в прежнем направлении децентрализации управления и сокращения и упрощения делопроизводства. Два департамента, кораблестроительный и комиссариатский, и два отдельных управления — артиллерийское и строительное — были упразднены, а их дела переданы начальству портов. Благодаря упрощению системы управления и уничтожению нескольких излишних учреждений и должностей морское министерство, несмотря на быстрое развитие флота, могло в течение 25 лет довольствоваться прежней суммой, отпускавшейся на содержание администрации (1.632.000 руб.), значительно возвысив в то же время оклады служащих сравнительно с окладами, существовавшими до реформы 1860 года.

Рядом с общей реформой морского управления была преобразована система счетоводства и отчетности, имевших важное значение в сложном и обширном морском хозяйстве. Нововведения морского ведомства в этой области послужили также образцом для других ведомств и были распространены на всю администрацию. Они были основаны на изучении иностранных, прусской и американской, систем счетоводства. Великий Князь с этой целью командировал за границу статс-секретаря Рейтерна и по его представлению был послан в командировку от государственного контроля статс-секретарь Татаринов. Сметы морского министерства были преобразованы и стали отличаться полной откровенностью и правдивостью. Великий Князь оставил твердо укоренившийся взгляд на сметы, как на государственную тайну, и с 1858 г. начал их печатать и рассылать в подведомственные учреждения для руководства.

Затем все суммы морского ведомства были сосредоточены в одном центральном казначействе и таким образом впервые было применено начало единства кассы, распространенное несколько позже на всю Империю. Морское ведомство первое же ввело у себя в 1860 г. новую систему контроля, послужившую основанием для позднейшей общей реформы контрольной части по всем ведомствам. Составление множества приходо-расходных книг было отменено, уничтожены две контрольные инстанции и взамен этого установлен порядок присылки на ревизию подлинных документов.

Этот краткий обзор деятельности Великого Князя по управлению морским ведомством можно закончить следующими его словами из всеподданнейшего отчета, представленного им Государю Императору в 1880 г.

"Не мне решать, действительно ли в трудный, пережитый морским ведомством, период было сделано на пользу флота все возможное, но свидетельствую совестью пред Вами, Государь, что все силы ума и самые пламенные желания благ флоту были мною приложены к делу, которое Вашему Императорскому Величеству благоугодно было столь продолжительное время оставить на моем попечении, и что я не отступал ни перед каким трудом. Уже воспоминания моего первого детства были соединены с флотом, неразлучно с ним идет вся моя жизнь, и теперь, когда большая половинная жизни пройдена, интересы флота так же близки моему сердцу, как и при вступлении моем в управление морским ведомством при начале моей морской карьеры. При таком положении обстоятельств, Ваше Императорское Величество, не найдете преувеличенным мое уверение, что делу флота я принадлежал все это время не по одному сознанию долга службы, но и по чувству глубокой к нему привязанности, сделавшейся вторым моим существом".

Заботы о развитии и преуспеянии русского флота не поглощали всех сил Великого Князя Константина Николаевича. Подобно тому, как в период реформ 60-х годов, Великий Князь и в позднейшее время, руководя преобразованиями по флоту, близко входя во все дела управления морским ведомством, вместе с тем участвовал в разработке и решении важных государственных дел и по другим отраслям управления.

1 января 1865 г. Великий Князь был назначен на должность председателя Государственного Совета и занимал ее в течение более 16-ти лет. Он имел все данные для успешного исполнения обязанностей председателя этого высшего государственного учреждения и относился к ним, как ко всем своим обязанностям вообще, чрезвычайно ревностно и добросовестно. "Есть множестве свидетелей", — сообщает М. И. Семевский, — "того непрерывного, большого и упорного труда, каковой нес на себе в Государственном Совете Великий Князь Константин Николаевич: каждое, сколько-нибудь важное дело было им лично изучаемо, нередко без посредства докладчика; занимая председательское место, Великий Князь всегда приступал к заседанию лишь после тщательного ознакомления со всем тем, что подлежало обсуждению и решению. В начале его служения на посту председателя Государственного Совета, пылкость и страстность характера Великого Князя проявлялись несколько порывисто, но с течением времени он овладел собою и был вполне на высоте своего положения, быстро усваивая суть обсуждавшихся докладов, личным разъяснением рассеивая возникавшие вопросы и недоразумения, сглаживая оттенки разномыслия и превосходно приводя собрание к единогласным решениям".

Великий Князь Константин Николаевич, председательствуя в Государственном Совете, нередко принимал участие в прениях, с обычной ему решительностью защищая или оспаривая разные законопроекты. Обращаясь теперь к обзору деятельности Великого Князя Константина Николаевича в качестве председателя Государственного Совета, ограничимся указанием только важнейших перемен в прежде действовавших законах и учреждениях, которые были выработаны Советом под его председательством.

Деятельность Государственного Совета во время председательства в нем Великого Князя Константина Николаевича была особенно усиленной. Ряд важных преобразований, которые коренным образом изменили некоторые стороны издавна сложившегося общественного порядка, вызвал особое обширное законодательство, имевшее предметом определять подробности применения новых законов, разрешать возникшие при исполнении вопросы и сомнения, и согласовать с новыми учреждениями прежние законы и постановления. В разрешении всех частных вопросов и в выработке всех новых мероприятий Совет соблюдал неуклонно верность основным началам, положенным в основу великих реформ Императора Александра II, и в значительной степени это объясняется личным участием в работах Совета Великого Князя Константина Николаевича.

Освобождение крестьян от крепостной зависимости потребовало целого ряда мер, постепенно изглаживавших в разных местностях следы прежних отношений. Так в 1869 году устроено окончательно, на одинаковых с государственными крестьянами основаниях, сословие ямщиков (до 10 тысяч душ) и государственных крестьян Бессарабской области (до 24 тыс. душ), учреждена казенная лесная стража с освобождением до 24 тыс. крестьян от обязательной службы по охранению казенных лесов, исполнение чего почиталось повинностью столь же тяжелою, как рекрутчина. Башкирские земли окончательно распределены между вотчинниками и, так называемыми, "припущенниками" и установлены правила о продаже этих земель. Обнаружившиеся впоследствии злоупотребления при таковой продаже побудили Государственный Совет в 1878 году эти правила пересмотреть и переработать.

С исполнением мировыми посредниками большей части обязанностей, возложенных на них при освобождении крестьян, не было уже необходимости сохранять этот институт, тем более, что с открытием мировых и земских учреждений лучшие силы перестали пополнять состав мировых посредников, а земства тяготились расходом на содержание одновременно и мировых судей и мировых посредников. Вследствие этого министерство внутренних дел представило в Государственный Совет проект уничтожения должности мировых посредников, а дела, подлежавшие их ведению, предлагало распределить частью между губернскими по крестьянским делам присутствиями и состоящими при них временными членами, которых бы приглашал с Высочайшего соизволения министр внутренних дел из местных дворян помещиков, а частью — между губернаторами, губернскими по крестьянским делам присутствиями и уездными исправниками.

Государственный Совет нашел, что дела по крестьянскому самоуправлению необходимо сосредоточить в таком учреждении, которое бы ближе стояло к крестьянам и хорошо знало бы местные условия. Таковыми учреждениями призваны были стать уездные по крестьянским делам присутствия; проект их был выработан главным комитетом об устройстве сельского состояния, одобрен Государственным Советом и Высочайше утвержден 27 июня 1874 года. В 1874 же году на рассмотрении Государственного Совета был проект министерства внутренних дел об устройстве сельской полиции, но он был возвращен Советом для некоторых изменений; в 1879 году он снова был представлен, но снова после всестороннего обсуждения не признан удовлетворительным и обращен в министерство для исправлений и дополнений. Равным образом не был принят Государственным Советом в 1880 г. проект правил о найме рабочих.

16 июня 1870 г. было Высочайше утверждено городовое положение. Еще в 1867 г. были внесены на рассмотрение Государственного Совета проекты положений по новому устройству городов. Но вследствие последовавшего вскоре назначения нового министра внутренних дел, ген.-адъютанта Тимашева, эти проекты были обращены на заключение нового министра, и в 1869 г. представлены в Государственный Совет в новой редакции. Государственный Совет, обозрев вновь это дело в полном его составе, нашел необходимым, во внимание к значительной его слож-

ности, применить некоторые особые меры для наиболее успешного его рассмотрения и испросил Высочайшее соизволение учредить особую комиссию из высших чинов министерства иностранных дел и финансов, с привлечением к участию в комиссии в качестве экспертов городских голов С. Петербурга, Москвы и Одессы, и некоторых выдающихся деятелей городского общественного самоуправления.

Этой комиссией и был выработан проект, который, по одобрении Государственным Советом, удостоился Высочайшего утверждения.

Одновременно с утверждением городового положения были утверждены правила, выработанные Государственным Советом о приведении в действие этого нового учреждения.

Особенно много было сделано Государственным Советом в период 1865—1880 гг. новых работ по устройству судебной части в Империи для согласования разных частых законоположений, действовавших с прежнего времени, с новой организацией судебного дела. В 1869 г. Государственный Совет издал узаконения, определяющие порядок производства опекунских дел и временные правила о духовных завещаниях, потому что то и другое находилось прежде под ведением гражданских палат и с уничтожением их многие частные обряды, обязательные в некоторых случаях для придания законной силы завещаниям, стали невыполнимыми. 8 июня 1874 г. были утверждены правила о гминных судах, одобренные Государственным Советом; 19 февраля 1875 г. были утверждены проекты законоположений о преобразовании судебной части в губерниях Царства Польского. Этим было закончено дело, начатое еще в 1867 году, когда в силу Высочайшего повеления от 23 сентября 1864 г. была образована особая комиссия при учредительном комитете в Царстве Польском, которой и было поручено разработать вопрос о новой организации в Царстве Польском судебной части.

Составленный этой комиссией проект был в 1867 году рассмотрен в особом совещательном комитете, а затем в 1871 г. внесен в Государственный Совет, в котором подвергся всестороннему обсуждению и некоторым изменениям. Наконец, 10 июня 1877 г. были утверждены одобренные Государственным Советом временные штаты кассационных департаментов Сената. По новым штатам состав их был значительно усилен и из Государственного казначейства на этот предмет определено ежегодно отпускать приблизительно на 250.000 руб. более, чем расходовалось ранее. Совершенно справедливо говорит об этой мере председатель Государственного Совета в своем всеподданнейшем отчете: "Издаваемое законоположение, без сомнения, останется в летописях отечественного законодательства красноречивым свидетельством того уважения, с которым русское правительство относится к делу отправления правосудия. В такое время, когда политические обстоятельства требовали от Государственного казначейства особого напряжения и чрезвычайных жертв для ограждения достоинства и чести России, когда оказывалось необходимым приостановить новые из казны ассигнования на весьма полезные предметы, ни министерство финансов, ни государственный контроль, ни председатель и члены департамента экономии, не остановились перед значительностью расхода, оказавшегося нужным для того, чтобы поставить верховный суд наш в возможность с успехом исполнять свое предназначение".

Государственный Совет обратил также внимание и на лучшее устройство тюрем и вообще на положение лиц, отбывающих по суду наказание. В особой комиссии, под председательством статс - секретаря Грота и в составе статс-секретарей Заблоцкого-Десятовского и князя Оболенского и тайн. сов. Стояновского и Победоносцева, был подробно рассмотрен проект министерства внутренних дел об устройстве главного тюремного управления. Государственный Совет нашел труд комиссии исполненным в высшей степени хорошо, выразил ей единогласно глубокую признательность и проект ее, с незначительными изменениями в частностях, постановил представить на Высочайшее утверждение, которое и последовало 27 февраля 1879 года.

Из мероприятий по государственному хозяйству, обсужденных в Государственном Совете, заслуживают внимания Высочайше утвержденные 18 октября 1871 года правила о продаже уральских казенных заводов.

Еще 24 октября 1864 г. было Высочайше одобрено представление министра финансов о передаче в частные руки, путем продажи или отдачи в аренду, тех казенных заводов, которые не возмещают ценностью вырабатываемых на них продуктов ежегодных затрат казенных денег на свое содержание. После разработки этого вопроса в комиссии для пересмотра системы податей и сборов, министр финансов Рейтерн внес в Государственный Совет предложение о продаже некоторых указанных им казенных горных заводов и золотых приисков и проект правил и порядков такой продажи. Государственный Совет, согласившись в главных основаниях с проектом министра финансов ограничил, однако, число заводов, предназначенных к продаже, в проект же правил внес: 1) постановление, что предварительно обращение какого-либо завода в продажу, должно быть обеспечено поземельное устройство водворенных при заводе крестьян, и 2) изменил несколько процедуру продажи и утверждения торгов, упростив и облегчив ее, с сохранением, однако, всех гарантий интересов казны.

Большое внимание Государственного Совета было также посвящено развитию кредитных учреждений. Оживление промышленности вызвало чрезвычайно усиленный рост разного рода кредитных учреждений: к 1867 году число их не превышало 16, а в следующее пятилетие достигло 76; Совет постоянно рассматривал и утверждал уставы этих предприятий, а также и изменения в этих уставах, вызывавшиеся необходимостью. В 1869 г. было дозволено земствам принимать на себя инициативу в производстве изы-

сканий для новых железнодорожных путей, в испрашивании концессий и гарантий и т. д., но запрещено земствам непосредственно выполнение сих предприятий за исключением устройства небольших побочных железных дорог, с тем, однако, чтобы ежегодная приплата по гарантиям не превышала 30 процентов местных земских соборов.

Наконец, целый ряд мер был обсужден Государственным Советом под председательством Великого Князя Константина Николаевича по народному образованию. Впрочем, в нескольких случаях Государь утверждал не мнение большинства Совета, а мнение меньшинства, в полном доверии к тогдашнему министру народного просвещения, графу Д. А. Толстому. Так, Высочайшими повелениями 6 июня 1871 г. и 15 мая 1872 г. была введена классическая система, с незначительными изменениями действовавшая и до последних дней существования Императорской России, а ученикам реальных училищ был закрыт доступ в университеты — в обоих этих случаях Государь утвердил мнение не большинства, а меньшинства Совета. Отнесясь несочувственно к предложениям министерства народного просвещения в этом вопросе, Государственный Совет встретил вполне доброжелательно его проект о низшем народном образовании. Уездные училища, существовавшие еще по уставу 1828 г., далеко не удовлетворяли своему первоначальному назначению доставлять детям купцов, ремесленников и других городских обывателей, вместе со средствами лучшего нравственного воспитания, и такие сведения, которые по образу их жизни, нуждам и упражнениям могли быть им особенно полезны; курс в этих училищах был чисто теоретический и вовсе не приспособленный к потребностям лиц, готовившихся к практической деятельности, кроме того преподавание велось по методам очень устарелым и совершенно неудовлетворительным и лицами, не имевшими сколько-нибудь достаточной подготовки. Министерство народного просвещения выработало проект учреждения вместо уездных училищ — городских и придало этим училищам такое устройство, которое бы более удовлетворяло насущным потребностям различных классов городского населения; для приготовления учителей, более соответствующих своему назначению, было решено устроить несколько учительских семинарий. Все эти предположения были одобрены Государственным Советом и Высочайше утверждены 31 мая 1871 г.; в том же году был издан ряд постановлений, имевших предметом лучшую организацию школ для инородческого населения губерний Казанской и Иркутской, и Крыма; 25 мая 1874 года был утвержден, рассмотренный и одобренный Государственным Советом проект министерства народного просвещения об организации начальных народных училищ. Для наблюдения за низшими училищами еще в 1869 г. была учреждена должность инспекторов народных училищ в тех 34-х губерниях, в которых были введены земские учреждения; в 1876 году, вследствие увеличения числа народных училищ, число инспекторов увеличено на 74, с соответственным увеличением расходов на их содержание. В 1873 г. устроена учебная часть в Закавказском краю, где в гимназиях обращено особое внимание на занятие русским языком, а занятия древними языками облегчены; в том же году преобразована Петровская земледельческая академия, а Харьковское и Дерптское ветеринарные училища преобразовали в институты, с расширением программы преподавания; в 1874 г. получили новую организацию Демидовский юридический лицей в Ярославле и Нежинский князя Безбородко; в 1876 г. изменено положение о Технологическом институте и молодым людям, окончившим в нем курс, предоставлено право поступления на государственную службу; министерства народного просвещения и государственных имуществ не согласились с остальными членами Государственного Совета в справедливости и желательности такого постановления, но Государь его утвердил и написал на докладе: “Тем более, что имею в виду распространить эту меру и на все прочие учебные заведения гражданского ведомства”.

Наконец, был окончательно поставлен вопрос на очередь об учреждении университетов в Сибири. Вопрос об этом поднимали еще при Императоре Александре I, и тогда Демидов пожертвовал на этот университет 50.000 руб.; с наросшими на этот капитал процентами и с другими пожертвованиями имелось на постройку зданий для университета 250.000 руб.; между тем было необходимо не менее 750.000 руб.; министерство финансов находило невозможным отпустить недостающую сумму из государственного казначейства; Государственный Совет решил, что необходимо приступить к постройке с имеющимися уже средствами, в надежде, что начало этого дела усилит прилив к нему частных пожертвований и в убеждении, что через несколько лет состояние финансов позволит отчислить на этот предмет необходимы суммы. Местом для университета был избран город Томск.

26 мая 1869 г. был издан закон, окончательно отменивший у нас наследственность и замкнутость духовного сословия. Неудобства прежнего порядка были уже очень чувствительны: множество лиц духовного звания, учившихся по обязанности в духовных училищах и семинариях и не имевших никакой подготовки к какой-либо другой деятельности, оставались на целые годы, а иные и навсегда, без определенных занятий, не имея права поступать никуда на службу по гражданскому ведомству, и без всякой надежды получить место в духовном ведомстве.

По новому закону дети лиц православного духовенства не принадлежат к духовному званию и могут обращаться по желанию к торговым и промышленным предприятиям, а также поступать в гражданскую и военную службу; 26 апреля 1871 г. Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета сила этого нового узаконения была распространена и на лиц духовного происхождения, родившихся и начавших службу и ранее закона 1869 года.

Особенно близкое участие Великий Князь принимал в разработке устава о всеобщей воинской повинности, утвержденного 1 января 1874 года. Великий Князь председательствовал как в особом присутствии, учрежденном при Государственном Совете в январе 1873 г. для предварительного рассмотрения проекта устава воинской повинности, так и на заседаниях общего собрания Государственного Совета, посвященных этому проекту. Защищая положенный в основу устава принцип всеобщей воинской повинности, "без различия званий и состояний", тогдашний военный министр Д. А. Милютин нашел себе сильного пособника в лице Великого Князя Константина Николаевича, вполне сочувствовавшего указанному принципу, которым подтверждались освободительные начала эпохи преобразований и который во всех своих важнейших чертах действовал неизменно и до последнего времени существования Императорской России.

В день подписания устава Государь, благодаря Великого Князя за его "теплое участие в этом деле, благодарил его вместе с тем и за другие труды по государственному управлению в следующих словах рескрипта 1 января 1874 года:

"Ваше Императорское Высочество, руководя прениями по столь важному законодательному вопросу, как в Особом Присутствии при Государственном Совете, так и в общем Собрании сего последнего, постоянно стремясь к достижению цели, мною указанной, путем всестороннего обсуждения способов приведения их в исполнение, явили новое доказательство рвения вашего на службу Мне и Отечеству. Утвердив ныне представленный Мне Устав о всеобщей воинской повинности, вменяю Себе в особенное удовольствие выразить Вашему Императорскому Высочеству мою искреннейшую признательность за принятое Вами в сем деле теплое участие, встречаемое мною при каждом случае возложения на Вас особых трудов независимо от постоянно лежащих на Вас обязанностей, всегда ценимых мною с благодарностью и братскою к Вам привязанностью. Искренно вас любящий брат и друг Александр".

Впоследствии, в полном согласии с главным деятелем военной реформы, графом Милютиным, Великий Князь Константин Николаевич много помог успешному введению в действие нового устава. Применение на практике этого важного законоположения, совершенно изменившего издавна сложившийся у нас порядок отправления воинской повинности, изменившего и самый взгляд на нее, как на нечто близкое к наказанию, не могло не возбудить на первых порах многих сомнений и вопросов, не предусмотренных законом. Вследствие этого упомянутое выше Особое Присутствие о воинской повинности было сохранено в несколько измененном составе на правах департамента Государственного Совета и председателем его остался Константин Николаевич.

Разрешая недоразумения, встреченные на местах при выполнении той или другой статьи устава, Особое Присутствие, руководимое Великим Князем, помогло гр. Милютину успешно исполнить задачу, возложенную на него Государем в рескрипте 11 января 1874 г., а именно привести устав в исполнение "в том же духе, в каком он составлен, с сохранением твердо и незыблемо основного начала обязанности каждого нести воинскую повинность и со всеми в отбывании этой повинности облегчениями, возможными без ущерба для существенных интересов государства, для силы и достоинства армии".

Кроме Особого Присутствия по воинской повинности, Константин Николаевич в это время, в 70-х годах, председательствовал еще в двух постоянных комитетах. Он продолжал председательствовать в главном комитете сельского состояния, близко следя за главными делами комитета. Одновременно Великий Князь состоял председателем комитета о раненых. Император Александр II назначил его на эту должность 18 августа 1864 г., в день 50-летия со времени учреждения комитета, "в знак особенного своего участия к судьбе заслуженных воинов", при чем упомянул в рескрипте, что вновь назначенный председатель сам "кровью запечатлел доблестное служение престолу и отечеству".

По прошествии десяти лет, в 1874 г., Государь в рескрипте Великому Князю Константину Николаевичу признал, что за десятилетнее руководство его делами комитета "приняты были многие важные меры к расширению прав раненых и семейств их на покровительство комитета и к усилению способов их призрения. Число покровительствуемых комитетом лиц год от году увеличивалось, размеры ассигнований на призрение их постепенно возростали и однако же денежные средства комитета не только не уменьшились, но почти удвоились". Государь при этом душевно благодарил Константина Николаевича за его "непрестанную заботливость о преуспевании дела призрения раненых".

19 февраля 1880 г., в день 25-летия царствования Императора Александра II, Государственный Совет имел чрезвычайное собрание и признал священным долгом принести Государю поздравления, вместе с выражением одушевляющих Совет благоговейных чувств признательности и преданности..

В журнале этого заседания сказано между прочим: "Государственный Совет, как ближайший участник в осуществлении предначертаний Государя по законодательству и высшему управлению, был постоянным свидетелем трудов Монарха по главным отраслям державного Его дела. Совершившееся в настоящее царствование преобразования и усовершенствования в законах, обновившие весь строй государства, являются плодами неисчерпаемой любви Его Императорского Величества к России и неусыпной заботливости Его о благе вверенного Ему Богом народа. Совет имел высокое счастье быть призванным к обсуждению и окончательной разработке законодательных мероприятий, память о которых останется неизгладимою в летописях нашего отечества.

Наиболее важное из них — освобождение крестьян — возымело начало от лица своего Государя, развивалось и созрело под непосредственным благотворным влиянием Его Императорского Величества и исполнено успешно силою державной воли Его, встреченной единодушным сочувствием дворянства при спокойствии и доверии сельского населения.

Великое, святое дело совершилось. Никому не знать и не счесть, сколько крестных знамений положено за него миллионами освобожденных людей, сколько теплых молитв вознесено к Богу, сколько горячих радостных слез оросило русскую землю. Наименование Освободителя, в благодарной памяти народной неразрывно связанное с именем Александра II, будет навсегда красноречиво простым свидетельством того, что прочувствовано русскими сердцами.

Дарованье крестьянам прав свободных граждан и введение затем суда гласного, устного и равного для всех подданных, в связи с целым рядом других по всем отраслям управления узаконений и улучшений, указанных отеческою заботливостью Монарха, дали стране новую жизнь. Россия возмужала и развилась. Не легок был путь, пройденный Царственным Тружеником; не мало разнообразных препон было дано Ему побороть. Провидению не угодно было умалить славу Его деяний удалением от Него той тяготы, которая по неисповедимым путям Промысла, бывает неразлучной с трудом созидания, которая величавее проявляет дух избранников Бога и сильнее привязывает к ним сердца людей. Наряду с успехами и радостями представлялись трудности и ниспосылались печали. Но оне не смущали Его сердца, не останавливали и не ослабляли воли, благодеющей России.

Гордое Венценосным своим Вождем отечество с молитвой торжествует ныне 25-летие Его Царствования. Стекающиеся из всех концов обширной Империи, от всех сословий и обществ горячие заявления о неизменной преданности и благодарности Его Императорскому Величеству, сопровождаемые щедрыми пожертвованиями на богоугодные цели, свидетельствуют о беспредельной любви к Монарху Его верноподданных, желающих добрыми делами привлечь на Его главу новые благословения.. Учреждение училищ, облегчение обремененных и неимущих и призрение страждущих — вполне достойное чествование Царя Освободителя. Бог Всемогущий да сохранит Его на многие годы".

Совет постановил принести в полном своем составе верноподданнические поздравления и вслед за подписанием сего журнала торжественно отправился в приемные покои Его Величества. По выходе Государя изложенный выше журнал был прочитан Великим Князем Константином Николаевичем, как председателем Государственного Совета.

По выслушании журнала Государь ответил: "Благодарю вас, господа, за выражение ваших чувств. Благодаю вас также за ваши труды. К прискорбию моему, нет уже в живых многих из тех, которые участвовали в главных законодательных работах моего царствования. Благодарю всех ближайших моих сотрудников", продолжал Государь, обратясь к Великому Князю Константину Николаевичу и обнимая и целуя его, "начиная с тебя, первого моего помощника в крестьянском деле, а также всех министров, бывших и нынешних, в особенности государственного канцлера.. Надеюсь, что Совет будет по прежнему помогать Мне в предстоящих еще трудах. Уповаю, что Бог нас не оставит. Молитесь вместе со Мною и Господь выведет нас из того тягостного положения, в котором мы теперь находимся. Бог да хранит всех вас".

По вступлении на престол Императора Александра III, Великий Князь Константин Николаевич устранился от дел: 13 июля 1881 г. последовал Высочайший указ об увольнении его от управления флотом и морским ведомством, от должностей председателя Государственного Совета, председательствующего в главном комитете об устройстве сельского состояния и председателя особого присутствия о воинской повинности, с оставлением в званиях генерал-адмирала и генерал-адъютанта.

После этого Великий Князь проживал в удалении от дел в своем имении Ориանда в Крыму. Здесь в 1888 г. его постигла тяжкая болезнь; скончался он в Павловске 13 января 1892 года.

Российский Императорский Флот не забыл своего знаменитого, выдающегося Генерал-Адмирала. На представление морского министра, генерал-адъютанта И. К. Григоровича последовало 22 ноября 1913 г. соизволение Государя Императора Николая Александровича на сооружение памятникаВеликому Князю Константину Николаевичу в одном из военно-морских портов-баз флота или столице. К сожалению, памятник поставить не удалось, потому что в 1914 году началась война, а затем вспыхнула в 1917 году революция с продолжающимся и поныне лихолетием.

С большим интересом и любовью относился Великий Князь к русской литературе, науке и к русскому музыкальному искусству. Об этом красноречиво свидетельствуют его письма 1850-х годов, к сожалению лишь в очень ограниченном количестве опубликованные в печати.

Отбывая в конце 1851 г. за границу, в Венецию, вследствие болезни Вел. Княгини Александры Иосифовны, Константин Николаевич обратился с просьбой к М. П. Погодину сообщать ему подробно о московских ученых и литературных новейших научных трудах и в особенности по предмету изучения русских древностей.

"Его Высочество, — писал Головнин Погодину, — желал бы, между прочим, получить подробные известия об открытых в последнее время древнейших списках Нестора. Сверх того, Вел. Князь желал бы получить "Москвитянин" за весь нынешний год и получать этот журнал в течение всего будущего года. Отдавая мне изложенные приказания, Его Высочество

выразился так: "...всякое известие о том, что делается для блага России, утешительно для русского и тем более вдали от отечества".

Получив сообщение от Погодина, Вел. Князь благодарил его и просил продолжать сообщать о том, "что делается у нас на пользу русского слова и русского бытописания".

Высоко ценя талант Н. В. Гоголя, Вел. Князь в 1851 г. взял на себя почин в деле разрешения нового посмертного издания его сочинений. В письме к гр. Орлову он писал: "Ввиду того, что произведений Н. В. Гоголя нет в продаже, тогда как они должны бы находиться в каждой русской библиотеке (даже у меня нет полного собрания оных), я прошу Ваше Сиятельство принять на себя труд попросить от моего имени члена помянутого главного управления (по делам печати) г.-л. Дубельта постараться, к особенное мое удовольствие, чтобы разрешение комитета (цензуры) на издание сочинений последовало по возможности в непродолжительном времени. Искренне благодарю за покровительство, которое он окажет сочинениям нашего народного писателя..."

Русская наука многим обязана В. Кн. Константину Николаевичу; особенно много он сделал для Русского Географического общества. Он не входил близко во все дела общества только потому, что видел насколько эти дела находятся в надежных руках. Астрономической экспедиции Шварца в Сибирь в 1855 г. Вел Князь оказал свое особенное внимание. Он принимал самое живое участие в организованных Географическим обществом после Крымской войны экспедициях в сопредельные с Россией страны. Знаменитые путешествия Пржевальского могли состояться в значительной степени благодаря поддержке, оказанной Пржевальскому Вел. Князем.

После кончины первого председателя Импер. Русск. Археологического общества, герцога Лейхтенбергского, Император Николай I 27 ноября 1852 г. утвердил Вел. Князя в должности председателя этого общества.

Так же живо Вел. Князь интересовался музыкальным искусством. Русское Императорское Музыкальное общество навсегда сохранит благодарную память о своем первом президенте и покровителе. Константин Николаевич принял это звание с Высочайшего утверждения 26 января 1873 г. и тогда же повелел отпускать консерватории из собственных сумм ежегодно 1.000 рублей на содержание столовой и на пособия недостаточным ученикам.

16 сентября 1850 г. Великий Князь был избран почетным членом академий Медикохирургической и Михайловской артиллерийской, а также университетов С. Петербургского, Казанского и Дерптского (позднее Юрьевского).

От брака с Вел. Княгиней Александрой Иосифовной Вел. Князь Константин Николаевич имел детей: В. Кн. Николая (р. 1850), Вел. Княжну Ольгу (р. 1851, с 1867 г. в супруж. с королем греческим Георгом I), Вел. Княж. Веру (р. 1854, с 1874 г. в супруж. с герцогом Евгением Виртембергским), Вел. Кн. Константина (р. 1858), Вел. Кн. Димитрия (р. 1860) и Вел. Кн. Вячеслава (р. 1863) Константиновичей.

О гербах компанцев

А. ДОЛГОПОЛОВ

В. Г. фон Рихтер в своей интересной статье "Лейб-Компанцы", напечатанной в прошлом номере "Военно-Исторического Вестника", упомянул, что Департаменту Герольдии пришлось спешно сочинять гербы новоиспеченным дворянам. Кажется, единственный в истории подобный случай.

Всем интересующимся русскими гербами, интересно будет отличить гербы лейб-компанцев. Все они имеют общие эмблемы.

В правой половине щита, на черном поле золотое стропило с наложенными на нем тремя горящими гранатами натурального цвета между тремя серебряными звездами; вместо шлема, венчающего герб, помещена лейб-компанская шапка. Ниже щита на ленте надпись: "За верность и ревность".

Интересно, чем же руководствовались художники Геральдии при составлении гербов?

У Соколова был изображен сокол, у Воронова — ворона, Сычева — сыч, Щукина — щука, Шапошникова — три шапки, Гребенщикова — гребни, Муравьева — муравьи, Кузнецова — молоты, Рыбакова — крючья, Сигова — сиги, Лучкова — лук, Журавлева — журавль, Барсукова — барсук, Козлова — козел, Лебедева — лебедь, Богатырева — богатырь, Богомолова — четки с крестом, Волкова — волк, Голубина — голубь, Ельчанинова — ель, Лошкарева — ложки, и т. д.

Когда фамилии не происходили от имен существительных, то составители брали признаки, указывающие на сословное происхождение. Так, у служилых (военного звания) были штыки, луки, стрелы, мечи, гранаты, палаши. У лиц духовного происхождения были кресты, свечи, книги. У крестьян — хлебные колосья, снопы, лемехи, серпы и косы. У дворян — пользовались их старыми гербами. Полумесяцы указывали на татарское происхождение.

Расцветка гербов была сделана по цветам мундира лейб-компанцев: зеленый, красный и черный; золото и серебро.

(Справка по книге Тройницкого: Гербы лейб-компании, обер и унтер-офицеров и рядовых. Издание Сириуса. Петроград, 1915).

Справочный отдел

Вопрос. Откуда произошло название "кивер"?

Ответ. Слово "кивер" венгерского происхождения.

В "Этимологическом Словаре Русского Языка" А. Г. Преображенского (I-е издание вышло в 1910—14 г.г., второе издание — Москва, 1958) показано: .КИВЕР — род военной шапки; болгарское кивур (колпак); сербское — кивер (колпак); венгерское — kiver (колпак); польское — kiwior (кивер, колпак). Слово колпак не совсем точно передает определение венгерского "kiver", т. к. по-русски колпак является каким-то "домашним" головным убором, а венгерский "kiver" являлся родом национального головного убора. Он имел форму цветного суконного колпака, остроконечная вершина которого свешивалась на сторону; нижняя же часть этого колпака была обшита узкой меховой каймой.

Примерно, до 20-х годов XVIII в. ни венгерская пехота, ни венгерские гусары не имели строго определенной формы и несли службу в своих национальных костюмах, имея головным убором "кивера". Изображение подобных киверов можно найти в Handbuch der Uniformkunde. Knötel-Sieg, Hamburg 1956. 3-е издание.

Легко заметить, что венгерский кивер явился тем головным убором, из которого развилась традиционная гусарская меховая шапка, какой она была до 1914 г. у гусар русской, германской, а до сих пор, и английской армий. Меховая кайма, расширясь, образовала шапку, а "колпак" превратился в шлык. Таким образом венгерский "кивер" является "прямым предком" гусарской меховой шапки со шлыком. В России только оба гвардейских гусарских полка имели "гусарские шапки". Когда в декабре 1907 года были восстановлени армейские гусарские полки, они получили в качестве головного убора барашковый "гусарский кивер". Это название было вполне логично, т. к. традиционный гусарский головной убор развился именно из "обрамленного мехом колпака" т. е. венгерского кивера.

Название "кивер", которое с начала XIX в. в русской армии дали тому роду головного убора, который был снова введен в гвардейской пехоте и артиллерии, у гвардейских сапер, у лейб-драгун и проч. до войны 1914 года, развился не из "кивера", а из "шако" — поэтому во всех западно-европейских армиях он и называется "shako".

Шако (или — чако) развилось из войлочного хорватского (и венгерского) головного убора, который в начале XVIII в. носили в Австрии, так называемые, "граничары" (поселенные войска вдоль турецкой границы). Примерно, до времени Семилетней войны эти войска не имели определенной формы и являлись на службу в своей национальной одежде. Эти шапки — "чако" —, имевшие либо цилиндрическую форму, либо форму усеченного конуса, делались из войлока, и в XVIII в. в целом ряде стран (Австрия, Франция, Пруссия, Россия и др.) они являлись гусарским головным убором (где чередовались с меховыми шапками со шлыком).

В самом начале XIX в. это "шако" получило существенные изменения; вместо формы сужавшейся кверху, его стали делать несколько расширяющимся кверху, дали кожаный верх, козырек и кожаную узкую обшивку по низу. Боковые стороны были все еще из войлока. Начиная с 1803 года это измененное "шако" появилось в русской армии под названием "суконной шапки" (см. "Историч. опис. одежды и вооруж. Российск. войск". Часть 14-я СПБ, 1901, стр. 10 и 11). В 1808 году эти "суконные шапки" были несколько изменены. Они были обшиты черной, глянцовой кожей, имели кожаный пришивной козырек, такой же подбородный ремень и кожаную лопасть назади. С этого времени этот головной убор в русской армии называется "кивером" (см. тот же источник, стр. 13).

Таким образом "предком" нашего кивера, который существовал в русской армии в царствования Императоров Александра I и Николая I (до 1844 г., когда в пехоте был заменен кожаной каской) и в русской гвардии при Императоре Николае II, является именно "шако", а не венгерский "кивер".

К. Х.

Вопрос. Когда появилась шашка в русской армии? Как она носилась?

Ответ. Полусабля (ножны не металлические) заменила у офицеров пехоты шпагу в начале царствования Императора Николая Павловича. Она продержалась, как строевое оружие пехотных офицеров, все это царствование (вне строя, при сюртуке, носили иногда шпагу). Полусабля была отменена в 1862 году, т. е. в царствование Императора Александра II.

С 1855 года наряду с полусаблей начинают носить пехотную саблю (в металлических ножнах). По имеющимся у автора рисункам Пиратского, видно, что еще в 1862 году офицеры гвардейской пехоты имели полусабли, а уже в мае 1863 года рисунок изображает штаб-офицера Преображенского полка в парадной форме с шашкой на плечевой галунной портупее. Начало 1863 года и является, очевидно, временем, когда шашка заменила полусаблю у офицеров пехоты. Но начиная с конца 60-х годов сабля снова вытесняет шашку. Саблю пехотные офицеры носят и при сюртуке. Шашка, очевидно, осталась только для походной формы. Да и то, у автора хранятся две фотографические группы Измайловского полка, снятые в д. Сафракиой, (около Сан-Стефано), где полк простоял с марта по август 1878 года. На этих группах и офицеры и фельдфебеля имеют сабли (в металлических ножнах) при походной форме. Возможно, что только в гвардии в поход взяли сабли.

В 1882 году, при введении новой формы (барашковые шапки, мундир без пуговиц) сабли были отменены и единственным родом холодного оружия у офицеров осталась шашка. Исключения были редки, да и то только при парадной форме или вне строя (напр. у гвард. кирасир, — палаши, у гвард. улан и гусар — сабли). Эта шашка продержалась до конца Императорской армии (в 1913 г., вместо плечевой введена поясная портупея). В 1913 году, при введении новой формы для армейской пехоты, полевой артиллерии и сапер (папаха и лацкан на защитном "походном мундире") снова для офицеров армейской пехоты и проч. введена сабля в металлических ножнах, но это не коснулось гвардейской пехоты и гвардейской полевой артиллерии.

Надо полагать, что шашка, так называемого, "драгунского образца" (с гнездом для штыка) была введена в кавалерии (для нижних чинов) тогда когда она была вооружена при походной форме винтовками Бердана. Это перевооружение началось в начале 70-х годов.

Надо сказать, что в Кавказской армии шашка появилась значительно раньше. На рисунке Пиратского, изображающем офицеров Эриванского и Грузинского полков (март 1855 г.) — оба офицера имеют шашки (не кавказского образца, а с дужками) на плечевой галунной портупее.

Слово шашка заимствовано (по словарю Преображенского) с черкесского и кабардинского языков "сашхо" — "нож длинный". Также и татарско кумыкское "шашка".

Кавказская шашка была сначала заимствована у горцев кавказскими казаками, которые являлись на службу со своим холодным оружием. Потом, очевидно, без официальных приказов, эти шашки в экспедициях против горцев стали носить и пехотные офицеры. Шашка была удобнее при походах в горах, чем уставная полусабля. Автор полагает, что этот, сначала самовольный, переход к шашкам имел место в 30-х — 40-х годах прошлого столетия. Когда именно он был узаконен, и пехота Кавказской армии (т. е. офицеры) получили шашки с дужками — автор сказать не может, но во всяком случае в 1855 году, когда остальная пехота еще имела полусабли, офицеры кавказских полков уже имели шашки.

К. Х.

Некоторые памятные даты в 1960 году

400 лет — Взятие Мариенбурга 9 февраля и поражение Ливонского ордена у Эрмеса 2 августа 1560 г.

250 лет — Покорение Лифляндии и Эстляндии: взятие Риги (29 июня), Пернова (14 августа) и Ревеля (29 сентября). Взятие Выборга (13 июня) в 1710 г.

250 лет — Объявление Турцией войны России (20 ноября 1710).

250 лет — основания л.-гв. Кексгольмского полка (старш. 29 июня 1710 г.), Гвардейского Экипажа (старш. 16 февраля 1710 г.) и 3-го гренадерского Перновского полка (сторш. 29 июня 1710 г.).

225 лет — Начало войны с Турцией 1735—1739 гг.

225 лет — Поход на Рейн русского корпуса для "сикурсу" австрийцам против Франции в 1735 году.

200 лет — Взятие Чернышевым Берлина 28 сентября 1760 г.

175 лет — Основание 14-го драгунского Малороссийского полка (старш. 13 февраля 1785).

150 лет — Взятие П. С. Котляревским крепости Мигри (14 июня) и кр. Ахалкалаки (8 декабря) в 1810 г.

150 лет — Победа Каменского I-го у Базарджика (22 мая) и Каменского II-го под Батиным (26 августа) в 1810 г.

125 лет — Основание Полоцкого кадетского корпуса (25 июня 1835 г.).

100 лет — Заключение Пекинского трактата полковником Н. П. Игнатьевым в 1860 г. Победа полк. Колпаковского над кокандцами при Кара-Костеке.

75 лет — Поражение ген. Комаровым афганцев на р. Кушке 18 марта 1885 года.

Ю. Т.

От Редактора

В виду отсутствия у меня свободного времени я лишен возможности лично бывать в типографии, где печатается "Военно-Исторический Вестник". Все поездки туда делает А. В. Щитков, который на месте решает все технические вопросы, связанные с выпуском очередного номера. За эту добровольную и любезную помощь в деле издания нашего печатного органа приношу Александру Васильевичу Щиткову самую горячую признательность.

Ю. Топорков

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

№ 16

НОЯБРЬ 1960 год

СОДЕРЖАНИЕ

«Военно-Исторический Вестник» выходит два раза в год — в мае и ноябре.

Издается на правах рукописи.

Настоящий номер вышел под редакцией **Ю. А. Топоркова.**

От правления Общества Любителей Русской Военной Старины

«В. И. ВЕСТНИК» МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ВНЕ ФРАНЦИИ ПО НИЖЕСЛЕДУЮЩИМ АДРЕСАМ :

АВСТРАЛИЯ. — Представитель Об-ва П. М. Перекрист — 31, Roberts Avenue. Randwick-Sidney (N. S. W.).

ВЕНЕЦУЭЛА. — К. А. Келлнер — Sarria N° 24, — Quinta Coromoto, Caracas.

АНГЛИЯ. — В. В. Барачевский — 23, Adler Grove, London, N.W.2.

С. А. ШТАТЫ. — Представитель Об-ва на Западные Штаты А. Ф. Долгополов — A. Doll, 5954, Barton Ave. Los Angeles 38 (Calif.).

— член Об-ва Г. В. Месняеы — 1348, Sheridan Ave., apt. F. F., Bronx 56 (N. Y.).

Переписку по делам Общества просят направлять по адресу Льва Николаевича Немирова:
L. Nemiroff, 26-bis, rue de l'Ingénieur Robert-Keller, PARIS (15).

Переписку редакционного характера просят направлять по адресу Юрия Александровича Топоркова: G. Toporkoff, 25, rue Rennequin, PARIS (17).

Заказы на все издания и медали Общества, а также все денежные переводы просят направлять по адресу Александра Васильевича Щиткова (на его почтовый текущий счет Paris № 13.694.00 или чеками на его имя):
A. Stchitkoff, 15, rue de Médéah, PARIS (14).

ИЗДАНИЯ ОБЩЕСТВА

На складе Общества имеется еще небольшое количество нижеследующих изданий Об-ва:

1. — Сборник **«Русская Военная Старина»** — первое издание Об-ва (1947 г.). Цена — 4,00 фр. фр. или 1 ам. дол., или 4,70 фр. фр.

2. — **«Записка о службе А. В. Суворова»** (изд. 1947 г.). Цена — 1,00 фр. или 0,25 дол., или 1,15 фр. Сборник и Записка — при одновременном заказе — 4,50 фр., или 1,10 дол., или 5,20 фр.

3. — Номера 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15 и 16 **«В. И. Вестника»**. Цена — 2,00 фр. или 0,80 дол., или 2,35 фр.

МЕДАЛИ ОБЩЕСТВА

1. — В настоящее время бронзовая Полтавская медаль (1700-1959) — высылается немедленно всем заказавшим ее. Что же касается медалей Гвардии-Нарвы (1700-1950), Петербурга (1703-1953), Севастополя (1885-1955) и всех четырех медалей в серебре, то с момента получения заказа и до отправки медали может пройти иногда значительный промежуток времени.

2. — Стоимость Севастопольской или Полтавской медали — 8,00 фр. или 2,50 доллара или 9,40 фр. Стоимость медали Гвардии-Нарвы или Петербургской соответственно — 11,70 фр., 3,00 долл. и 13,35 фр. Стоимость любой серебряной медали — 42,00 фр., 10,00 долл. и 45,00 фр.

Примечание. Во всех вышеуказанных ценах, первая цена относится к Франции и зоне франка, вторая — ко всем заокеанским странам и третья — ко всем остальным странам. В указанные цены входит стоимость пересылки.

Некоторые памятные даты в 1961-м году

225 лет — Начала русско-турецкой войны 1763—1739 гг. Крымский поход гр. Миниха (апрель-август 1736 г.) и взятие Азова гр. Ласси (20 мая 1736 г.).

250 лет — Прутского похода (1711 г.). Основания пехотных полков: 8-го — Эстляндского. 12-го — Великолуцкого (старш. 17 янв. 1711 г.). 36-го — Орловского, 118-го. — Шуйского и 193-го — Свияжского (старш. 19 февр. 1711 г.).

200 лет — похода в Силезию: взятие Швейдница (21 сент. 1761 г.) и осада и взяте Румянцовым Кольберга (5 декабря 1761 г.).

200 лет — Со дня кончины Императрицы Елисаветы Петровны (25 декабря 1761 г.).

200 лет — Со дня рождения ген.-фельд. князя Михаила Богдановича Барклая де Толли (1761-1818).

150 лет — Победы Кутузова над турками под Рущуком (22 июня) и взятия Туртукая и Силистрии (10—11 октября 1811 г.).

150 лет — Основания полков: л.-гв. Московского и л.-гв. Литовского (старш. 7 ноября 1811 г.). Л.-гв. Собственного Его Императорского Величества Конвоя (Кубанские сотни) — (старш. 18 мая 1811 г.) Пехотных полков: 2-го — Софийского, 20-го — Галицкого, 106-го — Уфимского и 192-го Рымникского (старш. 17 января 1811 г.): 165-го — Луцкого, 169-го — Ново-Трокского, 171-го — Кобринского, 172-го Лидского, 173-го Каменецкого, 174-го Роменского, 179-го — Усть-Двинского, 180-го — Виндавского, 182-го — Гроховского, 183-го — Пултуского, 184-го — Варшавского, 185-го — Башкадыкларского, 189-го — Измаильского, 191-го — Ларго-Кагульского, 195-го — Оровайского и 196-го — Инсарского (старш. 27 марта 1811 г.) 105-го Оренбургского (старш. 29 июня 1811 г.): 56-го — Житомирского (старш. 20 октября 1811 г.): 52-го — Виленского, 130-го Херсонского и 132-го — Бендерского (старш. 29 октября 1811 г.); 24-го — Симбирского, 48-го — Одесского и 148-го — Каспийского (старш. 6 ноября — 1811).

100 лет — Со дня кончины генерала от артиллерии Алексея Петровича Ермолова (род. 1772 г. — скونч. 11 апреля 1861 г.).

П. Н. ШАТИЛОВ

Военная разведка на Кавказском фронте

(Выдержки из записок)

К концу войны 1877—78 годов, когда русская армия овладела Карсом и продвинулась включительно до Эрзерума, турецкая армия на Кавказско-Анатолийском фронте не могла представлять уже достаточной силы, чтобы с успехом противодействовать Кавказской армии в ее возможных будущих операциях. Но условия мира не были продиктованы Турцией России, а Берлинским конгрессом, поэтому наши приобретения на Кавказском фронте, конечно, не соответствовали достигнутым успехам. Но все же Карс и район до Караургана перешел к нам, также как и район впереди Эривани до Агрыдагского хребта.

Однако, непосредственные сношения с турками давали нам некоторые, правда второстепенные, преимущества. В числе них — право иметь своих военных агентов в составе наших консулов в Эрзеруме, Трапезунде, Ване, Бейруте и Багдаде. В эти города были командированы офицеры Генерального Штаба, переименованные в чиновников министерства Иностранных Дел.

Правда, и турки имели в Тифлисе своего военного агента, в лице турецкого консула, также офицера Генерального Штаба.

Однажды, по соглашению с турецким командованием, уже в девяностых годах, была произведена нами полевая поездка офицеров Генерального Штаба от границы до Эрзерума, где наши офицеры были дружественно встречены гарнизоном этого города.

Эта поездка имела целью обследовать дорогу, ведущую по горам, к северу от главной дороги от Караургана до Эрзерума. У турок эта дорога называлась Топ-Иол, т. е. пушечный путь.

Обследование этого пути показало, что, действительно, эта дорога вполне доступна для движения артиллерии и обозов. Этим путем и была направлена 3-я турецкая армия перед операцией у Сарыкамыша 1914 г., выходя на крайний фланг нашей Кавказской армии, которую она рассчитывала отрезать от тыловых путей.

После занятия Эрзерума в 1878 году и до отхода по заключении мира за Караурган, Кавказский военно-топографический отдел произвел инструментальную съемку занятого нами турецкого района. Но этот район был очень ограничен, и отпечатанные карты могли принести мало пользы для будущих возможных операций.

Между тем наши военые агенты в Турции, подчиненные, кроме константинопольского военного агента, Кавказскому штабу, производили маршрутные съемки своих районов, что давало нам возможность исправлять 20-верстную карту Кавказа и передового турецкого театра. Но 20-верстная карта вообще не представляется подходящей для тактических решений, к тому же эта карта была выполнена по маршрутным съемкам и турецким неудовлетворительным картам.

Таким образом мы должны были начать операции на Кавказском фронте в войну 1914—17 гг., по существу, без карт, в то время, как, по донесениям еще до войны наших военных агентов, турки, под руководством немецких топграфов, спешно снимали в 1913—14 гг. полуинструментальной съемкой будущий театр военных действий. Однако, случай изменил в корне эту неблагоприятную для нас данную.

В начале войны с Турцией один из наших миноносцев, крейсируя у Анатолийских берегов Черного моря, захватил турецкую шаланду, шедшую без охраны из Константинополя в Трапезунд. Командир миноносца заставил шаланду следовать в Севастополь, где было ло выгружено много тюков с какими-то картами. Командированный из Тифлиса офицер-переводчик сразу установил, что это были только-что отпечатанные в Берлине карты, являющиеся результатом, производившихся перед войной съемок.

Наш Военно-Топографический отдел стал заготовлять фотокопии этих карт, с отпечатанными на них яркой краской названиями на русском языке поверх турецких наименований.

Скоро наша армия получила прекрасные 5-верстные карты, снятые турками, в то время, когда турки ожидали отправку к ним второго издания.

В бытность мою начальником разведывательного отделения штаба Кавказского военного округа до войны 1914 года, я заинтересовался существовавшим в делах штаба альбомом с планами и профилями фортов крепости Эрзерума, построенных после войны 77-78 годов. Все мои попытки найти в делах и архивах следы их происхождения, не увенчались успехом и только служивший в моем отделении сверхсрочный писарь — казачий подхорунжий — мне сообщил, что ему говорил бывший начальник отделения, полковник Горох, много лет стоявший во главе отделения, что эти планы и другие подробности фортов были приобретены за сравнительно небольшую плату от одного из английских инженеров, строивших эти форты. Но планов двух левофланговых фортов Деве-бойнского хребта — Тафта и Карагюбек в альбоме не было.

После поисков в архиве я нашел подробные планы и профили этих двух фортов, но опять без указаний, откуда они к нам попали.

Так как у нас в Эрзеруме находился наш военный агент Генерального Штаба, полковник Вышинский, то вызвав его в Тифлис, штаб округа поручил ему выяснить, поскольку это представлялось возможным, подлинность документов, касающихся Эрзерумских укреплений.

Так как овладение Эрзерумом было одним из оче-

редных объектов наших операций в возможной войне с Турцией, то вопрос этот являлся предметов первостепенной важности.

Спустя некоторое время, полковник Вышинский сообщил, что, по проверенным данным, имеющиеся у нас планы и профили фортов (не исключая фортов Тафта и Карагюбек) являются точными, но, что турки между фортами построили долговременного характера ложементы на 200 примерно орудий крупных калибров. Таким образом, оборонительная сила Эрзерума стала нам вполне известна.

Эти данные, конечно, помогли генералу Юденичу, перед решением штурма Эрзерума, учесть все создающиеся условия перед предстоящей операцией. К этим положительным случаям работы нашей разведки следует отметить и ее ошибки.

За несколько месяцев до войны 14-го года полковник Вышинский был назначен начальником Кавказского отделения Главного Управления Генерального Штаба, а на его место Гл. Упр. Ген. Штаба назначило молодого офицера Генерального Штаба капитана Клерже.

Полк. Вышинский сдал капитану Клерже свою агентуру, которая базировалась главным образом на армянские, наиболее нам верные, элементы населения и налаженную связь с ней Тифлиса после неизбежного оставления нашим консульством Эрзерума, в случае разрыва дипломатических отношений с Турцией.

Но Клерже решил эту агентуру распустить, не создав еще новой агентуры. В это время я уже был переведен в Петербург в Главное Управление Генерального Штаба, в то самое отделение, начальником которого стал полковник Вышинский, который отнесся совершенно отрицательно к решению капитана Клерже, решившего вербовать мусульманскую агентуру. Это решение Клерже было тем более неудачным и неосторожным, что международная обстановка стала тогда угрожающей.

Результат сказался с первых же дней войны с Турцией. Никаких сведений агентурного порядка в штаб Кавказской армии не поступало, и движение турецкой армии перед операцией под Сарыкамышем по топ-польской дороге на крайний правый фланг нашей сарыкамышской группы нам не было заблаговременно известно. Это породило необычайно тягостные для нас условия Сарыкамышской операции, которая вылилась в нашу блестящую победу, только благодаря испытанной стойкости Кавказских войск и твердой позиции в этой операции генерала Юденича и других начальников.

В октябре 1915 года я был вызван генералом Юденичем с Западного фронта. После Битлисской операции, совпавшей со штурмом Эрзерума, я был назначен начальником разведывательного отделения штаба Кавказской армии, т. е. я опять, по существу, вступил в то же положение, которое занимал до войны.

После перехода штаба армии в Эрзерум я заинтересовался вопросом подлинности наших чертежей Эрзерума и побывал на многих фортах. Тут я убедился в их подлинности, — не исключая и фортов Тафта и Карагюбек.

***

В это время наша дальняя разведка была крайне слаба. Агентуры почти не было. Да и получаемые от нее сведения, вследствие трудности сообщений, прибывали с опозданием. Ближайшая разведка работала значительно лучше, но получаемые от нее сведения не представляли существенного интереса, т. к. наиболее ценные сведения мы получали от опроса пленных. Наиболее ценные сведения удавалось получать от унтер-офицеров, задавая им в разбивку ряд вопросов в таком порядке, что им не представлялось ясным, что они своими ответами дают нам существенные данные. Одновременно разведку на Турцию выполнял наш Одесский военный округ и английская разведка. От состоявшего при штабе английской службы полковника Пайка мы получали вполне точные данные, но они все касались Багдадского и Суэцкого фронтов.

Что же касается разведки Одесского округа, то от него поступали многочисленные телеграммы со сведениями самого фантастического характера. Штаб этого округа имел свою секретную агентуру, которая расходовала большие средства, но ничего серьезного не давала. В конце концов на многочисленные телеграммы из Одессы мы перестали обращать внимание.

Оставление союзниками Галлиполийского полуострова создавало новую обстановку, как для англичан, так и для наших Румынского и Кавказского фронтов. Освободилась 2-я турецкая армия, отбившая все атаки союзников и, естественно, переброска ее против нас или англичан требовала принятия предварительных мероприятий и вызвала известное беспокойство.

Особенно беспокоились англичане и почти ежедневно полк. Пайк заходил ко мне, чтобы узнать, нет ли у нас каких-либо данных о будущем использовании 2-й турецкой армии. Но долго мы их не имели. Англичане были убеждены, что именно им грозит появление этой армии на одном из их ближневосточных фронтов.

Наконец, появились первые признаки появления частей этой армии против нашего Румынского фронта. Там была обнаружена турецкая дивизия, бывшая в составе 2-й армии. Но других частей этой армии там не появлялось.

Первые существенные данные, имевшие отношение к 2-й турецкой армии, мы получили от опроса одного из пленных турок, проживающего в районе Александретты. Он, между прочим, сообщил, что через северный хребет Алюнус, севернее Александретты, у которого прекращался железнодорожный путь из Скутари, был прорыт туннель и что железная дорога идет теперь от Скутари через Нисебин без задержки у Александретты. Это давало право предполагать, что 2-я турецкая армия может быть направлена и против Кавказской армии и против англичан.

Наконец, мы получили полную картину будущего развертывания 2-й турецкой армии.

Летом 1916 года один из наших казачьих разъездов, время от времени посылаемых в пикем не занятый промежуток в 200 примерно верст между Эрзерумом и левым флангом нашего I Кавказского корпуса, двигавшегося в направлении на Ерзинджан, захватил турецкого офицера, бывшего во главе турецкого разъезда.

У этого офицера была очень объемистая полевая сумка, которую, естественно, от него отобрали.

В тот же день, я, как начальник разведывательного отделения штаба армии, получил донесение от офицера, заведывающего разведкой в штабе 1-го Кавказского корпуса, с указанием, что захваченный офицер именует себя полковником, начальником оперативной части штаба 2-й турецкой армии и заявляет, что он добровольно сдался нашему разъезду.

Обстановка этого пленения, как будто бы, соответствовала его заявлению. При появлении нашего разъезда, атаковавшего турок, захваченный офицер оказался спешенным, а его аскеры ускакали, избегая встречи с нашими казаками.

На следующий день, захваченный офицер прибыл, в сопровождении конвоя, в штаб армии в Сарыкамыш, и я приступил к его допросу. Знание им довольно хорошо французского языка способствовало допросу без надобности прибегать к помощи переводчика.

Уже с первого же дня опроса, я установил, что он действительно начальник оперативной части 2-й турецкой армии и что он командирован в будущий район развертывания этой армии, чтобы разрешить целый ряд вопросов, связанных с намеченной операцией 2-й армии, в тыл наших корпусов, наступающих на западе и не прикрытых ничем со стороны Диабекирского направления. Операционным направлением турок был намечен Мамахатун, находящийся между Эрзерумом и Эрзинджаном, к которому подходил тогда наш 1-й Кавказский корпус.

На вопрос о причинах своей сдачи в плен, захваченный полковник заявил, что он это сделал в виду крайней обиды, нанесенной ему турецким командованием. После полной победы, одержанной 2-й турецкой армией у Галлиполи, все начальники получили новые ответственные назначения, а его, несмотря на исключительную роль, которую он сыграл в Галлиполийской операции, обошли совершенно и только потому, что он не природный турок ,а происходил из черкесской семьи, покинувшей Россию и обосновавшейся в Турции. Это вызвало в нем сомнение о своем подданстве и он решил перейти на сторону России, которая была родиной его предков.

Вслед затем, мы перешли к тем данным, которыми он обладал и которые подтверждались документами, находившимися в его полевой сумке. Тут уж пришлось прибегнуть к содействию нашего штабного переводчика. По этим данным, подход и развертывание 2-й турецкой армии были установлены во всех деталях. Были выяснены тыловые пути отНиссебина, конечного пункта железной дороги, где должны были высаживаться из вагонов турецкие части, выяснены также этапные пункты и, наконец, район сосредоточения всей армии, причем в документах приводилось это сосредоточение во всех деталях, т. е. включительно до каждого батальона.

Из сообщений турка было известно, что 2-я турецкая армия заново снаряжена и снабжена, в виду предстоящих действий в горах, австрийскими гаубицами на вьюках, заменившими почти все пушки на колесах.

Закончивши опрос, я приступил к составлению доклада Командующему армией, с подробным описанием всех данных, касающихся предстоящего против нас появления 2-й турецкой армии.

В связи с переходом к нам турецкого полковника, поневоле возникал вопрос, не изменит ли турецкое главное командование намеченный план создания нового, по существу, фронта против нашей Кавказской армии. На этот вопрос турок ответил, что подготовка к направлению против нас 2-й турецкой армии зашла настолько вперед, что у него нет сомнений, что изменения турецкого плана ожидать не приходится. Кроме того, он считал, что условия его захвата в плен он обставил настолько реально, что бывшие с ним аскеры едва ли могли понять действительную обстановку его добровольного к нам перехода.

Однако, генерал Юденич, ознакомившись с полученными данными, по которым завершение сосредоточения 2-й турецкой армии должно было состояться только через 2 с половиной месяца, решил не принимать никаких мер противодействия намеченному турками новому фронту наступления до тех пор, пока не получит подтверждения о начавшемся сосредоточении путем военной разведки. Это позволяло ему всеми Кавказской армии продолжать наступление на запад через Эрзинджан и далее.

Наши разъезды, посылаемые после перехода к нам турецкого полковника в направлении на Ниссейн, встречали лишь слабые соединения курдов, но никаких следов появления регулярных турецких сил не встречалось. Наконец, наступил день, когда передовой батальон 2-й турецкой армии должен был, по данным пленного турецкого полковника, появиться на левом фланге будущего развертывания этой армии.

Вечером этого дня было послано приказание командиру 1-го Кавказского корпуса, находящемуся впереди Эрзинджана, послать разведывательную сотню в район, где ожидалось появление этого батальона, с требованием захватить языка. Сотня эта обнаружила в указанном районе присутствие турецкой регулярной части и захватила одного аскера.

При его опросе оказалось, что он принадлежит к тому именно полку и даже батальону (табору), который ожидался по нашим данным в разведованном районе.

После того, никаких сомнений о появлении на нашем фронте 2-й турецкой армии уже не было, и ге-

нерал Юденич стал сосредотачивать сильную группу для противодействия этой армии.

Через месяц начались упорнейшие бои на, так называемом, огнотском направлении, которые не дали туркам ожидаемых ими результатов. Все их атаки отбивались, и на этом направлении установился наш прочный фронт оборонительного характера. Наши активные действия продолжались на Эрзинджанско-Трапезундском фронте.

Вероятно в военной истории не было случая, чтобы одна из сторон знала за два с половиной месяца о появлении на ее фронте целой новой армии, причем заново снаряженной и снабженной вооружением, приспособленным к местным условиям предстоящего района действий.

Вспоминая это прошлое, невольно останавливаешься на том болезненном, основанном на обиде, психологическом сдвиге, который заставил передавшегося нам турецкого офицера Генерального Штаба превратиться в предателя своей армии.

Можно ли найти ему оправдание? Думаю, что мало, кто мог бы быть к нему снисходительным.

Когда надобность в разъяснениях пленного турка миновала, я ему предложил высказать его пожелания об его дальнейшей судьбе. Он попросил, чтобы его отправили в тот черкесский аул, откуда происходили его предки.

Штаб армии запросил согласия штаба Верховного Главнокомандующего, на что генерал-квартирмейстер Ставки ответил, что турецкий полковник, оказавшийся предателем своей родины, не заслуживает другого отношения, какое должно быть применимо вообще ко всем пленным. Но генерал Юденич с этим не согласился и приказал отправить его в тот аул, о котором просил турок, и освободить его от наблюдения.

Во время Гражданской войны, когда мы уже отходили на Новороссийск и когда я находился в Екатеринодаре, ко мне явился черкес, в котором я с трудом узнал турецкого полковника.

Он просил меня не оставлять его на Кубани, мотивируя тем, что его не пощадят большевики, в случае оставления нами Кубанской области, т. к. он занял определенную антибольшевистскую позицию. Я ему обещал взять его с собою и направить его сначала в Крым, а затем в Болгарию, так как возвращаться ему в Турцию, даже после занятия Константинополя союзниками, было бы опасно.

Он согласился и должен был на следующий день явиться для дальнейшего следования. Но на следующий день ко мне явился его приятель черкес и доложил, что турок решил остаться. На мой вопрос, почему он изменил решение, его посланец, улыбаясь, ответил, что он не мог расстаться с молодой черкешенкой, которая согласилась стать его женой.

Дальнейшая судьба его мне неизвестна.

ОТ РЕДАКЦИИ. — Эта статья, опубликованная в газете "Русский Инвалид", (№ 134, май 1960 г. Париж) напечатана здесь по рукописи, исправленной и дополненной автором, переданной им в распоряжение редакции "Военно-Исторического Вестника".

Б. ГЕРУА

К Стоходскому бою 15 июля 1916 года

С этого номера "Военно-Исторический Вестник" начинает печатать некоторые исторические материалы, собранные полковником А. Я. фон Брецель в его "Тетрадях" — "Измайловская Старина. Материалы для истории л. гв. Измайловского полка. Александрия (Египет)". 1930—1939. "Тетради" эти (числом около 30-ти), напечатанные на пишущей машинке и размноженные "шапирографом" ("гектограф"), выпущены были в весьма ограниченном количестве и почти неизвестны большинству наших читателей. Шапирографные чернила с течением времени начинают выцветать, так что некоторые страницы этих интересных "тетрадей" читаются уже с относительным трудом(сужу по экземплярам, находящимся у меня на руках). Между тем, те части "тетрадей", которые посвящены свидетельствам современников о мирном прошлом л. гв. Измайловского полка в предпоследнее и последнее царствования, о боевом прошлом в Первую мировую войну, о времени революции, гражданской войны и эмиграции, представляют большой интерес, ибо кроме этих, ныне редких, "Тетрадей" — "Измайловская Старина", ценные свидетельства этих современников нигде в печати опубликованы не были.

Выбор и порядок опубликования статей из этих сборников редакция "Воен.-Ист. Вестника" предоставила самим Измайловцам. В силу этого, по их желанию, в первую очередь печатаются интересные материалы, относящиеся к Стоходскому бою в июле 1916 г., сообщенные генералом Б. В. Геруа, бывшим — с 9 мая 1915 г. по 14 июня 1916 г. — командиром л. гв. Измайловского полка и потом, накануне Стоходского боя, назначенным на должность генерал-квартирмейстера штаба Войск Гвардии.

Стоходский бой 16 июля 1916 г. является одним из славных, но в то же время, трагичных эпизодов в боевой жизни Измайловцев. Пробыв в течение девяти месяцев в районе г. Двинска в резерве, 1-я Гвардейская дивизия отдохнула, привела себя в порядок, пополнилась прекрасным людским

составом и, как бы возродилась после тяжелых боев 1915 года, приняв прежний, довоенный вид по духу и по внешности.

Из ниже публикуемых сообщений ген. Геруа (статья "К Стоходскому бою" — "Изм. Старина" тетрадь № 27 и "Выдержки из писем с театра военных действий" — тетрадь № 26), ближайшего и непосредственного свидетеля описываемых событий, видно, насколько гибельной оказалась для гвардейской пехоты эта стоходская операция, в результате которой она понесла неимоверно тяжелые потери и была окончательно обескровлена в своих кадрах к исходу войны. — Ю. Т.

После Луцкого прорыва летом 1916 г. было решено развивать его на Ковель. Так как свежих войск для этого на месте не было, к Луцку к 1-му июля был переброшен по железной дороге с Северного фронта вновь образованный из 1-го и 2-го Гвардейских корпусов отдельный отряд, получивший название — Войск Гвардии.

Войска эти в то время составляли стратегический резерв и не входили в состав ни одной из армий. Было решено подчинить командовавшему Войсками Гвардии, генерал-адъютанту Безобразову, часть войск, находившихся под Луцком и создать маленькую армию, сохранив общее название Войск Гвардии и дав их начальнику соответствующие права. Обстоятельство это важно отметить в памяти, т. к. в дальнейшем, на практике, как увидим, генерал-адъютант Безобразов оказался лишенным самого важного права — принять свой собственный план в пределах поставленной ему общей задачи.

Обходя числа, которых точно не помню, отмечу, что, так называемая, подготовка к атаке в своей последовательности складывалась так.

Тотчас по прибытии первых эшелонов гвардии, ген.-ад. Безобразов с его оперативным штабом (граф Игнатьев и я) был вызван ген.-ад. Брусиловым в штаб Юго-Западного фронта (Бердичев?). Здесь эти лица были ознакомлены с обстановкой впереди Луцка, а затем генерал Духонин (генерал-квартирмейстер штаба фронта), в присутствии Брусилова и Сухомлина (его начальника штаба), перед висевшей на стене большой оперативной картой, изложил план атаки в направлении на Ковель.

План этот сводился к удару левым флангом через Стоходские болота и леса, причем указывалось, что гвардия должна немедленно сменить уставшие части корпуса генерала Стельницкого (39-й корпус), нацеленные в данном направлении; самая атака должна быть произведена в самом ближайшем времени — на все подготовительные действия давалось не больше недели.

Инструкция была преподана в форме императива. Слабые попытки остановиться на невыгодах плана удара по трудно-проходимой местности, успеха не имели. Дисциплинированный "по-гвардейски" генерал-адъютант Безобразов, в конце концов, сказал "слушаю". Лично ему оставалось решить только распределение войск. Остальное ему было, в сущности, *приказано.*

Поэтому, возникшее после боя своего рода "судбище" в поисках "стрелочника" в неудаче прорыва было совершенно непонятно. Ставка валила на фронт, а фронт свалил вину на Безобразова и его штаб. Как выяснилось потом, указанный выше трудный для исполнения план не был делом творчества Юго-Западного фронта, а, в свою очередь, был продиктован Брусилову из Ставки. Это не помешало настоящему автору — генерал-адъютанту Алексееву — затеять расследование о причинах слабых достижений, замолчав свое авторство, и — в результате — сменить генерал-адъютанта Безобразова, включив гвардию в новую Особую армию (генерала Гурко).

Тотчас по прибытии на место (Луцк—Рожище) гвардия приступила к смене стоявших на Стоходе частей. Два обстоятельства сразу же стали на пути к исполнению плана: наступившая отвратительная дождливая погода, исключавшая артиллерийское наблюдение, и полное отсутствие (почти полное!) воздушной разведки. Сведения о противнике были устарелыми. Вся обстановка не менее туманна, чем наступившие дни. Не без труда Безобразову удалось добиться разрешения отложить атаку, чтобы предварительно разобраться и дать войскам как следует осмотреться на своих участках. Толкая Безобразова на немедленную атаку, старшие штабы упустили из виду природу современного прорыва, а именно — что, если прорыв остановлен, а свежих частей под рукой не оказалось, то надо все начинать, как бы, сначала. Лезть очертя голову, напролом, как это возможно при преследовании, значит, в современных условиях огня и окопов, расшибиться самому.

Имея в своем распоряжении лишь одну часть плана атаки — распределение войск — Безобразов не мог сделать слишком крупной ошибки. Кулак был, конечно, собран на левом фланге. Правому же (1-й армейский корпус), стоявшему на сухом северном участке, давались наступательные задачи, но — по слабости сил — они не могли получить решительного значения. Таким образом, для удара была нацелена вся гвардия (2 корпуса). Оба корпуса поставлены рядом и каждый эшелонирован в глубину. Сравнительно со стоявшим раньше на этом участке корпусом Стельницкого, это был кулак. Но для сколько-нибудь существенного прорыва сил все же было недостаточно. Никакой замены прорвавших войск, в случае удачи, с тыла быть не могло: штаб фронта не думал о резервах на этом направлении, считая силы гвардии (моральные и материальные) совершенно достаточными.

Однако, и ген.-ад. Безобразов допустил частную ошибку в распределении войск на ударном участке;

ослабив его — кажется — на два батальона, каковые (л.-гв. от Семеновского полка) были посажены в абсолютно пассивные окопы в центре на линии реки Стохода. Представление о том, что туда можно было посадить спешенную кавалерию, которой в условиях данной местности (лес и болота) у нас было более чем достаточно, не имели успеха. Безобразов, сам кавалерист, находился еще под сильным влиянием брошюрки об ударном употреблении конницы, изданной, в тиши между - боевого времени, штабом гвардии и принадлежавшей перу моего предшественника по генерал-квартирмейстерской части — полковника Доманевского.

В результате, вся кавалерия была сосредоточена за левым флангом в надежде, что враг побежит, а конница бросится его гнать, рубить и забирать его обозы. Но... "забыли про овраги", т. е. — в данном случае — про леса и болотистые теснины. Тут и одного кавалерийского полка было бы за глаза довольно.

Нельзя отказать ген.-ад. Безобразову в той внимательности, с которой он вслушивался в делаемые ему оперативные доклады и в разумной уступчивости. Но в этом пункте он был тверд, и слышать не хотел о "пехотном" употреблении конницы.

Дальнейшее довольно хорошо известно. Прорыв 15 июля удался накоротке: для следующего толчка свежих сил не оказалось — ни на левом фланге, ни на правом (где по существу, вообще, условия для атаки были более благоприятны). Большие потери, малые результаты, огромные разговоры... Приезд генерала Гурко, разгром штаба (уцелел я один) и отъезд огорченного "стрелочника".

Ошибка Ставки, в которой она не нашла мужества признаться, заключалась в том, что направление удара было выбрано ею *стратегическое*, с игнорированием тактических условий его выполнения (местность и огонь, зависящий от обзоров). Рвать фронт нужно там, где легче достичь результата и откуда легче развивать прорыв. Это не стратегия, а чистейшая тактика.

***

Среди недавно полученных мною бумаг личного архива, относящегося ко времени войны 1914—17 г., оказались копии важных документов по Стоходской операции 1916 г., в том числе черновик письма о
ДОСКА — В Т О Р А Я :вЪкЗ
ней генерал-адъютанта Безобразова Государю Императору и моя памятная записка, которая, видимо, была набросана после боев по приказанию Безобразова, руководившего этой операцией.

Документы эти следующие: 1) Директива Юго-Западного фронта для атаки в направлении на гор. Ковель с указанием частных задач всем армиям. 2) Телеграмма начальника штаба Верховного Главнокомандующего с критикой распоряжений командующего Войсками Гвардии ген.-ад. Безобразова. 3) Моя памятная записка о причинах неразвития наступления армии ген.-ад. Безобразова. 4) Упомянутое выше письмо ген.-ад. Безобразова Государю Императору с изложением хода операций и с объяснением причин неразвития первоначального успеха и 5) Выдержка из сообщения штаба Верховного Главнокомандующего от 4 августа 1916 г.

Письмо Беозбразова Государю было вызвано обвинением "комгварда" в неправильности выбора участка атаки и распределения сил и тем, что в сводках Ставки, сообщавших даже о мелочных событиях на разных фронтах, совершенно умолчали о крупном успехе гвардии 15—16 июля и о взятых ею многочисленных трофеях.

Только после этого письма, посланного Безобразовым, на правах генерал-адъютанта, непосредственно Государю Императору и доставленного ему полковником П. П. Родзянко около 1-го августа, сведения о трофеях были помещены в сводке от 4-го августа (через 18 дней после боя).

Что касается до обвинения ген.-ад. Безобразова в неправильном выборе участка, то из приводимых ниже двух копий телеграмм штаба Юго-Западного фронта документально видно: а) что атаковать Ковель было приказано Ставкой и фронтом "с юга", что точно определяло участок атаки к западу от направления Луцк—Ковель, и б) что до боя не было сверху возражений против выбора участка, а лишь против частностей группировки и выделения резервов на данном участке.

Здесь я хочу еще повторить, что 4-го июля, за 10 дней до боя, ге.-ад. Брусилов со своим штабом лично указал ген.-ад. Безобразову и его штабу в Бердичеве на оперативной карте штаба фронта болотистый участок к югу от шоссе Луцк—Ковель, как тот, от которого нужно было вести атаку и где войска гвардии должны были сменить 39-й армейский корпус. Тот же участок указал мне, как генерал-квартирмейстеру штаба Войск Гвардии, потом "на основании последних разведок", и генерал Духонин — генерал-квартирмейстер штаба фронта.

Вобщем, хоть и на словах, а не на бумаге, ген.-ад. Безобразову был дан совершенно определенный участок и точное направление атаки. Письменно это было подтверждено указанием директивы "атаковать Ковель с юга". Это значило: через м. Озеряны и через болота.

Только после письма ген.-ад. Безобразова Государю, через головы штабов, было объявлено в сводке Ставки полное количество трофеев, взятых гвардией на р. Стоходе в бою 15—16 июля 1916 года.

Из редакции этого сообщения, а именно — "по дополнительно полученным сведениям" можно думать, что задержка — почти трехнедельная — произошла от того, что об этих трофеях не было полностью донесено немедленно после боя.

Конечно, это неверно.

Донесение было послано своевременно и не могло не быть послано. Почему в Ставке пожелали умолчать о победной стороне боя гвардии, остается загадкой...

ДОКУМЕНТЫ

1.

Служба связи штаба Войск Гвардии *Копия*

16—7—16 № 2845

Телеграмма.

Командгвард. Оперативная. В день, который будет указан дополнительно, войскам фронта перейти в общее наступление, выполняя следующие задачи: 1) 3-й армии, со включением в состав ее 3 армейского и 1-го Туркестанского корпусов и 1-й Финляндской дивизии, атаковать Ковель с востока и севера и кроме того, овладев Невельскими переправами и переправами на Стоходе от устья до Любашева включительно, развить удар в тыл пинской группы противника. 2) Войскам гвардии, 1 и 30 армейских корпусов и 5 кавалерийскому под общим начальством генерала Безобразова, атаковать Ковель с юга(*). 3) 8-й армии, со включением в состав ее 8-го корпуса, овладеть Владимир-Волынским. 4) 11-й армии — наступать на Броды — Львов. 5) 7-я и 9-я армии выполняют прежние наступательные задачи. 6) Время перехода 1-го, 8-го, 30-го армейских, Туркестанского и 5-го кавалерийского корпусов из состава одной армии в состав другой — 24 часа 6го июля. 7) Обращаю внимание на тщательность подготовки атак артиллерийским огнем, на связь пехоты с артиллерией и на тесное взаимодействие всех армий. 8) Разграничительные линии: между 3-й армией и армией генерала Безобразова — Ковель—Кошевка—Злапин; между армиями генерала Безобразова и 8-й — Турийск—Озеряны—Витенеж—ст. Киверцы-Суск, все пункты включительно для генерала Безобразова; между 8-й и 11-й армиями — Веренеж—Сокаль—Ровно, все пункты для 8-й армии; прочие разграничительные линии остаются прежние.

2281 *Брусилов.*

Верно за старшего адъютанта оперативного отделения капитан *Подчертков.*

2.

Служба связи штаба Войск Гвардии *Копия*

12—7—16 14 ч. 22 м. № 3150

Телеграмма.

Командгвард. Оперативная. Наштаверх телеграфирует мне: "Считаю себя обязанным уведомить, что последним распоряжением гвардии выгодное расположение 2-го Гвардейского корпуса эшелонированного глубину обеспечивавшего сосредоточения ударной группы и возможность маневрирования совершенно утрачено(**), все вытянуто в нитку, без возможности собрать, где нужно, сильный резерв для надлежащего прорыва и развития такового. Между тем вся суть предстоящего маневра — Ковель. № 3732. *Алексеев*".

Благоволите сообщить, что будет в резерве во 2-м Гв. корпусе для постепенного вливания в боевую линию для надлежащего прорыва и развития такового.

Нельзя ли поставить часть гвардейской кавалерии на пассивном участке Гвард. корпуса, протянув левый фланг последнего за счет 2-го Гвард. корпуса, фронт которого таким образом сократится, что даст возможность больше эшелонировать его в глубину. № 2378. *Клембовский.*

Верно: за старш. адъют. опер. отд. кап. *Подчертков.*

Примечание Б. Г. — "Чрезвычайно интересный документ, показывающий, что Ставка была довольна тем местом, где стала гвардия. Развития же, с одними силами гвардии, ожидать было наивно, особенно в трудных условиях местности".

3.

Причина неразвития наступления армии генерала Безобразова.

1) Первоначальная постановка гвардии (ударной группы) на таком направлении, которое, по условиям местности, могло обеспечить лишь незначительное продвижение (от верховья Стохода — ряд болотисто-лесистых дефиле, своего рода пробки, допускающей оборону с малыми силами).

2) Отход противника, не на случайную, а на заранее подготовленную позицию.

3) Слабость сил на правом фланге армии, чтобы развить успех там 30-го армейского корпуса *немедленно* после захвата плацдарма в излучине Стохода и невозможность своевременно перевести туда направление главного удара.

4) Торопливость и скороспелость подготовки перед новой операцией после перемены плана (удар от упомянутого плацдарма), что при слабости тяжелой артиллерии и полном отсутствии самолетов, разбило безупречный порыв пехоты о хорошо подготовленный узел обороны.

5) Тактические ошибки частных начальников, чаще всего объясняемые спешкой, особенно в бою 26 июля, веденном после скомканной подготовки.

---

*() По системе вычитания, гвардии оставалось стать там, где она встала. И № 3732 ген. Алексеева показывает, что именно это и хотела Ставка (см. ниже). Б. Г.

(**) Болото — полторы-две версты ходу — и опять непроходимое болото — долина самого Стохода. Недурное маневрирование! Б. Г.

Общий вывод: больше всего виновата стратегия (теоретичность выбора направления главного удара и бедность средств). Меньше — войска.

Б. Геруа

1 августа 1916г. Рожище.

4.

Черновик письма генерал-адъютанта Безобразова Государю Императору, исправленный собственной его рукой.

Во исполнение повеления Вашего Императорского Величества, разрешающего мне обращаться по вопросам Войск Гвардии прямо к Особе Вашего Величества, дерзаю повергнуть на благоусмотрение Вашего Императорского Величества правдивый отчет о действиях Гвардии, вместе с 1 и 30 армейскими корпусами, под Ковелем с 8 по 27 июля сего года.

4 июля я получил лично от генерал-адъютанта Брусилова приказание поставить гвардию на участке, который тогда занимался 39 корпусом. Корпус занимал участок на правом берегу Стохода от д. Богушевка до д. Княж. Приказание это позже получило подтверждение в директиве Главнокомандующего, в которой, хотя и не было сказано ничего насчет группировки вверенных мне корпусов, но возлагалась задача атаковать Ковель с юга. При этих условиях, естественно, я должен был собрать гвардию на своем левом фланге, т. е. как раз на участке 39-го корпуса.

К 9 июля войска заняли свои исходные позиции, за исключением конницы, которая окончательно собралась: только к 17 июля.

Общая атака армий Юго-Западного фронта была назначена на рассвете 10 июля, однако, наша готовность была внешняя, т. к. ставшие на позицию войска лишь 10-го начали получать сведения от своей собственной разведки — пехотной и артиллерийской. Разведки эти выяснили, что полоса болот, за которые стала гвардия, на фронте Райместо—Княж, проходима в весьма тесном для атаки участке — кол. Переходы до кол. Фишке (всего около 3-х верст). Проливные дожди ухудшили дело, увеличив труднодоступность болот, разделявших нас от противника.

Приняв во внимание эти обстоятельства, а также неполное сосредоточение артиллерии и в особенности снарядов, я донес об этом Главнокомандующему 9 июля в 15 часов, указывая на желательность некоторой отсрочки.

Телеграмма моя еще не была отправлена, как получилась директива, дающая, видимо на основании донесений со всего фронта, отсрочку общей атаки до 15-го июля.

Этим временем я воспользовался, чтобы, испросив новую разграничительную линию с 8 армией, расширить фронт ударной группы, составленной из 1-го и 2-го Гвардейских корпусов. Прибавление лишних 4 верст на фронте атаки к югу, в сторону 8-й армии, оправдало себя при атаке 15 июля, т. к. именно от этого участка, гораздо более доступного, удалось развить решительный натиск и заставить неприятеля уйти за Стоход.

Как было условлено с 8-й армией, штурм начался 15 июля ровно в 13 часов, после 7-ми часовой артиллерийской подготовки.

В согласии с правым флангом 8-й армии (39-м корпусом), гвардия прорвала укрепленный фронт неприятеля. При этом она захватила позиции у кол. Переходы, Райместо, Ясеповка, кол. Курган, Шурин, Трыстень, выс. 93 и 1, что северо-восточнее кол. Курган. Тесня противника, войска дошли до верхнего течения Стохода на фронте Майдан, Витенеж, кол. Остров, кол. Михайловка.

При этом гвардия взяла 46 орудий, из них 17 тяжелых, 65 пулеметов, не считая другой мелкой добычи, и около 5.000 пленных, из них 150 офицеров.

В бою 15 июля гвардия имела дело со всей 29-й австрийской дивизией и 19 и 121 германскими дивизиями. Последняя из них переброшена из Франции с р. Соммы. В числе пленных гвардия взяла 19 офицеров и 974 нижних чинов германцев разных полков.

16 июля бой продолжался, но трудные условия проходимости р. Стохода задержали дальнейшее продвижение гвардии. Центр тяжести этого и следующих дней перенесся на 30-й и 1-й армейские корпуса, которые, стремительным ударом отбросив противника в излучине Стохода северо-восточнее железной дороги Ковель—Луцк, вышли на линию Рудка Миринская, Велицк, Кухары, высота 84 и 9, что к востоку от Мал. Перск. Во время этих атак названными корпусами, особенно 30-м армейским, было взято свыше 4.000 пленных с офицерами и пулеметами. Впоследствии выяснилось, что здесь был уничтожен 31 гонведный полк и сильно расстроены остальные полки 41 гонведной дивизии.

Одновременно я не отказывался от решительных действий на фронте гвардии, но тяжелые местные условия, представляющие к северу от верховья Стохода ряд дефиле, эшелонированных в глубину, дающих возможность противнику с малыми силами противустоять натиску ослабленного потерями атакующего, вскоре дали себя знать. Неоднократные попытки гвардии, веденные с должной энергией, овладеть Витенежем и предмостным укреплением у Ловищенского дефиле, не увенчались успехом. Доступные для атаки места оказались частями заранее укрепленной позиции; эти опорные пункты связаны между собой перекрестной огневой обороной. В частности, Витенеже, с захватом которого можно было надеяться, по условиям местности, все же продвигаться вперед, хотя и медленно, — оказался тщательно оборудованным крепким убежищем и многочисленными пулеметными гнездами. В результате, частям гвардии удалось лишь переправиться против

Витенежа на левый берег Стохода и закрепиться у Витенежа и на высоте 90,0 к югу от него.

Только могущественная тяжелая артиллерия могла бы пробить здесь брешь и уберечь пехоту от дальнейших больших потерь при штурме Витенежа.

Как это обстоятельство, для выполнения которого не было средств, так, главным образом, более доступная местность на правом фланге армии, на фронте 30 и 1 армейских корпусов, привели меня к решению использовать успех этих последних и организовать удар на участке Велицк—Кухары — высота 84,9.

В соответствии с этой мыслью я представил свои соображения Главнокомандующему при личном с ним свидании 21 июля в Луцке. При этом я просил дать мне свежий корпус для более решительного удара.

Главнокомандующий, со своей стороны, признал изложенный план, при создавшейся обстановке на фронте вверенной мне армии, единственно возможным, но предоставил осуществление его моим собственным силам.

Ввиду этого я, начиная с 22 июля, прибег к изменению группировки за счет ослабления левого фланга армии, откуда был снят 1-й Гвардейский корпус, а также центра на пассивном участке р. Стохода, за которым мною была поставлена спешенная конница.

Эти меры дали возможность собрать на активном участке правого фланга армии три корпуса, правда, значительно ослабленных потерями в своем численном составе. По числу штыков ударная группа перед атакой не превышала численности 4-х дивизий.

К утру 24 июля была закончена перегруппировка. Атака была назначена на 25-е, но ввиду необходимости тщательнее осмотреться на новых позициях, атака была отложена на 26е июля.

Характерной чертой подготовки к атаке явилось то обстоятельство, что мы были совершенно лишены возможности воздушной разведки. Поэтому все наблюдения были односторонними и не давали никакого представления о тыле неприятельской позиции, скрытом лесистою полосою.

Это существенное условие не позволяло мне решительно бросить в бой все резервы. Необходимо было раньше определить — что именно представляли из себя неприятельские позиции. Выяснить это можно было только боем. Поэтому, двинув 26 июля в атаку войска 30-го армейского, 1-го Гвардейского и 1-го армейского корпусов, я прежде всего имел в виду усиленную разведку укрепленной полосы противника. Атака, веденная с большим подъемом, не имела успеха и свелась к усиленной разведке.

Бой показал, что противник занимает заблаговременно укрепленный фронт, где пришлось считаться с несколькими линиями окопов, усиленных проволочными заграждениями, и с многочисленными пулеметами, фланкирующими подступы, ведущие вглубь укрепленной полосы. Будучи скрыты в лесу, эти пулеметы не могли быть обнаружены и своевременно разбиты артиллерией. Начиная с 27 июля, т. е. уже после боя, удалось приступить к воздушным разведкам (были получены и собраны самолеты). Разведки эти сразу дали картину тыла укрепленной полосы. Выяснилось, что район м. Мельница, Брюховичи, Жмудча представляют собою крепкий узел сопротивления и выражается в ряде сомкнутых укреплений, подпирающих вынесенные вперед окопы, как это показано на представленной при сем керте. (Этой карты в нашем распоряжении нет. А. ф. Б.).

В бою 26 июля за Кухарский лес 1-м Гвардейским корпусом взято в плен около 100 германцев.

27 июля 2-м Гвардейским корпусом была повторена атака Витенежа. Бой подтвердил сведения о силе этого опорного пункта и о том, что наша артиллерия, несмотря на двухчасовую подготовку, оказалась слишком слабой, как по числу орудий, так и по числу снарядов, чтобы разбить все пулеметные гнезда и убежища. Огонь противника был тем более действителен, что болотистые подступы к деревне заставляли вязнуть пехоту. Результат боя выразился в ничтожном продвижении вперед частей на высоте 90,0.

В этих действиях приостановилась операция вверенной мне армии, которой 28 июля приказано перейти к активной обороне. Опыт прошедшей операции приводит меня к убеждению, что план быстрого овладения Ковельским районом, при настоящих условиях готовности противника и местности, требующий подавляющего превосходства сил атакующего над обороняющимся, трудно выполним.

Успеха, как мне кажется, можно достигнуть лишь постепенным, методичным продвижением вперед. В частности, по отношению ко вверенным мне войскам, я нахожу, что дальнейшие активные действия могут обещать результаты при условии 1) усиления армии свежими частями; 2) пополнения полков до нормы; 3) усиления имеющейся в армии тяжелой артиллерии.

В заключение долг службы обязывает меня всеподданнейше донести Вашему Императорскому Величеству, что вверенные мне войска с полным самоотвержением исполнили свой долг и, несмотря на изложенные выше затруднения, захватили на правом фланге, в излучине Стохода, значительный по размерам плацдарм, с продвижением на 10 верст, а на левом фланге, на фронте гвардии — отбросили противника за Стоход, продвинувшись на 6—8 верст.

Потери с 15 по 27 июля в войсках вверенной мне армии выразились следующими цифрами: 30-й армкор — 10.048, 1-й армкор — 8.111, 1-й гвардкор — 12.755, 2-й гвардкор — 17.721, гвардкавкор — 168. Итого 48.803.

Взятые войсками с 15 по 27 июля трофеи: германцев — офицеров 19, нижних чинов 974; австрийцев — 1 командир полка, офицеров 179, нижних чинов 6.154; орудий легких — 29, орудий тяжелых — 17. Итого — 46. Из них отправлено в Тамбов 38, 2 легких орудия сданы во время боя в штаб

39-го армейского корпуса, 5 еще находятся, в ожидании отправления, на станции Рожище.

5.

От штаба Верховного Главнокомандующего. Копия.
Западный фронт. Сообщение от 4 августа.

На фронте артиллерийская и ружейная перестрелка. Противник местами переходил в контр-атаки, отбитые нашим огнем. Над районом Кеммерна (западнее Риги) пролетел цеппелин, сбросивший бомбы.

По дополнительно полученным сведениям *войсками генерала Безобразова за время последней операции взято в плен 198 офицеров, 7.308 нижних чинов, 29 легких и 17 тяжелых орудий, 70 пулеметов, 29 бомбометов и более 14.000 снарядов.* Эти цифры следует прибавить к цифрам, помещенным в утреннем сообщении 3-го августа.

***

В сводке от 3-го августа были перечислены трофеи, взятые войсками Юго-Западного фронта "с 22-го мая по 30-е июля"... "по полученным окончательным подсчетам". В этом перечислении опущена армия генерал-адъютанта Безобразова и трофеи, взятые ею 15-го июля.

***

Приводимые документы не могут не представлять интереса для историка кампании 1916 года...

Лондон 1936.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПИСЕМ КОМАНДУЮЩЕГО Л. ГВ. ИЗМАЙЛОВСКИМ ПОЛКОМ ПОЛКОВНИКА Б. В. ГЕРУА С ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В 1916 г.

...11 июня, д. Просы (близ Вилейки). Удивительно, что сегодня мы пришли и стоим в той самой деревне, в которой полк, мимоходом, стоял девять месяцев тому назад, когда сменялись с позиции и двигались на север. И еще совпало так, что и тогда, и теперь здесь у нас те же избы, но в те времена, до пополнения полка, он весь свободно влез в эту полусоженную немцами деревушку, а теперь тут только штаб полка и один батальон. Меня и Федора (мой денщик) узнала моя тогдашняя квартирная хозяйка. Главное же дело в том, что завтра я покидаю и стоянку и самый полк. "Гранд нувель" — следующая. Совершенно неожиданно 9-го числа я получил письмо от Игнатьева (секретное) с предложением принять должность генерал - квартирмейстера штаба Войск Гвардии... Я ответил принципиальным согласием, но думал, что придется долго ждать. Однако, вчера приказано меня командировать для *"временного"* исполнения должности, т. к. Доманевский (исполнявший обязанности генерал-квартирмейстера в штабе Войск Гвардии) уехал в отпуск. Едва ли он вернется из него, а потому, едва ли я, в свою очередь, вернусь командовать полком... Однако, я отбываю на время — недели на три — а в случае боев возвращаюсь в полк. В курсе дела только Греков (начальник штаба 1-й Гвардейской пехотной дивизии), который посоветовал мне не очень откровенничать перед Нотбеком (начальник 1-й Гвардейской дивизии). Последнего я окончательно понял. Личное его ко мне нерасположение объясняется непонятною ревностью: моя профессура в прошлом, раннее, по мнению Нотбека, командование гвардейским полком в настоящем. Отсюда — постоянное стремление унизить мое командование, придирки к пустякам и пускание за глазами дурной славы о полку. Характерно, что после действительно яркого парада, проведенного с настроением, Нотбек — *единственный* — не сказал мне ни слова одобрения и не нашел ничего уместнее, как обратить мое внимание на то, что 2-й батальон проходил "хуже" других.

Вчера, когда я явился ему по вопросу моего командования, я уловил чутко поднявшуюся в нем новую ревность. Избегал смотреть в глаза и внутренне кипел. Конечно, личное расположение Нотбека мне совсем не нужно, т. к., помимо его идет самостоятельная оценка полка и моей работы всеми, имеющими случай наблюдать то и другое. И эта оценка, доходя до меня, плюс моя служебная совесть вполне покрывают, мелкие уколы самолюбию со стороны Нотбека.

Оставлять полк, ставший детищем, тяжело. Но все равно это уже становилось неизбежным. Всех офицеров генерального штаба торопят с командованием полками, чтобы поскорее обратить снова на службу генерального штаба. Ведь новых выпусков нет...

14 июня. Игнатьев дал понять, что весьма возможно мне придется вернуться командовать полком... Мил ко мне Владимир Михайлович (ген.-ад. Безобразов, командующий Войсками Гвардии). Вчера держал, изучая, часа два... Человек он несомненно не глупый, а главное — опытный и просто мыслящий. Сегодня мимо проходил мой полк и я представлял его. Михаил Васильевич остался в восторге, благодарил горячо и искренне, а фон Нотбек сказал опять неприятность.

16 июня. ...Продолжаю под своим глазом держать и полк.

21 июня. ...Вчера я ездил в полк представлять его Великому Князю Павлу Александровичу (назначенному командиром 1-го Гвардейского корпуса). Он был Августейше очарователен и наговорил кучу приятных вещей, выразив сожаление по поводу предстоящего моего ухода...

Все еще не привык в штабе к чиновничьему укладу...

28 июня. Вчера Преображенцы закатили Измайловцам настоящий фестиваль. Было красиво, стройно

и радушно... Моих питомцев было мало, ибо мой временный преемник (полковник Н. Е. Елагин) отпустил 12 офицеров в отпуск!..

Штаб уходит отсюда 1-го, а числа 4-го водворимся на новом месте. Наш "воевода" (так называли В. М. Безобразова в гвардии. Б. Г. 1935) волнуется и не в духе.

8 июля. Олыка. Сегодня покидаем интересный замок... Жаль — я уже не командир полка, рисовать некогда... Мы накануне важных событий.

16 июля. Вчера гвардия прорвала позицию противника, взяла 20 орудий. Сегодня продолжаем наступление. Вечером, в отместку, над Рожище, где штаб, пролетело 6 самолетов и бросили 30 бомб; одна или две упали совсем близко от нашего домика. Убит мой товарищ Хитрово (Красного Креста) и еще человек 15, много раненых людей и лошадей.

5 часов дня. Мы взяли свыше 2.000 пленных, но германцев мало. Дерутся они здорово.

Жара страшная, душно, желаем грозы.

19 июля. Два года войны. У нас идет бой, большие потери. Мы первым ударом разбили австрийскую дивизию, но теперь на ее место вылезли германцы, с которыми приходится возиться. Пленные немцы держат себя нахалами: австрийцев презирают, австрийцы вытягиваются в струнку перед германцами.

Местность, на которой идет бой, очень трудная и рассчитывать на быстрый успех нельзя. К тому же мы имеем лишь одно превосходство — в порыве пехоты. Во всем прочем уступаем. На один наш пулемет у них 10—20. На одну пушку — 2—5. И если, тем не менее, достигаем чего-нибудь, то одним лишь духом. Авиации у нас нет никакой. Сейчас испорчены все аппараты. А противник летает стаями. Остается только удивляться нам, нашей армии.

Сегодня "воевода" высказал мысль, что мы уступаем потому, что "народ еще некультурен", что отсюда наша отсталость в управлении и в технике. Он же сегодня метко охарактеризовал действующих лиц войны. Вообще он прекрасно понимает людей. Про Брусилова он сказал: "Бывают декламисты двух родов — талантливые и посредственные. Пример талантливого — Скобелев. Брусилов — посредственный". Куропаткин после Японской войны долго не понимал своего положения и, вместо того, чтобы спрятаться, лез на глаза до тех пор, пока Государь на каком-то выходе остановился в упор перед ним и стал разговаривать через его голову с другим. После этого случая Куропаткин перестал фигурировать. Теперь на Северном фронте он ходит по окопам, но оперирует по-маньчжурски.

Безобразов сам не такой начальник, который доверился бы штабу, и которым бы штаб вертел. Он очень своеволен, это его основная черта. Поэтому мы с Игнатьевым терпим часто поражения, когда выступаем со своими идеями. Внушить мысль ему не легко, приходится обрабатывать долго и не без хитрости.

21 июля (продолжение предыдущего письма). Он часто нас по-отечески журит, и это ничего. Когда в хорошем настроении — рассказывает из прошлого или декламирует стихи! По части тактики он, конечно, плавает в терминах и тянется не всегда удачно в научные формулы, но здравый смысл его выступает.

Приехал новый Измайловский командир генерал Шиллинг, а о том, что я назначен — не знаю. Глупо...

Нас бомбардируют аэропланы...

24. июля. Чрезвычайный интерес представляет создавшееся взаимоотношение между "воеводой" и Брусиловым, а также между штабами — нашим и фронта. Брусилов, задумав в одну минуту разгромить противника, сунул для этого крайне неудачно гвардию — как раз на участке затяжного, по трудности местности, боя. В результате, гвардия, достигнув в один день яркого успеха, оттеснила неприятеля лишь до того рубежа, где ему было легко задержаться и остановить преследование. В штабе фронта — разочарование и внутреннее сознание в ошибке нацеливания (*). Как же быть перед Ставкой? Очень просто: нужно шумом и криком замазать ошибку. Нужно звонить, что Безобразов, со всем своим никуда не годным штабом, провалил всю стратегию г. г. Брусиловых, Клембовских и Духониных. Чего было проще — "взять Ковель с юга" — и кончено. А тут, гляди, подвернулись какие-то болота, в которых увязла лихая стратегия. Невольно вспоминаются стихи про Крымскую войну: "Чисто писано в бумаге, да забыли про овраги, как по ним ходить..."

Почесав у себя в затылке, фронт, которому надлежало основательно знать условия местности, хотя бы из изучения карты, давай перемещать центр тяжести операции в другое место. Но сознаться перед Ставкой (т. е. Алексеевым) в ошибке расценки участков — стыдно (так как основная идея была самого Алексеева, то сознаваться вовсе не приходилось. (Б. Г., 1935). Поэтому, давай, свалим вину на гвардию...

Начались выступления штаба фронта с тактическими поучениями, напоминающими действия бандерильи в бою быков. Бык это, конечно, наш "воевода". Разъярив его, заставят его выкинуть какую-нибудь сногсшибательную грубость, после чего матадор, в образе Алексеева, нанесет ему смертельный удар. Бык же, возводясь в форме опального боярина, отправится снова в деревню.

Несчастье "воеводы" заключается в том, что он "творит" сам, на что уходит много времени, т. к.

(*) Как удалось выяснить гораздо позже, дурно выбранное направление ложится всецело на Ставку Верховного. Генерал Алексеев указал Брусилову до мелочей, что и как делать с Гвардией, и Брусилов лишь повторил урок Безобразову. (Б. Г., 1935).

он учится. Поэтому управление у нас крайне тяжеловесное, работа штаба нервная и сбивчивая...

Отношения у нас прекрасные. Безобразов сказал мне, что он доволен и Игнатьевым и мною (главное — два полковых командира). Все мы думаем по вопросам чести одинаково. Но это-то и плохо. Благородные приемы применяются преимущественно людьми наивными, мягко выражаясь. Вообще же царствует фокусничество и одна мысль — о собственной шкуре.

...Итак, мы в ожидании скандала, который может быть отсрочен только неоспоримым нашим боевым успехом.

Правда, однако, все делается, чтобы тормозить его и смазывать достигнутое. Печатают о какой-то паре пулеметов и сотне пленных на фронте других армий, а про нас *ни звука*, хотя мы взяли 15 орудий и 10.000 пленных.

25 июля. Завтра снова бой. Идет дождь — противоаэропланная погода... Сегодня бомбами убита лошадь Великого Князя Павла Александровича и его вестовой.

27 июля. Вчера была атака — увы — неудачная. Настроение ухудшилось. Против нас теперь сплошной германец, и справляться с ним труднее... Полк в бою уже потерял 11 офицеров. Два лучших убито! Очень жаль Обручева и Витковского. Это был цвет полка.

28 июля. Сегодня жду привоза раненых офицеров полка. Сейчас узнаю, что эвакуация их задержалась и иду "нажимать". Был у них трудный лесной бой, к сожалению, не увенчавшийся успехом... Жалко погибших и попорченных.

Сейчас мы, в сущности, выдохлись и к тому же уткнулись в реку, в болота и леса. Что будет дальше — не знаю...

Письмо это даю в санитарный поезд, который повезет раненых офицеров.

11 августа... Вчера был на позиции в полку.

———о———

На этом кончаются выписки из писем.

Лондон 1935 г.

Р. КОЛЧАК

Адмирал Колчак, его род и семья

(Продолжение и окончание)

В моем предыдущем очерке я довольно много рассказывал о далеком пращуре адмирала, Александра Васильевича, турецком военачальнике, взятым в плен Минихом в 1739 году. Это дало мне возможность вспомнить пятилетнюю войну с Турцией при Императрице Анне Иоанновне — эпоху забытую и сравнительно мало разработанную военными историками. Труды же Масловского, Мышлаевского, Байова и Кочубинского, которые ею занимались, трудно доступны заграницей.

Люди XIX столетия, о которых я теперь пишу, не оставили, конечно, громкого имени в истории. Таких, как они, были тысячи, десятки тысяч, но они характерны для своей эпохи, и рассказать о них, мне кажется, стоит.

История любой семьи имеет свой социологический и исторический интерес. То, что я буду рассказывать — это в сущности история служилого дворянства в XIX веке. Я хотел бы показать на примере моей семьи, из каких людей это служилое, мелкопоместное дворянство составилось, как достигалось дворянское сословие, как подымались и опускались отдельные семьи на ступенях социальной пирамиды Русского государства и как это сословие участвовало в жизни и развитии России.

О периоде жизни семьи Колчак в Галиции и Подолии во второй половине XVIII века у меня нет точных данных. Будучи православными, военными по традициям и семейному укладу, происходя от бывшего подданного Оттоманской империи, они естественно служили в частях, сформированных из христиан — бывших турецких подданных: молдаван, волохов, арнаутов, как на территории Речи Посполитой, так и на окраинах, завоеванных Россией.

Во всяком случае, прадед адмирала, Александра Васильевича, — Лукьян Колчак, был сотником Бугского казачьего войска во времена Императора Павла и Александра I. Этот сотник, Лукьян, получил землю в надел в Ананьевском уезде Херсонской губернии, недалеко от Балты, Жеребкова и Кантакузинки.

Бугское казачье войско многочисленным не было. В 1803 году оно насчитывало 6,383 души мужского пола, но бугские военные поселения способствовали колонизации и развитию Новороссийского края. Отошедшие к России, после Ясского мира (1791 г.), степи Едисана, где до русских были лишь кочевья ногайских татар, заселялись переселенцами из соседних губерний, старообрядцами, болгарами и другими задунайскими народами. В это же время была основана Одесса, которая быстро развивалась, сперва при герцоге Ришелье, а затем при гр. Ланжероне (ему были подчинены Бугское и Черноморское казачьи войска) и при гр. Воронцове (впоследст. князе).

Собственно говоря, история Бугских казачьих полков и военных поселений по Бугу, а потом по Днестру, восходит к войне с Турцией 1769 года, когда кн. Радукан Кантакузен, русской службы полковник, присоединился вместе с гусарским Волошским полком,

сформированным им в Валахии, к армии Румянцева для участия в войне против турок.

Румянцев, потом Потемкин, образовали казачьи поселения и полки, носившие разные названия. Эти казаки участвовали во всех войнах с Турцией, а в мирное время держали кордоны по Бугу, Днестру и по берегу Черного моря.

Кн. Николай Радуканович Кантакузен (1763—1841) поступил на русскую службу в 1790 г. подполковником Екатеринославского казачьего войска, участвовал во взятии Измаила и во время Турецкой войны 1806—07 гг. был атаманом Бугского казачьего войска.

Служба Лукьяна Колчака, современника кн. Н. Р. Кантакузена, шла под его начальством, а потом под начальством атамана Ивана Кузьмича Краснова, убитого в 1812 г. при Бородино.

Впоследствии, в 1818 году, из Бугского казачьего войска сформированы были 4 Бугских уланских полка. О Бугском казачьем войске детально рассказывается в "Хронике Российской Императорской Армии", изданной в 1852 году. Вот краткая выписка из нее.

"В 1769 г. при начале войны между Россией и Оттоманскою Портою, многие из молдован, валахов, арнаутов и других живущих за Дунаем христианских народов, отложась от Турции, прибыли в русскую армию и в виде волонтеров, служили при ней, во все продолжение военных действий; по окончании же оных в 1774 г., перешли в пределы России и поселились на земле, отведенной им на левом берегу реки Буга, между нынешними городами Николаевым и Ольвиополем. В это же время, в соседстве с ними был поселен полк, составленный в продолжении упомянутой войны при армии генерал-фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского, так же из задунайских народов, и называвшийся Новонавербованным казачьим. Поселенцы сии в 1783 г. фельдмаршалом князем Потемкиным-Таврическим были опять употреблены па службу для содержания против турок кордонов по реке Бугу. В 1788 г. из них сформирован был полк, в 1.560 человек, названный Бугским казачьим и участвовавший во все время войны, бывшей тогда между Россиею и Турциею" (Т. V, стр. 88).

В 1792 г. присоединен был к тому же войску и польской королевской службы полк "Бугских верных казаков", после утраты Польшей ее юго-восточных окраин. Об этих польских Бугских казаках упоминает граф Бем де Косбан, служивший в 9-м уланском Бугском полку, в интересной статье, напечатанной в журнале "Часовой" (№ 261, апрель 1941 г.).

* *
*

У сотника Лукьяна Колчака было два сына; старший — Иван Лукьянович, унаследовал часть имения, но продав ее, купил дом в Одессе и поступил на гражданскую службу. У Ивана Лукьяновича было много дочерей и три сына, из которых старший, Василий Иванович, и был отцом адмирала,

Василий Иванович
КОЛЧАК
Отец адмирала
Из сборника портретов «Севастопольцы»,
изд. П. Ф. Рерберг, СПБ, 1903.

Василий Иванович Колчак родился в Одессе в 1837 году. Вот выписка из статьи о нем, напечатанной в "Военной Энциклопедии".

"В 1854 г. поступил на службу юнкером в морскую артиллерию. Во время Севастопольской кампании был отправлен конвоировать транспорт пороха в 1 тыс. пудов из Николаева в Севастополь. По сдаче пороха в Севастополе получил назначение на Малахов Курган, где состоял помощником командира батареи на гласиле около башни. 4 августа того же года, за сожжение фашин и туров, приготовленных французами для заложения ложементов перед гласисной батареей, на Малаховом Кургане, награжден знаком отличия Военного ордена. При последовавшем штурме Малахова Кургана 26 августа, был ранен, взят в плен французами и отправлен на Принцевы острова в Мраморном море. По возвращении из плена Колчак окончил курс в институте горных инженеров и был командирован на Уральские горные заводы для практических занятий металлургией".

С 1863 года он служил на Обуховском сталелитейном заводе. Там родился в 1874 году его сын — Александр Васильевич.

Василий Иванович был воспитан в Одессе в Ришельевской гимназии, где в те годы еще были живы маперы, традиции и методы преподавания и воспитания французских эмигрантов, основавших эту гимназию. Василий Иванович был большой франкофил По характеру он был человек сдержанный, с манерами —

по словам моей матери — французов-эмигрантов. Его склад ума был довольно иронический, и его сын, будущий Верховный Правитель, характером на своего отца походил мало. Гораздо больше влияния на него имела, повидимому его мать, о которой несколько слов будет сказано дальше.

Василий Иванович оставил ряд научных статей и "Историю Обуховского сталелитейного завода, в связи с прогрессом артиллерийской техники" (1894). Он также написал очерк "На Малаховом Кургане", переведенный и изданный на французском языке. Эти воспоминания его — живы и забавны. К французам, взявшим его в плен на Малаховом Кургане, он относится с большой симпатией и очень хвалит и их армию, и их офицеров того времени. Довольно понятно, что французское военное издательство охотно издало его труд. Василий Иванович издал еще, в 1904 году, к 50-летию севастопольской обороны, книгу "Война и плен".

Брат его, Петр Иванович, капитан 1-го ранга (1838—1903) был моряком — артиллеристом. Младший же брат, Александр Иванович, (1839—1911), — "красавец Колчак" — был тоже морской артиллерии генерал-майор. От него пошла средняя линия Колчаков — три поколения Александров Александровичей, помещиков Тамбовской губернии.

Мать адмирала Александра Васильевича, Ольга Ильинишна, была урожденная Посохова ("видный одесский гражданин" — по выражению де Рибаса, в его книге "Старая Одесса"). Посоховы из донских казаков. Старшая линия оставалась до революции в Ростове на Дону, а другая основалась в Одессе. Андрей Иванович Посохов был последним одесским городским головой; он был расстрелян большевиками в 1920 году.

Ольга Ильинишна, мать адмирала, была гораздо моложе своего мужа и умерла, когда ее сыну было 20 лет (1855—1894). Она, по словам моей матери, была "красивая казачка", спокойная, тихая, добрая и строгая. Воспитывалась она в Одесском институте и была очень набожна. В доме ее отца жили, как будто, "по-старинке". Александр Васильевич ее очень любил и на всю жизнь сохранил память о долгих вечернях, на которые он ходил мальчиком со своей матерью, в церковь, где-то недалеко от мрачного Обуховского завода, вблизи которого они жили по службе отца.

Александр Васильевич был очень верующий, православный человек; его характер был живой и веселый (во всяком случае до революции и Сибири), но с довольно строгим, даже аскетически-монашеским мировоззрением. У него были духовники монахи, и я слышал, как он, будучи командующим Черноморским флотом, навещал одного старца в Георгиевском монастыре в Крыму. Вероятно эти черты были в нем заложены его матерью.

Из семьи матери адмирала, его ближайшими родственниками и товарищами были два брата Посоховы: контр-адмирал Сергей Андреевич (1866—1935) и генерал-майор Андрей Андреевич (1872—1930). Как и адмирал, оба был участниками японской войны — первый был старшим офицером на крейсере "Олег", а второй — в 1904 г. начальником штаба Сибирской казачьей дивизии (был награжден "золотым" оружием). В войну 1914 года Сергей Андреевич, контр-адмирал, был начальником штаба командующего флотилией Северного Ледовитого океана (1916 г.), а Андрей Андреевич, в ту же войну, сперва командовал 92-м пехотным Печорским полком, потом был генерал-квартирмейстером 2-й армии и начальником штаба 12-й армии. Оба брата скончались в эмиграции в Париже.

Александр Васильевич Колчак возвратился из полярной экспедиции на Землю Беннета в Иркутск 6-го декабря 1903 г. и с разрешения Главного Морского штаба отправился в Порт-Артур в распоряжение командующего флотом Тихого океана, вице-адмирала Макарова. Он был сначала назначен вахтенным начальником на крейсер "Аскольд", потом артиллерийским офицером на минный транспорт "Амур", потом командиром эскадренного миноносца "Сердитый". Во время осады Порт-Артура он командовал 120 мм. и 47 мм. батареей вооруженного сектора Скалистых Гор, был награжден орденом св. Анны 4-й степ. с надписью "За храбрость", а впоследствии, уже вернувшись из японского плена, в 1905 г., пожалован за отличие под Порт-Артуром золотой саблей с надписью "За храбрость" и орденом св. Станислава 2-й степ. с мечами. Он тогда был в чине лейтенанта, в капитаны 2-го ранга произведен он был в 1908 году.

В Порт-Артуре был и его двоюродный дядя, тогда капитан 1-го ранга Александр Федорович Колчак, сын полковника Федора Лукьяновича, младшего брата деда адмирала. Эта младшая линия Колчаков особенно много понесла потерь. Александр Федорович, будучи контр-адмиралом в отставке, был арестован большевиками в Петербурге и, хотя потом отпущен, умер в глубокой нужде. Его сын, Александр, мичманом, отличившийся в Японскую войну на "Лейтенанте Буракове", погиб на "Енисее" в 1915 г. в Балтийском море. Брат Александра Федоровича, подполковник Петербургской полиции, Аркадий Федорович Колчак, был убит революционером в 1907 году, а сын его, Петр Аркадьевич, штабс-капитан, в гражданскую войну погиб в Киеве в 1918 г. при взрыве пороховых складов.

Выше было упомянуто, что отец адмирала, Василий Иванович Колчак, издал в 1904 году книгу "Война и плен". Так вот эти "война" и "плен" повторялись в его семье из поколения в поколение. Какой-то рок приводит старших сыновей его ветви быть вовлеченными в большие военные катастрофы. Как турецкий генерал, его пращур, был при разгроме турок под Ставучанами захвачен в плен в Хотине. Василий Иванович был ранен и взят в плен при штурме Малахова Кургана французами. Его сын, Александр Васильевич, контужен и взят в плен в Порт-Артуре японцами, а сын адмирала, Ростислав, мобилизованный во французскую армию в 1939 году, был взят в плен германцами с остатками 103-го пехотного полка 16

июня 1940 года, после боев, начавшихся на бельгийской границе и закончившихся на Луаре, при разгроме французских военных сил и взятия Парижа.

Так из рода в род повторяются и нашествия иноплеменников, из рода в род жены должны спасать детей из горящих городов, от бомбардировок, голода, грабежей, расстрелов... Повидимому разорение, бегство в чужие страны, изгнание, перемены подданства, языка и даже веры — явления нормальные...

***

В 1914 году, когда началась война, Александр Васильевич был флаг-капитаном по оперативной части штаба и был в море с первых же часов войны. Его жена и дети были в Либаве (сыну Ростиславу было тогда 4 года, а дочери Маргарите год). Порт был обстрелян германцами в первые же дни войны и эвакуация семейств морских офицеров прошла в довольно тяжелых условиях. Так Софье Федоровне пришлось спасать детей в первый раз. Маленькая дочка умерла в Гатчине в 1915 году, а сына пришлось вывозить за границу в 1919 г., после очень тяжелых переживаний в Крыму, где и самой ей приходилось скрываться от ареста.

О жене адмирала и моей матери стоит рассказать хотя бы коротко. Она была человек очень незаурядный и "сложной крови". Софья Федоровна родилась в Каменце-Подольске в 1876 году, где ее отец, действ. статский советник, Федор Васильевич Омиров, был начальником Казенной Палаты. Он был сыном подмосковного священника; учился в бурсе, потом на юридическом факультете Московского университета. Это был очень порядочный человек, хороший юрист, "маленький Сперанский", ученик и друг Каткова и академика Грота. Он был несомненно положительной фигурой эпохи реформ Александра II и царствования Императора Александра III. Будучи очень скромного происхождения и из духовного звания ,он своими моральными достоинствами достиг больших чинов и умер человеком нестарым, ожидая назначения на пост губернатора Подольской губернии, которой фактически управлял последние годы своей жизни.

Мать же Софии Федоровны была Дарья Федоровна Каменская — дочь генерал-майора Ф. А. Каменского, директора Лесного института и сестра известного скульптора Федора Федоровича Каменского. Среди своих предков Дарья Федоровна считала и барона Миниха, брата фельдмаршала, елисаветинского вельможу, и генерал-аншефа Максима Васильевича Берг, разбившего Фридриха Великого в Семилетнюю войну, учителя Суворова. Ее же собственный отец был воспитан своим дядей, генералом Григорием Максимовичем Берг (между прочим, контуженным и взятым в плен при Аустерлице). Все эти старые истории Дарья Федоровна не забывала и ее рассказы дочери дошли и до меня через записки моей матери.

Софья Федоровна Колчак была очень похожа на свою мать и повидимому унаследовала ее волевой и независимый характер. Воспитанная в Смольном институте, она была очень образована, знала семь языков, из которых французский, английский и немецкий превосходно. Проявила себя она несколько раз в жизни необыкновенно.

Будучи невестой в 1903 году, когда адмирал Александр Васильевич был в полярной экспедиции, она решила к нему поехать, и одна, девушкой 26 лет, проехала с Капри в Усть-Янск на Ледовитом океане. Для того времени это было довольно удивительно. Возвращаясь на собаках и на оленях из Верхоянска, Якутска в Иркутск, вместе со своим женихом, они в Иркутске узнали о начавшейся войне с Японией. Так как Александр Васильевич, вместо отдыха, после экспедиции, подал рапорт о назначении его в действующий флот, то их свадьба была в Иркутске. Из семьи мог приехать один Василий Иванович Колчак, и несколько дней после свадьбы Александр Васильевич уехал в Порт-Артур, а его жена со своим свекром вернулись в Петербург.

Софья Федоровна выехала из Росси с сыном в апреле 1919 г. во Францию. Уехать в Сибирь к мужу она уже не могла и осталась во Франции до своей смерти; она скончалась в госпитале Лонгжюмо около Парижа в 1956 году. Ей было немного меньше 80-ти лет.

В заключение я приведу последнее письмо, полученное Софьей Федоровной от своего мужа из Сибири. Оно замечательно и дает читателю верный образ погибшего адмирала — Верховного Правителя России.

Это письмо никогда еще опубликовано в печати не было. Оно пролежало почти 30 лет в запечатанном пакете, вместе с другими бумагами, в сейфе одного банка в г. По, и я получил эти бумаги только в феврале этого года. Там же хранился в футляре орден св. Георгия III степени адмирала.

***

ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ
И
ВЕРХОВНЫЙ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ
15 октября 1919 г. На реке Иртыш

Дорогая Соничка!

Перед отъездом моим из Омска в Тобольск я получил Твое письмо от 4—VI, а в пути в г. Тара встретился с В. В. Романовым (Владимир Вадимович Романов — морской офицер. Прим. Р. К.), передавшим мне Твое письмо от 8—VI.

Я возвращаюсь после объезда северного фронта из Тобольска в Омск на пароходе по Иртышу. Почти 2 1/2 месяца, с начала августа, я провел в разъезде по фронту. С конца августа армии начали наступление и после упорных и тяжелых месячных боев, отбросили красных на реку Тобол. Война приняла очень тяжелый и ожесточенный характер, осложняе-

мый осенним временем, бездорожьем и усиливающимися эпидемиями сыпного и возвратного тифа.

Трудно предсказывать будущее в гражданской войне, где можно ожидать более чем в какой-либо другой борьбе неожиданностей, но думается, что борьба затянется еще на много месяцев. Мы, т. е., кто вышел на нее, будем продолжать ее до окончательной победы, когда большевизм будет стерт с лица нашей Родины.

13-го октября исполнился год, как я приехал в Омск, намереваясь пробраться на юг к генералу М. В. Алексееву, и 7-го октября прошел год, как этот большой человек умер. На днях будет 11 месяцев, как я принял на себя крест Верховного Вождя и я, говоря об этом, говорю не фразу. Только те, кто имели такую Власть, как я, могут понять и оценить, что это такое.

11 месяцев прошли, как 11 часов или 11 лет — сказать трудно. Были часы, которые продолжались, казалось, без конца, были месяцы, промелькнувшие совершенно незаметно.

Не мне оценивать и не мне говорить о том, что я сделал и чего не сделал. Но я знаю одно, что я нанес большевизму и всем тем, кто предал и продал нашу Родину, тяжкие и вероятно смертельные удары. Благословит ли Бог меня довести до конца это дело — не знаю, но начало конца большевиков положено всетаки мною. Весеннее наступление, начатое мною в самых тяжелых условиях и с огромным риском, в котором я вполне отдавал себе отчет, явилось первым ударом по Советской Республике, давшей возможность Деникину оправиться и начать в свою очередь разгром большевиков на юге. Троцкий понял и открыто высказал, что я являюсь главным врагом Советской Республики и врагом беспощадным и неумолимым. На мой фронт было брошено все, что только было возможно и было сделано все, что можно было сделать, чтобы создать у меня большевизм и разложить армию. И эту волну большевизма я перенес и эта волна была причиной отхода моих армий вглубь Сибири. Большевики уже пели мне отходную, но "известия оказались несколько преувеличенными" и после ударов со стороны Деникина, облегчивших мое положение, я перешел опять в наступление. Ряд восстаний в тылу не остановил меня и я продолжаю вести беспощадную борьбу с большевиками, ведя ее на истребление, т. к. другой формы нет и быть не может.

Ты спрашиваешь меня об союзниках и внешней помощи с их стороны.

Я не буду много говорить об этом прежде всего потому, что я не доверяю никогда бумаге своих взглядов в таких деликатных вещах.

Скажу лишь, что все отношения на иностранной политике основанные, определяются успехом или неуспехом. Когда у меня были победы, все было хорошо, когда были неудачи — я чувствовал, что никто меня не поддержит и никто не окажет помощи ни в чем. Все основано только на самом примитивном положении — победителя и побежденного. Победителя не судят, а уважают и боятся, побежденному — горе! Вот сущность всех политических отношений, как внешних, так и внутренних.

Больше я на эту тему говорить не буду.

Мне странно читать в Твоих письмах, что Ты спрашиваешь меня о представительстве и каком-то положении своем, как жены Верховного Правителя. Я прошу Тебя уяснить, как я сам понимаю свое положение и свои задачи. Они определяются старинным рыцарским девизом Богемского короля Иоанна, павшего в битве при Кресси — "Ich diene". Я служу Родине своей Великой России так, как я служил ей все время, командуя кораблем, дивизией или флотом.

Я не являюсь ни с какой стороны ни представителем наследственной или выборной власти. Я смотрю на свое звание, как на должность чисто служебного характера. По существу я Верховный Главнокомандующий, принявший на себя функции и Верховной Гражданской Власти, так как для успешной борьбы нельзя отделять последние от функций первого.

Моя цель первая и основная — стереть большевизм и все с ним связанное с лица России, истребить и уничтожить его. В сущности говоря, все остальное, что я делаю, подчиняется этому положению. Я не задаюсь решить вопроса о всем том, что должно последовать за выполнением первой задачи; конечно, я думаю об этом и намечаю известные операционные направления, но в отношении программ я подражаю Суворову перед Итальянским походом и, перефразируя его ответ гофкригсрату, говорю: "Я начну с уничтожения большевизма, а дальше как будет угодно Господу Богу!"

Вот и все. Таким образом, я прошу Тебя всегда руководствоваться этими положениями в отношении меня.

Во внешних отношениях, особенно с иностранцами, надо помнить, что я глава непризнанного правительства и я поэтому держу себя крайне официально с представителями иностранных держав, памятуя, что последние были одно время готовы признать Ленина и Троцкого, как законных "демократических" глав Российской Социалистической Республики.

Я солдат прежде всего, я больше командую, чем управляю, я привык по существу приказывать и исполнять приказания. Когда Родина и Ее благо потребуют, чтобы я кому-либо подчинился, я это сделаю без колебаний, ибо личных целей и стремлений у меня нет и своего положения я никогда с ними не связывал. Моя сила в полном презрении к личным целям и моя жизнь и задачи всецело связаны с указанной выше задачей, которую я считаю государственной и необходимой для блага России. Меня радует все, что способствует этой задаче, мои печали лежат только в том, что препятствует ее осуществлению. Все остальное временно имеет второстепенное значение и даже никакого значения не имеет. Я знаю,

что Ты не поймешь и не разделишь моего отношения ко всему, что не связано непосредственно с моей службой Родине.

У меня почти нет личной жизни, пока я не кончу или не получу возможности прервать своего служения Родине.

Ты пишешь мне все время о том, что я недостаточно внимателен и заботлив о Тебе. Я же считаю, что сделал все, что я должен был сделать. Все, что я могу сейчас желать в отношении Тебя и Славушки, чтобы вы были бы в безопасности и могли бы прожить спокойно вне России настоящий период кровавой борьбы до Ее возрождения. Ты не можешь ни с какой стороны, кроме уверенности моей в безопасности и спокойной жизни Твоей за границей, помочь мне в этом деле. Ваша будущая жизнь и в переносном и в прямом смысле зависит от исхода той борьбы, которую я веду. Я знаю, что Ты заботишься о Славушке и с этой стороны я спокоен и уверен, что Ты сделаешь все, что надо, чтобы воспитать его до того времени, когда я буду в состоянии сам позаботиться о нем и постараться сделать из него слугу Родины нашей и хорошего солдата. Прошу Тебя положить в основание его воспитания историю великих людей, т. к. примеры их есть единственное средство развить в ребенке те наклонности и качества, которые необходимы для службы и особенно так, как я ее понимаю. Я много говорил с Тобой об этом и полагаю, что Ты знаешь мои на этот предмет суждения и мнения.

Относительно денег я писал, что не могу высылать более 5.000 фр. в месяц, т. к. при падении курса нашего рубля 8.000 фр. составят огромную сумму около 100.000 руб., а таких денег я не могу расходовать, особенно в иностранной валюте.

Из моего письма Ты усмотришь, что никакой роли в смысле представительства и приемов не только не требуется исполнять, но, по моему мнению, она недопустима и может поставить Тебя в очень неприятное положение. Прошу быть крайне осторожной во всех случаях, разговорах и встречах с иностранными и русскими представителями. Господь Бог сохранит и благословит Тебя и Славушку. До свидания. Целую Тебя и Славушку.

Твой Александр

---

20 октября 1919 г. Омск.

Дорогая Соничка.

Я продолжаю свое письмо, т. к. курьер во Францию уезжает только на днях и я могу еще поговорить с Тобой. За последние дни на фронте идут тяжелые кровавые бои и я скоро опять туда отправляюсь.

Идет борьба на жизнь и смерть и эта ставка для большевиков последняя. Не знаю, чем окончится эта фаза больших операций. Есть слухи о взятии Петрограда, но пока только слухи — от Юденича пока подтверждений нет.

Повидимому большевикам в Европейской России приходит конец и они теперь будут усиливать свой натиск на мой фронт в Сибири.

О себе мне говорить много не приходится. Я, или на фронте, или в своем кабинете в Омске, зачастую не имея в течение дня 1/2 часа свободных от работы. Все развлечения сводятся к довольно редким поездкам верхом за город, да к стрельбе из ружей — я последнее время почему-то полюбил это занятие. У меня есть несколько верховых лошадей; как главнокомандующий, я должен перед войсками появиться верхом, недавно генерал Нокс подарил мне канадскую лошадь.

Часто мне приходится работать одному по ночам в своем кабинете, и я завел себе котенка, который привык спать на моем письменном столе и разделять со мной ночное одиночество.

Только что меня прервали от письма докладом о положении на фронте — очень серьезно и мне надо сейчас заняться рядом распоряжений. Приходится кончать письмо, чтобы завтра утром его отправить. Когда оно прийдет к Тебе, не знаю.

Еще раз обращаю Твое внимание на осторожность, с которой следует относиться к письмам на мое имя. Они могут всегда попасть в чужие руки и читаться посторонними.

Прошу не забывать моего положения и не позволять себе писать письма, которые я не могу дочитать до конца, т. к. я уничтожаю всякое письмо после первой фразы, нарушающей приличие. Если Ты позволяешь слушать сплетни про меня, то я не позволяю Тебе их сообщать мне. Это предупреждение, надеюсь, будет последним.

Пока до свидания.

Твой Александр.

Дорогой милый мой Славушок.

Давно я не имею от Тебя писем, пиши мне, хотя бы открытки по нескольку слов.

Я очень скучаю по Тебе, мой родной Славушок. Когда-то мы с Тобой увидимся.

Тяжело мне и трудно нести такую огромную работу перед Родиной, но я буду выносить ее до конца до победы над большевиками.

Я хотел чтоб и Ты пошел бы, когда вырастишь, по тому пути служения Родине, которым я шел всю свою жизнь. Читай военную историю и дела великих людей и учись по ним, как надо поступать — это единственный путь, чтобы стать полезным слугой Родине. Нет ничего выше Родины и служения Ей.

Господь Бог благословит Тебя и сохранит, мой бесконечно дорогой и милый Славушок. Целую крепко Тебя Твой папа.

(Конец)

Редакция "Военно-Исторического Вестника" приносит глубокую признательность Ростиславу Александровичу Колчаку за позволение впервые опубликовать в печати эти интересные письма своего отца, ярко рисующие личность Верховного Правителя России и положение в Сибири в конце октября 1919 года; они имеют большую историческую ценность и несомненно являются новым вкладом в материалы по истории гражданской войны в Сибири. (Ю. Т.).

Шведский дипломат о Суворове

(Из неопубликованного документа, хранящегося в Государственном архиве в Стокгольме)

Все донесения, рапорты и депеши шведских дипломатов хранятся в Государственном архиве в Стокгольме. Среди этих бумаг находится, между прочим, донесение секретаря шведской миссии при Дворе Императрицы Екатерины II, Иоганна Пеннингса, прибывшего в октябре 1790 года в Петербург, т. е. тогда, когда закончилась недавно шведско-русская война и был подписан, так называемый, Верельский мирный договор.

Помимо подробного донесения о своих первых впечатлениях от русской столицы и петербургского общества секретарь миссии Пеннингс описывает в своем рапорте и его встречу с Суворовым.

Первым выездом Пеннингса в петербургский свет был большой званный обед у графа П. В. Завадовского. На этом обеде, данном 9 марта 1791 г. в честь князя Потемкина, присутствовал почти весь дипломатический корпус, были высшие сановники и многие заслуженные лица. Это происходило в богатом особняке графа П. В. Завадовского, принадлежавшем прежде, по словам Пеннингса, графу Панину (следовательно это был тот дом, выходящий на Большую Морскую и на Мойку, который впоследствии, до 1917 года, принадлежал министерству иностранных дел. В. М.).

Пеннингс, отмечая великолепие этого обеда, говорит о многочисленной нарядной прислуге, о роскошной посуде и о бесчисленном количестве всевозможных яств и вин.

"Бал, ужин, иллюминация", — пишет Пеннингс, — "все было грандиозно. Но великолепнее всех был конечно князь Потемкин, в честь которого давался вечер. Он был великолепен в полном смысле этого слова. На нем я заметил пуговицы из драгоценных камней и богатейшую, украшенную бриллиантами, шпагу, которую ему пожаловала Императрица. Одним словом, я никогда в своей жизни не встречал более блестящего и более увешанного драгоценностями человека. Но на лице его временами появлялись признаки неудовольствия и многие уже заметили, что он трижды принимался грызть ногти — дурное предзнаменование, отразившееся на лицах, окружавших его персон.

Еще одно лицо обращало на себя всеобщее внимание — это был генерал Суворов, герой Рымника и Измаила.

Мой мундир его сильно заинтересовал. Он подошел ко мне, обнял меня, как будто я тоже взбирался на крепостные стены, штурмуя Измаил, и задал мне несколько вопросов относительно моего мундира.

Мои объяснения дали ему повод заговорить о короле, об его храбрости и об его присутствии духа, какие он проявляет всюду и при всяких обстоятельствах, как это было при прорыве шведской эскадры из Выборга и потом при Свенсксунде. Об Измаиле же и о своем успехе там он говорит в выражениях очень умеренных и скромных. По его словам, у него не было другого выбора, как решиться на штурм, и успех был достигнут единственно благодаря тому, что судьба и случайность пожелали это сделать.

Пока он беседовал со мною, мимо проходил генерал Герман; он его подозвал и представил его мне, говоря, что я вижу перед собою покорителя Кубани, добавляя при этом самые лестные отзывы на его счет.

"Все мы только карлики по сравнению с вами", — ответил на это генерал Герман. Затем Суворов обнял находившегося тут же офицера, раненного под Измаилом

В общем Суворов совсем не показался мне тем безумцем, каким я его представлял себе, судя по рассказам других. Конечно, "объятия" при нашем первом знакомстве выходят из рамок светских правил, но мне кажется, что это свидетельствует скорее о наличии избытка благодушия, нежели об умственной неуравновешенности, какую ему все здесь приписывают. Правда, в его внешности есть что-то необычное и очень странное. Он весь был увешан орденами, причем звезды были расположены по всей длине его мундира..."

Это донесение из Петербурга, написанное на французском языке, датировано 10—12 марта 1791 г.

Сообщил *В. Н. Матвеев*

От редакции. — *Судя по дате приведенного выше документа, пребывание Суворова в Петербурге в 1791 году относится к тому моменту, когда там же был князь Потемкин. Известно, что после взятия Измаила, что произошло 11 (22) декабря 1790 года, между Суворовым и Потемкиным создались весьма натянутые отношения. Напомним вкратце рассказ о причине этой размолвки.*

Когда Суворов, после взятия Измаила, приехал в Яссы к Потемкину, "великолепный князь Тавриды", довольный этим свиданием, спросил его: "Чем могу я наградить вас за ваши заслуги?" — "Ничем, князь", отвечал Суворов: "я не купец и не приехал торговаться с вами. Кроме Бога и Государыни никто наградить меня не может". Потемкин переменился в лице, замолчал и пошел в зал. Там Суворов подал ему строевой рапорт. Потемкин холодно принял его, и они, сделав оба несколько шагов по зале, расстались, не говоря ни слова.

Этот рассказ, основанный на устном предании, упоминается почти всеми биографами Суворова, причем один из последних биографов добавлят: "Это была его (т. е. Суворова. Ю. Т.) последняя встреча с князем Таврическим" (К. Осипов. Суворов. 3-е издание. Ленинград, 1947, стр. 124). Из публикуемого выше донесения Пеннингса, однако, видно, что Суворов и Потемкин оба были 9 марта 1791 г. на парадном обеде у графа П. В. Завадовского. Какова была их встреча там — мы не знаем.

Донесение Пеннингса интересно и в другом отношении. Свидетельство шведского дипломата о том, что до своей встречи с Суворовым этот последний представлялся ему в его воображении человеком "безумным", как ему о том рассказывали почти все, а затем, после личного знакомства с Суворовым, это ложное представление у Пеннингса исчезло — очень показательно. Молва о "безумии" Суворова, не распространялась ли в этот момент особенно интенсивно в угоду всемогущего и честолюбивого князя Потемкина, который не простил того оскорбления, какое Суворов нанес ему недавно в Яссах? С точки зрения людей XVIII века, когда зачастую служебная карьера зиждилась всецело на "покровительствах" сильных мира сего, поступок Суворова не мог быть объяснен иначе, как безумием или сумасшествием, когда вместо угодливой лести Суворов стал в резкую оппозицию Потемкину. Объявить "безумцем" неугодного человека — это в духе XVIII века...

Несмотря на краткость приведенных выше сведений о Суворове, донесение шведского дипломата является очень ценным документом и редакция горячо благодарит В. Н. Матвеева за его интересное сообщение. Ю. Т.

Воспоминания курьера генерала Врангеля

Н. КАМЕНСКИЙ (1921—1924)

(Продолжение см. № 12)

Нельзя сказать, чтобы все мои путешествия проходили гладко. Пришлось и "посидеть" и пережить несколько неприятных моментов.

Первая неприятность произошла на небольшой железнодорожной станции в Турции. Я возвращался из Константинополя в Белград и спокойно дремал в своем купэ, как вдруг в него вошел французский офицер в сопровождении жандарма (он догнал нас на скором поезде "Ориент—Экспресс", который на этой станции обогнал наш поезд). Проверив мои документы, офицер назвал себя: он оказался инспектором специальной полиции и предложил мне сойти с поезда со всем моим багажом, который он в помещении вокзала вскрыл и бегло прочитал всю корреспонденцию, не исключая и частных писем генерала Врангеля к его жене, проживавшей в то время в Венгрии. Он мне сообщил, что лично я свободен, но всю почту он арестовывает. Так как обратного поезда в этот день не было, нам пришлось просидеть на этой станции всю ночь, и лишь на следующий день мы вернулись обратно в Константинополь. Я немедленно отправился в наше посольство и доложил об этом инциденте нашему послу Нератову. Последний, я знаю, заявил протест, в результате чего часть почты ему вернули через два дня, а часть оставалась долгое время задержанной.

В это время в Болгарии вспыхнула железнодорожная забастовка, и мне было предложено вернуться в Белград через Салоники. Я сел на пароход Триестинского Ллойда "Африка" и в результате проделал прекрасное морское путешествие по Мраморному морю. Затем мы заходили в Дедеагач и Кавалду, где пароход долго грузился табаком.

Меня предупредили, что в Греции, особенно в Салониках, очень рискованно оставлять багаж на хранение, и поэтому я с пристани прямо проехал через грязный и пыльный город на не менее грязный вокзал и вечером сел в поезд, отходивший на Белград.

Перед отходом поезда на каждую площадку вагона стали, один-два, вооруженные русские офицеры, которые на мой вопрос, что означает их присутствие здесь, ответили мне, что они являются охраной пассажирских поездов от грабежей разбойничьих банд, которыми полна эта горная местность около Салоник. Конвой этот сопровождал ежедневно поезда в оба конца.

Вторая неприятность случилась позже в Болгарии. Возвращаясь из Константинополя, я, как обычно, на сутки задержался в Софии и попал в очередной политический переворот. Правительство Стамбулийского пало и власть перешла в руки левых. Я ужинал у нашего военного представителя, генерала Ронжина, у которого в этот вечер собралась компания поиграть в карты. Среди присутствующих находился и начальник болгарской полиции, к которому генерал Ронжин обратился с таким вопросом: "Ведь вы не будете чинить препятствий к переезду через границу нашему курьеру?" На это начальник полиции заверил генерала, что он никаких распоряжений по этому вопросу не получал и что я могу свободно продолжать свой путь. Прощаясь же со мной, генерал Ронжин сказал мне: "Не верю им и поэтому ограничусь самой малой почтой".

Я благополучно выехал из Софии. На вокзале меня, как всегда, провожал некто Герман. Этот Герман носил форму русского солдата, вернее, санитара, и делал на вокзале много одолжений не только мне, но и многим беженцам, проезжавшим через Софию. Всегда очень услужливый, он был незаменим в тех случаях, когда нужно было достать билет на поезд, место в вагоне, комнату в гостинице и проч., причем всякий раз отказывался от каких-либо вознаграждений. Это ставило меня в необходимость привозить ему какие-нибудь подарки. По моей же просьбе генерал Врангель наградил его серебряной медалью с надписью "За усердие", которую Герман носил с гордостью.

Как-то в одну из моих поездок Герман, провожая меня на вокзал, просил моего разрешения снять мою фотографию в окне вагона, что и исполнил. Эта фотография до сих пор хранится у меня.

Доехав до границы (ст. Драгоман), я был арестован болгарским полицейским в штатском платье. Его сопровождал некий г-н Гайкин, русский, о котором говорили, что он бывший морской офицер и ныне служит у большевиков. Перерыв все мои вещи, но не тронув дипломатической почты, полицейский забрал у меня рубашку, двести французских франков и плитку шоколада. Этот болгарский страж порядка забрал также несколько бриллиантов, которые мне дала одна знакомая дама в Белграде с просьбой продать их в Константинополе, и которые я вез обратно, так как продать их там не удалось. Я заявил Гайкину мой энергичный протест относительно этих бриллиантов, указывая, что эти вещи не мои, и в результате переговоров Гайкина с полицейским, последний вернул их мне, присвоив себе все остальное.

Поздно вечером меня доставили обратно в Софию, где привезли в помещение градоначальника и заперли в его кабинете. Там я провел трое суток, сильно страдая по ночам от громадного количества насекомых. Я был в отчаянии от неизвестности и от невозможности дать знать генералу Ронжину о моем аресте. На третий день моего заключения (меня отпускали обедать и ужинать в ресторан в сопровождении жандарма) в кабинет неожиданно вошел начальник болгарского генерального штаба, который на чистом русском языке (он окончил курс Николаевской Военной академии в Петербурге), расспросил меня о причине и подробностях моего ареста и обещал оказать полное содействие и взять меня под свою защиту. На следующий день меня вызвали на допрос в Главный Суд, где предъявили обвинение в том, что я, будучи арестован, дал полицейскому взятку — двести франков — за то, чтобы меня отпустили. Я рассказал всю правду, и все дело этим и окончилось. Меня доставили на вокзал и в сопровождении жандарма отправили до границы. Небольшая почта, что я вез с собою, как мне помнится, была мне возвращена.

Через месяц я опять спокойно проезжал через Софию, но Германа уже на вокзале не видел, как ни в тот раз, так и в мои последующие поездки. Мне стало ясно, что мой арест был не без его участия и снятая им фотография лишь облегчила ему эту задачу.

Третья задержка в пути произошла, очевидно, по ложному доносу. Прибыв из Берлина на ст. Суботица (сербская граница), я был довольно грубо арестован сербским жандармом, который вынес из вагона мои чемоданы на перрон и пригласил следовать за ним. Кто-то в штатском подверг меня самому тщательному обыску, а затем приступил к осмотру моих чемоданов. На мое несчастье, на самом верху одного из них лежало несколько советских газет, продажа которых в Сербии была запрещена, но в Германии они продавались свободно. Эти газеты посылались регулярно в разведывательное отделение штаба генерала Врангеля и обычно они были в дипломатической почте, а те, что попались взору производившему осмотр моих вещей, были доставлены мне в самый последний момент и не попали в "дипломатическую вализу". Меня сразу же обвинили в принадлежности к большевикам, и я понял, что дело серьезное. На вопрос, кто меня знает в Югославии, я промолчал о моей дружбе с королевичем Александром, но ответил, что знают меня и генерал Врангель и наш посланник. Не могу сказать, убедительны ли были мои ответы, но все же, не тронув почты, они отправили меня в сопровождении жандарма в Сремски Карловцы, где мое алиби было сразу же доказано.

Но этим дело не кончилось. В тот же день, адъютант генерала Врангеля, Н. Н. Ляхов, который ехал в поезде из Сремски Карловцы в Белград, подвергся обыску и допросу, причем жандарм ставил ему в вину то, что он ехал под вымышленной фамилией, т. е., что он на самом деле Каменский, а не Ляхов...

На следующий день я пил чай у генерала Врангеля и рассказывал ему про свой арест на ст. Суботица. В это время вошел его денщик и доложил генералу, что прибыли сербские жандармы для моего ареста. Видя, что это недоразумение еще не окончилось, генерал Врангель попросил генерала Климовича отправиться в Белград и разобрать, в чем дело. Меня же генерал просил не выезжать из Сремских Кар-

ловцев. Через три дня все выяснилось. Генерал Климович мне рассказал, что в Белграде были получены сведения, которые сообщали, что я опасный коммунист, готовящий покушение на жизнь генерала Врангеля, вследствии чего было отдано приказание о моем аресте не только на пограничные пункты, но и во все гостиницы.

После переезда разведывательного отделения штаба в Париж мои поездки совершались лишь по линии Париж — Сремски Карловцы — Белград и обратно (через Вену и Будапешт). Дорога эта была много легче, так как был прямой поезд из Парижа до Белграда.

Насколько большевики интересовались почтой, которую мне приходилось возить, служит следующий факт. Как-то раз во дворе нашего посольства в Париже ко мне подошел какой-то человек и, назвав мою фамилию, сообщил мне, что у него есть ко мне дело и для переговоров он просит меня зайти с ним в ближайшее кафе. Так как физиономия его мне не внушала доверия, я отказался от этого приглашения, предложив ему здесь же сказать, в чем заключалось его дело. А заключалось оно в следующем. По словам этого субъекта, одна "правая" организация (какая именно, он не может сказать), очень заинтересована перепиской генерала Миллера с генералом Врангелем и предлагает мне одолжить на одну ночь (конечно, за хорошее вознаграждение) всю почту, с тем условием, что все печати останутся в полной сохранности. Я категорически отверг это предложение, но мой собеседник все же настаивал на этом и назначил мне свидание в тот же вечер в каком-то кафе. Я доложил обо всем этом генералу Миллеру, предложив обмануть эту правую организацию путем передачи ей совершенно невинных и специально для этого изготовленных бумаг, но генерал Миллер, посоветовавшись с полковником Архангельским, отклонил мое предложение на том основании, что это очень опасно, так как большевики могут в таком случае сами положить компрометирующие документы и передать их французскому правительству с целью дискредитировать "белые" военные организации. Да и самый факт, что курьер генерала Врангеля "продал" доверенную ему почту, не говорил бы в нашу пользу. Были приняты лишь меры, чтобы оградить меня от всякого посягательства на дипломатическую почту. Я прибыл на вокзал без нее, а она была доставлена мне туда и уложена в чемодан уже в вагоне поезда.

(Конец)

Знаменательный 50-летний юбилей

ВЛАДИМИР фон РИХТЕР

Исследование, озаглавленное "Русская военная медалистика" (напечатанное в №№ 9—14 "Военная Быль", 1954—1955), очутилось в библиотеках Государственного Эрмитажа в Петербурге и в Государственного Исторического музея в Москве. Комментируя эту работу, хранитель нумизматического отдела Эрмитажа, маститый археолог И. Г. Спасский, обратил, между прочим, внимание на следующее мое предположение (в конце введения к вышеупомянутой статье), что "...в Советской России, повидимому, исследование нумизматики императорской эпохи еще под *запретом*". (Под "нумизматикой", в данном случае, я подразумевал наградные медали). И. Г. Спасский отпарировал следующим образом: "...эрмитажная коллекция, возможно, и не имеет чего-либо, но несомненно это самое полное собрание в мире(*), в том числе и наградных медалей. Могу утверждать, что за все годы существования Эрмитажа никогда в нем не велась такая интенсивная и плодотворная работа над медалями императорского периода, как в годы 1921—1942, когда ими занимался А. А. Ильин, не знавший никаких "запретов". Не многое, что он не успел кончить, так же беспрепятственно делал я, а теперь этим занимается Е. С. Щукина..."

Затем следует его компетентный приговор о вышеупомянутой статье: "...прекрасное исследование, не оценить его нельзя". Впоследствии выяснилось, что медальные фонды обоих указанных музеев выражаются в пятизначных цифрах и их история разрабатывается (включая сложную категорию нагрудных знаков) несмотря на перегруженность работой музейных сотрудников. Но о печатных исследованиях на эти темы слышать еще не пришлось... Известно также, что среди частных коллекционеров родной старины — не мало собирателей русской военной медалистики императорской эпохи и в Москве они объединены в Общество.

И вот, несколько дней тому назад, мой мюнхенский друг, тоже медалист, прислал мне на просмотр машинопись на 28 страницах, озаглавленную следующим образом: "С. Г. Плотичер. Военное прошлое дореволюционной России в орденах и медалях. Ориентировочный ценник-каталог. Москва 1960 г.".

"Введение" копирую дословно: "Как и живые

(*) Тут будет уместно указать следующее: по получении в Эрмитаже труда покойного А. А. Стаховича, с описанием нескольких сот собранных им "петровских" медалей (см. мою статью в № 15 "Военного Ист. Вестника"), И. Г. Спасский выяснил, что *только одна медаль*, повидимому, отсутствует в собрании этого музея. (В. Ф. Р.).

люди, вещи, окружающие нас, — картины, статуи, мебель, фарфор, старинные документы и предметы, имеют свою жизнь, свою историю. И, естественно, что значительное число любителей родной русской старины собирают и сберегают, тем самым, предметы, связанные с гражданской или военной историей нашей родины, и в том числе, и дореволюционные знаки отличия. Эти знаки, на первый взгляд, могут показаться весьма неинтересными и скучными. Но стоит только вникнуть в смысл этих кружков или крестиков, чтобы перед нами раскинулись неизданные страницы далекого прошлого, "преданья старины глубокой", исполненные полного интереса и жизни, ибо где только не был русский солдат — защитник отечества: взбирался он на дикие кручи Альп и Памира, переплывал широчайшие реки Европы и Азии, раскладывал свой бивак у Бранденбургских ворот и в долинах Италии, защищал Севастополь, Москву и, прославленную в веках, Шипку. Да, и в бездушном порой, металле заложены дорогие воспоминания о подвигах и горестях, о днях веселых и печальных, пережитых сообща нашими предками. "Берегите картины, статуи, здания — это воплощение духовных сил Ваших и предков Ваших, не трогайте ни одного камня! Охраняйте памятники, здания, старинные документы! Все это — Ваша гордость, Ваша история! (Горький)".

Каждый собиратель старины, будь он молодой или старый, академик или рабочий, нуждается в литературе, где, наряду с историческими сведениями, столь нужными каждому, были бы приведены и ориентировочные цены того или иного экземпляра, приобретаемого в коллекцию или отдаваемого в обмен, но, к великому сожалению, за истекшие почти пятьдесят лет не издано ни одного ценника-каталога. В настоящей небольшой статье, на основании имеющейся литературы, указывается примерная стоимость наградных дореволюционных знаков отличия, связанных с военным прошлым России. Одновременно, описывается на каких орденских лентах носились знаки, и степень редкости экземпляра. Перечень орденских лент: 1) Святого апостола Андрея Первозванного, 2) Святой Екатерины, 3) Святого благоверного князя Александра Невского, 4) Военного ордена св. великомученника Георгия Победоносца, 5) Святого равноапостольного князя Владимира и т. д. — всего описаны 23 ленты в их цветах, включая 6 "соединенных" (комбинированных), ленты Андреевского флага ,св. Иоанна Иерусалимского, государственных и национальных цветов и несколько иностранных".

Оставив в стороне суждение об этом, скажем, симпатичном "Введении", укажу, однако, на кое-что в нем туманное... Ведь заглавие каталога начинается словами: "*Военное* прошлое...", а немного ниже говорится уже о "гражданской или военной истории"; далее автор упоминает о "*Неизданных* страницах далекого прошлого" (?!). В конце "Введения" читаем: "...но, к великому сожалению, за истекшие пятьдесят лет *не было издано* ни одного ценника-каталога" и тут же: "...на основании *имеющейся* литературы..." Чувствуется разногласие...

Стр. 4—28 каталога заняты перечислением 439 "знаков отличия", однако среди них мы встречаем: памятные — настольные медали, односторонние медальоны и медали, плакат, жетоны русские и иностранные; описаны еще наградный знак л. гв. Волынского полка 1917 г. и отличия эпохи Временного правительства, которые к сувенирам "дореволюционной России" отношения не имеют.

Но самый существенный недостаток, по моему мнению, этого каталога, заключается в том, что почти во всех случаях ,автор не указывает на "день рождения" данного экземпляра, т. е. оригинален ли он (современен ли событию и эпохе), или это обыкновеннейший "новодел"? Ведь в дореволюционной России (а может быть и после революции) Монетный Двор чеканил по заказам, на сохранившихся в архиве Монетного Двора штемпелях, любые медали и "отличия", в любом металле, но наградные для ношения чеканились без ушков (хотя это правило, для имевших "плечи", не всегда соблюдалось). Вот несколько примеров: № 1—2, *овальные*, с ушками, в серебре и бронзе, медали за победу под Калишем 1706 г. Каждый, маломальски "ориентированный" собиратель должен знать, что это — оригиналы или фантастичные и типичные новоделы, вымышленные в царствование Императрицы Екатерины II, чеканившиеся впоследствии сотнями... Оригинальные — *круглые* наградные медали на то же событие (в моем собрании они были из коллекции Великого Князя Георгия Михайловича), в кругозор автора не попали? Но в Эрмитаже они есть...

Затем, "офицерская" полтавская медаль, диаметра 51 мм., в каталоге значится и в серебре, и в бронзе, между тем "оригинал" чеканился только в золоте, диаметром 49 мм.; следовательно и в этом случае описан несомненный "новодел".

Подобных примеров в каталоге много. Не всегда правильны "наименования" отличий: например, № 86 "за взятие Праги" 1794 г., солдатская медаль. Это отличие должно именоваться "за 2-ю инсуррекционную войну с Польшей", ибо ею награждены были все нижние чины, участвовавшие в этой войне (включая взятие Праги). № 118 — датирована "1812 г." — "Союзные России"; почему эта любопытная медаль занесена в серию "Отечественной войны"? — Нет, она была учреждена лет на 6 ранее и наименование ее гласит: "Для старшин северо-американских диких племен", и диаметр оригинала — 37 мм., а в каталоге — 40 мм. "Новодел"?.. № 295 — "за службу при Императоре Александре II" (1881 г.); такой медали, с подобным наименованием — нет, правильное наименование гласит: "*Присутствовавшим* при покушении на Императора Александра II". № 392 — наименование неправильно, в действительности — "За службу при Императоре Николае I 1825—1885", а утверждена она была в самом начале царствования Императора Николая II. и т. д.

Надо отметить изрядное количество пропущенных отличий, может быть они пока не встречались автору? Но это всегда может случиться в будущем... Для примера назовем — "За взятие Шлиссельбурга", 1702 г. (два замечательных экземпляра находятся в Английском Национальном Морском музее), или "петровские" отличия, именующиеся "Наградные золотые на разные случаи", ок. 1702 г. А столь красивая медаль, как "На нынешний военный случай", 1769 г., с полуразрушенной мечетью в Царьграде (быв. храм св. Софии), коей *предполагалось* награждать союзных греков после взятия Константинополя... — А "За службу и храбрость", ок. 1790 г.? Неужели автору не встречалась восьмиугольная серебряная медаль 1803—1806 гг. за кругосветное плавание "Надежды" и "Невы" под командой Крузенштерна? Он же тогда доставил в Нагасаки *коронационные* медали Имп. Александра I, чеканенные с ушками, со специальным назначением...

В каталоге значатся прусские медали 1813—1815 гг., а почему пропущены, той же эпохи, "союзнические" — австрийский крест, медали ганзейская, баварская, саксонская и прочие? Также пропущен "Знак отличия за беспорочную службу" (для офицеров — на георгиевской ленте); отличия Военного ордена для не христиан (с двуглавым орлом); Кульмский и Железный кресты и т. д. Эти и многие другие пропущенные отличия гораздо более интересны для собирателя *"военного* прошлого", чем медали "На учреждение Воспитательного дома" или "За оспопрививание", или "За прекращение чумы в Одессе", "В память открытия Кильского канала", "25-летия церковно-славянских (?) школ" (таких, кстати, не было, а были школы церковно-приходские...) и так далее.

Теперь приступим к исследованию главной, по мысли автора, цели этой "юбилейной", занимательной работы — "ценника" (это слово заимствовано из польского языка?), необходимого для собирателей источника ориентировочных цен, примерной стоимости "дореволюционных знаков отличия, связанных с военным прошлым России" и "с указанием степени их редкости".

Все "отличия" (числом 439) поименованы в ценнике в хронологическом порядке; данные о них находим в 10 вертикальных столбцах. В 1-м — порядковые номера, во 2-м — даты, в 3-м — наименование и степень его редкости, в 4-м и 5-м — "назначение", т. е. — медаль или крест, в 6-м — лента, на которой носится знак, в 7-м — диаметр в мм., в 8-м — металл знака, в 9-м и 10-м — стоимость знака в 1912 и в 1959 г. Эти 439 отличий, по степени их редкости, разделены на четыре категории: 1) "РРР" — скажем — "чрезвычайно редкие", 2) "РР" — "очень редкие", 3) "Р" — "редкие", и 4) все прочие — не редкие, без "Р". Казалось бы, что цены должны были бы быть в прямой зависимости от степени редкости, тем более — от уверенности: "оригинален" ли данный экземпляр, или это — "новодельный"? Посмотрим, так ли это?

1-я категория состоит из трех "чрезвычайно редких" отличий: № 34 — серебряная медаль 1771 г. "За оказанные в войске заслуги", с ушком (припаянным?), диам. 44 мм., цена 200 руб. (в 1912 г. — нет); № 35 — такая же медаль, но без ушка, цена 150 руб. Эта медаль, как и почти все круглые наградные второй половины XVIII в. — типичный "наградной рубль", одного и того же диаметра 39 мм., следовательно, указанный в каталоге диаметр (44 мм.) свидетельствует, что обе медали "новоделы" (но очень ранние, ибо ни в одном источнике XIX в. эта медаль не описана). Третья медаль этой категории — № 90 — серебряная медаль "За храбрость", с вензелем Императора Павла I; автор встречал ее в разных диаметрах, с ушком — цена 300 руб. (не могу судить о них, ибо никогда о них не слыхал).

II категория имеет 25 "очень редких" отличий: № 8 — *серебряная* офицерская "За победу при Полтаве", 1709 г. (ушко?), диам. 51 мм., цена 160 руб. (в 1912 г. — 10 руб.), но "оригинал" этой медали чеканился только в золоте и диаметр ее 49 мм... "новодел"? № 10 — серебр. "За морскую победу при Гангуте", с ушком (припаянным?), 1714 г., диам. 51 мм., цена 160 руб. (далее буду ставить в скобках только цену в 1912 г.: 15 руб.). Нам известны две наградные за эту победу: а) золотая, диам. 33 мм. и б) серебр. 41 мм. (а две настольных имеют диам. 69 мм. и 61 мм.); следовательно описанная в каталоге медаль вызывает сомнение. № 10-а — золотая медаль "За победу при Гренгаме", 1721 г., диам. 51 мм., цена 400 руб. (нам известны следующие наградные за эту победу: золот. и серебр., диам. 41 мм. и золотые 37 и 27 мм.; настольная " 61 мм.) — мы опять сомневаемся... Это — самая дорогая, согласно этому "ценнику", медаль. По 300 руб. оценены два офицерских золотых креста: № 67 "За взятие Измаила" и № 83 — "За взятие Праги" (цен 1912 г. — нет). Если эти кресты не "новоделы", то не в 1-й ли категории им место? От 250 до 150 руб. оценены 5 отличий: № 46 — серебр., за Кинбурн (5 руб.), № 47-а, сер., "За верность", 1787 г., (Нет); № 79 — золотой жетон за Ясский мир; № 82 — серебр., "Чукчам", 1791 г. (нет) и № 359 — серебр. офицер-крест, с "кораблем", за защиту Порт-Артура (нет); наконец, остальные 15 оценены от 100 до 25 руб., среди них выделяются: № 89 — "Донат", серебр., 1799 г. (нет); № 114 — бронз. ополченский крест Имп. Александра I (5 р.); № 118 — серебр., "Союзные России", № 295 — серебр., присутствовавшим при покушении на Импер. Александра II, 1881, (5 руб.); № 315 — серебр., экипажам "Варяга" и "Корейца"; № 359 — *пробная* бронз. медаль, 1904—05 гг., с надписью в 4-х словах: "Да вознесет вас Господь".

III категория — "редких" — содержит 83 отличия, оцененных от... 300 до 2 рублей! Пять отличий оценены от 300 до 200 руб.: № 55 — золотой офи-

церский крест за взятие Очакова — 300 р.; № 100 — такой же крест за Прейсиш—Эйлау — 300 р.! № 110 — такой же крест за Базарджик — 300 р.! Вот загадка? Цвет нашей военной медалистики, одинаково — редчайшие, одинаково — недооцененные, в I категорию не попали, во II два, а в III — три. Моральная-то оценка их какова?! Ведь ими награждались те офицеры, которые не имели достаточного "веса" (в смысле протекции в штабах главнокомандующих) и не были удостоены ордена св. Георгия или св. Владимира; эти золотые кресты впоследствии "неглижировались", беспощадно растопливались, и уцелели в минимальном количества. За рубежом, только один такой *оригинальный* крест украшает богатый, спасенный музей л. гв. Казачьего Его Величества полка, а в коллекции Вел. Кн. Георгия Михайловича были золотые... "новоделы". Может быть в рассматриваемом "ценнике" тоже описаны "новоделы"?...

Продолжаем просмотр III категории. По 200 руб. оценены: № 102 — опять Пр.-Эйлаусский золотой крест (но без ушка); № 251 — золотая медаль "За храбрость" I степ. времени Имп. Александра II и № 252 — та же медаль 2-й степ. От 150 до 100 р. вкл. — № 11 серебр., наградная. Ништадтский мир 1721 г. (три золотых — диам. 38, 29 и 26 мм. — составителю не попадались?); № 239 — золотая медаль в память освобождения крестьян, 1861 г.; № 6 — серебр., солдатская, медаль, за Полтаву, 1709 г., 51 мм. (диам. *оригинальной* — 41 мм.!) — (10 р.); № 9 — серебр. "За победу при Вазе", 1714 г. (опять диам. 51 мм., а не 40 мм.?); № 28 — серебр., Чесменская, 1770 г., с ушком (6 руб.); и тут диам. 51 мм., а не 39 мм. оригинальной...; № 156-б — серебр., "За усердие" и № 157 — серебр. "За спасение сограждан", обе времени Имп. Александра I; № 23 — серебряная (?!) — депутатам комиссии, 1766 г. (эта-то медаль чеканилась только в золоте!!); № 25 — серебр. Кагульская, 1770 г. (5 р.) — тут диам. 41 мм., а оригинал — 39 мм.?! № 60 — серебр., За взятие шведской батареи, 1789 г. (5 р.); № 68 — серебр. (?!) офицерский крест за Измаил; № 84 — серебр. офиц. крест за Прагу (?!).

Из настольных — серебр. Гангутский плакат (1714—1914) — № 410 (96×50). Далее упомянем № 86, серебр. солдатск. 4-х-угольная медаль за 2-ю Польскую войну — 70 р. (5 р.)...; № 91 — сер. медаль За Ганжу — та же цена. Обе сер. медали за Шведскую войну 1809 г. — по 50 р.; в той же цене сер. солдат. медаль за Базарджик (5 р.). По той же цене: № 269 (сер., за службу в полиции при Имп. Александре II; № 352 — порт-артурская сер. медаль — от французов); № 356 — порт-артурский бронз. крест для нижних чинов; № 406 — серебр. крест для духовенства в память 300-летия Дома Романовых и т. д.

Остальные 328 "отличий" в категорию "редкостей" не попали. Просмотрим их. Настольные "петровские" (1700—1721) оценены по 25 р. в бронзе и до 125 руб. в серебре. Мобилизационная медаль 1914 г. в *серебре* (в наше время они чеканились только в бронзе)... "За особые воинские заслуги", о которой там создалась легенда; она, мол, жаловалась Семеновцам за командировку в Москву в 1905 году! А правда гласит: учреждена эта медаль позже, в 1909 году, и награждались ею немногие инженерные части за возведение укреплений на берегах Финского залива...

Не считаю нужным упоминать о явных бронзовых новоделах многих наградных медалей. Обращают внимание высокие цены на разные "фрачные" (миниатюрные) медальки, а также отмечу спрос на разнообразные жетончики, как русские, так и иностранные (Лаэровские): на кончину имп. Николая I (прусские), эпохи Крымской войны, и Турецкой 1877—78, Скобелевские, коронационные Имп. Александра III и Имп. Николая II, 200-летия Петербурга, 200-летия Полтавы, 100-летия Отечественной войны, 300-летия Дома Романовых, Русского Нумизматич. общества 1914—15 гг., и т. д.

Описаны односторонние медальоны с изображениями Имп. Александра I и Его Супруги, Кутузова, Витгенштейна, Платова и др. (столь "модные" после Отечественной войны 1812 года!), также прекрасные медали работы гр. Ф. Толстого 1812—1815 гг. и 1828—29 гг., и т. д.

"Ценник-каталог" 1960 г. имеет совершенно особое значение и над ним следует задуматься каждому, кто действительно серьезно собирает и изучает памятники отечественной военной истории, в частности ее нумизматику, и пожелаем будущим подобным изданиям появиться в свет в более совершенном виде.

Дабы иметь приблизительное понятие о стоимости нумизматических памятников в России, я применил "туристическую" котировку: 1 англ. фунт ст. равен 28 рублям.

**
*

Только что нам доставлен отзыв весьма компетентного лица о частных собирателях нынешней России. Этот беспристрастный ученый, много лет занимающий ответственный музейный пост, конечно, не коллекционер, но по своим служебным обязанностям состоит с ними в непосредственной связи, и его многолетний опыт привел его к следующему выводу: "нынешние лидеры собирательства не очень радуют и порою приводят в уныние своей бескрылостью и самонадеянностью; но среди рядовых любителей переписка открывает порою очень приятных и симпатичных людей, чуждых стяжательству и поэтически относящихся к своему увлечению".

Георгиевский праздник

9 декабря (26 ноября по старому стилю) — знаменательный день для всех служивших когда-либо в старой (Императорской) русской армии.

День этот был общественным праздником всех частей, награжденных за боевые отличия георгиевскими знаменами и штандартами, георгиевскими трубами и георгиевскими петлицами, и всех офицеров и нижних чинов, заслуживших по статуту орден св. Георгия, золотое (георгиевское) оружие и солдатские георгиевские кресты (знаки отличия военного ордена).

Во всех гарнизонах, как столичных, так и провинциальных день этот отмечался парадами, на которые выносились георгиевские знамена, штандарты и украшенные георгиевскими лентами серебряные трубы. В С. Петербурге георгиевский праздник до 1913 года праздновался особенно торжественно, в Высочайшем присутствии. Георгиевские знамена и штандарты, сопровождаемые знаменными ротами в пехоте и знаменными взводами в кавалерии, относились в Зимний дворец, где происходил парад, которым командовал один из высших военных начальников, имевший орден св. Георгия и который принимал Верховный Вождь армии. До 1906 года этими парадами командовал Великий Князь Владимир Александрович, награжденный за русско - турецкую войну 1877—1878 гг. орденом св. Георгия 3-й степени, а после 1906 года — Великий Князь Николай Николаевич, имевший за ту же войну орден 4-й степени. На параде и Высочайшем выходе в Зимнем дворце присутствовали все генералы, штаб и обер-офицеры, имевшие орден св. Георгия, золотое оружие и знак отличия военного ордена и нижние чины — георгиевские кавалеры — частей петербургского, петергофского, царскосельского и гатчинского гарнизонов. Офицеры приглашались особыми пригласительными билетами гофмаршальской части, а нижние чины находились в строю своих знаменных рот и штандартных взводов.

Прибывшие во дворец офицеры собирались в Исторической галерее 1812 года, куда выходил Царь, обходивший кавалеров и подававший каждому из них руку. На правом фланге кавалеров ордена св. Георгия становился ,опиравшийся на палку, старейший георгиевский кавалер в русской армии инженер-генерал Рерберг(1). А на правом фланге офицеров, имевших знак отличия военного ордена — командир л.-гв. Драгунского полка граф Ф. А. Келлер, бывший ординарец Скобелева, награжденный крестами 3-й и 4-й степени.

После обхода Царем "именинников", офицеры под звуки преображенского марша, попарно шли в Георгиевский зал, где войска отдавали им честь. За кавалерами шел Государь. Из дворцовой церкви к поставленному по середине зала аналою выходило духовенство во главе с петербургским митрополитом. После молебна и окропления знамен войска проходили перед Царем церемониальным маршем.

На этом оканчивалась первая часть торжества. Генералы и офицеры получали приглашение явиться к 7 часам вечера в Зимний дворец на парадный обед, а нижние чины тотчас после парада собирались в Народном Доме Императора Николая Второго. В огромном зале Народного Дома накрывался белоснежными скатертями длинный ряд столов, на которых ставились тарелки и кружки с изображениями государственного герба, георгиевского креста и вензеля Императора. Перед столами собиралось до 2.000 георгиевских кавалеров: седобородных дворцовых гренадер в исторических кафтанах и медвежьих шапках, ветеранов турецких войн в сюртуках Измайловской богадельни и съезжавшихся со всех концов России отставных нижних чинов. На георгиевский обед в Народном Доме могли приезжать из провинции все желающие кавалеры знака отличия военного ордена, и уездные воинские начальники были обязаны выдавать им "литеры А" для бесплатного проезда по железным дорогам. Немногие из них были в военной форме, большинство в пиджаках и поддевках, но на груди каждого сверкали георгиевские кресты и медали в память тех войн, в которых они участвовали. Приезжавший в Народный Дом Государь здоровался с кавалерами и выпивал за их здоровье чарку водки, после чего приглашал своих гостей отведать его хлеба-соли. После отъезда Царя начинался пир. Кавалеров обносили водкой, а на столе стояли жбаны с квасом, пивом и медом. Обед состоял из кулебяки, щей, жареного и сладкого пирога. А после обеда, по издавна установившемуся обычаю, каждый кавалер завязывал в салфетку свой прибор — тарелку и кружку, — унося его на память о царском обеде.

В седьмом часу в Зимний дворец съезжались приглашенные к царскому столу генералы и офицеры. Кроме георгиевских кавалеров, никто из сановников и придворных к высочайшему столу в этот день не приглашался. Перед каждым прибором лежало художественное меню и карточки с чином и фамилией приглашенного. Государь занимал место за одним из круглых столов, накрытых на шесть персон каждый. Во время обеда Царь оживленно разговаривал с сидевшими за его столом кавалерами, а когда по бокалам разливалось шампанское, вставал и пил за здоровье присутствующих.

После обеда гости переходили в соседнюю гостиную, куда подавались кофе и где Государь еще раз обходил георгиевских кавалеров, прощаясь с ними.

---

(1) Инженер-генерал П. Ф. Рерберг (1835—1912) был награжден золотым, бриллиантами украшенным оружием в 1878 г. в войсках, действовавших на Кавказе. (Прим. редакции. Ю. Т.).

Пишущий эти строки, до первой мировой войны шесть раз подряд участвовал на георгиевских праздниках и присутствовал 26 ноября на обедах в Зимнем дворце. Ни в одной иностранной армии не было подобных праздников. За границей все военные торжества являются строго официальными. Наши же георгиевские праздники, несмотря на их парадную сторону, отличались народным характером и истинно демократической простотой. Не только столица, где каждый петербуржец считал своим долгом выйти 26 ноября на Невский проспект или Дворцовую площадь полюбоваться знаменными ротами гвардейских полков и приветствовать по окончании обеда в Народном Доме выходивших из него кавалеров, но и в провинциальных городах и деревнях соседи и односельчане поздравляли и угощали своих георгиевских кавалеров.

Никогда больше праздники эти не повторятся и скоро память о них исчезнет, ибо через несколько лет никто из георгиевских кавалеров в живых не останется. И теперь в Нью-Йорке кавалеров ордена и георгиевского креста, если не ошибаюсь, осталось всего несколько человек — члены "Бригады стариков". Но и в эмиграции георгиевский праздник пока отмечается скромными торжествами, что является заслугой немногих русских людей, помнящих былую славу своей армии. Правда, на устраиваемых в эмиграции георгиевских праздниках, как и на других военных торжествах, многие старые обычаи и даже уставы (как например, порядок выноса знамен и штандартов и случаи, когда можно выносить эти воинские святыни) забыты и заменяются нововведениями. Но здравствующих чинов русской императорской армии осталось так мало, а остальные эмигранты знают об этих обычаях только по наслышке. Поэтому никого в таких нововведениях обвинять не приходится и можно только лишь пожелать, чтобы проходившие службу в рядах старой армии, пока они еще живы, исправляли всякие искажения воинских уставов. Пожелаем, чтобы в русской эмиграции как можно дольше сохранилась память о нашей старой армии и также ее обычаях, как георгиевский праздник.

***

Эта статья за подписью Н. Вороновича появилась в газете "Новое Русское Слово" 22 декабря 1959 года в номере 17078, издаваемой в Нью-Йорке. Я получил письменное разрешение от редактора напечатать эти интересные воспоминания в "Военно-Историческом Вестнике". (А. О.).

Сообщил *А. Обручев*

Воспоминания морского врача

Я. КЕФЕЛИ

(Продолжение)

Одна блестящая мысль по оборудованию будущего театра военных действий на море, возникшая в штабе, должна быть отмечена. Не знаю, кому она принадлежала, но полагаю, что молодому флаг-капитану 2 ранга А. А. Эбергардту, которому тогда верили и на которого надеялись. Я знаю о ней случайно. Все это запомнилось мне хорошо только потому, что на почве подготовки этого плана, мы чуть не погубили наш же боевой корабль и сами только чудом спаслись от гибели. Я опишу не только замечательный план, задуманный в окружении высшего морского начальства, но и избегнутую нами беду.

В сентябре 1903 года, в период выполнения программы обширного маневренного обучения, группа в 5 или 6 миноносцев была послана адмиралом Старком в архипелаг мелких островов Элиот, расположенных между нашим Ляодуном и Кореей. Потом оказалось, что причиной этой экспедиции была какая-то тревога военно-политического характера и какие-то широкие планы по оборудованию театра военных действий на море.

Я плавал тогда на эскадренном миноносце "Безпощадный", командиром которого был лейтенант Сергей Долгобородов, любимец всей эскадры, живой, общительный, умница и любитель "крепких питей"... "Безпощадный" вошел в группу миноносцев, посылаемых на острова Элиот, а командир его, Долгобородов, как старший в чине, стал начальником этой группы. Случайно и я, как его "пассажир", оказался участником этой экспедиции.

От порта Артура до архипелага Элиот часов 5 — 6 экономического хода. Мы вышли около полудня и прибыли к вечеру.

На одном из этих островов, в несколько верст в диаметре, была замечательная бухта. Ее называли Торнтон. По своей обширности и глубине, говорили тогда, бухта эта могла бы вместить в себя огромный флот. Несколько извилистый, но короткий вход в глубокую бухту Торнтон был маскирован невысоким горным берегом. Бухта была совершенно защищена от ветров и давала флоту того времени невидимость и безопасность. Население жило несколькими хуторками по берегу. Вероятно это были рыбаки.

Какие инструкции были у Долговородова, точно не знаю; может быть, я позабыл. В те далекие времена секреты не так сугубо хранились. Все офицеры флота знали чаяния и мысли своих начальников, особенно на миноносцах.

Во всяком случае, по прибытии в бухту Торнтон, мы выбрали на острове вершину, наиболее высокую и по-

ставили там пост сигнальщиков с флажками и фонарями для дневного и ночного семафора. Было строго приказано: хорошо следить за горизонтом и о каждом замеченном судне, военом, коммерческом и даже джонке сообщать на старший эскадренный миноносец, который занял позицию у самого выхода из бухты в море. Остальные миноносцы расположились в глубине бухты.

Мы пробыли в этом архипелаге около 3-х — 4-х недель, все время проявляя активность. Часто всем отрядом, или миноносцы в одиночку, выходили в обход соседних островков. Весь остров вокруг бухты Торнтон мы обошли пешком. Делали какие-то промеры глубин и т. д.

Так как я плавал у начальника группы, то при общительности Долгобородова и его любви поговорить, все мы жили его интересами и заботами. В такой глуши иначе и быть не могло. Уж тогда сам Долгобородов и все морские офицеры оценили значение всего архипелага Элиот и особено бухты Торнтон для наших морских сил на Дальнем Востоке.

Из бесед в кают-компании "Безпощадного" с Долгобородовым помню, что острова Элиот, как ближайшие к порту Артур, должны стать форпостом Артура. Бухта же Торнтон, естественная и природой укрепленная гавань, может упростить осуществление этой настоятельной задачи, став его аванпортом, т. е. второй нашей укрепленной базой в Желтом море.

Видимо и адмирал Старк и его молодой флаг-капитан 2 ранга Эбергардт были подобного же мнения об этих островах и об этой замечательной бухте, ибо у Долгобородова было секретное предписание, в котором ему было предписано зорко следить, чтобы ни один японский корабль — ни военный, ни коммерческий — не смел подходить к водам этого архипелага, считавшегося нашим внутренним стратегическим рейдом. А каждого, кто посмеет это сделать, без разговоров... пустить ко дну! Для мирного времени — очень серьезно...

На почве этой инструкции чуть не произошло большое несчастье. Когда мы стояли на ночном дежурстве у входа в бухту Торнтон, сигнальщики с поста на верхушке горы стали фонарями сигналить:
— Идет корабль с огнями, направляясь к острову.

Так как острова Элиот находились в стороне от обычных морских торговых путей, Долговородов считал возможным, что идет военный японец с огнями, прикидываясь купцом. Как старший, он сигналом приказал остальным миноносцам следовать за ним. Мы стояли под парами и быстро вышли в море навстречу огням, идущим со стороны моря.

Ночь была совершенно темная, безлунная. Скомандовали боевую тревогу, зарядили пушки и минные аппараты по-боевому, поставили их на траверз и вынули предохранительные чеки. Сами мы, конечно, были без огней. Я стоял на мостике рядом с командиром и был свидетелем его действий, его суждений и его колебаний.

Мы сходились быстро. Противник, несомненно, нас не видел, ибо ночь была совершенно темная, и мы старались чтобы у нас из труб не вылетали искры, могущие нас выдать.

Встречный корабль шел не только с бортовыми огнями, но, как большие пассажирские пароходы, с освещенными иллюминаторами своего высокого юта. Он держал курс прямо на вход в бухту Торнтон.

Согласно инструкции Долгобородов обязан был принять военные меры. Но он знал, что это будет началом войны и что он на свою совесть должен взять такую страшную ответственность. Не понимая, что перед ним и чтобы исключить возможность, что это свой же русский, случайно зашедший в запретную зону, Долгобородов решил дать секретный опознательный сигнал, полученный им от адмирала, когда мы выходили из Артура с этим поручением.

Мы продолжали сближаться. Если не последует ответа на позывные, командир решил тотчас пустить мину, чтобы не подвергнуться той же опасности со стороны противника. Комендоры и минеры у пушек и минных аппаратов стали "на товсь".

— Дать секретные позывные, — скомандовал командир.

На клотике мачты у нас засветился яркий огонек, мигнул несколько раз и погас. Мы замерли в ожидании ответа. Встречный корабль идет и не отвечает.

Все взволновались, не смея проронить слова. Я с тревогой смотрю на едва заметный в темноте силуэт командира и окружающих его двух-трех матросов и вахтенного лейтенанта.

— Не верю, чтобы это был неприятель, говорит взволнованный Долгобородов.

Прошла еще минута.

— Повторить позывные! скомандовал командир.

На мачте опять засверкали огоньки.

Опять никакого ответа. Встречный корабль медленно движется вперед, как бы не обращая никакого внимания на наши сигналы.

Пользуясь преимуществом в ходе, Долгобородов решил еще сблизиться и обойти супостата с кормы. Мы обогнули противника и пошли параллельным с ним курсом. Нас не могли не заметить. Сомнение все возрастало. Вооруженный корабль, да еще японский, в наших водах исключительного стратегического значения не может вести себя с такой беспечностью.

— Дать сигнал по международному коду, приказал Долгобородов.

Через минуту мы получили ответ:

— Минный транспорт "Енисей"...

Оказалось, что "Енисею" не дали того секретного опознательного сигнала, который был дан Долгобородову, несмотря на то, что "Енисей" вышел в море на несколько дней позже нас. На "Енисее" было четыреста мин заграждения. Эффект такого взрыва, в случае нашей минной атаки, был бы в десять раз больше, чем при гибели "Петропавловска" и гибели "Хатсузе". Погиб бы не только "Енисей", но, вероятно и мы все — 5 — 6 эскадренных миноносцев — нахо-

дившиеся в непосредственной к нему близости в этих пустынных водах глухого угла Желтого моря.

Плохо организованный штаб на флоте, на этот раз только напугавший нас, потом, с началом войны был причиной не одной беды. Крейсер 2 ранга "Боярин" погиб от подобной же причины.

**
*

В маленькой кают-компании "Безпощадного" был один молодой мичман, очень старательный и очень интересовавшийся своим делом, барон Миргбах, немец, говоривший по-русски с большим акцентом. Я его любил и очень уважал. Окруженный справочниками на всех европейских языках, он всегда охотно знакомил меня с морским делом. Все мнения о бухте Торнтон и об архипелаге Элиот особенно развивались им. Вот почему в столь четкой ясности запомнился мне этот важный план неизвестного автора.

Наши изыскания по осуществлению этого плана происходили за четыре месяца до начала войны. Конечно, власти не успели развить и реализовать интересную идею об аванпосте и аванпорте Артура. Однако, что-то, видимо, делалось в этом направлении.

Все участники морского сражения у Порт-Артура 27 января 1904 года охотно вспоминуют, как после ухода японского флота, со стороны моря на горизонте появился дым. Все вскоре узнали в нем небольшое портовое судно "Силач", буксир, которым командовал лейтенант Балк, всему флоту известный и любимый матросами силач. Все были удивлены, как Балк разошелся с японцами и заинтересовались, откуда он шел и почему оказался в море? Вскоре выяснилос, что Балк возил уголь в бухту Торнтон для миноносцев.

Но было уже поздно. И бухтой Торнтон и углем воспользовался неприятель...

**
*

По возвращении из Иокогамы в свои воды двух броненосцев с адмиралом Старком в феврале 1903 г., началась усиленная подготовка к боевым функциям. Ежедневные учения на судах сменили стрельбы в открытом море. Заключительным актом были эскадренные эволюции, которые закончились эскадренным десантом у Талиэванских берегов.

Осенью же 1903 года состоялись недельные маневры всего флота под наблюдением Наместника.

На "Пересвете", где плавал я, не проходило дня без массовых учений по тревоге или сигналу, в которых принимает участие весь экипаж, до единого человека. Непрестанно изо дня в день следовали один аврал за другим: то боевая тревога, то отражение минной атаки, то "человек за бортом", то подведение пластыря под воображаемую пробоину, то десант, а то просто — "всех наверх, с якоря сниматься", или "караул, офицеры и команда во фронт" — идет катер с адмиралом.

Я начал службу на "Забияке", корабле устарелом, служившим яхтою Наместника. С боевой стороной флота я познакомился на "Пересвете".

Опишу кратко боевую тревогу, тогда меня поразившую, как акт подлинной активности Тихоокеанской эскадры к ожидаемой войне с Японией, а, может быть, и с.. Англией...

**
*

Там-там,там-там,
Трата-та, трата-та,
Та-та, та-та, тата-тата,
Тата, тата, та-а-а...

вдруг заиграли горнист с барабанщиком, и сию же секунду начался по всему кораблю звон колоколов громкого боя. И пошло...

Топот бегущей команды над головой моей каюты. Суетливая беготня по корридорам офицеров, моих соседей по каютам. Командные крики. Суета вестовых, задраивающих в офицерских каютах иллюминаторы по боевому. Появление в корридорах между каютами трюмных, которые спешно принимаются за какие-то невидимые до сих пор механизмы: прокладка пожарных шлангов, опробование помп и т. д.

Меня, молодого человека в ту пору, поражала серьезность в лицах всего персонала, начиная от командира судна до последнего кока, когда вдруг среди полного спокойствия неожиданно раздавался резкий тревожный звук красивого сигнала, по мелодии своей точно отражающего крайнюю спешность и тотчас же за ним страшный звон электрических колоколов.

Все исполняли команды бегом, перепрыгивая через все препятствия, засовывая на ходу руки в рукава.

Вдруг новый сигнал горниста:

Тра-та-та-та-та-а-а... (Открыть огонь).

Дается якобы залп: открываются затворы орудий, вытаскиваются ранее вставленные фальшивые снаряды. По потолочным рельсам подкатываются новые снаряды, которые беспрерывной вереницей подаются из глубоко лежащих бомбовых погребов — вагонетка за вагонеткой.

Задраиваются наглухо особыми зажимами стальные двери. Корабль разделен на ряд небольших несообщающихся частей, чтобы до максимума сохранить плавучесть судна в бою.

Проворство, смышленность и большие технические познания матросов меня удивляли.

Трюмный механик в самой глубине судна производит какие-то манипуляции затоплением одних секторов и откачиванием других между непроницаемыми переборками различных отсеков корабля. В каждом трюме свой трюмный квартирмейстер производит свои маневры.

На верхнем мостике почти никого не видно. Все перешли в бронированную боевую рубку.

К завтраку боевое учение кончается. Опять сигнал горниста:

Трата-тата-та,
Трата-тата-та... (Отбой)

Убрались, помылись, идем завтракать.

Самыми значительными актами в боевой подготов-

ке экипажей боевых судов были стрельбы в открытом море и на большом ходу по подвижным и неподвижным щитам. Стрельбы эти производились и на контргалсе. В одну из таких стрельб, помню, и я с "Пересвета" на утреннем рассвете разнес из 75-миллиметровой пушки щит, который буксировал крейсер I ранга "Варяг".

Стрельбы эти были опасными для корабля буксирующего щит; производились они на близком расстоянии. Опыт же войны показал потом, что никакого практического значения они не имели. Корабли, вооруженные дальнебойной артиллерией, стреляющей на 12 миль, никогда так не сближаются.

Самой интересной была стрельба из башенных орудий, каждый снаряд которых весил до 25 пудов. Перед такой стрельбой снимали со стен все зеркала и перекладывали их тюфяками. Прятали бьющуюся посуду, люстры и прочее. Человеческое ухо почти не могло переносить звуковых потрясений от таких выстрелов, особенно в закрытых помещениях с металлическими стенами, потолками и полами. Часто с залпом из башни с шумом распахивались, как форточки, тяжелые стальные двери, задраенные специальными затворами.

На каждом броненосце были устроены боевые операционные, оборудованию которых мог позавидовать самый фешенебельный хирургический госпиталь. После двух-трех залпов своей же артиллерии все это расшатывалось; стекляные осколки и эмалевая краска сыпалась на операционный стол, на пол и на персонал. Мы, врачи, а я впервые, убедились, что ни блестящее оборудование операционной, ни сама операционная во время боя не нужны, мало того — это западни, из которых нельзя выбраться и медицинскому персоналу, а главное, скопившимся и снесенным туда раненым, в случае пожара или в случае крена. В этом была и боевая опасность: корридоры очень узкие, по которым везли на потолочных рельсах снаряды беспрерывно почти лентой из боевых погребов, забивались ранеными и мешали боевой функции броненосца.

Во время боя надо диссеминировать и убирать раненых в сторону от батарей и проходов и лишь готовить их к эвакуации или, что ужаснее, приготовиться со спасительными поясами бросать их за борт в случае угрозы гибели коробля. Хирургическая же помощь должна ограничиваться только готовыми повязками на месте.

Тогда, я, новичек, впервые заинтересовался боевой стороной медицинского дела на флоте. В дальнейшей моей службе я посвятил много труда этого сорта вопросам и в свое время почитался специалистом (1).

После ряда стрельб и эволюций в Желтом море (это было в конце лета 1903 года) эскадра двинулась от мелких островов, расположенных между Кореей и Ляодуном, вновь к китайским берегам.

В серый день, при спокойном море, мы приблизились к пустынному берегу, севернее бухты Далянван. Эскадра выстроилась в линию фронта против отлогого берега и полным ходом направилась к нему. На флагманском корабле, где держал свой флаг вице-адмирал Старк, взвился сигнал: "Произвести эскадренный десант".

На всех судах 1 и 2 ранга начался аврал. В 3—5 минут спустили паровые катера и все гребные суда и, минут через 10, эскадра из сотни мелких судов, в сопровождении миноносцев, двинулась к берегу, на ходу выстраиваясь в порядок, сообразно сигналам с катера начальника десанта, кап. I ранга Яковлева, командира эскадренного броненосца "Петропавловск" (впоследствии адмирал и начальник Главного Морского штаба).

На паровых катерах, шедших впереди эскадрильи, были установлены десантные пушки на колесах. В те времена пулеметы только вводились во флоте, их было мало. В десант шло около двух-трех тысяч человек.

Когда малая эскарилья была на половине пути, большая эскадра через наши головы открыла огонь из больших орудий (конечно, холостой!) для прикрытия десанта от угрожающего с берега противника.

Я с фельдшером, санитарами и снабжением шел на командирском вельботе с "Пересвета". Все были в высоких сапогах, а офицеры, врачи, кондукторы и фельдфебеля с палашами.

Вся масса шлюпок (шестерок, восьмерок, баркасов, вельботов) и паровых катеров, двумя-тремя параллельными рядами выстро приближалась к берегу. Из малых пушек, установленных на носах больших баркасов и катеров, начался обстрел воображаемого супостата, отражающего нас с берега. Мы стреляли с азартом и часто. В этой маленькой плавучей армии были все роды оружия, необходимые для действий на суше: два-три батальона матросской пехоты, артиллерия, влекомая матросами на лямках, подрывные партии минеров, маленькое интендантство, команды для санитарной службы, служба связи с сигнальщиками и проч. Запасов еды не было. Не было и палаток для ночлега. Десант был расчитан, как бы, на несколько часов.

Первая линия нашей эскадрильи, подойдя вплотную к суше вдруг разразилась громовым "ура", которое передалось на всю десантную флотилию. Шлюпки и катера утыкались в песчаное дно берега. Матросы с необычайной быстротой стали бросаться с носа и бортов шлюпок в воду, держа ружья над головой и потрясая воздух задорным криком "ур-ра-а-а..." И по-

(1) Уже после войны, служа в Управлении Главного Санитарного Инспектора Флота, Я. И. Кефели написал большую работу: Потери в личном составе русского флота в боевых действиях в войну с Японией 1904—05 гг. Санитарный отчет по флоту за русско-японскую войну 1904—05 гг. Части I и II. Кронштатд, 1915. Ныне эта книга — библиографическая редкость. III-я часть этого труда, бывшая уже в печати, как и значительное количество экземпляров издания 1915 г., погибли в Кронштадте во время революции (Ю. Т.).

бежали вглубь берега, взяв ружья наперевес. Кондукторы и офицеры были впереди с высоко поднятыми палашами.

Порывистое движение десанта подкреплялось стрельбой большой эскадры. После морской пехоты высадилась десантная артиллерия и создала несколько батарей за буграми в прибрежных канавах.

Потом начались какие-то маневры уже на суше, более организованные. Вся крошечная армия стала продвигаться равномерно в глубину острова, развернувшись широким фронтом. После получасового маневра заиграли отбой.

Мы, врачи, бывшие в десанте, собрались группой. Одетые по-боевому на пустынных берегах Желтого моря мы ожидали обратной посадки, курили, потчивали друг друга папиросами из модных в то время серебряных портсигаров, усеянных золотыми подписями бывших соплавателей, болтали о происшествиях дня и беспечно обсуждали маневр с нашей точки зрения, придя к заключению, что десант этот делался нашим начальством, как тогда выражались "для номера"... Да и к чести личного состава молодого офицерства того времени этот маневр и тогда почитался детской игрой. Это все прекрасно понимали, но все же ревностно исполняли эти десантные маневры.

(Продолжение следует)

К 200-летию взятия Берлина русскими в 1760 году

Как известно, войскам, участвовавшим во взятии г. Берлина 28-го сентября 1760 года, были пожалованы серебряные трубы, как отличие за военные подвиги, прежде в Российской армии не существовавшее. Пожалованы они были девяти пехотным полкам и трем кавалерийским. Интересно отметить, что во всех этих полках надписи на этих трубах, пожалованных за одно и то же дело, не были одинаковы.

Сравнивая тексты этих надписей по такому официальному документу, как "Хроника Российской Императорской Армии, составленная по Высочайшему повелению", СПБ. 1852 и по другим, исправленным впоследствии "Хроникам", видно, что одни надписи коротки, другие более подробны, а иные весьма пространны. Есть варианты и в расстановке слов начертания даты.

Вот тексты этих надписей по полкам, получившим за взятие Берлина серебряные трубы.

Выборгский пехотный полк — "ЗА ВЗЯТИЕ БЕРЛИНА В 1760 ГОДУ".

1-й Гренадерский (впоследствии л-гв. Гренадерский), 4-й Гренадерский (впослед. 10-й гренадерский Малороссийский) и Вятский пехотный (упраздненный в 1833 г. и передавший трубы Суздальскому пех. п.) — "ЗА ВЗЯТИЕ ГОРОДА БЕРЛИНА 28 СЕНТЯБРЯ 1760 ГОДА".

Невский и Апшеронский пехотные полки — "ПОСПЕШНОСТИЮ И ХРАБРОСТИЮ ВЗЯТИЕ ГОРОДА БЕРЛИНА 28 СЕНТЯБРЯ 1760 ГОДА".

Муромский пехотный полк — "В ЗНАК ПОБЕДЫ ГОРОДА БЕРЛИНА 28 СЕНТЯБРЯ 1760 ГОДА".

Киевский пехотный (впоследствии 5-й гренадерский Киевский) полк — "В ПАМЯТЬ АТАКИ И ВСТУПЛЕНИЯ В Г. БЕРЛИН КИЕВСКОГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА 1760 ГОДА СЕНТЯБРЯ 28 ДНЯ".

Кексгольмский пехотный (впоследствии л.-гв. Кексгольмский) полк — "1760 СЕНТЯБРЯ 28. В ЗНАК ВЗЯТИЯ БЕРЛИНА ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА ГЕНЕРАЛ-ПОРУЧИКА И КАВАЛЕРА ПЕТРА ИВАНОВИЧА ПАНИНА, В БЫТНОСТЬ ПОЛКОВНИКА РЕННЕНКАМПФА".

3-й Кирасирский (впоследствии 13-й драгунский Военного Ордена) полк — "В ЗНАК ПОБЕДЫ ГОРОДА БЕРЛИНА В 1760 ГОДУ СЕНТЯБРЯ 28, ДНЯ ПОДПОЛКОВНИКОМ ЭНГЕЛЬГАРДТОМ. ОНАЯ ТРУБА ПОСТРОЕНА В 1761 ГОДУ ЯНВАРЯ 1-ГО ДНЯ ПОЛКОВНИКОМ ОСТГОФОМ".

Санктпетербургский конно-гренадерский полк (впоследствии 1-й уланский С. Петербургский п.) — на одной трубе — "ЗА ПРЕЖНИЕ КАМПАНИИ С. ПЕТЕРБУРГСКОГО ДРАГУНСКОГО ПОЛКА, ПОСПЕШНОСТИЮ И ХРАБРОСТИЮ ВЗЯТИЕ ГОРОДА БЕРЛИНА СЕНТЯБРЯ 28-ГО 1760 ГОДА" и на девяти — "С. ПЕТЕРБУРГСКОМУ КАРАБИНЕРНОМУ ПОЛКУ" ПОСПЕШНОСТИЮ И ХРАБРОСТИЮ ВЗЯТИЕ ГОРОДА БЕРЛИНА, СЕНТЯБРЯ 28-ГО 1760 ГОДА". Архангелогородский драгунский полк — "ПОСПЕШНОСТИЮ И ХРАБРОСТИЮ ВЗЯТИЕ ГОРОДА БЕРЛИНА СЕНТЯБРЯ 28-ГО 1760 ГОДА". Присоединенный в 1775 году к С. Петербургскому драгунскому полку (впоследствии 1-й уланский С. Петербургский п.), он передал ему и свои трубы.

Нельзя ли высказать предположение, что серебряные тубы за взятие Берлина пожалованы были всем этим полкам БЕЗ НАДПИСЕЙ, и что надписи эти начертаны были впоследствии в каждом полку, более или менее, в РАЗНОЕ время вследствии распоряжений, которые не устанавливали точного и общего для всех полков текста надписей? Иначе — трудно объяснить это разнообразие в надписях, начертанных на отличии, пожалованном всем этим полкам одновременно и за одно и то же дело.

В вышеприведенном списке не показаны те полки, которые были сформированы позже из кадров полков, участвовавших во взятии Берлина, и когда вместе с этими кадрами поступали во вновь сформированные части отличия старых полков, в частности, серебряные трубы за взятие Берлина в 1760 году.

Е. А.

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

N° 17

МАЙ 1961 год

СОДЕРЖАНИЕ

«Военно-Исторический Вестник» выходит два раза в год — в мае и ноябре.

Издается на правах рукописи.

Настоящий номер вышел под редакцией **Ю. А. Топоркова.**

От правления Общества Любителей Русской Военной Старины

Правление с глубокой скорбью сообщает о кончине одного из старейших членов Общества, члена Правления, Сергея Александровича ТОПОРКОВА, последовавшей 21 января с. г.

1946 - XV - 1961

11 мая этого года исполняется 15 лет со дня основания Общества Л.Р.В.С.

В этот день, в 1946 году, Учредительное Собрание инициативной группы, созданной П. В. Пашковым и А. А. Стаховичем, положило начало «Кружку Любителей Русской Военной Старини», переименованному в 1952 году в «Общество Л.Р.В.С.».

"В. И. ВЕСТНИК" МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ВНЕ ФРАНЦИИ ПО НИЖЕСЛЕДУЮЩИМ АДРЕСАМ:

АВСТРАЛИЯ.—Представитель Об-ва И. М. Перекрист — 31, Roberts Avenue, Randwick-Sidney (N.S.W.).

АНГЛИЯ. — В. В. Барачевский — 23, Alder Grove, London, N.W.2.

ВЕНЕЦУЭЛА. — К. А. Келлнер — Sarria N° 24, Quinta Coromoto, Caracas.

С. А. ШТАТЫ. — Представител Об-ва на Западные Штаты А. Ф. Долгополов — A. Doll, 5954, Barton Ave, Los Angeles 38 (Calif.).

— член Об-ва Г. В. Месняев — 6-12, 158 Str., Beechhurst 57 (N.Y.).

Переписку по делам Общества просят направлять по адресу Льва Николаевича Немирова:

L. Nemiroff, 26-bis, rue de l'Ingénieur Robert-Keller, Paris (15e).

Переписку редакционного характера просят направлять по адресу Юрия Александровича Топоркова: G. Toporkoff, 25, rue Rennequin, Paris (17e).

Заказы на все издания и медали Общества, а также все денежные переводы просят направлять по адресу Александра Васильевича Щиткова (на его почтовый текущий счет Paris № 13694.00 или чеками на его имя):

A. Stchitkoff, 15, rue de Médéah, Paris (14e).

ИЗДАНИЯ ОБЩЕСТВА

На складе Общества имеется еще небольшое количество нижеследующих изданий Об-ва:

1. — Сборник *"Русская Военная Старина"* — первое издание Об-ва (1947 г.). Цена — 1,00 фр. фр. или 1 ам. дол., или 1,70 фр. фр.

2. — *"Записка о службе А. В. Суворова"* (изд. 1947 г.). Цена 1,00 фр. или 0.25 дол., или 1,15 фр. Сборник и Записка — при одновременном заказе — 1,50 фр. или 1.10 дол., или 5,20 фр.

3. — Номера *"В. И. Вестника"*, начиная с № 8. Цена — 2.50 фр. или 0,80 дол., или 2,85 фр.

МЕДАЛИ ОБЩЕСТВА

1. — В настоящее время бронзовая Полтавская медаль (1709 - 1959) — высылается немедленно всем заказавшим ее. Что же касается медалей Гвардии-Парвы (1700 - 1950), Петербурга (1703 - 1953) и Севастополя (1855 - 1955), то с момента получения заказа и до отправки медали может пройти иногда значительный промежуток времени.

2. — Стоимость Севастопольской или Полтавской медали — 8,00 фр. или 2.50 доллара или 9.40 фр. Стоимость медали Гвардии-Нарвы или Петербургской — 11,70 фр., 3,00 долл. и 13,35 фр.

Примечание. Во всех вышеуказанных ценах, первая цена относится к Франции и зоне франка, вторая — ко всем заокеанским странам и третья — ко всем остальным странам. В указанные цены входит стоимость пересылки.

МЕДАЛЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Правление предполагает отметить исполняющееся в 1962 году 150-летие Отечественной войны выпуском юбилейной медали. Подробности будут даны в следующем номере Военно-Исторического Вестника.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ФОНД

Суммы, поступившие в счет Издательского Фонда после выхода № 13 В. И. Вестника (май 1959 года) по 1 мая 1960 года, в новых франках: К. Миллер — 5.00, С. П. Андоленко — 10.00, кн. Н. П. Оболенский — 10.00, П Авакимов — 5.00, гр. М. В. Дмитриев — Мамонов — 5.00, П. В. Борисов — 7.50, Е. С. Фишер — 10.00, гр. М. В. Дмитриев - Мамонов — 5.00, Л. Н. Немиров — 5.00, А. В. Щитков — 5.00 П. В. Борисов — 5.00, П. В. Ден — 10.45, Австралийский Отдел Об-ва через И. М. Перекриста — 106.80, М. А. Джапшиев — 50.00, П. П. Палеолог — 8.00 и В. Н. Загоровский — 90.00.

К статье «Знаменательный 50-летний юбилей», напечатанной в № 16 «В. Ист. Вестн.».

В выноске, на стр. 23, было указано, что *"только одна* медаль, *повидимому,* отсутствует в собрании" Эрмитажа: об этом было сообщено в письме от 17. 3. 1960 г. Только 1. 12. 1960 (т. е. после выхода в свет № 16 "В. Ист. Вестн."), А. А. Стахович— сын сказал, что после *окончательного* сравнения обоих коллекций, в собрании Эрмитажа не оказалось более 10 медалей, насколько помню — 13

В. Р.

Ермолов (1772-1861)

Князь М. ШАХОВСКОЙ

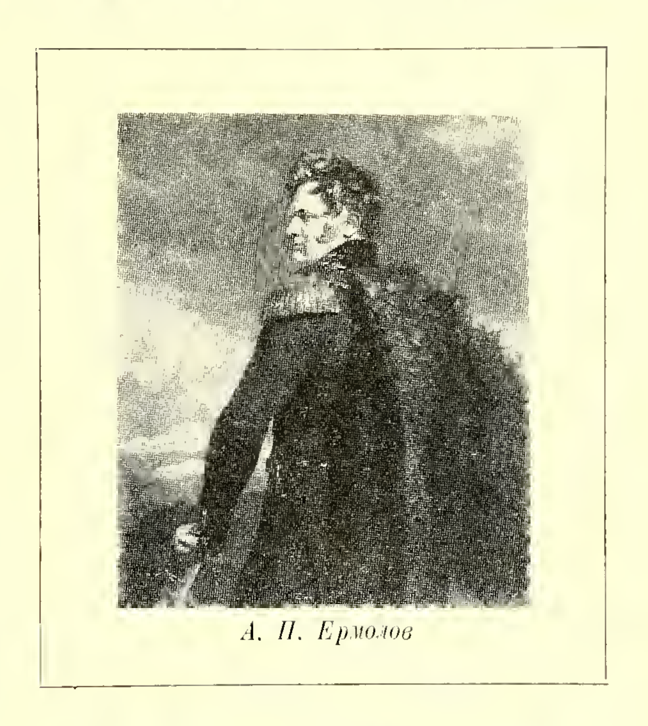
В этом году исполнилось 100 лет со дня смерти генерала Алексея Петровича Ермолова, имя которого близко и дорого всем, кто чтит героическое прошлое Кавказа.

***

Алексей Петрович Ермолов родился в Москве 25-го мая 1772 года*). Его род ведет начало от мурзы Аслан Ермола, выехавшего из Золотой Орды в 1506 г. Его отец, Петр Алексеевич Ермолов, был женат на Марии Денисовне Давыдовой, бывшей первым браком за Михаилом Каховским.

Молодой Ермолов образование получил в Московском благородном пансионе, а затем с 14-ти летнего возраста начинает действительную службу в Преображенском полку сержантом. Недостаток средств вынуждает его перевестись капитаном в Нижегородский драгунский полк. Прикомандированный адъютантом к шефу полка, гр. Самойлову, Ермолов остается в Петербурге и после блестящего экзамена при кадетском корпусе переведен в артиллерию. С корпусом ген. Дерфельдена выступает в поход против Польши и за штурм Праги награжден орденом св. Георгия 4-й степени из рук Суворова. За участие в персидском походе гр. Зубова (1796 г.) произведен в подполковники. Это его первое знакомство с Кавказом и с этих пор — его мечта сделаться начальником этого края. В 1798 году отставлен от службы. Причина — участие в кружке А. М. Каховского (полубрата по матери). Это событи много объясняет в его дальнейшей биографии. После ссылки в Костромскую губернию возвращается на службу в 1801 году. Полковник конной артиллерии в 1806 г. Принимает участие в кампаниях против Наполеона. Генерал-майор в 1808 г. С 1811 г. командует гвардейской артиллерией. В 1812 г. — начальник штаба Западной армии (Барклай де Толли). Произведен за отличие в Бородинском бою в генерал-лейтенанты. В 1813 г. командует всей артиллерией действующей армии, а потом гвардейским корпусом. С 1815 г. командует гренадерским корпусом.

В 1816 г. Ермолов назначается командующим войсками на Кавказ. Генерал от инфантерии в 1818 г. (переименован в генералы от артиллерии). Член Государственного Совета с 1831 года.



А. П. Ермолов

Ермолов не был женат, но имел потомство.

***

Ко времени назначения Ермолова на Кавказ имя его широко известно армии не только, как боевого генерала, но и как ярого противника плац-парадов и увлечения немецкими оракулами на подобие Вейрошера и Пфуля; было хорошо известно и его подчеркнутое презрение к гатчинским выскочкам. Однажды, на инспекторском смотру он отвечал Аракчееву, упрекнувшему его в том, что лошади одной из батарей были в неряшливом виде. "Жаль, ваше сиятельство, что в артиллерии репутация офицеров зависит от скотов". Правда, Аракчееву русская артиллерия обязана многим полезным, но в данном случае дерзкий ответ — реакция на его легендарную мелочную придирчивость.

Ермолов был один из тех, кому выпало счастье быть под начальством Суворова и воспринять его учение, столь соответствующее русскому национальному чувству и воинским традициям Петра Великого. В противоположность преуспевающим подражателям Фридриха Великого, поклонникам отживающей линейной тактики, Ермолов на примере наполеоновских войск проверил её несостоятельность и гибельное влияние на военное воспитание вообще. Не имея за собой законченного образования, он сам его пополнил разносторонним чтением. С молодости у него склонность к модному тогда рационализму. Увлечение про-

---

*) Годом рождения А. П. Ермолова обычно принято считать — 1772. Между тем, в некоторых биографических сведениях с нем этот год показан — 1776 или 1777. Эти последние даты основаны, повидимому, на его "Записках", в которых сам Ермолов, в определенные моменты своей жизни, упоминает о своем возрасте. Во всяком случае, установление точного года рождения А. П. Ермолова требует особого исследования.

светительной философией позволяли ему лучше многих понимать настроение военной молодежи после заграничного похода. С того момента, когда, с наступлением мира, стало очевидным желание Александра I, по примеру отца, "подтянуть" армию, Ермолов оказывался нежелательным человеком, как он прозрачно намекает в своих "Записках".

Состоявшееся в 1816 г. назначение Ермолова командующим кавказским корпусом было удачным выходом из щекотливого положения. Честолюбие Ермолова могло казаться удовлетворенным ответственным назначением и возглавлением специального посольства в Персию. Правда, за ним продолжало следить недреманное око Петербурга, но он полагался на доверие Государя, чтобы преодолеть опасения министерства иностранных дел. Император, действительно, если и тяготился характером Ермолова, тем не менее высоко ценил его способности и не сомневался в его преданности. Даже возможность личной инициативы нового правителя Грузии его не пугала, до тех пор пока она не затрагивала порядка в самой России. Что же касается ее политических последствий, то Государь рассчитывал на свой дипломатический талант, чтобы умерить пыл генерала.

Во всяком случае, присутствие на Востоке человека подобного Ермолову было необходимостью при создавшейся политической обстановке после заключения Бухарестского мира с Турцией (1812 г.) и Гюлистанского с Персией (1813 г.). Последний имел для России первостепенное значение, т. к. помимо крупных территориальных приобретений, усиливал русское влияние в Персии, что приводило к соперничеству с Англией, смотревшей на Персию, как на прикрытие доступа в Индию и оперативную базу против России и Турции. Поэтому Англия всячески содействует созданию в Персии регулярной армии, начатой сыном шаха, честолюбивым Аббас-Мирзой. Для России же Персия являлась ближайшим рынком для сбыта своей фабричной промышленности. В Государственном Совете считали, что "торговлю нашу с Азией не должно принимать единственно в виде обыкновенного обмена взаимных народных потребностей и обыкновенных торговых спекуляций, но паче, как орудие надежнейшее и даже единственное для достижения важной цели ограждения границ наших и совершенного успокоения".

Посольство в Персию принесло Ермолову чин генерала от инфантерии и дало возможность сделать немало ценных наблюдений, легших потом в основу его отношения к Персии. Для него было совершенно очевидно, что подстрекаемый англичанами Аббас-Мирза рассчитывает вернуть себе хотя бы часть ханств, отошедших к России. Только сила может Аббас-Мирзу соблюдать мир. Что же касается Ермолова, то ему "смертельно наскучило беспрерывное притворство, одни и те же уверения в дружбе людей, очевидно желающих нам зла и которые скрыть не могут к нам ненависти, бесконечное повторение самых мучительных приветствий..."

"Вырвался я, наконец, из сего ненавистного места, которое не иначе соглашусь увидеть, как с оружием в руках для разорения гнезда всех враждующих нам".

Таким образом, наперекор Нессельроде и Императору Александру, он не верит в искренность Персии и считает малодушием идти на какие-либо уступки.

В предвидении войны Ермолов стремится очистить пограничную полосу от неблагонадежных ханов, всячески способствуя их бегству в Персию.

"Если вся сия беглецов сволочь выставлять будет опасности, которые она претерпела, чтобы передать себя в великодушное покровительство наследника (Аббас-Мирзы), уверьте последнего, что никто не останавливал их и что, напротив, я надеюсь умножить число взыскующих его благодеяния".

Его вмешательство смягчает гнет над населением и приучает народ считать, что над их ханом стоит русский падишах и его тифлисский сардарь, который держит при хане своих солдат и офицеров, охотно вникает в жалобы народа и требует отчета у самого хана. Вообще Ермолов не стремится вводить русские порядки. "Необходимо держаться обычаев земли веками укоренившихся, а в том, что имеют противного образу и духу нашего правления, стараться изменить постепенно и почти неприметным образом". О его методах можно судить по следующему его письму.

"Не всегда употребляя средства самые строгие, но не пропуская вины без наказания, обуздываю я здешние народы, и часто преступники сами по себе произносят приговоры. Так теперь бежал ген.-лейт. Мустафа хан Ширванский, чувствуя вину свою и зная, что не умедлится взыскания. Давно он мошенничал, но я занят был другими делами и лишь только сделался свободен, он рассудил за благо не ожидать вразумительного поучения пушек, бегство его отягчило нас сладким бременем более полумилиона доходов".

Другой заботой Ермолова была улучшение путей сообщения и с этой целью проложена была через Кавказский хребет Военно-грузинская дорога.

Заботится Ермолов и об экономическом развитии края и хлопочет о привлечении для этого капиталов.

"В здешней стране, люди, могущие обращать большие капиталы, весьма полезны и заведения всякого рода в руках частных пойдут успешнее. Не нам и не здесь учреждать казенные фабрики. Я нахожу больши для нас выгоды, если правительство изъявит на то свое согласие, боюсь только не обратит должного внимания или, не имея о здешнем крае достаточных сведений, не обоймет предмета".

Он вникает в благоустройство Тифлиса. Обстраивает Пятигорск. В высших местных кругах он не пользуется любовью, так как был скуп на награды, но требовал только подчинения. С местным духовенством отношения были натянуты; сын екатерининской

эпохи. Ермолов видимо, не прочь посягнуть на его собственность, по его мнению, ловко присвоенную. Как докладывал потом Дибич Императору Николаю I:

"Нет никакого сомнения, что строгое обхождение генерала Ермолова с здешними грузинами и армянами, и в особенности с дворянством, восстановило многих против него, тоже как в мусульманских провинциях прогнание ханов, строгость против беков; но вопрос: не имеет ли сие выгодного влияния на состояние нижнего работающего класса, весьма различно разрешается лицами здешними, смотря по тому, к какой они принадлежат партии. Удержание низких цен на продукты для пользы казны равномерно восстановил против него голос помещиков и купцов..."

Совсем другой отклик, если мы обратимся к тем, кто способен был его понять и полюбить. Вот что пишет его родственник и соратник поэт-гусар Денис Давыдов:

"...вспомнил и об Ермолове в Грузии, где он хотя и не носил звания главнокомандующего, но был им на деле; его величавая осанка, классические черты лица, глаза исполненные жизни и огня, не могли не пленить войска и жителей сего края. Неуклонная справедливость при большой строгости, редкое безкорыстие, обширные сведения особенно по части военного искусства, замечательный дар слова и в особенности ласковое и вежливое со всеми обращение — стяжали ему удивление, любовь и привязанность войска и горцев, трепетавших при его имени. Бывший митрополит Феофилакт, одаренный замечательным умом, в донесениях своему министру духовных дел называл его мудрым правителем Грузии; гр. Каподистрия в письмах своих к нему называл его всегда âme antique. Ермолов с ничтожными средствами упрочил владычество русских в этом крае, водворил порядок, привлек поселенцев, возбудил промышленность и торговлю, открыл новые источники".

У Ермолова был редкий дар расположить к себе простотой обращения. Его красноречие на самые жгучие вопросы собирало вокруг него восторженную молодежь. Сдержанный и скупой на похвалу Грибоедов пишет о нем: "Мало того, что умен, нынче все умны, но совершенно по-русски, на все годен, не на одни великие дела, не на одни мелочи, заметь это. Притом тьма красноречия, и не нынешнее отрывочное, несвязное наполеоновское риторство; его слова, хоть сейчас положить на бумагу. Любит много говорить, однако позволяет говорить и другим".

Можно привести много примеров независимости Ермолова, приведем лишь один, но очень характерный. Получив приказ препроводить под конвоем для выдачи Австрии испанского республиканца Ван Галена, служившего в Нижегородском драгунском полку, Ермолов указывает ему верный маршрут, снабжает рекомендательным письмом и дает на дорогу все имеющиеся у него деньги (около 3300 франков). Это произошло в 1819 году. В следующем году Император Александр вызывает Ермолова на конгресс в Лайбах с целью отправить его усмирять восстание в Пьемонте, роль мало Ермолову улыбавшаяся. Он не спешил и приехал, когда уже все было кончено. Греческое восстание вызвало пламенные обращения к нему Кюхельбекера и Рылеева; последний пишет:

Надежда сограждан, России верный сын,
Ермолов, поспеши спасать сынов Эллады,
Ты гений северных дружин!

***

По прибытии на Кавказ Ермолов отдает 12 октября 1816 г. следующий приказ по отдельному Грузинскому корпусу:

"Приняв начальство над войсками мне вверенного корпуса, объявляю о том всем новым по службе моим товарищам от генерала и до солдата. Уважение Государя Императора к заслугам войск научает меня почитать храбрость их, верность и усердие, и уверяю, что каждый подвиг их на пользу службы возложит на меня обязанность ходатайствовать у престола Государя, всегда справедливого, всегда щедрого".

Когда Ермолов принял командование над Отдельным Грузинским корпусом (название Кавказский ему присвоено с 1820 г.), в нем полагалось по штату 45.000 человек пехоты и 6.926 чел. конницы при 131 орудии. Но на деле некомплект в 1817 году достигал 11.866 чел., т. е. 23 процента. Поэтому первой заботой Ермолова было настаивать о присылке подкреплений.

Просьба была уважена, но не в той форме, как ожидал Ермолов. В 1819 г. в его распоряжение прибыло из России 10 "комплектных" полков, сменившие 10 из 15 полков, находившихся на Кавказе. С тех пор новых дополнений не приходило, а потому в силу постоянной военной деятельности некомплект с каждым годом увеличивался.

Тем не менее Ермолов приступает к планомерному усвоению края. Начинается блокада Чечни и Дагестана и для этого возводятся крепости, вырубаются в лесах просеки для облегчения передвижения войск. Не проходит года без экспедиции, непокорные аулы сжигаются, а скот угоняют. Имя Ермолова вселяет страх и компенсирует в известной мере слабость сил. Достигнутые успехи объясняются особенным качеством кавказских частей, не подверженных тогдашней муштровке.

"Кавказская боевая служба", пишет современник: "и постоянная походная тревожная жизнь выработала своеобразные порядки, свою особую тактику, ограничившуюся главнейше рассыпным строем и разными приемами ни в каких уставах не обозначенных".

Ни внешним видом, ни образом жизни кавказские части не походили на остальные части российской армии.

Для Ермолова солдат не автомат, а поэтому он за-

ботится о нем, зная что в решительную минуту он может от него потребовать наивысшего напряжения. Главное — развить у людей инициативу и находчивость, внешний же вид имеет второстепенное значение.

"Я менее всего прихотлив на счет наружной красоты солдата и в понятии моем нет солдата худого, лишь бы имел силу нести ружье и ранец".

Более того, как отмечает Дибич в своих донесениях, "пагубный дух вольномыслия и либерализма разлит между войсками". Опасность особенно сближает людей. Нигде, как на Кавказе не чувствовалась близость между солдатами и офицерами. Нужно учитывать и то, что многие из офицеров были переведены на Кавказ за вольномыслие, другие же начали службу еще при Цицианове и, естественно, считали свой полк второй семьей. Способствовало простоте отношений наличие казачьих полков с их подчеркнуто демократическим укладом. Следует отметить, что войска состояли в большинстве из старых солдат. Многие из них проделали все наполеоновские войны.

Насколько резко Ермолов порывает с догматом линейной тактики видно из предписаний, данных кн. Мадатову в критический момент персидской войны 1826 г., где осуждает "привычку, желая защищать все в одно время — привычку вредную разбросать людей на малые части и быть повсюду только слабыми, что малейшие усилия неприятеля встречает сопротивление безсильное и дает ему успехи".

* *
*

Вступление на престол Императора Николая I знаменунет новый период в жизни Ермолова. Сильные характеры плохо уживаются. Эта истина находит подтверждение во взаимоотношениях Ермолова и молодого Императора, тем более, что последний еще с 1815 года относился с предубеждением к вольнодумному генералу и его независимому положению, созданному им на Кавказе. События 14-го декабря только усилили это настроение. Произошло следующее.

Невыгодное впечатление вызвала запоздавшая присяга Кавказского корпуса, так как Ермолов, будучи с экспедицией в горах, не мог сразу привести корпус к присяге. В придворных кругах, знавших оппозиционность генерала, серьезно опасались его выступления на Петербург. Прибытие присяжного листа вызвало вздох облегчения, но Николай Павлович остался недоволен, что лист этот прислали с простым фельдъегерем, а не со специальным лицом. Этот инцидент, как будто, подтверждал слухи, ходившие среди декабристов, о сочувствии Ермолова, которого они, подобно Сперанскому и Мордвинову, предвидели для будущего правительства. Обстановка создавалась крайне неблагоприятная, хотя следственная комиссия пришла к заключению, что никакой организации в Кавказском корпусе не существует и её начальник не может нести ответственность за то, что некоторые из офицеров корпуса были причастны к заговору. Как признался Якубович, виной всему — фантастические рассказы Волконскому, приехавшему на Кавказ. Все это не переубедило Николая I. Знал ли он или его предупредительно осведомили, но для него Ермолов должен был быть причастен уже в силу своего прошлого. В 1798 г. он был арестован за участие в офицерском кружке, организованном по инициативе брата Ермолова по матери, А. М. Каховского. В нем вращался дядя Ерволова, отец партизана, В. Д. Давыдов, и отец декабриста Каховского. Удивительное совпадение, пусть и случайное, но оно достаточно, чтобы создать репутацию человека.

Кружок Каховского соответствовал настроению военной среде того времени, плохо мирившейся с отказом от славных суворовских традиций. Что же касается обсуждения теорий просветительной философии, мы не имеем данных утверждать их революционное значение. Для Ермолова участие в кружке было, как бы проверкой его собственного мировоззрения, основанного прежде всего на оценке личности по ее качествам, а не по знатности или богатству. До конца жизни он оставался определенным противником феодальной эксплуатации. Для эпохи подобные взгляды могли считаться революционными, но для Ермолова они вполне созвучны с теорией просвещенного абсолютизма, дающей возможность подданому быть услышанным своим государем. Взаимоотношения с Александром, основанные на взаимном доверии, способствовали и облегчали деятельность Ермолова на Кавказе. С Николаем I — картина другая.

Можно предположить, что сыграла роль подавляющая собой внешность Ермолова и впечатление, оставшееся у Николая Павловича от того времени, когда он под его командой извлек из ножен шпагу. Кроме того, широта взглядов и независимость Ермолова были прямо противоположны его понятиям военной службы, как руководящего начала государственного управления. Русский самородок, Ермолов, был диссонансом на фоне людей, которыми любил себя окружать Государь. Подобно Александру I ему непонятно было действительное положение вещей на Кавказе. Правда, по отношению к греческому вопросу он решительно порвал с колеблющейся политикой брата, заявив, что Россия отныне будет руководствоваться только своими интересами; тем не менее перспектива войны с Турцией заставляла его желать иметь обеспеченный тыл. Кроме того, отрицательное отношение Ермолова к династии Каджаров противоречило его принципиальному легитимизму. Поэтому напрасны многократные донесения Ермолова предупреждающего об опасности и указывающего на малочисленность кавказского корпуса. Этим опасениям суждено было сбыться.

Невольно возникает вопрос, не создавал ли сознательно Николай I обстановку, при которой Ермолову стало бы невозможно оставаться на Кавказе. Дельпей-

шее, как будто, может служить подтверждением этому предположению.

Без объявления войны персидские войска открыли военные действия (16 июля 1826 г.). Основной удар намечался в Карабахской провинции, куда направился Аббас Мирза с 40.000-ой армией. Его продвижение задержала героическая оборона крепости Шуши, 48 дней победоносно оборонявшейся гарнизоном при поддержке армянского населения. Зато почти всё восточное Закавказье было потеряно. Во многих ханствах вспыхнуло восстание. Баку и Куба были осаждены. Елизаветполь и Ленкорань заняты персидскими войсками.

Николай I не скрывал своего неудовольствия, узнав о первых неудачах. Отправляя подкрепление, он посылает вперед для ведения военных операций ген. И. Ф. Паскевича, особенно плохо переносимого Ермоловым.

Отправляя Паскевича в Грузию, Государь писал Ермолову (10 августа 1826 г.).

"Этот бывший начальник мой пользуется всею моею доверенностью; он лично может вам объяснить всё то, что по краткости времени и по безизвестности не могу вам письменно приказать. Назначив его командующим под вами войсками, даю я вам отличнейшего сотрудника, который выполнит всегда все, ему делаемые поручения с должным усердием и понятливостью. Я желаю, чтобы он, с вашего разрешения, сообщил мне все, что от вас поручено будет давать знать, что и прошу делать наичаще".

Когда же Паскевич предложил Ермолову свое посредничество для донесений Государю, тот ответил : "Я в посредниках до сих пор не нуждался, а прошу вас исполнять лишь мои приказания".

Личность Паскевича, как бы, воплощала особенно нетерпимые недостатки. Ермолов не отрицал у своего соперника военных дарований, но его раздражала его быстрая карьера, основанная на успехе при дворе, как отличного строевика, что снискало ему особое доверие Императора Николая. "Особенно поражает его самонадеянность и заносчивость", пишет Д. Давыдов, "достигшие невероятных размеров, примерное попечение приписывать себе все, совершенное подчиненными, умалчивая, либо искажая заслуги их и удаляя вскоре по одержании успеха тех из них, коим, по общему мнению, был обязан".

Единственной отрядой для Ермолова было прибытие духовно ему близкого Д. Давыдова, которого он до тех пор никак не мог получить, как командующего Кавказской линией.

Свое присутствие на Кавказе Паскевич понимает не только как подчиненный Ермолову в военном отношении, но как полномочное лицо, обязанное дать отчет о деятельности своего начальника. В своих донесениях он не скупится на перечень всех отступлений Ермолова от буквы устава, а также, без всякого разбора, называет всех тех, кто так или иначе считал себя обиженным Ермоловым.

Присылка генерала Дибича с целью примирения, а вернее с тем, чтобы проверить на месте создавшуюся обстановку, только ухудшила положение, так как Дибич, под видом беспристрастной оценки, видимо, старался добиться командования для себя, то что ему удастся в Турецкую кампанию.

На театре военных действий перелом не заставил себя ждать. В сентябре князь Мадатов разбил при Шамхоре армию Мохаммед Мирзы (сына Абас Мирзы), а Паскевич разбил самого Аббас Мирзу под Елизаветполем. Доступ же в Грузию прикрывали отряды Д. Давыдова. Ермолов освободил Кубу и Баку. К октябрю было очищено почти всё Закавказье и можно было ожидать весны для перехода в решительное наступление. Ермолову не суждено было дождаться конца войны. Он подал в отставку 29 марта 1827 года.

Свое настроение со свойственным ему едким юмором Ермолов выражает в следующем письме (из Орла, октябрь 1827 г.).

"Должность, требующей умственных способностей, конечно, не приму на себя, как то учиться экономии, домоустройству. Я поумнел очень, как вы верно слышали .Если же хотя мало усумнитесь вы в том, то я представлю убедительное свидетельство графа Дибича и многих других, благоволящих ко мне особ. Но сохранил я еще несколько сил и пахарем буду усердным, под хорошим руководством.

"Вы настращали меня вашим пророчеством. Вы предсказали мне удаление или, справедливее назвать, изгнание из службы, но теперь, обращая меня к земледелию, вы не вселяете во мне страха. Не правда ли, что может называться счастливым тот, которому нечего бояться? И глупость моя не мало способствовать будет счастию. Ей благодаря не станут называть меня либералом, карбонари и видеть во мне человека стремящегося нарушать порядок. Но что будет со многими, когда с тою же прозорливостию будут рассматривать их способности? Неужели один я должен был поглупеть, и так поздно сие приметили".

**
*

Несмотря на свое назначение в Государственный Совет Ермолов теперь обречен на бездействие. Его жизнь протекает в Москве. Пушкин, видевший его там в 1828 году, оставил нам его облик.

"Лицо круглое, огненные серые глаза, седые волосы дыбом. Голова тигра на геркулесовом торсе. Улыбка неприятная, потому что неестественная. Когда же он задумывается и хмурится, то становится прекрасен".

Ермолов продолжает много читать, внимательно следить за всем, что происходит на Кавказе, куда посылает своих двух сыновей. Ведет оживленную переписку, наставляет гр. М. С. Воронцова после его неудачной Даргинской экспедиции. Его могучая фигура, даже в бездействии, продолжает заботить мно-

гих. Разразившаяся Крымская война вскрыла с очевидной ясностью все недостатки, отмеченные еще Ермоловым. Болея душой за армию, он все же мог с удовлетворением видеть, что дело рук его не пропало. Не взятие ли Карса доблестной кавказской армией дало возможность начать мирные переговоры?

Память о нем продолжает жить. В 1855 году он избран, правда номинально, начальником московского ополчения. Запрошенный А. А. Закревским, согласится ли он выставить свою кандидатуру, Ермолов отвечал с достоинством, что считает своим долгом не уклоняться от выборов, но нисколько не удивится, что после 24-х-летнего бездействия его признают негодным к службе; впрочем, он доволен своим положением, ничего не желает и ничего не ищет. Это письмо разошлось по всей Москве. Из 209 голосов Ермолов получил 200.

Пережил он и своего удачливого соперника, Паскевича. Быть может ему читали письмо, в котором старый фельдмаршал, поносяа Горчакова, сам выносит приговор системе, которую не имел мужества обличить своевременно.

С каким волнением узнает он о взятии Гуниба, где в лице Шамиля сложил оружие непокорный Дагестан. Цель жизни выполнена и скоро даже враги отдадут должное делу, по его мысли осуществленному, на Кавказе.

Приведем выдержку английского журналиста Джона Бухан'а.

"В начале 19 века русские приняли на себя контроль страны с положением более анархичным чем в любой части Азии, с населением постепенно уничтожаемым войной, чумой и голодом; политическая и культурная организация оказалась несостоятельной и экономические возможности были в пренебрежении. Россия дала этой стране прежде всего безопасность. За сто лет ни одна вражеская армия не подступила к Тифлису. Поэтому русскому управлению не только удалось мирно развивать возможности народного благосостояния, но оно и предохранило эти народы от исчезновения, участь постигшая армян и другие кавказские народности вне русских границ".

Ермолов умер в Москве 11 апреля 1861 года, охваченный подъемом от сознания переживаемого Россией исторического момента освобождения крестьян и не потому ли одни из последних слов, обращенных к доктору были: "Пойми же ты, братец, что жить хочу..."

Всю жизнь Ермолов не изменит своим идеалам. Многих коробят его методы и мысли, но следует помнить, что подобно Петру Великому для славолюбивого Ермолова нет высшей цели, как слава и величие России.

Для военачальника нет лучшей награды, как любовь солдат. Соратники не забыли Ермолова и у его могилы поставлена чугунная лампада на медном пьедестале, состоящая из чашки чугунной гранаты. На ней отчеканено только: "Служившие на Гунибе кавказские солдаты".

Из воспоминаний (1915 г.)

А. ТЕРНЕ

Положение русской армии, вторгшейся в Галицию весной 1915 года, становилось все более критическим. Несмотря на наличие талантливого командования и мужества солдат эта армия несла все больший и больший урон в связи с недостатком военного снаряжения и снабжения.

Затяжной характер войны, непрерывно увеличивающееся потребление снарядов, рост численности бойцов — все это превзошло выработанные планы войны и учет потребности в огнеприпасах. Мобилизационные резервы были съедены, а наши пушечные и орудийные заводы не справлялись с предъявляемыми к ним требованиями, неуклонно возраставшими. Реальное поступление орудий, огнестрельных припасов, винтовок, пулеметов и прочих категорий боевого и технического снабжения не соответствовало тем стратегическим заданиям, которые предъявлялись теперь к русской армии.

В результате такого положения вещей русские дивизии вынуждены были отступать, стреляя редко, потому что свыше был отдан приказ экономить артиллерийские снаряды и ружейные патроны. Питание армии также было недостаточным из-за неправильных расчетов интендантства, а также вследствие чрезмерной загруженности железнодорожного транспорта.

Мне довелось сделаться косвенным свидетелем этого трагического положения наших военных сил в виду того, что я в то время находился на службе в Канцелярии военного министерства. По роду обязанностей я был в Военном Совете докладчиком по счетному отделу и военному фонду, питавшему действующие армии денежными ресурсами.

В одно прекрасное утро мая 1915 года я был срочно вызван к генералу Лукомскому, бывшему в то время начальником Канцелярии. "Я знаю", обратился он ко мне: "что по объему ваших обязанностей вы заняты буквально с утра до ночи, но у вас все же остается в вашем распоряжении ночное время. Если вы хотели бы и могли бы посвятить часть ночи новой и экстренной работе, то тогда я смогу продолжить с вами этот разговор". — "Ваше превосходительство", отвечал я с подъемом: "я полагаю, что если вам угодно было обратиться с подобным предложением ко мне, то вы предвидели наверное мое согласие.

Позвольте же вам заявить, что я с радостью готов работать и ночью, поскольку физические силы мне это позволят". — "Ладно. Я так и ждал от вас подобный ответ. Прочтите же эту телеграмму Ставки". Генерал Лукомский взял в этот момент со своего письменного стола телеграмму и передал ее мне.

Телеграмма эта, насколько помнится, была следующего содержания.

"Срочно. Совершенно секретно. Его Императорскому Величеству. Царское Село." — "Русские армии отходят от Карпат, отбиваясь чуть ли не голыми руками. Ввиду такого грозного положения признаю необходимым принять в самом срочном порядке ряд чрезвычайных мер для избежания катастрофы. Считаю неотложным максимальное увеличение снабжения поступающего из-за границы и немедленное вовлечение всех живых сил страны в работу на ее оборону. Поэтому прошу Тебя сделать все зависящее для ускорения снабжения из союзных стран и создать теперь же под председательством военного министра Особое Совещание из ряда лиц, пользующихся доверием и принадлежащих к политическим кругам, представителей финансовых, промышленных и торговых кругов, видных общественных деятелей, а также начальников заготовительных управлений военного ведомства. Этому Совещанию должны быть представлены широчайшие полномочия для проведения мер по добровольной мобилизации всех активных сил страны для усиления нашей технической мощи, и с предоставлением ему необходимых материальных и технических средств от подлежащих частей военного министерства". В телеграмме следовало перечисление лиц, которых Верховный Главнокомандующий предлагал вниманию Государя. Это были, помнится, Родзянко, Савич, Шингарев, Некрасов, Гучков, Астров, Маклаков, Путилов и еще десяток других имен видных представителей русской передовой общественности того времени. Телеграмма заканчивалась затем словами:

"Жду Твоего срочного ответа. Генерал-адъютант Николай".

На телеграмме была пометка Государя: "Срочно. Военному министру" — и тут же распоряжение генерала Сухомлинова: "Генералу Лукомскому для исполнения".

— "Военный министр, с которым я только что переговорил", продолжал генерал Лукомский: "предложил мне немедленно выработать проект устава подобного Совещания с тем, чтобы он был готов к завтрашнему утру. Потрудитесь же представить мне такой проект завтра в 8 часов в моем кабинете".

— "Слушаюсь, ваше превосходительство. Какие будут с вашей стороны указания касательно такого совещания", спросил я генерала.

— "Вы читали телеграмму. Будьте же добры сами заняться изучением различных уставов и положений о государственных и административных учреждениях и, если вы признаете целесообразным расширить полномочия по сравнению с теми, которые вы найдете в таких уставах, то вы это сможете сделать", закончил генерал Лукомский, передавая мне телеграмму, и пожал руку на прощание.

Работа немедленно закипела. В моем отделе я предупредил, что меня нет ни для кого. Заперся в кабинете и начал с изучения всевозможных юридических источников, знакомясь с законоположениями, касающимися структуры государственных учреждений.

К вечеру проект в 50 статей был мною вчерне набросан на бумаге. Я задержал 2 — 3 из лучших писарей в нашей Канцелярии на всю ночь и оставил со мной моего лучшего и способнейшего сотрудника, Иванова, с которым мы еще по много раз пересматривали и уточняли законопроект об Особом Совещании по обороне государства. Я помню, как в нашей нервной работе, мы поддерживали силы, закусывая на месте пирожками и запивая их лапинской черносмородинной водкой.

К концу ночи проект был окончательно средактирован и перепечатан, так что на другой день в 8 часов утра я был опять на докладе у начальника Канцелярии. Последний сделал с своей стороны несколько редакционных поправок. Окончательный, безукоризненно напечатанный, всеподданнейший доклад с проектом Особого Совещания был отвезен генералом Лукомским военному министру. Генерал Сухомлинов не внес никаких исправлений в проект положения и отвез его в тот же день лично в Царское Село Государю который его принципиально одобрил.

На другой день в Канцелярию военного министерства было созвано совещание из членов наших законодательных палат и приглашенных общественных деятелей из числа упоминавшихся Верховным Главнокомандующим в его телеграмме. После прений, длившихся 3—4 часа проект выработанного мною положения был слегка видоизменен с более точным перечислением его полномочий и категорий участников, и в таком виде переслан военным министром в Государственную Думу. Последняя по заключению докладчика (если не ошибаюсь, депутата Савича) приняла в срочном порядке законопроект. То же было сделано и в Государственном Совете, принявшем законопроект без поправок. Затем последовало Высочайшее утверждение Положения об Особом Совещании по обороне государства, которое немедленно вступило в силу.

В Зимнем Дворце в Высочайшем присутствии и с участием представителей наших законодательных палат, военных чинов, государственных сановников и приглашенных представителей русской общественности последовало открытие Особого Совещания по обороне, а вместе с ним также еще ряд подобных Особых Совещаний с более узкими пределами компетенции, как-то: по продовольствию, по топливу, по транспорту, по иностранной валюте. Я был назначен секретарем Особого Совещания по обороне. С моими двумя помощниками Ивановым и Красовским, мы ве-

ли ответственную работу по протоколированию заседаний Особого Совещания. В виду абсолютной секретности его заседаний ни стенографы, ни иные посторонние лица не допускались на эти заседания, происходившие в помещении Государственного Совета в Мариинском дворце в Петербурге.

Начались работы Особых Совещаний с различными подсобными комиссиями. На их работе и условиях, в которых они происходили, интересно было бы остановиться, но этот вопрос выходит за пределы рамок настоящей статьи и потому здесь затронут не будет. Скажу только одно, что деятельность Совещаний была чрезвычайно плодотворна. Особое Совещание по обороне пробудило общественность, рассеяло в значительной степени косность, царившую в заготовительных органах, приняло ряд важных постановлений, касавшихся военного снабжения из-за границы и способов его срочной доставки в Россию. Оно же содействовало развитию существующих заводов и созданию новых заводских предприятий, изготовляющих военное снаряжение. Повсюду началась лихорадочная работа, основанная на общественной самодеятельности и при новых перспективах ей открывавшихся. Военно-промышленные комитеты и местные организации Земского и Городского союзов создавали новые предприятия, поставлявшие на действующую армию : взрыватели, части орудий, снарядов, пулеметов, винтовок, военно-технического снаряжения и т. д.

С другой стороны широкие кредиты открывались промышленности из военного фонда и, наконец, заграничные заказы широко покрывались валютою из запасов девизов полученных министром финансов, Барком, после его поездки за границу для обеспечения необходимыми кредитами, предназначенными для увеличения боеспособности нашей армии. Путилов, Давидов и другие лица, стоявшие во главе огромных концернов, через Артиллерийскую комиссию Особого Совещания, руководимую членом Государственной Думы Савичем и весьма энергичным начальником Главного артиллерийского управления, генералом Маниковским, получили возможность быстро и широко развить свою деятельность для нужд обороны.

Однако все эти новосозданные или расширенные в своем оборудовании, уже существовавшие ранее, предприятия требовали значительного промежутка времени для того, чтобы достигнуть производства в размере, потребном для наших вооруженных сил. Между тем обстоятельства складывались так, что не было времени ждать пока вся эта помощь, поставкой из России нехватавшего для армии вооружения, начнет давать серьезные результаты.

Армия продолжала отходить. Таким образом немедленная помощь могла прийти только из-за границы из союзных запасов вооружения у сильно индустриализованных стран, как Англия, Франция, Канада, к которым поэтому и продолжали поступать требования от всех союзников. Нужно было найти способ координации всех заказов в связи с возможностью доставки по назначению в зависимости от состояния потребного тоннажа, и помогая каждому союзнику в размере реальных потребностей и в особенности в порядке действительной срочности.

Из переговоров, ведшихся между Ставкой и британским военным министерством, централизировавшим союзные заказы, — путного ничего не выходило: переписка затягивалась. Особое Совещание с своей стороны решило вмешаться в это дело. Оно наметило ряд срочных мер, ведущих, по его мнению, к ускорению путем переговоров между союзниками сроков поставок. Это обстоятельство и нависшая уроза самых тяжелых последствий от катастрофы на одном из русских фронтов заставили весьма призадуматься британского министра лорда Китченера и привело его к заключению о необходимости дать преимущество русским военным заказам. На такое решение его также упорно наталкивал своими депешами британский посол в Петербурге лорд Бьюкенен, находившийся в постоянных сношениях с видными членами Особого Совещания.

В результате, лорд Китченер предложил всем союзникам незамедлительно собрать в Лондоне международную конференцию по урегулированию и планировке очередных поставок военного снабжения — в составе ответственных представителей каждой из союзных стран. Во главе итальянской миссии должен был стать крупнейший генерал (если не ошибаюсь, Кадрова); французская делегация возглавлялась Альбером Тома, министром военных снабжений. По принятии русским правительством предложения лорда Китченера во главе русской делегации, после продолжительных переговоров, было решено командировать, как заместителя военного министра, вице- адмирала Русина, искушенного в международных конференциях, совещаниях, к тому же хорошо знавшего английский язык. По своей должности начальника морского генерального штаба он являлся достаточно осведомленным в общих вопросах, касающихся плана и средств для поддержания боевой готовности военно-сухопутных и морских сил.

В помощь ему было решено отрядить наиболее компетентных чинов военного ведомства по различным специальностям. Ставка Верховного Главнокомандующего и заготовительные управления военного министерства стали совместно вырабатывать нормы необходимого для наших вооруженных сил военного снабжения, которое русское правительство намеревалось получить от наших союзников и главным образом из Англии и Соединенных Штатов. Новый военный министр, генерал Поливанов, сменивший на этом посту генерала Сухомлинова, уволенного по настоянию наших законодательных палат и общественности, вносил много динамики, требуя активной работы от подчиненных ему управлений и лично руководил сводкой всех заявок военного и военно-морского ведомств.

В один прекрасный день сентября 1915 года начальник Канцелярии военного министерства, генерал Лукомский, вызвал меня к себе в кабинет и спросил меня, говорю ли я по-английски. Я ответил, что знаю английский язык довольно хорошо, изучив его в Императорском Александровском лицее и занимаяся независимо от этого дома с английскими преподавателями. — "Хорошо", сказал он: "сегодня, после заседания Особого Совещания, председательствуемого генералом Поливановым, он заедет сюда в Канцелярию, где он хотел бы с вами переговорить. Будьте любезны преставиться ему в указанный им час".

Вернувшись из заседания, в котором я исполнял под начальством генерала Бибикова, обязанности секретаря, я не долго ждал, так как генерал Поливанов тотчас же вызвал меня в свой кабинет военного министра и, подергивая, как всегда своим плечом и головой, спросил меня, чувствую ли я себя достаточно практически знающим английский язык, чтобы поехать от Канцелярии военного министерства в Лондон в составе миссии адмирала Русина. Я повторил сказанное мною раньше генералу Лукомскому и добавил, что я смогу еще усовершенствовать свои знания каждодневной работой на курсах Берлица, где я намеревался брать частные уроки.

— "Отлично", заметил генерал Поливанов: "вот в чем будет заключаться ваша задача. Выработанная и мною утвержденная программа предметов военного снабжения, которое мы будем требовать от Англии, будет передана для технического перевода офицерам британского генерального штаба, прикомандированным к британской военной миссии в Петербурге, возглавляемой полковником Нокс, британским военным агентом. Вы будете при них в роли толкача, чтобы работа их была закончена, как можно скорее, с целью не задерживать отплытие нашей миссии из Архангельска. Законченный перевод в трех копиях поступит в ваше распоряжение, из которых одну вы передадите генералу Лукомскому, а другие две вы сдадите в Военную типографию по секретному отделению, где эта программа должна будет быть напечатана в количестве всего лишь 5 экземпляров. Вы сдадите в Канцелярию 3 экземпляра, а остальные 2 вы повезете с собой на конференцию. Вы будете заниматься правкой корректур и передадите, все до единого, правленные листы с оригиналами программы генералу Лукомскому с тем, чтобы в типографии не осталось никакого следа этой работы.

— Помните, что мы оказываем вам, молодому чиновнику, огромное доверие, которое, я не сомневаюсь, вы оправдаете. Путешествие ваше — совершенно секретное, и потому никакому оглашению не подлежит. В составе нашей военной миссии, как этого хочет генерал Лукомский, с которым я согласен, вы будете подчинены непосредственно адмиралу Русину, моему заместителю. Вы будете принимать участие во всех заседаниях и на всех приемах. Не скрою, что ваше путешествие будет сопряжено с опасностью для жизни, из-за морских мин, подводных лодок, бомбардировок с воздуха и т. п. Поэтому при всех обстоятельствах вы должны иметь при себе специальный портфель, который вам будет выдан и в котором будут находиться два экземпляра нашего плана военных потребностей.

— В случае вашей неминуемой гибели, портфель этот с его содержимым должен погибнуть вместе с вами. Семья ваша будет нами обеспечена в случае, если с вами стряжется несчастье.

— По возвращении с конференции вы мне представите лично рапорт о том, чего свидетелем вам удалось быть. Ну, теперь — в добрый час! Ни пуха, ни пера" — закончил военный министр и подал мне руку на прощенье, подергивая по привычке плечом и головой.

Закипела работа. Вечером я усилено изучал английский язык. Днем мне приходилось объезжать на данном в мое распоряжение, казенном автомобиле управления: артиллерийское, военно-техническое, интендантское и военно-санитарное, чтобы торопить с окончанием составлявшихся ими списков их потребностей. Тут же неоднократно приходилось сталкиваться с косностью чинов военно-заготовительных органов, с трудом разбиравшихся в важности и срочности порученной им работы. Частично получаемые сводки я начерно переводил на английский язык.

Когда, наконец, после энергичного вмешательства генерала Лукомского сводки были закончены, я передал сделанный мною перевод группе британских офицеров, состоявших при нашем генеральном штабе. Это были все старые знакомые по Петербургу, завсегдатаи теннисных площадок и футбола, которые по объявлении войны и мобилизации в Англии, туда не поехали, но предпочли остаться прикомандированными к разным штабам в действующей армии и к генеральному штабу в Петербурге.

Это были преимущественно не компетентные в военном отношении лица, которые мало были знакомы с военной техникой и технической терминологией. Дело с отделкой перевода тоже подвигалось медленно к великому неудовольствию военного министра, который довел об этом до сведения Ставки. Немедленно прибыл в Петербург блестящий британский военный агент, полковник Нокс, рыжеватый великан с голубыми глазами. Он взялся сам за дело и, быстро кончив перевод, представил сводный перечень военных потребностей на усмотрение генерала Поливанова. Дело стало приближаться к концу. Я работал в Военной типографии над коректурой ведомости. Наконец, вся эта работа была закончена и ведомость эта, названная, "List of articles to be needed for the defence of the State" была готова к печатанию. Равным образом закончена была инструкция для миссии и список лиц, сопровождавших адмирала Русина.

После переговоров между Ставкой и британскими властями было решено, что Британское адмиралтей-

ство вышлет за миссией свой вспомогательный крейсер "Арланца", переделанный для военно-морских целей из мирного трансатлантического парохода в 17.000 тонн, который, под флагом Royal Mail Steam Packet Company, перевозил пассажиров и грузы из Англии в Южную Америку и обратно. Его снабдили артиллерией и он вступил в патрульную службу британского флота. Недоверяя русским судам перевозку нашей миссии, Британское адмиралтейство и поручило этому крейсеру доставить нас в Англию из Архангельска.

Все приготовления были закончены. Я получил от министерства иностранных дел дипломатический паспорт, а из Кредитной канцелярии аккредитив на банк в Лондоне, а также, приятно хрустевшие, чистенькие билеты Bank of England по 100 фунтов стерлингов... Как я уже сказал, во главе русской миссии в качестве заместителя военного министра был вице-адмирал Русин, сухенький, маленького роста моряк с пробором по середине покрытым седеющими волосами, с проседью в усах, с подстриженной à la Henri IV бородкой. За ним по старшинству следовал генерал-майор Савримович, представлявший в своем лице Главное военно-техническое управление, руководимое генералом Шварцем. Полковник Федоров, изобретатель русского автоматического ружья, которым имели в виду перевооружить русскую и английскую пехоту, являлся делегатом Главного артиллерийского управления, во главе которого, как я сказал, стоял тогда весьма энергичный генерал Маниковский. Отдел заказов Главного интендантского управления, возглавляемого генералом Шуваевым особого делегата не имел и на полковника Федорова была возложена обязанность давать объяснения по вопросам интендантства. Военно-санитарная часть, также не имевшая своего представителя, наметило меня для пояснения сделанных заявок. Наконец, оба морских офицера : старший лейтенант Романов и лейтенант Любомиров, представляли собою ближайших сотрудников адмирала Русина по морской части нашей миссии. Сверх того, генерал-майор Кельчевский, командированный Ставкой должен был пересечь Скандинавию и пробраться через Норвегию в Англию, где ему надлежало присоединиться в Лондоне к нашей миссии.

Сопровождать нас назначены были полковник Нокс, британский военный агент, и его помощник, майор Блэр, который, получив новое назначение, возвращался в Англию вместе с ехавшей с ним его милейшей женой, которой суждено было пережить с нами все события нашего плавания.

В одно прохладное октябрьское утро мы все прибыли на Николаевский вокзал в Петербурге, где нас ожидал комфортабельный экстренный поезд в составе 4—5 вагонов. Народа при отъезде не было, потому что наша поездка держалась в большом секрете и только самые близкие члены семьи могли быть допущены на перрон. Прощание, приветствия, благопожелания, рукопожатия, слезы — затем резкий свисток локомотива, и поезд наш, громыхая по рельсам и отщелкивая стрелки, двинулся в путь, увозя нас навстречу неведомому будущему.

Дорога в Архангельск монотонна и окружающий пейзаж видный через окно вагона, кажется, хотя и грандиозным, но диким. Бурелом, таежная картина, наводящая тоску и уныние. Чем далее уносились, тем холоднее делалось извне. В своем салон-вагоне адмирал Русин устроил первое собрание группы, на котором сопровождавшие его чины давали объяснения, каждый по своей части, касавшиеся недопечатанного перечня наших военных потребностей. Адмирал предостерегал нас от излишней откровенности по отношению к приставленным к нам англичанам, зная что они всегда будут держать сторону британского военного министерства, а не интересы нашей Ставки.

В моем комфортабельном отделении, после собрания, я крепко заснул. На другой день, когда мы подъезжали к Архангельску, мы заметили, что Северная Двина уже была частично скована льдом.

На вокзале нашу миссию встретил, окруженный своим штабом, недавно назначенный главноначальствующий над портовым районом Архангельска, адмирал Угрюмов. После официальных приветствий, взаимных расспросов наш адмирал со всей морской свитой укатил в штаб адмирала Угрюмова, мы, военнослужащие, получили возможность, сдавши в надежное место на хранение наш багаж, пойти ознакомиться с городом.

Архангельск произвел на меня самое унылое впечатление. Длиннейшая улица вдоль Двины, переходящая с каждой из двух сторон незаметно в промерзлую тундру, затем здания, построенные по одному и тому же шаблону и, наконец, кипящий жизнью порт. Несколько позже мы его и посетили под водительством адмирала Угрюмова, и в особенности Соломбалу, новую пристань для океанских пароходов. Под влиянием динамичного адмирала Угрюмова Соломбала оказалась очень скоро, в смысле современных своих новых портовых сооружений, на высоте предъявляемых требований к портовому устройству. Заслуга адмирала Угрюмова была тем более примечательна, что благодаря быстроте оборудования и переустройства порта, а также рационального использования отпущенных ему технических средств, — непрерывный рост этого строительства явился прямой причиной ускорения разгрузки, и отправления в центральную Россию прибывающих из-за границы военных грузов и стратегического сырья, необходимого для наших заводов, работающих на оборону.

Таким образом единственно открытая нам для сношений с союзниками дверь — Белое море, в результате мероприятий, принятых под давлением входивших в состав Особого Совещания по обороне общественных деятелей, была быстро оборудована, под талантливым руководством адмирала Угрюмова и сде-

лалась ценнейшим орудием в руках нашего командования и органов военного снабжения для притока извне материальных средств для ведения войны.

Независимо от этого, как паллиатив, тем же Особым Совещанием решено было срочно связать железнодорожным путем Мурманск со столицею, чтобы смочь продолжать приемку и отправление грузов с военных транспортов, прибывающих в незамерзающие гавани нашей Лапландии в тот зимний период, когда Белое море будет становиться закрытым для судоходства сковывающим его ледяным покровом.

После обеда мы погрузились на транспорт "Бакан", задачей которого было доставить нас к стоявшему на якоре в нескольких милях, пришедшему из Англии крейсеру "Арланца", уже готовому принять в качестве гостей Британского правительства адмирала Русина и его миссию.

Сердечно попрощавшись с провожавшими нас гражданскими и военными властями, мы снялись с якоря и пошли медленным ходом среди небольших ледяных торосов в сторону открытого моря. Вскоре на горизонте в бинокль, а потом и невооруженным глазом, можно было видеть гармоничные очертания вспомогательного крейсера "Арланца", купавшегося в последних лучах заходящего солнца, которое на этих широтах показывается в октябре лишь на короткий срок.

(Продолжение следует)

Августейший шеф полка

Б. ЛЕВШИН

После беспрерывных боев 1914—15 гг. и зимнего периода позиционной войны, в конце марта 1916 года, 15-й гусарский Украинский Ея Императорского Высочества Великой Княгини Ксении Александровны полк, в составе дивизии, отошел в резерв фронта и был расквартирован по небольшим и бедным деревням в районе м. Корсовка Псковской губернии. Штаб полка разместился в центральной деревне недалеко от железнодорожного переезда.

Весна была в полном разгаре. В прогалинах таял последний снег, солнце согревало землю, которая покрывалась яркой зеленой травой, на деревьях появилась и быстро распускалась листва. В эскадронах приводили в порядок седла, снаряжение, обмундирование. Офицеры-спортсмены выписали из тыла английские седла и тренировали лошадей на скачки и прыжки. Офицерское собрание поместилось в большом необитаемом деревянном доме у железнодорожного переезда.

Вернувшийся в первых числах апреля из Петербурга командир полка, полковник А. А. Сакс, объявил неожиданную радостную весть: Шеф полка, Великая Княгиня Ксения Александровна выразила желание посетить полк. Приезд Ея Высочества назначался на 24-е апреля.

Всем офицерам, находившимся в отпусках, предлагалось прибыть к этому дню в полк; поручикам Берестоудь и Байдак, бывшим в командировке в Петербурге, приказано было ждать отъезд Великой Княгини и сопровождать Ея Высочество в пути. Штабс-ротмистры Перонес и Лилиенталь назначались офицерами-ординарцами к Шефу на время пребывания Великой Княгини в полку. Общим решением постановлено было, всем офицерам к приему Шефа иметь однообразную, установленную походную форму одежды.

Принимать Августейшего Шефа возможно было только в доме, в котором помещалось офицерское собрание. Так как этот дом расположен был относительно далеко от станции Корсовка, а дороги еще не высохли после весенней распутицы, то решено было соорудить платформу у самого железнодорожного переезда, где и остановить поезд, с которым прибывала Великая Княгиня.

Немедленно приступили к работам из "подручного матерьяла". Дом у железнодорожного переезда был в довольно плачевном состоянии. Мне поручалось привести его в порядок и приготовить две комнаты для Ея Высочества. За недостатком времени нечего было и думать белить потолки и оклеивать стены обоями. В м. Корсовка мне посчастливилось найти атласную материю, которой я решил обить потолки и стены. Большого выбора в материях не было, и пришлось взять то, что было в достаточном количестве.

По странному совпадению цвета материй оказались — одна померанцевого, другая голубого — для потолка же белая, т. е. цветов полка. Присланные из эскадронов гусары — обойщики по профессии — быстро декорировали обе комнаты. Из имения генерала Свечина, находившегося в окрестностях м. Корсовка, привезли необходимую мебель. Запущенный сад, окружавший дом, расчистили, перед террасой дома соорудили из веток березы часовню, в которой стоял штандарт и аналой с полковой иконой св. Николая Чудотворца, благословение Шефа полку перед выступлением на войну в 1914 году. У сооруженной из шпал и щитов платформы были посажены елки и березы, окружавшие, в перемешку с мачтами для флагов, утрамбованную площадку.

Настал с нетерпением ожидаемый день. С утра выдалась чудная солнечная погода. Для встречи Августейшего Шефа был составлен эскадрон из георгиевских кавалеров, под командой ротмистра Левенштейн, выстроившийся вдоль платформы. На правом фланге

тихо колыхался наш развернутый старый штандарт с вензелем Императора Николая I-го. На левом фланге построились офицеры полка.

Наконец, вдали показался приближающийся поезд. Замедлив ход, он остановился у переезда так, что вагон, в котором следовала Великая Княгиня, пришелся точно у платформы. По небольшой лестнице, которую подвели два бравые унтер-офицера, Великая Княгиня в темно-синем костюме, с полковым жетоном в петлице, сошла на платформу, встреченная командиром полка под звуки нашего мелодичного марша.

Выслушав затем рапорт ротмистра Левенштейна, Ея Высочество направилась в сопровождении его к почетному эскадрону. Остановившись перед штандартом, негромким, но отчетливым голосом, Великая Княгиня поздоровалась с гусарами и направилась вдоль эскадрона, приветливо вглядываясь в загорелые лица закаленных в боях Ея гусар.

Поздоровавшись с офицерами, Ея Высочество направилась в сопровождении князя Федора Александровича, полковника князя Орбелиани, фрейлины С. Д. Евреиновой, командира полка и офицеров-ординарцев к дому у переезда.

По обеим сторонам дороги Августейшего Шефа приветствовали гусары, прибывшие от каждого эскадрона. В саду, у временной часовни Великую Княгиню ожидал полковой священник, отслуживший краткий молебен с провозглашением многолетия царственной гостье. После молебна Ея Высочество в сопровождении своей свиты и старших офицеров проследовала в столовую, где был сервирован легкий завтрак и кофе.

К 11 часам полк выстроился на невспаханном поле. Приняв парад и объехав все эскадроны, Великая Княгиня изъявила желание посетить расположение ближайшего 2-го эскадрона. Оставив в стороне сопровождавших, Ея Высочество с чарующей простотой и приветливостью разговаривала с гусарами, попробовала из походной кухни готовый к раздаче обед, посетила избы, занимаемые гусарами, и хлева, в которых стояли лошади. Бравый вахмистр, подпрапорщик Белоусов, с гордостью представлял Шефу свое детище...

После завтрака, на котором присутствовали все офицеры, врачи и чиновники, Великая Княгиня отдохнула непродолжительное время и в поданном экипаже, в сопровождении всех офицеров отбыла на специально подготовленное поле для конного праздника.

Рубка шашкой, упражнения с пикой, гладкая скачка, прыжки через препятствия, вольтижировка, в которых проявляли умение и лихость офицеры и гусары, заключились "лисичкой", причем призом был платок Великой Княгини. Ея Высочество наблюдала за всем, окруженная группой офицеров, расположившихся вокруг Шефа, кто сидя, кто полулежа на разостланных попонах.

К семи часам вечера все собрались к обеду, во время которого трубачи и песенники исполняли поочередно музыкальную программу специально приготовленную нашим "композитором" корнетом Ф. А. Евсевским.

Как водилось, с разрешения Великой Княгини, офицеры запели известную песню партизана 1812 года Дениса Давыдова: "Где гусары прежних лет..." и, сговорившись заранее, резко оборвали пение и аккомпанимент трубачей на слове "ментик" (в строфе — "ментик с вихрями играет"). Великая Княгиня, удивленная наступившим молчанием, обратилась к старшему штаб-офицеру, полковнику Н. Н. Шмит, с вопросом, почему прекратили петь, на что последний в свою очередь спросил:

— Вы изволили заметить, Ваше Высочество, на каком слове прекратилось пение?

Не задумываясь, Великая Княгиня с улыбкой сказала:

— Я внимательно слушала и песня прекратилась на слове "ментик". Я поняла, в чем дело, а так как это и мое желание, чтобы гусары имели ментики, я буду, по возвращении в Петербург, просить Государя пожаловать их полку".

Через мгновение снова полилась гусарская песня еще с большим воодушевлением.

Позднее, Ея Высочество в одном из писем командиру полка сообщила, что Его Величество Государь охотно изъявил согласие пожаловать полку ментики и, по окончании войны, когда нам предстояло явиться на царский смотр в Красное Село, полк должен был быть представлен Шефом в парадной форме при ментиках. Великой Княгине очень нравилась наша форма и особенно померанцевый цвет доломана, единственный в то время в военных формах, как русских, так и иностранных.

Во время обеда Ея Высочество выразила желание прислать в полк офицерам и гусарам вино, на что ротмистр Мюллер, сидевший напротив Великой Княгини, большой "любитель" и знаток тонких вин, встал и с почтительно-серьезным видом сказал: "Ваше Императорское Высочество, позвольте мне от имени всех нас принести Вам глубокую благодарность, так как лучшего подарка нельзя придумать".

Великая Княгиня и мы веселым смехом поддержали откровенность ротмистра Мюллера. Через три недели в полк прибыло несколько ящиков прекрасных крымских вин для офицеров и по бочке на каждый эскадрон и команды. Постановили подавать эти вина в тех случаях, когда собирались все офицеры, и в меню писалось — "великокняжеское вино".

Мы были очень избалованы заботами Великой Княгини во время войны. Наши раненые, офицеры и гусары, направлялись в госпиталь имени кн. Юсупова. Поочередно офицеры приглашались для отдыха в имение Великого Князя Александра Михайловича "Кореиз" в Крыму, когда там находилась Великая Княгиня. На фронте мы получали папиросы, шоколад, одеколон, теплые жилеты. Зимой гусары получали из комитета имени Великой Княгини перчатки, наушни-

ки, шарфы и прекрасное белье в таком количестве, что не было нужды пользоваться казенным.

Приезд Ея Высочества в полк являлся для нас редким событием, но общение между Шефом и нами поддерживалось постоянно: все офицеры, по очереди приглашались к Ея Высочеству в Петербург: каждый, являющийся в первый раз, получал лично от Великой Княгини полковой жетон. На праздниках Пасхи и в дни тезоименитства поздравлять Шефа ездили офицеры, вахмистры и гусары от каждого эскадрона.

Великая Княгиня Ксения Александровна сочетала в себе царственное величие с редкой обаятельностью русской женщины; взглядом своих глубоких, полных доброты, чарующих глаз, она проникала в сердце каждого, кто имел счастье ее видеть и с ней говорить.

Будучи в училище, я избрал Украинский гусарский полк, так как хотел служить в Царстве Польском. В то время, не зная еще лично Шефа, я был горд выйти в полк, украшенный именем сестры Царя. После моего первого представления Великой Княгине во мне совершенно естественно выявились чувства беспредельной преданности и сознательного преклонения, соединеного с обожанием.

День 24 апреля 1916 года был настоящим праздником с раннего утра до позднего вечера. Выписанный из Петербурга фотограф не уставал снимать Великую Княгиню, окруженную то офицерами, то в группе вахмистров и унтер-офицеров, то среди рядовых гусар. Князь Федор Александрович в этот день был зачислен своей Августейшей Матерью гусаром во 2-й эскадрон и тотчас же одел форму — гимнастерку с голубыми погонами. Пребывание Августейшего Шефа носило исключительный характер непринужденности. Все время Великая Княгиня находилась среди своих гусар, приветливо говорила с ними, интересовалась боевою жизнью полка, расспрашивала рядовых гусар о их нуждах, за какие подвиги получены ими награды, как живут семьи и т. д. Все чувствовали себя свободно в общей беседе за столом: Великая Княгиня чаровала всех нас своей простотой обращения.

Приближалось время прибытия поезда, с которым наша царственная гостья отбывала в столицу. На платформе собрались все офицеры, вахмистры, унтер-офицеры и от каждого эскадрона наряженные конные гусары, построившиеся по обе стороны железнодорожного пути. Офицеры подходили прощаться с Шефом, Ея Высочество благословляла каждого иконкой св. Николая Чудотворца, благодарила за прием, обещая приехать еще в полк. Подошедший поезд медленно подвел вагон Великой Княгини к платформе, и через несколько минут двинулся дальше под звуки нашего чудного полкового марша.

Долго смотрели мы вслед приветливо махавшей нам рукой из окна вагона Великой Княгини, а по обе стороны пути скакали гусары, провожая обожаемого Шефа, пока поезд, ускоряя ход, не скрылся в наступающей темноте.

Вернувшись в собрание, офицеры обменивались впечатлениями дня. Никому не хотелось возвращаться в эскадроны. Через несколько часов, с восходом солнца, полк выступил на фронт и никто не предполагал, что приезд Великой Княгини накануне был последним радостным событием в жизни полка, оставившим в памяти каждого неизгладимое впечатление о светлой личности Августейшего Шефа, Великой Княгини Ксении Александровны.

***

Через год разразилась революция. До последнего дня своего существования полк гусар Великой Княгини Ксении Александровны оставался дисциплинированною частью и ничем не запятнал свое историческое прошлое и имя Августейшего Шефа. Уцелевшие после Гражданской войны офицеры нашей гусарской семьи, несмотря на рассеяние по всему миру, сохраняли связь с Шефом полка и между собою. Христианское смирение, покорность воле Всевышнего и беспримерное достоинство, с которым Великая Княгиня несла тяжелый крест изгнания, служили нам примером и поддержкой в жизненной борьбе на чужбине. Светлый, чарующий образ Августейшего Шефа мы благоговейно храним в наших сердцах до последнего дня.

Воспоминания морского врача

Я. КЕФЕЛИ

(Продолжение)

Этот наш десант всей эскадры оказался исключительно трудным при обратном походе на свои корабли. Он очень показателен. Мореходные качества всего личного состава были на большой высоте в те времена. Я опишу наше возвращение.

Мы вновь расселись по своим суденышкам, и десантная эскадрилья направилась к большой эскадре, медленно двигавшейся далеко в море. Серый день клонился к вечеру. Солнца не было видно. Море слегка волновалось. На вельботе покачивало. Все мы, и матросы и офицеры, были бодры, ибо были молоды и здоровы.

Не прошло и получаса, как надвинулся сначала легкий, а потом довольно густой туман. Мы потеряли из виду эскадру, но друг друга видели. Затем стали скрываться дальние катера, ближайшие еще были видны хорошо. Не заметили, как вдруг наступила ночь. Плыть на гребных судах стало трудно, гребцы устали.

Мы стали опасаться возможности ночью отстать от нашего плавучего стада и заблудиться на шестивесель-

ном вельботе без пищи, без воды в открытом море. Паровые катера наших соседей справа и слева постагили бортовые огни. Наступила полная ночь. У кого был на шлюпке конец, подавали его на катер и шли на его буксире.

Чем дальше мы уходили в море, волнение усиливалось, и небольшие шлюпки сильно качало: то нос, то корма погружались и задирались. Особенно плохим было положение мелких шлюпок — вельботов. Мы тоже подали конец на предшествующую шлюпку, которую уже тащил катер. Из-за темноты соседи по шлюпкам все время перекликались друг с другом, но было плохо слышно и приходилось громко кричать. Откуда-то раздавались команды в рупор, но их трудно было разобрать среди общих многолюдных окриков и плеска морских волн. Сырость и наступившая прохлада ночи затрудняли наше и без того критическое положение. Мы шли уже больше двух часов, между тем с эскадры на берег десант дошел в 20—30 минут.

Всем стало ясно, что мы заблудились в море и не идем на сближение с эскадрой, а куда-то в сторону. Хотя мы видели наших ближайших соседей в темноте и на некотором расстоянии могли еще видеть бортовые огни паровых катеров и баркасов, но мы не знали, вся ли эскадрилья составляет еще одно целое, или мы уже потеряли из виду ту или другую ее часть. Вдруг в тумане мы различили несколько гигантских вертикальных световых столбов упиравшихся в небо. Особенно четко мы видели верхушки этих столбов, как бы раструбом направленным в верхние слои облаков. Мы сразу поняли, что это прожекторы эскадры светили вверх, чтобы указать нам дорогу в густом тумане в непроглядную ночь. Нижние, тонкие части этих гигантских столбов едва только можно было различить в очень густом тумане над волнующейся поверхностью моря. Эти световые столбы были несколько вправо от нас. Стало ясно, что мы потеряли направление на эскадру и шли в сторону открытого моря.

Наши соседи и весь наш караван повернули и взяли курс на эскадру — световые столбы. Волнение не ослабевало, а скорее усиливалось, стало дергать буксирный конец. Вдруг нас подбросило волной; потом во тьме корма вельбота упала вниз, задрался нос, и с треском лопнул конец, за который нас тащил баркас, в свою очередь влекомый паровым катером, которого за темнотой и туманом мы уже не видели.

Мы остановились, а корма буксировавшего нас баркаса стала исчезать во тьме ночи и тумана. Старшина моего вельбота стал кричать, но наш буксир скрылся, очевидно в темноте не заметив постигшей нас катастрофы. Видя, что мы рискуем остаться один в море (мы шли в концевой линии), я скомандовал:

— На весла! Греби веселей! А затем еще добавил: — По чарке молодцам! Правда, в кредит, по возвращении на корабль...

Криков старшины не услышали. Соседи нас опережали. Опасность отстать и потеряться в море увеличивалась. Тогда, чтобы обратить внимание быстро уходящих от нас соседей, я решил, пока не поздно, применить морскую терминологию нашего старшего офицера и нашего старшего боцмана.

— Навались, пагались, скомандовал я гребцам и во все горло заорал: — Так, так, так! Подать конец! Подать конец! — Стоп на катере!

Нас услышали. Остановились, и после ряда попыток, сначала не удававшихся из-за волнения и опасения подмять под себя наш утлый вельбот, с большого баркаса, последнего в цепи, нам подали конец. Мы опять пошли на буксире последним звеном в цепи шлюпок, влекомых чьим-то катером, скрытым от нас во мгле и тумане.

Гребцы сложили весла и стали потирать озябшие руки. Крючковой на носу получил приказание от старшины командирского вельбота (мы шли на командирском, с лучшими на "Пересвете" гребцами и старшиной-квартирмейстером) зорко следить и подтягивать слабеющий буксирный конец, чтобы опять не порвать его при ударах ныряющего на волнах носа нашего вельбота.

Туман еще более сгустился. Световые столбы стали расплываться и скоро исчезли. Наступил полный мрак. Мы опять потеряли направление к эскадре...

Было больше 10 часов вечера. Вдруг слышим пушечную стрельбу: равномерную, редкую: через определенные промежутки времени раздавался выстрел. Это адмирал, обеспокоенный погодой, видя критическое положение десанта в открытом море, стрельбой указывал нам путь в тумане.

Только около полуночи мы добрались до своих кораблей, промокшие от сырости, от прыгания в воду со шлюпок при десанте на берег и от брызг волн при возвращении, озябшие и до крайности уставшие.

В полночь мы пообедали, согревшись ромом, и легли спать в теплых уютных каютах.

К утру эскадра подошла к артурскому рейду. Я узнал, что все единицы десанта благополучно вернулись на свои суда.

Мореходные качества русского флота на Дальнем Востоке в те времена были на большой высоте.

***

Осенью 1903 года состоялись маневры всего флота. В этих маневрах принимал участие и Владивостокский отряд крейсеров I ранга в составе "Громобоя", "России", "Богатыря" и "Рюрика", который для этого пришел в Порт-Артур.

В это время я был переведен с "Пересвета" и назначен врачом I отряда эскадренных миноносцев. Как я уже писал выше, половина нашего отряда весь сентябрь провела на острове Эллиот. Мы не знали подробностей о предстоящих маеврах и только к концу сентября ушли из бухты Торнтон и присоединились к флоту, маневрировавшему в те дни в водах Желтого моря.

Маневры флота сочетались с маневрами сухопутных сил. Какие задания были даны маневрировавшим, нам не было известно. Однако, весь наш отряд

целую неделю, день и ночь, передвигался с главными силами.

Командира "Безпощадного", лейтенанта Долгобородова (я плавал у него), особенно озабачивало ночное плавание без огней. Он сетовал, что наши суда очень мало упражнялись в ночном плавании без огней, и поэтому по ночам не сходил с командного мостика.

Как-то погода была свежая, изрядно качало, ночь была безлунная и небо покрыто тучами. От скуки и я был на мостике около командира.

Вдруг Долгобородов заволновался, зорко всматриваясь влево от нас.

— На нас что-то прет громадное, воскликнул он.

— Право руля! Полный ход машинам! — не растерялся он.

Огромная черная масса, валившая нам в левый бок, оказалась учебным судном "Океан". Чудо и бдительность лейтенанта Долгобородова спасли нас от верной гибели. Еще полминуты и "Безпощадный" был бы перерезан надвое.

"Океан" незадолго до того прибыл из России. На нем, между прочим, пришел и капитан I ранга А. Н. Крылов, знаменитый математик и потом академик, изучавший на ходу колебания борта корабля. Я упоминаю об этом потому, что офицеры, не знавшие ранее вод и берегов Дальнего Востока, не сразу приспосабливались к новым условиям. Помню, об этом особенно много говорили командиры и флотские офицеры на наших миноносцах после гибели "Стерегущего". Командиром "Стерегущего" в день его гибели был лейтенант Сергеев, прибывший в Артур уже после начала войны. Таких старых лейтенантов "на окладе" было командировано на Тихоокеанскую эскадру около двадцати человек. Большинство из них никогда не плавало на Востоке и не знало тамошнего флота и условий службы. А между тем, по старшинству они часто попадали на должности командиров эскадренных миноносцев.

Так как я сам плавал на "Стерегущем" в начале войны, когда им командовал лейтенант Борис Кузьмин-Караваев, опытнейший моряк в тех водах, то хорошо помню, что назначение на его место Сергеева всех тогда удивило. Вместе с Кузьминым-Короваевым и я, как чин штаба отряда, перешел на другой миноносец. Сергеев же, накануне прибывший в Артур, впервые вышел в море в день своего назначения, и притом, в ночную охрану рейда, которого не знал и очертаний берега которого никогда с моря не видел. В ту же ночь, под утро, Сергеев наткнулся на японцев и геройски погиб вместе со "Стерегущим".

*
**

Одним из крупных промахов в организации будущего театра предполагаемых военных действий для флота была береговая служба связи. В те времена она только зарождалась. Потом, уже в Балтийском море, перед первой Мировой войной, она была доведена до художественного совершенства адмиралом А. И. Непениным, бывшим в Артуре командиром одного из эскадренных миноносцев.

Случайно я был свидетелем первых шагов по организации этой службы для Тихоокеанской эскадры на берегах Желтого моря.

Еще летом 1902 года крейсер 2 ранга "Забияка", на котором я тогда плавал, развозил по довольно безлюдному побережью Ляодунского полуострова со стороны Желтого моря команды сигнальщиков в три — пять человек. Их высаживали на шлюпках к подножию некоторых прибрежных высот. Кроме небольшого запаса провизии и, кажется, палаток, им даны были ружья и патроны.

Сообщаться с проходящими судами они должны были только путем семафора — ручными флажками. Ни телефона, ни лошадей для связи с центром у них не было. Могли ли эти пункты наблюдения видеть своих соседей по берегу для последующей передачи известий флажным семафором, я не знаю. Как дело обстояло зимою и в непогоду для жизни сигнальщиков и порученной им миссии (важность которой, видимо, не дооценивали), я также не знаю.

Через год, осенью 1903 года, такой же пост был высажен (о чем я писал выше) с эскадренного миноносца "Безпощадный" и отправлен на горную вершину одного из островов Эллиот у бухты Торитон. Этот пост был экипирован так же, как те, что устанавливала "Забияка" год тому назад.

*
**

(Далее в рукописи описывается внезапное нападение японских миноносцев на русскую эскадру в ночь на 27 января 1904 года, что явилось началом войны. Описание этой атаки, как ее видел и пережил автор воспоминаний, интересно изображено им в статье "Первый день войны", опубликованной в книге "Порт-Артур", напечатанной в издательстве имени Чехова в Нью-Йорке в 1955 г., стр. 57—60. Поэтому "Воен. Ист. Вестник" эту статью не публикует, а продолжает печатать неопубликованные части рукописи. Ниже описывается дневной бой 27 января, когда японский флот атаковал русскую эскадру, стоявшую на рейде Порт-Артура и уже понесшую тяжкие потери от ночной минной атаки.

Прим. ред).

**
*

Эскадренные миноносцы, стоявшие у Тигрового Хвоста около "Стерегущего", еще в течение ночи быстро один за другим стали выходить на внешний рейд. За ними вскоре потянулись и стоявшие во внутреннем бассейне и у Угольной стенки. В течение ночи еще около двадцати наших коллег, т. е. миноносцев, были уже в составе эскадры. Мы на "Стерегущем" тоже очень спешили — разобранную машину спешно собирали — и смогли выйти в море только тогда, когда начало светать.

Медленно мы прошли мимо "Ретвизана" и "Цесаревича". Оба броненосца, видимо, были уже вне опасности. Они, как тюлени, лежали по сторонам входа

в порт, склонившись сильно на один бок и зарывшись в воду.

Картина нас потрясла. Мы прошли мимо них. Никто из нас, смотревших с палубы "Стерегущего", не проронил ни слова. Суета и беготня на раненых броненосцах продолжалась.

Мы вышли на внешний рейд и стали в линию нашего отряда, невдалеке от "Петропавловска".

Уже совсем рассвело. Было холодно. Стоял мороз в 9 градусов. Я одел пальто с барашковым воротником и потом в течение всего дня почти не сходил с палубы "Стерегущего", наблюдая за происходившим.

На верушках обеих мачт всех больших судов эскадры развевались, поднятые еще с ночи, стеньговые андреевские флаги. Это были боевые флаги, которые по уставу поднимались при вступлении военного судна в бой.

Рейд представлял унылую картину. "Цесаревич" и "Ретвизан" отсутствовали в линии броненосцев. Они стояли далеко сзади под самым берегом и казались черноватыми пятнами на фоне глинисто-желтого гористого берега. Далеко вправо от эскадры в сторону Ляотешаня у самого берега в воде полулежала "Паллада". На видимость глаза в море не было видно ни одного комерческого парохода и даже ни одной парусной китайской джонки. Это особенно бросалось в глаза, так как рейд Прт Артура в ту пору был очень оживлен. Японские сторожевые суда за горизонтом, видимо, не допускали уже в нашу сторону никого.

В ожидании перемонии подъема флага, офицеры нашего миноносца по очереди на несколько минут спускались в кают-компанию пить чай. Несмотря на то, что в эту ночь никто из нас не сомкнул глаза, все были бодры и полны интереса к грянувшему и к грядущему.

На "Стерегущем" я числился "пассажиром", как чин штаба. Поэтому я был свободен от судовых обязанностей и все время мог находиться на верхней палубе, наблюдать происходящее и обсуждать все фазы событий этого знаменательного дня с командиром миноносца, очень способным моряком, капитаном 2 ранга Борисом Кузьминым-Караваевым, моим приятелем.

У меня был прекрасный призматический бинокль Цейсса, какого не было в штурманском оборудовании миноносца и ни у кого из наших офицеров. Командир часто пользовался моим биноклем. Я купил его в 1901 году в магазине Гвардейского Экономического общества, когда, окончив Императорскую Военно-Медицинскую академию, отправлялся на Дальний Восток, за 30 с чем-то рублей [1]).

———

[1]) Как я говорил выше, в конце февраля Кузьмина-Караваева перевели на другой миноносец. С ним переехал туда же и я. Через двое суток (26 февраля) "Стерегущий" погиб. С ним погибли оставшиеся еще там некоторые мои вещи, среди них погиб и мой "Цейсс".

В 8 часов утра с обычной церемонией стали поднимать кормовые флаги и гюйсы на всей эскадре, состоявшей более чем из тридцати боевых кораблей, стоявших на якорях в три линии. Перед глазами всего личного состава русского флота, в лице офицеров и матросов, выстроившихся на каждом корабле во фронт с обнаженными головами, медленно поднялись андреевские кормовые флаги и носовые гюйсы. Они дополнили боевой убор судов еще с ночи поднявших на стеньгах мачт свои боевые — тоже андреевские — флаги. На адмиральских кораблях музыка играла гимн "Боже, Царя храни". Судовые караулы отдавали честь ружьями. Трубили горнисты и били барабаны.

События не заставили себя долго ждать.

Не прошло и десяти часов после подъема боевых флагов Тихоокеанской эскадрой, как с борта "Стерегущего" мы неожидано увидели крейсерский отряд японцев в подобном же боевом уборе.

Не прошло трех часов после церемонии утреннего подъема флагов, как мы вступили в бой с главными силами японского флота, состоявшего из 16 больших кораблей под флагом адмирала Того.

В те минуты "Стерегущий" стоял вблизи флагманского корабля "Петропавловск" с начальником эскадры адмиралом Старком и невдалеке от родного мне "Пересвета" под флагом контр-адмирала князя Ухтомского. Я невольно не сводил глаз с "Пересвета" в его красивом боевом уборе в этот торжественный момент.

Около 10 часов утра справа от нас из-за маяка на горе Ляотешань вдруг неожиданно для нас вышли из Печилийского залива, как бы из нашего тыла, четыре быстроходных японских крейсера. Они шли в кильватерной колонне, неся на стеньгах каждой из своих двух мачт, огромные боевые флаги с кроваво-красными лучами восходящего солнца. Флаги эти были так велики, что занимали значительную часть мачт и нам ясно видны были их красные расширяющиеся лучи, хотя расстояние до них было настолько большим, что мы по японцам не открыли огня. Они торжествовали и таким образом хвастались своей ночной удачей. "Собаки", как называли тогда наши офицеры эти японские крейсера, шли на восток, как выяснилось вскоре, на соединение со своими главными силами.

За ним в погоню были посланы "Новик" и "Боярин", наши два легких быстроходных крейсера (с 25-узловым ходом) и вслед за японцами они также скрылись за горизонтом.

Эта линия из 12 огромных японских военных флагов (по три на каждом крейсере: по два на стеньгах и по одному на гафеле) с их кравaво-красным солнцем на белом фоне и такими же кроваво-красными расширяющимися во все стороны лучами — одно из самых ярких и значительных зрительных воспоминаний моей жизни. И сейчас, через пол века, я ясно вижу их и очарован боевым задором японского флота!

Не прошло и часу после того, как японские "соба-

ки" и бросившиеся за ними "Новик" и "Боярин" скрылись за горизонтом, когда сигнальщики "Стерегущего" заметили, что на горизонте показался "Боярин", несущий на себе сигнал из флагов. Наши сигнальщики быстро его разобрали:

— Вижу неприятеля в больших силах!

"Боярин" уходил от неприятеля, отстреливаясь.

Вскоре почти весь видимый на востоке горизонт ожившился. Далеко, далеко мы увидели в бинокли чуть-чуть заметные вертикальные черточки, выползавшие из-за освещенного утренним солнцем восточного горизонта. В морском воздухе черточки эти переливались, извиваясь, как змейки.

Из разговоров того времени помню, как высказывали предположения, что черточки эти мы видим, когда они еще за горизонтом. Происходило это из-за разницы в плотности воздуха в морозный день. Над самой поверхностью моря температура воздуха выше, а плотность его ниже, чем в более высоких слоях, где, наоборот, температура его ниже, а плотность выше. У штурманов эти явления называются рефракцией.

Вскоре стало ясно, что в нашу сторону двигается лес мачт и труб главных сил всего японского флота. Трубы у японцев почти не дымили, но благодаря рефракции продолжали переливаться в воздухе.

Мы все еще стояли на якоре. Начальник эскадры, адмирал Старк, был на берегу у Наместника с докладом о событиях прошедшей печальной ночи. Его флаг-капитан, капитан 2 ранга Эбергардт, ожидал его возвращения и сам ничего не предпринимал.

Японцы быстро приближались. Адмирала все не было.

На сигнальной мачте, стоящей на Золотой горе (высотою около 200 метров, расположенной у самого входа в гавань), все время один за другим взвивались какие-то флажные сигналы.

Когда японцы приближались к нам, на верхушках мачт всех больших судов японского флота мы увидели такие же боевые флаги Восходящего Солнца, какие мы видели час назад на их "собаках". Но на их шести эскадренных броненосцах и шести броненосных крейсерах боевые флаги не были столь большими, как на "собаках". Штурманский офицер на "Баяне", лейтенант Шевелев, успел разобрать следующий сигнал по международному коду, сделанный японцами:

— Сдавайтесь, а то всех перестреляем [1]).

На эскадре пробили боевую тревогу, и флаг-капитан, по морскому уставу, распоряжающийся в отсутствие старшего флагмана, поднял сигнал:

— Всем сняться с якоря вдруг!

Подняли якоря и только медленно стали двигаться вперед навстречу японскому флоту, как на Золотой горе взвился флажный сигнал:

— Ожидать прибытия адмирала!

Не знаю от кого исходил приказ, от начальника эскадры или от Наместника, который, как потом выяснилось, узнав о приближении всего японского флота, в экипаже поднялся на Золотую гору с начальниками сухопутных сил и оттуда наблюдал за ходом первого сражения обоих флотов.

Все видели, что японский флот под боевыми флагами полным ходом несется на нас в строю фронта. А мы стоим или топчемся на месте и, странно, не проявляем инициативы.

Очень скоро весь фронт японского флота стал нам ясно виден. Остроглазые сигнальщики и офицеры, знавшие силуэты кораблей противника, называли "японцев" по именам.

Неловкость положения усиливалась, как вдруг мы были потрясены странно резкими звуками, и в невдалеке от нас на воде увидели несколько взлетевших вверх водяных столбов. Звуки взрывов были незнакомы нашему уху и крайне неприятны. Тогда я впервые вблизи себя услышал разрывы больших снарядов. Это не было похоже на звуки выстрелов из наших больших орудий.

Через несколько секунд корму "Стерегущего", где мы стояли с Кузьминым-Караваевым, слегка подбросило волной от близкого разрыва снаряда в воде, и миноносец закачался. Началась канонада с обеих сторон.

Хотя адмирала все еще не было, но этого нельзя было поставить ему в вину. То была просто одна из тех многочисленных неудач, которые сопровождали эту неудачную войну. Все совершилось в течение лишь получаса: от момента появления на горизонте "Боярина" с сигналом о приближении неприятельского флота до начала боя. На такой срок адмирал, естественно, мог поехать к Наместнику, чтобы со всеми властями Дальнего Востока осветить правительству положение, создавшееся с началом военных действий и наметить меры для флота, армии и прочих служб государственного управления в отдаленом крае. С эскадры во дворец и обратно только на переезд по морю и посуху требовалось почти по получасу в каждый конец. То была, увы, тоже лишь "неизбежная в море случайность", предусмотренная морским уставом Петра Великого.

Однако, психологически было важно то, что все знали об отъезде адмирала на берег и что его нет на "Петропавловске" в такую историческую минуту, к которой флот готовился и которую ожидал ровно полстолетия после последней морской войны в Севастопольскую кампанию.

Когда адмирал на шлюпке или на паровом катере переезжает с корабля на корабль или на берег, на носу шлюпки ставится его флаг. У Старка, как вице-адмирала, был андреевский флаг с синей полоской внизу. При переезде его на всех судах, мимо которых он идет, наверх во фронт вызываются караул,

---

[1]) Письмо ст. лейт. Самарского от 17 декабря 1951 г.

офицеры и команда. Поэтому, сигнальщики, стоящие на мостике, зорко следящие за всем, что происходит в окружности корабля, следят, конечно, и за передвижениями адмирала, своего высшего начальника. Так как сигнальщики расшифровывают все флажные и другие сигналы по сигнальной книге, хранящейся в исключительном секрете, и тут же при всех докладывают их вахтенному начальнику, старшему офицеру или командиру судна, то все новости по кораблю быстро передаются всему экипажу. Через минуту их знает верхняя команда, а через пять минут новости доходят до кочегарки и глубоких трюмов. На корабле в бою все матросы в курсе хода боевых операций почти настолько же и так же быстро, как командир и адмирал.

Все знали, что адмирала нет.

В этот момент мы заметили идущий между судами нашей эскадры, стоящей все еще на месте, паровой катер с вице-адмиральским флагом на носу. Это адмирал Старк спешно возвращался на свой флагманский корабль. В этот же момент подбежал матрос с мостика и доложил командиру "Стерегущего", что идет катер с начальником эскадры, держа курс на "Петропавловск".

Я наблюдал в бинокль и ясно видел адмирала и на катере, когда он шел, как бы лавируя между водяными столбами от разрывов в воде неприятельских снарядов и тогда, когда, взойдя на броненосец, он шагал по его борту, направляясь на командный мостик. Его длинная борода была ясно видна мне. "Петропавловск" стоял близко к нам. К приезду адмирала, якоря на судах были уже подняты. Тотчас эскадра зашевелилась и очень медленно стала продвигаться в сторону неприятеля, стреляя из всех орудий крупного калибра.

Далеко вылезавшие парами из толстостенных броневых башен 12 дюймовые орудия наших эскадренных броненосцев, высоко задирали свои длинные суживающиеся дула. Они медленно вращали жерлами, ища жертву у далекого еще от них неприятеля. Потом, остановившись на миг, вдруг извергали двойные огненные плевки в сторону врага, в ярости раздирая воздух звуками, непереносимыми человеческим ухом. Наша стрельба и разрывы встречных неприятельских снарядов, падавших в нашем окружении, сливались в протяжный гром.

Противники сближались. Осененные боевыми флагами оба флота, наконец, вступили в жаркий бой.

Японцы засыпали нас сотнями снарядов, разрывавшихся во множестве в воде и поднимавших огромные водяные минареты, в сажень и больше в диаметре и много-много выше вверх. Брызги и металлические осколки из этих водяных столбов падали на "Стерегущий".

Мы, офицеры и матросы, стоявшие на верхней палубе, собирали эти горячие и крайне острые и колючие, тяжелые, причудливой формы куски металла японских гостинцев.

Вдруг за нашей спиной раздался залп пяти десятидюймовых орудий батареи "Электрический Утес", находившейся у подножия Золотой горы. Снаряды эти с резко-рвущим лязгом пролетали над нашими головами в сторону неприятеля.

"Ретвизан" и "Цесаревич" через несколько минут также присоединились к стрельбе сражающейся эскадры и, стоя на мели, как береговые батареи, стали посылать в неприятеля снаряды из восьми своих двенадцатидюймовых орудий. У каждого из них было по две башни с двумя орудиями в каждой. Они стреляли, не взирая на свои тяжкие повреждения, полученные в ночь от минных пробоин.

Всех восхищал гарцевавший далеко впереди эскадры и несколько вправо от нее "Новик". Он быстро передвигался то в одну сторону, то в другую, видимо, не давая неприятелю по себе пристреляться и садил часто, часто из своих пушек.

Эссен, командир "Новика", стал предметом восторженного внимания всего флота.

Активность и задор проявлял также "Баян" с командиром капитаном 1 ранга Виреном.

Все это сразу заметили и указывали друг другу.

Минут через двадцать после начала сражения атмосфера стала менее прозрачной, и мы видели уже неприятеля в некоторой мгле. Погода стала портиться, как-то засерело.

Я ясно видел, как в течение боя, на одном из наших больших судов, рухнула, переломившись надвое, мачта с боевым флагом и свисла за борт (кажется на "Аскольде"); на другом свалилась труба; на третьем (это, помнится, был "Баян") вспыхнул яркий взрыв на палубе у большого орудия и начался пожар.

Вскоре воздух еще сильнее заволокло дымкой от выстрелов, от разрывов снарядов и от трубного дыма. Мы с палубы миноносца почти не различали врага. Эскадра была уже несколько впереди нас. Выстрелы и разрывы стали редеть и скоро совсем прекратились, как на эскадре, так и на берегу.

Сражение главных сил обоих флотов продолжалось ровно 45 минут. Японцы первые повернули и, взяв курс в сторону Кореи, стали уходить. Наша эскадра их не преследовала и остановилась, медленно поворачивая назад.

***

Во время эскадренного боя около двадцати эскадренных миноносцев под боевыми флагами на обеих мачтах без всякой надобности находились среди атакованной и сражающейся эскадры броненосцев и крейсеров. О них как-то позабыли на флагманском корабле. Но и начальники обоих отрядов эскадренных миноносцев сами не проявляли инициативы. Пассивно вся эта эскадрилья продвигалась медленно с эскадрой, но все же слегка отставала от нее.

Только чуду и плохой стрельбе японцев надо приписать, что ни одно из наших судов не погибло. Тем более, что сами миноносцы не могли стрелять по слабости их артиллерии. А каждый снаряд неприятеля

был бы гибельным для любого из них. Некоторые командиры этих малых судов, стоявшие мористее нас, слева от эскадры, решили проявить инициативу. Они вышли из сферы огня и ушли в сторону острова Кепп. Мы со "Стерегущего" как-то этого не заметили, что потом повело к курьезной тревоге.

В тот момент, когда окончился бой двух эскадр, с нашего и соседних миноносцев заметили далеко влево два-три дымка. Скоро выяснилось, что они низко над водой идут в нашу сторону. Так как столь низкобортными могли быть только миноносцы, решили, что это минная атака неприятеля, заходящего в тыл нашей эскадры.

Тотчас же наш "Стерегущий" и еще два-три, стоявших близко, миноносца нашей группы дали полный ход и пошли навстречу новому неприятелю. Вскоре сигнальщики узнали в "неприятеле" своих. Мы остановились. Это были наши друзья, проявившие мудрую инициативу. Потом все медленно пошли назад, на внешний рейд к эскарде. "Неприятель" следовал за нами в кильватере.

Когда мы на "Стерегущем" подошли к эскадре, она уже была на рейде, а неприятель почти скрылся за горизонтом.

Вдруг на "Петропавловске" взвился сигнал начальника эскадры:

— Миноносцам атаковать неприятеля!

Все мы поняли, что означал для нас такой сигнал, но никто ни словом не обмолвился. Стали смотреть в бинокли, горизонт был неясен. Даже мой Цейсс неприятеля не обнаруживал. Началась какая-то сигнализация на миноносце под брейд-вымпелом капитана 1 ранга Матусевича, старшего начальника отрядов. Дали ход и стали двигаться в сторону ушедшего и уже невидимого нам противника.

Как сейчас помню, что впереди всех оказался миноносец с командиром, капитаном 2 ранга Циммерманом (кажется "Безстрашный"). Все знали, в том числе и я, посещавший все миноносцы почти ежедневно, что этот миноносец был в ремонте до вчерашнего дня и вышел на рейд, не успев принять запаса мин Уайхеда. Следовательно минная атака была для него невозможна. Но он продолжал итти впереди всех.

Когда вся эскадрилья миноносцев вышла из среды эскадры и кое-как построилась, она дала полный ход машинам и стала в полную боевую готовность. Прислуга находилась у орудий и у минных аппаратов, повернутых на траверс и заряженных по-боевому. Чеки у ударников мин были вынуты.

В разговоре полушепотом командир говорит мне: — Среди бела дня мы идем на 16 лучших неприятельских судов, а нас, миноносцев, почти столько же. Ведь мы нашего противника даже не видим. Неприятель уходит, и ход его больших кораблей мало уступает нашему...

В составе нашей эскадрильи, правда, был эскадренный миноносец "Лейтенант Бураков", без отказа дававший 32 узла. Но он был единственным, прочие, немецкой и французской постройки, входившие в 1-й отряд, делали только — 26, да и не все одинаково. Миноносцы же 2-го отряда, построенные в России на Невском заводе и собранные в Порт-Артуре, далеко не давали и этого.

Когда же мы могли догнать японскую эскару? На что мы могли расчитывать, даже в том случае, если бы японские миноносцы не преградили нам дороги и не заставили принять предварительный артиллерийский бой с ними?

Но мы шли и шли. Эскадра наша уже казалась нам чуть заметной на фоне артурских горных берегов. Едва можно было различить Золотую гору. Я думаю, прошло около часа. Погода стала портиться, засерело, видимость стала хуже, небо заволокло тучами.

Неприятеля все еще не было видно.

Вдруг наши сигнальщики заметили на едва видимой в мглистом воздухе Золотой горе репетованный сигнал начальника эскадры. Стали вглядываться в подзорные трубы и расшифровали по сигнальной книге:

— Атака отменяется!

У нас с души отлегло... Но все же в сознании осталась какая-то горечь — война, так неудачно начавшаяся и так неважно идущая!

Через несколько минут тот же сигнал об отмене атаки взвился и на мачте миноносца, на котором, под брейд-вымпелом, шел наш начальник, капитан 1 ранга Матусевич.

Все миноносцы приостановились, затем, по сигналу Матусевича, перестроились. Мы пошли обратно к порту Артур.

Как потом говорили, спас миноносцы от напрасной гибели флагманский артиллерист капитан 2 ранга Мякишев, который умолил адмирала Старка "напрасно" не губить миноносцев, ввиду невозможности минной атаки в настоящих условиях. Этот офицер сам погиб потом вместе с адмиралом Макаровым на "Петропавловске" *.

---

* Из воспоминаний кап. 1 ранга Н. В. Пеншина, тогда лейтенанта и младш. минного офицера на "Петропавловске", — очевидца сцены между адмиралом и Мякишевым. "Как сейчас ясно вижу две картины. Первая — японцы уходят, сражение флотов окончилось. Вдруг сигнал адмирала: "Миноносцам атаковать неприятеля!" Через минуту-две часть миноносцев уже на полном ходу. Не смущаются тем, что у многих из них зарядные отделения самодвижущихся мин еще под палубой. Вторая: — с марса спускается наблюдавший за горизонтом флагманский артиллерист кап. 2 ранга Мякишев, бросается к адмиралу, хватает его одной рукой за рукав, другой за складку пальто и отчетливо бросает: "Ваше превосходительство, не губите эскадры, не губите миноносцев, отмените атаку". Адмирал, вздрогнув и едва взглянув на Мякишева, отменяет минную атаку". (Я. К.)

Долго мы шли назад, уже не полным, а экономическим ходом. По пути позавтракали в кают-компании. Все, полные впечатлений, были молчаливы и серьезны, но по-прежнему бодры и активны. К эскадре мы подошли около 3-х часов дня. Все суда ее, кроме подорванных, стояли на своих обычных местах на внешнем рейде перед Золотой горой.

Новый сигнал адмирала: — Миноносцам войти в гавань!

Мы свыше двадцати эскадренных миноносцев — стали по очереди втягиваться в проход. В это же время, навстречу нам, из порта на рейд выходили канонерские лодки. Я помню, "Отважный" (кан. лодка) еще весь белый, как лебедь, перекрашивался на ходу в защитный цвет. На его бортах гирляндами висели десятка два матросов в рабочем платье, которые кистями перекрашивали его борта. "Отважный" был весь в серых полосах на снежно-белом фоне.

Почти одновременно с миноносцами в гавань медленно входил, получивший в бою подводную пробоину, уже ставший героем дня, крейсер 2 ранга "Новик". Он шел с загруженной в воду кормой, явно тяжело раненный. Но его бравый командир Николай Оттович фон Эссен не унывал. Он вызвал на палубу маленький судовой духовой оркестрик, музыкантов-любителей из десятка матросов и кочегаров, который уже в проходе грянул на весь внутренний рейд:

"Та-ра-ра-бум-бия
Сижу на тумбе я..."

Этот бравурный и модный в те времена кабаретный мотив вызвал улыбку у экипажей обоих подорванных в ночь броненосцев "Ретвизан" и "Цесаревич", между которыми близко проходил торжествующий Эссен. Он вливал бодрость и надежду в приунывший город и порт. Говорят — война родит героев. Таким в первый же день войны стал во мнении всего флота Николай Оттович и таким же остался навсегда до дня своей кончины в 1915 году в должности командующего Балтийским флотом в 1-ю Мировую войну.

За нами скоро стала втягиваться в гавань и эскадра, она, видимо, ждала приливного часа.

Приливы и отливы, доходившие в водах Артура до двух саженей в разнице уровня, играли огромную роль, крайне стесняя нашу эскадру, которая не могла в один период высокого стояния пройти через мелкий и узкий проход при многочисленности своего состава. Не потому ли эскадра, собиравшаяся на утро 27 января 1904 года выйти в неизвестном направлении, полностью оставалась на внешнем рейде в роковую ночь? Но почему же она не поставила хотя бы сетьевого заграждения?

Как только "Стерегущий— ошвартовался у стенки внутреннего бассейна, механик стал вновь перебирать машину, чтобы закончить то, чего он не успел сделать ночью из-за нападения японцев. Я был свободен до утра и отправился в город на свою квартиру.

Начинало темнеть — зимний январьский день был коротоким. Города нельзя было узнать. На улицах, у порта на набережной, ведущей в Новый город через речонку, выходящей из долины Лун-хе, у ресторана "Саратов", неслись извозчики, шла густо публика, оживленная, говорливая. Все обсуждали события этого знаменательного первого дня войны.

Быстро стемнело и наступила черная ночь. Фонарей в городе не зажгли по распоряжению властей, и в этой непривычной мгле трудно было идти.

Из разговоров со встречными и знакомыми в порту, на улице и у портового лазарета я узнал, что в период эскадренного боя, японский флот перебросил несколько десятков крупных снарядов и в самый город. Снаряды эти разрывались с сильным треском и шумом, разбрасывали свои острые мелкие осколки на большое расстояние, что в городе есть убитые и раненые, причем не столько в Старом городе, защищенном Золотой горой, сколько в Новом, куда снаряды легко пролетали через узкий Тигровый Хвост, преграждавший вход в гавань. Говорили, что после бомбардировки население бросилось на вокзал, но поездов не хватило, и вокзал был запружен пассажирами и завален багажом.

Справа от портовых ворот в китайском казенном здании помещался портовой лазарет, пока единственное для флота береговое медицинское учреждение.

Морской госпиталь (кстати сказать, очень хороший) строился в новом городе, но еще не был готов. Естественно, всех раненых с эскадры сначала доставили в этот ближайший лазарет.

Перед дверью лазарета было оживление: я вошел туда. Старший врач, доктор Глазко, и судовые врачи с эскадры, прибывшие с ранеными, хлопотали около них. Конечно, весь небольшой лазарет был переполнен. Все раненые уже лежали на койках. Отбирали наиболее тяжело раненых для отправки их в Сводный военный госпиталь, самое оборудованное к тому времени военно-лечебное заведение. Там были и хирурги.

Все врачи были поражены тем, что японские морские снаряды разрываются на очень большое число мелких осколков, очень деформированных, с острыми колючими концами. Вонзаясь в тело человека, они рвали ткани и причиняли раны, которые не могли скоро и легко зажить в том случае даже, если не проникали глубоко. Мне показали одного матроса, у которого на спине было больше полусотни таких поверхностных рваных ран. Его в этот момент перевязывали на хирургическом столе.

Я, как и все прочие врачи на эскадре, тогда впервые видели раненых на войне, да к тому же морской. Насмотревшись страстей, коим было только начало, я уже около 8 часов вечера, в полной тьме, пошел в сторону "Этажерки" к своей квартире.

(Продолжение следует)

Санвайза

С. БУЛАЦЕЛЬ

Прочтя в № 43 "Военная Быль" статью Г. А. Куторги "Черниговские гусары", где упоминается и о наградах полученных полком за русско-японскую войну, я, как бывший офицер 2-го эскадрона 51-го драгунского Черниговского полка, принимавший непосредственное участие и в бою под Санвайзой и в штыковой атаке на японские окопы, все помню и знаю до мельчайшей подробности. А так как я вел и веду записки, то бой под Санвайзой у меня описан.

В своей статье я хочу, главным образом, описать геройскую штыковую атаку 2-го эскадрона Черниговцев, за которую в деле под Санвайзой 18 июня 1905 года он доблестно заслужил знаки "За отличие" на головные уборы.

В начале июня 1905 года Отдельная кавалерийская бригада (51-й драгунский Черниговский и 52-й драгунский Нежинский полки со 2-й Забайкальской конной батареей) была послана на соединение с Конным отрядом генерал-адъютанта Мищенко.

По своему составу эскадроны во 2-й Отдельной кавалерийской бригады были очень большие, потому что кроме своих маршевых эскадронов, бригада получила еще маршевые эскадроны 10-й кавалерийской дивизии, которая была предназначена к отправке в Действующую Манджурскую армию, но отправлена не была. В эскадронах бригады было много больше двухсот сабель в эскадроне.

* * *

Жара стояла неимоверная и без малейшего ветерка. Мы шли разомкнутыми рядами, лошади изнывали.

По пути была дневка, которую командир полка, полковник фон Кауфман (Алексей Михайлович), приурочил к дню эскадронного праздника 2-го эскадрона на 6-е июня в день Святой Троицы.

Командир эскадрона, ротмистр Подгурский (Максимилиан Карлович), запасся всем, чем только было возможно. Всего было вдоволь и все великолепное... На праздник был приглашен командир полка и все свободные от службы офицеры.

После молебна командир эскадрона пригласил гостей к столу. Появились песенники.

Тосты, чарочка, "пей до дна" — все как полагается, но пили осторожно, потому что напитки были прямо горячие и боялись охмелеть. В полку уже появились китайские обычаи и за кого была здравица, того полагалось носить.

Эскадронный запевало был драгун Приходько, обладавший хорошим голосом. К тому же Приходько был и мастер на все руки: он и парикмахер, он и бани строил, он же и портняжничал... Командир полка обратил на него внимание. — "Как твоя фамилия, молодец?" — "Приходько, ваше высокоблагородие!" — А что же ты, молодец, креста не имеешь? — "Стараюсь, ваше высокоблагородие, но не заслужил еще". — Ну так ты мне приведи пленного японца и я тебе дам крест. — Постараюсь, ваш высокоблагородие. Приходько был польщен, что сам командир полка обратил на него свое внимание, лихо запел: "Едут поют Черниговцы-драгуны в бубны, тарелки звенят..." "Эй да калина, эй да малина..." залилась в воздухе песнь.

Эскадронный праздник кончился и на другой день пошли дальше, а дня через два поступили в подчинение генерал-адъютанта Мищенко.

Началась разная боевая работа, а в ночь с 17-го на 18-е июня Конный отряд ген.-ад. Мищенко двинулся в наступление тремя колоннами. Этот конный отряд состоял из: Урало-Забайкальской дивизии, Терско-Кубанской дивизии, 2-й Отдельной кавалерийской бригады, пяти конных батарей и конных охотников (ездящая пехота) капитана Толпыго — их было не меньше тысячи.

Левая колонна этого отряда — Терско-Кубанская дивизия (ген.-лейт. Карцев). Правая — один полк Забайкальцев. Средняя — наша 2-я Отдельная кавалерийская бригада, остальные полки и конные охотники капитана Толпыго.

Пехота — охотники — должны были начать наступление, приковать к себе противника, а пять полков ген.-лейт. Карцева — атаковать во фланг и разбить японцев.

С рассветом пехота пошла в наступление и бой завязался. О пяти полках левой колонны — ни слуху, ни духу... Уже появились раненые, и ген.-ад. Мищенко усилил пехоту Забайкальцами и из резерва был подтянут и наш 2-й эскадрон Черниговцев.

Эскадрон стал в резервной колонне в небольшой роще в шагах ста левее сопки, где находились ген.-ад. Мищенко со штабом.

Конные батареи стреляли без перерыва и даже уже было послано за артиллерийским парком, а ведь боевой комплект на конную батарею 1008 снарядов.

Вдруг от ген.-ад. Мищенко приказание в эскадрон — прислать одного офицера...

Ротмистр Подгурский, командир эскадрона, назначил меня, корнета Сергея Булацель.

Являюсь. Приказание: "Скачите, найдите колонну генерал-лейтенанта Карцева и передайте мое приказание наступать, атаковать..."

Я, на коне "Бассейн", и мой вестовой Гвиняпинов (зырянин) взяли полевой галоп прямо полянами. Направление я приблизительно знал. Проскакав версты две, я увидел вдали конницу, идущую во взводной колонне.

В голове колонны были Сунженцы-Владикавказцы — полк молодого полковника Баратова. Я подскаки-

ваю к ген.-лейт. Карцеву и докладываю приказание начальника отряда. Генерал Карцев не делает никакого распоряжения и не отдает никакого приказания. Но тут подскакивает ко мне полковник Баратов.

— Корнет, какое приказание?

Я повторяю. Сунженцы идут галопом. Полковник Баратов:

—Трубач! Правое плечо вперед!

Разлились в воздухе, прекрасно сыгранные двумя трубачами, звуки боевого сигнала: "Ну, правым плечом дружно — на левый фланг врага".

Гремят пушки, ружейная стрельба достигла полного напряжения. Полк заходит правым плечом. Картина потрясающая по красоте! Прошло больше полвека, а я и сейчас вижу эту прелестную боевую картину, как на яву... Забыть её невозможно.

Полковник Баратов по своей инициативе повел свой полк в бой, и я —единственный свидетель этой доблести полковника Баратова.

Уже в эмиграции, встретив в Париже у русской церкви на улице Дарю Баратова, тогда уже генерала от кавалерии, я к нему подошел и, напомнив ему этот эпизод, сказал, что это я был тот корнет, которого он спросил: "Корнет, какое приказание"? Генерал Баратов все вспомнил, да и все помнил, крепко меня обнял и мы расцеловались.

Я проскакал некоторое время с Сунженцами, чтобы точнее указать полковнику Баратову направление наступления, а потом полевым галопом к ген.-ад. Мищенко доложить, что колонну нашел и что полковник Баратов уж повел свой полк в бой.

Я вернулся в эскадрон, и тут скоро нашему 2-му эскадрону Черниговцев пришло приказание наступать. Эскадрон, сколько было возможно, продвинулся вперед в конном строю и спешился.

Командир эскадрона, ротмистр Подгурский, назначил: корнета Гурова (Василия) командовать коноводами. Командовать спешенным эскадроном назначил поручика Булацель (Аркадия). При спешенном эскадроне были: поручик Патрикеев (Михаил Павлович) и корнет Булацель (Сергей). Мы оба 11-го драгунского Харьковского полка, прикомандированные к Черниговскому полку, и Патрикеев из запаса, в основании 38-го драгунского Владимирского полка. Сам командир эскадрона, ротмистр Подгурский остался при коноводах.

Из первых линий окопов японцев уже выбили. На возвышенности была прогалина шагов сто ширины, с обеих сторон которой были фанзы и дворы. Это и была Сапвайза, из которой уже тоже японцев выбили.

Фанзы и дворы были до отказа заняты нашими стрелками, пехотой, забайкальцами, кубанцами. Занять же прогалину стрелками даже и думать было нельзя, до того был сильный ружейный огонь. Японцы занимали последнюю их укрепленную позицию — окопы.

Наш 2-й эскадрон сначала цепью, а потом перебежками добрался до фанз и дворов Сапвайзы, которые были левее прогалины, а так как нам прямо некуда было втиснуться, то эскадрон собрался за дворами и фанзами.

Слышим один кубанец кричит: "О цэ драгуни соби добрэ мисто выбрали!" Поручик Булацель ему тоже кричит: "За нас не беспокойся, — мы сейчас в атаку пойдем", а эскадрону: "Братцы, в атаку! Полный ход! Не отставать! Ура!".

Как один, драгуны бросились прямо по прогалине в атаку. Сразу многие из них попадали. Поручик Булацель бежит с первым взводом... Вижу он падает, — думаю — "готово", но он бежит опять. Оказывается, он схватил с земли винтовку упавшего раненного драгуна.

На мгновение стрельба остановилась — наше "ура", привлекло внимание, как японцев, так и наших; каждый хотел выяснить, что случилось, что делается?

Наш 2-й эскадрон влетел в окопы. Стрелки, занимавшие дворы и фанзы с могучим ура ринулись вперед.

Позиция взята, много пленных... Победа!

Все это произошло в несколько минут, больше тридцати драгун было ранено, но к величайшему счастью — ни одного убитого. Одну японскую винтовку, взятую мною под Сапвайзой, я привез в Россию и поместил в полковой музей.

Вдруг видим драгун Приходько хватает одного японца за шиворот и, обращаясь к поручику Булацель, кричит: "Ваше благородие, дозвольте представить японца командиру полка, — они обещали дать мне Георгия!" Все помнили это обещание командира полка и поручик Булацель, конечно, позволил ему представить японца полковнику фон Кауфману. Приходько привел пленного и георгиевский крест Приходько получил.

После взятия окопов ген.-ад. Мищенко со штабом переехал с сопки в деревню Санвайзу и, когда скоро бой уже начал затихать, он приказал Забайкальцам выставить сторожевое охранение, а частям боевой линии постепенно отходить.

**
*

На второй и третий день после Сапвайзского боя ген.-ад. Мищенко объезжал части, принимавшие непосредственное участие в бою.

Наш 2-й эскадрон Черниговцев был единственным из всего полка эскадроном, который в конном строю представлялся генерал-адъютанту Мищенко.

Он поздравил эскадрон с геройской штыковой атакой, благодарил и приказал особо отличившихся представить к наградам. В приказе по Конному отряду нам тоже была благодарность..., но в приказе тоже было: "...не нахожу слов неодобрения действиям начальника Терско-Кубанской дивизии генерал-лейтенанта Карцева...". Этот последний был отрешен от командования дивизией.

Во всем отряде тема разговоров была — атака Аркадия Булацель, 2-й эскадрон...

Командир полка, полковник фон Кауфман, послал в Харьковский драгунский полк телеграмму: "Поздравляю Харьковский полк с геройской штыковой атакой братьев Булацель". Командир эскадрона, ротмистр Погурский, тож послал телеграмму. Когда мы, после войны, вернулись в полк, то узнали, что полк был построен, читались телеграммы, было "ура"...

После Санвайзского боя всех пленных отправили в тыл, а один пленный, которого драгун Приходько привел командиру полка, дней пять находился при нашем 2-м эскадроне. Как сейчас помню этого коренастого японца, которого, как помнится, звали Изакима. Эскадрон стоял биваком в одной роще, а на полянке находился японец, привязанный за ногу фуражным арканом, а другим концом к пню, на котором сидел сторожнвший его драгун с винтовкой.

***

Приказом по Военному ведомству 1909 года за № 474, Черниговскому драгунскому полку пожалованы знаки на парадные головные уборы — 2-му, 3-му и 6-му эскадронам "За дело под Санвайзой 18 июня 1905 года" и 1-му, 4-му и 5-му эскадронам — "За отличие в 1904—1905 гг.".

В моей статье я не буду касаться действий в бою под Санвайзой 3-го и 6-го эскадронов Черниговцев, но подтвержу, что геройски отличился это наш 2-й эскадрон, который первый из всей боевой линии бросился в атаку на японские окопы.

***

Черниговский полк — это блестящий полк, украшение нашей доблестной Императорской конницы. Во время русско-японской войны работал не за страх, а за совесть... Мы все офицеры жили очень дружно и высоко несли и хранили полковые традиции.

Во 2-м эскадроне офицеры были — коренные Черниговцы: командир эскадрона, ротмистр Подгурский, штабс-ротмистр Ведерников, поручик Залесский, корнеты Апостолов и Гуров. Прикомандированные: поручик Булацель (Аркадий), поручик Патрикеев (Михаил) и корнет Булацель (Сергей).

В день боя под Санвайзой были во 2-м эскадроне: командир эскадрона, ротмистр Подгурский, два Булацеля, Патрикеев и Гуров. Ведерников был болен тифом и на поправку его эвакуировали в Россию; Апостолов был командирован в г. Читу, где полк имел швальню, запасы обмундирования, седла, полушубки, сапоги, белье и т. д., Залесский был в кратворевменном отпуску.

Очень скоро после Сандвайзского боя мы офицеры 2-го эскадрона, — поручик Булацель, командовавший в этом бою эскадроном, поручик Патрикеев и корнет Булацель получили по боевой награде, а драгуны очень много георгиевских крестов.

Не могу не вспомнить добрым словом молодцов драгун, а они были действительно молодцами. Бывало в сторожевом охранении или на ночь остановившся с разъездом, и, конечно, в голову не прийдет офицеру спать. И тут приходит взводный или унтер-офицер и говорит: "Спите, ваше благородие, что вы на нас не надеетесь?" И обижались, что офицеры не спали.

Когда под Санвайзой наш 2-й эскадрон спешился, чтобы идти в бой, то все драгуны были "охотники", каждый хотел попасть в ряды спешенных. В цепь пошли веселые, шутили, смеялись...

Тут я опишу маленький эпизод. Наш офицерский повар был драгун Барташук. Он нас кормил, когда мы находились в резерве, на стоянках. Если офицер шел в разъезд или в "сторожевку", то Барташук приносил ему, завернутый в чистой тряпке, кусок жаренного мяса или курицу, хлеб, чай, сахар. Когда эскадрон находился в движении, то у Барташука, кроме винтовки, патронов и шашки, была через плечо повешена большая кожаная сумка, в которой в чистых тряпках была еда для г.г. офицеров. Естественно что офицерскому "кухарю" идти в бой, как бы "по уставу", не полагалось, но он ни за что не захотел остаться под Санвайзой при коноводах, а так и пошел в бой с сумкой через плечо с жаренным мясом и курами.

***

Когда война кончилась, то командир полка, полковник фон Кауфман, и г.г. офицеры предложили нам остаться у них в полку. Это была великая честь, так как это означало, что все без исключения офицеры были согласны, потому что по кавалерийским традициям, переводы из одного полка в другой — исключительная редкость, ибо это сопряжено в дальнейшем с получением эскадрона, а в данном случае поручик Булацель многих "седлал".

Мы поблагодарили командира полка и г.г. офицеров за великую честь, но сказали, что дали слово вернуться в наш родной Харьковский полк.

***

Теперь мне хочется сказать здесь, как мы были приняты более чем сухо командиром полка полковником Зенкевичем (он командовал полком до полковника фон Кауфмана), когда мы явились в Черниговский полк...

В нашу 4-ю кавалерийскую дивизию пришло приказани отправить в Манджурскую армию шесть офицеров. Все шесть вакансий были направлены в 11-й драгунский Харьковский полк, потому что в нашем полку был сверхкомплект офицеров. Все шесть были назначены на формирование транспортов. Это было уже хорошо, потому что мы приедем на Дальний Восток, а там сможем устроиться в действующую армию. Во всяком случае ни у моего брата, ни у меня и в мыслях не было "воевать в транспортах".

Судьба нам улыбнулась. Когда мы прибыли в Харбин, на вокзале неожиданно встретили генерал-лейтенанта Сахарова (Владимира Викторовича), бывшего начальника нашей 4-й кавалерийской дивизии, а в то время начальника штаба Манджурской армии. Мы все шесть Харьковцев — ему "во фронт"... Ге-

нерал Сахаров встретил нас, как родных, с нами расцеловался и пригласил к себе в вагон.

Киевское вагоностроительное общество ему подарило два роскошных вагона: хотя они были покрашены в зеленый цвет, под третий класс, но были исключительной роскоши. В одном вагоне были приемная, столовая, спальня и кухня; в другом — полевая канцелярия с полным оборудованием.

В разговоре с генералом Сахаровым мы сказали, что назначены в транспорты, но что хотели бы служить, где угодно, но только в действующей армии. На это он нам ответил: "Обсудите потом у себя, кто куда хочет, а завтра приходите ко мне завтракать и мне доложить".

На другой день мы, шесть Харьковцев, были на завтраке у генерала и старший из нас, штабс-ротмистр Окунев, доложил, что поручик и корнет Булацель просят о их назначении в действующую армию сейчас и туда, куда будет угодно его превосходительству, а что остальные хотят осмотреться. Генерал Сахаров сказал моему брату Аркадию и мне, чтобы мы ехали в штаб транспортов в Куанчензы, явились бы генерал-майору Ухач-Огоровичу и ждали бы назначения.

Мы все поехали в Куанчензы и явились генералу Ухач-Огоровичу. Формирование транспортов было пока на бумаге, так что все мы были свободны.

Прошло дней пять, как вдруг получаем от генерала Ухач-Огоровича приказание явиться ему. Являемся. Он нам показал телеграмму из штаба армии — командировать немедленно поручика и корнета Булацель в 51-й драгунский Черниговский полк.

На следующий день утром мы поехали на станцию Куанчензы, а все Харьковцы поехали нас провожать, захватив с собой "закусь" и напитки... Все мы пили прямо из горлышка по очереди, а затем, погрузив свои вещи и большой ящик с седлами в товарный вагон и распрощавшись с друзьями, веселые поехали... Но куда надо было ехать, и сами точно не знали и выгрузились на какой-то станции, которая, по справкам, должна была быть нашей конечной станцией.

Из вагона вытащили ящик с седлами, вещи и полные раздумья спрашивали самих себя, что же будет дальше? Как добраться в Черниговский полк?

Но случилось чудо. Вдруг видим, на перроне станции офицера Черниговского драгунского полка и военного врача.

Мы к ним. Представились и говорим: "Мы назначены в ваш полк, но не знаем, где он, как добраться". Черниговец нам сказал, что полк от станции верст сорок, а добраться очень просто. Тут у него лошадь с вестовым и у доктора лошадь с вестовым; есть и пустая двуколка. Все это — в нашем распоряжении; сейчас лошадей кормят, а через час мы можем ехать.

Разве это не чудо? Этот офицер Черниговец оказался поручик Гуров (Петр). Его и доктора мы искренно поблагодарили, а часов в девять вечера уже были в расположении Черниговского полка и явились командиру полка, полковнику Зенкевичу (Виктор Семенович). Отрапортовали, что имеем честь явиться по случаю назначения. Рапорты полковник Зенкевич выслушал, а потом сухо произнес: "На каком основании вы явились в мой полк? Я вас не звал...", и так далее и тому подобное. Когда он остановился, поручик Булацель доложил и объяснил, как мы были назначены в транспорты, как встретили в Харбине генерала Сахарова — начальника штаба армии —, как попросили его назначить нас в действующую армию и как после этого генерал Сахаров нас назначил в Черниговский полк.

После этого полковник Зенкевич сложил гнев на милость, стал разговаривать с нами иначе и приказал находившемуся тут же полковому адъютанту, поручику Горяйнову, нас назначить во 2-й эскадрон, а из 2-го эскадрона корнета Салова перевести в 5-й.

Один драгун нас провел во 2-й эскадрон, где мы явились командиру эскадрона ротмистру Подгурскому. В этот вечер во 2-м эскадрон шла игра в "железку", было человек двадцать офицеров. Мы всем представились и среди них нашли много знакомых по училищу.

Командир эскадрона назначил меня в разъезд, и в 4 часа утра я выступил. Так началась для меня война в Манджурии...

***

Прошло уже больше года, как мы вернулись в свой Харьковский полк. Вдруг читаем в газете "Русский Инвалид" — ротмистр Подгурский награждается орденом святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом за бой у деревни Санвайза 18-го июня 1905 года. То что ротмистр Подгурский не пошел в бой со своим эскадроном и никакого участия в санвайзском бою не принимал, мы уже хорошо знали, да и в те времена было много живых свидетелей. Узнав эту "новость", мой брат, поручик Булацель Аркадий, доложил командиру полка, полковнику Крассовскому, все, как было, т. е., что в бою под Санвайзой 2-м эскадроном Черниговцев, пошедшим в атаку, командовал он — поручик Булацель.

Полковник Крассовский приказал поручику Булацель подать рапорт...

Рапорт пошел по инстанциям и в итоге дошел до главнокомандующего Манджурской армией, генерал-адъютанта Линевича, который жил тогда в Петербурге.

В результате поручик Булацель получил приказание явиться Линевичу. Как сейчас помню, это была Пасхальная неделя 1907 (может быть 1908) года. Поручик Булацель явился и ген.-адъют. Линевич, сказав ему, что он все знает, поблагодарил его за доблестную боевую работу, поздравил его и собственноручно приколол поручику Булацель Аркадию орден святого Владимира 4-й степени с мечами и громадным бантом...

Польский знак отличия за военные достоинства

Е. МОЛЛО

Так именовался в России польский орден "ВИРТУТИ МИЛИТАРИ". Сей "многопамятный" орден впервые явился в свет в 1792 году, в трудную для Польши годину. В страну вступало 64-тысячное русское войско. Противопоставить ему король Станислав-Август мог лишь сравнительно незначительные силы. Предстояла тяжелая и неравная борьба. Дабы поднять дух войска, главнокомандующий "Коронной" армией, племянник короля, будущий маршал Франции, Иосиф Понятовский убедил короля учредить в Польше новый военный орден.

За образец был взят австрийский орден Марии-Терезии. Новый орден имел 3 степени. Число кавалеров Большого креста ограничивалось 5-ю, Командорского креста — 50-ю и Малого креста — 100-ми. Большой крест мог быть пожалован лишь за одержанную победу, за взятие приступом крепости или за окончание блестящей кампании. Для получения Командорского креста надлежало командовать в счастливом сражении или славной обороне. Кавалерский крест жаловался за подвиги на поле брани. Для награждения нижних чинов были учреждены золотые и серебряные медали.

Новый орден с восторгом был принят в армии.

25-го июня 1792 г. состоялось первое награждение. Главнокомандующий вручил полученные от короля орденские знаки генералам — Косцюшке, де Пунпарту и Виельгорскому, а также девяти штаб-офицерам и девяти обер-офицерам.

Но дни "патриотов" были сочтены. Польская армия потерпела ряд поражений под Полонным, Зеленцами и Дубенкой. Слабый король принужден был подчиниться требованиям России. "Патриоты" эмигрировали. Произошел 2-й раздел Польши.

Власть перешла к поддерживаемой Россией "Торговицкой конфедерации", маршал которой, Феликс Потоцкий, приказом от 29 августа 1792 года, запретил под страхом разжалования ношение знаков нового ордена, который он считал "эмблемой мятежа". Станислав-Август так же, декретом от 19 января 1794 года, не только воспретил ношение ордена, но и обязывал кавалеров возвратить полученные патенты и знаки.

Станислав-Август не присоединился к восстанию 1794 года, предшествовавшему 3-му и последнему разделу Польши и поэтому новый орден, учрежденный и связанный с его именем, во время последующих военных действий, не жаловался.

Так закончился первый двухлетний период в истории ордена. Неудивительно, что орденские знаки, относящиеся к этому периоду, являются величайшей редкостью.

Второй период существования ордена открывается через 13 лет. Статья 85-я конституции Великого герцогства Варшавского, данной Наполеоном 22 июля 1807 года, установляла, что все польские ордена продолжают существовать. Декретом от 26 декабря 1807 года, новый король Фридрих-Август возобновил пожалования ордена и давал правила, которыми должно было руководствоваться при представлении к награждению. Декретом этим все дивизионные генералы получили Командорские кресты; все бригадиры, полковники и майоры жаловались Кавалерским крестом, кроме того некоторое количество Кавалерских крестов было роздано в полки. Для награждения нижних чинов, вместо бывших ранее золотых и серебряных медалей были учреждены золотые и серебряные кресты, которые образовали 4-ю и 5-ю степени ордена. С 1808 года, изображение литовского герба на обратной стороне ордена было заменено девизом "РЕКС (и) ПАТРИА" и датой — 1792. Большой крест, кроме короля, гроссмейстера ордена, имели лишь два лица: Иосиф Понятовский, ставший военным министром герцогства и французский маршал Даву. Второй период, как и первый, закончился при громе пушек в огне битв. Наполеон пал, а с ним и вся его "многоязычная" империя.

27 ноября 1815 года, на Венском конгрессе Польша была отдана во власть России. Император Александр I дал Царству Польскому, как она отныне звалась, новую конституцию, превратившую Польшу в наследственную монархию "навсегда соединенную с Российской империей". Статья 160 конституционной хартии подтверждала существование всех, дотоле учрежденных орденов, включая и "Виртути Милитари", отныне называемого Военным крестом (Кржиж Войскови).

Наступил третий период существования ордена. Еще до присоединения Польши, когда депутация преобразованной польской армии представлялась Императору, находившемуся в то время во Франции, Александр Павлович принял ее в мундире польских войск и в ленте Белого Орла. Глава депутации, князь Сулковский, просил его от имени всей армии возложить на себя первую степень польского военного ордена. Но Государь, приравнивая этот орден к ордену Св. Георгия, первую степень которого он не считал себя достойным принять, пожелал иметь лишь Малый крест.

Следует отметить интересный факт, столь характерный для либерализма Императора — по его приказанию были составлены списки всех лиц отличившихся в минувшие кампании, независимо от того на чьей стороне они сражались. Всем им, в зависимости от их подвигов, были пожалованы различные степени военного ордена.

Затем наступило временное затишье. Польские войска не сражались и пожалований военным орденом не происходило.

19 ноября 1825 г. скончался первый царь Поль-

ский, Император Александр I, а ровно через пять лет, 17 ноября 1830 года в Польше вспыхнуло восстание. Третий период существования ордена закончился.

Польский сейм 13 января 1831 года объявил династию Романовых лишенною польского престола. Война с Россией стала неизбежной. На этот раз Польша обладала большим и прекрасно обученным войском, но все же недостаточным для борьбы с российским колоссом. В ряде кровопролитных боев поляки были разбиты. 25 августа 1831 г. русские войска, предводительствуемые графом Паскевичем-Эриванским, вновь вступили в Варшаву. Остатки польских войск были вытеснены за прусскую границу.

Николай I, Император Всероссийский и Царь Польский, почел за благо наградить участников усмирения польского мятежа польским же военным орденом. Этим, кажется единственным в мировой истории, награждением открывается четвертый период истории ордена. Приказом войскам действующей армии от 31 декабря 1831 года и одновременным указом управляющему Главным Штабом были даны основания награждения.

"Польским знаком отличия" (так назван орден в указе) награждались "все без изъятия строевые чины войск, находившиеся в действительных сражениях против мятежников в пределах Царства". Первую степень Император жаловал главнокомандующему светлейшему князю Варшавскому, графу Паскевичу-Эриванскому, начальнику штаба — графу Толю и всем командирам корпусов. Вторая степень жаловалась генералам, третья степень — штаб-офицерам, четвертая (ранее жаловавшаяся исключительно нижним чинам) жаловалась обер-офицерам и пятая — нижним чинам. Самые орденские знаки были оставлены без изменения, за исключением даты 1792 на обратной стороне креста, которая была заменена датой — 1831. Всего из Капитула орденов было выдано: 1-й степени — 11 знаков, 2-й степени — 188, 3-й — 1105, 4-й — 5219 и 5-й — 100.000 знаков.

После 1831 года, польский знак отличия за военные достоинства не жаловался. Так трагически закончился четвертый период истории ордена. Со времени основания ордена прошло только 39 лет — теперь ему суждено было почить почти на столетие.

За стоходом

Б. Фомин

В предыдущем номере "В. Ист. Вестника" (№ 16) в статье ген. Геруа "К Стоходскому бою" были описаны обстоятельства, при каких была задумана и приведена в исполнение высшим командованием стоходская операция. Действующими лицами в этом описании были, главным образом, высшие штабные и строевые начальники и их распоряжения. Ниже мы печатаем рассказ одного из скромных исполнителей этих распоряжений и непосредственного участника боев на Стоходе, офицера л.-гв. Измайловского полка, капитана Б. В. Фомина, в момент атаки, 26 июля 1916 г., командира роты.
("Измайловская Старина" № 18, 1933 г.). (Ред.)

В ночь на 24 июля полк занял позицию за Стоходом между госп. дв. Велицк. и Кухарским лесом, сменив Венгровский пехотный полк.

3-м батальоном командовал полковник Мантуров 2-й. 9-й ротой — поручик Есимонтовский 2-й, 10-й — я, незадолго перед тем произведенный в капитаны и утвержденный в должности, 11-й — поручик Окулич, а 12-й — поручик Чаплыгин.

В 9-й роте младшим офицером был прапорщик барон Штакельберг, в моей — подпоручик Александров, в 11-й — прапорщики Витковский и Егоров и в 12-й — прапорщик князь Ухтомский 2-й.

Позиция полка по фронту была очень не длинна. Она занималась всего только тремя ротами 3-го батальона. Прочие батальоны были эшелонированы в глубину. Последняя была изрядной. Штаб полка едва ли не помещался верстах в 5 от первой линии окопов. Сзади 3-го батальона стоял 4-й батальон, затем 1-й и дальше 2-й.

4-м батальоном командовал полковник Перский 1-й, 1-м — полковник Мантуров 1-й и 2-м — полковник Гамбс. Полковник Ellagin был старшим штаб-офицером и находился при штабе полка, которым командовал генерал-майор Шиллинг.

Венгровцы не имели непрерывных окопов. В этот день они вели наступление на немцев и к вечеру, окопавшись, лежали в своих лунках. Местность на все 5 верст в глубину и перед фронтом позиции была почти ровной, представляя собой или пар, поросший довольно высокой травой, или вспаханное поле.

От нашей позиции до немцев в разных местах были разные расстояния: на правом фланге около 800 шагов, на левом — около 400. Тыл у немцев был закрытый, т. к. их позиция шла по опушке леса. Правее нас, у госп. дв Велицк были Семеновцы. До них от нашего правого фланга был прорыв в 1 версту. Между ротами также были не прокопанные пространства шагов до 300. Во второй линии позиции Венгровцы

имели также лунки на одну роту. Ходов же сообщения не было.

У штаба полка полк. Мантуров 2-й распределил роты батальона так: 9-ю, мою, и 12-ю назначил в 1-ю линию, а 11-ю — в резерв. Ротам он приказал идти на позицию отдельно с проводниками Венгровцами.

Мне попался чрезвычайно бойкий бородач и, я бы сказал, отличный солдат. Он безошибочно привел мою роту в нужную точку позиции, а ведь вел он ее по ровному полю, без дорог и в сплошной темноте. Правда, немцы очень нервничали и часто пускали светящиеся ракеты, но до них первоначально было очень далеко. Потом же, когда мы отошли от штаба полка на порядочное расстояние, их свет несколько содействовал нашему движению. Когда я, удивившись той уверенности, с какой бородач-Венгровец вел роту, спросил его, верно ли направление, он покровительственным тоном мне ответил: "Не извольте беспокоиться, ваше высокоблагородие, видите, ён бьеть гранатой все по одному месту; в самый раз там и есть наша рота". В действительности это были шрапнели с очень низким разрывом. С небольшими промежутками во времени немцы их пускали все в одно и то же место нашей будущей позиции.

Вел я роту рядами. Впереди всех был проводник, а за ним я и подпоручик Александров. Кроме шрапнелей немцы, пуская светящиеся ракеты, обстреливали нашу позицию из пулемета, видимо, обнаруживая на ней кого-нибудь. Искусственное освещение чрезвычайно обманывало глазомер. Казалось немецкий лес совсем близко от нас. Пройдя около часу, я даже спросил проводника, не прошли ли мы их окопы, т. к. немцы очень уж близки. Он ответил, что до немцев отсюда будет около 2 верст. Пришлось поверить.

Помню, что, пройдя шагов 300 от штаба, я, оглянувшись, увидел сзади себя фельдшера и санитаров. На мой удивленный вопрос — почему они не на своем месте, фельдшер ответил: "Мало ли что может случиться, ваше высокоблагородие, лучше быть в голове". Я сказал, что, если в пути кто-либо будет ранен, ему придется бежать назад, а если он будет сзади, то, двигаясь вперед, он дойдет до каждого, вышедшего из строя. Фельдшер всё же настаивал на своем и потому мне пришлось приказать ему идти в хвосте роты. Я отмечаю этот маленький эпизод потому, что инициатива моего фельдшера объяснялась его добрым желанием быть поближе ко мне на случай моего ранения для оказания скорой помощи.

Наконец, после часового хода мы подошли к тому месту, куда время от времени немцы посылали свои шрапнели. Бородач-Венгровец указал мне окоп командира батальона. Им оказалась порядочная яма, покрытая полотнищем палатки. Яма была освещена свечкой. Венгровец доложил о смене. Из окопа вышел молодой прапорщик. Назвав себя, я сказал, что прибыл для смены средней роты его участка. Т. к. я был капитаном, прапорщик не мало удивился тому, что я командую ротой; он уже 3 месяца командовал батальоном.

Получив от него некоторые сведения о противнике и о моей будущей позиции, я, уже с новым проводником, двинулся вперед к будущим окопам своей роты. Эти последние были впереди шагах в 300—400. Ввиду почти беспрерывного освещения немцами пространства между нашими передовыми окопами и ихними, а также близкого пулеметного огня с их стороны, наше движение было очень замедленным. Пришлось вести роту разомкнутыми полуротами и беспрестанно ложиться.

Однако, так или иначе, но мы дошли и, сколько я помню, без потерь. Это хороший показатель нецелесообразности стрельбы ночью.

Окопы Венгровцев, как я сказал выше, представляли собой одиночные лунки для стрельбы лежа, а потому рота немедленно принялась за их углубление и соединение. Работа эта продолжалась и с наступлением рассвета, т. к. к сему времени люди уже достаточно врылись в землю, чтобы в согнутом виде не быть видными противнику. Хуже обстояло дело с соединением одиночных окопов между собой по фронту. То, что удалось сделать к рассвету представляло собой очень мелкий ход сообщения, может быть, в аршин глубиною. Еще хуже было с устройством козырьков, убежищ и ходов сообщения в тыл и соседние роты. Никакого лесного материала вблизи не было, а потому никаких укрытий сделать не удалось. 9-я и 12-я роты от моей находились шагах в 300 и хода сообщения между нами прорыть не было времени. Поэтому, с наступлением дня при начавшемся бое, рота оказалась отрезанной и от своих соседей по сторонам и с тылом.

Когда стало светло я занялся рассмотрением того, где и как расположен противник и что представляет собой наша позиция. Никаких немцев я не увидел. Передо мной, шагах в 600—700, была широкая прогалина между двумя опушками леса, занятого германцами. Их окопов не было видно; они скрывались за травой, поросшей на незасеянном поле. Однако, очертание фронта немецких окопов я знал, т. к. ночью, благодаря светящимся ракетам, оно обозначилось довольно ясно.

Моя рота была в центре позиции батальона. Справа от меня, перед 12-й ротой, немецкий лес находился шагах в 800, а слева — перед 9-й ротой — шагах в 400. Местность перед фронтом батальона полого опускалась в сторону немцев, причем между моей и 12-й ротой был небольшой холмик, скрывающий, однако, за собой ее расположение. Впрочем, и 9-я рота была мне не видна из-за нескошенной травы. Далеко вправо, в 1½ — 2 верстах, был хорошо виден господский двор Велиик. Около него, я знал, проходила позиция Семеновцев. Телефоном я был соединен только с командиром батальона, который находился позади моей роты, шагах в 400, за небольшим холмом с резервом батальона, каковым была 11-я рота.

Весь тыл нашей позиции был совершенно открытым, только где-то справа на дороге, ведущей к штабу полка, стояло одиноко грушевое дерево.

День 24 июля прошел довольно тихо. Германский огонь был невелик и направлен был главным образом в тыл. В воздухе часто были видны неприятельские аэропланы, которые, видимо, обнаружив места наших батарей, пускали какие-то блестящие ленты.

Вечером командир батальона по телефону приказал мне сменить 11-ю роту. Таким образом, на передовой позиции я пробыл лишь один день. Ввиду открывшейся раны у поручика Окулича он эвакуировался и во временное командование его ротой вступил прапорщик Витковский. Полковник Мантуров в ту же ночь перешел из окопов резервной роты на передовую позицию и обосновался в центре ее на участке 11-й роты.

Заняв окопы 11-й роты, я сейчас же принялся за их лучшее оборудование и кроме того за рытье лишь обозначенного хода сообщения вперед к 11-й роте и назад в 4-й батальон. Эту работу я продолжал и днем 25 июля, пользуясь отдаленностью своего расположения от немцев.

Вечером в этот же день был получен приказ начальника дивизии, ген.-лейт. фон Нотбека, об атаке германской позиции днем 26 июля. Приказ был очень краткий: в нем говорилось о переходе в наступление всей Гвардии и напоминалась историческая боевая доблесть полков 1-й Гвардейской пехотной дивизии. Ссылка на предков была неважным симптомом. Когда в трудном положении начальство хотело подбодрить войска, то, обыкновенно, прибегало к соревнованию в боевых подвигах живых потомков с их мертвыми предками. Таким воздействием на дух войск предполагалось восполнить матерьяльную трудность действительности.

Если я не ошибаюсь, этот приказ начальника дивизии был размножен для раздачи его всем командирам рот, а, может быть, он был только повторен в приказе по полку и роздан во все роты. Все это было новостью. Она показывала, что высшее начальство было хорошо осведомлено о трудности исполнения этого приказа. Ближайшие же исполнители его — роты и батальоны, конечно, это знали и еще лучше, поэтому приказ об атаке укрепленной германской позиции явился для нас полной неожиданностью. Позиция была совершенно неподготовлена для производства прорыва у германцев.

Это сказывалось в следующем. На передовой позиции 3-го батальона только одна рота, а именно 9-я, находилась в достаточном сближении с противником, что же касается 11-й и 12-й рот, то от них противник был очень далек, чтобы безостановочным движением вперед иметь шансы дойти и атаковать его. Кроме того, скрытое нескошенной травой немецкое проволочное заграждение оставалось вне видимости не только нами, но и с наблюдательных пунктов батарей. При невозможности же следить за стрельбой и ее корректировать, вероятность разрушения проволочного заграждения являлась проблематичной. Отсутствие хороших наблюдательных пунктов у артиллерии обуславливалось слишком открытым и равнинным характером местности в тылу. Наконец, позиция полка прекрасно эшелонированная в тактическом отношении в глубину, совершенно не была разработана: отсутствовали не только убежища, но и самые резервные окопы были плохи и в недостаточной мере соединялись между собой ходами сообщения.

Таким образом — исходного плацдарма у полка не было.

До 12 июля, перед боями на Ковельском направлении, полк, как и вся Гвардия, в течение 9 с половиной месяцев находился в резерве Верховного Главнокомандующего. Офицерам было роздано наставление по подготовке и производству прорыва неприятельской укрепленной полосы. Будучи в резерве, мы изучили это наставление и вели много занятий, как по производству прорыва, так и по его отражению. Однажды — это было весной 1916 года — полку была предоставлена для примерного маневра тыловая укрепленная полоса. В проволочном заграждении ее заранее были сделаны проходы. Маневр состоял в прохождении через них, в атаке передовых окопов этой укрепленной полосы, занятии, чистке их и в дальнейшем наступлении на 2-е и 3-и линии приспособленных для обороны окопов этой же укрепленной полосы.

Даже при отсутствии огня было не так легко нацелиться в своем движении в атаку на сделанные заранее проходы, а далее, после атаки, было не так просто собраться, не заблудившись в лабиринте незнакомых окопов при их чистке с тем, чтобы продолжать атаку на следующие линии окопов укрепленной полосы.

Этот маневр, как мне, так и другим показал, что атаку укрепленной полосы можно требовать от войск при следующих минимумах: только при наличии, сделанных артиллерийским огнем, проходов в проволочном заграждении противника и только при сближении с ним на 300—400 шагов. Вне этих двух минимумов, предъявляемое войскам требование прорыва укрепленной полосы обречено на неуспех, а значит, и на ненужные человеческие жертвы.

По меткому выражению генерала Головина — "войска посылаются в бой, а не на убой". 26 июля 1916 г. для 11-й и 12-й рот нашего полка именно был "убой", а не бой. Из последующего моего рассказа станет известным, что "убойный" характер этого боя сделался участью и моей роты.

26 июля для полка был первый боевой опыт атаки неприятельской укрепленной позиции на новых условиях войны 1916 года. Было досадно, что к прорыву укрепленной германской позиции полк не будет готов. Почему это вышло, я в то время не знал, но ясно отдавал себе отчет в том, что за неподготовленность, даже не полка, а, хотя бы, 3-го батальона, придется

расплачиваться своей головой и 184 жизнями людей своей роты.

Приказ начальника дивизии явно противоречил вышеназванному наставлению по прорыву укрепленных полос, по крайней мере, в отношении пехоты, т. к. об артиллерийской подготовке прорыва мне почти не было ничего известно. Поэтому генералу фон Нотбеку и понадобилось затушевать это противоречие ссылкой на предков и боевую славу дивизии в прошлом. Этим приказом не только, как бы, опорачивалось наставление по прорыву укрепленных полос, но и вся наша подготовка к сему во время нахождения в резерве приобретала теоретический характер. Устарелая российская практика опять довлела над наукой. Повторяю, что все это было досадно.

Как небольшой начальник — ротный командир — и как ближайший исполнитель боевого приказа, я не мог высказать эти свои мысли вслух в порядке служебного доклада. Ведь в нем, помимо матерьяльных соображений, слушающим меня лицом несомненно бы чувствовался и другой моральный элемент — недостаток доблести и мужества. Одно дело, когда с возражением против боевого приказа выступает большой начальник, не являющийся рядовым бойцом. Его нельзя заподозрить в отсутствии мужества, т. к. ведь ни одна неприятельская пуля не будет направлена против него лично. Другое дело — подобное возражение в устах небольшого начальника, фактически ведущего в атаку подчиненную ему часть войск. Здесь личный элемент возражения бросится в глаза ранее всего, в особенности, если оно делается не георгиевским кавалером или не признанным храбрецом.

Но вернемся к рассказу.

Прочитав приказ, я дал его подпоручику Александрову, а затем, соединившись по телефону с командиром батальона, узнал его частное приказание для атаки. Полковник Мантуров приказал мне к началу атаки, которая была назначена на завтра в 5 часов дня, прибыть с ротой в окопы 11-й роты, откуда и двигаться за нею двумя волнами. Из дальнешего разговора выяснилось, что и Мантуров видел те же трудности для успеха прорыва, что и я. Он докладывал о сем командиру полка. Нас утешали тем, что артиллерийская подготовка будет длиться 12 часов, начавшись завтра в 5 часов утра.

Несколько позже я собрал начальствующих нижних чинов своей роты и объявил им об атаке, назначенной на завтрашний день, и о месте нашего участия в ней. Подпрапорщик Яровой, исполнявший должность фельдфебеля роты, сейчас же попросил у меня разрешения вести 2-ю полуроту.

Я ответил, что ее поведет подпоручик Александров. Яровой был бравый солдат из запасных. Действительную службу он служил л.-гв. в Кексгольмском полку и потому сохранил в себе закваску солдат 3-й Гвардейской пехотной дивизии. Внешний вид у них был лучше, чем у нас. В частности, Яровой всегда был бодрым и любил балагурить Недалекий по развитию, но чисто в боевом и строевом отношениях находчивый и сметливый, он был отличным примером для всех солдат роты. Я эти качества в нем ценил. Ко времени боя 26 июля он имел уже 2 георгиевских креста и 1 медаль, прибыв в полк в конце апреля 1915 года.

Обходя окопы своей роты, я проверил порядок замещения начальствующих лиц на случай их выбытия из строя; было предусмотрено по 10 заместителей мне и всем остальным начальствующим чинам, но и этого оказалось мало, как показал день 26 июля.

*

Целую ночь рота углубляла ход сообщения к участку позиции 11-й роты, однако, к утру, все-таки, он был местами едва по грудь.

26 июля, в 5 часов утра, наша артиллерия открыла огонь по всему фронту. Шел мелкий дождь. Все были в шинелях. Немцы не замедлили отвечать и началась артиллерийская дуэль. С обеих сторон огонь был очень силен. Немцы чрезвычайно метко били по соединяющему мои окопы с участком позиции 11-й роты ходу сообщения. Перед атакой, перебегая по нему с ротой, я мог видеть результаты их стрельбы. Во многих местах стенки хода сообщения совсем обвалились: местами и просто он был засыпан, а воронки виднелись повсюду кругом. Тысячи снарядов, перелетая через мои окопы, рвались позади их, видимо, поражая наши батареи. По передовым же окопам немцы стреляли гранатой и шрапнелью с очень низким разрывом. Телефон к командиру батальона почти все время бездействовал: провод шел по ходу сообщения и потому все время рвался от удачных попаданий по этому ходу.

Во время артиллерийской подготовки в пехотных окопах, обыкновенно, нет никакого дела, а в резервных — и подавно, поэтому люди моей роты, укрывшись от дождя палатками, сидели небольшими группами и в одиночку на дне окопа, стараясь выбрать такое место поглубже, которое бы лучше предохраняло их своими стенками от летящих повсюду осколков. Вид такого воинства был довольно убогий, но приходилось с этим мириться, т. к., во-первых, я понимал, что каждый бережет свое сухое местечко, а, во-вторых, знал, что стоит только подать команду к атаке, как передо мною вырастет рослая стена вполне боеспособных молодцов.

После полудня, прохаживаясь по окопу, я услышал на левом его фланге страшный треск разорвавшейся гранаты; сейчас же я заметил, как несколько человек бежало поверху с левого фланга вдоль окопа и затем спрыгнуло в него. Оказалось, что немецкий снаряд разорвался на бруствере окопа в расположении 3-го взвода. Я пошел туда. Никто ранен не был, некоторых только засыпало землей, но разрушения в окопе были велики. Ни к кому не обращаясь, я спросил: "Что ж теперь делать?" Взводный Денисов совершенно уверенным тоном, может быть, даже несколько

утрированным, мне ответил: "А я уж приказал ребятам немедленно поправить повреждение, ваше высокоблагородие". — "Молодец", похвалил я его и стал смотреть на начавшуюся работу.

В 3 часа дня мой телефонист перехватил приказание произвести разведку состояния немецкого проволочного заграждения. Я спросил затем Мантурова об этом. Он мне сказал, что уже распорядился о высылке требуемой разведки от 11-й и 12-й рот.

Подобное приказание подтверждало мое предположение о том, что батареи не имели хороших наблюдательных пунктов и потому результатов своей стрельбы по проволоке, с целью сделать в ней проходы, не видели. Оттого они и возложили на пехоту то, что сами должны были ей ответить.

В условиях обстановки ведшагося боя, когда огонь германской артиллерии в передовых наших окопах не позволял даже высунуть головы, при ровной местности и в короткий для сего срок (за 2 часа до атаки), производство разведки предположительно сделанных нашими батареями проходов в проволоке, даже смельчаками-охотниками, было делом безнадежным.

Но при исполнении этого приказания произошло следующее. С 12-й ротой не действовал телефон, поэтому к ней с таким приказанием был послан один рядовой. Я, не зная о том, как исполняется приказание о высылке разведки, среди грохота рвущихся снарядов и шума выстрелов наших батарей, вдруг слухом уловил усиление разрывов где-то впереди вправо. Высунувшись, я увидел черные фигуры наших солдат 12-й роты, которые ровной цепью двигались к немецким окопам. В бинокль я отчетливо увидел, что это была не разведка, а атака. Из-за дождя и общей пасмурности, напоминавшей туман, я не мог установить, даже в бинокль, вся ли 12-я рота пошла в атаку или только ее часть. Об этом всем я передал по телефону командиру батальона, от которого, как оказалось, не было видно движения 12-й роты, закрытой небольшим и пологим бугром. Так как телефон с 12-й ротой не действовал, полковник Мантуров послал туда одного солдата. Он долго не возвращался и потому был послан второй, который тоже пропал. Я же, тем временем, продолжая свое наблюдение за 12-й ротой, сообщил командиру батальона, что она двигается вперед и даже имеет с собой пулемет. Пригнувшиеся фигуры людей 12-й роты скоро скрылись из виду, заслоненные травой; многие уже лежали в траве по всему пространству перед окопами, а некоторые медленно ползли назад.

Все эти данные не могли не обеспокоить полковника Мантурова, так как ими расстраивался план атаки, назначенной в 5 часов дня.

Для выяснения происшедшего в 12-й роте полк. Мантуров послал туда, вызвавшегося охотником, прапорщика Егорова. Благополучно перебежав непрорытое пространство между 11-й и 12-й ротами, прапорщик Егоров в окопах последней увидел несколько солдат, из которых некоторые были ранены. От них он узнал, что вся рота с прапорщиком князем Ухтомским пошла в атаку и что командира роты, поручика Чаплыгина, они не видели. Будучи проведен к окопу поручика Чаплыгина, прапорщик Егоров действительно нашел его там вместе с фельдфебелем и телефонистами. Только от прапорщика Егорова все они узнали, что рота с прапорщиком Ухтомским пошла в атаку. Как это могло случиться прапорщик Егоров, конечно, не допытывался, но попросил поручика Чаплыгина немедленно же починить телефонный провод и, соединившись с командиром батальона, ему о происшедшем доложить. Провод был немедленно починен, а Егоров тем же путем вернулся в окопы 11-й роты.

Из доклада поручика Чаплыгина выяснилось, что, действительно, прапорщик князь Ухтомский повел 12-ю роту в атаку, ничего не сказав о сем поручику Чаплыгину. Из опроса же приползших обратно в окоп раненых поручик Чаплыгин узнал, что его рота понесла огромные потери и что раненые в большом количестве лежат повсюду в поле. Позже, вернувшись в окопы, легко раненые добавляли, что небольшое количество уцелевших людей с князем Ухтомским залегло в ста шагах от немецких окопов, проволока перед которыми, как они говорили, не была разрушена нашим артиллерийским огнем. Пулемет был тоже при прапорщике князе Ухтомском.

Все эти данные побудили полковника Мантурова изменить первоначальное распределение рот батальона для атаки. Соединившись со мной по телефону, полковник Мантуров отдал мне приказание сейчас же перейти с ротой в окоп 12-й роты, откуда и начать атаку ровно в 5 часов дня. Так как от меня до позиции 12-й роты было около 800 шагов совершенно открытого пространства и так как движение туда носило фланговый характер, я, во избежание при нем неминуемых и ненужных потерь, предложил теперь же перейти с ротой по ходу сообщения на участок 11-й роты, самым тесным образом занять его правый фланг и потом выполнить за 12-ю роту то, чего она не сделала, т. е. атаковать позиции германцев перед нею на опушке леса. Мое предложение было принято командиром батальона и, т. к. было уже 4 часа, я приказал роте надеть ранцы и двигаться за мной по ходу сообщения в 11-ю роту редкой цепочкой.

Как я сказал выше, ход сообщения был сильно поврежден удачными попаданиями немецких снарядов. Местами приходилось перебегать в открытую десятки шагов, а также задерживаться, укрываясь от разрывов интенсивно посылаемых немцами снарядов.

(Продолжение следует)

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

N° 18

НОЯБРЬ 1961 год

СОДЕРЖАНИЕ

«Военно-Исторический Вестник» выходит два раза в год — в мае и ноябре.

Издается на правах рукописи.

Настоящий номер вышел под редакцией **Ю. А. Топоркова.**

От правления Общества Любителей Русской Военной Старины

"В. П. ВЕСТНИК" МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ВНЕ ФРАНЦИИ ПО НИЖЕСЛЕДУЮЩИМ АДРЕСАМ:

АВСТРАЛИЯ.—Представитель Об-ва П. М. Перекрист — 31, Roberts Avenue. Randwick-Sydney (N.S.W.).

АНГЛИЯ. — В. В. Барачевский — 23, Alder Grove, London, N.W.2.

ВЕНЕЦУЭЛА. — К. А. Келлнер — Sarria N° 24, Quinta Coromoto, Caracas.

С. А. ШТАТЫ. — Представитель Об-ва А. Ф. Долгополов — A. Doll, 5954, Barton Ave, Los Angeles 38 (Calif.).

— член Об-ва Г. В. Месняев — 6-12, 158 Str., Beechhurst 57 (N.Y.).

Переписку по делам Общества просят направлять по адресу Льва Николаевича Немирова:

L. Nemiroff, 26-bis, rue de l'Ingénieur Robert-Keller, Paris (15ᵉ).

Переписку редакционного характера просят направлять по адресу Юрия Александровича Топоркова: G. Toporkoff, 25, rue Rennequin, Paris (17ᵉ).

Заказы на все издания и медали Общества, а также все денежные переводы просят направлять по адресу Александра Васильевича Щиткова (на его почтовый текущий счет Paris № 13694.00 или чеками на его имя):

A. Stchitkoff, 15, rue de Médéah, Paris (14ᵉ).

ИЗДАНИЯ ОБЩЕСТВА

На складе Общества имеется еще небольшое количество нижеследующих изданий Об-ва:

1. — *"Записка о службе А. В. Суворова"* (изд. 1947 г.). Цена 1,00 фр. или 0,25 дол., или 1.15 франка.

2. — Номера *"В. П. Вестника"*, начиная с № 8. Цена — 2,50 фр. или 0,80 дол., или 2,85 фр.

МЕДАЛИ ОБЩЕСТВА

1. — В настоящее время бронзовая Полтавская медаль (1709 - 1959) — высылается немедленно всем заказавшим ее. Что же касается медалей Гвардии-Нарвы (1700 - 1950), Петербурга (1703 - 1953) и Севастополя (1855 - 1955), то с момента получения заказа и до отправки медали может пройти иногда значительный промежуток времени.

2. — Стоимость Севастопольской или Полтавской медали — 8,00 фр. или 2.50 доллара или 9,40 фр. Стоимость медали Гвардии-Нарвы или Петербургской — 11,70 фр., 3,00 долл. и 13,35 фр.

МЕДАЛЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.

В 1962 году, по заказу Правления, на Парижском Монетном Дворе будет отчеканена пятая юбилейная медаль Общества, посвященная 150-летию Отечественной войны.

На лицевой стороне медали (диаметром в 59 мм.) будет профильное погрудное изображение Имп. Александра I с надписью "АЛЕКСАНДРЪ БЛАГОСЛОВЕННЫЙ", а на оборотной — Всевидящее Око в треугольнике, окруженном лучами, и надпись "НЕ НАМЪ, НЕ НАМЪ, А ИМЕНИ ТВОЕМУ", а также юбилейные годы "1812—1962".

Прием заказов на медаль открыт 1 ноября и будет закрыт 1 мая 1962 г. Медаль будет отчеканена в количестве, равном числу поступивших заказов. Цена бронзовой медали — 12 нов. фр. или 3.5 американ. доллара или 14 нов. фр., а цена серебряной — 42 нов. фр. или 11 ам. дол. или 44 нов. фр.

Заказы, с обязательным приложением соответствующей суммы, следует адресовать на имя А. В. Щиткова, а для С. А. Соед. Шт. также на имя Александра Федоровича Долгополова и Григория Валерьяновича Месняева (адреса см. выше).

Примечание. Во всех вышеуказанных ценах, первая цена относится к Франции и зоне франка, вторая — ко всем заокеанским странам и третья — ко всем остальным странам. В указанные цены входит стоимость пересылки.

Некоторые памятные даты в 1962-м году

350 лет — Освобождение Москвы от поляков (22 октября 1612 г.).

325 лет — Взятие казаками Азова (22 июня 1637 года).

225 лет — Взятие штурмом Очакова гр. Минихом (2 июля 1737 г.) и поход фельдмаршала Ласси в Крым (лето 1737 г.).

200 лет — Начало царствования Императрицы Екатерины II-й (28 июня 1762 г.) и смерть Императора Петра III-го (6 июля 1762 года).

175 лет — Начало "второй" войны с Турцией (13 августа 1787 г.).
Победа Суворова у Кинбурна (1 октября 1787 г.).

150 лет — Бухарестский мир (16 мая 1812 г.) и присоединение Бессарабии к России.
Вступление Наполеона в Россию и начало Отечественной войны (12 июня 1812 года).
Смерть ген. Я. П. Кульнева (20 июля 1812 г.).
Бородинская битва (26 августа 1812 г.).
Смерть князя П. И. Багратиона (14 сентября 1812 г.).

(Продолжение см. на 27 стр.)

Граф Ф. А. Келлер

(Материалы к его биографии) С. ТОПОРКОВ

Граф Федор Артурович Келлер родился 24 октября 1857 года. Он происходил из старинной дворянской семьи, и получил воспитание в духе традиций своего словного рода, которым, по справедливости, можно было гордиться. Среди его предков с отцовской стороны были два фельдмаршала: граф Миних и князь Витгенштейн, а также граф Браун, с материнской же стороны — храбрый генерал Кульнев.

Образы этих выдающихся полководцев витали в воображении юного графа и, падая на плодотворную почву его природных качеств, создали из него того воина-рыцаря, которым всегда, до последней минуты своей трагической смерти, оставался граф Келлер.

Детство графа Келера прошло почти безвыездно в родовом имении. Когда же наступило время поступать в училище, отец отвез его в Ригу к бабушке и поместил его в пансион некоего Баренгаунтена. Через два года он переехал в Москву к своему дяде, женатому на графине Бобринской, и там продолжал свое образование, а затем отправился в Петербург, где поступил в Николаевское кавалерийское училище.

В это время началась русско-турецкая война 1877 года, и он, без ведома своих родителей, поступил вольноопределяющимся в отбывающий на театр военных действий 1-й лейб-драгунский Московский полк. Сражаясь в отряде генерала Скобелева и состоя ординарцем у начальника 1-й кавалерийской дивизии, генерала Дохтурова, граф в декабре 1877 г. неоднократно отличался в боях, был награжден георгиевскими крестами 4-й и 3-й степени и за отличие был произведен в офицеры.

По окончании войны Келлер сдает офицерский экзамен при Тверском кавалерийском училище и, 31 марта 1880 г., в чине корнета из лейб-драгунского Московского полка переводится в 6-й гусарский Клястицкий полк. В этом полку проходит его служба в обер-офицерских чинах, там же он командует эскадроном. Затем гр. Ф. А. Келлер переводится в 24-й драгунский Лубенский полк, откуда, в чине подполковника, 6 апреля 1901 г., переводится в 23-й драгунский Вознесенский полк. В том же году, 2 мая, он произведен за отличие по службе в полковники и назначен командиром Крымского конного дивизиона.

27 ноября 1903 г. гр. Келлер был переведен в 11-й драгунский Харьковский полк, а через два с половиною месяца, 16 февраля 1904 г., назначен командиром 15-го драгунского Александрийского полка.

Ниже я приведу отрывки из моих личных воспоминаний о времени командования графом Ф. А. Келлер Александрийским полком.

Граф Ф. А. КЕЛЛЕР
Командир 15-го драгунского Александрийского полка (1904—1906)

Называли в полку многих кандидатов из гвардии и генерального штаба на должность командира, на место отбывшего на Дальний Восток полковника В. А. Карцова, и совершенно неожиданно для всех, по личной воле Государя, был назначен полковник граф Ф. А. Келлер. О нем в полку были самые разнообразные слухи, говорили о его строгости и неимоверных требованиях службы.

Согласно полученной телеграммы из Варшавы, встретить нового командира выехал полковой адъютант и уже на другой день новый командир полка прибыл в г. Калиш, на место постоянного квартирования полка. В назначенный день все офицеры и классные чиновники явились в офицерское собрание.

Граф Келлер, войдя в "малиновую" гостинную, где все мы по чинам были выстроены в шеренгу, поклонился, и старший полковник, Рембовский, представляя каждого по старшинству, называл чин, фамилию и должность.

По окончании представления граф Келер сказал, обращаясь к присутствовавшим: "Волею Государя

Императора я счастлив принять доблестнейший Александрийский полк. Говорить я не умею. Могу только сказать, что службу я люблю и работаю с восьми часов утра до восьми часов вечера и с восьми часов вечера до восьми часом утра. Надеюсь, что все мы так же будем работать".

Столь краткая и определенная речь дала всем понять, что требования службы будут большие.

Граф Келлер был очень высок, худощав. Голову всегда держал высоко, упираясь затылком в воротник. Подбородок слегка брал на себя. В наружных углах глаз — обозначено много мелких морщин. Нижняя губа слегка выдавалась вперед.

В отношении формы одежды гр. Келлер несколько отступал от установленных правил и носил почти всегда широкие рейтузы с напуском на сапоги, как полагалось в пехоте. Фуражку носил сильно заломленную на правый висок и этого требовал от офицеров и особенно от драгун. Зимою, вместо положенного в полку короткого полушубка, носил сюртук подбитый мехом. На плечах его почти всегда был белый кавказский башлык.

Свою казенную большую квартиру гр. Келлер занимал частично, занимаясь и проводя досуги в первой небольшой комнате, окнами выходившей на двор штаба полка. Большой письменный стол, заваленный уставами и приказами, да тахта, над которой висело оружие — вот и вся обстановка его рабочей комнаты. Здесь командир полка принимал доклады, работал и отдыхал.

В частной своей жизни он был неприхотлив во всем, общественной жизни не любил, но был бесконечно любезным хозяином. Придёшь, бывало, дежурным по полку с вечерним рапортом, и командир полка не знает сам, как бы лучше принять дежурного. Возмет под руки, усадит в кресло, угощает чаем с вареньем и печеньями. Просидишь так у командира часа два и никогда от него не услышишь служебного разговора, но тема всегда, конечно, военная.

О себе он почти никогда не говорил и чрезвычайно был краток и скромен в разговоре о себе. Так, однажды, я спросил графа, за какие подвиги он награжден солдатскими георгиевскими крестами. Граф ответил мне лаконически: "Сам не знаю за что! Первый крест получил по своей неопытности: ординарцем вез приказание и вместо штаба наскочил на турецкий окоп. Турки обстреляли меня, а начальство увидало и наградило. А второй крест за то, что проскакал горящий мост. Вот и все!"

Иногда во время такого чаепития присутствовала, расположившись на тахте и подобрав под себя ноги, жена командира, графиня Мария Александровна, пользовавшаяся громадным уважением всех, кто ее знал. Граф никогда не позволял графине, как он говорил, "вмешиваться в полковые дела", поэтому графиня никогда не высказывала совего взгляда и только поддерживала разговор на общие темы.

**

После представления г.г. офицеров, как полагалось, в полковом собрании состоялся общий завтрак. Келлер выпил три рюмки водки, что было для всех полною неожиданностью, так как было известно, что граф, будто бы, ничего не пьет и преследует пьющих. За завтраком играли трубачи, и вскоре все освоились с новым командиром, уже не являвшимся для всех каким-то ужасным, как о том говорили раньше. Все разошлись после завтрака, делясь впечатлениями и наблюдениями.

С утра следующего дня начались обыкновенные занятия в эскадронах, а командир полка занялся работой в канцелярии и собственными делами. Но командир все же находил время и ежедневно посещал все эскадроны и команды, разбросанные в разных районах города, и в продолжении двух первых недель поощрял и офицеров и драгун.

Через некоторое время все офицеры были снова собраны и гр. Келлер сказал следующее: "Я две недели посещал занятия и присмотрелся ко всему и, в общем, я доволен. Но с завтрашнего дня мы начнем все вместе работу. Сегодня же прошу всех у меня отобедать, чем Бог послал..."

Прекрасно сервированный стол. Много вкусного. Присутствуют все офицеры с их семьями и классные чиновники. Хозяева были, как всегда, бесконечно любезны.

На утро было назначено полковое ученье на Большом плацу — первое ученье всего полка с новым командиром. Откинув сильно назад свой корпус, на очень длинных стременах, галопом скакал к полку командир и, осадив своего гнедого жеребца (гр. Келлер признавал только жеребцов) за полверсты от развернутого фронта полка, очень сильным и зычным голосом поздоровался: "Здорово, товарищи!" (Так он всегда здоровался с полком). Последовал дружный ответ, после которого командир скомандовал: "Слезай". Были вызваны вперед все офицеры, за ними построились вахмистры и далее взводные унтер-офицеры.

Командир полка сразу набросился на вахмистров, заслуженных стариков с опытом долголетней сверхсрочной службы. Он предупреждал их, что сорвет нашивки, разжалует в рядовые и выгонет вон всякого, кто не будет заботиться о младшем. "Нагуляли брюхо на солдатской копейке, да на фураже! Держи ухо востро!"

Никогда еще заслуженные вахмистры полка ни от кого не слыхали таких речей. Побледнели они и, замерев, держали руку под козырек, их губы заметно дрожали...

Так же досталось и унтер-офицерам: "Рукоприкладством занимаетесь? Новобранцев бьете? Сорву лычки и буду отдавать под суд!" Замерли и унтер-офицеры.

Эскадронных командиров и обер-офицеров внушительно попросил быть более ретивыми к исправлению служебных обязанностей и почаще проводить время в казармах с подчиненными. Полкового ученья в этот день не было и эскадроны были отпущены по домам.

Мрачно возвращались домой эскадронные командиры, таинственно перешептывалась молодежь, опустили головы драгуны. Осуждали поступок командира. Было нам обидно, что заслуженные старики вахмистры, которых мы называли "на вы", пользовавшиеся большим авторитетом, принуждены были выслушивать брань командира. Вахмистры стали подумывать об уходе из полка, советовались с эскадронными командирами... Всем стало ясно, что жизнь в полку настанет не легкая. И жизнь эта началась.

Командир полка ежедневно присутствовал на занятиях и больше всех доставалось эскадронным командирам. До этого времени полковая жизнь шла темпом заведенного раньше порядка. Каждый прикладывал свои силы по мере своих знаний и способностей. Людей держали в строгости, лошадей откармливали и резвыми аллюрами не увлекались. Заботились о сохранении обмундирования, лучшее сохраняли, худшее же давали в носку. Молодой офицер находился как-то в стороне и исполнял лишь то, что требовал от него эскадронный командир, последний же поручал свой эскадрон своему вахмистру, которого считал непогрешимым. Рутина проникла во все отросли полковой жизни и всякое нововведение встречало упорство. Эскадронные командиры не любили новшеств и это с первых же дней было замечено командиром полка. Он начал неустанную борьбу с рутиной.

Строевые занятия, ведшиеся до сего времени строго по расписанию, изменились. Новое требование сводилось к занятиям в поле, не смотря ни на какую погоду, а манеж стал обслуживать старых лошадей. Молодые лошади стали "работаться" только в поле и лишь недели за две до смотра разрешалось пользоваться манежом. Молодая лошадь стала обучаться лишь в одиночку в поле, смены были забыты. В конюшнях, на уборке, на водопое и при работе молодой лошади всегда производилась стрельба холостыми патронами для приучения ее к выстрелу. Молодая лошадь усмирялась, легко отделялась от строя. Все молодые лошади клались на землю.

Была введена стрельба с коня холостыми патронами на полном карьере по разбросанным в поле картонным кружкам. Сначала казалось для всех это какой-то премудростью, но потом эскадроны этим так увлеклись что разбивали кружки без промаха.

Во всех эскадронах были сооружены шпрингартены, на коих обязательно и ежедневно напрыгивались лошади, сначала без всадников, а потом со всадниками на непоседланных лошадях. Лихость была доведена до крайних пределов. Так новобранцы 3-го эскадрона ротмистра Зыкова на первом смотру шли справа по одному во главе с эскадронным командиром и офицерами на шпрингартен на непоседланных лошадух. Большинство новобранцев перед препятствиями делали прыжки.

Особое внимание командира полка было обращено на рубку. Сам граф Келлер своею рубкой был известен во всей кавалерии и в полку лишь в лице ротмистра Зыкова имел своего соперника. В учебной команде требовалась рубка лозы на коне направо и налево. Граф Келлер личным примером руководил этими занятиями: он прекрасно рубил, джигитовал, стрелял и фехтовал.

Он был поклонником пики и неоднократно представлял проекты о введении пики в регулярной коннице. Он писал: "Или лава или вооружение пикою. Другого решения быть не может, если мы хотим быть равными по силе той кавалерии, с которой нам рано ли, поздно ли придется сразиться. Не впервые русскому солдату бороться с неприятелем худшим чем у него оружием. Но зачем же повторять ошибки, когда есть полная возможность поставить нас в равные с противником условия"... "Единственным строем, дающим возможность части без пик расстроить сомкнутого противника вооруженного пиками, мне представляется строй лавы, практически выработанный еще монголами в их беспрерывные войны и перешедший затем к нашим казакам" ([1]).

Лично командир полка увлекался этой отраслью занятий и принимал в этом большое участие и весьма искусно отбивался пикою от пяти всадников.

Джигитовка была обязательна не только для солдат, но и для офицеров. Преодолевание препятствий без стремян и без повода было обязательно и для штаб-офицеров. Все перечисленное граф Келлер проделывал сам с большою ловкостью несмотря на свой огромный рост.

Наконец, по проекту гр. Келлера, сначала в бывших гусарских, а потом и в других кавалерийских полках, была введена казачья лава, впоследствии вошедшая в полевой устав кавалерийской службы. Сначала все это было незнакомо и трудно, т. к. требовалась инициатива каждого всадника, но потом все освоились и всегда применяли лаву на маневрах и особенно во время Первой мировой войны. "Противники лавы", пишет гр. Келлер, "возражают, что наш солдат не достаточно развит для самостоятельных действий. Это громадная ошибка, доказывающая полное незнание нашего солдата. Ознакомившись близко с нашим солдатом, прозаведывав пять лет новобранцами, прокомандовав более десяти лет эскадронами и девять лет отдельными частями, я убедился в том, что все зависит от воспитания и обучения нашего солдата. Всегдашнее обучение шеренгами и сменами с однообразной ездой гуськом, когда даже и управлять лошадью не приходится, убивая всякую работу мозга, создает из солдата равнодушную неповоротливую пешку".

"Наоборот, если дать нашему солдату поуправлять самостоятельно конем, требовать сознательной езды, сознательного исполнения всякой команды и приема, если похвалить и поощрить его за сметку, находчивость и самостоятельность решения в дозоре или разъезде, которое он при обыкновенном воспитании боится проявить, то получится рассуждающий, находчивый, умный человек, интересующийся конным делом

---

[1]) Граф А. Ф. Келлер. Несколько кавалерийских вопросов. Изд. В. Березовский. СПБ. 1910. Стр. 3 и 4.

и легко схватывающий даже сложную обстановку" (²).

Не мало внимания уделял командир полка подготовке будущих унтер-офицеров, требуя особенно полевую подготовку. Смотры учебной команды бывали необыкновенно трудны, т. к. требовалась одиночная езда и однообразие.

Не мало забот доставляли командиру полка приемы выездки лошади способом Офицерской кавалерийской школы, в то время принятые во всей кавалерии. Он был ярым противником работы лошади "в руках" и тем более в манеже. В период полковых учений было чему научиться. Они производились накоротке и на широких аллюрах. От фронта командир полка держался очень далеко, его каждый видел. Имея громкий голос, он командовал так, что его каждый слышал.

В 1905 г. весною прибыл в Калиш командующий войсками варшавского военного округа, ген.-ад. Скалон. Сюда же был вызван из г. Конина Каргопольский драгунский полк со своим лихим командиром, полковником Лавровым. Смотр начался с Каргопольских драгун. Их полк учился выше всякой похвалы и Александрийцы побаивались первенства Каргопольцев. Вслед за ними началось учение Александрийцев. Граф Келлер превзошел себя: все учение произведено на полевом галопе и завершилось "восьмёркой" развернутого фронта полка. Гр. Келлер лично заводил фланги с таким искусством, что равнение не нарушалось ни на минуту, а о разрыве не могло быть и речи. Старший штаб-офицер держал направление. Ген. Скалон, видавший, конечно, не мало смотров, остановил полк, снял фуражку и сказал: "Земной поклон за полковое учение, я никогда не видал ничего подобного".

**

В короткий срок, доведя до блестящего строевого обучения, одновременно гр. Келлер привел в такое же образцовое состояние и хозяйственную часть полка. Старый служака и прекраснейший заведующий хозяйством в полку полковник Радецкий неоднократно плакал, не зная, что делать с новыми и новыми требованиями командира полка. В те времена существовало "положение", что заведующий хозяйством в полку аттестовался по мере представления наибольшей суммы "экономического капитала" в полку. Суммы эти накапливались, хранились в полку и по требованиям штаба округа расходовались. Так, во время командования полком полковником Карцовым по такому требованию полк выдал громадные деньги в округ для постройки казарм в Варшаве л.-гв. Кексгольмскому полку.

Гр. Келлер этот вопрос решил просто: экономические суммы полка принадлежат полку и расходуются лишь на нужды полка. Никакие параграфы законов, представляемые заведующим хозяйством командиру полка, ничего доказать не могли. Он говорил: "Высочайшею волею я командую полком и за все сам отвечаю перед Государем Императором".

Приняв полк, гр. Келлер нашел ковку в полку неудовлетворительной. Для этого приказал выстроить новую кузницу. Для перековки приказал всех лошадей приводить к своей квартире и перекованную лошадь сам осматривал и делал указания. Часто лошадей "расчищал" и ковал лично. Старого ветеринарного врача заменил новым молодым и энергичным врачом по своему выбору.

Эскадронные кухни тоже были реорганизованы. Гр. Келлер нашел злоупотребления на кухнях. Из собственных средств он платил по 25 рублей на каждый эскадрон на улучшение пищи, но зато и требовал. И вопрос питания солдата был доведен до блестящих результатов. Кашевары в эскадронах конкурировали в приготовлении пищи, которая не раздавалась до тех пор, пока в каждом эскадроне командир полка не попробует её лично и в обед и в ужин, несмотря на то, что эскадроны были расположены в различных частях города. Кашевары в зависимости от пищи награждались или наказывались. Котлы стали запираться замками.

Вся лишняя прислуга офицерского собрания и денщики, у лиц коим таковых не полагалось, вернулись в эскадроны и пополнили ряды.

Сделав выводку офицерским лошадям и найдя некоторых лошадей не вполне пригодными к службе, гр. Келлер взял с собой штабс-ротмистра Дерюгина, большого знатока лошадей, и отправился с ним в Белую Церковь на завод графини Браницкой и за наличный расчет привел одиннадцать кровных лошадей для офицеров. По своему усмотрению назначил этих лошадей для офицеров и льготной рассрочкой вернул деньги в полковую казну. Цена лошадям этим была от 600 до 1200 рублей. Когда заведующий хозяйством докладывал командиру полка, что на сей предмет нельзя расходовать казну, гр. Келлер, улыбаясь, сказал: "Я же не себе беру их в карман, а помогаю офицеру приобрести хорошую лошадь для службы, и за это я сам буду отвечать".

**

Не было пределов кипучей деятельности гр. Келлера и одновременно налаженный им полковой аппарат горел в своей работе. Всякий знал требования командира полка, всякое неисполнение по небрежности не могло иметь места. Полк усвоил требования эти и воля его начальника была несокрушима. Волю свою гр. Келлер выражал часто фразой: "Да потрудитесь!" Вспоминаются некоторые случаи.

По сигналу командира полка, полк развернутым фронтом полевым галопом шел вперед и, дойдя до обрывистых берегов р. Просны, как всегда раньше, остановился. "Кто подал сигнал "стой?" — гневно сверкнув глазами, вопросил командир полка. "Потрудитесь все исполнять только по моей команде". Полк был отведен назад и снова брошен вперед. С полного хода гр. Келлер первым бросился вперед с конем в воду и поплыл. Средние эскадроны попали на глубокое место, фланговым более повезло. Весь полк легко преодолел реку и благополучно выскочил на гористый берег и построился за своим лихим командиром.

---

²) Там же, стр. 6 и 7.

Подобный же случай на маневрах у г. Серадзя. 5-й эскадрон должен был конно атаковать совершенно разрушенную старую крепость, валы которой представляли крутую стену, усыпанную щебнем. Ротмистр Лялин, не рискуя взобраться на верх по этому щебню, остановил у подножья эскадрон. Увидал это гр. Келлер. Подскакал и приказал снова атаковать крепость. "Да потрудитесь!" — и этого было достаточно. Все, конечно, были на верху.

На маневрах начальник разъезда, корнет Дублянский, доложил командиру полка, что его разъезд не может подойти к лесу, т. к. вся впереди лежащая местность — сплошное торфяное болото. "Да потрудитесь!" — и корнет Дублянский с разъездом, по пояс в торфяной грязи, прошел.

Слова — "да потрудитесь" — всегда повторялись в шутку офицерами, и командир полка это знал. Но были и комические случаи этих слов "да потрудитесь".

В магистрате был большой бал. В те времена молодежь полка не любила танцевать и всегда больше жалась к буфету. Позднее прибыл командир полка и был удивлен, что все находятся в буфете и ни одного танцующего офицера в зале. Почему-то там оказался поручик Андрющенко, очень скромный, застенчивый и неуклюжий офицер. Улыбаясь, командир полка спросил его, почему он не танцует. Андрющенко доложил, что никогда в своей жизни он не танцевал. "Да потрудитесь" — пошутил гр. Келлер. "Слушаюсь, господин полковник". Подошел к одной даме и пригласил на вальс и тут же запутался шпорой в ее юбке, повалил даму и сам упал. Подошел к командиру полка и доложил, что приказание исполнил, но потрудился плохо. Очень часто об этом случае, смеясь, вспоминал командир полка.

*

По отношению к офицерам полка и особенно к эскадронным командирам гр. Келлер был на службе строг. Ценил лихость, личный пример, находчивость и отеческую заботливость о солдате. Не любил лени, людей с унылым характером и особенно тех, у кого отсутствовало самолюбие. Во время учений он весь так горел военным пылом, что нередко бывал несдержанным в выражениях. Тот же 5-й эскадрон что-то напутал в полковом учении. Гр. Келлер подскакал к эскадронному командиру. — "Где вы там, ротмистр, болтаетесь у чортовой матери?" — Ротмистр, салютуя шашкой, полным командным голосом, перед всем фронтом полка, ответил: "Господин полковник, я болтаюсь не у чортовой матери, а командую 5-м эскадроном Александрийского Ея Величества полка!" Командир не сказал ни слова. Вскоре был подан сигнал "слезай" и затем сбор всех офицеров к командиру полка. Все ждали, что случай этот кончится большою неприятностью. Как и всегда раньше, командир полка сделал указания на ошибки, делал поправки и объяснения. Окончив, он подошел к ротмистру, командиру 5-го эскадрона, положил ему руку на плечо и сказал: "Мы, кажется, сегодня с вами погорячились. Мне ваш ответ понравился. Самолюбие — залог успеха на военной службе. Давайте поцелуемся". И оба поцеловались.

За плохое равнение на ученьи гр. Келлер со всего размаха запустил своею шашкою в 4-й эскадрон. Шашка прожжужала над головами драгун, кони шарахнулись в сторону. После учения гр. Келлер извинился перед командиром эскадрона и просил передать младшим офицерам свое извинение.

Под арест офицеров гр. Келлер никогда не сажал, кроме тех случаев, когда этот арест выручал самого офицера. Вспоминается случай в 1906 году. После домашних маневров у г. Калиша, 4-й эскадрон возвращался домой. Вел эскадрон поручик, с ним был один корнет. Проходя мимо имения, знакомый польский помещик вышел навстречу и непременно просил отобедать у него. Офицеры согласились и вахмистр повел эскадрон дальше. Сильно выпили, и помещик, уже совершенно невменяемый, не отпускал офицеров домой. Они там заночевали. На другой день, желая отблагодарить помещика, офицеры эти ему предложили вместе переехать германскую границу и выпить немецкого шампанского. Он согласился и они направились в ближайший немецкий городок Скальмержице, где часто офицеры наши загуливали в кабачке Имбаха. Переезжать границу разрешалось без оружия и с "легитимационным" билетом, который беспрепятственно выдавался калишским магистратом. Билетов на сей раз у офицеров не было, и они просто решили перейти границу. Несмотря на протесты и запрещение наших пограничных жандармов, офицеры и помещик самовольно перешли границу.

Возвращаясь обратно, они нашли рогатку уже закрытой. Немцы любезно выпустили, но наши жандармы потребовали от офицеров остаться на посту до прибытия их начальника, которому было уже протелефонировано о случившемся. Поручик горячился, надерзил жандармскому вахмистру и в результате его ударил. Офицеры вскочили в экипаж и понеслись в Калиш.

Понимая страшную ответственность за все сделанное, они решили ночью же немедленно идти на квартиру командира полка и во всем чистосердечно раскаяться. Несмотря на позднее время гр. Келлер тотчас оделся и отправился к губернатору Новосильцеву, куда был вызван также начальник губернских жандармов, которому обо всем происшедшем было уже известно. Гр. Каллер все уладил, выругал виновников и посадил своею властью под домашний арест: поручика на пять, а корнета на трое суток с исполнением служебных обязанностей. Виновные были наказаны, а жандармский вахмистр переведен на высшую должность.

Был и другой случай, когда командир полка выручал из беды своего офицера. Корнет, будучи в Варшаве в саперной командировке, хотел рубить шашкой жандармского ротмистра. Конечно, тотчас был арестован комендантом. О случившемся сейчас же корнет известил телеграммой командира полка. С первым по-

ездом гр. Келлер помчался в Варшаву выругать своего офицера, результатом чего наказание ограничилось месячным арестом на варшавской гауптвахте.

Не менее гр. Келлер отстаивал доброе имя полка, которым командовал, привлекая к ответственности всех, кто позволял что-либо говорить недоброжелательное о служащих в нем.

За непродолжительное время полк был блестяще подготовлен во всех отношениях, но и служба становилась все тяжелее и тяжелее. Были моменты необычайного напряжения. Некоторые офицеры доходили до отчаяния, некоторые хотели уходить из полка из-за невероятных требований Но несмотря на это ни один офицер не оставил полка.

Во время вспыхнувшей неожиданно русско-японской войны недоразумения эти отходили как-то на второй план. Полк на эту войну не выступил, и гр. Келлер всеми силами удерживал желающих офицеров отправиться на театр военных действий, уверяя, что всё-таки он верит в то, что полк будет отправлен на Дальний Восток. Желаниям этим не пришлось сбыться.

Неудачная война повлекла за собой злосчастную революцию 1905 года. Эта революция, или вернее беспорядки, не могли заставить гр. Келлера выжидать распоряжений высшего начальства и, будучи беспредельно преданным Престолу и желая оградить полк от революционной заразы, он сам решает вывести крамолу в г. Калише. Действия его были решительны, а иногда и жестоки. Усмиренные распоряжением командира полка, взбунтовавшиеся политические арестованные, в громадной калишской тюрьме, были все до одного высечены розгами 5-м эскадроном.

Революционная знаменитость, впоследствии член Государственной Думы, Парчевский был полком арестован и посажен на полковую гауптвахту за руководство революционной пропаганды среди солдат. Граф Келлер не остановился и перед тем, что арестовал и прокурора калишского окружного суда Скарятина за то, что последний освободил революционера Парчевского из тюрьмы и дал ему возможность убежать за границу в день объявления военого положения в Калишской губернии. Революционные элементы быстро спрятались в подполье, так как понимали, что гр. Келлер ни перед чем не остановится.

***

Очередной день беспорядков готовился в Калише. Все эскадроны поседланы и наготове на штабном дворе. Разъезды посланы по городу и в окрестности. Вся площадь запружена бастующими. Приказано полку садиться, и граф Келлер на своем золотистом жеребце выехал из ворот несколько вперед. Толпа гудит, слышатся недружелюбные голоса. Вдруг из толпы брошен небольшой камень, который упал к ногам лошади, скатившись с пальто командира. Камень был брошен не сильно и, так сказать, вызывающе.

Граф Каллер, указав рукою на сзади стоящие эскадроны, голосом, который услыхала вся тысячная толпа, крикнул: "Ты видишь, что сзади меня находится?" — и немного погодя, добавил:

"Вон отсюда!"

Вся толпа кинулась бежать во все переулки под смех эскадронов. Бежали все только от одного повелительного голоса графа Келлера.

Все это в совокупности подготовляло покушение на жизнь командира полка.

Первое покушение произошло в тот момент, когда граф Келлер с графиней ехали в полковом экипаже в город. Выехав из ворот штаба полка и проехав в первый переулок, коляска встретила злоумышленника, выбежавшего из мебельного магазина Шипермана. Неизвестный бросил завернутую в газетную бумагу бомбу в коляску. С присущим ему хладнокровием и с поразительной находчивостью Келлер руками поймал бомбу на лету и, этим предупредив взрыв, опустил ее осторожно на сидение экипажа, а сам выхватил из кармана "наган", выскочил из коляски и бросился в подъезд магазина за злоумышленником. Но тот исчез через другой выход. Граф передал неразорвавшуюся бомбу сбежавшимся драгунам, а сам продолжал свою поездку.

Второе покушение было хуже. Незадолго до него Келлер получил письмо: "...в первый раз мы послали дураков — потому вы остались живы; скоро пошлем людей поумнее..."

Лично я был свидетелем нижеследующего.

После первого покушения прошло два-три месяца. Молодым солдатам всего полка было назначено учение на Большом плацу. Старослужащим в этот день была баня. Окончив учение, молодые солдаты возвращались в свои казармы. Командир полка с полковым адъютантом, штабс-ротмистром Беккер, и двумя трубачами ехали впереди. Мой командир эскадрона, ротмистр князь Эристов, и я, попрощавшись с командиром полка, свернули в боковую улицу и не прошло несколько минут, как раздался оглушительный взрыв. Мы переглянулись, все поняли, схватили у проходящих мимо драгун лошадей и помчались на место взрыва.

Граф Келлер стоял прислонясь к стене, а вахмистр 4-го эскадрона Кузнецов своим ремнем перетягивал ему окровавленную ногу. Лошади командира полка и полкового адъютанта лежали тут же убитыми. Бомба разорвалась, перелетев через шею лошади полкового адъютанта, и весь заряд пришелся в животы лошадей, что и спасло всадников. Полковой адъютант оказался совершенно невредим. Упав с убитой лошади, он выхватил револьвер и бросился за злоумышленником. Адъютанту показалось, что бросивший бомбу вбежал сначала во двор, а потом в уборную во дворе. Приказав три раза открыть дверь уборной, штабс-ротмистр Беккер в деревянную дверь разрядил все семь револьверных зарядов. Дверь открылась и, к удивлению адъютанта, оттуда вышел старый еврей с ребенком на руках.

Драгуны поймали тут же какую-то подозрительную личность и, если бы не прибывшие вовремя жандар-

мы, ее не было бы в живых. Злобе драгун не было границ, они хотели мстить за своего командира. Многие старослужащие солдаты, бывшие в бане, на взрыв прибежали в одном белье.

. Раненного графа Келлера сначала отвезли в полковой лазарет, где ему была оказана первая помощь, а потом перевезли на его квартиру. В раненной ноге оказалось до сорока осколков и он впоследствии всегда немного прихрамывал. Через некоторое время злоумышленник был пойман на германской границе и он оказался жителем г. Лодзи по фамилии Зайончек.

Характерно было то, что, как до покушения, так и после него, все магазины в городе были заперты, повидимому население было осведомлено о готовящемся покушении.

К раненому гр. Каллеру началось настоящее паломничество офицеров и драгунов полка. Всякий хотел, хотя бы молча, выразить свое соболезнование и не потому что этого требовал акт вежливости, но в подсознании каждого чувствовалась какая-то горькая обида и каждый понял, что злодей поднял руку не только па графа Келлера, но и па что-то более высокое и святое. Все прошлые обиды, недоразумения и ошибки были забыты. И граф Келлер это понял. Он понял, что искренние чувства побуждали офицеров посещать его и что не ради любопытства драгуны прибегают ночью на кухню спросить у вестового о здоровье командира. Он понял и заметно изменился. Стал ласковым, мягким и благодарным. Таким он и остался до последних дней своего пребывания в полку по отношению к своим подчиненным.

***

Характерной чертой графа Келлера была нелюбовь всего иностранного. Всегда и во всем он это подчеркивал. С давних пор установилося обычай, что каждый новый командир полка, приняв полк, делал официальные визиты начальникам тех германских воинских частей, которые квартировали в ближайших к нам немецких городах — в Позене, в Острове и в Миличе. Офицеры часто ездили друг к другу в гости и постоянно полки обменивались официальными приемами и вместе устраивали конные праздники и охоты. Гусары Смерти, 1-й уланский Императора Александра III-го и 155-й пехотный полки были постоянными нашими друзьями.

Граф Келлер, приняв полк, категорически отказался сделать визит этим полкам, почему за все время командования им полком временно изменились наши отношения и, хотя молодежь наша и немецкая все же проводила вместе время, но официальных приемов не было. Граф Келлер говорил просто и ясно:

— Я их не люблю...

6 ноября 1906 года гр. Ф. А. Келлер был назначен командиром л.-гв. Драгунского полка, но во все последующее время связь его с Александрийским полком оставалась крепкой и сердечной. Он никогда не снимал полкового значка Александрийцев. В марте 1907 г. он был пожалован званием флигель-адъютанта, а в июле того же года произведен в генерал-майоры и зачислен в свиту Его Величества. Весною 1910 г. был назначен командиром 1-й бригады Кавказской кавелерийской дивизии, а затем начальником 10-й кавалерийской дивизии, расположенной в районе Харькова, с которою и выступил в поход в 1914 году.

(Продолжение следует)

Воспомнания (1915 г.)

(Окончание)

А. ТЕРНЕ

Морское путешествие миссии адмирала Русина из России в Англию началось с момента ее отъезда на "Бакане" из Архангельска. Вельбот с "Бакана" перевез всех участников плавания на ожидающий нас вспомогательный крейсер "Арланца".

По прибытии на этот крейсер адмирал Русин встречен торжественно. Матросы и британская морская пехота ждут его прибытия и отдают ему установленный салют. Музыка играет встречу. Затем раздаются мощные звуки двух национальных гимнов; адмирал обходит почетный караул. Идут взаимные представления и приветствия. Нас размещают по отведенным нам каютам. Моя каюта — большая, двухместная. В ней я и остаюсь с моим драгоценным портфелем, хранящим программу военных поставок, которые будет требовать русская делегация от своих союзников.

Сопровождавшие нас должностные лица Архангельска, с адмиралом Угрюмовым во главе, прощаются с нами и покидают "Арланцу". Последняя снимается с якоря, медленно разворачивается и ложится на курс к северному выходу из Белого моря.

После обильного обеда, во время которого мне приходится впервые ознакомиться с типичной английской кухней, я засыпаю крепким сном в моей каюте.

На другой день я просыпаюсь рано. Русская группа вся вместе находится в кают-компании. Адмирал Русин кажется мне почему-то озабоченным. Он удаляется в свои апартаменты со старшим лейтенантом Романовым и своим флаг-офицером Любомировым. Как я узнаю от других членов миссии, по слухам, накануне у берегов русской Лапландии на мине подорвался коммерческий пароход, шедший по пути, по которому лежит теперь наш курс.

"Арланца" все время движется вперед, покидая территориальные воды России. Проходит в дружеской беседе завтрак, на котором также присутствует симпатичная жена майора Блэр. После завтрака адмирал уходит к себе отдохнуть. Мы продолжаем болтать и обсуждаем линию поведения, которой должна будет держаться русская делегация на конференции для того, чтобы получить в кратчайший срок от союзников то, что нам нужно для поддержания стойкости русского фронта.

День выдался хороший. Солнце, сравнительно недавно показавшееся, должно скоро спрятаться за горизонтом. Ледовитый океан кажется тихим и гладким. Слышалось размеренное плесканье небольших водяных гребней, ударявшихся о борт крейсера.

Впереди нас идут теперь два британских тральщика. Британское адмиралтейство не хотело доверить русским судам защиту своего вспомогательного крейсера от германских мин. Германское командование расставило минные поля вдоль берегов Мурмана, с целью перегородить путь обычного следования военных судов и транспортов, шедших с ценным военным грузом из английских портов на Архангельск.

Я вышел посмотреть на тральщики, шедшие впереди нас, а затем, обогнув палубу, наблюдал за плывущими за нами в кильватере 3-4 коммерческими пароходами, имевшими на борту ценное сырье для британской экономики: дерево, марганцевую руду и пр.

В 4 часа пополудни капитан "Арланцы" доложил адмиралу Русину, что он дает распоряжение тральщикам вернуться обратно, так как, по его мнению, "Арланца" уже вступила в полосу открытого моря, свободного от мин. Вместе с тем он просил желающих написать письма на родину, которые будут отвезены тральщиками в Архангельск. Действительно, к нам на крейсер прибыл вскоре начальник одного из конвоировавших тральщиков. Ему было передано несколько запечатанных конвертов в общем пакете, адресованном Морскому генеральному штабу, который и должен был направить все письма, в том числе и мое к моей жене, по назначению.

Во время общей беседы адмирала Русина с капитаном "Арланцы" и начальником тральщиков адмирал выразил сомнение в целесообразности остановить траление тем более, что, по словам этого командира тральщиков, накануне в этом же районе подорвался на мине союзный транспорт. Капитан не изменил своего мнения, несмотря на подобное, крайне тревожное, заявление этого командира. Последний покинул "Арланцу", и тральщики, прекратив работу, сейчас же повернули на Архангельск.

Я спустился в кают-компанию с одним британским мичманом, с которым мы пили там чай и мирно беседовали на тему о взрывах пароходов на минах, не чуя, какой сюрприз нас ожидает через несколько минут. Мичман тоже слышал про вчерашний взрыв судна и не особенно чувствовал себя в своей тарелке.

И вдруг... внезапно наступил ад... Раздался оглушительный взрыв и мы почувствовали ряд толчков; корабль точно приподняло. Мы напоролись на мину...

Все покатилось в кают-компании. Лязг развороченных взрывом стальных плит, стук ломающегося железа, невероятный звон битой посуды — все это слилось в общий, леденящий нервы, грохот и гул... Я забыл про моего мичмана и стремглав понесся в свою каюту, думая, что нам наступает конец.

В каюте на меня напал точно какой-то столбняк. Я стоял, как вкопанный, но это продолжалось несколько секунд. Я переборол себя и вдруг холодное спокойствие охватило меня. Быстрым движением я снял с вешалки свое зимнее пальто, надел свою барашковую шапку, но затем, вместо того, чтобы надеть на себя спасательный пояс, висевший на стене, я схватил его рукой. В другую руку взял мой портфель, с которым я, в минуту грозной опасности, не должен был расставаться, но погибнуть с ним вместе.

Я выбежал на одну из палуб. Стояла неописуемая паника... По всем направлениям бегом неслось мечущееся человеческое стадо. В глазах у проносившихся мимо матросов был написан животный страх... Один из пробегавших и попавшихся мне навстречу матросов, увидев, что я несу в руке спасательный пояс, выхватил его у меня и побежал дальше, скрывшись за поворотом. Сам же я направился бегом к борту, где с моей палубы уже начинали спускать спасательные лодки. Все это делалось в хаосе и в неописуемом беспорядке. Каждый матрос, который должен был исполнять маневр по спуску лодки на воду, предпочитал, разумеется, сам быть внутри лодки, а не заниматься спасением других.

Мне удалось перепрыгнуть через борт и оказаться в одной из спасательных лодок, которая неровно спускалась — клевала то своим носом, то своей кормой или ударялась о борт крейсера. Необходимо было крепко вцепиться в канат и держаться за него изо всех сил, чтобы не вывалиться из лодки.

Ниже мы поравнялись с другой палубой, на которой я увидал адмирала Русина с флаг-офицером, несшим тяжелый портфель с бумагами адмирала. С Русиным был полковник Федоров.

— Ваше превосходительство, благоволите прыгнуть в лодку с вашими спутниками, — закричал я.

Адмирал последовал моему приглашению — перепрыгнул через борт и оказался в лодке. За ним последовал полковник Федоров и лейтенант Любомиров. От толчка, вызванного прыжками, лодка чуть-чуть не опрокинулась, но в последний момент руководивший операцией морской волк британского флота успел ее выправить и мы опять смогли продолжать спускаться уже более плавно. "Арланца" все время издавала позывные сигналы "У-у-у!" — "У-у-у!" Заунывный тон сирены леденил кровь...

Вот мы уже недалеко от поверхности воды. Из попавшегося нам по дороге люка нас поливало какой-то подозрительной жидкостью. Наконец — мы на воде. Отцеплены тросы. Легкая зыбь наталкивает нас на корпус тонущего гиганта, сильно уже загрузившегося в воду своим носом, но нам удается оттолкнуться.

Матросы на нашей лодке гребут по направлению к одному из наших тральщиков, которые сделали пол-оборота и возвращаются на всех парах, чтобы прийти на помощь экипажу тонущего крейсера. Уже много сильно нагруженных лодок находятся на воде. С некоторых лодок ловят баграми людей, находящихся в воде. Мы приближаемся к одному из тральщиков, который и принимает нас к себе на борт. Адмирал отдает распоряжение, передаваемое мегафоном, на второй тральщик, который также начинает заниматься спасением тонущих.

Тральщик, принявший нас, вплотную приближается к "Арланце", с целью попытаться установить непосредственно с корабля спасение лиц, еще находящихся на нем. Видны снующие по палубам сильно накренившегося судна люди команды, чины морской пехоты, офицеры... Кормовая часть корабля сильно поднялась над уровнем моря, тогда как носовая часть частично находится под водой и благодаря несуществующему, оторванному взрывом, носу делается похожей на срезанный кусок сыра. Это нелепое сравнение приходит мне в голову в тот самый момент, когда вдруг снова раздается, после сильного толчка, ужасающий треск ломающегося железа.

Оказывается — наш тральщик, делая различные маневры, чтобы сблизиться с "Арланцей", напоролся на ее винты и начинает в свою очередь тонуть от полученной им пробоины. По счастью, почти рядом с нами находится второй тральщик, который немедленно пришвартовывается к нашему судну с намерением принять к себе на борт всех находящихся на нем лиц.

Боцман свистит. Мигом вся команда на палубе: закоптелые кочегары, матросы все высыпали на верх, бросая на произвол судьбы свое и казенное имущество. Все они ловчатся перепрыгнуть на палубу второго тральщика.

Адмирал Русин, я, как и другие чины миссии, находящиеся с нами, следуют их примеру. С борта, в мешающем моим движениям зимнем пальто, я перескакиваю с трудом на палубу пришвартовавшегося к нам тральщика. Почувствовав боль от сильного удара в оба колена, я обрадовался. Значит мне удалось благополучно перескочить и не оказаться в воде между двумя бортами... Минуты две-три спустя — дело кончено: первый тральщик уже погрузился на дно морское...

Мы находимся на спасшем нас втором тральщике, к которому начинают подтягиваться тем временем другие, следовавшие за нами, суда.

Если я не чувствовал морской зыби на великане "Арланца", то теперь от переживаемых волнений и от покачивания приютившего нас судна на мелкой зыби, меня начинает разбирать морская болезнь, которой, увы, я всегда был подвержен. С каждой минутой меня развозит все больше и больше. По распоряжению адмирала Русина, которому я сдаю мой портфель с документами для конференции, мне дают выпить бутылку виски или джина. Я почти немедленно теряю сознание и лечу в какую-то бездну!..

Когда я прихожу в себя, я чувствую, что качки больше нет, но голова моя безумно трещит, буквально разрываясь на части. Я лежу на какой-то узкой койке. Кто-то в соседней каюте сильно стонет. Приходит навестить меня старший лейтенант Романов и мне сообщает, что вся наша миссия, с сопровождающими нас британскими офицерами, спасена и находится на том же судне, что и я. В числе попавших в воду из членов нашей миссии были двое — генерал Савримович и он сам, лейтенант Романов. Уже впоследствии он мне по этому поводу расказывал так: "Вспоминаю, как мы все сидели и чай пили, когда произошел взрыв и как через несколько минут после этого мы с генералом Савримовичем уже плавали, на манер моржей, в 4-х градусной воде, а еще через час мистрис Блэр встретила нас на пароходе мокрых, довольно остуженных ванной, со стаканом доброго вина в руке. Мы оказались в воде из-за неудачного маневра при спуске шлюпки, в которой мы были..."

Свой рассказ он дополнил драматическим эпизодом спасения мистрис Блэр. От испуга и нервного шока после взрыва она впала в истерику. Спасена она была богатырем полковником Накс, который, не считаясь с истерикой, сгреб ее в свой военный полушубок в том неглиже, в каком он ее нашел и понес ее по всем палубам до одной из спасательных лодок, в которую ее и погрузил. Ее муж, майор Блэр, последовал за ними...

Убитых на "Арланце" не было, были только обожженные и раненые при взрыве. Кроме того были матросы, попавшие в воду и принявшие ледяную ванну, из которой они, однако, были постепенно вытащены, благодаря ясной и тихой погоде.

Меня, оказывается, после того, как я сильно хлебнул алькоголя на тральщике и потерял сознание, перевязали канатами и, как огромный пакет, перегрузили на самое большое судно, куда и положили меня на койку в каюте, где я и находился в данное время. Лейтенант Романов мне рассказал, что сталось с "Арланцей". Когда раздался взрыв, то стоявший на вахте старший офицер не растерялся и дал распоряжение в машинное отделение: "Полный ход назад"!

Так как машины продолжали еще некоторое время работать, то крейсер "Арланца" приостановился и даже подался несколько назад, ослабив этим ловким маневром давление воды на переборки. Вторым действием этого решительного офицера был приказ, в такой-то части корабля закрыть еще нераздавленные водонепроницаемые переборки, что частично и удалось осуществить. Тогда командир, старший офицер и еще 15 офицеров, не покинувшие судно, быстро подведя итог случившемуся, приняли меры к спасению корабля. Они с частью команды, оставшейся еще на крейсере, бросились заклепывать пространства между не закрытыми вплотную переборками, пытаясь остановить дальнейшее проникновение воды внутрь судна.

Работа эта продолжалась всю ночь и увенчалась заслуженным успехом. К утру большая часть матросов и морской пехоты возвратилась на крейсер, который

продолжал держаться на воде. Одновременно были сделаны наспех некоторые неотложные работы в машине и в техническом оборудовании корабля, который в этом состоянии, тем не менее, продолжал оставаться беспомощным.

Командир "Арланцы" решил довести его на буксире до Мурманского берега и там в ближайшей бухте приступить к детальному осмотру и предварительному ремонту поврежденного судна.

Взрыв в итоге оказался для нас благополучным в том отношении, что не оставил по себе человеческих жертв. Было лишь несколько раненых среди матросов, бывших в носовой части крейсера. Их оказалось немного, потому что большинство команды находилось в кормовой части, когда произошел взрыв. Это был их «tea time». Тех из матросов, что попадали в воду, как я уже сказал, удалось всех выловить и их перевезли на наше судно, где им была немедленно оказана надлежащая помощь, равно как и тем, которые оказались обожженными или ошпаренными.

Из русских только один оказался реально пострадавшим — генерал-майор Савримович, который получил довольно серьезное ранение в области носа. Это его стоны от нестерпимой боли доносились из соседней со мной каюты, в которую его положили. Как оказалось он сильно повредил себе носовую кость, вследствие чего у него было большое кровоизлияние. Он сильно страдал, пока, наконец, судовой врач не удосужился оказать ему действительную помощь.

Мы опять собрались вместе за завтраком в тесном салоне и услышали от нашего адмирала последние новости. Наше судно будет тянуть "Арланцу" на буксире, чтобы доставить ее в бухту при устьи реки Иоканги на Мурманском берегу. Бухта эта, находясь в районе Гольфштрема, была незамерзающим, весьма примитивным, портом, где "Арланца" могла бы перезимовать. Если же крейсер наш сможет быть немедленно приведен в состояние годное для жилья нашей миссии, тогда она временно переберется на него в ожидании дальнейших инструкций.

После завтрака начались попытки закрепить на корме "Арланцы" тросы, с целью взять ее на буксир. Тросы эти несколько раз разрывались и приходилось начинать сначала весь маневр. В конце концов операция все же удалась и мы, ведя на буксире "Арланцу", начали медленно двигаться к югу, обрадованные тем, что мы, наконец, доберемся до безопасного пристанища.

Вскоре обрисовался на горизонте берег нашей Лапландии. Подойдя к берегу и став на якорь, мы увидели, что адмирал, с другими нашими моряками, отвалил на вельботе от нашего судна и переехал на "Арланцу". Как потом выяснилось, командиру "Арланцы" пришлось затопить некоторые секторы корабля в кормовой части, чтобы несколько выравнить его осадку. Удалось исправить действие некоторых машин, наладить отопление, дать электрическое освещение и связаться по радио с Архангельском, откуда адмирал Угрюмов передал телеграфное донесение адмирала Русина в Морской генеральный штаб в Петербурге. Ввиду того, что наше путешествие являлось совершенно секретным, никакого официального сообщения о постигшей нас катастрофе сделано не было и оно так и осталось секретным до конца войны. Тем не минее родственники, как в частности мой отец, были лично осведомлены штабом о том, что мы напоролись на мину и что все члены миссии живы и здоровы. Морской генеральный штаб тотчас же снесся с британским адмиралтейством, которое решило немедленно командировать за нашей группой к устью реки Иоканги, или, как англичане произносили это название «I can go», новый вспомогательный крейсер.

На другой день мы перебрались на "Арланцу". Для нас началось томительное время ожидания прибытия посланного к нам вспомогательного крейсера "Оротава". Со своей стороны, архангельский губернатор распорядился срочно выслать для развлечения потерпевших крушение членов миссии самоедов, с их ближайших стойбищ.

Лапландцы, действительно, скоро прибыли на своих санках и показали нам, на что они способны. Так, мы могли видеть все перипетии рыбной ловли — лососины — на реке Иоканге; эту рыбу, после свежевания, мы тут же пробовали, причем она казалась нам чудом тонкого вкуса после унылой британской еды. Кроме того, неоднократно катались мы на легких лапландских санках — на оленях и собаках. Наши английские спутники были очарованы этим своеобразные видом спорта.

Олени восхищали нас своей интуицией и приспособляемостью к характеру местности, хотя и покрытой снегом, но неровной, изобилующей камнями, валунами и карликовой полярной березой. Так, с невероятной быстротой спускались они с нами па санках по совершенно крутому берегу Иоканги и ни разу никого из нас не вывалили из санок, состоявших из полозьев, выгнутых вперед, скрепленных между собою ремнями, и доски, покрытой оленьей шкурой. Самоеды, сидя на облучке, предоставляли чутью самих оленей разбираться в условиях местности и их длинный шест, служивший им вместо кнута, лишь изредка касался оленьих спин. Олень сам знал, как обогнуть гранитное или древесное препятствие на пути и как затормозить раскат санок на резких поворотах и на крутом спуске с холма. Подчас я закрывал глаза; мне казалось будто я лечу в пропасть, но все сходило гладко, без всяких неприятных сюрпризов.

Мы катались также на санках, запряженных в несколько рядов лайками. Собаки оглашали своим лаем тишину, царившую в воздухе, и, понукаемые самоедами, неслись по белой пустыне. Заканчивалась поездка раздачей рыбы собакам, которые визгливым лаем показывали свое полное удовлетворение. Осматривали мы и убогие юрты лапландцев с одним таганком посредине и с самыми примитивными предметами обихода. Некоторые из наших спутников пытались охотиться в нашей бухте на тюленей или моржей, но без

успеха... Остальное время мы проводили в разговорах, прогулках по главной палубе, которая сделалась, из-за крена, такой покатой, что можно было бы рискнуть спускаться по ней на салазках, до того она промерзла и стала скользкой.

В конце концов, наш крейсер вступил в радиосвязь с "Оротавой", которая, благополучно миновав минное поле, показалась на высоте мыса Святой Нос, на самой северной конечности этого района Мурмана.

Для нас вторично настал день погрузки. Часть команды "Арланцы" осталась зимовать на нем. На крейсере после взрыва образовалась своего рода складка в металлической обшивке и в самом корпусе, которая делала невозможным его ремонт. Основательно заклепавши судно и приделав к нему временный деревянный нос, британский морской отряд через большой промежуток времени дотащил "Арланцу" до какого-то кладбища поврежденных кораблей в одном из портов Шотландии, откуда остов "Арланцы" был продан на слом. Теперь под флагом Royal Mail ходит уже второй, вновь построенный, пассажирский пароход под названием "Арланца", совершающий рейсы из Англии в Южную Америку. Немецкий же вспомогательный крейсер "Метеор", который расставлял тогда мины вдоль Мурманского берега, продолжал некоторое время свою подрывную работу. Однако, будучи выслежен союзной разведкой, попался сам в западню. При одной из попыток добраться до Лапландии этот, нагруженный минами, корабль был настигнут союзной подводной лодкой. Метко выпущенная им мина угодила в самый центр "Метеора". В одну секунду он взлетел на воздух и рассыпался фейерверком... Опасность германских мин на северном пути была, таким образом, временно устранена.

Перейдя на вспомогательный крейсер "Оротаву" — корабль переделанный из старого пассажирского парохода, на котором королева Виктория совершила свою официальную поездку в Индию в 1887 году — мы вновь двинулись в путь. Впереди нас шли тральщики, а за нами, в кильватере, ряд коммерческих судов.

Наш крейсер, мы русские, в шутку называли потом "Отравой", настолько пришлось нам еще на нем натерпеться в дальнейшем. "Оротава" шла максимальным для нее ходом в 15-16 узлов. Адмиралтейство торопило командира крейсера, чтобы группа не опоздала еще раз к началу международной конференции, которая уже была в свое время отложена из-за нашего кораблекрушения. Однако "Оротава" не могла превысить свои 15-16 узлов.

Море было по-прежнему тихое. После обеда мы собрались в кают-компании, где молодые англичане играли на пианино и пели модные тогда в Англии песенки. Все члены нашей миссии были довольны продолжить прерванное путешествие. Покинутая тральщиками "Оротава", начиная от Нордкапа, резко изменила свой курс и стала неуклонно забирать к северу, чтобы выйти из района действий вражеских судов. На следующий день к вечеру нам довелось присутствовать при необыкновенно феерическом зрелище — красочном северном сиянии. Все небо засветилось разными огнями и по нему проносились какие-то фантастические орнаменты в фиолетовых тонах, которые затем причудливо рассыпались. Порою казалось, что по фиолетовому небу были рассыпаны огромные лилии... Все мы были на палубе, любуясь этим световым зрелищем.

"Вот подождите до завтра", говорят нам морские волки с "Оротавы": "вы увидите, что это означает. Для нас — это верный предвестник бури..." Предсказание это оказалось совершенно правильным. Уже среди ночи я проснулся от легкой качки, которая имела тенденцию увеличиваться.

Несмотря на мою склонность к морской болезни я все же ранним утром вышел на палубу. Огромные пенящиеся валы с остервенением бросались на наше судно, которое приближалось к штормовой зоне. "Оротава" то зарывалась носом, то опускалась всей кормой в пенящееся море, а то вдруг ее начинало класть на бок, так что казалось, что вот-вот она перевернется. Я еле мог держаться на ногах. Голова трещала и меня начало сильно мутить. Я сбежал в свою каюту и прилег на койку. Морская болезнь все больше и больше захватывала меня. Подняться с койки я уже больше не мог. Шторм не прекращался. Каюта трещала по швам. Тяжелые вещи передвигались сами собою по ней. Разумеется, я не был в состоянии что-нибудь съесть. Изредка поглощал я приносимые мне стюардом апельсины, чтобы хоть чем-нибудь заполнить мой пустой желудок.

На четвертый день удосужился прийти ко мне наш судовой доктор; пощупал пульс, осмотрел меня, покачал головой и дал мне какое-то лекарство, которое конечно не надолго задержалось во мне; под конец он что-то вспрыснул мне, от чего моя голова слегка одурманилась. Я чувствовал, что с каждым днем я физически слабею и не вынесу до конца качки от шторма, бушующего уже четыре дня. После вспрыскивания мне удалось все же заснуть.

Когда я на другое утро пришел в себя, то первое, что я заметил, было то, что качка почти прекратилась. В каюту постучали. Пришел опять британский доктор навестить меня. Пощупав пульс, он снова покачал головой и опять мне что-то вспрыснул. Постепенно я стал приходить в себя.

На корабле тем временем было сравнительно тихо, как вдруг я услышал, что над моей головой, на палубах и по лестницам, началось внезапно большое движение. Ко мне пришел от адмирала лейтенант Любомиров. Адмирал интересовался узнать, каково мое самочувствие. По манере говорить я заметил в лейтенанте нескрываемое презрение моряка к штатскому человеку, не переносящему качку. Я просил его поблагодарить адмирала за внимание и обещал, если смогу, выползти на палубу. Попутно он сообщил мне, что "Оротава" уже находится на высоте Оркнейских островов, недалеко от Шотландии и что где-то в этом районе накануне или днем ранее немецкой подводной

лодкой было сделано нападение на британское госпитальное судно, кажется при этом ею потопленное. Теперь на корабле повсюду были расставлены дозорные, чтобы не пропустить перископ вражеской подводной лодки, для которой мы, при установившейся тихой погоде, являлись отличной мишенью.

Я закончил свой туалет и, следуя указаниям лейтенанта Любомирова, надел спасательный пояс и с трудом выбрался на палубу. У всех пассажиров был сильно озабоченный вид. Всем приходили на память взрыв "Арланцы" и наше чудесное спасение. "Оротава" начала уже регулярно получать по радио приказы с ближайшей британской морской базы и постоянно меняла свой курс, так как при входе в Ирландское море можно было опасаться набега германских подводных лодок.

По мере того, как мы приближались к шотландскому берегу, горизонт стал заволакиваться легкой пеленой тумана, который сделался под конец таким густым, что мы смогли продвигаться вперед сильно замедленным ходом, огибая северо-западную часть Шотландии. Наступила полная мгла. Откуда-то издалека доносились звонки, свистки, шум машин... Наконец, мы совсем остановились. Мы входили теперь в зону английских минных заграждений и сетей, предназначенных для поимки гарманских подводных лодок.

Из мглы показывается моторный катер: на мачте привешен огромный фонарь, тускло освещающий палубу. От него отваливает маленькая лодка и привозит к нашему трапу лоцмана, который будет теперь вести нас по чрезвычайно опасному форватеру. С этого момента уже не капитан, а лоцман командует нашим судном, которое медленно движется вперед, часто останавливаясь. Слышатся звон колоколов и свистки с соседних, невидимых нам, пароходов, идущих за нами.

Адмирал Русин, рядом с которым мы находимся, обращаясь к нам, говорит: "Теперь мы в безопасности. Немцы больше нас не тронут, а английские минные заграждения остались позади нас. Можно взаимно поздравить друг друга с окончанием похода..."

Действительно, лоцман вскоре покидает "Оротаву" и мы уже сами продолжаем подплывать к британскому аванпорту Гринок. Снимаются спасательные пояса. Настроение улучшается. Я окончательно прихожу в себя. Теперь все смеются, шутят, вспоминают отдельные эпизоды нашего пребывания на Поканге.

Туман сгустился до последней степени. В двух шагах ничего не видно. В таком тумане мы подходим к берегу и высаживаемся. Нас встречают, высланные навстречу нам, чины британского военного министерства и адмиралтейства, а также наш военный агент в Англии генерал Ермолов и наш военно-морской агент капитан Волков.

Идут взаимные представления, приветствия и поздравления с благополучным концом трудного плавания. Я окончательно сдаю адмиралу Русину мой портфель с планом военных заготовок. Проходим через парадные комнаты вокзала и выходим на перрон, где нас ждет специальный экстренный поезд. Мы занимаем указанные нам купе. В нашем купе находим приколотые карточки с именами генерала Савримовича, полковника Федорова и моим. В полном мраке поезд немедленно трогается. В тумане мигают какие-то сигналы. Снаружи царит абсолютная темнота.

Мы переходим в вагон-ресторан. Сюда же переходит из своего вагона адмирал Русин, сопутствуемый военными агентами и чинами британского военного и морского ведомств. Здесь же мы находим наших знакомцев — полковника Нокс, майора Блэр с его милейшей супругой.

После продолжительной езды мы подъезжаем, наконец, к британской столице. Поезд медленно подходит к перрону вокзала. Оркестр играет встречу. Старшие представители военного министерства и адмиралтейства — генералы и адмиралы, — а также русский посол граф Бенкендорф встречают нас. Адмирал Русин своими быстрыми шажками обходит почетный караул, отдающий ему честь. Мы садимся в автомобили, которые в полном мраке подвозят нас к отелю "Виктория", в котором приготовлены апартаменты для русской миссии.

У меня огромная комната комфортабельно обставленная. Сажусь в глубокое кожаное кресло и стараюсь привести в порядок свои мысли, чтобы занести все что нужно в приготовляемый мною отчет о нашем путешествии. Попутно посылаю в Петербург жене телеграмму, чтобы успокоить ее и подтвердить, что я действительно жив. В комнате приятная теплота, но из-за густого тумана, проникающего в дома через дымоходы, сильно пахнет угольным газом.

Ко мне заходит представитель нашей Ставки генерал Кельчевский, которому я сообщаю подробности привезенного мною плана и которому я рассказываю нашу фантастическую эпопею. Со своей стороны он говорит, что накануне нашего приезда немецкий "цеппелин" совершил свой очередной рейс на Лондон и бросал бомбы. В последующем разговоре генерал Кельчевский отметил, что между съехавшимися военными миссиями уже идут пререкания и интриги, так как каждый из союзников старается заранее "заблокировать" за собою военное снабжение, не считаясь с неотложными потребностями других союзных стран. "Желание держаться во что бы то ни стало существует у англичан, но насколько они смогут нам действенно и, главное, срочно помочь, это большой вопрос", заметил скептически генерал Кельчевский. "Во всяком случае", добавил он: "Англия будет сражаться до последней капли крови русского солдата..."

С утра я переоделся в походную форму военного чиновника того времени с погонами коллежского советника. Вновь сидим мы за общим столом. Начинается обмен первыми впечатлениями. Рыжеволосый и рыжеусый полковник Федоров жалуется на то, что в его отсутствие из комнаты гостиницы, когда он обедал, кто-то посетил ее с определенно шпионскими це-

лями. Вернувшись к себе, он обнаружил, что кто-то открывал его чемодан и рылся в нем, желая, очевидно, выкрасть секретные документы, касающиеся русской винтовки, изобретенной полковником Федоровым. По счастью этих бумаг уже там не было, так как он их передал ранее нашему военному агенту. Несомненно, что человек, рывшийся в чемодане был немецким шпионом, т. к., не найдя в нем секретных бумаг, он похитил колодку с орденами полковника Федорова, очевидно с той целью, чтобы показать пославшим его, что он действительно открывал чемодан полковника. Адмирал Русин, возмущенный этим происшествием, заявил, что он сделает по этому поводу энергичный протест перед британским военным министерством и немедленно сообщил об этом прискорбном факте приставленному к его особе британскому полковнику.

Мы должны были отправиться с визитами к некоторым из старших военных и морских начальников, а также к министру иностранных дел. Эти визиты адмирал Русин делает сам со своими адъютантами, а по возвращении его мы едем все вместе к российскому послу, графу Бенкендорфу. Затем следует ряд других визитов. Каждый раз мы делаем паузу, чтобы, по установленному в Англии этикету, выехать из отеля с таким расчетом времени, чтобы каждый раз опоздать ровно на пять минут, но ни в коем случае не больше. После ряда этих обязательных визитов мы возвращаемся к себе в гостиницу, а адмирал Русин отправляется с визитом к лорду Китченеру, британскому тогда военному министру. Затем следует его визит к Великому Князю Михаилу Михайловичу, проживавшему в Лондоне в изгнании, как последствие его морганатического брака с дочерью также от морганатического брака герцога Нассауского с внучкой поэта Пушкина. В Лондоне Великий Князь иногда занимался делами русской колонии, к вящему неудовольствию наших дипломатов. Во всяком случае он любил, чтобы приезжавшие в Англию в командировку старшие гражданские и военные чины заезжали к нему представиться.

Вечером в гостинице нашей состоялось под председательством адмирала Русина подготовительное заседание русской группы международной конференции. Кроме всей нашей группы присутствовали на этом заседании также представители военного и морского ведомств, находившиеся в Англии по военным заказам во главе с генералом Гермониусом, председателем русского военно-заготовительного комитета в Лондоне, учрежденного Особым совещанием по обороне государства. Предметом нашего собрания было изучение привезенного мною плана и выработка окончательной линии поведения на заседаниях открывавшейся конференции.

На другой день утром наша миссия отправилась в White Hall, где было назначено открытие лордом Китченером заседаний первой конференции по военному снабжению союзных вооруженных сил. Но это представляет собой уже другой предмет повествования.

Брюссель, ноябрь 1960.

Стопятидесятилетие Лейб-Гвардии Московского полка

(1811—1961)

НИКОЛАЙ КРЕМНЕВ

Из потешных Преображенцев и Семеновцев Императором Петром Великим была основана его Лейб-Гвардия. Хотя название это и показывает, что целью этих отборных частей была охрана особы Императора, однако на практике Лейб-Гвардия исполняла боевые задачи, как при основателе ее, так впоследствии и при его преемниках. Как и всякая воинская часть, гвардия переносила лишения во время походов и несла потери в сражениях. Таким образом ей приходилось исполнять два задания: охрана особы Монарха, т. е. Императорского режима, и выполнение боевых задач наравне со всеми полками России.

В продолжении двухсот лет гвардия справлялась, как с охраной отечества от врагов внутренних, так и с нанесением поражения войскам врагов внешних, вторгавшимся в пределы России. В начале нашего двадцатого века, ввиду изобретения автоматического оружия, Лейб-Гвардии делалось не по силам выполнять успешно одновременно оба задания, поставленные ей двести лет тому назад. И действительно, кровопролитные бои первой мировой войны выбивали отборный верный престолу состав мирного времени; заменялся он людьми случайными, которых хотя и возможно было подготовить для исполнения боевых задач, но от которых трудно было ожидать быстрого освоения девиза гвардии "За веру и верность".

**

Еще в сражении под Бородино полк покрыл себя вечной славой, заслужив пред лицом всей армии георгиевские знамена и свое имя Московского полка, полка с предельной доблестью защищавшего подступы к Москве Первопрестольной. Во время этого сражения полк понес значительные потери: 5 офицеров полка были убиты или умерли впоследствии от ран, все остальные были ранены, а 907 унтер-офицеров и солдат выбыли из строя убитыми или ранеными. Поредевшие ряды полка были пополнены из армии лучшими людьми. Полк участвовал в дальнейших сражениях и походах вплоть до взятия Парижа в 1814 году.

Не ставя себе заданием этой статьи изложение

истории полка с описанием походов XIX столетия, что будет сделано в другом месте, перенесемся к началу первой мировой войны, к августу 1914 года. Шла маневренная война и полк, в составе гвардии, действовал в районе гор. Люблина. В ночь на 26 августа полк стоял в Господском Дворе Высоке. Впереди полка на расстоянии двух верст находилась дер. Тарнавка, около которой была укрепленная позиция германцев, занимавших высоту 314. На этой позиции в мелких артиллерийских окопах была сосредоточена артиллерия, тяжелая и легкая, германского корпуса ген. Войрш. Накануне две роты полка, приданные к другому гвардейскому полку, атаковали неудачно эту позицию, потеряв более половины своего состава.

Утром 26 августа полк занял исходное положение для атаки назначенной на 11 часов утра. Две роты были оставлены в резерве и не приняли участия в атаке. Таким образом 12-ти ротам полного состава и двум сведенным в одну, вследствие понесенных накануне потерь, предстояло атаковать, без помощи тяжелой артиллерии, которая еще не успела высадиться, заранее укрепившегося противника, пройдя около двух верст по совершенно открытому полю и среди бела дня.

Приказание, полученное из высших инстанций, не только не носило ни малейшего признака военного искусства в происходившей маневренной войне, но походило скорей на бездарно-легкомысленное распоряжение — равное приказу к самоубийству целого гвардейского полка. Так именно его и истолковал командир полка генерал Михельсон. А поэтому он сделал единственный возможный для спасения полка вывод: он стал всячески тянуть начало атаки с явным намерением начать ее лишь при наступлении сумерек. Несмотря на то, что высшие штабы настаивали на немедленном начале атаки, ген. Михельсону удалось оттянуть военные действия до 16-ти часов. Тогда из штаба дивизии пришло приказание передать командование полком командиру первого батальона полковнику Гальфтер. Под предлогом принятия полка полк. Гальфтер продолжал тактику ген. Михельсона, откладывая атаку до сумерек.

Наконец в 19 часов 15 минут, 26 августа — в день Бородина — полковник Гальфтер повел полк в атаку. Как она происходила? Прочтем реляцию бригадного генерала Кисилевского. "Наблюдая лично за ходом боя от Госп. Двора Высоке, я видел как весь участок ската, где были Московцы, был забросан огромным количеством перекрестных шрапнелей и тротиловых гранат; весь боевой порядок их представлял сплошное облако дыма; но среди рассеивавшегося по временам дыма я видел, как доблестные роты продолжали быстро двигаться вперед пока, достигнув гребня высоты, не скрылись за противоположным скатом. Своим необыкновенным порывом вперед и удивительным подъемом духа в этом движении в море огня и в дальнейшей штыковой работе, славные Московцы показали, как крепко живет в них дух их бессмертных предков, прославивших себя сто лет тому назад тоже в день 26 августа на полях Бородина".

Но что же произошло за гребнем высоты, чего не мог видеть бригадный генерал со своего наблюдательного пункта? Добежавшие до гребня остатки рот (артиллерийский огонь противника вырывал из их цепей людей пачками) увидели еще один ровный подъем, на вершине которого, уже почти что в полной темноте, были заметны вспышки выстрелов германских орудий, стрелявших по наступавшему полку прямой наводкой. Артиллеристы старались стрелять как можно чаще, но штурмующим все же удалось уловить темп неприятельской стрельбы, что позволяло им неуклонно приближаться перебежками к германским орудиям, то падая, то вновь устремляясь вперед, в промежутки расположения батарей, пышащих огнем и дымом. Немцы, занятые лихорадочной стрельбой, не заметили в темноте атакующих, так как не ожидали возможности подхода неприятеля к их батареям, а потому Московцам удалось подойти с фланга к орудиям, чтобы тотчас же переколоть артиллеристов.

Таким образом было захвачено 42 орудия, из них 17 тяжелых. Легко можно представить себе ликование победителей, когда солдаты и офицеры обнимались и целовались среди захваченных трофеев. Вскоре место последнего боя огласилось величественными звуками российского национального гимна "Боже, Царя храни". Предполагая, что неприятель перейдет в контратаку с целью отбить свою артиллерию, полк. Гальфтер приказал свозить орудия в три группы и окопать их кольцевыми окопами. И действительно, едва лишь взошло солнце, как раздался звук трубы и из близлежащего леса показались цепи немцев, атакующих окопы Московцев с трех сторон. До шести часов вечера продолжался бой при нестерпимой жаре; еще много было убито и ранено доблестных защитников взятых орудий. Подошедшие свежие части русских войск заставили немцев сдаваться или отступать. Был достигнут значительный тактический успех: лишенные своей артиллерии австро-германские дивизии покатились назад.

Четырнадцать рот Московцев, участвовавших в этих трехдневных боях понесли следующие потери: 20 офицеров полка было убито, 38 ранено, 2200 унтер-офицеров и солдат убито и ранено, причем унтер-офицеры призванные из запаса представляли собой половину нижних чинов. В строю осталось 7 офицеров и около 750 нижних чинов, верных защитников Престола и Отечества.

***

Понеся большие потери в боях в 1915 году полк однако был в полном боевом составе к лету 1916 года: он имел хорошо обученных и воспитанных солдат почти что равняясь по мирному времени т. е. верных слуг Престола и Отечества.

Летом 1916 года намечалось наступление на Ковельском направлении Юго-Западного фронта, командовал которым ген. Брусилов. По распоряжению начальника штаба Верховного Главнокомандующего ген.

Алексеева гвардия была переброшена в район реки Стоход, которую нужно было форсировать, чтобы продолжать затем движение в Ковельском направлении.

Лейб-гвардии Московский полк, наряду с другими частями гвардии получил участок фронта для его прорыва. Трудно было найти более гиблое место, чем то, куда была брошена гвардия. И действительно, берега реки Стоход были болотистыми, порой настоящими трясинами, между которыми можно было найти что-то вроде проходов, а если их не было, то, чтобы пройти, надо было заваливать болота. Противоположный берег был сильно укреплен противником, а имеющиеся проходы между трясинами были затянуты рядами колючей проволоки и обстреливались перекрестным пулеметным огнем. Если к этому прибавить, что неприятель имел подавляющее количество артиллерии, а небо было в его руках, что не давало возможности произвести глубокую разведку, то обстановка гибельного места делается совершенно ясной.

Как и во время сражения под Тарнавкой полк получил приказание атаковать в лоб противника; как и тогда, ему надо было проходить по совершенно открытому лугу до 1500 шагов, с тою только разницею, что полк непременно должен был выйти на проволочные заграждения, которых не было под Тарнавкой, и которые наша артиллерия не смогла разрушить, как по недостаточности своего огня, так и из-за невозможности обнаружить эти заграждения скрытые высокой нескошенной травой. И вот, когда полк двинулся в атаку, то можно было наблюдать приемы войны не только времен "Очакова и покоренья Крыма", но еще более раннего периода штурма крепостей. И действительно, наступающие Московцы несли с собой связки хвороста и доски, которыми следовало покрывать трясины и прокладывать ходы для атаки противника!

Дойдя до проволоки, они рвали ее руками под артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем противника, переходили вброд через Стоход, опрокидывая неприятеля... Но даже и высшая доблесть в условиях гибельной обстановки боя не могла дать значительных результатов. Полк, всего недавно лишь восстановленный после кровавых боев 1914-1915 гг., был вновь трагично обескровлен...

Все доблестные полки пешей гвардии вели бои в тождественной с Московским полком обстановке и потерпели колоссальный урон, взяв все же общими усилиями 46 орудий и около семи тысяч пленных. Потери 16 пехотных полков гвардии выражались в катастрофической сумме 30.476 человек, что выходит, разделив поровну по полкам — 1900 человек на полк! Какова была заплачена цена за взятые орудия под Тарнавкой и на Стоходе? За каждое орудие под Тарнавкой Московцы заплатили 50-ю убитыми и ранеными. Каждое взятое орудие на Стоходе обошлось гвардии 662 убитыми и ранеными...

Благодаря генерал-адъютанту Безобразову, который был назначен руководить этой операцией на Стоходе, была спасена от истребления гвардейская кавалерия. Во время хода операций, из Ставки, т. е. генералом Алексеевым, неоднократно рекомендовалось генералу Безобразову спешить кавалерию и бросить ее в бой, иными словами, тоже на убой. Ген. Безобразов, по своей натуре кавалериста, считал, может быть, что конница должна послужить для преследования разбитого противника, ибо считалось, что нет таких препятствий, которые не смогла бы преодолеть доблестная гвардейская пехота, т. е. разбить противника и обратить его в бегство. Благодаря такому "кавалерийскому" сознанию генерала Безобразова гвардейский кавалерийский корпус понес всего лишь 168 человек убитыми и ранеными, сохранив кадры и дух мирного времени. Остатки пешей гвардии были отведены в тыл и было приступлено к новому их укомплектованию.

Но ко времени событий февраля 1917 года, которые одни называют теперь "бескровной революцией", а другие считают их всего лишь намеренно неусмиренным бунтом, Гвардии, с честью выполнившей одно из заданий — защита Отечества от врагов внешних, не предоставлена была возможность справиться с другим ее заданием в трагический момент нашей истории — послужить охраной особы Монарха и оплотом Императорского режима.

ЗА СТОХОДОМ

(Окончание).

Б. ФОМИН.

Достигнув окопов 11-й роты, я приказал взводному 1-го взвода старшему унтер-офицеру Данилову двигаться на правый фланг и там занять его самым тесным образом. Временно-командующий 11-й ротой прапорщик Витковский мне передал, что он очистил на правом фланге своих окопов около 100 шагов. То же о занятии только правого фланга окопа я сказал фельдфебелю Яровому и прочим взводным, когда они проходили мимо меня. Несколько человек — не помню сколько — было ранено в ходу сообщения.

Когда вся моя рота заняла правый фланг окопа 11-й роты, я доложил командиру батальона о своем прибытии. Мы поговорили немного о трудности моего несколько облического движения в атаку, затем сверили часы, пожелали друг другу успеха и разошлись. Полковник Мантуров еще добавил, что я должен взглядываться на Семеновцев, бывших от нас вправо около господского дома Велицк, и пойти в атаку одновременно с ними.

Придя к месту расположения своей роты, я застал

её в такой скученности и тесноте, которые явно бы смогли затруднить быстрое выскакивание из окопов в момент атаки. Нужно было навести порядок; я разместил роту в окопе в две линии: первую волну образовала 1-я полурота, вторую — 2-я полурота. Всем людям было объявлено, что я поведу первую волну, а подпрапорщик Яровой — в 50—80 шагах — вторую. Начальствующим нижним чинам я напомнил, что они должны быть впереди цепей и еще раз проверил заместителей. Затем всем было показано направление нашего движения: на невидимые немецкие окопы впереди опушки леса, который был виден хорошо. Правым флангам цепей я приказал при прохождении через где-то лежащие остатки 12-й роты увлечь их за собой, как и вообще одиночно лежащих людей той же роты, если они не ранены. И, наконец, левым флангам цепей я приказал при движении оторваться от 11-й роты, которая имела иное направление и иную дальность движения, чем моя рота.

Потом я занял место на середине 1-й полуроты и решил несколько облегчить свою одежду. Дело в том, что из-за дождя сырость и туман делали погоду очень холодной, вследствие чего у меня под шинелью, кроме защитной рубашки, была одета кожаная куртка. Её я и решил снять.

Один из четырех людей моей связи был оставлен мною в окопе на случай надобности дать какие-нибудь указания о роте долженствующим идти позади меня ротам 1-го батальона. Солдат этот был младшим унтер-офицером Михайловым из запасных л.-гв. Московского полка. Прибыл он рядовым, но за два георгиевских креста получил унтер-офицерские нашивки. Человек он был многоопытный и, хотя храбростью не отличался, но обязанности свои как-то ухитрялся исполнять образцово и притом в самых трудных положениях. Он никогда зря не рисковал и, когда было можно, сторонился всяких опасностей: но даже и тогда, когда было совершенно невозможно избежать опасность, он своим особым, то просто, чутьем, то слухом умел предотвратить для себя эту опасность. Следя за боем, он всегда знал сколько немецких орудий стреляет по участку роты. Знал он и промежутки, как между очередями, так и между отдельными выстрелами и всем этим ловко пользовался, когда нужно было и приказание исполнить и себя уберечь.

Михайлов был безмерно рад, что я его отставил от атаки и отплатил мне за это потом выражением огромной преданности и любви. Но об этом потом.

Свою полевую сумку (а в ней было, между прочим, письмо жене, написанное накануне ночью) и бинокль я дал нести двум рядовым из своей связи. Они и третий при движении в атаку шли позади меня, хотя я такого приказания им и не давал.

Окоп 11-й роты был очень глубоким; стрелять стоя из него можно было только с банкета, а выскочить — совсем было не так просто. Поэтому я предусмотрительно приказал каждому об этом подумать и выбрать в земле нечто вроде ступеней.

За всеми этими распоряжениями время незаметно подошло до без 10 минут 5. Сознаюсь, что боевого энтузиазма во мне решительно не было. Всеми чувствами владело сознание своего долга: быть примером исполнения его перед своими подчиненными и фактически сделать все возможное, чтобы его исполнить. Я ничуть не сомневался в том, что все мои подчиненные, как один, пойдут за мной, но у меня не было полной уверенности в том, что, в случае выбытия из строя одновременно со мной подпрапорщика и взводных, рота не потеряет веры в себя и не ляжет. Теоретически я знал, что иду и веду людей "на убой", так как пройти под адским артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем без остановки около 800 шагов не смогли бы и деревянные солдатики. А ведь в конце этих 800 шагов была еще неразрушенная немецкая проволока, рвать которую было нечем, да и завалить телами убитых — было некем.

До самого моего выхода из окопов артиллерийский огонь с обеих сторон не прекращался. Низкие разрывы немецких шрапнелей производили впечатление ударов гранат о бруствер окопа. Пули и осколки сыпались повсюду, но глубокий окоп предохранял от них, как не имеющих крутой траектории.

Я поминутно выглядывал из окопа и смотрел то на часы, то на Семеновцев, вернее на то место, где они должны были быть.

Одет я был по форме, т. е. при шашке и револьвере; так как земля была очень размытой, то, чтобы не запачкать руки при падении, я одел перчатки. Погоны на шинели были золотые.

Последний раз выглянул из окопа, когда было без 4-х минут 5. Вдруг я увидел, что Семеновцы повыскакивали из своих окопов и пошли в атаку. Расстояние от них до немецких окопов было не более 300 шагов.

Я сейчас же выскочил из окопа и скомандовал: "Вперед". Когда 1-я полурота выбралась следом за мной, я оглянулся и крикнул:

"Ребята, шапки долой, в добрый час и с Богом".

Сняв фуражку, я перекрестился. Солдаты повторили мой жест и широкими шагами стали меня догонять. Со мной в атаку пошло 184 человека.

Немцы нас заметили с первых же шагов. Не могли они также не заметить и того, что огонь нашей артиллерии по их окопам прекратился. Заработали немецкие пулеметы и ружья. Адская музыка боя сделалась полной. Несколько пуль, пущенных из моей цепи, просвистали около меня. Я оглянулся и увидел, что некоторые из нижних чинов стреляют навскидку. Я крикнул им: "Что вы очумели? Когда начальники впереди, кто же стреляет!"

Первые сто шагов я шел, как обреченный. Неотступно меня преследовала мысль — какая же пуля будет моей, почему я еще не убит, разве в таком огне можно уцелеть? Но надо сказать, что эти мысли ни-

чуть не мешали мне исполнять свой долг; для этого, ведь в сущности говоря, надо только идти и идти вперед. Мне казалось, что все необходимое для атаки, зависящее от меня, было сделано много раньше этого дня и, наконец, только что в окопах. Эти мысли приводили мое сознание к тому, что успеху своей цели я уже ничем не мог способствовать. Какая-то невидимая грань легла между всем предыдущим моим бытием и теперешней действительностью, в которой, хотя я и находился, но не жил, а только шел. Пустотой и бездушием повеяло на меня из нутра моей оболочки и вдруг сзади я услышал крик — "убит". Я быстро оглянулся. Один из солдат моей связи, несший мою полевую сумку, лежал на земле, а около него склонился другой.

"Вот она смерть", подумал я и тут-то почувствовал, что живу, что полон желания жить и что никакой грани, отделявшей мое предыдущее бытие от теперешнего, нет. И этим новым содержанием наполнилось нутро моей оболочки, слившись с ней и победив чувство обреченности. Душа как бы, вновь соединилась с моим телом и одухотворила его действия. Я бодро зашагал вперед. Тут ко мне кто-то подбежал из связи и дал лопатку. Многие солдаты, я видел, прикрывали ею себе голову и лицо. Лопата, несомненно, была хорошим щитом против шрапнельных пуль и осколков, а, может быть, на большом расстоянии и против ружейных пуль. Поэтому я взял её и временами пользовался ею, как щитом.

Желая увидеть, как идет 2-я полурота, я оглянулся: две ровные цепи шли позади меня. Повсюду начальствующие лица были впереди цепей. Спокойной радостью наполнилось мое сердце — рота шла образцово.

Влево — стройно и, кажется, в одну линию шла 11-я рота. Высокая фигура прапорщика Витковского шагала перед нею. Рота была несколько впереди моей. Немецкие батареи перенесли свой огонь на нас. Шрапнели рвались повсюду перед нами, но я чувствовал, что все это летит мимо меня.

Вдруг сзади раздался крик: "Одиннадцатая остановилась! Десятая — стой"!

Не посмотрев на 11-ю роту, я, что было голоса, крикнул: "Вперед, всегда вперед. В атаке не останавливаются"!

А 11-я рота, как оказалось, действительно исчезла. Поздно вечером я узнал, что прапорщик Витковский был убит и рота залегла. Соблазн для моих людей был велик, но все же мой окрик имел свое действие.

Посматривая назад, я видел, однако, что цепи начали заметно редеть — несомненно было уже много убитых и раненых, хотя, конечно, были и просто залегшие.

Примерно на полдороге до немецкого леса я заметил, что мой 1-й взвод заваливает правым плечом. Тогда я крикнул об этом взводному Данилову, а сам несколько убавил шаг, однако, этот маневр почти не подействовал. Цепи без всякой команды тоже сбавили шаг и мой правый фланг по-прежнему остался позади левого. Я знал, что было свыше моих возможностей выправить равнение цепей, ведь и на учении облическое движение развернутого строя с равнением через плечо, обыкновенно, не удавалось.

В это время я увидел низко перед собой десятки белых разрывов шрапнели. То был немецкий заградительный огонь. Я крикнул: "Бегом"! — и что было мочи побежал вперед. Так пробежав шагов, 80, я оставил разрывы шрапнелей за собой и перешел на шаг. Сзади себя я увидел жалкие остатки моей первой волны. То же произошло и со второй. Строй цепей нарушился, промежутки между людьми сильно увеличились. За собой я видел из начальствующих нижних чинов только взводного 2-го взвода, а из связи — одного с моим биноклем.

Преодолев заградительный огонь, мы сделались неуязвимыми для германской артиллерии, ввиду близости к их окопам, но зато для пулеметного и ружейного огня мы оказались теперь прекрасными мишенями.

Когда до немцев оставалось шагов 250, не надеясь на силу своего голоса, я руками стал делать знаки цепям, чтобы они собирались с флангов к середине поближе ко мне. Немцы же частично вылезли из окопов и, стоя позади них, стреляли по нам, как по воробьям. Тут в первый раз я увидел немецкую проволоку. Она была невысока, заключала в себе четыре ряда кольев и помещалась шагах в десяти от их окопов. Была ли она разрушена — этого мне еще не было видно.

От роты, сзади меня, вряд ли оставалось уже 50-60 человек. Сузив свой фронт, я не захватил своим правым флангом лежащих людей 12-й роты, хотя далеко в стороне от себя я видел какие-то фигуры. На мои знаки они не отзывались.

Земля под ногами в этом месте моего пути все более и более носила на себе следы нашего артиллерийского огня. Воронки от снарядов виднелись повсюду. Я ясно видел, как немцы, стоящие за своими окопами, из разных мест целились в меня. Я был уже в 15 шагах от проволоки; передо мной была широкая воронка; надо было переходить в бег.

Я бросил лопатку и правой рукой, отстегивая крышку кобуры, чтобы вытянуть револьвер, в то же время повернулся назад. Готовая сорваться с языка команда "бегом" осталась непроизнесенной. Сильный удар в левую руку, где-то под локтем, поверг меня в секундное оцепенение. Осваиваясь с полученным шоком, будучи не в силах разогнуть ни руки, ни скрючившиеся пальцы, я почувствовал как от локтя что-то горячее побежало по руке и стало наполнять перчатку. Внезапно мужество оставило меня. Я все еще глядел назад: от роты осталось 10 человек. Я крикнул им: "Ко мне" и прыгнул на дно воронки. Все эти переживания и действия заняли не более двух-трех секунд. Через какие-нибудь пять-шесть секунд несколько солдат прыгнуло ко мне в воронку.

Раздались стоны. Мы лежали один на другом.

Кто-то давил на мои ноги, кто-то крикнул, что он убит, один — весь окровавленный — держал руками рот, чья-то винтовка кого-то сильно пришибла. Как черви в яме, мы шевелились, освобождая свои прижатые руки, ноги и головы. Машинально я поглядел на часы: было 5 часов и 3 минуты.

Почувствовав временную безопасность, я снова набрался бодрости и приказал немедленно устраиваться: подкопать бока воронки, чтобы можно было в ней обороняться, углубить ее и выложить винтовки к стороне противника. Сам же я, приподымаясь и выглядывая, смотрел вперед и назад. У немцев было все то же: они стояли в рост за своими окопами и стреляли в нашу сторону. Глядя же назад, я никого и ничего не видел. Потом я пересчитал тех, кто были со мной. Тут оказалось следующее: из десяти бывших в последний момент в цепи, трое не добежали до воронки. Бывшие со мною видели, что они упали. Из остальных семи, пять были ранены. Безнадежно тяжело был ранен взводный 2-го взвода: несколько пуль попало ему в нижнюю часть живота; младший унтер-офицер Герасимов был ранен в нижнюю губу, которая сильно кровоточила и вспухла; два рядовых были ранены в грудь, а один в ногу. Из двух не раненых солдат, один был моею связью от 2-го взвода, которому я дал нести бинокль.

Должен сказать, что по мере того, как бодрость и мужество вновь вливались в меня, мои товарищи по несчастью все больше и больше падали духом.

Пока немцы, стоя за своими окопами, стреляли по кому-то, я был твердо уверен в том, что следом за мной двигается одна из рот 4-го батальона. Эта уверенность давала мне возможность ободрять моих людей, внушая им скорое избавление нас из той воронки, где мы сидели. Я даже сказал, что перевязываться мы будем в немецких окопах. Но мой расчет на подход рот 4-го батальона не оправдался.

Через четверть часа после того, как мы очутились в яме, немцы прекратили ружейную стрельбу и скрылись в своих окопах. Это означало, что против них не было никого. Почему атака не продолжалась — мне было непонятно. Отчасти, впрочем, я мог догадываться, что неуспех трех рот нашего батальона побудил командира 4-го батальона, полковника Перского 1-го, принять иное исходное положение для атаки, чем оно было у нас. Эта догадка, конечно, была успокоительной, но в голове моей в это время закрадывалась мысль и об отмене дальнейшей атаки германцев на участке нашей полковой позиции.

Эта мысль не сулила мне ничего хорошего, так как она исключила возможность выручки нас из воронки. Предоставленные же самим себе в непосредственной близости к противнику, бессильные принести ему вред, мы, я считал, имели полное право изощрить свою изобретательность и находчивость для того, чтобы спастись от врага. А для сего, прежде всего, нужно было не терять самообладания, развивать в себе мужество и всегда быть готовым на отчаянное сопротивление.

В это время вокруг нас стали рваться какие-то гранаты. Было ясно, что они пускались нашими батареями. Это означало возобновление артиллерийской подготовки к атаке. Такое обстоятельство грозило нам гибелью от своих же, но до наступления темноты мы были, как в мышеловке. До немцев было ведь всего 25 шагов...

Чтобы отвлечь мысль от нашей печальной участи, я приказал всем перевязать свои раны. Здоровые помогали раненым. Кто-то перевязал мою руку. Перчатка левой руки была полна кровью, но я ее не снимал. Для перевязки моей раны пришлось распороть левый рукав шинели, защитной и нательной рубашек. Вода была у нас в небольшом количестве у каждого во флягах. Ее мы экономили и потому ран не обмывали. Ружейная пуля пробила мне руку выше локтя насквозь; локоть почему-то был синим; делать движения рукой я не мог, а потому держал ее на повязке, идущей вокруг шеи. Была ли прострелена кость, я не знал.

Наблюдая за немцами, я видел, что у них совершенно тихо. Временами кто-нибудь высовывался из окопа и смотрел в нашу сторону. Огонь нашей артиллерии был не силен и разрывы снарядов были или совсем близко от нашей воронки, или далеко и не причиняли нам вреда.

Положение раненого взводного 2-го взвода было ужасным. Несколько ружейных пуль буквально изрешетили его живот: окровавленные внутренности вываливались, бинты намокали, а заменить их было нечем. Он был в забытье и не стонал, но временами приходил в чувство и просил у меня воды.

Было 6 часов вечера, когда почти на переднем гребне нашей воронки произошел оглушительный взрыв. Нас сильно обдало струей воздуха, как порывом ветра и забрасало землей, мелкими камнями и травой. Высунувшись, я увидел двух немцев, по пояс скрытых в своем окопе, которые держали в руках ручные гранаты. Я сейчас же объяснил своим людям, что это был за взрыв, сказал, что буду наблюдать за немцами и приказал всем, в случае падения следующей гранаты, немедленно ее вышвырнуть вон. Не успел я кончить, как увидел на фоне неба летящую ручную гранату. Я крикнул: "Летит", и с облегчением вздохнул, поняв, что она дает небольшой перелет. Мы все пригнулись к земле и прикрыли головы, кто чем мог — ранцами, лопатками, наконец, просто руками. Граната разорвалась в одном шаге от заднего гребня воронки. Нас обдал новый воздушный и земляной душ. Третья граната следовала за второй так близко, что никто не заметил ее полета — она дала недолет. После небольшого перерыва немцы бросили еще шесть гранат в нашу сторону, но ни одна из них не попала в нас, а кругом да около. Мне думалось, что немцы имели полное представление о том, что мы все перебиты, поэтому они и не продолжали сего занятия. Однако, через полчаса я убедился, что это не так.

Произошло следующее. Из нашей воронки, даже

лежа на дне ее, были видны верхушки деревьев того леса, который был позади немецких окопов. Поручив наблюдение за немцами младшему унтер-офицеру Герасимову, я расправил отекшие от неудобного сидения ноги и, как мог, растянулся на чужих ногах и руках. Герасимов окликнул меня. Я повернул голову и увидел, что какой-то немец взобрался почти до самой верхушки одного дерева и устраивается там, имея при себе винтовку.

Я сейчас же приказал Герасимову снять этого немца удачным выстрелом, так как наша воронка была у него, как на ладони. Герасимов замешкался. Я понял, что он полагал более для нас выгодным не показывать вида, что мы еще живы. Заколебался и я. Ведь убив немца, вы вызовем на себя новый град их ручных гранат, из которых когда-нибудь одна да попадет. Но тут Провидение пришло нам на помощь. Я глядел на немца сидящего на дереве, когда разрыв нашего снаряда в момент уничтожил его и несколько верхушек деревьев — мы были спасены.

В 7 часов вечера дождь прекратился. К этому времени наша воронка была лучше приспособлена и для обороны и для лучшего размещения в ней. Вынутая со дна и с боков воронки земля пошла на укрепление ее переднего гребня, где лежали винтовки. Задний же гребень был срезан, что позволяло, не высовывая головы смотреть в тыл.

Дальнейшее наше сидение в воронке ознаменовалось следующими двумя неожиданностями.

Один снаряд разорвался над нашими головами. Этим разрывом мы все были контужены и оглушены. Я помню, как всех нас пригнуло к земле. У меня с головы сорвало фуражку, причем куда она делась никто не знал. В каком-то странном оцепенении, смотря и не видя, слушая и ничего не слыша, желая подняться и не находя в себе для этого сил, оставался я несколько секунд, пока сильный звон в ушах не вернул меня к сознанию происшедшего. Мои солдаты значительно проще пережили эту контузию. Они потом мне сказали, что трясли меня, видя, что я нахожусь в каком-то столбняке.

Последний час нашего нахождения в воронке мои молодцы начали нервничать. То один, то другой стали задавать мне вопросы о том, что же мы будем дальше делать. Я отвечал, что уйдем на свою прежнюю позицию. Тогда они интересовались деталями такого ухода и, когда я это объяснял, раздавались робкие вопросы о возможности препятствий сему со стороны немцев. Мне казалось, что в мозгу этих морально сдавших борцов начинала зарождаться мысль об ином, более по их мнению надежном, способе спасения своей жизни путем сдачи в плен.

Мысль о возможности попасть в плен не была чужда и мне, но в то время как я считал плен хуже смерти, они, видимо, его оценивали обратно моему пониманию. Для них плен мог казаться жизнью, а оборона себя и, пожалуй, даже опасный уход из-под самого носа немцев на соединение с полком — смертью.

Беседуя с ними, я понимал, что ни до войны, ни на войне специально не обращал внимание своих солдат на то, как следует каждому воину расценивать плен. Казенные слова "до последней капли крови", "не щадя свою жизнь" и прочее — все это зубрилось и говорилось, но до большинства солдатского сознания доходило плохо. Пример сего был перед моими глазами, вернее ушами, так как то, что я видел было безупречно и только то, что я слышал мне казалось заслуживающим упрека. Я отлично в то же время сознавал, что вполне владею волею своих солдат, но мне хотелось завладеть и их чувствами.

В соответствии с этими своими мыслями я только что хотел приказать своим молодцам, что и как каждый из них должен будет делать через несколько минут при оставлении нами воронки, как вдруг появилась новая угроза нашему существованию со стороны немцев. Это и была вторая неприятность из тех двух, о которых я сказал выше. Было уже 8 часов вечере, начало смеркаться. По небу быстро плыли рваные облака. Стрельба с обеих сторон стихла. Из-за леса показалась луна. Приближался момент нашего ухода из воронки. Успеть сделать это нужно было до возможной высылки немцами секретов. Но тут Герасимов, наблюдавший за немцами, мне шепнул, что два германца спустились в проход под проволочным заграждением и идут к нам. Я выглянул и увидел, что несколько в стороне от нашей воронки под проволокой был вырыт ход и в нем стояли два немца. Были видны их головы и плечи; они были как раз посреди проволоки и с кем-то переговаривались. В то же время в лесу за позицией немцев раздался шум двигающихся повозок. Герасимов в это время зашептал: "Ваше высокоблагородие, так что, как есть, нас закидают сейчас гранатами..." Я цыкнул на него и приказал троим, которые могли стрелять, уложить этих немцев, как только они выйдут из хода под проволокой. Сам я вынул револьвер. Все мы приготовились. В это время у немцев раздались крики, что прибыл ужин. Я понял, что это было избавлением от опасности и успокоил людей. Немцы, бывшие под проволокой, скрылись в окопе. Тревога оказалась напрасной.

Однако, несмотря на ужин, немцы зорко наблюдали местность перед собой. Был момент, когда сумерки сменялись ночью. Немцы стали пускать светящиеся ракеты. Всякий раз, когда горела ракета, немцы по кому-то стреляли из пулемета. Луна то выходила из-за туч, то скрывалась за ними. Я посмотрел на часы, когда ракета осветила всю местность: было половина 9-го вечера.

Тогда я отдал такое приказание. Разрешил оставить в воронке винтовки всем, кроме Герасимова, а также снаряжение. Двум здоровым приказал нести раненого в ногу. Далее я указал всем направление нашего движения назад. Взводного 2-го взвода, не проявлявшего признаков жизни, вынести не было никакой возможности, а потому он был оставлен в воронке.

Для меня, двух раненых в грудь и для двух здоровых, несущих раненого в ногу, трудность ухода из

воронки состояла в том, что нужно было бесшумно ползти, а не идти. Я предложил вылезать первым желающему. Почему-то таковых не нашлось. До сих пор я не могу ясно себе этого объяснить: может быть, мои люди думали, что первому вылезать из воронки лучше, чем другим и потому, предоставляя это преимущество мне, стеснялись им пользоваться; может быть, они просто робели, а, может быть, они считали, что первое место должно принадлежать мне, как начальнику, вовсе не оценивая его достоинств. Одним словом, видя их замешательство, я сказал, что я вылезаю первым, после чего второй — Герасимов — вылезет через две-три минуты.

Выждав, когда луна скрылась за тучей, я перекрестился и вылез на поверхность земли. Тотчас же взлетела светящаяся ракета. Я успел повернуться и лечь головой к противнику. Первые движения вызвали резкую боль в раненной руке. Шашка очень мешала моим движениям. Защелкал немецкий пулемет. Пользуясь освещением, я посмотрел по сторонам и увидел свою фуражку. Как только ракета погасла, я пополз от воронки назад, опираясь на одну правую руку, и подобрал фуражку. Движение мое было очень медленным: болела раненная рука и ужасно мешала шашка.

До следующей ракеты мне удалось проползти шагов 30. Быстро повернувшись, я лег. Покуда я смотрел на освещенный тыл, я видел в разных местах ложащихся солдат моей роты. Они тоже были застигнуты светом ракет во время своего движения назад. Немцы их, конечно, заметили и сейчас же открыли огонь из пулеметов.

Когда я отполз шагов 50, я лег, желая выждать остальных. В это время из-за туч вышла луна; я увидел, что рядом со мной лежит какой-то солдат. Он оказался убитым в голову и принадлежал к моей роте. В следующую наступившую темноту ко мне подполз Герасимов. Он сказал, что только что оставил впереди одного из раненых в грудь. Приказав Герасимову двигаться назад уже в рост, я задержался еще на своем месте и дождался двух следующих раненых. От них я узнал, что и остальные уже выбрались из воронки. Дальше я шел в рост и не один. Поминутно приходилось ложиться, укрываясь от пулеметного огня в те моменты, когда немцы нас освещали ракетами. По дороге попалось мне несколько раненых. Не будучи в состоянии из-за своих ранений двигаться, они оставались лежать, а я обещал им выслать носилки. Кто-то из таких встреченных раненых, узнав меня в темноте, с удивлением воскликнул: "Ваше благородие, вы живы, а сказывали, что вас убило; видели, как вы упали". Один, убитый в голову солдат, лежал, как живой, в небольшой вырытой им лунке. Бедняга, очевидно, при атаке струсил и залег, но устроенное им закрытие не спасло его от немецкой пули.

В общем, по дороге к своим прежним окопам я видел десятки раненых своей роты, ожидавших носилок. Вдруг, как из земли, передо мною вырос младший унтер-офицер Михайлов. Он рассказал мне, что, узнав от возвратившихся, с наступлением сумерек, раненых о том, что я убит, решил розыскать меня и вынести, вследствие чего и пошел вперед. Он был несказанно рад, что видел меня живым и с большим любопытством расспрашивал, как все произошло. У него оказался, припасенный для меня хлеб, но есть мне не хотелось. Я глубоко был тронут преданностью Михайлова и сердечно его благодарил.

Мы были уже совсем близко к нашим окопам, когда услыхали далекий крик "ура", где-то много влево и, как будто, в немецком тылу. Я тогда не знал, кто это кричал.

Наконец, я спустился в наш окоп. После пережитого, в нем я почувствовал себя, как дома. Он скорее походил на перевязочный пункт, чем на линию огня. Как будто бы все забыли, что это передовая позиция: все шумно разговаривали, делясь пережитыми впечатлениями, ни у кого не было винтовок, не видел я начальствующих нижних чинов, но зато повсюду здоровых и не раненых. Их оказалось около 40 человек. Я обратил внимание, что большинство здоровых принадлежало к 4-му взводу. Четвертое отделение этого взвода, т. е. 12 человек, почти не приняли участия в атаке. Люди мне объяснили, что отойдя от наших окопов 50-60 шагов, они услышали сзади крик: "Десятая, назад...". Как наиболее близкие к нашим окопам и к кричавшим, они сейчас же и вернулись. По их словам им кричали по приказанию командира батальона. После моей проверки сего это оказалось верным.

Остальные здоровые принадлежали тоже к 4-му взводу в количестве человек 25 и около 10 человек приходилось на 3-й взвод. Впоследствии я узнал, что из моей роты в 184 штыка за семь минут атаки выбыло из строя: 49 убитыми, 82 ранеными и 4 контуженными. Живых и здоровых оставалось 49 человек. Иначе говоря, потери были равны почти 75 процентам, если считать, что вся рота принимала участие в атаке до самого конца.

25 человек из этих здоровых я немедленно послал вперед с палатками подбирать тяжелораненых и оружие. Остальных расположил сосредоточенно на правом фланге окопов 11-й роты. Первый же пулеметный огонь произвел на посланных мною людей такое паническое действие, что они врасыпную вернулись в окопы. Собрав их всех вновь и выругав, как следует, я сказал, что немного пройду с ними вперед. При этом я послал унтер-офицера Михайлова розыскать командира батальона и доложить, что происходит у меня в роте. Я добавил, что скоро вернусь и сам.

Выйдя из окопов, я повел свою команду почти бегом. Под пулеметным огнем, конечно, ложились. Примерно через сто шагов мы натнкулись на одного раненого; он имел вид убитого, но, оказалось, что спал. Двое понесли его на полотнище палатки. Дав команде, таким образом, толчек, я вернулся в окопы.

Я разыскал полковника Мантурова. Он страшно обрадовался, увидев меня живым, т. к. в течение 4 с лишним часов не имел обо мне никаких сведений. Пока я докладывал о своих действиях, к нему подошли два разведчика от командира полка, чтобы получить

более подробные данные о сложившейся обстановке на позиции полка. Мантуров приказал разведчикам подождать, сказав, что все необходимое командиру полка доложу я, которого они и проведут в штаб полка. Тут же полковник Мантуров передал мне о том, что произошло во время атаки. Делаю оговорку, что это нетвердо сохранилось в моей памяти.

11-я рота, потеряв командующего ротой прапорщика Витковского и, очевидно, понеся большие потери, залегла, примерно на половине расстояния между своими и немецкими окопами. В результате этого лежания, потери ее еще больше увеличились; все, что могло двигаться, поползло назад и в виде жалких остатков собралось в своем окопе. 12-я рота, с наступлением темноты, тоже вернулась в свои окопы и потери ее были огромны. Поручик Чаплыгин был контужен и эвакуирован.

Командующий 9-й ротой, поручик Есимонтовский, оглушенный за день шумом безостановочной стрельбы, как трепанированный после своего первого ранения 13 сентября 1915 года, почти без чувства лежал в своем окопе, когда настало время атаки, поэтому прапорщик барон Штакельберг повел роту один. Он ворвался в германские окопы и захватил пленных. При этом он был тяжело ранен в руку. Поручик Есимонтовский догнал свою роту уже в немецких окопах. Роты 4-го батальона полностью были направлены за 9-й ротой, а из 1-го батальона туда же пошла 4-я рота. Все эти роты преследуя отступавших германцев, углубились в их расположение и захватили пленных. Однако, ни одна из этих рот не позаботилась о расширении фронта прорыва. Перед 11-й, моей и 12-й ротами немцы, вследствие сего, сохранили свои позиции. С наступлением темноты немцы атаковали углубившиеся в их расположение наши роты с фланга и, в результате штыкового боя, принудили их не только очистить занятое пространство, но даже и передовые германские окопы. С большими потерями 9-я, 4-я и роты 4-го батальона вернулись в свое исходное положение. Крики "ура", которые я слышал по оставлении своей воронки, и были как раз немецкой контратакой.

В 4-м батальоне были убиты: подпоручик Обручев и прапорщик Соколов 3-й. Прапорщик фон Рихтер был ранен и остался не вынесенным из немецкого леса. Много позже мы узнали, что он оказался в плену в Австрии. Кажется, он единственный офицер полка, который побывал в плену. Еще тяжелораненым был подпоручик Квашнин. Перечисление это далеко не полно, т. к. я помню, что из офицеров было: четыре убитых, четыре раненых и четыре контуженых.

Распростившись с полковником Мантуровым, я вернулся в окопы своей роты. Работа по переноске раненых шла во всю. Не помню, кто из начальствующих нижних чинов заменил меня, возможно, что это был подпрапорщик. Я сказал своему заместителю, что по прибытии в Петроград сделаю список представляемых мною к наградам нижних чинов и перешлю его своему заместителю — временно командующему ротой, а ему приказал прислать мне список оставшихся в роте людей и убитых. Затем с двумя разведчиками я отправился на перевязочный пункт. Нужно было теперь позаботиться о своей ране. т. к. повязка давно уже промокла.

Было, наверно, уже половина 10-го вечера, когда я, попращавшись с остатками своей роты, покинул ее окопы. После первых же шагов сказалась реакция в моем физическом состоянии. Я почувствовал себя страшно уставшим, вся рука ныла и ужасно хотелось есть.

Напросившийся провожать меня унтер-офицер Михайлов пришелся весьма кстати. Под конец длинной дороги до штаба полка я еле шел и он меня поддерживал. Тут же помогла и случайная встреча с денщиком. Он шел ко мне на позицию с ужином, хотя и считал меня убитым. Он очень обрадовался, увидев меня. Выпив изрядное количество молока и закусив белым хлебом, остальной свой ужин я отдал Михайлову и отпустил его. Еда сильно меня подкрепила.

Около 11 часов вечера я пришел в штаб полка. Вокруг него, в лесу, творилось нечто исключительное: на большом пространстве кругом лежали и стонали раненые. У денщика оказался мой электрический фонарь и только благодаря этому можно было находить дорогу. Среди лежащих тел я узнал многих своих солдат. Раненые вступали со мной в разговор — всем хотелось знать, что случилось с ротой. Наконец, я спустился в блиндаж штаба полка.

Генерал Шиллинг расцеловал меня, усадил за стол, предложил подкрепиться едой и вином, а затем явился доктор, кажется, Пороховский, который занялся моей раной. Я доложил командиру полка все, что мне поручил полковник Мантуров и подробно рассказал про свои злоключения. Температура у меня была несколько повышенной, подкожное кровоизлияние сделало руку в локте и кругом синей, но прострелившая меня пуля, оказалось, не задела кости.

Уже в первом часу ночи в лазаретной двуколке я был отправлен в полевой госпиталь 1-й Гвардейской пехотной дивизии, кажется, в м. Колки, где, как я узнал потом, был Штаб 1-го Гвардейского корпуса. Рядом со мной в двуколку был положен подпоручик Квашнин. Сколько помню, он был ранен разрывной пулей в локоть. Он очень страдал и громко стонал.

До полевого дивизионного госпиталя было недалеко — верст пять; но дорога была запружена повозками: шли артиллерийские парки, а с ними попутно кухни, санитарный обоз и разные хозяйственные повозки.

В госпитале, который был расположен в больших белых палатках на поляне, невдалеке от Стохода у м. Колки, меня с Квашниным разделили: я попал в одну палатку, он в другую. Была еще ночь, когда мы оказались в госпитале. Палатка, куда я был помещен, едва ли не являлась солдатскою, но раненых было так много, что санитарный персонал совершенно сбился с ног. Мною никто не интересовался и вообще распределением раненых ведал какой-то санитар.

Сна у меня не было и я пошел бродить между палатками. Уже начиналось утро, становилось свежо и меня стало знобить. Я вернулся в свою палатку и лег на кровать, не раздеваясь. Проснулся я от шума бегущих людей и от разрывов бомб и снарядов. Было, кажется, 6 часов утра и совершенно светло. Выйдя из палатки, я увидел в воздухе 5 немецких аэропланов, окруженных со всех сторон разрывами наших шрапнелей. Кто мог двигаться, все бежали в соседний лес; на носилках куда-то несли раненых.

В соседнем местечке был штаб 1-го Гвардейского корпуса. Великий Князь Павел Александрович жил в одном из домов. Немцы сбросили туда несколько бомб. Две, я видел, упали в Стоход, а одна повредила мост. Позже я узнал, что все верховые лошади Великого Князя были убиты в это утро.

***

Первый день моего нахождения в полевом дивизионном госпитале прошел очень скучно. Госпитальные кухни не справлялись с питанием всех раненых. Я, например, получил за весь день только бульон и хлеб. После вечернего налета немецких аэропланов какая-то сестра осведомилась у меня о перевязке. Сестра, узнав мою фамилию, записала меня в какой-то лист и дала градусник. Молодой врач осмотрел рану, сделал очень больно, пропуская сквозь нее зонд с йодом и сказал мне, что надо следить за температурой.

Утром 28 июля опять повторился налет германских аэропланов. Опять они куда-то бросали бомбы и опять их обстреливали наши батареи. После, обозначенного манной кашей, обеда настала и моя очередь для эвакуации на распределительный пункт в Рожище. Попал я в санитарную двуколку с каким-то больным офицером Московского полка. Весь наш транспорт состоял из 30 двуколок. Вел его какой-то лекарь и был он верхом.

Около 5 часов, когда мы взбирались на гору по шоссе, где-то впереди закричали: "Аэроплан!" Я выскочил из двуколки и увидел сзади нас низко летящий аэроплан с черными крестами на крыльях. Наш транспорт остановился. По мягкой обочине шоссе вдруг клубами взвилась пыль от падающих пулеметных пуль, а в воздухе наверху в то же время затрещал пулемет. Я опрометью бросился в сторону от шоссе и лег в какую-то канаву. Возницы и раненые, кто мог, разбежались во все стороны. Обогнав наш транспорт, немец повернул назад. К счастью, немец только нас припугнул, а затем полетел куда-то в сторону.

Мы собрались и, продолжая свой путь, вскоре въехали в Рожище. Раненые стали разъезжаться по госпиталям. Лекарь мне предложил, до погрузки в санитарный поезд, поместиться в Американском госпитале. Я согласился. В шатре, где я очутился, было много свободных коек. Мне дали заполнить какой-то бланк. Когда его стала читать сестра, она сразу мне сказала, что несколько раз обо мне справлялся генерал Геруа из штаба армии.

Справившись, где находится штаб, я вышел из палатки и тут сразу же столкнулся с нашим бывшим командиром полка, генералом Геруа. Мы радостно обнялись. Он мне сказал, что вчера из Петрограда прибыли в Рожище два вагона санитарного поезда Склада Государыни Императрицы Александры Федоровны. Комендантом их был мой добрый приятель Полковник К. В. Молоствов. Он имел намерение перевезти раненых офицеров гвардейских полков в Петроград. Сестрой милосердия в поезде была моя бельсер Л. Н. Хрулева. О моем ранении она узнала от Б. В. Геруа и задержала одно место в поезде для меня. Накануне еще она дала телеграмму моей жене о том, что я ранен и эвакуируюсь.

Заявив в Американском госпитале о своем переходе в санитарный поезд, я вместе с генералом Геруа пошел на станцию. Напутствуемый его добрыми пожеланиями, я распрощался с ним и вошел в вагон. Мой денщик еще накануне прибыл на станцию и устроился в этом же санитарном поезде, так же благодаря Л. Н. Хрулевой и К. В. Молостовову.

Наконец поезд тронулся. Быстро развивая ход, он через несколько минут далеко за собой оставил разрушенное Рожище, в котором всего только 1-го июля полк выгружался после переезда из Молодечно.

1-го августа я приехал в Петроград и помещен был в Русско-голландский госпиталь, где оставался три недели, несколько дней находясь под угрозой флегмоны, а значить, и хирургической операции.

Краткая история Гренадерских частей в гражданскую войну

А. КРИВОШЕЙ

Прошло много лет. Из памяти начинают улетучиваться не только фамилии, но даже подробности событий, которые следует отметить в истории своих частей.

Гренадерам не везло, — им не удалось окончательно сформироваться. А жаль — у старых гренадер было горячее желанье иметь свою часть. Что было причиной — сказать трудно: малое ли количество кадровых гренадер или вручение полков командирам не гренадерам, не заинтересованным в создании чуждой им части.

Первая гренадерская часть зародилась в Марковском полку гренадерской ротой, которой командовал полковник Кочкин (12-го гренадерского Астраханского полка). Когда же начала формироваться Южная Армия, то в ней был создан 2-й Сводно-Гренадерский полк, где гренадеры составляли 2-й батальон. Полком командовал полковник Веревкин, бывший командир 5-го гренадерского Киевского полка. Полк участвовал в боях под Богучаром, Павловском и Бобровым.

По расформировании Южной Армии гренадеры

вместе с полковником Стремским отправились в г. Екатеринодар, где полковник Кочкин формировал гренадерскую часть.

Окончательно сформированный в г. Армавире, гренадерский батальон был отправлен в Торговую, где и принял участие в боях на р. Маныч в районе станицы Великокняжеской.

Отсюда батальон для развертывания в полк перешел в станицу Егорлыкскую. Сформировано было 16 рот, носивших наименования своих полков. Из ст. Егорлыкской полк отправился в г. Царицын, где развернулся в дивизию, влив в себя остатки Астраханского и Саратовского корпусов. Дивизию принял генерал Писарев.

Дойдя до г. Камышина, дивизия, ввиду начавшегося отступления фронта в августе 1919 года, отошла под Царицын, где сдерживала наступление большевиков. В октябре гренадеры, когда Волга уже начала покрываться льдом, перешли на другой берег, но из-за изменившейся обстановки длжны были через несколько дней вернуться. В это время дивизией уже командовал генерал Чичинадзе.

Дивизия, простояв до января 1920 г. под Царицыным, начала отступать. Во время отступления на одной из станций железнй дороги вблизи Царицына был сделан ночной набег блшевиков. Зарублен был начальник дивизии, ранен в руку начальник штаба дивизии полковник Яковлев и взят в плен в числе других временно командующий полком 2-й гренадерской дивизии. Дивизию принял генерал Виноградов.

Проходя Гнилую Балку, на идущую походным порядком дивизию, наскочил отряд большевиков, прорвавшийся сквозь донские части генерала Павлова и захвативший много офицеров в плен; несколько человек было зарублено.

На пополнение дивизия прибыла в г. Екатеринодар, а 5-го марта вышла на г. Новороссийск. В пути, в станице Крымской, вследствии полученного распоряжения, дивизия, из-за своей малочисленности в личном составе, влилась в Алексеевский Партизанский полк отдельным батальоном.

С Алексеевским полком прибыла в г. Новороссийск и затем с ним же в г. Керчь. В Керчи гренадерский батальон вместе с Алексеевским полком влился в 152-й пехотный Виленский генерала Алексеева полк. По выделении гренадер из Виленского полка совместно с Алексеевским полком нес охрану побережья.

Вместе же с Алексеевским полком — третьим батальоном — ходил в десант на Кубань, высадившись выше Приморско-Ахтарской станицы. Сейчас же по высадке, оставив Кавказскую роту в Ахтарской, три роты двинулись в Свободные Хутора. Тридцать верст офицеры несли ящики с патронами. Позиции заняли, пройдя Свободные Хутора.

Бой начался в 3 часа ночи 2-го августа 1920 г. Наступала большевистская дивизия с орудиями. Гренадеры, несмотря на потери, держались до двух часов дня. Не получая приказаний, не видя помощи, командир батальона, полковник Смирнов, приказал отступать. Большевики, преградив отступление к железной дороге, рубили всех, на кого натыкались. Зарублен был и полковник Смирнов. Наконец в пять часов дня большевики были выбиты.

3-го августа было похоронено вблизи железнодорожной будки 59 человек. Всего же погибло более ста человек. Этот печальный день остался навеки в памяти гренадер и ежегодно в этот день — 2(15) августа — гренадеры служат панихиду по своим павшим товарищам. 3-й батальон Алексеевского полка перестал называться гренадерским.

Перед самым уходом из Крыма в Акимовке начал формироваться Гренадерский полк. Формирование было поручено неизвестному старым генадерам молодому полковнику Новицкому. Старые гренадеры не уходили из Алексеевского полка и перенесли с этим полком всю страду перехода за Днепр.

В Галлиполи я не видел отдельной гренадерской части.

Эпизод Гроховского сражения
и сохранившиеся в Варшаве памятники героям русской армии

А. ГРИГОРОВИЧ

Ниже печатаемое сообщение написано известным военным историком А. П. Григоровичем, автором трудов: История 13-го драгунского Военного Ордена полка (1907 и 1912). Исторический очерк Финляндского драгунского полка (1914). Перечень историй и памяток войсковых частей (1909, 1910 и 1913) и проч. Он был постоянным сотрудником "Военного Сборника", "Русского Инвалида" и других периодических изданий. Как известно, он трагически погиб в Варшаве во время последней войны. Этот "Эпизод Гроховского сражения", дополненный А. П. Григоровичем в 1931 году описанием памятников героям русской армии, извлечен мною из моего личного архива и публикуется в печати впервые.

Ю. Топорков.

Заслуживающим внимания эпизодом Гроховского сражения, несомненно является атака русских кирасир из-за северной окраины Ольховой рощи, вдоль линии расположения резервов польской армии (до брестского шоссе) и далее — до пражских укреплений. Эта атака, как яркий пример доблестного подви-

га майора А. П. Зона, командовавшего 1-м дивизионом Кирасирского Принца Альберта полка, отмечена во всех учебниках тактики. Во время первых неуспешных попыток русской пехоты занять Ольховую рощу (ключ позиции) начальник штаба гр. Толь подал главнокомандующему мысль использовать, находящуюся в резерве, кавалерию для атаки по тылам противника, чем можно было создать панику и тем вынудить противника оставить рощу.

Атака кавалерии могла оказать решительное влияние на исход боя исключительно при условии стремительности выполнения.

Общее руководство атакой принял на себя гр. Толь, который лично повел на рысях л.-гв. Уланский полк и следовавшую за ним кирасирскую дивизию (полки: Принца Альберта Прусского, Новгородский, Орденский и Стародубовский).

Слегка лишь обмерзшая болотистая площадь к северу от Ольховой рощи, уже по прохождении улан обратилась в топь, и тяжелые кирасирские лошади глубоко в ней завязали. Оказавшиеся на пути канавы и широкий ров вынудили кирасир перестраиваться сначала "по шести", а затем и "по три". Замедлившееся продвижение было обнаружено противников, открывшим по колонне артиллерийский огонь.

Граф Толь, для прикрытия производившегося перестроения, выдвинул 30-ти орудийную батарею, а заметив направляющуюся к флангу ее пехотную часть, бросился с уланами на нее. За гр. Толем поскакал и начальник кирасирской дивизии генерал-лейтенант Каблуков.

В то время как обошедшие уже рощу кирасиры полка Принца Альберта заканчивали перестроение, готовясь к атаке, а Новгородские кирасиры все еще в колонне выдвигались из-за рощи, начальников, руководящих атакой на лицо не оказалось: гр. Толь и ген. Каблуков еще не вернулись, а командир кирасирского корпуса, гр. Витт у северной окраины рощи отдавал распоряжения Украинскому уланскому полку.

Кирасиры Принца Альберта полка несли потери от огня противника, командир их, полковник Мейендорф, принял инициативу атаки на себя и двинул полк вперед по-дивизионно.

1-й дивизион под командою майора Зона следовал во главе; миновав каре польского пехотного полка, он отбросил польских улан, а затем понесся в атаку к брестскому шоссе; полковник Мейендорф со вторым дивизионом, для атаки батальона пехоты, несколько уклонился в сторону, а затем последовал за находившимся уже далеко впереди 1-м дивизионом; 3-й дивизион майора Гревса остановился в качестве прикрытия при батарее. При наличии начальника дивизии, несомненно, эта задача была бы возложена на дивизион одного из следовавших позади полков.

Появление русских кирасир вызвало панику в частях тыла и правого фланга противника. Находившийся на шоссе у памятника главнокомандующий Радзивилл ускакал со свитой к Праге.

Достигнув памятника у шоссе, майор Зон понесся вдоль его к пражским укреплениям. Проскакав две с половиною версты, дивизионы Зона и следовавшего в некотором отдалении Мейендорфа, потеряв около половины своего состава, стали сдерживать коней и тут только убедились, что позади нет никакой поддержки. Под орудийным и ружейным огнем кирасиры стали перестраиваться для обратного следования. В это время 1-й дивизион вновь понес значительные потери, командующий им майор Зон был ранен — его сочли убитым.

Блестящая атака двух дивизионов полка Принца Альберта, не поддержанная своевременно кирасирской дивизией, была лишь подвигом, не оказавшим существенных результатов.

Составленный на следующий день после Гроховского боя перечень убитым и раненым был использован А. К. Пузыревским при составлении "Польско-Русской войны 1831 года". Как в этом труде, так и в напечатанных, приуроченных к 100-летнему юбилею, статьях польских историков, майор Зон отмечен убитым в бою 13(25) февраля.

В 1907 году я узнал случайно о существовании могилы А. П. Зона в Грохове, по преданию — якобы, на том месте, где была закончена атака. По плану сражения, приложенному к труду Пузыревского, местонахождение могилы оказалось, действительно, на этом участке. Не исключалась возможность того обстоятельства, что после боя поблизости были найдены тела кирасир и тут же похоронены.

Могила А. П. Зона находилась на застроенном уже участке поля сражения, во дворе фабрики г-на Пегера, шагах в пяти от нея сохранился деревянный крест на могиле трубача-кирасира.

Памятник оказался отремонтированным в 1885 году. На памятнике и на новой намогильной плите было начертано:

"Отъ офицеровъ отряда генералъ-адъютанта Трепова, служавшего мъ Малороссійскомъ кирасирскомъ полку — въ память славнаго подвига кирасиръ въ Гроховскомъ бою и павшаго въ битвѣ командира 1-го дивизіона подполковника Зона. — Малороссійскіе драгуны предкамъ — Малороссійскимъ кирасирамъ, геройской смертью павшимъ 13 февраля 1831 года".

Старая, установленная первоначально плита, оказалась тут же под новой на расстоянии 10 вершков, что, однако, препятствовало прочтению, пострадавшей к тому же от времени надписи.

Привлекла мое внимание в надписи именование А. П. Зона подполковником, между тем как, еще с юношеских лет, мне была памятна атака дивизиона *майора* Зона, а посмертных наград в то время в русской армии не было.

Просматривая в следующем году, в Архиве Главного штаба, приказы сороковых годов, ведомости Малороссийского полка и послужной список А. П. Зона, я почерпнул сведения, указывающие на неточности в намогильной надписи (1885 г.). Александр Петрович Зон *не был убит* в Гроховском бою, а лишь ранен, он *не был в то время офицером Принца Альбер-*

та полка, а находился в прикомандировании от Орденского полка, в коем служил с 1816 годфа и руководил атакой дивизиона в чине *майора.*

Подобранный поляками на поле брани, раненный тяжело в левую лопатку, майор Зон был перевезен в Варшавский госпиталь, где в уважение к его выдающейся храбрости, пользовался исключительно сердечным вниманием. По занятии Варшавы 26 августа 1831 г., еще не оправившийся от ранения, майор Зон явился командиру полка, а 29 августа" за отличие в бою 13 февраля 1831 года" произведен в подполковники, с переводом в Кирасирский Принца Альберта полк.

Рана плохо поддавалась лечению, и в мае 1833 г., получив 6-ти месячный отпуск за границу, Александр Петрович выехал из сел. Петриковки (стоянка штаба полка на военных поселениях) в г. Баден. Длительное следование на почтовых вызвало новое осложнение в старой ране; прибыв з Варшаву, Зон вынужден был тут задержаться и обратиться к врачам. Помощь оказалась запоздавшей и Александр Петрович скончался.

Погребение его в 1833 г. не на кладбище, а в Грохове, рядом с могилою трубача-кирасира, является подтверждением того, что место было указано лично А. П. Зоном и именно в том пункте, до которого доведена им, как называют ее польские историки, "бешенная" атака ([1]).

Ошибки в намогильной надписи, начертанной в 1885 году, я объясняю следующим: в мае 1860 года состоялось расформирование армейских кирасирских полков и кадр Малороссийского кирасирского полка (ранее именовавшегося полком Принца Альберта), в составе одного лишь взвода, был присоединен к Арзамасскому драгунскому полку, принявшему наименование Малороссийского драгунского; устная передача подвигов кирасир таким образом автоматически прервалась. Архив кирасирского пола не был передан драгунскому, а последний не удосужился составить свою историю.

Помимо памятника на могиле А. П. Зона, в Варшаве сохранились памятники участников штурма Воли. На памятниках следующие надписи:

1) "Оберъ-квартирмейстеръ 2-го пѣхотнаго корпуса Павелъ Кирилловичъ Тюфяевъ скончался въ 1848 году. Пусть камень этотъ сохранитъ намъ память дорогого и храбрано товарища, стяжавшаго нѣкогда славу на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ покоится нынѣ прахъ его".

2) Памятник сооруженный офицерами 2-го Морского полка: "Въ память убитымъ въ сраженіи 25 августа 1831 года полковника Шлитгауэръ, маіора Андреева и штабсъ-капитана Лукирскаго. Герои — миръ праху вашему". Площадь занимаемая этим памятником весьма невелика, почему возникает сомнение, что тут погребены три офицера, к тому же памятник установлен несомненно несколько лет спустя после штурма. Возможно, что памятник не является намогильным, а сооруженным "в память". Имеются неточности и в надписи, так в официальном списке убитых и раненых в боях 25 и 26 августа 1831 г., подписанном генерал-квартирмейстром армии генерал-адъютантом Бергом, показан убитым *капитан* Андреев, а *подполковник* Шлитгауэр приведен в числе раненых, т. е. его следует считать умершим от ран. При отсутствии Высочайших приказов дату смерти его установить невозможно.

3) "Командиръ 1-й бригады 6-й пѣхотной дивизіи генералъ-майоръ Григорій Ивановичъ Ефимовичъ Убитъ при штурмѣ Варшавы 26 августа 1831 года". До апреля 1931 года памятник находился у перекрестка дорог в селении Влохы, под Варшавой, где вероятно находился во время боя полевой госпиталь. Отряд кн. Горчакова получил задание атаковать неприятеля в районе Чисте-Иерусалимская застава. На редут, находившийся близ Иерусалимской заставы кн. Горчаков направил генерала Ефимовича с 1-й бригадой. Генерал Ефимович был убит при штурме. По причине расширения шоссе у с. Влохы, уездные власти обратились с просьбой к настоятелю Вольской православной церкви принять останки и памятник для погребения на Вольском православном кладбище. При выемке останков обнаружены были три костяка, т. е. в могиле, помимо ген. Ефимовича, были погребены еще два офицера. На пуговица, сохранившейся части штаб-офицерского эполета, цифра "22". Памятник сохранился хорошо, заметны попытки сбить следующие слова надписи: "убит при штурме Варшавы" и "1831 год".

Сведения о могилах участников войны 1831 года, погребенных в Варшаве на католическом Повонзковском кладбище, были приведены на страницах "Исторического Вестника".

[1]) Некоторые польские историки считают, что атака кирасир была доведена лишь до памятника у шоссе, а не до пражских укреплений.

Некоторые памятные даты в 1962 г.

(Продолжение, см. стр. 2)

Избавление "Державы Российския от нашествия Галлов и с ними двадесяти язык" (25 декабря 1812 г.).

Разгром персидской армии П. С. Котляревским под Асландузом (19 октября 1812 г.) и взятие им крепости Ленкорань (31 декабря 1812 г.).

Основание полков: л.-гв. Саперного (27 декабря 1812 г.) и уланских 7-го уланск. Ольвиопольского (старш. 9 мая 1812 г.), 8-го уланск. Вознесенского и 10-го уланск. Одесского (старш. 5 июня 1812).

125 лет — Экспедиция бар. Г. В. Розена к аулу Ахульго (май 1837 г.).

100 лет — Взятие ген. Г. А. Колпаковским кокандской крепости Пишпек (24 октября 1862). Основание Тифлисского кадетского корпуса (1862 г.).

Составил Ю. Т.

Библиографические заметки

Л. Г. Бескровный. Очерки по источниковедению военной истории России. Академия Наук СССР. Институт истории. Москва, 1957.

Не вдаваясь в подробный критический разбор этой книги, весьма полезной, судя по заглавию, и даже необходимой для исследователя, ищущего письменные источники по вопросам русской военной старины, я остановлюсь лишь на одном отделе этого труда, а именно на отделе: "Истории войсковых частей". Автор книги справедливо замечает, что к числу военно-исторических источников принадлежать "полковые истории и памятки", так как "многие истории полков писались на основе архивов и других первичных материалов".

Изданная Академией Наук (Институт истории), книга эта, казалось бы, должна быть составлена серьёзно и добросовестно, т. е. в ней, по мере возможности, не должно быть недочетов — ошибок, пропусков, неточностей, ибо она предназначена, как библиографическое пособие для научных работ.

Книга содержит в себе 454 страницы; отдел "Истории войсковых частей" занимает в ней 11 страниц, и на этих одиннадцати страницах можно обнаружить свыше сорока погрешностей, совершенно обесценивающих значение этого отдела книги, как источника для справок.... Историк, желающий воспользоваться этим трудом, как, своего рода, библиографическим справочником, легко может оказаться на ложном пути в своих розысках. Часто случается, что одна ошибка влечет за собою непоправимый ряд погрешностей в целой серии сочинений.

Укажу на эти недочеты. Страница 337.

1) Автор пишет, что "Подробное известие о л. гв. Семеновском полку" Писарева отдельно не издавалось. Это не совсем так — позже оно было опубликовано отдельным изданием: А. А. Писарев. Подробное известие о л. гв. Семеновском полку. Полтава, 1910. Тип. И. Х. Дохмана. 26 страниц.

2) Автором книги "Краткое начертание истории гренадерского гр. Аракчеева полка" был не Б. Княжин, а Б. Княжнин (см. его биографию в "Военной Галерее Зимнего Дворца" т. IV, СПб. 1847; он был сыном известного драматурга М. Б. Княжнина).

3) В 1830-х годах, кроме истории Киевского гусарского полка, была издана Хроника Санктпетербургского уланского полка, с приложением рисунков жалованных оному знамен и штандартов. СПб., 1836 (см. А. Сидоров. История оформления русской книги. М.-Л., 1946, стр. 253, где помещена репродукция титульного листа этой книги.

4) Не показана вовсе, как история армейского полка, изданная в 1850-х годах: А. В. Висковатов. Очерк истории Тобольского пехотного полка. СПб, 1854, 23 страницы. Этот же очерк напечатан и в Сборнике Известий, относящихся до настоящей войны, изд. Н. Путиловым, кн. 2, СПб, 1854. Приложения, стр. 55-78.

Страница 422. 5) Ранее истории Ямбургского уланского полка, изданной в 1874 году, было издание: Ульянов, В. История Кавказского линейного № 1 батальона. Тифлис, 1869.

Страница 423. В изданиях по истории гвардейских полков не упомянуты: 6) Из прошлого. Исторические материалы л. гв. Семеновского полка. СПб, 1911.

7) Отечественая война. Исторические материалы л. гв. Семеновского полка. Собрал С. Аглаимов. Полтава, 1912.

8) Н. Орлов. Гвардейские егеря при Императоре Павле Петровиче. СПб., 1896.

9) Не показан автор книги: "История л. гв. Гренадерского полка 1756-1872. СПб., 1872 — капитан Гребенщиков.

10) История л. гв. Павловслого полка (Воронов и Бутовский) издана в 1875 году, а не в 1898-м.

11) История того же полка (Воронов, Бутовский, Вальберг и Карепов) издана в 1890 году, а не в 1898.

Страница 424. 12) Автор истории л. гв. Финляндского полка (СПб., 1881) — Ростковский, а не Ростовский.

13) Л. гв. Кексгольмский полк имеет не одну работу, а еще три: Недумов. Л. гв. Кексгольский Имп. Австр. полк. 1710-1894. Варшава, 1896. Леонид. Краткая история л. гв. Кексгольмского Имп. Австр. полка. Москва, 1910 и Б. Адамович. Сборник военно-исторических материалов л. гв. Кексгольмского полка, изданный в 1910 году в трех томах.

14) По истории Кавалергардского полка показаны две небольшие работы, изданные в 1832 и 1851 гг., а две большие работы С. Панчулидзева — История кавалергардов в 4-х томах, СПб., 1899-1912 и Сборник биографий кавалергардов в 4-х томах, СПб., 1901-1908, не упомянуты вовсе.

Страница 425. 15) Памятка л. гв. Конно-гренадерского полка составлена шт.-ротм. Лютером, а не Люстером. Кроме того было еще две памятки этого полка, составленные корнетом Вороновичем (1912 и 1913 гг.).

16) История л. гв. Драгунского полка, составленная Ковалевским, издана в Новгороде, а не в Новочеркаске.

Страница 426. В историях гренадерских полков не показаны: 17) Лукьянов, Л. 11-й гренадерский Фанагорийский генералиссимуса кн. Суворова, ныне Е.И.В. Вел. Кн. Дмитрия Павловича полк. Москва, 1911.

18) Зубарев, Ф. Юбилей Государевых гренадер (12-й гренад. Астраханский п.). Москва, 1910.

Страница 427. Не показаны армейские пехотные полки, имеющие свои печатные полковые истории:

19) 8-й пех. Эстляндский С. Гулевич. Варшава, 1911).

20) 16-й пех. Ладожский (Николаев. Варшава, 1910).

21) 31-й Алексопольский (Кратк. ист. Левчинский).

22) 37-й Екатеринбургский (Маринов. Лодзь. 1907).

23) 64-й Казанский (Борисов и Сыцянко. СПб., 1888).

24) 82-й п. Дагестанский (Игнатович, Тифлис, 1897).

25) 97-й п. Лифляндский (Панцержинский, СПб., 1890).

26) 132-й Бендерский (без указ. авт., Киев, 1911).

27) 152-й Владикавказский (две работы — Мышляев, Тифлис, 1881 и Семенов, Тифлис, 1892).

28) 188-й Карсский (без ук. авт., Саратов, 1912).

Не упомянуты армейские пехотные полки, имеющие свои початные памятки:

29) 94-й пех. Енисейский. (Годунов, Ревель, 1913).

30) 117-й Ярославский (Козлов. Минск. 1910).

31) 153-й Бакинский (Ягодкин. Александрополь, 1895).

32) 158-й Кутаисский (Архангельский, СПб., 1912).

33) 169-й Ново-Трокский (Войцеховский, Вильна, 1911).

Страница 429. Пропущены памятки армейских кавалерийских полков:

34) М. Соколовский. Памятка 3-го гусарского Е.И.В. Вел. Княжны Ольги Николаевны полка. Петроград, 1914.

35) М. Соколовский и кн. Эристов. Памятка 11-го гусарского Изюмского Е. К. В. Принца Генриха Прусского полка. СПб., 1912.

36) А. Тихановский. Историческое прошлое Нарвского кавалерийского полка. СПб., 1897.

37) А. Григорович. Исторический очерк Финляндского драгунского полка, СПб., 1914.

Не показаны вовсе истории: (38) ни артиллерийских (кроме гвардии), 39) ни инженерных (л.-гв. Саперный батальон, кроме работы Волькенштейна, имел еще два труда — К. Случевского и Г. Габаева), 40) ни вообще частей специальных, 41) ни военно-учебных заведений.

Названия двух пеохтных полков почему-то изменены — Великолуцкий полк назван Великолукским, а Малоярославский — Малоярославецким. 206-й же пехотный Сальянский полк назван 262-м пехотным Селянским...

Итак, около сорока пропусков, ошибок и неточностей на одиннадцати страницах академического издания труда, которым будут пользоваться, как справочником, лица работающие в области русской военной старины.

Непонятно почему автор в своем труде не упоминает о так называемых, "хрониках" войсковых частей, изданных в разное время (кн. Долгоруков, Висковатов, Штейнгель, Гизетти, Шенк, Габаев и др.). Если к источникам по руской военной истории он относит истории и памятки войсковых частей, то тем более это следовало бы отнести и к "хроникам", т. к. почти все авторы полковых историй и памяток пользовались именно этими "хрониками". Почти каждая полковая история или памятка испещерена ссылками на "Долгорукова" и "Висковатова". В известном своем труде "Историческое описание одежды и вооружения российских войск" А. Висковатов касается не только описания одежды и вооружения, как это можно было бы предполагать по заглавию, в нем он подробно и последовательно излагает: время формирования частей войск, постигшие их перемены, переименования и прочие изменения в их истории. Почему и как возник этот замечательный труд?

В царствование Императора Николая I при военном министерстве не было особого учреждения для занятий по исторический части войск; дело это поручалось разным лицам, а в 1833 г. при инспекторском департаменте военного министерства была составлена особая комиссия для составления хроники войск под главным наблюдением полк. Бибикова, но она по недостатку материалов отказалась от исполнения этого труда и с 1835 по 1857 год его вел А. В. Висковатов. Он в 1841 г. представил к отпечатанию 1-й том исторического описания одежды и вооружения российских войск, за который Импер. Академия Наук наградила Висковатова половинною Демидовскою премией. К концу 1857 г. было отпечатано 30 томов этого труда с 4.000 литографированных рисунков. В 1852 г. была отпечатана, составленная под редакцией Висковатова хроника в с е х частей войск (7 томов).

В 1857 г. заведующий делами о формах обмундирования чинов военно-сухопутного ведомства ген.-адъютант Огарев представил проект устройства особого управления, в котором под названием "Редакция военной хроники" соединились работы по части военной хроники и обмундированию войск. К управлению были приданы: рисовальное отделение из 20 художников, под начальством академика Пиратского, и военная литография. Проект был Высочайше утвержден и место редактора представлено Висковатому, но в феврале 1858 г. он скончался и его заменил полк. барон Штейнгель, на которого было возложено исправление и дополнение хроники частей войск. В 1868 г. взамен "Редакции военной хроники", было открыто особое учреждение под названием "Музеум главного интендантского управления", но бывший редактор был обязан продолжать занятия по делам хроники войсковых частей. В 1881 г. часть составления хроники войск перешла в ведение Главного штаба, когда интендантский "музеум" был причислен к Техническому комитету главного интендантского управления. Этот комитет в начале этого столетия переиздал труд А. Висковатова "Историческое описание одежды и вооружения российских войск".

Эту справку о "хрониках" я привел для того, что-

бы показать, насколько категорическая фраза автора: "остальные полки не имеют *никаких* (подчеркнуто мною. Ю. Т.) исторических справок" (стр. 430) — несостоятельна. Исторические справки для любой войсковой части можно найти, как в труде Висковатова, так и в других, изданых в разное время, "хрониках", составленных на основании таких "первичных" источников, как Полное собрание законов Российской империи, Свод военных постановлений, Высочайшие приказы, приказы военного министра, циркуляры Главного штаба и прочие законодательные памятники военной истории России. О существовании же "Висковатова" и этих "хроник" Л. Бескровный не упоминает ни слова в своей книге.

Ю. Топорков

Воспоминания морского врача

(Продолжение)

Я. КЕФЕЛИ

Подведя итоги своих впечатлений от первых дней войны, неудачно так для нас начавшейся, невольно задаешь себе вопрос. Почему же это случилось?

Ясно, что не сидели, сложа руки, перед войной.

Оставляя в стороне причины характера политического, т. е. планы и действия центральной власти и крупнейшего ее представителя на месте, Наместника Государя Императора, остановимся лишь на флоте в период его военной подготовки и на организации высшего командования морскими силами на Дальнем Востоке.

Что касается Тихоокеанской эскадры (конечно — Первой), то на основании того, что я видел, что читал и слышал, особенно, когда служил в течение десяти лет в Морском министерстве (1907-1917), могу сказать следующее.

Мореходная часть была прекрасна.

Техническая сторона судостроения, минной части, машинной и портовых служб — вполне удовлетворительна. Снабжение — также.

О личном составе должен сказать, что лучше всех были подготовлены матросы, квартирмейстры и офицеры-специалисты, выходившие из специальных классов, своего рода, практических военно-технических академий.

Хуже, но почти удоволетворительным, было большинство командиров судов.

Очень слабы были адмиралы. Как люди долга они были на высоте, как техники — терпимы, но как военачальники — очень слабы. Они не умели использовать рационально ту силу и технику, которой располагали.

Однако они имеют оправдание: у японцев дело было не лучше...

27 января 1904 года 16 лучших кораблей империи Восходящего Солнца атаковали на рейде Порт-Артура Тихоокеанскую эскадру, уже понесшую тяжкие потери от минной атаки в течение ночи. Сорок пять минут они засыпали снарядами русский флот и не утопили ни одного корабля. Все их снаряды падали между судами нашей эскадры, почти неподвижно стоявшей на рейде. Сосредоточенного огня у японцев не было. Море "кипело" от снарядов. Мы видели это потому, что громадные водяные башни взлетали справа и слева от нас на свободной воде.

А, между тем, каждая из таких водяных башень была бы гибельна для "Стерегущего", на палубе которого я стоял, как и для любого из двадцати с лишком эскадренных миноносцев, стоявших среди эскадры и медленно за ней двигавшихся. Эти водяные минареты были бы тяжкой раной и для больших судов. Но, несмотря на тысячу и больше таких разрывов крупных снарядов, на суда нашей эскадры они почти не попадали.

Японцы плохо стреляли.

Так же плохо, как и мы, которые не утопили ни одного из их кораблей, хотя бой происходил у нашей гавани и под прикрытием береговой артиллерии, стрелявшей так же бесцельно.

Наш промах с минной атакой в ночь на 27 января поразил в сердце не только материальную часть, но убил и пришиб дух. А удача японцев их окрылила. В дальнейшем, печальным примером для нашего флота была славная оборона Севастополя в Крымскую войну. Мы легкомысленно заперлись в гавани, а потом еще более легкомысленно спешились, доблестно подражая севастопольским героям, своим отцам и дедам... Японцы же, наооборот, обнаглели на широких просторах их домашних вод и у своих берегов, тайно поддерживаемые Англией и Америкой. Если бы после первых неудач во главе флота были поставлены выдвинувшиеся молодые силы (фон Эссен, например), дело, может быть, еще можно было наладить.

**

На флоте не было боевой мысли, направленной в сторону современной техники и современного флотского оружия. В моем понимании прошлого — вялость и слабость боевой мысли явилась кардинальной причиной, предопределившей неудачный для нас исход русско-японской войны.

Оперативная служба во флоте — явление первостепенной важности. Я говорю об этом потому, что военная, особенно боевая, мысль была не в фаворе даже среди прекрасных офицеров и молодых специалистов. Каковой же она могла быть у стариков адмиралов, выросших и состарившихся на парусах, 10-ти

узловом ходе судов и 6-ти дюймовых коротких пушках? А между тем уже тогда беспроволочный телеграф действовал на 14 миль и поставлен на всех судах 1-го и 2-го ранга.

При начальнике Тихоокеанской эскадры, то есть всего русского флота на Дальнем Востоке, был штаб, состоявший из... о д н о г о флаг-капитана. Он один был боевой мыслью адмирала, его тактикой, его стратегией! При штабе состояло еще три флаг-офицера — мальчики 19-20 лет, годные только, как ординарцы. Флагманские же специалисты, артиллерист, минер, механик, врач и прочие были только техниками.

Когда началась русско-японская война, прибывший вместе с адмиралом Макаровым, Великий Князь Кирилл Владимирович был назначен начальником оперативной части в штабе Командующего флотом и плавал на "Петропавлевске", где держал свой флаг адмирал Макаров.

Подобная должность во флоте была учреждена впервые. С гибелью адмирала Макарова, при Витгефте, опять вернулись к старому порядку — флаг-капитану, и на эту должность был назначен капитан 2 ранга фон Эссен, с оставлением его в должности командира флагманского корабля. Опять боевая мысль была заглушена.

Несмотря на большое усердие к службе офицеров-специалистов, я помню, в кают-компании "Пересвета" редко говорили на общевоенные, а особенно на боевые темы, хотя тогда уже велась довольно усиленная подготовка к морской войне, единственно возможной с Японией. Мало верили, что японцы дерзнут состязаться с Российской могучей империей.

После прибытия новых минных заградителей "Амура" и "Енисея", из которых каждый в самый короткий срок мог выпустить из особых отверстий в корме по 400 мин заграждения, выяснилось, что при удаче такого их действия в базах японского флота (Сасебо и Иокосука) можно было временно запереть их флот, а может быть, и нанести тяжкие раны морским силам Страны Восходящего Солнца.

Уже после войны я служил в Управлении Главного Санитарного инспектора флота, при начальнике его, тайном советнике А. Ю. Зуеве, и в течение ряда лет написал большую работу "Санитарная часть флота в русско-японскую войну", изданную в 1915 году. Мне часто приходилось быть в контакте с историческим отделом Морского Генерального штаба и я там слышал, что до начала войны с Японией у нас был точно такой же план внезапного нападения на японцев, какой японцы применили в отношении России в 1904 году.

План этот был разработан после военно-морской игры, производившейся при участии Великого Князя Александра Михайловича на одногодичных курсах для флотских штаб-офицеров. Игра показала возможность подобного нападения на нас со стороны японцев. Эти курсы были предшественником будущей Академии Морского Генерального штаба. Курсы эти в шутку называли "акушерскими". Это показывает на слабую их постановку, а также на недооценку развития боевой мысли па флоте того времени. Средства для борьбы возростали и разнообразились, а боевая мысль была все в летаргии, если не просто в забросе.

**

Как ни малы были предосторожности, намеченные начальством нашей эскадры на случай внезапного нападения японцев, но все же в ночь на 27 января некоторые меры были приняты.

1. В охрану эскадры было послано в море два миноносца. Они должны были в течение ночи крейсировать по дуге от Ляотешаня до Лютин-рога, мористее эскадры, стоявшей на якоре.

2. Двум крейсерам было приказано быть под парами в пятиминутной готовности дать ход. Один из них, "Боярин", стоял под половиною котлов.

3. С крейсеров, стоявших на флангах эскадры, была организована световая завеса. Лучи прожекторов неподвижно стелились по поверхности моря, образуя освещенный угол впереди эскадры. Эта завеса давала возможность заранее увидеть неприятеля, если бы он в лице своих миноносцев вздумал из тьмы броситься в нашу сторону для атаки. Неминуемо он должен был пересечь освещенную полосу на поверхности воды.

Наряду с этим были допущены и обратные действия, способствующие злой воле неприятеля.

1. Командиру эскадронного броненосца "Победа", просившему рапортом разрешения поставить на ночь противоминные сетевые заграждения, было отвечено: "Преждевременно"...

2. Обычные на якорной стоянке судовые огни не были погашены. Ввиду запрещения адмирала судам эскадры после захода солнца иметь сообщение с берегом, надобности в этих огнях не было.

3. Кроме того. На некоторых больших судах, стоявших в составе эскадры на внешнем рейде, шла спешная приемка угля, которая продолжалась и после наступления ночи. Погрузка производилась с угольных барж, ярко освещаемая с бортов судов, принимавших уголь.

Как мало верили в возможность войны, показывает еще такой странный факт. Все большие суда эскадры были перекрашены из белого, в то время обычного цвета, в боевой серо-зеленый только за несколько недель до войны. Если бы опоздали и с этой мерой, то в ночь па 27 января 1904 года и в темноте ночи броненосцы, как белые гигантские лебеди, еще легче были бы опознаны неприятельскими миноносцами. Ночная минная атака японцев, повторенная ими дважды, окончилась бы катастрофой для нашей эскадры в ту же ночь, в первый же час после начала военных действий неприятелем. И в каком положении эскадра оказалась бы на утро во время эскадронного боя с главными силами японского флота? Канонерские лодки войну встретили в непорочной белизне своей. Но им не пришлось столкнуться с противником.

Живущие ныне в Париже свидетели нападения японских миноносцев на русскую эскадру в ночь на 27 января единодушно утверждают, что световая завеса наших прожекторов выполнила свое назначение. Наблюдавшие за морем в сфере освещенной прожектором полосы заметили с борта больших судов, что через луч прошел какой-то миноносец. Но ввиду наличия в море двух наших миноносцев в охране эту, промелькнувшую через луч прожектора тень миноносца приняли за своего охранителя.

Таким образом, нашей охране не только не удалось заранее обнаружить в море неприятеля и предупредить о нем эскадру, но, наоборот, наличие охраны в море ввело в обратное печальное недоразумение. Охрана не охранила эскадру от неприятеля, а невольно навела его на нее. В ту ночь в охране эскадры в море находились два эскадренных миноносца — "Безстрашный" (кап. 2 р. Циммерман) и "Расторопный" (кап. 2 р. Сакс). Незадолго до атаки они заметили в море в ночной мгле тени каких-то миноносцев. Это были японцы. Почему-то они сочли их за своих, не преследовали и не поинтересовались выяснить недоразумение. В этом был их промах. Старший из командиров двух, находившихся в охране, миноносцев, был смещен с должности.

В этих мерах предосторожности флота не участвовал береговой фронт "приморской" крепости, хотя вся эскадра стояла на внешнем ройде. В крепости также имелись мощные прожекторы, направленные в сторону моря. Но они в световой завесе не участвовали. Не подчиняясь начальнику эскадры, крепость, видимо, даже не была приглашена адмиралом Старком для совместных действий с флотом. Ведь было еще мирное время... В войну прочно не верили и ее хорошо не знали. Не только боевая мысль была в забросе, но и боевое настроение было приглушено начальством и на флоте и в крепости.

**

В моем очерке "Упущенные возможности" (напечатан в книге "Порт-Артур. Восп. участников". Нью-Йорк, 1955, стр. 89-90) я упомянул о том, как "Варяг", блокированный японской эскадрой у Чемульпо, неизвестно по какой причине, не дал знать об этом по беспроволочному телеграфу в Артур. Почему "Варяг" не воспользовался открытием Попова — я не знаю. Следует отметить еще две неудачи, постигшие это замечательное изобретение.

Изготовленные в Франции новые аппараты "Попов-Дюкрете" решено было, в числе 36, отправить в Порт-Артур. Сам знаменитый изобретатель должен был поехать для их установки. Но накануне отъезда Попов был назначен директором Электротехнического института в Петербурге, и вместо себя он предложил отправить своего лучшего ученика, мичмана С. Н. Власьева.

Хотя мичман Власьев прибыл в Артур за месяц до начала войны и был специально командирован для установки новых аппаратов, он неожиданно для себя был отвлечен от порученного ему Поповым важного дела. Через неделю после его приезда на эскадру, старший минный офицер минного заградителя "Енисей" В. К. Лукин был назначен командиром миноносца. Ввиду неприбытия еще 36-ти аппаратов, посланных в Артур вокруг Азии, и недохватки минных офицеров, Власьев был назначен на его место. Он должен был заняться освоением нового для него типа корабля, недавно оконченного постройкой, только что прибывшего из России и представлявшего шедевр этого рода судов для того времени. Это неожиданное назначение на время лишило Власьева возможности ближе заняться беспроволочным телеграфом.

Но все же первый аппарат он успел установить на "Петропавловске" и назначил к нему лучшего из прибывших с ним квартирмейстеров Чехомова, который погиб 31 марта вместе с новым аппаратом и кораблем.

Второму аппарату также не повезло, но об этом позднее, когда буду говорить о сухопутной осаде крепости.

Гениальное изобретение Попова, сделанное им накануне войны, не было использовано ни русским флотом, ни русской армией. Неизвестно, что сделали японцы с 36 аппаратами, захваченными ими на "Манджурии" в самом начале войны. Не послужили ли они во вред России?

Вспомним о Воздухоплавательное парке, с которым произошла неудача подобного же рода. 80 человек команды с лейтенантом Лавровым прибыли в Артур по железной дороге, а воздушный шар послали морем на пароходе обровольного флота "Екатеринослав", который так же попал в руки японцев.

Для завершения ряда крупных неудач и разных ошибок морской власти останется добавить еще три, также очень большого значения по последствиям для неудачного начала войны и ее неудачного конца.

1) В штабе флота не было переводчиков, знающих японский и китайский языки. Первые переводчики, студенты Владивостокского института восточных языков, прибыли только с адмиралом Макаровым, но и они не блистали своим искусством.

2) Служба связи по береговой полосе, впервые установленная с лета 1902 года, осталась примитивной: посты из трех человек, вооруженных только семафорными флажками.

3) И, наконец, в штабе эскадры, по причине отсутствия оперативного отдела, была очень плохо поставлена разведовательная часть, как в самом Артуре, важнейшей базе флота, так и по китайскому и корейскому побережью театра войны и в самой Японии. Странные дымы у Шантунга, захват русских транспортов в море и события в Чемульпо к тому ясная иллюстрация.

На эскадре вся эта важнейшая часть дела, боевая мысль, лежала на одном человеке, флаг-капитане, капитане 2 ранга А. А. Эбергардте, обремененном текущими административными делами.

(Продолжение следует)

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

№ 19

МАЙ 1961 год

СОДЕРЖАНИЕ

«Военно-Исторический Вестник» выходит два раза в год — в мае и ноябре.

Издается на правах рукописи.

Настоящий номер вышел под редакцией **Ю. А. Топоркова.**

От правления Общества Любителей Русской Военной Старины

"В. П. ВЕСТНИК" можно получать вне Франции по нижеследующим адресам:

АВСТРАЛИЯ. — Член Об-ва и его представитель на Австралию П. М. Перекрест — 31, Roberts Avenue. Randwick-Sydney (N.S.W.).

АНГЛИЯ. — В. В. Барачевский — 23, Alder Grove, London, N.W.2.

ВЕНЕЦУЭЛА. — К. А. Келлнер — Sarria N° 24, Quinta Coromoto, Caracas.

С. А. ШТАТЫ. — Член Об-ва и его представитель на С.А.Ш. — А. Ф. Долгополов — A. Doll, 5954, Barton Ave, Los Angeles 38, (Calif.).

— Член Об-ва и его представитель на Нью-Йорк — Г. В. Месняев — 6-12, 158 Str., Beechhurst 57, (N.Y.).

ИЗДАНИЯ ОБЩЕСТВА

На складе Общества имеется еще небольшое количество нижеследующих изданий Об-ва :

1. — *"Записка о службе А. В. Суворова"* (изд. 1947 г.). Цена 1,00 фр. или 0,25 дол., или 1.15 франка.

2. — Номера *"В. П. Вестника"*, начиная с № 8. Цена — 2.50 фр. или 0.80 дол., или 2,85 фр.

МЕДАЛИ ОБЩЕСТВА

1. — В настоящее время бронзовая Полтавская медаль (1709 - 1959) — высылается немедленно всем заказавшим ее. Что же касается медалей Гвардии-Нарвы (1700 - 1955), Петербурга (1703 - 1953) и Севастополя (1855 - 1955), то с момента получения заказа и до отправки медали может пройти иногда значительный промежуток времени.

2. — Стоимость Севастопольской или Полтавской медали — 8,00 фр. или 2,50 доллара или 9,40 фр. Стоимость медали Гвардии-Нарвы или Петербургской — 11.70 фр., 3,00 долл. и 13,35 фр.

МЕДАЛЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.

В августе, по заказу Правления, на Парижском Монетном Дворе будет отчеканена пятая юбилейная медаль Общества, посвященная 150-летию Отечественной войны.

На лицевой стороне медали (диаметром в 59 мм.) будет профильное погрудное изображение Имп. Александра I с надписью "АЛЕКСАНДРЪ БЛАГОСЛОВЕННЫЙ", а на оборотной — Всевидящее Око в треугольнике, окруженном лучами, и надпись "НЕ НАМЪ, НЕ НАМЪ, А ИМЕНИ ТВОЕМУ", а также юбилейные годы "1812—1962".

Прием заказов на медаль будет закрыт 1 августа 1962 г. Медаль будет отчеканена в количестве, равном числу поступивших заказов. Цена бронзовой медали — 12 нов. фр. или 3.5 американ. доллара или 14 нов. фр., а цена серебряной — 42 нов. фр. или 11 ам. доллара или 44 нов. фр.

Заказы, с обязательным приложением соответствующей суммы, следует адресовать на имя А. В. Щиткова, а для С. А. Соед. Шт. также на имя Александра Федоровича Долгополова и Григория Валерьяновича Месняева (адреса см. выше).

Примечание. Во всех вышеуказанных ценах, первая цена относится к Франции и зоне франка, вторая — ко всем заокеанским странам и третья — ко всем остальным странам. В указанные цены входит стоимость пересылки.

Переписку по делам Общества просят направлять по адресу Льва Николаевича Немирова:
L. Nemiroff, 26-bis, rue de l'Ingénieur Robert-Keller, Paris (15e).

Переписку редакционного характера просят направлять по адресу Юрия Александровича Топоркова: G. Toporkoff, 25, rue Rennequin, Paris (17e).

Заказы на все издания и медали Общества, а также все денежные переводы просят направлять по адресу Александра Васильевича Щиткова (на его почтовый текущий счет Paris № 13694.00 или чеками на его имя):
A. Stchitkoff, 15, rue de Médéah, Paris (14e).

Библиография

Долголетняя и упорная работа П. В. Пашкова по собиранию, исследованию и классификации материалов в области различного рода наградных, памятных и вообще отличительных знаков, существовавших в противобольшевистских армиях Гражданской войны 1917-1922 гг., блестяще увенчалась, вышедшим в прошлом году, его печатным трудом: "Ордена и знаки отличия Гражданской войны 1917-1922 гг." (Издание "Военная Быль", Париж 1960). Изданный в количестве 250 номерованных экземпляров, труд этот является ценным вкладом в военно-историческую литературу по Гражданской войне и в то же самое время служит единственным в данное время полным справочником по знакам отличия "белых армий" того периода. Подобный справочник должен иметь каждый собиратель предметов русского военного прошлого, интересующийся этой отраслью коллекционирования. Небольшой тираж этой интересной работы сделает ее скоро библиографической редкостью.

Е. А.

Князь М. Б. Барклай-де-Толли (1761-1818)

Е. АЛЕКСАНДРОВ

Если наша военно-историческая литература воздает достойную и справедливую оценку деятельности нашего народного героя, князя Михаила Илларионовича Кутузова, как военачальника в 1812 году в войне с Наполеоном, если катастрофическое бегство Великой армии и трагическую гибель ее в снежных сугробах русской зимы мы объясняем мудростью и здравым смыслом этого опытного стратега и называем его спасителем России, то не принадлежит ли доля этой славы другому полководцу, который в начале войны 1812 года начальствовал русскими армиями и, действуя по определенному плану, т. е. отступая перед неприятельскими полчищами, предуготовил врагу ту верную гибель, которая создала славу Кутузова. Имя этого полководца — князь Михаил Богданович Барклай-де-Толли.

По справедливости, это одна из наиболее крупных фигур среди русских военачальников Отечественноъ войны 1812 года. Еще задолго до войны, немецкий историк Б. Нибур (1766-1831), свидетель посторонний и незаинтересованный в судьбах России, говорил: "Я провел в 1807 году три месяца с Барклаем-де-Толли, который был тяжело ранен в сражении под Эйлау. Он нарисовал тогда мне план русской кампании — втянуть армию Наполеона в самый центр России, даже в Москву, истощить и измотать ее с тем, чтобы устроить ей вторую Полтаву".

А между тем, никому не пришлось испытать столько несправедливости, незаслуженных упреков и даже обвинений в измене, как этому большому человеку, спасшему русскую армию от разгрома ее Наполеоном в самом начале войны.

Известно, что длительное отступление наших армий под начальством Барклая-де-Толли породило недовольство и в самой армии и в народе. Имя полководца, избегавшего дать врагу решительное сражение, сделалось ненавистным.

Старая москвичка Кологривова, в своих воспоминаниях о 1812 годе, записала, как московские ямщики, запрягая лошадей, кричали на них: "Куда пятишься, Барклай проклятый!"

При всех достоинствах Барклая-де-Толли, "человека" — по свидетельству современника — "с самым благородным, независимым характером, геройски храброго, благодушного и в высшей степени честного и безкорыстного, армия его не любила, за то только что он — немец!" ("Записки" Фон-Визина).

Одни называли его изменником, другие ненормальным, но все соглашались с тем, что он губит и предает Россию. Израненный в сражении (у него были перебиты рука и нога), что придавало его движениям какую-то неловкость, он обладал скромной и несколько холодной наружностью. К тому же он не довольно чисто говорил по-русски. Все эти данные явно были не в его пользу.

В чине Барклай-де-Толли был моложе Багратиона, но он был военным министром. Император Александр I приказал Багратиону сообразовывать все его действия 2-й армии, над которой он начальствовал, с действиями 1-й армии и следовать всем действиям ее главнокомандующего. Это ставило обоих начальников в ненормальное и странное положение и только раздражало и порождало недоразумения и их взаимную неприязнь.

С началом кампании с Императором Александром I переписывались, кроме двух главнокомандующих, начальники штабов обоих армий — А. П. Ермолов и граф. Э. Ф. Сен-При. Эти два лица принадлежали к группе не любившей Барклая-де-Толли: в письмах своих к Государю они не щадили ни его личного характера, ни образа его действий в армии, ни его планов и соображений в будущем.

Браклай-де-Толли почти не имел вокруг себя приверженцев. Все лучшие генералы, из которых многие впоследствии по заслугам получили известность и славу, были или против него, или оставались равнодушными к его действиям и поступкам. Главными его недоброжелателями были: во-первых, начальник его штаба генерал Ермолов, издавна дружный с князем Багратионом, и генерал Раевский, пользовавшийся его доверенностью и имевший на него большое влияние. Ермолов и Раевский по высоким качествам, отличным способностям и характеру сочетали с личной храбростью военное образование и были обожаемы всей армией. Император Александр I не любил ни того, ни другого, но уважал их за личные достоинства. Недоброжелателями Барклая-де-Толли были и другие высшие начальники: Витгенштейн, Милорадович, Тучков, Багговут, граф Остерман-Толстой, Коновницын, граф Пален, граф Кутайсов. Не любя Барклая-де-Толли, все эти лица невольно передавали чувство своей неприязни и армии. "Не раз во время ночных переходов он (т. е. Барклай-де-Толли, Е. А.), объезжая колонны, слышал ропот на бесконечное отступление, а в гвардейских полках пели насмешливые куплеты на его счет", пишет один современник.

Но Барклай-де-Толли не обращал на это внимания и твердо следовал в исполнении принятого им плана: искусным отступлением вовлечь Наполеона с его армией в сердце России и там уготовить ему гибель.

Независимый характер его особенно выказался во время боев под Смоленском. Генерал Жиркевич в своих интересных "Записках" рассказывает, что он "своими ушами слышал, как при отступлении от Смоленска Великий Князь Константин Павлович, подъехав к его, Жиркевича, батарее, около которой стояло много смольян, говорил: "Что делать, друзья! Мы не виноваты, не допустили нас выручать вас. Не русская кровь течет в том, кто нами командует, а мы, хоть

нам и больно, да должны слушать его. У меня не менее вашего сердце надрывается".

Такие отзывы Цесаревича, бывшего в это время в действующей армии, делаемые в ущерб доверия к главнокомандующему и со стороны войска и со стороны народа, подтверждаются и "Записками" Д. Давыдова. Упомянув о том, что на военном совете, под Смоленском, Цесаревич предложил перейти в наступление, Давыдов прибавляет, что Барклай-де-Толли, крайне недовольный тем, что окружающие Великого Князя позволяют себе громко осуждать действия его, главнокомандующего, и стесняясь присутствием Цесаревича в армии, решился выслать его из армии под благовидным предлогом: ему было поручено от Барклая передать Государю письма чрезвычайно важного содержания.

Это невыносимое для Барклая-де-Толли положение, занятое Великим Князем Константином Павловичем в армии, обрисовывается отчетливо и ясно в "Изображении военных действий 1-й армии в 1812 году". "Изображение" это, написанное им уже после войны, представляет собою, собственно говоря, краткий, последовательный отчет, поданный Государю Барклаем-де-Толли, который жалуется в нем на "дух происков", "пристрастия", "обидные суждения и слухи, с намерением распространяемые в Петербурге". "В сие время", писал Барклай-де-Толли, — Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Павлович возвратился в армию из Москвы. Ко всему оному должно присовокупить особ, принадлежащих к главной квартире Вашего Императорского Величества, для начертания вам, Государь, слабого изображения всего происходившего". Особы эти, "побуждаемые к осуждению всего" были: герцог Виртембергский, Беннигсен, Корсаков, Армфельдт и некоторые флигель-адъютанты. Барклай-де-Толли указывал и на то, что сам начальник его штаба — Ермолов — "человек с достоинствами, но ложный и интригант, единственно из лести к некоторым вышесказанным особам, к Его Императорскому Высочеству и князю Багратиону, совершенно согласовался с общим положением". "Люди, преданные этим лицам, по исторжении ими какого-либо сведения, по их мнению нового, сообщали вымышленные рассказы, иногда всенародно на улице". Барклай-де-Толли, упомянув о том, что для прекращения этого он удалил некоторых особ, в том числе адъютантов Государя, добавляет: "Я желал бы также иметь отправить некоторых особ высшего звания". Несомненно, что к числу этих особ принадлежал и Цесаревич Константин Павлович.

Граф Граббе, упоминая в своих "Записках" об осмотре позиции при Дорогобуже, говорит: "Роль Цесаревича стала затруднительна. Он следовал общему увлечению против Барклая-де-Толли; это уже было слишком много для последнего. Хладнокровный, беспристрастный, он решился однако выслать Цесаревича из армии".

Этим смелым поступком Барклай-де-Толли остановил действия своих противников и заставил их быть более осторожными в своих суждениях о главнокомандующем.

Оставление Смоленска вызвало новое недовольство среди лиц враждебно настроенных по отношению к Барклаю-де-Толли. После отхода от Смоленска Барклай-де-Толли написал Императору Александру I:

"... По поводу оставления города распространяли невыгодные слухи и записки именно те лица, которые находились тогда вдали от Смоленска и не принимали никакого участия в защите полуразрушенных стен этого города. Быть может, именно поэтому считали они себя вполне порицать меня. Чтобы показать всю неосновательность этих порицаний, без сомнения, в привычке отвергать все, что не исходит от самых мудрых людей, укажу лишь на следующие. 2-го августа я предписал обеим армиям расположиться на позиции у Волкова, единственной во всей окрестности, на которой можно ожидать с уверенностью нападения неприятеля. Это предписанное мною движение вызвало всеобщее порицание. Утверждали, что я подвергаю опасности всю армию, противопоставляя ее соединенной силе неприятеля". "Нет ничего легче, как измышлять распоряжения, не имея в виду ни общей целесообразности, ни будущности, и в особенности сознавая, что они не обязаны выполнять эти распоряжения и нести ответственность за них".

Несомненной заслугой Барклая-де-Толли было то, что он, уклоняясь от решительного сражения с Наполеоном, беспрестанно угрожаемый неприятелем, который был гораздо сильнее его, успел сберечь армию, удержать ее в порядке и сохранить всю свою артиллерию. Смоленск после двухдневной жестокой борьбы был превращен в развалины. 1-я армия, понеся в этом сражении большие потери, отступила в порядке за 2-й армией князя Багратиона по Московской дороге и во всем этом отступлении русская армия не потеряла ни пушки, ни повозки...

Высланные заранее из Смоленска Барклаем-де-Толли военные инженеры выбрали позицию у Усвья. Однако князь Багратион не согласился с мнением военных инженеров. Стали подыскивать другую позицию. Барклай-де-Толли не возражал, и армии стали отходить к Дорогобужу. Военные инженеры выбрали здесь позицию, но Барклай-де-Толли ее отверг и приказал оступить к Цареву-Займищу.

В это время недовольство главнокомандующим росло с каждым днем в армии, так как все считали его единственным виновником отступления и неудач. В своих "Записках" Ермолов отметил: "...солдат роптал на беспрерывное отступление и в сражении надеялся найти конец оному; главнокомандующим был недоволен и в главную вину ставит ему то, что он был не русский". А рядовой артиллерийский офицер Н. Митраевский, оставивший интересные воспоминания о войне 1812 года, пишет так: "когда мы остановились подле Дорогобужа, то по всем линиям объезжали главнокомандующие Барклай-де-Толли и князь Багратион. Пронесся слух, что они осматривают войска, предполагая дать тут сражение. К этим слухам

мы так уже привыкли, что мало верили, а между тем неудовольствие и ропот усиливались. Негодовали единственно на Барклая-де-Толли и не только возлагали на него вину, но еще прибавляли много небывалого".

Недовольство Барклаем-де-Толли росло и в общественном мнении всего населения страны и Император Александр I в удовлетворение этого несправедливого мнения — несправедливого для Барклая-де-Толли только потому, что он был "немец", — назначил Кутузова главным вождем всех армий.

Войска с восторгом приняли весть о назначении Кутузова главнокомандующим, и державшийся всегда с достоинством Барклай-де-Толли согласился быть под его начальством.

В одном из своих сочинений ("Материалы для истории современных войн", СПб. 1860) Денис Давыдов говорит:

"Ряд оскорблений испытанных Барклаем и всеобщие необоснованные клеветы в измене, коими его преследовали после отъезда из армии, имели огромное влияние на его характер. Барклай искал смерти в Бородинском сражении, он в этом со слезами на глазах признался Ермолову. Барклай, испивший до дна чашу самых горьких, незаслуженных испытаний, в то самое время как деятельность его была посвящена благу России, для спасения которой он не раз жертвовал своей жизнью, есть в полном смысле слова та величественная личность, о которой наш незабвенный Пушкин сказал:

Но чей высокий лик в грядущем поколенье
Поэта приведет в восторг и умиленье".

О том что Барклай-де-Толли являл редкий пример самоотвержения, пренебрегал мелочными расчетами самолюбия, впоследствии написал и Д. Бантыш-Каменский в "Биографиях российских генералиссимусов и ген.-фельдмаршалов" (СПб. 1840). "В Бородинском бою под ним (Браклаем-де-Толли. Е. А.) убито и ранено (было) пять лошадей; из адъютантов и офицеров его немногие уцелели. Велико было прежде негодование против Барклая-де-Толли, но в Бородинском бою общее мнение решительно склонилось на его сторону. Однако же хвала, воздаваемая его бесстрашию, не могла искоренить из души его горести упреков, какими прежде его осыпали. Глубоко чувствовал он оскорбление и искал смерти, желая пожертвованием жизни искупить примирение с укорявшею его Россиею. В письме к Императору, за день до Бородинского сражения, он писал: "Государь! С тем большею откровенностию пишу эти строки, что мы теперь накануне кровопролитного и решительного сражения, в котором, может быть, удастся мне найти совершение моих желаний" После сражения Барклай-де-Толли не таил скорби своей, зачем неприятельский свинец не сразил его. Он писал Императору: "Что касается меня лично, то с твердостью покоряюсь моему жребию. 26 августа не сбылось мое пламеннейшее желание: Провидение пощадило жизнь, которая меня тяготит".

Перед сдачею Москвы, на военном совете в Филях, Барклай-де-Толли первый подал голос за отступление без боя. "Горестно оставить столицу", сказал он, "но если мы не лишимся мужества и будем деятельны, то овладение Москвою приготовит гибель Наполеону".

Как известно, во время пребывания армии у Тарутина, Барклай-де-Толли по расстроенному здоровью от физических недомоганий и душевных невзгод оставил действующую армию. Получив отпуск, он отправился в Калугу, прожил несколько времени во Владимире и, минуя Петербург, позднею осенью прибыл в свою деревню в Лифляндии. Дорогою несколько раз "доходил до него голос недовольного им народа...". Император Александр I писал ему: "Я никогда не забуду важных услуг, которые вы оказали отечеству и мне, и надеюсь, вы окажете важнейшие; ...борьба еще не кончена; она представит вам возможность ознаменовать ваши великие дарования, которым вообще начинают отдавать справедливость".

В начале 1813 года Барклай-де-Толли был назначен гланокомандующим 3-й Западной армией. Находясь после смерти Кутузова под начальством, младшего по службе генерала, графа Витгенштейна, Барклай-де-Толли беспрекословно исполнял все его приказания. Но в мае того же года принял главное начальство над всеми русскими и прусскими войсками. По окончании войны с Францией и по возвращении в Россию он с главною квартирою своею имел пребывание в Могилеве. В начале 1818 года он взял отпуск, чтобы поехать в Германию воспользоваться лечебными минеральными водами, но, не доехав до места, умер 14 мая в Инстербурге. Погребен он в имении своем Бекгоф в Лифляндии.

***

Оскорбленный клеветами, одинокий, но полный достоинства, Барклай-де-Толли и после смерти остался неоцененным и непонятым. Даже много лет спустя после Отечественной войны в русской военной литературе того времени, в многочисленных опубликованных воспоминаниях и записках участников войны — имя Барклая-де-Толли почти не упоминалось. А если и упоминалось то военные заслуги его, как главнокомандующего, не только отрицались, но даже деятельность его оценивалась чуть ли не как деятельность изменника своего отечества и указывалось, что руководство его армиями вело Россию к неисчислимым бедствиям.

Так. известный писатель Сергей Глинка в своих "Записках о 1812 годе" писал: "Предполагают, что отклонением на Жиздру Барклай заслонил бы и спас Москву. Но втесняя далее в пределы полуденные войска Наполеона, вместе с ним переселил бы он туда и ту смертность, которая с нив и полей похитила в Смоленске более ста тысяч поселян... Подвигая Наполеона к южным рубежам России мы приблизи-

ли б его и к Турции, заключившей шаткий мир..."

Поэт Жуковский, в своих стихах: "Певец в стане русских воинов", совершенно не упоминает имени Барклая.

Но время взяло свое. В средине 30-х годов прошлого века приближалась 25-летняя годовщина Отечественной войны. Говорили о предстоящей закладке храма Христа Спасителя в Москве. В Петербурге были воздвигнуты Александровская колонна и триумфальные ворота на Нарвской заставе, создавалась Галерея Зимнего дворца. Все это вызывало общий и живой интерес. Говорили о предстоящем открытии, во исполнение воли Императора Александра I, перед Казанским собором памятников Кутузову и Барклаю-де-Толли, имена этих двух полководцев стали темой разговоров и новых споров.

К этому же времени стали появляться в печати военные сочинения, посвященные Отечественной войне, в которых те же имена Кутузова и Барклая-де-Толли стали предметом обсуждений и полемики.

Надо сказать, что еще в 1833 году писатель Ксенофонт Полевой в "Московском Телеграфе", в критической статье по поводу сочинения Вальтер Скотта "Жизнь Наполеона Бонапарта" выступил, чуть ли не первым в печати защитником, несправедливо забытого и оклеветанного еще при жизни Барклая-де-Толли.

"Как не отдать всей справедливости бессмертным мужам, спасителям России!" — пишет Полевой; по его словам первое место среди этих "бессмертных мужей" принадлежит "мудрому, великому полководцу Барклаю-де-Толли. Это "Барклай-де-Толли, который умел спасти армию и затруднил, изумил Наполеона своею системою медления вследствие глубокого расчета". — "К сожалению, обстоятельства не позволили ему самому довершить своего подвига, который от того и оценивается многими не так, как бы надлежало. Но История будет справедливее современников: она отдаст каждому законный участок славы".

В 1836 году в 4-ом томе "Энциклопедического лексикона" Плюшара был напечатан очерк С. А. Маркевича, посвященный Барклаю-де-Толли. В этом биографическом очерке, как и в статье К. Полевого, видно определенное стремление авторов реабилитировать имя забытого полководца (этот же очерк был напечатан и в "Военном энциклопедическом лексиконе, издаваемом обществом военных и литераторов" в 1838 г.). Маркевич писал о Барклае-де-Толли так:

"Заслуги, оказанные им отечеству, делают память его священною для каждого россиянина. Но несправедливость современников часто бывает уделом людей великих: не многие испытали на себе эту истину в такой степени, как Барклай-де-Толли. В тяжком 1812 году, когда он, следуя искусно соображенному плану, отступал без потери перед многочисленными полчищами неприятельскими, готовя им верную гибель, многие, весьма многие, не понимая цели его действий, обвиняли его в бедствиях отечества! Только неизменная доверенность монарха и внутреннее убеждение в правоте своих поступков поддерживали тогда Барклая-де-Толли".

***

Напомним, что в пору оживленных споров и полемики вокруг имени Барклая-де-Толли принял горячее участие и поэт А. С. Пушкин, 125-летняя годовщина трагической смерти которого приходится в этом году.

В конце 1836 года в журнале "Современник" появилось его известное стихотворение "Полководец", посвященное Барклаю-де-Толли. Стихотворение это было написано еще в 1831 году, и прямым поводом к написанию его послужил портрет Барклая-де-Толли, написанный художником Доу для Военной Галереи Зимнего дворца.

Это стихотворение Пушкина вызвало "Критическую заметку" Логина Ивановича Голенищева-Кутузова, который полагал, что Пушкин умалил заслуги фельдмаршала Кутузова, говоря, что Барклай-де-Толли должен был "безмолвно уступить и лавровый венец, и власть, и замысел, обдуманный глубоко". "По сему слову, — писал критик, — стих относится к тому полководцу, который в 1812 году принял верховное начальство над всеми армиями, следовательно, поэт полагает, что генерал Барклай-де-Толли уступил свой лавровый венец князю Голенищеву-Кутузову". Далее он доказывает что Россия спасена не Барклаем, а действиями Кутузова и делает упрек Пушкину в том, что тот "позволил себе такой совершенно неприличный вымысел".

На эту "Критическую заметку" Пушкин в "Современнике", вышедшем в декабре 1836 года, ответил "Объяснением". "Слава Кутузова, — писал он, — неразрывно соединена со славою России, с памятью о величайшем событии новейшей истории. Его титло: спаситель России... Неужели должны мы быть неблагодарны к заслугам Барклая-де-Толли, потому что Кутузов велик?... Вы упрекаете стихотворца в несправедливости его жалоб; вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оценены, награждены. Так, но кем и когда? Конечно не народом, и не в 1812 году. Минута, когда Барклай принужден был уступить начальство над войсками, была радостна для России, но тем не менее тяжела для его стоического сердца. Его отступление, которое ныне является ясным и необходимым действием, казалось вовсе не таковым: не только роптал народ, ожесточенный и негодующий, но даже опытные воины упрекали его и почти в глаза называли изменником. Барклай не внушающий доверенности войску, ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злоречием, но убежденный в самом себе, молча идущий к сокровенной цели и уступающий власть, не успев оправдать себя перед глазами России, останется навсегда в истории высоко поэтическим лицом".

Свое "Объяснение" Пушкин закончил стихотворением, посвященным Кутузову: "Перед гробницею святой стою с поникшею главой...", которое было на-

писано им (как и стихотворение "Полководец", посвященное Барклаю-де-Толли) еще в 1831 году.

Пушкин сознавал и понимал заслуги обоих полководцев и в этих двух стихотворениях не противопоставлял военные дарования одного военачальника военным дарованиям другого. Он лишь изобразил то, что произошло в действительности. Говоря о Кутузове, Пушкин сказал: "Когда народной веры глас, воззвал к святой твоей седине: — иди спасай! Ты встал и спас". В глазах Пушкина Кутузов был "облечен в народную доверенность" ("Объяснение"). Между тем, по отношению к Барклаю-де-Толли этой "народной доверенности" не было. "И в имени твоем звук чуждый не взлюбя, своими криками преследуя тебя, народ, таинственно спасаемый тобою, ругался над твоей священной сединою". Эту внутреннюю драму Барклая-де-Толли, этот "суровый жребий" "несчастливого вождя" и хотел подчеркнуть поэт.

На это "Объяснение" Пушкина на этот раз отозвался в январе 1837 года в "Северной Пчеле" Ф. Булгарин, где он поместил пространную статью: "Правда о 1812 годе, служащая к исправлению исторической ошибки, вкравшейся в мнение современников". В этой статье Булгарин отметил, что в "Объяснении" Пушкина, хотя и была показана историческая роль обоих начальников, но что имя Императора Александра I не было упомянуто вовсе и делает вывод: "великие мужи" могут совершать великие подвиги только при великих государях...

Эта полемика дальнейшего развития не получила: 27 января 1837 года Пушкин был смертельно ранен на дуэли и через два дня — 29 января — его не стало.

**

Есть предположение, что в горячем споре вокруг имени полузабытого полководца принял и М. Ю. Лермонтов, и его стихотворение: "Великий муж! Здесь нет награды достойной доблести твоей..." посвящено не Чаадаеву, как это считалось до сих пор, а Барклаю-де-Толли, этому отверженному, гонимому и непонятому "толпой" герою.

**

К 40-м годам русская военная литература уже окончательно изменила свой взгляд на роль Барклая-де-Толли в войне 1812 года. Страсти улеглись, полемика затихла... К этому времени в печати появились, посвященные Барклаю-де-Толли, биографические очерки, в которых отмечались его заслуги перед Россией, умалчиваемые раньше. Из этих очерков отметим биографию, составленную Д. Бантыш-Каменским (в труде, о котором было упомянуто выше), затем, составленную А. Михайловским-Данилевским, в труде: "Император Александр I и его сподвижники 1812-1815 г.г. Военная Галерея Зимнего дворца. СПб. 1847 и, наконец, сделанную Николаем Полевым в его книге "Русские полководцы", СПб. 1845.

В этой последней книге Н. Полевой, между прочим, говорить: "Отдельного жизнеописания князя М. Б. Барклай-де-Толли мы не знаем. Материалы рассыпаны в множестве книг и журналов". Такую же приблизительно фразу, через 117 лет после Н. Полевого, с некоторой горечью в сознании приходится повторить ныне и нам: до сих пор у нас нет обстоятельной, достойной памяти этого "великого мужа", биографии.

Отечественная война в новоборисовском собрании И. Х. Колдеева

Покойный член О.Л.Р.В.С., Николай Васильевич Зарецкий, оставил для напечатания в "Военно-Историческом Вестнике" материалы и воспоминания о новоборисовском собрании И. Х. Колодеева, с которым он был связан долголетней дружбой. Редакция предлагает вниманию читателей извлечение из этих материалов, сделанное Н. Л. Пашенным.

Иван Хрисанфович Колодеев владел обширным поместьем в Минской губернии, близ посада Новоборисова, в районе переправы остатков наполеоновской армии осенью 1812 года.

Сын генерала николаевских времен, рано лишившийся отца, Иван Хрисанфович отличался пламенным патриотизмом и кипучей энергией. Отличался он и весьма независимым характером, что послужило причиной немалых житейских осложнений, особенно в дни его молодости, когда отказавшись от продолжения регулярных учебных занятий, он решил начать самостоятельную жизнь с того, что поступил в механическую мастерскую простым рабочим. За удачную сборку заграничной машины он получил 3 рубля наградных, о чем впоследствие часто вспоминал, как о первом своем успехе на жизненном пути.

Поселившись потом в деревне, Иван Хрисанфович привел свое имение в образцовое состояние, став в крае одним из самых видных русских землевладельцев. На своей земле он, между прочим, построил и сдавал военному ведомству казарменные помещения, в которых были расквартированы Архангелогородский и Иркутский драгунские полки, составлявшие отдельную кавалерийскую бригаду, которой в то время (1889 г.) командовал генерал П. К. Ренненкампф.

И сам генерал, и состоявший при нем адъютантом

Н. В. Зарецкий, вскоре увлеклись собирательством разного рода предметов вооружения и обмундирования частей Великой Армии, которые крестьянская детвора находила на песчаных берегах Березины и постоянно им предлагала. Так Н. В. Зарецкий смог составить полную коллекцию мундирных пуговиц ("гузиков" на местном наречьи) всех полков "двадесяти язык", включая почти полностью погибшего в русских снегах португальского легиона [1]).

Этот пример оказался заразительным, ибо И. Х. Колодеев в свою очередь страстно увлекся подобным собирательством попутно дополняя его обследованием сперва всех фазисов березинской операции, затем Отечественной войны вообще, а потом и всей эпохи борьбы Императора Александра I с Наполеоном. Так постепенно И. Х. Колодеев выдвинулся в первые ряды тогдашних знатоков этой славной эпохи; ко времени празднования столетия священной памяти 1812 года его собрание, а особенно библиотека, считались специалистами наиболее полными не только в России, но и за границей [2]).

Из описания этой библиотеки, составленного после ее осмотра группой членов Ревнителей Военных Знаний известным историографом Отечественной войны К. А. Военским [3]), явствует, что, не считая разных других документов, она насчитывала одних книг на русском и иностранных языках более 5000 названий, составлявших в общей сложности около 15 тысяч томов.

Русский отдел библиотеки насчитывал около 2 тысяч названий, помимо комплектов различных современных газет и журналов. В числе последних следует упомянуть весьма редкий экземпляр «Nouvelles officielles de l'Armée» — журнала издававшегося в течение 1812 года в Петербурге, отдельными листами, и рассылавшегося Высочайшим особам и иностранным послам с известиями о ходе военных действий. Полного комплекта этого журнала не было даже в Императорской Публичной библиотеке [4]). Чрезвычайную редкость представляли и экземпляры издававшегося в Минске, во время занятия этого города французами, под редакцией инспектора местной гимназии Бродовского, повременного издания на польском языке под заглавием «Tymezasowa gazeta Minska»; в этой газете печатались все приказы Наполеона и сведения о положении на театре войны, вплоть до оставления французами Москвы. Первый ее номер вышел 6 (18) июня 1812 года и был посвящен восхвалению "Великого Наполеона" и князя Экмюльского (маршала Даву).

Среди современных русских военных журналов были тут и "Русский Инвалид" (1813-1822), и Военный Сборник, и Военный Журнал, издававшийся при гвардейском корпусе под редакцией ген. Сипягина, и Военный Журнал, издававшийся майором Рахмановым.

Имелось и значительное собрание "ростопчинских афиш" и "теребеневских карикатур": рядом с прекрасным экземпляром "Азбуки" Теребенева с надписью: "Подарок детям в память 1812 года. Продается в книжном магазине Плавильщикова под № 28. СПб, 1814", — имелся еще экземпляр этой "Азбуки", напечатанный, по мнению Ровинского, со старых досок, в 1860-х годах в одном только этом экземпляре.

Иностранный отдел библиотеки распадался на несколько подотделов.

Наибольшим богатством отличался французский. Помимо роскошных редких книг, касавшихся личности Наполеона и его деятельности, историй всех полков французской армии, участвовавших в кампании 1812 года, коллекций газет и журналов эпохи, как «Journal de l'Empire», «Moniteur» и других, здесь, между некоторыми другими, находились следующие уники:

— Bourgogne. »Mémoires sur la Campagne de Russie en 1812». Valenciennes 1826, чрезвычайно редкое издание, которого известны были всего два экземпляра, из которых один в Национальной библиотеке в Париже.

— Capitaine François. «Journal d'un officier français de 1782 à 1815». Nantes 1823-1824, книга известная всего в одном этом экземпляре.

— Crossard. «Mémoires militaires et historiques pour servir à l'histoire de la guerre depuis 1792 jusqu'en 1815 inclusivement». Paris 1829. Автор этого редчайшего издания состоял в 1812 году при штабе Кутузова: по ценности собранного материала это сочинение является одним из лучших из всех принадлежащих перу иностранцев, находившихся при русской армии в 1812 году.

— Breton. «Procès instruit par la Cour d'Assises de Paris contre Michel Michel, Louis Saget, Louis-François-Alexandre Salmon employés dans les bureaux de la Guerre et Jean Nicolas Maris Monzès, dit Mirabeau, garçon de bureau, accusés d'avoir entretenu des intelligences criminelles avec les agents d'une puissance étrangère etc... Recueilli par M. Breton sténographe. Paris F. Didot l'aîné 1812, in 8°. Это исключительно редкое издание представляло современный стенографический отчет по делу о продаже чиновниками французского военного министерства полковнику А. И. Чернышеву мобилизационных планов и других секретных сведений о состоянии французской

---

[1]) Эта коллекция была приобретена Великим Князем Михаилом Александровичем и передана им музею в Бородино.

[2]) Другое весьма ценное собрание такого рода принадлежало в то время московскому коллекционеру и библиофилу П. И. Щукину, издававшему Сборники своих "драгоценнейших бумаг, относящихся к Отечественной войне 1812 г.".

[3]) К. Военский. Отечественная война в Новоборисовском собрании И. Х. Колодеева. Из № 2 Военного Сборника, отпечатано в количестве 100 экземпляров. СПб, 1904.

[4]) Журнал этот печатался в весьма ограниченном количестве экземпляров. Он составлялся Теодором Фабером, основателем газеты «Conservateur Impartial», и стал впоследствии органом нашего министерства иностранных дел и получил с 1825 года название «Journal de St. Pétersbourg».

армии в конце 1811 года. Отчет этот был напечатан в самом ограниченном числе экземпляров и существование его не было известно ни Н. К. Шильдеру, ни даже французскому писателю и исследователю наполеоновской эпохи — Альберту Вандалю: последний, по крайней мере, не упомянул об этом важном источнике в своей работе «Une trahison en 1812», посвященной именно упомянутому событию [5]).

Богатый английский подотдел библиотеки, кроме современных английских и американских иллюстрированных изданий, полные комплекты которых представляли чрезвычайную редкость, особенно таких, как американского журнала «Sloane» и английского еженедельника «The Antigallican Monitor and Anticorsican Cronicle» за 1811 и 1812 гг., содержал множество сочинений английских авторов. Среди них первое место занимали записки англичан, участников войны 1812 года, в частности сэра Роберта Вильсона, состоявшего при русском главном командовании и пользовавшегося особым доверием Императора Александра I, с которым он находился в постоянной переписке.

В польском подотделе собраны были записки и сочинения польских генералов — сподвижников Наполеона в рядах Великой Армии, в состав которой, как известно, в 1812 году входил 5-й польский корпус, под начальством князя Иосифа Понятовского.

Тут же находилась обширная коллекция листовок, афиш и объявлений, напечатанных в 1812 году во время занятия французами Литвы. Обращал, например, на себя внимание пригласительный билет на бал, данный генерал-губернатором в Вильне по случаю годовщины коронования Наполеона. Это был тот самый бал, во время которого пришло известие о березинской катастрофе и с которого присутствовавшие на нем иностранные дипломаты сразу налегке бежали в Варшаву, в своем поспешном бегстве жестоко пострадав от лютого мороза.

Не менее обширным был немецкий подотдел библиотеки, где, между прочими редкими трудами, находились истории почти всех полков Пруссии, Австрии и германских государств, принимавших участие в кампании 1812 года.

Насколько вообще собрание Н. Х. Колодеева, как специальное по 1812 году, было полно видно, например, из сравнения его с отделом "Россика". Императорской Публичной библиотеки. Так известная в начале XIX века книга Фуля (Pfuell), под заглавием: «Der Rückzug der Franzosen», отпечатанная в 1813 году на разных языках, имелась в Публичной библиотеке в 23-х изданиях, а в колодеевской — в 36-ти. Не лишено интереса, что эта книга, впервые оповестившая Европу о поражении Великой Армии в России, была издана одновременно на главнейших европейских языках и читалась нарасхват. Однако, страх перед Наполеоном заставлял издателей скрывать место ее печатания, указывая места явно вымышленные, как-то «Smolensk», «Stokholm», «Germania», а то и просто об этом умалчивая. Этот страх объясняется памятью о жестокой расправе Наполеона с книгопродавцом-издателем Пальмом, которого он приказал расстрелять в 1806 г. за его отказ назвать автора напечатанного им памфлета против Императора французов. Об этом Пальме, кстати сказать, имеется в Германии целая литература, а в 1866 году ему там был поставлен памятник, как герою борьбы за освобождение отечества.

В особом подотделе были сгруппированы сочинения на голландском, датском, шведском, итальянском и испанском языках.

Несмотря на видное участие итальянцев в рядах наполеоновской армии (4-й корпус вице-короля), итальянская литература бедна воспоминаниями о кампании 1812 года. Наоборот, некоторые голландские сочинения представляют большой интерес. Таковы, например, истории 125-го и 126-го пехотных полков, целиком состоявших из голландцев. Эти полки входили в состав дивизии Партуно, сдавшейся в плен под Борисовым [6]).

Среди множества карт и планов, имевшихся в библиотеке, особый интерес представляли — три карты.

1) Великолепная карта (в масштабе 6 верст в дюйме или в диаметр 10 1/2 аршин, в ширину 9 аршин) ручной работы, исполненная в единственном экземпляре для личного употребления Наполеона. Она обнимала, кроме пограничных, только те внутренние губернии, которые его интересовали при разработке плана вторжения в Россию; на ней были тщательно нанесены все почтовые дороги с указанием расстояний между станциями. При отступлении французов карта попала в наши руки с рядом других личных вещей Наполеона; на ней сохранились многочисленные карандашные его отметки.

2) Две гравированные карты России в разных масштабах, изданные военным министерством в Париже в начале 1812 года. Любопытно, что основанием этих карт послужили первые оттиски столистной карты, изготовленной нашим картографическим депо (под редакцией ген. Сухтелена и Оппермана). Как потом выяснилось, французскому послу при Русском Дворе, Коленкуру, удалось их получить еще в 1808 году. В Париже они были тщательно проверены и дополнены данными, собранными в 1811 году польскими офицерами, служившими во французском генеральном шта-

---

[5]) На находившемся в библиотеке Н. Х. Колдеева экземпляре рукой автора была сделана любопытная надпись: «On a fait de ce procès, en 1842, un drame pour la «Gaité», intitulé: «La plaine de Grenelle». Je m'aperçois aujourd'hui, 15 Septembre 1842, que la censure a supprimé de l'acte d'accusation et des débats le récit de la manière dont la police a découvert la correspondance de Michel sous le parquet de l'appartement occupé à l'hôtel Théluson par Mr. de Tchernicheff». И далее: «Le gamin de bureau Mozès, dit Mirabeau, avait été condamné par le jury, mais absous par la Cour».

[6]) Во французском гвардейском корпусе, в одной бригаде с польскими "шеволежерами" гр. Красинского, состоял еще голландский легко-конный полк.

бе, которых Наполеон секретно командировал для этого в Россию.

Наконец, в отделе альбомов, гравюр, литографий и картин находились, считавшиеся величайшей редкостью экземпляры:

1) Faber-du-Faur: «Blätter aus meinem Portefeuille im Laufe des Feldzuges 1812 in Russland an Ort und Stelle gezeichnet». Stuttgart in f°.

2) Albert Adam. Voyage pittoresque et militaire de Willenburg en Prusse jusqu'à Moscou fait en 1812, pris sur le terrain etc.. Munich 1828.

На ряду с прекрасной коллекцией современных гравированных и писанных масляными красками деятелей 1812 года, как русских, так и французских, было здесь и специальное собрание, так называемых, апокрифических их изображений. Известно, что таких изображений было множество. Таковы портреты Кутузова в русском фельдмаршальском мундире, но с чертами лица Наполеона; Витгенштейна — с лицом Барклая; Чернышева и Вольдмодена, изображенных на немецких литографиях 1813 года с одинаковыми чертами лица [7]). Что касается адмирала П. В. Чичагова, он постоянно изображался с чертами лица адмирала Крузенштерна. При специальном обследовании этого вопроса выяснилось, что в Германии сохранились доски от заготовленных еще в 1806 году портретов адмирала Крузенштерна, в связи с кругосветным его путешествием в 1803-1805 гг. Поэтому, когда появился усиленный спрос на портреты Чичагова — победителя над Шварценбергом, издатели не постеснялись использовать эти доски, ограничившись заменой надписи одной фамилии другой, благо оба адмирала имели некоторое физическое сходство. Эти портреты получили широкое распространение и, насколько известно, настоящий портрет Чичагова был у нас впервые напечатан лишь в начале настоящего века в Истории Морского министерства, с портрета хранившегося в Морском музее.

Одним из многих украшений библиотечного зала новоборисовского собрания был прекасный портрет атамана Платова работы художника Филипса, на котором он изображен в белом галстуке. Как известно, Платов вздумал носить такой галстук вопреки установленной форме, и добился на эту, как он выражался "привилегию" особого разрешения Императора Александра I-го.

Нельзя не отметить, что П. Х. Колодеев много лет работал над составлением подробной библиографии 1812 года, в продолжение и дополнение классических трудов Липранди и Дубровина.

Верной сотрудницей П. Х. Колодеева по созданию новоборисовского собрания являлась его супруга Ольга Сергеевна, урожденная Карпова. Вместе они периодически посещали своих многочисленных заграничных поставщиков, особенно в Лейпциге, Франкфурте и Париже, причем их обыкновенно сопровождал некий Болеслав, библиотекарь-самоучка, беззаветно преданный и своим господам, и вверенной его попечению библиотеке. Без всякого образования, но обладая изумительной зрительной памятью, он мог безошибочно найти любую книгу или документ, на каком бы языке они не были; его суждения о предлагаемых книгах, при его не менее весьма оригинальной внешности, вызывали общее любопытство иностранных книгопродавцов.

В связи с вспыхнувшими в крае в 1905 году беспорядками, новоборисовское собрание было целиком отправлено в Германию. Там П. Х. Колодеев поручил специалисту библиотекарю Kirchensen'у составить полный его каталог. По материалам библиотеки супруги Kirchensen'ы попутно подготовили к печатанию сочинение: «Napoleon Kalendar und Gedenkbuch des Befreiung-Krieges auf das Jahr 1812».

По наступившему в России успокоению, собрание было возвращено в Новоборисовскую усадьбу, а на юбилейных торжествах в память столетия Отечественной войны, П. Х. Колодеев, пожалованный званием камергера Высочайшего Двора, всеподданнейше принес его в дар Государю Императору, для включения в имевший быть созданным в Москве новый музей 1812 года.

Дальнейшая его судьба неизвестна.

**

Остается добавить, что точные места переправы наполеоновских войск через Березину были впервые установлены П. Х. Колодеевым в 1901 году. Тогда же по его инициативе и на его средства на этих местах, у деревни Студенки, на расстоянии 80 сажен один от другого, были поставлены два одинаковых скромных памятника.

Каждый из этих памятников был украшен медальоном с горельефными изображениями — Императора Александра I, на северной стороне, и Императора Наполеона, на южной.

Под медальонами были надписи:

"Здесь переправился через Березину Император Наполеон со своей армией 14, 15 и 16 ноября 1812 года".

»C'est ici que l'Empereur Napoléon et la Grande Armée franchirent la Bérézina les 26, 27 et 28 Novembre 1812».

Освящение памятников состоялось 14 ноября 1901 года в присутствии командира I-й Отдельной кавалерийской бригады генерала П. К. Ренненкампфа,

---

[7]) Насколько фантастичны и мало похожи были, появившиеся в то время в Германии, гравированные портреты кн. М. И. Кутузова, можно судить по его письму к жене, Е. И. Кутузовой. "Пришли, пожалуйста, несколько, хотя три экземпляра, ежели есть, моих гравированных портретов. Из России пишут незнакомые и просят. А вот как в Берлине награвировали по расспросам, посылаю; достану да пришлю таких, что в разных костюмах, и в шубе, и Бог знает как. Есть такие, что и по две копейки". Письмо 11 марта 1813 г. из Калиша. "Русск. Старина", 1872 г., 5, стр. 694.

вместе с командирами и офицерами полков бригады; кроме того каждый из полков был представлен эскадроном в конном строю с хором трубачей. Это скромное, но знаменательное торжество было тогда же описано в журнале "Живописная Россия", с приложением фоотграфии, которая здесь воспроизводится.

Торжественное открытие 11 ноября 1901 г. двух памятников в д. Студенке на месте переправы армии Наполеона через Березину в 1812 году, в присутствии офицеров 49-го драг. Архангелогородского и 50-го драг. Иркутского полков. Слева — направо: 50 др. п. корн. Харитонов, корн. Коссович, рот. Эдельштейн; ст. ад. бриг. шт.-рот. Стеблин; 49 др. п. рот. Красовский, подпол. Персидский Принц Шафи-Хан; 50 др. п. пор. Титов, корн. Зарецкий (автор проекта памятника); ст. ад. бр. рот. Гаевский; И. Х. Колодеев (в штатском); 49 др. п. рот. Лисовский; 50 др. п. рот. Переяславцев, рот. Альбовский; 49 др. п. рот. Синицын, шт.-рот. Ежов; 50 др. п. шт.-рот. Францкевич, подпол. Пащенко, шт.-рот. фон Дрейммс.

Памятники были исполнены по проекту Н. В. Зарецкого, в то время корнета 50-го драгунского Иркутского полка. Талантливый рисовальщик он впоследствии покинул военную службу, чтобы всецело посвятить себя искусству. Ученик художников Я. Ф. Циоглинского и Д. Н. Кардовского, Н. В. Зарецкий много работал в эмиграции. Состоял председателем Союза Русских Художников в Берлине. Родился в г. Липецк 9 мая 1876 — скончался в Cormeilles-en-Parisis (Франция) 18 августа 1959 г., где и погребен. В Кабинете Эстампов в Национальной библиотеке в Париже имеется один из выпущенных им в 4-х экземплярах ценной книги: "Русская Армия в 1812 году" с 60-ю исполненными от руки рисунками.

**

Само собой разумеется, что новоборисовское собрание привлекало многочисленных посетителей, приезжавших группами и отдельно, в последнем случае нередко для продолжительных занятий в библиотеке. Всем им оказывался самый радушный прием, причем И. Х. Колодеев с увлечением давал необходимые пояснения. Особенно любил он останавливаться на подвигах понтонеров генерала Эбле, благодаря которым Наполеону удалось, обманув бдительность русских военачальников, осуществить задуманную им переправу через Березину, по мостам сооруженным при полном ледоходе из разобранных изб...

Выполнение этого плана, считавшееся тогда почти чудом, все же ни в коей мере не преуменьшило драматичности общего положения французской армии, которое сам Наполеон накануне переправы охарактеризовал словами: «C'est comme Chares XII. Voilà donc ce qui arrive quand on entasse faute sur faute»...

**

Среди посетителей колодеевской библиотеки Н. В. Зарецкий упоминает в своих воспоминаниях графиню Л. А. Ростопчину, родную внучку гр. Ф. В. Ростопчина, которую Колодеевы называли "живой реликвией 12 года". Он пишет: "Графине тогда было около

61 лет (в 1901 г.). Высокая, монументальная, она лицом была похожа на своего деда, про которого говорила — "он имел важную осанку, прекрасный рост, блестящий и игривый ум". От своей матери — известной поэтессы, графиня Лидия Андреевна унаследовала литературные дарования, но с чарующей простотой вела беседы чистейшим говором московских просвирен, который так ценил Пушкин".

Сообщил *П. Пашенный*

К 150-летию действительного старшинства 15-го Гусарского Украинского Ее Императорского Высочества Великой Княгини Ксении Александровны полка (1812-1962)

Б. ЛЕВШИН

Занимаясь составлением истории 15-го гусарского Украинского Ее Императорского Высочества Великой Княгини Ксении Александровны полка, начатой мною в 1916 году и незаконченной из-за происшедших в России событий, я продолжал это дело в эмиграции и, несмотря на скудный материал, имевшийся в моем распоряжении за границей, мне удалось выяснить бывший до некоторой степени спорный вопрос действительного старшинства полка.

*

В достопамятном 1812 году — славным событиям в котором исполняется ныне 150 лет — полковником графом Виттом, 5-го июня, "из способных к казачьей службе помещичьих и других состояний людей, губерний: Киевской и четырех уездов Каменец-Подольской: Винницкого, Брацлавского, Гайсинского и Балтского, сформированы, под названием Украинского Казачьего войска четыре полка, в том числе 1-й Украинской, в составе восьми эскадронов".

Приняв участие с сентября месяца 1812 года в военных действиях в пределах России (в корпусе Сакена против австрийского фельдмаршала Шварценберга), полк этот отличился в 1813 году в деле под г. Калишем и затем совершил, в составе Украинской казачьей дивизии, заграничные походы 1813 и 1814 годов под командою храброго майора Пихельштейна. За пленение в августе 1813 г. у Левенберга остатков разбитой французской дивизии генерала Пюто, полк был награжден серебряными трубами, несмотря на то, что он был полком молодым. Граф Ланжерон, представляя полк к этому награждению, писал, что украинские казаки "отличались храбро, находились всегда на аванпостах, неоднократно лишали неприятеля орудий и быстрыми своими и отважными атаками опрокидывали всегда стремительно в превосходных силах неприятеля".

На этих трубах была надпись: "1-го Украинского казачьего полка, 30-го августа 1814 года, за отличие в войне с Францией 1812, 1813 и 1814 годов".

В 1816 году 1-й Украинский казачий полк был переименован в 1-й Украинский уланский полк; в 1830 году переименован в Украинский уланский (без №), а в 1849 году полку назначен был шеф-Эрц-Герцог Австрийский Леопольд, и полк стал именоваться — Уланский Его Императорского Высочества Эрц-Герцога Австрийского Леопольда.

В 1856 году, после Крымской кампании, полк этот, состоявший в Резервной Уланской дивизии, был расформирован в связи с общим сокращением численности Российской армии, и *1-й дивизион полка*, со штандартом, серебряными трубами и знаками отличия на головные уборы за польскую кампанию 1831-го года, *поступил на пополнение Бугского уланского полка.*

В 1891 году Император Александр III повелел сформировать вновь два драгунских полка: 47-й драгунский Татарский и 48-й драгунский Украинский.

Первым эскадроном, назначенным Высочайшим приказом для сформирования 48-го драгунского Украинского полка и прибывшим в г. Серпец (Плоцкой губернии) *был эскадрон от 26-го драгунского Бугского* (раньше уланского) *полка.* В 1892 году вновь восстановленному Украинскому драгунскому полку были Высочайше пожалованы полковые отличия: штандарт и серебряные трубы за войну с Францией в 1812-1814 гг., принадлежавшие ранее 1-му Украинскому казачьему полку. Отличия эти возвращены были *возрожденному полку* из Бугского же полка, в котором они пребывали с 1856 года.

Таким образом возвращение отличий подтверждает преемственность между 1-м Украинским казачьим полком и 48-м драгунским того же наименования. Такой знаток истории русской конницы, как полковник генерального штаба Николаев вот что писал в своей статье "Войсковые традиции" ("Русский Инвалид", 11 февраля 1894 г., № 53): "Полкам даны с т а р ы е названия, принадлежавшие прежним уланским, затем расформированным полкам, и что самое важное, оба полка (47-й драг. Татарский и 48-й драг. Украинский) получили старые с боевым прошлым штандарты, а именно: Государь Император всемилостивейше пожаловал 47-му драг. Татарскому и 48-му драг. Украинскому полкам штандарты бывших уланских полков тех же наименований. Штандарт второго (Украинского драг.) полка имеет надпись — "1797 г. Польский конный полк. 1851 г. Уланский Его Императорского Высочества Эрц-Герцога Австрийского Леопольда, Украинского уланского полка 4-го дивизиона".

Если присоединить к изложенному, что 47-му драгунскому Украинскому полку всемилостивейше пожалованы 11 серебряных труб бывшего Уланского того

же наименования полка, с надписью: "1-го Украинского казачьего полка. 30 августа 1811 года", то мы видим, что упомянутые полки, не имея фактического старшинства и трех лет, обладают уже традициями, т. к. история, жизнь и отличия прежних полков с ними слита. Следовательно теперь уже начало обоих полков связано с военно-историческими событиями наполеоновской кампании, наконец в минуты могущих быть тяжелых боевых испытаний, штандарты и отличия станут напоминать "возобновленным" полкам слова Высочайшей грамоты: "на службу Нам и Отечеству с верностью и усердием Российскому воинству свойственными".

Привожу точную копию выписки из статьи полк. Николаева, который лишь по факту передачи штандарта и отличий, считает полк "возобновленным", а не вновь сформированным и если к этому добавить результат моих изысканий, т. е. *что первым эскадроном 48-го драгунского Украинского полка явился эскадрон Бугского уланского полка, того самого в который поступил дивизион Украинского уланского полка в 1856-м году, то из этого следует совершенно ясно и неоспоримо, что 48-й драгунский (позднее 15-й гусарский) Украинский полк, сохранив преемственность с 1-м Украинским казачьим полком, ведет свое начало с 1812-го года, с каковою и должно считаться его старшинство.* Надо полагать, что при восстановлении полка в 1891 году со старшинством с того же года, Главный Штаб не принял во внимание единственный, может быть, в истории полков случай беспрерывной преемственности вновь восстановленного Украинского драгунского полка с 1-м Украинским казачьим 1812 года.

**

К своей заметке делаю некоторые дополнения.

1. Польский уланский полк был расформирован в 1833 году [1]) и его штандарт (пожалованный 29 окт. 1827 г.) был передан в Оренбургский уланский полк, который в свою очередь был расформирован в 1851-м году и штандарт передан в Уланский Е. Имп. Выс. Эрц--Герцога Австрийского Леопольда (Украинский) полк. Этот же штандарт был передан в 1856 году в Бугский уланский полк, возвращен в 1891-м году в 48-й драгунский Украинский (позднее 15-й гусарский Украинский Е. И. В. Великой Княгини Ксении Александровны) полк, в котором и оставался до последнего дня существования его в Императорской армии (декабрь 1917 г.). В 1915 году (12 февраля ст. ст.) блестящей атакой под г. Прасныш 15-й гусарский Украинский полк оправдал всемилостивейшие слова грамоты Императора Александра III и заслужил георгиевские ленты на свой старый штандарт.

2. В 1907 году 48-й драгунский Украинский полк при переименовании его в 15-й гусарский Украинский получил гусарскую форму, состоявшую из померанцевого доломана с голубыми обшлагами (вскоре отмененными), т. е. цветов Украинского гусарского полка, существовавшего в царствование Императрицы Екатерины (основан в 1775 г. и расформирован в 1796 г.), имевшего дуламы и штаны померанцевые, обшлага голубые, ментии черные (спр. "Историч. опис. одежды и воор. Российск. войск", СПБ., 1899). В 1916 году, когда Августейший Шеф 15-го гусарского Украинского полка Е. И. В. Великая Княгиня Ксения Александровна получила Высочайшее согласие Государя Императора на пожалование, по окончании войны, полку ментиков, то на запрос полка, какого цвета полагаются жалуемые ментики, Главное Интендантское управление ответило: "дуламы померанцевые, ментии черные" (привожу точное определение), т. е. тех цветов, которые были в Украинском гусарском полку 1775 года. В том же 1916 году полк поднес Великой Княгине гусарскую форму, состоявшую из померанцевого доломана и черного ментика на голубой подкладке. Занимая должность полкового адъютанта, я лично выполнял всю переписку, относящуюся к пожалованию ментиков.

3. Постановление Георгиевской Думы о награждении 15-го гусарского Украинского Е. И. В. Великой Княгини Ксении Александровны полка георгиевским штандартом (лентами) за атаку 12 февраля 1915 г. под г. Прасныш, было сообщено полку начальником штаба 1-й армии генералом Одишелидзе в июле 1916 года.

[1]) Он был сформирован 26 июня 1797 года.

Последние дни с Государем в Ставке

Ю. Плющевский-Плющик

Изменой слуга паладина убил,
Убийце завиден сан рыцаря был.

Факт мученической кончины Государя Императора и Его Августейшей семьи почти установлен!.. [1]).

Нам остается только оплакивать свой позор, оплакивать и вспоминать!..

Воспоминания живо встают и передо мною. Вспоминаются кошмарно-тяжелые дни февраля и начала марта 17-го года в Ставке Верховного.

Обаятельный образ Царя-мученика встает, как живой!

Для нас в Ставке, гром революции грянул совершенно неожиданно. Государь после долгого отсутствия прибыл в Могилев, кажется, 24-го, и хотя беспорядки в Петрограде начались 25-го, но жизнь штаба текла нормально и о серьезности положения никто не подозревал. Были обычные доклады Его Величеству.

[1]) Этот очерк, написанный в 1923 году бывшим генерал-квартирмейстером Добровольческой армии при ген. Деникине, передан нам дочерью автора, Софьей Юрьевной Ковалевской, и публикуется в печати впервые. **Ред.**

Этикет походного двора ничем не нарушался. Еще днем 27-го, я, как вновь назначенный (я приехал в Ставку около 20-го) в состав штаба, был приглашен к Высочайшему завтраку. Государь долго со свойственной ему особенной подкупающей любезностью беседовал со мной. Спрашивал про полк, которым я командовал, вспоминал бои, интересовался состоянием полка [2]).

Это был последний завтрак Царя со своим штабом. Грозные события надвигались и уже вечером из телеграмм генерала Беляева и Родзянко мы узнали о создавшемся положении в Петрограде. Там бунтовала чернь, бунтовали запасные войска.

Главари бунта, опираясь на безумие толпы, старались использовать момент и вырвать у Государя ограничение Его власти. Войну забыли, забыли, что враг еще в пределах наших, что всякий переворот не может не отразиться на военной мощи. Забыли, и захваченные темной агитацией подполья, продолжали требовать...

О войне помнил лишь один Государь. Горячо любя Родину, готовый на всякие жертвы для нее, он один сознавал все безумие предъявленных ему требований и, отказываясь исполнить их, решил ехать из Ставки в Царское Село, чтобы там, вблизи от столицы, принять окончательное решение.

В ночь на 28-е были поданы "литерные" поезда. Государь уехал... Дальнейшее известно...

Дно, Псков, депутация членов Государственной Думы Гучкова и Шульгина, телегарммы главнокомандующих фронтами...

Вокруг несчастного Царя кольцо интриги все более и более замыкалось. Все, кому он верил, за исключением ближайших лиц свиты, все оказались против него, все просили, настаивали, требовали.

Благо народа! Воля народа!

Те, которые узурпировали право говорить от имени этого неразгаданного сфинкса, не останавливались ни перед чем и словами родзянкинских телеграмм свидетельствовали о необычайной ненависти к династии и о возбуждении против Государя, не как о кошмарно-бесовском наваждении, а как о чем-то естественном и заслуженном.

Зная бесконечно доброе сердце Царя, чувствуя готовность его довести служение своему народу до степени жертвы, они мучили его призраком кровавой усобицы, всячески доказывая, что только отречение может прекратить революцию, спасет армию от заразы и даст возможность продолжать войну до полной победы над врагом.

2-го марта, оставленный всеми, оторванный от семьи, оскорбленный в святом чувстве любви к своему народу, Государь подписал акт отречения.

День русской скорби... Как мы это сразу почувствовали. Уже 4-го Государь вернулся обратно в Ставку. Красные тряпки болтались на улицах города, демократические организации гордо подняли голову и объединенные появившимся откуда-то прапорщиком Гольдманом держали себя вызывающе. По телеграфу передали приказ № 1 — начало всех начал. Попытка задержать его распространение не привела ни к чему. Солдаты, узнав об нем начали глухо волноваться. Офицеры, ошеломленные всем неожиданно случившимся, недоумевали. Временному правительству никто не верил. Чувствовалось, что рядом с ним, и параллельно, работает чья-то злая воля, что борьба с ней не по плечу господам Львовым и Гучковым. Тревожил вопрос о фронте, который загадочно молчал и на который при полном попустительстве Временного правительства и с разрешения его двинулась армия опасных агитаторов.

Мучил также вопрос присяги. Как быть? Что делать?

И вот утром 8 марта Государь Император пожелал проститься с нами. По приказанию генерала Алексеева, мы все были собраны в огромном зале могилевского окружного суда, занятом управлением дежурного генерала.

Собралось около 1000 офицеров. Каждое управление группировалось отдельно. Нижние чины стояли в стороне: вахмистры, фельдфебели, георгиевские кавалеры.

В назначенный час прибыл Государь, в сопровождении начальника штаба. Он был спокоен, как всегда, и лишь необычайная бледность свидетельствовала о внутренних переживаниях. Запомнилось, что в этот день на нем была форма Терского казачьего войска.

Дойдя до середины зала, Государь остановился, приветствовал нас общим поклоном и начал говорить. Его речь я затрудняюсь передать дословно. Мы были слишком взволнованы. Помню, что сказав об отречении, он призывал нас служить Временному правительству, памятуя нвобходимость довести войну до победы над врагом.

Закончив, Государь поблагодарил нас за службу, поцеловал генерала Алексеева и начал обход собравшихся.

И без того напряженная атмосфера дошла да своего апогея. В рядах собственного Его Величества полка кто-то громко зарыдал. Несколько человек упало в обморок. Старый казак конвоец, до того стоявший неподвижно, вдруг страшно застонал и, как подкошенный, во весь свой богатырский рост рухнул на пол.

Рыдания все увеличивались и наконец сделались всеобщими. Рыдали буквально все.

Государь не выдержал. Слезы показались на его глазах. Он прервал обход и быстро вышел.

Так провожала Ставка своего Императора, своего Верховного вождя, а с ним вместе свое хорошее прошлое, свои светлые надежды на будущее.

В этот же день Государь собственноручно написал

---

[2]) Состоявший при академии генерального штаба, автор этого очерка был назначен помощником генерал-квартирмейстра штаба Ставки Верховн. Главнокомандующего, а до того он командовал 202-м пехот. Гурийским полком. **(Ред.).**

свой последний приказ армии. Оригинал, написанный карандашом на листе блокнота, был передан мне генералом Лукомским.

Вот текст его.

"Въ послѣдній разъ обращаюсь къ Вамъ, горячо любимыя мною войска. Послѣ отреченія мною за себя и за сына моего отъ престола Россійскаго, власть передана Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему.

Да поможетъ ему Богъ вести Россію по пути славы и благоденствія.

Да поможетъ Богъ Вамъ, доблестныя войска, отстоять нашу Родину отъ злого врага. Въ продолженіи двухъ съ половиною лѣтъ Вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сдѣлано усилій и уже близокъ часъ, когда Россія, связанная со своими доблестными союзниками однимъ общимъ стремленіемъ къ побѣдѣ, сломитъ послѣднее усиліе противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной побѣды.

Кто думаетъ теперь о мирѣ, кто желаетъ его — тотъ измѣнникъ Отечеству — его предатель. Знаю, что всякій честный воинъ такъ мыслитъ. Исполняйте же вашъ долгъ, защищайте доблестную Родину нашу, повинуйтесь Временному Правительству, слушайтесь вашихъ начальниковъ.

Помните, что всякое ослабленіе порядка службы только на руку врагу.

Твердо вѣрю, что не угасла въ вашихъ сердцахъ безпредѣльная любовь къ нашей Великой Родинѣ. Да благословитъ Васъ Господь Богъ и доведетъ Васъ къ побѣдѣ Святой Великомученикъ и Побѣдоносецъ Георгій.

Николай

Ставка.
8-III-17".

**

Приказ этот был немедленно передан штабам фронтов, но вследствие приказания Временного Правительства, дальнейшего распространения не получил. Отдельные экземпляры его в войска попадали случайно. Новая власть не оценила величия души того, кто сделавшись жертвой темной интриги, забыв все личное, молил Бога помочь Временному правительству вести Россию по пути славы и благоденствия, а родной армии победить злого врага.

Вечером 8-го марта Государь уехал от нас навсегда.

Перевернулась страница русской истории. Началась новая глава, написанная кровью и слезами русского народа, кровью Царя-мученика запечатленная.

2 (15) марта 1923 г.
Новый Сад.

Александрийцы в Спале в 1901 году

В. А. КАРЦОВ

(Печатаемый ниже очерк написан ген.-лейт. Владимиром Александровичем Карцовым, бывшим командиром 15-го драгунского Александрийского полка (с 1901 по 1904 г.) и передан им в 1928 году в исторический архив этого полка).

Во время лагерного сбора, летом 1901 года, Александрийский драгунский полк стоял по деревням в окрестностях Скерневиц. Здесь, в самом конце августа, полк узнал следующую радостную весть. Александрийскому полку было приказано стать на охранение лесов около Спалы, куда ожидалось прибытие Государя с Государыней и Августейшими детьми.

Из Скерневиц полк прибыл в г. Тимашов, откуда эскадроны разошлись по деревням против назначенных участков охранения. Штаб полка остался в Тимашове, а трубаческая команда расположилась в Спале.

От каждого эскадрона на постах стоял полуэскадрон — другой стоял на отдыхе. От него высылались вечером, в полночь и утром поверочные разъезды. Посты были силой в шесть-восемь человек. Эскадронные командиры объезжали свои районы ежедневно по мере надобности.

Государ, Государыня и Августейшие дети прибыли с немногочисленной свитой 5-го сентября.

По желанию Его Величества, по прибытии царского поезда, никого из местных властей не было. Государя встречали два лица — граф Велепольский, управляющий Ловичским княжеством, живший в Спале и командир 15-го драгунского Александрийского полка полковник Карцов, поднесший Государыне, заранее привезенный из Варшавы, великолепный букет туберозов, любимых цветов Царицы.

**

Лица, прибывшие с Государем, были все мои давнишние знакомые. Комендант Главной Квартиры, с минуты прибытия становившийся моим прямым и непосредственным начальником, был генерал-адъютант Петр Павлович Гессе, мой давнишний знакомый, дружески расположенный ко мне, еще когда я был молодым офицером. Свиты Его Величества генерал-майор Александр Александрович Мосолов, полковник флигель-адъютант князь Николай Дмитриевич Оболенский, капитан 2-го ранга граф Александр Федорович Гейден были также издавна моими приятелями, а единственная фрейлина, сопровождавшая Государыню, княжна Орбелиани, была двоюродной сестрой моей жены.

Жизнь в Спале вскоре установилась в своем тихом однообразии. Раза три в неделю Государь в 4 часа утра выезжал на охоту. В маленьком парном

кабриолете вдвоем с лесничим он отправлялся в избранную накануне часть леса, где зверь был обойден и где ждал лесник, выследивший его. Государь скрадывал зверя и стрелял с подхода. Он не знал промахов. К семи или к восьми часам он возвращался, а в десять был уже в своем кабинете, где граф Гейден докладывал утреннюю почту.

***

Раза три в неделю я приезжал в Спалу с докладами генералу Гессе, а по воскресеньям я был приглашен к обедне в походной церкви и потом к Высочайшему завтраку. Два раза за все время я был приглашен и среди недели. Походная церковь помещалась рядом с дворцом в зеленом шатре; ее иконостас был тот самый, который был в Париже с Императором Александром I-м и на Балканах с Императором Александром II-м. Государь приходил к началу обедни вместе с Императрицей, они выстаивали ее чрезвычайно благоговейно. При пении "Отче Наш" Государь первый становился на колени [1]).

Его Величество чрезвычайно интересовался службой полка и его жизнью. Во время катания по окрестностям Государь нередко заезжал на стоянки эскадронов, выходил из экипажа, осматривал две-три избы и заходил на кухню, а если было предобеденное время, требовал пробу. Также он иногда останавливался около какого-либо поста и говорил с солдатами.

12-го сентября вечером я выехал из Тимашова, чтобы объехать крайние посты, занимаемые 1-м эскадроном. Для этого надо было пересечь внутренность спальских лесов. Меня сопровождали трубач, очередной вестовой и два разведчика.

После ясного лунного вечера вдруг пал осенний туман и в лесу стало совершенно темно. Наши лошади мягко ступали по траве просек. Тишина была полная. И вдруг мы ясно услышали стук рессорного экипажа, едущего шагом нам навстречу. Я сейчас же остановился и шепотом приказал всем стать под деревья. Проезжей дороги здесь не было и никакому экипажу здесь быть не полагалось. Я сейчас же подумал, что кому-нибудь из окрестных жителей не хотелось ждать утра и он окольными путями пробирается в Тимашов.

Всякий поймет чувство, возникшее во мне при мысли, что наши посты прозевали его. Вскоре показалась темная масса лошадей и экипажа. Я выехал на просеку и осветил сидящих в нем электрическим фонарем, ночью всегда висевшим у меня на поясе. И я увидел Государыню и княжну Орбелиани, а сзади испуганное лицо рейткнехта. Я сейчас же назвал себя и просил извинить мою невольную ошибку. Государыня тогда еще не свободно изъяснялась по-русски и со мной всегда говорила по-французски или по-английски. Ее Величество сказала, что она нисколько не испугалась моего внезапного появления, а напротив, очень рада, так как она в тумане потеряла дорогу и не знает, как проехать домой, заблудившись в болотистом лесу. Быстро проведя Ее Величество во дворец, я продолжал свой объезд. По понятным причинам я в то время не сказал ни слова никому про этот случай и думаю, что хорошо сделал. Через два дня Государь прислал мне с гоффурьером оленя, убитого им в то же утро. Не малую радость возбудила у нас эта никем не ожиданная милость и мы отметили ее соответствующим пиршеством.

***

На следующий день — это было 27 сентября — Государь сказал мне, что он уезжает из Спалы не 1-го октября, как предполагалось, а лишь 8-го, но что он не хочет нарушать предположения Варшавского военного округа, и наш полк будет 30-го сентября сменен с постов Ямбургским драгунским полком, шедшим мимо Спалы домой с маневров. Сказав мне, что он чрезвычайно доволен службой полка, он добавил: "Я желаю, чтобы 29-го вы завтракали у меня со всеми офицерами полка, а 2-го октября я произведу смотр полку. Подробности узнаете от генерала Гессе".

Этот последний сказал мне, что смотр будет около самого дворца на большой широкой просеке и будет заключаться в объезде Государем фронта полка в прохождении церемониальным маршем повзводно. При этом Государь приказал, чтобы полк был представлен ему непосредственно командиром полка и никому из высших начальников на смотру не присутствовать, о чем я и должен донести по команде.

Всякий строевой офицер поймет мое состояние, когда я вышел от генерала Гессе. До смотра в моем распоряжении оставалось четыре дня, а все обмундирование и снаряжение 1-го срока находилось в цейхгаузах в Калише. На людях были мундиры 2-го срока; старая амуниция и снаряжение лошадей, хотя и вполне исправные, все же после лагеря и месяца службы на постах наружным видом не блистали.

Так как все необходимое привезти было невозможно, я решил выписать новые фуражки, боевые ремни и суголовья. Офицеры все выписали из Варшавы.

***

Настало 29 сентября. Все мы вместе прибыли ко дворцу в одиннадцать с половиною часов. Столовая во дворце не могла вместить столь многочисленных приглашенных и Государь приказал своей свите, кроме генерала Гессе, обедать в очищенной для этого гостиной вместе с младшими офицерами полка. Когда Государь и Императрица вошли вместе с Принцем и Принцессою Прусскими [2]), то Государь подозвал меня и сказал:

---

[1]) Богослужения в походной церкви в Спале стали совершаться с 1890 года. См. "Дневник Императора Николая II", Берлин, 1923, стр. 34; запись от 8 сентября "...была обедня в походной церкви в лесу, совершенно новое событие для Спалы".

[2]) Принц Генрих Прусский и его супруга, Принцесса Ирена, сестра Государыни, гостившие в это время в Спале у Их Величеств.

— Представьте всех ваших офицеров Императрице.

Офицеры мгновенно стали по старшинству и начали подходить к Императрице, которая каждому подавала руку, а я называл фамилию. И тут случилось совершенно необъяснимая вещь. Когда подошел полковой адъютант, штабс-ротмистр Константин Станиславович Стракач, я вдруг забыл его фамилию... Я конечно отлично знал всех офицеров, даже по именам, а фамилию адъютанта забыть было просто невозможно. Видя, что я запнулся, Стракач, живший близ дворца и уже давно представленный Государыне, сам назвал свою фамилию. Представление продолжалось уже без заминок. Когда все было кончено, я обратился к Государыне, прося ее извинить мою заминку, объясняя ее тем, что первый раз, представляя кого-либо Ее Величеству, я смутился. Государыня улыбнулась и сказала: "Я лучше чем кто-либо другой понимаю вас, так как я сама очень застенчива и смущаюсь очень часто; к несчастью многие принимают эту застенчивость за другое".

Завтрак прошел, как обыкновенно. Когда подали шампанское, Государь встал и громко сказал:

"Пью за славу и процветание Александрийского полка".

После завтрака я зашел к генералу Гессе, чтобы узнать, нет ли еще распоряжений относительно предстоящего смотра? Генерал мне сказал, что смотр не будет отменен несмотря на ненастье, но в случае дождя полку приказано выйти в шинелях. Это меня очень озаботило: шинели 2-го срока полиняли разно и полк будет иметь грязновато-пестрый вид, о щегольстве и помину не будет. Кроме того я узнал, что Государыня выедет на смотр верхом, чего еще никогда не бывало. Генерал-адъютант Гессе добавил, что Государь сказал ему о хорошем впечатлении, произведенным офицерами на Их Величества.

30-го сентября Александрийцы сдали свои посты Ямбургскому полку и заняли более сосредоточенное расположение в деревнях к востоку от Спалы по сторонам шоссе в Раву.

В эскадронах кипела работа по чистке, пригонке и т. д. 30-го сентября пошел дождь, 1-го октября погода как будто окончательно испортилась. Все у нас приуныли...

Я знал, что полк отлично может представиться и вполне надеялся на своих офицеров, в этом отношении я был спокоен.

**

Объехав 1-го октября эскадроны и увидев, что все возможное делается правильно, я пригласил всех штаб-офицеров и эскадронных командиров к себе на ранний ужин. Здесь в спокойной беседе были сделаны последние распоряжения.

Смотр был назначен в 9 часов утра. Поэтому я назначил выступление полка в 7 1/2, чтобы прибыть на место в 8 1/2. Генерал Гессе сказал мне, что Государь не любит когда войска долго ждут на месте смотра.

Мы разошлись в 10 часов. Дождь лил, как из ведра и ночь была темная и безветренная. Многие нелестно отзывались о погоде, но меня что-то поддерживало и я не мог не ответить: "Бог не без милости, может быть и разъяснится". Действительно, проснувшись в 4 1/2 часов утра, я вышел посмотреть на погоду: чистое небо, яркие звезды. Все предвещало хороший ясный день.

**

Полк собрался по утреннему холодку, эскадроны бодро и весело отвечали на мое приветствие. Шинели были мирно приторочены и полк красовался новенькими белыми фуражками, черными мундирами и гоговыми конями. Песчаная почва окрестностей Спалы не давала грязи, а после дождей и пыли не было. Полк дошел до места и выстроился развернутым фронтом на просеке, чистенкий и не забрызганный.

В 8 часов 10 минут показался кабриолет, в котором четыре Великих Княжны в сопровождении гувернантки объехали полк. Конечно я им скомандовал "смирно" и они приветливо кивали, проезжая мимо отдававших им честь офицеров.

С правого фланга полка был отлично виден подъезд дворца и стоявшая перед ним группа с свитскими лошадьми. В 9 часов на подъезде показался Государь, а за ним Императрица, Принцесса Ирена, Принц Генрих и их немногочисленная свита. Видно было, как они садились на лошадей и вскоре все тронулись по направлению к полку. Впереди ехал Государь в походной форме лейб-гвардии Уланского Его Величества полка, за ним Императрица и все прочие. Вся картина была удивительно хороша. На просеке старого бора, пронизанного лучами утреннего солнца, и сиявшего искрами от недавнего дождя, чистенький и грозный строй полка, блестящая свита, прекрасные лошади...

Объезд фронта и церемониальный марш прошли в обыденном порядке. Но когда я стоял несколько позади и справа от Государя во время прохождения полка, когда уже проходил 5-й эскадрон, Государь обернулся ко мне и сказал:

"Полк представился прекрасно, лучшего нельзя было бы требовать, даже если бы он не стоял целый месяц на постах".

По окончании прохождения, Их Величества вернулись во дворец, а полку было отпущено по чарке водки и по пирогу из дворцовой кухни. Многие солдаты не стали есть своего пирога, а запаковали их в почтовые пакеты и отправили домой, как дорогой гостинец.

Государь пожелал угостить не только те двенадцать рядов во взводе, которые были на смотру, а весь полк и приказал выдать сверх рубля, полагавшегося за Высочайший смотр, еще 50 копеек на угощение по возвращении в Калиш. Государь лично приказал мне, чтобы эти деньги пошли исключительно на угощение

4-го октября полк выступил на зимнюю стоянку в Калиш. Прекрасная сказка кончилась, надо было приниматься за будничный труд...

Граф Ф. А. Келлер

(Материалы к его биографии)

(Окончание)

С. Топорков

Единственное крупное кавалерийское столкновение во время Великой войны произошло 21 августа 1914 года у деревни Ярославице. Здесь 4-я австро-венгерская кавалерийская дивизия, усиленная пехотою, встретилась с нашей знаменитой 10-й кавалерийской дивизией графа Келлера.

Описание этого боя подробно изложено в труде полк. генеральн. штаба А. Сливинского — "Конный бой 10-й кавалерийской дивизии генерала графа Келлера 8/21 августа 1914 г. у д. Ярославице". Сербия, 1921, а также в очерке Ю. Слезкина "Последний конный бой?", напечатанном в журнале "Часовой" № 66, 1931 г. В нескольких словах, произошло следующее.

Сопровождавшая неприятеля пехота была изрублена Оренбургскими казаками. Одесские уланы, подкрепленные Новгородскими драгунами, схватились с австрийскими уланами и "белыми" драгунами. Бой завершили Ингерманландские гусары, ударившие во фланг противнику и овладевшие его артиллерией. Австрийцы потеряли 800 человек и 8 орудий, мы же — 150 человек. Это был первый славный бой дивизии графа Келлера. Австрийцы, храбро рубившиеся, потеряли затем сердце и после Ярославиц встречи с нашей конницей не имели.

Впоследствии, уже после революции, граф Келлер в Киеве, вкратце рассказав мне об этой атаке, добавил: "Помните ли вы, как я в полку требовал особенной службы передовых эскадронов... Я был извещен своевременно о приближении австро-германцев, передовые эскадроны задержали противника и не подпустили его разведки, выяснили силы и направление развернувшихся эскадронов противника и в то же время сами приняли участие в атаке... А разведовательный дальний эскадрон этого всего никогда бы не сделал... Во время шока один эскадрон противника прошел в наш интервал, я лично это увидел и решил лично поправить дело. Я бросился с ординарцами и с несколькими случайными всадниками во фланг этого эскадрона и смял его".

**

23 сентября 1914 г. граф Келлер был награжден орденом св. Георгия 4-й степени, а 11 мая 1915 г. тем же орденом 3-й степени. Этот последний орден он получил за то, что во главе 3-го конного корпуса 17 марта 1915 г. "атаковал в конном и пешем строю в районе дд. Рухотин, Поляна, Шиловцы, Малинцы 42-ю гонведную пехотную дивизию и бригаду гусар 5-й гонведной кавалерийской дивизии, наступавших на город Хотин, разбил их и, частью уничтожив, взял в плен 33 офицеров, 2100 нижних чинов, 40 походных кухонь, 8 телеграфных вьюков, 27 апреля, выбив противника из тройного ряда окопов с проволочными заграждениями у д. Гремешти на берегу Днестра, прорвался в тыл австрийцев и овладел высотами правого берега ручья Онут у дд. Баламутовки, Ржавинцы и Гремешти, при этом захватил в плен 23 офицеров, 2000 нижних чинов, 6 орудий и 31 зарядных ящика" ("Русский Инвалид", № 215, 1914 г. и № 118, 1915 г.).

Высочайшим приказом 25 апреля 1916 г. "утверждено пожалование за отличие в делах против неприятеля по удостоению местной Думы из лиц имеющих георгиевское оружие — георгиевское оружие командиру 3-го кавалерийского корпуса графу Федору Келлеру за то, что состоя начальником 10-й кавалерийской дивизии, 12 августа 1914 г., в районе дд. Голы — Ковец — Вынески отбросил передовые части противника и затем задержал его превосходные силы, дав этим возможность нашим войскам развернуться в выгодных условиях для атаки позиции на Гнилой Липе. 18 августа, при первых признаках отхода противника, прорвал его расположение и, продолжая параллельное преследование, расстроил сильную немецкую колонну, обратив ее в бегство. 31 августа — 3 сентября организовал преследование противника, отходившего к р. Сану. Рядом боев у се. Язов-Нови. Цинула, г. Яворов и в районе Добромиль — Самбор окончательно его расстроил, захватив 6 орудий, около 600 пленных и обоз, занимавший протяжением около десяти верст. Такое же преследование продолжал до 13 сентября включительно с принуждением арриергардов противника к поспешному отходу и с захватом многочисленных трофеев". ("Русский Инвалид", № 123 от 9 мая 1916 г.).

**

В сводке штаба Верховного Главнокомандующего от 17 июня 1916 г. упомянуто имя графа Келлера: "к югу от Днестра наши войска преследуют неприятеля... В одном из последних боев ранен доблестный генерал граф Келлер" ("Новое Время", № 4469 от 18 июня 1916 г.). В связи с этим известием, в том же номере "Нового Времени" напечатаны две статьи, посвященные гр. Келлеру, за подписями Н. Кравченко и А. Ксюнин, но из статей этих не видно, при каких обстоятельствах был ранен доблестный генерал.

В конце 1914 года, раненый, я был эвакуирован в Царскосельский лазарет Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Императрица в этом лазарете работала как старшая сестра милосердия. Государыня всегда интересовалась жизнью Александрийских гусар на войне. Однажды, разговаривая со мною Ее Величество сказала: "Ваш бывший командир полка граф Келлер делает что-то невероятное. Со своею дивизиею он перешел уже Карпаты и несмотря на то,

что Государь просит его быть осторожнее, он отвечает ему: "иду вперед". Большой он молодец"...

Я ответил, что счастлив от Ее Величества слышать столь ценные и достойные похвалы моему бывшему командиру. В эту минуту я действительно был счастлив.

***

Во начале революции граф Келлер открыто заявил о верности Государю Императору. 5 апреля 1917 г. Временным правительством он был уволен от службы. Сдав командование корпусом, он уехал в г. Харьков.

***

Гражданская война забросила меня в Киев. Завтракая в Коммерческом саду с приятелем и случайно разговаривая о графе Келлере, я увидал вдруг его громадную фигуру в большой коричневой папахе. Он приближался со своим адъютантом. Все военные, находившиеся на веранде и в саду при появлении генерала встали и долго оставались стоять, держа руку под козырек. Везде был шепот: "граф Келлер, граф Келлер...". Все без исключения не военные тоже встали и сняли шляпы. С большим волнением и радостью я поспешил ему навстречу, и мы расцеловались.

И вот что в этот памятный день рассказал мне греф Келлер. "С первых дней революции я никогда не снимал своих погон и значка Александрийского полка, несмотря на то, что был арестован большевиками. Меня с фронта везли под конвоем в Харьков. На одной из станций пришлось долго ждать и я потребовал для себя открыть отдельную комнату 1-го класса на вокзале по праву корпусного командира. Моя внушительная просьба была немедленно исполнена.

"Продолжал я путешествие в купе 1-го класса. Со мной вместе находился часовой, который показался мне симпатичным и мало наблюдал за мною. Я ему предложил стакан вина, на что он с охотой согласился. Я вздремнул и когда проснулся, то часового около меня не было. Поезд подошел к Харькову: я немного подождал, но видя, что все из поезда вышли, я тоже вышел на перрон. Ни часового, ни караула не было. Я один отправился домой на свою квартиру.

"...На первый день Пасхи меня предупредил мой деньщик, что ко мне во двор пришел большевистский эскадрон, чтобы арестовать меня. Я надел полушубок, папаху и вышел. Вахмистр эскардона скомандовал "смирно" и я, видя такой поворот дела, спросил, что им нужно? "Ваше сиятельство", отвечал вахмистр: "вы наш корпусный командир, разрешите поздравить вас с праздником".

— Спасибо, товарищи. — ответил я. — Жаль, что не имею вина вас угостить, другой раз приезжайте.

"Эскадрон ушел и меня долгое время не тревожили".

***

На другой день граф Келлер уехал из Киева, предупредив меня, что через несколько дней снова вернется и вызовет меня к себе. И точно, через несколько дней он вызвал меня через своего адъютанта.

И вот, что он мне сказал. "До сего момента я стоял в стороне от политики, занимался и занимаюсь сейчас своими воспоминаниями о минувшей войне". И он показал мне исписанные карандашом тетради, разбросанные на письменном столе.

"Но теперь сам Бог осенил меня и я считаю своим долгом для родины объединить армии Добровольческую, Астраханскую и Южную. Как думаете вы, могу ли я расчитывать на поддержку? Ведь, кажется, меня хорошо все знают". Я ответил, что кавалерия только в вас верит и одно лишь ваше имя привлечет всех в ряды.

Граф улыбнулся, отнюдь не принимая мои слова за лесть, я слишком далек был льстить тому, кого я хорошо знал.

Увидев нашитые на моем левом рукаве ленты Южной армии, гр. Келлери посоветовал мне их снять, "дабы не быть скомпрометированным впоследствии".

***

Совет Южной армии в составе гр. Бобринского, двух братьев Акацатовых, Кистяковского, при наличии известного Бермонта-Авалова (фактически во главе был герцог Г. Н. Лейхтенбергский), узнав, что я все время провожу с графом Келлером, через меня старался все узнать о графе. Я в то время был штаб-офицером для поручений при бюро формирования Южной армии. Вскоре я понял всю игру Совета с графом Келлером и не считал себя в праве о чем-либо умалчивать и конечно оставался всегда на стороне графа Келлера.

***

Что же происходило в Севете Южной армии, формировавшейся в Киеве в этот момент? Совет искал популярного генерала на пост главнокомандующего. Фигурировало среди кандидатов и имя графа Келлера, который в это время оказался в Киеве, но с совершенно иной задачей, а именно с задачей объединения трех армий. Кандидатуру гр. Келлера на пост главнокомандующего выдвинул министр внутренних дел Украины И. А. Кистяковский. Совет Южной армии был не мало встревожен, ибо гр. Келлер хотел подчинить своим распоряжениям действия правительства. Тем же Кистяковским был поднят вопрос об его замене, и граф Келлер ушел с поста главнокомандующего.

"Я сознавал", пишет герцог Г. Н. Лейхтенбергский: "крайнюю важность для дела и для впечатления у немцев поставить во главе армии популярного русского генерала, но такового не находил. Был граф Келлер, но он не желал идти с немцами, не веря им. Акацатов находил неудобным брать его из-за его немецкой фамилии, я же, лично не зная его тогда, но зная от других его характер, отдавал себе отчет в том, что он был бы не у места: командующий Южной армией должен был быть человеком гибким, умеющим примениться к обстановке, ладить с гетманским пра-

вительством и с немцами, а не выбрасывать открыто монархический флаг, дабы не поставить и тех и других в необходимость прекратить поддержку армии. Требовался политический такт. Прямой, цельный характер графа Келлера конечно не справился бы с этой задачей. И когда позже мы с ним встретились в Киеве, я ему это совершенно высказал, не желая, чтобы он думал, что я его обошел по каким-либо личным соображениям. Позже, после германской революции, уже когда Скоропадский открыто признал русскую ориентацию и дал графу Келлеру почти неограниченные полномочия в организации русских сил, характер гр. Келлера очень быстро сказался превышением данной ему власти и на пятый уже день гетману Скоропадскому пришлось уволить его от должности главнокомандующего, заменив его князем Долгоруким" [1].

⁂

"В своем прощальном приказе граф Келлер объяснил свой уход двумя причинами: 1-я. Могу приложить свои силы и положить голову только для создания великой нераздельной, единой России, а не за отделение от России федеративного государства. 2-я. Считаю, что без единой власти в настоящее время, когда восстание разгорается во всех губерниях, установить спокойствие в стране невозможно" [2].

Покинувши пост главнокомандующего войсками гетмана, "граф Келлер начал подготовлять средства и офицерские кадры для возникшей в октябре 1918 г. в Пскове Северной армии, предназначавшейся для молниеносного захвата Петрограда. Но немецкая революция спутала все карты и армия была по частям разбита прежде, чем гр. Келлер к ней выехал.

"Накануне занятия Киева Петлюрой гр. Келлер по настоянию гетмана опять принял на себя командование войсками обороны. Гетман бежал, штаб обороны тоже; истомленные офицеры отступали и по приказу, единственному приказу, который успел отдать гр. Келлер, сосредоточились у Педагогического музея.

"Сам же главнокомандующий, во главе своего отряда Северной армии, тоже двинулся к сборному пункту, но на Крещатике произошло столкновение с войсками Петлюры и толпа смяла отряд. Вечером остатки отряда собрались в Михайловском монастыре.

"Граф поместился в келье, офицеры в монастырской чайной. На маленьком совещании решено было отпустить остатки отряда, так как сопротивление было бессмысленно. Граф прошел к офицерам.

"Там было около 40 человек. В коротких и теплых выражениях он поблагодарил гг. офицеров, с каждым из них попрощался и со слезами на глазах смотрел, с каким отчаянием уходившие в неизвестность старались испортить оружие и с какою горечью бросали его. Тяжело было всем и слезы на глазах бесстрашного героя разрывали сердце на части.

"Граф ушел в келью. В это время приехал полковник Купфер с германским майором. Последний предложил графу поехать в германскую комендатуру, где он ручался за безопасность. Граф, хотя и владевший прекрасно немецким языком, но глубоко не любивший немцев, по-русски, через переводчика майора Купфера, отказался. Несмотря на отказ, графа почти силой вывели из кельи во двор и довели уже до выхода из ограды. По дороге, по просьбе майора, накинули на графа немецкую шинель и заменили его огромную папаху русской фуражкой, чему он нехотя подчинился. Когда же майор попросил его снять шашку и георгия с шеи, чтобы эти предметы не бросались в глаза при выходе из автомобиля, граф с гневом сбросил с себя шинель и сказал: "Если вы меня хотите одеть совершенно немцем, то я никуда не пойду". После чего он повернулся и ушел обратно в келью. Ни мольбы, ни угрозы не могли уже изменить его решения. Майор пожал плечами, круто повернулся и уехал.

"Граф прилег отдохнуть. Вдруг вбежал монах и говорит, что приехали петлюровцы. Пантелеев бросился в келью графа. На стук в дверь из кельи вышел Пантелеев. Петлюровцы вместе с ним вошли внутрь. Было тихо. Через несколько минут из кельи вышел граф Келлер, Пантелеев и Иванов (его адъютанты), окруженные петлюровцами. Последние держались хорошо, ни грубости, никакого насилия они себе не позволили.

"Граф медленно шел; походка была ровная, спокойная, ни капли волнения нельзя было обнаружить в его фигуре... Арестованных привезли на Софийскую площадь... Вся драма произошла очень быстро.

"Граф и его адъютанты вышли из саней и по приказанию старшего убийцы пошли на панель. Раздались беспорядочные выстрелы, и три мученика безмолвно упали на снег..." [3].

Это произошло в ночь с 20 на 21 декабря.

⁂

"Из газет киевляне узнали об убийстве генерала графа Келлера "при попытке бежать", а также о том, как въехавшему на белом коне Петлюре подносили саблю убитого графа..." [4].

Похоронен граф Федор Артурович Келлер в г. Киеве на Лукьяновке под чужой фамилией.

⁂

1 апреля 1919 г. в г. Зальцведене был сформирован партизанский отряд, который носил название отряда имени генерала графа Келлера. Впоследствии этот отряд развернулся и был переименован, уже в Митаве, в корпус графа Келлера.

---

[1] Герцог Г. Н. Лейхтенбергский. Как началась Южная армия. "Архив русской революции", изд. Гессена. Берлин. Т. 8, стр. 173-174.

[2] Ген. А. И. Деникин. Очерки русской смуты. Т. 5. Берлин, 1926. Стр. 197.

[3] "Гибель русского патриота. Из личных воспоминаний. Николай Нелидов. "Возрождение" (Париж), № 567 от 21 декабря 1926 г.

[4] Р. Гуль. "Киевская эпопея". Арх. русск. револ. Т. 2, стр. 26.

Граф Ф. А. Келлер был женат два раза. Первый раз (с 1882 г.) на баронессе Елизавете Ренне и имел сына, морского офицера, отличившегося в русско-японскую войну в Порт-Артуре. Второй раз (с 1896 г.) на княжне Марии Александровне Мурузи. От этого брака имел сына Бориса, служившего офицером в Добровольческой армии в кавказских туземных частях.

У гр. Ф. А. Келлер был родной брат, участник русско-японской войны 1904-5 гг., Артур Артурович, женатый на г-же Перет, а также двоюродный брат, ген.-лейт. граф Федор Эдуардович Келлер, убитый в ту же войну.

**

После убийства гр. Ф. А. Келлер в Киеве, его жена графиня Мария Александровна, проживала в г. Екатеринодаре и занималась благотворительною деятельностью для Добровольческой армии, а впоследствии, по слухам, находилась в Ново-Лебяжьем монастыре под Екатеринодаром.

Бои на Ковельском направлении в 1916 году

Лейб-гвардии Измайловский полк

М. Голубев

После кровопролитнейших боев на реке Стоходе с 15-го по 21-е июля, у командования Войсками Гвардии (Особая армия) возникла мысль прорыва неприятельского фронта коротким ударом на участке, где бы противник менее всего ожидал этот удар.

В ночь с 22-го на 23-е июля, 1-я и 2-я гвардейские дивизии сделали 35-ти-верстный ночной переход вдоль фронта к северу и расположились в районе деревень Яновка — Навоз. После дневного отдыха полк с наступившей темнотой сменил второочередной 282-й пехотный Александрийский полк и командир полка ген.-майор Шиллинг немедленно же приказал приступить к подготовке плацдарма, с которого полку надлежало атаковать противника.

Позиция, занятая полком, находилась в первичном состоянии, так как никаких фортификационных работ произведено не было.

Три ночи полк лихорадочно работал над приведением занятой позиции в состояние возможное для атаки врага, но земляные работы были далеко не закончены, когда на 26-е июля был назначен штурм неприятельской позиции. Если первую и вторую линии нашего расположения можно было считать подготовленными для выполнения полком возложенной на него задачи, то ходы сообщения, ведущие к этим линиям, по которым в момент атаки должны были вливаться резервы, были готовы только по колено. Во время всех этих работ на позиции находился лишь один батальон от полка, а остальные три батальона работали по устройству плацдарма.

К утру 26-го июля полк имел следующее расположение: в первой линии 3-й батальон, во второй линии 4-й батальон и за ними уступами у шоссе Яновка — Велиц стояли 2-й и 1-й батальоны.

Справа расположения полка находился л.-гв. Семеновский полк, а слева л.-гв. Московский полк и в резерве л.-гв. Егерский полк.

Неприятельская позиция — где в 100 шагах, а где в 400 шагах — тянулась по опушке леса, имевшего в глубину около 3-х верст. Позиция противника имела две линии окопов, защищенных проволочными заграждениями, доходившими в особо важных для обороны местах, до шести шагов в ширину.

С 6 часов 26-го июля началась артиллерийская подготовка атаки. Около 11 1/2 часов весь огонь нашей гаубичной и полевой артиллерии сосредоточился на окопах противника, под прикрытием которого 3-й батальон бросился в атаку, но сейчас же откатился назад, так как проходов в проволоке наша артиллерия не пробила. 4-й батальон двинулся за 3-м и быстро втянулся в ходы сообщения, ведущие к первой линии, но в них принужден был залечь. Так как ходы сообщения были выкопаны глубиною только до колена, то батальону пришлось провести три тяжелых часа под непрерывным обстрелом неприятельской тяжелой и полевой артиллерии, неся потери.

1-й и 2-й батальоны в этот период боя оставались на своих местах.

После неудачной атаки наша артиллерия повторила свою подготовку и в 16 часов 3-й батальон снова бросился в атаку, но принужден был залечь перед проволокою, т. к. она оказалась на участке полка цела. При этом 11-я рота потеряла убитым и буквально повисшим на проволоке своего единственного офицера прапорщика Витковского. Доблесть 3-го батальона была достойна удивления: солдаты рвали проволоку прикладами и руками; в несколько минут проволочное заграждение было усеяно телами славных Измайловцев.

Вот пример порыва и настроения царившего в батальоне: на убитом в этой атаке унтер-офицере 9-й роты было найдено письмо, в котором он пишет своей сестре на родину — "Дорогая сестра. Завтра атака. Перед нами грозный враг весь закрытый проволокой, но мы его уничтожим. Я чувствую, что буду убит завтра. Не плачь, я умру за Веру, Царя и Отечество". Тело этого храбрейшего Измайловца было найдено висящим на проволоке.

Левее 11-й роты в атаку шла 9-я рота под командой штабс-капитана Есимантовского 2-го. Несмотря

на контузию командующего ротой, потерю обоих младших офицеров — поручика барона Шлакельберга и прапорщика Садовского, а также многих нижних чинов, штабс-капитану Есимантовскому удалось перебраться за проволоку и выбить немцев из окопов первой линии.

Как только 3-й батальон двинулся в атаку, 13-я, 14-я и 16-я роты, выскочив из ходов сообщений начали быстрое движение цепями в направлении прорыва за 9-й ротой. До опушки леса было около 800 шагов., и неприятельская артиллерия успела выпустить несколько очередей, но серьезных потерь не причинила. 15-ю роту командующий 4-м батальоном капитан Перский 1-й задержал в первой линии наших окопов до выяснения результатов наступления нашего правого фланга.

Двинутые для поддержки атаки 3-го и 4-го батальонов 2-й и 1-й батальоны были остановлены в самом начале своего движения огнем противника, виной чему был неразработанный плацдарм — главным образом отсутствие ходов сообщений. Первая же из рот, начавшая продвижение вперед, потеряла своего ротного командира штабс-капитана Брофельда 2-го раненым и понесла значительные потери.

Таким образом в лес вошло только четыре роты (9, 13, 14 и 16-я), из которых 9-я рота, проникнувшая первой, быстро двинулась вперед, взяв направление вправо от места прорыва, желая обеспечить правый фланг нашего наступления.

Руководство ротами 4-го батальона в лесу принял на себя поручик Обручев, несмотря на контузию, полученную им в начале боя. Поручик Обручев приказал 16-й роте направиться на поддержку 9-й роты, а 13-ю и 14-ю роты лично повел к месту боя в лесу.

Подход 13-й, 14-й и 16-й рот к нашей 9-й роте и к Московцам влил новый порыв в наши наступающие цепи и дал возможность снова сбить, задержавшегося было, противника. Еще одно напряжение и наши части овладели бы западной опушкой леса, несмотря на большие потери к этому моменту боя.

В это время у отходившего неприятеля началось какое-то движение — отдельные группы противника начали останавливаться и отстреливаться. Ясно почувствовалось изменение обстановки. Действительно, среди деревьев на нашем правом фланге показались ровные, стройно наступавшие цепи свежего германского батальона, державшего направление своего удара на наш обнаженный правый фланг.

Наши цепи начали оттягиваться назад под натиском неприятельской контратаки и достигли во время отхода широкой просеки, шагов около 60 шириной, проходившей через весь лес, где г. г. офицерам удалось их задержать. Получилась короткая задержка. Наши цепи заняли восточную опушку просеки, а противник западную. Офицеры с трудом удерживали своих людей.

Наконец, видя невозможность дальше держаться, поручик Обручев приказал отходить назад и, повернувшись, упал убитым наповал. За несколько минут до смерти поручика Обручева выбыл из строя тяжело раненый командующий 14-й ротой поручик Квашнин. Временно командующий 16-й ротой подпоручик Соколов 2-й был убит еще до начала нашего отхода (командующий 16-й ротой поручик Бенаев, контуженный раньше выбыл из строя).

Отход через лес был очень тяжелым. Непредвиденным затруднением явилось то обстоятельство, что в порыве атаки и за недостатком времени не были обследованы занятые нами окопы противника и отдельно расположенные убежища в самом лесу, в которых притаились неуспевшие бежать одиночные люди. Теперь, при нашем отходе, эти притаившиеся люди стреляли и забрасывали ручными гранатами наши цепи. Этим надо объяснить то, что нельзя было вынести тело поручика Обручева и подпоручика Соколова, а также раненого в голову и ступню подпоручика фон Рихтера.

Наконец, почти при выходе из леса, нашим цепям удалось задержаться и залечь.

В 19 часов наши цепи опять бросились вперед, но из-за отсутствия резервов смогли продвинуться только на полверсты вглубь леса, где обе враждующие стороны остановились. Снова к неприятелю подтянулись свежие подкрепления, и наши цепи начали оттягваться назад. К 20 часам бой начал стихать. Наши цепи удерживали первую линию окопов противника, но после 20 часов было получено приказание занять исходное положение. На поле сражения спустилась темнота. Бой совершенно затих.

Из четырех рот, участвовавших в лесном бою в составе 1000 нижних чинов при 9 офицерах, осталось в строю свыше 300 нижних чинов при одном офицере. Весь же полк насчитывал выбывшими из строя 11 офицеров и около 1000 нижних чинов.

Бой был настолько жестокий, что здоровых пленных почти не было.

Заметки к описанию боя 26 июля 1916 г. у Кухарского леса

Капитан А. Из Лубны-Герцык

Причины неудачи боя.

1) Линии окопов не были прямыми линиями и параллельными между собой, а представляли, особенно в расположении нашего полка, изломанную линию.

При выходе из окопов, направление коих было большей частью не перпендикулярно направлению данному диспозицией для атаки, люди шедшие вперед естественно двигались прямо перед собой. В результате атакующие роты забрали слишком влево и наш правый фланг частью был ослаблен, частью открыт вовсе.

В лесу тоже сбились с направления наши соседи,

части 2-й гвардейской дивизии, забирая вправо, отчего получилась полная неразбериха в лесу и замешательство, распутать которые с таким геройством пытались наши доблестные офицеры. Это замешательство и дало время неприятелю перевести дух и перейти в контрнаступление, нажимая на нас с нашего оголенного фланга. Отход в исходное положение при этих неблагоприятных условиях вызвал естественно лишние потери.

2) Подготовка атаки, произведенная нашей артиллерией, оказалась совершенно недостаточной.

3) Общий план этого наступления был разработан (лучше сказать — совсем не разработан) штабом Войск. Гвардии с преступной халатностью. Я считаю, что мой долг совести это утверждать. Вот тому доказательства.

Во-первых на фронте, предполагаемом для прорыва, кроме полков, занимавших первые линии, и обычных резервов той же численности, как и при позиционной войне, никаких частей не имелось. Слабые резервы (у нас, например, Егерский полк) естественно должны были быстро войти в передовую линию и, кроме этого, сзади не было ни одного штыка (не считая нашего обоза второго разряда!). Таким образом на участке, предназначенном для прорыва неприятельской позиции, не только не было собрано никакого кулака, но даже не было позади роты, которая могла бы, как свежая часть, поддержать атакующих.

Во-вторых, на всем участке не было ни одного кавалериста. Таким образом, задумывая прорыв, штаб Войск Гвардии не подумал даже сосредоточить в тылу (естественно в ближайшем тылу) кавалерию для развития успеха прорыва, чему была полная возможность.

Первые две причины, указанные мною выше (1 и 2) могли бы быть в конце концов, в случае удачи, поблекнуть, но третья причина, которую я иначе как преступлением назвать не могу, погубила все. Тем более наш полк доблестно выполнил свой долг — выбил неприятеля для того, чтобы потом отступить, понеся тяжелые и ненужные потери.

***

Вспоминается эпизод, очень интересный, имевший место по окончании боя. Не зная ничего точно о судьбе офицеров Обручева, фон Рихтера и Соколова (одни утверждали, что они убиты, другие, что ранены и остались в лесу), мы написали немцам письмо, которое было им передано, насколько помню, во время уборки трупов перед окопами. В этом письме мы просили немцев сообщить нам о судьбе этих трех офицеров. На следующий же день, немцы ответили очень любезным письмом, в котором уведомляли, что Обручев и Соколов убиты и погребены сзади их позиций, а фон Рихтер ранен и в плену. К этому письму была прибавлена фраза о том, что они удивляются жестокости русских гвардейцев, которые перекололи сдавшихся в плен немцев.

За приведенное выше содержание письма я ручаюсь, ибо помню его хорошо.

Надо сказать, что действительно, когда наши ворвались в немецкие окопы, то где-то в убежище сдавшиеся было немцы начали стрелять. Это вызвало озлобление наших солдат и они перекололи всех, не взяв ни одного пленного.

Интересно еще отметить, что спустя некоторое время после этого боя нам удалось получить какую-то немецкую газету, в которой я случайно напал на описание Кухарского боя, где, между прочим, была подчеркнута доблесть наших солдат при атаке 26 июля 1916 г. Эта газета сыграла для нас известную роль: я сделал перевод статьи, надлежащим образом засвидетельствовав его, и прилагал копии этого перевода при представлениях к наградам, что увеличивало шансы на успех представлений.

К Кухарскому бою 26 июля 1916 года

Генерал-майор Б. Геруа

В своем дополнении к описанию этого несчастного боя, капитан А. Н. из Лубны-Герцык возлагает ответственность на неудачу атаки Кухарского леса на штаб Войск Гвардии.

Так как я в это время, будучи генерал-квартирмейстером этого штаба, был более чем причастен к оперативной стороне действий Гвардии, мне надлежит также сказать свое слово.

Атака Кухарского леса долженствовала исправить наш фронт на северном берегу реки Стохода и была задумана, как частный эпизод. Задача возложена на один 1-й Гвардейский корпус, сил которого считалось для этого достаточно. При этом условии штаб Войск Гвардии полагал (верно или неверно — вопрос другой), что его вмешательство в организацию атаки должно быть минимальным. Фактически работа по подготовке вообще была выполнена начальником штаба 1-го Гвардейского корпуса, генерал-майором Рыльским, а по артиллерийской части — генерал-лейтенантом Евг. Смысловским.

Рыльский, человек уверенный в себе и очень упрямый, дела из своих рук не выпускал. На совещании, которое состоялось в штабе 1-го Гвардейского корпуса и на котором я присутствовал, не помню, чтобы кому-нибудь удалось внести существенные поправки в план; явными недостатками последнего являлись — стык дивизий (1-й и 2-й) в лесу и такое направление атаки, которое могло привести (и привело) к сквозному прохождению одних через других. Помню, что фронт двух дивизий был под прямым углом и что

на это возможное будущее затруднение в лесу (перекрещивание) было обращено внимание. Но, повторяю, Рыльский был человек, не желавший потерять репутацию "твердости", каковая выдвинула его на войне. (Часто эта твердость вела — в случае Рыльского — к громадным и ненужным потерям).

Лесов атаковать мы вообще не умели. Держать связь в них не учились. Старались действовать так же, как на открытой местности. Грустное обстоятельство это тоже сыграло свою роль.

К сожалению и Смысловский был не на высоте, как руководитель артиллерийской подготовки. Он считал, что по своей должности "Инспектора", он дает лишь общие указания, ставит цели: исполнение, то есть "как", а не "что", отстранил от себя, может быть даже ограждаясь от ответственности в случае неудачи. Эту личную черту Е. К. Смысловского заметили впоследствии, когда была организована Особая армия генерала В. Гурко и Смысловский занял в ней место Инспектора артиллерии.

В результате, нашей артиллерией было проявлено относительно бесцветное решение задачи. Насколько помню, условия наблюдения из леса впереди и из-за отсутствия надлежащей авиации были совершенно неудовлетворительны. Будь они лучше — охват захвативших лес частей мог быть остановлен артиллерийским огнем и, в конце концов, лес остался бы за нами.

Что касается отсутствия конницы, то и сейчас никак не могу себе представить, что она могла сделать, если не предполагалось развивать операцию.

Ограниченностью задачи объясняется и отсутствие сколько-нибудь значительных резервов, на что жалуется капитан Цз Лубны-Герцык. Лейб-Егеря, возможно, должны были быть введены в дело управлением 1-го Гвардейского корпуса. Почему этого не было сделано, сейчас сказать не могу.

В заключение — два общих вопроса.

Первый — это то невыгодное для Гвардии отношение к ней старших штабов, которое обнаружилось в период стоходских боев. Генерал-адъютант Безобразову ставили палки в колеса, а потом свалили неудачу плохо задуманной Ставкой операции всецело на него и на его штаб. Безобразов же действовал слишком "по-барски" и "по-гвардейски", обязуясь исполнить без рассуждений заведомо неисполнимое. Преемник Безобразова, генерал Гурко, что называется, "ругался" со штабом фронта и со Ставкой и неизменно забивал их своей аргументацией, которой, увы, не хватало Безобразову.

В результате, Гурко совершенно подмял под себя старшие штабы и был полным хозяином в своей армии. Ему не отказывали и в резервах, что неизменно делали в отношении Войск Гвардии летом 1916 года.

В конце концов Гурко надавали столько резервов, что Особая армия выросла до размеров Великой Наполеоновской армии 1812-го года (13 корпусов...). И это при условии, что Гурко заставил Ставку отказаться от идеи "решительного" наступления на Владимир-Волынск и оформил задачу ограниченной целью — "боями удерживать противника на своем участке".

В сущности, армия в этот период (сентябрь 1916 г.) занималась не боевой тактикой, а статистикой потерь. Идея Гурко была: долбить, но не разрушать боеспособности своих войск. Как только долбящая единица понесла "довольно потерь", она сменилась другой. Для того и понадобилось 13 корпусов. В то время как боевая линия обозначала шаг на месте, тыл армии по ночам кипел жизнью — все куда-нибудь маршировали. Смена одних частей другими этого требовала.

Второй вопрос — обучение войск действиям в лесах. У нас считалось достаточным послать в войска накануне боя на этот счет инструкцию, наполненную общими местами. Между тем лесные действия требуют особых строев и приемов ориентирования, которым следовало бы учить войска где-нибудь позади боевых линий. Несравненный Суворов всегда поступал так, когда хотел подготовить войска к чему-нибудь новому и не совсем обычному. Тренировка была чисто практическая и вела к механическому, в бою, исполнению того, к чему приучали людей.

Измайловцам суждено было иметь и другой опыт лесного боя — Свинюхи. Будем желать, чтобы кто-нибудь описал бы и этот бой. Интересно было бы затем сделать сравнение и, может быть, полезные выводы.

Висковатов

Е. МОЛЛО

Каждому любителю русской военной старины известно имя Висковатова — составителя "Исторического описания одежды и вооружения российских войск". Известно, что в России существовало два издания этого труда: 1-е издание — так называемый "большой Висковатов" — в 30 частях и 2-е издание — так называемый "малый Висковатов" — доведенное до 19-й части.

Мало кому в зарубежьи однако известно, что в самый разгар Второй Мировой войны 2-е изданье было продолжено и доведено до 34-й части, т. е., на четыре части дальше "большого Висковатова". Прежде чем рассказать об этом, весьма интересном, событии, считаю уместным дать некоторые сведения о первых двух изданиях и о их составителе — Висковатове.

Александр Васильевич Висковатов родился в 1804 году. Воспитывался он в Первом кадетском корпусе, из которого вышел прапорщиком в артиллерию. В

1832 году, к столетнему юбилею своего корпуса, Висковатов составил его исторический очерк. Труд этот обратил на себя внимание Государя, который поручил Висковатову составление капитального труда об одежде и вооружении российских войск.

Выбор Императора Николая I был исключительно удачным — едва ли кому другому был бы под силу такой труд. Следует сказать, что в то время в России военно-историческая наука еще начиналась. Обширные материалы по истории русской армии не только не были изучены, но не были даже извлечены из многочисленных архивов.

Перед Висковатовым стоял колоссальный труд по извлечению из архивов, проверке и систематизации громадных военно-исторических материалов, накопившихся там с незапамятных времен. Работал Висковатов, не щадя сил, проводя дни и ночи над разборкой и сличением материалов. Но Висковатов не ограничивался "бумажной" работой — им было широко использовано обширное собрание образцового обмундирования, сохранившееся при Комиссариатском департаменте военного министерства, а также обмундирование и оружие, хранившееся в собственных арсеналах Государя Императора и Великого Князя Михаила Павловича. Многие предметы, описанные и изображенные в труде Висковатова, по счастью, хранятся и до сего дня в различных русских музеях. Висковатов изучал также многочисленные рисунки военных форм в собственной библиотеке Государя и даже расспрашивал старых военных. Добытые таким образом сведения систематизировались, разделялись по родам оружия, по царствованиям и пр.

Для иллюстрации труда были привлечены многие выдающиеся военные художники того времени, и Висковатов должен был руководить их работой, снабжая их точнейшими сведениями о каждой детали одежды и вооружения.

Результатом этого был военно-исторический труд, подобного которому нет ни у одного другого народа. Он состоит из 30 частей текста и свыше 4000 рисунков. 1-я часть посвящена допетровской Руси и потому органически не связана с остальными частями, посвященными описанию одежды и вооружения регулярной армии. Начиная со 2-й части, материал расположен строго систематически по царствованиям. Каждое царствование начинается перечислением всех воинских частей, существовавших в день вступления на престол нового Государя. Затем даны все перемены в составе и наименовании войск, происшедшие в продолжении царствования, с ссылкой на источники, откуда были заимствованы те или иные сведения. Затем следует описание всех перемен в одежде и вооружении войск, с ссылкой на источники и с указанием на соответствующие рисунки, в следующем порядке: армейская пехота, кавалерия и артиллерия, саперы и пр. Затем в том же порядке — гвардия. Затем военно-учебные заведения. Затем иррегулярные войска. В самом конце давалось описание пожалованных войскам знамен и штандартов, труб и иных знаков отличия, а также вновь учрежденных орденов, медалей и знаков отличия.

Все эти перемены прекрасно иллюстрированы в рисунках, числом свыше 4-х тысяч, что не только значительно облегчает усвоение материала, но придает труду высоко-художественную ценность. По первоначальному замыслу предполагалось делать эти рисунки цветными, но цветное печатание в то время стоило чрезвычайно дорого. Пришлось ограничиться печатанием монохромных литографий. Несколько экземпляров труда, по особым заказам, было раскрашено от руки. Один из таких, раскрашенных экземпляров, некогда принадлежавший Императору Александру II-му, ныне хранится в Артиллерийском Историческом музее в С. Петербурге.

Составлению "Исторического описания одежды и вооружения российских войск" Висковатов посвятил почти всю свою жизнь. В 1857 году Висковатов закончил 30-ю часть, доведя описание до конца царствования своего Благодетеля — Государя Императора Николая Павловича, а 27 февраля 1858 года его не стало.

"Историческое описание одежды и вооружения российских войск" надолго останется основным трудом по истории русской военной формы, без которого не обойтись ни одному тому, кто изучает этот предмет. У Висковатова бывают пропуски, порой бывают и неточности, но в основном этот труд превосходен, особенно принимая во внимание, что со времени его окончания прошло уже более ста лет.

1-е издание труда — "большой Висковатов" — выходило между 1841 и 1862 гг. Начиная с 1857 года стали выходить "Перемены в обмундировании и вооружении войск Российской Императорской Армии с восшествия на престол Государя Императора Александра Николаевича". Труд этот был прямым продолжением труда, начатого Висковатовым. Он выходил отдельными тетрадями, через каждые три-четыре месяца, в весьма ограниченном количестве экземпляров (не более 500) для нужд военного ведомства. К каждой тетради прилагалось несколько хромолитографированных иллюстраций, исполненных по рисункам художника Пиратского. До 1881 года вышло всего 111 тетрадей с приложением 661 литографии.

2-е издание — "малый Висковатов" — начало выходить в 1899 году под наблюдением управляющего делами Технического комитета Главного интендантского управления, тайного советника Верховцева, и было точной копией 1-го издания, но уменьшенного размера. В него предполагалось включить и "Перемены в обмундировании и вооружении войск Российской Императорской Армии", что должно было составить четыре добавочные части, но доведено оно было лишь до 19-й части, которая вышла в 1902 году. Потом, по неизвестным причинам, издание не продолжалось. Подготовительные работы к возобновлению издания начались лишь в 1909 году, причем были заготовлены все рисунки, до 34-й части включительно, но, начавшаяся в 1914 году Первая мировая вой-

на вновь прекратила эти работы. Возобновиться им суждено было уже после революции и при следующих обстоятельствах.

Незадолго до начала Второй мировой войны, сотрудники Артиллерийского Исторического музея в Петербурге заметили, что работающие в музее военные писаря пишут на каких-то листочках бумаги с картинками на обороте. На вопрос, откуда они достали эти листки, был получен ответ, что в подвалах музея стоят целые ящики с подобными листками. По расследованию оказалось, что в подвалах музея хранятся рисунки, заготовленные к неизданным частям 2-го издания Висковатова. В эту тревожную эпоху надвигавшейся войны, в России стали возможными военно-исторические издания, а потому было решено приступить к продолжению 2-го издания Висковатова. Но к этому времени Россия уже была вовлечена в войну. Артиллерийский Исторический музей был эвакуирован в Новосибирск (Новониколаевск). Решение продолжать издание Висковатова, однако, оставлено не было. В 1944 году, после 12-летнего перерыва, вышла 20-я часть "малого Висковатова". За 1944-1945 г.г. в Новосибирске вышло 9 частей. За это время Россия успела разбить Германию и Артиллерийский Исторический музей возвратился на родное пепелище в Кронверк. Там и было закончено 2-е издание, доведенное в 1918 году до 34-й части. Для издания были использованы, найденные в подвалах музея, рисунки. Нехватающие (написанные писарями) были допечатаны. Издание вышло в количестве 400 экземпляров и в продажу не поступало, а было распределено по военным библиотекам.

Воспоминания морского врача

(Продолжение)

Я. КЕФЕЛИ

Давно, еще в С. Петербурге, в десятую годовщину начала русско-японской войны 1904-1905 гг. в "Новом Времени", самой значительной газете российской столицы, был помещен мой фельетон с описанием первого дня этой войны.

Мне хотелось тогда отметить еще и последний день обороны крепости Порт-Артура, описав события, происшедшие на моих глазах в этот значительный день мировой истории. Вскоре начавшаяся Первая мировая война этому помешала. На закате моей жизни я хочу выполнить это, до сих пор кажущееся мне важным, намерение моей молодости.

**

Случайно я был свидетелем того, что происходило на линии обороны в последний день легендарной защиты и как раз в том ее отсеке, куда был направлен удар японцев.

В период времени с первых чисел октября вплоть до 20-го декабря 1904 г. 1-й Морской санитарный отряд, которым я руководил, находился у штаба генерала Горбатовского, за укреплениями III и фортом III.

Прежде чем приступить к описанию событий последнего дня обороны так, как я их помню, и так, какими они прошли перед моими глазами, я должен кратко описать положение, создавшееся предшествующими событиями на трех фронтах 25-верстной линии обороны к этому историческому дню большого международного значения.

Во главе эскадры после 28 июля остался контр-адмирал князь Ухтомский. Позднее его заменил, произведенный в контр-адмиралы, Вирен.

Приморским фронтом руководил контр-адмирал Лощинский, сухопутным — военный инженер и генерального штаба генерал-майор Кондратенко. После его смерти (2-го декабря) на эту должность был назначен генерал-майор Фок.

Северо-восточной частью сухопутного фронта в последние месяцы командовал генерал-майор Горбатовский, а до него — генерал-майор Надеин. Северо-западным — полковник Ирман. Генерального штаба генерал-лейтенант Смирнов был комендантом крепости.

Генерал-лейтенант, и позднее генерал-адъютант Государя Императора, Стессель оставался до конца начальником Квантунского укрепленного района.

Мое изложение не будет военно-историческим обзором специалиста, а лишь наблюдателя различных отрывочных картин, меня поразивших в свое время и сохранившихся в моей памяти до сего дня.

**

Порт-Артур с суши был тесно обложен со средины июля. Как известно, из пяти генеральных штурмов крепости три были направлены на северо-восточный фронт. Это — августовский, октябрьский и последний — декабрьский. И два промежуточных — на северо-западный, главным образом на Высокую Гору. Это — в сентябре и ноябре.

Действия на приморском фронте начались в момент, когда началась собственно русско-японская война, в ночь с 26 на 27 января 1904 года, но они интересовали только флот.

С уходом флота 28 июля для прорыва во Владивосток, приморский фронт потерял свое значение не только для флота, но отчасти и для крепости, которая была тесно обложена с суши. Он оставался резервом для сухопутного фронта.

С утра 29 июля, когда эскадра, после неудачной попытки прорыва, ослабленная в морском сражении с

японским флотом у Шантунга в числе судов, вернулась в Порт-Артур, положение ее стало очень опасным со стороны суши.

Когда же с кораблей были сняты орудия для вооружения крепости, а экипажи и офицеры взяты были для усиления гарнизона, судьба флота была предрешена. Вся надежда на будущее впредь могла опираться только на крепость, а сама крепость — только на Манджурскую армию.

С момента установки неприятелем осадной артиллерии судьба не только эскадры в целом, но и отдельных судов, как механических единиц, была решена окончательно.

В ноябре, когда была взята неприятелем Высокая Гора, стоявшие в Западном бассейне суда, до того только поврежденные перекидной стрельбой, одно за другим стали быстро тонуть в своей гавани.

Фактически флот, и как техническое богатство, и как воинская сила экипажа, уже не существовал к последнему дню обороны крепости Порт-Артур. Если бы генерал Куропаткин и освободил крепость к декабрю месяцу, флота уже восстановить было бы нельзя. Морская война для 1-й Тихоокеанской эскадры почти окончилась с августа и бесповоротно — с ноября.

*

Что касается восточного фронта, то еще в августе на этом фронте крепости японцы хотели прорвать линию обороны. Их одиннадцатисуточный открытый штурм, на участке от форта II до Курганной батареи, без перерыва днем и ночью, успеха не дал. Они понесли колоссальные потери.

В октябрьский штурм их короткий, сильный удар, с 8 утра до 6 дня, сопровождался страшной артиллерийской бомбардировкой по одному и тому же месту. Хотя они опять успеха не имели, но закрепились под гласисами наших укреплений и в наспех вырытых ими окопах. Оттуда они стали вести подземные работы для взрыва этих фортов и укреплений. Однако, благодаря нашим контр-действиям подобного же рода, неприятель в продолжении двух месяцев имел ряд частичных неудач.

Но в средине декабря японцы достигли своего. Наши укрепления, одно за другим, взлетели на воздух. Их растаявшие гарнизоны должны были отступить из развалин и в ночь на 19 декабря уже занимали гребни Владимирской и Митрофаниевской горок (названных так гарнизоном по именам генералов Владимира Горбатовского и Митрофана Надеина, сменявших друг друга в этом секторе крепости), где, кроме простых окопов, ничего не было.

Взорвав форты, неприятель в тот же день и час не мог еще атаковать русских на их новых, очень слабых позициях, так как подступы к этим двум горкам защищало Орлиное Гнездо.

*

За Владимирской Горкой находился перевязочный пункт моего отряда, построенный по моему плану, моими же матросами. Мы сделали эту работу в течение двух-трех недель. К средине ноября ее закончили.

Пункт состоял из шести одинаковых комнат, расположенных рядом, соединенных внутренними ходами. Наружные двери каждой комнаты выходили в долину, находящуюся за Владимирской Горкой. Все сооружение, длиною около 12 метров и шириною в 3 метра, было вставлено в срез склона горы, солидно блиндировано рельсами, шпалами и мешками с землей, имело электрическое освещение и снабжено было телефоном.

Благодаря всему этому пункт был сравнительно хорошо защищен от артиллерийского и ружейного огня. Почти так же была защищена и вся узкая долинка, куда он выходил лицом. В этой же долинке всегда стояли в блиндажах две-три роты моряков, составлявших резерв этого, наиболее подверженного атаке, боевого участка. Тут же были расположены кухни, стояли извозчики, на которых возили раненых в госпиталя.

Эта долина, лежавшая за Владимирской и Митрофаниевской горками, в сторону линии обороны упиралась в Орлиное Гнездо, а в сторону обратную выходила на неровное плоскогорие Старого китайского города. Она была единственной и естественной дорогой, связывавшей центр Старого города со всеми укреплениями, от Курганной батареи до форта II, расположенными на его переферии.

Кроме всего этого, мой пункт имел еще две исключительные особенности.

Во-первых, он отапливался. Среди команды, состоявшей из пятидесяти запасных матросов, в большинстве сибиряков-бородачей, обнаружился прекрасный печник. Он построил из кирпича три голландских печи, дававших равномерное, длительное тепло. Кроме того было особое место для постоянного наличия теплой воды. Это манило к нам в изобилии гостей, приходивших погреться или переспать, либо просто вздремнуть на носилках. Вспоминаю случаи. Переспит у нас молодой офицерик, а на другой день узнаешь, что его уже нет — погиб... Не забыл фамилию одного желторотого мичманка Воронцова-Вельяминова. На общих нарах он спал как-то рядом со мною. Утром я проснулся и спрашиваю у соседей, а где же мичман? — А вот лежит за дверью, говорят. Это лежал его труп. Ночью разбудили, послали в атаку, а через полчаса принесли его убитого и с ним его убитых матросов.

Второй особенностью нашего пункта было то, что стены, потолки и даже полы всех шести комнат были из драгоценного красного дерева...

Случилось это так. Когда я получил личное разрешение генерала Кондратенко построить перевязочный пункт по моему плану в намеченном мною месте, я испросил у него разрешение снять для этого рельсы и шпалы вблизи Курганной батареи, а также реквизировать на товарной станции толстые неоструганные доски, штабели которых нашел там унтер-офицер моего отряда бравый строевой квартирмейстер Перимов, сибиряк и плотник. На реквизицию начальник стан-

нии бумагой потребовал у меня разрешение высшего начальства. Я опять обратился к любезному генералу и получил доски.

Когда обшивали досками внутренность комнат, я решил не обстругивать их (да и рубанков не было!), а для гигиены обелить все известью, потом же просто мыть.

Когда пилили доски, мои матросы столяры жаловались: "Что за собачье дерево в Китае, едва пила берет...". Как-то в разговоре, когда пункт был уже готов, мы показали эти "собачьи" доски какому-то инженеру. Он нам и разъяснил, что это красное дерево, привозится откуда-то с далекого юга и очень дорогое. Мы же эту расточительную роскошь стыдливо скрывали известью. А если бы Артур не пал, наверное был бы начет контроля и на меня и на генерала...

⁂

С начала обороны штаб северо-восточного фронта находился между Владимирской и Митрофаньевской горками в небольшом китайском доме, одиноко стоявшем здесь. В его пристройке-сарае помещался военный перевязочный пункт этого участка обороны.

Когда форт III и укрепление III были взорваны неприятелем, штабная изба оказалась на новой линии передовых окопов. Естественно и штаб и перевязочный пункт при нем не могли оставаться здесь. Да к тому же домик штаба был поврежден попавшим в него снарядом.

Никаких других строений не было вблизи. Тогда генерал Горбатовский решил занять две комнаты в моем перевязочном пункте и комнату с телефоном.

В столь "роскошную" обстановку по моему приглашению переехали и военные врачи из сарая штаба генерала Горбатовского. Замечу, между прочим, что среди этих военных врачей было две "знаменитости", оба милые люди. Один — еврей из запаса, уже немолодой, носивший фамилию Заменгоф; он был родной брат того Заменгофа, тоже доктора, который изобрел международный язык эсперанто. Другой — донской казак, Коклюгин, оказался знаменитостью впоследствии став министром Донского правительства.

Итак, благодаря непосредственному соседству начальника обороны фронта, все то, что с утра 19 декабря происходило в штабе и около него, происходило на моих глазах. Из разговоров самого генерала, его начальника штаба, капитана генерального штаба, кажется, Степанова, по телефону и между собою, я знал почти все о происходящем на линии обороны этого, атакованного японцами, участка вплоть до момента заключения капитуляции и момента внезапного прекращения огня с обеих сторон ровно в 2 часа ночи на 20 декабря 1904 года.

⁂

Пришлось мне отчасти наблюдать к концу обороны боевые действия и на западном фронте, а именно ноябрьский штурм Высокой Горы, то есть в ее трагические дни.

Мои друзья морские врачи Кистяковский и Арнгольд по телефону предложили мне поехать с ними под Высокую во время ее штурма. На нашем фронте было тихо, мы сели в извозчичий экипаж служивший для перевозки раненых и поехали в Новый Город, а оттуда под самую Высокую.

Картина была та же, что и у нас у штаба Горбатовского. По дороге, обстреливаемой не очень часто шрапнелью, шли все время в обе стороны солдаты — в одиночку и небольшими командами. На слегка раздвоенной вершине Высокой все время разрывались снаряды. Это ясно было видно по фонтанам земли. Оттуда неслась очень частая стрельба из ружей и пулеметов. Откуда-то издали слышен был глухой гул японской артиллерии и резкими репликами отвечали им наши ближайшие к Высокой форты и батареи.

Все время навстречу нам несли на носилках и везли на морских белых тележках тяжело раненых. Пачками, по три-четыре человека, ехали на извозчиках легкораненые, разговаривая между собою, как обычные седоки, а не страдающие люди.

Изредка просвистывали пули мимо нас, но повидимому высоко.

Когда мы подъехали к самому подножию Высокой Горы, наступили сумерки, а потом быстро опустилась темная зимняя ночь.

Штаб полковника Ирмана помещался тогда под самой Высокой Горой, на обратном склоне которой шла в этот момент горячая схватка в штыки. Перед штабом Ирмана, как и у нас, вокруг штаба Горбатовского, стояло немного резервов: кучи кухонь, лежали раненые и убитые, стояли извозчики, белые тележки для раненых и вертелся солдатский народ в папахах и шинелях. Было неприятно холодно.

Мы вошли в единственный там дом, который занимал штаб, чтобы разыскать местного начальника врача и предложить ему свои услуги. Надобности в нас особой не оказалось. Как и мы на восточном фронте, так и они на западном, старались скорее эвакуировать и очищать место горячего боя от раненых, элемента вредного на линии борьбы, откуда в случае падения Высокой и уйти было бы невозможно.

Невольно мы стали только зрителями происходившего. Я запомнил несколько картин ближайших к месту боя.

⁂

Стали говорить, что с одной из вершин горы удалось выбить японцев и что можно считать, что борьба за кусочек этой вершины окончилась на этот раз удачно для нас.

В эти дни на Высокой много отличились моряки и между ними, получивший историческую известность, лейтенант Подгурский, который сам метал на вершине Высокой в японцев изобретенные им же ручные гранаты. Мы видели всем нам знакомого соплавателя по эскадре, беседовали с ним и слушали его живые, свежие рассказы о том, что произошло только что над нашими головами, на вершине двухсотметрового крутого холма, на Высокой, откуда почти чудом невредимым спустился лейтенант Подгурский. И в момент

этого рассказа мы все еще слышали канонаду на Высокой, где драма продолжалась.

**

Помещение штаба западного фронта крепости состояло из нескольких комнат, хорошо освещенных электричеством. Единственной мебелью были столы и стулья. Никаких бумаг на столах мы не видали. Несколько беспрерывно звеневших телефонов дополняли картину.

С десяток офицеров и писарей разных рангов озабоченно ходили по комнате. Штаб-офицеры сидели за пустым столом. Мы, втроем, стали в сторонку, наблюдая что происходило здесь, так тесно связанное с тем, что творилось на верхушке холма.

— Приехал генерал Кондратенко... Приехал генерал Кондратенко, — стали говорить вокруг нас. Это не произвело на присутствующих особого впечатления.

Через минуту вошел скромный Роман Исидорович. Никакой решительно помпы не было. Он был в пальто. Поздоровался за руку с офицерами, бывшими в этой комнате, в том числе и с нами (меня он знал) и с полковником Ирманом прошел в другую комнату.

Потом я видел генерала беседовавшего с лейтенантом Подгурским. Оба стояли. Генерал тихим голосом что-то спрашивал, Подгурский оживленно, как и нам, рассказывал.

Вскоре в этой же комнате за столом, за которым сидели три-четыре штаб-офицера, состоялось какое-то совещание с генералом. Мы стояли тут же и слышали разговор, но не прислушивались, тихо перешептываясь между собою.

Кроме генерала Кондратенко и полковника Ирмана я помню за столом сидели: полковник артиллерии Мехмандаров, кавказский татарин, с большой черной бородой Сарданапала и подполковник, стрелок, Сейфулин, сибирский татарин, монгольского склада с жиденькой бороденкой. Оба, подумал я, не только инородцы, как и я, но оба и мусульмане разных рас. Они меня интересовали. Я наблюдал их. Мехмандаров порусски говорил с кавказским акцентом, Сейфулин же хорошо. Кто-то за столом сообщил что-то важное. Подполковник Сейфулин вздохнул и широким крестом перекрестился. Меня это поразило настолько, что уже в Париже, через сорок лет, я рассказал об этом поручику гвардейской артиллерии Сейфулину, его племяннику. Оказалось, что дядя его в зрелом возрасте крестился, приняв православие.

Из впечатлений того вечера помню, что к генералу Кондратенко, и на словах, и в тоне разговора с ним, все относились с любовью и дружелюбностью, а к полковнику Ирману — с боевым восторгом.

Не столько военная деловитость, которая была видна в генерале Кондратенко, а его простота в обращении располагала к нему всех. Речь тихая, простая, не многословная отличала его от большинства адмиралов и генералов, которых я знал. Я по службе познакомился с ним еще в июле, в период боев на Зеленых Горах, так как со своим 1-м морским санитарным отрядом, которым я командовал, состоял в его дивизии. После этого, если я встречал генерала Кондратенко на улице, едущим верхом с ординарцем, тоже на коне, генерал почти всегда приостанавливался и с коня подавал мне руку.

В результате совещания с генералом все были очень довольны одержанным нами успехом на вершине горы и считали, что японская, очень крупная затея, опять не удалась и Высокая остается прочно в наших руках.

Стрельба над нашими головами, несмотря на ночь (было около 10 часов), нисколько не стихала. Хотя дела для нас, врачей, не было, мы были увлечены созерцанием происходящего и уезжать обратно не собирались.

Вдруг в штабе началась очень заметная суета.

— Сейчас приедет начальник укрепленного района... Сейчас приедет генерал Стессель... — пошло из уст в уста. Все заволновались. Забегали писаря и молодые офицеры. Из разных дверей стали показываться начальствующие.

Подходило к полуночи, и хотя никакой официальной церемонии не было, но все подтянулись и ждали появления своего высшего начальника в той комнате, где находились и мы трое.

Дверь распахнулась и в комнату тяжелой походкой вошел большого роста, полный и рыхлый генерал с обнаженной уже головой.

После нескольких приветственных слов по адресу старших (тут был генерал Кондратенко, полковник Ирман — начальник западного фронта) огромная фигура генерала Стесселя остановилась посредине комнаты. Обращась теперь ко всем здесь находящимся, он стал благодарить за отбитие штурма. В довольно несвязной, прерывающейся речи генерал указывал на деяния отдельных лиц, в том числе лейтенанта Подгурского, на роты моряков и отметил доблесть всех участников и начальников. Упомянул он и о службе Государю Императору и родине.

Хотя оратор он плохий, иногда повторял и скандировал слова, но громкий голос, напыщенный слог и личная вера в свои мысли и свои слова, придавали его несвязной, даже путаной речи эффект, который не мог не импонировать слушателям, особенно солдатского уровня. На большой фигуре приподнятая голова и широкие медленные движения больших рук придавали генералу Стесселю скульптурный вид народного генерала-героя.

После общей речи генерал говорил с отдельными лицами и с лейтенантом Подгурским. Помню, очень хвалил моряков. Вообще, с адмиралами, как и с генералом Смирновым, он все время воевал, но с младшими моряками не скупился в похвалах, как бы в противовес их начальникам. Надо отдать справедливость — он был прав в своих суждениях. Во всяком случае, за генералом Стесселем, правдой или неправдой, числится шестимесячная оборона крепости Порт-Артур, а что числится за адмиралами?

***

Как начальник осажденного укрепленного района генерал Стессель имел право награждать офицеров орденами до Владимира 1-й степени. После окончания этой небольшой церемонии благодарности, произшедшей на наших глазах в штабе Ирмана у подножия Высокой Горы, благодарности за действия гарнизона на ее вершине, генерал предложил старшим начальникам представить особо отличившихся к наградам.

Начались представления и награждения, но, мне помнится, тут же орденов не давали, ибо их не было в наличии в Артуре. В процессе этой церемонии, которую мы наблюдали с живым интересом из своего угла, к нам подошел адъютант генерала Стесселя и сказал: "Генерал приказал мне спросить ваши фамилии, господа. Его превосходительство желает наградить вас за содействие в обороне Высокой Горы". Он держал в одной руке блокнот, а в другой карандаш.

В комнате было не много народу; мы стояли против генерала во время его речи и он, конечно, видел нас, трех морских врачей, вместе. Все мы были молоды. Мне было 27 лет, Кистяковскому и Аренгольцу на два года больше чем мне, но только Арнгольд был в штаб-офицерских погонах коллежского ассесора.

Арнгольд, человек высокой морали, которого в шутку на эскадре называли "голландским рыцарем" (его предок голландец был плотником при Петре Великом, и Государь привез его в Россию), ответил адъютанту генерала, что мы здесь лишь зрители и никакого участия не принимали в происшедшем. Адъютант все же настаивал; Арнгольд вежливо просьбу отклонил.

Минут через пять адъютант опять подошел к нам и заявил, что генерал все же желает нас наградить, прося назвать свои фамилии. Арнгольд за нас троих, смеясь, уклонился. Мы тотчас же ушли оттуда в другую комнату, чтобы не попадаться адъютанту на глаза. Должен сознаться, что тогда в глубине души я был зол на Эдуарда Егоровича Арнгольда, а теперь мне смешно и стыдно за это...

***

Днем 19 декабря 1904 года.

Вот что я помню об этом дне, последнем дне перед концом обороны крепости Порт-Артур.

В двух стрелковых полках (помнится это были 13-й и 14-й Восточно-Сибирские стрелковые полки), занимавших Владимирскую и Митрофаниевскую горки оставалось в строю по 100 человек. В резерве у штаба генерала Горбатовского стояло две роты матросов, человек по полтораста.

Уже с утра японцы повели атаку на укрепления Орлиного Гнезда, долбя его вершину артиллерией.

С площадки перевязочного пункта, который стал теперь штабом северо-восточного фронта, мы четко видели Орлиное Гнездо. Оно было в полуверсте, мы видели левый его скат и сторону обращенную к каземату слева от нас. Вершина его все время извергала фонтаны земли и камней. Временами она дымила, как кратер остроголового вулкана. На отточенной его верхушке, меняя места, открывались новые дополнительные кратера. Все удивлялись, как там держатся живые люди. Остроглазые замечали на ней иногда фигуры солдат и матросов, вылезавших из-за камней и вновь исчезавших среди фонтанов земли.

***

Генерал-майор В. Н. Горбатовский, человек лет за пятьдесят, роста выше среднего, брюнет с маленькими баками, спокойный, стоял тут же перед моим перевязочным пунктом и наблюдал все время в бинокль. То же самое делали офицеры его штаба. Несколько офицеров из резерва дополняли эту группу, повернувшись влево в сторону горы.

Свои приказания генерал давал, не отрываясь от бинокля. Они тотчас же передавались по телефону, находившемуся в нескольких шагах, за дверью комнаты. Горбатовский приказывал то одной, то другой батарее поддержать Орлиное Гнездо и обстрелять подступы к нему. Связь с Орлиным по телефону иногда нарушалась, и не знали точно, что там происходит, но не сомневались, что наши пока прочно его держат.

На остальных местах этого участка слышна была обычная стрельба из ружей, пулеметов и пушек.

Все время единицами и пачками подходили раненые. Иногда приносили их на носилках. У меня на пункте их перевязывали. Тяжелораненым навязывали на рукав ленту из красного кумача, чтобы в госпитале на них обратили тотчас же внимание, и отправляли в город, в ближайший к этому месту Красный Крест.

Вообще все те новшества, которые были введены во флоте на судах с началом войны, применялись и у меня на пункте. Мы не трогали повязок, наложенных на фортах или в окопах, стремясь только к скорейшей отправке раненого в госпиталь. Если же раненых приносили не перевязанными, то широко пускали в дело готовые повязки для артиллерийских ранений, каких в армии не было.

Наши тележки для перевозки раненых, переделанные из китайских рикш, имевшие большой успех с начала осады, были в фаворе до последнего дня. Раненый, без перегрузки с носилок в носилки, от места ранения до операционного стола оставался спокойно в тех же носилках, в которые был положен на позиции.

На перевязочном пункте мы не "разводили" хирургии, а совершенствовали эвакуацию. Но центрального руководства в этом деле не было. Инициаторами в действиях медицинской службы на линии обороны являлись сами младшие врачи.

Крепостной же врач завален был бумажной работой по управлению переполненных и убого оборудованных полевых госпиталей. У него не только не было уменья заниматься фронтом, но даже не было времени для этого.

Организация медицинской службы в крепости была во много раз хуже организации крепостной артиллерии, где были начальники участков.

Несколько госпиталей, как, например, Красного Креста, Морской и Сводный военный, существовав-

шие или задуманные еще в мирное время, были хорошо оборудованы и имели хороших опытных хирургов. Заметных же терапевтов в Артуре не было. А между тем еще до появления цынги в крепости был уже сильный брюшной тиф.

Кроме того мы все завшивели, ибо не было мыла, не хватало угля и дров и негде было мыться такому множеству людей. Да и когда они могли бы воспользоваться банею, ведь боевые действия не прерывались ни на один день. Я и мой помощник студент, имевшие возможность жить лучше матросов и солдат, тоже были заедены подлой вошью.

**

Находившиеся на моем перевязочном пункте молодые военные врачи и офицеры штаба и резерва все время шепотом обсуждали с моим помощником студентом Императорской Военно-Медицинской академии Лютинским положение вещей. Все ясно понимали, что конец подходит, что тоненькая ниточка защитников, стоящая за нашей спиной в свежих и плохих окопах на Владимирской горке, не в состоянии удержать, возможный в каждую минуту, натиск неприятеля, сдерживаемый пока только Орлиным Гнездом и окрестными батареями второй линии.

Мы стояли у подножия той самой Владимирской горки, на вершине которой лежала эта защищавшая нас тонкая цепочка. Но как-то, не то по привычке, не то по наивности, или прямо по непониманию происходящего, не доходившего до нашего молодого сознания, никто своих мыслей не высказывал открыто о том, что же будет дальше, может быть завтра или через час-два, когда падет Орлиное Гнездо. А может быть даже через десять минут...

Никто из нас не говорил об этом и, может быть, не думал или старался не думать. Обсуждали мелочи, посмеивались, шутили, острили, потирали руки от холода.

— Ну, Валерьян Валерьянович, к вину и обедать, — весело обратился к моему студенту Лютинскому молодой мичманок, его приятель и сокартежник.

Все вошли в "гостиный двор" и разошлись по магазинам его. Так в шутку называли построенный мною перевязочный пункт, ибо все шесть наружних дверей каждой из перевязочных стояли в ряд, как в магазинах и торговых рядах. С площадки пункт действительно чуть напоминал гостиный двор...

Каждый в своем углу кое-как поел какой-то снеди из солдатского котелка.

**

Еще с утра генерал Горбатовский распорядился послать в помощь Орлиному, куда-то к его подножию, морскую роту, которой командовал лейтенант Гвардейского экипажа Тимирев. Рота спокойно двинулась. Матросы шли гуськом, стараясь держаться склона горок, защищавших их от огня неприятеля. Впереди в черной шинели, с палашом в руке, шел Тимирев, ее командир и ее единственный офицер.

Что делала эта рота моряков и где она действовала, я не знал. Но после обеда, когда генерал и остальные обитатели моего "гостиного двора" находились на площадке и наблюдали за Орлиным или занимались отправкой раненых, мы увидели, что два матроса ведут под руки кого-то без фуражки, видимо раненого. Когда мы подошли, оказалось, что это был лейтенант Тимирев.

Увидев, смотревшего в его сторону, генерала Горбатовского в серой шинели с красной подкладкой, Тимирев освободился из рук его сопровождавших, бодро подошел к генералу и, приложив руку к голове (хотя он был без фуражки), стал рапортовать о действиях и участи своей роты.

Но в каком виде был лейтенант? По лицу Тимирева запыленному и испачканному, со лба текли струйки крови. Волосы обгорели...

Оказалось, что около него в бою вплотную разорвалась ручная бомбочка, брошенная японцем. В результате — ряд раненых и убитых вблизи командира роты. На нем же самом вмиг совершенно сгорели шинель и кожаная куртка, куски меха которой еще висели на нем. Сгорели его черные брюки, мелкие клочья которых торчали из высоких сапог. Остался он в черной тужурке, исчезли фуражка и пальто; на голых ногах рваные белые кальсоны и высокие сапоги... Какая-то исключительная удача — одежда сгорела, а сам он отделался только мелкими кровоточащими ссадинами и потрясением.

Внешний вид обгорелого в бою бравого красавца и рослого гвардейца, рапортовавшего приятным грудным баритоном, и его строевой жанр во время его доклада генералу, поразил всех нас, наблюдавших эту сцену, достойную кисти художника-баталиста.

Лейтенант Тимирев доклада не кончил, зашатался, побледнел и стал валиться навзничь. Мы подбежали, уложили его в носилки. Он скоро пришел в себя и сообщил не отходившему от него генералу очень важные данные о ходе дела на Орлином.

Вот уже прошло полвека и я до сих пор ярко помню эту замечательную сцену. Я многим ее неоднократно рассказывал, между прочим, и кузену этого лейтенанта, моему сослуживцу по Морскому министерству, морскому врачу Петру Сергеевичу Тимиреву. Повторяю и здесь мой рассказ. Нужно, чтобы такие сцены доблести и самообладания не забывались!

**

Орлиное Гнездо с извергающей землю вершиной все еще прочно держалось нашими. Но около двух часов дня вдруг резко, очень резко, как будто в непосредственной близости, началась сильная и беспрерывная стрельба из пулемета. На площадке перед перевязочным пунктом, где в это время почему-то было много народу, различных телег и лошадей, началась страшная суета.

Я вышел на площадку и слышу — пули со свистом беспрерывной лентой летят по долине со стороны Орлиного. Люди бегут под скалы, уходя от дороги в обе стороны, и все указывают руками влево на Орлиное Гнездо. Стоявшие справа от "гостиного двора" походные кухни и извозчики для перевозки ране-

ных, с возницами стегавшими лошадей кнутами, поворачивают вправо и мчатся за небольшую холмистую гряду, чтобы скрыться за ней от свистящих пуль.

Генерал Горбатовский, стоявший около своего штабного магазина отдает какие-то распоряжения. Затем он жестом руки в этой сутолоке показывает, чтобы все стоявшие на площадке вошли бы в комнаты перевязочного пункта. Он сам близко подошел к двери, все время оживленно обмениваясь фразами со своими двумя офицерами, тут же исполнявшими его приказания по телефону.

Мы поняли только одно, что Орлиное занято на верхушке неприятелем и надо ожидать атаки японской пехоты прямо на нас, если не с Орлиного, то слева из оврага, где раньше стояла штабная изба между Владимирской и Митрофаниевской горками. Но так как на обоих холмах стояли наши стрелковые части, то генерал высказывал мнение, что, возможно, на склон Орлиного прополз японский пулеметчик и поливает нас из пулемета.

Пулемет с Орлиного поливал нашу долинку в течение 20 минут и потом, после небольших перерывов, вдруг затих и не повторялся. Что произошло на самом деле на Орлином в эти полчаса так и осталось неизвестным в штабе Горбатовского. Но все были уверены, что это был японец одиночка, или группа, и что он, или они, были убиты нашими стрелками, а может быть и своими же, японскими, снарядами, ибо японская артиллерия стреляла по Орлиному с той же интенсивностью и тогда, когда таинственный пулеметчик охотился на нас с этой горы.

После этого переполоха, случившегося у нас на пункте, все пошло по-старому. В долине перед "гостиным двором" началась прежняя оживленная жизнь ближайшего тыла. В полном смысле слова — ближайшего, так как цепь стрелков сидела в сто-двухстах шагах от нас на холмике, укрывавшем нас от ружейных пуль и бризантной артиллерии. Нас могла накрывать только шрапнель, что она и делала частенько. Но в этот день ее не было в нашей близости.

Когда стихло около перевязочного пункта, к нам вновь пачками стали приносить раненых. Орлиное попрежнему извергало землю...

Видимо генерал узнал что-то новое. Из резерва, стоявшего в блиндажах из шпал и рельс, находившегося рядом и справа от нас, вызвали последнюю роту моряков. Она стала собираться как раз перед самым перевязочным пунктом. Командир ее, лейтенант барон Фитингоф, бородатый брюнет, подошел к генералу, стоявшему на площадке, и после минутного разговора, повел свою роту туда же и так же, как утром лейтенант Тимирев.

19 декабря был одним из самых коротких дней года. День был серый. К вечеру стало холодновато. Нас потянуло под крышу, в тепло "гостиного двора".

Окончившийся благополучно переполох навел всех на на раздумье. Если то, чего мы ждали после стрельбы по нас с Орлиного не свершилось сегодня и полчаса назад, оно может случиться каждую следующую минуту и во всяком случее нам следует ожидать этого в течение ночи или ранним утром.

Это было репетицей того, что, вне всякого сомнения, совершится, а то, что совершится, произойдет именно так. Обстановка подсказывала только это решение. Прорыв к Старому городу, в тыл линии обороны и в тыл батареям второй линии пройдет по нашей долинке мимо перевязочного пункта.

Ввиду общности помещения и личного, уже трехмесячного, знакомства с генералом Горбатовским, его начальником штаба и с офицерами окрестных батарей и резерва, мы знали почти все то, что и им было известно. Иногда мы знали больше, или узнавали скорее от раненых и от приносивших их на пункт. Кроме того была еще одна линия осведомления — это телефон. Но для этого не надо было звонить и спрашивать, а достаточно было снять трубку, приложить ее к уху и слушать. Благодаря техническому дефекту телефонной структуры можно было услышать десяток разговоров на разной степени отдаленности и, прислушиваясь, много узнать.

Генерал и штаб ждали атаки и попытки прорыва к утру.

Должны были готовиться к этому. Но что можно было предпринять?

— Ничего!...

Кругом на версту до китайского города ни одного дома. Одни овраги да кое-где крытые ходы.

Правда, у самого города еще до начала осады были вырыты окопы, но в них не было никакого гарнизона. Так как эта линия окопов у Старого города была много ниже всех окружающих ее холмов, то сопротивление на ней было бы самоубийством, если бы и было кого посадить в эти окопы.

Единственно, что оставалось — это отбиваться возможно дольше на своих местах, что явно можно было измерять часами, но не днями...

Хотя артиллерия второй линии, преимущественно морская, расположенная ближе к центру Старого города, чем наш перевязочный пункт, и артиллерия приморского фронта крепости были в порядке, все же, в случае прорыва в нашем пункте или в других возможных пунктах, батареи этой второй линии были бы обойдены с тылу и выбыли бы из строя. Тогда оставалось только надеяться на приморской фронт крепости, но ему пришлось бы стрелять в общую кашу из своих и японцев.

Главное же, у нас не было пехоты. Хотя официально на 25-ти-верстной линии обороны к последнему дню в строю числилось 25 тысяч человек (пехоты, артиллерии, саперов и моряков), но, как я писал уже, половина из них была больна цынгой и негодна к бою. Эта больная половина в строю только стесняла здоровых и дурно влияла на их психику. Цынга, кроме калеченья рук и ног, всегда сопровождается слабостью и упадком духа больных.

(Продолжение следует)

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

№ 20

НОЯБРЬ **1962** года

СОДЕРЖАНИЕ

«Военно-Исторический Вестник» выходит два раза в год — в мае и ноябре.

Издается на правах рукописи.

Настоящий номер вышел под редакцией **Ю. А. Топоркова.**

ПАРИЖ.

От правления Общества Любителей Русской Военной Старины

"В. И. ВЕСТНИК" можно получать вне Франции по нижеследующим адресам:

АВСТРАЛИЯ. — Член Об-ва и его представитель на Австралию И. М. Перекрист — 31, Roberts Avenue. Randwick-Sydney (N.S.W.).

АНГЛИЯ. — В. В. Барачевский — 23, Alder Grove, London, N.W.2.

ВЕНЕЦУЭЛА. — К. А. Келлнер — Sarria N° 24, Quinta Coromoto, Caracas.

С. А. ШТАТЫ. — Член Об-ва и его представитель на С.А.Ш. — А. Ф. Долгополов — A. Doll, 5954, Barton Ave, Los Angeles 38, (Calif.).

— Член Об-ва и его представитель на Нью-Йорк — Г. В. Месняев — 6-12, 158 Str., Beechhurst 57, (N.Y.).

ИЗДАНИЯ ОБЩЕСТВА

На складе Общества имеется еще небольшое количество нижеследующих изданий Об-ва :

1. — *"Записка о службе А. В. Суворова"* (изд. 1947 г.). Цена 1,00 фр. или 0,25 дол., или 1,15 франка.

2. — Номера *"В. И. Вестника"*, начиная с № 8. Цена — 2,50 фр. или 0,80 дол., или 2,85 фр.

МЕДАЛИ ОБЩЕСТВА

1. — В настоящее время бронзовая Полтавская медаль (1709 - 1959) — высылается немедленно всем заказавшим ее. Что же касается медалей Гвардии-Нарвы (1700 - 1950), Петербурга (1703 - 1953) и Севастополя (1855 - 1955), то с момента получения заказа и до отправки медали может пройти иногда значительный промежуток времени.

2. — Цена Полтавской медали — 8,50 фр. или 2,50 доллара или 9,70 фр.; цена Севастопольской — 9,00 фр., 2,50 долл. и 10,20 фр. Цена медали Гвардии или Петербурга — 12,00 фр., 3 долл. и 13,50 фр.

Все вышеуказанные цены действительны с 1 марта 1963 года. На заказы, полученные до этой даты, действительны старые цены (см. № 19 "В. И. Вестника").

МЕДАЛЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.

Эта пятая юбилейная медаль нашего Об-ва должна была быть получена из Париж. Монет. Двора 26 октября, но неожиданные технические затруднения вызвали задержку ее выпуска приблизительно на четыри недели.

Прием заказов на превый выпуск ее был закрыт 15 августа. Прием заказов на второй выпуск продолжается.

Цена бронзовой медали — 12 фр. или 3,5 долл. или 14 фр., а цена серебряной — 12 фр. или 11 долл. или 14 фр.

Заказы, с обязательным приложением соответствующей суммы, следует адресовать на имя А. В. Щиткова, а для С. А. Соед. Шт. также на имя Александра Федоровича Долгополова и Григория Валерьяновича Месняева (адреса см. выше).

Примечание. Во всех вышеуказанных ценах, первая цена относится к Франции и зоне франка, вторая — ко всем заокеанским странам и третья — ко всем остальным странам. В указанные цены входит стоимость пересылки.

Переписку по делам Общества просят направлять по адресу Льва Николаевича Немирова:
L. Nemiroff, 26-bis, rue de l'Ingénieur Robert-Keller, Paris (15e).

Переписку редакционного характера просят направлять по адресу Юрия Александровича Топоркова: G. Toporkoff, 25, rue Rennequin, Paris (17e).

Заказы на все издания и медали Общества, а также все денежные переводы просят направлять по адресу Александра Васильевича Щиткова (на его почтовый текущий счет Paris № 13694.00 или чеками на его имя):
A. Stchitkoff, 15, rue de Médéah, Paris (14e).

ОТ РЕДАКЦИИ

По поводу всякого рода политических мнений, взглядов и тенденций, какие высказывают иногда авторы в своих статьях и сообщениях, печатающихся в "Военно-Историческом Вестнике", Редакция напоминает, что она рассматривает эти мнения, взгляды и тенденции всецело как личные точки зрения этих авторов. По поводу их Редакция не делает никаких специальных разъяснений и не вступает в переписку.

НЕОБХОДИМЫЕ ИСПРАВЛЕНИЯ В № 19 "В.-И. В."

Страница 7, 2 строка снизу, напеч.: (1889 г.).
след.: (1901 г.).

Страница 11, 2 стр. снизу, напеч.: Гурийским.
след.: Горийским.

Страница 15, 11 и 13 стр. снизу, напеч.: Тимашов
след.: Томашов.

1812 - 1962

ПАМЯТНАЯ МЕДАЛЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
Общества Любителей Русской Военной старины

Фотография снята с пробного оттиска медали.

Некоторые памятные даты в 1963 году

350 ЛЕТ. Избрание первого Царя из Дома Романовых (1613).

200 ЛЕТ. Основание полков в 1763-м году: 16-й гренадерский Мингрельский (старш. 15 авг.); пехотные: 114-й — Новоторжский (30 авг.), 117-й — Ярославский (1 окт.), 33-й — Елецкий, 34-й — Севский, 70-й — Ряжский, 71-й — Белевский, 98-й — Юрьевский и 186-й — Асландузский (15 дек). Рождение адмирала Дм. Никол. Сенявина (6 авг. 1763-апр. 1831). Рождение ген. Я. П. Кульнева (1763-1812).

175 ЛЕТ. Истребление турецкого флота в Днепровском лимане адмиралом принцем Нассау-Зиген и геройская смерть капитана 2 ранга Сакена (июнь 1788). Основание кн. Потемкиным города Николаева (верфи Черноморского флота). Взятие штурмом крепости Очаков (6 дек. 1788). Рождение адмирала Мих. Петр. Лазарева (3 окт. 1788-1851).

150 ЛЕТ. Война за освобождение Европы в 1813 году. Кончина фельдмаршала Кутузова в Бунцлау (6 апр. 1813). Основание пехотных полков в 1813 году: 110-й — Камский (старш. 11 июня), 94-й — Енисейский, 120-й — Серпуховский и 121-й — Пензенский (11 июля). Мир с Персией в Гюлистане (12 дек.).

100 ЛЕТ. Основание пехотных полков в 1863 году: 87-й — Нейшлотский, 88-й — Петровский (старш. 18 июня), 149-й — Черноморский, 150-й — Таманский, 151-й — Пятигорский, 152-й — Владикавказский, 153-й — Бакинский, 154-й — Дербентский, 155-й — Кубинский, 156-й — Елисаветпольский, 157-й — Имеретинский, 158-й — Кутаисский, 159-й — Горийский и 160-й — Абхазский (6 ноября). Начало польского восстания 1863-64 гг.

75 ЛЕТ. Кончина ген. Никол. Мих. Пржевальского, известного исследователя Центральной Азии (31 марта 1831-20 окт. 1888).

25 ЛЕТ. Кончина Главы Российского Императорского Дома Великого Князя Кирилла Владимировича (30 сент. 1876-29 сент. 1938).

Русский народ и война 1812 года

Князь М. Шаховской

В 1812 году Россия отстаивала не только свою независимость, но и права всех европейских держав к тому времени в большей или меньшей доле поглощенных наполеоновской империей. Для защиты от натиска более чем полумиллионной армии великого полководца Россия должна была напречь все свои духовные и материальные силы. Если она вышла победительницей из неравной борьбы, то это не только благодаря климату и пространству, поглотившему Великую Армию, но благодаря всеобщему жертвенному порыву сравнимому с эпохой Смутного времени.

Наполеону казалось достаточным нанести поражение, подобное Фридланду, и русский император сразу же примет его условия и Россия станет опять его покорной союзницей против Англии. Он настолько был охвачен этою мыслью, что даже доводы Коленкура, бывшего французского посла в Петербурге, не могли его разубедить. Он не замечает переменившегося тона императора Александра, сильного сознанием поддержки всей страны в предстоящей борьбе. Наполеону совершенно были чужды переживания русского общества после "позорного" мира в Тильзите, навязавшего ему тяготы континентальной системы прямо противоположной экономическим нуждам страны. Неизбежность войны ощущалась еще до того, как определился разлад между двумя императорами.

Более чуткий чем его противник Александр уловил психологический момент, когда его личное неудовольствие оказалось близким и созвучным национальным интересам России. Наполеон не почувствовал, что с 1811 года у Александра переменился тон: теперь он говорит уже не от себя, но как облеченный доверием всего народа.

Наполеон прекрасно знал, что в случае войны Россия может выставить не более 250 000 человек и при этом не имеет готовых резервов; лишенная поддержки Пруссии и Австрии она способна лишь на оборонительную войну, в которой численное превосходство обеспечивало ему возможность действовать в любом направлении. Можно было вызвать внутренние осложнения и, при содействии поляков, вызвать к жизни независимую Украину.

В русских правительственных кругах прекрасно отдавали себе отчет в необходимости немедленных мер для увеличения военных сил, но прибегнуть к новому набору не позволяло, по словам Александра, уклончивое настроение дворянства. Призыв ополчения, по примеру 1807 г., позволил бы не только проверить общественное настроение, но удовлетворил бы первые нужды армии.

Поэтому наиболее веским аргументом, побудившим Александра покинуть действующую армию, была необходимость его личного воздействия для подъема патриотических чувств. Этой цели отвечал манифест 6 июля 1812 г., указывающий на необходимость поддержки всех сословий для защиты отечества.

"...При всей твердой надежде на храброе наше воинство полагаем мы за необходимо-нужное собрать внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой и в защиту домов, жен и детей каждого и всех.

"...ныне взываем ко всем нашим верноподданным, ко всем сословиям и состояниям духовным и мирским, приглашая их вместе с нами единодушным и общим восстанием содействовать против всех вражеских замыслов и покушений. Да найдет он на каждом шаге верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не внимая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина..."

При посещении Москвы государь воочию мог убедиться, насколько был велик подъем русского народа. В то же время он счел нужным уточнить значение ополчения манифестом 18 июля, определившим, что созыв коснется лишь некоторых губерний, разделенных на три округа: 1-й — Московская, Тверская, Ярославская, Владимирская, Рязанская, Тульская, Калужская и Смоленская губернии; 2-й — Петербургская и Новгородская; 3-й — Казанская, Нижегородская, Пензенская, Костромская, Симбирская и Вятская губернии. Манифест подчеркивает при этом:

"...вся составляемая ныне внутренняя сила не есть милиция или рекрутский набор, но временное верных сынов России ополчение, устрояемое из предосторожности в подкрепление войскам и для надежнейшего охранения отечества. Каждый из военачальников и воинов при новом звании сохраняет прежнее, даже не принуждается к перемене одежды, и по прошествии надобности, т. е. по изгнании неприятеля из земли нашей, всяк возвратится с честию и славою в первобытное свое состояние и к прежним своим обязанностям..."

Насколько призыв государя был услышан можно судить по тому, что потребовалось вмешательство Ростопчина, московского градоначальника, запретившего графу Моркову, командующему московским ополчением, принимать воспитанников военно-сиротских отделений. В народе, поступивших в ополчение, называли "жертвенниками", т. е. шедшими не по приказу, а по духовному влечению.

Сословные претензии должны были теперь исчезнуть. Как выразился один из участников дворянского собрания в Москве: "Теперь не время рассуждать — надобно действовать. Россия должна выдержать сильную борьбу. Двинемся сотнями тысяч, вооружимся чем можем..."

Сбор ополчения затронул 16 губерний и дал: 1-й округ 133 401 чел., 2-й округ — 25 371 чел., 3-й округ — 43 659; итого — 204 130 чел. Из них составлено 71 пехотных полка, 2 батальона, 9 бригад, 13 конных полков и 3 сотни.

Некоторые ополчения, как-то, Петербургское, Новгородское, Московское и Смоленское очень скоро могли быть включены в состав действующей армии. Витгенштейн восторженно отзывается об их поведении в бою. О самоотверженном же поведении Смоленского ополчения в Бородинском бою свидетельствует ген.-квартирмейстер 2-й Западной армии Вистицкий, который пишет следующее:

"Смоленское ополчение было разделено по полкам и в позиции было поставлено за строевыми войсками; они (ополченцы) во время сражения выбегали даже вперед фронта к стрелкам и выхватывали почти из рук неприятеля своих раненых, относили их туда, где назначено было им место, сие делали с таким усердием и мужеством, что многие из них были побиты; они сохранили раненых несколько тысяч человек, а без них раненые должны были почти все погибнуть, ибо строевых солдат на такое многое число нельзя было отделить. Главнокомандующий кн. Кутузов во время сего сражения со слезами благодарил смоленское ополчение за их усердие и мужество".

Таким образом обращение правительства к стране принесло свои плоды. Благодаря народному ополчению кризис резервов был ликвидирован менее чем в три месяца. Несколько позже ополчению было поручено обеспечить блокаду Москвы, а затем, во время отступления неприятеля, очищать от него занятую территорию.

Опасения утверждавших — "мы еще не выросли для народной войны" — не оправдались. После посещения государем Москвы война начинает принимать

"всенародный характер". Одни давали деньги, другие — продовольствие, третьи гнали в армию лошадей и скот.

В начале войны многие боялись, что Наполеон попытается увлечь крестьянские массы обещанием свободы от крепостной зависимости. Опасения оказались неосновательными. Крестьянин с первых же дней убедился, что он имеет дело не с союзником, а с победителем, посягающим на цельность русского государства.

В пограничных губерниях не могли не знать о том, что французские войска выступили в Литве на защиту помещиков-поляков от восставших крестьян. Один из участников похода признается:

"Литовские жители встречали французов не как освободителей, а как победитеей. Очевидно Литва была не особенно довольна присоединением к своему прежнему отечеству — Польше".

Не лучше дело обстояло на Украине, где пропаганда Наполеона не имела успеха.

Насильственный характер вторжения, фуражиры и мародеры, на почве недостатка продовольствия, все это, с первых же дней возбудило среди крестьян озлобление против врага, вследствие чего явилась полная невозможность для неприятельской армии жить за счет страны. Уход населения действовал подавляюще на наполеоновских солдат и лишал возможности ориентироваться. "Мы идем, как в тумане...", писал Коленкур.

Патриотический подъем русской армии передавался населению. "Поречье, первый старый российский город, — пишет Ермолов в своих "Записках", — представший нам на пути в долговерменном нашем отступлении... Здесь в Смоленской губернии, приняли нас, как избавителей. Невозможно было изъявить ни более ненависти и злобы к неприятелю, ни более усердия к нам: жители предлагали содействовать, не жалея собственности, не щадя самой жизни".

Позже, как видно из донесения Винценгероде императору Александру I от 19 августа, в окрестностях того же Поречья действует уже партизанский отряд под начальством купца Минчикова.

"16-го числа сего месяца послал я слабый отряд, состоящий из 15 казаков, под командой офицера Перикова для наблюдения за корпусом ген. Пино, который был отряжен с пехотною дивизию и 3-мя конными полками из Смоленка к Витебску и который следуя за мной, взял свое направленье на Поречье. Храбрый сей казацкий офицер начал тем, что сорвал неприятельский пикет, состоящий из 10 рядовых и присоединился к жителям Поречья, которые по приближении неприятеля оставили город и бросились в близлежащие леса; потом, когда неприятельские колонны проходили чрез город, то казаки вместе с жителями напали на арьергард и взяли 105 чел. в плен, которых они и привели ко мне; с нашей стороны при сем случае ранили только двух мужиков и убили лошадь у казака.

"Накануне сего происшествия купец Минчиков того же города привел ко мне адъютанта ген. Пино со всеми его депешами. Минчиков, быв вспомоществуем несколькими мужиками, взял его в плен. Хотя главнокамандующий и наградил его георгиевским крестом, однако же я щитаю долгом испрашивать высокомонаршего воззрения, как для него, так и для казацкого офицера Перикова.

"Крестьяне в это время действуют чаще всего в индивид по одиночке. Один из них рассказывал:

— Сперва мы боялись бить французов, чтобы нас за это не потянули в суд; когда и удавалось в одиночку загубить нехристя, то прятали окаянных в колодцах и под солому. Ну, уж как пришел приказ из губернского и нам исправник сказал: — Ребята, бей француза напропалую — тогда-то мы и развернулись...".

Об инициативе, проявленной местной властью в Смоленской губернии, можно судить по донесению сычевского предводителя дворянства Н. Нахимова.

"... За должное поставляю донести, что неприятель, проходя к Москве от Смоленска Вяземскую округу, входил разными отделениями и в Сычевскую, делал убийства, грабительства, сжигал дома господские и имения крестьян, скот, лошадей и все имущество забирал с собой, даже и храмы Божие не оставались без ограбления; но как по приближении неприятеля, по распоряжению моему, были вооружены в каждом селении крестьяне пиками, учредя по очереди из оных конные разъезды, которые слыша или заметя о неприятеле, должны немедленно являться к назначенному месту, при том убеждая, что за веру, отечество и августейшего государя нашего не должно щадить жизни, что столько на их сердце подействовало по расторопности г. исправника, и к тому видя и слыша ужасные разорения неприятелей, что при каждом появлении оных не только с стремлением стекались вооруженные пиками, но даже с косами и кольями, и по команде исправника, окружа не страшась пуль и штыков, бросались на неприятелей, поражали их, в плен брали, а иногда рассеивали и делали нападения на неприятельские отряды. С 19 числа августа по 25 октября убито нашими 1760 чел., в том числе штаб и обер-офицеров 6, в плен взято 1009, в том числе обер-офицеров 5 с унтер-офицерами; с нашей стороны крестьян убито 97, ранено 221 чел. Доставшиеся ружья от неприятелей розданы участвующим крестьянам и обращались на поражение их, а в недостатке пороха и пуль мною и исправником снабжались..."

С взятием Смоленска количество крестьянских отрядов увеличилось. Среди их предводителей можно встретить представителей всех сословий: солдата Четвертакова, дворянина Энгрельгардта (расстрелян французами в Смоленске), отставного майора кн. Мещерского и пр. Каждый из них действовал самостоятельно без определенного плана, руководствуясь одним правилом — бить врага при всяком удобном случае.

Между тем, с военной точки зрения тесное сотрудничество между народными силами и действующей ар-

ией не могло не отразиться на ходе войны. Лихой гусар Денис Давыдов первый сделал практический вывод из проблемы пространства, способствовавшей не только распылению армии противника, но и ослаблявшей его связь с продовольственными базами. Многочисленные отряды, по премуществу из казаков, оперируя в тылу Великой Армии, могут не только дезорганизовать ее снабжение, но в то же время поддержать взявшихся за оружие крестьян.

"Партизанская война" — пишет он в своих Записках — "объемлет и пересекает все протяжение путей, от тыла противной армии до того пространства земли, которое определено на снабжение ее войсками, пропитанием и зарядами, через что, заграждая течение источника ее силы и существования, она подвергает ее ударам своей армии, обессиленную, голодную, обезоруженную и лишенную спасительных уз подчиненности. Вот партизанская война в полном смысле слова... Но это мало, нравственная часть едва ли уступает вещественной части этого рода действий. Поднятие упавшего духа жителей тех областей, которые находятся в тылу неприятельской армии".

Мысль понравилась Кутузову, принявшему в это время командование, но в предвидении генерального сражения он соглашается дать Давыдову отряд лишь в 130 человек.

Прежде чем приступить к действию Давыдов делает все, чтобы заручиться поддержкой населения, которое держит его в известности всех передвижений неприятеля. Между тем Кутузов, совершив блестящий обходный марш, приближается к Тарутину. Наполеон в Москве ожидает со дня на день от Александра просьбу о мире. Кутузов в этим дни олицетворяет для всех спасительный маяк, на который устремлены взоры всех русских людей. Приведем, для примера, небольшую выдержку из письма 26 сентября Кутузову предводителя дворянства Полтавской губернии Д. П. Трощинского:

"...Чего медлите вы? Пригласите все сии губернии к вооружению, ревность наградит потерянное время. Все готовы, а в две недели ополчится более 100 000 войска, когда в один месяц, и не при столь бедственной крайности, Малая Россия вывела на границы свои до 60 тыс., большею частью конных казаков. Вы — вождь, приобревший доверенность всех состояний, они ждут слова вашего. Не коснитесь! Уверьтесь примером нашим в общей готовности жертвовать всем за царя и отечество".

План у фельдмаршала уже намечен и он излагает его в письме Витгенштейну от 20 сентября.

"Поелику ныне осеннее время наступает, через что движения большою армиею делаются совершенно затруднительными, наиболее с многочисленною артиллериею при ней находящеюся, то и решился (я), избегая генерального боя, вести малую войну; ибо разделенные силы неприятеля и оплошность его подают мне более способов истребить его и для того находясь ныне в 50 верстах от Москвы с главными силами, отделяю я от себя немаловажные части в направлении к Можайску, Вязьме и Смоленску. Кроме сего вооружены ополчения Калужское, Рязанское, Владимирское и Ярославское, имеющие все свои направления к поражению неприятеля".

Осуществить мысль, высказанную Давыдовым в широком масштабе, Кутузов решил во время трехнедельного пребывания в Леташевке под впечатлением встречи с Фигнером. Со слов Ермолова произошло следующее.

Фигнер явился к нему поздно ночью, прося доложить главнокомандующему о своем намерении убить Наполеона и тем самым положить конец войне и всем бедствиям России. Для выполнения ему нужно было 8 казаков и гарантию, что, в случае гибели его, семья будет обеспечена. Несмотря на то, что была уже полночь, Ермолов разбудил Кутузова. После долгого раздумья Кутузов сказал: "Как разрешить! Если бы я или ты стали лично драться с Наполеоном явно... Но ведь тут выходит, как бы разрешить из-за угла пустить камнем в Наполеона. Удастся ли Фигнеру, скажут, не он убил Наполеона, а я или ты..." А потом, подумав, прибавил, развяв руки и сделав ими жест, когда предложенного не отклоняют и не принимают... "Христос с ним, пусть возьмет себе осьмерых казаков на общем положении о партизанах".

Фигнер не осуществил своего фантастического намерения, но успел три раза побывать в Москве и должен был ограничиться наблюдениями, которые сообщил вернувшись 20 сентября в армию. К этому времени Кутузов христупил к осуществлению "малой войны" и дал Фигнеру отряд в 200 человек для действий на Можайской дороге. Фигнер усилил его охотниками и отсталыми солдатами. С помощью подмосковных крестьян он скоро стал грозой для мародеров и мелких отрядов. Дерзость его не знала границ. Несколько раз бывал он окружен, но всякий раз ему удавалось ускользнуть.

Подвиги его имели настолько выдающийся характер, что Кутузов послал ему засвидельствовать свою благодарность, вновь рекомендуя при этом, узнавать о действительных силах противника и о месте его пребывания. Фигнер исполнил это пожелание своевременно, сообщив Кутузову об изолированности французского авангарда под начальством Мюрата, стоявшего под Тарутиным.

"Капитан Фигнер не совершил блистательных предприятий, но оказал весьма полезные услуги: он прошел через все французские заставы и получил то сведение, которое много побудило фельдмаршала приступить к назначенным завтра операциям", сообщает Вильсон из главной квартиры.

При отступлении неприятеля Фигнер не дает ему покоя. Вместе с Сеславиным он отбивает целый транспорт с драгоценностями, награбленными в Москве. В деле 27 ноября при с. Ляхове партии Давыдова, Сеславина и Фигнера, при содействии партизанского отряда гр. Орлова-Денисова, атаковали французского генерала Ожеро, имевшего под своим начальством

бригаду пехоты с кавалерией, и после непродолжительного боя, принудили ее положить оружие.

В письме жене (25 октября) Кутузов так отзывается о Фигнере: "...он человек необыкновенный: я не видал столь высокой души: он фанатик в храбрости и в патриотизме; Бог знает, чего он не предпримет".

Журнал военных действий при штабе Кутузова позволяет судить о значительности сил, направленных Кутузовым на пути сообщения неприятеля. "Занимаемый ныне армиею укрепленный лагерь на правом берегу Нары при Тарутине позволяет отделять от иной значущие партии, которым предписано иметь в виду не только истребление неприятельских мародеров и фуражиров и обеспокоивание неприятеля, но которые силою своею должны быть в состоянии наносить ему чувствительный вред, который ему в настоящее время тем более ощутителен, что он претерпевает сильнейший недостаток в фураже и провианте, простирающийся до того, что в неприятельской армии, по единогласному уверению пленных, употребляют в пищу лошадиное мясо, не взирая на то, что мяса еще более у них имеется, чем хлеба".

Кутузовым было послано (26-27 сентября) три партии партизанов. Первой партии под начальством Дорохова (усиленной отрядом кн. Вадбольского) "...назначено, истребив неприятельские укрепления в Верее, действовать в пространстве между Гжатском и Можайском". Второй партии, под командою Фигнера, приказано действовать между Можайском и Москвою. Третья партия поручена была кн. Кудашеву, коему дано было направление на Серпуховскую дорогу к стороне Подольска.

"Все разосланные партии хотя и находятся в различных от армии направлениях, но не менее того составляют между собою непрерывную связь, что удобно видеть можно, сообразя взаимное их положение. От Смоленска до Гжаска действует подполковник Давыдов... Удачные нападения на неприятеля и множество пленных, доставшихся сим начальникам в то время, когда они имели малые токмо отряды, ручаются за верный и надежный успех, который им ныне предстоит, тем более, что теперь партии их противу прежних гораздо сильнее и что они, как выше упомянуть, находятся между собою в связи и действуют согласно по одному плану и к одной цели.

"...Неоднократно уже являются крестьяне из многих селений близ мест расположения армии находящихся, испрашивая усиленно ружей с патронами для защиты от неприятеля. Они уже истребили их не малое число и при всякой встрече, решительно нападая на врагов, не сходят с места, не разбив оных совершенно. Между прочим, крестьяне Боровского уезда слободы Каменской соединились под присягою для общего своего защищения с тем, что им положено жестокое наказание на случай, если бы кто из них оказался трусом, или бы изменил друг другу. По мере возможности просьбы сих почтенных крестьян удовлетворяются и им дают ружья и пистолеты".

Помимо того, на Тверской дороге действует отряд Винценгероде, который, опираясь на Тверское и частично Владимирское ополчения, сковывал значительные силы французов. На Коломенской дороге — Ефремов; у Волоколамска — Бенкендорф; к северу от Можайска — Чернозубов. С приходом казачьих полков с Дона были посланы на подкрепление полки Иловайского 4-го, Иловайского 9-го и Иловайского 12-го и образованы крупные отряды Орлова-Денисова и Ожаровского. В составе летучих отрядов действовало: 36 казачьих полков, команда конной артиллерии, 7 кавалерийских и 5 пехотных полков, 300 егерей и 22 полковых орудия.

Кроме того почти каждая деревня вокруг Москвы и вдоль всей Смоленской дороги имела свой партизанский отряд. Некоторые из них представляли из себя внушительную силу. Например отряд Герасима Курина, действовавший в Богородском уезде насчитывал от пяти до восьми тыс. человек, из них — 500 конных партизан; он отваживался на бой по всем правилам военного искусства. В районе Гжатска отряд Четвертакова — 4 тыс. чел.; под самой Москвой — солдат Федор Потапов (Самусь) имел 3 тыс. партизан. Среди более мелких вождей прославилась Василиса Кожина.

Соединенные действия легких отрядов и партизан за месяц вывели из строя 30 тыс. французских солдат. Наполеону приходилось серьезно считаться с ними не только как с угрозой его путям снабжения, но как с явлением вносящем деморализацию в его разноплеменную армию. "Подтвердите мое повеление" — приказывает он — "чтобы из Смоленска не отправляли ни одного транспорта, иначе как под начальством штаб-офицера и под прикрытием 1500 человек... Напишите королю неополитанскому, командующему кавалерией, что последняя должна всецело прикрывать фуражиров и обеспечивать от нападения казаков отряды, отправляемые за продовольствием..." В том же приказе он говорит, что Ней теряет ежедневно больше людей, чем в одно сражение и предписывает наладить службу фуражиров, не удаляя их слишком далеко от войск.

Москва оказывалась охваченной двумя кольцами, состоящими из легких войск — партизан и ополченцев. Наполеон чувствовал, как они постепенно суживаются и должен был признать, что теперь менее чем когда-либо Александр склонен идти на мирные переговоры. Покинуть Москву Наполеон решился, когда Тарутинский бой неопровержимо показал готовность русской армии перейти в наступление. Попытка проскользнуть на Калугу не осуществилась именно потому, что ни одно движение французской армии не проходило незамеченным партизанами. Поиск Сеславина под Боровском позволил обнаружить главные силы французской армии, и предупрежденный своевременно Кутузов преградил ей путь под Малоярославцем.

Начинается последний этап кампании, который по замыслу Кутузова должен окончательно обезсилить противника и привести его в ловушку на берегах Березины. Вплоть до Вислы легкие отряды и казаки со-

путствуют Великой Армии, заскакивая вперед и лишая ее предвиденных складов.

Участники отступления согласно говорят о гнетущем, подавленном состоянии, в которое их приводил пронзительный казачий гик, раздававшийся то в голове, то в хвосте колонны. Горе тем, кто пытался отойти от дороги в поисках продовольствия — их поджидали партизанские вилы и топор...

"Отряд возчиков и обозных служителей послан был на фуражировку. В полночь часть их вернулась с небольшим количеством соломы и известием, что их товарищи попали в плен к казакам. С другой стороны прибежали два полураздетых запыхавшихся солдата, которые рассказали со смертельным ужасом, что они отошли вечером от большой дороги поискать себе пропитание, но подверглись в одной деревне нападению мужиков, вооруженных пиками и топорами. Их окружили, большинство их товарищей закололи на месте, а сами они с большим трудом избежали опасности" (Росс).

Голод, ежеминутная опасность постепенно превращали некогда грозную армию в многоязычное скопище людей, единственной заботой которых было утолить голод и найти ночлег. Когда же настали холода, то место бивуаков стали покрываться рядами окоченелых мертвецов. Такова общая картина.

В прочем, Давыдов, беспристрастный к врагу, отмечает, что отряды подобные его имели успех лишь против расстроенного противника. "...Подошла старая гвардия, посреди коей находился сам Наполеон... мы вскочили на коней и снова явились у большой дороги. Неприятель, увидя шумные толпы наши взял ружье под курок и гордо продолжал путь, не прибавляя шагу. Сколько не покушались мы отторгнуть хотя одного рядового от этих сомкнутых колонн, но они, как гранитные, пренебрегая всеми усилиями нашими, оставались невредимы: я никогда не забуду свободную поступь и грозную осанку сих, всеми родами смерти испытанных, воинов. Осененные высокими медвежьими шапками, в синих мундирах, белых ремнях с красными султанами и эполетами, они казались маковым цветом среди снежного поля... Командуя одними казаками, мы жужжали вокруг сменявшихся колонн неприятельских, у коих отбивали отстававшие обозы и орудия, иногда отрывали рассыпаные или растянутые по дороге взводы, но колонны оставались невредимыми... Полковники, офицеры, урядники, многие простые казаки устремлялись на неприятеля, но все было тщетно. Колонны двигались одна за другою, отгоняя нас ружейными выстрелами и издеваясь нашим вокруг них бесполезным наездничеством... Гвардия с Наполеоном прошла посреди казаков наших, как стопушечный корабль между рыбачьими лодками".

Давыдов не исключение. Уважение к противнику свойственно людям того времени и они проявляли его и словом и делом. Не раз бывало, что крестьяне подбирали и отогревали замерзших французских солдат. Должно при этом заметить, что никто из пленных не винил своего императора в постигшей их печальной участи. Винили кого угодно, но только не его.

Невольно при этом ставится вопрос, заданный еще Пушкиным:

> Надменный! Кто тебя подвигнул?
> Кто обуял твой дивный ум?
> Как сердца русских не постигнул
> Ты с высоты отважных дум?

Казалось бы опыт еще не оконченной испанской войны должен был послужить предостережением Наполеону. Правда, его заботил вопрос, возьмется ли русский крестьянин за оружие, но это было лишь соображение, которому он не придавал особого значения. Испанские "гверильясы" несмотря на свою доблесть и английскую помощь оказались лишенными кадров и оружия; их сопротивление затягивало войну, но не имело решающего значения. Главное — полагал Наполеон — быть превосходным в силах, а это казалось ему обеспеченным. К тому же он расчитывал в нужную минуту вызвать какой-нибудь сословный протест... Вместо этого он встретил в России непоколебимую волю к сопротивлению.

"Русская любовь к родине не похожа ни на какую другую. Она чужда всякой рассудочности; она — вся в ощущении. С одного конца России до другого она проявляется одним и тем же способом — решительно все выражают ее одинаково; это не расчет, это ощущение, и это ощущение — молния. Бороться и все принести в жертву, огнем и мечом, вот в чем сила этой молнии. Вступать в сделку с неприятелем — такая мысль не умещается в русской голове. Никакое примирение невозможно, ни о каком сближении не хотят и слышать..." (Фабер).

Наполеон не предвидел взаимодействия между армией и партизанами, установленного Кутузовым, благодаря чему Великая Армия оказалась обессиленной с самого начала отступления. Заметим попутно, что в нашей военной литературе часто смешивают два понятия — называют партизанами летучие отряды и тех, кто по праву могут считаться таковыми, а именно народные отряды. Некоторые историки старались доказать, что победа 12-го года дело только одного народа. В этом утверждении кроется недоговоренность, лишающая Отечественную войну ее настоящего значения, она была и останется в нашей истории примером редко повторяющегося единения власти и народа.

Москва в 1812 году

(От А. А. Попова, через Л. А. Гринберга — оба члены Общества Люб. Русск. Воен. Старины — в Редакцию "Воен.-Ист. Вестника" поступило несколько рукописных трудов, автором которых был военный писатель и бывший наш посланник в Брюсселе и посол в Париже и Берлине — князь Николай Алексеевич Орлов (1828-1885). Флигель-адъютант и полковник л.-гв. Конного полка, он был тяжело ранен при штурме кр. Силистрия в 1854 году. Долгое излечение от раны побудило его заняться военно-историческими трудами и сбором материалов необходимых для этого. Среди бумаг и рукописей, поступивших в распоряжение Редакции есть небольшая статья анонимного автора, имеющая отношение к войне 1812 года. Написана она несомненно очевидцем и участником событий. В этом описании есть много интересных мелочей и подробностей, которые лишний раз дополняют ту историческую картину "достопамятного Двенадцатого года", какую мы знаем по многочисленным другим свидетельствам очевидцев. Публикуется эта рукопись впервые. Ю. Т.).

В России была эпоха, какой еще не бывало, именно эпоха 1812, 1813, 1814 и 1815 годов. В эту эпоху Полководец-завоеватель, вторгшийся с многочисленным воинством в пределы ее, не устоял против победоносного Российского воинства. Чтобы судить об этой эпохе с надлежащей точки зрения, прежде всего необходимо обратиться к предшествовавшему времени этой знаменитой для России эпохи, купленной жертвами великими и событиями беспримерного единодушия всех подданных, ознаменовавших себя пламенною любовью к Царю и Отечеству.

Пред тем временем блестящие кампании с Портою, Швецией и в Польше в царствование Великой Екатерины, в Италии при Императоре Павле Петровиче и в Грузии при Благословенном Императоре Александре Павловиче, возвеличили славу и оружие России и даровали ей великих полководцев: Румянцева и Суворова. Рассказы ветеранов о военных подвигах сих великих мужей произвели глубокое впечатление на соотечественников и вместе с тем вселяли в народе предубеждение ко всему иноплеменному: все не исповедывавшие православной веры признавались тогда басурманами и нехристью.

Появление Наполеона на поприще гражданском и военном во Франции со всеми его блестящими успехами признавались в народе за пришествие Антихриста; толкованиям апокалипсиса, выводам для точного признания Наполеона за Антихриста не было конца. Для разуверения в этом народа, читан был манифест в церквах; набор милиции не уничтожил этого предубеждения. Аустерлицкое дело и мир в Тильзите с Наполеоном навели грустное впечатление в народе: все чего-то ожидали; приготовления правительства к 1812 году, движение и формирование войск усугубили это ожидание, осуществившееся вторжением Наполеона в Россию.

Умы, напитанные уже противу всего иноземного потрясены были этим неприятельским вторжением, видимая опасность Отечества породила единодушное восстание на защиту его, страх быть покоренным чуждому владычеству до того был велик, что никто не думал ни о каких распрях, расчетах, мысли всех заняты были одним спасением Отечества, ибо громадное вторжение военных сил Наполеона должно было разрешить — быть или не быть России.

Прибытие покойного Императора Александра Павловича из Смоленска в Москву еще более воспламенило дух в народе; тысячи по Смоленскому тракту пустились пешком навстречу Государю; дорога пространством более нежели на десять верст наполнена была толпами народа, дождавшегося до глубокой почи Высочайшего прибытия; но Его Величество, пробыв за две станции от Москвы до часу пополуночи, изволил въехать в Москву, когда народ разошелся уже по домам.

С раннего утра другого дня разлилась весть, что Государь в Москве, со всех концов ее спешили жители в Кремль, где стеклось невыразимое число народа, так что на всех площадях кремлевских от тесноты не только пройти, но и руки поднять было невозможно; на скамейках, подмостках, крышах соборных, на Ивановской колокольне, повсюду был народ, ожидавший выхода Императора на Красное Крыльцо при шествии в Успенский собор; для этого хотя и были устроены подмостки, но при появлении Благославенного народ с благоговейным восторженным чувством преданности хлынул и уронил подмостки, так что небольшое пространство от Красного Крыльца до Успенского собора много потребовало для Императора времени пройти оное, ибо Его Величество на всяком шагу встречал изъявление пламенного усердия подданных пролить кровь свою, пожертвовать избыток достояния в защиту его и отечества; на площадке же южных дверей собора преосвященный красноречивый архиепископ Августин приветствовал Императора сильною речью, выражавшею очевидное и горячее усердие народа, указывая притом на беспрерывное народное восторжение, убеждал Императора ополчиться духом и мужеством к преодолению врага. Государь Император пламенною восторженностью народа и произнесенными словами преосвященного Августина до того был тронут, что с рыданием от слез вступил в храм Успенского собора для принесения мольбы Всевышнему о ниспослании благословения на Российское воинство. Видя это, народ умилился не находил пределов своей восторженности. Так согрета была душа каждого русского.

На другой день прибытия Императора объявлено было дворянству и купечеству собраться в Слободской дворец, куда спешили все: в одной из зал того дворца собралось дворянство, в другой зале — купечество. Государь, войдя в первую залу, объявил опасное положение отечества и просил содействия к преодолению неприятеля; дворянство единодушно изъявило готовность на службу отечеству и вместе с тем дать десятого из крестьян своих на составление ополчения, обмундировать оное и продольствовать три месяца на свой счет; Государь изъяснил дворянству признательность свою за эту жертву; потом войдя к купечеству, объявил также положение отечества; купечество выразило готовность не только жертвовать достоянием, но и жизнью; Государь, оставшись доволен этим вызывом, отозвался, чтобы они выдали денежное пособие, кто сколько может; тут же не выходя из залы началась подписка; кто 100.000 р., кто 50.000, кто 25.000, кто 10.000 руб. подписали в пожертвование и если кто подписывал несоразмерно менее своего достояния, того останавливали сами купцы и убеждали подписать сообразно его капитала. Таково было одушевление русских для защиты своего отечества.

В продолжение этого кратковременного пребывания в Москве Государя Императора Великий Князь Константин Павлович, прибыв в Москву, привез известие о занятии Смоленска французами; известие это побудило жителей Москвы удалить из оной свои семейства, а пожитки укладывать в кладовые, закладывать их кирпичами, в том убеждении, что Москва не может быть взята неприятелем и что скорее можно подвергнуться на дороге грабежу нежели в Москве, ибо афиши, ежедневно Главнокомандующим тогда в Москве графом Ростопчиным объявляемые, подкрепляли в этой мысли москвичей. Собрание этих афишей в целом составляет прелюбопытный факт; например, он писал, что у него болели глаза, отчего он смотрел в один глаз, а теперь смотрит в оба и не препятствует никому выезжать из Москвы; или за день до вступления неприятеля в Москву писал, что он подымет образ Иверской Божией Матери и пойдет с ним на Поклонную гору навстречу врагу, то объявлял дружине Московской вооружиться, кто чем может, топором, вилами, косами и тому подобными оружиями.

Между тем народ ничем более не занимался, как только сведениями о войне; бюллетени о военных действиях печатались тысячами экземпляров, разносились мальчиками и продавались по 5 копеек. Все экземпляры раскупались мгновенно. Эти известия приводили жителей не в уныние, но в восторженность быть готовыми на все; курьера из армии встречали у заставы и провожали до дома графа Ростопчина на Лубянке, который, выходя на балкон своею манерою, ему только свойственною, высказывал народу военные события, воспламенял народный дух, и каждый запасался оружием, кто покупал оное, кто безденежно в последнее время брал из арсенала. Повсюду ежедневно народ сходился толпами, толковал и рассуждал о деле по своему понятию.

Деятельным сотрудником графа Ростопчина к воспламенению народного духа был издатель "Русского Вестника", Сергей Глинка. Имя его почти забыто, но кто знал его подвиги добра и его безграничную преданность Престолу и Отечеству, тот его никогда не забудет. Ему граф Ростопчин вручил 300.000 руб. в его безотчетное распоряжение и он не истратил из них ни копейки и возвратил графу. Всю жизнь свою этот великий патриот помогал бедным и умер в крайней бедности.

В описываемое время всякий иностранец, худо объяснявшийся на русском языке, почитался врагом и шпионом, подвергался побоям и представлялся к начальству; сцены эти были весьма нередки. Граф Ростопчин всех иностранцев, не принявших российского подданства, принужден был отправить из Москвы на барках в Нижний Новгород, тем же иностранцам, кои были российскими подданными, предписал носить на шляпах медные кресты, объявив, чтобы с сим знаком, хотя не русского происхождения, но подданных Государя, никто не обижал.

Ожесточение против иностранцев не имело границ: повар графа Ростопчина, происхождением француз, покупая в Охотном ряду провизию для графского стола, по неосторожности сказал мяснику: вот придет сюда Наполеон, задаст вам перцу; мясник с товарищами, не смотря на то, что француз графский, приколотили его порядком, отвели к графу, граф тотчас приказал повара отправить на Болотскую площадь и высечь его плетьми.

Незадолго перед тем временем, когда Наполеон приготовлялся вторгнуться в Россию, в иностранных журналах была напечатана прокламация его к князьям Рейнского союза, в которой выразился он, что прежде шести месяцев две северные столицы увидят в стенах своих победителя; прокламация эта переведена была на русский язык купеческим сыном Верещагиным; нельзя себе представить быстроты, с какою переписывалась эта прокламация одним у другого; переводчик взят был под стражу и сделался жертвою своей неосторожности. Последствия этого объяснятся ниже.

Бородинское сражение усугубило тревожное положение московских жителей, умы воспламенены были местью к неприятелю; кратковременный приезд из армии графа Платова, рассказы графа Ростопчина питали мысль москвичей, что столица не будет взята неприятелем, все ожидали чего-то необычайного.

От Драгомиловской заставы до Головинского дворца беспрерывно тянулись обывательские подводы с ранеными под Бородиным, из ран их текла кровь, между больными, помещенными на крестьянских телегах, были уже мертвые; картина была поразительная. В то же время 8.000 или 9.000 подвод собрано было на площадях для отправления из Москвы дел присутственных мест и драгоценностей Московских, удобных к вывозу; в церквах колокольни все были заперты, но служба в них продолжалась. Москва пустела.

Накануне вступления в Москву неприятельских войск, появились наши воины, загоревшие от зноя и пыли, но на вид мужественые и бодрые; жители и торговцы винами, фруктами и тому подобными продуктами всякого охотно и безденежно ссужали; кто же не соглашался брать безденежно, тому представлялось на волю, что угодно заплатить.

По улицам московским видна была толпа молодых людей во фраках при саблях; в тихих местах города слышна была пальба из пушек с поля сражения. К вечеру зарево бивака армии с одной стороны, вагенбурга армии с другой стороны осветило кругом Москву; улицы были пусты, тишина в них была необыкновенная и представляла совершенное опустение. В это безмолвие часть армии отдаленными улицами ретировалась чрез Москву. В пороховых магазинах у Симонова монастыря порох частью подорвали, частью нагрузили на барки на Москве реке и вместе с свинцом потопили; комиссариатские вещи, нагруженные на барках отплыли по Москве реке не более 10 верст и были сожжены.

По вступлении неприятеля в Москву остались в ней или дворники при домах или такие, которые не имели возможности выехать, или искатели приключений, или праздношатающиеся; вообще, по словам очевидцев, они едва ли составляли 10.000 человек. Неприятельские войска еще не вошли в город, но кладовые во многих домах закладенные кирпичами уже были разломаны. Тишина и спокойствие города не были нарушены.

Богослужение в редких церквах было слышно, полиция с 12 часов пополуночи из Москвы вышла. Граф Ростопчин, как бы для осмотра города, сел в своем доме на дрожки и отдал на жертву народу вышеупомянутого купеческого сына Верещагина, как изменника; народ в озлоблении умертвил его, таская труп по улицам.

Неприятельские войска едва вступили в Драгомиловскую заставу, ряды уже пылали огнем; к 4-м часам пополудни французы добрались до Кремля; Замоскворечье объято было пламенем. Между тем на даче князя Репнина по Калужской дороге в 6 верстах, под большим секретом устраивался будто бы огромной величины воздушный шар, даже известно было на одной фабрике сработано было несколько тысяч аршин шелковой плотной материи для него. По слухам шар готовился для поражения неприятеля, но шара никто из московских обывателей не видал и проникнуть этой тайны было невозможно. Что сделалось с этим шаром и какое сделано из него употребление, остается до сих пор загадкою.

В день вступления французов в Москву по дорогам из нее заблаговременно выехавшие кареты, коляски, повозки, дрожки, простые телеги тянулись беспрерывно. Пешие с корзинами, узлами, тележками, на коих возят на реку мыть белье; их везли муж с женою, ведя притом за руки детей, кои могли итти, а те, которые не могли ходить, привязаны были на багаже тележки за руки, чтобы не упали. По дороге от тесноты невозможно было ехать рысью; стечение путешественников так было велико, что походило на крестный ход.

Куда не приезжали московские путешественники, везде находили, что жители тех городов семейства свои с имуществом уже отправили далее, отчего москвичи не встречали в помещениях затруднения и следовательно большой траты в расходах. Когда же Наполеон по занятии Москвы движением своих войск остановился, тогда жители провинциальных городов с московских изгнанников получали уже за помещения достаточную плату, которая предпочиталась возвращению собственных семейств в домы. При таком полукочующем положении москвичей они ежедневно сходились вместе, с умилением (sic!) взирали на пожар Москвы, зарево коего видимо было далее 100 верст, и были очень равнодушны к своему несчастью, продавая серебряные вещи или что-нибудь другое почти за ничто для своего существования безропотно.

Незадолго пред вступлением неприятеля в Москву армия чрезвычайно нуждалась в панталонах и шинелях, ибо многие полки, при беспрестанной ретираде, потеряли свои полковые фуры. В Москве все без изъятия портные занимались шитьем панталон и шинелей. Комиссариат беспрестанно отправлял готовые панталоны и шинели в главную квартиру армии, по распределению которой раздавались оные в дивизии.

При этом случилось довольно странное происшествие. Комиссариатский чиновник во время трехдневного Бородинского сражения, раздавая по назначению в дивизии панталоны, оставил для одной из назначенных дивизий три воза панталон и приказал служителю и извозчику не двигаться с места, на котором они были поставлены, пока он по сдаче в другие дивизии вещей не возвратится. По исполнении сего, чиновник, возвращаясь к месту, где оставлены были извозчик с служителем и панталонами, нашел, что место это занято было уже французами, и панталоны с служителем и извозчиком попали в руки неприятеля. Чиновник, получив квитанцию в сданных им по дивизиям панталонах и шинелях и свидетельство из главной квартиры в том, что три воза с панталонами перехвачены неприятельскими войсками, явился к начальству своему с сими документами. Генерал-кригс-комиссар изъявил свое неудовольствие чиновнику, а как он оправдывался своею невинностью, то генерал-кригс-комиссар выразился: "Не велика была бы потеря, если бы чиновник сам попал в плен, но потерять 1.800 панталон, когда армия без штанов, составляет уже потерю важную, в особенности тогда, когда и заменить ее нечем".

По Коломенскому тракту комиссариатским начальством на каждых 10 верстах были устроены станции для продовольствия больных, предназначенных к вывозу из Москвы в Коломну, где предполагалось устроить госпиталь; окрестные поселяне пекли хлебы и варили мясо и кашу. Но так как Москва неожиданно была сдана, то больным было объявлено, кто может следовать, следовал бы по Коломенскому тракту, и те

из них, которые могли идти или двигаться, отправились по упомянутому тракту, а труднобольные остались в Головинском дворце в добычу или плен неприятелю, а их оставалось по слухам до 4.000 человек, и так как движение первых последовало вдруг, следовательно по приходе их на учрежденные станции не было никакой возможности продовольствовать их порядком, к тому же и жители деревень все разбежались. От всего этого произошло, что раненые, кто что успел, то и брал; кто мяса, кто печеного хлеба, кто каши, кто круп, кто муки, кто остался без ничего.

Такой беспорядок был на каждой станции, ибо раненых несколько тысяч приходило вдруг. Этот тревожный беспорядок усугублялся со стороны раненых опасностью, чтобы не настиг неприятель и продолжался до самой Коломны, которая первоначально находилась не в безопасном положении и потому всех больных, там стекшихся, по неимению подвод посадили и положили на барки и отправили их по Оке в Касимов.

Таким образом в Касиме находилось раненых до 35.000 человек. Они размещены были в городе и по уездам Касимовскому и Елатомскому. В Касимове, среди площади, учреждена была больница, куда все те раненые, кои могли ходить, приходили ежедневно для перевязки ран; труднобольным солдатам, штаб и обер-офицерам оказываема была медицинская помощь на квартирах.

Здесь-то показал деятельность и искусство свое лейб-медик Лодер, с самого утра до поздней ночи, переходя из дома в дом, совершал он самые трудные операции отнятием рук и ног у раненых.

Генерал-кригс-комиссар весь день не сходил с площади, каждого солдата спрашивал, перевязана ли рана и, когда нет, посылал перевязать в упомянутую больницу. Беспрестанно он ходил по квартирам, где размещены были раненые. Размещение их было по 20 человек в квартире. За продовольствием из каждой артели ежедневно ходил солдат в контору. Хлеб отпускался печеный; мясо и крупа не вареные по весу и изготовлялись уже самими солдатами на квартирах. Безрукие и безногие на деревяшках солдаты, имея при себе товарища, ходили бодро и весело в контору для получения дневного продовольствия, как будто гордились, что судьба наградила их счастьем лишиться членов па спасении отечества: в таком настроении была любовь к нему.

Сколь не велико было стечение раненых, никакого происшествия, нарушающего спокойствие, не случилось. За порядком наблюдал один только, в виде временного коменданта, присланный из Главной Квартиры майор Соколов.

С начала учреждения в Касимове госпиталя, то-есть с 15 сентября 1812 года по 1-е число января 1813, отравлено было выздоровевших воинов до 25.000 человек в действующую армию. Сами солдаты с незалеченными совершенно ранами являлись на сборное место, чтобы отправиться в армию. Умилительно было смотреть, как солдаты, показывая незаживленные раны свои, уверяли начальство, что хотя на левой или на правой руке простреленная насквозь ладонь не совсем зажила и что пока он дойдет до армии, она заживет, или что на правой руке указательный палец хотя и оторван, но что это не препятствует ему заряжать ружье, показывая на деле шомполом и взводя и спуская курок у ружья остальными на руке пальцами, или вырванные на ноге и руке икры не препятствовали продолжать службу, прибавляя: что ж нам здесь без дела сидет?

При таком самоотвержении солдат, в чистую отставку вышли из 35.000 человек не более 1.600 человек: прочие все, как сказано, поступили большею частью в строевую армейскую службу и небольшая часть, именно 5.000 или 6.000 поступили в гарнизоны или служащие инвалиды; умерших же едва простиралось до 1.500 человек. Такова была любовь к Царю и Отечеству, такова и бережливость в людях.

Между тем крестьяне явили с своей стороны чудеса храбрости. Они не имея возможности удалиться в отдаленные губернии, по большей части со скотом и пожитками своими скрывались в лесах, и когда французские фуражиры являлись в пустые селения для фуражировки в небольших отрядах, крестьяне смело их уничтожали, так что фуражировка сделалась для неприятельской армии невозможною. Многие из крестьян, отличившиеся храбростью, получили медали и кресты св. Георгия и на шляпы в знак отличия бархатные черные ленты с золотою вышивкою: "1812 год".

Те же из московских жителей, кои оставались в Москве и принимали участие в распоряжении чуждой власти, в посрамление по выходе из Москвы Наполеона каждодневно выводились в Китай-город очищать улицы и разбирать развалины пожарищ. В числе их к сожалению были люди именитые из купечества. Их всех избавил от наказания Всемилостивейший манифест от 30-го августа 1814 года.

„Воздушный корабль"

(Один из эпизодов Отечественной войны 1812 года)

В сообщении "Москва в 1812 году", напечатанном выше, упомянут мало известный эпизод Отечественной войны, а именно — постройка в окрестностях Москвы воздушного шара, с целью бомбардировать с воздуха наполеоновскую армию приближавшуюся к Первопрестольной. Анонимный автор сообщения, упоминая об этом эпизоде, говорит, что постройка воздушного шара делалась в секрете, и что сталось впоследствии с этим шаром, "остается до сих пор загадкою".

А между тем попытка соорудить подобный шар в 1812 году — исторический факт, который мы хотим напомнить нашим читателям. Историю постройки его автор этой заметки почерпнул из переписки Императора Александра I с московским губернатором Н. В. Обресковым, а затем с графом Ф. В. Ростопчиным, опубликованной в декабрьской книжке "Русской Старины" за 1877 год, а также из двух классических описаний Отечественной войны 1812 года — А. Михайловского-Данилевского и М. Богдановича и из рассказа гр. Аракчеева ген.-ад. Исленьеву, напечатанного в "Русском Архиве" за 1869 год.

**

Изобретателем и строителем этого воздушного корабля, который предназначался для истребления неприятельских армий и уничтожения крепостей, был некто — Франц Леппих, родившийся в Мюдвсгейме в Германии в 1775 году.

Почти вся жизнь его протекала в скитаниях, разного рода бедствиях и неудачных попытках обогатиться путем разных изобретений. Чтобы чем-нибудь существовать он, разъезжая по Европе, показывал за деньги "панмелодикон", особого рода фортепиано собственного изобретения, и с ним, наконец, попал в Париж. Желая снискать щедрые милости у Наполеона, он предложил ему свой проект устройства воздушного шара, посредством которого можно было бы в военное время бросать на неприятельские армии разрывные снаряды.

Наполеон отнесся к нему, как к шарлатану и выслал его из Франции. Узнав затем, что Леппих намеревается делать опыты в Тюбингене, приказал воротить его. Испуганный изобретатель, весною 1812 года, обратился к нашему посланнику при штутгардском дворе Алопеусу с предложением своих услуг русскому правительству.

В конце марта того же года Алопеус, через секретаря посольства Шредера, уведомил графа Румянцева о предложении Леппиха для сообщения о том Императору Александру I. Государь отнесся к этому предложению с вниманием и повелел Леппиха и его рабочих отправить в Россию.

14-го мая прапорщик Иордан привез Леппиха в Москву и передал его, с собственноручным письмом Императора, московскому губернатору Обрескову. Государь поручил ему тайно поместить Леппиха в окрестностях столицы, не сообщая о том главнокомандующему, графу Гудовичу. Местом пребывания Леппиха и его рабочих было выбрано село Воронцово, принадлежавшее князю Н. Г. Репнину, в шести верстах от Москвы, по Калужской дороге. Сам Леппих назвался доктором Шмидтом, а прапорщик Иордан — Фейхнером. В письме Государь, между прочим, писал: "Я нахожу полезным для лучшего успеха дела, чтобы вы сообщили лично наедине графу Ростопчину все бумаги от меня к вам доставленные и действовали совокупно с ним, к довершению сего предприятия, продолжая однако же сохранять по оному непроницаемую тайну".

Граф Ростопчин, увлеченный фантастическим замыслом Леппиха, оказывал ему самое ревностное покровительство, в полной уверенности, что его и значительные издержки казны будут вознаграждены блестящим успехом.

"...Не въезжая в город (Леппих и рабочие) были провезены проселочными дорогами на место, где устраивается машина", писал Ростопчин Государю. "Леппиху нужно 5.000 аршин тафты, на 20 тысяч спирту и на такую же сумму железных опилок. Я пробуду у него долго и мне очень приятно познакомиться с человеком благодаря изобретению которого военное ремесло станет бесполезным; освободится род человеческий от своего адского губителя, а Вы сделаетесь вершителем судеб государей и государств и благодетелем человечества" (письмо от 7 мая 1812 г.).

"...Министр финансов сообщил мне указ об отпуске под мою расписку 100 тыс. рублей. Из них я взял 62 тысячи в возмещение заплаченного Леппиху", доносил Ростопчин Государю в письме от 30 июня, добавляя при этом: "Я совершенно уверен в успехе. Я подружился с Леппихом, который меня тоже полюбил, а машину его люблю, как мое собственное дитя. Леппих предлагает мне сделать в ним путешествие на ней; но я не могу решиться на это без Вашего позволения, хотя повод хорош: Ваша слава и спасение Европы".

В письме от 5 июля Ростопчин пишет: "...Вчерашний вечер провел у Леппиха. Он в восхищении от неожиданного открытия: это железные скатанные листы, в замену железных опилок; при них требуется вчетверо меньше купоросу для газа и можно против прежнего вдесятеро скорее наполнить шар".

"Большая машина будет готова к 15 августа. Через десять дней он сделает в малом размере опыт с крыльями. Ограда, в которой он начнет собирать части, поспеет к тому времени и тогда я помещу там на житье двух офицеров и 50 солдат дабы, на случай чего, сторожить днем и ночью. Я дам также Леппиху артиллерийского офицера; ему будет поручено наполнить два ящика с истребительным веществом, которое Леппих возьмет с собою и в конце месяца надо будет образовать ему команду в 50 человек. Мне кажется, лучше будет взять солдат и хорошего офицера, которые, прежде чем отправиться в армию, обучатся и привыкнут управлять крыльями. Испрашиваю на то Ваше Величество. Леппих уж взял 72 тыс., хотя большая часть нужных вещей оплачена и остается половина купленного купороса.

"Не могу надивиться деятельности и усердию Леппиха. Он встает первый и ложится последний. Рабочие трудятся по 17 часов в день и в мастерской у него слишком сто человек. Теперь говорят, что это нового устройства корабль, который будет ходить под водою. Через 6 недель увидят, что он ходит поверху. Леппих изобрел копье: древко — пустое внутри, в 6 аршин длиною, гораздо легче, удобнее и прочнее казачьих пик. Изготовление очень легко, и потому не

найдете ли нужным послать на образец в казачьи полки, которые будут набираться?"

Прошел месяц, армии Наполеона продолжали продвигаться вглубь России. "У меня две руки и жизнь, посвященная Вам, и я попрошу позволения служить прапорщиком в армии или спутником Леппиха", пишет Ростопчин Государю (письмо от 1 августа).

"...Я послал Обрескова узнать наверное, когда Леппих может кончить и пустить в ход свою машину. Буде ему нужно время, я полагаю лучше перевезти его с его приборами в Коломну, а оттуда водой в Нижний, где он все устроит" (письмо от 10 августа).

"...Машина у Леппиха будет готова не раньше двух недель, в настоящее время он собирает части. Тафта почти вся сшита, два маленьких шара готовы. Я спросил у него, сколько ему нужно времени, чтобы собрать и уложить все; он сказал мне, что довольно будет трех дней. Я просил ускорить работу. Он много берет; ему выдано уже 163 тысячи рублей; но лишь бы последовал успех, то и миллиона будет не жалко" (письмо от 13 августа).

"Леппих наполнил малый шар, подымающий пять человек; завтра он сделает с ним опыт, и я известил о том публику, чтобы не пугались. Большой шар будет готов через неделю, о чем я написал князю Кутузову" (письмо от 23 августа).

Историк М. Богданович, в своем труде "История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам" (СПб, 1859) пишет: "Повидимому, полиция не весьма заботилась о сохранении в тайне замысловатого предприятия. Вся Москва заговорила о нем; многие обращали его в шутку. Ростопчин, который, напротив того, желал придать работам Шмидта (Леппиха) как можно большую важность, приказал напечатать в ведомостях следующее объявление:

"От главнокомандующего в Москве.

"Здесь мне было поручено от Государя сделать большой шар, на котором 50 человек полетят куда захотят, и по ветру и против ветра, а что от него будет, узнаете и порадуетесь. Если погода будет хороша, то завтра или послезавтра ко мне будет маленький шар для пробы. Я вам заявляю, чтобы вы, увидя его, не подумали, что это от злодея, а он сделан к его вреду и погибели".

Но в письме к Государю (от 29 августа) граф Ростопчин доносил: "Государь! С сожалением извещаю Ваше Величество о неудаче Леппиха. Он приготовил шар, на котором должно было подняться 5 человек и назначил мне час своего подъема. Но затем опять отсрочил — вместо 6 часов, несчастный шар наполнялся в течение трех дней, и вышло, что он не в состоянии поднять больше двух человек. Вслед затем начались бесконечные затруднения. Ему надобно какой-то особенной стали; большая машина еще не готова и мне кажется, что надо будет отказаться от пользы, какую льстились получить от того. Я принял свои меры, и если князь Кутузов еще потерпит неудачу, я отправлю Леппиха со всеми его приборами в Нижний. Потраченных денег на приготовление жаль всего меньше. Это сумашедший шарлатан и господин Алопеус несколько увлекся своим финским воображением".

Наконец, когда французы уже подходили к самой Москве, большой шар со всеми принадбожностями и рабочими был перевезен на ста тридцати подводах в Нижний-Новгород, а Леппих отправлен в Петербург.

"Тайна шара строго сохранена; лодка и леса сожжены и разобраны унтер-офицером, которому было поручено это дело. Впрочем, я полагаю, что Леппиху не удалось привести шар в движение, так как пружины, которые должны были управлять крыльями, не имели достаточной упругости", писал Ростопчин Государю (письмо от 26 октября).

При оставлении Москвы, второпях не успели всего уложить или уничтожить и оставшиеся в небольшом количестве материалы, найденные неприятелем, послужили ему предлогом к мнению, будто шар готовили к сожжению Москвы...

Впоследствии Леппих делал неудачные опыты с воздушным кораблем в Ораниенбауме; затем отправился в Германию и уже больше не возвращался в Россию.

*

Невольно возникает вопрос, была ли серьезная уверенность в действительной пользе изобретения нового оружия — воздушного флота, как нового средства борьбы. Военный писатель А. И. Михайловский-Данилевский в своем сочинении: "Описание Отечественной войны 1812 года" (СПб., 1850) говорит: "Может показаться странным: почему прибегли к новому, опытом не доказанному средству истребления против врагов?" И тут сам отвечает: "Почему нам было не изобретать необычайных средств против нашествия, имевшего целью наложить на Россию оковы рабства? Ад надобно было отражать адом..." (стр. 524).

Однако из рассказа гр. Аракчеева генерал-адъютанту Исленьеву, при посещении последним Грузина в 1826 году (рассказ этот напечатн в "Русском Архиве" за 1869 год, кн. 9, стр. 1466-1467) можно видеть, как смотрел на постройку воздушного корабля в 1812 году Император Александр I.

У Аракчеева сохранились четыре ружейные пули — чугунные, элиптической формы, и, указывая на них Исленьеву, он рассказал следующее.

— "Я сохраняю эти пули для того, что человек не должен зазнаваться и помнить, что всегда может сделать глупость. Вот в чем дело: в 1812 году, когда Наполеон приближался к Москве и страх был всеобщий, Император Александр мне сказал: "Ко мне явился некто предлагающий мне вылить подобные пули — наверно попадающие; дай ему сердечно делом заняться".

— Я, осмотрев пулю, позволил себе сказать: вы верно хотите похристосоваться с вашей армией и подарить каждому солдату по чугунному яйцу; поверьте, Государь, этот изобретатель — обманщик. Пуля, по своей форме далеко и метко лететь не может.

На это Император мне сказал: "Ты глуп!"

Я замолчал; дал прожектору средство что-то делать и забыл о том. Вскоре затем Император меня призвал и сказал:

— "Явился человек, который хочет строить воздушный шар, откуда можно будет видеть всю армию Наполена; отведи ему близь Москвы удобное место и дай средство к работе". Я вновь позволил себе сделать возражение о нелепости дела и вновь получил в ответ: "Ты глуп!"

Прошло немного времени, как мне донесли, что прожектор бежал; с самодовольным лицом предстал я пред Императора и донес о случившемся; но каково было мое удивление, когда Император с улыбкою сказал мне: "Ты глуп!"

Тогда только мне все прояснилось: для народа подобные меры, в известных случаях, нужны; такие выдумки успокаивают легковерную толпу хотя на малое время, когда нет средств отвратить беду. Народ тогда толпами ходил из Москвы, на расстояние 7-ми верст, к тому месту, где готовился шар; это было на уединенной даче, окруженной забором, куда внутрь никого не пускали; но народ, возвращаясь домой, рассказывал, что видел своими глазами, как готовится шар на верную гибель врагу, — тем довольствовался. Часто после того Император со мною говорил об этом случае, удивляясь, что я в первый же раз его не понял, и я сознавался, что точно "был глуп", возражая намерениям, придуманным для спокойствия толпы".

Сообщил *Е. А.*

Чернышев и Наполеон

Н. Пашенный

В статье "Отечественная война в новоборисовском собрании Н. Х. Колодеева" (В.-Ист. Вестн. № 19) упомянуто дело о продаже служащим французского военного министерства плана мобилизации и других секретных документов полк. Чернышеву. По сему представляется уместным напомнить о личности последнего и о его роли в период предшествовавший войне 1812 года. Н. П.

Александр Иванович Чернышев родился в 1785 г. Отец его был сенатором, а мать, урожденная Ланская, сестрой известного екатерининского вельможи. Получив домашнее образование под руководством французского эмигранта, он 15-летним мальчиком был записан вахмистром в Конную гвардию. Император Александр I вскоре обратил на юного служаку милостивое внимание, пожаловал камер-пажем и навсегда сохранил к нему благоволение, ценя недюженные способности, которые Чернышев проявил с первых шагов своей карьеры. К тому же, помимо ума и ревности к службе он отличался смелым и решительным характером, что, при весьма привлекательной наружности и изысканности манер очень способствовало его успехам. Да и счастье неизменно ему сопутствовало: он был действительно баловнем судьбы.

В кампаниях 1805-1807 гг. Чернышев участвовал офицером Кавалергардского полка, был награжден орденом св. Георгия 4 ст. и назначен адъютантом Ф. П. Уварова. По окончании войны он дважды ездил царским курьером к Наполеону и своими находчивыми ответами произвел на него отличное впечатление.

В 1809 году он уже полковник и флигель-адъютант, назначенный состоять при императоре французов. Он сопровождает его в войне против Австрии и прямо с поля Ваграмского сражения скачет с его письмом к Государю. "Ваграм осуществил мои надежды. Ваш адъютант, неотлучно находившийся при мне, сможет дать вам об этом отчет", писал Наполеон, добавил с несколько недоуменным упреком: "Франция одержала эту победу одна, без русских". Действительно, как известно, сосредоточенный на австрийской границе 70-тысячный русский корпус, в первой фазе кампании, под разными благовидными предлогами, оставался в полном бездействии. Несмотря на категорические обещания, данные Александром Павловичем обвороженному им французскому послу Коленкуру, что Россия исполнит свои обязательства по недавно заключенному союзному договору с Наполеоном, разгром Австрии вовсе не входил в расчеты Государя. Только после Ваграма русские войска вступили в Галицию и без единого выстрела заняли Краков.

Ответ Императора Александра на письмо Наполеона был составлен со свойственным Государю дипломатическим искусством и, по крайней мере формально, лишал Наполеона всякого повода сомневаться в его искренности. Но вручая пакет Чернышеву, для немедленной доставки по назначению, Государь повелел ему, тайно от французов, срочно восстановить связь с австрийским императором Францем, своим недавним и, как он надеялся, будущим союзником.

Когда Чернышев вернулся в французскую главную квартиру, она уже находилась в Шенбруне, где ожидалось открытие мирных переговоров. "Видите", сказал ему Наполеон: "несмотря на Ваграм, Австрия смогла сохранить свою армию. Иначе я бы вообще с ней больше не считался". Эти слова звучали упреком по адресу России, но являлось и лучшим подтверждением сведений Чернышева о сравнительной слабости французской армии; к тому же ее пополнение встречало в то время серьезные затруднения, тогда как австрийское командование в этом отношении располагало широкими возможностями. Все это Чернышев изложил в своем обстоятельном донесении Государю, дополненном отчетом о его свидании с императором Францем.

Это свидание состоялось в Доши, где австрийский двор нашел временное убежище. Император Франц, естественно, учел всю важность миссии Чернышева и приложил все старания, чтобы уверить посланца русского царя в своем горячем желании возможно скорее возобновить союз с Россией. Настаивая на общности интересов обеих держав, он воззвал к заступничеству Александра перед временным победителем, дабы не допустить чрезмерного ослабления австрийской монархии. В этом он вполне успел.

Несмотря на принятые предосторожности, свидание в Доши не осталось для французов тайной. Чернышев это знал, но, сознавая всю деликатность своего положения, вел себя, как ни в чем не бывало, написав в Петербург, что отношение к нему остается "учтивым". Во всяком случае в итоге кампании 1809 года у Наполеона ясно обозначились первые сомнения в истинных намерениях его венценосного тильзитского друга.

Эти сомнения были вполне обоснованы. Принеся в жертву обстоятельствам свое самолюбие и достоинство державного повелителя России, Император Александр в душе не потерял надежды обойти и сокрушить непрошенного союзника. В Эрфурте нужно было еще раз наружно закрепить столь не популярные во всех кругах русского общества, не исключая царской семьи, союзные отношения с Наполеоном, усыпить его одительность и самому готовиться и наблюдать. Тяжелая задача требовавшая исключительной выдержки и воли! Недаром Государь писал Императрице-матери Марии Феодоровне из того же Эрфурта:

"Момент избранный для свидания, именно таков, что полагает на меня обязанность не избегать его. Наши интересы последнего времени *заставили* нас заключить тесный союз с Францией; мы *сделали все*, чтобы доказать ей искренность, благородство нашего образа действий... Мы спокойно увидим падение Наполеона, если на то воля Провидения..."

"В моем политическом поведении я могу только следовать указаниям моей совести, моему главному убеждению, моему желанию, которое меня никогда не покидает — быть полезным Отечеству... Признаюсь, мне тяжело видеть, что, когда я имею в виду только интересы России, чувства, составляющие действительную силу моего образа действий, могут быть так непонятны..."

Не менее определенно выразился Александр в письмах к любимой сестре, вел. кн. Екатерине Павловне, как из Тильзита, так особенно после Эрфуртского свидания: «Bonaparte prétend que je suis un sot. Rira le mieux qui rira le dernier»...

Отклонение русским двором настойчивых, почти ультимативных, предложений Наполеона сочетаться браком с вел. кн. Анной Павловной, и последовавшая его женитьба на австрийской эрцгерцогине Марии-Луизе, в свою очередь, привели к усилению затаенного обоюдного недоверия и раздражения. Отныне Австрия volens nolens втягивалась в орбиту французской политики, что грозило нарушить план Александра о будущем сотрудничестве с этой державой, ради чего он оказал ей в 1808 году весьма ценные содействия.

В развивавшейся сложной "двойной игре" будущая позиция Австрии, Пруссии и Швеции приобретала особое значение.

В марте 1810 года в французском министерстве внешних сношений была составлена для Наполеона секретная докладная записка, в которой доказывалось, что союз с Россией оказался бесполезным. Более того, война с ней, и перекройка карты Европы, представлялись неизбежной необходимостью, для утверждения первенствующего положения Франции и "восстановления гением Наполеона былой империи Карла Великого".

Приведенные в этой записке доводы получили принципиальное одобрение Наполеона. Оставалось лишь возможно дольше отсрочить предстоящую борьбу, для лучшей дипломатической и военной ее подготовки.

Секретные перговоры о заключении франко-австрийского союза явились одним из первых шагов, предпринятых с этой целью.

Император Александр, с своей стороны, занимал совершенно аналогичную позицию. Обстановка требовала чрезвычайной осмотрительности. При характерной его недоверчивости, это побуждало Александра, более чем когда-либо, прибегать к излюбленному им методу поручать важнейшие политические миссии особо доверенным избранникам, помимо официальных своих представителей при иностранных дворах. И вот, в качестве такого избранника, в 1810 году, при Наполеоне снова появился блестящий Чернышев, с повелением посылать свои донесения непосредственно Государю, минуя непосвященного в его миссию престарелого посла князя А. Б. Куракина.

В Париже Чернышева встретили более чем благосклонно: при дворе и в большом свете он сразу сделался общим баловнем, что, впрочем, не мешало министру полиции Савари, установившему с "маленьким царьком" самые дружественные внешне отношения, зорко за ним следить...

В долгих беседах, с "солдатской откровенностью, без дипломатических разглагольствований", Наполеон делился с Чернышевым своим беспокойством, по поводу постепенного обострения спорных вопросов, омрачавших русско-французские отношения. Он знал, что его слова будут переданы Александру, а с другой стороны, под личиной грубоватой фамильярности, пытался выведать у Чернышева истинные намерения Государя. "По русского трудно этим провести" — доносил в Петербург его собеседник. Сдержанность Чернышева досадовала Наполеона, ибо он "ничего больше не понимал в движении русской планеты", а переписка с Александром Павловичем, все более приобретавшая полемический характер, фактически оставалась бесплодной. Да оно и не могло быть иначе: главнейшая цель высоких корреспондентов сводилась единственно к выигрышу времени.

Чернышев, с своей стороны даром его не терял.

Часто находясь в дороге с письмами Наполеона к Александру, и обратно с его ответами, почему и получил прозвище «l'éternel postillon», он и по пути исполнял важные дипломатические поручения Государя. Так, в Стокгольме, он имел несколько свиданий с Бернадоттом, для выяснения его отношений к Наполеону и подготовки русско-шведского союза. "Ваш молодой слуга", — доносил он Александру: "достиг цели, какой задались Ваше Величество, посылая меня в Стокгольм", и утверждал, что в будущей войне Бернадотт ни в коем случае не пойдет против России и Англии.

Вообще свою ответственную роль дипломатического поверенного Государя Чернышев исполнял с большим рвением и пониманием обстановки. Не упускал он из вида и военно-разведовательную сторону своей миссии, причем, по утверждению августейшего историка вел. кн. Николая Михайловича, пользовался своим пребыванием в Париже, чтоб раздобывать нужные ему сведения, "не брезгая никакими путями"[1]). Нам не дано знать, были ли им при этом допущены какие-либо оплошности, но доподлинно известно, что именно эта сторона его деятельности побудила Наполеона удалить его под благовидным предлогом, как опасного соглядатая. Из работы французского академика Артура Шюкэ, специально посвященной миссии Чернышева при Наполеоне[2]), видно, что такая развязка явилась результатом бдительного наблюдения, установленного за Чернышеным министром полиции Савари. Хотя Шюке этого не уточнил, однако, есть, как будто, полное основание предполагать, что под термином "наблюдение" следует понимать и широко применявшуюся перлюстрацию, ибо иначе представляется непонятным, как попали в французские архивы использованные им документы, являющиеся по большей части извлечениями из секретных донесений Чернышева.

По словам Шюкэ, удалению Чернышева из Парижа предшествовал следующий инцидент. — Савари, кстати сказать, будто бы имевший основание этого добиваться по соображениям не только политического но и чисто личного характера, в разговоре с советником русского посольства Нессельроде заметил: "Чернышев хорошо бы сделал, если б перестал писать депеши. Это дело посла, а не полковника". Нессельроде поспешил передать об этом Чернышеву, который сразу поехал объясняться с министром. Приняв тон скромного юнца, он выразил Савари свое огорчение, что невольно навлек на себя его неудовольствие. "Верьте мне, герцог", повторял он: "вы получили обо мне совершенно вымышленные сведения: никаких депеш я не пишу, ибо вообще никакого касательства к дипломатии не имею. Я — военный и, как таковой, верный и убежденный сторонник союза между нашими монархами. Я готов все сделать, чтоб вернуть себе ваше прежнее благорасположение. Усердно вас прошу помогите мне этого достичь вашими указаниями и советами..."

Савари прикинулся искренне растроганным этими излияниями и в самых ласковых выражениях заверил Чернышева, что произошло какое-то досадное недоразумение. Он ни в чем не может его упрекнуть и в своем разговоре с Нессельроде вовсе не имел его в виду, а тех вообще русских, которые по многим данным настроены к Франции далеко не миролюбиво. К сожалению к ним принадлежит и Нессельроде... Что же касается Чернышева, то он считает его поведение совершенно безупречным... Закончив эти объяснения новым потоком уверений в взаимной дружбе, собеседники крепко обнялись.

Однако, на этом дело не стало. Два дня спустя в «Journal de l'Empire» появилась инспирированная тем же Савари анонимная статья, озаглавленная «Les Nouvellistes» с совершенно прозрачными намеками на шпионскую работу блестящего салонного героя с татарскими глазами. Эта статья произвела впечатление разорвавшейся бомбы и грозила вызвать серьезные дипломатические осложнения, что, в тот момент, нисколько не устраивало Наполеона. Потому он поспешил ликвидировать дело решительными мерами: министр полиции получил выговор, а ответственный редактор газеты отрешен от должности. Когда же выяснилось, что статья была написана неким Эсменаром, чиновником управления по делам печати, его подвергли высылке в административном порядке. В то время французские власти еще не знали, что этот самый Эсменар состоял одним из платных агентов Чернышева...

Таким образом формально это дело нисколько не поколебало положение Чернышева. Наоборот, Наполеон демонстративно долго и милостиво беседовал с ним на большой охоте, устроенной в Сен-Жерменском лесу 16 апреля 1811 года, лишь полушутя упомянув о чрезвычайной его любознательности. По примеру императора, его родственники, маршалы и сановники проявили к Чернышеву подчеркнутую любезность; двери великосветских салонов оставались ему широко раскрытыми.

Так прошло несколько месяцев. Оба монарха заканчивали свои приготовления к предстоящей борьбе. Усиленно работал и Чернышев. И вот тот же Савари представляет Наполеону неопровержимые доказательства подкупа Чернышевым нескольких служащих военного министерства, передавших ему документы чрезвычайной важности.

Теперь Наполеону уже не было основания сдерживать свой гнев. 12 февраля 1812 года он вызвал Чернышева в Елисейский дворец, передал ему письмо Императору Александру и разразился горькими упреками по поводу русской политики: Тильзитский договор нарушен; Государь протестовал против аннексии герцогства Ольденбургского; торговый трактат не соблюдается и действия блокады против Англии значи-

---

[1]) Вел. кн. Николай Михайлович. Генерал-адъютанты Императора Александра I. С. Пб. 1913.

[2]) Arthur Chuquet, de l'Institut. — Tchernychow et Napoléon 1913.

тельно ослабляются попустительством русских властей, допускающих приход в русские порты британских судов под видом американских... Император Александр презрительно отмалчивается на его настоятельные призывы пересмотреть спорные вопросы, а посол Куракин бездействует, за неполучением инструкций... Наконец, Чернышев занимается добыванием секретных данных о французской армии... Из всего этого вытекает, что Россия готовится к войне. Он давно этого опасался, но надеялся на дружбу и благоразумие Александра. Теперь положение становится настолько грозным, что он должен торопиться с принятием соответствующих мер предосторожности. Он их и принимает, и этого не скрывает. Да, вскоре его передовые части будут на Висле, а главные силы на Одере. Разве он не в праве так действовать?

— Вот это-то составляет предмет нашего беспокойства, ответил Чернышев, — и, если ваши войска возвратятся в Пруссию, наши опасения оправдаются.

Эту драматическую аудиенцию Наполеон закончил словами: "Что бы не случилось, я не изменю моих чувств к императору Александру. Я буду с ним сражаться рыцарски, без ненависти и вражды и предложу ему завтрак на передовых позициях..."

На другой день Чернышев выехал в Петербург и возвратился в Париж уже после низложения Наполеона.

Судя по документам, опубликованным названным выше французским исследователем, Чернышев уже в 1811 году стал убежденным сторонником превентивной войны против Франции. В своих донесениях он советовал, по меньшей мере, спутать Наполеону карты внезапным занятием нами Польши и провозглашением Императора Александра Королем Польским, по его мнению, это неминуемо должно вызвать массовый переход на нашу сторону сформированных французами польских войск. Кроме того, занятие Польши казалось Чернышеву лучшим способом положить конец колебаниям Пруссии и заставить ее присоединиться к России.

Любопытно обрисовано в донесениях и внутреннее положение Франции. Указывая, что в стране, а особенно в столице, ширится нужда и недовольство [3]), чем пользуется оппозиция, Чернышев все же предостерегал от преувеличения ее значения.

— Покуда Наполеон опирается, — писал он, — на группу преданных ему волевых людей, ничто ему не угрожает. Среди них одним из главных сторонников войны Чернышев считал Савари, ибо, при длительных отсутствиях императора, министр полиции приобретал в военное время первенствующее значение чем и пользовался в личных целях. Но не преувеличивая удельного веса оппозиции, Чернышев отнюдь не считал возможным ею пренебрегать и лично поддерживал связь с ее виднейшими представителями. Все они были ярыми противниками новой большой войны и всячески пытались умирить воинственный пыл императора и его сотрудников. В этом отношении особо важную роль играл Талейран, который хотя и был принужден покинуть пост министра внешних сношений и считал себя в полуопале, все же нередко удостаивался вызовов во дворец, ибо, как однажды сказал ему Наполеон: "Чорт вас знает, что вы за человекь: я не могу удержаться, чтобы не поговорить с вами о делах и вас не любить".

Возражая на предостережения Талейрана, что война с Россией рискует привести демографически истощенную и экономически обедневшую Францию на край гибели, Наполеон, в качестве одного из главных аргументов в пользу безотлагательного разрыва с Императором Александром, настаивал на необходимости использовать трудность тогдашнего положения России из-за войны с Турцией.

Он был убежден, что эта война затянется, а на два фронта Россия бороться не сможет. Отсюда у Талейрана сложилось убеждение, что для блага Франции следует наоборот желать скорейшего окончания русско-турецкой войны, и связанного с этим изменения соотношения сил в пользу России, как наиболее верного способа подорвать надежды Наполеона на легкость грядущей победы и заставить его пересмотреть, и быть может и отказаться от своих агрессивных замыслов. Потому Талейран просил Чернышева передать Императору Александру его настоятельный совет заключить мир с Портой «à n'importe quel prix», лишь бы скорее [4]).

Впрочем, опасались войны с Россией далеко не одни оппозиционно настроенные французские политики. Убежденным сторонником сохранения мира был и бывший посол в Петербурге Коленкур, которого, впрочем, Наполеон и сменил с этого поста, считая, что он совершенно "обрусел" под влиянием Императора Александра. Даже Мюрат, по сведениям Чернышева, будто бы сказал своему шурину: "Один поворот счастья ввойне с Россией будет вам стоить короны и жизни".

Между тем Кутузов наголову разбил турок, и начавшиеся переговоры привели к заключению мира. Наполеон был крайне раздосадован этим событием. "Как понять этих собак, этих негодяев турок, допу-

[3]) Среди приведенных примеров упомянут инцидент имевший место в Париже в день крестин Римского короля (9 июня 1811 г.), когда на одной из площадей парадная процессия была встречена толпой свистками, едва заглушенными жидкими рукоплесканиями.

[4]) Такие же советы Талейран передавал и через Нессельроде, которому было специально вменено в обязанность держать с ним постоянную секретную связь. Вся получаемая таким образом информация посылалась в Петербург, помимо посла кн. Куракина от имени «cousin Henri». Как известно этот cousin извлекал из такого сотрудничества немалую материальную выгоду, что дало основание Альфреду де Виньи сказать, что "Талейран сделался типом изящного оплачиваемого изменника".

ставших побить себя таким образом", воскликнул он, узнав о русской победе. "Кто мог это предвидеть!" Однако, вопреки надежды Талейрана и его единомышленников, он все же продолжал свои последние приготовления к войне; в то же время Император Александр настойчиво и планомерно заканчивал подготовку его разгрома. Пока Наполеон подписывал союзные договоры с Австрией и Пруссией, Государь оставался в тайных сношениях с монархами этих стран, заключил важнейший для России союз с Швецией и достиг полного соглашения с Англией. «La guerre qui va éclater est une guerre pour l'indépendance des nations», писал он русскому уполномоченному в Стокгольме генералу Сухтелену. Это целая программа, включающая Польшу, привлечение к борьбе балканских славян, создание национальных военных частей из иноземных перебежчиков французской армии.

"Но, — заявляет Александр, прибывшему к нему in extremis посланцу Наполеона Нарбонну, — я никогда первый не подниму меча... Если же Наполеон на нас нападет... ему придется идти до Берингова пролива..." [5]).

Россия стояла перед великим испытанием. Несокрушимый дух Царя и народа обратил его в великое национальное торжество.

Остается добавить, что в войне 1812-14 гг. Чернышев командовал казачьими партизанскими отрядами. Наградой за его подвиги, прославленные современными официальными историками, были орден св. Георгия 3 ст. и звание генерал-адъютанта. В этом звании он почти безотлучно состоял при Александре I до конца его царствования.

Такое же благоволение оказывал ему и Император Николай I, при котором он достиг высших государственных постов. Назначенный сенатором, а потом членом Государственного Совета, он 26 лет стоял во главе Военного министерства, с 1848 по 1856 год был председателем Комитета министров и Государственного Совета.

Возведенный в графское, а затем княжеское достоинство, с дополнительным пожалованием титула светлости, он скончался в 1857 году.

Видный деятель двух царствований, он, однако, вряд ли может быть признан крупным государственным человеком.

---

[5]) План втягивания неприятеля в глубь России был впервые подсказан Александру Бернадоттом. Его подробно разработал, перешедший на русскую службу немецкий ген. Пфуль, который удостоился после войны особой благодарности Государя, написавшего ему: «C'est vous qui avez conçu le plan qui, avec l'aide de la Providence, a eu pour suite le salut de la Russie et aussi celui de l'Europe».

Обмундирование войск царствования Императора Александра I-го

(1801 — 1825)

Е. Молло

"...плащи да шпаги,
Да лица полные воинственной отваги"
Пушкин

Внешний облик исторических событий важен тем, что он, запечатлеваясь в памяти последующих поколений, становится со временем их видимым символом. Так нам немыслимо созерцать великую эпопею Отечественной войны, память которой мы ныне совершаем, без внешнего облика ее героев — "начальников народных наших сил, покрытых славою великого похода и вечной намятью двенадцатого года", без их плащей и шляп с веющими султанами, без киверов и славных гренадерок их войск, без "сих знамен победных", без всей той романтической красы, которой была овеяна та эпоха.

Красота эта не была случайной — российские венценосцы уделяли много внимания внешней красе войск. Особенно же этим качеством отличались все "Павловичи" — Императоры Александр и Николай и Великие Князья Константин и Михаил.

Из всех "Павловичей" Александр был наиболее одаренным и наиболее образованным человеком. К тому же он обладал прекрасным вкусом, которым отмечено все, что создавалось под его личным руководством, в том числе и обмундирование российских войск его царствоания.

Александр Павлович был отлично знаком с внешней стороной военного дела, так как военное воспитание свое он получил, вместе со своим братом Константином, в, так называемых, "Гатчинских войсках". Вот что говорит об этом воспитании Шильдер: "Гатчинская кардегардия привила Алекстандру увлечение фрунтом, солдатской выправкой, одним словом, экзерцицмейстерство и парадоманию. Усмотрев в выправке существенную сторону военного дела и свыкнувшись с подобным взглядом, он перещеголял впоследствии в этом искусстве даже своего брата Константина и довел выправку до небывалого совершенства".

Первенство это признавал и сам Константин, когда в 1817 году он писал генерал-адъютанту Сипягину: "Ныне завелась такая во фронте танцовальная наука, что и толку не дашь... Я более двадцати лет служу и могу правду сказать, даже во время покойного Государя был из первых офицеров, а ныне так премудрено, что и не найдешься".

В нашу задачу не входит критика "гатчинской" школы воспитания войск, во имя исторической справедливости однако нам следует указать, что выправка войск, в результате которой достигалась быстрота и точность построений, в те времена имела первостепенное тактическое значение.

Царствование Александра Павловича совпало с периодом продолжительной борьбы России с Наполеоном — из 25-летнего царствования 14 лет ушло на эту борьбу, в течение которой российские войска все время увеличивались и улучшались. Когда, наконец, Наполеон был поражен и Александр Павлович во главе своих победоносных войск вступал в Париж, российская армия была сильнейшей армией в Европе.

Обмундирование российских войск в предшествующий царствованию Александра Павловича период было преимущественно прусского образца. Прусское влияние особенно усилилось с воцарением Петра III. Вот что говорит об этом явлении Висковатов: "Император Петр III-й, питавший особое уважение к королю прусскому Фридриху Великому и находя полезными его воинские учреждения, желал ввести их в российской армии, и в кратковременное свое царствование установил, как в ее устройстве, так и в одежде и в вооружении, значительные перемены, в коих для образца были приняты прусские войска, покрывшие себя славою в продолжительной борьбе с главнейшими силами Европы".

Прусское влияние продолжалось и при Екатерине Великой, вплоть до 1786 года, когда были "конфирмованы новые штаты и табели, основанные на переменах, предложенных князем Потемкиным и совершенно изменившие тот характер одежды, который в российских войсках первоначально был введен Петром Великим" (Висковатов).

Реформа Потемкина была необычайным явлением в области развития военного костюма. Развитие это обычно происходит планомерно и в строгой согласованности с общим развитием моды. Обмундирование же Потемкина этому правилу не подчинилось и было основано исключительно на его личном понятии о том, как подобает быть одетым солдату. В своей армии Потемкин отменил пудру, букли и косы и остриг солдата "в скобку". Он дал солдатам просторные куртки и "шаровары", короткие сапоги и каски, несколько напоминающие конно-гренадерские каски наших дней. Обмундирование Потемкина не отличалось красотой, но во многом оно предвосхищало формы обмундирования 19-г века и оказало на них несомненное влияние.

Павел 1-й, немедленно по воцарении, отменил потемкинские формы и вновь дал российским войскам обмундирование прусского образца, подобное тому, которое уже существовало в его "Гатчинских войсках", т. е. подобное прусскому обмундированию эпохи Фридриха Великого, которое в самой Пруссии было уже отменено. Павел 1-й не допускал также различных новшеств в области военного костюма, появившихся в Европе в конце 18-го века и вел с ними ожесточенную войну даже в области "штатского" платья.

Гвардейский киверный герб, установленный 16 апреля 1808 г. (Из собрания Е. С. Молло)

Александр Павлович при вступлении на престол унаследовал войска одетые в эти старомодные формы, с пудреными волосами, буклями и косами. Отсталость конечно не ограничивалась одним только внешним видом, но, как это всегда бывает, проникла во все стороны военного дела.

Конец 18-го и начало 19-го веков важны в истории развития европейского костюма, ибо в эти годы выработалась новая форма одежды, которая, с некоторыми изменениями, сохранилась вплоть до наших дней.

Эту новую форму одежды Алексадр Павлович положил в основу перемен, сделанных им в обмундировании российских войск, причем сделал это с необыкновенным вкусом и знанием дела. Размеры нашей статьи не дают нам возможности описать в деталях все эти перемены — на это у Висковатова посвящено восемь томов, — но мы опишем важнейшие из них, причем, где возможно, укажем их происхождение.

Перемены эти естественно разделяются на три периода: 1-й период от начала царствования до Тильзита, 2-й период от Тильзита до вступления в Париж и 3-й период от вступления в Париж до конца царствования.

В первый период устаревшее обмундирование эпохи Павла 1-го было заменено новым, более современным обмундированием которое в этот период однако еще не получило законченности.

Второй период открывается падением Пруссии и Тильзитом. В этот период, под личным руководством Александра Павловича, создается новая, своеобразная русская форма обмундирования, непревзойденная по красоте и воинскому духу и послужившая прототипом для последующих русских и немецких форм.

Обмундирование третьего периода красиво уже иной, не столь воинственной красой. Россия почила на лаврах. Взамен сражений на сцену выступают парады и разводы. Славное царствование Александра Павловича клонится к закату и уже чувствуется новое, иное, царствование.

1. ОТ НАЧАЛА ЦАРСТВОВАНИЯ ДО ТИЛЬЗИТА

В день восшествия на престол Императора Александра Павловича, 12 марта 1801 года, обмундирование российских войск состояло из длиннополых, темно-зеленых кафтанов с отложным, наглухо пришитым воротником и обшлагами различных цветов, а у некоторых частей также и с отворотами или лацканами. Под кафтаном носился камзол белого, палевого или "цитронного" цветов, с рукавами, которые в летнюю пору отпарывались. "Нижнее платье" — панталоны — были зимой суконные — по цвету камзола, а летом белые холщевые. На ногах в пехоте носились белые или черные суконные "штиблеты" и смазные башмаки, а в кавалерии — сапоги с раструбами. В ненастную погоду солдаты носили белые плащи или белые же шинели, а зимой также овчинные фуфайки, которые надевались под камзолом. Головным убором служили треугольные шляпы или гренадерские шапки, подобные гренадеркам л.-гв. Павловского полка наших дней.

Кирасиры взамен кафтанов носили белые колеты и черные кирасы, состоявшие из одной только передней части и придерживающиеся при помощи лосиных ремней. Гусары имели "ментики", "дуламаны", чакчиры, меховые шапки с султаном или же суконные кивера в виде усеченных конусов, ташки и сапоги гусарского образца, с вырезкою назади.

Пудра, пукли и косы были обязательны. Пукли были "в ладонь шириною" и закрывали уши, а косы были длиною до пояса и туго обвивались черной лентой.

Таково, в общих чертах было обмундирование войск в первые дни нового царствования.

Немедленно, по воцарении, Александр Павлович начал ряд перемен, целью которых было приведение обмундирования в более современный вид. Уже 9 апреля 1801 года было повелено обрезать у солдат пукли, а косы укоротить и завязывать их "на пол воротника". Затем длиннополые кафтаны были заменены короткими и узкими, двубортными мундирами фрачного типа, с погонами и стоячим воротником различных цветов. Камзолы были отменены. Взамен штиблет и башмаков солдатам были даны короткие сапоги. Белые шинели были заменены шинелями из некрашеного, солдатского сукна, с погонами и воротником по цвету мундирных.

Гвардейской пехоте сперва были даны каски нового образца, несколько напоминающие каски армии Потемкина, но в 1804 году каски эти были заменены "киверами". Скажем несколько слов о происхождении столь возлюбленных в российской армии киверов. Слово "кивер" венгерского происхождения. В 18-м веке киверами называли гусарские шапки, сперва только меховые, но потом и суконные. Появившиеся на Западе в конце 18-го века шапки цилиндрической формы там киверами не назывались, а назывались "шако" или "чако" (тоже слово венгерского происхождения). При введении в 1804 году шапок этого образца в российский войсках, им было присвоено наименование "киверов".

Армейским гренадерам сперва были сохранены их гренадерские шапки, но, начиная с 1804 года, они тоже были заменены киверами.

Старые треугольные шляпы были заменены шляпами нового образца — скажем несколько слов и о происхождении этих шляп. В 18-м веке шляпы были треугольной формы, а посему и именовались "треуголками" (трикорн). Затем постепенно передний угол начал сглаживаться и к концу 18-го века от него сохранился лишь небольшой выгиб. Шляпа из "трикорна" превратилась в "бикорн". Павел I-й почему-то возненавидел "бикорны" и воспретил их ношение даже частным лицам. В русском языке слово "бикорн" не привилось и шляпы нового образца продолжали, по старой памяти, называть треуголками. Интересно отметить, что сам Наполеон не носил шляп нового образца, но продолжал носить треуголку образца конца 18-го века.

У кирасир были отменены кирасы и им были даны колеты фрачного типа, с погонами и стоячими воротниками. В 1803 году кирасирам взамен шляп были даны каски нового образца, с "древне-греческим" гребнем и плюмажем из конского волоса. Каски эти по всей вероятности являются личным творением Александра Павловича, так как касок точно такого образца не существовало ни в одной из европейских армий. Впоследствии эти каски "русского образца" были приняты в прусской армии.

Драгунам были даны мундиры фрачного образца, а в 1803 году — каски, подобные кирасирским.

Гусарам было сохранено их прежнее обмундирование, с заменой в 1803 году старых киверов киверами нового образца.

Начиная с 1803 года в России были учреждены уланские полки; уланам полагались: шапка уланского образца ,куртка со стоячим воротником, лацканами и эполетами, панталоны или рейтузы, сапоги и плащ.

Таково было обмундирование российских войск, когда они в 1805 году впервые выступили в поход против Наполеона, или вернее — таковым следовало бы быть этому обмундированию, на самом же деле обмундирование многих частей оставалось старого образца, ибо переобмундирование в те времена производилось чрезвычайно медленно и старые мундиры донашивались в продолжении многих лет после их отмены. Так, например, в бою под Фридландом в 1807 году Павловский гренадерский полк был еще в гренадерках старого образца, между тем как ему подобало быть в киверах. Этой оплошности интенданства мы обязаны тем, что прославленные в бою гренадерки были сохранены Высочайшим указом от 20 января 1808 года в Павловском гренадерском полку в том виде, в каком они были в конце боя, "хотя б некоторые из них были повреждены; да пребудут они всегдашним памятником отменной его храбрости и Монаршего благоволения".

2 декабря 1806 года у нижних чинов повелено было обрезать косы под гребенку; генералам же и штаб

и обер-офицерам предоставлено, в сем случае, поступить по собственному произволу.

Обмундирование первого периода царствования замечательно тем, что создавая его, Александр Павлович не следовал уже, подобно своим отцу и деду, прусским образцам, но творил свободно, заимствуя от западных армий все, что находил полезным и красивым, а также создавая новые оригинальные образцы обмундирования и делая все это с отменным вкусом и знанием дела.

2. ОТ ТИЛЬЗИТА ДО ВСТУПЛЕНИЯ В ПАРИЖ

Старая прусская слава погибла под Иеной и Ауерштедтом. Военный гений Наполена восторжествовал над старым военным гением Фридриха Великого. Россия лишилась союзника и отныне должна была полагаться лишь на себя. Последовали ожесточенные бои при Пултуске (14 декабря 1806 г.) и при Прейсиш-Эйлау (27 января 1807 г.). Наконец, 2 июня 1807 года, Наполеон одержал решительную победу при Фридланде. Участь кампании была решена. 13 июня 1807 года произошло знаменитое свидание Александра Павловича с Наполеоном на Немане.

"Император Александр имел на себе преображенский мундир, на правом плече висел аксельбант, эполет же тогда не носили. Панталоны были лосиные белые. Шляпа была высокая; по краям ее выступал белый плюмаж, а черный султан веял на гребне ее. Перчатки были белые лосиные, шпага на бедре, шарф вокруг талии и андреевская лента через плечо" — вот как описывает внешний облик Александра Павловича свидетель свидания, будущий партизан Денис Давыдов.

"Я не спускал глаз с государя, мне казалось что он прикрывал искусственным спокойствием и даже иногда веселостью духа различные чувства, его обуревавшие и невольно обнаруживавшиеся в ангельском его взгляде и на его открытом челе. И как могло быть иначе? Дело шло о свидании с великим полководцем, политиком, законодателем и завоевателем, поразившем в течении двух только лет войска всей Европы и уже два раза нашу армию и ныне стоявшим на рубеже России" — привожу эти вдохновенные слова Дениса Давыдова, ибо они прекрасно передают дух момента.

Тильзитский мир был подписан 25 июня 1807 года и Александр Павлович стал союзником — поневоле свое вчерашнего врага — Наполеона.

Что касается Пруссии, то только благодаря дипломатическому таланту Александра Павловича, его настойчивости и его верности к своему низверженному союзнику, Наполеон сохранил Фридриху-Вильгельму III-му тень независимости и часть территории. Прусскому представителю графу Гольцу Наполеон прямо сказал: "Ваш король всем обязан рыцарской привязанности к нему императора Александра: без него династия короля лишилась бы престола и я отдал бы Пруссию брату моему Иерониму. При таких обстоятельствах ваш монарх должен считать одолжением с моей стороны, если я что-либо оставляю в его пользу".

Сии роковые события оказали решающее влияние на дальнейший ход развития всего русского военного дела. До своего падения Пруссия была нашей вековой учительницей и ее военная доктрина принималась, как аксиома. После Тильзита центр тяжести из Берлина переместился в Петербург. Старая прусская армия была уничтожена, а новую еще предстояло создать. Много прусских офицеров, не желавших примириться с приниженным положением своей родины, перешло на русскую службу. Среди них был знаменитый впоследствии теоретик войны — Клаузевиц. Период прусского влияния на Россию пришел к концу — начался период русского влияния на Пруссию.

Во время своего 13-дневного пребывания в Тильзите Александр Павлович оком знатока взирал на армию Наполеона, на ее устройство, выправку и обмундирование. Прошедшая кампания в достаточной мере выявила недостатки русской армии и Александру Павловичу было чему поучиться от непобедимой доселе армии Наполеона. По возвращении в Россию Александр Павлович предпринял коренное переустройство российских войск, основанное на опыте последней войны и на его личном знакомстве с военным искусством Наполеона.

17 сентября 1807 года генералам, штаб и обер-офицерам российских войск были даны эполеты. Замечательно, что эполеты, в нашем понятии столь неразлучные с обликом офицера российских войск, были вначале непопулярны. В армии говорили: "Теперь Наполеон сел всем на плечи". Мундиры были оставлены без изменения. Кивера получили новую форму "с большим развалом", столь знакомую нам по картинам "Двенадцатого года". На гвардейских киверах спереди помещался двуглавый орел, а на армейских — "гренада" об одном или о трех огнях. Солдатам были даны панталоны с пришивными, кожаными "крагами" на пуговицах. Шинели в походе скатывались и носились через плечо. Были введены "фуражные шапки" на подобие солдатских бескозырек наших дней. Обер-офицерам в строю взамен шляп повелено было носить кивера. Генералы, штаб и обер-офицеры в походе носили двубортные сюртуки и серые рейтузы на пуговицах. Внешний вид солдат приобрел типично-русский облик, который в общих чертах сохранился вплоть до наших дней.

Кирасирам были возвращены кирасы, которые теперь состояли уже из двух половин — нагрудной и задней.

Обмундирование драгун и гусар в общем осталось без перемен — изменена была только форма киверов.

Таковым было обмундирование российских войск в Великий Двенадцатый Год, когда им выпало на долю защищать родину от объединенных сил всей Европы, предводительствуемых величайшим военным гением всех времен и в этом обмундировании неприятель был поражен и изгнан из пределов России.

Обмундирование это отличалось простотой, красотой и истинно-воинским духом. Обмундирование это не являлось бездушным слепком с прусских или каких-либо иных форм, но явилось оригинальным творением, в создании которого ведущая роль несомненно принадлежала Александру Павловичу, ибо он и по своему положению, и по своему отменному вкусу, и по своей любви к военному делу имеет право почитаться его творцом.

Русские офицеры в своих простых сюртуках и фуражках, русские солдаты в киверах "с развалом" и в скатанных шинелях через плечо — все это простое, но умело носимое обмундирование отлично представляло дух русской армии — величественный и простой. Простота эта до известной степени обуславливалась вопросом экономии — российское войско было велико, а производство обмундирования весьма ограничено. Русские офицеры в своей массе были небогаты. Россия не могла позволить себе роскошь французских или английских мундиров, да она и не нужна была нам. При всей своей простоте русское обмундирование было самым красивым в Европе, более того — оно было самым передовым. Когда победоносная русская армия в 1813 году вступила в Германию и возжгла там огонь Освободительной войны, то сперва Пруссия, а затем и другие страны стали вводить у себя обмундирование "русского образца". В Пруссии были введены русские кивера и русские кирасирские каски. Александр Павлович пожаловал прусским гвардейским кирасирам русские кирасы, которые потом хранились у них, как военные реликвии и надевались в особо торжественных случаях вплоть до наших дней. Прусские кирасиры сражались палашами русского образца. В прусской армии были введены эполеты, подобные русским. В Пруссии были даже сформированы "Прусские Казаки".

Достаточно взглянуть на картины, изображающие пруссаков эпохи Освободительной войны, как станет очевидным, что они всецело подражали русским, одевались, как русские, носили русские усы и даже "культивировали" несколько "восточный" тип лица.

Все вышесказанное приводит нас к весьма смелой и в то же время весьма обоснованной мысли — мысли, которая кажется до сего времени нигде высказана не была, а именно, что не только все последующие русские, но и все последующие немецкие военные формы происходят непосредственно от русских форм эпохи Отечественной войны, которые, в свою очередь являются созданием гения Александра Павловича.

19 марта 1814 года Александр Павлович во главе своих победоносных войск вступил в Париж.

3. ОТ ВСТУПЛЕНИЯ В ПАРИЖ ДО КОНЦА ЦАРСТВОВАНИЯ

"Покоренье Парижа являлось необходимым достоянием наших летописей. Русские не могли бы без стыда раскрыть славной книги своей истории, если бы за страницею, на которой Наполеон изображен стоящим среди пылающей Москвы, не следовала страница, где Александр является среди Парижа" (Шильдер).

Торжественное вступление союзных войск в Париж открывалось прусскою гвардейскою и нашею легкою гвардейской кавалерией. За ними следовал Александр Павлович с королем Прусским и Шварценбергом, сопровождаемый свитой в числе более тысячи генералов и офицеров различных наций. Затем шли русские и австрийские гренадеры, затем гвардейская пехота. Шествие замыкалось кирасирами и артиллерией.

"Прекрасная погода благоприятствовала торжественной обстановке этого незабвенного дня" (Шильдер).

"Бульвары были покрыты разряженной толпой", пишет граф Нессельроде в своих воспоминаниях. "Казалось, народ собрался чтобы погулять на празднике, а не для того чтобы присутствовать при вступлении неприятельских войск".

Шествие закончилось смотром союзных войск на Елисейских полях. По окончании смотра, в пятом часу пополудни Александр Павлович отправился пешком на Сен-Флорентинскую улицу в дом Талейрана, где он имел пребывание.

Так величественно и просто закончилась эра войн России с Наполеоном.

12 июля 1814 года Александр Павлович прибыл в Павловск, а 13 июля — в Петербург. 14 июля был отслужен благодарственный молебен в Казанском соборе. Александр Павлович и Константин Павлович ехали верхами перед каретою Императрицы Марии Феодоровны. "Этой церемонией и окончилось все торжество возвращения государя-победителя в свою столицу" (Шильдер).

1 сентября 1814 года Александр Павлович был уже вновь в пути, направляясь на конгресс в Вену, где он увенчал славные победы своих войск, великой дипломатической победой над объединенными силами лучших дипломатов Европы, отстояв купленные русской кровью завоевания.

***

Перемены в обмундировании российских войск произведенные Александром Павловичем в последние десять лет своей жизни уже не отличаются творческим порывом начала царствования. Внешний облик русского солдата был им уже создан. Оставалось наносить, то здесь, то там, отдельные штрихи.

Офицерские рейтузы с пуговицами были заменены рейтузами с лампасами, подобными генеральским лампасам наших дней. На офицерских шляпах были введены черно-оранжево-белые кокарды, ставшие прототипом офицерских кокард наших дней. Повелено было вычернить ножны на тесаках и шпагах (до 1816 года ножны были из нечерненой кожи). 16 апреля 1817 года были введены на киверах бляхи нового образца — несомненно навеянные английскими накиверными бляхами. Форма киверов была изменена — они стали выше и с меньшим развалом. За подвиги в

сражениях на кивера стали жаловаться особые знаки, с надписью "За отличие", но иной формы, чем в наше время, а именно в виде щита с орлиными головами по сторонам. Гренадерским полкам повелено было иметь погоны желтого цвета, с вырезными, подложенными красным сукном шефскими вензелями или литерами. Новоучрежденному в 1815 году Жандармскому полку было повелено иметь светлосиние мундиры с аксельбантом на левом плече и каски, подобные кирасирским.

В мае 1825 года офицерам л.-гв. Павловского полка, взамен бывших у них киверов, повелено носить гренадерки, подобные гренадеркам нижних чинов, но с бляхою, чешуями и гренадками вызолоченными, с обшивкою из серебряного галуна и с серебряною же кистью, с примесью черного и оранжевого шелка в середине и с Высочайшим вензелем под короною. 19 ноября 1825 года Александра Павловича не стало.

*

Нас могут упрекнуть в том, что мы уделили через-чур много места предметам, прямого отношения к обмундированию войск не имеющим, но мы верим, что внешний вид предметов является отражением духа их породившего.

Царствование Александра Павловича является несомненно одним из славнейших в российской истории и обмундирование российских войск этого периода отражает его величие, простоту, мужественность, уверенность в своих силах и волю к победе.

Главным творцом этого обмундирования мы почитаем Александра Павловича — одного из наиболее одаренных, но одновременно одного из наиболее сложных и еще мало разгаданных русских людей.

БЕЛОВЕЖ

С. Булацель и Н. Булацель

Во время аграрных беспорядков 1904-1905 гг. наши однодивизники — Мариупольцы, были в Прибалтийском крае, а мы — Харьковцы — в уездах Гродненской губернии. В самом начале января 1906 года сводный полуэскадрон под командой штабс-ротмистра Окунева, с корнетом С. Булацель (автором настоящего очерка) был назначен в Беловеж для охраны дворца и для наблюдения за Пущей.

По прибытии в Беловеж, мы сделали визит главноуправляющему Пущей действ. статск. советнику А. Д. Колокольцову, кавалеру золотого оружия (участнику туркестанского похода) и познакомились с его супругой и их прелестной патриархальной семьей. Сделали также визиты его помощнику, г-ну Алексееву и жившим поблизости заведующим имениями (Пуща делилась на пять имений) и, наконец, коменданту дворца, генерал-майору Пономаренко и его супруге. Генерал Пономаренко — герой обороны Севастополя. Будучи солдатом, а потом фельдфебелем, он заслужил знаки отличия военного ордена и был произведен в офицеры. В русско-турецкую войну 1877-78 гг., командуя ротой на Шипке, заслужил орден св. Георгия 4-й степени. Свою доблестную службу он закончил генерал-майором и комендантом дворца в Беловеже.

*

Мы — офицеры — разместились в свитском доме. Шагах в тридцати был дом, где жили Понамаренко. Немного ниже находился маленький лесопильный электрический завод для приготовления дров. Против свитского дома была обширная конюшня на целый эскадрон. Между этими постройками была очень хорошо содержащаяся зеленая площадь, на которой мог строиться эскадрон в конном строю.

Если итти ко дворцу, то влево была великолепная оранжерея, где выращивались всевозможные цветы и декоративные растения.

Пономаренко жили, как помещики, а г-жа Пономаренко была большая искусница приготовлять разные соленья, маринады, настойки, наливки и тому подобные вкусные вещи. Мы часто пользовались их гостеприимством.

Мы близко познакомились и с прелестной гостеприимной семьей Колокольцовых: часто у них бывали, завтракали, обедали, а с прелестными барышнями играли в разные игры. Колокольцовы устраивали пикники в живописных местах Пущи, на которых мы очень мило проводили время, вкушая отменные блюда их повара. Барышень мы учили ездить верхом и они в этом хорошо преуспевали.

Так как полуэскадроны и эскадроны сменялись, то постепенно весь полк познакомился с семьей Колокольцовых и завязались дружеские отношения. Отношения эти закрепились еще более браком офицера полка шт.-ротв. М. С. Пушешникова с одной из прелестных дочерей главноуправляющего, О. К. Колокольцовой. На бракосочетание был приглашен весь офицерский состав полка и хор трубачей...

*

Об Императорском имении Пущи мы знали еще со школьной скамьи. Знали, что только там водятся какие-то страшные, громадные звери — зубры. Будучи офицерами, познакомились с "зубровкой", на пузатых бутылках которых было изображение зубра. Теперь нам посчастливилось с ней познакомиться близко, наяву, и от всего увиденного там мы были в восхищении...

Лес Пущи был какой-то особенный. Богатство растительности, ее свежесть; зелень травы, деревьев — ярче, зеленее. Ароматная трава зубровка росла там в большом количестве в диком состоянии, но ее засе-

ивали и для экспорта, а, кстати сказать, эту траву зубры не ели... Неимоверное количество разных лесных цветов, ягод, грибов, трюфелей. Последние собирались при помощи собак, которым в еду подмешивали трюфель и они по чутью начинали рыть землю, где находились трюфели.

А несравненный воздух, насыщенный лесным ароматом до того был легкий и приятный, что дышалось там совершенно иначе. Если к этому добавить десятки тысяч зверей — обитателей Пущи, — то она представляла из себя какую-то волшебную сказку.

Императорское имение Беловежская Пуща занимала пространство 120 тысяч десятин первобытного леса и делилось на пять имений. Гайновское (заведующий Веньяминов), Бровское (зав. Юргенсон), Королевское (зав. Николаев — знаменитый стрелок), Старицкое (зав. Курдюмов) и пятое, отдельное от Пущи, Косовское (зав. Зентен).

Вся Пуща была разделена на равные участки в одну квадратную версту, по углам которых были столбы с номерами, так что, имея карту Пущи, легко можно было ориентироваться. Между этими участками были широкие охотничьи дороги, засеянные, как газон, травой, предназначенные для Высочайших охот; содержались они в образцовом порядке и были похожи на теннисные площадки. Обыкновенно они были забаррикадированы и по ним мог ездить только главноуправляющей Пущей А. Д. Колокольцов.

Через Пущу проходили в разных направлениях шоссейные дороги, будто они были только что построены и по ним никто еще не ездил.

Что касается звериного населения Пущи, то им ведал особый заведующий охотой, пять обер-егерей и большой штат егерей и других служащих.

Все звери были на точном учете и в 1915 году летом зубров было точно 708, до восьми тысяч оленей и бездна разного другого зверя, различных пород диких коз, рысей, кабанов, зайцев, лисиц.

Лисицы в Пуще истреблялись и за каждую убитую егерями лисицу выдавались наградные — 5 золотых рублей. По желанию Вел. Кн. Николая Николаевича было поймано много лисиц, и их целый вагон был отправлен в его имение Першино, в Тульскую губернию.

Зубры были на особом учете и о каждом изменении их числа доносилось Государю.

Дважды в год в Пуще производилась "чистка". Убивались неудачные экземпляры, выродки, больные, старые. Убивались зубры одиночки, отбившиеся от стада, сделавшиеся свирепыми и приносившие вред не только животным, но и людям. Убивались старые олени и козы с хорошими рогами. Большой чистке подвергались дикие кабаны, из-за быстрого их размножения. Лосей в Пуще не было, если не считать, что последний лось пал от старости еще за несколько лет до войны 1914 года.

Егеря были такие молодцы-специалисты, что могли перегнать любого зверя с любого сектора туда, где будет загон для охоты, а если надо, то и привязать зверя к дереву...

Несмотря на то, что в Пуще для зверей корма было много, еще повсюду на участках были расставлены кормушки со свежим сеном и трава сеялась громадными площадями. Воды в Пуще было изобилие. Для зимы делались специальные заготовки сена, корнеплодов и разных продуктов питания.

Если ехать из дворца по шоссе на Гайновку, то примерно в верстах десяти в стороне направо был устроен "зверинец", где в загороженном лесном участке находились звери всех пород и типов. Там же находился кавказский зубр, прозванный "Шамилька". Он был много меньше беловежского зубра. Этот зверинец был специально устроен для туристов, чтобы сразу можно было бы видеть все породы и типы зверей, обитателей Пущи.

Кроме зверей в Пуще было масса пернатых: глухарей, тетеревов, рябчиков, куропаток, не говоря уже о разных других породах птиц. При дворце в парке находился громадный "фазанник", где фазаны жили, как на свободе, а в Высочайшие приезды их выпускали и они летали и гуляли вместе с белыми павлинами, фламингами и белоснежными лебедями. Некоторые фазаны "избирали свободу", отлично приспособляясь к руской холодной зиме и жили в Пуще в диком состоянии.

Замок-дворец, построенный еще при жизни Императора Александра III, был удивительной красоты. Фамилию инженера я не помню, но знаю, что когда первый раз Император приехал в Беловеж на охоту, то так был восхищен дворцом-замком, что выдал инженеру-строителю наградные 5.000 рублей....

Внутренность дворца представляла из себя настоящий музей. Чучела зубров и других животных. Стены были украшены рогами со лбами лосей, оленей, коз, зубров и головами зверей с рогами. Под каждой головой и парой рогов красовались серебряные дощечки, с указанием — когда и кем взята. Трофеи Государя, великих князей (особенно вел. кн. Николая Николаевича, страстного охотника), императора Вильгельма и многих других высоких посетителей Пущи. Исключительно ценным экземпляром считалась пара оленьих рогов в 32 отростка, взятая управляющим Уделами князем Кочубей.

В бильярдной комнате на зеленом сукне бильярда были росписи, удивительной точности, обеими руками Императора и Императрицы, обыкновенные росписи великих княжен и что-то вроде росписи маленького Наследника Цесаревича.

Все во дворце можно было осматривать, кроме где останавливались Государь и Государыня. Посетители дворца расписывались золотым пером в почетной книге (там были и моя роспись).

С грустью можно сказать, что уже нет этого прекрасного дворца — охотничьего замка — он сгорел до тла... Что же касается звериного царства, то, когда, в первую мировую войну, немецкая армия заняла Беловежскую Пущу, то немцы там устроили лесопильные

заводы и консервные фабрик. Лес рубили, а зверям устроили форменную бойню, чтобы кормить своих голодных солдат.

В Беловеже была большая, хорошей постройки каменная церковь. Семья Колокольцовых была очень верующая, а кроме этого А. Д. Колокольцов очень любил и хорошо знал церковное пение, почему в школах детей учили кроме прочей премудрости и пению. Когда Колокольцов брал на службу чиновников, то, как говорили, он делал предпочтение тем, у кого был хороший голос. Если это и так, то надо отдать должное А. Д. Колокольцову — церковный хор был на редкость хороший, а образцовый порядок и чистота, какой блистала Пуща, только доказывает, что басы и тенора отлично знали свою работу...

***

В дальнейшем полуэскадроны и эскадроны сменялись, но на охране Пущи бывали только Харьковские уланы (в то время драгуны).

В самом начале сентября 1906 г., на охоту в Беловеж должен был прибыть Великий Князь Николай Николаевич и из Пружанского уезда экстренно был вызван, находившийся там, 6-й эскадрон ротмистра Кисилева, при офицерах: штаб-ротмистре Якобсон и корнетах С. Булацель и Невзорове.

Великий Князь, с супругой Вел. Княгиней Анастасией Николаевной, прибыли на сутки раньше чем их ожидали и был маленький "переполох", так как охрана еще не была поставлена.

Когда ротмистр Кисилев явился Его Высочеству с рапортом, Вел. Князь сказал: "Прошу вас и господ офицеров забыть, что я здесь. Я приехал сюда охотиться, а не по службе".

5-го сентября — день нашего полкового праздника, и мы, офицеры, получили приглашение быть у Великого Князя на завтраке. Приглашен был и главноуправляющий Пущей А. Д. Колокольцов.

Великий Князь нас очень любезно встретил и представил Великой Княгине. В столовой был сервирован стол с закусками. Великий Князь сам себе налил рюмку водки, а ротмистр Кисилев наполнил рюмки для всех остальных. Все выпили по одной рюмке и Вел. Князь попросил гостей к столу.

Всех нас было семь человек. Вел. Князь сел на председательское место, Вел. Княгиня по левую сторону, ротмистр Кисилев по правую, а мы по старшинству. Кушанья подавались на золотых блюдах, лакеи разливали вино.

После жаркого было разлито шампанское и Вел. Князь встал и провозгласил тост за наш полк и, поздравив нас с полковым праздником, выпил свою стопку шампанского сразу. Мы же отпили понемногу и поставили свои стопки на стол. Вдруг Его Высочество говорит: "Это так вы пьете за ваш полк?". Мы "хлопнули" наши стопки до конца, которые были немедленно наполнены вновь лакеями. И при следующих тостах мы уже пили шампанское сразу и до дна.

Когда ротм. Кисилев попросил у Вел. Князя разрешения откланяться, то любезный хозяин проводил нас не только до передней, но и вышел с нами на площадку лестницы.

От радушного приема мы были в восторге. Вечером Вел. Князь прислал нам шесть бутылок шампанского, просил их принять и выпить за его здоровье, что и было исполнено с большой радостью.

Когда Высочайшие гости покидали Беловеж, то уланы были поставлены разомкнутыми рядами по пути следования экипажа до станции железной дороги; уланы провожали их громким ура, а мы, офицеры, верхом следовали за коляской.

***

В 1907 году Вел. Князь Николай Николаевич опять приезжал на охоту в Беловеж. Опять на охране был Харьковского уланского полка 6-й эскадрон ротмистра Кисилева. Все было, как и в прошлом году, но только когда мы были приглашены Вел. Князем на завтрак 5-го сентября, в день нашего полкового праздника, то шампанское мы "хлопали" сразу. Вел. Князь это заметил, улыбнулся и сказал: "Вижу я вас научил. Правильно!"

В 1908 году Вел. Князь Николай Николаевич вновь приехал в Беловеж на охоту с Великой Княгиней. На охране был нашего полка 5-й эскадрон ротмистра Пустошкина. От нас они знали все, что полагается делать и когда 5-го сентября офицеры были приглашены на завтрак к Великому Князю, то пили шампанское до конца сразу...

***

Уже в эмиграции, в Париже, я, как старший офицер 1-го уланского Харьковского полка, получил от генерала Чекотовского, председателя объединения конницы и конной артиллерии во Франции, предписание "В воскресенье 21 сего октября (1928 г.) назначено представление Его Императорскому Высочеству. Вам надлежит прибыть на вокзал Бастиль к 1 ч. 28 минут и следовать до станции Сантени".

Вел. Князь уезжал на жительство на юг Франции в г. Антиб и пожелал видеть и проститься со старшими офицерами кавалерийских полков. У меня была мысль напомнить Вел. Князю и Вел. Княгине их приезд в Беловеж, где я имел честь и счастье два раза у них завтракать и как Вел. Князь приказал нам пить шампанское за свой полк — залпом сразу... Но в тяжелой обстановке, в которой я увидел Их Высочества, я так растерялся, что ничего не сказал.

С. Булацель

ПРИЕЗД ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НА ОХОТУ

Летом 1912 года разнесся слух, вскоре получивший подтверждение, что после бородинских торжеств Государь с Августейшей семьей посетит Беловеж и, в связи с этим, охрана будет усилена.

Вскоре выяснилось, что на охрану пойдут — батальон 61-го пехотного Владимирского полка, Донской полк 7-й кавалерийской дивизии и один из наших полков — Харьковский уланский или Мари-

упольский гусарский. Это "или" было для нас совершенно неожиданным, так как казалось вполне понятным, что полк семь лет несший охрану, великолепно знающий обстановку, и должен быть назначен.

К сожалению, не того мнения был начальник дивизии генерал-лейтенант Т..., сильно недолюбливавший улан и благоволивший к гусарам. Пользуясь личным знакомством и расположением помощника командующего войсками генерала Брусилова, он возбудил ходатайство о назначении гусар.

Нечего и говорить о том, какое волненье переживали мы. Но командир полка, полковник фон Круг, сделал личный доклад командующему войсками генерал-адъютанту Скалону, с указанием на то, что охрана в этом году не только величайшая честь, но и величайшая ответственность и просил отстоять права полка. Запрошен был Петербург и, кажется, министр Двора, генерал-адъютант граф Фредерикс, высказался за продолжение несения охраны Харьковскими уланами.

Уланы ликовали, гусары повесили носы, а генерал Т... затаил злое чувство, с которым потом пришлось считаться.

Начались приготовления — пригонка обмундирования, отбор людей, распределение эскадронов, усиление хора трубачей несколькими солистами из Варшавы и т. д. По выработанному расписанию, штаб полка и 3-й эскадрон располагались в дер. Сточек, в полуверсте от дворца, остальные эскадроны по переферии Пущи. Казачий полк — в дер. Подоляны, в двух верстах от д. Сточек.

Население этих деревень сотояло из потомков некогда переселенных в них государственных крестьян из центральных губерний и, среди польско-литовского моря, образовывало чисто русский островок, с русской речью и красивым великорусским типом. Жили крестьяне зажиточно, почему уланы и кони были размещены прекрасно. Под офицерское собрание и штаб полка была отведена большая изба в центре деревни.

Немедленно по прибытии всюду была наведена полная чистота, дворы украсились уланскими пиками с флюгерами, были поставлены шесты с указанием, сколько улан и коней стоит во дворе, а при въездах в деревню установлены традиционные "грибы" для дневальных.

Вскоре стали прибывать различные службы Двора и лошади Государя, Великих Княжон и крохотный пони Наследника.

28 августа прибыли, наконец, долгожданные Августейшие Хозяева, торжественно встреченные на вокзале Беловежа. С Императорской Семьей прибыл также Вел. Князь Дмитрий Павлович и чины свиты.

Началась для нас жизнь полная восторгов и волнений. Каждое утро Великие Княжны делали прогулку верхом в сопровождении конюшенных офицеров. Едва заметив их появление из дворцового парка, дневальный улан зычным голосом кричал: "Дежурные, дневальные, на линию!" Крик передавался по всей деревне и, конечно, не только дневальные, а все офицеры и уланы выскакивали из дворов полюбоваться Высокими амазонками.

Великие Княжны, проезжая, здоровались с группами и отдельными уланами легким поклоном, на который следовало громкое уланское: "Здравия желаю Ваши Императорские Высочества!" Это, видимо, их очень забавляло, т. к. вскоре мы заметили, что они стали проезжать не группой, как раньше, а по одиночке, по старшинству, на дистанции 20-30 шагов. Таким образом "здравия желаю" неслось почти беспрерывно во все время их проезда. Особое восхищение и особо ревностный ответ вызывал проезд младшей Вел. Княжны Анастасии Николаевны. Она еще не имела, как старшие сестры "своего полка" и, как рассказывали лица свиты, старшие трунили над ней, говоря, что она получит шефство пожарной команды.

Наш полк, после кончины своего Шефа Великой Княгини Александры Петровны, матери Вел. Князя Николая Николаевича, был, так сказать, "на выданьи" и понятно, какая тайная мечта владела всеми сердцами от командира до рядового улана.

Часто проезжала через Сточек и Государыня в коляске с Наследником.

Государя с его чарующей улыбкой видели мы при проездах на охоту, в его любимом, стареньком пальто, которое он называл "дедовским". Видели его и в церкви. По окончании богослужения, 3-й эскадрон и чины штаба полка выстраивались на площадке перед церковью. Государь здоровался с уланами, на что, после ответа, вырывалось громкое ура.

Государь обычно приглашал к своему столу командира полка и старших офицеров. Весь уклад жизни царственной семьи не носил никакого официального характера; видно было, что семья просто приехала отдохнуть в свое имение.

На одном из завтраков, которые обыкновенно были очень просты, Государь отозвал в сторону командира полка и спросил: "Скажите, что я мог бы сделать приятное полку?" Полковник фон Круг ответил, что большой радостью для полка было бы производство в штаб-офицеры командира 6-го эскадрона ротмистра Кисилева. — "Хорошо", сказал Государь: "но только покажите мне его, чтобы я не ошибся". На следующий день, в церкви, ротмистр Кисилев, ничего не подозревавший, был помещен неподалеку от Государя. Его Величество один раз повернулся и внимательно посмотрел на него, а во время завтрака поздравил его штаб-офицером и выпил за его здоровье. Нечего и говорить, как широко были "вспрыснуты" нами штаб-офицерские погоны, всеми любимого и уважаемого Николая Алексеевича Кисилева, который своей беспримерной доблестью во время войны оправдал Государеву милость.

Государь узнал, что полковой священник о. Владимир Дубровский, глубоко чтимый и уважаемый всеми, страдает тяжелой болезнью глаз, угрожающей полной слепотой. Немедленно Его Величество повелел выдать о. Дубровскому из своих средств на лечение 500 рублей, сумма очень большая по тогдашнему времени.

Не оставляла своим вниманием улан и Государыня. Заметив, что офицеры полка стоят в церкви у выхода, послала флигель-адъютанта с выражением своего желания, чтобы впредь всегда офицеры занимали место непосредственно за Императорской семьей. Глубоко тронуты были мы все тим вниманием.

Однажды, проезжая по охотничьей дорожке молодую лошадь, улан 3-го эскадрона Стельмах заметил, что его нагоняют верхами Государь и Вел. Князь Дмитрий Павлович. Не растерявшись, улан круто повернул с дорожки, взял почти с места широкую канаву и вытянулся во фрaнт. Подъехав, Государь сказал: "Молодец, улан, лихо взял канаву". Радостно взволнованный Стельмах по возвращении доложил по команде об этом случае, который был отмечен потом в приказе по полку и Стельмах был награжден серебряными часами.

Сравнительно мало приходилось видеть Наследника, но старшие офицеры, бывавшие на завтраках, много рассказывали об очаровании царственного мальчика и его шалостях за которые его часто журили родители. Любимым способом его прибытия на завтрак было спуститься, скользя по перилам лестницы, с верхнего этажа, что всегда вызывало "нагоняй", т. к. при том состоянии его здоровья, каким он обладал, это грозило опасностью.

Однажды, незаметно прокравшись из дворца в парк он увидел на озерке ялик. Отвязать его и вскочить было делом мгновения и, гордый своей затеей, мореход тихо поплыл. Течение очень слабое все же незаметно гнало ялик к деревянной запруде между двумя озерками. Ялик с размаху вскочил на нее и остановился... Видя беду неминуемую юный мореплаватель стал кричать и звать на помощь. К счастью, проходивший крестьянин услышал крики и, увидав в чем дело, бросился в воду, сдвинул ялик с запруды и по горло в воде, на буксире, доставил Царевича к берегу, где уже столпились встревоженные воспитатели. Говорили, что нагоняй был "генеральный".

В дни охот Государь и все участники их обыкновенно проезжали через Сточек, а вечером офицеры и уланы приглашались посетить, так называемую, штреке. Вся добыча дня доставлялась во дворец и егеря раскладывали ее живописной группой на площадке перед дворцом, украшая ее зеленью и ветвями. К каждому убитому зверю прикреплялась карточка с именем удачливого охотника. С наступлением темноты загорались в руках егерей факелы и раздавался, играемый на рожках, охотничий гимн, причем каждая порода зверей имела свой гимн. После этого Государь с семьей и участники охоты спускались с террасы дворца к площадке и обходили, рассматривая, убитого зверя. Много шуток и веселья вызывали те охотники, под ружье которых попадали домашние животные, главным образом коты, к трупам которых была прикреплена карточка с именем охотника... По группа самых разнообразных, украшенных зеленью, зверей: зубров, оленей, коз, кабанов, лис и т. д., освещенных колеблющимся пламенем факелов, звуки охотничьих горнов и рожков, царственные хозяева и их блестящая свита — представляли собой нечто волшебное, незабываемое...

В 9 часов вечера со стороны д. Сточек раздавались звуки кавалерийской зари, исполнявшейся тремя солистами — корнетистами — после которой хор трубачей, великолепно поставленный в полку, исполнял "Коль славен".

*

Приближался день праздника полка — 5 сентября. Шли большие приготовления. Надо было сделать избу, служившую собранием, достойной принять высоких гостей. К великому нашему разочарованию, на переданную командиром полка через графа Фредерикса надежду Харьковских улан, что Государь осчастливит полк своим присутствием, Его Величество ответил, что сожалеет, но быть не может, т. к. в этот день должен присутствовать при окончании больших маневров Варшавского округа. "Надеюсь, что Дмитрий и моя свита меня заменят", добавил с улыбкой Государь.

5-го сентября, после молебна, стали прибывать чины свиты, после которых, в автомобиле управляемом князем Орловым, прибыл Вел. Князь Дмитрий Павлович, в сопровождении министра Двора гр. Фредерикс.

Встреченные звуками полкового марша и командиром полка, гости прошли в избу-собрание, где состоялось представление офицеров, которые собрались почти все из пунктов охраны.

Обед и вина, о которых так заботился и волновался заведующий собранием шт-ротм. Якобсон 2-й, оказались превосходными, простота Вел. Князя и милое отношение чинов свиты сделали остальное.

После тостов за Государя, Его семью и высоких гостей, состоялось представление только что прибывших в полк, новопроизведенных корнетов Ягубова и Ципгиладзе. "Принимал" их, "молодых сугубцев", по традициям Николаевского кавалерийского училища, сам генерал-адъютант граф Фредерикс. Повернул их "для пущей отчетливости" несколько раз кругом, он сказал о счастье и чести служить в одном из старейших полков конницы, после чего предложил по бокалу вина. К его удивлению корнет Ципгиладзе от вина отказался. "Как? Вы не пьете? За полк?" — Так точно, ваше сиятельство, я дал слово не пить" — был ответ. "А, дали слово не пить — тогда хвалю", сказал Фредерикс и бокал был передан обрадованному корнету Ягубову.

Шел общий оживленный разговор, пели полковые песни и особенно понравившуюся Вел. Князю "Песню о вещем Олеге". Он с видимым удовольствием здоровался с кудесником, на что все хором отвечали: "Здравия желаем, ваше императорское высочество" и благодарил кудесника за службу. Вел. Князь Дмитрий Павлович впоследствии, в бытность свою в Персии, при встрече с пишущим эти строки, вспоминал этот день и "Песнь о вещем Олеге"; памятным остался он и у встреченных им уже в эмиграции, гр. Д. А. Шереметева и кн. Белосельского-Белозерского, состояв-

ших тогда в государевой свите. Еще более сохранилось это счастливое время в сердцах уцелевших Харьковских улан.

***

По возвращении Государя с маневров, в особой аудиенции, командир полка принес всеподданейшую благодарность Харьковских улан и просил о чести расписаться в почетной книге полка, в которой были собраны автографы всех Государей, начиная с Царя Алексея Михайловича, при коих полк нес свою службу, а полковой историк, ротмистр Богданович, поднес Его Величеству Историю полка со дня основания. Дар был милостиво принят, а почетная книга обогатилась подписями не только Государя, но и Государыни, Великих Княжон, Наследника, Вел. Князя Дмитрия Павловича, а также всех лиц свиты, присутствовавших на нашем полковом празднике. Книга эта, при общем разгроме, была спасена и находилась на хранении у ротмистра Казаченко.

В последние дни пребывания в Беловеже Государь наградил капельмейстера полковых трубачей Демидова и штаб-трубача Плосского почетными золотыми часами, а полку пожаловал чучело убитого им дикого кабана, с надписью о том на серебряной дощечке. Кроме того было разрешено сделать чучело из убитого зубра для помещения его в офицерском собрании. Чучело кабана мы получили из Беловежа, а зубр был отравлен в Варшаву, где мастер специалист сделал из него чучело. Помимо этого, главноуправляющий Пущей А. Д. Колокольцов прислал нам чучело лисицы и много рогов со лбами и голов с рогами. Все это очень украсило наше офицерское собрание и было счастливою памятью о пребывании полка на охране в Беловежской Пуще в 1912 году. Память этого счастливого периода в жизни полка была ознаменована также подарком полку чудной картины "Охотничья дорога в Беловеже", поднесенной полку художником Броваром.

***

12 сентября Их Величества, с семьей и свитой, отбыли из Беловежи в Спалу, провожаемые искренней грустью всего окрестного населения и, особенно, Харьковских улан. Ярко иллюминованный маленький вокзал Беловежа и, освещенный электричеством, царский поезд. Перед отходом, в окнах царского вагона показались, как бы в рамках портретов, образы Государя, Государыни с Наследником на руках и поодиночке всех Великих Княжон.

Поезд тихо тронулся и перед нами проплыли незабываемые образы тех, за кого готовы были отдать жизнь Харьковские уланы.

Проплыли.. в вечность. Более мы их не видели...

Н. Булацель

(Продолжение следует)

Боевой и мирный календарь Измайловцев с июня 1915 по июнь 1916 годов

(Из "Измайловской Старины") *Б. Геруа*

Указанный годовой период совпал с моем командованием полком. Время это не принадлежало к урожаю громких побед на Русском фронте. Вплоть до весны 1916 года мы либо стратегически, и под напором, отходили, либо оборонялись. Бесцветность этих операций впервые была нарушена лишь в мае 1916 года знаменитым Брусиловским прорывом на Волыни. Но Гвардии не довелось входить в эти блестящие дни в состав Юго-Западного фронта. Она находилась в распоряжении Верховного командования, т. е. в самом глубоком (не географически, а лишь в порядке использования) стратегическом резерве. К тому же и географически она была на противоположном фланге — на севере. Спускаясь постепенно на юг (начиная с 7 мая) с приостановками в зависимости от хода мысли Ставки — Гвардия, по отношению к расцвету Брусиловского прорыва, "сползла" к Луцку позже, чем через месяц. Это было, как говорится, "к шапочному разбору".

Возобновленные в своей боевой способности Войска Гвардии, снова свежие и полные наступательного духа, оказались включенными в орбиту Брусиловского победоносного продвижения тогда, когда оно уже пошло на убыль. К довершению незадачи для Гвардии, включение это было произведено на участке местности не обещавшем сколько-нибудь продолжительного успеха (болотисто-лесные дефиле Стоходской долины).

Таким образом, весь этот год, с июня 1915 по июль 1916 года прошел для Гвардии без того чудодейственного подъема и возбуждения, которые дают наступление, атака и преследование. В этот период, однако, войска пережили два страдных боевых месяца, начиная с 5-го июля по 15-е сентября. Эти два месяца восстанавливаю в своей памяти с тяжелым чувством.

Пассивная день за днем оборона... Отход под давлением противника то тут, то там вызывающим, так называемое, "стратегическое" общее отступление. Постоянно растущая собственная убыль при неизвестности потерь неприятеля. Полное отсутствие существен-

рых доказательств хорошей боевой работы — отнятых у противника бойцов, их оружия и боевых припасов. Не много было и таких подвигов отдельных мелких частей и лиц, которые можно было бы воспеть особо. Во время непрерывного отступления не хватает ни времени, ни случая для проявления частной предприимчивости. Общий же массовый подвиг терпения и боевой стойкости, представляющий сумму героизма сотен и сотен людей, скромен и незаметен.

Собственно в боевой истории л-гв. Измайловского полка в этот сумрачный период был только один проблеск — Красностав 5 июля 1915 года. Хоть и коротткий, а был броском вперед. Хоть и на одни сутки, а было сознание доброго боевого дня, проведенного в успешном единоборстве с лучшими немецкими войсками.

Затем — однообразный месяц отхода с боем Холм-Брест и не менее однообразный, но, пожалуй, еще более трудный месяц Виленской операции, закончившийся для нас в Сморгони.

Остальное время — нахождение в резерве за разными участками обширного фронта и приведение себя в порядок. Время мирное и учебное.

Отсутствие документов и записей не позволяют мне вести равномерный и связный рассказ. Поэтому я ограничиваюсь посильным подбором воспоминаний с календарем и картой в руках. Одна карта мне любезно была предоставлена Семеновцами, с отметками передвижения л.-гв. Семеновского полка. Так как Измайловцы действовали с ним бок о бок и Семеновские батальоны были в бою, даже не раз, подчинены мне, то отметки этой карты часто годятся и для Измайловского полка. Но конечно с оговоркой — "примерно", так как названия ночлегов и стоянок всегда были другие. Кроме того мне удалось достать на время русскую "трехверстку" нужных районов из Британского военного министерства. По ней я смог внести некоторые существенные поправки. Такую же помощь оказала мне двухверстная карта районов Вильна-Сморгонь, которую я получил из Риги. Участникам операций описываемого года, память которых сохранила даты и названия, остается уточнить мой грубый обрис. Мне уже помогли в этом отношении Б. В. Фомин и А. Н. Из Лубны-Герцык, а также Э. Э. Гамбс, А. А. фон Бретцель и Б. К. Перский, которых очень благодарю за доставленные ими данные.

Пусть эти звенья полковой истории в течение года моего командования при всей их неровности, приблизительности и обывательском изложении послужат материалом для будущего настоящего историка. Пожелаю ему удачи найти более солидную основу и первоисточники. В настоящем же, повторяю, я прошу читателей этой хроники и моих боевых сотрудников, отозваться на нее своими дополнениями и поправками.

*

В конце апреля 1915 года, когда я находился в рядах 31-й пехотной дивизии и на реке Сане, после тяжелого отхода с фронта Тарнов-Горлица, я почти одновременно получил два предложения, одно за другим: принять л.-гв. Измайловский полк или должность генерал-квартирмейстера штаба III армии. Без колебания я выбрал первое. Радовала мысль вернуться в родную 1-ю Гвардейскую пехотную дивизию, даже в родную 2-ю бригаду, где л.-гв. в Егерском полку я начал свою службу. Стать во время войны во главе одного из старейших полков Гвардии я считал большою честью и предстоящее назначение — наградой.

31-я дивизия еще продолжала вести бои на реке Сане, когда получилась телеграмма о состоявшемся 9-го мая моем назначении, Высочайшим приказом, командующим лейб-гвардии Измайловским полком. Примерно через три недели, около 1-го июня, я прибыл к полку, который в это время стоял уже четвертый месяц на позициях северного берега Нарева, впереди Ломжи (штаб полка в Киселльнице). Когда я проезжал через этот город, то "представился" своему старшему брату, генерал-квартирмейстеру XII-й армии, в состав которой входила Гвардия. Брат намекнул мне на ухо — отнюдь не для распространения — что гвардейский корпус доживает под Ломжей свои последние дни и что в течение ближайшей недели он начнет свою погрузку для переброски на южный фронт.

Напомню в двух словах стратегическую обстановку того времени. В начале апреля в Галиции немцы — ибо не только старшее командование было немецкое, но и значительная часть войск — произвели свой знаменитый прорыв к югу от Тарнова. Армии Юго-Западного фронта, растянутые от Буковины через Галицейские Карпаты до границ Русской Польши, вынуждены были к методическому отходу. Не хватало ни резервов, ни огнестрельных припасов. При этих условиях несколько раз отдававшийся Ставкой категорический приказ "ни шагу назад" каждый раз повисал в воздухе. Неприятель где-нибудь прорывал фронт, парировать было нечем, и армии должны были выравнивать положение на новой тыловой линии. Совершенно ничтожное число артиллерийских снарядов, разрешаемое к расходованию, делало то, что по существу войска сражались без артиллерии. Помню, что в 31-й пех. дивизии на Сане было разрешено выпускать в день не более восьми снарядов на орудие.

Производить контратаки днем было нельзя. Их предпринимали по ночам и расчитывали на один штык. В случае успеха, пехота не могла его развить, а чаще всего не могла и удержать отвоеванного у противника пространства, так как днем ее начинала гвоздить неприятельская артиллерия — почти без ответа с нашей стороны, — и к вечеру позиция очищалась.

Отход постепенно вовлекал в него армии, стоявшие севернее Галицийского фронта, а также вызывал перегруппировки для выделения резервов, которые направлялись на юг.

Случившееся там боевое землетрясение начинало, шаг за шагом, коробить весь наш фронт; таким образом стоявший (спокойно-позиционно) наш северный фланг был также потревожен: гвардейский корпус был осажен с позиций в резерв. Начиная с 6 июня

части 1-й Гвардейской пехотн. дивизии сменялись на позиции армейскими частями и проходили город Ломжу, а через пять дней марша Рутки - Бабино- Белосток вдоль южного берега Нарева сосредоточились к Белостоку.

Во время марша полка особенное внимание было обращено мною на восстановление маршевой дисциплины, обыкновенно забываемой во время длительного сидения в окопах и ходьбы "крючком".

В Белостоке началась посадка эшелонов в поезда и их перевозка, с 18 июня, по железной дороге Белосток - Влодава - Холм на юг (около 200 верст).

ХОЛМ - КРАСНОСТАВ - БРЕСТ

Гвардия была высажена в Холме и около него. Измайловский полк — примерно 20 июня. Части простояли на квартирах южнее Холма около двух недель. В это время шли бои на подступах к Люблину и Красноставу. Противник, развивая свой успех в Галиции, успел оттеснить нас от реки Сана и, шаг за шагом, внес бои в пределы восточной части Русской Польши. Около 1-го июля противник наступал, преследуя, по обоим берегам реки Вепржа.

23 июня, в деревне Сенница Королевская (7 верст восточнее Красностава) полк получил приказание расположиться в деревне Бзите. Западнее нас стояли Лейб-Егеря, а севернее — Преображенцы и Семеновцы.

Во время стоянки здесь к полку прибыл, бывший до того времени в отпуску Князь Константин Константинович и вступил в командование ротой Его Величества. Являясь мне по случаю прибытия, Его Высочество обрадовал меня вестью, что его отец, узнав о моем назначении, выразил, в очень лестных для меня выражениях, свое удовлетворение. Великий Князь скончался в те дни, когда я ехал принимать полк, и я не имел возможности представиться ему — как маститому Августейшему Измайловцу.

3 июля линия боев приблизилась к Красноставу. Не только была явственно слышна стрельба, но, по ночам, было видно и зарево пожаров. Вечером 4 июля был получен приказ вступить ночью в боевую линию, сменив к северу от г. Красностава, по обе стороны шоссе, ведущего на Холм, 72-й пехотный Тульский полк. Наше наступление происходило на восточном берегу р. Вепрж. Преображенцы должны были произвести подобную же смену на западном берегу, действуя правее Измайловцев.

Думало ли действительно старшее командование о возмоежности повернуть счастье в нашу пользу и, перейдя свежим корпусом на красноставском участке в контратаку, отбросить австро-немцев и — по меньшей мере — остановить всеобщее отступление? Вера в осуществимость этого должна была существовать.

Каждый раз, когда удавалось выделить свежий резерв и ввести его в бой на той или иной части фронта, возникала надежда на решительный успех и поворот событий. Вести войну и драться без такой надежды нельзя. Но условия были черезчур тяжкими: огнестрельные припасы по-прежнему поступали в дозах гомеопатических: состязание с огнем противника было более чем неравное; на пути продвижения противника — в общем направлении с юго-запада на северо-восток не было крепких рубежей вроде р. Нарева на севере или р. Вислы на западе передового театра; наконец, слишком велико было потрясение всего фронта, чтобы появление, время от времени, то тут, то там непотрепанного еще корпуса могло внести поворотную поправку в общее положение. Поправка обычно сказывалась только временной и местной. Предупреждала грозивший развал, подпирала на время данный участок, замедляла преследование, давала нам выигрыш времени для перегруппировок.

Именно такую роль суждено было сыграть Гвардии под Красноставом, а через месяц — и под Вильной.

Для историка русской кампании 1915 года предстоит интересная задача выяснить, возможно ли было, в обстоятельствах того времени, проявление нашей Ставкой стратегического творчества, выходящего за пределы "подпирания" и "затыкания". Невольно приходит на ум блестящий маневр французов в августе-сентябре 1914 года. Молниеносная потеря бельгийского укрепленного плацдарма и быстрый откат трех армий французско-английского левого крыла были много хуже, чем прорыв нашего галицийского фронта. В тылу этого прорыва у нас было необъятное пространство. Французы же готовились потерять Париж — не только столицу, но и важнейший опорный пункт — так сказать — цитадель всей сильно укрепленной приграничной полосы. Место и глубина для организации маневра было ничтожное. Состояние отступающих армий едва ли было лучше, чем наших армий, отступавших в Галиции. Правда, соотношение мощности артиллерий — французской и немецкой — не было таким абсурдным, как на русском фронте в 1915 году; но первая Марна была выиграна не артиллерией, вообще не огнем, как впоследствии Верден, а внезапным для немцев маневром и фланговым ударом целой свежей армии, то есть удачной перегруппировкой, удачным распределением задач, использованием местных рубежей и пунктов (Париж, Марна) и искусным направлением ударной группы — самостоятельной по силе и по возможности развернуть свой маневр. Будь 6-я армия Манури "пришита" к какому-нибудь участку или, еще хуже, втиснута в середину фронта она легко могла бы быть потеряна для решения — как были потеряны многочисленные корпуса и дивизии — "заплаты" в нашей операции 1915 года.

Я опускаю описание боя 5-го июля под Красноставом, так как один из участников этого боя, С. Л. Волкобруп, уже сделал эту работу (см. "Измайловскую Старину" № 5 и "Русский Инвалид" № 6 от 22 июля 1930 г.).

Я помещу здесь только выдержки из воспоминаний полковника Б. К. Перского, под Красноставом,

еще поручика: их не было в распоряжении С. Л. Волкобруна. Особенно четко помнит Перский первоначальную постановку мною задач. А именно, в моей перефразировке:

2-му батальону (полковника Глотова) — развернуться по обе стороны шоссе, оседлав его одной ротой и имея, в начале боя, остальные в резерве:

3-му батальону (полковника Лескинена) — выдвинуться на опушку леса вправо от шоссе и от 2-го батальона. Войти в связь с Преображенцами, действующими на западном берегу р. Вепрж:

4-му батальону (Полковника Скобельцына) — развернуться левее и восточнее 2-го батальона и войти в связь с частями, действующими еще левее (впоследствии л.-гв. 3-й Стрелковый полк);

1-му батальону (капитана Гамбса) — находиться в полковом резерве на северной опушке леса, близ шоссе.

По выходе наших цепей на южную опушку леса открылся отличный обзор местности между Красноставом и лесом. Было видно движение неприятельской пехоты и артиллерии в самом Красноставе и переправа их частей через мост на восточный берег реки Вепрж. На этом берегу уже успели развернуться немцы, которых не только силуэты, но и каски очень хорошо были видны.

Появление свежих частей на этом участке было неожиданностью для неприятеля. Он предполагал продолжать наступление, почти не встречая сопротивления от растрепанных непрерывными и неравными боями полков 14-го корпуса. Немцы из своих цепей даже махали касками в нашу сторону и по-польски предлагали сдаваться. Но наш твердый, звучавший для противника по-новому, огонь быстро положил наступавшие неприятельские цепи в колосившуюся рожь, широким полем спускавшуюся от леса к реке.

Наша артиллерия стала на позиции за ручьем, что к северу от леса, и, получив наблюдение, открыла огонь. Штаб полка расположился в домике лесника, непосредственно за лесом. Телефоны (штабс-капитан Белозеров) протянулись к батальонам через лес и в тыл — к артиллерии и штабу дивизии через открытую местность.

Противник, что называется, "ожегся" и вместо небрежного наступления, расчитанного на падающийся сам собою фронт, принялся готовить атаку нашей позиции артиллерийским огнем. К легким калибрам вскоре присоединились и тяжелые; к шрапнели — легкая и тяжелая граната. Несколько раз в течение дня немецкие цепи поднимались во ржи и пытались приблизиться к нашим линиям. Но каждый раз наш огонь не только укладывал атакующих обратно в рожь, но отбрасывал их назад — с потерями, которые можно было глазом учесть с нашей позиции. Превосходная летняя погода обеспечивала хорошее наблюдение.

Удачным оказалось расположение пулеметов (поручик Б. Гескет) на левом нашем участке, откуда возможно было брать неприятельские цепи несколько во фланг.

К часу дня огневой бой достигает большого напряжения. Из 2-го батальона в боевую линию уже влиты три роты (5, 6 и 8). Вот как описывает это время Б. К. Перский, командовавший 5-й ротой, первой из развернутых во 2-м батальоне, составлявшем центр боевого порядка.

"Люди лежат в лунках, т. к. окопаться из-за мелового грунта нельзя. Летняя жара, день безветренный. Вся линия наша окутана облаком пыли и разрывов. Лес косится артиллерией: деревья навалены одно на другое. Воды нет. Ад стоит сплошной — грохот, шум, пыль, жажда... Всюду убитые и раненые... Во втором часу дня из лощины появляются первые ("первые" после перерыва. Б. Г.) неприятельские цепи. Они хорошо видны. Виден образцовый порядок, перебежки пулеметчиков, командиры... От ружейного огня неприятель несет большие потери, но тем не менее он упорно продвигается вперед и доходит до нас на 200-300 шагов".

Б. К. Перский описывает затем, как приближение противника послужило сигналом контратаки и как немцы, не ожидавшие с нашей стороны движения в штыки, не приняли удара и отхлынули в беспорядке назад. Наши преследовали немцев пачечным огнем, причем люди, увлеченные успехом, расстреливали противника стоя, чтобы его видеть среди моря ржи.

"Неприятель опять открывает бешеный артиллерийский огонь", говорит Б. К. Перский: "а пехота повторяет свои атаки. До 6 часов вечера полк атакуется шесть раз. В особенности была упорна и жестока последняя атака, подготовлявшаяся ураганным огнем всей неприятельской артиллерии. Понеся огромные потери, противник отошел в исходное положение, в лощину".

Таким образом разыгрался, в общих чертах, бой 5-го июля на центральном участке полка; примерно так же были отбиты повторные атаки и на фланговых участках.

(Продолжение следует)

Редакция "Военно-Исторического Вестника" с грустью сообщает о кончине своего многолетнего сотрудника Иосифа Яковлевича Кефели, последовавшей 6 июня этого года. Продолжение его "Воспоминаний морского врача" будет напечатано в следующем ном.

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

№ 21

МАЙ 1963 года

СОДЕРЖАНИЕ

«Военно-Исторический Вестник» выходит два раза в год — в мае и ноябре.
Издается на правах рукописи.

Настоящий номер вышел под редакцией **Ю. А. Топоркова.**

ПАРИЖ.

От правления Общества Любителей Русской Военной Старины

"В. И. ВЕСТНИК" можно получать вне Франции по нижеследующим адресам:

АВСТРАЛИЯ. — Член Об-ва и его представитель на Австралию П. М. Перекрест — 31, Roberts Avenue. Randwick-Sydney (N.S.W.).

АНГЛИЯ. — В. В. Барачевский — 23, Alder Grove, London, N.W.2.

ВЕНЕЦУЭЛА. — К. А. Келлнер — Sarria N° 24, Quinta Coromoto, Caracas.

С. А. ШТАТЫ. — Член Об-ва и его представитель на С.А.Ш. — А. Ф. Долгополов — A. Doll, 5954, Barton Ave, Los Angeles 38, (Calif.).

— Член Об-ва и его представитель на Нью-Йорк — Г. В. Месняев — 6-12, 158 Str., Beechhurst 57, (N.Y.).

Переписку редакционного характера просят направлять по адресу Юрия Александровича Топоркова: G. Toporkoff, 25, rue Rennequin, Paris (17°).

Заказы на все издания и медали Общества, а также все денежные переводы просят направлять по адресу Александра Васильевича Щиткова (на его почтовый текущий счет Paris № 13694.00 или чеками на его имя):

A. Stchitkoff, 15, rue de Médéah, Paris (14°).

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ФОНД

Суммы, поступившие в счет Издательского Фонда, после выхода № 17 "В. И. Вестника", с 1 мая 1960 года по 1 января 1962 года во франках:

Б. Ф. Козлянинов — 5.00, М. Л. Бродский — 5.00, Б. Ф. Козлянинов — 2.50, князь Н. Н. Оболенский —10.00, М. В. Штенгер — 10.00, А. В. Борисов — 5.00, А. В. Дуссан — 5.00, А. В. Щитков — 5.00, М. А. Лютовский — 13.55, П. В. Ден — 7.50, Р. А. Колчак — 8.00, М. А. Лютовский — 20.32, Е. С. Фишер — 16.00, Л. С. Тер-Азарьев — 20.00, Л. С. Пеньков — 5.00, Л. Н. Немиров — 5.00, Н. А. Ллойд — 5.00, Н. В. Борисов — 5.00, Н. В. Пятницкий — 21.00, Н. Н. Палеолог — 3.50, М. А. Джанишев — 100.00, Ф. Н. Бокач — 10.00, В. Н. Загоровский — 90.00, А. А. Попов — 9.00, князь Н. Н. Оболенский — 10.00, граф. М. В. Дмитриев-Мамонов — 5.00, Л. Л. Яворский — 14.65, Н. Н. Беляев — 6.00, Л. Н. Немиров — 5.00, А. В. Щитков — 5.00, С. Н. А. — 1.00 и П. В. Ден — 7.60.

Правление приносит свою искреннюю благодарность всем вышеупомянутым лицам, а также всем членам и друзьям Общества, которые сочли возможным уплатить членский взнос или плату за "В. И. Вестник" в увеличенном, в сравнении с установленным, размере.

ИЗДАНИЯ ОБЩЕСТВА

На складе Общества имеется еще небольшое количество нижеследующих изданий Об-ва:

1. — **"Записка о службе А. В. Суворова"** (изд. 1947 г.). Цена 1,00 фр. или 0,25 дол., или 1,15 франка.

2. — Номера **"В. И. Вестника"**, начиная с № 8. Цена — 2,50 фр. или 0,80 дол., или 2,85 фр.

МЕДАЛИ ОБЩЕСТВА

В настоящее время бронзовые медали —
1. Гвардии и Нарвы (1700-1950),
2. С. Петербурга (1703-1953),
3. Обороны Севастополя (1855-1955),
4. Полтавской победы (1709-1959) и
5. Отечественной войны 1812 г. (1812-1962) высылаются немедленно по получении заказа с обязательным приложением соответствующей суммы. Что-же касается серебряной медали 1812 года, то с момента получения заказа и до отправки медали может пройти иногда значительный промежуток времени.

Цена Полтавской медали 9.00 фр. или 2,50 доллара или 10.00 фр.; цена Севастопольской — 10.00 фр., 2,50 долл. и 11.00 фр.; цена медали Гвардии или Петербурга или 1812 года 14.00 фр., 3,5 долл. и 15.00 фр. Цена серебряной медали 1812 года 48.00 фр. или 12,00 долл. или 49.00 фр.

Все вышеуказанные цены действительны с 1 июля 1963 года. На заказы, полученные до этой даты, действительны старые цены (см. № 20 "В. И. Вестника").

Примечание. Во всех вышеуказанных ценах, первая цена относится к Франции и зоне франка, вторая — ко всем заокеанским странам и третья — ко всем остальным странам. В указанные цены входит стоимость пересылки.

ИСПРАВЛЕНИЯ

Нас просят отметить, что в статье "Беловежъ" (№ 20, стр. 27) дата прибытия Государя в Беловежскую Пущу — не 28 августа, а несколько позже, т. к. 30 августа Государь еще находился в Москве и производил смотр 11-му гренадерскому Фанагорийскому полку, в день его полкового праздника, даровав названному полку в этот день право проходить в Высочайшем присутствии и в особо торжественных случаях церемониальным маршем, держа винтовки "на руку".

Редактор приносит извинение за досадную ошибку в конце 32-ой страницы номера 20-го "В. И. Вестника". Имя и отчество, ныне покойного, автора "Воспоминаний морского врага" — не Иосиф Яковлевич, а Яков Иосифович Кефели.

Мысли и впечатления

(1907 - 1909)

Ю. Плющевский-Плющик

Печатаемые ниже "Мысли и впечатления" — краткие записи, веденные Ю. Н. Плющевским-Плющик (впоследствии генерал-квартирмейстер Добровольческой армии при генерале Деникине), относятся к тому времени, когда он, откомандовав "для ценза" ротою в л.-гв. Семеновском полку, покинул этот полк и был переведен в Генеральный штаб. Эти интересные записи надо рассматривать так, как озаглавил их автор — мысли и впечатления; они кратки и отрывочны. Все что видел вокруг себя, с кем сталкивался по службе, что чувствовал и думал — автор сейчас же заносил в дневник свои впечатления и мысли. Поэтому эти записи нельзя рассматривать как "воспоминания", которые часто пишутся много лет спустя после описываемых событий; они ценны не только свежестью впечатлений, но и наличием в них подробностей и мелочей, так ярко отражающих эпоху, в которой жил молодой офицер, начавший службу в генеральном штабе. Это ценный вклад в "материалы" по истории русской армии начала этого века. Редакция приносит горячую признательность дочери автора, С. Ю. Ковалевской, за предоставление этих записей "Военно-Историческому Вестнику".

4 декабря 1907 г.

Праздновал последний ротный праздник. Говорил заздравные тосты в честь Баранова, Лоде и за уходящий год. Кажется вышло недурно. Люблю я их всех и если не сказал всего, что чувствовал, то тому вина моя застенчивость. И чего стыдиться? Я ведь ухожу, а потому можно сказать о начальнике несколько хороших слов, которые он действительно заслужил.

Около часу сели завтракать. Мой фельдфебель холостой, а потому завтрак я заказал в собрании. Было очень хорошо. Сидели долго в хорошей теплой компании. Выпили несколько флаконов. Хорошие, милые люди, и так искренне меня любят.

Вечером был бал. Играла музыка, ротный коридор старанием П. А. Чебыкина был живописно украшен гирляндами и фонарями. Было много приглашенных. Была моя жена, г-жа Лоде и г-жа Проника. Пили чай у фельдфебеля. Танцовали одну кадриль. Дирижировал солдат 5-й роты. Жена с Чебыкиным танцовала визави с дирижером, который танцовал с горничной Тройницких. Составился малороссийский хор. Пели очень недурно. Вообще оживления было много. Дамам раздавали веера, кавалерам колпаки. Солдаты не запомнят такого бала и веселились от души. Жаль роту завтра сдавать.

5 декабря.

Сегодня утром сдавал роту. Опросил претензии, поблагодарил за службу. Особенно было приятно указать, что в эти два года мои солдатики служили со мной не за страх, а за совесть. Были хорошие, добрые отношения, но не было боязни. Я считаю это очень важным. Результат командования очень недурной. Рота была, если не в первом номере, то далеко не в последнем. Солдаты знали, что когда надо постараться, то и подтягивались, не исключая и самых "крючков". Чувствовалось, что делают так потому, чтобы не подкатить своего ротного.

Не мог удержаться, чтобы прощаясь с ними не дать им несколько советов. Я ведь их очень люблю, а потому и считаю себя в праве указать на то, чего они больше всего должны бояться. Речь моя была об агитации, которая стремилась проникнуть в стены казарм. Я предостерегал их от случайных знакомств, от льстивых речей и от женщин агитаторов, которые, чтобы завладеть душою солдата не жалеют даже своего тела. Пример — Ковалев — еще жив в нашей памяти.

Петя Брок, принявший от меня роту, тоже сказал трогательную речь, в которой сравнил меня с солнцем которое теперь отправляется светить для России... Милый Петя от полноты чувств перехватил через край. Не перестаю удивляться той искренней любовью, которой я пользовался в полку.

Поднесли образ св. Георгия, Марии и Введения во Храм. Трогательно то, что письмо иконы было специально заказано. Ведь подумали и додумались... Трудно передать словами, как дорого мне это благословение моих дорогих солдатиков. Спасибо им большое. Хотел поблагодарить их, но так волновался и так был переполнен чувствами, что вышло и не связно и не гладко.

В 2 часа пошел опять на заседание верховного уголовного суда. Сегодня старались установить факт отозвания Стесселя. Говорил Куропаткин, капитан Головань, Одинцов, Степанов, Гурко.

Молодчина Головань, давая показания, так и резал правду. Оказывается, что телеграмма об отозвании была получена штабом, дешифрирована им, передана Рейсу. Рейс снес ее Стеселю и прямо сообщил, что Стессель приказал считать ее не полученной.

Надо было видеть лицо Рейса. Он хотя и отрицает этот факт, но видимо ему тяжело лгать, а Стессель без всякого стеснения и с большим апломбом отрицал все то, что не говорит в его пользу.

Хорошо говорил Гурко, излагая поручение Смирнова и свой личный доклад Куропаткину. Защита неоднократно старалась его сбить, но он, начиная от печки, твердо выводил свою линию.

Видел на суде Базарова. Он сидит в генеральном штабе по немецким делам. Спросил, что думают об этом процессе немцы, а он со свойственным ему юмором, ответил. Думают, что мы совсем делаемся похожими на французов. Была у нас и революция, а теперь собственного Базена завели.

9 декабря.

Вчера опять был на суде Стесселя. Разбирался вопрос о заметках Фока. Показания расходятся. Старшие начальники показывают против Фока, а младшие за него. Тяжелое впечатление от цинизма подсудимого остается. Сегодня, например, на вопрос Дукмасова, как он мог ссорить генералов в осажденной крепости, он с невероятным нахальством заявил, что наоборот они сплотились в злобе против него.

Когда разбирался вопрос об ослушании Смирнова, то и тут не удержался, чтобы не уязвить Смирнова. Кстати, Смирнов производит впечатление безвольного старика, которого видимо не трудно было обидеть.

Из суда зашел в "Инвалид" и узнал, что моя статья о подпрапорщиках принята и появится в печати в декабре. Первый опыт. Приятно!

Сегодня прислали корректуру моей книги. Тоже приятно увидеть первый раз напечатанным свое произведение.

В "Инвалиде" объявили о будущей перемене формы одежды и о прибавке жалованья. И то и другое ничто иное, как обещание благ в будущем. Не понимаю, зачем эти обещания. Отчего бы не обдумать хорошенько форму и тогда уже объявить. То же и с жалованьем. Ведь можно же было прямо через министра внести этот вопрос в Думу и обойтись без рескрипта. Как не хотят понять, что власть только тогда и хороша, когда она сопровождается силой. Увы! Силы давно уже не видим. Нет силы ни в желаниях, ни в исполнении в действиях. А как бы эта самая сила нужна бы была теперь.

В субботу был в главном управлении генерального штаба. Говорят переведут во вторник, в среду. Говорят о Белостоке. Буду служить в штабе 16-й "Скобелевской" дивизии

17 декабря.

Во вторник 11-го, как я и предполагал, состоялся перевод. Никак не думал, что будет так приятно надеть форму генерального штаба. Как никак, а это итог почти шестилетнего труда. Три года в академии, два — командование ротой, да еще год потерянный на младшем курсе.

Сдав роту, не могу не сказать, что двухлетнее командование имеет свою пользу. Год учиться, а год командовать. Близость к людям, жизнь среди товарищей строевых офицеров имеет огромную пользу. Сознательно можно изучать тот элемент, с которым впоследствии в качестве какого-нибудь начальника придется иметь дело.

По совести скажу, что наблюдения мои были более чем лестные для гвардии. Солдаты, выбранные из лучших новобранцев всей России, не оставляют желать лучшего. Молодец к молодцу. Рослые, красивые, старательные. При желании всегда можно добиться их любви, не роняя своего авторитета и не подрывая интересы службы. Думаю, что большинство наших ротных командиров добились этого. Служба не за страх, а за совесть процветает в полку, а это, конечно, самое главное. Офицеры, в большинстве случаев, работают так же добросовестно. Есть много умных, дельных, любящих и интересующихся службой. Работать умеют и многие работают не без увлечения.

С уверенностью скажу, что если бы изменили систему прохождения службы и не "мариновали" бы десять лет младшим офицерам, да десять лет ротным, то успех работы повысился бы процентов на 50... Я считаю это самым важным, самым больным вопросом. Нельзя держать человека 10-12 лет в одной и той же роте ротным командиром. Невольно опустится, начнет относиться халатно к своим обязанностям, а когда на 20-м или 22--м году службы дадут батальон, то уже и энергии нет, да и лень вошла в привычку.

Принятие за норму: 30-35 лет — командир полка. А главное — принцип отбора достойнейших. Все больное, ленивое, не способное должно отпасть и уступить место тому, кто способен делать дело.

Ввели аттестацию. Многие не довольны. Многих выгнали, а всетаки всех остальных с аттестацией хорошей стремятся выравнить в одну шеренгу, и нет возможности прекрасному офицеру использовать свой талант раньше 50-летнего возраста.

Не могу согласиться с тем, что обер-офицеру трудно проявить себя и что для него только и остается удел — жалкое равенство и очередь.

Я не думал над способом проведения в жизнь этой меры, но уверен, что выход есть. Устраивайте хоть экзамен на каждый чин и пусть какая угодно комиссия решает вопрос годным для повышения не только по служебным качествам, но и по уму.

Интересно, какова армия? Недалеко то время, когда я с ней познакомлюсь. Думаю, что моя поездка в Белосток будет иметь огромную пользу. Нельзя быть хорошим военным, хорошо зная только сильные армии — гвардейский корпус.

Говорят, что в штабе дивизии нечего делать. Займусь пополнением своего образования и главное языками.

18 декабря.

В то время, когда в залах собрания армии и флота подводится итог порт-артурской эпопеи, нет-нет да появляется в свет явно тенденциозная брошюра, в которой авторы с упорством достойным лучшей участи набрасываются друг на друга, стараясь свалить на чужие плечи вину в позорной сдаче.

Стессель издает детски-безграмотную брошюру "Моим врагам", всячески черня в ней Смирнова и его клеврета Ножина. Ножин пишет последнее слово Стесселю, а артурцы набрасываются на Ножина, доказывая, что наилучший удел для такого человека — виселица. Для нас посторонних всю эту мерзость невероятно тяжело читать.

Где правда? Трудно сказать, но впечатление горького осадка остается и на примере защитников Артура. Приходится вывести заключение, что время стихийного мужества кануло в лету, уступив место холодному рассудку и какой-то пресловутой гуманности. Бог им судья. Перенесли они много, но довести до конца начатое у них не хватило решимости, а в этой решимости всегда был и будет залог военного успеха.

22 января 1908 г.

Ровно месяц тому назад окончательно расстался с полком.

Сердечные, дружные проводы, которые поистине трудно заслужить за два года. Утром явился Боби и привез жене корзину цветов от общества офицеров. Всю корзину перевивал плюш и на ручке бант из Семеновских лент.

В 1 час дня пошел в собрание. Собралось множество народу, а кто не мог быть — прислали письма. Я страшно волновался, надо было сказать речь, а это всегда очень нервирует.

Сели за стол. Посредине Риман, в качестве командующего полком; по правую сторону Мойер, по левую — я. Около меня сидел Георгиевский, единственный бывший семеновец, против правил допущенный благодаря выраженному им сильному желанию.

После второго блюда начались тосты. Риман сказал длинную речь, содержание которой я если и не понял, то во всяком случае прочувствовал. Пошли чоканья, объятья... Когда немного успокоились, я встал и попросил разрешения сказать два слова.

Составленная мною речь так тяготила меня, что невольно стремился скорее с ней развязаться. Вышло кажется, недурно. Во всяком случае гладко и хорошо.

Я сказал примерно так. — Господа, я затрудняюсь найти подходящие слова для выражения чувства моей глубокой благодарности за доброе, чисто товарищеское ко мне отношение. Два года тому назад я пришел сюда учиться, и на мою долю выпала высокая честь переживать с полком новые славные страницы его истории. Здесь я увидел, что может сделать сильный духом, сплоченный, верный своему долгу полк. Я глубоко ценю эти уроки и до конца своих дней буду гордиться тем, что получил их в рядах славного Семеновского полка.

Принимая роту, я, в сущности, говоря, был молодым солдатом 5-го года, и если теперь мое командование пришло к благополучному концу, то этим я всецело обязан дружной товарищеской поддержке, полным желанием помочь всех, начиная с командиров.

Будучи офицером чужой части, я среди вас нашел вторую семью и эти два незаметно прошедшие года будут для меня одним из самых дорогих, самых светлых воспоминаний.

Глубоко тронутый сегодняшними проводами и этим подарком я еще раз приношу от всего сердца мою искреннюю благодарность и кричу громкое ура за вас, дорогие товарищи, и за вечную незыблемую славу учителя всей русской армии лейб-гвардии Семеновского полка. Ура!".

После меня говорил Мойер, но так как он видимо не подготовился, то и речь его была несколько менее гладкой и по содержанию походила на мою.

На память о Семеновцах во время завтрака нам были поднесены портсигары, с надписью: — "От друзей Семеновцев" и с капитанским нагрудным знаком, а после третьего блюда наш милый поэт, князь Федя Касаткин(-Ростовский) сказал стихи, выданные нам за экспромт. Это было очень трогательно и очень мило с его стороны и умилило нас до глубины души. Думаю, что здесь будет уместно записать и их, так как это надежнее всего спасет их от затеряния.

Вы пришли к нам в годину тяжелых волнений,
Незнакомые нам, среди нашей семьи,
Вы нам стали близки чистотой убеждений
И мы скоро узнали, что вы нам — свои.
В ей душой относясь к пользе дела и службы
В наше общее дело за эти года
Вы сумели вложить столько искренней дружбы,
Что оставили память о вас навсегда.
И Семеновцы вам, как и прежде родные,
Навсегда заключили вас в нашу семью.
За здоровье друзей, и за вас, дорогие,
Подымаю высоко бокал мой и пью...

Стихи были приветствованы дружными аплодисментами и громким ура. Опять пошли чоканья, поцелуи, тосты и так часов до 4-х, когда, окончив завтрак, мы пересели за другой стол, где моментально появилось шампанское и миндаль. Начали пить чарочки. Подъехал Шильдер. Я, как юбиляр, должен был выпить большую полковую чару (около бутылки).

Беседа продолжалась до обеда; публика стала расходиться, но мне так было приятно и так не хотелось

уходить из этих милых стен, что я остался последний раз пообедать.

После обеда, чтобы освежиться поехал в цирк и уже оттуда часов в 11 ночи домой. Так я подвел итог своему двухлетнему пребыванию в одном из лучших полков Государевой Гвардии.

Спасибо вам, родные Семеновцы, за доброе отношение ко мне. Спасибо большое за то, что с первых дней вы смотрели на меня, как на человека и никто никогда не дал мне почувствовать, что я чужой для вас да еще и "момент". Спасибо также за те уроки, которые я мог только получить у вас.

Я служил с Мином, видел, как он чаровывал солдат, как глубоко знал и любил солдатскую душу и каких результатов достигал с ничтожными усилиями. Его пример — отца командира — всегда будет жить со мною и я всегда буду помнить, что лихость, отвага, храбрость иногда делает то, что не по плечу методизму и педантичности. Революционеры знали, кого убивали, знали, что в лице Мина они лишают родину незаурядного слуги, но слуги готового жертвовать жизнью за свою идею, готового в нужный момент все взять на себя и за все ответить. Ведь приказ в Москве — "арестованных не брать и действовать беспощадно" — был выдан Дубасовым Мину на клочке бумажки, без подписи, написанный карандашом и только Мин подписал под ним полностью свою фамилию.

До сих пор не удосужились описать кончину этого замечательного человека [1]). Боже, что это были за минуты. Я узнал ужасную весть случайно. Сейчас же поехал в Петербург; пошел в роту и встречный дневальный мне сообщил со слезами на глазах, что не стало их отца-командира. Я стал на колени перед образом, молился за упокой, рыдал сам, плакали многие солдаты. Тяжело, невыносимо тяжело и грустно было сознавать свою полную беспомощность...

Похоронили дорогой прах в Семеновской церкви. На похоронах присутствовали депутации от всего округа с венками и почти все Великие Князья. Похороны были торжественны и великолепны. Согласно желания покойного его положили против нижних чинов убитых в Москве.

Теперь эти дорогие Семеновцам могилы представляют сказочное великолепие. Достаточно того, что Васнецов безвозмездно написал на могилу мучеников-солдат дивный лик Спасителя в терновом венце.

Приятно сознавать, что погибшим за верность присяге отданы такие почести. Входя туда, невольно умиляешься величием их кончины, невольно захватывает дух, наворачиваются слезы и хочется совершить что-нибудь достойное памяти потомства.

---

[1]) О ген. Г. А. Мине, см. интересный сборник статей, изданный А. А. фон Лампе, "Пути верных" (Париж, 1960), стр. 165-169. См. также "Часовой" № 368, где та же статья была напечатана в 1956 г. и сообщение Н. Тальберга в том же журнале в № 371. (Ю. Т.).

8 февраля.

Вчера объявлен окончательный приговор по делу Стесселя. Признаны виновными он и Фок. Рейс и Смирнов оправданы. Стесселю — смертная казнь, с ходатайством о замене десятью годами крепости.

Мне кажется, что юридически очень трудно было разобраться во всем этом процессе. Безусловно виновным является только Стессель, остальных же очень трудно в чем-нибудь положительно обвинить. К концу процесса выяснилась личность Смирнова. В Артуре он сидел, дулся, обижался, сводил личные счеты, копил злость, а приехав в Петербург не задумываясь вылил всю грязь, обливая ею и правых и виноватых. Я бы его выгнал со службы с обязательством носить бабий чепец до самой смерти. Ведь если он знал, что крепость сдают изменой, то он не мог не принять мер к устранению изменников. Ему надо было прямой постановкой вопроса на военном совете выяснить положение, надо было снискать себе уважение гарнизона и тогда он мог бы спасти и честь и славу России. Эх, зачем этот процесс?

Вчера вышла из печати моя первая работа "Отечествоведение и физическая география. Курс школы подпрапорщиков". Странное чувство. Приятно видеть свою фамилию на заглавном листе книжки.

22 марта 1908 г. Белосток.

6 марта в 6 часов вечера выехал из Петербурга в Белосток и там начал новую жизнь, новую службу. Что-то мне даст провинция, о которой такие разноречивые данные. Одни бранят, другие хвалят. В течение этих первых двух недель я скорее имею основание примкнуть ко вторым. За что ругать?

Белосток — город как город. Улицы несколько грязноватые, но не очень, много евреев, удобств в меру, достать можно почти все. Думаю, что жить можно. Пока не приехала семья и не обзавелся знакомыми — несколько скучно, но потом, думаю, и это войдет в норму.

На-днях сделал несколько визитов. Иные принимали, других не застал дома. Жалею, что не застал своего ближайшего начальника полковника Тяжельникова. Те, кого застал, принимали меня любезно, но сдержанно, на шею не вешались и никаких особых авансов не делали. В этом отношении рассказы о простоте провинции не подтвердились. Ну, может быть это только первое время.

Что касается службы, то она складывается именно так, как желательно для офицера генерального штаба. Бумаг как можно меньше, а поле и войска на первом плане. Говорю так потому, что уже в такое короткое время успел съездить в Брест-Литовск на поверочную мобилизацию 152-го пехотного Владикав-

казского полка, а завтра еду в Варшаву отвозить отчет председателя комиссии.

Брест произвел на меня симпатичное впечатление. Город содержится в большом порядке. Улицы широкие и прямые.

Офицеры Владикавказского полка произвели на меня самое отрадное впечатление. Нет той забитости и низкопоклонства, за которые так обвиняют нашу армию. Люди держатся с достоинством и видимо знают себе цену. И состав полка хороший; едят вкусно.

Что касается самой мобилизации, то и здесь было все сделано от полка зависящее.

Побывал и в крепости. Из рассказов узнал, что она состоит из десяти фортов, из которых один только бетонный. Значит и эта крепость — пугало на огороде. Бедные мы! Центральная оборонительная казарма тоже кирпичная. Положим, если форты устоят до конца осады, то до нее не дойдут, ну а если будет так, как в Артуре, то она будет только предлогом для того, чтобы сдать без боя последнюю пядь крепостной земли.

Ивангород, говорят, тоже не лучше, там из восьми — один форт бетонный.

Сегодня был в штабе и только что засел за бумажки, как пришел начальник штаба и приказал мне их бросить и заняться составлением инструкции для рекогносцировок охотничьих команд на Бобре. Может быть и мне туда придется съездить. Интересно и поучительно. Отрадно видеть, что в Варшавском округе повидимому не заваливают нашего брата бумажками.

Перед отъездом из Петербурга был у дяди Крыжановского. Он показывал мне свою докладную записку, которая завещается мне, как молодому офицеру генерального штаба. В записке сжато и очень рельефно изложен возможный захват немцами Петербурга через Финляндию. Он с цифрами в руках доказывает, что немцы на четвертый день могут высадить десант в шхерах и двинуться прямо к столице, а мы против их 100 т. едва можем выставить полтора корпуса.

Как меры против этого он называет: соединить финляндскую жел. дор. с русской: отделить Выборгскую губернию от Финляндии: и завести возможно сильный подводный флот в шхерах, не увлекаясь восстановлением плавучих гигантов. Интересно, что записку эту он посылал на прочтение Газенкампфу, и тот ответил ему содержательным письмом, где пишет, что он попал в самое больное место петербургского военного округа, но что все это предусмотрено и меры приняты. Конечно все это вздор. Просто вопрос самолюбия в ущерб государственным интересам.

Дядя говорит, что если мне когда-нибудь удастся дожить до такого ужаса, чего конечно — не дай Бог, то чтобы я мог бы заявить, что еще в 1908 году был человек, который посильно старался обратить внимание военных на этот существенный вопрос.

Редко умный человек. После разговора с ним всегда чувствуешь себя так, как будто прочел хорошую, интересную книгу. Говорил с ним и про стратегическое значение Белостока и про пресловутый Бобр, на который я, может быть, скоро поеду.

На днях получил 57-ой номер "Русского Инвалида", где против всякого ожидания напечатана рецензия на мою книгу. Писал Христиани и, что удивительнее всего, похвалил. Для молодого, начинающего автора это очень и очень лестно. С недостатками указанными критиком не вполне согласен. Но во всяком случае критик написал больше хорошего, чем дурного... Большое ему спасибо и главное за то, что не забил духа в начинающем писаке.

25 марта 1908 г.

Сегодня с почтовым вернулся из Варшавы, куда ездил отвозить генералу Любомирову заключение нашей мобилизационной комиссии. Варшава на меня произвела прекрасное впечатление. Это не только хороший, чистый, но и элегантный город. Улицы все сплошь замощены торцами, за исключением маленьких, боковых: нет этих постоянных починок и противного запаха асфальта: много порядку, прекрасные дома, величественные костелы, красивая русская церковь. Хорошо сооруженные памятники Мицкевичу, Яну Собесскому и другим показывают, что поляки умеют ценить свои таланты, а могучая фигура Паскевича всегда напоминает мне того, кто их завоевал.

Останавливался в "Бристоле". Все хорошо, чисто, на заграничный лад. Кормят прекрасно и дешево.

Бродя по Варшаве, я часто задавал себе вопрос, хотел бы я здесь жить, и в окончательном выводе решил, что нет. Здесь не только люди, но и город сам чужой. Чувствуется, что никому до тебя нет дела, каждый живет своей жизнью и кладет свой кусок в свой собственный рот.

Вот хотя бы и мой генерал, к которому я возил свою работу. Принял меня ласково, благодарил, хвалил составленную записку, а к себе не пригласил. Я говорю это не потому, что мне нужно его приглашение, а отмечаю, как характерный факт, показывающий отсутствие в провинции того бескорыстного радушия, которым она когда-то славилась.

Говорю "когда-то" потому, что теперь — увы — этого нет. Век распростертых объятий, век радушия и отцов-командиров исчез безвозвратно. А жаль... Уничтожая все скверное, чем отличалось доброе старое время, соскабливая грязь взяточничества и казнокрадства, мы ошибочно стерли все то хорошее к чему она прилипла. Век барства прошел, исчезло и барство мысли и идеи, и кто знает, не следствием ли того у нас и явились холопы-полководцы, вроде Куропаткина, не имевшие мужества, даже на верху вла-

сти, действовать за свой страх, а неизменно державшие свой нос по придворному ветру... Жаль...

29 августа 1908 г.

Давно я не брался за перо, даже не записывал ничего в эту тетрадь; и это не потому, что жизнь в провинции не была богата впечатлениями и не являлось мыслей достойных попасть в эту тетрадь. Нет, просто был недосуг да и лень отчасти.

Дни моей провинциальной жизни мелькают с поразительной быстротой. Уже полгода, как я служу в Варшавском округе. Сколько приходилось видеть, наблюдать, сравнивать. Теперь можно подвести итоги. Не скажу чтобы они были очень благоприятны для "прекрасных здешних мест..." Я ожидал не того!

В Петербурге слишком хорошо думают о пограничных округах, а служба здесь — такое же болото, если еще не хуже. Состав высшего начальства сильно устарел.

Апатия какая-то, полное отсутствие интереса и "номер" всегда и во всем на первом плане. Попадаются люди умные, много и глупых, но как тем и другим все и в достаточной мере надоело. Опыт войны, о котором так много кричат, так и остался страшным словом, но во имя этого опыта делается очень мало. За военным делом не следят, никто не горит священным огнем работы и все делается только для того, чтобы свалить с плеч докучливую работу.

Несколько раз приезжал Х., командир нашего 6-го корпуса. Старик, не дающий себе отчета в том, что происходит вокруг, утративший свежесть впечатлений. Будучи артиллеристом, всегда имел слабое понятие о других войсках, а получив их под команду в 60 лет, не захотел, да и не мог, учиться. Интересно посмотреть на него в поле. Когда без начальника штаба, хвалит, когда же приезжает с ним — ругается. Они ненавидят друг друга, но умный Балуев все-таки держит в руках старика и вертит им, как желает.

Видел и Гершельмана, помощника командующего войсками. Этот все молчит и имеет вид такой, что будто убедился в бесполезности начальнического понукания. Маневрировали мы и при нем скверно, но, видимо, из опыта убедясь, что нас все равно не исправишь, он, выполнив "номер", лениво и вяло похвалил нас. Не думаю чтобы похвала его шла от чистого сердца. Он выглядит неглупым человеком, а кроме того и пишет недурно. Вернее всего что я не ошибся в оценке его настроения и не желая волноваться и нарушать свой покой, он предпочитает жиденькую похвалу энергичному и дельному разбору.

Об остальных не буду и говорить. Скалон, скорее генерал-губернатор; войсками же командовать у него вероятно нет ни времени, ни уменья. Великое зло эта двойственность обязанностей. Она в корне подрывает наше военное дело. Не говоря уже о том, что иногда заведомо неспособного командующего войсками держат потому, что он прекрасный генерал-губернатор; нередко в оценке деятельности путают эти две совершенно разнородные деятельности и хорошего укротителя и усмирителя двигают вперед по военно-иерархической лестнице, забывая, что сильного характера еще очень мало для того, чтобы руководить и воспитывать какую ни на есть крупную войсковую единицу.

Сколько разных подобных лиц проскочило и проскочит и сколь с этим горько придется считаться, когда в случае новой войны они опять неумело и несообразно поведут вверенные им войска в бой. Вообще эта подлая революция сильно повредила нашему родному военному делу. В самое горячее время, по свежим следам войны, вместо того чтобы использовать ее опыт, войска в течение двух лет несли, да и теперь еще несут во многом отношении, полицейскую службу. Высшее начальство генералгубернаторствует...

Начальники штабов ведают военной канцелярией, а дело наше стоит, стоит не двигаясь, ибо отошло на второй план, не отвечая запросам и важности минуты. Сколько хороших строевых офицеров в различных командировках, как много ими забыто, как они разжирели и опустились на хороших кормах и на жирных суточных. А сколько из них "проскочило в дамки" и обскакало своих чернорабочих строевых товарищей, еще раз подчеркнув горькую истину, что в строю нет спасения.

Да, великое это и непоправимое зло! Военный министр должен бы был за это вступиться, должен бы был спасти и оберечь свою армию, но будучи человеком бумажным, кабинетным муравьем, он вероятно и не подозревает, как это пагубно действует на тот сложный организм, во главе которого стоит он и о здоровии которого он должен бы заботиться.

***

Удалось мне принять участие и в подвижном сборе. Как я к этому стремился. Сколько пережил хлопот и волнений, чтобы избавиться от глупой и неинтересной командировки в Осовец. Старания мои увенчались успехом. Я свободен и могу принять участие не только в пятидневных маневрах, но и в подготовке к ним. Рука об руку с Михаилом Ивановичем Тяжельниковым, мы работаем без устали. Слава Богу, политика заброшена к чорту и как генерал, так и начальник штаба работают исключительно над своим прямым делом.

Воюем мы против генерала Жилинского. У него 16 батальонов, 12 эскадронов, 60 орудий. У нас 12 батальонов, 9 эскадронов, 30 орудий. Мы активно обороняем Нарев, он — Крушево до Суража па расстоянии верст 60-ти.

Решаем занять Соколы, верстах в 12-ти впереди, узел дорог, откуда можно броситься в зависимости от обстановки или к северу, или к югу.

Первые дни весь центр тяжести в кавалерии. Организовали небольшой летучий отряд, выслали раз-

ведку. Ждем донесение и хотя кавалерия наша действует ниже критики, но все-таки удается установить, что на третий день противник сосредоточился у Мазовецка верстах в 12 против нас.

Перед нами задача, что делать? Ждать ли пассивно, по примеру Куропаткина, у Соколов или идти и разбить противника при наилучших и наивыгоднейших для нас условиях. Решаемся на последнее и, получив точное сведение от авангарда — генерального штаба подполковника Кашенского (прекрасного строевого офицера) о расположении, как главных сил, так и авангарда противника, принимаем решение атаковать его ночью на бивакe.

Мысль эта родилась у Михаила Ивановича, я энергично поддержал его, а генерал, не задумываясь, принял решение.

Темной ночью, в проливной дождь выступили мы с бивака. В лесу нос к носу сталкиваемся с охотниками противника. Они в недоумении. Головная часть бросается в штыки, и посредником приговаривают охотников к бездействию.

Идем дальше; в стороне, верстах в полутора, видим бивак авангарда. Атакуем его без выстрела. Двигаемся дальше. Наталкиваемся на бивак главных сил. Тоже атакуем. Оба бивака спали мертвецким сном и появление наше явилось для них полным сюрпризом.

Маневр окончился блестяще. Хотя говорят, что победителей и побежденных на маневрах не бывает, но здесь представился именно редкий случай, когда победа была исключительно на нашей стороне. Но так было утром. Вечером же на разборе оказалось, что мы не только побеждены, но и действовали, как шалуны-мальчишки, которых необходимо не только разругать, но и "поставить в угол".

Решая вопрос сообразно с обстановкой, желая практиковать свои войска в том, что особенно рельефно выделялось в минувшую войну, мы совершенно забыли, что здесь, в мирное время, должен царствовать шаблон и должно делаться все так, чтобы и волки были сыты и овцы были целы. К несчастью, имея в виду исключительно пользу службы и сообразные действия, мы упустили из виду, что отличаясь молодецким маневром, мы этим самым топим генерала, симпатичного начальству, умеющего заговаривать зубы, но к сожалению неспособного распоряжаться в поле. Мы упустили из виду и то, что корпусный командир три дня жил незадачливым начальником, ожидая красивого финала маневра и что с ним жил его начальник штаба — умное, но довольно мелочное существо.

И вот, начался разбор. Начался он не сразу после маневра, т. е. в 5 часов утра, а после того, как мы, промокшие и голодные, начали уже изводиться и терять терпение — в 11 часов утра, под благовидным предлогом, что его превосходительство изволит спать до сего позднего часа. Это уже было первым "углом", в который нас поставили. Мы уже чувствовали, что провинились, но веря в совесть человеческую, не ожидали столь эффектного продолжения.

Сухое пожатие руки было началом разбора, а после полился целый ряд весьма поучительных истин.

И вот, тут-то, я своим ушам не верил!.. Генерального штаба генерал, чтобы кое-как натянуть на желаемый провал, не стесняясь заявил, что ночных боев никогда не бывает. Что Карс взят днем. Что подобных примеров история даже не знает, а военная наука просто отрицает; что на маневрах нечего этому учить и что один выстрел в сторожевом охранении может остановить всю маневрирующую часть, какой бы она силы не была, до рассвета. Бесстыдство дошло до того, что, как авторитета, призвали бывшего профессора Огордникова, чтобы тот поддержал их аргументы и несчастному специалисту в иностранной статистике было очень трудно выпутаться из грязного положения.

Наш противник, генерал Жилинский, держал себя как мальчишка, не давал говорить ни посредникам, ни руководителям. Наш же генерал, будучи умным человеком, правильно поняв, где зарыта собака, презрительно молчал, зная, что сила солому ломит и что презрение есть лучшая для них награда.

В 12 часов разбор прервали; в 2 часа обедали и часа в 3 начали опять, окончив его к 5 часам вечера.

С тяжелым чувством уехал я из Мазовецка, окончательно убедившись, что наше важное, святое дело на важнейшем передовом театре находится в руках безграмотных стариков или лиц, для которых шкура и личность гораздо больше значат, чем суть дела и интересы родины.

10 марта 1909 г.

9 января состоялся Высочайший приказ о моем назначении обер-офицером для поручений в штаб Варшавского военного округа. 23 декабря в штаб дивизии была прислана телеграмма о моем прикомандировании впредь до перевода. Предполагаемый отпуск полетел в трубу. Пришлось 4 января ехать в Варшаву, чтобы явиться и выяснить вопрос о переводе.

Нельзя сказать, чтобы все это радовало бы меня. Предстоящие крупные расходы, скомканные праздники, потерянный отпуск — все это вызывало много хлопот и переживаний.

5-го являлся генерал-квартирмейстеру. Просил двухнедельный срок на укладку, но он, приняв меня чуть ли не на площадке, и думать не хотел о столь большом сроке. Пришлось торговаться, но мне было дано понять, что от моего промедления чуть ли не зависит судьба Европы!.. Разозленный и ничего не выторговавший, я уехал в Белосток с намерением использовать хоть 10 дней, на которые я хоть и не по-

лучил официального разрешения, но как бы молчаливое согласие.

Нельзя сказать, чтобы все это произвело бы хорошее впечатление. Было видно, что здесь как-то решается все с налету в один момент, не обдумав и не взвесив. Делать было нечего, будучи человеком служащим, а следовательно подневольным... Пришлось быстро укладывать, бросить лишние деньги, но тем не менее поспевать к сроку.

Квартиру, слава Богу, нашел и числа 15 благополучно водворились.

Сама Варшава, вопреки первому впечатлению прошлого марта, мне понравилась — чистый, уютный город, а живейшее участие семьи Тяжельниковых скрасили первые дни на чужбине и примирили с чужим городом.

В штабе приткнули меня в строевое отделение и засадили за механическую сводку караульного наряда по округу. За этой работой последовало много других в таком же роде, и повидимому мне не скоро придется перейти на более "интелегентный" труд.

Два раза ездил к командировки. Первый раз в Ломжу читать сообщение, второй — в Люблин и Ивангород с генералом Гершельманом. Вторая командировка была интересна и несколько меня освежила. В виду возможных осложнений на австрийской границе, генерал интересовался рекогносцировками имеющимися в штабе 14-го корпуса. Оказывается, что рекогносцировок переправ через Вислу выше Ивангорода нет, а они были бы существенно важны при наступлении австрийцев с запада и с юга.

Ивангород оказался, как и другие наши крепости, не на высоте. Весь центр тяжести обороны лежит на передовых позициях, для обороны которых необходима дивизия полевых войск.

Форты — "пугачевского" типа и продержатся недели две-три. Думаю, что комендант несколько преувеличивает недостатки. Ведь крепость никогда не может отвечать последнему слову техники и никогда не может быть вполне готова. Главное — доблесть духа и искусство начальников. Порт-Артур, который с точки зрения науки не считают крепостью и который имел трусов начальников во главе, все-таки простоял 11 месяцев. То же, только с доблестными предводителями, было и под Севастополем.

Ведь форты из сталебетона не растут, как грибы, и переделать старые постройки в один миг, даже при условии ограниченного кредита, невозможно, но если люди сидят месяцами за земляным валом и терпят огонь 11-ти-дюймовых орудий, то очевидно кирпичная стенка тут не повредит. Крепость, какова бы она не была, но при наличии гарнизона и продовольствия, всетаки задержит противника, а на войне время всего дороже и каждый день может решить участь не только сражения, но и кампании.

Будучи человеком маленьким, я, конечно, далек от "святая святых" штаба и от всевозможных государственных соображений, но все-таки и до меня доходят иногда очень важные предположения, хотя бы потому, что я их собственноручно переписываю на машинке. Вот и теперь через меня шла переписка о задуманной Сухомлиновым перемене дислокации и в связи с нею уничтожении наших крепостей: Варшавы, Ивангорода, Новогеоргиевска и укрепления у Пултуска, Остроленки и Рожан. Резервные бригады предположено развернуть в полевые, пополнив их гарнизонами упраздненных крепостей, всю пехоту левого берега вывести назад, убрав из округа 6-ю, 7-ю и 10-ю дивизии с соответственной артиллерией и конницей. Видимо решили, что нам на врага отнюдь не наступать и, чтобы не было повадно, оттягивать линию развертывания назад. Не думаю, чтобы политика такого бильярдного шара была правильна. Ведь только он с разбега получит силу удара, а армии придется ведь брать по частям все то, что только что оставили. Правильно ли это будет?

Подобное перемещение вызовет и огромный расход. Не было бы правильнее эти деньги израсходовать на подъездные пути и магазины, подвинув нас тем в деле сосредоточения, если не на уровень германцев, то хотя бы австрийцев. Думаю, что отказ навсегда от наступления подействует отвратительно и в моральном отношении. Ведь с отступлением и обороной неизбежно связаны арьергардные бои вплоть до сосредоточения. Получится картина минувшей войны. Разорение огромного района, а потом, поди, уверяй, что мы отступали в порядке и в ногу!

А срытие крепостей! Опасный, требующий много размышлений шаг. Думаю, что Сухомлинов, взявшись сразу за это дело, еще не успел хорошо ознакомиться с ним. Не есть ли это геростратовская деятельность, жажда хоть что-нибудь сделать и не походить на своего предшественника, который отличался полным бездействием (ген. Редигер).

10 октября 1909 г.

Много воды утекло с марта. В штабе я, что называется, окреп и как-то сразу завоевал себе хорошее прочное положение. Случай помог мне. За отъездом на Кавказ помощника старшего адъютанта отчетного отделения меня взяли на полевую поездку в Люблинскую губернию. После поездки, мне поручили писать отчет, а летом, когда начальник генерального штаба пожелал организовать грандиозную поездку, то составление соображений и организацию возложили на меня. Работа интересная. Я с увлечением ухватился за нее и быстро исполнил работу. Организуя все это по указаниям ближайшего начальства, я имел случай ближе узнать их, они меня тоже распознали и теперь я нахожусь на должности действительного обер-офицера для поручений, то есть, пишу отчет о двух больших маневрах, работаю более и в служебном отношении устроился прекрасно.

(Продолжение следует)

Н. Н. Раевский (1771-1829) и Н. Н. Раевский (1801-1843) командиры Нижегородского драгунского полка

Кн. Н. Трубецкой

Сей очерк посвящен памяти двух славных командиров Нижегородского драгунского полка, у которых, как это не странно, произошли неприятности при сдаче полка.

⁂

Род Раевских принадлежит к старинному и происходящему от древнего польского рода графов Дуниных, представитель которого, Петр Дунин, прибыл из Дании в Польшу около 1124 года. Потомки его, выехав на Русь, обрусели. Официально род Николая Николаевича Раевского начинается с Ивана Степановича Раевского, прибывшего из Литвы в Москву в 1526 году на службу к великому князю Василию III. Его потомство с честью служило "Государеву службу".

Не перечисляя их всех, перейдем к отцу Николая Николаевича, служившему л.-гв. в Измайловском полку и около 1769 года, женившемуся на Екатерине Николаевне Самойловой, племяннице Григория Александровича Потемкина, впоследствии светлейшего князя Таврического. Отправившись волонтером на первую турецкую войну и быв переведенным в армию, в Азовский мушкетерский полк, полковником, он при штурме Журжи был ранен и скончался от ран 25 апреля 1771 года.

Преждевременная смерть мужа сильно поразила Е. Н. Раевскую, что отразилось на ее здоровии. 14 сентября 1771 г., в Петербурге, в слезах и мучениях она дала жизнь второму ребенку Николаю. Он был столь слаб здоровием, что долго был предметом опасения для всех родных, но благодаря заботам матери постепенно окреп физически.

В конце 1772 или в начале 1773 года Е. Н. Раевская вышла вторым браком за Льва Денисовича Давыдова, впоследствии командира Нижегородского драгунского полка.

По обычаю того времени, малолетний Н. Н. Раевский в 1774 г. был записан л.-гв. в Преображенский полк. В 1777 г. он был пожалован в сержанты вместе со своим братом, Александром и переведен л.-гв. в Семеновский полк, в котором служил их родной дядя А. Н. Самойлов, брат их матери. Числились они "сверх-комплектными", без жалования, и для наук отпущены в двухгодичный отпуск, по истечении которого получили новую отсрочку. В феврале 1782 г. "Ее Величество повелеть соизволила" обоих братьев уволить "в чужие края".

В первый год своего отпуска Николай Раевский совершил путешествие по России и в начале 1783 г. посетил крепость Св. Димитрия (ныне Ростов на Дону). Здесь он прожил почти год, который оставил столь сильное впечатление, что через 37 лет он не без удовольствия вспоминал, как его отчим, Л. Д. Давыдов, командовавший тогда Нижегородским драгунским полком "ходил на Кубань под командою Суворова". Может быть, там ему посчастливилось повидать самого Суворова. Здесь произошла встреча "сержанта" Н. Раевского, будущего Нижегородца, с Нижегородским полком, имевшим уже свыше 80-летнее славное боевое прошлое, с которым мог его ознакомит сам Л. Д. Давыдов.

В конце третьего года продолжительного отпуска, подошла очередь производства его в следующий чин. В 1785 г. произошла значительная перемена в составе Семеновского полка, вследствии чего Раевский оказался одним из старших сержантов. Несмотря на то, что он был показан по спискам — "находится в чужих краях и при полку никогда не бывал; представляется быть сверхкомплектным" — Императрица Екатерина пожаловала Николая Раевского в прапорщики.

В то время его двоюродный дед, светлейший князь Г. А. Потемкин, был уже генерал-фельдмаршалом и деятельно подготовлял устройство путешествия Императрицы Екатерины по Югу России. Естественно Н. Раевский пожелал задержаться в отпуску, остаться при кн. Потемкине и принять участие в предстоящей войне с турками, что он и сделал, оставшись "волонтером" при армии.

С открытием военных действий, Потемкин прикомандировал его к казачьим полкам. В них Раевский познакомился с походной жизнью, изучая аванпостную и партизанскую службу. По приказанию Потемкина, он сперва служил в качестве простого казака, а потом по чину поручика гвардии. Службу здесь он проходил под руководством бригадира донского войска В. П. Орлова (впоследствии атамана этого войска) и эта служба имела весьма важное значение для Николая Николаевича.

15 января 1790 г. его дядя генерал-поручик А. Н. Самойлов был назначен шефом Нижегородского драгунского полка и назначение это имело решающее влияние на последующую службу поручика Н. Раевского. Вскоре, вероятно по ходатайству Самойлова, поступило прошение о "выпуске в армию" обоих братьев. Прошение минуло все инстанции и 23 февраля 1790 г. было сообщено в Семеновский полк, что "Ее Императорское Величество соизволило пожаловать онаго полку капитана Александра и поручика Николая Раевских: первого в подполковники и последнего в премьер-майоры армии". Так закончилось пребывание Н. Раевского в л.-гв. Семеновском полку.

Вслед за выпуском в армию премьер-майор Ник.

Раевский был (11 мая 1790 г.) определен в Нижегородский драгунский полк "сверхкомплектным". Однако это не изменило его положения при армии в казачьих полках, при которой он и остался.

В кампании 1790 года Н. Н. Раевский в августе месяце с полками бригадира Орлова совершил поход к р. Прут и затем к Аккерману. Положение без командной должности тяготило его и, понятно, он пожелал получить какое-либо назначение. Повидимому влияние его дяди Самойлова и князя Потемкина сказалось, и, как заслуживающий "полного одобрения начальников", он, 18-летний премьер-майор 1 сентября 1790 года был произведен в подполковники, а через месяц причислен "в комплект" Полтавского легкоконного полка, находившегося тогда в лагере под Бендерами. Прибыв в полк и оказавшись старшим по чину, он вступил в командование этим полком.

Когда Потемкин осуществлял реорганизацию конницы, он пожелал преобразовать некоторые полки в "казацкие" и отдал приказ о том, что Полтавский легкоконный полк имеет быть "казацким" по образцу Чугуевского. Получив титул "Гетмана Екатеринославского и Черноморского войска" кн. Потемкин 1 ноября 1790 г. дал знать, что "Полтавский казацкий полк имеет именоваться полком Булавы Великого Гетмана" и таким образом Н. Н. Раевский оказался командиром "стражи" Светлейшего. В чем состояла конвойная служба этого полка неизвестно, но Раевскому всего месяц пришлось нести таковую.

Со штурмом Измаила война была закончена. Между прочим, при штурме Измаила родной брат Николая Раевского, Александр, был убит, заслужив от Суворова имя храброго. Войска расположились на "зимовые квартиры" и в первых числах января 1791 г. Раевский со своим полком прибыл в Полтаву, где для него началась хлопотливая командирская служба. Здесь он усиленно занимался строевым обучением своих казаков, но в письмах своему дяде Самойлову он жаловался о своем бездействии.

В конце июля кн. Потемкин, спеша к армии, по пути вероятно, виделся с Николаем Николаевичем, который впервые решился обратиться к своему двоюродному деду с просьбой сдать полк, который оставался на мирном положении, и отправиться в действующую армию. Трудно сказать, когда именно Раевский сдал полк, вероятно до сентября 1791 г., ибо "главная команда" дала знать, что он уже "переведен в Нижегородский полк" и отбыл к армии. Прибыл он туда, когда уже военные действия прекратились. Все же он остался при своем дяде Самойлове, который был избран Потемкиным уполномоченным для ведения мирных переговоров. По подписании мирного договора в Яссах Самойлов в сопровождении Раевского был отправлен в Петербург с донесением к Императрице, где 31 января 1792 г. был пожалован в полковники. Числясь "сверхкомплекным" в Нижегородском полку и не имея назначения, все помыслы Раевского были — принять участие в войне, о которой ходили слухи из-за осложнений с Польшой.

Наконец, ему удалось получить назначение в корпус М. И. Кутузова, встретившего его "ласково", который прикомандировал его к В. П. Орлову, своему первому наставнику боевой практики. Не перечисляя боевые действия, упомянем, что за бой при Городище (7 июня 1792 г.) он был награжден орденом св. Георгия 4-й степени.

По окончании войны Раевский остался при армии ген.-аншефа М. Н. Кречетникова, на которого было возложено управление занятых нами областей, где было еще мятежное брожение. Раевскому в 1793 году пришлось нести административную службу по замирению края. Ему пришлось раз даже обезоружить целую бригаду польских войск, за что он был награжден орденом Св. Владимира 4 ст.

Административная служба окончилась и, пробыв некоторое время в отпуску, он отбыл к Нижегородскому полку в Георгиевск, где тогда стоял полк. Назначенный командиром полка, он вступил в командование им, принял полк от кн. А. И. Щербатова. В декабре 1794 г. он уехал в 6-месячный отпуск, во время которого женился на Софии Алексеевне Константиновой, внучке М. В. Ломоносова, и в конце 1795 г. с женой прибыл в штаб-квартиру полка.

Первые годы командования Раевского проходили сравнительно тихо: все происшествия заключались в мелких хищничествах горцев. Зимы для Нижегородцев протекали довольно спокойно, летом же шесть эскадронов собирались для строевых занятий, один охранял Минеральные Воды, а три стояли по реке Малке, арене кабардинских разбоев.

Так однообразно проходила жизнь и служба полка, но вот пришло известие о вторжении в единоверную Грузию персидского шаха Ага-Магомет-Хана. Ее царь, Ираклий II просил помощи от России, но пока она пришла — Тифлис был уже разорен, и Императрица Екатерина объявила войну Персии.

В марте 1796 г., в Кизляре был сформирован сильный отряд, главнокомандующим которого был назначен граф В. А. Зубов. Сюда же из Георгиевска в конце марта выступил Н. Н. Раевский с Нижегородским полком (в семи-эскадронном составе, остальные три оставались для охраны штаб-квартиры). В рядах Нижегородцев находился, между прочим, капитан А. П. Ермолов.

Войска перешли Терек и 12 апреля из Кизляра прибыл гр. Зубов, сделал смотр войскам и в тот же день запросто отобедал у Раевского (Зубов хорошо знал Раевского по польской кампании 1792-93 г.г.). 17 апреля Зубов объявил поход и войска двинулись к Дербенту который, сдался 7 мая, затем — Баку. Пропуская подробности этого похода, упомяну, что в октябре весь наш корпус стоял уже у Новой Шемахе, резиденции Ширванских ханов, а 21 ноября Зубов достиг города Джеват, стоящего при слиянии рек Куры и Аракса. Весь берег Каспийского моря от устьев Терека и Куры был занят нами. Все ханства были покорены и дорога в Персию была открыта. Зубов предполагал заложить здесь город Екатериносерд,

но этот проект и другие пожелания исчезли. Внезапно — 6 ноября 1796 г. — Императрица Екатерина скончалась.

В первых числах декабря в лагерь к гр. Зубову курьером прибыл подполковник гр. Витгенштейн с указом Императора Павла о восшествии его на престол и с повелением прекратить военные действия. Войскам же повелено было возвращаться в Россию, причем это повеление было дано не Зубову, как главнокомандующему, а каждому полковому командиру отдельно. Зубов был уволен от службы.

Войска выступили в обратный поход среди суровой зимы. Каждая часть шла самостоятельно. Естественно, между командующими частями возникли недоразумения. Был даже военный суд над одним из командиров полков. Так уже в марте 1797 г. командиру Углицкого пехотного полка, полковнику Ивану Стоянову было дано особое назначение — "охранять безопасность прохода войск к Дербенту". Стоянов этого не исполнил и суд решил "отнять" у него "команду". На это Стоянов ответил: "Я по указу Его Величества следую с полком в назначенную мне квартиру без всякой медленности и никакой опасности не вижу от персианцев..." Однако суд еще раз объявил полк. Стоянову, что он отрешается от командования. Стоянов в рапорте пожаловался Государю, причем по фамилиям перечислил всех "обидчиков", указав и на Раевского, как на участника суда.

10 мая 1797 г. в Высоч. приказе при пароле было объявлено, что исключаются из службы ген.-л. Булгаков, ген.-м. Платов и полковники Раевский и Мансуров, т. е. весь военный совет, который судил Стоянова.

4 июля вернулись, наконец, в Георгиевск, совершившие персидский поход Нижегородские эскадроны, там их ожидал вновь назначенный командир полка, кн. А. П. Щербатов, тот самый, который за четыре года тому назад сдал полк Н. Н. Раевскому. Вернувшиеся эскадроны пришли в совершенно расстроенном виде, почти пешие, без обоза, даже без амуниции. Трудный зимний поход сказался полным расстройством конского состава и материальной части. В эскадронах, выступивших в полном числе рядов, теперь оставалось лишь 285 коней, да и то двадцать пало от изнурений в самый день вступления в штабквартиру.

Кн. Щербатов при таких условиях затруднялся принять полк от Раевского. Обо всем виденном он подробно донес гр. Гудовичу, командующему войсками на линии. Конский состав был почти весь забракован кн. Щербатовым, в десяти эскадронах полка оставалось годными к службе всего 120 коней.

С полковыми суммами вышло тоже недоразумение. По книгам значилось денег 6.164 рубля, а в наличности их не оказалось. Раевский дал объяснение, что они пошли на покупку 185 подъемных лошадей во время похода, к которым было прибавлено еще из фуражных 1.635 руб. Все это послужило только к новому обвинению Раевского — оказалось, что еще в декабре 1796 г. последовало распоряжение, воспрещавшее именно расходовать ремонтную сумму на покупку подъемных лошадей, о чем не знали в Каспийском корпусе.

Николай Николаевич Раевский (1771-1829)
Командир Нижегородского драгунского полка.
Миниатюра В. Л. Боровиковского 1795 г.
Из собрания П. М. Раевского.

От Раевского потребовали возвращение этой суммы. К этому прибавился начет за выранжированных лошадей, таким образом общая сумма претензий, предъявленных Раевскому достигла цифры 12.366 руб. Он дал реверс с обязательством погасить в течение пяти недель. Это конечно его крайне удручило; тогда он обратился к дяде А. Н. Самойлову, прося одолжить ему недостающие деньги. Переписка затянулась, и только после получения и внесения этих денег Н. Н. Раевский смог покинуть полк.

С воцарением Императора Александра I, 15 марта 1801 г. он был вновь принят в службу генерал-майором. О дальнейшей жизни и карьере здесь упоминаться не будет, ибо она всем хорошо известна.

*
* *

Судьбе угодно было, чтобы через 33 года командиром Нижегородского полка был назначен сын Николая Николаевича Раевского 1-го — Николай Николаевич Раевский 2-й.

Родился он в Москве 14 сентября 1801 г. Он

оканчивал домашнее образование, но вот нагрянула Отечественная война и отец его — уже командир 7-го пехотного корпуса — взял его со старшим братом Александром в поход (Николай состоял с 10 июня 1811 г. подпрапорщиком в Орловском пех. полку).

Всем известно, что в сражении под Дашковым отец взял обоих братьев и, став во главе Смоленского пех. полка, ринулся в бой. Молодой Николай тут услышал впервые свист пуль, одна из них порвала ему панталоны. Проделав поход, он 21 декабря произведен в подпоручики, с переводом в 5-й Егерский полк, окончил кампанию под Парижем, награжденный орденом Св. Владимира 4-й ст. с бантом. 18 мая 1814 г. переведен л.-гв. в Гусарский полк, с назначением адъютантом к ген.-ад. И. В. Васильчикову и оставался в этой должности до 23 октября 1821 г., когда уже ротмистром, перемещен на таковую же к ген.-ад. барону И. И. Дибичу. В июне 1823 г. он просился быть переведенным в гусарский Принца Оранского (Белорусский) полк, в декабре того же года был переведен полковником в Сумский гусарский, 1 января 1824 г., почему-то, перешел в Курляндский драгунский, где у него произошли недоразумения с командиром полка, гр. В. В. Гудовичем, на которого он жаловался бригадному командиру.

В свою очередь Гудович написал Николаю Николаевичу старшему жалобу на сына, за что отец отчитал его: "не по летам твоим... Ты еще только слишком молод, но долго молодым останешься и по обыкновенности у тебя не достаточно благоразумия отчего ты делаешь ежеминутные ошибки..." В то же время отец обратился к главнокомандующему армией кн. Витгенштейну, прося о переводе сына в другой полк. Просьба была исполнена и Раевский младший с 14 июня 1825 г. очутился в Харьковском драгунском полку.

В эти годы, среди офицерства существовали масонские организации и тайные либеральные кружки, и многие из знакомых и друзей братьев Раевских были их членами. Сами они в них не состояли, но конечно, о многом знали. 14 декабря 1825 г., на Сенатской площади в Петербурге разыгрались известные события. Последовали многочисленные аресты и начались расследования. Были арестованы и братья Раевские и ряд их родственников и знакомых: Мих. Орлов, Вас. Давыдов, Лихарев, два брата Поджио и др.

27 декабря Н. Н. Раевский был взят "при полку" и отправлен в Петербург, куда был доставлен и старший брат Александр. Их поместили в здании Главного штаба на квартире ген. К. Ф. Толя. Вскоре они были допрошены следственной комиссией, но она не нашла в них никакой вины и их освободили.

В письме своему отцу Александр Николаевич писал: "Дорогой батюшка, когда вы получите это письмо, то вам без сомнения, будет уже известно о нашем освобождении..., и по доносу, основанному на одном лишь подозрении... они сознались в том, что донесли на нас на основании лишь слухов. Вы получите рескрипт Его Величества, данный по этому случаю, который будет обнародован в газетах, чтобы вся Россия знала о нашей невинности. Вчера поутру представлялись Императору, он обошелся с нами крайне милостиво и пишу вам теперь по личному его приказанию".

Декабрист Лорер в своих записках по этому поводу пишет:

"Государь обратясь к Александру сказал: Я знаю, что вы не принадлежите к тайному обществу, но, имея, родных и знакомых там, вы все знали и не уведомили правительство. Где же ваша присяга? Тогда Александр Раевский, один из умнейших людей нашего века, смело отвечал Государю: государь, честь дороже присяги: нарушив первую, человек не может существовать, тогда как без второй он может обойтись. Между прочим, во время этого разговора у Николая движением наморщенного лба сдвинулись с носа очки. Тогда Государь обратился к А. Ф. Орлову, тут присутствовавшему, сказал: преступники не могут так смотреть на своего государя. Я их объявляю невинными. Обоим братьям был выдан аттестат, в котором свидетельствовалось, что членами "злоумышленного общества не были и в злонамеренной цели его участия не принимали".

Вернувшись в Харьковский драгунский полк Н. Н. Раевский продолжал там службу. Одно время отец хотел просить сына уйти в отставку и заняться домашними делами, но тут пошли слухи о войне. В августе 1826 г. Н. Н. Раевский старший писал сыну: "...получили известия, что персияне сделали нападение на границу нашу, тотчас назначены две дивизии 2-й армии итти к Ермолову, вчерась слышал наверно, что война... Генерал Паскевич получил командировку туда и уехал третьего дня; Денис Давыдов назначен туда".

Командирован был на Кавказ и Н. Н. Раевский младший, о чем знал и отец, давший ему следующее наставление: "я писал Паули (управляющий имением Каменка) авансировать тебе 2.000 руб. на дорогу. Продай лошадей, то денег будет довольно, письма посылай через Екатеринослав или Елисаветград, будь благоразумен в письмах; возьми с собой седло свое; ...там увидишь что тебе нужно. Лошадей купи тамошних, т. е. черкесских, не персидских, последние требуют фуража, а те и на подножном служить будут, не покупай меньше осьми лет, 9 и 10 эти вернее и больше вынесут".

11 сентября 1826 г. Н. Н. Раевский младший получил предписание немедленно отправиться в Тифлис и явиться к ген. Ермолову, командиру Отдельного Кавказского корпуса, что он исполнил, и в конце сентября был уже в Тифлисе, где он встретил радушный прием. Ермолов временно взял его в свой отряд в экспедицию в Джарскую область, а затем в мусульманские провинции.

В письме из г. Шемахи от 16 ноября он писал своим родителям: "я завтра отбываю в Баку, где расчитываю провести несколько дней с генералом (Ер-

моловым). Я только что узнал о назначении меня командиром Нижегородского драгунского полка, и я этим разочарован. Генерал, который ко мне милостив, предложил мне пехотный полк. 3000 человек пехоты, в войне где он будет играть решающую роль, гораздо более имеет веса, чем 600 кавалеристов, которые вряд ли будут использованы".

Началась интересная переписка между отцом и сыном. Очень трогательно как отец заботливо относился к сыну, вот письмо отца к сыну из Москвы: "Мой друг Николушка, ты уже извещен о назначении тебя командиром Нижегородского драгунского полка. Требую и прошу тебя, чтобы правильно исполнял все в точности что я тебе предписываю. Береги свое здоровие, воздерживайся в пище и в сбережении от простуды и, когда тебе жарко, не начинай пошивать, чтобы тебе охладиться, не спать раздетым без покрывала на дворе во время жаров, избегай утолять жажду одной водой, не есть много фруктов и никогда незрелых и после них не пить воды, а немного водки. Ты уже испытал болезнь от неосторожности на Кавказе. Прошу тебя, мой друг, убедительно — не будь ленив, будь опрятен в одежде, благородно искателен к начальникам, избегай, как с ними, так и младшими, фамильярства, ласков с деятельными, уставительно с шалунами, будь чужд партиям, которые должны быть у вас". Об этом отец знал отлично, так как в это самое время, Паскевич был отправлен на Кавказ на смену Ермолова, которого Император Николай I не любил, подозревая его в сочувствии к декабристам. Поэтому отец писал сыну: "...я не люблю Ермолова, потому не писал к нему и по сей причине удерживаюсь писать и Паскевичу, но он всегда вспоминал меня и показывал доброту". Но в другом письме он пишет про Ермолова: "старайся быть ближе, он человек достойный воин, мои дела с Ермоловым должны быть тебе посторонни".

Вот командирские и боевые правила Раевского старшего из писем к сыну. 1) Во всех случаях покажи себя достойным человеком. 2) Будь деятелен, исполнителен, не откладывай до завтра того, что можешь исполнить нынче, старайся видеть все своими глазами. Конфиденций не делай никому, не будь торопллив и не будь нерешителен. 3) Я век мой жил и служил без интриг, без милостивцев, ни к каким партиям не приставал и не отставал ни от кого от своих товарищей. Служи не как слепая машина, старайся узнавать обстоятельства, что для чего делается. У вас не одна фронтовая будет служба, но и требующая соображений. 4) Будь ласков, учтив и с подчиненными. 5) Бойся опасной праздности не только для человека твоих лет, но и для старых людей. Не будь ленив ни физически, ни морально. Тебе стыдно оставаться на ряду с теми, кои не получили никакого образования. 6) Наблюдай экономию в полку: чем более ее сделаешь, тем более будешь в состоянии помогать офицерам. Экономия в полку доказывает порядок, не упущай ее, помогай из оной бедным; но благоразумно, равно и солдату. 7) Не дурачься издержками на пустую наружность; прежде всего нужна: доброта лошадей, исправность оружия и аммуниции, строгий присмотр за кормом и за ковкой. В том краю сила драгун состоит в том, чтобы в нужде скоро спешиться и иметь исправное оружие. Всегда будь готов к бою.

Далее "правила" эти наставляют, как вести себя на походе и в боевой обстановке. "В лагере всякий куст, всякая яма должны быть осмотрены". "Персияне пользуются всем: залягут с кинжалом и поодиночке хватают людей и убивают. Ни на шаг из лагеря без драгуна, без оружия..." "В кавалерийских делах никогда не сражайся в одну линию..." "Всегда имей сильный резерв..." "Избегай перестрелок ружейных. Азиатцы и лучше вооружены и лучше нас стреляют. В дефилеях обходи их фланги. Буде нельзя, то бери дефилеи грудью, но никогда всею силою, а с сильным резервом". "Презирай опасность, но не подвергай себя оной из щегольства".

Вот с этими отцовскими наставлениями прибыл 27 декабря 1826 г. в урочище Карагачи (в Кахетии), штаб-квартиру Нижегородцев, их новый командир.

Вот что он писал своему отцу: "Я так занят приемом полка, который будет не без трудностей, но зная хорошо дело буду осторожен. Я не обладаю богатством, чтобы его терять. Я принял полк расстроенным после кампании. Суммы, которые я получил очень большие, я надеюсь обернуться в делах. Память о вас сохранилась в полку и она причиной, что я был принят очень радушно, но нет никого, кто бы служил при вас и нет никого, кто бы принял меня сыном Германикуса. Все высшее начальство относится ко мне с благожелательством. Лошади моего полка самые уродливые и самые крепкие, каких-либо я видел. Солдаты красивы так — как в Кавалергардском полку; офицерский состав отлично показал себя в елизаветпольском сражении, семь или восемь были ранены штыками".

Весной Нижегородцы выступили в поход. В течение 1827-29 гг. Раевский успешно командовал полком, а затем и бригадой, храбро сражался под Джеванбулахом, за что был награжден орденом св. Георгия 4 степ., а за Ахалцых представлен к Георгию 3-й ст., но был произведен в генерал-майоры. Его мужество и таланты военачальника были отмечены начальством. Хвалебно писал о нем и Паскевич его отцу (дальше мы увидим, как тот же Паскевич его предал).

Выделялся Раевский и другими достоинствами: многие разжалованные в солдаты декабристы находили в нем своего друга и покровителя; сколько было в его силах он им оказывал помощь и поддержку, прежде всего в отношении тех декабристов, кои находились в его полку.

К августу 1829 г. русские войска дошли до г. Гюмиш-Хане и 2-му дивизиону Нижегородского полка суждено было достигнуть крайнего пункта, до которого доходил корпус Паскевича. Это был последний

поход, в котором участвовал Раевский. Словесным приказом главнокомандующего он увольняется к тифлисским минеральным водам для излечения болезни и приказом по корпусу ему предписывается сдать полк старшему штаб-офицеру, князю М. Н. Андронникову.

25 августа Раевский выехал из Байбурта, взяв с собой в конвой 40 человек Нижегородских драгун. В Гумрах, где он остановился на 3 дня для выдержания карантина, Раевский встретился с адъютантом ген.-ад. А. И. Чернышева шт.-ротм. л.-гв. Уланского полка Н. А. Бутурлиным.

Через шесть недель разыгралась неожиданная гроза. Начальник главного штаба, ген.-ад. Чернышев затребовал от Паскевича объяснения по поводу поездки Раевского в Тифлис. "Государь Император", писал Чернышев, "повелел мне писать тифлисскому военному губернатору, дабы он произвел по сему предмету точнейшее и достовернейшее исследование и донес: 1) по какой причине г.-м. Раевский оставил действующий отряд, отправился в Тифлис и имел при себе большую свиту, в которой вышеозначенные лица (т. е. декабристы Ворцель, Чернышев, Ворцель и др. Н. Т.), 2) почему сии лица, вопреки строжайшего запрещения, не находились при своих полках и командах, и что именно причиной непростительного послабления, что г.-м. Раевский допускает к столь короткому к себе обращению, что дозволяет им быть даже при своем столе". В дальнейшем Чернышев передает повелению Государя Паскевичу лично расследовать дело.

Желая выгородить себя и сложить всю ответственность на других (известно, что Паскевич держал декабриста Пущина в своем штабе и давал ему служебные поручения, не входившие в круг его солдатских обязанностей), "отец-командир" представил Государю рапорт — целый обвинительный акт, в котором была брошена тень подозрения и на не декабристов... В рапорте он доносил, что обо всем этом ему известно и что он сам расследует это дело в Тифлисе.

Однако Государь видел в этом деле, прежде всего, нарушение воинской дисциплины и приказал Раевскому объявить строжайший выговор и подвергнуть домашнему аресту на 8 дней при часовом. Затем Раевскому приказано было состоять при начальнике 5-й уланской дивизии в Москве.

Никто не сомневался в том, что Раевский сделался жертвой доноса Бутурлина, гостеприимно принятого генералом в Гумринском карантине. По-видимому донос Бутурлина был направлен не столько в сторону Раевского, а он этим хотел угодить ген.-ад. А. И. Чернышеву, указывая, что среди лиц-декабристов бывших с Раевским, находился разжалованный в рядовые З. Г. Чрнышев и тем самым еще больше угодить ему для достижения корыстной цели А. И. Чернышева завладеть его огромным состоянием.

Действительно донос был сделан Н. А. Бутурлиным. Он скончался в 1867 г. в чине ген.-лейтенанта и в звании члена Военного Совета; перед своей смертью он вызвал к себе сыновей Н. Н. Раевского 2-го и, к их удивлению, просил у них прощения за свой донос на их отца — о чем они раньше совсем и не знали.

В ноябре 1829 г. наши войска двинулись обратно в Россию. В Карагачи Нижегородцы вернулись под командой полковника кн. М. Н. Андронникова. Февраль 1830 г. Нижегородцы с кн. Андронниковым провели в Джарской экспедиции, но вернувшись в марте, узнали неожиданную новость, что кн. Андронников уже больше не их командир. Командиром Нижегородского полка предположено было назначить подполковника Доброва, состоящего в Образцовом полку и лично известного Государю.

Со сдачей полка у Раевского произошли затруднения с Андронниковым из-за каких-то денег и больничных халатов. Прием полка Андронниковым был еще не окончен, но он не стал продолжать его и уехал в отпуск. В июле 1830 г. в Карагачах находился уже новый командир подполковн. Добров. Он начал принимать полк и должен быль требовать посредника, т. к. начет, сделанный им на Раевского достиг до суммы 200.000 руб. ассигнациями: казармы, лазарет, конюшни все было сожжено лезгинами, материальная часть и конский состав после 4-х лет кампании совершенно расстроен. Ко всем этим неприятностям присоединилось и грустное известие: еще 16 сентября 1829 г. скончался горячо любимый его отец.

Посредник, ген. Парфацкий нашел претензии Доброва чрезмерными, и сдача полка окончилась тем, что Раевский внес только 75.000 руб.

В июне 1831 г. он выехал в Россию. Пробыв некоторое время командиром 2-й бригады конно-егерской дивизии, он с марта 1833 г. снова числился по кавалерии. Одно время он проживал в Крыму, в своем имении Тессели и, быв крупным ботаником, основал Московское общество садоводства. В Крыму он успел приблизиться ко двору и сделаться любимым собеседником, проживавшей одно время в Алупке, Императрицы Александры Федоровны, которая помирила окончательно его с Государем Николаем Павловичем.

В 1837 г. Раевский снова на Кавказе; он назначается начальником 1-го отделения Черноморской береговой линии, где в 1838 г. за отличие в делах против горцев, производится в генерал-лейтенанты, а через год назначается начальником всей Черноморской линии. Им был основан г. Новороссийск, одному из укреплений побережья присвоено имя Раевского. В 1841 г. он уволился от службы, а 24 июля 1843 г. скончался в слободе Красненькой Воронежской губернии, где и был погребен.

Память о двух своих славных командирах — Раевских — Нижегородской полк хранил вплоть до конца своего существования.

Медали Отечественной войны и заграничных походов 1813 - 14 годов

А. Щитков

Строго говоря, война 12 года оставила нам, — не считая креста для духовенства, — лишь две наградные медали: одну для всех участвовавших в ней и другую для Земского войска, а заграничные походы —только одну — за взятие Парижа.

Победы этих годов не были отмечены у нас соотвествующими официальными медалями. Не были выпущены они и в честь наших славных военачальников. Только впоследствии появились многочисленные, главным образом, памятные и юбилейные, медали, имеющие связь с событиями 1812-14 годов.

***

В приказе по армиям Императора Александра, объявленном 5 февраля 1813 года, говорится:

"Воины! Славный и достопамятный год, в который неслыханным и примерным образом поразили и наказали вы дерзнувшего вступить в Отечество ваше лютого и сильного врага, славный год сей минул, но не пройдут и не умолкнут содеянные в нем громкие дела и подвиги ваши... Воины! в ознаменование сих незабвенных подвигов ваших повелели Мы выбить и освятить серебряную медаль, которая с начертанием на ней прошедшего, толь достопамятного 1812 года, долженствует на голубой ленте украшать непреодолимый щит Отечества, грудь вашу. Всяк из вас достоин носить на себе сей достопочтенный знак, сие свидетельство трудов, храбрости и участия в славе, ибо все вы одинакую несли тяготу и единодушным мужеством дышали..."

Эту дату — 5 февраля 1813 года — и следовало бы считать датою учреждения медали 1812 года.

В указе от 16 февраля 1813 года министру финансов гр. Д. А. Гурьеву, сообщая об установлении медали и прилагая копию вышеуказанного приказа и рисунок медали, на одной стороне которой "должно быть изображено Око Провидения и достославный 1812 год, а на другой портрет мой", Государь повелевал "изготовить на первый случай сто тысяч серебряных медалей". Вскоре однако в этот первоначальный проект медали внесено было очень характерное для Императора Александра изменение: в письме от 31 мая гр. Аракчеев сообщал гр. Гурьеву, что Государь распорядился поместить на обратной стороне медали вместо своего изображения только надпись: "Не нам, не нам, а имени Твоему" (это — сокращение части 9 стиха 113 псалма).

Эту серебряную медаль, размером в 29 мм., на андреевской ленте, для ношения на груди, начали раздавать очевидно в самом конце 13 года (указ о раздаче медалей дан 22 декабря) всем строевым чинам в армиях и ополчениях, действовавшим против неприятеля в 12 году.

По манифесту от 30 августа 1814 года эта же медаль, но бронзовая, дана была дворянам для ношения на владимирской ленте в петлице и некоторым представителям именитого купечества для ношения на анненской ленте на груди. Отметим, что эти две медали являлись первыми русскими наградными медалями, сделанными из бронзы.

Дворянская медаль 1812 года — наследственная. Она переходит к старшему в роде, как "знак оказанных в сем году предкам их незабвенных заслуг Отечеству". Имеют право на эту медаль и особы женского пола, если они являются старшими в роде. Для них была отчеканена медаль меньшего размера (в 24 мм.), которую затем было разрешено носить и мужчинам. Носились также и, так называемые, "фрачные" медали — значительно уменьшенные копии настоящей.

Из именитого купечества награждались — по рассмотрению — те лица, "которые принесли отличные и важные заслуги".

Тот же манифест учреждал в награду духовенству, — "начиная от верховного Пастыря включительно до священника", — особый наперсный бронзовый крест с теми же изображениями на обеих сторонах его центра, что и на медали 12 года.

Второй серебряной медалью 12 года является медаль Земскому войску, которой награждались строевые чины ополчения. Прототипом для нее послужила вероятно медаль Земскому войску 1807 года, но история учреждения и дата раздачи ее — нам неизвестны.

Размером в 29 мм., на андреевской ленте, она имеет на лицевой стороне изображение Императора Александра, а на обратной, — в дубовом венке, перевязанном лентами, — надпись "За любовь к отечеству 1812 г.". Некоторые авторы предполагают, что она была роздана в небольшом количества, т. к. она появилась после медали 12 года, т. е. когда большинство ополченцев уже получило эту последнюю. С таким же успехом, кажется нам, можно предположить, что она предшествовала медали 12 года и что ее раздача была прекращена, когда началась раздача медали Отечественной войны всем ее участникам.

***

В 1816 году появились проекты памятных медалей П. Шилова, А. Оленина и гр. Ф. Толстого на события 1812 года.

13 июня в Вильно был дан Высочайший приказ

армиям и рескрипт председателю Государственного Совета фельдмаршалу графу Н. И. Салтыкову, где Государь извещал о вступлении неприятеля в пределы России. Последний документ заканчивался исторической фразой: "Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в Царстве Моем". Этот обет Государя и явился темой работы академика медальерного искусства П. А. Шилова.

Сделанный им медальон изображает Императора Александра в виде римского воина. Он стоит с непокрытой головой, подняв к небу левую руку, а в правой держит обнаженный меч. Рядом, слева лежат императорские регалии и свиток с датою 1812. Внизу около стола — щит с российским гербом, а вправо от ног — шлем. Надпись по кругу гласит: "Не опущу меча доколе хотя един враг в земле моей". Другой стороной медали должен был быть "Родомысл" работы Толстого (см. ниже). Этот проект не получил официального утверждения, вырезанный с медальона штемпель медали (65 мм.) не был закончен и существующие редкие оттиски являются пробными.

Археолог, почетный член Академии Наук, государственный секретарь, б. Директор Публичной библиотеки, президент Академии Художеств, А. Н. Оленин создал в 1816 году пятнадцать "проектов медалей на знаменитейшие происшествия с 1812 по 1816 год", рисунки и описания которых были напечатаны в 1817 году в его работе "Опыт о правилах медальерного искусства..." Шесть из них имеют сюжетом события Отечественной войны.

6 июля 1812 года Государь подписал воззвание к Москве и манифест, в которых, сообщая о вступлении неприятеля в пределы России, указывал на необходимость собрать новые силы в подкрепление нашим армиям. Манифест взывал ко всем сословиям, приглашая их "единодушным и общим восстанием содействовать противу всех вражеских замыслов и покушений". "Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина".

Этот призыв к единению и к созданию всеобщего ополчения и явился темой проекта первой медали Оленина. Посредине медали — престол; впереди его — свиток с надписью "За веру, царя и отечество 1812"; вокруг престола — представители четырех сословий, т. е. дворянство — в виде воина, духовенство — в виде священника, купечество — в виде именитого гражданина и крестьянство — в виде поселянина, клянутся в том, что готовы умереть или победить врага. Надпись: "В одну сольемся душу" и дата "6 июля 1812".

Остальные проекты имели сюжетом: № 2 — "Бородино. Москва" — на сожжение Москвы; № 3 — "Москва. Вязьма. Малый Ярославец. Тарутино" — Император Александр поражает копьем змея; № 4 — "Москва" — на победу под Красным — Геркулес, поразивший гидру; № 5 — "Немень. За веру, царя и отечество" — на изгнание врага — Имп. А. I поражает гидру палицею; № 13 — "Вере, царю и отечеству 1812" — решимость Имп. А. I в 1812 году — он угрожает мечом гидре.

Хотя рисунок первой медали (на всеобщее ополчение) и получил Высочайшее утверждение, — все проекты Оленина так и остались только проектами.

Совсем другая судьба выпала на долю работ нашего знаменитого медальера гр. Ф. П. Толстого, бывшего с 1809 года почетным членом Академии Художеств и состоявшего с 1810 года в монетном департаменте по медальерной части.

Сейчас же после Лейпцига Толстой начинает лепить из воска медальон с изображением Императора Александра 1-го в шлеме, с копьем в правой руке и щитом у левого плеча и с надписью по кругу "Родомысл девятого-надесять века". Гравюра Клаубера, сделанная с этого медальона, объясняла: "Родомысл был бог древних славян. Главные свойства приписывались ему: храбрость, мудрость, правда". Восьмиугольная внешняя форма этого медальона имела около 267 мм. в диаметре, а самое изображение, находившееся внутри в кругу, — около 187 мм. Кончив лепку, Толстой вырезал с медальона медную форму для отливки гипсовых копий. По возвращению из Парижа Государя, Толстой представил ему "Родомысла", за что и получил простой бриллиантовый перстень в 1.500 рублей. Занятно, что какой-то берлинский литейщик, получив гипсовый слепок Родомысла, отлил с него чугунные копии и заработал на них хорошие деньги. Такой чугунный экземпляр был представлен Государю и хитрый немец получил от него бриллиантовый с вензелем перстень в 5.000 рублей. Некоторые гвардейские офицеры, приобретя в Берлине эти копии и не обратив внимание на имя медальера, приносили их показывать Толстому, как произведение немецкого артиста (см. "Записки гр. Ф. П. Толстого" в Русской Старине за февраль 1873 года).

После вступления наших войск в Париж, Толстой, взяв за прототип размеры и форму "Родомысла", начал создавать рисунки 19 медальонов, которые должны были передать потомству изображение достопамятнейших деяний, происходивших в 1812, 1813 и 1814 годах. В 1816 году эти рисунки (и изображение Родомысла) были представлены Александру I, которому понравилась идея Толстого представить события тех лет в рисунках и медальонах. Государь приказал особому комитету из представителей двух Академий рассмотреть эти рисунки. Комитет одобрил их и Толстой получил пособие на лепку медальонов и резание с них форм для изготовления гипсовых слепков, а также и на издание книги (с контурными гравюрами с рисунков и с описанием их на русском, французском и немецком языках) для раздачи при выпуске гипсовых коллекций этих 20 медальонов. Работа Толстого затянулась на многие годы, а книга с гравюрами Уткина была издана уже в 1818 году под заглавием: "Собрание разных изображений с медалей, представляющих знаменитейшие военные действия, происходившие в 1812, 1813 и 1814 годах, изобра-

женные гр. Ф. Толстым, описанные А. С. Шишковым". Заглавие того же издания, но на французском языке, значительно точнее: «Bas-reliefs allégoriques gravés au trait en mémoire des événements de la guerre de 1812, 1813 et 1814». Событиям Отечественной войны посвящены первые семь. Описание их, думаем мы, — излишне: оно поневоле было бы сухим, схематичным и не передало бы изящества этих медальонов, известных всем любителям русской медали в графических репродукциях или в медалях. Ограничимся поэтому лишь указанием, помещенных на них надписей: 1. — Народное ополчение 1812; 2. — Битва бородинская: 3. — Освобождение Москвы; 4. — Бой при Малом Ярославце; 5. — Трехдневный бой при г. Красном; 6. — Сражение при Березине; 7. — Бегство Наполеона за Неман. На всех медальонах — кроме первого — внизу: 1812.

Идея "передать потомству изображение достопамятнейших деяний" тех лет была прекрасной, но аллегорические изображения Толстого, выполненные в модном тогда, т. н., классическом стиле, вряд ли разрешали поставленную задачу. Это не уменьшает художественную сторону ни толстовских барельефов, ни сделанных затем по ним медалей, которые являются ценным украшением любой коллекции.

(Продолжение следует)

БЕЛОВЕЖ

П. Булацель

(Продолжение)

ТРЕВОГА.

Полные восторженных воспоминаний вернулись желтые уланы из Беловежа. Предстояла вновь унылая, особенно в зимний период подготовки, казарменная жизнь со всеми тяготами и заботами, а воспоминания были так живы и прекрасны.

Старших офицеров заботил вопрос, как будет реагировать начальник дивизии, генерал-лейтенант Т., ("Черный генерал") на свое "поражение на беловежском фронте" и какого подвоха нужно ждать с его стороны.

На следующий день по возвращении, в обеденный перерыв от занятий, командир полка поднялся в большую столовую собрания, что было необычно, и занял председательское место.

Выразив свое полное удовольствие по поводу службы полка на охране, на вопросы командиров эскадронов о его предположениях насчет "Черного генерала", он ответил: "Полагаю, что он устроит "тревогу". Надо подготовиться, лучше всего "подрепертить", как говорят вахмистры. Так вот, господа, послезавтра, в 9 часов утра — назначаю тревогу... Конечно, без отдачи в приказе по полку... Вытащите всю "старую гвардию" (подлежащих увольнению в запас) со всяких дровяных складов, швален, цейхгаузов и т. д., где они пребывают и добейтесь полных двенадцать рядов во взводах..."

Дело в том, что одним из очередных "коньков" "Черного генерала" были неожиданные "тревоги" в любое время дня и ночи. Полки должны были изготовиться и построиться в *десять* минут, имея полных 12 рядов во взводах. Минимум этот не бывал достигнут никем, даже его любимцами — гусарами, и он разносил в пух и прах даже полки готовые в 12-13 минут.

Положение улан осложнялось тем, что один из эскадронов (6-й) стоял в отделе, в предместье г. Белостока, откуда одного пути было не менее четырех минут полевого галопа.

В назначенный командиром полка день, по сыгранной дежурным трубачем "тревоги", эскадроны немедленно начали строиться на полковом плацу в порядке номеров. К 10-й минуте подошел и 6-й, взяв полевой галоп, для формы, только неподалеку от казарм.

Начался командирский объезд. Все было в порядке, полные 12 рядов, образцовая седловка и пригонка амуниции... После командирского "спасибо" уланы повели коней расседлывать, 6-й направился к себе домой, а офицеры пошли, кто по домам, кто в собрание.

Прошло 10-15 минут, как со стороны казарм гусарского полка показался бешенно мчавшийся "Черный" на вороном коне всадник с ординарцем.

Подскакав к караульному помещению, он остановился и потребовал дежурного трубача. "Труби тревогу!" — приказал он. Вновь понеслись по казармам знакомые звуки: "Тревогу трубят, скорей седлай коня, но без суеты...", вызывая общее полное недоумение. Выскочивший дежурный офицер мигом понял создавшееся положение и после рапорта "Черному генералу" бросился к телефону, связывающий штаб полка с расположением 6-го эскадрона. Оказалось, что тот еще не дошел, но, конечно, будет предупрежден.

С довольным лицом, предвкушая разнос уланам, "Черный генерал" шагом направился к полковому плацу. Была пятая минута тревоги. Вдруг лицо его вытянулось, довольная улыбка сменилась растерянной и недоумевающей. Из конюшен уланы спешно выводили поседланых коней, господа офицеры, кто из дому, кто из собрания в полной походной форме, спешили на плац. К 7-й минуте полк был посажен на коней.

Подскакал командир полка, поздоровался, подровнялся полк и раздалась его команда: "Полк, шашки вон, пики в руку, слушай!" По знаку его блеснули на солнце шашки и выдвинулись пики.

На 9-й минуте, все еще полный недоумения, "Черный генерал" начал объезд полка и осмотр его. "Непонятно... Все в порядке, полные ряды в первом эскадроне... Наверно так же и в остальных" — думал он. Внезапно его внимание было отвлечено каким-то приближавшемся грохотом со стороны города. Он взглянул на часы. Было 9 минут с начала тревоги и это уже подходил 6-й эскадрон...

Всякое недоверие и нелюбовь к уланам исчезли — взяло верх кавалерийское сердце... Он повернул коня дал шпоры и помчался навстречу шестому...

"Спасибо, молодцы уланы, за лихую службу! Отлично! Превосходно! Благодарю вас, ротмистр" — раздавались его похвалы. Шестой, перейдя в шаг, занимал свое место в строю полка, а командир его, с несколько смущенной улыбкой, принимал благодарность "Черного генерала".

После объезда, полк уже окончательно был отпущен по домам. На любезное приглашение командира полка позавтракать в собрании, "Черный генерал" сухо отказался и отбыл шагом в раздумьи и недоумении. Еще бы! Уланы и вдруг даже не в десять минут, а в девять...

Мы, офицеры, широко отпраздновали удачную "тревогу", но строго хранили тайну ее успеха. Шестой эскадрон стал фаворитом у "Черного генерала". Оставив в покое "всегда готовых" улан, "Черный генерал" обратил все свое внимание на тренировку гусар тревогами, но уланских девяти минут так и не смог добиться...

Некоторые правила
для обхождения с нижними чинами в девятой пехотной дивизии

Ниже печатаемый документ: "Некоторые правила для обхождения с нижними чинами 9 пехотной дивизии", автором которого был ген.-лейт. граф М. С. Воронцов, в бытность его командиром оккупационного русского корпуса в 1815-18 гг., найден С. П. Андоленко случайно в одном собрании. Это отдельно изданный циркуляр, отпечатанный, повидимому, для одновременной раздачи командному составу полков дивизии, м. б., до должности командира роты, возможно и вообще для всех офицеров дивизии.

Интересно отметить, что отец автора этих "Правил", граф С. Р. Воронцов, еще в 1774 г., будучи командиром 1-го Гренадерского полка, составил "Инструкцию ротным командирам", которая была одобрена Румянцевым. Эта "Инструкция ротным командирам" Воронцова-отца требует от ротных командиров гуманного обращения с подчиненными им солдатами и решительно выступает против употребления палок, средства для поддержания дисциплины и как меры наказания. "Инструкция" Воронцова-отца хорошо известна тем, что знаком с русской военно-исторической литературой: впервые она была опубликована Н. П. Глиноецким в "Военном Сборнике" в 1871 году, В. К. Судравский приводит текст ее в своей истории Л Гв. Гренадерского полка (СПб, 1906) и, наконец, она была напечатана в "Русском Архиве" в 1912 году (кн. 2, стр. 142-155).

Что же касается "Правил" Воронцова-сына, то они вряд ли известны даже специалистам по русской военной старине, ибо в нашей военно-исторической литературе имеется крайне мало опубликованных документов относящихся к пребыванию русских войск во Франции в 1815-1818 гг.

Воронцов-сын не был новичком в авторстве подобных "правил". Еще в 1812 году он написал "Наставление господам пехотным офицером в день сражения, 17 июня 1812 года", которое было отредактировано Багратионом, издано и роздано в войсках 2-й армии. Но "Наставление" это касалось по преимуществу вопросов тактических; "Правила" же, изданные им в 1815 г. касаются вопросов морального и воспитательного характера. Невольно возникает вопрос, не была ли одной из побудительных причин к изданию этих правил общение М. С. Воронцова с отцом, когда тот, имевший пребывание в Англии, не раз посещал своего сына, командира русского оккупационного корпуса во Франции. Об одном из таких посещений в 1815 г., между прочим, упоминает ген. Левештерн в своих известных воспоминаниях. Ю. Т.

Желая как для лучшего исполнения воли Всемилостивейшего Государя нашего, так и для вящего вкоренения во всех чинах вверенного мне корпуса того обхождения на благородстве и амбиции основанного, которое в последние годы опытом оказалось полезным в управлении войск, до получения новых на то постановлений имеющих главною целью и предметом, чтоб как настоящая вина никогда не оставалась без должного и законного взыскания, так всякое самовольное и безвинное наказание унижающее только дух солдата не исправляя его ни мало, было бы искоренено, даются на первый случай к точному с получения сего по 9 дивизии исполнению следующие правила:

1. Никакое лицо в роте кроме настоящего ротного командира не имеет права наказывать нижних чинов ни одним ударом. Прочие в роте офицеры, фельдфебель и частные унтер-офицеры, когда отделены от ротного командира могут сажать под караул тех, кои окажутся в чем виновными и тотчас о том доносить капитану.

2. Для удержания беспорядков, особливо на марше в теперешних походах чрез чужие земли, ротному настоящему командиру нужно имет власть, которая в спокойное время не так необходима, почему настоящий ротный командир имеет право по хладнокровному беспристрастному рассмотрению вины, как начальствующими частями в роте ему рапортованной, так и самим им усмотренной, положить наказание и произвесть оное в действие, с тем однако, чтоб сие наказание ни в коем случае не превышало сорока ударов, и только бы тогда было определено, когда оно неотменно покажется нужно, за что капитан всегда в ответственности находится.

Вины же делающие такие наказания необходимыми суть: частое пьянство, потеря или порча аммуниции, ссора и нехорошое обхождение с хозяевами на квартирах, и на первый случай неточное исполнение приказаний младших офицеров или унтер-офицеров; повторение же таковаго неисполнения, а еще паче грубоость к старшим, уже не во власти капитанской наказывать, но почитаемы быть должны за неповиновение, и следовательно в полку строжайше по законам наказаны быть должны. В том же виде считать покражу большую или малую и всякий разбой, почему во всех сих случаях ротный командир отнюдь сам не наказывает, а при рапорте посылает виновного под караулом с доказательствами в полк, где немедленно наряжается следствие из трех офицеров и по точному исследованию вины полковой начальник определяет строгое наказание и приказывает без потери времени оное исполнить.

3. О всяком наказании, которое капитан найдется обязанным определить, должен он рапортовать письменно в полк, где оное внесется в книгу, нарочито для того приготовленную, о коей ниже упомянуто будет; в рапорте капитан пишет: кто именно наказан, за какую вину, какое было наказание и какого был тот рядовой поведения и был ли наказан палками или нет прежде или после 1 октября 1815 года, то есть со дня сего постановления.

4. Присутствие старшего везде и всегда слагает власть младших, почему там, где есть того же баталиона штаб-офицер, ротный командир сам не может наказывать палками без согласия и утверждения того штаб-офицера, где стоит полковой начальник, то уже никто в полку без него тех наказаний определить не может.

5. Так как солдат, который никогда еще палками наказан не был, гораздо способнее к чувствам амбиции достойным настоящего воина и сына отечества, и скорее можно ожидать от него хорошую службу и пример другим, то должно с таким поступать еще с вящею расмотрительностию и осторожностию, нежели какие в прочем и во всех случаях нужны, поелику наказание унижающее таковаго солдата, в одну минуту истребляет все плоды, которые от хорошего поведения чрез долгое время он себе достал; таковые солдаты исключаются из числа тех, кои в ротах наказаны быть могут и наказание им определено быть должно только в полку.

6. Также при сем подтверждается к непременному исполнению постановление Высочайшего Его Императорского Величества рескрипта на имя Военного министра от 12 октября 1812 года о составлении гренадерских рот в 7 пункте, в силу коего гренадеры и стрелки ни в коем случае телесному наказанию подвержены быть не могут, а за вину, заслуживающую таковое наказание, непременно в тот же день в мушкетерские или егерские роты написаны быть должны. Господам ротным командирам особенно рекомендуется сей пункт: как бы проворен или хорош собою ни был гренадер, как скоро он поведения нехорошего, сего почтенного звания носить ему не должно, храбрость и поведение будучи отличительными оного качествами.

7. Разумеется, что имеющие знаки отличия, как военного ордена, так и Анненский от всякого телесного наказания навсегда освобождены, теряют же они сии знаки отличия не иначе как по суду.

8. Для умножения же средств и в роте удерживать должный во всем порядок, без частого употребления унизительных наказаний и без отсылки за тем в полк ротные командиры могут и должны заводить за малые вины другие штрафы, как-то: посажение под караул, лишение порции, связание и, наконец, какое-нибудь в стыд приводящее наказание, коему скоро все весьма ма чувствительны будут, как-то: одежда навыворот какого-нибудь платья при всей роте, или приклеяние к шапке или платью бумаги с надписью, что такой-то ленив, пьян, или неряха и пр.; делать сие при всех могущих то видеть, как жителях, так и солдат и стараться, чтобы другие над таковыми смеялись и приводили бы их в стыд. Сего последнего рода наказания особливо полезны могут быть, чтобы удерживать тех старых и впрочем хороших солдат, которые слишком часто напиваются или не довольно опрятны. Но иметь за правило, чтобы не слишком часто над одним человеком одно и то же делать, потому что все наказания действие коих основаны на стыде, теряют всю силу и пользу, когда от частого употребления к ним привыкнет.

9. Так как денщики суть также солдаты и слуги Государя и отечества, то с ними поступать так точно, как с прочими солдатами, с тою еще разницею, что так как вина их как относящаяся только к лицам частным, а не службе, не так важна в последствиях, как вины строевых, то и ротные командиры не имеют права сами их палками наказывать, и во всяком случае требующем большего наказания нежели посажение под караул и проч. Штаб или обер-офицер, коего денщик провинится, представлять его при письменном рапорте к полковому начальнику, который может по сему уже рапорту без дальних исследований кроме важных случаев или на причинах основанной недоверчивости к тому офицеру, приказать того денщика наказать, с тем, чтобы наказание сие никак не превзошло пятидесяти ударов; в случаях же покражи, разбоя и проч., с денщиками поступать как и с прочими солдатами, т. е. непременно по точному исследованию тремя офицерами или по военному суду наказать строго по законам.

10. В винах, где наказание должно превышать сто ударов и где виновный должен быть прогнан сквозь строй, полковой начальник сделанное письменное следствие посылает на рассмотрение бригадному командиру, который и определяет экзекуцию, но не больше как раз сквозь тысячу или два раза сквозь пятьсот. При всех экзекуциях всегда должен быть лекарь, который смотрит, чтобы наказание не было опасно для жизни виновного и за то отвечает.

11. Иметь за непременное правило, как в ротах по мере изъясненной выше власти ротных командиров, так и при штабу полковом, когда наказание определено, то никогда оного не откладывать, но тотчас исполнять, потому что от вредного обычая у некоторых офицеров грозить будущим наказанием, нередко бывают побеги, а иногда (страшно сказать) самоубийство.

12. Так как пьяных не должно наказывать в пьяном еще виде, то в сем только случае подождать, чтобы дать протрезвиться под строгим караулом и наказать, когда он уже опомнится.

13. Бывал в некоторых полках, особливо в старину, гнусный и варварский обычай, которого хотя и надеюсь, что нет примеров во вверенной мне дивизии, но на всякий случай упомянуть про оный нужно, что в случае сделанной вины и что неизвестно кем, нередко палками добивались узнать правду, отчего не только что невинный мог быть наказан, но еще для спасения себя от мучения мог и наложить на себя вину, в коей не был причастен; столь мерзкий, подлый и, как божеским так и человеческим законам противный обычай есть ничто иное, как пытка одним варварам приличная и я уверен, что гг. полковые командиры все мне готовы отвечать, что такого примера у них в полках никогда не будет. Всякий же штаб или обер-офицер, который бы в таковом поступке оказался виновным, непременно отдан будет под военный суд.

14. В полковых и других от дивизии зависящих лазаретах гг. лекари, смотрители и дежурные офицеры отнюдь чтоб не могли ни в коем случае наказывать больных или надзирателей палками, а только арестом или лишением порции, а в случаях требующих большого штрафа, отнестись от полковых лазаретов в полк и от дивизионного в дивизионный штаб.

15. Полковой казначей или квартирмейстер в рассуждении своей команды фурлейтов и проч. в том же отношении и руководствует теми же точно правилами, как капитан в роте.

16. Взять за святое и непременное правило, что на ученьи и за учение никогда ни одного удара дать не должно, ошибки или нескорое понятие учения происходят больше от нерасторопности, непонятности или страха причиняющего суетливость, все эти причины умножаются наказаниями и исправляются терпением, толкованием и ласковым обхождением ободряющим солдата, а особливо рекрута, ежели же у иного замешалась при нерасторопности лень, то для лени лучшее и вернейшее наказание есть продолжение и повторение учения; ибо кто ленится и видит, что последствия того будет лишнее учение, непременно будет стараться, чтоб учение как можно меньше продолжалось.

17. Книга штрафная или книга наказаний должна быть в каждом полку, в которую непременно внести должно всякое наказание, как полковым командиром, так и в баталионах или ротах определенные, в оной будет означено в графах: 1) месяц и число; 2) имя виновника; 3) вина его; 4) мера наказания; 5) по чьему приказанию или ежели по следствию, то кто в следствии находился и, напоследок, 6) в первый ли раз он наказан палками или прежде в подобных штрафах был, означая тоже, что те наказания были ли прежде или после теперешнего постановления, считая с 1 октября 1815 года. Сии книги по требованию дивизионного и бригадного командиров всегда представлены быть должны на смотр, за точность оных лично отвечает полковой командир, и всякая страница должна быть за его подписью. Его дело уже есть, чтоб точно ни одного удара в полку бы не было, который бы не был внесен в сию книгу, за всякое утаение или несправедливое наказание строго взыскано будет.

18) В заключение всего надеюсь, что гг. ротные и другие начальники не примут в дурную сторону вышепоказанного постановления и не почтут, чтоб оное происходило от недостатка к ним доверенности, я уверен что всякий офицер, особливо после тех опытов, что мы все имели, довольно видел, сколь предпочтительно должно стараться вести людей амбициею нежели беспрестанными наказаниями и не захочет во зло употреблять власть свою над людьми, которые, как защитники отечества заслуживают общее уважение и что всякий благородно мыслящий офицер всегда захочет скорее быть отцом и другое своих подчиненных нежели их тираном, как то по несчастию и к стыду нашему часто бывало, а в иных полках и теперь водится; но постановления теперь изданные имеют предметом учреждение общих и разнообразных на то в дивизии правил. Оные суть следствие воли Всемилостивейшего Государя нашего, отца своих подданных и особливо военных, по коей впоследствии вяще еще будет состояние солдата улучшено, да сверх того опять повторяю, что истреблением самовольных и следственно часто несправедливых наказаний и неупустительным и строгим законным взысканиям за настоящие вины, дисциплина выиграет, а дух солдатский не будет унижен, сам же я уверившись в 12 лет из беспрестанных походов и службы пред неприятелем, что сие полезно, буду неупустительно смотреть за точнейшим исполнением оного. Ежели кто из гг. офицеров при том исполнении останутся в мыслях (по привычке или по старым предрассудкам), что им таким образом за свои части отвечать нельзя, то я прошу их мне оное объявить, я же, освободив их от той команды, по коей они боятся ответственности, буду всячески стараться, чтобы они без всякой для них потери переведены были в другие дивизии; те же, которые примутся за исполнение вышеизъясненных правил, с охотою и усердием скоро увидят, сколь с оными сопряжена польза службы и их собственное удовольствие, ибо так как уже в том есть унижение, когда кто командует людьми униженными, так ничего

нет лестнее и приятнее, как председательствовать людьми движимыми чувствами благородными. Все таковые офицеры почтутся мною за настоящих помощников, товарищей и друзей, и я с жадностью буду искать случая преимущественно им доставлять во всех возможных случаях выгоды и награждения.

Подлинный подписал:

генерал-лейтенант граф Воронцов.

Город Напси. 1 октября 1815 года.

Сообщил *С. Андоленко*

Боевой и мирный календарь Измайловцев с июня 1915 г. по июнь 1916 г.

(Из "Измайловской Старины")

Б. Геруа

(Продолжение)

К этому я могу прибавить, что, с точки зрения управления полком, я сделал следующее.

1) Стремился сохранить 1-й батальон в резерве на случай перехода в наступление всем полком.

2) Отказался от предложенного мне фронтального подкрепления, подсказав штабу дивизии мысль о направлении гвардейской Стрелковой бригады левее Измайловцев, имея ввиду охватывающее немцев положение.

3) Использовал присланный мне броневик, выдвинув его "на минутку" по шоссе во время одной из немецких атак. Выдвижение это отвлекло огонь артиллерии германцев.

4) Давал цели артиллерии, которая, хотя и доносила о стесненности наблюдения (лес и система лощин), все же делала все, что было в наших средствах и способствовала отбитию атак (с полком работал, кажется, 2-й дивизион).

По первому пункту мне удалось к концу дня сохранить 1-й батальон свежим. Правда, три роты были двинуты на поддержку боевой линии (по роте на каждый батальон), но эта мера была чисто морального порядка, так как батальоны успешно справлялись своими силами и, насколько помню, не вливали этих частных резервов в цепь. Таким образом, предполагая наш переход в наступление с рассветом следующего дня, я мог перегруппировать полк и собрать не понесший особых потерь 1-й батальон снова воедино.

Несомненную тактическую пользу принесло выдвижение левее нас бодрой гвардейской Стрелковой бригады, заступившей место утомленных армейских частей. Последние, в сущности, лишь обозначали оборону и рассчитывать на них не приходилось. Стрелки вместе с Измайловцами образовали вогнутый фронт, дававший мозможность брать под перекрестный обстрел немецкие цепи. по мере их втягивания в наш огневой сектор. Именно на эту выгоду я и рассчитывал, когда просил начальника дивизии ввести гвардейских Стрелков на моем левом фланге.

Преображенцы, на западном берегу реки Вепржа. имели такой же успешный боевой день, отразив не менее полдюжины немецких атак.

Выяснилось, что против нашей гвардии наступала прусская гвардия (интересный случай) и что, в частности, Измайловцев атаковал 4-й (или 3-й) полк королевы Августы.

Единоборство оказалось в нашу пользу. Пруссаки были отбрешны на Красноставскую переправу.

Помню твердое настроение полка к ночи с 5 на 6 июля. Несмотря на понесенные существенные потери, ни у кого не было сомнения. что мы перейдем в наступление, быть может, даже до рассвета.

Полученный мною ночью приказ об отходе был полным и неприятным сюрпризом и шел в разрез с подчинением мне под вечер двух батальонов л.-гв. Семеновского полка — на случай движения вперед. Случилось то, что часто повторялось во время нашего трагического отступления 1915 года и о чем я говорил выше. Победа, достигнутая в одном месте, сводилась на нет в другом. На западном берегу Вепржа правофланговый корпус (12-й Сибирский) III-й армии, в состав которой была включена Гвардия, вынужден был глубоко осадить. что нарушало равновесие фронта. В результате и остальные корпуса армии были отведены назад. При этом гвардейский корпус вновь составил резерв. На рассвете 6 июля полк отошел в район деревни Недзавлечине.

Из офицеров полк в бою под Красноставом потерял убитыми: прапорщик С. Я. фон Бретцель (скончался по дороге, не попав на перевязочный пункт полка) и Б. Б. Душкин 4-й — оба 4-го батальона. Ранеными и контужеными: шт.-кап. В. В. Квитницкий (4 бат.), поручик Б. С. Геккет (пул. ком.), прапорщики А. Н. Гамалея (2 бат.), А. А. Дмитриев-Мамонов (2 бат.), С. Н. Машкин (4 бат.) и Н. Федотов (1 бат.).

***

В заключение приведу выписки из воспоминаний Э. А. Верцинского, командовавшего л.-гв. 2-м Царскосельским стрелковым полком под Красноставом и после. Автор принадлежит к тем редким удачникам, которые — кроме памяти — захватили с собой из России документы. Книга Э. Верцинского "Из Мировой войны" (Ревель. 1931) основывается на его дневнике и копиях полковых реляций. Из реляций о Красноставском бое видно (стр. 76), что полк 5 июля составлял резерв л.-гв. 3-го и 4-го стрелк. Императорской Фамилии полков, ведших бой у д. Рудки на подступах к Красноставу. В 12 часов 30 минут дня полк сосредоточился в лесу севернее деревни Лапы. В 4 часа дня получил приказание "сменить расстроенные и перемешанные части 18-й и 70-й пех. дивизий 14 арм. корпуса на левом фланге л.-гв. 3-го стр. Его Величества полка". Полк выступил для смены в

7 час. 15 мин. вечера и закончил ее около 11 час. вечера. В 1 ч. 15 м. ночи было получено спешное приказание начать в 2 часа отход на реку Сенницу. В 7 ч. 30 м. утра полк занял позицию в лесу севернее д. Сенница-Королевская.

Из дальнейшего описания видно, что позиция эта была занята и укреплена па линии Сенница-Королевская — Сенница Рожаны и составляла средний участок гвардейской Стрелковой дивизии. Противник начал атаковывать эту линию лишь 7 июля. Стрелки держали позицию в течение 7, 8 и 9 июля несмотря на жестокую бомбардировку. В ночь с 10 на 11-е был даже назначен переход в наступление, но атака эта была отменена.

"В ночь с 14 на 15-е июля полк был сменен двумя батальонами л.-гв. Измайловского полка и временно оттянут в резерв".

Описание Верцинского очень важно, так как оно документально устанавливает периоды Красноставского боя по часам (введение в дело гвардейских Стрелков — около полудня — и наступление перелома — около 4-х часов дня), а также, что Измайловцы сменили, к югу от Острова, л.-гв. Преображенский полк в ночь на 16-е июля.

Итак, после боя под Красноставом, гвардия отодвинулась на север очень незначительно (линия Сенниц — всего на 6 верст) и удержала эту позицию целых десять дней: показатель не только боевой крепости нашей, но и ослабления неприятеля в бою 5-го июля. Тактика его против нас резко меняется: он осторожен и нерешителен.

Непосредственно после боя под Красноставом между командующим III-й армией генералом Лешем и генералом-адъютантом Безобразовым произошла размолвка: это повлекло к отозванию последнего в распоряжение Государя Императора и назначение командиром корпуса генерала Олохова. Тем не менее генерал-адъютант Безобразов успел лично поблагодарить Измайловский полк за его славную боевую работу под Красноставом в день 5-го июля. Произошло это числа 7-го—8-го, когда полк стоял в резерве, в лесу, что у с. Остров.

После войны удалось получить отзывы о Красноставском бое от наших противников. Офицеры полков прусской гвардии говорили о том уважении, какое вызвала в них твердость нашей боевой линии под Красноставом и о том упадке собственного настроения, которое явилось результатом безуспешных боевых усилий дня 5-го июля.

Отзывы врагов — лучшая похвала и лучшая реляция.

Поручик Гескет, раненый в самом начале боя, но до этого сумевший удачным расположением своих пулеметов отбросить первую волну наступавших немцев, был представлен мною к георгиевскому кресту — и получил его. Действия полка были отмечены в приказе по Гвардии, а командующий полком получил за этот бой Высочайшее благоволение.

Боевая работа гвардии после Красноставского боя почти поровну разделилась на две части: 1) отход с боем на север к Бресту, куда части собрались 5-го августа — месяц перемежающихся отступательных боев; 2) действия к северу от города Вильно — отделенные от первого периода четырьмя днями перевозки по железной дороге Брест-Вильна, и затем отход Вильна-Сморгонь, всего также месяц (с 11 августа по 13 сентября).

Согласно записей Б. В. Фомина, исправленных мною по Семеновской карте с напечатанными маршрутами и по данным описания книжки барона Торнау ("С родным полком" — Преображенцы под Петриловым), можно небезошибочно установить следующий порядок действий полка после отхода от Красностава.

14-15 июля д. Сенница Королевская и переход около 2 верст.

17 июля д. Павлово (Александрия) и переход около 20 верст.

19 июля оборона у д. Ольховец и переход около 3 верст.

22 июля оборона д. Вулька Тарновская и переход около 15 верст.

24-28 июля оборона у Коровьего болота и в резерве у Буковского леса, к северу от Петлова и переход около 4 верст.

29 июля оборона у Гдановка.

30 июля в резерве на стыке за 70-й пехотной дивизией и переход около 35 верст.

31 июля - 1 августа оборона у Лядска и переход около 25 верст.

1 августа переход к Брест-Литовску.

5 августа посадка на станц. Березовка за Брест-Литовском.

Характер происходивших боев был один и тот же: занятие позиции на рассвете или даже до рассвета: отсиживание под артиллерийским огнем противника в течение дня: отражение попыток неприятеля атаковать: скрытное оставление позиции с наступлением ночи: отход на новый рубеж. Словом, типичные бои, присущие стратегическому отступлению на широком фронте.

В частности отдельные дни этого периода отмечаются следующими событиями.

12 июля убит под Сенницами Королевскими подпоручик Буцкой.

19 июля под Ольховцом убиты подпоручик Рубец и прапорщик барон Кампенгаузен и ранен подпоручик Подладчиков. В цепи 9-й роты убит артиллерист-наблюдатель — л.-гв. 1-й артиллерийской бригады подпоручик Конради. Левее Измайловского полка оборонялся л.-гв. Преображенский полк под командой Свиты Его Величества генерал-майора графа Игнатьева. Со времени Красностава эти два полка почти непрерывно сражаются в первой линии рядом. Л.-гв. Семеновский полк играет роль подкрепления Преображенского и Измайловского участков.

Бой под Ольховцем был очень жаркий. Неприятель переходил в атаку несколько раз, как против нас, так и против Преображенцев. Потери от артиллерийского огня были значительны. Окопы, конечно, за недостатком времени, были недостроенные. Под вечер мне были присланы два батальона л.-гв. Семеновского полка, на случай новой атаки. Собственно мои резервы были уже истощены. Но бой, с наступлением темноты, затих, а затем было получено приказание о дальнейшем отходе. Семеновские батальоны в дело введены не были.

Об одном из эпизодов боя под Ольховцем и даже о характере этого боя вообще, дает понятие следующее описание подвига поручика Николая Подладчикова, получившего за свои действия георгиевское оружие, "...за то, что в бою 19-го июля 1915 года впереди с. Ольховец, получив задачу обеспечить перемену позиций левым флангом полка (2-й бат. капитана Э. Э. Гамбса. Б. Г.), составив арьергардную роту на старой позиции, отошел уже под непосредственным напором германцев и, сдерживая их, твердо занял под убийственным огнем новую позицию на крайнем левом фланге полка, отбил, будучи ранен, все попытки противника здесь прорваться, чем решительно содействовал успеху полка в удержании всей новой позиции, так как ее левый фланг (у главной дороги на стыке с Преображенцами. Б. Г.) был ключом позиции".

20 июля полк "проскакивал" днем при отходе через пылавшую деревню Колания Ванда. Вообще, оставленные места предавались огню. Зрелище, хотя и живописное, но тяжелое.

О бое 21-го июля под деревней Сычевкой А. Н. фон Бретцель вспоминает следующее.

"21-го позиция занимаемая полком проходила впереди деревни Сычевка. Из полученного накануне приказания и маршрута мы знали, что окопы этой позиции "заранее подготовлены".

"По прибытии рано утром на указанный рубеж, мы были встречены командующим полком, который уже ознакомился с предназначенной нам позицией. Полковник Геруа имел сосредоточенный вид. Он отдал приказание расходиться на назначенные участки и приступать к оборудованию окопов, которые, как он предупредил, далеко не закончены.

"Действительно, мы скоро сами убедились в том, что представляла из себя "заранее подготовленная позиция"; окопы, натрассированные по склону холма, были вырыты для стрельбы "с колена", ни о каких блиндажах и даже козырьках не было и помину. Но что было хуже всего, это то, что ярко-белый меловой грунт выброшенный в виде бруствера, предательски обозначал нашу линию на фоне желтого жнивья, среди которого проходила линия окопов. На всем обширном пространстве впереди нас стояли копны сжатого хлеба — прекрасная маскировка для наступающего противника. В довершение наших неудач, грунт был настолько тверд, что меловые глыбы приходилось выкалывать, а не выкапывать. Работа предвиделась трудная и затяжная. От души ругали мы инженеров-строителей этой позиции...

"Расстояние от намеченных окопов до опушки леса лежащего к югу, откуда противник должен был появиться и начать наступление, было около полутора верст. Над всем обширным пространством стоял, еще не успевший рассеяться, предрассветный туман, предвещая солнечный день.

"В коротком совещании с ротными командирами полковник Скобельцын, командир 4-го батальона, выработал следующий план.

"Просить командующего полком оставить на время впереди команду разведчиков, с тем, чтобы она наблюдала за появлением противника и, по возможности, задерживала его на опушке леса.

"Замаскировать меловой бруствер окопов сжатым хлебом, разбросав для этого нужное количество копен.

"Зажечь возможно большее количество копен на всем пространстве между нами и лесом. Этим мы очищали кругозор и улучшали обстрел и создавали на некоторое время дымовую завесу, за которой довольно спокойно продолжали работу по углублению нашей позиции.

"Просьба о высылке разведчиков была исполнена. Припоминаю и нескольких конных разведчиков, скакавших по полю с горящими пуками соломы и помогавших поджигать дальние копны. Вскоре горела вся впереди лежащая местность, не только копны, но и самое жнивье горело и тлело. Дымовая завеса удалась. Мы выиграли часа полтора или два. Разведчики при появлении немцев обстреливали их. Последние не решались продвигаться в пожарище. Только тогда, когда дым начал рассеиваться, разведчики подожгли последние копны, за которыми сами скрывались и двинулись в деревню к штабу полка, пройдя наши окопы. К этому времени мы были уже много лучше устроены, хотя, конечно, ни ходов сообщения, ни козырьков к окопам соорудить не удалось.

"Эта оригинальная мера, впервые нами примененная, значительно задержала противника и в дальнейшем дала возможность с успехом вести огневой бой, но — увы, — не спасла нас от ураганного артиллерийского обстрела. Особенно страдал 4-й батальон, выдвинутый несколько вперед на склоне холма. Деревня Бычевка, где расположился штаб полка и перевязочный пункт, пылала в нескольких местах; немцы быстро и удачно пристрелялись. Перевязочный пункт был принужден выехать за деревню".

В этом бою, в его начале, был ранен в голову и контужен командующий 15-й ротой штабс-капитан фон Бретцель.

22 июля убит под Тарновской прапорщик Тарачков. Немцы доходили до 150 шагов. Был взят в плен австриец, который показал на допросе, что ими командуют германцы.

Под Тарновской я поставил полк для боя в форму необычайную — огневого мешка, в который против-

ник должен был втянуться. Хорошо помню обстоятельства этого боя.

Когда мы подходили — днем — к назначенной нам линии, ко мне явился (во время привала) поручик В. Б. Душкин, начальник команды пеших разведчиков, с докладом о позиции. Выходило, что нам предстоит стоять в болоте, если решать задачу по букве. Я приказал батальонам стать, в виде буквы "П", с перекладиной, смотрящей прямо на противника и боками, смотрящими друг на друга. Правофланговый фас (кажется 4-й бат.) должен был занять опушку леса; левый фланг — холмистую гряду, загибавшуюся в центре по направлению к лесу (2-й бат.). Один батальон занял фас-перекладину (3-й бат.), один батальон (1-й) в резерве за центром. Там же — артиллерия и штаб полка.

Противник появился на лесных опушках в виду нашей позиции в расстоянии около полуверсты не слышком рано — около полудня. Наступать ему приходилось по открытой местности. Налево от нас, самую деревню Тарновку (как мне представляется), расположенную на высоте, занимали армейские части. Атака этой позиции, также как и атака вправо от нас — на лес — видимо не улыбалась противнику. Поэтому наступление обозначилось в направлении казавшейся пустоты, т. е. в приготовленный мешок.

Было интересно следить за ходом боя по донесениям из фланговых батальонов и отдельных рот. Попадавшие в перекрестный огонь немцы кидались то в одну сторону, то в другую, неся при этом очевидные для нас потери. Атаки повторялись несколько раз — все с тем же неуспехом. Мне было совершенно удобно управлять огнем полка по телефону — случай исключительный в современном бою пехотного полка.

Стрелки и пулеметчики быстро оценивали предоставлявшиеся им возможности, и игра фланкирования наступавших в наш мешок неприятельских цепей продолжалась до наступления темноты, сопровождаемая увлечением командного состава и людей.

Во время этого поучительного боя я получил неприятное известие из штаба дивизии: стало не хватать ружейных патронов. Рекомендовалась экономия. К недостатку артиллерийских патронов мы уже привыкли. Возможность очутиться без ружейных патронов была новостью.

Уже сделалось темно, когда немцы, отчаявшись пролезть через предоставленное им Измайловцами горлышко, с упорством бросились на наших соседей слева — армейцев. К счастью и здесь атаки были отражены.

К рассвету мы были уже в дороге — к новой позиции. Отходы были налажены так.

По получении из штаба дивизии распоряжения о дальнейшем маршруте я диктовал сейчас же соответствующий приказ, а все чины штаба полка записывали его в своих полевых книжках. В каждой книжке получалось посредством прокладной бумаги несколько копий, а всего — достаточное количество их, и одновременно, для рассылки в батальоны, роты и команды. Обычно приказание сопровождалось схемой, ускорявшей усвоение предстоящего пути и распределения времени и участков. Часть разведчиков высылалась вперед для разведки вновь назначенного рубежа, а часть оставалась на старой позиции для прикрытия отступления и его маскировки.

Первым выступал обоз 1-го разряда. Мы щеголяли порядком и даже "парадностью" следования обоза. Полковой врач Пороховский, с несомненной офицерской жилкой, сделал даже из санитаров настоящих гвардейцев, и вытягивание строго по уставу наших новых, только что полученных двуколок представляло зрелище приятное для строевого сердца.

Двуколки эти — неизмеримо более удобные, чем штатные неуклюжие лазаретные линейки — были, между прочим, приобретены на щедрое пожертвование, которое я получил лично для полка от княгини Мещерской (Кишинев) — вскоре после моего назначения командующим л.-гв. Измайловским полком. Наш полковой художник К. А. фон Руммель нарисовал (между боями) трафарет вензеля Императрицы Анны Иоанновны и этот вензель украшал холщевые верха двуколок. Выглядели они нарядно.

Я обыкновенно пропускал весь полк мимо себя, здоровясь с ротами (ответы, может быть, иногда доносились и до противника), а затем, когда позади оставались только заставы и разведчики, обгонял колонну. Происходило это как правило — в полутемноте или темноте. В последнем случае неприятельские ракеты обозначали линию и удаление передовых частей противника. При подходе к указанному полку рубежу я получал от высланных заблаговременно разведчиков донесение о характере новой позиции и немедленно сам выезжал для ее осмотра. Старался обойти всю линию сам, чтобы точно распределить участки по местным предметам и уяснить постановку батальонам их частных задач. Окончание разбивки позиции обычно совпадало с появлением на ней головных частей полка. Таким образом, батальоны, не ожидая, могли занимать назначенные им участки и получали точные указания — что им делать.

До прибытия неприятельских передовых частей обычно было достаточно времени, чтобы окопаться. Конечно, окопы были самые легкие; о сколько-нибудь серьезных блиндажах и развитии ходов сообщения не могло быть и речи. Выдерживать при этих условиях артиллерийскую долбежку противником было не так просто.

Но что было еще тяжелее во время этих отступательных боев — это отсутствие отдыха и сна. Где и когда человек мог поспать и подбодриться физиче-

ски? Днем бой, ночью — марш; по приходе на новую позицию — рытье окопов и снова бой... Отсыпаться можно было только в тех редких случаях, когда полк назначался в дивизионный резерв. Помнится, это было дважды: 7 июля у Буковского леса и 30-го — где-то за 70-й (?) пехотной дивизией. В обоих случаях, однако, полк был поднят и двинут на поддержку — в первом случае — Преображенцев, во втором — 70-й пехотной дивизии.

У Преображенцев шел упорный и кровопролитный бой под Петриловым; вечером, почти ночью, они должны были "восстановить положение" на одном из участков. К этому времени и были подняты Измайловцы. Но Преображенцы, понеся огромные потери, выполнили задачу своими силами.

Не приняли мы участия также и в дневном бою 70-й пехотной дивизии. Зато были свидетелями отличной боевой работы этой второочередной дивизии. Не забуду маленького генерала Беляева, седого как лунь, под стать своей фамилии, и его спокойствия. В то время как генерал философски твердо смотрел на вещи его молодой начальник штаба, всего лишь причисленный к генеральному штабу штабс-капитан — к сожалению не помню его фамилию — проявлял свой холерический темперамент; он находился в непрерывном движении, нажимая то одну, то другую пружину управления. И дело на наших глазах кипело. Тут же были мы свидетелями редкого зрелища: состязания взвода нашей артиллерии, ставшей нагло на открытую позици, с батареей противника. Шагов в 200-х к югу от штаба дивизии, приютившиеся у какого-то отдельного двора два орудия то скрывались от нас окутанные дымом неприятельских разрывов, то открывались — и тогда была видна прислуга, выбегавшая из ровиков, где она переживала шквал, бросалась стремглав к пушкам и, по звонкой команде офицера, швыряла в противника несколько "беглых" патронов. И затем, под свист встречной очереди, снова скрывалась на две-три минуты в свои ровики. Интересно, что взвод этот уцелел. Были потери в людях, но орудия не были подбиты. Это тем более удивительно, что условия наблюдения были, казалось, отличные — прекрасная погода и неприятельский горизонт был обвешан, так называемыми, "колбасами" — привязными аэростатами.

Во время нашего отступления к Бресту в войска проникла легенда, что мы отходим только до "неприступных" Влодавских позиций, не уступающих пресловутым французским, о которых мы были наслышаны. Когда раз или два полк, при отходе, заведывал кусочком "заранее подготовленных" тыловых позиций, ротные командиры обижались, что окопы были поспешной марки, мелкие и без ходов сообщения. Поэтому весть о приближении к "настоящей" укрепленной позиции, чуть ли не с бетонными убежищами, волновала умы и служила темой разговоров. "Вот погоди ужо", говорили солдаты, сердито обращаясь в сторону противника: "дойдем до Влодавы, так покажем тебе, где раки зимуют..."

Действительность разрушила легенду. Когда мы попали на участок Влодавской позиции, к югу от Гданска, 29 июля, то пришли в изумление и ужас. Задумано все было тыловыми инженерами на широкую руку, но в результате получилось нечто совершенно непрактичное в боевом отношении. Чрезмерной профили траншеи, с огромными блиндажами, прикрытыми кое-как одним-двумя слоями бревен и слабым покровом земли, не обещали ничего доброго в случае бомбардировки позиции тяжелыми снарядами и даже обыкновенной полевой гранатой. Начитавшись картинных описаний французских траншей, строители выкопали во второй линии, и еще не успели покрыть, убежища-залы, назначение которых было трудно угадать. Наши окрестили их "братскими могилами". В общем, Влодавские позиции достигли лишь показного сценического эффекта и годились для поражения людей, знавших войну по книжкам.

Обойдя циклопические сооружения этой театральной позиции, я резко высказался о ее свойствах в своем донесении по команде. То же сделал и мой боевой сосед слева — командир Преображенского полка.

К счастью, нам не пришлось на ней серьезно защищаться, и мы простояли на ней не более суток. Показать под Влодавой противнику зимнее местопребывание раков так и не удалось...

Примерно в эти влодавские дни от полка отбыл полковник Г. И. Лескинен, назначенный временно командовать л.-гв. Семеновским полком. Он с успехом командовал им в течение всей Виленской операции, вплоть до Сморгони, когда к Семеновскому полку прибыл его новый командир, полковник Соваж, сменивший генерала Эттера.

Во время приготовления к посадке под Брест-Литовском появился новый командир гвардейского корпуса генерал Олохов. Я имел случай ему представиться где-то между запасными путями близь Березовки.

Чтобы закончить этот период Холм-Брест, хочу отметить впечатление, произведенное на офицеров и меня внешним видом крепости Брест-Литовск. Поражало при проходе через линию брустверов и через внутренность крепости, старомодность сооружений и премущество, отдаваемое дереву и кирпичу для усиления насыпей и убежищ. Убогими выглядели почерневшие и начинающие разлагаться мосты. Пробивающиеся без всякого контроля трава и даже дикие кусты довершали общее впечатление заброшенной господской усадьбы.

(Продолжение следует)

Памяти коллекционера

Скончавшийся 24 октября 1959 г. Александр Александрович Стахович был одним из двух основателей Общества Любителей Русской Военной Старины и в течение долгих лет упорным трудом и кипучей энергией много способствовал развитию деятельности этого Общества. Родился Александр Александрович в 1884 году в старой русской дворянской высококультурной семье и, воспитанный в обстановке обвеянной преданиями родной старины, стал коллекционером с ранних лет — с 1892 года, а нумизматом — с 1897.

Все тридцать девять лет зарубежной жизни он собирал предметы русской старины, главное внимание отдавая предметам старины военной и, в частности, всему тому, что имело отношение к истории лейб-гвардии Преображенского полка, в рядах которого он служил в годы первой Мировой войны. Особенно интересовала его эпоха основателя полка — Императора Петра Великого.

Очень значительное собрание А. А. Стаховича заполняло, до его кончины в октябре 1959 года, небольшой особняк в парижском предместьи Аньер, в котором он провел более тридцати шести лет.

Собрание это можно подразделить на следующие отделы:

1. "ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ" ОТДЕЛ.

Отдельная витрина с личными боевыми наградами владельца (до георгиевского оружия и ордена св. Владимира 4 ст. включительно), наградными и памятными медалями всех сражений, в коих полк участвовал, а также со всевозможными предметами, связанными с историей полка, как например: значки, офицерский знак, с датой сражения при Нарве, знаки на головные уборы (андреевская звезда и "за отличие" за Ташкисен) и ряд других реликвий. Портреты шефов полка — от Императора Петра до Императора Николая II — на серебряных рублях соответствующих царствований.

В отдельной "музейной" комнате было развешано по стенам свыше 150 портретов (в гравюрах и литографиях) и иных воспроизведений лиц и сюжетов, связанных с историей полка, от его основания и до наших дней. Почти столько же хранилось в папках. Были портреты всех шефов полка, большинства членов Императорской Фамилии, командовавших полком или в нем числившихся и таких именитых Преображенцев как фельдмаршалы: А. Д. Меньшиков, Г. А. Потемкин, А. В. Суворов, И. Ф. Паскевич, М. С. Воронцов; портрет "первого русского солдата" С. Л. Бухвостова и очень многих других.

Среди картин и гравюр достойны упоминания: 1) парад полку на Дворцовой площади в первые годы 19 века — акварель большого размера, бывшая в собрании Великого Князя Павла Александровича и приобретенная в Париже на аукционе; 2) портрет маслом Императрицы Екатерины II, в мундире полка, предположительно работы Эриксена (из собрания принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской); 3) большая гравюра эпохи, изображающая Полтавский бой; 4) гравированный портрет Императора Петра I-го в рост, с надписью по-русски и по-французски о том, что он изображен "в мундире Преображенского полка, в котором он был под Полтавой"; 5) копия картины Сверчкова — граф А. Г. Орлов-Чесменский, командир полка и основатель российской рысистой породы лошадей, на "Барсе 1-м".

В шести шкапах с книгами много изданий военно-исторического содержания. Среди них редкие книги эпохи Петра Великого: например, совершенно исключительную редкость представляет собою "Побеждающая Крепость" барона фон Бергсдорфа, в переплете эпохи, первая русская (не учебная) книга, отпечатанная гражданским шрифтом в 1709 году, т. е. за год до утверждения этого шрифта Царем Петром.

Из картин, нельзя не упомянуть прекрасный портрет Императора Александра I в мундире Кавалергардов — копия в красках портрета Дау; "Бой на Валутиной горе" — удивительно тонкую акварель Томаса Юнга, сопровождавшего Наполеона в 1812 году; еще портрет Александра I, в рост — копия портрета работы Жерара (масло); хороша английская гравюра в красках — "Битва при Адде, 1799 г.".

2. НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ.

Совершенно исключительное собрание медалей на события царствования Петра Великого, — числом свыше четерехсот; замечательное собрание 51 "первообразов" петровских медалей, работы знаменитого нюренбергского медальера Филиппа-Генриха Мюллера и 4 золотые наградные для ношения медали, из собрания Вел. Кн. Георгия Михайловича, являющиеся, возможно, униками.

Кроме петровских медалей, в собрании находится несколько сот медалей других царствований и до 130, так называемых, "Россика", т. е. иностранных медалей и жетонов с изображением русских исторических лиц или битых в память событий, связанных с русской историей.

Значительная коллекция русских монет. Более 350 экземпляров различных рублей, среди которых такие редкие, как "гангутский" 1914 г.; рубль Императрицы Елисаветы Петровны 1743 года с явными следами перечеканки из рубля Имп. Иоанна Антоновича, никогда в специальной литературе не описанный.

Есть коллекция русских серебряных и медных монет. Необходимо особо упомянуть о единственном экземпляре в мире: трехрублевой платиновой монете

1840 года, из собрания Вел. Кн. Георгия Михайловича.

Заканчивая описание нумизматического отдела, нельзя не сказать о его библиотеке, с рядом редких сочинений, — Ю. Б. Иверсена, Ф. Ф. Шуберта, Шодуара, Х. Х. Гиля и др.

3. РУССКОЕ СТАРИННОЕ СЕРЕБРО И ИНЫЕ ПРЕДМЕТЫ СТАРИНЫ.

Знаток старого русского серебра А. А. Стахович имел в своем собрании изрядное количество стаканов, чарок, кубков 18 века; тарелки и другие предметы эпохи Имп. Екатерины II Императорского фарфорового завода; прекрасные "лукутинские" коробки ранней эпохи, а также всевозможные военные реликвии, среди которых, например, подлинные русские ядра и картечь с Бородинского поля сражения, приобретенные при распродаже собрания маршала Нея в Париже.

Последние годы жизни Александр Александрович посвятил исследованию и изучению медалей относящихся к эпохе Петра Великого и им была написана интересная и очень полезная для специалистов-нумизматов монография — Комментарии к "Медалям на деяния Императора Петра Великого. Иверсена".

Может быть эти строки покажутся запоздалыми, но все же хочется еще раз отметить то ценное, что покойный А. А. Стахович в нелегких условиях зарубежной жизни сумел собрать и сохранить.

Л. Н.

Воспоминания морского врача

Я. Кефели

(Продолжение)

Я не знаю, что происходило на фронте, опиравшимся на Новый город, но что касается нашего фронта опиравшегося на Старый город, то часы его в день 19 декабря 1904 года были сочтены...

Между врачами, помню, был разговор о том, что на перевязочном пункте развевается флаг Красного Креста, а между тем здесь же оказался сегодня штаб фронта. Если сюда ворвутся японцы, не будем ли мы нарушителями Женевской конвенции?

Над серединой перевязочного пункта, как раз над теми комнатами, которые занимал генерал Горбатовский и его штаб, висел на хорошем флагштоке прекрасный флаг из белого флагдука с красным крестом, который я получил из портового магазина. Он красиво реял, как все морские флаги, не в пример военно-сухопутным флажкам из белого коленкора с нашитым красным крестом из кумача. Этот флаг уже больше месяца назад был мною водружен, конечно, не в предвидении японцев, а только для проходящих солдат и начальства их.

Под этим флагом в последний день было сосредоточено высшее управление обороной половины сухопутного фронта, наиболее атакованной неприятелем.

Но об этом мы скоро забыли. Наступали зимние сумерки. Обычная, ни на минуту не умолкавшая стрельба то там, то здесь из пушек, беспрерывное щелканье из ружей и трескотня пулеметов не прекращались. Все так привыкли к этой обыденщине, что почти ее не замечали.

⁂

(Следуемую за этим часть воспоминаний морского врача: "Ночь на 20 декабря" редакция опускает, т. к. она была уже опубликована (кстати сказать, она ошибочно подписана другой фамилией) в книге "Порт-Артур. Воспоминания участников". Нью-Йорк, 1955 и ниже продолжает печатать неопубликованные еще части воспоминаний д-ра Я. И. Кефели. Ред.).

⁂

НА УТРО 20 ДЕКАБРЯ

Больше мы не дождались. Около 8 часов утра мой отряд, в полсотню человек, выстроился на дороге в нашей долине. После боев на Зеленых горах мы пробыли здесь около полугода. За время осады в моем отряде было убито два человека, ранено — человек до десяти, цынгой была больна половина, тяжкие случаи были, но смертельных не было. Цынгой был болен и я.

Проверили команду, осмотрели имущество, погруженное на ручные тележки для раненых. Оставалось еще много добра и, между прочим, несколько больших ящиков с сухарями. Обычно уголь, воду и сухари возили наши два ослика, но их уже не было. Судьба их была трагична. Они бесследно исчезли, а через неделю безрезультатных поисков кто-то обнаружил следы костра за скалой у моря и около него несколько ослиных копыт. Очевидно они были съедены цынготными. Я решил раздать сухари всем своим матросам на руки, так как неизвестно было, где мы сегодня получим обед и получим ли его вообще. Излишки, по возможности, роздали случайным прохожим.

⁂

Впереди на коне ехал я в черной шинели с морской саблей, отстегнутой от крюка и висящей сбоку. Мой помощник, студент Лютинский, был тоже на ко-

не, но без шашки. У него ее совсем не было: ехал на войну, а шашку забыл в Петербурге. За нами шло штук 20 белых с красными крестами тележек, влекомых матросами. Шествие замыкали фельдшер и фельдфебель.

Во все время осады никто из офицеров, особенно врачи, не носил ни кортиков, ни сабель. Когда же узнали, что офицерам оставлено ручное оружие, все надели морские сабли только для того, чтобы при встрече с японцами не иметь лишних неприятностей. Поэтому и я надел саблю, садясь на своего иноходца "Скачок", которого в период осады купил у мичмана Гвардейского экипажа Столицы за 500 рублей. Лютинский был на казенной лошади.

Когда, поднимаясь в гору, мы достигли Спины Дракона, откуда шоссе, переваливаясь через хребет, поворачивает на другой его склон, обращенный к Старому Городу и порту, мы увидели необычную картину. На вершинах всех противуположных холмов беспрерывной вереницей стояли японские солдаты и смотрели в сторону крепости. Яркое небо за их спинами четко указывало каждого из них. Их были тысячи... Никаких жестов и криков со стороны японцев не было.

На форте 1, мимо которого мы проходили, видимо были еще наши. Японцев там не было видно.

Когда мы перевалили за Спину Дракона и пошли по шоссе, идущему по обратному склону хребта по направлению к морю, перед нами открылся вид на лощину, в отдаленной половине которой расположился Старый Город, а на ближайшей к нам половине этой лощины мы увидели расположенные в два ряда барачные казармы одного из стрелковых полков.

Картина была хорошо нам знакома, но в ней нас поразила одна особенность, невиданная нами прежде: какая-то чернота между редко стоявшими бараками.

— Да это солдатня вернулась с позиций, сказал мне мой помощник студент.

Наше шоссе к городу вело как раз на улицу между рядами бараков этих казарм. Чем ближе мы подходили к этому месту, тем больше нас заинтересовывала эта громадная черная толпа. Оттуда слышен был гул говора, крики и звуки шарманок и грамофонов.

Наконец мы вошли в улицу между казармами и увидели, что эта беспорядочная толпа наполовину состоит из подвыпивших и просто пьяных солдат. Они вытаскивали на улицу из казарм свои чемоданы и сундучки, а может быть, не только свои, но и своих убитых и умерших товарищей, и, сидя на земле, шарили в них. Они искали и выбирали то, что могли бы взять с собой, уходя в плен, чтобы не превысить размера веса багажа, назначенного каждому солдату японским командованием.

Когда мы пошли в середину этой толпы, среди которой не было видно ни одного офицера, некоторые пьяные солдаты, по преимуществу бородачи, стали посылать, обращаясь в нашу сторону, площадную брань и махать кулаками.

Я в седле повернулся назад и вижу, что моя матросня — тоже все сибиряки-бородачи — с интересом и завистью смотрят на разгулявшихся солдат. Своих матросов я предупредил, что в плен они не пойдут, но за это должны будут немного поработать на наших больных. Пока мы не вышли из сферы этого погрома своих казарм, я все время на ходу оборачивался назад, показывая матросам, что я за ними наблюдаю. Все они были заняты перевозкой нашего легкого груза, руки у всех держали или носилки, или тянули тележки... Мы, наконец, благополучно выбрались из этой подвыпившей или пьяной тысячной толпы.

Миновав опасность, мы скоро вошли в пределы города. Всюду было пустынно: прошли Пресное озеро. Справа от нас были большие новые двухэтажные казармы Квантунского флотского экипажа, где я опасался нового соблазна для моих бородачей-матросов. Слышно было, что в них тоже многолюдно, но видимо все происходило внутри здания. Мы благополучно ушли и от этой опасности, подошли к портовым мастерским и к сухому доку. Оттуда повернули в гору направо, прошли опустевший дворец Наместника и, обогнув "Этажерку" сверху, подошли к китайскому домику — моей казенной квартирке, состоявшей из двух комнат с прихожей между ними, маленького дворика и отдельно стоявшего домика, где помещалась кухня и где в мирное время спал слуга манджур Нау-Ли.

Теперь вся квартира была пуста. Мой гость в течение осады, морской врач, доктор Николаенко (брат товарища министра финансов при Коковцеве), не покидавший эту квартиру в самые жуткие дни бомбардировок, с заключением капитуляции крепости, переехал в Морской госпиталь в Новом Городе.

Так как мне нужно было ехать немедленно за инструкциями к санитарному инспектору флота, доктору Ястребову, я решил для безопасности и подальше от соблазна запереть всю мою команду в моем дворике, предоставив им распоряжаться и в кухне.

Лютинского я должен был отпустить на "Монголию", госпитальное судно, откуда он был прикомандирован ко мне. За старшего остался старший унтер-офицер фельдшер Чаев, молодой, лет 20-21, человек, окончивший Кронштадтскую морскую фельдшерскую школу. Он был человек интеллигентный, но физически — маленький, щупленький. Каждый из моих матросов из запаса годился ему в отцы. И в этом была моя ошибка.

— Вот вам ключ от ворот, — сказал я ему. — Станьте тут и никого не выпускайте ни на минуту. Я быстро верхом съезжу за инструкциями. Мне приказано никого из команды не выпускать, так как осталось очень много раненых и больных, за которыми некому ходить.

Многие матросы слышали мои слова. Отношения у меня с командой были хорошие. Я никого никогда не наказывал, не ругал. Но у моего студента отношения к команде были более близкие. Он не был на положении врача. Они на него смотрели проще, а глав-

ное, он часто шутил с ними, и это им нравилось. Я всего этого не учел и положился на Чаева.

Доктор П. В. Ястребов и доктор А. А. Бунге, два высших медицинских начальника по флоте в Порт-Артуре, в течение осады жили у сухопутного медицинского начальника, крепостного врача, доктора Субботина, донского казака. Все они были статскими советниками.

Квартира и управление д-ра Субботина находились в той узенькой части города, которая соединяла Старый город с Новым. Район этот был одним из наиболее обстреливаемых при бомбардировках города. Естественно, что там в скале выдолбили в камне блиндаж, очень надежный, где жили и работали три статских советника. Этот блиндаж вошел в историю осады Артура под именем "блиндажа трех статских советников".

От д-ра Ястребова (они все еще жили в этом блиндаже) я получил распоряжение немедленно со всей своей командой явиться в казармы Квантунского флотского экипажа, что у Пресного озера, и поступить в распоряжение д-ра Гласко, главного доктора временно там открываемого морского госпиталя. Я рассказал трем статским советникам, что видел в стрелковых казармах.

— Смотрите же никого из команды не отпускайте. За больными некому ходить. Японцы обещали скоро доставить свежие миканы (род японских апельсинов) для цынготных. Они уверены в их целительных свойствах*).

Я сел на коня и поскакал обратно на свою квартирку. Поездка и разговоры заняли около часу времени. Город был совершенно пуст. Жители попрятались, боясь ожидавшихся японцев, а может быть и уходящих своих. Особенно китайцы — они были совершенно беззащитны...

Подъехав к Морскому собранию, вблизи которого находилась моя квартира, я стал шагом подниматься в гору за спиной "Этажерки", куда выходила дверь моего домика. Было пустынно и тихо.

Вдруг издали я услышал игру грамофонов и крики толпы. Остановив коня у своей двери, я убедился, что гам и крики несутся из моего дома и что несколько грамофонов сразу поют и играют в моем дворике. Наружная дверь была закрыта. Я постучал. Мне открыл пришибленный и дрожавший фельдшер Чаев.

Матросы видимо заполнили кухню, откуда неслись шум и ругань. Несколько человек стояло на дворе, не замечая или не обращая внимания на меня. Я направился в кухню. Никто даже не смотрел в мою сторону. Пьяные и навеселе они мололи каждый свое. Я стал спрашивать то одного, то другого, откуда они взяли вино? В ответ — непонятная чепуха из уст с намерением вступить в спор. Видя, что дело плохо, я решил припугнуть их и закричал:

— Молчать!...

Кто-то обернулся и стал сторониться меня. Кое-кто издали из толпы стал отвечать дерзко. У меня мелькнуло сразу, что если я не овладею этой ватагой, дело может принять трагический характер. Изо всей мочи я заорал: — Молчать! Так, так, так! Трехэтажное обращение, привычное матросскому уху, воздействовало. Все обернулись и молча посмотрели на меня. Глаза некоторых были недружелюбно на меня направлены.

— Смирно!.. Во фронт!.., — заорал я опять. В ответ — вялые движения. Тогда я, широко размахнувшись, хватил ближайшего ко мне по физиономии. У цынготных всегда наблюдается кровоточивость и пухнут, обрастая кровоточиными наростами, десны. Это было и у меня. У матроса, первым получившего пощечину, изо рта показалась струйка крови. Я ударил его соседа. Все сразу смолкло. Стали выравниваться и, как будто, сразу отрезвели.

— Налево! Шагом марш!..., — скомандовал я и вывел всех гуськом по одному на улицу. Затем построил их в две шеренги, расчитал и назначил двух старших. Сам же я решил на секунду взглянуть на комнаты своей квартиры. Дверь была открыта; ящики в столе и в комоде были вынуты — ясно, что искали и грабили...

— Черт с ними, все равно достанется японцам, — сказал я себе и тотчас же вышел к команде. Отрядил человек десять везти тележки с казенным добром, а из остальных свободных матросов вздвоил ряды, сам сел на коня и повел отряд в обратном направлении к нашим казармам у Пресного озера.

***

Случай на моей квартире я предал забвению, никакому начальству не жаловался и никого из команды не допрашивал. Позднее я обнаружил, что вся моя квартира была обшарена моими матросами. Взято было только несколько мелких драгоценностей. Они были дороги мне только, как память. В то время на нашей эскадре было принято офицерам покидавшим кают-компанию, при переводе на другой корабль или при отъезде в Россию, дарить от кают-компании серебряные подстаканники. Более же близкие друзья обменивались подписями, отлитыми из золота, которыми украшали обычно свои портсигары. У меня были такие вещи от кают-компаний и приятелей за время плавания на крейсере "Забияка" и эскадренном броненосце "Пересвет". Все это исчезло.

Фельдшер Чаев потом мне рассказал, что мои матросы ограбили соседние, пустовавшие дома офицеров и русских чиновников, где они нашли и вино и граммофоны.

Как слабые и отвыкшие от спиртного (Стессель продажу водки запретил с начала осады), да к тому же цынготные наполовину, они все очень быстро ох-

---

*) Через два-три дня после сдачи крепости санитарный корпус армии Ноги засыпал госпиталя ящиками с японскими апельсинами, а через две-три недели все цынготные выздоровели. Китайцы знали, что с цынгой надо бороться китайским чесноком, и к концу осады продавали редкие уцелевшие экземпляры, из-под полы, по серебряному рублю за маленькую головку.

мелели. Это был первый случай в моей жизни, что я ударил человека, а тем более моего подчиненного. Но это был единственный выход. Никакой власти уже не было. Военный строй был разрушен взрывом сдачи и отделением офицеров от солдат. На утро ожидался вход японцев. Средство оказалось не только единственно возможным, но и целительным...

Виденное мною не было единственным в день капитуляции. Мне рассказывали, что подобное происходило и в других местах, где солдаты оставались без своих офицеров.

***

В новых прекрасных казармах Квантунского флотского экипажа у Пресного озера, куда я прибыл со своей командой, был хаос... Такой же, какой мы издали только видели в казармах стрелкового полка, с той лишь разницей, что матросы, которые, вольно или невольно, устроили этот хаос, уже покинули казармы.

Однако, ушли только те матросы, которые были здоровы. Несколько сот явно больных, которые совсем не могли передвигаться и лежали на койках или были слабы, оставались на месте. Мы не знали их числа. Никого из начальствующих лиц в казармах также не оказалось.

Будущий главный доктор этого будущего госпиталя д-р Гласко и я явились на место почти одновременно. Гласко привел с собой только несколько фельдшеров. Я же явился с полусотнею своей команды и еще одним фельдшером. Других врачей пока не успели прислать. Сестры тоже должны были прибыть только к вечеру. Больных же было несколько сот без еды и без ухода.

Большое двухэтажное здание казарм состояло из нескольких очень больших зал с окнами в обе стороны. В каждом зале было несколько рядов кроватей. Однако, в залах все было завалено сундуками, бельем, тюфяками и самым разнообразным хламом из матросских сундуков. Каждый здоровый человек, уходя в плен, брал из своего сундука только то, что могло вместиться в вес предельного разрешенного ему багажа. Остальное, за спешностью, он тут же швырял на пол или на кровать. В этом хламе рылись и другие, ища недостающие для них, брошенное первыми.

В результате, на кроватях горами лежали сундуки, одеяла, тюфяки, разное тренье и всякая мелочь, а кроватей даже видно не было. Тут же валялась всякая недоеденная снедь, оружие, патроны, сапоги, которыми наспех из брошенного без надзора экипажного магазина запаслись матросы. Они обменивали свои изношенные сапоги на новые. Меняли и белье на новое, а старое тут же бросали. Образовались горы хлама. Среди этого хлама лежали больные, которые не могли двигаться. Что было делать?

Доктор Гласко поручил мне немедленно очистить одну из палат во втором этаже, поставить там сто кроватей и отобрать, судя по внешнему их виду, сто наиболее тяжелобольных и ими заняться. Для скорости я велел своим матросам открыть окна и с высоты второго этажа все ненужное нам без сожаления выбрасывать из окон прямо на двор. Иначе этой работы мы не окончили бы не только до ночи, но и в три дня. Затем в полуопустевшем зале мы установили в четыре ряда сто кроватей, подобрали из хлама и из цейгауза для них одеяла, подушки и постельное белье. Выбитые стекла позатыкали подушками и одеялами. Этого добра было много.

Вскоре появилось и центральное отопление кем-то налаженное. Когда помещение начерно было подготовлено, я с моим фельдшером Чаевым обошел все помещения казарм и отобрал в нашу палату сто больных, которых быстро перенесли и уложили.

Осмотреть и опросить такое множество больных не было никакой возможности. Да и наступила ночь. Составили список больных по фамилиям. Почти все были цынготные, но были и раненые, у которых состояние ран было осложнено цынгою. В первую же ночь из этих ста человек больных умерло шестнадцать...

На утро к нам в "госпиталь" явился военный врач, японец. Мы вступили под сень флага Восходящего Солнца.

***

Насколько мне помнится, наш гарнизон после сдачи в первый же день прибыл на эвакуационный пункт для отправки в Японию. Офицеры и солдаты отдельно. Японцы ни в первый, ни во второй день не вошли. Город совершенно опустел и остался без власти. Когда стал известен день и час входа японцев в Артур, среди русских офицеров сам собою возник как бы уговор не показываться на глаза японцам в момент их торжественного входа, чтобы не становиться в позорное положение пленных.

Насколько я помню, поведение японцев, входивших в город, было очень скромным. Вошли они в небольшом количестве. Вся осадная армия Ноги тотчас же после падения Артура двинулась в сторону Мукдена. В Артуре, как говорили, осталась часть санитарного корпуса и только два батальона пехоты для поддержания порядка.

В штабе санитарного корпуса случайно у меня оказался знакомый японец. Осенью 1903 года броненосец "Пересвет", на котором я плавал младшим врачом, прибыл в корейский порт Мозампо. Там Япония имела своего консула по фамилии Ватанабе, хорошо говорившего по-русски. Конечно, Ватанабе прибыл с визитом на "Пересвет" и был гостем нашей кают-компании. Мы потчевали его обедом; общительный и веселый, он всем понравился. Я тоже с ним беседовал в кают-компании, что впоследствии пригодилось.

(Продолжение следует)

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 22

НОЯБРЬ 1963 ГОД

◆

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕСТВА РЕВНИТЕЛЕЙ
РУССКОЙ ВОЕННОЙ СТАРИНЫ

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

N° 22

НОЯБРЬ 1963 года

СОДЕРЖАНИЕ

К этому номеру приложена репродукция портрета Императора Александра Первого из собрания Е. С. Молло. Портрет, размером 58 на 84 см., писанный Доу в 1825 году, принадлежал ранее В. Кн. Павлу Александровичу.

●

«Военно-Исторический Вестник» выходит два раза в год — в мае и ноябре.
Издается на правах рукописи.

Настоящий номер вышел под редакцией **Ю. А. Топоркова.**

ПАРИЖ.

От правления Общества Ревнителей Русской Военной Старины

Правление с глубокой скорбью извещает о кончине своего дорогого и незабвенного председателя князя

Никиты Сергеевича Трубецкого,

последовавшей 31 августа сего года.

Сын князя Сергея Никитича (обер-гофмаршала Высочайшего двора и директора Императорского Эрмитажа) и кавалер. дамы княгини Софии Ираклиевны (рож. кн. Багратион-Мухранской) покойный князь родился в Тифлисе 1(13) июля 1877 года.

По окончании Пажеского Е.И.В. корпуса, где он был камер-пажем Императрицы Марии Федоровны, выпущен в 1898 году корнетом в 44-ый (впоследствии 17-ый) драгунский Нижегородский Его Величества полк. Происхождение, связи и, особенно, природные дарования предвещали молодому офицеру блестящую карьеру, первым этапом которой явилась должность адъютанта Великого Князя Николая Михайловича. После производства, во время войны, в чин полковника, дальнейшая карьера князя была прервана разразившимися событиями.

В эмиграции, в Париже, он все время принимал деятельное участие в целом ряде организаций, но его больше всего интересовало все, касавшееся нашего военного прошлого, Кавказа, истории своего полка. Наше Общество, одним из учредителей которого он был, наш В. И. Вестник пользовались особой его любовью. С 1952 года князь был нашим бессменным председателем, а в 1957 году Общее Собрание выбрало его в почетные члены. Он всегда председательствовал также на наших Торжественных собраниях и докладах, иногда и сам делал их, и был ценным сотрудником не только В. И. Вестника, но и Военной Были, Часового, Русского Инвалида. Увы, начатая им статья к столетию замирения Кавказа останется незаконченной.

Редкий человек, не имевший врагов, князь был любим всеми знавшими его. Ходячая военная энциклопедия, он сохранил до конца прекрасную память, живость ума, широту взглядов, сердечную простоту в обращении со всеми. В наших сердцах никогда не угаснет память о нашем руководителе, объединявшем нас для пользы общего любимого нами дела и сделавшего все, что было в его силах, для сохранения и спасения всего относящегося к военной истории России.

Правление приносит свое глубокое соболезнование княгине Любови Николаевне, а также семье пажей и всем Нижегородцам в постигшем их горе.

Справочный отдел — адреса, сведения об изданиях и медалях — см. в № 21 «В. И. Вестника».

Правление доводит до сведения всех членов и друзей Общества, что на заседании 5 октября оно выбрало своим председателем почетного члена и одного из учредителей Общества, Илью Николаевича Оприца, который 9 октября выразил свое согласие на занятие этой должности.

Некоторые памятные даты в 1964 году

250 ЛЕТ. Победа русского флота у Гангута (27 июля 1714 г.).

225 ЛЕТ. Победа гр. Миниха над турками у Ставучан (17 августа) и взятие им Хотина (19 августа 1739 г.).

200 ЛЕТ. Основание 2-го лейб-гусарского Павлоградского полка (старш. 6 июня 1764 г.).

175 ЛЕТ. Победа Суворова у Фокшан (21 июля) и Рымника (11 сентября 1789 г.).

150 ЛЕТ. Поход 1814 года и взятие союзными войсками Парижа. Основание л. гв. Конно-Егерского (впоследствии л. гв. Драгунского) полка (старш. 3 апреля 1814 г.). Рождение поэта Мих. Юр. Лермонтова (3 окт. 1814 г.).

125 ЛЕТ. Смерть партизана-поэта Д. В. Давыдова (23 апр. 1839 г.). Поход ген. гр. Перовского в Хиву в 1839 году. Взятие штурмом Ахульго в Дагестане (23 августа 1839 г.).

100 ЛЕТ. Окончание войны на Западном Кавказе (21 мая 1864 г.). Поход против кокандцев и взятие ген. Черняевым крепости Чимкент (22 сентября 1864 г.).

75 ЛЕТ. Основание полков: 201-го пехотного Потийского и 205-го пехотного Шемахинского (1889 г.).

50 ЛЕТ. Начало Первой Мировой войны в 1914 году.

Николай Михайлович Пржевальский (1839 - 1888)

К 75-ЛЕТИЮ ЕГО КОНЧИНЫ

Кн. М. ШАХОВСКОЙ

Н. М. Пржевальский родился 31 марта 1839 года в скромной дворянской семье. Отец его умер, когда мальчику было семь лет, а поэтому его воспитание и брата Владимира велось матерью (рожд. Елена Алексеевна Каретникова) сурово, требовательно, но любящей и справедливой рукой. В своих воспоминаниях Пржевальский пишет о ней: "Женщина от природы умная и с сильным характером, мать вывела нас на прямой путь жизни. Ее советы не покидали меня даже и в зрелом возрасте".

Образование детей шло слабо; учителя были случайные и мало чему могли научить. Зато большое влияние оказал, приехавший жить к сестре, ее промотавшийся брат, Павел Алексеевич Каретников. Его появление было светлым лучем в смоленской трущобе. Николай Пржевальский под его руководством пристрастился к охоте и все свободное время проводил с ним в лесах и полях.

Осенью 1849 г. братья были определены во 2-й класс смоленской гимназии. Преподавание было не выского качества и заключалось в голой зубрежке. Для Пржевальского, обладавшего исключительной зрительной памятью, было не трудно поспевать. Впоследствии он признавался: "...скажу поистине, слишком мало вынес оттуда. Значительное число предметов и дурной метод преподавания делали решительно невозможным, даже при сильном желании, изучить чего-либо положительно".

Учебный год в гимназии продолжался 6 месяцев, остальное время протекало в родной усадьбе среди природы, где не только охотился, но и занимался ботаникой в поисках все новых и новых растений для своего гербария. Эти занятия пробудили в нем желание — пока еще смутное — путешествовать для удовлетворения своей страсти.

Окончив гимназию, Пржевальский поступил вольноопределяющимся в Рязанской пехотный полк (1855 г.). В 1858 г. он произведен в прапорщики и переведен в Полоцкий пехотный полк, но преспектива коротать свой век в глухой провинции, без всякой цели впереди, была ему не по душе.

"Я невольно задавал себе вопрос", пишет Пржевальский, "где же нравственное совершенство человека, где те высокие идеалы, перед которыми я привык благоговеть с детства? И не мог себе дать удовлетворительного ответа на эти вопросы и каждый месяц, можно сказать, каждый день дальнейшей жизни убеждал меня в противном, а пять лет проведенные на службе, совершенно переменили мои взгляды на жизнь и на человека... Прослужив пять лет в армии, протаскавшись в караулы и по всевозможным гауптвахтам и на стрельбу со взводом, я, наконец, ясно понял необходимость изменить подобный образ жизни и избрать более обширное поприще деятельности, где можно было бы тратить труд и время для разумной цели. Однако эти пять лет не пропали для меня даром. Не говоря уже о том, что они изменили мой возраст с 17 на 22 года и что в продолжении этого периода в моих понятиях и взглядах на жизнь произошла большая перемена — я хорошо понял и оценил то общество, в котором находился".

За невозможностью получить назначение на Дальний Восток у Пржевальского остается один выход — поступить в академию Генерального штаба. В течение 11 месяцев, по 16 часов в сутки, Пржевальский не отрывается от книг и осенью 1861 г. блестяще сдает вступительный экзамен.

По окончании академии Пржевальский произведен в поручики с назначением полковым адъютантом в Полоцком полку. Вскоре он был обрадован избранием его в действительные члены Географического общества за его труд "Военно-статистическое обозрение Приамурского края". Сочинение это, написанное им на заданную тему еще в академии, имело такие достоинства, что обратило на себя внимание членов Географического общества.

Пржевальский в это время мечтает итти по стопам Ливингстона и намечает своей целью неисследованные области Центральной Азии и для углубления своих знаний добивается назначения преподавателем географии и библиотекарем в юнкерском пехотном училище в Варшаве.

"В течение двух лет и нескольких месяцев я в уверенности, что рано или поздно, но осуществлю заветную мечту о путешествии, изучал ботанику, зоологию, физическую географию и прочее, в летнее время ездил к себе в деревню, где, продолжая те же занятия, составлял гербарий. В то же время читал я публичные лекции в училище по истории географических открытий трех последних веков и написал учебник географии для юнкеров, которые относились ко мне с большой симпатией. Вставал я очень рано и почти все время свободное от лекций, сидел за книгами, т. к., подав прошение о назначении меня в Восточную Сибирь, уже наметил план своего будущего путешествия".

От этой поры у Пржевальского на всю жизнь остались искренние друзья. Это был начальник училища, ген. Акимов, офицеры ген. штаба Желтухин и Лауниц, товарищ по академии и преподаванию И. Л. Фатеев; позднее присоединился историк Дубровин.

В конце 1866 г. прошение Пржевальского было удовлетворено. Будучи в Петербурге, он обратился за содействием к пионеру по исследованию Центральной Азии, П. П. Семенову Тян-Шанскому, в то время

председателю Отделения физической географии Русского Географического О-ва. Вспоминая об этой встрече, П. П. Семенов Тян-Шанский пишет:

"В 1867 г. я впервые познакомился с Н. М. Через мое посредство он обратился тогда в первый раз за помощью и покровительству к Русскому Географическому О-ву, объяснив мне свои намерения заняться путешествием в Средней Азии. В то время Общество крайне редко помогало материальными средствами молодым путешественникам, отправлявшимся в путешествие по собственной инициативе, м. б. потому, что такая инициатива проявлялась еще слишком редко, но от времени до времени оно снаряжало свои экспедиции, подбирая в состав их исключительно лиц, уже известных своими научными трудами. Н. М. Пржевальский был еще в научном мире мало известной величиной, и дать ему пособие на предприятие, а тем более организовать под его руководством целую экспедицию Совет О-ва не решился. В глубокой уверенности, что из талантливого молодого человека может выйти замечательный путешественник, я однако старался ободрить Н. М. и теплым участием и рекомендательными письмами... При этом я обещал Н. М., что если он на собственные средства сделает какие-то ни было интересные поездки и исследования в Уссурийском краю, которыми докажет свою способность к путешествиям и географическим исследованиям, то, по возвращении из Сибири, он может надеяться на организацию со стороны О-ва, под его руководством, более серьезной экспедиции в Среднюю Азию".

Уссурийское путешествие 1867-69 гг. сразу сделало имя Пржевальского известным. Он обратил внимание общества на почти неисследованный край и проявил свои таланты исследователя, располагая для этого совершенно ничтожными средствами.

Свои наблюдения над фауной, флорой Пржевальский изложил в книге "Путешествие в Уссурийский край", до сих пор сохранившей ценность.

За военные заслуги (усмирение китайских разбойников) он произведен в капитаны, а Географическое О-во наградило его серебряной медалью.

В апреле 1870 г. Пржевальский обращается вновь в Совет Географического О-ва о содействии в предполагаемой им экспедиции.

"Меня лично в особенности манят, — писал он, — северные окраины Китая и восточной части южной Монголии, как местности почти неизвестной европейцам, но представляющей громадный интерес для географии и естествознания. Если Географическое О-во со своей стороны найдет возможным устроить поездку в вышеназванные страны, то как помощь к необходимым для того средствам я могу предложить от себя лично по 1000 руб. ежегодно, рассчитывая всю экспедицию не менее, как на три года. Наконец, если мои служебные условия станут каким-либо препятствием для выполнения предполагаемой поездки, то я всегда готов выйти в отставку и посвятить себя исключительно на посильное служение науке".

Предложение Пржевальского было встречено сочувственно, как военным ведомством, так и Географическим О-м. Всего на экспедицию ему было ассигновано 10 000, сумма незначительная, принимая во внимание длительность экспедиции.

Совместно с П. П. Семеновым Тян-Шанским было решено расширить план исследования нагорной части восточной Азии. По словам Пржевальского, вся эта часть "от гор сибирских на севере до Гималайских на юге и от Памира до собственного Китая, до сих пор так же мало известна, как Центральная Африка или внутренности острова Новой Голландии. Даже об орографическом строении всей этой громадной площади мы имеем большею частью лишь самые гадательные данные; о природе же этих стран, т. е. о их геологическом образовании, климате, флоре и фауне мы не знаем почти ничего".

Состав экспедиции был не велик — Пржевальский, его помощник М. А. Пыльцов и два казака. Первым этапом путешественников была Кяхта, откуда через Ургу и Калган они прибыли в Пекин для получения пропусков от китайского правительства. Затем через Ордос, Ала-шань, Гоби и горы Нань-шаня, Пржевальский вышел к Цайдаму и северный Тибет. Пробыв здесь некоторое время, Пржевальский пересек великую Гоби, центральную Монголию и вернулся в Кяхту. Он и его товарищи проявили удивительное упорство, преодолев несмотря на холод, голод, безденежье, усталость около 12 000 километров.

"Мы с товарищем (М. А. Пыльцовым) вскоре сблизились с этими добрыми людьми (казаками Панфилом Чебаевым и Дондоком Иринчиновым, в дальнейшем его неизменным спутником) самой тесной дружбой и это был важный залог для успеха дела. В страшной дали от родины... мы жили родными братьями, вместе делили труды и опасности, горе и радости. И до гроба сохраню я благодарное воспоминание о своих спутниках, которые безграничной отвагой и преданностью делу обусловили как нельзя более успех экспедиции".

Эта экспедиция, известная в науке под названием Монгольского путешествия 1870-73 гг., была предпринята с весьма скромными средствами, что ограничивало возможности Пржевальского, принужденного отказаться от предложения, встреченного в пути тибетского посланника, провести его в Лхассу, которой суждено быть для него недосягаемой целью дальнейших путешествий.

Описание путешествия Пржевальский изложил в двухтомном труде — "Монголия страна тангутов", сразу обратившем на него внимание ученого мира. Результатом этого путешествия явились: глазомерная съемка 6 000 кил. пути, ценные данные о климате в Центральной Азии (не взирая на то, что метеорологические наблюдения велись по 3-4 раза в день), зоологические коллекции и гербарий со множеством неизвестных пород, а также этнографические сведения о монголах, тангутах и дунганах.

"Таким образом путешествие Н. М. Пржевальского" — говорит М. И. Венков в отчете Географического

О-ва за 1874 г., — "на пространстве от Далай Нора до верхних частей Ян-цзе-кьяна есть географический подвиг, который в летописи науки должен бы занять одно из важнейших мест, если бы даже ограничиться только посещением тех стран, которые сейчас перечислены. Но отважный наш путешественник не ограничился обогащением естествознания и географии тех местностей, которые хотя отчасти были видены и описаны его предшественниками. Нет, он совершил переход в 1 000 в. из Ала-шаня в Ургу, т. е. поперек всей Гоби и притом по самому большему ее диаметру, на что доселе не решался никто".

На Пржевальского посыпались награды: от Географического О-ва — Константиновская медаль: от французского министерства народного просвещения — "академические пальмы"; берлинское географическое общество избирает его членом корреспондентом и, наконец, ему с лихвой возвращены затраты на путешествие.

Успех не вскружил голову Пржевальскому. Чуждый столичной жизни, он мечтает о новом путешествии.

В январе 1876 г. он подает докладную записку Географическому О-ву с проектом экспедиции между бассейном озера Лоб-Нор и Гималаями, исчисляя ее стоимость в 24 740 руб. Согласие не заставило себя ждать и Пржевальский начал подыскивать себе помощника на смену Пыльцова, по женитьбе на его сестре, вышедшего в отставку.

Выбор нелегкий, так как Пржевальский предъявляет к своим спутникам очень большие требования физических и духовных качеств. Он "просил втолковать каждому желающему с ним путешествовать, что он ошибается ,если будет смотреть на путешествие, как на средство отличиться и попасть в знаменитости. Напротив, ему придется столкнуться со всеми трудностями и лишениями, которые явятся непрерывною чередою на целые годы; при этом его личная инициатива будет подавлена целью экспедиции; он должен будет превратиться в бессловесного исполнителя и препаратора (по деланью чучел), собирателя топлива, караульного по ночам и пр.; он должен начать с того, чтобы сидеть по целым дням в музее учиться делать чучела, а затем итти на тысячу лишений и опасностей. Человек бедный, свыкшийся с нуждою и притом страстный охотник был бы всего более подходящим спутником и скорее мог бы понять, что путешествие не легкая приятная прогулка, а долгий, непрерывный и тяжелый труд, предпринятый во имя великой цели".

В конце концов Пржевальский остановился на одном из служащих Академии наук — Эклоне. Кроме того вызвались участвовать казаки Чебаев и Иринчинов. В августе 1876 г. экспедиция в составе 24 верблюдов и 4 верховых лошадей выступила из Кульджи.

Пржевальский прошел через Тян-шань и Лоб-нору и горы Алтын-таг, после чего возвратился в Кульджу и Зайсан, сделав еще пересечение Джунгарии до города Гучен. Так называемое Лобнорское или 2-е Центральноазиатское путешествие пришлось закончить преждевременно. Причиной тому были осложнения между Россией и Китаем, а также смерть дяди Пржевальского и вскоре затем его горячо любимой матери. Кроме того и здоровье самого Пржевальского пошатнулось.

Одним из важнейших достижений лобнорской экспедиции явилось открытие и описание озера Лоб-нора, на берегах которого еще не ступала нога европейца. Пржевальский открыл и описал горную цепь Алтан-таг. Это открытые определило границу Тибетского нагорья, простирающегося на 300 кил. далее на север, чем это предполагалось. Среди коллекций по зоологии и ботанике выделялись шкуры диких верблюдов, о существовании которых было известно лишь со слов Марко-Поло, и "лошадь Пржевальского".

Экспедиция дала интереснейший материал для изучения быта и антропологического типа азиатских племен. Отчет о путешествии "От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор" был напечатан в 1878 г. и вызвал возражения бар. Рихтгофена, считавшего, что Пржевальский нашел "новый", а не "старый" Лоб-нор. Научный спор, продолжавшийся и по смерти Пржевальского, разрешил труд ученика его, П. К. Козлова, "Кочующие реки Центральной Азии".

Труды путешественника получили широкую известность. Пржевальский избираестя почетным членом Академии наук и Ботанического сада; берлинское Географическое общество его удостоило первым за исследования в Центральной Азии большой золотой медалью имени Александра Гумбольда. Но слава и почет и на этот раз не могут заставить Пржевальского забыть об очередной задаче его исследований, а именно — Тибете.

21 марта 1879 г. вновь движется караван, насчитывающий уже 35 верблюдов, 5 верховых лошадей. Вместе с Пржевальским в экспедиции принимают участие: Эклон, новый помощник В. И. Робровский, 7 казаков, переводчик и препаратор Коломейцов.

Маршрут таков: из Зайсана через Джунгарию в город Хами в Восточном Тянь-шане, через горы Наньшаня и впадину Цайдам в глубь Тибета до горы Бумза севернее верховьев Силуэна.

Уже в начале путешествия Пржевальский убедился в нежелании содействия со стороны местных властей. Вскоре по вступлении в Тибет ему пришлось прогнать проводника. "Нельзя утвердительно сказать: нарочно ли, или по действительному незнанию пути, завел нас проводник в местность гор Куку-шили. Всего вернее, что плохой вожак, — когда наверное имелось в Цайдаме десятки людей отлично знающих путь в Лхассу, — послан с нами для того, чтобы вести нас кое-как, изморить наших верблюдов и через то принудить возвратиться в Цайдам". Дальнейший путь пришлось идти наугад, пуская в ход оружие против враждебно настроенного племени еграев. У горы Бумзы, в 250 км. от Лхассы, путешественников встретил посол далай-ламы, заявивший, что доступ в священную столицу им воспрещается. Можно было пытаться

пробиться силой, но тогда не могло больше быть речи о научном характере путешествия. С горечью в сердце Пржевальский приказал повернуть назад и через горы Нань-шань, озеро Куку-нор и Гоби возвратился в Ургу и Кяхту (окт. 1889).

С проникновением в Тибет связь экспедиции с цивилизованным миром прекратилась и ходили слухи о гибели отважного путешественника. Поэтому его чудесное возвращение было встречено с восторгом. Путь от Кяхты до Петербурга был сплошным триумфальным шествием. В столице его ожидали почести и награды. Сам же Пржевальский расценивает свое путешествие лишь как рекогносцировку. Свою книгу "Из Зайсана через Хами в Тибет" он заканчивает словами: "...утешительно для меня подумать, что эти быстролетные исследования в будущем послужат руководящими нитями, которые проведут в глубь Азии более подготовленных, более специальных наблюдателей. Тогда, конечно, землеведение и естествознание в своих различных отраслях обогатятся сторицею против того, что им дали нынешние наши путешествия".

Четвертая экспедиция состоялась в более расширенном размере. На нее ассигновано 43 580 руб. В ее состав входили помимо Пржевальского его помощники Ребровский и будущий продолжатель П. К. Козлов, препоратаро, фотограф, переводчик и 15 казаков и солдат. Предполагалось исследовать северный Тибет от истоков Желтой реки до Лоб-нора и Хотана и, если окажется возможным, достигнуть Лхассы.

Экспедиция вышла из Урги 8. 11. 1883 г. и вернулась 29. 10. 1885 г. Если и на этот раз ей не дано было достигнуть Лхассы, то тем не менее она весьма оказалась богата географическими открытиями. В истоках Хуан-хе были открыты озера "Русское" и "Экспедиция". В северной части Тибета обнаружена сложная горная система, между прочим хребет "Загадочный", названный по решению Русского Географического общества хребтом "Пржевальского".

На возвратном пути через Восточный Туркестан Пржевальский мог произвести ценные наблюдения. В прощальном приказе своему отряду он подводит итоги всем трудностям его путешествий. "Сегодня для нас знаменательный день: мы перешли китайскую границу и вступили на родную землю. Более 2 лет минуло с тех пор, как мы начали из Кяхты свое путешествие. Мы пускались тогда в глубь азиатских пустынь, имея с собой лишь одного союзника — отвагу. Все остальное стояло против нас: и природа и люди. Вспомните, мы ходили то по зыбучим пескам Ала-шаня и Тарима, то по болотам Цайдама и Тибета, то по громадным горным хребтам, через перевалы, которые лежат в заоблочной высоте. Мы жили два года, как дикари, под открытым небом, в палатках или юртах и переносили то 40 градусные морозы, то большие жары, то ужасные бури пустыни. Ко всему этому по временам добавлялось недружелюбие, иногда даже открытая вражда туземцев: вспомните как на нас дважды нападали тангуты в Тибете, как постоянно обманывали монголы Цайдама, как лицемерно-враждебно везде относились к нам китайцы. Но ни трудности дикой пустыни, ни препоны со стороны враждебно настроенного населения — ничто не могло остановить нас. Мы выполнили свою задачу до конца: прошли и исследовали те местности Центральной Азии, в большей части которых еще не ступала нога европейца. Честь и слава вам, товарищи. О ваших подвигах я поведаю всему свету. Теперь же обнимаю каждого из вас и благодарю за службу верную от имени науки, которой мы служили, и от имени родины, которую мы прославили..."

За экспедицию Пржевальский был произведен в генерал-майоры, а Академия наук выбила в его честь медаль: на лицевой стороне был его портрет с надписью: "Николаю Михайловичу Пржевальскому Академія Наукъ", на другой стороне слова: "Первому изслѣдователю Центральной Азіи 1886 г.", окруженные лавровым венком.

Вручая ее путешественнику на торжественном собрании Академии, непременный секретарь Академии, К. С. Веселовский, сказал: "...есть счастливые имена, которые довольно произнести, чтобы возбудить в слушателях представление о чем-то великом и общеизвестном. Таково имя Пржевальского. Я не думаю, чтобы на всем необъятном пространстве земли русской нашелся хоть один сколь-нибудь образованный человек, который бы не знал, что это за имя. Имя Пржевальского будет отныне синонимом бесстрашия и энергии в борьбе с природою и беззаветной преданности науке".

Избегая суетливую городскую жизнь, Пржевальский все время проводит в новом своем имении в работе над последним трудом "От Кяхты на истоки Желтой реки". Он сильно потучнел и хотя и признается своему спутнику Козлову, что для него приближается "осень", он с прежним пылом дум готовится к пятому путешествию.

"...речь о генеральше, вероятно останется без внимания, не те уже мои годы (46 лет), да и не такая моя профессия, чтобы жениться. В Центральной же Азии у меня много оставлено потомства — не в прямом, конечно, смысле, а в переносном: Лоб-нор, Куку-нор, Тибет и пр. — вот мои детища". Но жить воспоминаниями не в натуре Пржевальского: "как вольной птице трудно жить в клетке, так и мне не ужиться среди "цивилизации", где каждый человек, прежде всего, раб условий общественной жизни. Но простор в пустыне — вот о чем я день и ночь мечтаю. Дайте мне горы золота, я за них не продам своей дикой свободы..."

Заканчивая свой отчет о последнем путешествии, он готовит новую экспедицию еще более значительную чем предыдущие и расчитывает на этот раз добраться до Лхассы. Его сопровождают прежние помощники Робровский и Козлов. Ее отправным пунктом должен быть Каракол (Пржевальск). 18. 3. 1888 г. Пржевальский выезжает в путь. "Радость вели-

кая, — записывает он в дневник. — опять впереди свобода и дело по душе... Но для успеха его необходимо прежнее счастье, которое да не отвернется и ныне от меня..."

Охотясь на фазанов у ст. Константиновская (19 в. от Пишпека), в жаркую погоду Пржевальский напился воды из случайного водоема, хотя кругом свирепствовал брюшной тиф. Его могучий организм долго боролся с болезнью, но напрасно, и 20. 10 1888 г. Пржевальского не стало.

Уверенный в печальном исходе он говорил своим окружающим: "Я нисколько не боюсь смерти и несколько раз стоял лицом к лицу с ней... Похороните меня непременно на Иссык-куле, на берегу, но чтобы не размыло водой. Надпись просто: путешественник Пржевальский. Положить в гроб в моей экспедиционной одежде".

"Не бредом больного воображения было последнее выраженное на берегах Иссык-куля", сказал предшественник Пржевальского П. П. Семенов-Тянь-Шанский. "Идея связанная с этим желанием, не только глубокая, но и вполне соответствующая русскому народному складу Николая Михайловича. В русском народном творчестве сказочный русский богатырь желает быть похороненным на перепутье, как бы указывая своей могилой на дальнейшие пути тем русским богатырям, которые пойдут вслед за ним".

Через год на могиле путешественника вырос величественный памятник. На гранитной скале бронзовая фигура орла с оливковой ветвью в клюве. Под его ногами карта Азии с нанесенными на ней маршрутами путешествий. В верхней части скалы выделяется бронзовый крест и под ним надпись: "Николай Михайловичъ Пржевальскій. Первый изслѣдователь природы Центральной Азіи. Род. 31 марта 1839 г. — ск. 20 окт. 1888 г.". В центре лицевой части скалы большая бронзовая медаль, выполненная по модели Академии наук с барельефом покойного.

Сохранившийся до наших дней памятник как нельзя лучше символизирует "полет" Пржевальского над неизведанными просторами Центральной Азии. Его путешествия оказали неоценимую услугу картографии и уже одно это объясняет его быстрое повышение в чинах. Из русского офицерства он один из первых избрал поприще оказавшееся плодоносным для русской науки. Пржевальскому в жизни удалось сочетать научные цели со своим влечением к жизни, лишенной условностей и фальши. К нему особенно подходят стихи Баратынского:

С природой одною он жизнью
Ручья разумел лепетанье
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье,
Была ему звездная книга ясна
И с ним говорила морская волна.

Лейб-Егеря под Кульмом

17 (30) августа этого года исполнилась 150-летняя годовщина боя под Кульмом, этого вечно памятного дня для Лейб-Егерей.

Напомним вкратце эпизоды войны за освобождение Европы, предшествовавшие этому знаменательному бою.

1 января 1813 г., бригада под командою бар. Розена, состоявшая из Лейб-Егерей и Л.-Гв. Финляндского полка и входившая в состав колонны ген. Тормасова, также, как и главные силы русской армии, перешла Неман и продолжала преследовать отступавшую Великую армию за пределами нашей родины. После краткого квартирования под Калишем, русская армия продолжает свое наступление на запад, вступает в Саксонию и 1 апреля занимает ее столицу Дрезден.

До этого периода отход Наполеона сопровождался лишь русской армией, но 17 марта, король прусский Фридрих-Вильгельм II, находящийся в изгнании в Мемеле, издает манифест об отделении его от Наполеона и, объявив общую мобилизацию, переходит на сторону России. Уже 21 марта он, в качестве союзника, присутствует на Высочайшем параде русских войск, после чего продолжается наступление русско-прусской армии.

Но армия Наполеона далеко не разбита, и он дает два успешных для него боя: 20 апреля под Люценом и 8-9 мая под Бауценом и заставляет союзников отступить от Дрездена.

Оба противника утомлены, и Император Александр заключает с Наполеоном шестинедельное перемирие, после которого начинается, так называемая, Дрезденская операция, завершающаяся боем под Кульмом.

К началу этой операции, в августе месяце, к двум союзникам присоединяется третий — Австрия с армией ген. Шварценберга, нерешительного военачальника, получающего указания от гр. Меттерниха из Вены. Таким образом, союзная армия, хотя и увеличивается численно, но не качественно, а общее командование, принятое Александром I, усложняется несогласием политических целей этих союзников. Армия Наполеона усилилась также численно прибытием свеже сформированного из новобранцев молодого и необстреленного корпуса Сен-Сира, численностью 26 000 чел. На этот корпус Наполеон особенно не полагался и спешил ему на помощь при первой тревоге. Гораздо увереннее относился он к 40 000 боевому корпусу Вандамма, уже прославившему себя в предыдущих боях, и именно, в силу этой уверенности до-

пустил роковую для себя ошибку, не отменив данного Вандамму приказания, что привело к его гибели.

Цель у обоих противников было одна и те же — овладение Дрезденом или Лейпцигом, смотря по ходу сражения — оба города представляли собой стратегические ключи. Армия Наполеона на Эльбе была зажата с трех сторон тремя армиями союзников: южная — Богемская, на левом берегу р. Эльбы в долине Теплица, состояла из 3-х наций и была поставлена под команду Шварценберга; восточная — Силезская армия и северная — в направлении Берлина.

Две переправы через Эльбу — у г. Пирны и у Кенигштейна — давали свободу маневра тому, кто ими овладеет. Наиболее выгодный подход к Дрездену был с юга, из Богемии, по количеству дорог, позволявших двигаться несколькими колоннами через лесистые перевалы Рудных гор, отделявших Саксонию от Богемии. В случае же неудачи, эта же сеть дорог способствовала бы и отходу обратно в Богемию.

События семидневной Дрезденской операции разыгрались следующим образом.

10 августа коалиционная Богемская армия выступила из Теплицкой долины и 4-мя колоннами двинулась на север к Дрездену; 11-го она вошла в соприкосновение с передовыми частями корпуса Сен Сира. Положение было благоприятное, тем более, что Шварценберг располагал силами почти втрое против корпуса Сен Сира. Несмотря на вялость подхода австрийцев на нашем левом фланге, Шварценберг мог бы атаковать уже 12-го числа, но он медлил, в то время как Наполеон, поняв опасность угрожавшую Сен Сиру, двинулся усиленным маршем из-под Бауцена тоже на Дрезден с 120 000-ной армией, в которую входила его гвардия и корпуса Мармона и Виктора. Уже 13-го Наполеон оказывается в небольшом переходе от Дрездена и, обгоняя свои войска, он, 14-го, принимает руководство обороной. С целью преградить союзникам отход в Богемию, Наполеон отряжает корпус Вандамма на Кенигштейн, где создав тет-де-пон, выжидает исход боя под Дрезденом, угрожая правому флангу союзников.

14 августа союзники производят атаку на Дрезден, но она отбита; 15-го — вторая атака тоже не удается и Шварценберг, вопреки мнению Императора Александра и короля Прусского, решается на отступление от Дрездена.

16 августа, к удивлению Наполеона, ожидавшего третью атаку, союзники отступают четырьмя колоннами, из коих две западные — австрийцы, средняя — пруссаки и восточная — русские, направляются обратно на Теплицкую долину фланговым маршем по отношению к Вандамму, ожидавшему приказаний Наполеона.

Арьергард восточной колонны, под командой принца Вюртембергского, при наступлении на Дрезден, был несколько потеснен Вандаммом и просил помощи. Барклай, принявший командование русско-прусскими частями, отрядил ему, 15 августа, в помощь подошедшую от Теплица 1-ю Гвардейскую пехотную дивизию (в том составе полков, каковой сохранился и до последнего времени) с придачей к ней Лейб-Гусар и Татарского уланского полка. Дивизия эта, под командой ген. Ермолова, влилась в отряд гр. Остермана, сменившего принца Евгения Вюртембергского.

16 августа Наполеон, обнаружив отступление союзников, дает приказание Вандамму атаковать заслон Остермана, смять восточную русскую колонну и отбросить ее и прусскую на запад, причем главные силы должны были действовать от Дрездена в тыл противника.

Вопреки полученному 16 августа приказанию, слабому русскому заслону свернуть с занимаемого им шоссе Пирна-Петерсвальде на запад для присоединения к главной восточной коленне, Остерман, Ермолов и принц Вюртембергский решают совершить фланговый марш по шоссе на Петерсвальде, почти на глазах у Вандамма.

Для совершения этого марш-маневра и обеспечения фланга отряжено два отряда, с задачей — атаками на позиции Вандамма помешать последнему атаковать во фланг Остермана.

Одна из колонн, под начальством принца Вюртембергского была направлена на Кривчин, а вторая, под командой Ермолова, на гору Кольберг. Эта колонна состояла из Лейб-Егерей, Ревельского пехотного, 4-го Егерского и Татарского уланского полков. Как доносил генерал Ермолов графу Остерману — "едва я успел отдать приказ генералу Бистрому атаковать Кольберг, как на вершине оной явился лейб-гвардии Егерский полк. Исчезли препятствия, исчез неприятель..."

Все усилия французов возвратить Кольберг не привели ни к чему, и таким образом маневр вполне удался — отрядам удалось приковать французов к своим позициям и тем дать возможность Остерману проследовать на Петерсвальде, где Гвардия стала на ночлег.

17 августа, колонна Остермана, имея в авангарде Преображенцев и Семеновцев и в арьергарде бригаду Храповицкого (Измайловцы и Лейб-Егеря) перешла Ноллендорфское плато и подошла к Кульму, где и начала готовиться к оборонительному бою.

Самым невыгодным участком позиции, выбранной Ермоловым, был левый фланг, у сел. Страден. На этот участок, пересеченный и закрытый кустами и перелесками, затруднявшими обстрел и обзор, были поставлены Лейб-Егеря и два батальона Муромского пехотного полка, под общей командой командира Лейб-Егерей ген. Бистрома.

Вандамм, занявший Ноллендорфское плато после отхода нашего арьергарда, к утру 17 августа, начал атаку на этот левый фланг, не дожидаясь сосредоточения своего корпуса и атакуя "пакетами".

Брошенная первой, бригада Рейса, встретила ярое сопротивление со стороны Лейб-Егерей и была отбита, причем сам Рейс был убит. Ермолов поддерживает Лейб-Егерей двумя батальонами Семеновцев. Вандамм бросает во вторую атаку на Страден дивизию Мутон-Дюверне силою в девять батальонов, но и эти

атаки отбиты Егерями и Семеновцами. Вандамм, к которому подходит новое подкрепление, бросает еще четыре батальона Филиппона на Страден, который загорается от огня артиллерии.

Генерал Бистром отводит своих защитников за село в лес. Егеря расположились в засаде по сторонам лесной прогалины и атакуют в штыки батальоны Филиппона, которые смяты, рассеяны и частью взяты в плен. При поддержке 24-орудийной батареи, Вандамм еще раз бросается на левый фланг, но встречен контратакой Егерей с фронта и выдвинутых во фланг Измайловцев.

Атака французов отбита и наступившая ночь останавливает военные действия. Во время контратаки ранены бригадный командир Храповицкий и гр. Остерман, у которого ядром оторвана рука. Когда Преображенские солдаты сняли его с лошади и положили на землю, он сказал: "Вот, как я заплатил за честь командовать гвардией. Я доволен..."

В командование всем отрядом вступил Ермолов. К концу 17 августа к отряду подходят части главной колонны, а именно, Лейб-Уланы, Лейб-Драгуны, 1-я Кирасирская дивизия, а также 2-я Гвардейская пех. дивизия и 1-я Гренадерская.. Также введены в линию и свернуты с своего пути две с половиной пехотные австрийские дивизии и части австрийской конницы. Последние части были направлены на Пристен, благодаря настойчивому желанию Императора Александра.

Блестящий успех боя 17 августа был достигнут не только храбростью, но и умением. Егеря, укрываясь за местными предметами, подпустили противника на близкое расстояние, осыпали его градом пуль и затем бросились в штыки. Таким образом в бою под Кульмом впервые в истории военного искусства нашими предками были применены и рассыпной строй и огневая тактика, что и позволило сравнительно малыми силами разбить сильнейшего противника.

За этот бой 17 августа Император Александр I награждает Лейб-Гвардии Егерский полк серебряными трубами, с надписью "За отличие оказанное в сражении при Кульме 17 августа 1813 года" (Георгиевские знамена полк уже имел за кампанию 1812 г.). Король Прусский одновременно награждает всех чинов полка знаками ордена Железного Креста.

Император Николай I, принявший на себя в 1832 году звание Шефа Лейб-Егерей, повелел, чтобы полковой праздник был перенесен с 14 мая на 17 августа — день Кульмского боя.

В 1835 г. в с. Страден заложен и в 1841 г. открыт памятник героям этого боя. Судя по имеющимся сведениям памятник этот сохранился до наших дней.

17 августа 1907 г. утвержден наш полковой знак в виде "Кульмского креста". Кроме Лейб-Егерей "Кульмский крест" был присвоен, как полковой знак, и другим частям гвардии, принявшим участие в сражении под Кульмом: Уланам Его Величества, Лейб-Драгунам, Конно-Гренадерам, Л.-Гв. Петроградскому полку и Гвардейскому Экипажу.

Составил *Н. П. Моисеенко*

(Из доклада, прочитанного кн. А. А. Друцким на собрании О-ва Люб. Русск. Воен. Старины 13 марта 1962 г.).

Из воспоминаний

В. СКАЛЬСКИЙ

(Материалы к истории 1-го уланского Петроградского полка)

БОЙ ПОД Г. АЛЛЕНШТЕЙН

Я не собираюсь описывать набег на Алленштейн. Во-первых, он отлично описан ротм. Арнхольд, во-вторых — у меня не хватило бы многих необходимых сведений. Действительно, в большинстве случаев младшие офицеры не знают общей обстановки и знают лишь то, что делает их полк, или даже эскадрон. Потому, я опишу лишь действие 5-го эскадрона в бою под г. Алленштейн и любопытный случай происшедший со мной во время этого боя.

Полки дивизии подошли к г. Алленштейн 18 августа (1914 г.) около часу дня. Наш полк был спешен и ему было приказано вести наступление на город. Подступы к городу защищались окопами, занятыми германской пехотой. 5-й эскадрон занимал левый фланг полка. Линия немецких окопов была длинная и потому наши цепи были редкие.

Мой 2-й взвод был на правом фланге 5-го эскадрона. Огонь немецкой пехоты заставил нас передвигаться быстрыми и короткими перебежками. Огонь нашей конной батареи, бьющей по различным участкам немецких окопов, очень помогал нашему продвижению. Местность, по которой мы наступали, нельзя было назвать холмистой, но она была все же волнистой, что давало возможность, после перебежки, залегать за небольшими буграми. Когда мы были уже совсем близко к немецким окопам, я заметил, что мой взвод отстал от других взводов эскадрона примерно шагов на 60. Желая подравняться и не обратив достаточного внимания на впереди лежащую местность, я встал и быстро побежал вперед. Тут только я заметил, что от нас до немецких окопов идет сплошной скат. От окопов мы были шагах в 200. Я успел пробежать шагов 20-25. К счастью, уланы, заметив мою ошибку, не последовали за мной и остались за бугром. Выбежал со мной лишь ефрейтор Журавлев. Он лежал справа от меня в пяти шагах.

Мы были видны как на ладони. Немцы отлично видели мою офицерскую амуницию и отсутствие винтовки и сосредоточили по нас огонь. Пули так свистели вокруг меня, что я лег щекой к жнивью и почти в тот же момент пуля ударила около самой головы, забросав меня землей.

Я услыхал голос Журавлева: "Корнета Скальского убили..." Я лежал не двигаясь. Вокруг — бой продолжался и пули продолжали свистать у самых моих ушей. — Как странно, — подумал я, — вот я убит, а все слышу как прежде... Какая же разница между жизнью и смертью?.. Может быть я не убит?.. Но в таком случае, куда же делась пуля, ударившая около головы?.. Нет, конечно убит... Тогда вдруг мне захотелось произвести опыт: — если убитые все слышат, но живые этого не знают, то, может быть, они могут и двинуться, но для живых они будут казаться неподвижными. Я потихоньку повернул голову и посмотрел на Журавлева. Журавлев крикнул: "Да он живой!". Я понял, что я действительно жив и, несмотря на скабрезность моего положения, расхохотался. Куда делась эта пуля — не понимаю и сегодня. Мы с Журавлевым быстро поползли обратно и благополучно укрылись за бугром.

Три другие взвода, находившиеся левее моего, были в немного лучшем положении. Складка местности позволила им подойти немного ближе к германским окопам, но впереди их тоже не было больше прикрытий. Я все же подтянул свой взвод ближе к ним. Нужно было на что-то решиться. И вот, кто закричал первый — не знаю, эскадрон поднялся и с криком ура! бегом побежал к немецким окопам. Сначала один, потом несколько, а за ними и все другие, — немцы бросили окопы и побежали. Их тоже было не так много, но если бы они не побежали, а приняли нашу атаку в штыки, я думаю, нам бы не поздоровилось.

Радостные, мы забрались в окопы и скрытые от немецких пуль почти не обращали внимания на уходивших перебежками немцев.

Наше веселье продолжалось не долго. Вдруг мы услышали все нарастающее шипенье с переливами — "ш-ш-ш-ш..." Что это? Вот пронеслось над нашими головами и тут же, из страшной дали, донеслись заглушенные орудийные выстрелы. В тот же момент, за нами там, где стояла и стреляла наша конная батарея, появились черные облаки дыма и послышались тяжкие разрывы. Вслед за первой — вторая очередь. Батарея наша замолкла. Как потом узнали, стреляла гаубичная батарея крупного калибра. Впечатление она производила большое. Веселость наша пропала. Пропали и немцы.

Мы сидели в окопах, не зная что предпринять. Шт.-ротм. Соколов (принявший 5-й эскадрон после тяжелого ранения ротм. Сушинского в конной атаке под Коршен 15 августа) решил послать ординарца для получения директив. Время шло, а ординарец не возвращался. Правее нас продолжался частый ружейный и пулеметный огонь. Гаубицы противника посылали изредка очереди, но мы не могли следить за разрывами скрытыми от нас крупным сосновым лесом.

Так прошло около часа. И вот, видим — бежит к нам улан. Он оказался ординарцем от штаба полка. Посланный шт.-ротм. Соколовым до командира полка не дошел, т. к. был тяжело ранен. Та же участь постигла ординарца от штаба, посланного до того с приказанием 5-му эскадрону отходить. Мы стали быстро отходить, направляясь к своим коноводам, оставленным за сосновым лесом, верстах в 2-х позади.

Коноводов нашли сразу. Они стояли за лесом, около самой опушки его. Командир эскадрона велел садиться. Эскадрон стоял развернутым фронтом, лицом к противнику. В это время мы заметили проезжавшего со своим вестовым, недавно принявшего 1-й эскадрон, шт.-ротм. Спорэ. Он догонял свой эскадрон. Увидав нас, он к нам подъехал и заговорил с шт.-ротм. Соколовым, обмениваясь впечатлениями. Он стоял вправо от него. Левее командира эскадрона — стоял я, а рядом со мной — корнет Васильев.

Вдруг мы услыхали знакомый нам уже зловещий шелест и шипение. Со страшной скоростью на нас надвигалась гаубичная очередь. Невольно мы пригнулись к гривам лошадей. С ужасным грохотом очередь разорвалась под лесом, шагах в 60 впереди и над нами. У шт.-ротм. Спорэ появилось на спине огромное кровавое пятно. Он сидел уткнувшись в гриву коня и медленно сползал с седла. По-моему, он был убит на месте, повидимому, дистанционной трубкой, вырвавшей ему часть спины. Несколько лошадей упало. В эскадроне произошло легкое замешательство, но шт.-ротм. Соколов крикнул: "Стоять на месте!..." Этим он спас эскадрон от уничтожения. Действительно, почти сейчас же пронеслась над нами новая очередь и разорвалась шагах 150 позади нас. Если бы эскадрон стал уходить, он был бы сметен этой очередью. Повернув эскадрон на месте, шт.-ротм. Соколов отводил его полевым галопом лавой. Третья очередь настигла нас и разорвалась перед самым эскадроном. Разрывы были необычайно низкие. Один снаряд разорвался перед ногами моей лошади. Я ощутил резкую боль в левом боку.

Мы присоединились к полку. Оказалось, что кроме нескольких улан, было переранено более 20 лошадей, но ранения были все легкие. Мы искали этому объяснения и решили, что спас нас высокий и густой лес. Чтобы достигнуть нас, шрапнельные пули проходили через толщу деревьев и веток и этим задерживались или теряли силу. Стоял бы наш эскадрон шагах в 30 от опушки, он был бы уничтожен первой очередью, ибо нужно признаться, что в этот день немецкая артиллерия стреляла отлично.

Когда закончился, памятный нам всем, набег на Аллештейн, я отправился к милому доктору Васильеву. Сильные боли у меня не прекращались. Подумав, он сказал, что я был, повидимому, контужен и что "авось — пройдет". Дал мне несколько белых порошков, вроде аспирина. Боли не проходили, и во второй половине октября у меня стали делаться об-

мороки. Я был отправлен в Гродненский военный госпиталь. Там решили, что у меня оторвалась левая почка и для операции эвакуировали в Москву. Только здесь меня тщательно обследовал хирург и сделал рентгеновские снимки. Оказалось, что у меня лопнула капсула левой почки, образовав большое кровоизлияние. Его-то, в Гродно, и приняли за оторванную почку. Кроме того, у меня были порваны поясничные мышцы левой стороны и сильно смещен позвоночник. Пролежал я недель пять и, снабженный неподвижным корсетом, вернулся в полк около 5 декабря.

За бой при г. Алленштейн, шт.-ротм. Соколов был представлен к Георгиевскому оружию, но, как он мне сказал ,по личным соображениям, просил заменить эту награду орденом Св. Владимира 4-й степени, который и получил.

УДАЧНЫЙ РАЗЪЕЗД

30 августа 1914 г., наша дивизия находилась на левом фланге 22-го корпуса, являвшегося левофланговым корпусом 1-й армии. Вернее ,она была в пустом пространстве между отступавшей 1-й армией и формировавшейся 10-й.

Точных сведений о местонахождении и движении неприятеля не имелось и потому ген. Гурко вызвал по два офицерских разъезда в 12 коней от каждого полка дивизии. От Петроградского полка были назначены корнет Обрехт и я. Собравшимся восьми разъездам была вкратце объяснена обстановка и каждому разъезду было дано направление. Разъезды должны были разведать местность широким веером, углубляясь возможно дальше и до соприкосновения с противником.

Мне достался самый правофланговый разъезд, долженствующий двигаться вдоль нашей границы. Другие разъезды должны были все углубиться в германскую территорию. Выступили мы вечером, и решили ночевать — четыре разъезда вместе — в выбранном нами лесу. Кроме наших двух уланских разъездов, было два лейб-драгунского Московского полка: один под командоъ пор. Арндт и второй — корн. Писарева. Уже темной ночью, выбрали небольшую поляну, выставили часовых и заночевали, не зажигая огней. Еще небо только стало сереть, как сели все на коней и разошлись, каждый в своем направлении, пожелав друг другу удачи. Надо мной мило посмеивались, говоря, что шансов у меня мало встретиться с противником и что мне предстоит прогулка.

Но прогулка продолжалась недолго... Около 9 часов утра, я встретил германский разведывательный эскадрон, шедший в направлении на восток. Я послал об этом донесение. Продолжая двигаться на север вдоль границы, без дорог, мы не встретили ничего, кроме 2-3 мелких разъездов.

Так прошли мы переменным аллюром около часа. Местность там довольно пересеченная. Больших лесов нет, но довольно часто встречаются лесочки в несколько десятин. Деревень на нашем пути не было: да мы их бы старательно обходили; зато — много мелких хуторов, часто с большими садами.

Около 10 часов, показались впереди и влево от нас группа всадников. Были они примерно в полверсте от нас и было видно, что идут они не просто разбросанными группами, а в каком-то определенном порядке. Оставив разъезд в маленькой лощине, я спешился и, залегши за бугром, стал рассматривать в бинокль продвигавшегося неприятеля. Вскоре все стало ясным: шла значительная кавалерийская часть, может быть, полк, с двумя орудиями и охранявшая себя походными заставами и сетью дозорных. Через несколько минут, один из улан уже скакал с моим донесением. Присматриваясь в бинокль, я обратил внимание на то, что впереди нас, к северу, горизонт казался затуманенным. Погода была серая, но все же, в других направлениях можно было различить все довольно ясно.

Я подозвал к себе старш. унтер-офицера Рещикова и передал ему бинокль. "Да это вроде как дым... Жгут там деревню что ли..." Но это не могло быть дымом. Легкий ветер дул нам в лицо, а то, что казалось Рещикову дымом, протянулось далеко с запада на восток. Подождав, чтобы прошла кавалерийская часть, мы, с большими предосторожностями, двинулись далее на север. Вскоре мы убедились в том, что впереди нас царило большое оживление. Шли повозки, проезжали отдельные и группы всадников в разных направлениях. Это было нам очень кстати, т. к. благодаря этому мы могли пройти незамеченными. Что и произошло.

Пройдя версты две, мы решили зайти в хутор с большим садом. Поставили лошадей в большой сарай и сами отправились в сад, из которого открывался широкий вид. Тут же можно было, в бинокль, разглядеть, что горизонт застлан был не дымом, а целыми облаками пыли, поднятыми проходящей огромной колонной войск. Можно было различить двигавшуюся пехоту, артиллерию, повозки...

Спрошенный наши хуторянин — поляк — сказал нам, что "герман" так идет с раннего утра и что несколько верст севернее, тоже идет немецкая колонна. По всему, что я видел и по тому, что говорил хуторянин — по дороге от Бакаларжева на Сувалки шли большие неприятельские силы. По моим соображениям, прорвался целый немецкий корпус, продвигаясь глубоко в тыл нашим отступавшим войскам.

Для большей верности, я послал — с интервалом минут в 10 — двух улан с одинаковыми донесениями. Оба, как и предидущие, смогли благополучно достигнуть полк и передать донесения.

Конечно, с расстояния, на котором я находился от немецкой колонны и из-за поднятых ею облаков пыли, я не мог иметь точных сведений о составе и силе двигавшегося противника. Продвинуться ближе было чрезвычайно рисковано. Да и смысла это, пожалуй, не имело. Мне удалось, случайно, обнаружить прорыв и сообщить об этом ген. Гурко. Я считал, что задача моя закончена. Следовать за неприятельской

колонной я не мог, но не мог и вернуться к полку. Всюду шныряли разъезды противника и отдельные всадники. Несколько раз они проходили в нескольких стах шагах от нас. Прождали мы до сумерек и тогда только выбрались из своего укрытия и пошли со всеми предосторожностями на Шавли, куда прибыли уже ночью.

Впоследствии оказалось, что ни один из посланных разъездов противника не встретил. Они совершили простую "прогулку". Ст. унт.-офицер Рещиков и уланы, доставившие донесения были награждены георгиевскими крестами.

НА ШОССЕ В АВГУСТОВСКОМ ЛЕСУ

2 сентября 1914 г., 1-я кавалерийская дивизия пришла в район Августова. Должен был подойти 22-й армейский корпус ген. Бринкен, но она пока могла рассчитывать лишь на себя для защиты обширного района. Вместе с тем ожидали наступления со стороны Сувалок, занятого за несколько дней до этого немцами. Дабы не подвергнуться неожиданному нападению, ген. Гурко приказал выслать в сторону Сувалок разведовательный эскадрон от Петроградских улан. Был назначен 5-й эскадрон под командой шт.-ротм. Соколова. Эскадрон должен был продвинуться к Августовскому лесу и иметь наблюдение, как на самом шоссе, так и в районах прилегавших к нему справа и слева. Не доходя 6-7 верст до того места, где шоссе проникает в лес, шт.-ротм. Соколов остановил эскадрон в небольшой деревне и выслал три разъезда.

Первый — в 12 коней под командой корнета Прошинского, вернувшегося в эскадрон после легкого ранения пулей в ногу (кость не была задета), полученного накануне боя под Коршен. В тот день, т. е. 14 августа, корн. Прошинский получил приказание отвести квартиры для полка. Во главе квартирьеров он спокойно направлялся к деревне, когда был встречен частым ружейным огнем. Как оказалось потом, деревня была занята взводом немецких велосипедистов. Пришлось спешить 1-й и 5-й эскадроны и вызвать взвод пулеметов, чтобы их выбить. Им помогали жители ,вооруженные винтовками. Деревню сожгли и ночевать в ней полку, конечно, не пришлось.

Посланный теперь с разъездом корн. Прошинский должен был наблюдать район влево от шоссейной дороги. Правый разъезд ,тоже в 12 коней, пошел под командой ст. унт.-оф. Голенко. Мне же было приказано, с моим вторым взводом, наблюдать шоссе. Шт.-ротм. Соколов, оставаясь в деревне, имел при себе корнета В. Васильева.

Не встретив никого, мы втянулись в лес еще засветло. В лесу шли по шоссе, выслав далеко вперед головных дозорных. Прошли верст пять и увидали небольшой, при дороге, дом лесника. При доме был колодец, чему мы очень обрадовались, т. к. нужно было напоить коней.

Я завел свой взвод в лес, не доходя до дома. Шоссе шло здесь совершенно прямо, и в направлении на Сувалки можно было наблюдать около версты вперед, после чего шоссе скрывалось за бугром. Мы стояли в лощине, т. к. за нами, в направлении на Августово, тоже был бугор шагах в 800. Шоссе на Сувалки — хорошее, широкое, с боковинами и широкими канавами по обе стороны дороги. Я отвел взвод в лес, шагов на 50-60 от дороги. В канаве поместился часовой с подчаском. На случай тревоги заготовили расчет для усиленного спешивания. Это давало мне 20 стрелков, что было уже не плохо. Я предупредил улан, чтобы без моего приказания, ни в коем случае, не открывали огня.

В сентябре дни уже короткие и ночь наступает быстро, особенно в таком лесу, как Августовский. Несколько человек сразу отпросилось сбегать в дом лесника и вскипятить воды для чая. Нашлось какое-то сало и другие бегали его поджаривать. Русский солдат очень хозяйственный и всюду умеет быстро наладить какую-то жизнь, будь то хоть на несколько часов.

Сумерки сменились ночной темнотой... Дневная жизнь в лесу замолкла и заменилась тишиной. Нерасседланные кони похрапывали и дожевывали свою "дачу". Началась длинная осенняя ночь... Я сговорился со взводным унт.-оф. Рещиковым, что не буду спать первую часть ночи и буду сменять часовых; потом разбужу его и он будет дежурить. В случае тревоги, все стрелки должны тихо занять канаву вдоль шоссе.

Потянулись бесконечные часы. Было сыро — воздух был пропитан, как бы, дождевой пылью. С огромных, обступавших нас деревьев, падали тяжелые капли. Становилось холодно и лежать на сырой земле в одной шинели было неуютно. Одна отрада была закурить папиросу. Иногда подходил к часовым. Все было тихо. Около полуночи, где-то далеко, завыл волк. Ему отозвался, верстах в двух от нас, молодой. И опять все стихло. Около часа ночи разбудил Рещикова. Поговорил с ним несколько минут, угостил папиросой и, несмотря на холод, через несколько минут заснул.

Разбужен был я тихим шепотом над ухом: "Немцы идут..." Я вскочил на ноги. Еще не рассвело, но все было уже серо. Стоял такой туман, что в лесу не видно было и в пяти шагах. Вокруг меня слышалось легкое движение: уланы бежали занять свою позицию. Я вышел на шоссе. Ничего не было видно, но слева доносился легкий шорох и как будто бы шаг лошадей по грунту.

Так прошла минута в напряженном ожидании. И вдруг, как-то сразу, перед нами были немцы — это были велосипедисты. Они ехали медленно, во всю ширину шоссе. Сколько их было, невозможно сказать — видны были сквозь туман лишь первые ряды. Впереди ехал офицер, склонившись к рулю, на котором разложена была карта. По обочинам шоссе шли конные — рядами по два. Все это я увидал в одно мгновение. До немцев было шагов 12...

Я скомандовал: "Взвод, пли..." Грянул залп и как гром раскатился по лесу... "Огонь частый!.." Я дер-

жал в руках наган, но не мог стрелять. Передо мной, в куче копошились обезумевшие от неожиданности люди. Желая спастись, они поворачивали со своими велосипедами и, если не падали сраженные пулями, то были сбиты с ног своими товарищами. Картина была ужасная. А уланы все стреляли, расстреливая их в упор. Потом вдруг никого на шоссе больше не было — как будто их поглотил туман. Осталась лишь куча тел. Мы сами, как бы пораженные тем, что произошло так быстро, стояли молча и не двигаясь. Потом бросились на дорогу.

Офицер был убить. На шоссе лежали в перемешку человек 20 или 25. Не все, конечно, были убиты, но никто не двигался. У офицера взяли карту и полевую сумку. Уланы шныряли вокруг, нагибаясь над лежащими немцами.

Вдруг, послышался шум быстро идущего автомобиля. Мы стояли прислушиваясь, и потом сразу заработал пулемет. Пули летели вдоль шоссе, но высоко над головами. Я отдал приказ садиться на коней. Мы могли бы захватить в плен раненых, но в этой обстановке они были бы для нас большой обузой, да и не стоило подвергать излишним мучениям людей. По лесу, шагом, мы шли вдоль шоссе по направлению к Августову. Постреляв еще немного, пулемет смолк. Затем замолк у шум мотора. Автомобиль наткнулся, наверное, на лежащих на шоссе. Послышались громкие голоса. Мы зашли за бугор, спешились и стали ждать, что будет дальше. Я послал донесение командиру эскадрона. Туман начинал подниматься и редеть, но мы не могли все же видеть того, что происходило в лощине. Постепенно шум замолк.

Прошло уже наверное около часу со времени нашего столкновения. Рассвело и туман почти рассеялся. И вот, мы увидали идущую пехоту. Думаю, это была рота. Опять были всадники, но велосипедистов не было. Мы открыли огонь шагов за 500. Но тут картина была уже иная. Всадники скрылись в лесу, часть пехоты — тоже. Человек 30 залегли и стали стрелять. Мы не отвечали. Перебежками они стали продвигаться вперед. Когда они были шагах в 400, мы дали несколько залпов и, сев на коней, лесом пошли уже рысью в направлении Августова. Вскоре подошли к опушке леса.

Уланам очень понравилась такого рода война и они просили меня повторить обстрел головного отряда немцев. Я сам этого хотел и потому мы вновь залегли, но уже за лесом. Опять шла пехота и опять мы стреляли и опять немцы рассыпали цепи. А мы удирали... Я посылал донесения командиру эскадрона. И вот, видим скачем улан и передает мне краткую записку: "Довольно воевать. Возвращайтесь в эскадрон". Да у нас и патронов уже почти не было. Через полчаса мы присоединились к эскадрону.

Мы были довольны. С одним взводом нам удалось задержать часа на два наступление больших сил противника.

Вскоре наш полк проходил по тому же шоссе. Проходя мимо дома лесника, я подъехал к нему, желая узнать, не приключилось ли с лесником чего-либо. Он оказался дома и сказал мне, что после нашей ночной стрельбы, немцы похоронили близь его дома 8 человек; действительно, рядом с домом была большая свежая могила. Я не мог подробнее расспросить его и догнал уходящий эскадрон.

(Продолжение следует)

Боевой и мирный календарь Измайловцев с июля 1915 года по июнь 1916 года

(Продолжение) *Генерал-майор Б. ГЕРУА*

Часть вторая

ВИЛЬНА — ЕВНЮНЫ — ВИЛЬНА

По железной дороге через Березовку и Барановичи полк был перевезен, в числе остальных частей Гвардии, под Вильну. Высадились здесь не сразу.

Нас ,было, даже повернули по Варшавской жел. дор. на Псков и Петербург — следствие какого-то тревожного момента на северном фронте. Но затем повезли обратно к Вильно.

**
*

В это время (август 1915 г.) усилия противника были направлены к окончательному вытеснению нас из, так называемого, Передового или Привислинского театра, с намерением, как увидим дальше, охватить часть наших войск, упорно дравшихся в этом районе. После того как это не удалось в июле на Висле и Буге, немцы ищут подобной же возможности на путях северене реки Парева.

В первой половине августа, несколько выпяченное положение нашего фронта к западу от Вильны, примерно на линии Ковно - Гродно - Белосток, подсказывало, с этою целью, мысль давления на фланги этого фронта. Отсюда, в конце концов, упорное стремление противника прорваться в общем направлении на Минск с двух сторон — от Ковны и Вилькомира через Вильну — и от Гродны. Отсюда образование двух очагов боя со средины августа — к север-западу от Вильны и к востоку от Гродны (Скидель). Отсюда же, в первых числах сентября, знаменитый прорыв германской конницы на станцию Вилейку и Молодечно.

Гвардии было суждено попасть в кипящий котел виленских событий...

***

Хронология событий для полка, согласно записей Б. В. Фомина, такова.

5 августа — погрузка в вагоны на ст. Березовка (за Брест-Литовском).

7 августа — остановка на ст. Барановичи (Ставка Верховного Главнокомандующего).

9 августа — высадка в Вильне и бивак здесь на Военном поле.

10 и 11 августа — стоянка на р. Вилии близ католического монастыря и дачи преосвященного Тихона, архиепископа Литовского и Виленского.

12 и 14 августа — переход в деревни Большие и Малые Жабы и стоянка здесь.

15 и 16 августа — переход к деревне Подберезье.

***

За эту неделю, со времени высадки в Вильне движение, хотя и совершаемое с мерами охранения, протекало беспрепятственно, напоминая мирное время.

Под Вильной узнаем о падении крепости Ковно — неожиданном и навлекшем кару на коменданта. В дальнейшем Гвардии придется иметь дело с немцами, наступающими именно от Ковны и по путям севернее Ковны.

17 августа — встречен первый противник на переходе от Подберезье к с. Коисистово. С довольно слабым боем, в котором неприятель подавался легко назад, прошли семь верст до р. Муссы. Были определены спешенные немецкие конные егеря и велосипедисты. Штаб полка перешел в с. Коисистово.

18 августа — продвинулись за р. Муссу.

19 по 27 августа — упорные бои против крепкой неприятельской позиции на массиве с деревней Явнюны. Было очевидно, что противник задерживал нас (два дня 17 и 18 числа), чтобы дать возможность устроиться пехоте на упомянутом гребне, имевшем хорошие оборонительные свойства. Подступы к ней от фронта Измайловцев (деревни Улечелы, Антонайцы и Антонели) вели по гласисообразной открытой местности, легко обстреливаемой пулеметным огнем. Левее нас — на Семеновском участке — противника защищало болото. Еще левее — у Преображенцев — было и болото и местность, явно ими командовавшая.

22 августа, 1-я Гвардейская пехотная дивизия атаковала неприятельскую позицию — безуспешно. Потери были большие, и главным образом от пулеметного огня. Начали атаку на рассвете после короткой, но интенсивной артиллерийской подготовки. Утренний туман мешал наблюдению. Пулеметные гнезда противника, в общем, уцелели и проходы в проволочных заграждениях, где они были проделаны, обстреливались перекрестным огнем.

На Измайловском участке больше всего пострадал 4-й батальон. Были тяжело ранены командир батальона полковник Сергей Петрович Скобельцын, поручик Борис Николаевич Хомутов и прапорщик Николай Федотов. Все трое вскорости скончались от ран. Я был в блиндаже батальонного командира на нашей исходной позиции, когда принесли бедного Хомутова. Пук пулеметных пуль попал ему в область живота. Но он, как это часто бывает в случаях ранения в живот, был в полном сознании и мог говорить. Он спросил меня с незабываемым выражением в глазах: "Выживу ли я?" Я старался подбодрить беднягу, участь которого была очевидна; вымыл ему лицо холодным чаем, что доставило ему удовольствие. Принесли его всего запачканного глиной. Очевидно, будучи ранен, он упал лицом на землю. Хомутов имел силу еще "извиняться" за неудачу атаки. "Пулеметы не были-де подбиты". Б. Н. Хомутов, как и его двоюродный брат Александр, был выдающийся боевой офицер. Но Александр вышел из всех испытаний цел и невредим, а Борис погиб так ужасно. В полку он был известен не только как славная личность, но еще и как незаурядный поэт. Другой полковой стихотворец — Козеко — написал недурной сонет на смерть Б. Хомутова. Сонет этот был в свое время вставлен в рамку и повешан на его гробницу в новоустроенном полковом склепе в Троицком соборе.

Знал я хорошо и Сергея Петровича Скобельцына. Он был одного выпуска из Пажеского корпуса с моим братом (1891 г.) и, следовательно, старше меня по службе на четыре года. Отлично представляю его себе пажом специальных классов. Он стал знаменит тем, что сам себя произвел в камер-пажи. Государь обыкновенно до-производил в камер-пажи тех, кто не попал по своим баллам в первое производство, приурачивая это к своему ежегодному посещению корпуса Великим постом. Но на этот раз директор корпуса (генерал Дитерихс) почему-то не представил никого к производству. Император Александр III уже сидел в санках с Императрицей, окруженный провожавшей толпой пажей, когда Скобельцын сам напомнил о существовавшей традиции Государю. Никто не мог расслышать ответа Государя из-за громового ура, но Скобельцын и его сотоварищи получили золотые нашивки! Война застала Скобельцына уже вне полка, и он, по своему возрасту, не был обязан строевой службой: тем не менее он пожелал вернуться в родной полк, в рядах которого и погиб честною смертью патриота и верного солдата.

После неудачной атаки Явнюнского массива, 1-я Гвардейская пехотная дивизия перешла к обороне на своих исходных позициях. Измайловцы укрепились на высотах против северной половины длинной деревни Евнюны, тянущейся по гребню с северо-запада на юго-восток. Как-то приехал посмотреть позицию начальник дивизии ген.-лейт. фон Нотбек, и я его сопровождал. День выдался тихий, велся лишь вялый артиллерийский огонь.

Штаб полка все время оставался в околице Коисистово: вначале противник не наблюдал его и потому не беспокоил огнем. Но примерно с 25 августа начал обстреливать; были потери и раз произошла легкая тревога в обозе 1-го разряда.

27 августа получили приказ о вступлении Госу-

даря Императора в Верховные Главнокомандующие. Я выехал по этому случаю к месту расположения полкового резерва — в болотистом лесу на реке Муссе — и произвел там 4-му батальону (вр. ком. штабс-капитан Фомин) нечто вроде парада. Кричали ура. Но на душе у меня (а, м. б., и у многих) не было радостно. Смена командования, к тому же плохо объяснимая, была первой весточкой какого-то начинающегося разлада.

28 августа — немцы, видимо, получившие подкрепления, начали подготовку атаки наших позиций, а 29-го повели самую атаку. Им удалось сбить нас, и притом днем, что делало отход очень трудным. Я ввел в дело все свои резервы, но становилось ясно, что противник в превосходных силах прорвал нашу позицию. Батальоны, стремясь не утратить связь, начали осаживать, опираясь на 1-й батальон (полк. Разгильдеев), которому я указал тыловой рубеж на западном берегу р. Муссы. Одновременно немцы потеснили наших соседей: справа — 2-ю Гвардейскую дивизию и слева — Семеновцев. С последними, вследствие условий местности, была потеряна одно время связь. Трудно пришлось 2-му батальону капитана Муфеля на левом фланге (у д. Уличелы).

Нелегко было и полковому управлению, т. к. штаб полка должен был из с. Консистово отходить на Подберезье; батальоны также подавались на южный берег Муссы и командиры батальонов меняли под огнем свои места. Связь, что называется, висела на ниточке, и была минута, что я потерял своих батальонных командиров. Но случилось чудо в тот самый момент, когда начальник штаба дивизии полк. Греков (1) запрашивал меня о положении. Мы оба вдруг услышали голоса, одного за другим, всех батальонных командиров, и я смог на основании их донесений, отдать определенные приказания об отходе на новую позицию. Позиция эта была указана на высотах с. Подберезья — левее того участка, через который полк проходил 16 августа. В сумерках я разбил позицию на участки и, встретив батальоны, приказал тотчас же приступить к укреплению ее.

30 августа здесь разыгрался бой 2-й бригады 1-й Гвардейской пехотной дивизии под общим моим начальством. Лейб-Егеря усилили наш правый фланг у озерца, еще правее которого шла позиция л.-гв. Московского полка. Противник вел настойчивые атаки, пытаясь прорвать нас то в одном пункте, то в другом. Особенно угрожал он нам у озерца, стремясь протиснуться в охват нашего правого фланга. Маневрируя частными резервами и действием артиллерийского огня, мы отбили все атаки, удержав к вечеру всю линию, переходя даже местами в контрнаступление и нанося противнику очевидный урон. Несомненно помог нам и характер позиции, которая на этот раз командовала над неприятельскими подступами, тогда как под Евиопами было наоборот.

За действия в бою у госп. дв. Подберезье я был представлен к производству в генерал-майоры и впоследствии произведен с утверждением в должности командира полка и со старшинством с 30 августа 1915 года.

На следующий день (31 августа) полк был осажен в резерв, в котором оставался до вечера 2-го сентября.

Общий фронт Гвардии медленно осаживал, а центр тяжести переносился на самое Мейшагольское шоссе.

В то время, как мы дрались у Подберезья, Гвардейская Стрелковая бригада сдерживала напор немцев на шоссе Мейшаголы - Вильна — левее нас. К вечеру 30 августа противник занял Мейшаголы ("Из мировой войны", Э. Верцинского, стр. 121). В ночь на 31-е была задумана контратака. В 4 часа ночи полки 1-й Финляндской стрелковой бригады должны были начать наступление на м. Мейшаголы. Одновременно 1-я Гвардейская пехотная дивизия должна была наступать на высоту 78,3 (там же, стр. 127).

Наступление это состоялось лишь на участке финляндских стрелков и захлебнулось. В ночь на 1 сентября Гвардейская Стрелковая бригада отошла на новую позицию.

В ночь на 3 сентября часть этой позици было приказано занять, сменив Императорских стрелков, — на самом Мейшагольском шоссе и вправо от него — л.-гв. Измайловскому полку. С наступлением темноты полк подошел к тылу л.-гв. 4-го стрелкового Императорской Фамилии полка, а я выехал к штабу его. Последний, с командиром — Свиты Его Величества генерал-майором Скалоном — находился в отдельном домике в лощине, в каких-нибудь 800 шагах от передовой линии. Началась смена. Выдвинутое положение штаба стрелков, на высоте батальонных резервов и на совершенно голой местности показалось мне не заслуживающим подражания в существовавшей текучей обстановке. Случись что-нибудь и управление полком могло быть утраченным.

Когда смена была закончена и штаб стрелков отбыл, я со своим штабом отошел на полверсты или даже больше назад, установив место штаба с его обозом на опушке леса. Он расположился за третьим гребнем местности, считая с передовой линии и сейчас же вправо от шосее.

Насколько помню, наш левый фланг (2-й бат. капитана Муфеля) находился влево от шоссе, на лесном участке, входя в связь с соседним участком Гвардейской Стрелковой бригады. Центр — вправо от шоссе занимал 3-й батальон. Правее его — еще один батальон (4-й?). В полковом резерве находился тоже батальон, быть может, не полный. К этому времени слово "батальон" перестало изображать действительную силу этой единицы. После августовских боев в полку всего насчитывалось менее 1000 штыков при восьми офицерах в строю (полковн. В. П. Разгильде-

---

(1) Незадолго перед тем вернувшийся из отпуска. До того обязанности нач. штаба дивизии исполнял ген. штаба капитан Гущин, раздражавший меня своей телефонной храбростью и сообщением подбадривающих ложных сведений, вроде: "Преображенцы только что с налета взяли Гудулин!".

ев, капит. В. В. Муфель, шт.-кап. Б. В. Фомин и С. Н. Козеко, поруч. А. Д. Хомутов I, А. В. Есмантовский II, и кажется, Н. Я. Подладчиков, успевший вернуться после июльского ранения. Это заставило меня свести роты в два сводные батальоны и, как помнится, немедленно после боя 3 сентября.

Несомненно одно: длина позиции далеко не отвечала нашему слабому численному составу. В последнем резерве фактически состояло не больше двух рот, хотя, м. б., они и назывались на бумаге батальонами.

Едва роты успели утолкаться в темноте в своих окопах и их защитников окутала трудно одолимая предрассветная дрема, как противник открыл по нашему участку сильный артиллерийский огонь. Рассветало, и наблюдение становилось возможным. После первого получаса бомбардировки стало ясно, что это подготовка атаки. Наши батареи открыли ответный огонь.

Роты передовой линии, заступившие на позицию ночью, могли отдать себе отчет о впереди лежащей местности и возможных условиях боя лишь теперь, когда начался самый бой. Против центра позиции были удобные для атакующего подступы. В этом направлении немцы и повели свой удар. Вскоре после полудня им удалось вытеснить часть наших рот в центре и, таким образом, прорвать полковую позицию. Роты переходили в контратаку, но безуспешно. Однако, они имели значение — особенно контратака 4-й роты поручика Андрея Есмантовского, которая на время отбросила немцев назад (поруч. Есмантовский был за этот подвиг награжден Георгиевским оружием). Это повлияло на дальнейшие действия атакующего, ставшего осторожным.

После того как стало ясным, что нам не вернуть потерянного среднего участка первой линии, я приказал ротам занять следующий за ней гребень местности, окопаться и удерживать до крайности. В этот критический период ко мне явились батарейные командиры — мортирной и, кажется, 6-й батареи л.-гв 1-й артиллерийской бригады — с встревоженными лицами и не менее тревожным докладом: противник наступает на батареи; цепи его видны невооруженным глазом; положение батарей становится с минуты на минуту более опасным. Оба командира (досадно, не могу вспомнить их фамилий; живо стоят передо мною только красное лицо и бурные рыжие усы командира полевой батареи) испрашивали моего разрешения отвести батареи назад. Я категорически приказал им оставаться на местах и продолжать огонь. "Ну, а если немцы подойдут вплотную?" спросил меня один из артиллеристов. "Тогда стреляйте картечью", ответил я.

Представлялось очевидным, что за отсутствием резервов, артиллерия была моим последним козырем — или, как увидим сейчас, предпоследним. Помимо прекращения огня, связанного со снятием батарей с позиций, отъезд на глазах у неприятеля показал бы ему, что мы подаемся. Он, естественно, нажал бы, и тогда мы не в состоянии были бы, вероятно, оборонять второй гребень, на котором роты только-только стали окапываться.

Между тем, немцы продолжали наступать. День уже склонялся к вечеру. Противник, видимо, готовился атаковать второй гребень. Мои батареи, мортирная влево от шоссе и полевая — вправо от леса, вели огонь и несомненно охлаждали пыл противника. Однако, положение все же казалось весьма тревожным. Тут я и решил прибегнуть к своему, действительно, последнему козырю. В ответ на выдержанный доклад полкового адъютанта, штабс-капитана Порохова, что место штаба полка, с его легким обозом, становится необеспеченным, я приказал ему сформировать из всех подчиненных ему людей — обозных и даже писарей — подобие полуроты и произвести с ними наступление от леса по направлению занимаемого нами второго гребня, выдвинуться на ближайший подъем местности и там окопаться.

Через полчаса штабс-капитан Порохов лично повел цепь этой импровизированной части, и мы наблюдали, как она стройно перевалила через ближайшую к лесу складку открытой местности.

Едва ли подлежит сомнению, что наступление это не укрылось от глаз немецких наблюдателей и — в связи с устойчивостью нашей артиллерии — показало им, что мы чувствуем себя на этом участке достаточно сильными, не намерены сдавать и усиливаемся.

В результате, попытка противника продвинуться остановилась, и к ночи мы могли сказать с уверенностью, что удержали порученный полку участок, хотя и не на первом гребне. В общем, мы уступили противнику полосу глубиной около четверти версты, не более.

Поблагодарил я себя, в заключение, и за выбор места штаба полка. Не легко было бы справиться с обстановкой, если бы он был расположен на высоте частных резервов в передовой линии!

С наступлением темноты начался град тревожных сообщений из соседней слева Гвардейской Стрелковой бригады. На их стыке с ними, в лесу, положение казалось — особенно ночью — неустойчивым.

Я вел нескончаемые переговоры с начальником штаба стрелков полковником Шуберским (моим товарищем по выпуску из Пажеского корпуса и академии) и с капитаном Муфелем, отвечавшим за стык. Шла речь о "просачивании" немцев через лес в охват фланга стрелков. Но Муфель утверждал, что стоит твердо, в связи со стрелками, и принимает меры для освещения леса, за который тревожились. Повидимому, он был прав, ибо ничего серьезного за ночь в этом месте не произошло.

Вероятно, около 11 час. вечера было получено приказание отходить в Вильну по Мейшагольскому шоссе.

***

Оглядываясь теперь на мое двухлетнее боевое полководчество (сначала опыт с Козловским полком, потом с Измайловским), все более и более теперь уходящее в даль прошлого, где охладевают факты и

сглаживаются острые переживания, я вспоминаю с удовлетворением бой 3-го сентября. Здесь командиру полка было поставлено задание, при котором требовалось проявить не только одну стойкость, но еще и некоторую изобретательность, чтобы недохват материальных средств возместить игрой на психологию.

Отход начался после 1 часа ночи. Совершенно беспрепятственно и в чрезвычайной тишине полк собрался у Кабачка. Все меры были приняты к тому, чтобы противник мог обнаружить наш отход не ранее утра. Потянулись к Вильне.

4 сентября, утром полк прибыли в город Вильно, где были назначены квартиры для 1-й Гвардейской пехотной дивизии. В частности, л.-гв. Измайловский полк стал квартиро-биваком в живописном, полулесном уголке города на окраине, в предместьи Антоколь. Пока люди отдыхали и приводили себя в порядок, как на дневке, я воспользовался нашим нахождением в месте расположения штаба 10-й армии, в состав которой тогда входила Гвардия, и поехал в штаб, чтобы узнать общее положение дел. Командующий армией генерал Радкевич и его начальник штаба любезно обрисовали мне у большой оперативной карты стратегическую обстановку. Настроение в штабе казалось спокойным, но было очевидно, что Вильна эвакуируется и что защищать ее не собираются.

Вернувшись к полку, я получил приказ о предстоящем, в ночь на 5 сентября, выступлении из Вильны прямо на восток.

ВИЛЬНА — РАЧУНЫ — СМОРГОНЬ

Итак, немцы, нажимая в обход Вильны с юга от занятых ими уже Оран, заняли к северо-востоку от Вильны участок Варшавской жел. дор. в районе Свенцян и выдвинули легкие части далеко вперед с целью овладеть переправами на р. Вилии и перерезать у Вилейки линию жел. дороги на Полоцк и Бологое.

Все войска, отступавшие по южному берегу этого участка Вилии, находились под непосредственной угрозой атаки во фланг с северного берега. Нельзя было считать и другой фланг обеспеченным: противник теснил нас от Оран, выигрывая пространство.

**
*

В ночь на 5 сентября полк, выступив в 9 часов вечера 4-го, сделал, в составе очень уплотненной колонны, где артиллерия шла посредине, а пехота по обочинам, около 20 верст. Где-то, может быть в районе Лавришки, был дан, до рассвета, большой привал, после которого полк сделал еще целый переход — около 30 верст — и остановился биваком в Слободке. Прибыли сюда утром 5 сентября. Всего до Слободки было сделано около 50 верст.

Этот усиленный ночной переход стоит ярко в памяти. Мы двигались в колонне, артиллерия и пехота, сбитые вместе до такой степени, что дорога была запружена совершенно. Развести полки на широкий фронт отступления было невозможно; как кажется, в распоряжении Гвардейского корпуса было всего две дороги. Ночь была темная, хоть глаз выколи. Справа и слева, особенно слева, и даже впереди колонны, непрерывно вздымались и тухли немецкие ракеты. Ими обрисовывался безошибочно охватывающий нас фронт противника. Временами ,на каком-нибудь изгибе дороги, казалось, что мы идем прямо в пасть врагу.

Темнота увеличивала мрачность этого перехода. Со мной лично произошел необыкновенный случай: моя лошадь вдруг взяла какой-то барьер подо мной и очень чисто! Оказалось она перескочила с одной обочины дороги на другую через артиллерийские постромки. Лошади отлично разбираются в темноте, но я отдал себе отчет в происшедшем лишь по ту сторону артиллерийской запряжки.

После нескольких часов отдыха в Слободке полк выступил в Дзядыловцы, не доходя Солы, что на жел. дор. — еще около 15 верст.

Здесь, вблизи, был расположен штаб Сводно-кавалерийского корпуса. Поставив полк квартиро-биваком, я поехал в штаб этого корпуса, чтобы узнать обстановку. Было около часу дня. Командир корпуса, генерал Орановский (мой начальник в Манчжурской армии в русско-японскую войну) имел усталый вид. За обедом он посвятил меня в то, что было ими пережито в последние 3-4 дня. Наша кавалерия была выдвинута навстречу германской, прорвавшейся от Свенцян к Вилейке: "сейчас противник отброшен от Солы к р. Вилии и мы сдерживаем его у господского двора Рачуны. Очень рад, что пришла пехота сменить нас".

Признаться, я не знал, что мы должны были сменить кавалерию, но, по скором моем возвращении к полку, я убедился в верности этого.

Полку было приказано выдвинуться на г. дв. Рачуны и составить резерв дерущегося там сводного отряда. Впрочем, задача эта точно определилась только на месте. Двигались туда под вечер с готовностью вступить немедленно в бой и даже, может быть, брать силою г. дв. Рачуны.

К северу от этой отдельной господской усадьбы сдерживали противника части 2-й Гвардейской пех. дивизии (1-я бригада) и армейские части, какие — не помню. Сменены были казаки, и, вероятно, вовремя. Непосредственно за господским домом стали батареи. В доме расположилось с полдюжины штабов, в том числе и штаб Измайловского полка, с их службой связи. В лесу, за садом усадьбы, стал биваком самый полк, — общий резерв этого участка. Не полк, а тень полка — 800 человек, сведенных в два батальона, при 8 офицерах. Проходя по биваку, видел одно и то же лицо, начиная с сопровождавшего меня Разгильдеева и Муфеля и кончая последним рядовым — печать крайнего утомления. Результат напряженной работы последних десяти дней без передышки.

Чувствовалось, что полк сжался не только числен-

но, но и духовно. Но, сквозь смертельную усталость сквозило желание смотреть бодро. Улыбка отражавшая не веселость, а чувство долга.

В маленьком ,оставленном господами — молодыми супругами Ивановыми — домике, набитом штабами и телефонами, царило столпотворение... Сновали вестовые и люди с донесениями; жужжали и стонали во всех углах гудки полевых телефонов; перекрещивались наперебой так хорошо знакомые разговоры. — Это я, Московский полк, Рябчук. — Тебе говорят — шестая батарея, чудной... и т. п.; тут же непрерывный чай в чем попало и консервы. На полу всевозможнейшие пожитки от спального мешка до солдатской скатки. И мятые, продавленные и сквозные карты — двухверстки. Ко времени моего появления в дом весь пол был уже разобран. Оставалось место под роялем в зале. Завладев им, я выиграл: ночью никто не ходил по моим ногам.

Мы простояли здесь три дня. Впереди все время шел упорный бой. Немцы, видимо, не теряли надежды удержаться на нижнем берегу р. Вилии и сбить появившиеся перед ними новые части. Но последние не сдавали. Не раз Измайловцы вот-вот должны были, в свою очередь, вступить в боевую линию, но части впереди, в конце концов, справились своими собственными силами. Таким образом полк оставался в общем резерве 10 сентября, когда стало ясно, что наше положение упрочилось и немцы это поняли.

Не могу припомнить, кто из старших начальников распоряжался в бою у г. дв. Рачуны. Казалось бой вели общим дружным усилием.

В довершение картины кипящего котла в штабном домике нужно прибавить, что уступами за ним в саду стояли две батареи. Неприятельская артиллерия, отыскивая их, бросала снаряды в район усадьбы. Не раз стены домика содрагались от соседнего разрыва гранаты. Но немцам так и не удалость нащупать эти две батареи. Не было попаданий и в лесок, где стоял полк. Повезло и домику: ни один снаряд не ударил в него целиком. Если бы угодил — был бы порядочный переполох в муравейнике!

В ночь на 10 сентября (или 11-е, точно установить не могу) был получен приказ о дальнейшем отходе и об оставлении г. дв. Рачуны, но двинулись мы, как будто, только на рассвете 11-го. Кому-то из невольных гостей господского дома пришла мысль услужить его хозяевам, тем более, что названный выше Иванов, выяснилось, был офицер, и "спасти" от немцев наиболее ценные вещи. Придумано — сделано. Я увидел на дворе усердное рытье ямы вроде могилы, а затем и самое спасенье имущества, на которое немцы, по чьей-то расценке, должны были польститься после нашего ухода. В яме были погребены какие-то мелкие вещи и даже... мебель. Интересно, занимались ли раскопками немцы и вообще, что получилось из всего этого доброго намерения. Где сейчас эти господа Ивановы, у которых мы гостили под перекрестными траекториями снарядов в сентябре 1915 года?

Отходили на Сморгонь, через жел. дор. станцию Солы. Следы короткого пребывания там противника были еще ясно видны. Переход был короткий — всего верст 12. Подошли мы к Сморгони часов в 10 утра, когда солнце уже было высоко. Согласно приказа, 1-я Гвардейская пех. дивизия должна была занять и оборонять самый город Сморгонь и участок влево, т. е. к югу. Брод заняли лейб-Егеря, мы стали влево от линии железной дороги, а еще левее Измайловцев — Семеновцы. Преображенцы составили резерв.

Разбив позицию полка по-батальонно, я оставался на ней, на правом участке (1-го сводного батальона) наблюдая как роты окапываются. Со мной был полковн. Разлильдеев. Неожиданно из-за леса впереди позиции просвистели две шрапнели и разорвались — довольно точно над роющей окопы сводной ротой поручика Есимантовского 2-го (через два дня — 17-го — был ранен тяжело в голову). Затем начался обстрел этими двумя орудиями — вероятно, конными. Люди было шарахнулись, но офицеры быстро взяли их в руки и самоокапывание приняло сосредоточенный и энергичный характер.

Штаб полка расположился в каменной железнодорожной будке, в версте или полутора, позади позиции; в одной половине домика был наш штаб, в другой — Преображенского полка с его командиром свиты Его Величества генерал-майором графом Игнатьевым.

Перед Сморгонью простояли до 26 сентября, т. е. около двух недель. Противник вел обстрел позиций и тылов, но атаковал с решительным намерением не на фронте 1-й Гвардейской пехотной дивизии, а непосредственно левее — на Свиридовичи. От нас хорошо была видна эта атака. Она была отбита. На этой попытке закончились активные действия преследовавшего нас и выдохшегося неприятеля; общий фронт от Двинска выпрямился через Сморгонь и Пинск до верхнего Днестра.

Боевой порядок на нашей позиции состоял из 6-7 сводных рот, а две или одну я держал в полковом резерве. Профили окопов постепенно улучшались и потери от огня стали уменьшатся.

Вернувшись однажды в штаб полка поздно вечером после обхода окопов, я получил вызов по телефону от капитана Муфеля, который провожал меня с позиции почти вплоть до ожидавшей меня в тылу полковой брички. "Как только вы отъехали, граната ударила как раз в то место, где стоял экипаж. Позвольте вас поздравить". Я вспомнил, что действительно слышал раздавшийся позади разрыв снаряда.

По поводу Н. В. Муфеля и нашего пребывания под Сморгонью, хочу записать, что он, командуя 2-м сводным батальоном и отчаявшись в неудовлетворительном ведении ночной разведки между проволочными заграждениями — нашими и немецкими — в одну прекрасную ночь повел разведку сам. Не без юмора докладывал он мне потом об этом прикладном уроке ползанья "на брюхе" перед неприятельской проволокой.

Николая Владимировича Муфеля судьба хранила

во время Великой войны; он вышел из нее невредимым; но погиб во время гражданской — на юге России. Светлая ему память. Это был человек, владеющий, под внешним покровом мягкости, твердым сердцем прямого и бесстрашного солдата. Он принадлежал к тому драгоценному типу офицеров, в котором начальник чувствует не только подчиненного, скованного дисциплиной, но и верного друга.

(Продолжение следует)

Медали Отечественной войны и заграничных походов 1813-14 годов

(Продолжение)

А. Щитков

Березина справедливо считается последним актом трагического отступления бывшей Великой Армии Наполеона, но уже за несколько дней до этого события, 3 ноября, благодарственный манифест Российскому народу за спасение отечества извещал о бегстве неприятеля. В нем, между прочим, говорится: "...Внимая с отеческим чадолюбием и радостным сердцем сим великим и знаменитым подвигам любезных Наших верноподданных, в начале приносим Мы теплое и усердное благодарение Источнику и Подателю всех отрад, Всемогущему Богу; потом, торжественно от лица всего отечества изъявляем признательность и благодарность Нашу всем Нашим верноподданным, яко истинным сынам России". Далее в манифесте отмечаются заслуги войска, дворянства, купечества, народа, мещанства и крестьян, а также ополчений и крестьянских отрядов. Мы читаем дальше: "...великий дух и непоколибимая твердость всего народа приносят ему незабвенную славу, достойную сохраниться в памяти потомков!" и манифест заканчивается словами: "...почитаем за долг и обязанность сим Нашим всенародным объявлением изъявить перед целым светом благодарность Нашу и отдать должную справедливость храброму, верному и благочестивому народу Российскому".

Автор статьи "Нумизматические памятники Отечественной войны", напечатанной в 1962 году, пишет: "...в царских манифестах настойчиво проводилась идея о том, что Россия своим освобождением от нашествия Наполеона обязана не народу, а промыслу божьему". Очевидно он никогда не читал вышеуказанного манифеста.

28 ноября наши войска вступили в Вильно. Здесь, 25 декабря, были даны два манифеста: первый о построении в Москве церкви во имя Спасителя Христа и второй о принесении Господу Богу благодарения за освобождение Росси от нашествия неприятельского. Позволяем себе привести несколько выдержек из второго. "Войско, вельможи, дворянство, духовенство, купечество, народ, словом все государственные чины и состояния, не щадя ни имуществ своих, ни жизни, составили единую душу...". "Ныне с сердечною радостию и горячею к Богу благодарностию объявляем Мы любезным Нашим верноподданным, что событие превзошло даже и самую надежду Нашу, и что объявленное Нами, при открытии войны сей, выше меры исполнилось: уже нет ни единого врага на лице земли нашей; или лучше сказать, все они здесь остались, но как? мертвые, раненые и пленные". "Не отнимая достойной славы ни у главноначальствующего над войсками Нашими знаменитого полководца, принесшему бессмертные отечеству заслуги, ни у других искусных и мужественных вождей и военачальников, ознаменовавших себя рвением и усердием, ни вообще у всего храброго Нашего воинства, можем сказать, что содеянное ими есть превыше сил человеческих. Итак, да познаем в великом деле сем Промысел Божий". Эти слова прекрасно объясняют выбор изображения и надписи на медали 12 года.

Эту дату 25 декабря и принято считать концом Отечественной войны. Напомним, что впоследствии, 30 августа 1814 г., дан был указ Святейшему Синоду об установлении 25 декабря благодарственного праздества "в воспоминание избавления церкви и державы Российской от нашествия галлов и с ними двадесяти язык".

**
*

В январе 1813 г. наши войска перешли границу. Начались заграничные походы. Союз с Пруссией в феврале, Теплицкий договор (России, Пруссии и Австрии) в августе. Взятие, блокада и осада крепостей и городов; разные дела и экспедиции; сражения и среди них такие, как Люцен, Бауцен, Кацбах, Кульм, Лейпциг. В манифесте, данном 6 декабря в Карлсруэ, объявлялось: "Наши знамена веют на берегах Рейна и ополчившаяся против нас Европа ныне добровольно шествует с Нами".

1814 год принес сражения при Бриенне, Ла Ротьере, Шампобере, Шато-Тьери, Краоне, Лаове, Фер-Шампенуазе и другие и, наконец, последнее при Париже, который был взят 18 марта.

В манифесте 30 августа 1814 года Государь, в знак памяти содеянного победоносным воинством, пожелал ознаменовать дела его медалью с изображением на ней года и числа вступления в Париж, но только в первое 19 марта следующего царствования было повелено распределить эту медаль "в награду всем тем воинам, кои по 19 марта 1814 года в действующих

войсках состояли" (Высоч. приказ российским армиям 19 марта 1826 г.). Приказ от того же числа начальника штаба Е.И.В., бар. Дибича, указывал, что право на ношение этой медали имеют все военные чины, строевые и нестроевые, бывшие в действующих войсках в 1814 году по 19 марта, как в армиях во Франции, так и в корпусах отдельно от них действовавших, в Польской армии (Беннигсена) и в корпусах для блокады разных крепостей находившихся.

Эта медаль, работы гр. Ф. Толстого, для ношения на груди на андреевско-георгиевской ленте, имеет на лицевой стороне на лучах, исходящих из Всевидящего Ока, изображение Имп. Александра I, увенчанное лавровым венком, а на обратной — внутри лаврового венка надпись: "за взятие Парижа 19 марта 1814". Диаметр медали 28 мм., но были отчеканены медали и в 25 мм. Кроме этих официальных размеров встречаются медали в 22 мм. и т. п. фрачные в 15 мм.

***

Отметим теперь те русские медали, — кроме вышеописанных, — изображения или надписи которых связаны с историей этих лет по 1825 год включительно.

Мы уже говорили подробно о проектах медалей Оленина и о медальонах Толстого и указали те из них, которые относятся к событиям 1812 года. Остальные изображают события заграничных походов. Проекты Оленина имели сюжетом: № 6 — сражение при Кульме; № 7 — сражение под Лейпцигом; № 8 — бегство Наполеона за Рейн; № 9 — сражение под Бриенном; № 10 — сражение при Фер-Шампенуазе; № 11 — вступление в Париж; № 12 — мир с Францией; № 14 — Тройственный союз и № 15 — польза мира для художеств. Что касается медальнов Толстого, приведем находящиеся на них надписи: № 8 — Первый шаг Александра за пределы России 1813; № 9 — Освобождение Берлина 1813; № 10 — Тройственный союз. 1813; № 11 — Сражение на высотах Кацбахских 1813; № 12 — Бой при Кульме 1813; № 13 — Битва при Лейпциге 1813; № 14 — Освобож. Амстердама 1813; № 15 — Переход за Рейн 1813; № 16 — Сражение при Бриенне 1814; № 17 — Бой при Арсис-Сюр-Об 1814; № 18 — Сражение при Фер-Шампенуазе 1814; № 19 — Покорение Парижа 1814.

Изображение Имп. Александра имеются на нижеследующих медалях и медальонах:

1. Медальон в память Лейпцигской битвы. В центре головы вправо Имп. А. I, австр. имп-ра и прусск. короля. Под ними в прямоугольной рамке вид битвы. Над ними парящий одноглавый орел, держащий в клюве и лапах три лавровых венка. Справа и слева от голов по три медальона: верхний слева — поясной портрет с надписью "Князь М. Б. Барклай де Т."; под ним — голова вправо с надписью "Граф П. Х. Витгенштейн"; еще ниже — поясной портрет с надписью "Граф М. И. Платов" (симметричные медальоны справа от голов имеют изображения Блюхера, Шварценберга и Веллингтона). Ни место чеканки, ни гравер этого тонкой работы медальона — неизвестны (только русские надписи позволяют поместить его в отдел русских медалей; наше предположение, что он сделан в Вене). Диаметр 54 мм;

2. Рисунок (Шифляра) медали, напечатанный в книге "Проект медали посвящаемый российским войскам в день вступления их в Париж 1814 марта 19" П. Галахова. На одной стороне — очень сложного рисунка — аллегорические изображения событий с 1789 по 1814 г. На другой — в центре голова А. I вправо с надписью "Благословенный"; лавровый венок отделяет центр от расположенных по кругу 18 щитов с гербами России, наших союзников и всех государств, пострадавших от Наполеона; вокруг гербов по краю медали 10 эмблем (правосудия, торговли, науки и т. п.); надписи "Оживлены Тобою" и "1814 Петербург";

3. Медаль, резанная Имп. Марией Феодоровной и поднесенная Государю по его возвращении из Европы домой. Л. с. — голова А. I вправо, увенчанная лавровым венком, и надпись "Б. М. Александр I Император и Самодержец Всеросс.". Об. с. — на пьедестале с надписью "Александру Благословенному" лежат императорские регалии; у его подножья три венка; на верху в лучезарном круге Всевидящее Око и надпись "избавитель народов". Диаметр 66 мм;

4. Медаль на его кончину. Л. с. — голова А. I вправо, увенчанная лавр. венком, вокруг свернувшаяся в кольцо змея; надписи "Александр I Благословенный" и "скончался в Таганроге 19 ноября 1825". На обрезе шеи "Г. Ф. Толстой". Есть медали, на которых под подписью гравера есть слово "копия" или же "коп.в.а." (В. Алексеев). Об. ст. — Всевидящее Око, лучи от которого образуют восьмиконечную звезду; надписи — по кругу "наш ангел в небесах" и внизу "1812". Диаметр 65 мм;

5. Медаль портретной исторической коллекции. Л. ст. — голова А. I вправо с надписью по кругу "Александр Первый Император Всеросс." и имя гравера — А. Клепиков. Об. ст. — надпись "Восш. на прест. 12 марта 1801 г. Усоверш. устройст. госуд., распростр. просвещ., присоедин. к Империи Финлянд., Белост., Бессараб., Царство Польское и расшир. гран. к Персии. Спас Россию в 1812 г., восстан. мир Европы два раза в Париже. Сконч. в Таганроге 19 ноября 1825 года. Жил 47 л. 11 м. 8 д.". Диаметр 38 мм.

Медальоны с изображением Кутузова. На всех медальонах похожие друг на друга изображения Кутузова влево (№ 6 вправо) в мундире и с косой (№ 2 без косы) диаметром в 52-56 мм. (№ 4 — 39) с надписями:

1. "Генерал Фельдмаршал Князь Кутузов Смоленский". Подпись гравера: Ф. Лялин;

2. "Генерал Фельдмаршал Князь Г. Кутузов Смоленский". Гравер — Л. (Лялин).

3. "Генер. Фельд. Князь Кутузов Смоленский". Гравер — I. S. (Иосиф Сутор);

4. "Г. Фельдмаршал Князь Смоленский". Гравер см. № 3;

5. Надпись № 4. Без инициалов гравера;

6. "Князь Смоленский. Граф Витгенштейн". Их изображения друг против друга. Без инициал. гравера.

Такие медальоны — односторонние медали — были в большой моде в те годы как настенные украшения и как инкрустации для табакерок и других предметов.

Изображение Барклая де Толли мы имеем лишь на Лейпцигском медальоне (см. Александр I № 1).

Медаль в честь герц. Вюртембергского. Лиц. ст. — аллегория с надписью "Сим победиши", на обрезе подпись гравера (гр. Ф. Толстой), внизу "21 декабря 1813". Об. ст. — внутри лаврового венка надпись "Его Короленскому Высочеству Александру Виртембергскому благодетельному начальнику от С. Петербургского благодарного ополчения". Диаметр 66 мм.

Медали в честь Витгенштейна:

1. См. медальон Лейпцига (Александр I № 1);

2. См. медальон Кутузова (№ 6);

3. Медальон с грудным изображением влево в мундире. Надпись "Граф П. Х. Витгенштейн". Инициал гравера "П". Диаметр 53 мм;

4. Похожий на предыдущий. Та же надпись, но без буквы гравера. Диаметр 49 мм;

5. Иверсен упоминает о большой медали, находившейся в Эрмитаже и сделанной вероятно из пушечного ядра. На лиц. ст. грудное изображение влево с надписью "Граф П. Х. Витгенштейн", а на об. ст. поясное изображение Платова в три четверти вправо.

Медальон в честь Орлова-Денисова. Поясное изображение в три четверти вправо, в мундире. Надпись "Генерал адъютант граф Орлов-Денисов". Без подписи гравера. Диаметр 66 мм.

Мадельоны в честь Платова.

1. См. медальон Лейпцига (Александр I № 1);

2. См. Витгенштейн № 5;

3. Поясное изображение в три четверти вправо, с булавой. Надпись "Граф Платов". Без подписи гравера. Диаметр 51 мм;

4. Поясное изображение в три четверти вправо, без булавы. Надпись "Войска Донского войсковой атаман граф М. И. Платов". Без подписи гравера. Диаметр 54 мм.

И это — все. Если медали являются скрижалями истории, то можно только пожалеть, что русская медалистика не запечатлела ни большинства наших побед, ни изображений многих наших героев этой эпохи, полной славою русского оружия.

* * *

Укажем теперь, в самой краткой форме, те иностранные медали, изображения или надписи которых имеют прямое отношение к русской истории этих лет (1).

Медали отчеканенные Парижск. монет. двором, на военные события 1812-14 гг. Все они имеют на л. с. профильное изображение Наполеона, а на об. с. ф. н.: 1. Взятие Вильны 28 июня 1812; 2. Французский орел на Борисфене 1812; 3 и 4. Сражение при "Москова" (Бородино) 7 сентября 1812; 5. Вход в Москву 14 сентября 1812; 6. Французский орел на Волге 1812; 7. Отступление Армии ноябрь 1812; 8. Сражение при Люцене 2 мая 1813; 9. Сражение при Вюрцене (Бауцен) 21 мая 1813; 10. Сражение при Шампобере 10 февраля 1814; 11. Кампания 1814 года; 12. Сражение при Монтро февраль 1814; 13. Февраль 1814; 14. Нашествие 1814 март 1814. Все эти медали диаметром в 41 мм., за исключением № 4 — 54 мм. К этим французским медалям надо добавить еще одну — в память Понятовского. На л. с. его изображение с ф. н. "И. П. Понятовский маршал Франции", а на об. с. ф. н. "Смоленск, Москва, Вахау, Лейпциг. родился в Вене в 1770 умер в 1813" (40).

Медали с изображением Александра I.

1. В его честь английская. Л. с. его изображение и а. н. Об. с. а. н. внутри венка "Мститель Европы", а над венком — дуговая — "Геройский защитник своей страны" и дата — "1812". Гравер Уайон (44).

2. На союз с Пруссией. Л. с. изображения А. I и прусского короля с н. н. На об. с. четерехугольный памятник, на фронтоне — две соединенные руки, под корнизом — 5 ноября 1805; на средине памятника — русский и прусский гербы, под русским — медаль 1812 г., под прусским — железный крест; на подножьи н. н. "В уповании на Бога", н обрезе н. н. "Заключен в марте 1813", по окружности н. н. "Военный союз за независимость и благосостояние". Гравер — Лоос (36,5).

3. На его пребывание в 1813 г. в Берлине (?). Л. с. его изображение и н. н. "Александр I Император Всех Русских". Об. с. изображение прусского короля с н.н. (40).

4. На Тройственный союз. Л. с. изображения трех монархов и л. н. "Франц I, Александр I, Фридрих-Вильгельм III". Об. с. л. н. "Общие желания о благоденствии государей, советом, мужеством и единодушием которых Германия, свергнув иго чужого владычества, возвратила себе свободу и достоинство имени 1813". Гравер — Ланг. (40).

5. На Лейпцигское сражение. Л. с. три коленопреклоненных фигуры монархов, над ними парящий орел, н. н. по окружности "и Бог даровал им победу они же склонились и благодарили и молились Богу". Об. с. Дом — памятник с дуговой н. н. "немецкий светящий алтарь свободы в победный вечер" и "18 октября у Лейпцига" (57).

6. На то же событие. Л. с. изображения австр. императора и Александра I, под ними н. н. "жетон" и дуговая н. н. Об. с. вид Лейпцига, над ним парящий орел, дуговая н. н. "решительная битва союзников у Лейпцига", под обрезом "18-19 окт. 1813". Гравер — Шейнер (33).

7. Л. с. головы австр. им-ра и Александра I. Об. с. внутри венка л .н. "Франц I и Александр I импе-

(1) Принятые сокращения: л. с. и об. с. — лицевая и обратная сторона; а. н., ф. н., н. н., п. н., л. н. — надписи на английском, французском, немецком, польском и латинском языке; цифры в скобках — диаметр медали.

раторы восстановили в Европе мир и свободу". Гравер — Шмидт (73).

8. На бой при Ганау. Л. с. изображение трех монархов, н. н. "союз трех союзных монархов" и "жетон". Об. с. битва при Ганау и дуговая н. н. "Германия освобождена мужеством и единением" и "Ганау 30 окт. 1813". Жетон Лауэра (34).

9. Медаль — развинчивающаяся коробочка. Л. с. изображение трех монархов и н. н. по окружности. Об. с. аллег. фигура Германии и н. н. по дуге "красиво как немецкий дуб зеленей моего народа счастие". Гравер — Шеттнер (48).

10. Жетоны — игорные марки, сделанные нюренбергской фирмой Лауэра, с н. н. и изображением А. I на л. с., а на об. сторонах н. надписи и изображения:
а) "Рыцарь св. Георгий", поражающий дракона (24);
б) "За правое дело". Женская фигура, возлагающая венок на пирамидальный памятник с гербом Бурбонов (25);
в) "Герою награда". Церера протягивает ветку Минерве (27);
г) "Мир и счастие". Два рога изобилия (25);
д) "Якорь бодрствует счастье смеется". Якорь с крыльями (24);
е) "Сила и любовь побеждает". Амур, сидящий на льве;
ж) "Граф фон Вреде". Скачущий всадник;
з) "Генерал гр. Барклай де Толли". Скачущий всадник с мечом в руке (25);
и) то же, но всадник держит меч на плече (24);
к) "Генерал граф ф. Витгенштейн". Скачущий всадник (27).

11. На вход в Париж. Л. с. н. н. и изображения трех монархов. Об. с. изображение ворот св. Мартина и н. н. "вход в Париж" и "31 марта 1814". Жетон. Гравер — Шеттнер (38).

12. Овальная медаль на то же событие. Л. с. парящая Победа и н. н. "Бог благословил союзные войска". Об. с. н. н. "Императора России и короля Пруссии победоносный вход в Париж 31 марта 1814". (15 на 20).

13. Пребывание в Париже. Л. с. изображение Александра и ф. н. Об. с. фигура Истории записывает на скрижали, ф. н. "Пребывание Александра в Париже", в обрезе "1814". Гравер — Андрие (41).

14. Посещение Парижск. монет. двора. Л. с. изображение Александра и ф. н. Об. с. ф. н. "Александр I Император Всероссийский посещает Монетный двор 1814". Гравер — Андрие. (59 и 41).

15. На то же событие, но медальон с изобр. А. I и ф. н. Гравер — Брепэ (63 и 59).

16. Для л. с. взята л .с. № 15, а для об. с. — л. с. медали 1717 г. на посещение Монет. двора Петром I (59).

17. Медали отчеканенные в монетном отделении Монетн. двора (гравер Тиолие):
а) л. с. вензель "А. I" и ф. н. "Миротворцу Европы" и "Париж". Об. с. заштрихованный круг, на котором три лилии, и л. н. "Франция возвращена Европе" и "Апрель 1814" (42 и 27);
б) такая же, но на об. с. ф. н. "Александр возвращает Францию Европе" и "Апрель 1814" (42 и 27).

18. Медаль с л. надписями. Л. с. изображение Александра. Из надпис на об. с. видно, что она пожалована де Нобелли (участник депутации, прибывшей в русский лагерь с заявлением о капитуляции Парижа). Гравер — Нарцис (22?).

19. Первый Парижский мир. Медаль Парижск. монет. двора имеет на л. с. изображением Людовика XVIII (гравер Андрие). На об. с. вокруг алтаря, с коронами на головах, фигуры двух императоров и королей Пруссии, Англии и Франции; л. н. "Утвержденные союзом законные державы", "Мир миру" и "12 мая 1814". Гравер — Гатто (50).

20. Прибытие в Англию союзных монархов. Л. с. изображение двух императоров и королей Англии и Пруссии с л. н. "никогда не увидим вновь им подобных". Об. с. аллегория и л. н. "предзнаменование лучшего века" и "мир в Европе 1814 мая 30" (48).

21. На пребывание А. I в Англии. Л. с. его изображение и л. н. Об. с. л. н. "успокоенный мир тебя славит. 1814". Гравер — Вебб (54).

22. Тоже. Л. с. его изображение и а. н. Об. с. парящая Слава и а. н. "освободитель Европы" и "обеспечил славный мир на континенте и посетил Англию в июне 1814". Гравер В(ебб?). (42).

23. Тоже. Об. с. л. н. "гость Британии 1814". Гравер — Халлидей (54).

24. Сатирический английский жетон. Л. с. Наполеон на осле и а. н. "неразлучные друзья" и "на Эльбу". Об. с. а. н. "Император России, король Пруссии, маркиз Веллингтон, князь Шварценберг март 31. 1814" и "мы содействуем свободе".

25. На пребывание Александра I в Вене. Изображение крылатой Победы и л. н. "Александр Император Всеросс. душой и оружием соединенный с Францем Императором австрийским". Об. с. основание колонны и л. н. "благополучное времен обновление" и "украсил Вену своим присутствием в октябре 1814". Гравер — Гарнии (41).

26. Венский конгресс. Л. с. фигура Победы. Вокруг нее 14 голов (7 вправо и 7 влево) лиц, участвовавших в конгрессе. Среди них Имп. Александр, кн. Витгенштейн и гр. Платов. Вокруг голов н. н. — названия и даты сражений 1813 года. На об. с. шесть концентрических строчек. Пять из них — названия и даты сражений 1813-14 г.г., а шестая — названия взятых крепостей и городов. В средине триумфальные ворота и н. н. "медаль победы и мира к Венскому конгрессу октябрь 1814" (74).

27. На пребывание в Мюнхене. Л. с. изображение Александра и л. н. "Александр I русский император и отец". На об. с. л. н. "шурин и гость Максимилиана Иосифа короля баварского Мюнхен в месяце мае 1815". Гравер — Лош (41).

28. Восстановление царства Польского. Л. с. изображение А. I и л. н. "Александр I Имп. Всеросс. ко-

роль Польский". Об. с. л. н. "един восстановивший нам царство 20 июня 1815". Гравер — Майнерт (51).

29. Вторичный вход в Париж. Такая же, как вышеуказанный № 12, но другая н. н. на об. с. "Императора России Австрии и короля Пруссии победный вход в Париж 10 июля 1815".

30. В честь трех монархов. На л. с. Гений и парящий орел со щитом на груди; на нем изображение трех монархов; разные эмблемы; л. н. "Франц I Александр I Фрид. Вил. III" и н. н. "да здравствуют давшие всем счастие" и "бессмертна их слава". Об. с. н. н. "три звезды светят миру доброта, сила и мужество из которых произростают па окровавленной земле пальма, религия, доброта и право 1815". Гравер — Эндлетсбергер. (?).

31. На закладку памятника около Берлина. Л. с. изображение монархов и н. н. "Александр I" и "Фрид. Вильгельм III". Об. с. изображение намятника (архит. Шинкель) и н. н. "в благодарение Бога, в воспоминание своих верных союзников и в честь храбрости своего народа Фридрих Вильгельм III положил вместе с Александром I Императором России 19 сентября 1818 основание памятника славным событиям в 1813, 1814, 1815 годах". Гравер Брант (51).

В честь Кутузова. Английская медаль с его изображением и л. н. "Командующий армией князь Смоленский 1813". На об. с. в венке л. н. "пожелание общества". Гравер — Халлидей (53).

Изображение или имя Барклая де Толли мы находим на:

1. медали, отчеканенной в Берлине. На л. с. в венке его изображение с надписью лат. буквами "Барклай де Толли". На об. с. его княжеский герб. Гравер — Лоос (29);

2. двух жетонах (см. выше № 10 Александра);

3. медали, отчеканенной в Берлине. Л. с. внутри венка изображение Бранденбургских ворот в Берлине, над которым н. н. "Блюхер, Барклай де Толли, Веллингтон, Шварценберг". Внизу "1814". Об. с. внутри венка — второй венок, окружающий крест (66);

4. польской медали, поднесенной ему Варшавой. Л. с. без надписи с его изображением. Об. с. — герб Варшавы и н. н. "Признательная Варшава его сиятельству графу Барклаю де Толли фельдмаршалу русских войск 1815". Гравер — Лоос (49).

В чест гер. Вюртембергского мы имеем немецкую медальку. На л. с. фигура летящей Победы и н. н. "Бог благословил союзные войска". На об. с. н. н. "Взятие Данцига герцогом Александром Вюртембергским 2 января 1814" (15).

В честь гр. Витгенштейна:

1. см. жетон № 12 Александра;

2. жетон, л. с. — об. с. предыдущего, а об. с. н. н. в венке "игральная марка" (27);

3. Л. с. та же, что у медали в честь гер. Вюртембергского. Об. с. н. н. "около Троа Виттгенштейном и Вреде 3 фев. 1814". (15).

4. см. выше № 26 Александра I.

Медальон в честь гр. А. И. Остермана-Толстого. Изображение его и н. н. "Генерал граф Остерман". Гравер — Хебергер (45). У Иверсена указана медаль, на одной стороне которой находится вышеуказанное изображение Остермана, а на другой кн. Шверценберга.

В честь гр. Платова.

1. Жетон Лауера. Л. с. его изображение и н. н. "Гетман граф Платов". Об. с. сидящая женская фигура и н. н. "счетный пфенниг" (25).

2. Тоже, но на об. с. казак верхом (25).

3. Медаль, сделанная в Лондоне. Л. с. его изображение и "Гетман Платов". Об. с. л. н. "Грозный всадник в жестокой войне копьем обратил в бегство галлов". Гравер — Мильтон (49).

4. Тоже. Л. е. его изображение и а. н. "Князь Платов казаков генерал" и "этот победоносный командир сопровождал своего государя в его визите июнь 1814". Об. с. скачущий казак и а. н. "атакующий казак" и "неустрашимый, решительный и храбрый, преданный слуга своего императора и своей страны" (43).

5. См. выше № 26 Александра I.

6. Медальон. Его изображение и н. н. "Гетман граф Платов". Гравер — Хеубергер (55).

В чес т барона Ф. К. фон Теттенборн. Л. с. его изображение и н. н. "генерал Теттенборн". Об. с. внутри венка н. н. "На память о восстановлении Германии 1813". Гравер — С.Д.С. (29).

В честь А. И. Чернышева.

1. Медалька со скачущим всадником на л. с. и н. н. "Чернышевым" и "4 марта 1813". На об. с. фигура Победы и н. н. "Берлин от французов освобожден" (15). Есть вариант: об с. с надписью "Берлин освобожден от французов".

2. Медалька. На л. с. фигура Победы и н. н. "Бог благославил союзные войска". На об. с. н .н. "между Любницем и Белцигом Чернышевым и Гиршфельдом 27 авг. 1813 (15).

Медали в честь М. С. Воронцова. И. И. Алексеева и П. П. Каблукова. Граф Воронцов был с 1815 по 1818 г. командиром отдельного корпуса, оставленного во Франции для поддержания порядка. Перед уходом корпуса графу и его помощникам были поднесены золотые медали. Все они имеют на л. с. изображение Людовика XVIII, а на об. с. венок и две нижеследующие надписи (первая по кругу снаружи венка, вторая внутри его):

1. "поднесена от округа Ретель г. де Фурман супрефектом в знак уважения и признательности" и ";его превосходительству главнокомандующему графу Воронцову который спас Ретель в 1814 и всегда ему покровительствовал. 1 ноября 1818" (46);

2. "поднесена от округа Вузье г. де Вильдермет супрефектом в знак уважения и признательности" и "его превосходительству главнокомандующему графу Воронцову командиру русской оккупационной армии. Вузье 1 ноября 1818" (46).

3. "округа Ретель и Вузье в знак уважения и признательности" и "поднесена его превосходительству

генерал-лейтенанту Алексееву г. г. де Фурман и де Вильдермет супрефектами. 1 ноября 1818" (41):

4. "округ Вузье в знак уважения и признательности" и "его превосходительству генералу Каблукову поднесенная супрефектом Вузье 1 ноября 1818" (41).

На уход союзных войск Париж. монет. двор тоже выпустил медаль с изображением на л. с. Людовика XVIII и с надписью на об. с. "Вспомогательные войска отозваны до срока установленного договорами. 9 октября 1818" (50).

В заключение отметим еще две медали, на которых имеются изображения русского герба:

1. Овальная медаль с ушком. На л. с. четыре щита с гербами России, Австрии, Пруссии и Швеции, над ними л. н. "всякому свое", а под ними н. н. "Германия 1813". На об. с. н. н. "крепость есть наш Бог", над которой, в кругу с лучами, треугольник, внутри которого еврейская надпись "Иегова". Ашик пишет, что эта модаль, для ношения в петлице, в память битвы при Лейпциге для награды воинов, а Холодковский, что она чеканилась в серебре для роздачи всему особому легиону добровольцев, собранному и вооруженному городами Гамбургом, Бременом и Любеком (27 на 31).

2. Медаль Париж. монет. двора с изображением на л. с. Людовика XVIII. На об. с. щит с гербами России, Франции, Австрии, Англии и Пруссии; л. н. "объединены священным союзом", "союз Европы для обеспечения прочности государств" и "присоединение Франции в ноябре 1815 (50).

(Продолжение следует)

К вопросу о русских государственных цветах

Н. Пашенный

В статье "Кокарда", помещенной в № 57 "Военной Были", автор ее, Е. С. Малло, поставил вопрос об объяснении черно-оранжево-белой расцветки нашей военной кокарды, а также плюмажей, офицерских шарфов и иных тому подобных предметов. При этом автор статьи указывает, что "черно-оранжево-белые цвета, ставшие излюбленными в русской армии с 1815 года, не георгиевские и не романовские".

По этому поводу представляется уместным делать следующие дополнения и уточнения.

Прежде всего следует напомнить, что расцветка таких предметов, равно как знамен и флагов, по общему правилу соответствует национальным цветам данной державы, т. е. тем, которые входят в ее государственный герб.

Между тем, в России вопрос об определении наших национальных цветов периодически получал разное толкование и в конце Империи окончательного разрешения так и не получил; фактически "национальными" цветами считались белый, синий и красный, а "государственными" или "имперскими" — черный, желтый (оранжевый) и белый.

Каково же происхождение этих цветов?

Прежде всего, что касается последних, известно, что великий князь Иоанн III Васильевич, вступив в брак с греческою царевною Софией Палеолог, племянницей последнего византийского императора Константина XII и единственной из оставшихся в живых отпрысков династии Палеологов, счел себя преемником ее православно-самодержавной традиции. Внешним выражением этой преемственности явилось принятие Москвой "за знамя" византийского государственного герба, т. е. двуглавого орла, с присоединением к нему (на груди орла) прежней московской эмблемы — всадника, поражающего копьем змия (1).

Двуглавый орел был черного цвета на золотом (желтом) фоне; всадник же изображался на белом коне, в лазуревой мантии, на червленном фоне.

Надо заметить, что хотя Св. Георгий Победоносец издавна почитался покровителем московского воинства, однако, упомянутый выше всадник стал с ним отожествляться много позднее. Как в официальных актах, так и в обиходе, эта фигура называлась "ездецом" и должна была аллегорически изображать могущественного государя — "царь на коне победил змия", или, в более широком смысле, торжество Москвы над внешними врагами.

Только в 1729 году, при представлении гр. Минихом в Военную коллегию государственного герба, вновь Высочайше утвержденного образца, было определено, что помещенный на груди двуглавого орла Московский герб, т. е. всадник поражающий змия, долженствует изображать Св. Георгия.

Происшедшие в течение веков многократные изменения формы и атрибутов нашего государственного герба, совершенно не коснулись входивших в него геральдических цветов, но периодически преобладающее значение придавалось то основным — черному и золотому (желто-оранжевому), с добавлением в некоторых случаях белого — по масти коня Св. Георгия, то цветам московским — белому синему и красному.

Этих цветов был флаг на первом военном корабле, построенном при Царе Алексее Михайловиче. Впрочем, как высказываются некоторые исследователи, есть много вероятия, что решающее значение тут сыграли вовсе не какие-либо геральдические соображения, а совет капитана корабля, голландца Бутлера,

---

(1) Двуглавый орел стал византийским гербом в IV в. при Константине Святом, дабы показать, что Империя хотя и разделившаяся, все же составляла единое целое. В России, он стал символом неразделенности ее европейской и азиатской частей. После падения Византии ее двуглавый орел был усвоен в качестве государственного герба не только Россией, но Албанией, Валахией, Сербией, Черногорией и Эпиром.

который, при обсуждении вопроса, естественно высказался за выбор цветов национального флага своей родины, но в обратном сочетании. Так или иначе, первый русский флаг был бело-сине-красный с нашитым на нем изображением золотого двуглавого орла.

Под таким флагом Петр I начал плавать на "Дедушке русского флота"; под этим же "стандартом" он командовал, в 1716 году, союзным флотом в знаменитом сражении при острове Борнгольме. Что касается кормовых флагов, то указом от 5 января 1705 г. (дополненным указом от 20 января того же года) было повелено: "быть на торговых судах... знаменам по образцу, каков нарисован и послан под сим Его Великого Государя указом..., а если кто учинится тому Его Великого Государя указу ослушен, тому учинено будет жестокое наказание". Флаг этого образца, сделанный по личному рисунку Царя, был бело-сине-красный. С добавлением по диагонали Андреевского креста он являлся и кормовым флагом военных судов вплоть до 1712 г., когда был учрежден белый Андреевский военно-морской флаг.

Хотя установлено, что в некоторых случаях в петровском флоте поднимался и желтый штандарт с черным двуглавым орлом, что дает основание предполагать, что Великий Преобразователь до некоторой степени считался с упомянутым выше основным геральдическим принципом, однако из изложенного видно какое предпочтение он отдавал бело-сине-красным цветам. Это подтверждается и тем, что введенные в армии, в 1700 г., шарфы и темляки были тех же цветов, впрочем, видимо, без формального на то предписания.

Отдавал ли Петр предпочтение этим цветам потому, что придавал больше значение цветам "московским", нежели "византийским", или сказывалось в данном случае, как и во многих других, влияние любимой им Голландии, остается неизвестным. Оба мнения имели своих сторонников, причем первое, как увидим дальше, горячо защищалось в последний период Империи, когда определение наших национальных цветов обсуждалось в правительственных комиссиях.

Что же касается кокард, то они впервые появились во время коронации Екатерины I в 1724 году, о чем упоминается в записках Петра Брюсса, изданных в Лондоне в 1782 году: "Для придания блеска коронации был сформирован отряд кавалеристов или кавалергардов... из 60 капитанов под командой ген.-лейт. Ягужинского. Они были в великолепных мундирах и имели на шляпах белые кокарды".

Никаких иных документальных данных о кокардах, при Петре и его ближайших преемниках, не сохранилось: потому вернее всего что, вне упомянутого случая, когда они, видимо, имели чисто декоративное назначение, их вообще в ту эпоху в нашей армии не было.

Весьма существенные распоряжения в этом отношении последовали лишь при воцарении Императрицы Анны Иоанновны. Так, указом от 17 августа 1731 г. "о приготовлении на полевые и гарнизонные полки мундиров", повелено было: "В драгунских и пехотных полках шляпы иметь с белыми шерстяными галунами без шнура, а вместо того шнура нашивать на левой стороне белый шерстяной бант, ибо оный Российский полевой знак". Таким образом, по примеру европейских армий, кокарда объявлялась обязательной принадлежностью нашего военного обмундирования, как эмблема воинской чести, причем преемственно сохранялся цвет первых петровских кокард.

Далее в том же указе (параграф 31) значится: "Шарфы делать такие, как ныне у инфантерских офицеров имеются — или из двух цветов, именно штаб-офицерам красного цвета с серебром, а обер-офицерам красного и белого шелков, или по Российскому гербу: штаб-офицерам из черного шелка с золотом, а обер-офицерам из черного с желтым шелка".

Наконец: "Всем (т. е. офицерам) иметь шляпы с галуном золотым образцовым и с кисточками золотыми с черным полем и с белым бантом волосяным. Темляки золотые".

Оставляя в стороне необъяснимую для нас причину допускавшегося указом альтернативного выбора цветов, важно, что черный и желтый впервые официально здесь упоминаются, как Российские гербовые цвета, согласно западно-европейскому геральдическому принципу.

При Императрице Елизавете Петровне никаких нововведений в этой области не произошло.

В краткосрочное царствование Петра III, наряду с новой черно-желтой кокардой, сохранилась и белая, о чем свидетельствуют уцелевшие портреты и шляпы государя, также как и архивные документы о постройке на полки одежды за 1762 г.

В царствование Екатерины II, как значится во всех табелях мундирным вещам частей разных родов оружия с 1763 по 1796 г. (и в т. XVI, стр. 852 Полн. собр. зак.) — кокарды были только белые.

Что же касается ордена Св. Великомученика Георгия, то по этому поводу приводим мнение знатока вопроса А. Языкова (О русском государственном цвете, СПб., 1858): "Когда Великая Законодательница 26 ноября 1769 года учредила сей военный орден, то в указе повелела, чтоб лента к нему была из трех черных и двух желтых полос. Нет причины сомневаться, что по великому смыслу, придаваемому Ею сему ордену, она избрала эти цвета, как проистекающие из цветов государственного герба, а самый крест Георгия — в память московского герба, соединив тем столь много дорогого для чувств российских подданных". Цитированный автор также указывает, что, при пересмотре в 1833 г. орденского статута, гр. Литта, кав. 3 ст., заявил: "Бессмертная Законодательница полагала, что лента, сей орден изображающая, соединяет цвет пороха и цвет огня". Однако, оратор не уточнил, когда и где Императрица так высказалась.

При восшествии на престол Императора Павла I, повелено было вернуться к черно-желтой (оранжевой) кокарде, которую начал вводить Петр III. В указе

от 29 ноября 1796 г. (т. XXIV. гл. IV и V. Полн. собр. зак.) значится: "шляпы носить отороченные узким золотым плетешком, бант из черных и оранжевых лент". Далее: "на гренадерских шапках быть черной и желтой кисти".

С этого же времени оба эти цвета получили самое широкое применение во всех принадлежностях военного обмундирования, как-то шарфах, темляках, этишкетах, генеральских султанах и т. п. (2).

В следующее царствование никаких изменений в этом отношении до 1811 г. не последовало. По победному же завершению борьбы с Наполеоном, Император Александр I повелел присоединить к двухцветной черно-желтой (оранжевой) кокарде третий — белый (серебряный) цвет, дабы, как говорит уже цитированный нами автор, тем самым воздать день признательности Петру Великому, как основателю Российских регулярных войск, столь доблестно подвизавшихся по его заветам в войне 1812-14 г.г.

Таким образом, с одной стороны восстанавливалось воспоминание о первой белой кокарде Петра и о "полевом знаке" победоносных войск Императриц, с другой, как говорит тот же автор (А. Языков), это дополнение российских основных геральдических цветов в кокарде образца 1796 г. имело в виду "не оставить в тени и прежний Российский герб" — Св. Георгия на белом коне.

На основе тех же цветов, ту же расцветку получили шарфы, плюмажи и другие принадлежности обмундирования.

При Императоре Николае I в армии введены были кокарды для ношения на фуражках: в следующее царствование они были присвоены и гражданским чинам, той же расцветки, но круглой формы.

Наконец, указами Императоров Николая I и Александра II черный, желтый и белый цвета были, казалось, окончательно, объявлены российскими государственными цветами. Как таковые они были усвоены и для официального русского флага, но с сохранением бело-сине-красного, получившего наименование "коммерческого", для торговых судов.

Однако, эти новые предписания на практике соблюдались весьма относительно. За границей "коммерческий" бело-сине-красный флаг нередко отожествляли с национальным, что приводило к пользованию им при всякого рода официальных манифестациях, касающихся России. То же самое происходило в ней самой, особенно при Императоре Александре II, когда частным лицам фактически предоставлялась вывешивать тот или иной флаг по собственному их выбору ,о чем, кстати сказать, свидетельствуют некоторые современные картины и другие документы. Порожденная таким послаблением двойственность особенно ярко проявилась во время коронации 1856 года.

Вступивший на престол Император Александр III сразу повелел с этим покончить, объявив бело-сине-красный флаг единственным законным русским флагом.

Это решение было подтверждено Императором Николаем II 27 апреля 1896 года, на основании доклада Особого Совещания под председательством генерал-адъютанта адмирала Посьета, пришедшего к заключению, что черный, желтый и белый цвета вообще лишены геральдических и исторических основ.

Такое категорическое заключение вызвало ряд представлений о недостаточной его обоснованности и, ввиду вескости приведенных аргументов, в 1911 году вопрос был передан на рассмотрение нового Особого Совещания, образованного из представителей Департамента герольдии, Главного управления генерального штаба, Морского министерства, Оружейной Палаты и Эрмитажа; председателем Совещания был тов. министра Юстиции А. Н. Веревкин.

К сожалению, предпринятое Совещанием всестороннее изучение вопроса не было закончено из-за войны и революции. Все что мы знаем о его работах — это свидетельство единственного из бывших в эмиграции членов Совещания — ген. А. П. Григорвича, согласно которому оно "склонялось к признанию черно-желто-белого флага государственным".

Это ценное свидетельство сохранилось благодаря неутомимому исследователю отечественной старины, покойному Вл. К. Абданк-Коссовскому, не упустившему своевременно о том запросить ген. Григоровича. Об этом он поведал в своем обстоятельном очерке "О российском гербе и флаге" (Возрождение, тетрадь № 49, январь 1955), с добавлением следующих строк: "В 1913 г., когда Россия праздновала 300-летие царствования Дома Романовых, по указу Государя Императора, в знак единения царя с народом, было помещено в правом верхнем углу бело-сине-красного флага изображение черного двуглавого орла на желтом поле. Подобное сочетание государственного штандарта с бело-сине-красным флагом принятое независимо от решения Особого Совещания, было подтверждено Высочайшей волей и в начале войны — 9 сентября 1914 года".

Отдавая должное широко известной компетентности автора, эти сведения представляются нам не совсем правильными. Никокаго официального текста по сему поводу, в связи с 300-летием Дома Романовых, нам обнаружить не удалось. Что же касается "подтверждения Высочайшей воли" 9 сентября 1914 г., то опубликованный в этот день текст есть не более, как объявление петроградского градоначальника, которое гласит:

"Его И. В. Государю Императору благоугодно было всемилостивейше разрешить употребление в частном быту флагов, изображающих символ единения Царя с народом. О таком Высочайшем соизволении объявляю во всеобщее сведение".

---

(2) Кроме того Имп. Павлом приказано было караульные дома, будки, шлагбаумы и верстовые столбы окрасить шахматным порядком двумя цветами — черным и белым, а по линиям этих цветов обвести чертою красного цвета. Официального объяснения этих цветов не последовало, но полагали, что они самые подходящие для обеспечения наилучшей видимости означенных предметов.

Из этого текста с полной очевидностью вытекает, что никакого Высочайшего указа по этому поводу в 1913 году быть не могло; также, что флаги означенного образца отнюдь не имели официального характера.

Возвращаясь к Высочайшим повелениям 1881 и 1896 г.г., напомним, что они узаконили белый, синий и красный цвета единственно в отношении флага. Потому, черный, желтый и белый цвета продолжали оставаться "государственными".

Эти цвета сочетались в бахроме и кистях государственного знамени и в кайме обвивавшей его древко; в украшениях коронационного балдахина (16 букетов из страусовых перьев, ленты, шнуры, кисти), подушек для перенесения государственных регалий и других атрибутов придворного церемониала, как-то, повязках и шарфах герольдов и т. п. Императорский штандарт оставался желтым с черным двуглавым орлом.

Черно-желто-белая лента была присвоена трем медалям в память событий особого государственного значения, а именно: подавления польского мятежа 1863 года, похода эскадры адмирала Рожественского и 300-летия царствования Дома Романовых. Именно это последнее обстоятельство объясняет широко распространившееся, но совершенно ошибочное мнение, что черный, желтый и белый цвета суть фамильные цвета Дома Романовых.

Характерным доказательством интереса, которое современное русское общество проявляло к этому вопросу, а с другой стороны путаница, которую печать вносила своей неправильной и, пожалуй, несколько тенденциозной информацией, служит редакционная заметка, под заглавием "Юбилейная медаль", появившаяся в такой крупной газете как "Новое Время" 21 февраля 1913 г., т. е. почти накануне опубликования официального положения о новой медали (23 февраля 1913 г.).

Приводим эту любопытную заметку. "В настоящее время выяснился вопрос о юбилейных лентах к медали в память 300-летия Дома Романовых. Первоначально предполагалось избрать ленту цветов черно-желто-белой с наименованием ее Романовской. Это предложение, сделанное в специальной комиссии, встретило в ее же среде сильную оппозицию по следующим основаниям. Герб рода Романовых заключает в себе красного грифа на белом поле, т. е. гербовыми цветами рода Романовых является белый и красный, а не черно-желто-белый ,как хотят доказать сторонники, якобы геральдических правил, ибо цвета считаются по главной фигуре и полю, на коем эта фигура помещена, а не по рамке, окружающей герб. Эта рамка черного цвета с золотыми и серебряными львоми, но эти цвета не могут итти в расчет при выборе цветов по гербу.

Решено взять ленточку ордена Св. Андрея Первозванного, который учрежден первым русским Императором, Петром Великим, на основании сказания, что апостол Андрей посетил место, на котором возрос потом город Киев. Такая ленточка будет освящена религиозным происхождением и не пойдет в разрез с веками освященным флагом бело-сине-крансым, который стал совершенно естественным образом общим священным флагом всего русского народа и всего славянства".

Итак, даже "Новое Время" забыло о существовании наших "государственных" цветов и видело их только в рамке герба Дома Романовых...

Так или иначе, несомненно, русское национальное сознание сроднилось с бело-сине-красным флагом, ставшим после государственной катастрофы знаменем борьбы за возрождение Великой России.

О Преображенском марше

Союзу Преображенцев в 1961 году стало известно, что великобританским полком Королевской Морской пехоты официально усвоен для исполнения в соответствующих случаях, при прохождении церемониальным маршем, Преображенский марш.

Заинтересовавшись этим, Преображенцы письменно обратились к командиру означенной части, прося его не отказать в любезности сообщить им историю введения этого марша в число официально исполняемых маршей.

В ответ на это обращение, вскоре был получен от командира Королевской Морской пехоты, генерала сэра I. Ричшес, любезный ответ, к которому была приложена справка, заключающая нижеследующее сложное объяснение.

"Российский Великий Князь Сергей (Александрович), командовавший Преображенским полком, был в супружестве с Принцессой Елисаветой (Федоровной), сестра коей была маркиза Виктория Мильфорд-Хевен.

Преображенский полк был первым полком России. Адмирал флота граф Моунбаттен-Бирманский, как племянник Великой Княгини Елисаветы Феодоровны, считал себя имеющим связь с Преображенским полком.

Между тем Король испанский Альфонс XIII, женатый на двоюродной сестре лорда Моунтбаттен, в порядке семейных отношений с Великим Князем Сергеем Александровичем, получил музыку марша и пожаловал ее своему полку Алебардщиков испанской Королевской гвардии, почитавшей себя старейшим полком воинства Европы. В 1934 году он передал марш командору лорду Луису Моунтбаттен (графу Моунтбаттен, как он тогда величался), в целях присвоения его Королевской Морской пехоте.

С тех пор Преображенский марш исполняется оркестром этой части всегда в честь присутствия, пере-

давшего его, лорда Моунтбаттен. Недавним случаем был парад 9-го и 10-го июня 1958 г., по случаю пожалования лорда Моунтбаттен в звание Первого Лорда Адмиралтейства. Затем, он был исполняем, опять же в его честь, в августе 1959 г., в Торонто в знак его присутствия на параде по случаю прибытия в Канаду морских вооруженных сил Н.А.Т.О. и в марте 1961 г., в Гонолулу, при посещении им главнокомандующего тихоокеанскими вооруженными силами.

Хотя Преображенский марш особо связан со случаями личного присутствия лорда Моунтбаттен, он исполняется на парадах Королевской Морской пехоты в других соответствующих случаях и постепенно ею усвоен, ввиду представляемого им интереса, как в смысле воинском, так и со стороны музыкальной".

***

В октябре 1962 г., при вторичном письме, генерал сэр Г. Ричиес переслал Союзу Преображенцев магнетофонную ленту, воспроизводящую марш, наигранный оркестром находящегося под его командованием полка Королевской Морской пехоты, специально в целях преподнесения его Преображенцам.

Выписка из извещения Союза Преображенцев, предоставленная для "Военно-Исторического Вестника" секретарем Союза, поручиком графом Д. С. Татищевым.

Последний бой Императорской армии

(Отрывок из личных воспоминаний)

Н. ГРАНБЕРГ

В июне 1917 года, Императорская Русская Гвардия, переброшенная в район Тарнополя, предназначалась для участия в ударе по позициям противника.

Гвардейская артиллерия был временно отделена от своей пехоты и придана армейским корпусам первой линии для усиления их артиллерии.

Вторая батарея л. гв. Стрелковой артиллерийской бригады, иначе артиллерия Гвардейской Стрелковой дивизии, входившей вместе с 3-й гвардейской дивизией в состав 2-го гвардейского корпуса, должна была занять позицию на участке в районе Бржезаны.

Стояла дивная летняя погода. Тихий вечер догорал в красноватых лучах заходящего солнца. Узкая деревенская дорога шла по опушке кудрявого леса параллельно фронту, который был в двух километрах от нее. Мы решили занять этот лес. Осторожно, запряжка за запряжкой, втягивались орудия и зарядные ящики с дороги и устанавливались под деревьями. Для офицеров и солдат разбивали палатки. Через час все было устроено. Из походной кухни раздавали ужин.

Этот боевой участок, куда нас забросила война, был переполнен войсками. Все деревни были заняты: за каждой горкой, за каждым леском, декорированные зеленью и ветками и камуфлированные пестрыми брезентами, стояли рядами тяжелые батареи: шестидюймовые гаубицы, 42-х-линейные пушки, тракторные батареи — все то, что до сих пор считалось редкостью, вдруг теперь оказалось здесь готовым к действию.

За 1916 и 1917 годы артиллерийская техника далеко шагнула вперед. Полевая артиллерия получила орудия таких калибров, о которых раньше говорилось как о крепостных. Целая серия тяжелых полевых пушек была введена на вооружение полевой армии. Шестидюймовые гаубицы и 42-х-линейные пушки стали штатной артиллерией корпусов. Эти великолепные орудия, подвижные и легко применяющиеся к местности, появились всюду. Но это было не все. Требования мощной артиллерии возрастали. Появились особые батареи дальнебойных восьмидюймовых орудий, передвигавшиеся с помощью тракторов. Были впервые получены новые модели и более крупных калибров.

Под энергичным руководством Полевого Инспектора Артиллерии, Великого Князя Сергея Михайловича, был создан мистический 48-й корпус "ТАОН". Под этим названием скрывались около 340 орудий "тяжелой артиллерии особого назначения". Какие калибры входили на вооружение "ТАОН", было строго обеспечено тайной.

То, что мы видели вокруг себя, заставляло предполагать, что все выходило за пределы того, что было раньше. Зная ударную силу русской пехоты, на фоне этой артиллерии, успех, при нормальных условиях, был бы почти гарантирован. Так думали все артиллеристы. Но действительность — увы — показала, что не в одной артиллерии и снарядах заключался залог успеха.

***

Вечерело. Группа офицеров стояла на пустом, раскинувшимся по волнистой местности, поле. Командир батареи, молодой полковник Радкевич, вместе со старшим офицером батареи, автором настоящего очерка, осматривали выбранную разведкой позицию и слушали доклад офицера-разведчика. Тут же стоял командир 1-го дивизиона, полковник Куликовский. Офицер-разведчик был взволнован. Его выбор позиции не удовлетворил начальство.

"Плохо... Тут нельзя ставить батарею" — замечает командир дивизиона: "Здесь ее сразу собьют, так как она видна противнику, вот с той горы".

— Трудно найти что-нибудь подходящее, — докладывает поручик Бутовский, офицер-разведчик, — всюду все занято, господин полковник.

В это время старший офицер замечает довольно обширную лощину, никем еще не занятую.

"Вот здесь можно поставить батарею, но нужно хорошо зарыться, нужно делать бруствер, строить редут. Сделать полумаскированную позицию", докладывает старший офицер.

"Ну ладно, валите, ставьте батарею, но будьте осторожны, не давайте людям болтаться", решает командир дивизиона.

Далеко, так с полверсты, по пологой долине в сумерках были видны подъезжающие шагом запряжки орудий и зарядных ящиков. Телефонисты начали устанавливать связь. Работа закипела. Десятки номеров копали землю, уходя глубже и глубже в строившийся "редут".

"Это все хорошо, ну, а где наблюдательный пункт?" — спрашивает командир батареи.

Офицер-разведчик указал налево, на высокую гору.

"Да, но там должно быть тесно. Оттуда, как видно, вся артиллерия наблюдает. Николай Иванович, пройди, будь добр, посмотри, а я поищу, нет ли чего поближе", — и командир батареи пошел в поле.

Старший офицер вместе с разведчиками направились к указанной горе и пехотным окопам.

От батареи до окопов было совсем близко. Не успели оглянуться как уже увидели землянки батальонного резерва. Под скатом оттуда на гору шел глубокий ход сообщения. Концентрация артиллерии для первого "революционного" прорыва была основательна. Уже до входа в ход сообщения было ясно, что подготовлялось что-то особенное.

Эта гора, откуда все было видно, привлекла всех артиллеристов. На кольях, на жердях, по земле, на высоких и низких подставках всех видов, как паутина, тянулись к этому входу телефонные провода. Обращало внимание, что вместо полевого кабеля некоторые артиллеристы употребляли для прочности железный провод на кольях с изоляторами. Была даже применена колючая проволока. Стены хода сообщения были снизу доверху полны тянувшихся проводов, подвешанных на колышках, вбитых в стену хода. Здесь и там батареи отмечали свои провода цветными тряпочками или особым родом кольев. Вид был потрясающий...

"А что же будет, если сюда влепит чемодан?" — замечает один из разведчиков: "все порвут, смешают, своего провода в этой каше и не найдешь. Тут и не починишь. Коряво..."

Идем дальше. Вышли на гору; всюду торчат стерео-трубы, всюду телефонисты, везде наблюдательные пункты бесчисленных батарей. Смотрим через бруствер, ориентируемся. Вот там — противник. Все видно как на ладони: и свои и противник, до мельчайших подробностей. В уже спускавшихся сумерках, без теней, открылась панорама будущего поля сражения, будущего знаменитого "прорыва Керенского"...

Быстро и уверенно рождается на полевой книжке панорамный примерный эскиз, с указанием проволочного заграждения противника па светлых кольях в два, три, четыре, пять и даже больше рядов. Это наша, артиллеристов, предстоящая работа — уничтожить это заграждение.

Панорамный снимок простой и ясный, все видно и все ясно, каждый кол проволоки, все окопы и ходы сообщения. Прекрасно, но холодная оценка дает критику. Слышу разговор.

"Слушай, это не ладно здесь сидеть".

— Почему?

"Разве не видишь? Здесь забито, здесь все сидят в куче. Сюда запалят сразу и все потекут. Тут не посидишь".

— Наша задача проволоку бить и отсюда наблюдатель будет руководить стрельбой, а командиру здесь не место.

"Командиру надо другое место искать".

Приказав вести телефоны с передового наблюдательного пункта на батарею, мы пошли домой. Беспокойно глаза осматривают дорогу, по которой пришли. Уже темно. Громыхая едут пехотные кухни. Чины без отличий и петлиц серыми призраками маячат за ними.

"Ну-ка, дядя, какого полка?"

Он и не понимает, что ему говорят; вид здоровый и крепкий — хоть куда, но в голове, наверное, суп, как в его дымящейся кухне. Отвечает, сбиваясь, по-польски... что-то вроде — 104 дивизия и непонятный по имени полк. 104-я дивизия... Номер сулит мало хорошего. Такого номера еще не встречали. Кто они, откуда, какая коренная их дивизия? Это наверное к 104-й дивизии принадлежит артиллерия вооруженная японскими орудиями, которую мы видели сегодня. При этих японских орудиях — горы патронов, чего раньше мы никогда не видели. Значит эта дивизия и будет атаковывать...

Идем по дороге обратно откуда пришли. Я, подпоручик Моцарский, старший разведчик подпрапорщик Шевченко, кавалер георгиевского креста 4-х степеней, два наблюдателя — Вехов и Пикуза — оба нагруженные треногами и кожаными чехлами приборов. Пикуза распускает провод с тяжелой катушки. Далеко сзади двое других устраивают провод в стороне по голому полю.

Вдруг среди темноты — ясный голос поручика Сулимы-Самуйло: "Батарея, угломер 38,65 наводить по вехе". Мы все, как один, шарахнулись в стороны, так как были перед фронтом наших орудий. "Эй, стой! Свои!" Запыхавшись, выходим к фланговому орудию. Сулима улыбается и говорит: "Я не стреляю. Командир приказал параллельный веер построить".

Смотрю с удовольствием на фронт орудий. Не даром говорят, что война это лучшая школа для войск. Орудий спереди и сверху нельзя было видеть. Они стояли теперь глубоко в земле ,а спереди на сетках были наброшены солома и трава, под цвет поля. Глубокие ровики чернели по бокам. Все устроено по всем правилам, добытым уроками войны. Я еду вдоль ору-

ций, похваливая направо и налево. Вот он этот, орудийный расчет, столь знакомый уже годами с самой Стрельны. Здесь те новобранцы, которых я сам привел из Михайловского манежа в 1913 году и которых сам учил артиллерийской науке. Они солдаты первого сорта. Это и видно. Они тоже, конечно, знают "про революцию и свободу", но здесь на позиции этим некогда заниматься.

Несколько номеров, побрякивая манерками, побежали к далеко остановившейся кухне. От крайнего орудия тонкой струйкой побежал дымок — грели чай. Вечер наступил, только за гребнем горы, где был "немец", горело еще небо пламенем заката.

На фронте и кругом ни звука, ни выстрела. Тишина, какая бывает вечером на даче после знойного дня.

"А где командир? Наверное разнюхивает окрестности и присматривает для себя наблюдательный пункт. Шевченко, пойдем посмотреть. Возьми Вехова".

Медленно пошли от батареи вправо, где были горки. Сразу в пятидесяти шагах от крайнего орудия поднимался обвалившийся ход сообщения. Это были остатки старых окопов, может быть, после Брусиловского наступления 1916 года, или еще раньше, с 1914 года. Ход, извиваясь поднимался на маленькое возвышение, откуда по силуэтам и по глазомерной оценке можно было заключить, что будут видны все окопы противника, кроме первой линии. Случайно, сразу напали на хороший командирский наблюдательный пункт: батарея рядом, командир видит все поле сражения, кроме первой линии, но наблюдатель поможет...

Иду по ходу и натыкаюсь в нескольких шагах на козырек из толстых бревен. Прекрасно! Даже готовое укрытие для командира нашли.

Издалека послышались голоса. Наверху, вдоль хода, шел командир батареи, полковник Александр Николаевич Радкевич. Наш новый комадир — прелесть. Он покладиствй, веселый, с громадным запасом здорового юмора. Он сразу схватывает мой доклад.

"Там на горе сидеть глупо — все в куче. Пехота неизвестная и еще неизвестно, кто против нас: немцы или австрийцы. Кроме того здесь все видно и близко от батареи".

— Конечно, ты прав — будем здесь. Если будет нужно, всегда можно перейти вперед. Ты видел пехоту?

"Нет, но у кухонь говорили, что 104-я дивизия".

" Тоже номер. Чего их в голову поставили? Наверное они лучше других...

Через несколько минут закипела работа разведчиков и телефонистов. Тут были и лопаты, и доски, и котелки, и труба командира, телефонные станция и катушки с проводами.

Оставив двоих здесь дежурить, мы с командиром медленно пошли на батарею. Было темно, только далеко справа и влево взлетали белые осветительные ракеты и еще дальше, еле слышно, бухали орудийные выстрелы.

На батарее тихо. Как комар звенел телефонный зуммер. Проверяли линию. Все было готово так, как было всегда в батарее за три года войны. Было чувство, что сделано все что можно и на вид "революционная" батарея ничем не отличалась от "старой регулярной", хотя в батарее был комитет и председателем и членами из солдат. Они пока не мешали и то, что требовала боевая жизнь выполнялось как нужно.

Мы подошли к лесу, где стояли передки и где, покрытые ветками, были поставлены наши палатки.

"Да! Посмотрим, что из всей этой затеи выйдет?" заметил командир.

— Почему? Ведь патронов куча, — ответил я.

"Да. Но я этой пехоте не верю. У них нет офицеров. Все прапорщики, молодежь. У некоторых выборные командиры. Как при таких условиях наступать? Посмотри, что делалось у стрелков, у гренадер, что и говорить, — везде. А все потому, что все кто распоряжается в этой революции ни черта не понимают в военном деле. А этот военный эксперт, крикун Керенский, увидит сам, что натворил".

— Ну, а вдруг успех!

"Допустим, прорвем фронт и нужно будет итти вперед. Будут контратаки, обстрел, нужно будет подводить резервы: с тыла тащить на фронт. Никто не пойдет, ни одной маршевой роты, ни одного запасного батальона сюда не заманишь. Кто пойдет? Никто. Это от "земли и воли"? Никогда. И вот, все на офицеров смотрят. Мы, мол, должны вдохновить этот самый активный, патриотический дух и в то же время повсюду солдату твердят, что "Россия", "государство" — это отжившие понятия. За "свободу", за "революцию", за "интернационал". Только никто не может толком объяснить, почему этой пехоте нужно на пулеметы лезть за это".

Тысячи разговоров такого рода по всему бесконечно длинному фронту, от Риги до Румынии, происходили в эти дни. Сотни аргументов за и против, сотни, тысячи разных мнений, точек зрения, мыслей и предположений высказывалось при этом. Революционный романтический оптимизм сталкивался с безжалостной действительностью революции и такой же жестокой кровавой действительностью войны.

Около палаток, в которых вестовые уже расставили походные кровати для офицеров, стояла наша "собранская" повозка, в которой возились офицерские вещи и несложные атрибуты офицерского батарейного собрания. Когда до войны определялись точные регламенты, что и где должно возиться на походе, об офицерах думали мало. Никто не занимался вопросом, где и как будут спать и питаться офицеры. Даже вопрос питания из солдатскоог котла был неясен. Выходило, что, пожалуй, офицерам это и не полагалось. Указаний не было. Офицеры предоставлялись самим себе, почему всякая часть разрешала этот вопрос сама как могла.

В этот вечер, поев свой скромный обед, мы сидели за столом и тихо разговаривали.

"У них сегодня комитет заседал", сказал Сулима: "Мне взводный Зиновьев сказал. Хотят нашу собранскую повозку взять для кухни. Надо, мол, припасы возить, картошку, капусту...

—Да у них артельная повозка есть...

"Видно им мало и они говорили, что нашу собранскую надо взять. Будут командира просить".

Командир, до того не принимавший участия в разговоре, сказал: "Ну да, зря это. Ничего им не надо. Да я не дам разрешения".

— Дело не в повозке, — заметил я: — дело хуже. Это пахнет опять "революцией". Нечего говорить, нашли время сейчас этим заниматься!

"Посмотрим, что скажет этот комитет", сказал командир. "Ну, до завтра, господа. Завтра, чуть свет, нужно быть на местах. Спокойной ночи".

Мы разошлись по палаткам.

**
*

Лежу в палатке на походной кровати. Кажется, так бы и заснул мертвым сном после всей беготни. Но куда там — дума за думой. Завтра величайшее историческое сражение, надо думать о нем. Сражение — это простое, ясное дело — о нем не надо думать. Мои мысли о несчастной маленькой собранской повозке, которую от нас, офицеров, хотят забрать "товарищи", те самые, которые всецело зависят от нас же, офицеров. Вся их жизнь в наших руках. Малейшая оплошность и их существование кончится, как задутая свечка. А тут такое персональное оскорбление, удар по нашей приватной жизни, по нашим удобствам, по нашему примитивному комфорту. Наш командир новый, молодые офицеры только недавно приехали из училища, они все для батареи новые люди, я же, я — со Стрельны с ними, все время вместе. Нет, это оскорбление прямо против меня. Вот заслужил "революционный" подарок. Какая несправедливость. Из 150 коней батареи офицеры пользуются двумя, чтобы возить свои вещи, и этого нельзя, это раздражает. Нет слов моему возмущению. А я был так горд нашими канонирами.

Но вот уж утро. Острый сырой холодок охватывает свежим душем, когда выходишь из теплой палатки. Все покрыто росой, всюду висят кристальные капли, предвещая чудный летний день.

Кофе в ходу. Жестяные кружки, хлеб немного масла; как деликатес — банка с сгущенным консервированным молоком. Сидим, пьем...

"Эй, Копотов. Работает ли линия в дивизион? Кто дежурил на телефоне? Были ли приказания?"

"Никак нет, господин капитан, не было".

Ишь, щеголяет "революцией", так и режет по новому; думает ли он, что это очень важно — как меня титуловать? Что мне нужно старое "высокоблагородие"? Он ошибается. Вали по новому, если тебе это помогает, "господин, товарищ канонир"...

Едва кончили кофе, приехал ординарец из управления дивизиона. Срочно, секретно. Командир читает и дает мне.

Наконец-то, послезавтра в 10 утра... Подготовка — два дня. Наше дело — проволока перед 104-й дивизией, сопровождение и поддержка атаки.

Все побежали кто куда: командир на пункт пристреливаться, я и Моцарский — исследовать передовой пост и дополнить панораму, Сулима и Бутовский — на батарею.

Далеко за лесом, как гром, раскатываясь по долине, ударила первая пушка. По звуку шестидюймовка. Эх, если бы нам хорошую пехоту. Ну хоть бы такую, которая недели на две могла бы забыть "про революцию". Перед нами незнакомая пехота. Наши говорили с их офицерами. Неопытная молодежь. Они даже равнодушны к артиллерии. Где наши стрелки? Нам сказали, что гвардейскую пехоту держат для развития успеха.

Пока шли к горе, здесь и там раздавались выстрелы — батареи проверяли пристрелку.

Опять на этой облепленной наблюдателями горе. Смотрю в маленькую, как рожки газели, стереотрубу. Отмечаю на бумаге деления угломера от различных рубежей. Каждый заметный пункт пригорок, поворот бруствера и проч. отмечаются на панораме. Панорама в артиллерийской технике является чрезвычайно важным дело для артиллеристов. Она давала полную ориентировку командиру и наблюдателям. По ней можно было видеть все поле сражения, не смотря на него. На панораме отмечали номера целей. Пехота имела копии и номера. Артиллерия помогала по первому телефонному сигналу. Всю эту технику совершенствовали, обновляли, тренировались в ней. Все офицеры артиллеристы умели хорошо корректировать огонь. Даже при боковом наблюдении стреляли, достигая хороших результатов.

В батарейном журнале военных действий, который вел всегда отдельный офицер, панорамы за все протекшие годы войны были собраны — целая толстая книга, полная самого ценного исторического материала, хранилась при батарее: текст, карты, эскизы, фотографии о каждом бое, о каждом биваке. Все погибло в пожаре революции...

**
*

Все готово. Панорама в двух экземплярах. Телефоны на передовом пункте. Наблюдателю вырыли нишу в бруствере. Моцарский пошел к батальонному знакомиться. Солнце уже вышло из-за леса. Где-то далеко стреляют пушки. Впереди на фронте — ни звука ни выстрела. Телефонист докладывает, что командир просит меня к телефону. Слышу далеко голос командира: "Я сейчас попробую левым орудием, будь добр, посмотри. Прицел 54. Шрапнелью".

(Продолжение следует)

Бюст кн. А. Д. Меншикова

работы Растрелли

"Александр Данилович Меншиков, Светлейший Римского и Российского Государства Князь и Герцог Ижерский, Генералисим, Рейхе-Маршал и над войском командующий Генерал Фельдмаршал, Действительный Тайный Советник, Генерал Губернатор С. Петербургский, от флота Всероссийского Адмирал, Подполковник Преображенской Лейб-гвардии и Полковник над тремя полками; Капитан Компании Бомбардирской и орденов: Св. Апостола Андрея, Датского Слона, Польского Белого и Прусского Черного орлов и св. Александра Невского кавалер". (1673-1729).

Карло Бартоломео Растрелли (1640-1744), отец прославленного архитектора Имп. Елизаветы, приехал в С. Петербург в 1716 году по договору на три года, но остался там до смерти.

Он оставил после себя портретные бюсты разных лиц, статую Анны Иоанновны, памятник Петру и другие работы, которые позволяют судить об его замечательном таланте скульптора. Один только чудесный бюст Петра — по мнению многих самый верный портрет его — принес бы славу любому артисту. В нем Растрелли достиг предельного сходства и не только внешнего, но и внутреннего. Прекрасно лицо Великого Петра полное энергии, решительности, мужественности, величия, необыкновенной внутренней силы, а складки одежды, военные сцены на латах еще более усиливают общее впечатление жизненности, красоты и торжественности.

Но не менее верным портретом, не менее чудесным творением является, сделанный Растрелли вероятно в 1727 году, бронзовый бюст Меншикова, находившегося в это время в апогее своей славы. Строгое, властное, озабоченное лицо человека, знающего себе цену. Прекрасное оформление — пышный парик, ордена, латы с военными сценами на них — еще более усиливают общее впечатление жизненности этого бюста. Ценность его увеличивается еще тем, что он является единственным экземпляром (мраморное воспроизведение его, сделанное в 1840 году и находящееся в Гос. Русском Музее, мало удачно), находившимся всегда в частных руках, а потому мало известным (бюст Петра известен в нескольких экземплярах). Широкая публика могла любоваться им на замечательной выставке русского искусства, устроенной в Лондоне в 1935 году, когда он принадлежал, проживавшей в Париже, кн. Т. Гагариной. В настоящее время этот бюст является украшением собрания члена О-ва Рев. Рус. Воен. Старины М. А. Джанишиева, который любезно предоставил в распоряжение "В. П. Вестника" нужные фотографии и клишэ.